НАРОДЫ и КУЛЬТУРЫ

Чеченцы

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КОМПЛЕКСНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ им. Х.И. ИБРАГИМОВА

Отсканировано в январе 2016 года (Дзигло). E-mail: dziglo2013@yandex.ru

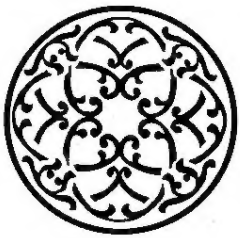
Серия
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»
Основана в 1992 году

Ответственные редакторы серии:
В. А. ТИШКОВ,
С. В. ЧЕШКО

МОСКВА
НАУКА
2012

Чеченцы

Ответственные редакторы:
Л. Т. СОЛОВЬЕВА, В. А. ТИШКОВ,
З. И. ХАСБУЛАТОВА



МОСКВА
НАУКА
2012

УДК 39
ББК 63.5
Ч57

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 12-01-16113

Ответственный секретарь серии «Народы и культуры»
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА,
доктор исторических наук Ш.А. ГАПУРОВ

Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И. Ибрагимова РАН. – М. : Наука, 2012. – 622 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038030-1(в пер.).

В монографии рассматриваются основные этапы этнической истории чеченцев, взаимосвязь этнополитических, этнодемографических и этнокультурных изменений на рубеже XX–XXI вв. Приводятся данные о развитии главных отраслей хозяйства – земледелия, скотоводства, кустарных промыслов и ремесел, охоты и рыболовства; описана материальная и духовная культура – жилище, пища, одежда, утварь, оружие, метрология, календарная обрядность, религиозные верования, фольклор. Представлены сведения о соционормативной сфере – семейный и общественный быт, этикетные нормы, социальные институты, о развитии науки, искусства, спорта.

Для историков, этнологов, культурологов и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-038030-1

© Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 2012
© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, иллюстрации, 2012
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2012

ВВЕДЕНИЕ

Представленная вниманию читателей коллективная монография посвящена рассмотрению исторического и этнокультурного развития чеченцев – самого многочисленного народа, проживающего на Северном Кавказе (1,431 млн чел. по переписи 2010 г.) и составляющего подавляющее большинство (более 90%) населения Чеченской Республики. Это один из древнейших автохтонных народов данного региона, культура и традиции которого формировались на протяжении многих столетий. Чеченцы также входят в первую десятку самых многочисленных народов России. Самоназвание чеченцев – «нохчий»; чеченский язык относится к нахской группе кавказской (иберийско-кавказской) языковой семьи, в которую, кроме чеченского, входят ингушский и бацбийский языки. Помимо Чечни, чеченцы проживают в других регионах России, также в Грузии, Дагестане, Казахстане, Киргизии, Турции, странах Европы, в США и т.д. Миграция чеченцев за пределы республики особенно усилилась в годы вооруженного конфликта в 1990-е годы, но в последние годы наблюдается некоторый возврат населения в результате успешной постконфликтной реконструкции экономики и социально-культурной жизни в республике.

Исследователи-кавказоведы (историки, этнографы, археологи, антропологи и др.) всегда проявляли глубокий интерес к богатому культурному наследию чеченского народа. Результатом этого стали многочисленные диссертационные исследования, монографии и статьи, посвященные изучению отдельных аспектов культуры и быта чеченцев. Тем не менее фундаментального обобщающего труда, посвященного всестороннему этнографическому изучению этого кавказского народа, пока не было создано. Первой попыткой подобного монографического описания можно считать посвященный чеченцам сравнительно небольшой по объему раздел «Чеченцы» в коллективной монографии «Народы Кавказа», созданной в 1960-е годы Институтом этнографии АН СССР, автором которого был сотрудник отдела Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне ИЭА РАН) Б.А. Калоев. Этот раздел создавался в тот период, когда чеченцы, так же как и другие депортированные в 1940-е годы народы Северного Кавказа – ингуши, балкарцы и карачаевцы – только начинали возвращаться из депортации в родные места. Б.А. Калоев и другие сотрудники отдела Кавказа (Н.Г. Волкова, Г.А. Сергеева и др.) в те нелегкие годы вели экспедиционную работу в чеченских селениях.

С того времени прошло более 50 лет, выросли новые поколения исследователей, изучающих историю и этнографию чеченцев, собраны новые обширные материалы, требующие своего осмысления. Сам чеченский народ перенес за последние десятилетия тяжелые испытания, произошли значительные изменения в его материальной и духовной культуре. Насущной

задачей научного сообщества стало создание нового обобщающего труда, где рассматривались бы основные аспекты этнокультурного развития чеченского народа.

Коллективная монография «Чеченцы» – очередной том серии «Народы и культуры», издаваемой Институтом этнологии и антропологии РАН. Каждая книга этой серии имеет свою собственную историю, и том «Чеченцы» не является исключением. Проект этого труда разрабатывался еще в конце 1980-х годов, когда была задумана вся монографическая серия «Народы и культуры». Тогда предполагалось издавать том «Вайнахи», посвященный этнической культуре двух народов – чеченцев и ингушей. События начала 1990-х годов и последовавший затем вооруженный конфликт прервали работу над этим томом, и, как тогда казалось, прервали надолго. Но энтузиазм научного сообщества не угасал и в те трагические годы. В связи с этим особо следует отметить роль в возрождении идеи создания тома «Чеченцы» известного чеченского ученого Ибрагима Юнусовича Алироева. Несмотря на все те трудности, которые были обусловлены длительным вооруженным конфликтом, И.Ю. Алироев начал формировать авторский коллектив, собирать иллюстративный и библиографический материал. Заведующий отделом Кавказа ИЭА РАН С.А. Арутюнов и дирекция ИЭА РАН поддержали эту инициативу, и работа над томом велась в течение нескольких лет. К созданию монографии были привлечены и маститые ученые, и представители нового поколения специалистов Чеченской Республики, а также ученые из Республики Ингушетия, из научных центров Москвы и Санкт-Петербурга.

Во многом данное издание является уникальным и знаменательным для российского кавказоведения и всего этнографического сообщества нашей страны. Впервые коллективными усилиями этнографов, историков, археологов, лингвистов, искусствоведов, культурологов, демографов, фольклористов, антропологов и других специалистов создан научный труд, где максимально полно отражены основные этапы этнической истории чеченского народа, исследованы демографические и этноязыковые процессы, представлена характеристика всех составляющих традиционно-бытовой культуры, а также современное состояние чеченского общества.

В основе коллективной монографии – результаты новейших исследований ученых, материалы, выявленные в архивах и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Грозного, Назрани и других городов, а также собранные этнографами полевые материалы, впервые вводимые в научный оборот. Данный труд снабжен фотографиями, выявленными в фототеках музеев и сделанными в ходе полевых экспедиций, а также профессиональными фотожурналистами. Большая часть этих фотографий публикуется впервые. Данное издание отражает те глубокие изменения, которые произошли в чеченском обществе в период конца XX – начала XXI в.

Издание коллективной монографии «Чеченцы» свидетельствует, что научное сообщество Чеченской Республики, преодолев огромные трудности, связанные с годами войны и послевоенными проблемами, продолжает развивать и укреплять научные традиции, что позволяет надеяться на новые успехи научных коллективов этой республики. Надеемся, что публикация данного труда будет очередным важным этапом в развитии гуманитарных наук на Северном Кавказе и российского кавказоведения в целом.

В монографии, как в исследовании историко-этнографическом по своему характеру, главное внимание уделяется наиболее важным составляющим традиционно-бытовой культуры народа – основным чертам хозяйственной деятельности, материальной культуры, соционормативной сферы, различным аспектам духовной культуры, как народной, так и профессиональной, и т.д. Рассматриваются и основные этапы этнической истории чеченского народа, начиная с древнейших этногенетических процессов. Социально-политическая история Средневековья, нового и новейшего времени представлена в книге не столь детально, как основные этнографические сюжеты.

Монография всесторонне освещает как идущие из глубокой древности традиции чеченского народа, так и те перемены, которые произошли и происходят в его традиционно-бытовой культуре в настоящее время. Надеемся, она будет интересна не только специалистам, занимающимся этой тематикой в силу профессиональных обязанностей, но и широкому кругу читателей. Подобная книга, конечно, будет важна в первую очередь для молодежи Чечни, для новых вступающих в жизнь поколений, которым предстоит осознать роль чеченского народа в российском сообществе, сформировать собственное самосознание и лучше ориентироваться как в жизненных перспективах, так и в дальнейшем развитии республики. Публикация данного капитального труда, основанного на объективной и разносторонней базе широкого круга источников, позволит российскому обществу ближе познакомиться с одним из интереснейших народов России и узнать много интересных и ценных сведений о Кавказе – уникальном регионе нашей Родины.

Создание монографии было бы невозможно без постоянного содействия со стороны правительства и Главы Чеченской Республики Р. Кадырова, активного участия научных учреждений России, предоставивших ценные иллюстративные материалы: Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), Национального музея Чеченской Республики (г. Грозный), Архивного управления Правительства Чеченской Республики (г. Грозный), частного музея А.С. Сатуева «Донди-Юрт» (г. Урус-Мартан), Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова (г. Назрань), Государственного музея изобразительных искусств (Республика Ингушетия, г. Карабулак) – многие экспонаты впервые публикуются в данном томе. Значительная часть иллюстраций была подготовлена К.С. Вахаевым – начальником отдела информации и связей с общественностью Департамента внешних связей Главы Правительства Чеченской Республики, а также предоставлена Информационно-аналитическим управлением Главы Правительства Чеченской Республики. Впервые публикуются материалы из личных архивов З.И. Хасбулатовой, Б.Б.-А. Абдулвахабовой, В.А. Тишкова, М.Я. Устиновой. Особую признательность хотелось бы выразить автору работ по культуре Чечни и фотохудожнику Л. Ильясову за те фотографии, которые он предоставил для нескольких разделов монографии.

Правильность написания терминов на чеченском языке, историческая топография и топонимика, современные названия населенных пунктов в Чечне проверены доктором филологических наук, профессором, зав. кафедрой литературы ЧГУ Х.В. Туркаевым.

Особую признательность выражаем рецензентам монографии – доктору исторических наук, профессору кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.Б. Заседателевой и доктору исторических наук, профессору, президенту Академии наук Чеченской Республики Ш.А. Гапурову.

Выражаем искреннюю благодарность сотрудникам Института этнологии и антропологии РАН – С.А. Арутюнову за ценные консультации при работе над текстом монографии; В.В. Степанову за помощь в составлении карт и подготовке картографического материала; М.Я. Устиновой за предоставление иллюстративного материала и помощь в составлении библиографии. Особую благодарность за большую организационную работу и подготовку текстов и иллюстративного материала выражаем сотрудникам ИЭА РАН Л.И. Миссоновой, Н.В. Павловой, Е.А. Юриной.

Подготовка тома «Чеченцы» осуществлялась в рамках проектов Российского гуманитарного научного фонда «Народы и культуры Кавказа» (№ 11-01-00275а) и «Чеченцы» (№ 11-01-00263а).

Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков

ГЛАВА 1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Чеченская Республика расположена в северо-восточной части Кавказа, на северном склоне Большого Кавказского хребта и в Предкавказье – Чеченская предгорная равнина и часть Терско-Кумской низменности. На западе Чеченская Республика граничит с Республикой Ингушетия, на северо-западе – с Республикой Северная Осетия – Алания, на севере – со Ставропольским краем и на востоке – с Дагестаном. Южная граница Чечни проходит по гребням высокогорных хребтов, отделяющих ее от Грузии, и является государственной границей Российской Федерации. С севера на юг Чеченская Республика простирается на 166,5 км, с запада на восток – более чем на 132,5 км.

Площадь Чеченской Республики составляет 15,6 тыс. кв. км. Граница между Чеченской и Ингушской Республиками в установленном порядке не демаркирована. Столица – город Грозный – основан в 1818 г. в качестве крепости. Население республики на 1.01.2012 г. 1 303 423 чел.

Расстояние от Грозного до Москвы по прямой – 2007 км. Территория Чеченской Республики отличается большим разнообразием – природно-климатическим и геолого-морфологическим. Расположенная в относительно низких широтах (42° 28′ – 44° 01′ северной широты и 44° 28′– 46° 40′ восточной долготы), Чеченская Республика получает за вегетационный период до 3800° солнечного тепла, что позволяет возделывать здесь такие теплолюбивые культуры, как виноград и рис. Почти половину территории республики занимают низменности и равнины с отметками над уровнем моря до 200 м, 20% площади занимают низкогорья и возвышенности – отметки до 1000 м, 18% – среднегорья – отметки до 2000 м и 12% – высокогорья – отметки выше 2000 м (*Лотиев, Сазонов*, 1979. С. 78).

Около 35% территории Чеченской Республики занимают горные хребты, межгорные долины и котловины, остальное – равнины, большей частью сильно пересеченные возвышенностями. Горы занимают всю южную часть республики полосой шириной 30–50 км. Горные хребты имеют ярко выраженное широтное направление: Лесистый (Черные горы), Пастбищный, Скалистый, Боковой, Водораздельный и др. Каждый из них имеет свои геолого-морфологические и ландшафтные особенности. Черные горы представляют собой моноклиналь, сложенную верхнемеловыми и кайнозойскими отложе-

Равнинные районы Чечни
Фото К.С. Вахаева, 2007 г.

ниями (мергелями, песчаниками, глинами). Горы расчленены глубокими речными долинами на отдельные массивы с высотами до 1000–1200 м над уровнем моря. Очертания гор мягкие, склоны поросли густыми буково-дубовыми лесами. Продолжительность вегетационного периода со среднесуточными температурами выше 10° примерно 170–180 дней с общей суммой температур 2500–3000°. Снежный покров 12–15 см, количество осадков за год – 600–700 мм (*Народецкая, Иванченков*, 1980. С. 270). Пастбищный хребет выше Черных гор и также изрезан долинами транзитных рек (Чанты-Аргун, Шаро-Аргун и др.). Отдельные вершины Пастбищного хребта имеют высоту порядка 2000 м. Здесь расположена значительная часть субальпийских лугов республики.

Продолжительность периода с температурами выше 10° – 170 дней, общая сумма положительных температур до 2500° в год. Снежный покров лежит с ноября по конец марта и достигает глубины 120–125 см. Годовая сумма атмосферных осадков – до 800 мм.

Скалистый хребет представляет собой куэсту, расчлененную поперечными речными долинами на отдельные короткие хребты и плато. Гребень имеет резкие очертания – остроконечные пики и скалы. Высота хребта достигает 3000 м. Сложены горы известняками и доломитами и имеют ярко выраженный асимметричный характер: северные склоны пологие, длинные, а южные круто обрываются к межгорным котловинам, образуя по всей длине эскарп высотой до 800–1000 м. Буково-грабовые, березовые леса, сравнительно редкие сосновые рощи покрывают склоны хребта до высоты 2000–2500 м. Дней с температурой выше 10° не более 100 в году. Безморозный

Предгорные селения Чечни
Фото К.С. Вахаева, 2007 г.

период менее 100 дней и длится до середины сентября. Снег лежит 150–200 дней, а годовая сумма атмосферных осадков – более 800 мм. Между Скалистым и Боковым хребтами и поперечными средневысотными водоразделами располагаются аридные котловины (Галанчожская, Макажойская, Итум-Калинская, Шаройская) и примыкающие к ним долины, также относящиеся к Североюрской депрессии. Склоны котловин выполнены глинами, глинистыми сланцами, песчаниками среднеюрского возраста, породами, легко поддающимися разрушению. Это обусловило сильную изрезанность, пестроту и неоднородность рельефа при общей мягкости очертаний. В условиях дождевой тени наветренные и подветренные склоны резко контрастируют в микроклиматическом плане: первые (склоны северной экспозиции) менее освещены, получают более обильное увлажнение, их растительный покров богаче; вторые (южной и восточной экспозиции) находятся в дождевой тени, засушливы, с избытком прогреваются.

Для климата межгорных котловин в целом характерны сухость воздуха, большое количество солнечных дней в году, малая облачность и незначительное количество дней с туманами и осадками. Почвы горно-степные, каштанового и черноземного типов, чередуются с лугово-степными и слаборазвитыми, трудно классифицируемыми почвами, наподобие светло-каштановых. Почвы в целом маломощны, слабо дифференцированы на горизонты, защебнены. Растительность степная и кустарниковая (фриганоидная и шибляковая).

Котловины и поперечные долины неплохо освоены в хозяйственном отношении. Боковой хребет состоит из отдельных массивов, высотой

более 4000 м над уровнем моря. Высшая точка хребта – гора Тебулос-Мта (4493 м) – высшая точка Чеченской Республики и всего Восточного Кавказа. Через хребет проходит множество перевалов разной степени проходимости. Водораздельный хребет включает Снеговой и Пирикительский хребты.

Северную часть республики (к северу от Черных гор) занимают равнины, разделенные антиклинальными грядами на ряд обособленных частей. С юга на север это: Чеченская предгорная наклонная равнина, Терская и Сунженская антиклинальные зоны, выраженные в рельефе Терским и Сунженским низкогорным хребтами, Терско-Кумская равнина. Чеченская равнина вытянута в широтном направлении и расчленена неглубокими, но хорошо разработанными долинами притоков реки Сунжи (Ассы, Фортанги, Шалажи, Гехи, Мартана, Аргуна). На севере ограничена Сунженским хребтом. Чеченская равнина – экономическое ядро Чеченской Республики, лучший для сельскохозяйственного использования район. Равнина сложена четвертичными водно-ледниковыми (галечники, глины) и современными отложениями Терека, Сунжи и их притоков. Высота колеблется от 100 до 300 м над уровнем моря. Климат теплый. Средняя температура июля +20–24°, января – –4°. За год выпадает 500–600 мм осадков. Почвы черноземные, на востоке – каштановые.

Сунженский хребет – это низкогорная гряда длиной около 150 км, расчлененная на целый ряд поднятий – Сунженский, Грозненский, Алдынский хребты с высотами до 650–700 м над уровнем моря. Севернее Сунженского хребта расположена такая же система Терского хребта. Их разделяет засушливая Алханчуртская долина. Терский хребет состоит из собственно Терского хребта, Али-Юртовской, Эльдаровской возвышенностей, хребтов Хаян-Корт, Брагунского и Гудермесского и достигает примерно таких же высот, как и Сунженский (500–700 м). Сложен теми же легкоразрушаемыми четвертичными суглинками и глинами миоцена и сармата.

Терско-Кумская равнина в пределах Чеченской Республики условно разделяется на Надтеречную (правобережную) и Затеречную (левобережную) части. Примерно три четверти равнины занимает Притеречный песчаный массив с резко выраженным всхолмленным рельефом: песчаные гряды высотой 5–20 м, шириной до 30–35 м, песчаные бугры и западины.

Почвенный покров представлен разновидностями каштановых, малогумусных почв, бедных илистой фракцией и с низкой емкостью поглощения. Почвы неустойчивые, подвержены сильной ветровой эрозии. Среднеянварская температура – –3–3,5°, июля – +24–25°, атмосферных осадков выпадает за год 250–350 мм. Безморозный период длится 195–200 дней. С апреля по октябрь в течение 85–90 дней – суховеи. Район богат пресными грунтовыми водами. Глубина залегания грунтовых вод 2–20 м. Встречаются небольшие озера. В целом преобладают полупустынные ландшафты. В долине Терека – степи.

Территория республики орошается реками Терек, Сунжа, Аргун, Асса, Аксай и их многочисленными притоками. Большинство рек в верхнем и среднем течении имеют горный характер со скоростью течения свыше 2–3 м/сек. Температура воды – 14–15°. Реки играют исключительную роль в орошении сельскохозяйственных земель. По территории Чеченской Республики проходит Наурско-Шелковская ветвь Терско-Кумского оросительного канала, ее протяженность – 168 км, пропускная способность – 27 кубометров

Общий вид с. Чанти
Шатоевский район
Фото К.С. Вахаева, 2010 г.

воды в секунду. От нее отходит бурунная ветвь для обводнения песчаных пастбищ. Для орошения Надтеречной равнины построен Надтеречный канал. Алханчуртская долина орошается каналом. По Чеченской равнине пролегли Асса-Сунженский, Самашкинский, Ханкальский, Брагунский и другие оросительные каналы.

Озера встречаются как на равнине, так и в горах. Число их сравнительно невелико, но они очень разнообразны по происхождению и водному режиму. Здесь существуют озера следующих типов: эоловые, пойменные, оползневые, запрудные, карстовые, тектонические и ледниковые. Озеро Кезеной-Ам, расположенное на высоте 1869 м над уровнем моря – самое крупное на Северном Кавказе. Все горные озера чрезвычайно живописны.

Общая площадь ледников 67 кв. км. Ледники питают реки Ассу, Аргун. Развиты ледники на Пирикительском и Снеговом хребтах, на южной границе Чечни, на гребне Бокового хребта и в районе горы Диклос-Мта.

Почвенный покров отличается большим разнообразием, однако основных типов почв четыре: каштановые, черноземные, горно-лесные бурые, горно-луговые. Кроме того, на севере встречаются песчаные почвы, подвижные пески, солонцы и солончаки.

Главное богатство недр Чеченской Республики – нефть, разведанные запасы которой оцениваются в 370 млн т. Запасы природного газа – 33 млрд куб. м. Нефти Чеченской Республики содержат небольшое количество вредных сернистых примесей, при наиболее высоком удельном весе светлых легких бензиновых фракций, выделяются самым высоким качеством

А. Асуханов. В Шарое. 2009 г.
Холст, масло
Фото С. Исраиловой

в стране. Большая часть месторождений расположена в пределах системы Терского хребта, однако нефтедобывающие скважины располагаются и на Сунженском хребте и на моноклинали Черных гор. Месторождения нефти имеются и в долине р. Фортанга.

В республике имеются большие запасы сырья для развития строительной индустрии. В горных районах сосредоточены огромные запасы цементных мергелей, известняков, доломитов, гипсов. Наиболее значительные запасы цементных мергелей разведаны в долине Чанты-Аргуна. На их базе, а также используя расположенные рядом залежи верхнемайкопских глин, действует восстановленный после войны Чир-Юртовский цементный завод. Месторождения известняков практически неисчерпаемы, причем встречаются известняки красивых расцветок. Они хорошо шлифуются и могут использоваться как облицовочный материал.

Месторождения гипса и ангидрита расположены между реками Гехи и Шаро-Аргун. Наиболее крупное месторождение находится севернее сел. Ушкалой. Гипсово-ангидридовая свита достигает здесь 195 м. Некоторые разновидности гипсов и ангидритов могут использоваться как поделочный камень для изготовления сувениров и художественных изделий.

Разведано в Чечне и несколько месторождений песчаников, наиболее крупные из них – Серноводское, Самашкинское, Чишкинское. Используются они для получения стенового и бутового камня. Здесь же встречаются и кварцевые пески, пригодные для стекольного производства. У сел. Малые Варанды имеются месторождения минеральных красок (охры), мумие. В горах известны также залежи поваренной и калийной солей. Разведанные месторождения каменного и бурого углей из-за невысокого качества и небольших запасов не разрабатывались.

Рудоносность республики изучена недостаточно. В горной части отмечено несколько месторождений меди, стронция и полиметаллов. В верхнем течении Шаро-Аргуна открыто сурьмяно-вольфрамовое месторождение с содержанием олова, тантала и ниобия. Интерес представляет и месторождение серы близ сел. Зоны. На Чеченской равнине имеются многочисленные месторождения кирпично-черепичных и гончарных глин, гравия, на Терско-Сунженской возвышенности – крупные месторождения строительных и стекольных песков, известняка-ракушечника, песчаников, кирпично-черепичных и отбеливающих глин.

В республике многочисленны минеральные источники (Серноводские, Чишкинские, Горячеводские, Исти-Суйские) различного состава и температуры, с широким диапазоном лечебных свойств. В перспективе это дает возможность не только восстановить популярный прежде курорт «Серноводск-Кавказский», но и создать дополнительно несколько курортов различного профиля. Большую ценность представляют также фонтанирующие термальные воды, залегающие на большой глубине. Они отчасти используются для теплофикации населенных пунктов и создания тепличных хозяйств.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ

Территория, заселенная в настоящее время вайнахскими народами, включая затеречные районы, остается в основном неизменной с древнейших времен. Но в периоды военных нашествий, при отражении вражеских нападений чеченцам приходилось оставлять на время северные затеречные и предгорные равнинные территории, уходить в горы, которые защищали жителей, помогали побеждать неприятеля. Именно с такими периодами связано изменение территории их расселения.

С конца XIV в. и в XV в. начинается обратное переселение чеченцев на равнинные земли, оставленные ими в период татаро-монгольского нашествия (*Хизриев*, 2003. С. 327). В XVIII в. этнические границы чеченцев простираются до правого берега Терека, где основывались все новые и новые селения, которые существуют здесь и сегодня. Заселяли побережье Терека переселенцы из предгорной Чеченской равнины – из Шали и Герменчука (Девкар-Эвла), из Гехи (селения Нижний и Верхний Наур), из горной Ичкерии – Нога-мирза Юрт и др. Левый берег Терека в тот период уже был заселен – напротив каждого чеченского села на правом берегу находилась казачья станица – здесь проходила Кавказская военная линия, которая в начале XIX в. была перенесена на р. Сунжу; в последующий период были

построены станицы Ермоловская, Закан-Юртовская, Михайловская (Серноводск), Ассиновская, Нестеровская.

Первая перепись населения в Чечне, как и во всей Терской области Российской империи, была проведена в 1886 г. В публикации о результатах этой переписи отмечается: «В переписных листах мужчин, кому за пятьдесят, не так уж много. Наверное, сказалась двадцатипятилетняя Кавказская война» (Первая перепись в Чечне, 2007).

В первой половине XX в., особенно в советский период, в связи с освоением нефтяных месторождений в республику, в основном в г. Грозный, из регионов страны переехало большое количество специалистов, ученых и рабочих – нефтяников и членов их семей.

Значительный приток населения на территорию республики происходил в 1929–1933 гг., когда, спасаясь от жестокого голода, сюда прибывали тысячи жителей южных и центральных областей России и Украины. Они нашли здесь гостеприимный приют и были спасены, стали постоянными жителями Чечни.

23 февраля 1944 г. чеченцы и ингуши были безосновательно и противозаконно переселены сталинским режимом в центральные и восточные районы Казахстана, в Среднюю Азию. Всего было депортировано 459,5 тыс. чеченцев и ингушей, включая проживавших в приграничных районах Дагестана и во Владикавказе (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 161). Антигуманное отношение в пути к местам высылки, режим спецпоселения до середины 1956 г. и суровые условия привели к гибели от голода и холода значительной доли населения. Процесс возвращения на родину чеченцев и ингушей продолжался в течение 1957–1972 гг. Всего из ссылки вернулось около 350 тыс. чеченцев и ингушей, и около 90 тыс. осталось проживать в Казахстане и Киргизии.

В период депортации (1944–1957) на территорию республики также было переселено много мигрантов из центральных районов страны, из Украины, других республик. По данным Всесоюзных переписей населения, в 1979 г. в СССР насчитывалось 756 тыс. чеченцев, в 1989 г. – 957 тыс., рост численности составил 26,6%. В 1989 г. в Чечено-Ингушетии проживало 734,5 тыс. чеченцев или 81,7%[1] их общей численности в стране (Численность и состав…, 1991. С. 3). Удельный вес чеченцев в общей численности населения республики составлял 52,9% в 1979 г. и 57,8% в 1989 г. Рост чеченского населения происходил в основном за счет высокой рождаемости.

По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Чечено-Ингушетии проживало 1270,4 тыс. человек, из них городское население составляло 44,3%, сельское – 58,7%. Преобладание сельского населения над городским, при том, что республика являлась одним из самых мощных индустриально-промышленных центров страны – характерная специфика, с которой связаны многие ее социально-экономические особенности.

По Всероссийской переписи населения 2002 г. население республики составило 1103,7 тыс. человек, 33,8% – городское и 66,2% – сельское (Итоги Всероссийской переписи…, 2005. С. 113). Перепись 2002 г. проводилась в республике по сокращенной программе, в течение двух дней, в связи с осо-

---

[1] В 1989 г. в РСФСР – 898 999 чеченцев, в Чечено-Ингушской АССР – 734 501 чеченцев (Национальный состав населения СССР…, 1991).

быми условиями. Видимо, с этим связано очевидное значительное завышение численности населения. Так, в течение 1990-х годов резкое ухудшение общественной обстановки, а затем и боевые действия вынудили выехать из республики примерно 300 тыс. русскоязычных жителей. В 1992 г. была образована Ингушская Республика (это 160 тыс. чел. с учетом выехавших из Грозного и других районов ингушей).

Кроме того, более 200 тысяч чеченцев также выехали в другие регионы Российской Федерации, в страны ближнего и дальнего зарубежья и к этому времени не вернулись на родину. К октябрю 2002 г. беженцы возвратились в основном из приграничных, соседних республик. Если учесть потери населения в ходе боевых действий в те же годы – более 100 тыс. чел. (*Магомадов, Решиев*, 2006. С. 503; *Юсупов*, 2007. С. 412–414), то численность населения республики, указанная в сборнике Комитета госстатистики Чеченской Республики – 815 тыс. в 2002 г., в том числе 230 тыс. чел. (28%) – городское население, наиболее достоверна (Чеченская Республика в цифрах, 2007. С. 28).

Снижение доли городского населения вызвано тем, что потери в ходе боевых действий преимущественно были среди городского населения и, кроме того, значительная часть горожан в тот период проживала в сельской местности в связи с утратой жилья в городах. По данным переписи 2010 г. сельское население Чечни составляет более 60%.

Плотность населения республики, если учитывать официальную численность – 81,0 чел./км, это в десять раз выше, чем в среднем по Российской Федерации (Численность населения Российской Федерации…, 2011. Табл. 2). По общей численности населения Чеченская Республика на втором месте среди республик Северного Кавказа после Дагестана (2931,3 тыс. чел.). Чеченцы – самый многочисленный народ среди национальностей республик Северного Кавказа. По данным Всероссийской переписи 2010 г. их численность в Чеченской Республике составила 1 206 551 чел., в Российской Федерации – 1,43 млн чел.

Чечено-Ингушская Республика в течение всего советского периода выделялась повышенным уровнем естественного прироста населения (табл. 1).

Так, в 1989 г. естественный прирост населения в Российской Федерации составил 5,3 промилле, тогда как в Чечено-Ингушской АССР – 16,1 (Численность и состав…, 1991. С. 3), т.е. в три раза выше. Основная причина была в том, что у сельских жителей ЧИАССР (58,7% населения) рождаемость и естественный прирост традиционно более высокие. К тому же в сельской местности в основном проживало чеченское и ингушское население. В 1989 г. коэффициент рождаемости у чеченцев составлял 32,6 промилле, у ингушей – 29,7, в то же время в Грозном, где преобладало русскоязычное население – 14 промилле. В 1990-е годы и в начале XXI в. в результате миграций, боевых действий, резкого ухудшения условий жизни повысилась заболеваемость и смертность населения, значительно уменьшился уровень рождаемости. Но уже в 2001 г. показатели естественного воспроизводства населения в Чеченской Республике возросли – особенно рождаемость, при относительно невысоком уровне смертности. Естественный прирост за короткое время после окончания боевых действий достиг показателей 1989 г. и даже превысил их. Это повышение естественного воспроизводства, «компенсаторный прирост» после больших потерь населения по тем или иным причинам. В данном

Таблица 1

Естественное движение населения в 1970–2009 гг. (промилле)*

Показатели	Годы				
	1970	1979	1989	2009	2009 к 1989 (в %)
Рождаемость	23,6	20,2	24,6	29,0	117,9
Смертность	6,3	6,2	8,5	5,2	61,1
Естественный прирост	17,3	14,0	16,5	22,8	138,2

* 1970–1989 гг. – данные по Чечено-Ингушской АССР.

случае – после больших потерь населения в ходе боевых действий, высокой смертности, отложенных браков и ограниченной рождаемости у брачных пар в этот период. По данным 2010 г. у чеченцев самая высокая в России доля женщин, родивших троих и более детей (42%).

Повышенные показатели естественного прироста при относительно низкой смертности в постконфликтный период отражаются и на возрастном составе населения. Для республики характерна высокая доля молодых возрастов. Так, доля детей (в возрасте до 18 лет включительно) в 2005 г. составила 39,7%, тогда как в Южном федеральном округе (ЮФО) – 19,2%, а в целом в Российской Федерации – 16,4% (рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). В Чеченской Республике самый молодой в стране средний (медианный) возраст населения – 22,7 лет, это почти на 12 лет моложе среднего возраста в ЮФО; в 2010 г. – 23,9 лет.

Крайне низок в республике удельный вес населения старше 55 лет – 8,9% (в ЮФО –20,9%, в РФ – 22,3%). По переписи 2010 г. доля старших возрастных групп составляла у чеченцев всего 7,9%. Повышенная смертность в период сложной социально-экономической ситуации 1990-х годов и боевых действий, видимо, в наибольшей мере сказалась на поколении, пережившем депортацию XX в. Перепись населения 2002 г. показала и значительное уменьшение численности населения в возрастах: 25–29, 30–34, 35–39 лет, особенно мужского (рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Очевидно, это объясняется потерями в военных действиях и тем, что за пределы республики выезжали жители в основном именно этих возрастов.

До начала 1990-х годов население Чечено-Ингушетии было многонациональным (табл. 2) – здесь проживали представители более 100 национальностей (в 1989 г. – 57,8% чеченцев, 12,9% ингушей, 23,1 % русских, армяне, ногайцы, кумыки, аварцы, татары, евреи и др.).

В результате ухудшения общественно-политической обстановки в 1990-е годы и боевых действий республика стала практически мононациональной, чеченцы составляют 95,27% состава населения (Итоги Всероссийской переписи…, 2012. Т. 4), хотя и сейчас здесь проживают представители более 30 народов, в том числе в ареалах и населенных пунктах компактного проживания – ногайцы, кумыки, аварцы. В связи с восстановлением и развитием республики начался процесс возвращения русских и представителей других национальностей, издавна проживавших на ее территории. Численность русских – 24,4 тыс. (1,93% населения).

Таблица 2

Этнический состав населения Чечено-Ингушской АССР в 1979–1989 гг.*

Национальности	Численность в 1989 г. (тыс. чел.)	1989 г. к 1979 г. (в %)	Удельный вес в общей численности населения в 1989 г.
Всего	1270,5	109,9	100
Чеченцы	734,5	120,1	57,8
Ингуши	163,8	121,5	12,9
Русские	293,8	87,4	23,1
Армяне	14,8	101,4	1,1
Украинцы	12,6	105,1	1,0
Кумыки	9,9	121,8	0,8
Ногайцы	6,9	113,0	0,5
Аварцы	6,3	126,3	0,5
Татары	5,1	93,7	0,4
Евреи	2,5	66,4	0,2
Другие	20,1	109,7	1,6

* Численность и состав коренных национальностей..., 1991.

В республике представлены народы, относящиеся к северо-кавказской языковой семье, которая подразделяется на две группы: *нахско-дагестанскую* – чеченцы, ингуши, аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы, и *абхазо-адыгскую* (адыгейцы, кабардинцы, черкесы, абазины, абхазы и др.); к алтайской языковой семье (кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы); к индоевропейской языковой семье (русские, украинцы, армяне, осетины и др.).

Массовые миграции населения из республики привели к тому, что расселение прежних ее жителей, особенно чеченцев, приобрело космополитический (повсеместный в мире) характер. В Российской Федерации это: Дагестан, Ингушетия, Москва, Ставропольский край, Ростовская, Тюменская, Волгоградская области, где проживает более 170 тыс. чеченцев. На постсоветском пространстве один из традиционных районов миграции чеченцев – Казахстан и Киргизия, где проживает до 100 тыс. чеченцев, а также Украина и прибалтийские страны. В дальнем зарубежье чеченские диаспоры многочисленны в Турции (до 40 тыс.), в Иордании (15 тыс.), в Сирии (6 тыс.). В последние годы чеченцы эмигрируют в Голландию, Германию, Францию, Австрию, Польшу, в Скандинавские страны, а также в США, Пакистан и Малайзию, где проживает от 50 до 70 тыс. чеченцев (*Устаев,* 2008. С. 148–149).

С 1990 г. в течение 10 лет число выезжающих из Чеченской Республики устойчиво превышало число въезжающих, причем в 2000 г. – максимально. Основную часть вынужденных переселенцев, затем возвращавшихся в республику, принимали у себя в периоды боевых действий Ингушетия и Дагестан.

Обратная тенденция – преобладание возвращающихся над выезжающими – сложилась с 2001 г. Общий миграционный оборот довольно велик. Так,

в 2003 г. прибыли в республику 11,3 тыс. человек, а выбыли – 9,9 тыс., но прибывали, в основном, из Ингушетии и других регионов Российской Федерации.

Ограниченность мест приложения труда, непростая социально-экономическая ситуация обусловили отрицательное миграционное сальдо в республике с 2004 г. в межрегиональном обмене. Так, численность прибывших в 2007 г. составила 3,7 тыс. чел., выбывших – 5,2 тыс., в 2008 г. соответственно 3,9 и 5,0 тыс. чел. (Общая характеристика…, 2008. С. 2).

На протяжении многовековой истории народы Чечни и Ингушетии неоднократно подвергались суровым испытаниям, отрицательно влиявшим, в первую очередь, на численность и воспроизводство населения. Особенно тяжелыми были более чем 50-летняя Кавказская война XIX в. (было потеряно три четверти населения) и последовавшее массовое переселение в 1865–1866 гг. чеченцев и ингушей (около 125 тыс. чел.) в Османскую империю.

Последующие социально-политические потрясения революции 1917 г., гражданской войны, массовых репрессий в годы становления советской власти, Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г., в которой участвовало более 25 тысяч жителей Чечено-Ингушетии, более половины из которых погибли – привели к большим потерям населения. В дополнение к этому – депортация чеченского и ингушского народа 1944–1957 гг. и военные действия середины 1990-х годов – начала XXI в., о последствиях которых было сказано выше.

Соотношение городского и сельского населения, городских и сельских населенных пунктов, количественные характеристики и тенденции их развития во многом отражают и определяют уровень социально-экономического развития региона. Динамика численности населения Чеченской Республики за период с 1917 г. представлена в таблице 3.

Характерно, что за период стабильного развития, после возвращения чеченцев и ингушей из районов депортации, т.е. в 1959–1989 гг. городское и сельское население увеличивалось одинаковыми темпами, и уровень урбанизации в течение 30 лет оставался неизменным, роста доли городского населения не происходило.

Возвращающиеся из районов Казахстана и Средней Азии чеченцы и ингуши расселялись почти исключительно в сельской местности, причем возвращение в горные районы, в места прежнего проживания, часто запрещалось. Проживание чеченцев и ингушей в Грозном с 1970-х до начала 1990-х годов было официально ограничено или неофициально затруднено. В результате Грозный – столица, город с наиболее многочисленным населением, оставался в основном русскоязычным.

В составе городского населения республики чеченцы составляли в 1989 г. 35,1%, а в том же году доля чеченцев в населении Грозного составляла 30,5%. Гипертрофированный рост практически единственного промышленного центра отрицательно сказывался на развитии экономики всей республики. Лишь единицы ранее сельских поселений были преобразованы в города (Аргун, Назрань) или в поселки городского типа – Новогрозненский (Ойсхар) и Горагорск – центры нефтедобычи, Чир-Юрт – центр производства

Таблица 3

Динамика численности населения в 1917–2010 гг. (тыс. чел.)*

Год переписи	Все население	В том числе		Удельный вес сельского населения, %
		городское	сельское	
1917	406,0	61,0	345,0	85,0
1926	529,0	102,0	427,0	80,7
1939	726,0	198,7	527,3	72,6
1959	710,4	293,7	416,7	58,7
1970	1064,5	444,1	620,4	58,3
1979	1153,5	490,8	662,7	57,5
1989	1270,5	528,9	746,6	58,8
2002	1103,7	373,2	730,5	66,2
2010	1269,0	443,5	825,5	66,1
1989 к 1979 (в %)	110,1	107,8	112,7	–
2002 к 1989 (в %)	86,9	70,6	97,8	–
2010 к 2002 (в %)	115,0	118,8	113,0	–

* Данные 1917 г. – по Грозненскому округу, 1926 г. – по Чеченской автономной области, 1939–1989 гг. – по Чечено-Ингушской АССР.

строительных материалов. Стал городом и Гудермес, еще в 1930-е годы известный как крупный железнодорожный узел.

В 1970–1980-е годы шел процесс формирования Грозненской городской агломерации, в которую входил город-спутник Аргун, куда выносились некоторые производства из столицы. В нее входило и большинство крупных районных центров и сел предгорно-равнинной части республики. В сферу влияния Грозного как центра агломерации крупные сельские населенные пункты включались большими ежедневными потоками на его предприятия неквалифицированной рабочей силы. Это были маятниковые миграции. Вечером, после окончания работы, все эти работники возвращались в свои села, которые выполняли функции «спальных районов» для Грозного. Причина в том, что в крупных и крупнейших (свыше 10–15 тыс. жителей) сельских населенных пунктах в течение всего советского периода не размещались промышленные, строительные, транспортные и другие несельскохозяйственные предприятия. Преобладающая часть населения республики весь этот период оставалась сельской.

Не получили должного индустриально-промышленного развития и роста (кроме столицы) и поселки городского типа. Ни один из них не превысил численности населения в 50 тыс. человек, все они оставались малыми городскими поселениями. Население Грозного от всего городского населения республики составляло в 1970 г. 77%, в 1979 г. 71%, в 1989 г. 77%. И только в результате разрушения на 80% жилого фонда в ходе боевых действий, в 2002 г. доля жителей столицы уменьшилась до 56% городского населения республики. Причем в 1990 г. решением руководства республики селения Урус-Мартан и Шали были преобразованы в города, не имея (за исключением численности населения) практически никакой градообразующей базы.

Города и поселки городского типа размещались и размещаются исключительно в предгорно-равнинной части республики, их нет в горной и в притеречно-низинной зонах. Между тем с 1979 по 1989 г. удельный вес сельского населения в республике даже увеличился, т.е. объективно происходил регресс в экономическом и социальном развитии.

Промышленное производство в сельской местности не развивалось, уровень безработицы возрастал, профессиональный и квалификационный уровень трудовых ресурсов оставался низким или – у большинства, после школы – отсутствовал. Социальная структура населения в сельской, преобладающей части республики, не развивалась.

По результатам переписи 2010 г. в Чеченской Республике насчитывалось 5 городов и 359 сельских населенных пунктов. Особенность сельского расселения – крупноселенность. В сельских поселениях с числом жителей более 1000 чел. проживает 93% сельского населения, а с числом жителей более 5 тыс. – 62,2%.

В условиях устойчивого преобладания в республике аграрного населения весьма важна его обеспеченность сельскохозяйственными землями, прежде всего – пахотными. При общей низкой обеспеченности пахотными землями всего населения республики – 0,29 га на одного жителя (в среднем в Российской Федерации – 0,89 га), или сельского населения – 0,47 га, в разных природно-экономических зонах этот показатель контрастно различается. Обеспеченность пашней сельского населения составляет: в горной природно-экономической зоне – 0,15 га; в предгорно-равнинной – 0,57 га; в притеречно-низинной – 0,35 га.

Крупные и крупнейшие сельские поселения в основном размещены в предгорно-равнинной части – на Чеченской равнине, наиболее благоприятной по природно-климатическим условиям, богатой плодородными почвами и реками, по берегам которых расположены селения.

По функциям абсолютное большинство крупных сел Чеченской равнины – сельскохозяйственные, с натуральным или частично товарным личным подсобным хозяйством и в меньшей мере – государственно-организованным сельским хозяйством. Все селения имеют функции центров сферы обслуживания населения, хотя и слабо развитой. Районные центры имеют более развитую сферу услуг, дополняемых услугами управления, транспортными и др. Центры переработки сельскохозяйственного сырья немногочисленны – Самашки, ст. Ассиновская, Валерик, пищекомбинаты в некоторых райцентрах. Есть также селения – железнодорожные станции, лесохозяйственные, рекреационно-курортные центры.

Южнее низкогорья и среднегорья горной природно-экономической зоны достаточно плотно заселены, в основном в восточной части (Веденский и Ножай-Юртовский районы). Наиболее крупные поселения здесь имеют, как правило, людность не более 2000 человек в сочетании с многочисленными средними по числу жителей и мелкими поселениями. Расположены они в речных долинах и межгорных котловинах с весьма ограниченными пахотными площадями, пастбищами и сенокосами. На возвращение прибывающих из районов депортации в свои села в центральной и западной части горных районов были установлены ограничения. Только последние 20 лет в горы начали возвращаться потомки тех, кто был выселен из многочисленных

аулов и хуторов в середине 1940-х годов. В высокогорьях, выше 2000 м, постоянных поселений почти нет, за исключением с. Кенхи (около 1,5 тыс. жителей) и небольшого с. Кири. Лишь в теплый период сезонного выпаса скота на альпийских горных лугах возникают многочисленные временные поселения животноводов.

Функционально постоянные населенные пункты горной части – сельскохозяйственные, с натуральным личным подсобном хозяйством, в основном животноводческим, в которых слабо развиты функции сферы услуг, здесь возрастает роль райцентров. Небольшое число поселений имеют функции центров лесного хозяйства, еще меньшее – деревообработки. Некоторые имеют рекреационные функции и перспективы развития санаторно-курортного хозяйства.

Цепочка крупных сел и станиц сформировалась и вдоль р. Терек, в притеречно-низинной зоне в условиях, благоприятных для жизни и интенсивной хозяйственной деятельности. К северу от Терека, на расстоянии до 15 км, где еще есть пахотные земли, расположены небольшие постоянные селения и хутора, а еще севернее – отдельно стоящие жилые точки вблизи кошар, где круглогодично выпасают стада овец на сухостепных и полупустынных пастбищах.

Села и станицы Притеречья – развитые агропромышленные центры интенсивного растениеводства и животноводства, во многих из которых размещены винзаводы и предприятия переработки животноводческого сырья. На левобережье Терека станицы одновременно выполняют и функции железнодорожных станций, в большинстве достаточно развита сфера услуг населению. У некоторых есть перспективы рекреационных центров.

Если посмотреть на карту республики, можно отчетливо определить две основные оси расселения, сформированные доминирующим водно-транспортным каркасом: а) *предгорно-равнинную* – вдоль р. Сунжа, автомобильной трассы Ростов – Баку и железнодорожной линии Назрань – Грозный – Гудермес – Махачкала; б) *притеречную* – вдоль р. Терек по обоим его берегам, автомобильной трассы и железнодорожной магистрали: Ищерская – Червленная – Узловая – Шелковская – Кизляр. На предгорно-равнинной оси расселения расположена большая часть городов и поселков городского типа республики.

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

В известной генеалогической классификации языков мира нахские языки, в число которых входит чеченский, включены в иберийско-кавказскую (кавказскую) семью языков, в которую входят также картвельские, абхазо-адыгские и дагестанские языки. По степени родства ближе остальных к чеченскому языку стоят дагестанские языки. До недавнего времени считавшееся бесспорным генеалогическое родство иберийско-кавказских языков вновь стало предметом научных дискуссий. Особенно это связано с выявлением внешних связей (и родства) иберийско-кавказских языков с другими в исторически отдаленном прошлом.

Одной из наиболее популярных среди историков и языковедов является версия внешнего родства иберийско-кавказских народов и языков, связывающая эти языки и народы с языками и народами древней Малой и Передней Азии, – единственная из всех, не отрицающая иберийско-кавказской языковой общности в прошлом. Эта концепция была выдвинута в свое время Ф. Ленорманом (в 1871 г.) и Э. Сейсом (в 1882 г.). И.А. Браун и Г.А. Климов одно время признавали, что есть достаточно убедительные факты в пользу возведения нахских и в целом восточнокавказских языков к языку урартскому (*Браун*, *Климов*, 1954. С. 50–52). Наиболее правдоподобно, видимо, родство урартского и нахских языков, а отсюда, поскольку «хурритский и урартский языки считались родственными» (*Чикобава*, 1965), то и хурритского и нахских. Об этом свидетельствует тот факт, что почти 50 урартских надписей из 400 обнаруженных «дешифрованы» на базе нахских языков.

Урартско-кавказские (хуррито-урарто-кавказские) параллели, как отмечают многие исследователи, встречаются чаще всего именно как *хуррито-урарто-кавказские,* и в этом варианте характеризуются (сравнительно с другими) большей правдоподобностью и убедительностью, хотя судить об их достоверности, по всей вероятности, преждевременно. Вероятно, есть действительно некоторые основания *предполагать*, что корни нахских языков восходят к урартскому языку, в свою очередь широко контактировавшему с другими древними языками Малой и Передней Азии – шумерским, хеттским, палайским, хурритским, эламским. Не все они находились в родственных отношениях между собой, но, тем не менее, тесно контактировали друг с другом, поскольку составляли круг самобытных языков народов, создавших одну из древнейших цивилизаций – государство Урарту – «задолго до вступления на историческую арену народов индоевропейских, семитических и алтайских» (*Чикобава*, 1952. С. 227).

Проблема в том, что все известные гипотезы в высокой степени импликационны из-за недостатка материала и возможности разночтений одних и тех же письменных памятников на базе тех или иных современных языков Кавказа. Если с *хеттским*, или *насийским/несийским* языком что-то проясняется и он, как и родственный ему палайский, скорее всего, является одним из древних индоевропейских языков (*Савченко*, 1974. С. 29–31), то с остальными, особенно с хурритским и хаттским (протохаттским) языками, никакой определенности и ясности нет до сих пор. От *хаттов*, или *протохеттов/протохаттов*, населявших в III–II тыс. до н.э. северо-восточную часть Малой Азии и в конце концов вытесненных оттуда пришлыми индоевропейскими племенами *хеттов*, осталось мало письменных памятников, причем эти памятники по большей части короткие и фрагментарные, не дающие отчетливого представления об основных чертах строя языка, о родстве с которым идет речь. И.М. Дьяконов, который ранее писал о хатто-адыгском языковом родстве, считает уже вполне доказанным родство хуррито-урартского языка с нахско-дагестанскими (*Дьяконов*, 1995. С. 9). Если подтвердится, что «хурритский и урартский не восходят наряду с гипотетическим протообщекавказским к некоему еще более отдаленному языку-основе, а что они произошли от более близкого предка, общего с одной определенной ветвью (или семьей) кавказских языков», т.е., видимо,

с нахско-дагестанскими, то это «поставит урартоведов и кавказоведов перед важными теоретическими выводами» (Там же. С. 53), а если точнее – приведет к отказу от концепции генетического родства иберийско-кавказских языков, все чаще оспариваемой, но не опровергнутой в современном языкознании.

Предположительное родство нахских языков с древними языками – языками хурритов и урартийцев – не означает, что мы имеем возможность проводить прямые лексические и грамматические параллели между первыми и вторыми. С одной стороны, знания по названным древним языкам довольно скудны и ограничиваются отдельными письменными памятниками (по большей части фрагментами таковых), не дающими четкого представления о всей системе древнего языка, о котором идет речь. При этом «расшифровано» по состоянию на сегодняшний день лишь десятая часть этого материала. С другой стороны, нахские языки не имеют собственных памятников письменности, которые можно было бы датировать временем ранее XVIII в., и поэтому нельзя не согласиться с тем, что «привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков» (*Чикобава*, 1952. С. 227). Иными словами, добытые таким способом, далеким от известных требований сравнительно-исторического метода, «доказательства» не могут быть приняты даже как основание для предположений. И тем не менее урарто-хуррито-нахское языковое родство продолжает отстаиваться исследователями до сих пор. В этой связи К.З. Чокаев отмечает, что вайнахские языки «в большей степени, чем любой другой язык Кавказа, близки к языку Урарту, а также к близкому к нему языку хурритов» (*Чокаев*, 1991. С. 11). Перекликаясь с позицией, которую в этом вопросе занимал А.С. Чикобава, точка зрения К.З. Чокаева импонирует отсутствием национального эгоизма, проявляющегося у некоторых авторов плохо скрываемым «оттиранием» других народов и языков от Урарту. На фоне «растаскивания» языка Урарту по «национальным квартирам», характерного для большинства исследований в этой области, особенно в последние 10–15 лет, подобная позиция, основанная на признании, что не только вайнахские, но и «другие коренные языки Кавказа близки к языку Урарту», представляется наиболее взвешенной.

Вместе с тем нам приходится учитывать тот факт, что языки, на которых говорили родственные иберийско-кавказским народам племена Урарту, и языки родственных им племен и народов доурартского и послеурартского периодов не сохранились, оставив после себя лишь фрагментарные письменные источники. Но именно эти последние дают определенные основания считать современные иберийско-кавказские языки отголосками урартско-хурритского языка.

Определение места чеченского языка в классификации языков, основанной на основных признаках их структуры, связано с трудностями, обусловленными недостаточной изученностью чеченского языка. Вместе с тем это в принципе возможно, так как сравнительно-типологические исследования в лингвистическом кавказоведении проводились всегда, хотя не в том объеме, который был необходим, и без должной системности, которая позволила бы не только установить некоторые внутригрупповые и межгрупповые сходства и различия, но и определить системные соотношения на всех уровнях

языка. Следовательно, результаты в этом направлении исследователями за последние десятилетия достигнуты. Сравнивая между собой различные языки, традиционно относимые к иберийско-кавказским, в синхронном плане в их современном состоянии, ученые выявили целый ряд своего рода типических универсалий – фонетических, грамматических и иных черт, которые являются общими для всех этих языков или, во всяком случае, для их большинства.

I. В фонетике к подобным универсалиям традиционно относят такой общий для всех иберийско-кавказских языков признак, как простота вокализма и сложность консонантизма в их фонетическом строе, при этом обычно имеют в виду признак, берущий свое начало в пракавказском языке-основе. Это признается как аксиома, хотя состав гласных и согласных звуков пракавказского языка-основы вряд ли можно считать выявленным до конца. Иллюстрируется же эта общекавказская «универсалия», как правило, ссылками на состав звуков современных иберийско-кавказских языков. При этом приходится признавать, что и количество, и качество звуков в этих языках неодинаковы даже в пределах одной группы, не говоря о результатах межгрупповых сравнений.

Сложность и своеобразие консонантизма в иберийско-кавказских языках в целом и в чеченском языке в частности объясняются главным образом наличием в них специфических согласных – в первую очередь здесь следует говорить об абруптивах *I, ъ, пI, тI, цI, чI, къ* (*къ* нет в адыгейском языке). Вероятно, только об этой общности как изоглоссной, охватывающей большинство иберийско-кавказских языков, и можно говорить, поскольку вокальные и консонантные системы по степени их простоты и сложности в этих языках достаточно сильно различаются.

II. В области морфологии общим признаком словоизменения (и отчасти словообразования) иберийско-кавказских языков, относимым к признакам архетипным, считают агглютинативность, причем речь идет о присоединении соответствующих аффиксов именно к неизменяемым основам и корням, как это свойственно, например, языкам тюркским. Однако вряд ли эти языки (во всяком случае, их большинство) являются или даже являлись в прошлом последовательно и исключительно агглютинативными. Наряду с выраженными признаками агглютинации, проявляющимися в разных иберийско-кавказских языках по-разному и в различной степени, в этих языках, например, в языках нахских, отчетливо проявляется флективная тенденция. Кроме того, агглютинации не свойственна внутренняя флексия, обычная для нахских и других иберийско-кавказских языков.

Более убедительной морфологической изоглоссой считается наличие в большинстве (но не во всех) иберийско-кавказских языков категории грамматических классов. Однако следует учитывать, что классы отсутствуют в адыгейском, кабардино-черкесском, убыхском языках (т.е. вся адыгская подгруппа абхазско-адыгских языков), их нет ни в одном из картвельских языков, а в тех языках, где классы есть, они в своем количестве и в своих проявлениях ведут себя по-разному. Ссылки на «былое наличие» классов в картвельских и других языках для структурной типологии не представляют особой ценности, поскольку, во-первых, они основываются на данных синхронного сравнения, во-вторых, для структурной типологии состояние языка в отдаленном истори-

ческом прошлом не всегда имеет решающее значение. Соглашаясь с мнением о глубокой древности префиксального – классного – типа спряжения глагола, с тем, что следы классного спряжения могут быть обнаружены в языках с личным спряжением, грамматические классы можно отнести к общекавказскому морфологическому типу в историко-сравнительном плане и к нахско-дагестанскому морфологическому типу – в плане синхронно-типологическом.

Морфологическим признаком большинства иберийско-кавказских языков считается также наличие эргатива и отсутствие аккузатива в именном склонении. Действительно, в целом падежные системы иберийско-кавказских языков в этом отношении однотипны и характеризуются многочисленностью падежных форм. Вместе с тем, несмотря на наличие эргатива, иберийско-кавказские языки характеризуются достаточно существенными различиями в системе склонения имен.

С другой стороны, сами функции падежей не одинаковы в иберийско-кавказских языках. Так, в чеченском языке именительный падеж не может быть субъектом переходного глагола, в грузинском же языке это субъект переходного глагола в I серии времен.

III. В области синтаксиса объединяющим признаком для иберийско-кавказских языков являются эргативный строй и обусловленный им словопорядок SOV, хотя здесь достаточно много различий.

Типологам еще предстоит хорошо потрудиться, чтобы определить действительно общие для этих языков признаки, которые позволили бы объединить их не только в один морфологический тип, определяемый характером словоизменения и – частично – словообразования, но и в структурный тип в настолько широком понимании этого термина, какой окажется возможным в результате установления соответствий на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Степень изученности иберийско-кавказских языков и достигнутый уровень их сравнительно-типологического исследования позволяют выделить их в структурной классификации языков мира как соответствующие следующим типам: 1) с точки зрения особенностей звукового состава – смычно-гортанный и/или абруптивный тип; 2) с точки зрения характерных признаков словоизменения – агглютинативный тип с выраженной в большей степени, чем умеренная, флективной тенденцией; 3) по признаку характера спряжения глагола, видимо, можно говорить (применительно ко *всем* иберийско-кавказским языкам) о смешанном классно-личном типе; 4) с точки зрения характера именного словоизменения (склонения) – многопадежный тип; 5) в синтаксическом отношении иберийско-кавказские языки относят к эргативному типу; 6) их принадлежность к словопорядковому типу SOV.

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

К сожалению, чеченский язык с достаточными на то основаниями причислен к бесписьменным до начала XX в. и младописьменным с этого времени языкам, но это не значит, что чеченский или какие-либо другие языки в своем отдаленном историческом прошлом вовсе не имели письменной культуры или не пользовались системами письма, заимствованными

у других народов. То, что на территории нынешнего расселения чеченцев и ингушей есть следы первоначального неслогового письма, не должно вызывать сомнений. Так называемое «предметное письмо», а затем «рисуночное», с которого, видимо, начиналась история письма всех народов и которым, как ни странно, пользуются даже сейчас (вывесив, скажем, изображение сапога на дверях или окне, стене сапожной мастерской, обувного магазина), не могло не существовать и у предков современных нахов. Найденные на территории Чечни и Ингушетии рисунки, орнаменты и знаки на памятниках, могильниках и башнях, являющиеся элементами идеографического и пиктографического письма в его зачаточном состоянии, не оставляют в этом сомнений. Вместе с тем, хотя «есть основание утверждать, что на территории Чечено-Ингушетии с древнейших времен имелась письменность», «вопросом изучения следов этой древней письменности никто не занимается» (*Чентиева,* 1958. С. 9). Особого продвижения в исследовании этого вопроса нет до сих пор, если не придавать серьезного значения целому ряду книг и статей паралингвистов, появившихся за последние два с лишним десятилетия. Что касается самих «следов древней письменности», если иметь в виду именно *письменность*, речь идет не о «множестве рисунков, орнаментов и знаков», которые были найдены на памятниках, могильниках и башнях, а о различных надписях на стенах храмов и башен, которые, к сожалению, остались неизученными. В основном это «надписи грузинскими буквами», относящиеся к VIII–IX вв. н.э., которые могут свидетельствовать о том, что в означенный период у чеченцев и ингушей существовало «фонографическое письмо» на грузинской основе, утерянное, видимо, вследствие ослабления грузинского царства под давлением персов и тюрок и, как результата этого, утраты значения христианских храмов в Чечне и Ингушетии. Ввиду неизученности соответствующих памятников точная временная локализация этой древней письменности чеченцев и ингушей невозможна: мы можем только предполагать, что предки чеченцев и ингушей могли продолжать пользоваться таким письмом до XVII–XVIII вв., хотя все обнаруженные надписи относятся к периоду не позднее IX в. Наличие у чеченцев древней письменности на грузинской основе, таким образом, остается основанным на неизученных археологических и иных памятниках материальной культуры предположением, заслуживающим, впрочем, внимания и тщательного изучения. С другой стороны, доподлинно известно, что с XVIII в. у чеченцев не было никакой письменности. Имея в виду духовную культуру чеченцев по ее состоянию на XVII в., Ш.Б. Ахмадов в своей работе по этому вопросу отмечает: «Чеченцы в рассматриваемое время не имели своей письменности, которая могла бы способствовать их языковой и этнической консолидации. Поэтому для внешних дипломатических сношений они прибегали к письменным языкам своих соседей. Известно, что в отдельных обществах горной Чечни (особенно в западной части) в XVI–XVII вв. бытовала грузинская письменность. В то же время документальные источники убедительно доказывают, что в XVI–XVII вв. в дипломатических сношениях с Москвой чеченцы использовали русский язык и русскую письменность при помощи русских и местных толмачей (переводчиков) и писцов». Далее автор пишет: «Кроме того, архивные материалы XVIII в. свидетельствуют, что дипломатическая переписка чеченцев с Россией осуществлялась параллельно на арабском и кумыкском языках

посредством арабской графики» (*Ахмадов*, 2006. С. 101). Первые попытки ее создания относятся ко второй половине XIX в.

Графической основой, которую по примеру соседей-дагестанцев чеченские алимы попытались приспособить к чеченскому языку, стал проникший в конце XVI в. в Чечню вместе с распространением ислама арабский алфавит. К XIX в. арабский язык и арабоязычная религиозная литература получили широкое распространение на всем Северо-Восточном Кавказе, а в Дагестане один из наибов Шамиля Лачинилау создал алфавит на основе арабского, которым пытались пользоваться и за пределами Дагестана, в частности в Чечне. В этом алфавите было всего 29 букв и, конечно, его было недостаточно для передачи сложного звукового состава кавказских языков. Продолжение попыток создания на основе арабской графики письменности для народов Дагестана и Чечни (эта система письма на арабской основе с добавлением некоторых знаков или вообще приспособленная для передачи звуков кавказских языков получила название *аджам*) сдерживалось неодобрительным отношением к этому имама Шамиля, который «не восставал открыто против этих попыток распространения туземной грамотности, но и не симпатизировал им» (*Услар*, 1888. С. 40). При таких условиях «письменное общение, вся официальная и частная переписка в той части Чечни, которая была подчинена Шамилю, шла на арабском языке, а в той ее части, которая входила в состав России, официальная переписка шла на русском языке, а частная и на русском и на арабском языках», но собственной письменности ни у чеченцев и ингушей, ни у дагестанцев не было, и «даже некоторые муллы почувствовали, что народ нуждается в письме на родном языке» (*Чентиева*, 1958. С. 41). В результате в конце XIX – начале XX в. появляется первый чеченский алфавит на арабской основе, включавший в себя 31 букву. Используя различные диакритические знаки, создатели этого алфавита добились возможности передачи многих специфических звуков, но остались не обозначенными целый ряд фонем. Так, смычно-гортанные (*nI, mI, цI* и др.), дифтонги остались в этом алфавите не обозначенными: в арабском алфавите соответствующих им букв нет вообще, а «введение специальных букв для обозначения перечисленных звуков казалось муллам слишком радикальным» (Там же. С. 44). Пользоваться такой письменностью, которая заставляла писать *ца, чурам, пераска* вместо *цIа, чIурам, пIераска,* было и трудно, и неразумно, поэтому отдельные чеченские муллы последовали примеру реформаторов арабского алфавита (азербайджанских, персидских и др.). Известный и за пределами Чечни чеченский арабист и мусульманский богослов Сугаип Гайсумов в 1910 г. в Темир-Хан-Шуре выпускает ряд книг на основе реформированного им арабского алфавита из 35 букв, считающегося наилучшим из созданных к тому времени аджамов. Здесь уже обозначены смычно-гортанные, нашлись буквы для *цI, чI, къ,* однако этот алфавит был крайне не приспособлен для передачи многообразных гласных звуков чеченского языка: в нем не было, например, знаков для обозначения *аь, оь, уь,* и тем более не было знаков, обозначающих дифтонги. Этот алфавит, несколько переработанный позднее А. Тучаевым и Т. Эльдархановым, использовался до 1920 г. Изменение в него было внесено в 1920 г. А. Тучаевым и Т. Эльдархановым, выпустившими букварь чеченского языка, в котором алфавит С. Гайсумова был дополнен двумя буквами для обозначения соответственно смычно-гортанных *ҫ* и *ҫ̌* и

были исключены из алфавита ص «сод» и ض «дзод», так как в чеченском языке таких звуков нет. Практически уже принятый чеченцами арабский алфавит был подвергнут реформе в 1922 г. Шахабом Сугаиповым, в алфавите которого было 39 букв. На основе этого алфавита были созданы букварь, книга для чтения, задачник и учебник географии, использовавшиеся прежде всего самим Шахабом Сугаиповым и его учениками в своей учительской практике. Этот алфавит был уже ближе к фонетическому строю чеченского языка, но и он просуществовал только до 1925 г., причем причиной отказа от него было не столько качество самого алфавита, сколько стремление властей «унифицировать» алфавиты, легшие в основу письменности большинства народов многонациональной страны, не имевших своей письменности.

Практически параллельно с попытками создания чеченской письменности на арабской основе во второй половине XIX в. была начата работа по созданию письменности для чеченцев на базе кириллицы. Вначале ученые – этнографы, языковеды, историки просто записывали чеченские фольклорные и иные тексты русскими буквами, но затем, с возрастанием интереса к языку, истории, этнографии и культуре чеченцев, осознавалась необходимость приспособить знаки кириллицы к передаче элементов сложного фонетического строя чеченского и других кавказских языков. Выдающуюся роль в исследовании чеченского языка и в инициировании создания для него письменности сыграл П.К. Услар. В написанном еще в 1862 г., но опубликованном в завершенном виде только в 1888 г. капитальном труде, посвященном чеченскому языку, он писал: «Чеченский письменный язык должен еще выработаться, но он будет общим для всех чеченцев» (*Услар*, 1888. С. 2). Приступая к работе над книгой «Чеченский язык», П.К. Услар в первую очередь создает алфавит из 37 букв, в который, кроме кириллических знаков, вошли также три латинские буквы – *h, j, q* (в современном чеченском алфавите – *хь, й, къ*). Кроме того, П.К. Услар взял из грузинского языка два знака для обозначения смычно-гортанных *ҫ* и *ҫ̌*. «Двойных букв» у П.К. Услара в алфавите не было: для передачи гортанных и других специфических звуков он использовал те или иные дополнительные знаки при букве (напр., для передачи *ɲ* использовался знак *ŋ* – преобразованный *n*). Пользуясь этим алфавитом, один из учеников П.К. Услара, Кеди Досов, в том же 1862 г. в Тифлисе издает чеченский букварь (*Досов*, 1862), а его учитель, в свою очередь, используя этот букварь, создает в крепости Грозной школу для муталимов-арабистов, где обучает их созданной им чеченской грамоте.

Ни школы изучения чеченской грамоты, ни сама эта грамота не имели и не могли иметь широкого распространения, так как национальная и языковая политика на Кавказе не преследовала цели просвещения населявших его народов, и усилия таких увлеченных делом просвещения горцев ученых, как П.К. Услар, реальной поддержки со стороны государства и его органов не получали. Конечно, с этим не могли мириться просвещенные представители самого чеченского народа, и уже в начале XX в. предпринимаются энергичные попытки активизировать просветительскую работу среди чеченцев и, в частности, создать и утвердить письменность для их языка. В 1908 г. выдающийся чеченский общественный деятель и просветитель Таштемир Эльдарханов составляет на основе частично реформированного им алфавита П.К. Услара чеченскую азбуку (*Эльдарханов*, 1911), которая использовалась

в немногочисленных школах, имевшихся в Чечне в это время. Однако и эти усилия Т. Эльдарханова и др. не приводили к широкому распространению грамотности и собственной письменности среди чеченцев, поскольку отсутствовала необходимая база – прежде всего широкая сеть образовательных учреждений, которая возможна только в случае реализации государственных решений в этой сфере; составляемые алфавиты использовались энтузиастами, в школах начальной ступени, в основном в религиозных (медресе), их апробация особых последствий не имела.

После укрепления советского государства начинается процесс форсированного создания письменности для бесписьменных народов страны. Особенно активно эта работа велась среди народов Северного Кавказа, в частности чеченцев и ингушей. До 1925 г., как отмечалось, в Чечне использовалась арабская графика (алфавит Ш. Сугаипова), но уже с 1922–1923 гг. была начата кампания по унификации письменности народов Северного Кавказа в сторону отказа от арабской графики и перехода на латиницу. Этот вопрос обсуждался на целом ряде конференций по вопросам культуры и просвещения горцев, и в 1925 г. была принята резолюция Оргбюро ВКП (б) Чеченской автономной области, в которой «устанавливается в качестве графической основы чечено-ингушского языка латинский алфавит». К этому времени ингуши уже имели письменность на основе латиницы, принятую в 1922 г. (алфавит был составлен З.К. Мальсаговым), и поскольку, как отмечалось, «в языковом, социально-экономическом, бытовом, историческом отношениях ингуши и чеченцы представляют так много сходства, что справедливее было бы говорить о них как о едином народе», решено было перевести на латинскую графическую основу и чеченский язык. Латинизированный алфавит для чеченского языка был составлен в 1925 г. Х.Д. Ошаевым. Расхождения между чеченским алфавитом Х.Д. Ошаева и ингушским алфавитом З.К. Мальсагова не позволили достичь цели – унификации чеченского и ингушского алфавитов, поэтому в 1928 г. принимается (на специальной конференции во Владикавказе по унификации чеченского и ингушского алфавитов) проект унифицированного «вейнахского», или «нахского», алфавита, разработанный З.К. Мальсаговым и Н.Ф. Яковлевым, позволивший максимально сблизить чеченскую и ингушскую письменность, но не приведший к полной унификации даже после объединения в 1934 г. в одну автономную область Чечни и Ингушетии.

Кампания по унификации письменности для народов Северного Кавказа и других регионов фактически с самого начала была направлена на то, чтобы привести эти народы к принятию кириллической основы графики, а латиница была использована как промежуточный, переходный вариант, с тем, чтобы избежать возможной негативной реакции населения этих регионов на проводимую политику, которая многими не без оснований воспринималась как ассимиляторская. Дело не в самих возможностях применения латинской основы и в ее удобстве, а в политике, проводившейся с учетом иных факторов, ставившей цель не допустить этнической и национально-языковой «пестроты» населения создаваемого тоталитарного государства. В полном объеме реализовать эту ассимиляторскую политику не удалось, но в отношении «младописьменных» народов она была успешно реализована.

В 1930-е годы «осуществлялась подлинная унификация алфавитов в более широких масштабах, чем при латинизации» (*Чентиева*, 1958. С. 74),

результатом чего явилось, в частности принятие в 1938 г. действующих сейчас чеченского и ингушского алфавитов, разработанных под непосредственным руководством и при активном участии проф. Н.Ф. Яковлева.

Принятый тогда чеченский алфавит, не претерпевший с того времени изменений, включает в себя 48 буквенных обозначений (табл. 4).

Таблица 4

Действующий алфавит на кириллической (русской) графической основе

БУКВА		ЗВУК (в латинской транскрипции)
прописная	строчная	
А	а	ā; ă; â
Б	б	b
В	в	v
Г	г	g
Д	д	d
Е	е	je; jē; e; ē; jie; jiē; ie; iē
Ж	ж	ž ;dž
З	з	z ;dz
И	и	i; ī (в заимствованных словах; долгота i в собственно чеченских словах обозначается обычно употреблением й после и)
К	к	k
Л	л	l
М	м	m
Н	н	n
О	о	o; ō
П	п	p
Р	р	r
С	с	s
Т	т	t
У	у	u; ū
Ф	ф	f в заимствованных словах; произносится в разных позициях как f, p, x

БУКВА		ЗВУК (в латинской транскрипции)
прописная	строчная	
Х	х	x
Ч	ч	č
Ш	ш	š
Щ	щ	произносится как (šʼ) или (š) в заимствованных словах
	ъ	(ʼ) и разделительный знак; используется также в букве къ
	ы	только в заимствованных словах; произносится как ы или и
	ь	разделительный знак: используется также в буквах хь, аь, оь, уь, юь, яь
Э	э	(e) и (ē) с твердым приступом
Ю	ю	ju; jū
Я	я	ja; jā
I	I	(ʻ)
XI	xI	h
ГI	гI	γ
КI	кI	ķ
ПI	пI	ṗ
ТI	тI	ṭ
ЦI	цI	ç
ЧI	чI	č̣
Кх	кх	q

Таблица 4 (окончание)

БУКВА		ЗВУК (в латинской транскрипции)
прописная	строчная	
Къ	къ	ӏ
Хь	хь	ӈ
Аь	аь	ä; ää (в словоформах типа aӈmadaɣäärga
Оь	оь	ö; uöö
Уь	уь	ü; ӱ
	ё	jo в заимствованных словах
Й	й	j
Юь	юь	jü
Яь	яь	jä

Эта графика вряд ли может считаться совершенной. Речь идет не о выборе между латиницей и кириллицей – проблеме, активно обсуждавшейся на протяжении 1990-х годов не только в Чечне. Несовершенство данной графики в том, что в ней, с одной стороны, есть буквы, чуждые фонетическому строю чеченского языка и встречающиеся только в заимствованных из русского или через русский из других языков словах (*ф, ы, щ, ё*), с другой стороны, она создает неудобства для носителей языка наличием большого количества «двойных букв», отсутствием специальных знаков или соответствующих букв для обозначения долгих гласных. Видимо, нет необходимости в буквах *я, ю, яь, юь,* употребляемых в чеченских словах в начале слов и обозначающих *ja; jā; ju; jū; jü; jä*. Использование таких букв, в частности, противоречит одной из основных особенностей слогоделения чеченского языка: в чеченском языке не может быть слога, состоящего из одного звука (гласного): даже в тех случаях, где мы пишем в начале слова гласную букву, перед гласным реально стоит согласный – *ʼ* или *j* (*ала – ʼāla* «сказать», *олу – ōlu* «говорит», *эли – ʼēli* «сказал», *ихна – іхпа* «ходил», *эцна – ʼiecnajala.* Существенным недостатком данного алфавита является и неопределенность (синкретичность) знака *I*, используемого фактически для обозначения двух звуков (*ʻ* и *ω*) и для обозначения абруптивности (*кI, тI, пI, цI, чI*), глухого придыхательного спиранта *хI*, а также звонкого спиранта *гI*. С «четырехфункциональным» знаком сами чеченцы свыклись, однако он неудобен для начинающих осваивать чеченскую письменность. Определенные проблемы с чтением текста на чеченском языке связаны с отсутствием специальных букв для долгих гласных или знака обозначения долготы. В остальных случаях, связанных с проблемой совершенствования чеченской письменности, обсуждаемые и сейчас вопросы относятся к сфере орфографии: отражение на письме дифтонгов, например, не требует введения каких-то новых букв, достаточно использовать имеющиеся (*ие, уо* и т.д.).

Последняя попытка изменения графической основы чеченской письменности относится к 1900-м годам – «революционному» периоду в истории чеченского народа, когда до основания разрушалось все, что с таким трудом создавалось десятилетиями, и не особенно при этом церемонились с тем, что принято считать достижениями и традициями. Этот разрушительный «энтузиазм» прошелся и по культуре, в том числе культуре языковой. Не прошедший необходимой экспертизы, не получивший одобрения коллег

(но вызывавший решительные возражения, и не только с их стороны) новый проект чеченского алфавита на латинской графической основе был предложен К.З. Чокаевым и З.Х. Хамидовой. Несмотря на предупреждения известных специалистов-языковедов (Ю.Д. Дешериев, А.Д. Тимаев, А.И. Халидов, М.Р. Овхадов и др.) о возможных негативных для чеченской культуры последствиях поспешного и непродуманного перевода письменности на латинизированную графику, «новый алфавит» был утвержден постановлением Парламента Чеченской Республики от 02.11.1991 г. «О возврате чеченскому народу латинской графики». Это был алфавит из 32 букв с использованием множества диакритических знаков, т.е. фактически число букв было значительно больше: так, для *цI, чI, гI, кI, пI, къ, тI, хI* предлагалось ставить точку над первым знаком (и соответственно исключить второй знак – *I*), но это уже новые буквы, и крайне неудобные для пользователей.

Для использования такого алфавита требовались особая полиграфическая база и оргтехника, их начертание требовало определенных навыков из-за их сложности, кроме того, одним и тем же знаком (точкой) обозначались фактически разные артикуляционные свойства обозначаемых фонем. При этом почти невозможна была скоропись: в этом случае многие «буквы» данного алфавита сливались, чтение текста крайне затруднялось. Попытки перевода письменности на «оригинальный алфавит» носили, скорее всего, демонстративный характер, диктовались желанием «отказа от всего российского», в итоге функции нового алфавита ограничились изготовлением вывесок и фирменных бланков в государственных учреждениях, бланков школьных аттестатов и дипломов профессиональных учебных заведений, прочитать которые мог далеко не каждый.

Реального перевода письменности на латиницу не произошло – и из-за чрезмерной политизации идеи, и из-за непрофессионализма тех, кто ее реализовывал, или пренебрежения к основным принципам и требованиям графики со стороны отдельных специалистов-языковедов, увлекшихся околонаучной деятельностью. Главная же причина в том, что латинизация была невозможна в силу ограниченности возможностей самого латинского алфавита в обозначении сложной системы фонем чеченского языка, в котором фонем в три раза больше, чем в латинском алфавите букв и в латинской фонетической (фонологической) системе фонем и звуков.

Отрицательное отношение к попыткам латинизации чеченской письменности не означает, что у нас нет проблем с кириллицей, использованной в качестве основы чеченской графики, – как в части графики, так и в части орфографии. Такие проблемы есть, в основном они известны, но по разным причинам не решены до сих пор.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Основой, предпосылкой письменного художественного слова народа является, как известно, язык его фольклора. В этом смысле следует согласиться с З. Мальсаговым, писавшим: «В среде живых нахских наречий и говоров мы уже имеем определенную междиалектную форму, общую для всего народа. Это язык народной поэзии, которым пользуются как орудием поэтического творчества представители всех наречий… Формально он почти полностью

совпадает с чеченским наречием» (*Мальсагов*, 1924. С. 35). В первую очередь героико-исторические песни чеченцев – илли «оказали огромное влияние на письменную чеченскую поэзию и сегодня продолжают волновать читателя глубиной мысли и своим поэтическим совершенством» (*Абдулаева*, 2006. С. 310). Чеченский литературный язык начал формироваться с того времени, как язык чеченцев стали изучать российские и европейские ученые XIX в. Начало этому процессу положил Петр Карлович Услар. Не ограничиваясь исследованием языков народов Кавказа, в том числе и чеченского, он создал целую систему организации обучения в горских школах, построенную на принципе использования родного языка на первоначальном этапе образования. Обучение на родном языке не могло и не должно было быть построено на диалектной базе, необходимо было придерживаться во всех создаваемых горских школах и училищах каких-то общих норм и правил, которые, хотя и медленно, вырабатывались при реализации программы П.К. Услара по развертыванию системы горских школ.

Вместе с тем литературный язык мог сформироваться в полной мере лишь с появлением письменной формы речи на этом языке, прежде всего – художественной литературы. Реальные условия для этого сложились лишь с 1920-х годов – со времени появления на чеченском языке и художественной литературы, и периодики, и других текстов различных жанров.

Если исходить из общепринятого перечня признаков литературного языка (принадлежность исторически сложившейся нации; принадлежность к общенародной культуре, обслуживание этим языком всех сфер общественной жизни и культуры данного народа/народов; стандартность/нормированность), чеченский литературный язык в своем современном состоянии не в полной мере отвечает этому перечню. В первую очередь это относится к третьему, собственно лингвистическому признаку – нормированности, а следовательно, и наддиалектности.

Наддиалектность и принадлежность к книжно-письменной речи формирующемуся литературному чеченскому языку были обеспечены окончательным принятием (в 1938 г.) алфавита и тем самым – письменности, рассчитанной на долгосрочное пользование, и литературы на основе этой письменности. Несмотря на известные недостатки, эта письменность стала той базой, на которой выросла богатая традициями и достижениями письменная культура (в широком смысле) чеченцев. С самого начала появления письменности на ее основе начала развиваться литература, в первую очередь – художественная литература. Выдающуюся роль в формировании чеченского литературного языка сыграли известные чеченские писатели, поэты, драматурги (С. Бадуев, А. Дудаев, А. Нажаев, А. и М. Мамакаевы, Н. Музаев, А.-Х. Хамидов и др.).

Все литературные языки складывались на основе одного из диалектов или синтеза диалектных признаков. Не является исключением и чеченский литературный язык, который начал формироваться на базе плоскостного диалекта, который в своих основных чертах можно было считать сформировавшимся к концу XX в., если бы не негативные процессы этого периода, отразившиеся на состоянии и динамике его развития. Несмотря на декларативные заявления властей и общественных деятелей того времени, что они строят свободное чеченское государство, которое будет проявлять особую заботу о

сохранении и развитии чеченской культуры, в том числе и особенно – языка, на деле развитие чеченского языка в целом и литературного в особенности было приторможено. Главная проблема – это возможность лишь условно применять к литературному чеченскому языку понятие нормированности. Строго регламентированной системы норм произношения и правописания нет до сих пор, а экспансия диалектов в отношении литературного языка привела к тому, что размываются и те нормы, которые были выработаны за непродолжительное время формирования литературного языка. Это стало возможным именно потому, что системы четко сформулированных и вменённых орфоэпических, орфографических и иных норм не существовало, и их место заняли диалектные и даже просторечные формы.

В настоящее время начата планомерная работа по совершенствованию графики и упорядочению орфографических норм чеченского литературного языка.

Одна из важнейших проблем, из-за которой тормозится процесс формирования литературного языка, – неразвитость его терминологической базы. В той или иной степени в чеченском языке представлена терминология, относящаяся ко всем основным сферам знания: физическая, астрономическая, химическая, медико-биологическая, философская, лингвистическая и т.д. Вместе с тем сами условия, в которых развивался чеченский язык на протяжении всей своей обозримой истории, в том числе и его ограниченное функционирование в письменный период своей истории, не способствовали развитию терминологической базы. Несколько изменилось положение в последние полтора-два десятилетия: обусловленное социально-политическими сдвигами в обществе «стремление расширить функциональные возможности чеченского языка, сферы его использования обусловило появление нового слоя терминологической лексики. В расширении терминологической системы чеченского языка существенную роль сыграла тенденция перевода школьного образования на чеченский язык. Отличительной чертой данной тематической группы является незначительное количество прямых заимствований и очевидное преобладание калькированных слов и словосочетаний… В связи со спецификой терминологической лексики (ограниченной сферой использования) и отсутствием возможности ее апробации по объективным причинам вопрос социализации данных терминов остается открытым. Они не знакомы широким слоям населения, не используются в разговорном языке и принадлежат сфере письменного языка» (*Юсупова*, 2007. С. 146).

В 1990–2000-е годы работа по систематизации и пополнению терминологической лексики разных отраслей знания значительно активизировалась. Стремление к расширению функций чеченского литературного языка, в частности в сфере науки и общественно-политической жизни, привело ученых и общественность к твердому убеждению в необходимости работы по упорядочению имеющихся и введению новых терминов, которые позволят достичь поставленной цели – распространения функционирования чеченского языка на те сферы, в которых он или не функционировал ранее, или функционировал ограниченно. С участием языковеда А.Д. Вагапова учеными-физиками и математиками создан ряд словарей физической и математической терминологии. И эта работа продолжается. Упорядочению и расширению лингвистической терминологии, исчерпывающему толкованию известных и

новых терминов в этой области способствовала подготовка А.И. Халидовым словаря лингвистических терминов чеченского языка, насчитывающего 1000 терминов (*Халидов*, 2012). Следует ожидать, что в результате планомерной работы, проводимой в последнее время и учеными, и общественностью, и руководством республики, в ближайшее время чеченский литературный язык обогатится значительной по объему терминологической лексикой, а отдельные терминосистемы (лингвистическая терминология, общественно-политическая лексика, юридическая терминология, официально-деловая лексика) будут представлены в полном объеме, достаточном для обслуживания соответствующих сфер.

В настоящее время в чеченском языке в наибольшей степени развита лингвистическая терминология. Вместе с тем само использование существующих лингвистических терминов и их определения требуют уточнений и упорядочения: не все термины определены достаточно четко, в том виде, в каком приемлемы для использования в научной и учебной грамматиках, в них много ошибок и неточностей, есть даже термины, которые в применении к самому чеченскому языку излишни, так как нет самих единиц и понятий, которые за ними стоят (напр., *дустаран тIетуху предложени* «сравнительное придаточное предложение» – такого типа придаточного предложения в чеченском языке нет). Составление полного словаря лингвистических терминов на чеченском языке с максимальной полнотой разъяснения самих терминов – одна из основных задач чеченских языковедов, без решения которой особенно трудно обеспечить образовательные учреждения качественными учебниками и учебно-методическими материалами.

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ДИАЛЕКТАМИ

Чеченский язык является диалектно дифференцированным. Исследователи выделяют в нем семь диалектов: *плоскостной, аккинский, чеберлоевский, шароевский, итумкалинский, галанчожский, кистинский*. Ареал распространения пяти из перечисленных диалектов – территория Чеченской Республики, с уточнением, что после разделения бывшей Чечено-Ингушской АССР на две республики часть носителей галанчожского диалекта чеченского языка, проживавших на территории Сунженского р-на, оказалась на территории Ингушской Республики. Аккинский диалект распространен на территории Дагестана, а кистинский диалект – на территории Грузии (*Арсаханов*, 1969; *Алироев*, 1999).

Плоскостной диалект чеченского языка, распространенный на преобладающей части территории плоскостных районов республики (Ачхой-Мартановского, Урус-Мартановского, Шалинского, Веденского, Курчалоевского, Гудермесского, Ножай-Юртовского, Грозненского и Надтеречного), является основой литературного чеченского языка.

Говоры плоскостного диалекта имеют незначительные особенности, проявляющиеся главным образом в фонетической реализации лексем и их семантике. У коренных жителей каждого из перечисленных выше районов проявляются незначительные расхождения в речи (фонетические, лексико-

словообразовательные и лексические). В настоящее время описаны основные особенности некоторых говоров плоскостного диалекта (выполнены работы по комплексному описанию говоров или описанию отдельных единиц и категорий в этих диалектах): веденского – И.Г. Арсахановым (*Арсаханов*, 1969. С. 148–154); ножай-юртовского – С.М. Джамирзаевым (*Джамирзаев*, 1981); ачхой-мартановского – М.Р. Овхадовым. Склонению имен существительных в говорах плоскостного диалекта посвящено исследование Н.С. Бибулатова (*Бибулатов*, 1967).

Аккинский (ауховский) диалект чеченского языка монографически исследован И.Г. Арсахановым (*Арсаханов*, 1959; 1969). Основные особенности этого диалекта, отличающие его от других диалектов чеченского языка и, прежде всего от галанчожского, носители которого явились исторически его социальной базой, сформировались в результате относительно изолированного развития аккинского общества. Основным фактором, обусловившим характер особенностей аккинского диалекта, внешнее влияние. Результат этого влияния – значительный в сравнении с другими диалектами чеченского языка пласт восточных лексических заимствований (тюркских, арабских, персидских). В настоящее время в Дагестане проживает около 70 тыс. носителей этого диалекта. Наряду с лексическими заимствованиями в аккинском диалекте существуют и другие особенности, главным образом фонетического характера (или обусловленные особенностями фонетического уровня). Основными из этих особенностей можно считать: отсутствие долгой фонемы переднего ряда среднего подъема **е** (**э**), наличие соответствующей ей долгой фонемы переднего ряда *ӓ*; отсутствие ассимиляции аффиксального *n* при образовании формы прошедшего времени глагола: акк. *аьлна* – лит. *аьлла*; отсутствие ассимилятивного чередования корневых гласных при образовании множественного числа или падежных форм имен существительных: *суом – сӯмаш; кад – кӑдаш; буорз – буорзана*; соответствие дифтонга *уьй* в аккинском диалекте плоскостному (т.е. литературному) дифтонгу *уоь*: в глаголах настоящего времени: лит. *дӯьху, ъӯьцу* – акк. *дуьйха, ъуьйца*; соответствие дифтонгу *уй* в лит. дифтонга *ив* в аккинском: *нуй – нив, дуй – див*; соответствие комплекса согласных *рх* в аккинском *лх* в литературном языке (плоскостном диалекте): *малх – марх, вуолх – вуорх*; наличие в аккинском диалекте флексии эргативного падежа *-вуо*: *ча – чевӯ* (лит. *ӵапио*), *хи – хивӯ* (лит. *хинӯ, хиӗ*).

Чеберлоевский диалект был распространен на территории бывшего Чеберлоевского района в селах: *ХIиндо* (*Hindo*), *Садо, Хуо, Орсие, Макажа, Ригаха, Ачала, Босо* и др. В настоящее время носители чеберлоевского диалекта проживают в основном в плоскостных селах *Алхан-Кала, Закан-Юрт, Самашки*. Этому диалекту посвящен ряд работ *Мальсагова* (1941), *Мациева* (1965), *Арсаханова*, (1969). И.Г. Арсаханов отмечает, что чеберлоевский диалект является единственным из всех диалектов чеченского языка, который сумел последовательно «отстоять» свой вокализм от влияния так называемого вторичного чередования, сохранив тем самым наиболее древние формы чеченского языка (*Арсаханов*, 1969. С. 37). Это стало следствием относительной изолированности чеберлоевского общества в связи с его проживанием в труднодоступной высокогорной местности. Этим фактором объясняется консервация в чеберлоевском диалекте более древнего состояния чеченского

языка и отсутствие некоторых явлений, возникших под влиянием восточных языков, например, лабиализации гласных.

Основная особенность чеберлоевского диалекта связана, как отмечено выше, с устойчивостью гласной основы при словоизменении практически во всех частях речи; следовательно, в этом диалекте, как, например, и в шатоевском, в основном сохраняется исходная фонетическая структура слов.

Наряду с этой имеются и следующие специфические особенности: при образовании отглагольных существительных с суффиксом *-т-* в производящей основе в литературном языке сохраняется аффикс инфинитива *-а*, в чеберлоевском диалекте ему соответствует *-о*: чеберл. *соцом, бāхом, кхиром* – лит. *сацам, бāхам, кхиēрам*; прозрачность местоимения – суффикса просительно-повелительного наклонения: чеберл. *давдайшу, лиēлайшу, вадайтайшу*; сохранение исторического гласного звука в аффиксе прошедшего и настоящего времени глагольных форм: чеберл. *валле стаг* – лит. *велла стаг*.

Особенности лексического уровня чеберлоевского диалекта связаны главным образом с фонетической реализацией лексем (*Мациев*, 1965; *Арсаханов*, 1969).

Основные особенности звукового строя шароевского диалекта – с отсутствием в нем лабиализованных фонем переднего ряда среднего подъема *оь*, переднего ряда верхнего подъема *уь*, нелабиализованной гласной фонемы переднего ряда среднего подъема *аь*. Наряду с этим имеет место аффрикатация *с, ц, ш* > *ч*: лит. *харш* – чеберл. *харч* (борозда), лит. *урс* – чеберл. *урс* (нож).

В шароевском диалекте не наблюдается изменение корневой гласной при именном и глагольном словоизменении, следовательно, в большей степени, чем в литературном языке и во многих других диалектах чеченского языка, сохраняется исходная фонетическая структура слов. Особенности, проявляющиеся на лексическом уровне, связаны с фонетической реализацией лексем. Основные особенности шароевского диалекта освещены И.Г. Арсахановым (1969) и А.Д. Тимаевым (1967).

Итумкалинский диалект распространен в селениях Итум-Кала, Дишни, Гучен-Кали, Нихали, Вашандара, Пхьамат и др. на территории Итум-Калинского и Шатойского районов.

Специфических особенностей в звуковом строе итумкалинского диалекта с точки зрения качества по сравнению с плоскостным диалектом или литературной формой не наблюдается. Характер различий касается главным образом словоизменительных форм глагола, гласные основы которых относительно менее подвержены чередованию.

Заметными отличительными особенностями итумкалинского диалекта выступают: комплекс согласных *рк*, соответствующий в литературном языке комплексу *хк*: лит. *дуоьхка, дуохк, лахка, тахка* – итум. *дуоьрка* (ремень), *дуорк* (туман), *ларка* (гнать), *тарка* (качаться).

Комплексы *рш, рс*, соответствующие комплексам *рч, рс* в литературном языке: итум. *бурш, ирша, маршуо* – лит. *бурч* (перец), *ирча* (некрасивый), *марчуо* (саван); итум. *дарс, марса* – лит. *дарц* (метель), *марца* (опалить), т.е. имеет место дезаффрикация *с, ч*.

Галанчожский диалект был распространен в селах бывшего Галанчожского района и подразделялся на несколько говоров: майстинский, мелхин-

ский, лам-аккинский (аккинский), эрстхоевский (орстхоевский). И.Г. Арсаханов относит к галанчожскому диалекту также нашхоевский и терлоевский говоры (*Арсаханов*, 1969. С. 97).

Основные характеристики этого диалекта и его говоров отражены в исследованиях И.Г. Арсаханова. Отдельные говоры галанчожского диалекта исследованы Р.А. Саламовой и М.Р. Овхадовым: Р.А. Саламовой исследован мелхинский говор, орстхойскому говору галанчожского диалекта посвящен ряд публикаций М.Р. Овхадова.

Наиболее характерными фонетическими и грамматическими особенностями галанчожского диалекта являются следующие: 1) широкая употребительность гласной *уь* и дифтонгов *уоь, уьй, уо*: галанчож. *буьхь, муьхь, дуьй, суо* – лит. *бухь* «верх; вершок; носок ноги», *мухь//муохь* «ноша», *дуй* (клятва), *со* (сам); 2) наличие конечного озвончения в некоторых говорах: орстх. *биӣраж, цунагI* – лит. *бӣраш* (дети), *цунах* (о нем); 3) отсутствие формы только что прошедшего времени глагола; 4) наличие некоторых семантических расхождений в лексике: орстх. *меттаза* «заикающийся» – лит. *маьттаза* «неприличный»; орстх. *цIаьрмата* «скупой» – лит. *цIармата* «безобразный» и др.

Наиболее специфической и существенной особенностью орстхойского говора галанчожского диалекта является наличие фонетических вариантов классных показателей *в, й* в ауслауте глаголов недавно прошедшего времени, в чем этот говор сближается с ингушским языком: орстх. *веллу* – акк. *велнув* – инг. *веннав* – лит. чеч. *велла* (умер); орстх. *йелли* – акк. *йелний* – инг. *йеннай*– лит. чеч. *йелла* (умерла). В орстхойском говоре «у» является вариантом показателя «в» класса мужчин, а «и» – вариантом показателя «й» класса женщин и вещей. Фонетическая основа этого явления очевидна.

Кистинский диалект чеченского языка распространен на территории Грузии, преимущественно в Панкисском ущелье – в селениях Ахметского района: Дуиси, Джоколо, Биркиани, Омало, Халацани, Зибакхи и др. Кистинский диалект освещен в исследованиях И.Ю. Алироева и И.Г. Арсаханова (*Алироев*, 1999. С. 22; *Арсаханов*, 1969. С. 155). Многие особенности этого диалекта, развивавшегося длительное время (XIX–XX вв.) в отрыве от основного чеченского языкового пространства, имеют грузинский «оттенок», что особенно проявляется на лексическом уровне. В области лексики, как отмечает И.Ю. Алироев, в кистинском диалекте имеется значительный пласт грузинских заимствований; сравнительно меньше – тюркских и персидско-арабских заимствований, в отличие от других диалектов и литературного чеченского языка, где таких заимствований большое количество (особенно в плоскостном диалекте и – соответственно – в литературном языке).

В области фонетики также отмечается сильное грузинское влияние на кистинский диалект, что проявляется в значительно большей употребительности «специфических кавказских» согласных *пI, тI, кI, чI* – в их употреблении даже там, где остальные чеченцы произносят *п, т, к, ч,* а также в широком использовании во всех позициях аффрикат *дз, дж*.

В кистинском диалекте отсутствует суффикс *-ча*, имеющий тюркскую природу, за исключением *куранча* «гордец»; этому суффиксу литературного языка в кистинском диалекте соответствует обычно *-хуо*: ср. лит. *пондарча* – кист. *пондархо*. Наблюдаются также расхождения в распределении имен

существительных по грамматическим классам (кист. *пхьāгал д – д; тIуоьрмиг й – й;* лит. *Й – й, б – д*).

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на относительную многочисленность диалектов и говоров чеченского языка и наличие в них специфических отличительных особенностей, главным является различие в фонетической оформленности лексем. Значительное преобладание в диалектах и говорах лексических особенностей, проявляющихся в фонетической реализации слов, относительная малочисленность особенностей семантического характера и наличие незначительного количества лексем, свойственных только отдельным диалектам или говорам, обусловлены сравнительно небольшой территорией расселения чеченцев, большой плотностью населения, относительно тесными контактами чеченских (вайнахских) обществ. Некоторое исключение составляют кистинский и аккинский диалекты, распространенные соответственно в Грузии и Дагестане и вследствие этого относительно изолированные и претерпевшие влияние грузинского языка (кистинский диалект) и кумыкского и некоторых дагестанских языков (аккинский диалект). Указанное влияние обусловило в этих двух диалектах относительное преобладание лексических особенностей по сравнению с другими диалектами чеченского языка. С другой стороны, и сами термины «диалект», «говор» не имеют в специальной литературе достаточно четких критериев разграничения, в связи с чем «статус» отдельных форм существования языка в различных диалектах по масштабам своих особенностей может быть установлен неравномерно.

ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Антропологическому изучению древнего и современного населения Кавказа посвящено множество работ, что объясняется важной ролью населения региона в формировании южных вариантов большой европеоидной расы и сложностью протекавших здесь процессов расо- и этногенеза (*Абдушелишвили,* 1964, 1994, 2003; *Алексеев,* 1974; *Алексеев, Гохман,* 1984; *Кашибадзе,* 2006; *Хить,* 1983 и др.). Наиболее весомый вклад внесли грузинские специалисты, которые под руководством М.Г. Абдушелишвили в течение многих лет исследовали практически все этнические группы Кавказа, собрав обширнейшие материалы по соматологии, одонтологии, дерматоглифике, краниологии, генетике. Основная часть этих данных проанализирована, обобщена и опубликована.

Внимание путешественников и ученых, в том числе антропологов, издавна привлекал этнический облик чеченцев, выделяющихся даже на фоне яркого кавказского многообразия. Тем не менее в огромном массиве антропологических данных, собранных с целью изучения расо- и этногенетических процессов на Кавказе, материалы о чеченцах крайне немногочисленны. Современные чеченцы обычно изучались в Ведено или Шали: предполагалось, что эти дисперсные выборки достаточно представительны для суждения об антропологическом типе народа. Это действительно подтвердилось при анализе разнообразных материалов, хотя убедительность выводов, безусловно, возросла бы с увеличением числа изученных групп.

Антропологические типы
Чеченцы, 1960-е годы
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Соматология

В итоговых статьях последних лет М.Г. Абдушелишвили детально описывает выделенные антропологические варианты в современном населении Кавказа, опираясь на данные более 200 мужских этнотерриториальных выборок. Остановимся на характеристике кавкасионского типа, которому принадлежит большинство горных популяций, расселенных на обоих склонах Большого Кавказского хребта, включая и горцев Дагестана. Этот тип в общекавказском масштабе характеризуется высоким ростом, округленной формой головы, широким и средневысоким лицом, умеренно наклонным лбом и прямым носом, увеличенным процентом светлых глаз, широкой нижней челюстью, средней частотой складки верхнего века. Ранее соавтор термина «кавкасионский тип» М.Г. Абдушелишвили (1964) рассматривал этот тип как самостоятельную таксономическую единицу в классификации населения Кавказа, включающей также переднеазиатский, каспийский и понтийский типы. Но в последней публикации он понизил его ранг и включил в качестве составной части в переднеазиатский тип, названный «переднеазиатским объединением групп» (*Абдушелишвили,* 2003. С. 261 и далее). От классических представителей переднеазиатской расы (армяне, основная часть грузин) кавкасионцы отличаются повышенным ростом и более светлыми глазами. Чеченцев автор отнес к кавкасионскому типу (С. 259), как и их ближайших соседей – осетин, а также балкарцев, карачаевцев и горные грузинские группы. Правда, на следующей странице те же кавкасионские

Антропологические типы
Чеченцы, 1960-е годы
Личный архив З.И. Хасбулатовой

выборки (в том числе вайнахи) определены как группы понтийского типа. Таким образом, классификация вариантов, проведенная по оригинальному методу сигмальной рубрикации, не внесла необходимую ясность в антропологическую картину Кавказа. Следует отметить, что все перечисленные группы другими исследователями определяются как принадлежащие кавкасионскому типу, занимающему самостоятельное место в классификации (*Дебец,* 1960; *Алексеев,* 1974. С. 80–137). По сумме признаков к чеченцам наиболее близки балкарцы, далее следуют карачаевцы, осетины, кабардинцы и черкесы (*Абдушелишвили,* 2003. С. 259). Иначе говоря, круг ближайшего сходства чеченцев состоит из групп кавкасионского типа.

Особо следует остановиться на результатах сопоставления таксометрических (основанных на количественном подходе) схем дифференциации основных народов Кавказа по двум комплексам признаков – соматологии и дерматоглифики. Анализ выполнялся по материалам мужских выборок (*Хить,* 2004а. С. 158–159). По соматологическому комплексу чеченцы расположились в одном кластере с карачаевцами, балкарцами и осетинами, т.е. с группами кавкасионского типа. По дерматоглифическим признакам чеченцы сблизились с осетинами и армянами. Эти расхождения в схемах кластеризации, помимо отражения реальной картины, в какой-то мере могут быть связаны с выпадением из анализа грузинских и дагестанских групп. Дело в том, что М.Г. Абдушелишвили (1994. С. 75) приводит суммарные данные по грузинам, не выделяя основные их подразделения (мегрелов,

Молодой чеченец

Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

лазов, сванов и др.). Он также рассматривает суммарную группу дагестанцев, игнорируя этническую пестроту региона. Между тем ранее было показано, что дерматоглифическая дивергенция как локальных, так и этнических групп на Кавказе выражена сильнее, чем в каком-либо другом регионе Северной Евразии (*Хить,* 1983. С. 31–34); то же отмечено при сравнении дифференциации популяций Восточной Европы и Кавказа на краниологическом материале (*Алексеев,* 1974. С. 206). Дагестанские и в особенности грузинские группы на общекавказском фоне оказались максимально разнородными (*Хить,* 2004. С. 200), поэтому от суммирования пришлось отказаться, сократив тем самым число анализируемых выборок. Сходное заключение сделано при анализе строения зубных коронок у современных кавказских народов, где именно грузинские группы оказались наиболее разнородными (*Кашибадзе,* 2006. С. 134–36).

Одонтология

Материалов по зубной системе вайнахов мало. Два исследователя, изучившие в разное время по одной выборке чеченцев, рассматривали их на фоне остального населения Кавказа, не акцентируя внимание на вайнахских группах. Поэтому основную информацию приходится извлекать из данных, содержащихся в публикациях.

Первые материалы по одонтологии вайнахов были опубликованы Р.С. Кочиевым, который в конце XX в. в одиночку в течение двух полевых сезонов обследовал практически все народы Кавказа и изучил 3,2 тыс. школьников в интернатах, в том числе 102 чеченцев в Ведено. Выборки объединяют мальчиков и девочек. При тотальном сопоставлении всех кавказских групп чеченцы заняли практически центральное положение в основном массиве выборок, не обнаружив какой-либо специфики. Автор констатирует определенную гомогенность населения Кавказа по признакам одонтологии, отсутствие сколько-нибудь выраженных комплексов и ненаправленную, хаотичную картину различий между выборками. Связь между признаками одонтологии и расовой соматологии в группах, изученных М.Г. Абдушелишвили, на Кавказе отсутствует, т.е. исторически сложившиеся комплексы не выделяются (*Кочиев*, 1973. С. 114–163).

С 1970-х годов грузинские антропологи в течение многих полевых сезонов собрали материал по одонтологии 86 современных кавказских популяций, который был обобщен в монографии В.Ф. Кашибадзе (2006). В общей сложности, при учете материалов других авторов, ею проанализированы 140 групп (19,4 тыс. чел.), расселенных на всей территории Кавказа. Среди прочих приведены данные по чеченцам Шали (81 чел.). Современными методами анализа, в том числе многомерной статистики, автор выделила три основных одонтологических комплекса: – южный грацильный (подразделенный на два подтипа – западный и восточный), известный уже по материалам эпохи бронзы; распространен на Северном Кавказе и Черноморском побережье, включая Абхазию, а также среди армянских и большинства грузинских групп (западный подтип) и в Азербайджане (восточный подтип); – горный (кавкасионский), эволюционно молодой комплекс, характеризующийся редукцией ряда признаков и отмеченный у горцев Большого и Малого Кавказа; – нулевой (законсервировавшийся древний комплекс), соотносимый со среднеевропейским типом и распространенный в предгорных и равнинных закавказских группах.

Д. Идрисов. Портрет чеченца. 2002 г.
Холст, масло
Фото С. Исраиловой

Чеченцы заняли обособленное положение среди населения Кавказа по результатам многомерного анализа; в этом отразилась их принадлежность к западному подтипу южного грацильного типа, черты которого у вайнахов гипертрофированы. Правда, эта картина обусловлена лишь первой главной компонентой, отражающей всего 24% тотальной изменчивости. По второй же ГК (16%) чеченцы не выделяются на фоне остальных групп.

Следует отметить, что по данным компонентного анализа одонтологии современных краниологических серий чеченцы заняли крайне изолированное положение среди всех изученных народов Кавказа (*Кашибадзе,* 2006. С. 134–135).

Дерматоглифика

Кожные узоры 120 выборок из населения Кавказа, в том числе нескольких вайнахских групп, были недавно проанализированы Л.О. Битадзе. Автор рассмотрела огромный материал по разным разделам антропологии, но, к сожалению, далеко не всегда читатель может составить представление о про-

исхождении, объеме и характеристике материала, а также о результатах таксономического анализа вайнахов в контексте антропологии кавказских народов. Заслуживает внимания вывод о большей гомогенности населения Кавказа по признакам дерматоглифики, чем по факторам крови (*Битадзе*, 2006. С. 100–105).

Дисперсную выборку чеченцев Урус-Мартановского района (102 мальчика и 100 девочек) изучила Г.Л. Хить. Обнаружено, что по величинам ключевых признаков чеченцы не выделяются заметным образом на общекавказском фоне, состоящем из 50 мужских и 53 женских выборок, и представляют собой вариант, типичный для Северного Кавказа. Следует отметить, однако, специфическую для вайнахов черту – высокое содержание узоров на Th/I (17% у мужчин и почти 23% у женщин). Этот признак не разделяет популяции европеоидной и монголоидной рас (среднерасовое значение составляет около 10%) и отличается широчайшей и ненаправленной изменчивостью на территории Евразии. Лишь на Кавказе повышение его величин приурочено к горным районам Чечни, Ингушетии и Дагестана (*Хить,* 1983. С. 96–97). Вариабельность признака настолько велика, что при включении его в многомерный анализ меняется схема взаимоотношений даже больших рас, не говоря уже о более низких таксономических уровнях (*Хить, Долинова*, 2002. С. 104–138). Отметим, что все таксономические расстояния подсчитывались без учета узорности тенарной подушечки.

Южноевропеоидные особенности в кожном рельефе могут быть выражены в суммарном виде как южный европеоидный комплекс (ЮЕК). По сравнению с общекавказской выборкой, где величины ЮЕК у мужчин и женщин составляют 67,1 и 57,2 соответственно, у чеченцев отмечается ослабление южноевропеоидных черт (57,5 и 53,2). Это может объясняться влиянием североевропеоидных, точнее восточноевропейских, популяций. По результатам многомерного анализа мужских групп Кавказа чеченцы вошли в один кластер с осетинами, удинами, мтиулами, а также ассирийцами (*Хить,* 1983. С. 88–107).

В 1980-е годы Г.Л. Хить собрала новые материалы, и с учетом методически сопоставимых данных В.О. Асланишвили (*Хить, Асланишвили*, 1986. С. 170–174) число кавказских мужских выборок достигло 84 (всего свыше 10 тыс. чел.). По результатам многомерного анализа чеченцы вошли в один кластер с осетинами, черкесами, дагестанцами горных районов республики (аварцами, андийцами, лакцами, рутульцами), татами-мусульманами, удинами и месхами. Основная часть этих групп характеризуется соматологическими чертами кавкасионского типа, как и вайнахи.

Из всех народов Кавказа, по данным о мужчинах, наиболее близки к чеченцам осетины (обобщенное дерматоглифическое расстояние или ОДР = 4,3, что определяется как очень малая величина), далее следуют, в порядке убывания сходства, черкесы, армяне, кабардинцы, абхазы (*Хить,* 2004. С. 200). Об этом же говорят и результаты анализа данных вайнахов на фоне обобщенных характеристик антропологических типов Кавказа, причем последние были получены при организации дерматоглифического материала в рамках соматологической расовой классификации. Чеченские мужчины и женщины наиболее сходны с кавкасионским типом (ОДР составляет 7,5 и 6,3 соответственно). Одновременно чеченские мужчины практически в той же мере (7,0) сближаются с понтийским типом (что объясняется уменьшением величины южноевропеоидного комплекса) и с переднеазиатским (7,9).

Таким образом, по строению кожных узоров кисти чеченцы сближаются с соседними народами Северного Кавказа, особенно с горными дагестанскими группами, которые соматологически определяются как принадлежащие кавкасионскому типу. У чеченцев, кроме того, ослаблен южноевропеоидный комплекс черт. Наличие специфической черты у вайнахов – высокой узорности Th/I – пока не находит убедительного объяснения. Видимо, здесь проявился генетико-автоматический эффект выщепления признака в условиях сильной и длительной изоляции. Возможно также, что здесь проявилась часть древнего комплекса, указывающая на южную прародину вайнахов: у европеоидов Передней Азии признак в среднем развит сильнее, чем в Европе (впрочем, далеко не достигая вайнахского уровня).

Генетика

Обобщающее исследование по различным изоантигенным системам крови народов Кавказа принадлежит Л.О. Битадзе (2006). К сожалению, критические замечания, сделанные в дерматоглифическом разделе, полностью могут быть отнесены и к данной главе ее автореферата; поэтому ограничимся изложением некоторых закономерностей, обнаруженных при анализе огромного материала практически по всем этносам региона.

Частота гена r на Северном Кавказе снижается в направлении с запада на восток. Три выборки чеченцев (Надтеречного, Шали и Ведено) не нарушают этой тенденции. Кроме того у чеченцев обнаружены широкие вариации частот гена d (резус отрицательности), охватывающие почти всю кавказскую шкалу. По соотношению частот генов m и n чеченцы сближаются с народами Дагестана (m>n), как и по редко встречающемуся фактору Kell+ (0,04). По повышенной частоте гена Fya (0,47) чеченцы тяготеют к черкесам, адыгам, карачаевцам, осетинам, а также к переднеазиатским популяциям.

Чрезвычайно интересные результаты были недавно получены в генетике по распределению частот гаплогрупп Y-хромосомы (*Кутуев*, 2010). Чеченцы в системе двух главных компонент не вошли ни в один из двух кластеров, включивших народы Дагестана, с одной стороны, и остальные народы Северного Кавказа – с другой. При значительном расширении масштабов сопоставления выделились два противоположных кластера и своеобразный третий, промежуточный. Чеченцы вошли в скопление, объединяющее народы Дагестана, турок, иранцев и различные группы арабов (арабы Ливана, Египта, Ирана, Сирии, ОАЭ, Иордании, Палестины, Омана и Йемена). По распределению частот гаплогрупп мтДНК чеченцы входят в один кластер с основными дагестанскими группами (а также с балкарцами, карачаевцами, кумыками, греками, восточными и южными славянами, мегрелами и турками). При этом чеченцы более всего сближаются с даргинцами. Кроме того, чеченцы резко выделяются на всей территории Кавказа, где признак отмечен редко, высоким (47%) содержанием гаплогруппы 12a2-M67. Очень редко встречающаяся на Кавказе гаплогруппа L – вариант L3-M357, отмеченная на Северо-Западном и Южном Кавказе всего у одного человека, достигает 16% у чеченцев. По частотам 11Alu-инсерций чеченцы сближаются с частью дагестанских народов, карачаевцами и северными осетинам. Автором сделан вывод о происхождении большинства кавказских народов на основе местного автохтонного субстрата, который представляет собой компонент, проникший на Кавказ в верхнем палеолите с территории Передней Азии. В целом

отмечена существенная гетерогенность кавказских популяций и заметные различия в генетической картине народов Кавказа по данным о мужчинах и женщинах. Вместе с тем популяции Кавказа отличаются уникальностью по частотам гаплогрупп Y-хромосомы.

Попытаемся обобщить изложенные результаты многостороннего изучения антропологии чеченцев. Здесь были продемонстрированы естественные различия между авторами в материале, методах анализа, способах интерпретации данных. Все это затрудняет попытку подвести суммарный итог, поскольку часто на первом плане оказывается несовместимость – частичная или полная – выводов по разным разделам. В принципе, даже в случае полной унификации методов изучения и обобщения материалов, такие расхождения в выводах остаются неизбежными: признаки разных систем и их комплексы различаются между собой по структуре, происхождению, типам наследования, пластичности, степени адаптивности, времени формирования, т.е. отражают разного рода информацию об историческом развитии соответствующих комплексов. Поэтому невозможно ожидать большой степени согласованности результатов, особенно если учесть малочисленность материала по чеченцам. Тем не менее основные итоги анализа морфологических признаков в главном сходны: чеченцы сближаются прежде всего с соседними народами Северного Кавказа, входящими в кавкасионский тип – самый кавказский из всех типов Кавказа, по классическому определению Г.Ф. Дебеца: с балкарцами, карачаевцами, осетинами – по соматологии; с осетинами, грузинами Мтиулетии, горными дагестанскими народами – по дерматоглифике (причем, по кожному рельефу чеченцы более всего тяготеют к дагестанцам). По признакам одонтологии чеченцы являются носителями гипертрофированного западного варианта южного грацильного типа, отмечаемого на Кавказе уже в эпоху бронзы, и сильно выделяются на общекавказском фоне. Наиболее разнообразны результаты генетического исследования: чеченцы чаще всего сближаются с дагестанцами (но по мтДНК резко с ними различаются), на общекавказском фоне занимают самое обособленное положение по гаплогруппам Y-хромосомы и обладают уникальными частотами ряда признаков.

Наконец, стоит отметить уникальность чеченцев в отношении ряда не только генетических, но также и одонтологических и дерматоглифических признаков, по значениям которых они выделяются на фоне общекавказских вариаций. Происхождение этих особенностей еще предстоит выяснить.

Антропологический портрет современных чеченцев, отличающийся рядом оригинальных черт, был очерчен здесь на основе данных всего нескольких выборок современного населения. Между тем значение вайнахов – потомков едва ли не самых древних пришельцев из Передней Азии, сохранивших свой язык (свидетельство родства с дагестанцами) – для истории Кавказа трудно переоценить. Будем надеяться, что изучение локальных групп чеченцев осуществится раньше того времени, когда, по словам А.С. Пушкина, «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», и в этом конгломерате отыскать их генетические корни станет неизмеримо сложнее.

ГЛАВА 2

ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Этногенез любого народа относится к числу наиболее трудных для исторической науки вопросов. Значимость этой проблемы особенно остро проявляется при написании истории народов Северного Кавказа, в частности вайнахов (*Кобычев*, 1989. С. 10).

В орбиту научных интересов древних авторов вайнахи попали с античности. Так, при анализе «Истории» Геродота (V в. до н.э.) становится очевидным, что среди горцев, участвовавших в скифских походах через Кавказ в Малую Азию, были и нахские отряды (*Крупнов*, 1957. С. 148–149); наиболее убедительные свидетельства о нахских племенах, живших на Северном Кавказе две тысячи лет назад, мы находим у Страбона (64 г. до н.э. – 21 г. н.э.) в его «Географии». Например, перечисляя племена Северного Кавказа, Страбон констатирует: «Спускаясь с предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты (пещерники), живущие вследствие холодов в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии. За троглодитами следуют какие-то народы, называемые хамекитами-многоедами, и селения исадиков, могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем еще на севере. За ними следуют кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панксаны, а затем уже племена сираков и аорсов» (*Страбон*, 1964. XI, V, 7–8). Названные Страбоном племена (троглодиты, пещерники, хамекиты, исадики, набианы, панксаны, аорсы) известным кавказоведом Е.И. Крупновым локализованы в предгорьях страны вайнахов (*Крупнов*, 1960. С. 71–72, 75; 1961. С. 42). Гипотезу Е.И. Крупнова поддержали и развили В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев, отметив, что «пещерниками» (троглодитами) могли называться многие племена горцев, в том числе и нахов (*Виноградов, Чокаев,* 1966. С. 51). Эти ученые допускают, что под этнонимом «хамекиты» скрывается древняя нахская родоплеменная группа с основным поселением, именуемым Хамхи. Вспомним, что, говоря о соседях хамекитов – исадиках, Страбон упоминает их селения. Очевидно, и хамекиты группировались вокруг своего центра-селения, название которого легло в основу племенного имени. Подобное явление у нахских народов дело обычное и закономерное: названия чеченских и ингушских тайпов и родоплеменных групп очень часто восходят к наименованию их места жительства (Там же. С. 53–54). Не сомневаются В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев и в

локализации страбоновских исадиков-содов. Они убежденно пишут, что территория их обитания должна была находиться в границах Восточной Чечни (в основном ее горных районов). Именно здесь, в нахской этнической среде необходимо искать следы известного нескольким древним авторам племени исадиков-содов (Там же. С. 61). Кроме того, в границах древней Вайнахии ученые помещают сербов (*саьрби*), упоминаемых в римском источнике (*Клавдий Птолемей*, 1948. VI, 18–20). «Можно думать, – заключают интерпретаторы, – что древний этноним сербы обозначал какую-то этническую группу, которая, по-видимому, влилась в состав одного из нахских народов – чеченцев» (*Виноградов, Чокаев,* 1966. С. 64). Плодотворная дискуссия развернулась вокруг этнонима «гаргареи» (*Страбон*, 1964. XI, 1–2). Гаргареи – это галгаи, т.е. ингуши, допускал Е.И. Крупнов (*Крупнов*, 1960. С. 70–75; 1961. С. 41–42). Гипотеза Е.И. Крупнова была подвергнута сомнению Ю.Д. Дешериевым (*Дешериев*, 1963. С. 38–70), тем не менее он считает заслуживающей внимания попытку Е.И. Крупнова объяснить этноним *гаргареи* посредством ингушского «гаргар» и чеченского «гергар» – «близкий, соседний, родственный» (Там же. С. 54). Позицию «золотой середины» в этой дискуссии заняли В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев, которые, с одной стороны, гипотезу Е.И. Крупнова о тождестве гаргареев и галгаев посчитали преждевременной, но, с другой стороны, убеждают нас в том, что «гаргареи» – несомненно, производное от нахского термина «гаргара» – «близкий, соседний, родственный». В значении этого слова кроется, очевидно, смысл этнонима. «Гаргареи» – не название одного племени, а общее наименование, которое в определенных условиях распространялось, возможно, на часть нахских племен, сознающую свое родство и близость на пестром этническом фоне Северного Кавказа (*Виноградов, Чокаев,* 1966. С. 67, 70). Однако в последнее время дагестанские ученые полностью отвергают рассуждения о том, что «гаргары» – вайнахское племя, полагая, что это племя древнеалбанское (*Гаджиев, Кузнецов, Чеченов,* 2006. С. 147–148; *Гаджиев,* 2005. С. 54–55; 2007. С. 34–37).

Армянские и грузинские источники VII–XII вв. засвидетельствовали несколько топонимов, за которыми ученые усмотрели раннесредневековых вайнахов. Так, «Армянская география» Анания Ширакаци донесла до нас этноним «нахчаматьяне», что означало «чеченское племя» (Армянская география, 1887. С. 38). Упоминаемые Ширакаци нахские племена проживали в тех же районах Северного Кавказа, где они живут в настоящее время. Знаменательно и то, что впервые название «нахчаматьяне», т.е. *нохчи*, зафиксировано именно в «Армянской географии» VII в., где в числе 53 народов упоминаются как сами нахчаматьяны (*нахчаматеанк*), так и их мощная этническая ветвь *кусты* (*кисты*) (Там же. С. 37). Согласно исследованиям Ю.Д. Дешериева, слово «нахчаматеанк» разлагается на следующие части: *нахча – мат – еанк*. *Нахча* восходит к самоназванию чеченцев (*нахчуо // нохчуо*) – «чеченец», *мат* – происходит от общенахского *мот* (*муотт*), бацб. *мотт* – «язык», *еанк* – суффикс множественного числа древнеармянского языка. «Таким образом, – заключает Ю.Д. Дешериев, – нахчаматеанк – это те, которые говорят на чеченском языке» (*Дешериев*, 1963. С. 24–25).

Еще один вайнахский этноним стал известен нам из «Армянской географии» – *дурц{к*) (*Еремян*, 1939. С. 49). Безусловно, дурцки – это поздние дзурдзуки, дурцки, нахская этническая группа, упоминаемая в грузинских хрониках XI в. (*Мровели*, 1979. С. 4–72).

Реконструкция женского костюма

По материалам Сержень-Юртовского могильника XI–VII вв. до н.э.

Акварель С.А. Титова по эскизу В.И. Козенковой

***Чеченцы в истории...*, 2008. С. 22**

Реконструкция облика всадника и коня

По материалам Сержень-Юртовского могильника XI–VII вв. до н.э.

Акварель Н.С. Сафроновой по эскизу В.И. Козенковой

***Чеченцы в истории...*, 2008. С. 23**

С глубокой древности вайнахи поддерживали интенсивные связи с грузинами. Последние знали вайнахов как *дзурдзуков, глигвов* и *кистов*. Грузинский историк Вахушти Багратиони считает, что глигвы – потомки дзурдзуков (*Вахушти*, 1973. С. 651–652). Этнонимы дзурдзуки, глигвы, кисты упоминаются в различных грузинских источниках до первой половины XX в. (*Маргошвили*, 1990. С. 27). «Армянская география» упоминает о кистах еще в VII в. В документах XIII в. по соседству с тушинами названы *киишты* (*Гамрекели*, 1961. С. 125; *Шавхелишвили*, 1963. С. 41). Вслед за кистами в «Армянской географии» названы *цхаваты*. Этот этноним ученые отождествляют с этнонимом «бацбийцы», под которым скрывается вайнахское племя, жившее в местности Цовата в горной Тушети (*Дешериев*, 1963. С. 43; *Виноградов, Чокаев*, 1966. С. 76–78). Наконец, крупное нахское племя *мелки* упоминается в одном из источников XIII в. (*Гамрекели*, 1961. С. 125; *Виноградов, Чокаев*, 1966. С. 78). Судя по археологическим материалам, к XVI в. это племя достигло высокого мастерства в архитектуре, металлообработке и гончарном производстве (*Марковин*, 1963. С. 256–270). Ученые отмечают, что термин «мелки» находит аналогию в имени нахского племени *малхи* (*мелхистинцы*), населявшего высокогорный район Малхиста почти на границе Ингушетии и

Чечни (*Виноградов, Чокаев*, 1966. С. 78). Ученые предполагают, что этноним «мелки» впервые появился на исторической арене не в XIII, а в V–IX вв., когда племя малхов возглавило борьбу горцев-вайнахов против алан, пытавшихся захватить их земли (Там же. С. 79–82).

Таковы письменные свидетельства о вайнахах I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., позволяющие уточнить вопросы происхождения и формирования чеченцев, ингушей, бацбийцев.

Кавказоведы поддерживают концепцию наличия общекавказского субстрата, о котором писали Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, О.М. Джапаридзе (*Крупнов*, 1964. С. 26–43), тем более что в последнее время благодаря трудам Р.М. Мунчаева, М.Г. Гаджиева, Х.А. Амирханова убедительно доказано, что на Северо-Восточном Кавказе в VII–V тыс. до н.э. возникла раннеземледельческая культура, когда, видимо, еще существовала северокавказская языковая общность (*Гаджиев, Магомедов*, 1996. С. 44–61). Антропологические исследования В.П. Алексеева позволяют предполагать, что это время совпадает с периодом отделения нахской группы от общего кавкасионского типа (*Алексеев*, 1974. С. 184–207; 1996. С. 135–136). По всей видимости, как считает М.Г. Гаджиев, на земледельческой основе в Дагестане и Чечено-Ингушетии примерно в V–IV тыс. до н.э. складывается этнический массив, говоривший на нахско-дагестанских языках (*Гаджиев*, 1987. С. 40), который в III тыс. до н.э. распался (*Мунчаев*, 1975. С. 409–417). Именно в это время, следует полагать, пранахские этнические группы стали выделяться в самостоятельные племена. Появление же племенной организации как таковой сыграло весьма важную роль в этническом процессе. Племя способствовало этнической консолидации родовых групп. Постоянная тесная связь общин внутри племени, текучесть и переоформление самих общин способствовали сравнительно быстрой унификации этнических черт племени в целом, которое теперь превращается в единую этническую группу со своими особенностями в материальной культуре, нормами обычного права, верованиями, особым диалектом и т.д. (*Генинг*, 1970. С. 91).

Если с этих позиций мы рассмотрим археологические материалы Чечни и Ингушетии, то становится очевидным, что в генезисе куро-араксской, майкопской, северокавказской, гинчинской, каякентско-харачоевской, кобанской и аланской культур и в частности их восточных вариантов, выявляется неоспоримая преемственность, что в свою очередь побуждает нас допустить, что носителями восточных вариантов названных культур были правайнахи. Археологические материалы III–I тыс. до н.э. позволяют считать, что нахское общество уже к началу II тыс. до н.э. прошло все основные стадии общественного разделения труда. Прогресс экономического развития, в свою очередь, порождал в социальной сфере важные тенденции: 1) формирование более или менее прочно связанных между собой общностью разнообразных, в том числе политических интересов племен, этнических групп; 2) сложение обширных областей со сходным типом хозяйства. Первая тенденция в значительной степени была результатом трансформации внутренней структуры общества. Вторая развивалась как следствие специализации отраслей хозяйства и усиления экономических связей между отдельными группами населения. Рост этих связей приводил к сближению отдельных племен и этнических групп. Видимо, преобладать стали связи и тесное общение между коллективами с однотипным хозяйственно-бытовым укладом, что в I тыс. н.э. могло привести к сложению единой этнической общности (Там же. С. 94).

Вайнахи сформировали общность, состоящую из двух союзов племен. Один стал позднее именоваться *ламанан нах* – «нахи, живущие в горах», или *ламарой* – «горные нахи». Они жили в верховьях Терека, Кистинки, Армхи, Ассы, Сунжи, Фортанги, Аргуна, Хулхулау, Аксая и других рек, а также в пределах «Черных гор» от Терека до Аксая. Второй союз племен, под названием *араран нах* – букв. «уличные нахи», т.е. «живущие на равнине», или *охьара нах* – «нахи, живущие внизу». Они обитали в среднем и нижнем течении вышеназванных рек. Названия «ламарой», «ламанан нах» – не уникальны. Известно, что имена многих племен мира образовывались от названий мест их обитания (*Багаев*, 2008. С. 171).

В VII в. до н.э. – X в. н.э. в результате последовательных вторжений на Северный Кавказ киммерийцев, скифов, сарматов, алан, гуннов, хазар, монголо-татар и прочих кочевников и складывавшихся с ними военно-политических и культурных отношений, а также продолжения традиционных торговых и других видов связей с Закавказскими странами, Восточным и Античным мирами, представители обоих вайнахских союзов племен, видимо, начали осознавать себя как единый народ – *нах*. Сошлемся на В.Ф. Генинга, который в своих теоретических рассуждениях по проблемам этногенеза убеждает нас в том, что процесс этнической консолидации и развития этнического самосознания завершается формированием общего имени этнической общности. Эти самоназвания семантически нередко восходят к значению «люди», что свидетельствует о существовании некой общей закономерности, распространяемой и на вайнахов (*Генинг*, 1970. С. 96–97; *Багаев*, 2008. С. 171).

Таким образом, можно констатировать, что процесс формирования нахского этноса, начавшийся в III тыс. до н.э., завершился где-то в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. сложением нахского народа со своим языком, территорией, культурой и экономикой.

На основании изложенных соображений и фактов, анализа древних и средневековых письменных источников (Геродот, Страбон, Ананий Ширакаци, Масуди, Леонти Мровели, Ибн Руста), а также научных исследований археологов, этнографов, антропологов, лингвистов и других ученых, мы считаем возможным сделать следующий вывод: в I тыс. н.э. рассмотренные союзы племен – ламанан нах и охьара нах – трансформировались в два раннегосударственных протофеодальных объединения: Дзурдзукия (в предгорной и горной частях) и Алания (в равнинной зоне), причем в «Аланию» вошли как составной компонент и часть горных, и основной компонент равнинных нахов, наравне с аланами и другими народами Северного Кавказа. Нахи, как составлявшие Дзурдзукию, так и входившие в Аланию, видимо, всегда осознавали себя как близкородственные народы с общим языком и культурой, что и отразилось в этнониме «вайнахи», самоназвании чеченцев и ингушей (*Багаев*, 2006. С. 94; 2008. С. 171–172).

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД. X–XV ВЕКА

Исторические свидетельства о населении, обитавшем на территории современной Чечни, для многих, особенно ранних, периодов являются отрывочными и неполными. Сложность представления цельной картины этнического, социально-экономического и политического развития Чечни и ее взаимоотношений с соседними народами состоит также в том, что в

период раннего Средневековья этот регион (наряду с Центральным Кавказом) и его население в большинстве источников покрывались названиями Алания и аланы (асы). Причем это мы встречаем во всех источниках – греческих, латинских, хазарских, армянских, грузинских, сирийских, арабских, персидских, русских, западноевропейских, монгольских и китайских. На основе этого можно заключить, что раннесредневековая история чеченцев и Чечни немыслима без алан и Алании. Археологические, антропологические, лингвистические, этнографические данные свидетельствуют, что аланы являются предками не только осетин. Видимо, не следует также говорить и о исключительно «пришлой природе» алан. Так, некоторые источники (Аполлинарий Сидоний) называют их «рожденными на Кавказе» (*Латышев*, 1949. С. 287). По мнению ряда чеченских ученых, Аланское государство, сложившееся в начале X в. и просуществовавшее до 40-х годов XIII в. (до нашествия Батыя), имеет непосредственное отношение ко многим народам Северного Кавказа, в том числе к чеченцам и Чечне (*Вагапов*, 1991. С. 104–110; *Арсанукаев*, 2002. С. 10–40; *Хизриев*, 2008. С. 312–319).

Вопрос о языковой принадлежности населения обширного Аланского государства также требует дальнейшего изучения. В частности, текст на известном Зеленчукском надгробье, считавшийся ираноязычным, по нашему мнению, удачно расшифровывается на основе чеченского языка (*Хизриев*, 1997. С. 58–63). Если же признать всех алан исключительно ираноязычным народом, то для чеченцев не остается места в средневековой истории Центрального Кавказа, так как Алания на востоке граничила непосредственно с Дагестаном.

Интересна аргументация известного алановеда В.А. Кузнецова в монографии «Очерки истории алан» (1984. С. 148–149) по вопросу о локализации и этноязыковой характеристике племен аргов, занимавших территорию предгорной Чечни, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, т.е. от Аргуна до Аргудана, который высказал предположение, что это было одно из нахских племен. Он считает, что арги были тем кавказским субстратом, на который наложилась ираноязычная группа алан, в результате чего сложился осетинский народ.

Большое влияние на развитие Чечни оказали походы чингизидов. В 1221 г., после переправы своих войск через Аму-Дарью и бегства среднеазиатского хорезмшаха Мухаммеда, Чингис-хан отправил на Кавказ опытных полководцев Субедея, Джебе и Токучара. Чингис-хан поставил перед экспедиционным корпусом задачу – пройти через Северный Иран, захватить хорезмшаха, покорить Закавказье, Северный Кавказ, Дешт-и-Кипчак, Русь и через три года, обогнув Каспийское море с севера, вернуться к нему. Монгольский отряд прошел с боями по территории Дагестана и, перевалив через Андийский хребет, вступил в горную Чечню, где уже начиналась «Алания» и обитали аланы, «состоящие из многих народностей» (*Тизенгаузен*, 1884. С. 25). Чтобы из Дагестана выйти на Чеченскую плоскость, монголы должны были идти по маршруту: Харачой – Ведено – ущелье р. Хулхулау – Шали – Грозный. Так как под названием государства Алания покрывалась вся равнинная территория Чечни наряду с Центральным Кавказом, то собирательный этноним аланы в данном случае имеет прямое отношение к чеченцам.

По преданию, предки чеченцев применяли традиционные приемы борьбы при движении противника по ущелью: завалы, засеки, камнепады, лесной бой, заманивание противника в глубь своей территории и массированное преследование, изматывание сил и деморализация наступающих беспрерывными

вылазками, и только после этого – решительный бой. Применив эту тактику, жители гор и плоскости Чечни, а также Центрального Кавказа сумели ослабить противника, выиграть время, собрать свои силы и подготовиться к решающему сражению. Можно предположить, что оно произошло при выходе из гор на плоскость через Ханкальское ущелье (в районе нынешнего г. Грозного).

Первый бой не принес победы ни одной из сторон. Согласно «Секретной истории монголов», император Угедей в 1236 г. отправил в следующий поход Батыя и к нему присоединил с крупными отрядами своего сына Гуюка, сына старшего брата Чагатая – Бури, сына младшего брата Тулуя – Мунке и других царевичей. Все они были отправлены на помощь Субедею, «так как Субедей-бахатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых было поручено еще при Чингис-хане» (*Тизенгаузен*, 1884. С. 231). При этом начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса (Монголия и Китай) было возложено на Гуюка, предводительство войском из улуса Чагатая (Средняя Азия) – на Бури, а общее руководство поручено сыну Джучи – Батыю. В походе участвовало более 20 царевичей, а численность войска достигла 200 тысяч. По словам Джувейни, «от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели звери и хищные животные».

Зимой, в конце 1238 г., царевичи Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури начали свой поход на Аланию, и после полуторамесячной (по китайским источникам – трехмесячной) осады захватили ее столицу Магас (Минкас). Есть основания полагать, что монголы сразились с местным населением непосредственно на территории Чечни. Рашид ад-Дин оставил лаконичное, но очень важное сообщение: «Кадан и Бури выступили против народа сасан и после троекратного сражения победили этот народ» (*Рашид ад-Дин*, 1960. С. 45). Отметим, что ираноязычные народы, в том числе и осетины, называют чеченцев «сасан». Сообщение о троекратном сражении говорит об упорной борьбе чеченцев против монголо-татарских захватчиков и о том, что два сражения закончились или поражением монголов или, во всяком случае, не принесли им успеха.

После победы над Тохтамышем в трехдневном сражении на левом берегу Терека, в районе нынешней ст. Шелковской, Тимур обрушился на горцев Северного Кавказа. Пятый поход был направлен против Чечни, которая в то время упоминается под названием Симсим (Саксин). На подступах к предгорьям, в районе г. Грозный, правитель Чечни Гаюрхан дал сражение Тимуру, однако силы оказались неравными, и местные жители отступили в горы. Подавляющая их часть ушла в такие недоступные места, «куда и пеший с трудом мог добраться» (*Тизенгаузен*, 1941. С. 185).

О силе сопротивления чеченцев говорит тот факт, что историографы нашли нужным подчеркнуть, что «Тимур лично отправился против них» (Там же. С. 183); они также сообщают, что здесь было много неприступных мест, укрепленных башнями и крепостями, которые Тимур завоевывал и разрушал, а защитников сбрасывал в пропасти.

Источники отмечают, что во время боевых действий в Симсиме воины Тимура «взяли много владений». Стремление Тимура расправиться с непокорными горцами было столь велико, что по его приказу войско забиралось в такие места, с которых ни конному, ни пешему нельзя было спуститься, «а следовало оттолкнуться и скользить вниз». Подчеркивая силу сопротивления населения на территории Чечни, ожесточенность боевых действий в

горных условиях, придворные хронисты завоевателя с трепетом писали, что и сам властитель Тимур «подвергался этим ужасам и опасностям» (Там же).

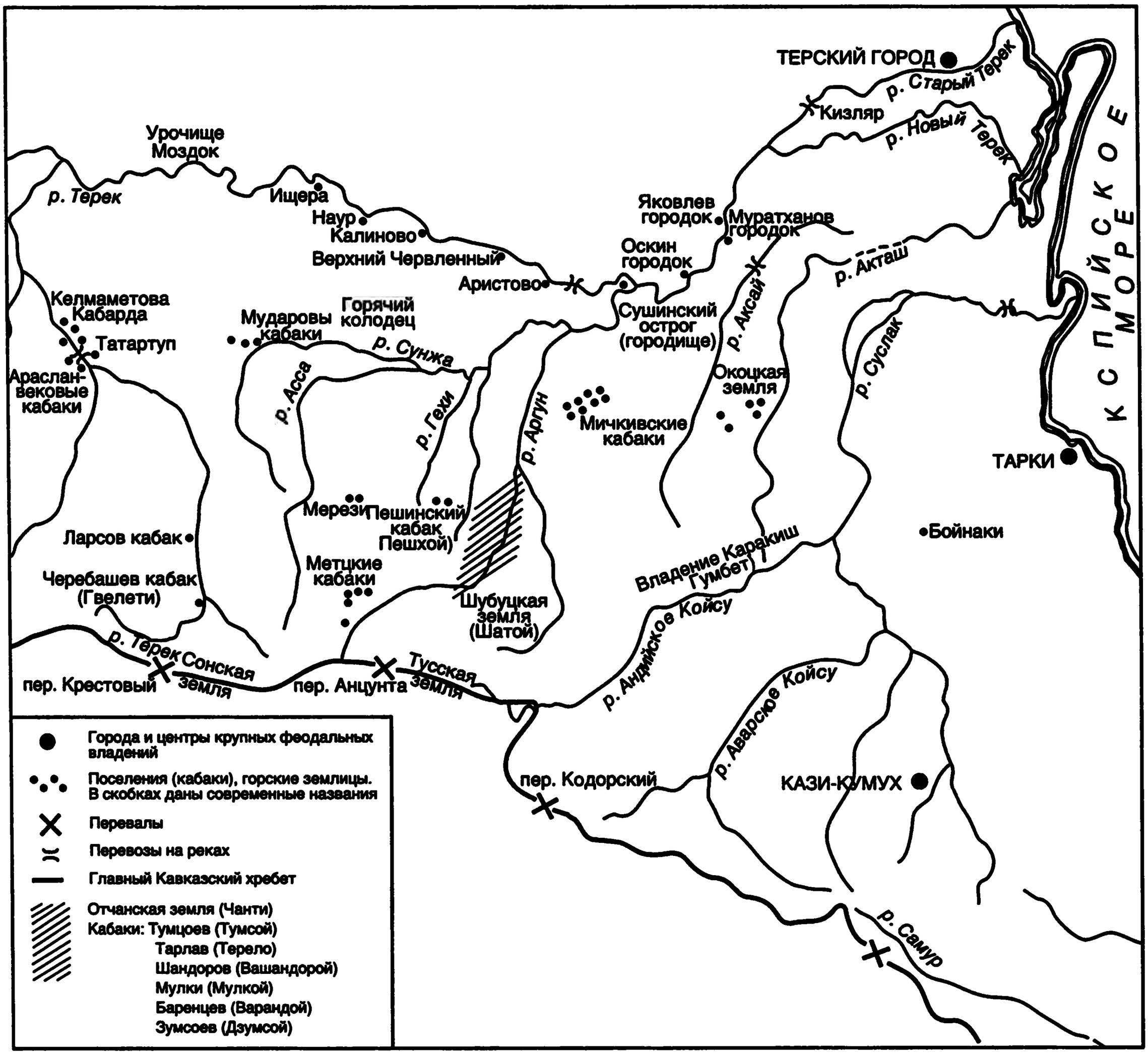
Спустившись с гор Симсима на плоскость, Тимур направил свое войско в предгорный район Аухар, населенный чеченцами ауховцами (аккинцами), так как с Кумыкской низменности до Салаватских гор можно дойти только через Аух. Чечня в своем социально-экономическом развитии шла тем же путем, что и соседние области, хотя здесь были свои специфические особенности. Нашествие Тимура, как ранее нашествие чингизидов, нарушило ход общественного развития и нанесло урон хозяйству края. Чеченцы в своем развитии были отброшены на несколько веков назад. По приказу Тимура его воины, как и в других областях, вырубали в области Симсим лес, уничтожали сады, вытаптывали возделанные поля, разрушали города и села, башни и культовые сооружения, уводили скот, захватывали добычу, забирали в рабство молодежь и ремесленников. Резко сократилось население – происходил распад страны на мелкие «землицы», которыми была представлена Чечня в XVI–XVII вв.

ЧЕЧНЯ В XVI–XVIII ВЕКАХ

Развитие Чечни в XVI–XVIII вв. в этнополитическом, общественном и хозяйственном плане происходило при одновременном воздействии таких факторов, как возвращение чеченцев на равнины, формирование земледельческого центра на «Чеченской плоскости», утверждение монотеистической религии, усложнение социальной структуры общества, становление единого чеченского этноса на базе нахоязычных горских обществ Северного Кавказа. Примерно из 54 нахских горно-плоскостных обществ 50 составили историческую Чечню. В этот период складывается этническое единство, четко проявляется действие центростремительных сил, что видно на примере больших образований-федераций, таких как Чебарлой, Шарой, Шатой, Мержой, Карабулак, Чеченское владение, Нахч-Мохк (Ичкерия), составленных из множества вольных обществ.

В источниках XVI в. упоминается предгорно-плоскостное Окоцкое (Ауховское) владение Ишеримовых в бассейне Аксая-Акташа. Первые выходцы с гор на Чеченскую равнину по берегам р. Аргун – «шибуты», уже в 1620-е годы пытаются уничтожить казачьи городки на Терско-Сунженском хребте. Данные о появлении на Сунже и Аргуне основателей Чеченского княжества – аварских князей Турловых из Гумбета (Северный Дагестан) относятся к 1648 г. В 1658 г. на Аргуне уже твердо «сидят» владельцы «Загастунка, да Алибечко, да Алиханко, да племянник их Кучбарка» (*Ахмадов, Оразаев,* 1983. С. 23; *Ахмадов*, 2009. С. 188–189). Вследствие родства братьев Турловых с аварским ханом грузинский царевич Николай, следовавший из Закавказья на Терек аргунским маршрутом, назвал поселения на Аргуне «Уварское меньшое владение», однако грузинский епископ Епифаний определил того же Алихана как «кумыцкого мурзу». С 1675 г. этническое лицо Турловых определяется в документах как «чеченские мурзы». Именно они сыграли определяющую роль в становлении Чечни, создав своеобразное княжество-государство феодального типа (Русско-чеченские отношения, 1997. С. 200; *Исаева*, 1977. С. 89–90; *Айтберов, Ахмадов*, 1988. С. 71–72).

К 1720 г. в «Чеченцах» было «семь местечков и другие села и деревни», а головным имением считался аул Буюк-Кент (Буган-Юрт), более известный как



Селения (кабаки) и землицы части Северо-Восточного Кавказа в XVII в.
Автор Н.Г. Волкова, худ. Г.В. Воронова. Личный архив Н.Г. Волковой

Алда. В 1732 г. русский офицер Д.Ф. Еропкин центром Чеченского владения называет «деревню» Чечен. В 1770 г. И. Гильденштедт установил наличие на р. Аргун больших сел «Чечен и Хаджи-аул», а также «Сире» (Суйр-Корт), «Янгегерт» (Янги-Юрт), «Шахгери» (Чахкар), «Шареин» (Шавдон? – *Я.А.*), «Тага» (Атага), «Докон Атага» (Йокха Атага – Большая Атага). По крайней мере, три из них – Чечен Аул, Алда и Хаджи-Аул – имели по 500 дворов, а Чахкар – 200 (АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 1; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 31 об., 53 об., 157 об.–158; *Гильденштедт,* 2002. С. 50, 242, 273; *Еропкин,* 1958. С. 123; *Волкова,* 1974. С. 171–172 и др.).

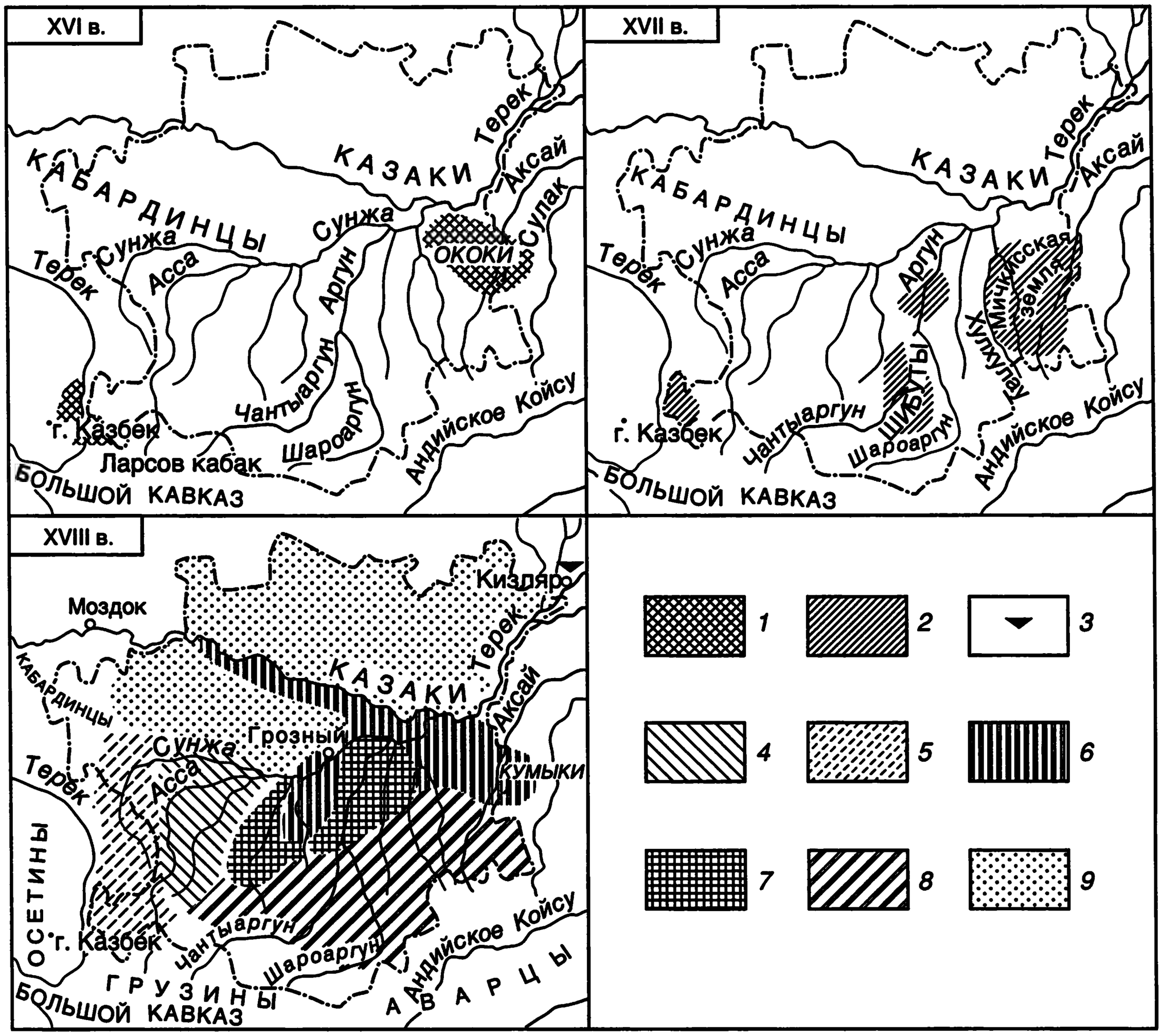
Жители Чеченского княжества-государства, занимая центральную часть Чеченской равнины и оказавшись в соседстве с развитыми российскими, кумыкскими и кабардинскими районами, «сообразуясь с условиями своей земли, …обзавелись лучшим хозяйством, развели рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады. Они сеяли преимущественно пшеницу, просо и ячмень» (*Лаудаев,* 1990. С. 85). Сам Чечен-аул «преимущественно

перед прочими аулами, был обширен, лучше обустроен, имел лавки (тукен), на порогах которых виднелись армяне, евреи и кумыки». Экономическое развитие района привело к хозяйственной экспансии чеченцев к Тереку, где они вступили в борьбу за пастбища и покосы с гребенскими казаками и жителями Девлет-Гирей-аула. Успехи хозяйственного развития на Чеченской равнине привели в XVIII в. к зарождению зернового рынка. В свою очередь это обстоятельство придало динамику развитию края и ее воздействие распространилось за пределы Чечни (ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3584, ч. II. Л. 43; *Калоев*, 1981. С. 172; *Ахмадов*, 2009. С. 69).

С ростом населения и числа аулов Чеченского владения, дроблением княжеских фамилий «на плоскости» развиваются центробежные процессы. В 1746 г. Чеченское владение было разделено «на трое», но в рамках одного общества. С образованием новых, сугубо «княжеских» аулов было произведено территориальное размежевание: «Росланбеку Айдемирову с подвластными по Сунже реке от урочища Айдемирова броду до Мырханова (Амирханова. – *Я.А.*) броду, а от Айдемирова-броду по Сунже реке до Топленского броду Алисултанова земля, а от Мырхан-кечу до Кихие (Гехи. – *Я.А.*) топлинского народа земля» (РГАДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 38 об.).

В результате социального кризиса, политического и экономического усиления чеченского крестьянства в 1790-е годы местная знать теряет силу и уходит со своими холопами и узденями на правый берег Терека под защиту российских властей. Система княжеского управления в Чеченском владении сочеталась с общинно-крестьянской: народные собрания и советы старейшин самостоятельно вступали в переговоры с российскими властями на Тереке. В 1760–1780-х годах письма из чеченских аулов кизлярским комендантам идут от «чеченских народов больших и малых», «чеченского владельца… старшины и все народы», «старшины и владельца». Имперские власти начинают брать аманатов от старшин чеченских селений, а не от князей (ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 680. Л. 82–82 об., 89; Д. 855. Л. 61; Д. 1183. Л. 6 об.; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13, ч. 4а. Л. 242).

Формирование западных и северных границ чеченского края в предгорно-равнинных районах связано с экспансией Кабарды на восток в XVI–XVII вв. и ее последующим отступлением на запад в XVIII – начале XIX в. Географическая традиция XVII в. относит междуречье Терека и Сунжи к «Малой Кабарде». Кабардинские аулы появляются в XVII в. районе «щелей» Дарьяльского ущелья по направлению от Дарьяла к урочищу Мэздаку (Моздок) на Тереке, а с 1730-х годов – по р. Курп и у подножия Малгобекского хребта, орошаемого р. Пседах. Их не было только на территории современной Чечни. Документ 1757 г. описывает прохождение границы между Чечней и Малой Кабардой по правобережью притока Терека р. Курпа. Чеченский князь Расланбек Айдемиров был намерен встретить в Кабарде торговый караван из Крыма и «препроводить… чрез гребню урочища Кулауса в Чечни. Оное же урочище Кулаус состоит на чеченской стороне расстоянием от р. Курпа вниз (к востоку. – *Я.А.*) по примеру верстах 10, а от Терка к горам (к югу. – *Я.А.*) в верстах 20». По документу 1764 г. при речке Курп «кабардинские жилища и им принадлежавшие земли оканчиваются» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 555. Л. 203; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7об.; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1751 г. Д. 1. Л. 1–1об.; *Броневский*, 2004. С. 162; *Волкова*, 1974. С. 54–55).



Россия и общества чеченцев и ингушей в XVI–XVIII вв.

XVI в. *1* – Общества Чечено-Ингушетии, присягнувшие России во второй половине XVI в.
XVII в. *2* – Общества Чечено-Ингушетии, присягнувшие России в XVII в.
XVIII в. *3* – Ококи г. Кизляра (присягнувшие России в 1735 г.), *4* – Карабулаки (присягнувшие России в 1762 г.), *5* – Ингуши (присягнувшие России в 1770 г.), *6* – Чеченцы, вошедшие в состав России на протяжении 30–70-х годов XVIII в., *7* – Основные сельские общины плоскостной Чечни, договорно оформившие условия подданства и возобновившие присягу России в 1781 г., *8* – Общества горной Чечни, вошедшие в состав России через посредство плоскостных чеченцев в 40–70-х годах XVIII в., *9* – Земли, не заселенные к 1781 г.
История народов..., 1988. С. 348

В XVI–XVIII вв. в процессе освоения Чеченской равнины, расположенной между р. Сунжа на севере и передовой цепью горного массива на юге, появилась потребность приобретения новых земель, пригодных для развития пашенного земледелия и скотоводства. Следует отметить, что подвластные чеченских князей по Аргуну издавна использовали левобережную часть Сунжи и часть Терского хребта для сенокосов и выпаса скота. Со второй половины XVIII в. чеченские князья, старшины и лично свободные крестьяне-*уздени* все чаще переходят на противоположный берег Сунжи. Здесь образуются такие селения, как Амирханов Брод и, возможно, Сарачан-юрт, основанный предками юнкера Ахтахана из клана Эгишбатой (умер в 1836 г.)

на праве личной собственности. На Сунже, «напротив» станицы Наурской на Тереке поселился в 1780-е годы гехинский старшина Кайтука. В 1781 г. чахкеринский (атагинский) владелец Алихан (Алхан) Нурмаматов информировал русские власти в Кизляре о своем переселении за Сунжу (район совр. с. Алхан-кала) «при урочище Тегенек-Тама» (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/94. Д. 481. Л. 82–83; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1183. Л. 10–10 об.; ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 4. Л. 1; *Волкова*, 1974. С. 186). По данным 1829 г., по правому берегу Сунжи было уже 70 чеченских селений, а по левому берегу 10 селений и 30 хуторов, образовавшихся с 1750–1780-х годов по 1829 г. (*Волкова*, 1974. С. 188).

Новый равнинный регион страны – Надтеречная (Притеречная) Чечня имел четкие границы, в зональном направлении на севере ограниченные течением Терека, на западе – правым берегом р. Курпа (приток Терека), на востоке – нижней частью Сунжи при впадении ее в Терек, а на юге – собственно Сунженским хребтом. Первым постоянным поселением нового времени в Притеречье, если не считать Терской крепости 1567–1570 гг. (1578 г.) и казачьих городков XVII в., стало сел. Брагуны, основанное небольшой тюркоязычной этнической группой неясного этногенеза в 1640-х годах. Предания брагунцев повествуют о том, что селение здесь решил основать предводитель племени Борахан, когда при переправе каравана через Сунжу в спицы колеса арбы втиснулся огромный осетр (РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5; Русско-чеченские отношения, 1997. С. 39–88, 168–176, 276, 306; *Сулейманов*, 2006. С. 596; ПМА 1983). Брагунцы активно занимались земледелием. В черте владений брагунских князей находились и обследованные в XVIII в. Г. Шобером и И.А. Гильденштедтом «Петровские теплые целительные воды», которые использовались горцами и казаками для лечения. На тюркскую лексику и особенности строя языка брагунцев оказал влияние чеченский язык, в том числе и за счет переселения сюда чеченцев-мичкизовцев (*Броневский*, 1823. С. 96–97; *Гильденштедт*, 2002. С. 255; *Гусейнов*, 1999. С. 30).

Девлетгиреевское владение (Девлет-Гирей-юрт, Дойкар-аул) возникло в 1750-е годы в Надтеречной Чечне усилиями «гребенчуковского владельца», сына генерал-майора русской службы Эльмурзы Бековича-Черкасского (командовал иррегулярным Терским Кизлярским войском) – Девлет-Гирея. Оно состояло из двух аулов (не считая хуторов) – Девлет-Гирей-юрт (Старый Юрт) и Бамат-юрт (Новый Юрт), расположенных у северного подножия Терского хребта под вершиной «Араз/Орз-гора». В XIX в. в Старом Юрте жили представители аккинцев (ауховцев), зандаковцы, кей (кейцы), чертой, чинхой, энгеной, цонтарой, курчалой, чермой; по сведениям, полученным от современных информантов, в Старом Юрте издавна жили горские евреи-ремесленники и кабардинцы – *черкзи* (*Волкова,* 1974. С.183; *Сулейманов*, 2006. С. 593; ПМА 1983 г.).

Царское правительство с момента основания крепости Моздок в 1762 г. пыталось выселить максимально большое число горцев с «крепких мест» под Моздок и на Терек, где их можно было контролировать с помощью военной силы. В марте 1783 г. генерал Текелли доложил кн. Г.А. Потемкину, что чеченские владельцы Казбулат Топлинской и Алибек Батырханов просят «с несколькими подвластными…, переселиться… к Тереку, на плоскость…, удаляясь от злодеев». При этом выяснилось, что тот же Казбулат имеет в собственности на Терском хребте нефтяной колодец и получает «со оного доход». Текелли предложил поселить князей по Тереку, напротив станиц

«Моздокского казачьего полку» (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 82–83). Русский историк П.Г. Бутков так описал этот процесс: «Сии владельцы… основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека в противоположности гребенских и моздокских казачьих станиц, как-то девлетгиреевцы… имели в 1784 г. 400 дворов, Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове выгнанные, …имели в двух селениях 400 дворов, Кайтуковцы, Терловы, …против Наура основали два селения; казбулатовцы… основали селение около Наура близ Терловых» (*Бутков,* 1869. Ч. 2. С. 112). Селения в Надтеречье основывала и нетитулованная чеченская верхушка. В 1797 г. чин прапорщика получил некий Улумо Мудо-Рук Саидов, который жил «с народом около реки Терека и принес с ним покорность правительству». В прошении ротмистра У. Лаудаева 1862 г. говорилось, что «его прадет Ногай-Мирза… переселился» из Нахч-Мохка на Терек, где тот основал аул Ногай-Мирза-Юрт. Это был самый западный аул в истории расселения чеченцев в XVI–XVIII вв.

Параллельно с заселением чеченцами правобережья Терека усиливалось стремление к открытию «противоположного» левого берега в хозяйственных целях (главным образом зимние пастбища) и для беспрепятственного сообщения со степными народами (ногайцами, калмыками), Большой Кабардой и «старыми» станицами Терско-Гребенского казачьего войска. К началу XIX в. правый берег Терека «на протяжении ста верст», от Моздока до укрепления Амир-Аджи-юрт, «принадлежал Чечне» (*Самойлов,* 1855. С. 52).

Появление русских поселений в пределах современных границ Чечни, сложившихся с течением времени в Терско-Гребенское казачье войско, относится к 1567 г., когда при впадении Сунжи в Терек была сооружена первая русская крепость на Кавказе. В 1571 г., после сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем, по требованию Стамбула была снесена Терская крепость, а гарнизон выведен к Астрахани. В 1578 г. крепость на Терской косе в виде Сунженского острога возобновляется, но из-за угрозы крымско-турецкой стороны вновь сносится в 1579 г. Однако казаки продолжают нести службу в стратегически важном районе бродов и переправ. Это были «вольные» казаки, представлявшие собою вооруженные отряды во главе с выборными атаманами, служившими за «повременную плату» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1/1512. Д. 1. Л. 8 об.; *Белокуров,* 1889. С. XXXVII, 5; Кабардино-русские отношения, 1957. С. 34–35, 36; *Кушева,* 1963. С. 243–244, 255). С 1578 г. 500 терских «вольных» казаков до строительства большой крепости в низовьях Терека в 1588–1589 гг. находились в ведомстве чеченского (ауховского) владельца Ших-мурзы Ишеримова, который заявлял, что он находился в союзе с русскими с основания первой русской крепости и при жизни своего отца Ушармы (Ишерим). В челобитной терских казаков от 1588 г. подтверждалось, что они «промышляли всяким государевым делом заодин с Ших мирзою с Окуцким». К 1586 г. относится известие, что группа казаков расположилась у «Горячего Колодца» (район современной ст. Горячеисточненской) на Терском хребте, а на левом берегу Терека находятся две станицы Нижняя и Верхняя. Станицами в то время называли станы казачьих отрядов. Казаки селились маленькими отрядами по 20–30 человек в «городках» – небольших укреплениях, огороженных рвом и валами с деревянным тыном. Селившиеся на Терском хребте (гребне) назывались гребенскими, а располагавшиеся по берегу Терека – терскими.

В конце XVI – первой половине XVII в. основные казачьи городки находились на левобережье Терека между урочищем Моздок и Царевым Бродом (до впадения Сунжи) и в нижнем течении пограничной реки по ее северным протокам – «на Кизляре» и «на Быстрой» (Русско-чеченские отношения, 1997. С. 13, 18, 111, 113, 122, 137, 172, 175, 208; *Kortepeter,* 1972. P. 83; *Юдин,* 1913; *Кушева*, 1981. С. 20, 28–43; *Козлов*, 2002. С. 12).

Основным средством существования вольных терско-гребенских казаков в XVI–XVII вв. были набеги и грабежи, охота и рыболовство. Они не задерживались надолго на одном месте, колебалась и их численность – от 300 до 500 человек. В 1628 г. «многие терские казаки… збежали на Дон», в отписке 1631 г. сообщается, что терско-гребенские казаки «на государеву службу идти не хотят, а бредут розно». Но и в местные казачьи городки и станицы бежали участники народных восстаний, беглые пленные из горских аулов и сами горцы (Кабардино-русские отношения, 1957. С. 123; *Гриценко*, 1984. С. 129; *Козлов,* 2002. С. 16–20).

К середине XVII в. часть терско-гребенских казаков стали оседлыми и семейными, сложилось единое казачье сообщество – «войско» с такими институтами, как казачий войсковой круг (собрание казаков «всей реки»), станичный атаман – глава «станицы» – казачьего отряда и поселения, войсковой атаман – глава всего войска, один из станичных атаманов. Эволюция вольного казачества в служилое завершилась в правление Петра I, когда мелкие городки в 1711–1712 гг. были сведены в пять станиц на левом берегу Терека (Червленная, Щадринская, Новогладовская, Старогладовская и Кордюковская). В 1721 г. терско-гребенские казаки были переданы в ведение Военной коллегии. В дальнейшем гребенских казаков частями переводили то на Сулак (1723 г.), то под Кизляр (1735 г.), то усиливали поредевшие станицы за счет донских и волжских казаков. В 1735 г. из переселенных донцов было учреждено и Терское Семейное казачье войско в трех станицах – Каргалинская, Дубовская и Бороздиновская (*Потто,* 1912. С. 23–25; *Заседателева,* 1974. С. 229; *Волкова,* 1974. С. 194–195; *Гриценко*, 1984. С. 130–131; *Козлов,* 2002. С. 22–25).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЧНИ В XVI–XVIII ВЕКАХ

В середине XVI в. начинается проникновение Московского государства на Северный Кавказ. В новых межгосударственных отношениях активно участвует чеченский князь Ушарма (Ишерим), а затем его сын Ших-мурза (Ишеримов) Окоцкий, владетели Ауха. Это княжество располагалось в бассейне рек Аксай-Акташ в верхней части Кумыкской равнины (Северный Дагестан), распространяло свое влияние на Восточную Чечню и некоторые другие нахоязычные районы. В начале 1580-х годов, имея 500 дружинников и приданных ему 500 казаков, Ших-мурза развернул активную политическую деятельность. К нему как к посреднику в отношениях с Москвой обращались аварский хан, грузинский (кахетинский) царь и крымский царевич. Находился в союзе с ним и другой нахский феодал, Салтан-Мурза, «сидевший в начале стратегически важного Дарьяльского ущелья» (*Белокуров,* 1889. С. 270, 558–559; *Ахмадов,* 2009. С. 268–269).

Османская империя, захватившая в 1453 г. Константинополь, выходит на Черноморское побережье Северного Кавказа и в течение XVI–XVII вв. стремится овладеть всем регионом и сомкнуться на Волге с мусульманскими эмиратами Средней Азии. В начале XVI в. интерес к Кавказу усилился и у Ирана. В 1502 г. к власти в Иране пришел шах Исмаил Сефевид, который начал в 1514 г. серию войн, продолжавшихся до 1639 г., с Турцией за обладание Месопотамией и Кавказом. В ходе этих войн турки и иранцы не раз проникали на земли Северного Кавказа, тесня здесь русских воевод и местных феодальных правителей. В 1582 г. чеченский князь Ших-мурза Окуцкий участвовал в военных действиях против турок под Дербентом. В 1583 г. он с казаками напал на четырехтысячный отряд турецкого полководца Осман-паши во время его переправы через Сунжу и нанес ему чувствительный урон. В 1588 г. Ших-мурза направляет в Москву послом своего племянника Батая, результатом чего стала жалованная грамота царя Федора Иоанновича, закреплявшая отношения сюзеренитета-вассалитета. Но в 1596 г. Ших-мурза был убит, а его княжество становится вассальным по отношению к кумыкскому феодалу Салтан-Магмуту Эндирейскому, 160 семейств окочан-ауховцев бежит в крепость Терки и основывает здесь Окоцкую слободу, просуществовавшую до XIX в. В первой половине XVII в. в Терках большое влияние имел окоцкий уздень (дворянин) Бикша Алеев вместе со своим воспитанником служилым кабардинским князем Муцалом, вмешивавшийся во взаимоотношения России с Крымским ханством, народами Северного Кавказа и Ираном (*Белокуров*, 1889. С. 270, 558–559; *Ахмадов*, 2009. С. 268–269, 280–283).

В течение XVII в. Россия, Иран и Турция со своим вассалом Крымским ханством тщетно делили Северный Кавказ на сферы влияния. Местные союзы аулов и горские князья с легкостью меняли политическую ориентацию, соблюдая свои собственные интересы. Некоторое влияние в горах Чечни продолжали сохранять правители отдельных областей Грузии, распавшейся на ряд «царств». Один из таких царей, кахетинский правитель Теймураз, скрываясь в Кавказских горах от иранцев, искал поддержки горных чеченцев, ингушей и осетин. В середине XVII в. под его влиянием было заключено соглашение Шибута (горного чеченского общества-федерации), Тушети и Хевсурети против иранского владычества в Грузии. В 1657 г. послы от шибутских селений побывали в Москве в свите царя Теймураза. В 1659 г., поддерживаемые шибутами, тушины выступили во главе антииранского восстания в Кахетии и разбили иранские войска (*Кушева, Усманов*, 1978. С. 102, 107; *Шавхелишвили*, 1983. С. 19).

Дальнейшие политические события, в которых участвовали те или иные чеченские общества и феодальные владельцы Турловы, во многом были связаны с политикой грузинских царств, походами крымских ханов на Северный Кавказ и крестьянско-казачьими войнами на юге России. В 1708 г. чеченские владетели во главе с башкирским чингизидом Муратом Кучюковым собирают вокруг себя горцев Северного Кавказа и захватывают русскую крепость, но вскоре они были выбиты на правый берег Терека. Петр I в ходе подготовки к Персидскому походу в 1718 и 1721 гг. провел две экспедиции против чеченцев силами казаков и своих союзников в Кабарде. Во время «Персидского» похода он отправил тысячи драгун к границам Чечни, которые были остановлены горцами у кумыкского аула Эндери (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 87; Материалы по истории Башкирской АССР, 1936. С. 252–256; *Бутков*, 1869. С. 23).

В 1732 г. посланный за Терек с карательной экспедицией полковник Ф.Х. Кох был разбит в чеченских лесах, и старший чеченский князь Айдемир Бардыханов со всеми чеченцами встал на сторону крымского царевича Фети-Гирей Султана, двигавшегося в 1733 г. через Северный Кавказ по приказу Стамбула к театру военных действий в Иране. В ожесточенном сражении крымские татары и чеченцы разбили войска генерала Гессен-Гамбургского в районе переправ у Гудермеса. Эта акция настолько воодушевила турок, что в 1735 г. они одобрили поход самого крымского хана Каплан-Гирея этим же маршрутом. По пути хан решил приводить народы Северного Кавказа в подчинение себе, чего потребовал и от союзных чеченцев. Предание гласит, что чеченцы на всенародном собрании решили отказаться от требуемой «дани и подданства» и постановили собрать ополчение. К середине лета 1735 г. армия Каплан-Гирея в 80 тыс. человек вышла к берегам Сунжи. Из района современного Грозного он решил двинуться на Чечен-аул. Пятитысячный конный корпус втянулся в широкое дефиле между двумя возвышенностями Хан-Кала, где был окружен и перебит. Хан отправил в бой еще 5 тыс. человек, но и из них спаслись немногие (*Бутков*, 1869. С. 118–119, 122; *Ахмадов*, 2009. С. 327–328).

Прохождение крымских войск через Чечню и Дагестан послужило поводом для начала Россией войны против Османской империи. Война 1736–1739 гг. закончилась для России победным Белградским миром. По одной из статей договора Дагестан и Чечня были признаны сферой влияния России. Старший чеченский князь Айдемир Бардыханов, боровшийся на этот раз с крымским ханом и «оказавший ему многие вредительства», как союзник и влиятельный горский аристократ был признан «подданным России», и императрица Анна Иоанновна назначила ему полковничье жалованье – 300 рублей в год (АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела,1746 г. Оп. 115/1. Д. 5. Л. 23 об.).

В 1741 г. иранский правитель Надир-шах после побед в войнах с Индией и Турцией со стотысячной армией вторгся в Дагестан с целью подчинить Северный Кавказ и юг России. Иран и Россия стремились заручиться поддержкой чеченских князей. Один из них, Айдемир – приехал в новую русскую крепость Кизляр на Тереке, где обещал привести чеченцев в «российское подданство». Но другой чеченский князь – Алибек со старшинами отправился в лагерь Надир-шаха, где заключил договор о совместных действиях против русской пограничной линии на Тереке. Однако договор реализован не был. В 1743 г. в Дагестане армия Надир-шаха была разгромлена (АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Персией, 1743 г. Оп. 77/1. Д. 3. Л. 8–9; *Бутков,* 1869. С. 258).

К середине XVIII в. в Чечне начинает преобладать российская внешнеполитическая ориентация, ставшая во второй половине XVIII в. ведущей. Но в 1757 г. произошло обострение чечено-русских отношений, вызванное также социальными проблемами в самой Чечне, где росло недовольство правлением князей. В начале 1758 г. Елизавета I одобрила план военного похода на Чечню. В мае 1758 г. свыше 5 тыс. русских солдат, казаков, служилых калмыков и кабардинцев, перейдя р. Сунжа, стали лагерем у входа в ущелье Хан-Кала. На помощь чеченцам пришло почти 2 тыс. человек из Анди, Аварии и Кумыкии. После нескольких мелких столкновений стороны приступили к переговорам и, наконец, заключив, что чеченцы «в примире-

ние не пришли», российские войска ушли в Кизляр (ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3396. Ч. 1. Л. 71; *Головчанский*, 1914. С. 87, 101–106).

В 1783 г. русские войска дважды вторглись в Чечню и с боями прошли насквозь равнинные районы, где сжигались дотла цветущие аулы. Организацией этих экспедиций занимался всесильный фаворит Екатерины II – князь Г. Потемкин. Исполнителем был его племянник – генерал П. Потемкин (*Бутков,* 1969. С. 109; *Ахмадов,* 2009. С. 364–365).

В конце XVIII в. Чечня превращается в основной оплот противодействия наступательной политике царизма на Кавказе. Екатерина II, присоединив в 1783 г. Крым, подписав с Грузией Георгиевский трактат о вступлении ее под покровительство империи, усилившись в Дагестане и Кабарде, желала добиться состояния полной «управляемости» и в Чечне.

Наряду с конфронтационными тенденциями именно в XVIII в. в Чечне окрепла российская внешнеполитическая ориентация, которая стала ведущей в горском обществе, так как именно русская пограничная «Линия» стала преимущественным потребителем «горских товаров» и источником жизненно необходимых продуктов и материалов для горцев – тканей, готовых металлов и металлических изделий, золотой и серебряной монеты, красок, предметов роскоши и т.д.

Землетрясение 12 февраля 1785 г. на Северном Кавказе, предсказанное шейхом Мансуром в Чечне, произвело необыкновенное впечатление на горцев. В его аул потянулись тысячи людей от Дербента до Анапы. Паломники видели перед собой огромного роста статного молодого мужчину (25–26 лет) с глазами, сверкавшими из прорези маски (шейх долгое время не открывал лица), звучным голосом нараспев читавшего Коран, окруженного почтенными муллами и знаменитыми учеными-богословами Чечни, Дагестана и Кабарды. Собрание улемов провозгласило Мансура имамом – предводителем мусульман Северного Кавказа. Несмотря на первоначальный мирный характер проповедей Мансура, имперские власти решили подавить потенциальный бунт в зародыше и отправили в с. Алды отряд полковника Н.Ю. де Пиери в 2 тыс. человек. Разграбив аул, нагрузившись добычей, отряд колонной двинулся назад к переправе по узкой лесной дороге. Горцы окружили его и в жестоком кинжальном бою уничтожили полностью, вместе с командиром (*Терещенко*, 1856. С. 64; *Ахмадов*, 1991. С. 93–98). Успех повстанцев воодушевил весь Кавказ, к Мансуру двинулись даже горские князья вместе со своими узденями – профессиональными воинами. Русские войска на Кавказской равнине, бросая легкие укрепления, стягивались в несколько крупных пунктов. Одним из них был Кизляр. Горцы Чечни, Кабарды и Дагестана потребовали похода на него, падение Кизляра означало бы, по существу, падение русского влияния на всем Северо-Восточном Кавказе. 15 июля 1785 г. 5 тыс. горцев пошли на штурм Кизляра, но пушечным и оружейным огнем регулярной пехоты они были отброшены. Захватив и уничтожив небольшое укрепление под Кизляром – Каргинское, горцы отошли за Терек. 29 июля 1785 г. войска имама атаковали крепость Григориополис (названа в честь Г. Потемкина), расположенную в 42 верстах от Моздока по направлению к Владикавказу. В августе 1785 г. имам второй раз атаковал Кизляр, но опять безуспешно. В октябре 1785 г. в течение трех дней Мансур вел сражения в Малой Кабарде под Татартупом, не раз тесня русские полки, но огнем артиллерии горцы неизменно бывали отброшены. Обе стороны разошлись здесь без видимого успеха.

В 1785–1786 гг. указом Екатерины II пять крепостей на Северном Кавказе, начиная с Владикавказа, были срыты, а гарнизоны отведены за Терек. Военные силы, находившиеся в Грузии, спешно выведены, российское влияние в Закавказье резко упало. Останавливается продвижение России и на Северо-Западном Кавказе. Но зимой 1785–1786 гг., не получив явных побед и разуверившись в «святости» Мансура, обещавшего горцам чудеса и легкие победы, повстанцы стали расходиться. Даже чеченские аулы объявили о своем отказе поддерживать имама (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 567. Л. 17 об., 18, 28, 47; *Терещенко,* 1856. С. 74*; Джабагиев,* 2007. С. 50; *Ахмадов,* 1991. С. 114–141, 149–156).

Убедившись, что в боях с регулярными российскими войсками необходима четкая организация, Мансур в 1786 г. предпринимает меры по созданию горской государственности. Но видя, что пик восстания прошел и ему не собрать достаточных сил для атаки русских войск, он уходит к адыгейским племенам. Стамбул также был страшно встревожен сообщениями о Мансуре, так как боялся новой войны с Россией и восстания собственных подданных, если имам окажется «действительным пророком». Ведь еще осенью 1785 г. один только слух о его появлении заставил взбунтоваться гарнизон турецкой крепости Согуджак на Черном море.

Мансур собирает в Черкесии отряды из адыгов, абхазов и ногайцев численностью до 8–10 тыс. человек и после начала русско-турецкой войны в 1787 г. несколько раз атакует российские позиции. Потерпев поражение, он, преследуемый русскими, осенью пересек Кавказский хребет и спустился в турецкие владения в Абхазии, потеряв сотни своих людей в горах обмороженными. Находясь позже в турецкой крепости Анапа, он рассылает десятки писем и воззваний, призывая к «священной войне» против Российской империи. Даже среди далеких казахских племен за Волгой его письма нашли отзыв. Известно, что астраханский гарнизон принимал меры к отражению нападения «киргиз-кайсаков». Тревога была объявлена и в Крыму, где распространился слух, что имам находится среди крымских татар. В июне 1791 г. царские войска штурмом взяли турецкую крепость Анапу и захватили Мансура в плен при попытке взорвать пороховой погреб. Пленный Мансур был отправлен в Петербург, помещен в железную клетку, его допрашивали в Тайной канцелярии. Сама императрица полюбопытствовала взглянуть на кавказского «бунтовщика». Как опасный государственный преступник он был осужден на пожизненное заключение в Шлиссельбургскую крепость, где скончался 13 апреля 1794 г. (*Смирнов*, 1958. С. 146; *Беннигсен*, 1994. С. 53–54, 63; *Ахмадов*, 1991. С. 235–267; *Джабагиев*, 2007. С. 50; *Мусаев*, 2007. С. 242–265; 272–291).

ИСТОРИЯ ЧЕЧНИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Чеченцы вступают в XIX в., как пишут российские чины, «сильнейшим народом Кавказа», занимающим территории от р. Акташ на востоке до Ассы и Сунжи на западе, от вершин Кавказского хребта на юге до вод Терека на севере (примерно 10 тыс. кв. км).

В первой четверти XIX в. в экономическом отношении Чечня представляла собой цветущий край. Не имея врагов, которые осмелились бы совершать

на ее территорию набеги, всемерно стараясь наладить мирные отношения с Россией путем торговли, чеченские общества быстро шли к процветанию. Офицеры Генерального штаба России, обследовавшие Чечню, отмечали, что «повсюду расчищались леса и на огромном протяжении были лишь засеянные поля, орошаемые искусственными каналами» (Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3, ч. 1. 1940. С. 303; *Самойлов,* 1855. С. 45). Процесс национальной консолидации сопровождался попытками создания государственной организации. Так, знаменитый политический деятель Чечни того времени Бейбулат Таймиев, названный в 1820-х годах «атаманом», т.е. «предводителем» всей Чечни, объединил страну с шамхальством Тарковским (Северный Дагестан). Номинальным главой и феодального владения, и «демократической» Чечни считался шамхал Тарковский – генерал-лейтенант русской службы Махти, но фактическим главой являлся Бейбулат – «гроза Кавказа», как называл его А.С. Пушкин. Военная администрация на Кавказе, вначале поддерживавшая этот план, испугалась возвышения Бейбулата и заставила шамхала разорвать этот союз (*Колосов*, 1969. С. 671).

Считая Чечню своим основным противником на Кавказе, Россия с начала XIX в. предпринимала отдельные походы, но вести планомерную войну не хватало ни сил, ни средств. Так, в 1807 г. состоялось кровопролитное сражение войск генерал-майора С.А. Булгакова с общечеченским ополчением под командованием Борз-Бариг (Волчий Глаз) в ущелье Хан-Кала. Хотя битва закончилась без определенного результата для обеих сторон, в Петербург было донесено, что чеченцы разгромлены, а старшины крупных селений присягнули якобы на «подданство». Однако чеченцы и не думали идти на соглашение. Тогда старшинам «побежденных» выплатили большие взятки, чтобы те подписали соглашения (АКАК. 1869. Т. 3. С. 671).

Только после окончания войны с Наполеоном Россия смогла направить на Кавказ крупные силы, чтобы «умиротворить» его народы. В 1816 г. командиром Отдельного Грузинского корпуса, управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии, т.е. фактическим наместником на Кавказе, был назначен генерал-лейтенант А.П. Ермолов. Он получил право начинать войны с «азиатскими странами», вести переговоры и заключать мир. В течение 10 лет он пытался подчинить Чечню. «Хочу, – говорил он, – чтобы имя мое стерегло наши границы крепче цепей и укреплений». В 1819 г. русские войска уничтожили на Тереке цветущий аул Дади-Юрт в 500 дворов. Община погибла в бою полностью, за исключением нескольких детей. В 1817 г. А.П. Ермолов заложил на Сунже Назрановское укрепление (совр. Назрань), в 1818 г. в среднем течении р. Сунжа, разорив окрестные чеченские аулы, воздвиг крепость Грозная (ныне г. Грозный). Строя крепости и дальше к востоку на Дагестан, он оттеснял чеченцев в горы, занимая крепостями и станицами плодородные земли.

В Чечне А.П. Ермолову противостояли не только местные имамы – религиозные авторитеты, но и «атаман всея Чечни» Бейбулат Таймиев – наездник, воин, дипломат, государственный деятель. Ему удалось сплотить союзы аулов и обществ, заключить договора с народами Дагестана и Кабарды, найти поддержку у иранского шаха и турецкого султана. Он выводил на поле брани полки горской конницы, закованной в броню, доставшуюся от предков, и русская картечь сметала воинов, вышедших, казалось, из

эпохи Средневековья. Некоторые русские офицеры отмечали, что на Северном Кавказе они наблюдают примерно то же, что было в Западной Европе в средние века.

В 1827 г. Николай I принял отставку А.П. Ермолова, который своим жестоким правлением вызвал, в конечном счете, всеобщее восстание народов Чечни и Дагестана под религиозными лозунгами (*Ахмадов*, *Хасмагомадов*, 2005. С. 94–115; *Гапуров*, 2003).

В конце 1820-х годов пропаганда «кавказского мюридизма», начатая алимом Магомедом Ярагским в Дагестане, привлекла тысячи последователей. Он провозгласил лозунг: «Лучше рай на том свете, чем жизнь под гнетом Ермолова на этом свете». В 1828 г. в с. Гимры в Дагестане состоялось собрание большого числа богословов и руководителей горских повстанческих отрядов, где было решено объявить «священную войну» – джихад против российского наступления и избрать имамом (предводителем) мусульман Северного Кавказа известного богослова Гази-Мухаммеда. Молодой имам утверждал: «Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить налоги, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство».

В 1830 г., после достижения успехов в Дагестане, Гази-Мухаммед с дагестанским войском вошел в Чечню, где к нему присоединился Бейбулат Таймиев и тысячи молодых чеченцев. С этими объединенными силами имам пошел, как когда-то Мансур, походом на Кизляр, который на этот раз был захвачен и сожжен. Весной 1832 г. Гази-Мухаммед создает угрозу крепостям Владикавказ и Грозная. Однако его самый серьезный сторонник в Чечне – Бейбулат Таймиев был предательски убит кровниками. Это ослабило влияние Гази-Мухаммеда в Чечне (*Гапуров, Абдурахманов, Израилов,* 2008; *Закс,* 1992. С. 16; *Гаммер,* 1998. С. 147–159; *Дегоев,* 2001. С. 71–73, 192–196; *Покровский,* 2000. С. 257–258).

Усиленная новыми войсками и артиллерией, российская армия переходит в наступление. Только в Чечне генерал Г.В. Розен сжег 60 равнинных селений. Генерал А.А. Вельяминов с отрядом в 8 тыс. человек и с четырнадцатью пушками осадил аул Гимры, где укрылся имам Гази-Мухаммед с 600 мюридами. Он храбро сражался и был убит, бросившись на штыки русских солдат. В этом сражении принял участие друг имама, молодой Шамиль, который был тяжело ранен. Вторым имамом был избран не Шамиль, находившийся между жизнью и смертью, а Гамзат, близкий друг и сподвижник Гази-Мухаммеда. Он отвоевал почти всю Аварию, располагавшуюся в центре Дагестана. Захватив столицу Аварского ханства – Хунзах, он уничтожил ханскую семью, но и сам был убит в 1834 г. в мечети молочными братьями ханов, в числе которых был и знаменитый впоследствии Хаджи-Мурат.

Вскоре после смерти Гамзата в с. Ашильта в Дагестане собрался в 1834 г. очередной съезд духовенства Чечни и Дагестана. На звание имама претендовали Шамиль и возвысившийся в Чечне авторитетный богослов кумыкско-чеченского происхождения Ташов-Хаджи. Однако, несмотря на молодость, имамом был избран Шамиль.

В 1835–1839 гг. военное командование, встревоженное усилением антиколониального движения, проводит ряд экспедиций в горы Чечни и

Дагестана. Полковник А.П. Пулло сжег аул Энгелик, позже был сожжен аул Зандак, а в 1836 г. генерал К.К. Фези разорил равнинную Чечню, заставив население бежать в леса. В 1837 г. этот генерал был разбит под дагестанским аулом Тилитль. Летом 1839 г. генерал П.Х. Граббе пробился с тяжелыми боями к опорной крепости Шамиля – неприступному аулу Ахульго, оборона которого, вошедшая в анналы мирового военного искусства, продолжалась более трех месяцев. Русские войска потеряли под аулом свыше 2 тыс. солдат и офицеров, и только когда защитников осталась лишь горстка, Шамиль, спустившись с семейством по веревкам в каньон реки, бежал в Чечню. По случаю «взятия» Ахульго в Петербурге была выбита медаль, которой награждали отличившихся лиц (*Закс*, 1992. С. 16; *Гаммер*, 1998. С. 147–159; *Дегоев*, 2001. С. 71–73, 192–196; *Покровский*, 2000. С. 257–258). Уверенная, что Дагестан и Чечня умиротворены, военная администрация приступила к разоружению горцев и учреждению приставств – своеобразной администрации в горских районах. Однако в 1839–1840 гг. на ряде народных собраний Чечни происходит признание Шамиля имамом чеченских мусульман и «Тур да» («Отцом шашки»), т.е. обладателем права на жизнь и смерть.

Летом 1840 г. генерал А.В. Галафеев встретился на р. Валерик с новыми силами чеченцев под командованием наиба Малой Чечни Ахверды-Магома. Здесь произошло кровавое и безрезультатное для русских сражение, описанное М.Ю. Лермонтовым, непосредственным участником событий, в произведении «Раз было дело под Гехами…»:

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!… Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»

В 1841–1843 гг. народное восстание распространяется по Чечне и Дагестану. Укрепив свое положение в Чечне, Шамиль с чеченскими отрядами вторгается в Дагестан, где к нему присоединяются тысячи мюридов. В течение трех лет практически все попытки России переломить ситуацию в Нагорном Дагестане терпели поражение, 11 крепостей и укреплений были отбиты у российского командования с большими для них потерями. У горцев появилась своя артиллерия, и они всегда выигрывали артиллерийские дуэли (АКАК. 1884. Т. 9. С. 291, 298; *Гаммер*, 1998. С. 170–175; *Ахмадов, Хасмагомадов*, 2005. С. 156–161).

Для нанесения решительного поражения горским повстанцам и с целью захвата резиденции имама – аула Дарго в Ичкерии, в мае 1842 г. 13 батальонов пехоты (около 9 тыс. солдат), казаки, регулярная кавалерия и артиллерия были двинуты в глубь Ичкерии (современные Веденский и Ножай-Юртовский районы). Однако, войдя в леса, отряд сразу стал подвергаться истреблению огнем невидимых в густой зелени стрелков. Не дойдя 12 км до Дарго, отряд, подвергаемый теперь и кинжальным атакам по всему фронту, повернул обратно. В течение нескольких суток непрекращающегося боя горцы уничтожили 2 тыс. человек, оставшиеся в живых выбрались на равнину и укрылись за стенами Герзель-Юртовского укрепления. Всем ходом сра-

жения с чеченской стороны руководил мичиковский наиб Шуаип. Шамиль, занятый в Дагестане, подоспел с 2 тыс. отрядом конницы только к концу битвы. Военный министр А.И. Чернышев, спешно приехавший на Кавказ, распорядился до особого распоряжения не вступать в военные действия с «полчищами» Шамиля.

Благодаря успеху в Ичкерии, собрав новые силы, имам к осени 1843 г. выбил из Нагорного Дагестана 17 батальонов русской пехоты, в качестве трофеев получил десятки пушек, 4 тыс. орудийных зарядов, 250 тыс. патронов, убито и ранено было до 2,5 тыс. русских солдат и офицеров (АКАК. 1884. Т. 9. С. 303, 390–392, 440–444, 757–777; *Гаммер,* 1998. С. 193–211; *Ахмадов, Хасмагомадов,* 2005. С. 162–167). Так началась, по выражению Н. Добролюбова, «блистательная эпоха Шамиля», продолжавшаяся почти 10 лет.

Император Николай I в 1843 г. распорядился перебросить на Северный Кавказ несколько десятков тысяч свежих войск и, недовольный нерешительными действиями генералов, назначил на Кавказ нового наместника, известного государственного деятеля графа М.С. Воронцова. Военное министерство разработало план разгрома Шамиля, в свете лапидарных указаний царя: «Разгромить и рассеять банды Шамиля, уничтожить все его военные заведения, овладеть в горах важнейшими пунктами и укрепить те из них, удержание которых сочтется необходимым».

Военная администрация переходит к длительной позиционной войне, рассчитанной на долгие годы. На горских землях строились крепости, закладывались десятки станиц, сооружались линии окопов, редутов, фортов и т.д. В глубь чеченских лесов на ширину ружейного выстрела стали уходить просеки. «Рубка леса», проводившаяся годами силами тысяч солдат и принудительным трудом горцев, вела к серьезным экологическим последствиям.

Территория Имамата в период его расцвета включала в себя значительную часть Северо-Восточного Кавказа – всю Чечню (кроме междуречья Терека и Сунжи) и Нагорный Дагестан. На этой территории площадью примерно 50–60 тыс. кв. км жило около 500 тыс. человек. Столицей считалась резиденция Шамиля в Дарго, а затем – в Ведено. В Имамате жило много беглых и переселенцев из районов, подконтрольных России. Сюда бежали не только русские солдаты, поляки, но и казаки-староверы. В целом влияние Шамиля в той или иной мере распространялось на территорию, где проживало не менее 1 млн человек.

Государственный строй Имамата носил военно-теократический характер. Главой государства был имам – духовный и военный предводитель мусульман. Ему принадлежала высшая исполнительная и законодательная власть. Главным правительственным и судебным учреждением являлся Государственный совет (Диван-хане) – собрание «улемов» (алимов), наибов и других лиц, назначенных Шамилем, где решения принимались простым большинством голосов. В случаях, касавшихся всего государства, собирались съезды.

В административном плане Имамат делился на 3 области и 16–20 округов-наибств, которые возглавляли мудиры и наибы. В Чечне наибства располагались от «вилайета Арштхой и Галаш» на западе до «Мичига» и «Ауха» на западе. Наибства делились на участки под управлением мазунов. В аулах управляли старшины и кади.

Для обеспечения нужд государства и ведения войны в Имамате была создана стройная налоговая система. Основной статьей налогов был *закят* – процент, взимаемый ежегодно с урожая, приплода скота и торговых доходов.

Основу военных сил Имамата составляло постоянное войско, набранное из расчета 1 воин от 10–15 дворов. Число муртазикатов – постоянных воинов составляло около 14 тыс. человек пехоты и конницы. В это число входил и батальон русских солдат (до 500 чел.), перешедших к Шамилю. Они выполняли в Имамате и роль военных специалистов. Народное ополчение в случае необходимости могло составить до 30–40 тыс. человек. В ставке Шамиля было налажено кустарное производство пороха, литье пуль, ядер, картечи, а впоследствии и орудийных стволов, но все же современных средств вооружения не хватало, хотя горские винтовки превосходили по дальности стрельбы и точности заводские ружья российской армии, полное превосходство было обеспечено и в холодном оружии (Низам Шамиля, 1992. С. 14–15; Движение горцев …, 1959. С. 492–501, 531–532, 610, 628; *Покровский*, 2000. С. 362, 382, 386; *Гаммер*, 1998. С. 306–310, 315–319; *Хожаев*, 1998. С. 166; *Ахмадов*, 1990).

Вне территории Имамата в Чечне оставалась Надтеречная Чечня и ряд чеченских аулов близ русских крепостей равнинной Чечни – Грозная, Воздвиженская, Герзель-Юртовская и др. Здесь жизнь горцев протекала в иных условиях: учреждались управления-приставства, вводились «горские суды», дозволялась торговля; шел набор в горскую милицию для участия в войне с вооруженными силами Имамата, крестьян силой выгоняли на принудительные работы, на перевозку грузов, рубку леса. Именно в таких «покорных» аулах происходило проникновение новых культурных начал, русской грамоты и начиналось формирование новой прорусской элиты из числа офицеров и торговцев.

Несмотря на несомненные успехи, внутренние ресурсы горского общества быстро истощались, а Россия постоянно усиливала свое военное присутствие и давление. Так, северный край Чеченской равнины, основной житницы Имамата, в конце 1840-х – начале 1850-х годов был занят казачьими станицами и крепостями. Из них совершались вылазки к горам, с рубкой леса, сжиганием хлебов и аулов. Так, в феврале-марте 1850 г. 15 тыс. солдат прокладывали просеку в Большой Чечне из Шали к входу в ущелье р. Хулхулау, в верхнем течении которой располагалось Ведено. В 1851 г. наступила очередь Малой Чечни. В начале 1852 г. десятитысячный русский отряд попытался укрепиться у входа в Веденское ущелье, пользуясь тем, что Шамиль был в Дагестане. Однако Шамиль быстро вернулся и лично возглавил атаки чеченцев на противника. Такими же были и кампании 1853–1855 гг. в Чечне: вырубались леса, велись крупные и мелкие бои, что описано в рассказе Л.Н. Толстого «Рубка леса».

В 1850-е годы в Имамате стал назревать серьезный внутренний кризис социально-экономического и общественно-политического характера. Горские народы выдыхались под бременем непосильной войны. Даже Российская империя с трудом выдерживала громадные военные расходы на Кавказе (сюда шло до шестой части государственных средств). Османская империя, на поддержку которой столь рассчитывали горцы, не оказала никакой помо-

щи даже в период Крымской войны 1853–1856 гг. Шамиль в 1854 г. безрезультатно пытался прорваться в Закавказье, надеясь соединиться с турецкой армией. В итоге Крымской войны основные союзные державы – Турция, Франция, Англия даже не потребовали от России прекращения войны с горскими народами, хотя Петербург и ожидал таких условий.

Император Александр II довел численность войск на военной Линии против Шамиля, а точнее против Чечни и Дагестана, до 226 тыс. солдат и 200 пушек, обеспечив тем самым двадцатикратное превосходство. К концу 1857 г. почти вся равнина Большой Чечни оказалась под жестким контролем, в 1858 г. экспедиция царских войск с горной артиллерией и запасом пороха для подрыва башен двинулась в Аргунское ущелье, были взяты Шатой и Итум-Кале. В Аргунском ущелье началось восстание горцев против администрации Шамиля, настолько обостренным оказался социальный вопрос. Имам попытался поправить положение: воспользовавшись восстанием назрановских ингушей, он прорвался с большими силами через Малую Чечню к Назрани (откуда полагал начать освобождение Чеченской равнины), но был отброшен русскими войсками. Он ушел в Ведено и, забрав семью с последними верными мюридами, направился через горные перевалы в Дагестан.

В феврале 1859 г. русские войска с юга – со стороны Нагорного Дагестана и с севера – со стороны равнинной Чечни вошли в Ичкерию и осадили Ведено, 1 апреля столица Имамата была взята. Многие чеченские наибы согласились закончить сопротивление на условиях почетного плена. Тем временем Шамиль создал в Дагестане мощный укрепленный район перед аулом Тилитль и по обоим берегам р. Андийское Койсу. Его артиллерия насчитывала 13 орудий. Однако русские войска повели наступление не с одного, а с трех направлений. 29 июля Шамиль перебирается в аул Гуниб. Главнокомандующий русской армией на Кавказе князь А.И. Барятинский подтянул на 10 августа 1859 г. к Гунибу до 30 тыс. солдат и несколько десятков орудий. 23 августа начался штурм горы, а 25 августа Шамиль с семьей сдался в плен (АКАК. 1904. Т. 12. С. 1312; *Мухаммед Тахир ал-Карахи,* 1990. С. 63–68, 70, 98; *Милютин,* 2000. С. 131; *Гаммер,* 1998. С. 245–287, 359–371; *Дегоев,* 2001. С. 264–267; *Ахмадов, Хасмагомадов,* 2005. С. 198–215).

Главным потерпевшим в Кавказской войне 1817–1859 гг. был, конечно, народ: численность чеченцев сократилась с 250 тыс. в первой трети XIX в. до 130–150 тыс. чел. в 1859 г. Не осталось в Чечне ни одного аула, который не разрушался по несколько раз. Плодородные земли в центре Чеченской равнины и по Сунже были захвачены, целые общества, сметенные с родных мест войной, влачили жалкое существование. Россия в результате военных действий на Кавказе в XVIII–XIX вв. потеряла убитыми, ранеными и умершими от болезней почти 400 тыс. солдат и офицеров.

В прокламации наместника Кавказа князя А.И. Барятинского от 1858 г., рассылаемой во все аулы Чечни, объявлялось от имени Александра II: «Все земли и леса на плоскости, где жил чеченский народ до 1839 года, будут отданы вам в вечное владение, исключая тех, которые заняты под укрепления. Вам отведутся земли на каждый аул, соразмерно числу жителей и каждому аулу будет дан акт и план на вечное владение землей. Правители, поставленные над вами, будут управлять вами по адату и шариату, а суд и расправа будут состояться в народных судах, составленных из лучших лю-

дей, которые будут избираемы вами и назначаемы в должности с согласия ваших начальников. Каждому из вас, кто пожелает, можно будет заниматься ремеслами и торговлей на общих основаниях, представленных для всех подданных Русского Императора. Вам теперь открыт путь во все места за Сунжу и Терек, где вы найдете для себя промысел, а для произведений ваших сбыт» (Прокламация…, 2000. С. 135).

После введения «военно-народного» управления и размещения гарнизонов во всех стратегических точках Чечни имперские власти объявили, «что край завоеван и, следовательно, земля казенная». Обещания императора, данные через прокламацию А.И. Барятинского, были забыты. Все леса Чечни были объявлены казенными, т.е. государственной собственностью, до 50% удобных земель на равнине и частично в горах было официально отведено под казачьи станицы, крепости, слободы и укрепления. Огромные участки земли – от 500 до 3000 десятин – были «высочайше» пожалованы старшим офицерам и генералам, участвовавшим в военных действиях против горцев. От 30 до 500 десятин получили в собственность чеченские офицеры царской службы. Громадные наделы отрезали себе в Надтеречной Чечне местные князья Турловы, Алхазовы и др.

Казалась, что Чечня была окончательно замирена. Однако над Чечней зазвучал «громкий» *зикр*. Суфийское течение Кадирия (для которого было присуще громкое исполнение религиозных формул, восхваляющих Аллаха) было обязано своим бурным расцветом в Чечне шейху, учителю и святому Кунта-Хаджи Кишиеву. Он проповедовал необходимость прекращения войны, любовь к ближнему, необходимость добывать пропитание личным трудом, обязательное оказание помощи сиротам и бедным, воздержание от алкоголя и табака, прощение врагов – включая даже кровников, и т.д. Успех его проповедей был необыкновенным – его объявляют святым шейхом, а его последователи группируются в религиозное братство (*вирд*). Потерпевшие поражение в открытых восстаниях чеченцы решили воспользоваться растущим религиозным движением Кунта-Хаджи и подготовить на его базе восстание. Этот план царскими властями был раскрыт и влиянию учения Кадирийя были противопоставлены ортодоксальные муллы и богословы Чечни, а также сторонники суфийского течения Накшбандийя. Российские власти стянули в важнейшие пункты равнинной и горной части страны новые войска и усилили гарнизоны. 3 января 1864 г. Кунта-Хаджи и его брат Мовсар были арестованы в Шали и отправлены во Владикавказ, а затем и в глубь России. Полагая, что их устаз-учитель находится под стражей в Шалинском укреплении, туда двинулись тысячи мюридов, которые были рассеяны жестоким огнем. Этот бой 18 января 1864 г. получил название «шаьлтан тIом» – «кинжальный бой» под Шали, так как мюриды не имели огнестрельного оружия, полагая свою демонстрацию мирной.

Исполнение *зикра* было запрещено. Но в мае 1865 г. Тазу Экмирзаев, крестьянин из с. Харачой, объявил себя последователем плененного шейха и поднял на восстание население двух аулов Ичкеринского округа, которое было подавлено, Тазу был схвачен и осужден на каторгу (*Ипполитов,* 1869. С. 2–3; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С. 128–129; *Акаев*, 1994. С. 40–41; *Ахмадов, Хасмагомадов*, 2005. С. 307–319).

Имперские власти приступили к изгнанию горцев Чечни в пределы Османской державы. Тем самым они рассчитывали решить и земельный вопрос. Пропаганда «переселения», подогретая обещаниями райской жизни в стране халифа правоверных – Османской империи, привела к тому, что из 130–150 тыс. чеченцев за один год выселилось 25 тыс. Султанское правительство намеревалось вначале поселить чеченцев в Закавказье, на границе с Россией, в районе Батуми. Однако Россия оказала давление на великого визиря и чеченцев переселили на каменистое, безводное плато в Анатолии, в глубине Турции. К концу года из них погибла одна треть, оставшиеся пытались пробиться к русской границе, чтобы вернуться на родину, но турецкие войска заставили их остановиться. Чеченцы были расселены по территории всей Османской империи (*Бадаев*, 2008).

В конце 1860 – начале 1870-х годов в Чечне стала проводиться земельная реформа: население сгонялось из хуторов и мелких аулов в крупные селения, где вводилось, как в центральной России, упомянутое выше общинное землевладение. В этих условиях начало новой русско-турецкой войны в апреле 1877 г. послужило сигналом к новому восстанию в Чечне и в Дагестане против русского владычества. В апреле 1877 г. молодой чеченский *алим* (богослов) Алибек Алданов, мулла с. Симсир в юго-восточной части Чечни, объявил о начале «священной войны» против России. Восстание быстро охватило Ичкеринский округ. В ответ на сообщения об Алибеке из Петербурга было предписано: «затушить первую искру пожара всеми мерами». Но в конце апреля 1877 г. 47 ичкеринских аулов с населением в 18 тыс. человек присоединились к Алибеку, восстали аулы Нагорного Дагестана, а летом и Аргунский округ, где вождем стал Ума-Хаджи Дуев, бывший наиб Шамиля и один из руководителей Аргунского восстания 1861–1862 гг., по отзывам царских администраторов, «старый хитрый волк». Действуя решительно и беспощадно, русские войска теснили восставших, жгли аулы, убивали без пощады в случае сопротивления и без оного. В октябре 1877 г. армия в 26 тыс. солдат и офицеров с десятками орудий завершила разгром восставших в Восточной Чечне. Алибек-Хаджи и Ума Дуев, дравшиеся за каждый аул, были вынуждены уйти в Дагестан. Когда и здесь царские войска нанесли поражение повстанцам, руководители горцев сдались, желая облегчить участь своих собратьев. В мае 1878 г. в Грозном состоялся военно-полевой суд над 18 главарями восстания: 13 человек были приговорены к смертной казни, 6 человек к 20 годам каторги. Отказавшись просить помилования, осужденные с поразившим наблюдателей спокойствием приняли смерть. Массовым репрессиям подвергли рядовых участников – их высылали в одиночку, целыми семьями и «партиями» по 100–200 человек (*Айтберов*, *Дадаев, Омаров*, 2001; *Ковалевский*, 1912; *Мальсагова*, 1968).

В то же время крестьянская война показала, что Чечня серьезно втянулась в экономическую и гражданскую жизнь Российской империи. Действия новых «имаматчиков» не только не встретили поддержки значительной части населения равнинных аулов, но и вызвали вооруженное сопротивление. Поэтому опасения царских властей, ожидавших всеобщего восстания, оказались беспочвенными. Ярким свидетельством осознания значительной частью активного чеченского населения бесповоротности перемен стал факт

формирования Чеченского конно-иррегулярного полка, принявшего участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Для истории Чечни последней трети XIX в. характерны пять важных явлений: полное вовлечение края в экономическую систему России; складывание Грозненского нефтяного района; проведение железной дороги по территории края, связавшей его со всей Россией; формирование национальной буржуазии, пролетариата, интеллигенции; появление целой плеяды духовных вождей чеченского народа (явление совершенно уникальное для Северного Кавказа) в форме шейхов-устазов, руководителей суфийских братств и богословов. Это были Сугаип-Мулла Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Узун-Хаджи (действовавшие в Хасав-Юртовсом округе, населенном чеченцами), Дени Арсанов, Кана Хантаев, Юсуп-Хаджи Кошкельдинский, Докку-Шейх Шаптукаев, Ибрагим-Хаджи Гойтинский, Шамсудин-Хаджи Шалинский, Абдул-Вагап Аксайский и др. Продолжалось также почитание предыдущих шейхов разных толков – Ташу-Хаджи, Умалат-Хаджи, Кунта-Хаджи. Большинство из них были в оппозиции к существующему строю, но вместе с тем выступали против насильственных действий. Каждый из них имел тысячи духовных последователей – мюридов. Дома шейхов сделались своеобразными центрами неформальной власти, с которой царизм был вынужден считаться.

В 1897 г. в Российской империи была проведена первая перепись населения. Количество чеченцев составило 223 тыс. человек, т.е. их численность едва достигла той цифры, которая была зафиксирована в 1840 г. – около 220–250 тыс. человек. Чеченцы проживали в Грозненском, Веденском округах и Сунженском отделе Терской области. В г. Грозном, крепостях, станицах и укреплениях Чечни чеченцев не было, им запрещалось селиться там.

В конце XIX в. началось интенсивное развитие Грозненского нефтяного района, были проложены железные дороги и сооружены станции со складами зерна.

Обострение политической ситуации в России в 1904–1907 гг., первая русская буржуазно-демократическая революция имели самые серьезные последствия для Чечни. Не только шейхи и муллы, но и светская интеллигенция включилась в политическую жизнь: депутат Первой Государственной думы Таштемир Эльдарханов, журналист Данилбек Шерипов, братья юристы Мутушевы, офицеры Кужуев и Ахтаханов, гимназист И. Ошаев и др. Последние совершали систематические поездки в чеченские аулы с целью организации антиправительственного заговора. Начиная с 1903 г. и еще 10 лет на всем Кавказе гремело имя абрека Зелимхана Харачоевского, который боролся с колониальной администрацией Терской области. На его счету было несколько дерзких нападений на официальные учреждения в Грозном и Кизляре.

В Грозном в 1905 г. начались массовые забастовки рабочих нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий. Следует отметить, что первыми в России именно грозненские рабочие добились восьмичасового рабочего дня. В их среде работали марксистские кружки и представители социал-демократической партии. К тому времени Грозный уже имел стратегическое значение для Российской империи. Наряду с Баку он стал одним из главных поставщиков нефти и нефтепродуктов с участием капиталов английских, французских и немецких концернов: добыча нефти достигла

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов
Чеченцы в истории..., 2008. С. 23.

16 млн тонн в год. Однако из 8 тыс. нефтерабочих чеченцы составляли не более 1 тыс. человек.

Для подавления волнений в аулах Чечни в 1905–1907 гг. вводятся дополнительные войска, некоторые горные села подвергаются артиллерийским ударам, выразивших непокорность властям жителей наказывали на месте или ссылали в Сибирь. В разные города России были высланы виднейшие шейхи Чечни. В 1906 г. в своей речи на заседании Государственной думы депутат-чеченец Т. Эльдарханов от имени простых горцев заявил: «прошло полстолетия, как мы попали под власть России, мы надеялись под сенью великой державы найти покой и счастье. Наши надежды не оправдались». Основной причиной перманентно напряженной обстановки на Тереке, вражды между горцами и казаками Эльдарханов считал земельный вопрос и «неносимое экономическое положение» горцев. В августе 1914 г. началась Первая мировая война, которая усугубила и без того кризисные явления в Российской империи социального и национального характера. В этой войне участвовал Чеченский кавалерийский полк, вошедший в состав Дикой дивизии, которой командовал брат царя – Михаил Романов.

В 1917 г. Временное правительство попыталось снять остроту национального вопроса на Северном Кавказе. В Терскую область был назначен комиссар Временного Правительства с широкими полномочиями – казачий генерал М.А. Караулов. Появились местные национальные советы. Однако урегулировать земельный вопрос на Тереке Временное правительство не решалось, так как возвращение горцам их исконных земель вызвало бы резкое противодействие всего Терско-Сунженского казачества, представлявшего собой, в отличие от разрозненных горцев, организованное войско.

В апреле 1917 г. в результате демократических изменений стало возможным проведение съезда представителей чеченского народа, организованного крупным нефтепромышленником Тапа Чермоевым, адвокатом Ахметханом Мутушевым, бывшим депутатом Государственной думы Таштемиром Эльдархановым, шейхами Дени Арсановым и Абдул-Вагапом Аксайским, богословом Сугаип-муллой Гайсумовым и др. Съезд избрал Чеченский национальный Совет во главе с А. Мутушевым. В этот же период, известность в кругах учащейся молодежи Грозного и чеченской интеллигенции получило имя девят-

надцатилетнего Асланбека Шерипова, происходившего из семьи чеченского офицера. В Чечне и в Грозном возникали не только национальные советы и органы власти Временного правительства, но и Советы рабочих и солдатских депутатов, где сильное влияние имели большевики. Так, Грозненский Совет депутатов претендовал на реальную власть и пытался найти себе союзников среди горцев Чечни, желавших с чьей угодно помощью вернуть себе родные земли (*Ахмадов, Хасмагомадов,* 2005. С. 393–599; *Ибрагимова*, 2006).

В июне 1917 г. в центре Терской области г. Владикавказе состоялся съезд представителей горских народов, учредивших Союз горцев Кавказа. На должность председателя Центрального Комитета Союза был избран Тапа Чермоев. Однако и этот Союз не смог договориться с казачьей верхушкой хотя бы о частичном удовлетворении требований горцев о возвращении земель. Между тем на окраинах Российской империи и в ее основных городских центрах вследствие нерешенности основных проблем обеспечения прав национальных окраин и острого социального конфликта дело шло к радикальному революционному перевороту.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

У чеченцев, как и у других народов многонациональной России, коренные переломы в их этническом развитии, происшедшие в XX столетии, были связаны с февральской и октябрьской революциями 1917 г. После падения царского самодержавия представителями горской элиты были организованы встречи, консультации с представителями различных политических и религиозных сил, и родилась идея создания общегорской организации. Традиционно местом проведения светских мероприятий горского истеблишмента являлся г. Владикавказ – административный центр Терской области. Здесь 6(19) марта 1917 г. состоялось организационное оформление Временного Центрального Комитета объединенных горцев (*Музаев*, 2007. С. 14) во главе с авторитетным в регионе адвокатом – балкарцем Басиятом Шахановым. В качестве представителя чеченского народа в его состав был кооптирован известный в российских аристократических кругах нефтепромышленник-миллионер Абдул-Межид (Тапа) Орцуевич Чермоев.

Чтобы заручиться поддержкой этих инициатив и официальным признанием легитимности только что созданного политического органа, было решено созвать съезд горских народов. Его открытие состоялось 1 мая 1917 г. в г. Владикавказ. Делегаты (более 300 человек) (Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана 1994. С. 26*)* – избранники «всех племен и народов всего Северного Кавказа от Черного до Каспийского морей, от Темрюка до Анапы на Западе и до Закатал на Востоке» в основном представляли Адыгею, Балкарию, Дагестан, Ингушетию, Кабарду, Карачай, Осетию и Чечню. Как «равноправные члены, были представлены и делегаты Абхазии, Тюркмен, Нагайцев и Караногайцев Ставропольской губернии, вошедших в Союз Народов Северного Кавказа» (*Кузнецов,* 1959. С. 15). В числе почетных гостей на съезде присутствовали депутаты Государственной Думы России Н.Н. Николаев и М.А. Караулов. Последний был комиссаром Временного

Абдул-Межид (Тапа) Орцуевич Чермоев
Личный архив В.А. Тишкова

Правительства в Терской области и войсковым атаманом Терского казачьего войска (Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, 1994. С. 26). Открывая съезд, Б. Шаханов так обозначил основные цели и задачи предстоящей работы: «И вот мы на нашем горском съезде, единственном в истории наших народов, съезде, объединяющем все горские племена от Черного до Каспийского морей, свободно организуемся в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных широко демократических началах». При этом он подчеркнул значение единения как горцев между собой, так и с «пролетариатом, революционной армией и русской организованной общественностью» (Там же. С. 27).

I горский съезд стал знаковым событием в политической жизни народов Северного Кавказа. Никогда до этого вопросы горского национально-государственного обустройства, принципы взаимоотношений с российской метрополией, возможные формы союза с Россией не обсуждались на высоком представительном уровне. Один из участников общегорского политического движения Пшемахо Коцев спустя десятилетия писал: «Первый Съезд Полномочных Представителей, длившийся с 1 по 9 мая 1917 г., был до сих пор не имевшим прецедента» (*Кузнецов,* 1959. С. 15). Делегаты первого горского съезда ратовали за сохранение целостности России, приветствовали идею создания демократической модели, способной модернизировать и упрочить ее государственное устройство. Такая позиция нашла отражение в решениях, принятых на форуме.

Пересматривать свои идеи и проекты национально-государственного строительства основатели «Союза объединенных горцев» начали лишь после октябрьского (большевистского) переворота, когда стало очевидно, что шансы на демократические преобразования в стране явно превращаются в иллюзии. Но даже при этом горские лидеры, сохранявшие надежды на позитивные перемены, не торопились «покинуть» Россию. Новым шагом в поиске компромиссных политических решений, осуществленным уже после провозглашения в Петрограде власти Советов, явилось создание (1 декабря 1917 г.) Терско-Дагестанского правительства (по инициативе войскового атамана М. Караулова). В его состав вошли представители практически всех дееспособных союзов и объединений, которые к этому моменту существовали в регионе и не признавали легитимность власти большевиков (Там же. С. 93–96).

В ответственный период в истории России, насыщенный сложными и противоречивыми событиями, они сумели не оказаться в слепом пле-

ну соблазнов этноцентризма и отстаивали демократические идеи, в том числе и в сфере национально-государственного строительства. Просвещенные представители горских народов, которым пришлось испытать тяготы и лишения под гнетом царского самодержавия, в момент катастрофического «перелома исторической судьбы России» сделали все, чтобы не допустить разгула антирусских фобий и антироссийских настроений. «К чести всех горцев Кавказа, – писал бывший царский офицер Б.М. Кузнецов, – должен отметить, что никогда и нигде ими не было проявлено руссофобство в той или иной степени. Русская власть крепкая – национальная им была нужнее чужой пришлой, хотя бы и одной с ними веры» (*Кузнецов,* 1959. С. 18). А «Союз объединенных горцев» – это нереализованный проект государственного устройства горских народов, в том числе и чеченского.

В конце 1917 г. и в начале 1918 г. ситуация в Терской области была исключительно сложной: масштабная межнациональная война постепенно становилась реальной угрозой. Этому способствовали различного рода провокации, которые происходили почти повсеместно по всей территории Северного Кавказа. 13 (26) декабря 1917 г. на железнодорожной станции Прохладная (ныне – город в Кабардино-Балкарии) в результате конфликта с солдатами эшелона, возвращавшегося с Кавказского фронта, был убит М.А. Караулов (*Музаев*, 2007. С. 292–293). А 27 декабря (9 января 1918 г.) в станице Грозненская (в то время пригород г. Грозного) было совершено убийство чеченского шейха Дени Арсанова (Там же. С. 295–296; История Чечни, 2008. Т. II. С. 191) – одного из самых авторитетных и влиятельных религиозных лидеров в мусульманской умме России. Отдельные исследователи не без оснований полагают, что как раз в это время М.А. Караулов и Д. Арсанов готовили совместные меры, направленные на стабилизацию политической ситуации в Терской области.

Примерно в это же время произошло событие, которое всколыхнуло всю Чечню. 13 декабря 1917 г. на заседании Совнаркома РСФСР под председательством В.И. Ленина был рассмотрен вопрос о назначении Чрезвычайного временного Комиссара Терской области. По предложению И.В. Сталина на эту ответственную должность, «впредь до создания там демократически избранного полномочного областного Совета» (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4975. Л.1), был назначен Магомет Яндаров, который после личной беседы с В.И. Лениным, вместе с братом Османом выехал в Чечню. Однако их путь закончился трагически буквально на подступах к родной земле. В начале января 1918 г. братья Яндаровы на ст. Николаевская Терской области (ныне ст. Николаевская Наурского района) – в 30 км севернее г. Грозного – были задержаны представителями станичного (казачьего) военно-революционного Совета, по решению которого они, как представители советской власти, были расстреляны. Но Магомету Яндарову, получившему тяжелые, но не смертельные ранения, благодаря помощи местного (станичного) пастуха-казака чудом удалось переправиться на правый берег р. Терек и встретиться со своими соотечественниками, а через них – и родственниками (*Юсупов,* 2009). В январе 1918 г. в результате провокационных действий командиров казачьих подразделений, возвращавшихся с Кавказского фронта, было осаждено и почти полностью уничтожено с. Старый-Юрт (ныне – Толстой-юрт).

Противостояние горцев и казачества, систематические провокации с обеих сторон, участившиеся после захвата власти большевиками, приводили к вооруженным столкновениям. Действующие в регионе силы, каждая исходя из своих целей и задач на данный текущий момент, выстраивали собственную тактику. Большевики, опираясь на власть в центре, стремились обеспечить своим сторонникам на местах значительные преференции, особенно в борьбе за влияние на массы. С упорством и настойчивостью демонстрируя свои интересы, не в последнюю очередь и политические, действовала и активная часть казачьих верхов (офицеров), деморализованных успехом большевиков в Петрограде. Их поведение было зачастую агрессивным и угрожающим (*Буркин,* 1933. С. 16–25). В таких сложных условиях 25 января 1918 г. в г. Моздоке открылся первый съезд народов Терека. В его работе принимали участие 257 делегатов – «представители всех народов Терской области, за исключением чеченцев и ингушей, не приглашенных по настоянию казачьего офицерства» (Съезды народов Терека, 1977. Т. I. С. 12). Одним из главных на повестке дня съезда был вопрос о национальном мире в регионе. И сразу же следует отметить, что благодаря решениям этого съезда удалось предотвратить реальную угрозу вооруженного столкновения между горцами и казачеством, в случае возникновения которого войной мог быть охвачен весь Северный Кавказ. Были созданы необходимые предпосылки для решения и других важных задач, реализация которых была возложена на временный орган власти – Терский Народный Совет (Терский Совет Народных Депутатов, Терский Областной Народный Совет) (Там же. С. 54).

Программа по национальному вопросу, сформулированная делегатами съезда, представляла собой декларацию основных принципов национального обустройства, которые, по сути, дублировали права народов, провозглашенные в первых советских государственно-правовых актах (декретах). В частности отмечалось: «Каждому из народов, населяющих Терскую область, должна быть предоставлена действительная возможность, в согласии с основами, провозглашенными Великой Русской революцией, устраивать свою жизнь так, как ему кажется наилучшим. Народности должны быть объединены в свои национальные Советы, стоящие на позиции защиты интересов трудящихся масс.

В пределах своих территорий каждой народности предоставляется право устраивать свои национальные суды, творящие правосудие по народным обычаям и законам. Каждый народ должен иметь право свободно устраивать школы с преподаванием на своем родном языке» (За власть Советов в Кабарде и Балкарии… С. 52). Эта универсальная парадигма, как бы предвосхищая практические шаги в сфере национально-государственного устройства народов Терека, в текущей ситуации одновременно имела агитационно-пропагандистскую и тактическую нацеленность. Делегаты съезда декларировали свою приверженность цивилизованным методам решения острейших проблем. Так начиналось проектирование будущих конструкций национальной государственности горских народов, непосредственное строительство которых началось с момента создания Терской республики. Провозглашена же она была 4 марта 1918 г. на II съезде народов Терека, открытие которого состоялось еще 16 февраля 1918 г. (Съезды народов Терека. Т. 1. С. 69–70).

Терская республика, являясь самопровозглашенной автономией народов Терской области, де-юре и де-факто стала субъектом Российской Федерации. Признаки национальной автономии нашли воплощение в том, что было официально объявлено «полное равноправие языков всех без исключения национальностей в школе, суде, администрации, телеграфных сношениях, на публичных собраниях и вообще повсеместно в общественной жизни». Каждому народу предоставлялось право создавать «народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам, не противоречащим основным принципам законов Российской республики» (Там же. С. 158).

По мере расширения масштабов советского строительства на Северном Кавказе усиливались и центробежные тенденции. Горская элита, убедившись в том, что их видение национально-государственного устройства России нереализуемо, стала искать вариант выхода из создавшегося тупика. При этом она не скрывала своих антибольшевистских настроений и приверженности политике, направленной на провозглашение независимости Горской республики. В связи с этим отдельные нюансы возможных сценариев обсуждались на двусторонних и многосторонних встречах Чермоева, Джабагиева, Коцева, Бамматова и др., в частности с представителями меньшевистской Грузии, других государств Закавказья, а также с политическими и государственными деятелями Турции и стран Запада. В апреле 1918 г. горские лидеры обратились к ряду европейских государств «с просьбой о признании» международного статуса Союза объединенных горцев. Ответный шаг сделала Германия. На Кавказ был направлен спецпредставитель – генерал фон-Лоссов, который провел встречи с членами горского правительства. 11 мая 1918 г. дипломатическая активность сторон увенчалась провозглашением независимой Горской Республики. В «Декларации об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики)» отмечалось: «пользуясь признанным самим Петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создавать свою политическую будущность, Правительство Союза Горцев решило … отделиться от России и образовать независимое государство». Документ был подписан А.М. Чермоевым и Г. Бамматовым (Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана… С. 121).

13 мая в Народный Комиссариат Иностранных Дел РСФСР была направлена нота Правительства Горской Республики. Эту миссию выполнил граф Мирбах – германский посол в Москве. Таким образом, советское правительство в соответствии с международным протоколом было официально уведомлено об объявлении независимости Горской республики и ее отделении от России. Мгновенно отреагировал И.В. Сталин. Его оценка сводилась к следующему: «Дело ясное. Авантюристы Северного Кавказа, разочаровавшись в англо-французах, рассчитывают теперь на врагов последних. А так как рвение турко-германцев к захватам не знает пределов, надо думать, что не исключена возможность «соглашения» северо-кавказских искателей приключений с турко-германскими «освободителями»» (*Сталин,* Т. 4. С. 99).

С весны 1918 г. политическая ситуация на Северном Кавказе вступила в новую фазу конфронтации. Весной 1920 г. на Северном Кавказе были подавлены основные очаги контрреволюции. Большевики направляли все усилия на мобилизацию и сплочение имеющихся людских и материаль-

ных ресурсов, установление связей между центром и окраинами страны. И.В. Сталин в первой декаде октября 1920 г. в своих тезисах «Советская власть и национальный вопрос в России» писал: «Центральная Россия не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России в свою очередь обречены на неминуемую империалистическую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой центральной России» (ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос, 2005. Кн. 1. С. 39). Положение осложнялось тем, что повсеместно царили анархия и произвол, существующие проблемы носили масштабный характер, многие из них (например, взаимоотношения горцев и казачества) были тесно переплетены в пределах всего южнороссийского региона. Вовлечение в процесс революционного переустройства общественного и государственного строя народов, которые длительное время жили своей замкнутой национальной жизнью, не обременяя себя проблемами политической борьбы, тем более в форме гражданской войны, для любой власти являлось задачей исключительно сложной. Требовалась такая программа действий, которая соответствовала бы ожиданиям горских народов. Население Чечни не скрывало, что было бы готово поддержать власть большевиков, если она обеспечит межнациональный мир, решит земельный вопрос, даст гарантии свободы вероисповедания, неприкосновенности местных обычаев и традиций. Эти условия не выходили за рамки законных интересов и естественных национальных прав, официально признанных новой властью уже в первых нормативно-правовых и иных декларативных актах.

3 апреля 1920 г. в г. Грозном открылся «чеченский съезд», созванный якобы по инициативе Н. Гикало. В его работе приняли участие члены Реввоенсовета Кавказского фронта С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе и другие официальные лица. 6 апреля Г.К. Орджоникидзе телеграфом информировал В.И. Ленина об основных итогах съезда. Он, в частности, сообщал, что «настроение революционное и определенно советское», что съезд чеченцев («со всех аулов, по три представителя от каждого»), состоявшийся в Грозном… единогласно высказался за восстановление в Чечне соввласти и порядка и выразил желание скорейшего разрешения земельного вопроса». Он также сообщил, что «назначен ревком из пяти лиц, исключительно чеченцев», во главе с Т. Эльдерхановым – бывшим депутатом Государственной Думы России от Терской области 1 и 2 созывов. Этому чрезвычайному органу власти было «поручено установление твердого революционного порядка…» в Чечне (РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 48. Л. 1).

Как отмечал один из активных участников советского строительства на Северном Кавказе А.И. Микоян, «в связи с освобождением обширных территорий от белогвардейского ига Колчака и Деникина в 1920 г. ускоряется процесс самоопределения наций и возникновения автономных республик и областей» (Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 116. Л. 9). В отчете ЦК РКП(б) за период между IX съездом РКП(б) (29 марта – 5 апреля 1920 г.) и IX Всероссийской партийной конференцией (22–25 сентября 1920 г.) подчеркивалось, что в настоящее время «на очередь поставлен вопрос о закреплении особым государственным актом той административной автономии, которой фактически уже пользуются отдельные горские племена Кавказа» (Известия ЦК РКП(б).

1920. 18 сент. С. 2). Советские лидеры вынуждены были серьезно заняться вопросами практического осуществления права наций на самоопределение.

В начале сентября 1920 г. в Баку прошел первый съезд народов Востока, созванный по инициативе руководителей Коминтерна, на котором наряду с вопросом колониальным был поставлен и вопрос о самоопределении народов, освобожденных от гнета царизма. В нем приняли участие более 1800 посланцев из различных стран мира, в том числе и чеченская делегация в составе 82 человек (Первый съезд народов Востока, 1920. С. 5). На съезде прозвучало недовольство тем, что в отдельных местах чиновники, представляющие исполнительные органы новой власти, порою допускают проявления неуважительного отношения к религиозным и национальным обычаям и традициям мусульман: «верования топчутся, …не дают молиться, не дают хоронить умерших по нашим обычаям и религии» (Там же. С. 91). Было также заявлено о том, что если «…с сегодняшнего знаменитого съезда…Советская власть…» будет «проводить в отношении Востока определенную политику», то тогда мусульманские народы поддержать ее «не только на бумаге, но и с оружием в руках…совместно с пролетариатом и крестьянством России» (Известия ЦК РКП(б). 1920. 18 сент. С. 2).

13 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) организовало совещание с участием 27 делегатов Бакинского съезда народов Востока, где присутствовали представители Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, Балкарии, Карачая и др. Под впечатлением сообщений делегатов форума В.И. Ленин написал проект постановления «по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами», который был рассмотрен и утвержден 14 октября 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) где присутствовали И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский и другие члены высшего руководства страны (*Ленин.* ПСС. Т. 41. С. 342). Политбюро признало «необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений…» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.Д. 115. Л. 2–3).

И.В. Сталин, до осени 1920 г. лишь эпизодически занимавшийся горскими проблемами, осуществил свой эксперимент по «автономизации» на Северном Кавказе, в результате чего были созданы две многонациональные республики – Дагестанская и Горская АССР. 13 ноября 1920 г. он выступил на съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре. Хорошо знавший, чем можно подкупить горцев, он особо подчеркнул, что «Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию» (*Сталин.* Соч. Т. 4. С. 394–396). И.В. Сталину наверняка было известно, что весной 1920 г. в Дагестане и среди горских мусульман самым популярным был лозунг: «Мечеть и суд Шейх-уль Исламу – остальное Советам». Именно в то время в отдельных округах Дагестана «кадии из бедноты объявили, что газават делает тот, кто работает и бьется за освобождение бедноты и что не может быть объявлен газават против тех, кто провозгласил свободу совести и вероисповедания» (РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 130. Л. 8–9).

17 ноября во Владикавказе открылся съезд, на котором присутствовали более 500 делегатов от Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, Балкарии, Карачая, казачества, а также от иногороднего, в основном русского населе-

ния. С докладом «О советской автономии Терской области» здесь выступил И.В. Сталин. Он отметил, что «…съезд созван для того, чтобы объявить волю Советского правительства об устроении жизни терских народов и об их отношениях к казакам», подчеркнул: «Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России». Так была провозглашена Горская АССР.

Горцам-мусульманам исключительно важно было услышать от самого Сталина об отношении Советской власти к шариату. И он оправдал их ожидания, заявив: «Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату» (*Сталин.* Соч. Т. 4. С. 399–407). Используя ловкие пропагандистские хитросплетения, он преследовал цель нивелировать «лоскутность» горского единства, от чего зависела стабильность на Кавказе в целом. В состав Горской АССР были включены шесть национальных округов, каждый со своим окружным исполкомом: а) Чеченский (бывшие Веденский и Грозненский округа, Правобережная часть Кизлярского отдела и Восточная часть бывшего Сунженского отдела); б) Назрановский (Ингушетия); в) Владикавказский округ (Осетия и западная часть бывшего Сунженского отдела); г) Кабардинский округ (Северная часть бывшего Нальчикского отдела); д) Балкарский округ (южная часть бывшего Нальчикского округа); е) Карачаевский округ (западная часть бывшего Нальчикского, южная часть Пятигорского и южная часть Баталпашинского отделов Кубанской области)» (ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 279. Л. 1–2).

Городам Владикавказ и Грозный (с нефтяными промыслами) был придан статус административных единиц, подчиненных непосредственно ВЦИК РСФСР и Совету Народных Комиссаров ГАССР. В силу этого они не подпадали под юрисдикцию национальных округов. Местом дислокации органов власти ГАССР был определён Владикавказ.

Горская АССР просуществовала недолго. В мае 1921 г. вопрос о выходе из состава Горской АССР был поставлен руководством Кабарды, в январе 1922 г. – руководителями Балкарии и Карачая. 22 октября 1922 г. был решен вопрос и об автономии Чечни – Комиссия под председательством К.Е. Ворошилова подготовила проект соответствующего постановления ЦК РКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 16).

30 ноября 1922 г. состоялось заседание так называемого большого Президиума ВЦИК, на котором председательствовал М.И. Калинин. Специально для участия в обсуждении вопроса об автономии Чечни на этом заседании присутствовал И.В. Сталин. Чечню представляли Т. Эльдарханов и О. Ахтаханов. В постановлении Президиума ВЦИК было сказано: «Выделить Чечню из состава Горской Республики в Автономную область с резиденцией в гор. Грозном, не включая гор. Грозный в состав Авт. Области Чечни. Точные границы Авт. Области Чечни должны быть определены Административной Комиссией ВЦИК» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 85. Л. 429–430). Руководящим органом новой автономии был определен Ревком. Его председателем ВЦИК утвердил Т. Эльдарханова (*Гакаев*, 2008; *Туркаев*, 2008).

В конце 1928 г. – начале 1929 г. состоялось объединение Чечни, г. Грозного и Сунженского округа. С этого момента г. Грозный юридически и фактически стал административным и политическим центром Чечни – столицей Чеченской Автономной области. В январе 1934 г. две автономные области двух близкородственных народов – чеченцев и ингушей – были объединены в Чечено-Ингушскую Автономную область. Решение об объединении Чечни и Ингушетии принималось по инициативе Северо-Кавказских краевых органов без предварительной подготовительной работы с населением. Однако объективно, в том числе и с точки зрения исторической перспективы, оно стало важным рубежом в укреплении вайнахского единства, строительстве общей экономики и развития образования и культуры.

В декабре 1936 г. в соответствии с новой Конституцией СССР Чечено-Ингушская Автономная область, как ряд других национально-государственных образований, была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР. Таким образом, было создано единое государственно-административное образование чеченского и ингушского народов. Это стало важным шагом в истории двух родственных народов.

ИСТОРИЯ ЧЕЧНИ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНЦЕ 1920-х–1940-е ГОДЫ

В советский период в культурной эволюции чеченцев, равно как и других советских национальностей, произошли сложные и глубокие перемены. Государственная политика коренизации 1920–1930-х годов, наряду с созданием этнотерриториальной автономии для чеченцев и ингушей, способствовала быстрому распространению у них грамотности и появлению интеллигенции. В борьбе за ликвидацию отсталости «национальных окраин» ранние установки большевиков предусматривали перевод образования на родной язык, что, в свою очередь, означало необходимость наличия письменности. Уже в 1914 г. в Чечне было 154 школы, имелся первый чеченский букварь на основе арабской графики. Школы действовали не только в Грозном – растущем центре российской нефтепромышленности, но и в некоторых горных селах. Однако среди чеченцев грамотных было менее 1%.

Поскольку в XVIII–XIX вв. в общественной жизни чеченцев господствовал ислам, арабская письменность использовалась не только для религии, но и в делопроизводстве, официальной и частной переписке. В чеченском языке этого периода появляется значительное количество арабских слов. «Развитие чеченского языка в этот период происходило и за счет внутренних ресурсов при все более тесном взаимодействии носителей разных диалектов и говоров, что способствовало их сближению, стиранию различий между ними и выработке общих норм речевого поведения. Открытие школ, гимназий, появление новых букварей и учебников на чеченском языке способствовало зарождению учебно-педагогической терминологии, употреблению языка в новой для него сфере деятельности. В этот период появляется чеченская интеллигенция» (*Хамидова*, 1999. С. 134).

Необходимо было избрать основу литературного языка, т.е. осуществить определенный выбор из довольно большого числа разных вариантов чечен-

Ликвидация неграмотности. 1920–1930-е годы
Личный архив В.А. Тишкова

ского языка (так называемых «диалектов»). Небольшой круг образованной интеллигенции принял в этой работе активное участие. Был выбран диалект населения равнинных районов, прежде всего жителей Грозного и прилегающих к нему сел. Первоначально письменность была создана на арабской графике, и в 1921 г. появляется новый чеченский букварь. К обучению грамоте привлекались учителя мусульманских школ. Уже в 1923 г. 50 человек начали работу по ликвидации неграмотности в селах. За период с 1924 по 1932 г. в «ликпунктах» были обучены грамоте 69 333 человека взрослого населения, в том числе 2120 женщин-чеченок (Там же. С. 135).

Очень скоро ориентации советской власти поменялись в пользу латинской графики, чтобы, как выразился один из тогдашних лидеров, А.И. Микоян, «разбить стену между европейской и мусульманской культурой», «сблизить Запад и Восток». В 1925 г. принимается решение о переходе на латинскую графику и в Чечне, несмотря на сильное сопротивление мусульманского духовенства. В 1926 г. в Ленинграде был изготовлен латинский шрифт для чеченской письменности, с 1927 г. первая чеченская газета «Серло» («Свет») стала выходить на латинской графике. В 1928 г. начала работать радиостанция на чеченском языке, а в 1929 г. создан Союз писателей Чечни. С 1930 г. в СССР вводится обязательное всеобщее начальное образование. Кампания по его внедрению развертывается и в Чечне, несмотря на такие трудности, как отдаленность и труднодоступность горных сел, глубокая религиозность населения, недостаток учителей и учебных материалов. В 1931 г. открылся первый национальный театр.

Это были годы бурного развития чеченской культуры и языкового строительства. Вышли первые учебники с использованием латинской графики: арифметика, чеченский язык, природоведение, книга для чтения, словари, сборники фольклора. В Грозном начал работать Институт национальной культуры, действовали два педагогических, два нефтяных, два сельскохозяйственных, один медицинский техникумы, нефтяной и педагогический институты. На национальном языке выходят первые произведения местных писателей. После объединения в 1934 г. Чечни и Ингушетии в Чечено-Ингушскую Автономную область был принят единый алфавит на основе латиницы.

Местные власти энергично осуществляли политику «коренизации», и в феврале 1936 г. Областной совет принял постановление о подготовке национальных кадров, вовлечении чеченцев и ингушей в производство, распространение среди них родных языков. Документ гласил: «Игнорирование и противодействие мероприятиям по созданию национального пролетариата, коренизации госаппарата и переводу делопроизводства на родной язык будут рассматриваться как контрреволюционная вылазка классового врага». Этим же постановлением советы всех уровней должны были «довести к концу 1936 г. удельный вес чеченцев и ингушей в аппарате до 60%, разработать вопрос преподавания в сельских школах на родном языке, ввести родной язык во все школы, средние, профессиональные и высшие учебные заведения в городе; организовать курсы по подготовке работников для советского аппарата – секретарей, машинисток, бухгалтеров, счетоводов, инструкторов и т.д., организовать спецкурсы по изучению коренного языка для других национальностей, постоянно работающих в области и не владеющих чеченским и ингушским языками; утвердить организацию 70 школ в районах для малограмотных и неграмотных работников чеченцев и ингушей на родном языке и 22 школ по изучению коренных языков для работников других национальностей; выделить на все мероприятия деньги» (Цит. по: *Хамидова*, 1999. С. 138).

К началу 1937 г. «коренизация» аппарата была произведена на 70%! Работу и престижные назначения получили «все, кто имел хоть какое-то образование и авторитет среди населения» (Там же). Они еще только приступили к своей работе, а в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. по составленным НКВД спискам была проведена по всем селам и районам «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов». В результате 14 тыс. человек были арестованы, часть из них расстреляна, многие сосланы в концлагеря. Аресты продолжались до ноября 1938 г. Только в аппарате власти было арестовано 137 человек.

Насколько эти данные являются точными, судить довольно трудно, но хорошо известно, что среди арестованных было много чеченцев, которые занимали престижные должности, начиная с главы правительства и кончая простыми чиновниками сельских советов. При этом происходило характерное для советского общества того времени довольно быстрое замещение репрессированных кадров и сам процесс развития чеченской культуры не был остановлен. В 1938 г., помимо уже действовавших вузов и культурных учреждений, начали работать Национальный театр песни, музыки и пляски, музыкальная школа и музыкальный техникум. Были организованы профес-

сиональные союзы писателей, художников, архитекторов и композиторов. Открылись Музей изобразительных искусств, Дом народного творчества. Всего перед Второй мировой войной в Чечено-Ингушетии издавалось 16 газет, действовало 408 школ, 5 театров, 248 библиотек и 212 изб-читален. Неграмотность была ликвидирована среди 75% населения (Культурное строительство, 1979. С. 20–24).

Как замечает З. Хамидова, «успехи культурной революции, таким образом, несмотря на террор, были грандиозны. Но, пребывая в СССР и РСФСР, Чечено-Ингушетия полностью зависела в своем развитии от изменений в идеологии и политики России, Москвы, причем зависела не только в таких вопросах, как административное устройство, но и в том, что значительно глубже, что непосредственно связано с самой национальной идентичностью – в языке. Чеченский язык становился жертвой российских перемен» (*Хамидова*, 1999. С. 140). Действительно, уже в 1938 г. в СССР принимается решение перевести все новописьменные языки на русскую графическую основу. Это решение затронуло все народы Северного Кавказа. Переход был связан с большими трудностями. Нужно было учить новый алфавит, переиздавать все учебники, менять шрифт, упорядочивать орфографию и терминологию, осуществлять новые переводы общественно-политической, сельскохозяйственной, медицинской и технической литературы. Встала проблема издания новых учебников для чеченских и ингушских сельских школ. После этой реформы чеченский и ингушский языки и литература сохранились в школе только как предметы, а все остальные дисциплины стали преподаваться на русском языке. С этого момента начался процесс интенсивной языковой ассимиляции чеченцев в пользу русского языка. Одновременно в эти же годы были заложены основы научного изучения чеченского языка, фольклора, литературоведения, которое продолжилось уже после Второй мировой войны (*Яковлев,* 1939; *Дешериев,* 1953, 1963; *Алироев,* 1999).

Имел свои отличительные особенности и процесс коллективизации и индустриализации среди чеченского населения. За многие века освоения долин и предгорий как чеченцами и ингушами, так и русскими жителями в Чечено-Ингушетии образовался обширный фонд пахотных земель (около 400 тыс. га в 1937 г.), не считая огромное число мелких частных участков в горных селениях и индивидуальных огородов в долинных районах. Были еще фруктовые сады и даже семейные (родовые) рощи дикоросов (орехи, ягода, черемша). Члены местных сообществ хорошо знали, где в родном горном селе проходили границы их родовых участков и старались соблюдать установленные обычаем права собственности. Русское казачье население также имело личные и общинные владения. Именно поэтому проект осуществления всеобщей коллективизации в Чечено-Ингушетии оказался менее успешным по сравнению с «культурной революцией». Против коллективизации сначала выступали местные казачьи общины, но казаков как «контрреволюционный элемент» большевики подвергли жестоким репрессиям и значительную часть их выселили с Северного Кавказа, в том числе и с территории Чечено-Ингушетии, еще в 1920-е годы. Одновременно коллективизация вызвала не только протест, но даже открытые выступления со стороны чеченцев. В конечном итоге созданные колхозы и совхозы существовали здесь как навязанная структура,

в рамках которой или за ее пределами чеченцы находили много вариантов жизнеобеспечения.

И все же на первое января 1937 г. в республике было (или числилось) 480 колхозов, в которые входило 84% всех крестьянских хозяйств. Колхозы располагали 300 тыс. га земли и собирали богатые урожаи кукурузы и неплохие урожаи других культур. Поголовье скота в колхозах республики в 1939 г. составило 121 тыс. голов. Но по другим сведениям, колхозов было меньше и уровень коллективизации пастбищ и скота был ниже. К моменту депортации в 1944 г. в ЧИАССР насчитывалось 146 сел (не считая мелких населенных пунктов, особенно горных аулов), 137 колхозов, 14 совхозов, 24 МТС, 439 промышленных предприятия. В сельской экономике преобладало единоличное хозяйство (это положение сохранилось и в последепортационный период). Например, в Итум-Калинском районе в 1943 г. крупного рогатого скота было 15 тыс. голов, из них в колхозах 800 голов (13%), в Шатойском – 7600, из них в колхозах 332 (4%), в Итум-Калинском – 28 тыс. голов овец, из них в колхозах 1800 (6%), в Галанчожском – всего 13 700 овец, из них в колхозах 2637 (19%) (Репрессированные народы России, 1996. С. 213). Видимо, речь в данном случае следует вести о большом различии в характере аграрной экономики между равнинной и горной частями республики.

Что касается промышленности, то ее основу еще с дореволюционных времен составляла добыча нефти (второе место в России после бакинских промыслов). Нефтепромыслами владел частный капитал, как зарубежный, так и российский, включая и нескольких крупных чеченских промышленников (Тапа Чермоев). После революции и гражданской войны грозненская нефтепромышленность была восстановлена очень быстро, а с 1924 г. началась реконструкция и строительство новых заводов. К 1940 г. Чечено-Ингушетия уже не просто добывала, но и перерабатывала нефть. В период советской индустриализации в Чечне были созданы новые отрасли: машиностроение, электроэнергетическая, газовая, химическая, лесная и деревообрабатывающая. В республике с ее многочисленным коренным населением стала быстро развиваться легкая промышленность, где активно использовался местный женский труд: обувная, швейная, консервная.

Предвоенная Чечено-Ингушетия жила по правилам, которые можно назвать своеобразным симбиозом советских норм и законов с народными правовыми нормами адата при сохранении некоторых исламских традиций и ценностей. Подавляющее большинство простых людей не вступали в ряды большевиков и не были открытыми врагами режима. Они пробивались по жизни точно так же, как это делают люди в любом другом обществе. С началом в 1941 г. войны с гитлеровской Германией 29 тыс. чеченцев ушли на фронт защищать свою страну Советский Союз. Тогдашнее поколение чеченцев было настроено патриотично и воспринимало СССР как родину. Вот одна из драматических историй того времени. Она была изложена в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова жителем Магадана В.А. Алиевым уже после войны. Автор письма «отбыл свой срок, досрочно освободился». «Я родился в селе Чечен-аул Атагинского района бывшей Чечено-Ингушской АССР в 1924 г. Мой отец Алиев Аметхаджи – рабочий-сапожник, активный участник гражданской войны, получил увечье и инвалидность в боях (100-дневные бои в гор. Грозном) с

белоказаками. Мать – крестьянка, домашняя хозяйка. Оба они были неграмотными. С первого класса я обучался в русской школе. Благодаря Коммунистической партии СС я получил образование, сын неграмотных родителей – я учился в институте; будучи чеченцем по национальности – самой отсталой национальности благодаря Советскому правительству я получил вместе с образованием и широкий кругозор. В 1943 г. на плацдарме у р. Днепр под г. Канев я был принят в кандидаты ВКП(б), как отличившийся в боях. За эти же бои я два раза был представлен к правительственным наградам: ордену Отечественной войны и ордену Красной Звезды. В мае месяце 1944 г. после тяжелой болезни в госпитале гор. Тула врачебной комиссией я был признан ограниченно годным 2 степени с переводом в глубокий тыл, но я знал, что Родине нужен каждый человек на передовой, и остался в строю. Ведь в армию я уходил добровольцем, о нашей инициативной группе по набору добровольцев-активистов в ряды РККА широко писала чечено-ингушская республиканская пресса (газета "Ленинский путь" за вторую половину декабря месяца 1942 г.)...» (*Тишков*, 2003. С. 79). Далее следует жуткий рассказ об аресте, ложных признаниях вины под угрозой расстрела и осуждение. Но что в этой истории явно не укладывается в доминирующий стереотип о чеченцах, так это отсутствие тех самых черт тотального диссидентства, отказа служить кому-либо, а тем более советской власти. Не только начавшаяся языковая ассимиляция, но и глубокая советизация, включая советский патриотизм и лояльность власти, были характерны для большинства чеченцев и ингушей. Возможно, не все шли добровольцами, но отказывались служить в армии или дезертировали единицы. Созданный позднее миф об особом чеченском коллоборационизме был создан советскими спецслужбами и пропагандой.

В результате недавних архивных исследований российских историков восстановлены многие героические страницы и подвиги советских солдат и офицеров чеченской национальности в годы Великой Отечественной войны (См.: Чеченцы в истории…, 2008. С. 340–438). Только среди участников обороны Брестской крепости и прилегающего к ней района участвовало не менее 234 военнослужащих, призванных из Чечено-Ингушской АССР (около одной трети всех участников обороны!), имена которых ныне известны (см.: *Ошаев*, 2008. С. 360–378). Всего за годы войны на фронт из республики было мобилизовано более 50 тысяч человек, из которых свыше 30 тысяч были чеченцы (*Гакаев*, 1988. С. 40). Более 50 воинов-чеченцев были удостоены звания Героя Советского Союза (но получили награды только пятеро!), и это только те, кто не побоялся назвать свою национальность. Выдающиеся боевые подвиги совершили снайпер Ханпаша Нурадилов, уничтоживший почти тысячу немцев во время Сталинградской битвы, а также командир отдельного чечено-ингушского кавалерийского полка Мовлид Висаитов (оба стали Героями Советского Союза посмертно, а Висаитов – только в 1990 г.).

Депортация всего населения Чечено-Ингушетии не пощадила и тех, кто был на фронте. В 1944 г. из действующей армии были отозваны и направлены в Казахстан и Среднюю Азию 16,5 тысяч бойцов чеченской и ингушской национальности, которые зарекомендовали себя смелыми и стойкими воинами. Сотни чеченцев, изменив свою национальность, остались в

Мовлид Висаитов с конем, присланным писателем М. Шолоховым в подарок лучшему кавалеристу фронта
***Чеченцы в истории...*, 2008. С. 380**

рядах Красной армии и воевали с врагом до дня победы, приняв участие в штурме Берлина (*Ибрагимов, Хатуев*, 2008. С. 357). Чеченец А.Х. Исмаилов вместе с М.В. Кантария и М.А. Егоровым водрузил Знамя Победы над Рейхстагом.

ДЕПОРТАЦИЯ 1944–1957 гг.

23 февраля 1944 г. по распоряжению Сталина была начата операция «Чечевица» поголовного выселения чеченцев и ингушей в ссылку в районы Казахстана и Киргизии. Госкомитет Обороны СССР принял постановление о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. Для оправдания такой жестокой меры были выдвинуты в адрес чеченцев и ингушей (вайнахов) надуманные обвинения в предательстве, массовом уклонении от воинской службы, попытках сговора с гитлеровцами. В ходе операции были насильственно вывезены 370 тысяч чеченцев (по другим сведениям – 317 тысяч). Выселение и сам переезд сопровождались жестокостями, убийствами, большим числом погибших от болезней и невыносимыми страданиями по местам своего историческо-

го проживания, где остались дома, хозяйство, утварь, предметы домашнего обихода и ремесла. Это событие осталось надолго в памяти народа и стало в позднейшем одним из факторов радикальной политической мобилизации в эпоху горбачевской перестройки и после.

Восприятие чеченцами сталинской депортации распадается на два периода: до либерализации конца 1980-х годов и после нее. В советское время наиболее характерным было замалчивание депортации. Люди старались не говорить об этом, ибо как бы существовала некая коллективная вина, пусть даже и несправедливо наложенная на народ и за нее ему приходится расплачиваться. В связи с этой коллективной травмой обнаруживаются довольно важные моменты в исторической памяти чеченцев. Вот как объясняет восприятие депортации в своей семье чеченский филолог Хеда Абдуллаева: «О депортации говорили мало и в каком-то отвлеченном виде: это было до “ардаар” (что на чеченском языке буквально “вывели из дома”). Когда мама что-нибудь рассказывала, то она часто говорила, вот когда нас “ардаале”, или когда нас “уза даьххича” (буквально “вернули”). У меня в голове все никак не укладывалось: куда вывели и куда привели? Я очень долго всего этого не понимала. Это было неправильно и надо было все-таки рассказать… Только в классе восьмом до меня дошло, что нас выслали, всех выслали!» (*Тишков*, 2003. С. 80).

Интересный момент обнаруживается в ментальности части чеченцев более старшего поколения, особенно среди тех, кто занимал элитные должности и(или) вполне лояльно относился к советскому строю (последних было подавляющее большинство в Чечено-Ингушетии). Период пребывания в ссылке в Казахстане назывался некоторыми как период пребывания «на целине», т.е. чеченцы как бы причисляли себя к участникам одной из наиболее громких пропагандистских и народнохозяйственных эпопей советского времени. Вот как высказался Хажбикар Боков, когда описывал одну из страниц своей прошлой жизни: «Я прошел школу целины, где не было, чтобы руки по швам. Каждый имел свое мнение. Там же прошел и комсомольскую школу. Это была настоящая школа патриотического труда и бескорыстия ради Родины… Я действительно вырос в труде. В 8 лет вывезли, был пахарем, сеяльщиком, пастухом, завклубом. Вырос можно сказать в борозде…» (Там же. С. 81).

За последнее десятилетие история депортации чеченцев и ингушей стала предметом большого числа драматических описаний, документальных публикаций и литературно-поэтических интерпретаций. Упрощенная и политкорректная версия однозначна: депортация была «народоубийством», самым страшным преступлением сталинизма, который исковеркал жизнь нескольких поколений и судьбу чеченского народа в целом. Безусловно, сам акт депортации чеченцев и ингушей, как и других народов, был чудовищным насилием и огромной травмой, память о которой стала одним из главных моментов чеченской версии прошлого. Однако в литературных и исторических текстах, а также в политической и повседневной риторике преобладают рассказы о самом акте выселения и о тяжелом переезде в забитых людьми вагонах для скота, когда многие погибли от холода, голода, болезней и от рук охранников. Этнография жизни в ссылке почти не рассматривается, кроме упоминаний спецкомендатуры, ограничений на передвижение, жестоких

наказаний каторгой за отлучки с местожительства. Дж. Гакаев в своей обстоятельной книге, посвященной политической истории Чечни в XX в., так описывает этот период:

«После прибытия к местам ссылки началось колхозно-совхозное распределение депортированных. Непосредственной властью над народом была спецкомендатура во главе с комендантом – офицером НКВД. Комендант был полноправным хозяином жизни сотен тысяч бесправных и беззащитных людей. Всюду в местах расселения депортантов было объявлено, что спецпереселенцы обязаны беспрекословно выполнять распоряжения властей, соблюдать режим, регламентирующий их жизнь. Все работоспособное население использовалось в качестве рабсилы за вознаграждение в виде продовольственной карточки. Категорически запрещалось всякое передвижение или уход на расстояние более трех километров от места проживания. Два раза в месяц спецпереселенец должен был отмечаться в комендатуре, подтверждая, что он на месте. За нарушение правил и режима проживания необратимо следовало наказание – каторга сроком на 20 лет без суда и следствия. По существу, спецпереселенцы были лишены гражданских прав и находились вне закона. Голод, мор, жесточайшие репрессии поставили чеченцев и ингушей на грань гибели» (*Гакаев*, 1997. С. 104).

Вопрос о воздействии периода депортации на чеченцев и на их культуру в литературе неизбежно рассматривается в эмоционально-политизированном тоне: исключительно с точки зрения морально-правовой несправедливости совершенного акта выселения целого народа и с точки зрения физических лишений и утрат, в том числе демографических. Эти утраты действительно были велики, по оценкам историков, чеченцы и ингуши в период депортации потеряли около одной трети своей численности. Однако история депортации имеет ряд аспектов, которые представляют особый интерес. Прежде всего доказательством тезиса, что чеченцы уже к периоду второй мировой войны представляли собою один из среднемодернизированных советских народов с развитой материальной и духовной культурой, является то, что в Средней Азии и Казахстане они, вместе с другими депортированными народами, зачастую выполняли своего рода цивилизаторскую миссию по отношению к аборигенному населению, особенно к местным казахам и киргизам, проживавшим в степной сельской местности. Когда чеченцы прибыли в Среднюю Азию, то обнаружили, что многие там еще живут в земляных жилищах или ведут полукочевой образ жизни. Чеченцы научили казахов и киргизов строить дома, печь хлеб в каменных печах, выращивать овощи и еще многим полезным вещам, о которых местное население до этого не знало.

Многочисленные истории чеченской депортации концентрируются также на лишениях и унижениях, которые пришлось пережить чеченцам и другим депортированным в ссылке (Репрессированные народы России, 1994). Однако интересен еще ряд моментов. Во-первых, это стратегия выживания депортированных и их повседневная жизнь на протяжении 13 лет пребывания за пределами Чечни? Во-вторых, в какой мере депортация способствовала не только сохранению, но и консолидации чеченской идентичности, т.е. как депортация через негативное предписание быть *спецпоселенцами* послужила сохранению чеченской отличительности. Как мы уже отмечали, наиболее

страшные воспоминания относятся к моменту выселения и к первым годам жизни в депортации.

Особенно трудными были первые годы жизни в Средней Азии. Многие семьи оказались разорванными, их соединению помогал *хабар* – чеченский «устный телеграф», который работал безупречно, пересекая все кордоны. Первые годы были очень тяжелыми из-за отсутствия жилья (многих прямо в степь высадили) и голода (местные казахи и те голодали). Шамсуддин Умаров помнит свои детские впечатления о том, что в казахском селе, где они жили, чеченцы часто собирались по вечерам у кого-нибудь в доме. «Первые годы и электричества не было, и жгли лучину или свечку. Собирались поиграть на балалайке и пели. Был смех и были шутки. Почти в полной темноте. Поесть почти ничего не было, поджаривали картошку на печке. Помню, что только в году 1948 мама смогла повесить какую-то тряпочку на окна. Так появились первые занавески как признак лучшей жизни» (*Тишков*, 2003. С. 84–85).

Пребывание в Казахстане и в Киргизии было временем не только разрушения семейно-родственных связей, но сильной аккультурации чеченцев, особенно в пользу русского языка. Некоторые представители старшего поколения научились говорить по-русски только в Казахстане. Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Хажбикар Боков так своеобразно осмыслил судьбу чеченцев в период депортации: «Я русский язык выучил вместе с материнским языком. Дома мать с отцом говорили по-ингушски. В школе в Казахстане все по-русски. В нашем селе было четыре класса. Поэтому пятый, шестой и седьмой классы я учился в другом селе. Километров семь от нашего села. Русские, украинцы и немного спецпоселенцев и казахов. Это был прием для разложения нации, но видимо чеченская нация была только в процессе своего сложения и в этой стадии нацию разрушить нельзя. Сотни километров шли по селам чеченцы и ингуши и составляли списки. Это величайшая сила национального единства в начальный период» (*Тишков*, 2003. С. 85).

Почти все взрослые чеченцы, и даже женщины, нашли себе разную работу, их труд способствовал развитию сельского хозяйства, особенно овощеводства и животноводства. Люди, пережившие депортацию, вспоминают, что на рынках Казахстана, до тех пор скудных с точки зрения ассортимента, появились в изобилии овощи, фрукты, мясо-молочные продукты. В целом чеченцы успешно трудились и в городах на предприятиях, особенно в легкой промышленности, в различных артелях. История этой жизни фактически не написана. Только фотографии из семейных альбомов чеченцев времени депортации дают дополнительное представление о них, но отнюдь не такое, которое зафиксировано литературной метафорой писателя Солженицына: «Из всех спецпереселенцев единственные чеченцы проявили себя зэками по духу. После того, как их однажды предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили...» (*Солженицын*, 1990. Кн. 5, 6, 7. С. 401).

Некоторые традиционные нормы поведения, в том числе и религиозные обряды, чеченцы продолжали соблюдать и в депортации, как это делали и местные жители – казахи и киргизы, а также другие спецпоселенцы. В семьях и между собой говорили на чеченском языке. Однако в «публичном мире» царили советские нормы фактически принудительного труда и жесткой тру-

довой дисциплины, коммунистической идеологии и воинствующего атеизма. В этих условиях чеченцы упорнейшим трудом обеспечивали свое существование, и солженицынский образ непокорных и гордых, открыто враждебных, не соблюдавших законов людей, которые «принесли в дремавший Казахстан понятия “украли” и “обчистили”», расходится с реальностью.

Как ни покажется странным, но в датированной сентябрем 1957 г. докладной начальника 4-го спецотдела МВД СССР некоего полковника В. Новикова на имя министра внутренних дел СССР Н.П. Дудурова, возможно, содержится не меньше исторической правды, чем в литературных интерпретациях: «Подавляющее большинство спецпереселенцев к труду относятся добросовестно, систематически выполняют и перевыполняют производственные задания, за что многие из них награждены почетными грамотами, занесены на заводские и районные Доски Почета, награждены ценными подарками, а часть из них – правительственными наградами. Спецпоселенцы, работники колхозов и совхозов, стремятся проявить себя в проводимых сельскохозяйственных кампаниях по выращиванию и уборке урожая, увеличению производства сельхозпродукции и развитию животноводства» (Репрессированные народы России, 1994. С. 217).

Представление о социально-демографическом облике чеченцев и ингушей периода депортации дают архивные документы времени восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. 8 апреля 1957 г. председатель Госплана Чечено-Ингушской АССР А. Платонов сообщал в Москву следующие данные: всего в Казахской и Киргизской ССР тогда проживало чеченцев и ингушей 415 тыс. человек, которые составляют 90 тыс. семей. Людей в возрасте до 16 лет и старше среди чеченцев и ингушей 244 тыс. человек. Из чеченцев и ингушей, проживающих в Казахской и Узбекской ССР, занято в промышленности 38 500 человек, в сельском хозяйстве – 91 500, в различных учреждениях и организациях – 25 тыс., а всего 155 тыс. человек (Там же. С. 212). Эти цифры позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, среди чеченцев и ингушей было очень много молодежи, а это означает, что в депортации среди них сохранялась высокая рождаемость. В 1957 г. дети до 16 лет составляли 171 тыс. Следовательно, за 13 лет депортации из общего числа чеченцев примерно 150 тыс. родились в Казахстане и Киргизии. Во-вторых, чеченцы и ингуши имели фактически полную занятость, причем соотношение между занятостью на селе и в промышленности было примерно таким же, как и по всему СССР. Вполне возможно, что период депортации способствовал урбанизации вайнахов, ибо, несмотря на запреты, они стремились устроиться на работу и жить в городах, а не в селах, где жизнь была значительно беднее и менее культурно комфортной. Собственных компактных сельских поселений образовывать им не давали.

Бесспорен факт очень трудной судьбы чеченской культуры в условиях депортации. Чеченские язык и культура оказались под фактическим запретом, хотя группа вайнахской интеллигенции старалась их поддерживать даже в тяжелых условиях изгнания. В столице Киргизии Фрунзе работал Кавказский ансамбль песни и пляски, который давал концерты среди спецпоселенцев, в том числе и в Казахстане. Именно во Фрунзе сформировался талант знаменитого чеченского танцора Махмуда Эсамбаева. «Каждый месяц пятого числа я должен был являться в комендатуру и расписываться в том, что я на месте, не сбежал, – вспоминал он. – Такая процедура мне казалась унизительной.

Махмуд Алисултанович Эсамбаев
Чеченцы в истории..., 2008. С. 601

И однажды я заявил об этом коменданту». За этот протест Эсамбаев получил штамп в паспорте, что может проживать только во Фрунзе. А когда артист демонстративно вырвал эту страницу из паспорта, то получил наказание – его отправили в горы, где он сплавлял лес. «Лишь года через полтора друзьям из Фрунзе удалось вернуть меня обратно в оперный театр. Кстати, как только закончилась ссылка, в 1957 г. я сразу был удостоен звания народного артиста Киргизской ССР» (Там же. С. 247).

После смерти Сталина во Фрунзе стали выходить газета и радиопередачи на чеченском и ингушском языках. Но в целом многим чеченцам, в том числе и представителям старшего поколения, пришлось выучивать русский язык, чтобы общаться с местным населением.

Во второй половине 1980-х годов произошел подлинный взрыв в советском и особенно в чеченском обществе в восприятии факта массовых этнических депортаций. Важную роль в формировании современной травмы депортации сыграли исторические труды и публикации документов, особенно перевод книги немецкого политолога чеченского происхождения Абдурахмана Авторханова и 3-томное издание документов «Так это было» под редакцией российского филолога Светланы Алиевой (1993). Не менее значительным оказалось воздействие литературно-поэтических и музыкальных (песенных) версий. Чеченский писатель и поэт Муса Гешаев рассказал историю с песней Имама Алимсултанова на его слова (*Тишков*, 2003. С. 91). «Содержание ее произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сегодня с гордостью вспоминаю, что ударной в этой программе (местная телепрограмма) стала песня на мои слова “Черные дни”:

О черных днях поведали мне горы,
Чернее повести для горцев в жизни нет,
И временем не вылечить той боли,
С какой глядели горы горцам вслед.
То было все по страшному веленью,
Хоть приговор понять мы не могли.
Нас всех приказом выгнали с презреньем
С родной вайнахской обжитой земли.
И, как животных, в скотские вагоны
Грузили в тот военный трудный год.
За что наказаны в то время были горцы,
В чем провинился перед Родиной народ?»

Таким образом, репрессии, особенно депортация в 1944 г., нанесли огромный ущерб социальной структуре чеченского общества, демографическому облику и культурному воспроизводству этнической общности. Возможно, мы никогда не узнаем всей глубины психологической травмы, нанесенной чеченцам и ингушам депортацией, но абсолютно ясно, что эта еще живая для старшего поколения история могла стать мощным фактором эмоциональной и политической мобилизации для совершения коллективных действий. В то же время негативные явления в истории сочетались с политикой поддержки и развития чеченской культуры и в целом социально-экономического потенциала Чечено-Ингушской Автономной республики в рамках СССР.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. ИСТОРИЯ ЧЕЧНИ В 1960–1980-е ГОДЫ

В этом разделе излагается этническая история той Чечни, которая возникла заново после 1957 г., включая ее географические границы, хозяйство, политический статус и культурный облик. Этот раздел продолжает своего рода историко-этнографический анализ явлений и событий, предшествовавших 1991 г., важным подспорьем стали научные труды российских историков и этнографов, включая ученых Чечено-Ингушетии. По проблемам этнографии чеченцев успешно работали в 1960–1990-е годы Б.А. Калоев, Я.В. Чеснов, Я.С. Смирнова, Н.Д. Пчелинцева, Л.Т. Соловьева, а также многочисленный отряд историков и этнографов Чечни, которые концентрировались в Институте гуманитарных исследований ЧИАССР. С начала 2000-х годов в Грозном начал действовать Комплексный научно-исследовательский институт РАН с отделами по гуманитарным и общественным наукам. И тем не менее новейшая история Чечни и чеченцев позднесоветского и постсоветского периода пока должным образом не написана. В данном труде внимание обращается прежде всего на этносоциальные, этнополитические и этнокультурные аспекты исторических событий.

9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», которым «в целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов» признавалось необходимым восстановить «национальную автономию чеченского и ингушского народов» и которым отменялись указ от 7 марта 1944 г. о ликвидации республики и указ от 16 июня 1956 г. в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее местожительство. В феврале 1957 г. на сессии Верховного Совета уже рассматривался вопрос о порядке переселения. В докладе по этому вопросу говорилось: «Практическое осуществление мероприятий по восстановлению национальных автономий этих народов потребует известного времени и проведения большой организаторской работы по подготовке в местах прежнего жительства необходимых производственных, жилищных и других культурно-бытовых условий, потребуются также большие затраты материальных и денежных средств. Поэтому переезд граждан указанных национальностей, изъявивших желание возвратиться в районы прежнего местожительства, должен производиться организованно, небольшими группами, в определенные сроки и в порядке очередно-

Д. Идрисов. Реабилитирован. 2007 г.
Холст, масло
Фото С. Исраиловой

сти» (Репрессированные народы России, 1994. С. 211).

Эти сроки советские власти установили для чеченцев и ингушей как наиболее многочисленных групп в течение 1957–1960 гг. На 1957 г. было намечено возвратить в Чечено-Ингушскую АССР только 17 тыс. семей. Однако подавляющее большинство депортированных пожелало вернуться как можно быстрее, и основная масса чеченцев и ингушей оказалась в республике в 1957 г. (57 тысяч семей!). Согласно справке Отдела переселений и оргнабора рабочих Организационного комитета по Чечено-Ингушетии, на 20 января 1958 г. по плану должны были переселиться 23 503 семьи, прибыло 52 037 – 201 746 человек; трудоспособных – 85 367, трудоустроены – 58 959 человек, из них в промышленности – 4043, в совхозах – 18 433, в колхозах – 21 567 человек. Нетрудоустроенных оставалось 11 427 хозяйств. В отдельных домах проживали 37 960 человек, во вновь построенных – 15 608, на подселении – 14 077 человек. Приусадебные участки получили 2648 человек. Детей школьного возраста было 26 683, обучающихся в школе – 209 184.

Следует учесть, что после 1944 г. на освобожденные от чеченцев и ингушей земли переселилось (большинство по специальным разнарядкам властей) из разных регионов России около 77 тыс. поселенцев. Часть из них была из разоренных войной районов, часть из Осетии и Дагестана. К началу возвращения и к моменту восстановления республики в Грозненской области проживали 540 тыс. человек. Многие занимали дома и городские квартиры, в которых когда-то проживали депортированные. Все это не могло не создать острых коллизий и социальной напряженности, которая неизбежно обретала межэтническую форму. В сельской местности происходили постоянные споры и стычки из-за земельных угодий, находившихся в ведении колхозных и совхозных хозяйств. Часть бывших земель оказалась недоступной для возвращенцев: несколько горных районов были закрыты для проживания и их бывшие жители были вынуждены селиться в равнинных аулах и казачьих станицах. Какова была причина этих ограничений, точно неизвестно: либо власти опасались, что горные села могут стать плохо контролируемыми

зонами, либо сказалась общая установка, что горская экономика и жизнь в горах – это наследие отсталого прошлого и бремя для государства по обеспечению социальных и культурных условий жизни людей. Как известно, в послевоенные десятилетия активное переселение с гор на равнину имело место и в других республиках Северного Кавказа.

Вернувшиеся в Дагестан чеченцы-аккинцы не смогли осесть в своих родных селениях, так как на эти земли были переселены жители горных аулов – лакцы. Здесь уже создали новый административный район – Новолакский, а существовавший до депортации национальный район аккинцев не был восстановлен. Часть территории (978 кв.км), где главным образом проживали ингуши, осталась в составе Северной Осетии в границах увеличенного по размерам Пригородного района. Заселение этих земель ингушами всячески ограничивалось, в том числе специальными правительственными постановлениями.

Б.А. Калоев, посвятивший многие годы изучению этнографии чеченцев и ингушей и автор разделов «Чеченцы» и «Ингуши» в томе «Народы Кавказа» (Т. I. М., 1960) известной серии «Народы мира» под редакцией С.П. Толстова, приводит интересные сведения о своей этнографической работе среди чеченцев и ингушей начиная с 1957 г., когда он получил от Института этнографии АН СССР первую командировку в Грозный. Отечественный этнограф оказался непосредственным наблюдателем драматической страницы в этнической истории изучаемых им народов. «На второй день пребывания в Грозном я встречал на вокзале, можно сказать, первые эшелоны с чеченцами и ингушами, видел радостные лица прибывших от счастья встречи с родной землей после долгой разлуки, шум детей, выходящих толпами из вагонов на платформу с родителями и семьями, ожидавшими здесь грузовые автомашины для отправки по местам их прежних поселений. Меня удивило и множество легковых автомашин на открытых платформах, обладателями которых являлись исключительно молодые чеченцы, жившие и работавшие в своей массе шахтерами и металлургами Караганды и других промышленных центров Казахской республики. Известно, что в те послевоенные годы легковые машины удавалось иметь лишь некоторым счастливчикам. Чеченцы в этом отношении составляли исключение. Во всяком случае, привезенные ими «волги» и «победы» в немалом количестве – показатель того, что в Казахстане они жили в достатке. Появление этих машин в Грозном и в селах стало весьма заметным явлением, играло важную роль в системе транспорта. Нередко можно было наблюдать за стремительно несущейся легковой машиной по узким горным дорогам, проходившим над головокружительными пропастями. Можно было подумать, что скачет всадник на резвом коне. Однако, как бы то ни было, чеченцы и ингуши, вернувшись на родину, встретились со многими проблемами, связанными с устройством их на прежних местах расселения... Жителям высокогорья, какими являлись верхние районы Аргуна и Ассы, было запрещено возвращаться в их родные места, а приказано поселиться преимущественно в казачьих станицах, не учитывая того, что эти так называемые немирные чеченцы, т.е. горцы, веками воевавшие с казаками, не забыли старых обид, так же как и последние. Одним словом, чеченцы-горцы обычно селились на окраинах станиц, составляя компактные поселения, работая вместе с казаками в одних колхозах и совхозах. Через два года, когда я вновь, проводя полевые этнографические

исследования, ездил по этим станицам, я почувствовал между ними недобрые отношения. Чеченцы утверждали, что казаки обижают их, отключают свет, воду, не дают им должностных мест в общественном производстве и т.д. Казаки же и особенно казачки жаловались, что нет им прохода от чеченцев. Старая казачка мне с обидой говорила, что ее внучка после семи часов не может выйти на улицу или посетить станичный Дом культуры без сопровождающего. И тем не менее со временем отношения между ними наладились...» (*Тишков*, 2003. С. 99–100).

На почве отмеченных проблем и напряженности в августе 1958 г. в Грозном произошло массовое выступление русскоязычных граждан против возвращения чеченцев и ингушей в республику. Власти жестоко подавили эти беспорядки, фактически организованные шовинистически настроенной местной партийной верхушкой. В целом в республике сохранялся своего рода моральный климат, который как бы «давал понять чеченцам и ингушам, что они помилованы, но политически не реабилитированы» (*Гакаев*, 1997. С. 107).

Однако не везде и не всегда были только напряженность, несмотря на трудные времена. Как рассказывал Ж. Гакаев, «Когда мы приехали из Казахстана, нас в Галанчожский район не пустили. Мы поселились в Гехин-Чу, но это уже не горная часть Чечни. Тем не менее нас хорошо приняли, и моего отца очень уважали. Были, конечно, шутки по поводу «горцев», но они были скорее из разряда всем известной притчи по поводу деления чеченцев на горных и равнинных. Это когда два брата с семьями переезжали с гор на равнину, и один из них, первым переехав пограничный мост и почувствовав себя равнинным чеченцем, кричит другому: «Эй, ламоро (горный, отсталый, дикий), как ты там?» (*Тишков*, 2003. С.101).

Центральные власти попытались решить территориальные проблемы восстановленной республики передачей под ее контроль двух обширных районов Ставропольского края – Наурского и Шелковского (5200 кв. км), где главным образом проживали русские, кумыки, ногайцы. Встречающееся в литературе мнение, что это было сделано, чтобы не допустить демографического преобладания чеченцев в новой республике, никакими документами не подтверждается. Напротив, со стороны органов власти были осуществлены масштабные меры помощи депортированным: чеченцы и ингуши получили существенные кредиты и финансовую помощь, в том числе субсидии на строительство домов и приобретение скота, налоговые льготы, специальные поставки сельскохозяйственной техники и семенного материала, и т.п. Были осуществлены программы социальной поддержки пенсионеров, инвалидов, срочного строительства школ и больниц, учреждений культурнопросветительного характера (Репрессированные народы России, 1994. С. 213–233).

В декабре 1961 г. в партийных органах республики была составлена справка о проделанной работе за 1957–1961 гг. и о положении в Чечено-Ингушетии, которой можно во многом доверять. Из проживавших в Казахстане и Киргизии 524 тыс. человек (418 тыс. чеченцев и 106 тыс. ингушей) в Чечено-Ингушетию прибыло 432 тыс. (356 тыс. чеченцев и 76 тыс. ингушей), в Дагестан – 28 тыс. (в основном чеченцы) и в Северную Осетию – 8 тыс. ингушей. Таким образом, общее население республики со-

ставило 892,4 тыс. человек, из них 432 тыс. чеченцы и ингуши. В Казахстане остались проживать 34 тыс. чеченцев и 22 тыс. ингушей (в этой же справке приводится и другая цифра: на 15 октября 1960 г. на территории Казахстана – около 100 тыс. и на территории Киргизии 6 тыс. чеченцев и ингушей).

Из всех прибывших 118 тыс. человек были трудоспособными и из них к 1961 г. было трудоустроено 112 223 человека, в том числе 19 тыс. – в промышленности (в 1944 г. в промышленности работали только 1077 чеченцев и ингушей). Всем вернувшимся в республику была выдана ссуда на общую сумму более 34 млн руб. На 1961 г. 10 тыс. человек проживали в коммунальных квартирах, 73 тыс. построили или купили дома, 10 400 семей заканчивали строительство, 1600 семей снимали на частные квартиры. За эти годы было построено 49 промышленных предприятий, химический завод, сахарный и молочный заводы, Новогрозненская ТЭЦ, завод железобетонных конструкций. Сильно выросли посевные площади в колхозах и совхозах. 57 121 хозяйство имело крупный рогатый скот.

За 1957–1961 гг. в республике подготовлено 1056 учителей, число школ возросло с 365 до 414 и учащихся с 80 до 150 тыс. Грамоте было обучено более 20 тыс. человек, в том числе 15 тысяч женщин-горянок. Женщины составили 42% всех депутатов советов. Издавалось 4 республиканских и 17 районных газет. Возобновил работу Научно-исследовательский институт истории (Репрессированные народы России, 1994. С. 234–235; *Тишков*, 2003. С. 102–103).

Чечено-Ингушетия восстановила свою территориальную автономию в рамках Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) автономная республика. Республика имела собственную конституцию, которая менялась по мере изменения общесоюзной конституции, но ее основы сохранялись до 1991 г. По этой конституции высшим органом государственной власти был однопалатный Верховный Совет, который избирался населением на 5 лет по норме 1 депутат от 6 тыс. жителей.

Для нас фундаментальным является вопрос насколько именно советская власть была властью в ее истинном значении слова. Безусловно, ответить на этот вопрос невозможно, если не учитывать два обстоятельства. Во-первых, общие основы советского режима в стране, опиравшегося на институт единственной правящей Коммунистической партии и на систему специальных служб, прежде всего КГБ. Во-вторых, – местную специфику, которая была повсюду, особенно в так называемых национальных автономиях. Другими словами, какова была советская власть в Чечне и какова была чеченская советская власть? И была ли она на самом деле, ибо, если верить современным пропагандистам, «чеченцы никогда и никому не подчинялись и при советской власти никогда не жили», – так заявил российский журналист Павел Лусканов в репортаже по НТВ из Чечни в феврале 1995 г. Это было лишь одно из тысяч подобных заявлений.

Основным органом власти в Чечено-Ингушетии был местный обком КПСС. Его первый секретарь являлся «первым лицом» республики. Вторым считался Председатель Верховного Совета. Над ними была только Москва, начиная от генерального секретаря, политбюро и орготдела ЦК КПСС, который ведал назначением номенклатурных кадров. Первые лица

страны редко лично посещали Чечено-Ингушетию, когда же такое случалось, то это было эпохальное событие для местной власти. Оно означало внимание, поддержку и сулило дополнительные финансы на местные проекты развития. Для Чечни после ее восстановления таким событием стало посещение Грозного Л.И. Брежневым в 1981 г. на пути из поездки в Азербайджан.

В 1990 г. впервые «первым лицом» в Чечено-Ингушетии стал чеченец Доку Завгаев. Завгаев был крепким и волевым руководителем, но при нем многое стало меняться, чего простые чеченцы не одобряли. Это прежде всего кумовство, протекционизм и коррупция. Завгаев стал устраивать на престижные должности людей из круга своих близких и дальних родственников. Он требовал беспрекословного подчинения и был мстительным. Некоторые его личностные конфликты потом сыграли роковую роль в жизни республики и в приходе к власти Дудаева. Одной из первых называют историю с Р.И. Хасбулатовым, когда тот захотел стать ректором Чечено-Ингушского университета в Грозном, где уже работали его сестра и брат. Дж. Гакаев рассказал автору следующее: «У Хасбулатова был высокий авторитет в Чечне: окончил МГУ, стал профессором, заведовал кафедрой в Москве. И он рассчитывал, что это место должно достаться ему. Но Завгаев не послал его кандидатуру на утверждение в Москву, и это было большим оскорблением для Руслана Хасбулатова. Потом его избрали от Чечни в народные депутаты России, и он стал ближайшим соратником Ельцина во время августовского путча. А когда он встал во главе Верховного Совета России, то первым делом не простил Завгаеву старую обиду. Использовал сначала его прогорбачевскую позицию, а потом неясное поведение во время путча и решил с ним покончить. Говорят, слышали, как он сказал: «Завгаева в Москву надо доставить в железной клетке». А на одном из наших собраний, когда мы собрались в его квартире (бывшая брежневская квартира), он нам так и сказал: «Я – отец нации». Нам, всем чеченцам, людям уже известным и со статусом, было это очень странно все слышать» (*Тишков*, 2003. С. 113).

Распри и разногласия внутри чеченской элиты особенно усилились именно при Завгаеве. Этому могли способствовать горбачевские перемены, когда наступала политическая либерализация и более жесткая борьба за власть вне номенклатурной системы. Но нельзя исключать и тот факт, что именно сам момент, когда стал доступен пост «первого лица» для чеченцев, породил и конкуренцию, ибо до этого она была просто бессмысленной. Все знали, что на должность «первого» Москва всегда назначала русского и чеченцам не доверяла этот пост. Теперь ситуация поменялась, но она дала неожиданные результаты. Один из чеченских стариков однажды сказал мне: «Не надо было менять Завгаева на Дудаева. Завгаева и его родственников мы уже накормили досыта. Они все имели. Теперь придет новый – его снова надо накармливать».

Действительно, в 1960–1980 гг. в республике сформировалось новое общество, в котором происходили сложные процессы. Изменился демографический баланс основных групп населения. После возвращения депортированных на территорию Чечено-Ингушской республики произошло увеличение населения на 46,3% за 11 лет. Некоторые специалисты объясняют это тем обстоятельством, что в период депортации самая старая и слабая часть

населения вымерла и поэтому возвратившиеся представляли собой людей молодого и наиболее репродуктивного возраста. Этот аргумент вызывает сомнения, ибо в 1960–1980 гг. рожали те, кто сам родился в депортации, что означает прежде всего высокую рождаемость, а не вымирание среди чеченцев в период их пребывания в Средней Азии.

В 1970 г. в СССР проживало 612 674 чеченцев, в 1979 г. – 755 782, в 1989 г. – 958 309. Согласно последней советской переписи, 899 тыс. чеченцев проживали в РСФСР, включая 734,5 тыс. в Чечено-Ингушетии, около 58 тыс. в Дагестане, 15 тыс. в Ставропольском крае, 11,1 тыс. в Волгоградской области, 8,3 тыс. в Калмыкии, 7,9 тыс. в Астраханской, 6 тыс. в Саратовской, 4,6 тыс. в Тюменской области, 2,6 тыс. в Северной Осетии и 2,1 тыс. в Москве. Последняя цифра сильно выросла за последние годы, и число постоянных и временных жителей Москвы, которое составляло около 30 тыс. после войны 1994–1996 гг., с тех пор удвоилось.

В результате высокой рождаемости чеченцы и ингуши из примерно половины населения республики превратились в явное большинство, а по общей численности стали самым многочисленным народом на Северном Кавказе, если не считать суммарное русское население всех республик. На 1 января 1989 г. в ЧИАССР жило 718 тыс. чеченцев (64% всех жителей республики), более 280 тыс. русских (24%), 14,8 тыс. армян, 12,6 тыс. украинцев. При этом уровень урбанизации среди чеченцев был ниже, чем в целом по стране. По переписи 1989 г. доля горожан в Российской Федерации составляла 73%, на Северном Кавказе – 57%, в Чечено-Ингушетии – 41%. Среди чеченцев доля горожан в Чечено-Ингушетии составляла 25%.

Небольшая территория была достаточно плотно заселена и имела хотя и скромную (0,5% национального дохода Российской Федерации при 0,8% населения в 1990–1992 гг.), но разнообразную экономику, причем более 90% получаемого дохода направлялось на личное и общественное потребление внутри республики. С этой точки зрения говорить о «колониальном статусе» Чечни по меньшей мере неверно. Основным природным сырьем республики была и оставалась нефть, помимо небольших запасов природного газа и источников термальных вод. Последние не использовались, как и богатые запасы строительной глины и ценные породы древесины. Тем не менее в эти годы в республике появилась высокоразвитая промышленность, особенно нефтепромышленный комплекс, а также энергетика и машиностроение. Добывавшиеся на территории республики нефть и газ почти полностью перерабатывались на грозненских заводах, способных перерабатывать до 20 млн т нефти, не только северокавказской, но и поступающей из других регионов. В 1991 г. на трех заводах производственного объединения «Грознефтеоргсинтез» было переработано 15 млн т нефти. Грозный стал основным поставщиком высококачественного моторного топлива, применявшегося в советской авиации, а также другой продукции (нефтеаппаратуры, насосов, тракторных прицепов, электрографических машин, разливочных линий, электро- и медицинских инструментов).

В Чечено-Ингушетии производилось до 90% всех авиационных масел страны. В городах Грозном и Назрани были построены или модернизированы предприятия легкой промышленности (трикотаж, обувь, швейное

дело). Среди республик Северного Кавказа Чечено-Ингушетия стала своего рода «промышленным гигантом», с которым могла сравниться только промышленность Северной Осетии, где был развит военно-промышленный комплекс. Промышленность Чечено-Ингушетии на 95% была «союзного подчинения», и значительная доля доходов от добычи и переработки нефти шла в союзный бюджет. Подобная ситуация была довольно типичной для многих регионов СССР, включая и автономные образования (особенно Башкирия, Татария, Якутия). Однако процесс индустриализации в Чечено-Ингушетии имел один важный этнический аспект. В республике произошло разделение экономики на два сектора: «русский» (нефть, машиностроение, системы жизнеобеспечения населения, инфраструктура) и «национальный» (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы, криминальная сфера, пополняемая новыми контингентами населения, вступающими в трудоспособный возраст). Парадокс был в том, что промышленность и транспорт испытывали недостаток в квалифицированных кадрах и рабочей силе в целом. Но мало что делалось для вовлечения в эти сферы чеченцев и ингушей, в отношении которых сохранялась скрытая дискриминация. В конце 1980-х годов на крупнейших производственных объединениях Грознефть, Оргсинтез, где было занято 50 тыс. рабочих и инженеров, всего несколько сот рабочих являлись чеченцами и ингушами. Дж. Гакаев рассказал мне, что уже будучи заведующим кафедрой Грозненского университета и известным в республике человеком, он с огромным трудом смог устроить одного из своих племянников на грозненский завод «Красный молот», куда почти не брали чеченцев, особенно на руководящие должности.

В то же самое время сельское хозяйство было не в состоянии поглотить прирост трудовых ресурсов коренного населения. Многие молодые чеченцы, в том числе и с образованием, были вынуждены уезжать в другие регионы страны или уходили в криминальную среду. По некоторым оценкам, избыточное население составляло от 100 до 200 тыс. человек, или до 20–30% трудоспособного населения республики. Именно эта категория приняла активное участие в последующих политических событиях и составила основной резервуар для вооруженной борьбы. Дж. Гакаев пишет в своей книге: «Народу республики от деятельности нефтехимического комплекса досталась лишь самая загрязненная в экологическом отношении окружающая среда и хищнически разграбленные ресурсы. Социальная инфраструктура оставалась неразвитой, особенно в сельских районах Чечни. Чеченцы и ингуши на «шабашные» деньги строили большие красивые дома, но при этом многие села были без больниц, школ, газа, дорог, т.е. без индустрии услуг, которая делает жизнь качественно иной. Настоящим бичом чеченцев и ингушей была безработица, ее следствием стало массовое отходничество, спекуляция и рост преступности» (*Гакаев*, 1997. С. 109).

Число так называемых «шабашников», выезжавших на сезонные работы из республики, доходило до 100 тыс. человек. На заработки вместе с родителями выезжали и дети школьного возраста. Многие из них не смогли из-за этого получить образование. Дж. Гакаев отмечает еще один важный аспект социальной ситуации: «Если большинство отходни-

ков зарабатывала на хлеб насущный каторжным трудом, ценой здоровья обустраивая захолустья России и Казахстана, то слой дельцов от отходнического промысла наживался на приписках, воровстве (совершалось все это в сговоре с местной администрацией) и эксплуатации не только «бичей», но и десятков тысяч своих соплеменников. Хуже того, шабашники этой категории везли домой не только большие деньги, обретенные неправедным путем, наркотики, но и маргинальную культуру, которая разлагающе действовала на традиционные устои вайнахского общества» (Там же. С. 109–110).

Именно этими обстоятельствами следует объяснять высокий уровень правонарушений среди чеченцев по сравнению с представителями других групп населения. В ЧИАССР ежегодно осуждались на длительные сроки тюремного или лагерного заключения около 4–5 тыс. чеченцев и ингушей. Некоторые специалисты считают, что действовавшая в республике пенеитарная система была этнически избирательной и дискриминационной в отношении чеченцев. Кроме того, чеченцы и ингуши вплоть до самого последнего времени находились под плотной «опекой» КГБ, и в их среде постоянно велась агентурная работа и слежка.

В республике происходили такие крайне редкие для других регионов страны проявления межэтнической напряженности, как групповые столкновения, сопровождавшиеся убийствами. По данным КГБ, только в 1965 г. произошло 16 групповых столкновений и значительное количество дерзких уголовных преступлений. Всего по республике в 1965 г. было совершено 50 убийств, нанесено 185 тяжких телесных повреждений от огнестрельных и ножевых ран, из них 19 со смертельным исходом. За три с половиной месяца 1966 г. – 26 убийств и 60 тяжких телесных повреждений. Примечателен анализ причин всех этих явлений, который давался органами госбезопасности. Среди них названы: влияние «антисоветской пропаганды зарубежных радиостанций, ведущейся на чеченском и ингушском языках», вредное воздействие «лиц старшего поколения, в том числе части творческой интеллигенции». Наконец, отмечалось, что «националистические и другие враждебные проявления возникают и на основе религиозных и родовых пережитков». «Отдельные авторитеты, используя догматику ислама, проповедуют ненависть к “неверным”, пророчат гибель советской власти, оказывают вредное влияние на верующих, разжигают фанатизм, стремятся сохранить и поддерживать отжившие традиции и нравы».

Кстати, имеются исторические сведения и другого плана, которые отличаются от оценок МВД и КГБ. Они касаются сравнительно эффективного отправления правового порядка в Чечено-Ингушетии и о невысоком уровне криминалитета, особенно тяжких преступлений. Шамсуддин Умаров, который долгое время (включая правительство Дудаева) работал в системе внутренних дел Чечни, в том числе был заместителем министра внутренних дел и начальником ГУВД по Грозному, рассказал автору, что в 1980-е годы в Грозном возбуждалось от 300 до 600 уголовных дел ежегодно: «Абсолютно уверен, что все делалось по закону. Нам было все равно какой национальности правонарушитель. Кстати, не более 5% случаев можно было назвать конфликтами и преступлениями, вызванными национальными

различиями. В большинстве это были драки, хулиганство, кражи, грабежи и убийства, в которых были замешаны самые разные люди. Единственное, что мы всегда старались соблюсти, это брать в свидетели русских как более нейтральных. Если возьмешь чеченца, то он потом или откажется, или изменит показания, но только чтобы против своих не выступать» (Там же. С. 122).

Таким образом, излишняя подозрительность советских властей, особенно органов МВД и КГБ, по отношению к коренным жителям республики порождали тенденциозную установку об особой «нелояльности» чеченцев. В свою очередь, это привело к чрезвычайно «плотной» работе КГБ в республике, когда здесь оказалась самая высокая пропорциональная доля штатных и нештатных сотрудников главной спецслужбы страны, если исходить из численности населения. Вместо лояльности это порождало ответную настороженность и отчужденность среди многих чеченцев. Государство как бы само продолжало поощрять потенциальное чеченское диссидентство, которое только ждало своего момента для публичного заявления.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ КОНФЛИКТА

1960–1980-е годы были периодом интенсивного социально-культурного развития чеченцев и ингушей, которых годы депортации и политических ограничений заметно отбросили назад по сравнению с остальным населением страны. Произошла ускоренная урбанизация и значительная часть населения обрела промышленные профессии, главным образом в отраслях нефтедобычи и нефтепереработки, в лесной и текстильной промышленности. В то же время темпы прироста численности горожан были невелики, а доля горожан – одна из самых низких среди народов России. В столице республики Грозном, где было сосредоточено примерно 30% населения Чечено-Ингушетии, собственно чеченцы составляли 30,5% (121 350), ингуши 5,4% (21 346 человек), а русские вместе с украинцами и белорусами – 55,8% (222 086 человек), т.е. значительное большинство.

После 1991 г. из Грозного выехала примерно одна треть русских и в столице шел интенсивный процесс заселения освободившегося или захваченного жилья чеченцами из других городов и сел. Однако основное разделение общества по социально-этническому принципу сохранилось. «Русский» сектор был представлен преимущественно горожанами, занятыми в нефтедобывающей промышленности, машиностроении, транспорте и управлении, «чеченский» – столичной интеллектуальной и управленческой элитой и сельскими жителями, занятыми малотоварным сельским хозяйством, отхожими промыслами, мелким предпринимательством.

До начала 1990-х годов среди чеченцев сохраняли высокий процент работающих в сельскохозяйственой сфере, и сравнительно низкой была доля занятых умственным трудом и имеющих высшее образование. В то же время чеченцы имели один из наиболее высоких показателей владения родным языком и высокую долю считающих родным язык своей национальности. Еще в 1970-е годы часть сельских чеченцев не знала русского языка, но в

Панорама улицы
г. Грозный, 1985 г.
Фото В. Щипицина

В городском парке
г. Грозный, 1985 г.
Фото В. Щипицина

последние два десятилетия двуязычие стало почти повсеместным. Межнациональные браки среди чеченцев были распространены весьма незначительно. В случае смешанных браков в них чаще вступали чеченцы-мужчины и наиболее предпочтительными партнерами были русские женщины.

Разительный рывок в сфере социальной мобильности был основан на быстром росте образовательного уровня, на сравнительно недавно возникшей трудовой традиции доходного подрядного промысла за пределами республики, а в самые последние годы – на индивидуальной предпринимательской активности. Многие чеченцы и ингуши занялись крайне прибыльной торгово-посреднической деятельностью, позволившей им составить семейные капиталы, чтобы купить квартиры в Москве и в других городах или построить просторные и комфортабельные дома в родных местах.

В целом в конце 1980-х годов ситуация в республике была внешне стабильной, что позволяло местным партийным и государственным лидерам выступать с оптимистическими докладами на различных общесоюзных форумах. Один из таких примечательных докладов сделал первый секретарь обкома Доку Завгаев на знаменитом горбачевском Пленуме ЦК КПСС, посвященном проблемам межнациональных отношений. Однако чеченское общество и ситуация в республике были гораздо сложнее, чем это представлялось в официальных партийных рапортах. Так, например, сохранялись традиции кровной мести, и при местном обкоме партии даже действовала общественная комиссия по примирению кровников. Наблюдались настроения межэтнической напряженности и недоверия на уровне местного населения в самой республике и в некоторых пограничных территориях, особенно в районах проживания чеченцев в Дагестане и в Северной Осетии. Несмотря на ограничения, значительное число ингушей смогло поселиться в Пригородном районе, и осетино-ингушские противоречия вылились в массовые беспорядки во Владикавказе, когда осетины выступили с требованиями выселения ингушей из республики. Эта демонстрация была подавлена властями с применением силы.

Республика в 1960–1970-е годы явно переживала не только демографический, но и образовательный бум: 569 общеобразовательных школ с 288 тыс. учащихся, 29 профессионально-технических учебных заведений с 15 тыс. учащихся, 12 средних специальных учебных заведений с 15 тыс. учащихся, два высших учебных заведения (Чечено-Ингушский университет и Нефтяной институт) с 12 тыс. студентов. С 1957 по 1975 г. численность чеченцев с высшим образованием выросла в 70 раз, и в 1983 г. доля студентов на 10 тыс. жителей республики была выше, чем даже в таких развитых странах, как Великобритания и Франция (Атлас ЧИАССР, 1978).

В 1980-е годы в республике сложилась развитая инфраструктура культурного производства. Помимо трех профессиональных театров, филармонии, краеведческого музея и музея изобразительных искусств действовало более 400 дворцов культуры и клубов, из них 371 в сельской местности. Работали 19 народных театров и более трех тысяч коллективов художественной самодеятельности. Имелось 484 публичные библиотеки с книжным и журнальным фондом около 10 млн экз. Большой популярностью пользовался кинематограф: более 300 кинотеатров имели общую вместимость на 84 тыс. мест, и в 1981 г. число посещений киносеансов составило

12,2 млн человек. Активно работали дома пионеров, детские спортивные школы, станции юных техников (60 лет ЧИАССР, С. 108). В Чечено-Ингушетии имелись развитые средства массовой информации: издавалось четыре республиканских, 14 районных и несколько сельских многотиражных газет, два литературно-художественных альманаха. Всего с центральными изданиями население республики ежедневно получало около 1 млн экз. периодических изданий (*Овхадов*, 1983. С. 26). В республике было несколько профессиональных союзов (писателей, художников, композиторов журналистов и другие).

Однако за благополучными цифрами скрывались и серьезные проблемы. Дж. Гакаев так оценивает ситуацию в области образования: «В ЧИАССР школьное обучение в сельских районах, где проживало 70% коренного населения, десятилетиями велось на самом низком уровне. Не хватало средств, учителей, помещений, учебников. Многие дети вследствие нищеты и отходничества не имели возможности учиться. При поступлении в вузы выпускники сельских школ, в основном чеченцы и ингуши, не выдерживали конкуренции с русскоязычными выпускниками городских школ. В результате местные вузы (нефтяной и педагогический институты) не смогли должным образом решить задачу подготовки национальных кадров. Таким образом, в период с 1957 по 1985 г. чеченцев и ингушей не покидало чувство уязвленного национального достоинства. Они видели и не могли смириться с ограниченностью своих прав и возможностей по сравнению с русскоязычной частью населения, коренными народами соседних республик. Чеченцы и ингуши, при прочих равных условиях, должны были платить за поступление на службу, учебу, лечение, отсрочку от армии, то есть буквально за все. Причем их грабили, обирали по малейшему поводу, судили не только русские чиновники, но главным образом свои, еще более нечестные, продажные партийные, советские и судебные функционеры.

Москва спокойно взирала на существующее экономическое, политическое, правовое и культурное неравенство чеченцев и ингушей, время от времени меняя проворовавшихся секретарей обкома» (*Гакаев*, 1997. С. 112).

Коррупция и непотизм позднебрежневского периода действительно были причиной массового недовольства населения существующим политическим режимом. Этнические проекции этого недовольства существовали, но они не были на переднем плане общественно-политической жизни, а тем более в настроениях простых людей. Главным было недовольство партийно-номенклатурной системой и социальными условиями жизни. Было желание осуществить перемены, провозглашенные Михаилом Горбачевым, как гласность и демократизация. Чеченский этнонационализм только оформлялся как политическая платформа. В центре дебатов первоначально были экология, язык и история.

Вайнахская интеллигенция обращалась с многократными петициями о введении в городских школах преподавания родного языка. З. Хамидова рассказывала, как она в течение 9 лет боролась за введение в расписание городских школ чеченского и ингушского языков. Только после долгих согласований эти языки стали преподаваться как предмет 1 час в неделю, тогда как на русский язык отводилось 5 часов в неделю. С 1989 г. З. Хамидова организовала курс по обучению чеченскому языку людей разных нацио-

нальностей, проживавших в Грозном. В две смены обучались 200 человек, приходили даже семьями. Были подготовлены передачи по телевидению «Изучаем чеченский язык» (раз в неделю по 30 минут) и «Спокойной ночи, малыши» на чеченском языке с показом озвученных на чеченский язык мульфильмов (раз в неделю по 15 минут), а также организована программа «Что ты знаешь о своем родном языке?» Впервые появились самоучители, разговорники.

Кроме языка особую актуальность обрел исторический дискурс, обсуждение версии чеченской истории. Пожалуй, нигде на территории бывшего СССР официальные трактовки добровольного вхождения (присоединения) народов (территорий) в состав России не нашли такого сильного отторжения, как в Грозном среди чечено-ингушской интеллигенции. Столь сильная реакция и столь явная вовлеченность в исторические реинтерпретации (не только по вопросу вхождения) были спровоцированы конкретными лицами и вполне устанавливаемыми «событиями». Особую роль сыграла безаппеляционность местного ученого В.Б. Виноградова – археолога, взявшегося при поддержке обкома за построение официальной версии Чечено-Ингушетии, когда среди самих чеченцев уже появились авторитетные исследователи и вышли серьезные научные труды. Особое отторжение вызывал тезис о «добровольном вхождении Чечни в состав России». Еще большее воздействие несколько позднее оказали работы западных авторов, писавших на тему о Шамиле и об исламе в Чечне и Дагестане. Самым большим интеллектуальным раздражителем стали работы чеченского эмигранта А. Авторханова.

Таким образом, факты и свидетельства жителей, прежде всего самих чеченцев, а также научные исследования раскрывают сложный характер социально-культурной модернизации чеченцев в советский период. До 1991 г., несмотря на советские деформации, Чечено-Ингушетия была динамичным и современным сообществом. Противоречивая этническая политика государства дала противоречивые результаты. Порожденные этой политикой проблемы стали частью причин конфликта. Однако исторический и культурный факторы не лежат в его основе, равно как и гипотетическое радикальное отличие чеченцев от остального населения страны. Тем не менее интеллектуальный климат перестройки и наследованный доктринальный этнонационализм создали в Чечено-Ингушетии саморазрушительный хаос мыслей и поступков на базе отрицания прошлого и абсолютизации этнического. Заполнение этого вакуума обрело формы открытого выступления части населения против государства в начале 1990-х годов.

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Накануне распада СССР в Чечено-Ингушетии оформляется достаточно разнообразное и активное общественное движение, которое выступает с критикой власти и выдвигает ряд требований в области демократизации общественной жизни, улучшения условий труда и экологической обстановки в республике, более свободного использования чеченского языка и оправления

Чеченцы на митинге в Грозном. 1991 г.
Личный архив В.А. Тишкова

мусульманского вероисповедания. Сильное влияние на общественное движение, особенно на его радикально-националистическое крыло оказали политические движения за суверенитет и либерализацию в советских союзных республиках (*Тишков*, 2003; *Гакаев*, 2006). Главный лидер чеченского вооруженного сепаратизма вообще прошел школу не только воинской службы, но и политико-идеологического воздействия на территории самого мятежного в отношении Москвы региона – Прибалтики.

Первоначально радикальное (неформальное) крыло, как и республиканские власти во главе с Д. Завгаевым, ставили цель добиться в ходе выработки нового Союзного договора или «обновленного Союза ССР» войти в его состав напрямую в качестве самостоятельного субъекта. Однако скоро позиции двух основных сил – законной власти и оппозиции стали все больше расходиться. С весны 1991 г. так называемый Чеченский национальный съезд (с июня 1991 г. преобразовался в Общенациональный конгресс чеченского народа – ОКЧН) начинает претендовать на власть и вступает в прямую конфронтацию с республиканскими и российскими властями. Мобилизующим моментом стало избрание лидером ОКЧН харизматичного и экстравагантного советского генерала Джохара Дудаева. Последний начал формирование незаконных вооруженных отрядов, собственной «гвардии» и в сентябре 1991 г. объявил о роспуске и силой разогнал Верховный Совет ЧИР. Центральные

власти в этой критической ситуации заняли непоследовательную позицию, и это позволило Дудаеву и его тогда еще немногочисленным сторонникам провести скоропалительные выборы президента и их победитель Дудаев 2 ноября 1991 г. объявил полный государственный суверенитет Чеченской Республики.

Это был важный политический момент в истории Чечни и всей России, ибо один из ключевых регионов страны и один из ее наиболее крупных народов встал на путь вооруженного сепаратизма, который не позволялся как Конституцией СССР, так и международно-правовыми документами. Однако глубокий кризис власти в центре и борьба Горбачева и Ельцина за Кремль, а также побеждающий в России лозунг «антикоммунистической революции» позволили сравнительно небольшой группе чеченских радикалов при дезориентированной массе основного населения демонтировать легитимную власть в республике, включая даже такие ее силовые институты, как армия и КГБ. С осени 1991 г. Чечня, отделив от себя также явочным путем три ингушских района, фактически вышла из правового поля Российской Федерации. Вместе с ранее принятой Декларацией о суверенитете (кстати, принятой еще завгаевским руководством!) на сей раз была принята новая конституция Чеченской Республики Ичкерии, по которой разрывались все связи с Россией, собственностью нового государства как субъекта международного права объявлялись все ресурсы, включая национализацию нефти, упразднялось российское гражданство, прекращались выплаты в российский федеральный бюджет. Чечня не принимала никакого участия в общероссийских выборах и референдумах и даже начала осуществлять некое подобие самостоятельной внешней политики, участвуя в грузино-абхазском и армяно-азербайджанском конфликтах, направляя своих эмиссаров в разные страны, прежде всего в арабские эмираты и Турцию. В самой Чечне возобладал дух торгашества и наживы, стремительно разрушались традиционные ценности и социальные регуляторы, такие, как, например, уважение старших. «Все стали говорить о деньгах, должностях, квартирах и особняках» (*Хасбулатов*, 2002. С. 225–226).

С февраля 1992 г. вооруженные чеченские группы, главным образом из числа перебравшихся в Грозный сельских молодых жителей, начинают совершать нападения на оставшиеся в республике российские военные городки и учебные центры, а также совершать насилие в отношении русского населения республики. Деморализованные военные оставили в распоряжении сепаратистского режима Дудаева довольно внушительные запасы военной техники и амуниции, что позволило ему и его ближайшему соратнику, также кадровому военному Аслану Масхадову создать некий костяк вооруженных отрядов «чеченского сопротивления». Началось стихийное распространение оружия среди гражданского населения. Между разными чеченскими политическими группировками (уже тогда в республике возникла сильная антидудаевская оппозиция) начались столкновения. Но базирующийся в Надтеречном районе центр оппозиции не смог нанести поражение ичкерийской власти, хотя и получил некоторую поддержку со стороны федеральной власти. Настоящим кошмаром для гражданского населения стал массовый выезд жителей, главным образом русских, из республики. По данным Госкомстата России, в 1989–1995 гг. 275 тыс. жителей покинули Чечню, причем, многие потеряли

В разбитом Грозном. 1990-е годы
Личный архив В.А. Тишкова

В разбитом Грозном. 1990-е годы
Личный архив В.А. Тишкова

Беженцы во время вооруженного конфликта
Личный архив В.А. Тишкова

Беженцы во время вооруженного конфликта
Личный архив В.А. Тишкова

жилье и имущество, а некоторые – собственную жизнь (*Ибрагимов*, 2006. С. 374).

В этот период большой урон был нанесен чеченской культуре и языку: перевод письменности на латиницу вызвал коллапс в книжном производстве и обучении, перестали выходить многие газеты, сократилось число студентов, обучающихся на чеченском языке, многие вузовские преподаватели и школьные учителя стали покидать республику (*Овхадов*, 2006. С. 187–188).

Следующий этап сепаратистского конфликта в Чечне приобрел форму вооруженной борьбы регулярной российской армии против вооруженных формирований Дудаева, хотя официально Москва называла эту войну «мерами по поддержанию конституционного порядка». На самом же деле 11 декабря 1994 г. группировка российских войск под общим командованием самого министра обороны генерала П. Грачева вошла на территорию республики и встретила вооруженный отпор на подступах к г. Грозному. Штурм Грозного в новогоднюю ночь обернулся катастрофой для российских солдат: в ходе городских боев с инсургентами были потеряны тысячи жизней военнослужащих и сотни единиц боевой техники. Массированными бомбовыми авиаударами и тяжелой артиллерией был сильно разрушен город Грозный, большинство жителей которого составляли русские по национальности граждане. К 1996 г. более половины населения покинула город. В центре столицы Чечни были разрушены многие административные здания, библиотеки и вузы, музеи и архивы, научные учреждения. Особенно пострадали музейные фонды, включая уникальные коллекции Республиканского музея изобразительных искусств им. П. Захарова (*Асталов*, 2002. С. 396; *Пономарева*, 1975. С. 317). Это был огромный урон для историко-культурного достояния чеченского народа. Из города в другие районы России выехала значительная часть технической и гуманитарной интеллигенции республики, деятели чеченской культуры и руководители разного уровня. Верх взяла маргинальная часть населения, возглавляемая военно-сепаратистской кликой, к которой все больше стали примыкать представители международного терроризма. Терроризм и масштабные теракты стали своего рода фирменным средством чеченского сопротивления. Начало этому было положено захватом группой Шамиля Басаева более тысячи заложников в больнице г. Буденновска Ставропольского края.

При этом жестокости и нарушение правил ведения войны регулярно нарушались с обеих сторон, и по этой причине вооруженный сепаратизм со стороны режима в Грозном все больше стал восприниматься как «освободительная война», что находило поддержку среди части правозащитных организаций и отдельных общественных деятелей и ученых России, а также за рубежом (см., напр., позицию авторов коллективного труда: Чечня и Россия, 1999, а также: *Lieven,* 1998). В то же самое время имело место скрытое проникновение вооруженных наемников и религиозных радикалов в чеченское общество, что укрепляло ряды вооруженного сопротивления регулярной российской армии и силам МВД России. В конечном итоге федеральный центр был вынужден пойти на некоторые уступки и вступить в переговоры с властями самопровозглашенного образования Ичкерия. После подписания Хасавюртовских соглашений в августе 1996 г. начался отвод федеральных

Встреча В.В. Путина с учеными-кавказоведами и руководством РАН
Февраль 2000 г.
Личный архив В.А. Тишкова

войск с территории Чечни, что означало фактическую (отложенную до 2001 г.) независимость, которая с энтузиазмом была поддержана внешними силами и рядом международных организаций типа ОБСЕ (ее представитель Тим Гульдиман выступал посредником на переговорах с явной симпатией к чеченскому сепаратизму).

Власти сепаратистской Ичкерии установили авторитарный режим военной хунты, избрав модель исламского государства, основанного на нормах шариата, что противоречило историко-культурным традициям чеченского народа и типу традиционного ислама в данном регионе. Избранный в 1997 г. после убийства Дудаева президентом Чечни Масхадов не смог взять под контроль радикальные исламистские и террористические группировки во

главе с таким полевыми командирами, как Шамиль Басаев и Салман Радуев. В 1996–1999 гг. ичкерийские группировки совершили ряд террористических актов за пределами республики, в российских городах. Продолжилась практика похищений российских официальных лиц и рядовых граждан, многие из которых были убиты. В самой Чечне вместо восстановления основ жизни насаждается исламистский порядок регулирования норм жизни (публичные физические наказания, внесудебные казни, строгие нормы одежды и поведения и т.д.).

В сотрудничестве с религиозными радикалами в других республиках Северного Кавказа чеченские боевики организовали военное вторжение на территорию Дагестана с целью взять под свой контроль горный район западного Дагестана. Это вторжение имело место в августе 1999 г. и встретило отпор местного населения, а также побудило федеральные власти начать более энергичную кампанию против вооруженных террористических образований в Дагестане и затем – в Чечне. Эта кампания имела широкую поддержку в российском обществе. У нее было много сторонников и на Северном Кавказе, включая Чечню. В итоге второй военной кампании 1999–2000 гг. федеральные силы разбили сепаратистов и ликвидировали многих полевых командиров, а также руководство мятежной Чечни (Масхадова, Басаева и других). Вся эта кампания шла под руководством нового президента России В.В. Путина, объявившего непримиримую борьбу сепаратистам и террористам. Важным моментом в выработке более эффективной стратегии разрешения кризиса в Чечне стала встреча в феврале 2000 г. в Президиуме Российской академии наук Президента РФ В.В. Путина с группой ученых-кавказоведов.

В марте 2003 г. в Чечне был проведен конституционный референдум, и власть в республике была передана от военных и временных администраций представителям республиканской элиты, включая таких религиозных авторитетов, как Ахмат-Хаджи Кадыров. Как отмечает С. Маркедонов, «эти последние были в конфликте с радикальными исламистами, продвигавшими в Чечне идеи исламского государства. Был достигнут некий общественный договор. Региональная элита согласилась на реализацию чеченской национальной идеи в составе России, но при этом она обеспечивалась значительной властной автономией, которой лишены другие регионы РФ» (*Маркедонов,* 2010. С. 86).

Два раунда войны в Чечне, которые можно называть сепаратистским вооруженным конфликтом или российско-чеченским конфликтом, по своей сути были как результатом сложной и драматической истории чеченского народа в составе российского/советского государства, включая сталинскую депортацию, так и проявлением социально-политических процессов и противоречий, которые наиболее остро проявились в этой республике в условиях общего кризиса государственности. Амбиции лидеров и надменность силы с обеих сторон сыграли коварную роль в эскалации конфликта до его самой разрушительной стадии. Огромную роль сыграл фактор внешних воздействий со стороны как сил международного терроризма, так и тех, кто желал дальнейшей дезинтеграции исторической России уже после распада СССР.

ПОСТКОНФЛИКТНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ходе двух военных кампаний Чеченская Республика утратила большую часть материального культурного наследия и архивные материалы о своей истории. Во время боевых действий были разрушены памятники истории и культуры, уничтожена материально-техническая база ведущих республиканских учреждений, таких как Национальная библиотека, Национальный музей, Республиканская детская библиотека, Государственный ансамбль танца «Вайнах», Чеченская государственная филармония, Чеченский государственный драматический театр им. Х. Нурадилова, Республиканский театр кукол; разрушены все здания, представляющие историко-культурную ценность. Значительные потери понес Аргунский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник имеющий в своем составе более чем 60 архитектурных комплексов, около 150 наземных склепов, 20 культовых сооружений, 22 памятника природы (озера, водопады, луга, ценные лесные угодья), 13 памятников каменного зодчества. Наиболее сильно пострадали южные районы республики. Погибло многое, что связывало народ с его историей, культурой и памятью о быте предков. То малое, что пощадила война, подверглось расхищению и порче.

Ситуация омрачалась общей нестабильной обстановкой, массовыми зачистками, затруднением в передвижении по дорогам, обилием блокпостов, а также сложным материальным положением жителей Чечни. Многие семьи продолжали находиться в лагерях беженцев. Доступ населения к культуре зачастую ограничивался телевидением. Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов.

Новая администрация во главе с Ахмат-Хаджи Кадыровым при поддержке федерального центра безотлагательно стала налаживать мирную жизнь. При этом первостепенное внимание уделялось вопросам восстановления экономики и социальной сферы. Культура приобрела важную роль в процессе восстановления мирной жизни. Никакие силовые, экономические и социальные меры не будут достаточными, если не восстановить общественную культурную сферу. Художественное творчество и другие формы культурной деятельности обладают одним из важнейших свойств, которые не смогут заменить никакие политические и другие меры. Речь идет об изживании травмы войны через художественные образы.

Важным фактором возрождения национальной чеченской культуры является то, что в республике остались носители морали, нравственных ценностей и традиций народа. Это умудренные жизненным опытом простые люди, которые сумели сохранить лучшее, что составляет культуру народа, интеллектуальный потенциал республики: преподаватели институтов, этнографы, писатели, художники, поэты, артисты, работники печати, радио и телевидения, учителя школ. Народ не потерял веры и надежды в возрождение своей республики, культуры и национального самосознания.

Наиболее распространенными формами самоорганизации и самосохранения чеченского народа в начале 2000-х годов стали благотворительные

Первый Президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров

Чеченцы в истории..., 2008. С. 532.

фонды, культурные центры, общества национальной культуры, общественные движения, общественно-политические организации и блоки. Большую роль в сохранении и формировании культурного пространства сыграли творческие союзы и общественные движения, объединявшие писателей и ученых, студентов и аспирантов, общественных и политических деятелей, предпринимателей и бизнесменов. Организовывались выпуски газет и книг, научные конференции, выступления в СМИ представителей чеченской интеллигенции.

Чеченская интеллигенция осознала, что самый верный путь к сохранению и оздоровлению народа – это возвращение его в российское и мировое сообщество посредством просвещения и подъема национального самосознания. С этой целью создавались культурные центры – Чеченский этнокультурный центр в Грозном, Музей Арби Мамакаева в Надтеречном районе, Чеченский культурный центр в Москве, Общество чечено-ингушской культуры «Даймохк» и др. Учрежденный Институтом этнологии и антропологии РАН Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республике провел ряд благотворительных акций, в том числе собрал 25 тыс. книг для восстановления библиотечного фонда Чечни.

Правительство Чеченской Республики поставило задачу в течение десятилетия построить учреждения культуры и искусства всех современных

видов и жанров. В первые месяцы послевоенного времени, когда народ изголодался по «духовной пище», восстановление любого, даже самого маленького объекта, скажем, сельского Дома культуры или публичной библиотеки, становилось значительным событием. В первоочередном порядке восстанавливалась система образования. Минобразования России направило в республику больше миллиона экземпляров школьных учебников, была налажена выплата зарплаты работникам. Восстановили работу около 400 общеобразовательных школ. В первое время в ряде школ занятия проводились в арендуемых помещениях частного сектора (*Мижериков*, 2001. С. 227). На 1 сентября 2000 г. в республике обучалось 190 тыс. учащихся, к работе приступили 12,6 тыс. учителей.

Трагические события 1990-х годов сильно затормозили, но не остановили процесс роста научных кадров Чечни. Собрав разбросанные по российским городам кадры, ученые Чечни начали работы по различным направлениям. После десятилетия демодернизации особо остро стояли вопросы изучения чеченского языка и литературы, истории Чечни, ее этнографии. Постепенно восстанавливался потенциал научных кадров Академии наук республики. В настоящее время в системе Академии работают 38 докторов и 56 кандидатов наук. В Грозном возобновил работу Комплексный НИИ РАН. Среди основных научных направлений института – исследования металлов и сплавов, проблемы нефтегазодобычи и нефтехимии, медико-биологические, социально-экономические и гуманитарные проблемы развития региона. Только в 2001 г. около десяти ученых защитили докторские и свыше 30 – кандидатские диссертации.

В Чечне восстановили в полную меру работу три высших учебных заведения: Чеченский государственный университет, Грозненский государственный нефтяной институт им. М.Д. Миллионщикова и Чеченский государственный педагогический институт. С 2000 г. начался процесс возрождения библиотек. Библиотечный фонд пополнился 73 тыс. экз. книг, в 2003 г. книжный фонд уже насчитывал более 1 млн книг. Национальная библиотека им. А.П. Чехова, одна из крупнейших на Северном Кавказе и занимающая ведущее место в сфере образования и культуры, в 2004 г. отметила свое столетие. С помощью Детского фонда Москвы начала возрождаться детская республиканская библиотека.

В Грозном и в районах возобновили работу 219 клубных учреждений, 258 библиотек, 31 учебное заведение дополнительного образования – детские музыкальные школы, школы искусств. Всего в системе Министерства культуры к 2001 г. работало 560 учреждений и организаций (Культура Чечни..., 2006. С. 11). Возрождение театра стало событием в культурной жизни республики. Уже в декабре 2002 г. Чеченский государственный драматический театр участвовал во втором фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ» во Владикавказе. Возобновил работу Республиканский театр кукол.

Началось восстановление очагов культуры на уровне районов и городов, формирование сети сельских Домов культуры и клубов, которые являются первичными проводниками культуры, кузницей народных талантов, хранилищем колорита чеченского фольклора. В числе первых был восстановлен Дом культуры в с. Ножай-Юрт. Здесь же прошло первое выступление ан-

самбля «Вайнах». Возрождение танцевального коллектива «Вайнах» состоялось в 2001 г. За короткий срок была восстановлена концертная программа на качественно новом уровне.

В 2002 г. в республике работало 219 культурно-досуговых учреждений. При сельских клубах, Домах культуры действовали десятки коллективов народного творчества, вокальных и хоровых групп. Началось воссоздание Национального музея. После войны Национальный музей Чеченской Республики занял здание музея изобразительных искусств им. П. Захарова. Летом 2002 г. совместными усилиями министерств культуры РФ, ЧР, Государственной Третьяковской галереи, Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Грабаря и Национального музея Чеченской Республики (НМЧР) в выставочном зале Третьяковской галереи под девизом «Вернем Грозному музей» состоялась выставка отреставрированных картин из фонда НМЧР.

В 2004 г. в с. Порабоч Шелковского района был учрежден Литературный музей им. М.Ю. Лермонтова. В 2006 г. на базе личного подворья классика современной чеченской литературы Абузара Айдамирова создан литературно-мемориальный музей. В структуре НМЧР функционируют также литературно-мемориальный музей Арби Мамакаева в с. Лаха-Невре Надтеречного района, литературно-этнографический музей Л.Н. Толстого в ст. Старогладовской Шелковского района и Махкетинский краеведческий музей в Веденском районе. По Федеральной целевой программе в центре Грозного построено новое здание Национального музея ЧР, которое выполнено в национальных архитектурных формах, с соблюдением всех норм здания музейного назначения. В мае 2007 г. состоялось торжественное открытие для посетителей нового здания Национального музея Чеченской Республики, приуроченное к Международному дню музеев.

Завершено строительство здания национальной библиотеки. Для русского драматического театра построено новое здание. Всего в республике намечено строительство 48 объектов – это детские музыкальные школы, библиотеки, дома культуры, из них только в Грозном: Дом творчества, библиотека на 670 мест, музыкальная школа на 320 мест, спорткомплекс «Динамо», кинотеатр «Юность», Дом культуры в Заводском районе. Восстановлено здание государственного театра им. Х. Нурадилова и др. В 2010 г. в Грозном были открыты Мемориальный комплекс Славы им. Героя России А.-Х. Кадырова и Государственная галерея. Политика, которой руководствуется ЧР в духовной сфере, благоприятствует созданию необходимых условий для полнокровного развития национальной культуры, диалога поколений, для сохранения и развития богатого материального и духовного наследия народов Чечни.

Говоря о культурном возрождении, следует помнить о неразрывной связи между этнической (народной) и национальной (включает также и профессиональное творчество) культурой. Одним из важнейших критериев духовности и национальной самобытности национальной культуры является язык. После окончания военных действий система образования Чеченской Республики была восстановлена, но в ней в тот момент не было школ с родным языком обучения. «Не может быть нации без родного языка», – эти слова принадлежат первому Президенту Чеченской Республики

Частный музей Адама Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

А.-Х. Кадырову, который, несмотря на трудности военного лихолетья, уделял большое внимание развитию и распространению чеченского языка во всех сферах жизнедеятельности: преподавание чеченского языка и чеченской литературы в школах и вузах, выпуск газет, журналов и книг, спектакли, концертные программы, телерадиопередачи на родном языке и т.д. В ряде школ республики началось преподавание на чеченском языке таких предметов, как математика и история. Но продолжение этого процесса воспринималось в обществе неоднозначно по причине широкого распространения русского языка среди населения республики, включая и подавляющее большинство самих чеченцев. Поэтому перспективы средней школы с чеченским языком обучения по полному циклу пока неясны. Однако следует отметить, что чеченский язык относится в числу шести языков России,

который имеет более 1 млн носителей и тем самым обеспечивает себе устойчивое положение в языковой мозаике страны. По переписи населения 2010 г. из 1 млн 450 тыс. чеченцев чеченским языком владеют 1 млн 350 тыс. человек, что является одним из самых высоких показателей доли владения родным языком в России. Фактически современные чеченцы стали двуязычной нацией.

С 2007 г. стало традицией ежегодное празднование 25 апреля Дня чеченского языка. Данная дата была выбрана не случайно – именно 25 апреля 1923 г. в свет вышла первая газета на чеченском языке «Серло» («Свет», совр. назв. «Даймохк» – «Отчизна). В этот день проходят празднования во всех районах республики, в школах, других учебных заведениях с участием членов правительства и парламента ЧР, руководителей министерств и ведомств, деятелей литературы и культуры. В школах, вузах, на телевидении, среди журналистов проводятся конкурсы на знание родного языка, на лучшую публикацию или передачу на чеченском языке, победителей награждают премиями и подарками. К наградам представляются общественные деятели, ученые, учителя, вносящие вклад в развитие родного языка.

В последние годы в республике меняется отношение к чеченскому языку. Чеченский язык проникает во все сферы жизни. Налаживается его системное использование в детских дошкольных учреждениях, углубленному изучению родного языка и литературы в программах школ и вузов уделяется максимальное количество часов. С экранов телевизоров, из радиоприемников, с театральных подмостков и сцен он начал звучать во всем своем богатстве.

Стадион имени А.-Х. Кадырова
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Дом Печати
г. Грозный
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Кроме того, на чеченский язык переводятся произведения классиков мировой детской литературы.

Чеченская семья всегда выступала одним из механизмов регулирования морали, обычаев, традиций, религиозных и этических норм. В этой связи Президент Чеченской Республики А.-Х. Кадыров отмечал, что в моральных, нравственных и этических нормах жизни чеченского общества заложена его самобытность, что именно этим чеченцы ценны и интересны миру. В чеченском обществе сложилась четкая система ценностей, связанных со вступлением в брак. При этом обычай сокрытия ухода замуж девушки переплетался с «умыканием невесты». В последние десятилетия участились случаи похищения девушек для вступления в брак, и существует тенденция представлять это как народный обычай. Некоторые СМИ пытаются преподнести это явление как некую романтическую кавказскую традицию, заявляя, что якобы многие девушки сами мечтают быть похищенными невестами. Однако большинство опрошенных в Чечне женщин не согласны с данным утверждением.

Отметим, что до революции 1917 г. это явление преследовалось в уголовном порядке, а в советские времена оно подпадало под статью Уголовного кодекса – «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев». В современной России «умыкание невесты» не квалифицируется как преступление. Тем не менее с октября 2010 г. по инициативе Главы республики Р. Кадырова власти по итогам совещания в Духовном управлении мусульман ЧР ввели запрет на похищение невест. Этому предшествовал sms-опрос

Здание Муфтията
г. Грозный
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

населения, проведенный ГТРК «Грозный», в ходе которого выяснилось, что практически все население Чечни поддерживает меры, направленные против похищения невест. Похищения ведут к повышению конфликтности в чеченском обществе. Они нередко перерастают в вооруженные инциденты с участием сотрудников силовых структур – родственников одной или обеих сторон. По решению властей Чечни по отношению к «похитителям невест» станут применять беспрецедентные меры – штраф в размере 1 млн рублей, ответственность понесут и религиозные деятели, под чьим давлением отец похищенной девушки дал согласие на ее брак с похитителем.

В республике также предпринимаются усилия, направленные на создание здоровой семьи, в частности была проведена акция «Ислам против СПИДа». Основной упор делался на необходимости привлечения религиозных служителей к борьбе с распространением этой болезни, на просветительской работе. Муфтият республики принял решение регистрировать браки, заключаемые по законам шариата, только при наличии у молодоженов соответствующих справок о состоянии здоровья. По мнению духовенства, подобная мера поможет сдержать распространение инфекции в республике.

В настоящее время уделяется большое внимание возрождению многих традиций чеченцев, их сохранению. Одним из атрибутов традиционной культуры чеченцев является сдержанность в выражении эмоций и в манере одеваться, характерная как для мужчин, так и для женщин. За XX в. национальная одежда сильно изменилась, причем эти изменения коснулись обоих

Глава Правительства Чеченской Республики Р.А.-Х. Кадыров на праздновании Дня чеченского языка

25 апреля 2011 г.

Информационно-аналитическое управление Главы Правительства Чеченской Республики

полов. Она стала более современной и удобной. В связи с увлечением молодежи европейской модой старшее поколение все настойчивее призывает к сохранению национальных традиций. У горцев во все времена ценились скромность и стыдливость. Это касается не только поведения человека в обществе, но и его одежды. В мире современной молодежи внешний вид человека – это своего рода визитная карточка, которая говорит о его социальном статусе, материальном благосостоянии и положении в обществе. Вопрос о внешнем виде юношей и девушек актуализировался в молодежных аудиториях и в СМИ. Проблема не в том, что молодое поколение предпочитает джинсы и модные рубашки, а в том, что в погоне за модой теряется национальная индивидуальность. Представители духовенства высказывают недовольство родственникам как жениха, так и невесты, если внешний вид невесты не соответствует мусульманским канонам и адатам чеченцев. В данном случае духовные лица республики выступили не как законодатели модных тенденций, а как охранители национальных обычаев и традиций. Платье невесты на чеченской свадьбе – то немногое, что несет в себе яркий национальный колорит. Но за последние несколько десятилетий европейские кринолины и декольте заметно вытеснили *г1абали* из свадебного гардероба. В целях популяризации национальной одежды в республике были проведены конкурсы на лучший костюм, выступления фольклорных коллективов. Важным событием в этой сфере стало открытие студии дизайна и моды сестер Аржиевых, закончивших в Москве школу Вячеслава Зайцева.

Длительное время серьезной проблемой в республике являлась кровная месть. В священный для мусульман месяц Рамадан в 2010 г. была начата акция, направленная на ее решение. Пословица гласит: «Если выстрелить на Кавказе – перестрелка длится сто лет». Эта проблема пока еще имеет место также и в Чечне. Одни называют кровную месть болевой точкой на теле родной земли, другие – сдерживающим фактором души чеченского народа, третьи – инструментом, позволяющим нанести адекватный удар обидчику и поставить точку в конфликте или продлить его на многие годы и даже десятилетия. Неписаные законы кровной мести у чеченцев формировались столетиями и имеют свои отличительные черты. Если убийца случайно зашел в дом преследующих его людей, то его обязательно встретят как гостя, со всеми почестями, и когда он покинет жилище противников, то пройдут еще целые сутки, прежде чем продолжится преследование. Процесс примирения кровников очень сложен. Виновная в трагическом исходе сторона затрачивает немало энергии и средств, чтобы приблизить финал примирения. Пострадавшая сторона, объявившая кровную месть, зорко следит за действиями противников. Семья убийцы нередко немедленно покидает свое домовладение и выезжает в отдаленный район республики или за ее пределы, чтобы не испытывать терпение пострадавшей стороны.

В этом деликатном деле не должно быть ничего, что бросило бы тень на пострадавшую сторону. Виновники ищут пути примирения, вовлекая в этот процесс самых влиятельных людей. В основном посредниками являются религиозные деятели (имамы, кадии, прямые потомки *устазов* – святых людей). Обряд примирения – это целая наука бытия чеченцев. Иногда примирение длится годами, шаг за шагом приближая людей к заветной цели. Как правило, встреча примиряющихся сторон проходит в нейтральном месте. К потерпевшим едут все мужчины: родственники, друзья, соседи. В старину они шли пешком, сейчас – едут на машинах. Примерно за километр до условленного места мужчины оставляют их и идут пешком; исполняя *зикр* (ритуальное шествие с молитвенным пением). На определенном месте они останавливаются и ждут, когда их встретит посредник, который, как правило, является нейтральным для обеих сторон. Вслед за ним мужчины двигаются дальше. В шествии участвует большое число людей, мужчины от 15 лет и старше. Маленькие дети не участвуют в шествии, но им могут разрешить наблюдать за сценой примирения.

Виновник происшествия тоже находится в числе приезжих, но его не видно, так как он стоит внутри группы родственников и друзей. Он одет в скромную одежду, небрит, порой на нем пастуший плащ с капюшоном, прикрывающий голову. Представители двух сторон стоят, не приближаясь, на расстоянии 10–15 м, чтобы можно было видеть и слышать друг друга. Посредник (как правило, религиозный деятель) детально объясняет присутствующим, что говорится в Коране о силе прощения и благодарит присутствующих за этот шаг. После этого небольшая группа, в составе которой самые близкие, окружив виновника гибели человека, приближается к родственникам умершего. Они жмут друг другу руки, обнимаются в знак глубокой благодарности за прощение, некоторые мужчины плачут.

По исламским канонам за убийства полагаются штрафы, поэтому родственники приносят с собой подарки: обычно это деньги, чай, мешки с са-

харом, мукой; покупают также быка. Предлагая эти дары, мужчины говорят, что хотели бы сблизиться по родству. Как правило, подношения не принимаются. Берут лишь чисто символически – мешок сахара или муки, чтобы не обидеть. Церемония примирения завершается рукопожатием всех ее участников. Главная заповедь: «Простить во имя Аллаха». В 2011 г. по инициативе Р. Кадырова проблема примирения кровников практически решена.

Политика духовно-нравственного возрождения бесспорно имеет позитивные результаты. Чеченский народ за долгую и сложную историю создал гуманистические представления о добре и зле, дружбе и вражде, любви и ненависти, человеческом достоинстве, благородстве и подлости, жизни и смерти. Эти представления, являясь в своей основе общечеловеческими морально-этическими нормами и принципами, аккумулированные в национальных обычаях и традициях, держали на высоком уровне нравственный тонус общества.

История и культура чеченцев – составная часть кавказской и общероссийской цивилизации. Чеченский народ, тесно взаимодействуя с культурами народов России, сохранил свои этнокультурные особенности: язык, обряды, обычаи, традиции, социальные и духовно-нравственные идеалы. Современный период развития чеченской национальной культуры можно обозначить как переходный: переход от хаоса и дезинтеграции в период военных действий к возрождению и дальнейшему развитию национальной культуры и духовности, к единству нации.

ГЛАВА 3

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие – одно из древнейших занятий чеченцев, что подтверждается археологическими изысканиями, лингвистическими сведениями и этнографическими данными. Первые сведения о земледелии у чеченцев появляются в российских источниках в конце XVI в. (*Кушева*, 1973. С. 290 и сл.). Их количество, научная достоверность и значимость особенно возросли со второй четверти XIX в., когда равнинную Чечню стали называть житницей Северо-Восточного Кавказа (*Норденстамм*, 1940. С. 302–303; *Милютин*, 1839, НИОР РГБ). Царские офицеры, участвовавшие в Кавказской войне, констатировали, что продуктов здесь производилось достаточное количество, а излишки вывозились (*Вроцкий*, 1878. С. 270–271; *Калоев*, 1981. С. 32).

Современные научные знания, бесспорно, доказывают, что чеченцы относятся к народу с давними и глубокими земледельческими традициями. Археологические материалы, подтверждают данные генетиков и селекционеров (*Гаджиев*, 1991, 1980; *Мунчаев*, 1975, 2001; *Марковин*, 1959, 1994; *Козенкова*, 1975, 1989). Основным же достоянием исторической науки следует считать многообразный эмпирический опыт, накопленный предками кавказцев, в том числе и чеченцами, за время тысячелетних занятий этой отраслью сельского хозяйства. Все это закрепилось в различного рода методах, приемах и навыках, применявшихся орудиях труда, выращиваемых культурах, сельскохозяйственном календаре и т.д. Это бесценный «капитал», который внесен ими в сокровищницу человеческого бытия. Например, у многих народов Кавказа, в том числе и чеченцев, был известен отрезок времени, когда озимые, по народным приметам, нельзя было высевать (*Брегадзе*, 1967. С. 59). Древним является и метод уплотнения поверхности поля после посева яровых (*гоьргаш такхор*) для сохранения влаги, стремление сохранять относительную рядность всходов для ручного очищения их от сорняков и т.д.

Одной из спорных и запутанных остается проблема собственности на землю у чеченцев. Наиболее наблюдательные из офицеров царской армии в XIX в. отмечали у чеченцев все виды частного владения (купля-продажа, залог, аренда, дарение и т.п.), указывали на факт наличия общинного землевладения на плоскости. Исследователи, к сожалению, оставили без внимания вопрос о причинах, породивших последнее явление – это многочисленность

Плетеное хранилище для кукурузных початков (*ду*)
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

массовых насильственных переселений, где искоренялось присущее природному чеченцу чувство священности границ (*доза*).

Известно, что горцы демонстративно стремились «узаконить» частное владение тем или иным участком: в предгорьях обсаживали межи деревьями, в горах по нижней кромке возводили каменные стены и т.д. Террасы, особенно искусственные (*ага*), изначально находились в частной собственности, ибо для их возведения и поддержания необходим был неимоверный труд. Существовало и общинное владение землей, но в местных условиях это приводило к деградации системы полеводства: зачем было вносить удобрение на поле, если через несколько лет оно перейдет к другому?

Земледельческая отрасль у чеченцев знала такие достижения, как грядкование в огородничестве, ирригация в полеводстве и прививание в садовод-

стве и виноградарстве, яровизация озимых (из-за ненастья осенью зерно сеялось зимой по снежному насту; среди других примеров – систематическая пропашка полей безотвальным способом и т.д.).

Об уровне развития агрокультуры можно судить по ее восприимчивости к вводу в оборот нового хлебного злака. Так, чеченцы ввели кукурузу в севооборот одними из первых на Северном Кавказе еще в XVII в. Исследования показали, что первичный материал поступил из Причерноморья (от мегрелов и абхазов) и из Бессарабии. Задолго до XIX в. кроме кукурузы (*хьаьжкIа*) культивировались пшеница (*кIа*), просо (*борц*), ячмень (*мукх*), овес (кена), рожь (*сула*), лен (*вета*), в горной зоне полба (*божа*); был известен и суходольный богарный рис (*дуга*), навыки возделывания которого за время военных действий в первой половине XIX в. были утрачены; из технических культур в зависимости от рыночного спроса – конопля, табак, марена и др. (*Ахмадов*, 2001. С. 251).

Традиционно возделывались овощные и бахчевые культуры: арбуз (*хорбаз*), дыня (*паста*), тыква (*гIабакх*), огурцы (*наьрс*), лук (*хох*), чеснок (*сарамсекх*), перец (*бурч*), репа (*хорсам*), морковь (*джIанк*); в садах – плодовые деревья: яблони (*Iаж*), груши (*кхор*), вишни (*бал*), абрикосы (*туьрк*), сливы (хьач), персики (*шаптал/гIамгIали*), алычу (*хьаьрса хьач*), айву (*хьайба*), орех грецкий (*баIар*), виноград (*кемсаш*). Есть сведения, что у любителей-садоводов встречались черная мелкая хурма и персидская хурма, которую начали культивировать в XX в. после возвращения из Казахстана и Средней Азии. Изредка встречался и гранат. В связи с указанным разнообразием сельхозкультур следует отметить адатное предписание – любой, посетивший другую страну, должен был привезти образцы семян новых плодов, овощей и т.д., поэтому у чеченцев встречались тибетские сорта овса, ячменя, афроазиатские – фасоли и тыквы.

Для каждой из культур, в том числе и злаковых, отводилась наиболее благоприятная для ее развития природно-климатическая зона. Так, просо возделывалось на богарных затеречных и надтеречных землях, тогда как Чеченская равнина, с большим количеством осадков, орошаемая многочисленными реками, с обширной ирригационной системой, была отведена под кукурузные плантации; к востоку от Качкалыковского хребта раскинулись основные пшеничные поля Чечни и т.д. Остальные хлебные злаки выращивались в горах, а в Чеберлое сеяли лен.

Давние утверждения об экстенсивном характере земледелия у чеченцев можно считать ошибочными. Этому посылу противоречит технология ярусных посевов, развитая ирригационная система протяженностью в сотни километров, которую дореволюционные исследователи сравнивали с египетской (*Вроцкий*, 1878. С. 273); были известны различные виды плотин и шлюзов, от главного канала шли многочисленные отводы к конкретному полю.

О древности использования навоза в качестве удобрения может свидетельствовать весьма архаичное специальное ручное орудие *бекха* для вывоза его на пашню, а также транспортное средство, в котором использовалась тягловая сила животных – *дзум*. Систематическое применение удобрений являлось обыденным фактом.

Использовалась технология так называемых ярусных посевов, когда на одном и том же участке подбиралась совокупность растений, которые можно

было выращивать вместе – например, плодовые деревья, кукуруза, фасоль и тыква. Были нередки трехъярусные посевы. В горах, где земельный голод ощущался особенно остро, применяли и 4-х ярусные.

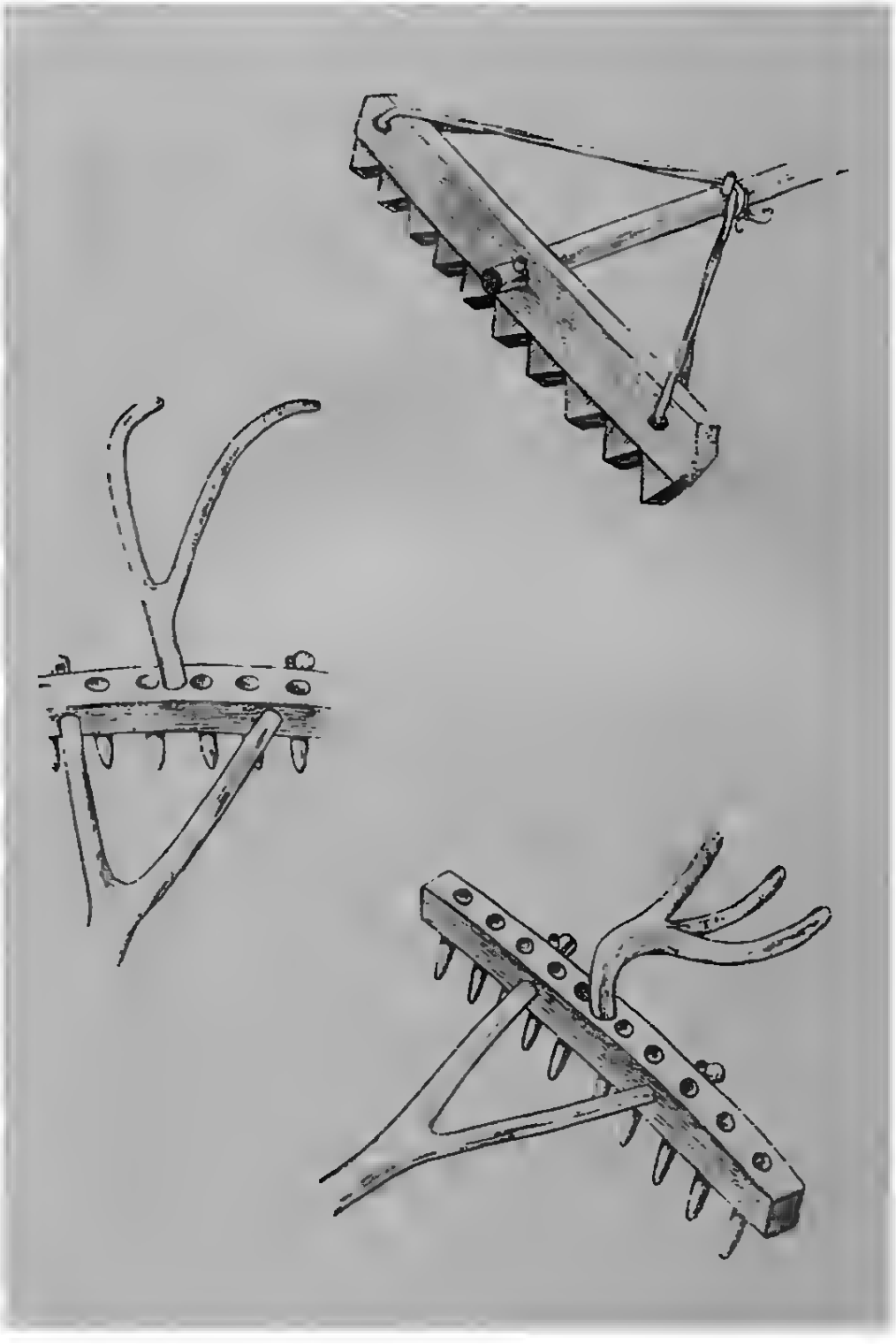
При этом каждая из культур при подборе определенной их сортности давала урожайность чуть ниже максимальной, но крестьяне старались подбирать сорта, взаимодополняющие друг друга, поэтому совокупный урожай с единицы площади получался гораздо выше. Когда в последней четверти XIX в. стал широко распространяться картофель, предпринимались попытки перейти и к пятиярусным посевам, но при этом совокупный продукт с единицы площади получался меньшим.

Пахотные орудия

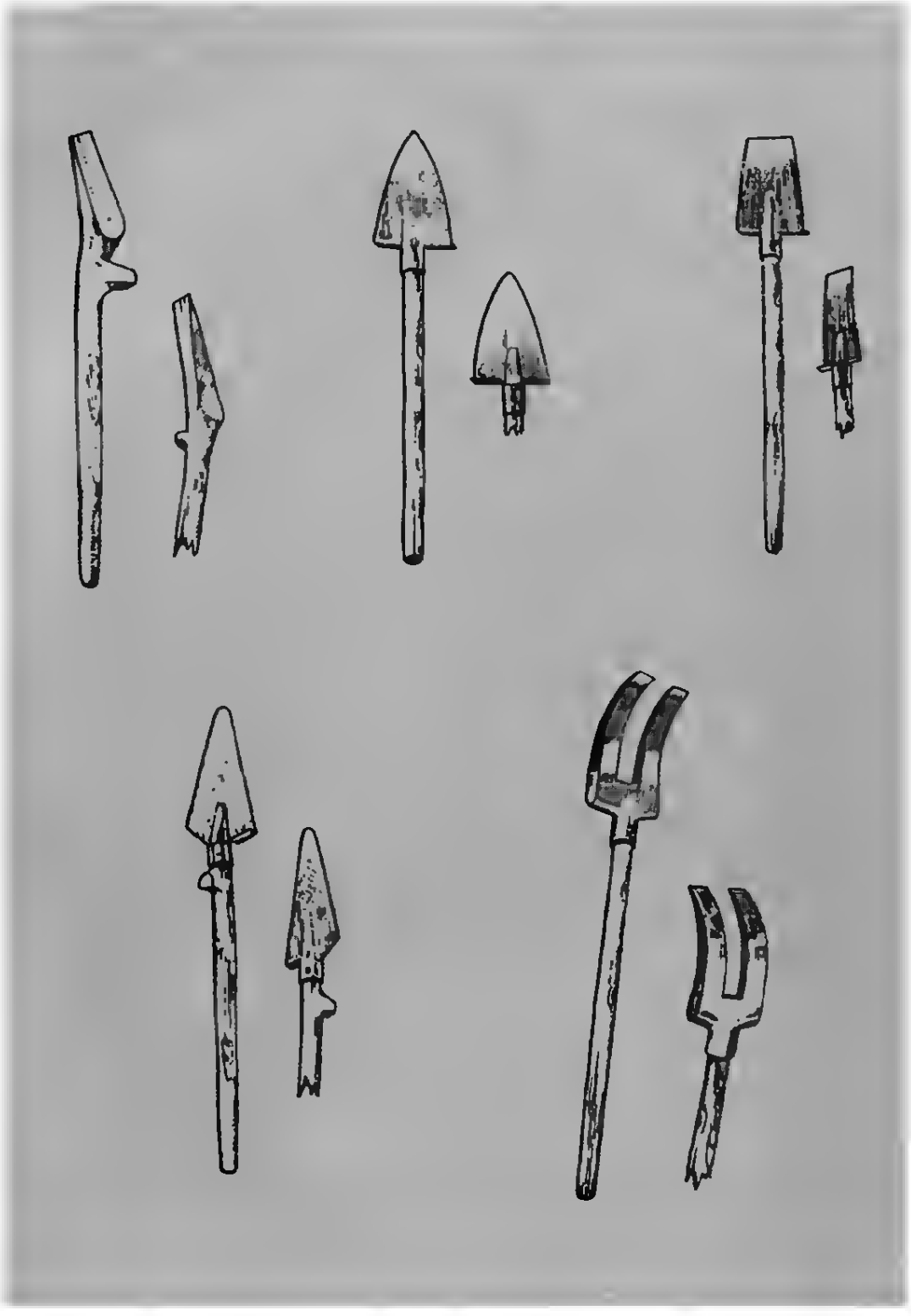
Несмотря на диалектологические различия в языке, пахотные орудия всех типов чеченцам известны под одним термином – *нох, нух*. Между тем, этимологически едины с ним и несколько других терминов. Так, по данным И.Ю. Алироева, в горных обществах ветвистый обрубок дерева *гарс* (ныне коновязь; вбитый во дворе и используемый для сушки посуды) называют также словом *нох* (*Хасиев*, 1973. С. 83). Возможно, в прошлом подобный обрубок с короткими заостренными сучьями использовался на Кавказе в виде примитивного плуга. Любопытно, что указанным термином вайнахи обозначают также жвачку у домашних животных (*нох даккхар*), когда они вторично пережевывают траву, возвращаемую из желудка. Поскольку поле каждый год приносит (как бы снова и снова возвращает) урожай, то эти наблюдения, может быть, и послужили причиной наименования земледельческого орудия, «возвращающего» урожай, также словом *нох*.

Другое мнение высказывал в связи с этим знаток чеченской старины Х.Д. Ошаев. Он считал, что термин *нох* действительно связан с животноводством, но обозначал не жвачку, а сами челюсти, на что указывают и некоторые языковые и фольклорные данные. Уместно отметить, что в чеченском языке известно немало случаев, когда наименование сельскохозяйственных орудий восходят к костям животных, например, грабли (чеч. *кIомсар* – клык). Термином же *нох* называлась и часть пахотного орудия – полоз. Сама по себе эта деталь была глубоко почитаема. Так, перед его изготовлением мастер должен был совершить омовение, а перед первым употреблением окропить кровью белой курицы. Дерево же, из которого мастер предполагал сделать полоз *нох*, должно было быть срублено в строго определенное время года, в середине лета или в зимний период *чилла*. Полевые материалы свидетельствуют, что изначально плуг – *нох* – это «мертвое» орудие, предмет, вещь, которое «оживает» только тогда, когда пахарь вдавливает, «втыкает» его в почву. После трех кругов вспашки оно уже «созревает».

Наименование пахотного орудия *нох* исследователи иногда заменяют термином *гота*, обозначающим, как писал еще А.Н. Генко, «полный комплекс всего, что нужно для пахоты» (*Генко*, 1930а. С. 740). К сожалению, исследователи земледельческих орудий Кавказа не обратили на это должного внимания, хотя этот факт сам по себе весьма важен для понимания мировосприятия древних людей. У грузин известны орудия под теми же названиями, что и у чеченцев – *гутани, гутон* (*Читая*, 1940. С. 504), но это не комплекс, а лишь орудие. Однако у части осетин, например, под этим



Бороны и пахотные орудия (*кlомсар*).
Начало XX в.
***Хасиев*, 2004. С. 91**



Орудия первичной обработки почвы
Хасиев, 2004. С. 88

термином понимают комплекс, а само орудие называют *дзывыр*. В научной литературе неоднократно ставился вопрос о происхождении термина гутани/гутон. Так, Г.С. Читая был уверен в его общекавказском происхождении (*Кантария*, 1965. С. 11), А.И. Генко затруднялся отнести происхождение этого термина к какому-либо народу (Генко, 1930. С. 135). И.Ю. Алироев ведет его происхождение к персидскому языку (*Алироев*, 1970. С. 71), а Л.Ю. Маргошвили считает, что термин заимствован чеченцами у грузин (*Маргошвили*, 1969. С. 14).

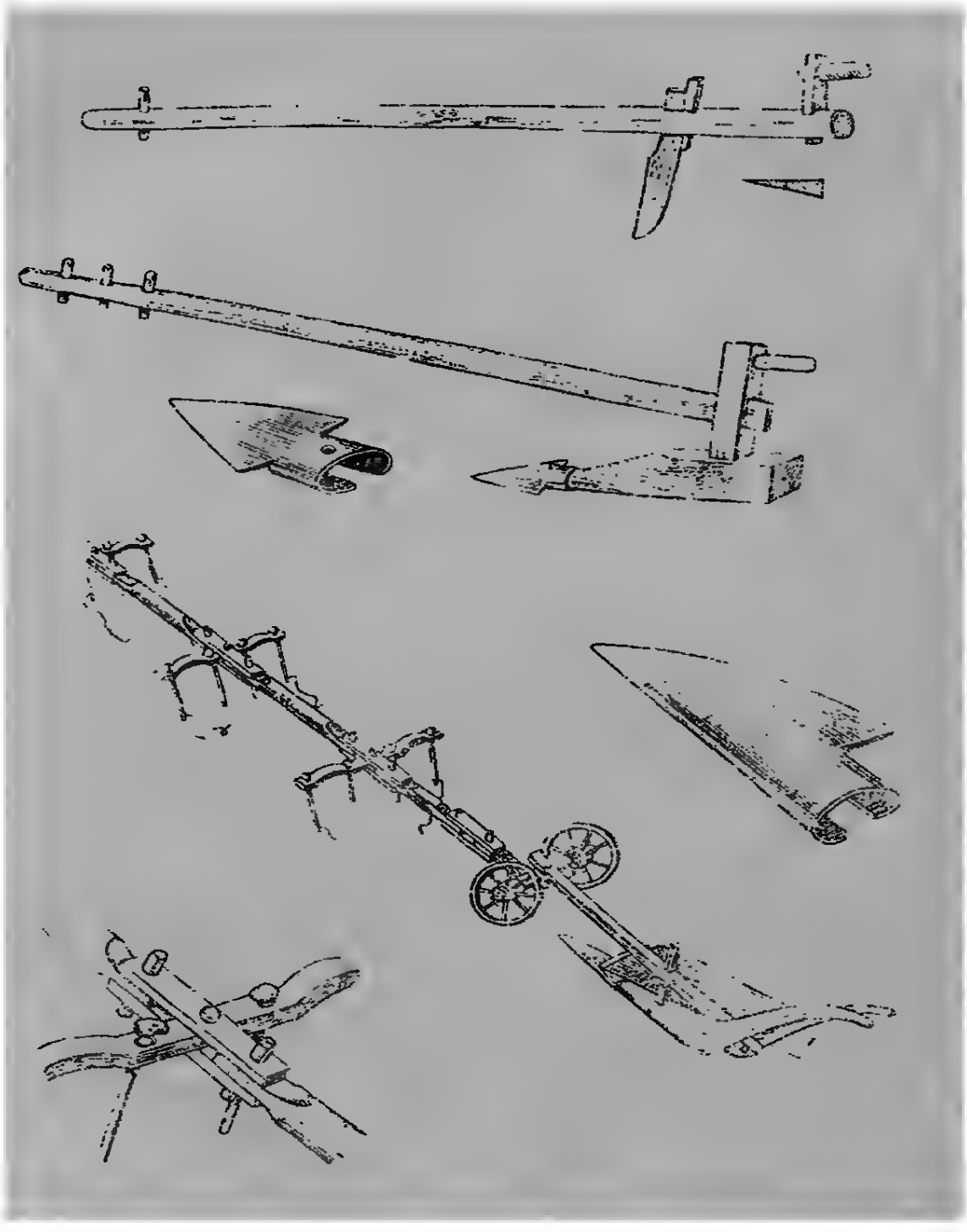
Собранный материал позволяет взглянуть на этот вопрос по-новому. Для чеченца особое значение имел первый день пахоты не только весной, но и осенью. Если в такой день пахарь без происшествий проходил с плугом три круга, а затем еще шесть, то он нередко приостанавливал работу (и это в страду, когда «каждая минута» была на счету) и оставшееся до ночи время сытно ел, угощая других, молился, т.е. устраивал праздник, будучи уверен, что в этом году его и его близких минуют голод и другие несчастья. Весной *гота* разворачивали против часовой стрелки «бIаIал дIаса тухуш» (досл.: отваливая пласты в разные стороны), а осенью – по часовой «бIаIал тIеттIа тухуш» (досл.: отваливая пласты навстречу друг другу). Объясняют это тем, что заворачивая плуг против хода солнца, пахарь как бы задерживал, замедлял его бег, удлиняя теплое время года; осенью же надо было «содействовать» солнцу в его стремлении вырваться из мрачного мира «мертвых».

Не возникает сомнения, что эти весенние и осенние развороты были связаны с круговоротом солнца, т.е. с его культом. Лишним подтверждением тому может служить охранительное значение круга, проведенного пахотным орудием, известное многим народам мира (*Чурсин*, 1913. С. 9, 48–49). Таким образом термины *гутани, гутон, гота* обозначают весь комплекс (с тягловой силой и обслуживающим персоналом), способный провести круг. Эта содействующая круговороту солнца магическая значимость определила, по нашему мнению, его наименование.

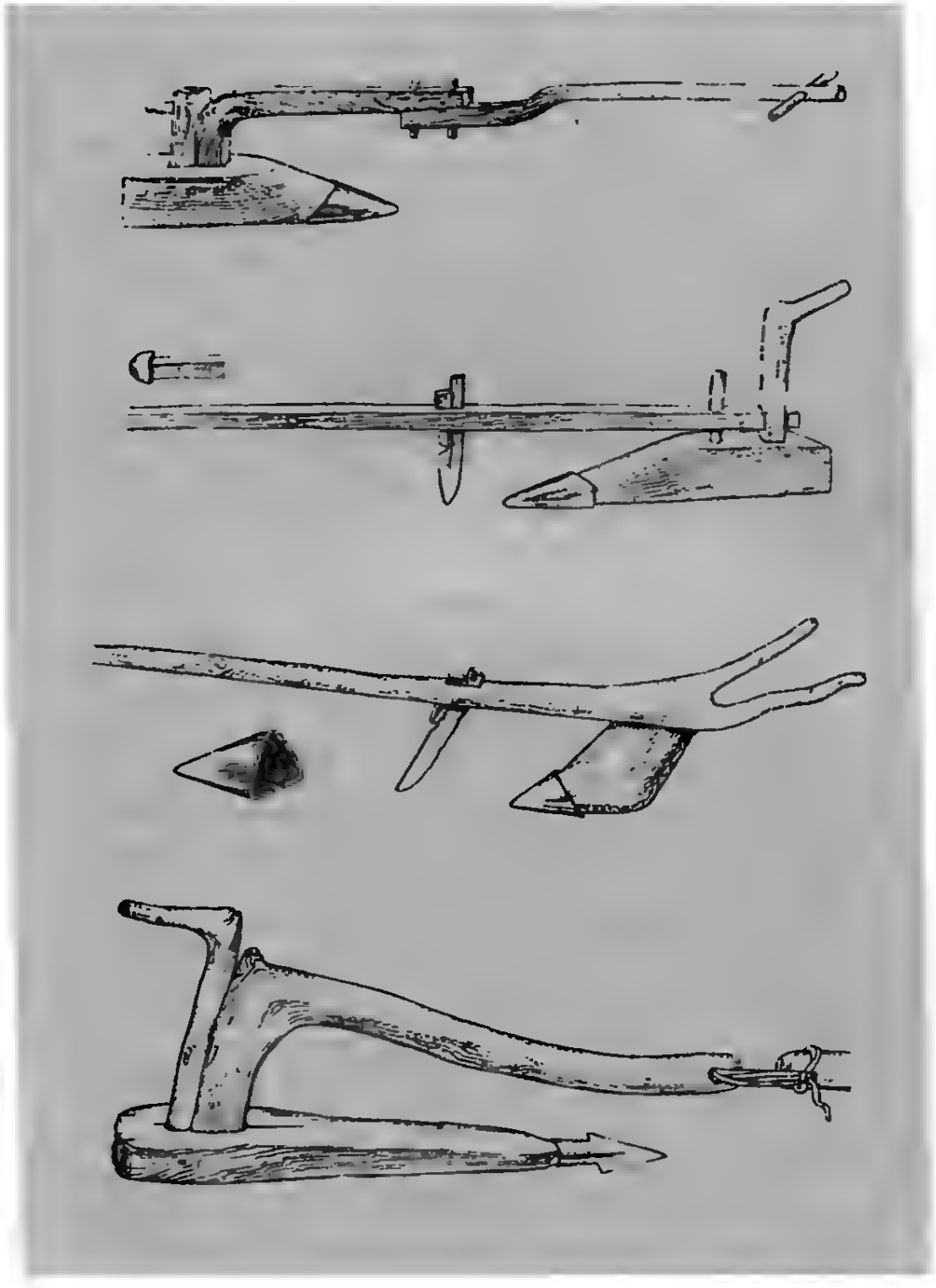
Каждой природной зоне в Чечне соответствуют свои типы пахотных орудий. Это яремное, грядильное и тяжелый, или передковый плуг, который в свою очередь представлен несколькими разновидностями.

Яремное орудие характерно для высокогорной зоны. Из всех типов пахотных орудий, известных в Чечне, оно сохранилось в своей первозданности и более чем какое-либо другое нашло отражение в литературе.

В начале XX в. Н.С. Иваненков так описал его: «Землю обрабатывают они плугом, называемым “ног-дук” или “ног-доккуш”. Он состоит из двух частей: передней “кооже-гур”, состоящей из 3–4 аршинной жерди, на заднем толстом конце которой укреплен острием вниз “поту” или железный резец 5–6 вершков длины, наклоненный вперед, а сверху жерди креплен “колат” или палочка $1^{1}/_{4}$ аршина высоты с ручкой, отогнутой назад, за которую держится и управляет “кооже-гуром” второй, по значению в работе, пахарь; на переднем же конце “кооже-гур” привязывается ремнем ярмо – «дук», в которое впрягаются молодые быки, которых ведет по борозде пахарь-мальчик. Вторая, задняя часть плуга или “нок” (нох. – *С.Х.*), состоит из 3 главных частей: передней “пю” – тонкой жерди около 2 аршин, сильно приподнятой вверх; средней “нок” – коленообразной, прочной, вершка 2–2,5 толщины,



Пахотные орудия. Начало XX в.
Хасиев, 2004. С. 89



Пахотные орудия. Начало XX в.
Хасиев, 2004. С. 97

части в 2 аршина длины; к передней длинной части “нок” привязывается “пю” двумя свитыми в бичеву деревянными прутьями, а к заднему, изогнутому вниз под прямым углом концу, укреплена 3 часть “нох” или толстый прочный деревянный обрубок, на переднюю заостренную часть которого надевается копьеобразный лемех – “хонухол”, имеющий вершков 6–7 в длину и 4–5 в ширину в рабочей своей части. К “нок” прикрепляется сверху такой же “колат”, какой и в передней части, за который держится плугарь-пахарь “нахало” и управляет работой. К “пю” привязывается ремнем ярмо, причем, если привязать его ближе к “нох” и к плугарю, то плуг будет пахать мельче, а если дальше – то глубже, потому что конец “пю”, как сказано, приподнят вверх, и быки нижней частью шеи нагибают его вниз, отчего острие копья “хонухол” также наклоняется вниз, остается только “нахало” изо всей силы вдавливать “колаиш” и плуг будет пахать вершка 2–3 глубины. Быки в эту часть плуга впрягаются постарше, привычные к пахоте, а потому идущие по борозде, не сбиваясь куда-либо в сторону.

Передняя часть такого плуга прорезывает вершка на 2–3 вглубь черту, соблюдая ширину земли, сообразную с шириною лемеха, а задняя часть подрезывает пласт земли по нижней плоскости его и отваливает этот пласт всегда вниз, по покатости загона» (*Иваненков*, 1910. С. 111–112). Описанное орудие сочетало в себе черты яремного и грядильного образцов, нередко встречаемых в пограничной зоне.

В наименовании орудия, приведенном Н.С. Иваненковым – *ног-дук* (с вар. *ног-докуш*), допущена неточность. Первая часть термина *ног* – на самом деле означало наименование коленообразной части орудия, т.е. грядила, а вторая часть *дук* – была наименованием ярма *дукъ*. Второй вариант названия – *ног-докуш* – также передан у него неверно. Здесь в первой части термина «г» перепутано с «х». Это слово обозначает орудие, как на это указывал автор описания, под ним надо подразумевать сам процесс пахоты, звучащий по-чеченски *нох-доккухуш* (*Хасиев*, 1972. С. 27). Не совсем понятен термин *пю*. Возможно, что он бытовал в многочисленных говорах нахов или диалектах и обозначал дышло, но, как и многое другое, связанное с земледелием, был со временем забыт.

Второй тип пахотного орудия представлял собой соединение двух орудий первого типа. Это достигалось прикреплением резака на грядиле перед лемехом. Данное орудие, известное в горных обществах Шатой, Ведено, Нашах и др., по своей конструкции было простым и надежным. Оно состояло из кривулины – *ног*, всаженной в полоз *нох*, на передний конец которого нанизывали железный лемех – *хъонхал*. Орудие обслуживали два человека при паре волов. Известен вариант этого орудия с прямым дышлом – *гIуркх*, соединяющим рабочую часть непосредственно с ярмом. Об архаичности приведенных конструкций свидетельствует многообразие вариантов не только у чеченцев, но и во всем регионе. Восточнее р. Аргун, в горах этот тип известен под термином *пуруш*, – он подробно изучен у нагорных дагестанцев. Он имел прямое дышло с низкой посадкой, что объяснялось тяжелыми почвами. Название его можно объяснить из чеченского *пурх*, что означало «горный, пашущий поперек склона». Любопытно, что этим же термином позднее именовали в данных районах и фабричный оборотный горный плуг, появившийся уже в XX в.

Тяжелый плуг, или передковое пахотное орудие, также именуемый вайнахами *нох*, находил применение в равнинной зоне и большей части Ичкерии. В него запрягали 6–8 волов и обслуживали (в зависимости от количества волов) 4–5 человек. В литературе этот тип известен под названиями кабардинский, кумыкский, грузинский, украинский, русский плуг. Он состоял из трех основных частей: рабочей, колесной и яремной.

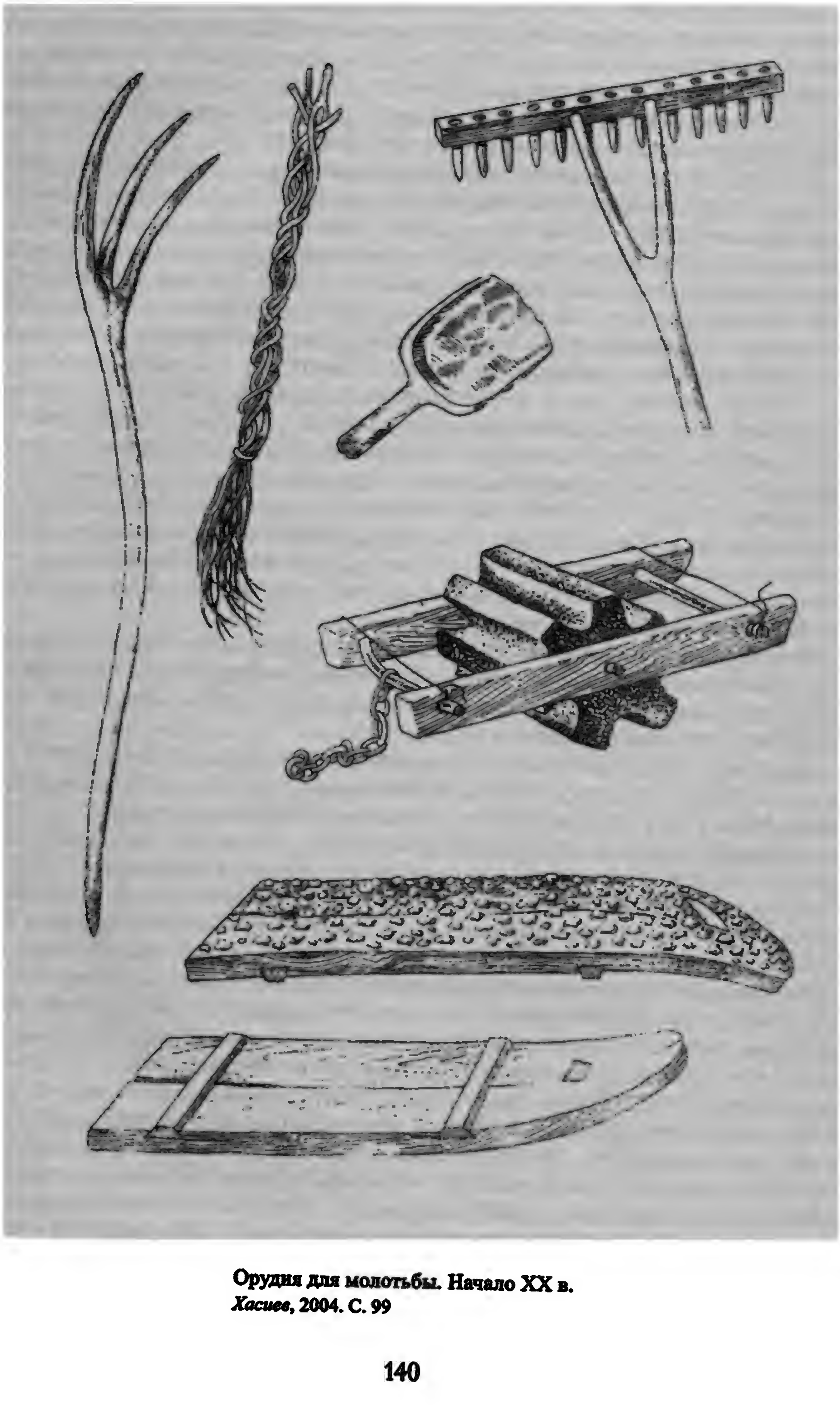
Рабочую часть составляли: пятка или полоз – *сор*, *нох*; железный лемех – *хьонхал*; маленькая лопаточка для очистки лемеха – *гІарлу, аьстиг*; деревянная отвальная доска – *баІал карчо у*; две стойки – *баьлчанаш*, прикрепляемые к полозу или же являющиеся естественными отростками последнего; верхние концы их служили ручками – *колаташ, тІемаш*; нож (чересло) резака – *пхьатеда*; рама, где крепится резак (если он прямой и соединяется со стойкой – называли *сазгІа*, а если задняя часть клюшкообразно изогнута вниз и соединялась с полозом, то – *соргІа*). Колесная часть плуга именовалась *гибирш*, иначе *гурма* и состояла из колес разного диаметра – *чІургаш*; деревянной оси – *сема*; седлообразной насадки в центре оси для крепления переднего конца *сазгІа-соргІа*; двух стоек, которые удерживали плуг в борозде – *гурмана дукьурцаш* и дышла – *гурмана гІуркх*. У яремной части (*чадакхаш*) также было несколько деталей: дышла, число коих зависит от количества пар волов – *гІурхаш*; короткие деревянные бруски, соединяющие дышла с ярмами между парами волов для создания максимальной подвижности; ярма – «даккъаш», которые в свою очередь состояли из *дукъ, тхьамст* – нижняя планка и *дукъарц* – «шкворня».

Наряду с составными *чадакхаш* в различных районах Чечни применялись простые варианты – из лозы дикого винограда, ремни из буйволиной кожи, связки из молодых крученных побегов, прошедших особую обработку и, наконец, в последнее время – цепи.

Тяжелый плуг представлен двумя вариантами. В Затеречье встречались плуги, глубину вспашки которых регулировали стойкой, соединяющей полоз с грядилем. В другом случае регулировка глубины производилась при помощи пристегивания рабочей части к передку. Если плуг пристегивали к передку за ближний колышек, плуг вспахивал глубже, и наоборот.

Существовали и иные вариации передкового плуга, когда, например, чересло крепилось к грядилю на 4–5 см левее острия лемеха. При этом отвальная доска не переворачивала пласт полностью, а лишь ставила его на ребро. Нагрузка на тягловую силу увеличивалась, так как на полоске 4–5 см шириной корни степной растительности не подрезались снизу лемехом, а выдергивались, что в итоге предотвращало сдувание вспаханной почвы. На Чеченской равнине резак крепили на одной прямой с лемехом, а отвальная доска была приспособлена для полного переворачивания пласта.

Традиционные орудия чеченцев со временем стали вытесняться фабрично-заводскими плугами. Этот процесс зависел от многих причин и в первую очередь от удаленности от железной дороги. В целом процесс вытеснения традиционных пахотных орудий железными плугами в горной зоне закончился только в 1930-е годы, причем в индивидуальных крестьянских хозяйствах они сохранялись до депортации чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан. По сведениям информантов известны различные вариации железных плугов: болгарский, чеченский (*нохчи*), немецкий, *бІаърг болу нох* (плуг



Орудия для молотьбы. Начало XX в.
***Хасиев*, 2004. С. 99**

с глазом), «дуга йолу нох» (плуг с дугой), *нуьй йолу нох* (плуг с седлом). Известны также «баковские» плуги, которые назывались *айда хьаьжин гота.* Впоследствии их стали называть «американским».

Интенсивное вытеснение традиционных орудий фабрично-заводскими плугами относится к 1890-м годам. Стоили плуги очень дорого – от 15 до 60 рублей, а в горах – от 2 до 6 коров, поэтому для покупки такого пахотного орудия объединялись 3–4 домохозяина.

К пахотным орудиям по функциональному назначению относятся (хотя конструктивно они представляют бороны) и следующие два орудия для разрыхления почвы для посева зерновых, характерные для зоны сухой степи. По всему Надтеречью, начиная от Пседаха и кончая Качкалыком, было распространено орудие, напоминающее собой грабли, но настолько массивные, что их могли поднять только двое взрослых мужчин. В названных районах это орудие известно под наименованием *кIомсар*.

При его изготовлении использовались самые прочные и гибкие породы деревьев: граб, акация (особенно ее корневая часть), дуб и т.д. В толстый брус всаживали зубья 10–15 см длиной в количестве от 10 до 15 штук из дерева крепкой породы. Для управления к брусу приделывались ручки. Орудие пристегивали к лошадям или быкам так же, как и «долу мекха». Одна из особенностей данного вида орудия состояла в том, что вынув «ручки» и перевернув, его можно было использовать для уплотнения верхнего слоя почвы после заделки семян, чтобы дольше сохранить влагу. Вариантом этого орудия можно считать и четырехугольную плетенку, сзади которой приделывались деревянные серповидные крюки. Последние выполняли роль зубьев, которые разрыхляли почву, когда на плетенку наваливали груз (*Хасиев*, 1971).

ЖИВОТНОВОДСТВО

Заметный вклад в изучение ранней истории животноводства чеченцев внесли археологи; многочисленный остеологический материал из раскопок позволил не только проследить общую динамику его развития, но и изменение видового состава поголовья скота в ту или иную эпоху. Так, в эпоху бронзы произошли качественные изменения в методах содержания скота, т.е. в это время происходит завершение процесса освоения альпийских и субальпийских зон под земледелие, что заметно сократило площади выпасов (*Мунчаев*, 1980; *Марковин*, 1994; *Козенкова*, 1989).

До III тыс. до н.э. оседло-земледельческое население сосредоточивается в предгорной зоне, где в хозяйстве преобладает разведение свиней и крупного рогатого скота (*Гаджиев*, 1991. С. 183). Уже к этому времени в высокогорной зоне пригодные для пашенной обработки площади были освоены под полеводство (*Агларов*, 1964), что значительно сократило площади выпасов. Для летнего выпаса интенсивно используются горные луга, а для осенне-весенних выпасов – прилегающие к региону степные просторы. Полеводство потеснило животноводство и скотоводам пришлось искать новую нишу приложения своих возможностей. Наличные природные ресурсы оказались не в состоянии обеспечить возросшее население.

Как степи, так и альпийские луга нуждаются в культуре использования, поскольку и то и другое дичает при забросе. Столь же пагубно сказывается и увеличение поголовья, нельзя нарушать оптимальную норму. Если в степях неуемное увеличение поголовья приводит к эрозии почвенного покрова, к наступлению песков, то на альпийских лугах – к оголению склонов или, в лучшем случае, «тропинчатости». Альпийские луга столь же уязвимы, как и степи. При забросе на альпийских лугах распространяется особый вид сорняка (*кочкование*). Адаты предписывали каждому пастуху ежедневно выпалывать по 63 «кочки» и тем поддерживать луга в «рабочем состоянии».

«Кочка» – это сорняк-паразит, который не употребляют ни домашние, ни дикие животные. Чеченцы называют ее *шайтIана мерз* или *иблисан мерз*. Он приподнимается над травостоем на корнях и разбрасывает во все стороны острые, жесткие игловидные листья, которые как бритва режут язык и десны животного. Как всякий сорняк, он затеняет ценный травостой. Это основной бич альпийских лугов, с которым следует вести ежедневную, беспрестанную борьбу. Для этого использовались металлические лезвия на концах ярлыги, которым пастух подрезал корни «кочек» (ПМА, 1974 г.).

Источники XIX в. позволяют констатировать, что культура животноводства чеченцев дошла до нас в довольно развитом виде. Это демонстрируется тем фактом, что в границах дореволюционной Чечни имелось (при довольно ограниченных природных и земельных ресурсах) огромное поголовье скота. В Чечне, например, общее поголовье скота составляло 664 438 голов, причем на долю крупного рогатого скота приходилось 36%, мелкого рогатого скота 370 330 голов, или 56%, и на лошадей – 37 237 голов (6%). Кстати, все известные данные по Северному Кавказу дают аналогичную картину (Статистический отчет.., 1927. С. 13).

В истории Чечни бывали периоды, когда в силу различных причин поголовье скота резко сокращалось. Один из этих периодов хорошо зафиксирован в источниках – это годы Гражданской войны. В 1920 г. в Чечне было 531 534 голов скота, но уже в 1925 г. поголовье возрастает до 800 578 голов (Статистический отчет, 1927. С. 17). Этот пример свидетельствует о том, что при благоприятных условиях животноводческая отрасль чеченцев была способна к быстрому воспроизводству.

Альпийские и субальпийские луга давали достаточно широкие возможности для выпаса значительно большего поголовья скота в теплый период времени года (май–октябрь), чем то количество животных, которое оставлялось на зиму в пределах горной зоны. Из-за нехватки покосных угодий, где заготавливалось корма в три-пять раз меньше, чем требовалось для содержания скота в зимний стойловый период, горцу ежегодно приходилось распродавать и забивать на мясо излишки скота. Естественно, что это делалось вынужденно.

В то же время в степной зоне, где ранней весной и поздней осенью буйствует травостой, в летнюю пору наступали трудные времена, и животноводам приходилось поступать так же, как и горцам перед зимой. Поэтому выпас скота перемещался: летом – в горы, ранней весной и поздней осенью – в степи, а зимой – в предгорную зону (*Берже*, 1859. С. 75).

Н.С. Иваненков писал: «Домашний скот чеченцев… разделяется по степени нужды его для текущего хозяйства и жизни семьи… на два разряда:

во-первых, рабочий скот…, нужный для пахоты и возки хлеба и сена к жилищам с полей и покупного хлеба с плоскости, и дойные коровы, овцы, козы для продовольствия семьи, во-вторых, гулевой скот, к которому причисляются все остальные животные, составляющие, так сказать, постоянный запас… Первые животные держатся при селениях и постоянно пригоняются на ночевку домой… Второй, т.е. гулевой скот, находится, по возможности, всегда в отгоне на сторону, на запольные земли своего или даже чужого селения» (*Иваненков*, 1910. С. 57–58).

Одна из основных черт традиционного животноводства заключается в том, что оно органически вписывается в природную среду. При этом чеченцы придерживались разумного баланса угодий: пашен, покосов и пастбищ. Нельзя увеличить пашню за счет сенокосов, так как нарушение пропорций между ними (особенно в горной зоне) приводит к заметному уменьшению поголовья скота, остающегося на стойловом содержании семьи. Это, в свою очередь, приводило к уменьшению количества навоза, которое служило удобрением. Без внесения удобрения урожайность падала. Следует добавить, что навоз не только в горной зоне, но и на плоскости был довольно дефицитным товаром, пока не ввели при помощи царской администрации систему передела пахотных участков.

Обычно ученые при изучении скотоводства оставляют за рамками своих исследований народные знания, навыки и представления о пастбищах, заготовке кормов для скота и их хранении и т.п.

Чеченцы знали, какое количество кормовых запасов дает каждый из сенокосных участков и на какой срок и для определенного количества животных его хватит; на каком из пастбищных участков сколько скота, при каком чередовании следует его выпасать без ущерба для воспроизводства пастбищ и т.д. Учитывались не только повадки и привычки разного рода домашних животных, но и их вкусы. Дело в том, что крупный рогатый скот не пасется там, где до этого побывал мелкий, если даже травостою не нанесено какого-либо существенного ущерба: овцы и козы оставляют специфический запах, после которого крупный рогатый скот «не берет траву». Необходимо ждать от двух до трех недель, прежде чем пустить на него стадо. Более того, иные коровы были более разборчивы в выборе трав, чем волы и даже нетели. Поэтому крупный рогатый скот по признаку выборки трав подразделялся на группы: дойный – *маша до*, рабочий – *стерчий*, нетели – *шинарш*, бычки – *таргIаниш* и телята – *эсий*, которых и выпускали на пастбище в указанной очередности. За крупным рогатым скотом на этот же выпасной участок выпускали копытных, и только в последнюю очередь – мелкий рогатый скот. И его разбивали по возрастному и функциональному признакам на: дойных – *жерчий*, валухи (кастрированные бараны) – *кой*, молодняк; т.е. на те же пять-шесть групп, которые выпасались с определенными интервалами и в строгой последовательности.

Само пастбищное угодье разбивалось на 11 участков; 1–2 находились в рекреационном режиме для восстановления природных возможностей, а на остальных выпасались животные в строгой очередности и с необходимыми интервалами между гуртами (*Хасиев*, 1971. С. 37).

Основная задача чабана (*желу*) состояла не только в сохранении и приумножении поголовья, но и в сохранении травостоя. Он никогда не останав-

ливался более 3 суток на одном и том же месте для ночевки под открытым небом, не возвращался по собственному следу вечером на стоянку, так как покров альпийских лугов столь же легко разрушался, как и сухая степь. Неслучайно в советский период, когда обязанности пастухов нередко выполняли люди без специальной подготовки, не менее трети лугов в горах была выведена из оборота или близка к этому.

Запасы сена, накошенные в разных местах, имели различную ценность. Сено, скошенное у берегов родников и речек на затененных лесных полянах предгорий, считалось более питательным, чем заготовленное в Затеречье. Естественно, сено укладывалось в разные скирды с учетом его качества и сроков возможной порчи. В зимний стойловый период корм давался в строгой очередности: худший в самом начале периода, лучший – весной, для поддержания начала лактационного периода дойных коров и рабочего скота перед весенними полевыми работами.

До последней четверти XIX в. лошадь не использовалась на полевых работах и не впрягалась в повозку, ее уделом была верховая езда и при острой необходимости – перевозка вьюков.

В чеченском языке существует терминология, связанная с животноводческим хозяйством. Так, укажем на понятия отара – *джа*, стадо – *бажа*, табун – *рема*. Первые две дефиниции, по мнению языковеда Я. Вагапова, свидетельствовали о первичности доместикации мелкого рогатого скота. Причем, по представлениям чеченцев, коза не включена в число домашних животных. Любопытно, что если кожа овцы именуется *кхакха*, крупного рогатого – *наьI*, копытных – *совра*, то козья, как и у всякого зверя – *цIока*.

Различались и помещения, где содержатся животные (*жела, божала*), которые имели отличия и в конструкциях. К примеру, для крупного рогатого скота крышу помещения (*тхов*) устраивали потолочной, тогда как для копытных (более холодостойких) – без потолочного перекрытия, обычно двускатную.

Чеченцы разводили основные виды евразийских домашних животных, доместикация которых относится к древнему периоду: коз (*газа*), овец (*устагI*), коров (*ет*), буйволов (*гомаш*), лошадей (*говр*), верблюдов (*эмкал*), ослов (*вир*), мулов (*бIарза*), а в древности и свиньей (*хьаькха*). Большую роль также играло выведение пастушьих пород собак, непосредственно связанных с разведением мелкого рогатого скота. Овчарка *жIала* даже своим наименованием связана с овцеводством (*Хасиев*, 1983. С. 49).

Следует отметить довольно широкое распространение птицеводства; птица – *зIакар даьхни* (досл.: скот с клювом). Куры (*котам*) в Чечне известны были еще в эпоху развитой бронзы. Археологами обнаружен остеологический материал, датируемый II тыс. до н.э. Гуси (*гIаз*) и утки (*бад*) имеют также длительную историю, а вот цесарка (*аштаркх*) попала из Астрахани, видимо, в эпоху Золотой Орды. Последней из птиц чеченцы начали разводить индейку (*москал*), чье наименование само говорит за себя.

Крупный рогатый скот на Кавказе имел единые генетические корни и представлял собой разновидности горного скота, делившиеся на подвиды, отличавшиеся по масти и экстерьеру (*Шамиладзе*, 1979. С. 173 и сл.). Например, в Чечне в предгорно-равнинной зоне разводили скот тигровой масти (*торгIала*), черной или светло-серой масти с белой мордой (*тайша*). Послед-

няя разновидность подразделялась в зависимости от строения рогов: красная порода с короткими загнутыми вперед рогами, порода темной окраски с загнутыми вперед и внутрь рогами (к ней наиболее близок по строению рогов испанский скот), порода светло-серой масти – с широко раскинутыми отогнутыми с черными концами рогами (близка к южнорусской или украинской породе).

Каждая из этих пород, по мнению информантов (ПМА 1969 г.), имела свои сильные и слабые стороны. Важной особенностью (за исключением светло-серой крупной) являлась их приспособленность к перегонам в условиях вертикальной зональности, что достигалось отбором за долгие века. Особое внимание обращалось не на количество молока, а его жирность и качество получаемого сыра (*нехча*).

Широкое распространение имело разведение буйволов. Молоко буйволиц отличалось особой жирностью. Буйволы высоко ценились в качестве тягловой силы, не были притязательны к качеству кормов, но требовали утепленных помещений зимой и воды летом для лежки. В наши дни они встречаются редко, хотя в прошлом разновидность буйволов со звездочкой на лбу и белым хвостом образовала чуть ли не самостоятельную линию, характерную именно для хозяйства чеченцев.

Следует отметить, что в народной медицине их молоку и мясу приписывались свойства быстрого излечивания ран.

Еще большей дифференциации пород достигло на Кавказе овцеводство. Об этом может свидетельствовать то, что практически каждый из аборигенных этносов Кавказа издревле разводил свою специфическую породу (известны имеретинская, тушинская, курдская, лезгинская, аварская, андийская, осетинская и др.). У чеченцев также имелись несколько выведенных пород овец – чеченская черная полукурдючная, хилдехароевская, а также порода *даца-баца*.

Черная полукурдючная разводилась в основном из-за шкурки (смушки) *чола холхаз*, имевшей угольно-черный цвет и большую ворсистость. Следует добавить, что мясо этой породы овец по своим вкусовым качествам ценилось очень высоко, и в народной медицине его, как и бульон, предписывали людям, перенесшим тяжелую и длительную болезнь, а также слабым детям. Овцы этой породы отличались миниатюрностью, правильными пропорциями и исключительной чистоплотностью (недаром ее сравнивали с кошкой).

Хилдехароевская порода, названная по имени чеченского общества Хилдехарой (где в основном она и разводилась), отличалась крупными размерами и большим приподнятым курдюком. Эти овцы напоминали тушинских, с характерными для них коричневыми или темными «щеками». Эту породу можно назвать мясо-молочно-шерстной, так как молоко этих овец отличалось особым вкусом и жирностью; шерсть этих овец ценилась выше признанной на Кавказе тушинской. Особым деликатесом считался сыр, изготовленный из этого молока по специальным рецептам. Овцы этой породы имели руна самых разных цветовых оттенков (темно-серые, коричневые, рыжие и т.д.), но никогда не бывали чисто белыми или черными.

Порода овец, широко известная в литературе под наименованием тушинской, была у чеченцев синонимом овцы вообще (*даца-деций*). «Ее высокие хозяйственные и биологические свойства во многом способствовали попе-

ременному использованию низинных и горных пастбищ в определенных географических условиях, что являлось одним из характерных признаков перегонного овцеводства», – отмечает В.М. Шамиладзе (*Шамиладзе*, 1979).

Тушинская овца – средняя по величине, отличается вкусным мясом, молочностью и высоким качеством шерсти. Отличительной чертой этой породы следует признать (кроме экстерьерных признаков) ее выносливость и приспособленность к крутым подъемам. Овцы тушинской породы всегда имели белую масть. В литературе высказано мнение, что чистую породу тушинской овцы вывел в XIX в. Джабо Цискаришвили из грузинского с. Земо Алвани, но она имела более древнее происхождение. Именно эта порода являлась «храмовой» (жертвенной) (*Хасиев*, 1971. С. 26).

В.М. Шамиладзе – один из крупнейших специалистов по животноводству Кавказа – справедливо отмечает, что селекционно-племенная работа овцеводов «существенно отличается от процессов подбора и выведения… крупного рогатого скота, и целиком ложится на пастуха» (*Шамиладзе*, 1979. С. 207). Племенные производители тушинской породы подбирались по признакам конституции, темперамента, продуктивности, жизнеспособности и приспособленности к окружающим условиям. Внимание обращалось на такие детали, как длина и густота шерсти, цвет глаз и т.д., а по нашим материалам, и на конфигурацию рогов, курдюка и т.д. (*Хасиев*, 1983. С. 37).

В.М. Шамиладзе упоминает две породы кавказских овец, которые были известны еще в эпоху энеолита. Они происходили от одомашненной еще в глубокой древности переднеазиатской дикой овцы, и в дальнейшем разделились на две ветви. Из одной ветви – длиннохвостой бескурдючной с полугрубой и грубой шерстью сформировалась древнеколхидская порода с полумягкой и мягкой шерстью, к которой относились и другие кавказские подвиды – имеретинская, дагестанская, карачаевская, осетинская, древнеурартская. От второй ветви – кавказской овцы с грубой шерстью и с курдюком – валахская, хемшинская, тушинская, карабахская породы, а также генетически известная порода Юго-Восточной Европы *цакеллей* (*Шамиладзе*, 1979. С. 282).

Если в формировании тушинской породы и участвовали длиннохвостные породы, то это, скорее всего, была древнеурартская порода. Похоже, что тушинская порода овец сложилась в более южных районах, нежели район нынешнего проживания тушин; об этом свидетельствует и вайнахский эпос.

Перемещение скота на Северном Кавказе – если сопоставлять его с общепринятыми географическими зонами, было «зеркальным»: в теплое время он двигался на юг, поднимался в горы и занимал там строго отводимый для каждого вида ярус (*Мкртумян*, 1971. С. 64). Маршруты перегонов определялись меридиально вытекающими с гор реками, и каждому из таких ущелий соответствовал на р. Терек свой брод. Так, двигавшийся по Дарьяльскому ущелью в районе г. Владикавказ скот делился на две группы: одна уходила в Кабардино-Балкарию и далее в степи, а другая переправлялась через Терек в районе нынешнего г. Моздока и далее на север, чтобы с наступлением жары или холода вновь повернуть на юг в сторону гор. Такие же перемещения происходили по всем ущельям: скот, двигавшийся по р. Асса, переходил Терек в районе с. Знаменское; по р. Аргун у ст. Червленной; по р. Гумс и Хулло по броду – у нынешнего с. Брагуны, из ущелья Ясси – у г. Кизляра и т.п. (ПМА 1975 г.).

При каждой отаре содержали небольшое количество коз, которые выполняли функцию «вожаков». Правда, в Ножай-Юртовском районе, где овцы в силу специфической болезни не выживали, разводили, главным образом, именно коз. Их принадлежность к какой-либо породе сейчас установить трудно. Можем отметить, что они были красноватого оттенка, с небольшими рожками, среднего размера. Разводили их больше из-за мяса, нежели из-за пуха и молока.

Существовало в Чечне и коневодство. Лошади были неказисты на вид, но выносливость, резвость и навыки «скалолазания» делали их незаменимыми. Можно допустить, что эта порода представляла собой генетическую линию древнейшей породы кавказской лошади, выделяемой дагестанским ученым Золотаревым, которая ныне утрачена. В предгорно-равнинной зоне использовались в большинстве лошади равнинных пород, особенно популярными были разводимые кабардинскими и адыгейскими конезаводчиками (Лоовыми и Шолоховыми).

В горной зоне для перевозки грузов применялись мулы. Ишаков было сравнительно мало. В равнинных районах, вплоть до отрогов Черных гор, изредка встречались верблюды. Они в основном использовались в качестве тягловой силы, особенно при вспашке.

О степени культуры животноводства могут свидетельствовать, кроме всего прочего, дефиниции, связанные непосредственно с самими животными и их содержанием.

Методы ведения животноводческого хозяйства были разнообразны и зависели от условий содержания. Основная часть животных днем выпасалась на присельских пастбищах, а вечером пригонялась в населенный пункт к стойлу (*хьаьвда*). Уход за этой категорией имел свои специфические особенности. Сельские выпасы в этом случае подразделялись на несколько участков для выпаса мелкого рогатого и крупного рогатого скота. В свою очередь из стада крупного рогатого скота выделялись телята-сосуны; место, где выпасались телята, называлось *дышни*. В теплое время года все поголовье скота, находившееся при хозяйстве, подразделялось по видовому признаку, по разным местам ночного содержания: крупный, мелкий скот и копытные не должны были находиться ночью в одном месте, поэтому для каждого готовили *дахкерт* и содержали их отдельно, причем, лошадей – на привязи. Ежедневно для лошадей и крупного рогатого скота выкашивали и заготавливали на ночь сено (*мохь лора*).

Из поголовья мелкого рогатого скота выделялось некоторое количество особей на случай прихода гостей, этим животным после пригона с пастбищ дополнительно выдавались отруби, неполноценное зерно и т.д.

Бывало, что по случаю предстоящей свадьбы или поминок крупный или мелкий скот ставили на откорм (*дуст̀о*). Для них устанавливался особый, усиленный режим подкормки, даже если их и выгоняли на пастбища. Нередко вновь приобретенные животные отказывались выходить на новом месте на пастбище. В этом случае их некоторое время содержали дома на привязи на полуголодном содержании, затем за околицей села привязывали на длинной веревке, ограничивая возможность передвижения. Если же один из младших членов семьи был свободен, то ему поручалось выпасать скотину

«на поводке». Однако вряд ли такой способ можно считать особой формой содержания скота.

При содержании скота на горных пастбищах выпасы подразделялись, по меньшей мере, на три пояса, где самый нижний – на границе лесов – отводился для молочного стада, а самый верхний – на границе льдов – для мелкого рогатого. Длительный опыт занятий скотоводством подсказал, что для каждого вида скота в этом случае существует определенный предел количества животных, содержащихся вместе. Оптимальным вариантом для коров считается 50–70 голов (при двух доярках). В отаре должно было быть не более 200 овец. Следует отметить, что основой определения такого количества скота в одной группе являлись не трудоемкость животноводства, а биологические свойства животных: при большем количестве голов в отаре или стаде скот выпасался хуже, траву выбирал не в полной мере.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Вопрос о формах землевладения и землепользования очень важен для определения уровня общественно-экономических отношений. В исторических исследованиях о прошлом чеченцев в основном описана заимочная частная земельная собственность (по праву первого захвата, очистки от леса, камней), говорится и о родоплеменной (тайповой) земельной собственности. При феодализме наряду с феодальной собственностью на землю как на средство производства существует и личная собственность крестьянина на землю и на частное (крестьянское) хозяйство. Возникновение частной собственности на землю – явление закономерное в поступательном процессе исторического развития общества. Считается, что раньше всего в частную собственность перешла усадебная земля (*ков, керт, беш*).

На территории Чечни в XIX в. существовали такие основные виды земельной собственности, как джамаатская (общинная), тукхумная (родовая), мюльковая (индивидуально-крестьянская, частная), феодальная, вакуфная (мечетская), казенная (российско-государственная). Казенная собственность возникла в условиях колонизации и находилась в XIX в. в стадии становления и постоянно расширялась.

Во времена имамата Шамиля на территории Чечни и Дагестана были ликвидированы феодальная и казенная собственность на землю, вместе с тем возникла новая – байтулмальская (имаматская). Последняя возникла за счет конфискации имамом Шамилем земель у оппозиционно настроенных горских феодалов и отдельных сельских обществ. Сюда включались также земли беженцев и изгнанников из имамата за сотрудничество с российскими властями, а также выморочные земли. Исследователь Х.Х. Рамазанов доказывает, что в имамате при Шамиле вакуфная земельная собственность как отдельная категория была ликвидирована, все эти земли перешли в категорию байтулмальских (*Рамазанов,* 2004. С. 194).

Байтулмальская земля в имамате использовалась имамом и его наибами в основном в политических целях: из нее выделялись участки для отличившихся воинов или наибов, переселившихся в имамат с других территорий крестьян-

мухаджиров; остро нуждающихся в земле горских крестьян-общинников (за незначительную плату или бесплатно) (*Рамазанов,* 1996. С. 38).

Занятие земли у чеченцев как источник возникновения частной собственности на землю широко практиковался с давних времен, этой землей со временем продолжал пользоваться только тот, кто мог защитить ее от посягающих на нее соседних племен или могущественных семейств.

Чеченские адаты свидетельствуют о существовании разных форм овладения излишками общинной земли отдельными лицами, на которые они постепенно «приобретали» преимущественное право пользования, а впоследствии и владения: пастьба своего скота; ведение полеводства и др. Со временем одна часть крестьянских семей лишалась работоспособных членов и разорялась, другая становилась многоземельной и обогащалась.

Сельский старшина как руководитель общинными запашками, покосами, пастбищами, постепенно возвышался над остальными общинниками. Все это происходило как у чеченцев, так и у других горцев Северного Кавказа. В начале XX в. С.И. Авалиани писал: «По мнению начальника Кавказского горского управления генерала М. Старосельского, население округов Терской области: Чеченского, Ингушского, Нагорного, Ичкеринского, Аргунского… не выработало у себя понятия о сословном делении вообще и крепостных отношениях в особенности и потому в этих округах нет зависимых сословий, как установления народной жизни. С этим утверждением необходимо согласиться лишь условно; в других округах Терской области зависимые сословия существовали» (*Авалиани,* 1914. С. 33).

В частной собственности находились в основном используемые в хозяйственной деятельности удобные земли: пахотные, сенокосные, редко – пастбищные. В зависимости от физико-географических и природных условий, рода хозяйственной деятельности сельских обществ земельные наделы, хотя и условно, можно подразделить на земледельческие, земледельческо-скотоводческие, земледельческо-садоводческие. Со временем часть общинников, ставших более или менее состоятельными, расширяла свое хозяйство, приобретала земельные участки различного производственного направления.

Основу пахотных земель, покосов и пастбищ в Чечне составляли наделы крестьян-общинников. Пахотные земли в горах были созданы усилиями поселенцев путем вырубки леса, очистки участка от камней и т.п., в силу чего по традиции общинники одновременно приобретали право на владение этими земельными участками. Под сады в нагорной полосе использовались земельные участки, непригодные для других видов хозяйственной деятельности: по крутым откосам оврагов, по берегам рек и др. Зажиточная общинная верхушка кроме общинных наделов использовала для своих целей пастбищные и сенокосные земельные участки, в том числе и в нагорной полосе, которые иногда достигали значительных размеров, до сотни и больше десятин.

Одной из распространенных форм землепользования у чеченцев была общинная, которая в истории сельских обществ сыграла весьма важную роль. В горной и предгорной полосе, а до XIX в. и на равнине более половины общинных земель были покрыты лесами, которыми могли пользоваться по традиции все общинники. Значительная часть общинной земли находилась под пастбищами, выгонами, покосами и др. Большую часть общинных пастбищ

в нагорной и предгорной полосе составляли отдаленные горные пастбища (*лам*), используемые всего 3–4 месяца в году для отгонного животноводства, а также пастбища на горных хребтах, которые освобождались из-под снега на непродолжительное время и были неудобны для дележа.

Исторические материалы свидетельствуют, что к XIX в. общинное землепользование на равнине было ведущим в Чечне, где общины сложились как территориально-соседские в результате переселения представителей разных тайпов из нагорной полосы. В этих общинах не было развитой сети родовой или другой знати, власть выборных должностных лиц не передавалась по наследству. Вновь образовавшаяся общинная верхушка в таких сельских обществах не всегда могла противостоять общине и диктовать свои условия. Территориальные общины на более раннем этапе развития, когда равнина была малозаселенной и вероятной была внешняя опасность, выдвигали из своей среды отдельных «выдающихся» личностей, вручая им власть и не мешая обогащаться, ожидая от таких лиц защиты от внешних посягательств на свое имущество, свободу, волю и др. На характер форм общественного землевладения и землепользования, формирование хозяйственной специализации оказывала влияние также географическая и климатическая среда. Так, в предгорных сельских обществах, где были благоприятные условия для животноводства, общественные земли преимущественно существовали в виде пастбищ и покосов. В обществах, где природные условия были хуже, не имелось благоприятных условий ни для земледелия, ни для животноводства, общинными (джамаатскими) считались почти все земли и между общинниками происходили частые переделы пригодных для хозяйственной деятельности земель: пахотных, покосных, иногда и пастбищных. Общественные пастбища почти повсеместно в Чечне считались собственностью всего общества, хотя разные сельские общества пользовались ими не одинаково. Неравномерное наличие скота у общинников в скотоводческой горной зоне порождало неравное положение в пользовании общественными землями (пастбищами), в результате возникали нескончаемые распри между общинниками.

В первой половине XIX в. в сельских обществах Чечни существовали переходные формы земельной собственности: общинные земли (пахотные, пастбищные, покосные); земли, находившиеся в пользовании (владении) у выделявшейся общинной верхушки (и старшин) без периодических переделов; общинные земли (пастбищные, сенокосные, а в отдельных случаях и лесные участки), находившиеся в коллективном владении крестьян, но поделенные между ними; частные земли, подразделявшиеся на мюльки (земельные участки крестьян-общинников), крупные пастбища разбогатевшей общинной верхушки и пастбищные горы, продолжающие считаться принадлежащими родственным группам (тукхумам) или отдельным владельцам.

Пастбища, выгоны, леса, пустоши у чеченских крестьян и во второй половине XIX в. оставались в общинном владении. Прежде всего в частную собственность перешли приусадебные участки; пахотная земля первоначально переходит в индивидуальное пользование отдельных семей, продолжая считаться общинной. В горных условиях, где подготовка земли под пашню требовала приложения физического труда на протяжении длительного времени, пахотные земли относительно рано переходят в частную собственность

отдельных семей. В целом родовое землепользование в горах рано сменяется подворным, семейным и частным.

Исследователь общественного строя Дагестана Х.-М.О. Хашаев пишет: «Сельская община отдельно или несколько общин вместе владели выгонами, пастбищными горами, частично сенокосами, лесами, кое-где и оросительными каналами. Де-юре все члены сельских общин имели право пользоваться этой общинной собственностью, но де-факто пользовались ею только те члены общины, которые имели скот. Деревенская беднота, лишенная скота, естественно, не могла пользоваться своим правом выпаса скота на общинных пастбищах, вместе с тем не могла требовать от общества, чтобы оно разрешило им сдавать в аренду ту часть общинной земли, которая приходилась на их долю. Сельская община в целом выступала как юридическое лицо, и только по решению сельского схода общинная земля могла быть сдана в аренду или отчуждена» (*Хашаев*, 1961. С. 154–155).

Внутри сельской общины-джамаата существовала и частная (личная) собственность, земельные участки (*мюльки*), находившиеся в собственности отдельных членов джамаата. Мюльки не подлежали перераспределению, могли быть различной величины, но, как правило, небольшими. Пай (надел), который получал общинник из фонда общинных земель, служил придатком к частной земельной собственности общинника – мюльку. Члены общины, жившие на территории джамаата, могли свои мюльки продавать, передавать по наследству, завещать и др.

К XIX в. члены общины у чеченцев отдельно обрабатывали свои земельные участки – мюльки и надельные земли. Совместная обработка земли всеми членами общины в Чечне не производилась. У чеченцев сохранялась в рассматриваемое время институт взаимопомощи – *белхи*: во время посева, уборки урожая, строительства дома и др.

В Чечне в XIX в. у основной массы свободного горского крестьянства (узденства) существовала частная собственность малых семей на дома, скот, сады, сенокосы, пахотные и даже отдельные лесные участки, малой семье принадлежали и продукты ее труда. Чеченское узденство не было однородным, среди них были и богатые, имевшие значительные земельные участки и табуны скота, были бедняки, не имеющие ни земли, ни скота, живущие заработками от отхожих промыслов, работавшие по найму, а также батраки, не имевшие своей земли и не получавшие наделы от общинных земель.

Горная Чечня имела ограниченные возможности для занятия земледелием, поэтому малоземельные и безземельные крестьяне вынуждены были прибегать к аренде. Эта форма землепользования получила наибольшее распространение во второй половине XIX – начале XX в. Арендовали пахотные земли исключительно на равнине у помещиков, казачьей верхушки, местных феодалов и кулаков. В 1899 г. в «Терских ведомостях» сообщалось, что только одна ст. Щедринская отдавала в аренду чеченцам более 30 тыс. дес. пахотных и пастбищных земель (ТВ. 1899. № 67). Большое количество земель чеченцы арендовали у кумыкских феодалов (*Максимов,* 1893. С. 88). Чеченские поселения возникли также на арендованных землях казаков.

В Чечне после окончания Кавказской войны и раздачи земель частным лицам появилось много крупных землевладельцев. Так, Косум Курумов и Арцу Чермоев имели по 556 дес., Баше Шамурзаев – 1576,5 дес., Белик –

1017 дес. и т. д. (Там же. С. 52). Чеченские владельцы, за редким исключением, сами не занимались хозяйством, а сдавали земли в аренду на половинных началах или за отработки. В первом случае продукты земледелия делились пополам между владельцами земли и арендаторами, а во втором – за арендованный участок земли крестьянин выполнял условленный комплекс сельскохозяйственных работ в хозяйстве владельца земли.

Царская власть ввела к концу XIX в. надельную общинно-передельную систему землепользования для горцев Северного Кавказа. Жители Чечни всячески сопротивлялись навязанной системе земледелия, оттягивали сроки переделов, сажали сады или возводили какие-нибудь сооружения на надельных землях, а потом отказывались включать эти участки в подлежащие переделу земли, сохраняли старые межевые знаки, не забывали границы земельных участков, принадлежавших им до проведения размежевания земель.

Порядок переделов надельных земель в чеченских обществах был почти везде однотипным и неизменным. Аул делился на кварталы, от каждого квартала избирали одного доверенного и трех его помощника. Доверенные общества делили надел на столько пахотных паев – *дакъа*, сколько община имела платежных дымов, а затем приступали к жеребьевке. Все дымохозяева или заменяющие их лица собирались вместе и бросали жребий, каждый вступал в пользование доставшимся ему по жребию паем. К тем паям, где почва была худшего качества, делались прирезки. В некоторых сельских обществах пахотные земли делились по качеству на несколько полос: лучшую, среднюю и худшую. Затем каждая полоса делилась на пахотные пайки по числу дымохозяйств, каждый из которых получал по три разнокачественных участка. В сельских обществах сенокосные угодья чеченцами эксплуатировались общими силами «десяток» или кварталов. Если в сельском обществе кто-то не обрабатывал свой надел, его обязывали сдавать свой пай в аренду, но только однообщинникам (*Вертепов,* 1892. С. 111).

У горных чеченцев в начале XIX в. выгоны в предгорной и нагорной полосе составляли переходную ступень от общинного к подворному землепользованию, являясь общественным достоянием. Выгонные участки обычно не были строго регламентированы, на них пасся скот всех членов сельского общества. В конце XIX в. ввиду малоземелья некоторые общины начали вводить правила для выпасов и устанавливать нормы, выше которых члены общины не имели права пасти скот на общественных выгонах. Так, в ряде сельских общин на дым (хозяйство) была установлена норма: 6 лошадей; не более 10 голов крупного рогатого скота; выпас овец ввиду недостатка земли разрешался только за специальную плату в общую кассу. После уборки урожая пахотные земли и сенокосы большинством обществ обращались в выпасы.

В Чечне основными собственниками земли были царская казна, которая претендовала и на общинные земли; частные владельцы и мусульманская мечеть, которые как бы противостояли основному производителю на этой земле – крестьянству. Частновладельческие земли сосредоточивались в основном на равнине, преимущественно в Надтеречном участке. Царские власти в ходе и по окончании Кавказской войны захватывали огромные участки земли, отдавали их колонистам (казакам), жаловали владельцам из горцев и офицерам, сдавали в аренду сельским обществам и др. Чеченские крестьяне,

как и другие горцы, не понимали и не принимали точки зрения царских властей, которые объявили и остальную землю казенной собственностью. Однако горские крестьяне продолжали распоряжаться землей, особенно в нагорной полосе, как своей собственностью, отчуждали, передавали по наследству, завещали мечетям и др. В частности за счет частных пожертвований и пожертвований верующих мусульман у мусульманских мечетей накопились значительные земельные владения и другое имущество. Все тяготы, связанные с сохранением имущества и ведением хозяйства мечетей, бесплатно и добровольно брали на себя богобоязненные крестьяне.

Образованная наместником Кавказа в 1906 г. комиссия под председательством статского советника Абрамова для «исследования положения землепользования и землевладения населения нагорной полосы Терской области» пришла к выводу, что сами горские крестьяне пытались уйти от обострения земельного вопроса, перейти от подымного землепользования к подушному, возможно, более справедливому на данном этапе развития горского сельского общества. Комиссия отмечала, что в Чечне к началу XX в. «наряду с самовольным захватом земли некоторыми наиболее влиятельными и зажиточными лицами» установился порядок наделения земельными паями, по которому дым, независимо от количества душ в нем, получает одинаковый размер земельного надела. Сельские общества искали выход из этого «ненормального положения», наделяя землей и не отделившихся членов семьи. Так, Алхан-Юртовское сельское общество 1-го участка Грозненского округа приговором от 16 марта 1903 г. постановило: когда многолюдная семья лишается главы, то младшего женатого брата наделять полным паем земли, а остальных женатых братьев – половинными паями, неженатые же братья пользуются землей нераздельно с тем, кто получает полный пай. Хадис-Юртовское сельское общество того же участка приговором от 8 апреля 1905 г. постановило: всем числящимся в одном дыме женатым душам мужского пола отводить половину пая земли (Труды комиссии... 1908. С. 94.)

В 70-е годы XIX в. Н. Дубровин писал: «Все горы, наполняющие Чечню, Ичкерию, Аух, покрыты строевым лиственным лесом, отчего по наружному виду и называются черными, в отличие от снеговых. Между Гойтой и Аргуном стоят две отдельные горы, образующие собою знаменитое в истории Ханкальское ущелье. Горы эти были прежде покрыты густыми лесами – Ермолов их уничтожил и поставил крепость Грозную» (*Дубровин,* 1871. С. 379).

Горцы, спускаясь в предгорные и равнинные районы, покрытые густыми лесными зарослями, расчищали себе места для поселения. Так возникло множество чеченских тайпов, в том числе *беной, бильтой, гендыргеной, дахтой* и др., образующих нередко 10 и более населенных пунктов. В предгорьях и на равнине, где пахотные и покосные земли находились в общинном пользовании, лесные участки для подсеки выделялись только тем семьям, которые остро нуждались в этом, причем делалось это исключительно по решению сельского общества.

Лес в горах и на равнине Чечни с незапамятных времен составлял общественную собственность, каждый член сельского общества с давних времен пользовался лесом по своему усмотрению. «Каждой семье, – отмечалось в конце XIX в., – представлено было отметить участок леса по силам своим и постепенно валить его, чтобы очистить место для пахоты и покосов. Эти

участки по праву первого владения поступали в наследственную собственность…» (*Маркович,* 1891. С. 1033).

Со временем, особенно в ходе военных действий в первой половине XIX в., планомерно были уничтожены огромные массивы леса, и в последующем при расширении сельскохозяйственных угодий в равнинной Чечне была вырублена значительная часть оставшегося леса. Во второй половине XIX в. в нагорной полосе часть, а на равнине практически все имеющие лес сельские общества, ввиду угрозы «окончательного его исчезновения», начали ограничивать пользование и запрещать порубку леса на продажу. В 1891 г. жителям горских обществ, имевшим лесные участки, было предложено соблюдать эти правила. Рубка леса разрешалась только с 1 сентября по 1 апреля, пастьба скота в лесах запрещалась. Из объявленных казенными лесных массивов некоторые участки власти передавали в общее пользование для хозяйственных нужд жителям одного или нескольких аулов. Так, в Чечне аулы Амир-Аджи-юрт, Азамат-юрт, Энгель-юрт, Гудермес, Истису, Ойсунгур, Кошкельды, Герзель-аул получили в совместное пользование участок леса в 2003 дес., из расчета одной десятины на дым. Согласно выработанным правилам, нуждающийся в лесе объявлял о том старшине, который удостоверял это в особом документе. На отведенных обществам лесных участках разрешалось пользование лесом только для собственных нужд, рубка леса для продажи воспрещалась. Безземельные и малоземельные чеченские крестьяне, занимавшиеся традиционно лесными промыслами, за особую плату покупали лесные участки у казачьих станиц или у казны.

До начала XX в. Ставропольско-Терское ведомство государственных имуществ так и не установило определенных правил «о порядке безденежного пользования лесом местным населением», в разных лесничествах практиковались разные условия. При покупке лесных делянок лицами, занимающимися лесным промыслом, срок вывоза этих материалов ограничивался 18 месяцами, а когда билет на вырубку леса выдавался сельскому обществу, срок действия билетов ограничивался 4–6 месяцами.

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Определяя место кустарных промыслов и ремесел в экономической жизни чеченцев, следует отметить, что по свидетельству О.В. Маркграфа, известного дореволюционного исследователя, народы этого края, в том числе и чеченцы, в начале 80-х годов XIX в. не только удовлетворяли свои потребности собственными изделиями, но и продавали эти изделия в значительных количествах (*Маркграф*, 1882. С. 2). На Северном Кавказе наибольшим числом промыслов, по О.В. Маркграфу, занималось коренное население. Для Чечни были характерны все виды ремесла: домашнее, на заказ и на рынок (*Гриценко,* 1963). На Первом съезде деятелей кустарных промыслов Кавказа было отмечено, что кустарные промыслы давали крестьянскому хозяйству от 1/2 до 1/5 общего валового дохода. Более того, они являлись неотъемлемой составной частью народной культуры, отражая тем самым художественные вкусы, особенности быта и верований. Уровень развития промыслов и ремесел во многом определялся наличием сырьевой

базы, потребностями конкретного времени и существованием традиционных навыков и приемов.

Отсутствие фабрично-заводской промышленности и путей сообщения, обилие сырья и недостаток пахотных земель были причинами устойчивости кустарного производства в регионе. Впрочем, об уровне развития ремесла чеченцев в XIX в. у исследователей, посещавших Кавказ, были разные суждения: К. Самойлов отмечал довольно низкий уровень, хотя и ценил достоинство «шашек, выделываемых в ауле Атаги, при крепости Воздвиженской» (*Самойлов*, 1855. С. 47), а С. Иванов, наоборот, восхищался чеченским ремеслом: «Ловкий и хитрый кавказский горец ничем не хуже нашего смышленого мужика; он также хорошо сделает колесо, как и тот; мед и овчины приготовит едва ли не лучше, а кой в чем другом, пожалуй, и далеко оставит русского мужика за собой» (*Иванов*, 1859. С. 17).

Источники подчеркивают, что наиболее высокого уровня развития у чеченцев в прошлом достигла обработка металла, шерсти, кожи, камня, дерева, глины, рога, кости и др. (*Ахмадов*, 1986. С. 47)

Металлообработка

Обработка металлов – наиболее древнее ремесло у чеченцев. Еще во II тыс. до н.э. территория Центрального Кавказа (в том числе и Чечня) являлась одним из крупнейших центров металлопроизводства. Благодаря местной сырьевой базе чеченским ремесленникам были хорошо известны различные металлы: медь (*цIаста*), бронза (*йез*), свинец (*даш*), олово (*гIели*), железо (*эчиг*), сталь (*болат*), золото (*деши*), серебро (*дети*) и др. Мастера хорошо владели технологическими приемами обработки металлов, такими как литье, ковка, сварка, термическая обработка. В частности, у окраин селений Хакмадой и Шарой обнаружены остатки металлоплавильных мастерских.

К середине XIX в. в Чечне было много кузниц (*пхьалгIанаш*), в которых трудились мастера (*пхьераш*) и наблюдалась специализация на кузнецов, оружейников, ювелиров и углежогов. Мастера кузнечного дела изготовляли лемеха пашенных орудий и весь сельхозинструментарий, а также посуду и другие предметы. С появлением же в крае заводских металлических изделий они стали копировать их, приспосабливая к местным вкусам.

Были целые династии потомственных кузнецов, например, в селениях Хакмадой, Верхний Туга, Старые Атаги, Джугурты, Цеча-Ахк, Шуани и др. Существовала отлаженная и развитая практика найма общинного кузнеца сельским обществом. Ему отводили участок земли из общественного надела, предоставляли право выпаса личного скота на общинном выгоне, освобождали от натуральных повинностей, с каждого двора выплачивали по две меры кукурузы или по 50–60 коп. (*Вертепов*, 1898. № 137). Сверх этого заказчик обязан был кормить кузнеца, помогать ему в непосредственной рабочей деятельности (доставлять уголь, раздувать кузнечные меха и др.). Также существовала предельная норма заказов кузнецу от каждого члена общества.

Ювелирное дело

В Чечне успешно трудились ремесленники-ювелиры, которые производили художественные изделия из серебра, золота, бронзы, меди, олова, железа, камней и минералов. В Чечне еще в эпоху средневековья ювелирное дело

было обособившимся производством; к середине XIX в. в нем наметился упадок. К традиционным мужским украшениям, изготовлявшимся чеченскими мастерами, относятся газыри и пояса, которые в свое время имели утилитарное назначение, так как на них носили огниво, трут, мешочек с толокном, и мужские кольца-печатки *мухIар*.

Из женских украшений большое хождение имели пояса (*доьхка*), нагрудники, серьги (*хIазарш*, *чIагарш*), различные броши, приколки, медальоны. Из серебра делали наперстки красивой формы. Мастера владели техникой зерни, чернения, золочения, инкрустации. Были у чеченцев и золотых дел мастера (*дашо пхьераш*), особо уважаемые.

Центрами развитого ювелирного дела в Чечне были селения Макажой, Шарой, Никарой, Дай, Деча-Ахк и другие. Известным ювелиром в Чеберлое был Али, сын Зары (*Зарай Iали*), по имени матери. Его изделия были настолько популярны, что их ласкательно называли *зареш*. О них слагали песни, и каждая девушка мечтала их иметь. Специалисты по золоту и серебру были в Ведено в тайпе Тахиевых, в Урус-Мартане – у Абдуллаевых, в Атагах – у Нинциевых и др. (*Гарсаев*, 2005. С. 101).

Об изделиях из золота и серебра горских ювелиров, в том числе и чеченцев, сказано: «Их оригинальная ручная работа гарантирует им исключительное качество вне всякой конкуренции на рынке; прочность огневой позолоты, кавказская "чернь" и своеобразная узорчатая резьба выделяют их из общей массы однородных изделий» (*Вертепов*, 1897. С. 25).

В 1886 г. в 21 селении Грозненского округа Терской обл. на 17 280 человек мужского пола приходилось 158 ремесленников, из них 11 были серебряниками (Прикладное искусство..., 1984. С. 10).

Оружейное ремесло

Оружие занимало особое место в жизни чеченца. О существовании местного оружейного производства сообщают и русские источники. Например, русский офицер А.М. Буцковский свидетельствовал о производстве среди чеченцев пороха, ружей, об их хорошем качестве: «поселившиеся на землях кумыцких около вершин рек Агташа и Ясурху карабулакские и частию чеченские выходцы… весьма хорошо делают ружья» (*Буцковский*, 1940. С. 243).

В Чечне были селения, в которых основная часть жителей занималась производством оружия (*Исаева*, 1974). Во многих селениях (Сержень-Юрт, Джугурты, Дарго, Шикарой, Цеча-Ахк и др.) производились все основные виды бытовавшего в то время защитного и наступательного оружия, часто очень высоко ценившиеся у соседних народов. По данным наших информантов, холодное оружие высокогорных чеченских обществ Шатой, Шарой, Малхиста, Майста было популярным у грузин Хевсурети и Тушети. Достаточно популярными были шашки и кинжалы чеченских мастеров и у казаков.

Оружейное производство было специализированным: одни мастера занимались изготовлением луков, стрел и самострелов, другие – мечей и сабель, третьи – кольчуг. Вооружение создавалось в условиях напряженной борьбы с достаточно мобильным конным противником, что требовало особого мастерства ремесленников. Г. Властов писал, что «в центре чеченского народа сохранились оружейники, которые по обычаю своих отцов изготавливают

шашки, называемые «*волчками*», с изображением волчка» (*Властов*, 1856). В народе они назывались *терс-маймал* – «*ревущая обезьяна*», – якобы по свисту, издаваемому при взмахе в сражении. *Волчки* и шашки *гурда* ценились очень высоко.

Секреты изготовления оружия тщательно оберегались и передавались по наследству. Известно также, что чеченцы секреты своего мастерства передавали только сыновьям или племянникам, поэтому они оставались их фамильной тайной.

Особенно славились вайнахские оружейники мастерством в изготовлении образцов защитного вооружения (шлемов, кольчуг, панцирей и пр.), качество и прочность которых нередко проверялись непосредственно на мастере. Так, в горной Чечне бытует интересное предание о некогда произошедшей здесь ссоре между маститыми оружейниками: «Бойгуш и еще один мастер из Нашаха поспорили, кто из них изготовляет более прочные кольчуги. Чтобы решить спор, они надели на себя свои изделия и стали осыпать один другого ударами. Победу одержал Бойгуш, который разрубил кольчугу соперника и при этом убил его самого».

Интересно отметить, что в производстве кольчатых доспехов принимали участие и вайнахские девушки. Изготовление одной кольчуги включало ряд сложных операций с мелкими металлическими кольцами в количестве от 20 до 60 тыс. с затратой времени не менее 6 тыс. часов. Эти прекрасные изделия прославляются, в частности, в грузинском фольклоре.

Имелись и ремесленники, изготавливавшие различные виды наступательного оружия, обычно работавшие на заказ. Искусством изготовления сложных луков и самострелов отличались потомственные мастера из чеченских горных обществ Майста, Нашаха, Ялхорой, Никарой. Для изготовления хорошего боевого лука требовалось почти два года. В хорошо налаженном местном производстве существовали и более узкие специализации: небольшое чеченское общество Пхарчхой (Стрельники) занималось в основном изготовлением стрел.

Высоко ценились и у соседних народов Кавказа, и в России качественные чеченские шашки и кинжалы, производимые в селениях Джугурты, Дарго, Старые Атаги, Махкеты, Дошхакле. Например, шашки оружейников из сел. Старые Атаги высоко оценивались в песенном фольклоре терских казаков (*Самойлов*, 1855. С. 47; *Хасиев*, 1983. С. 19). Местные шашки отличались прочностью и гибкостью: их можно было свернуть и уложить в сито. Изготовление лучших клинков требовало до 10 лет.

До нас дошли имена некоторых наиболее искусных чеченских оружейников, изготавливавших сабли, шашки и кинжалы – Махьмад из Джугурты, Мусса из Дарго, Азиз из Шали, Техиг из Старых Атагов, Дудук Ахмадов из Карта, Зокк и Гатт Шанхоевы из Шуани. В общем по Чечне восстановлены имена 171 мастера-оружейника. Недавно стало известно уникальное для Кавказа массивное железное зубило-клеймо XVIII в. из сел. Джугурты, принадлежавшее знаменитому мастеру Махьмаду, которому оно досталось в наследство от предков. Это зубило использовалось только для клеймения наиболее высококачественных образцов клинкового оружия (*Хасиев*, 1983. С. 20).

Арочный камень с петроглифами в с. Химой
Шаройский райои
***Ильясов*, 2004. С. 224**

С появлением в крае огнестрельного оружия постепенно и чеченские оружейники наладили производство «чеченских» образцов – вначале фитильных, а позднее кремневых ружей и пистолетов (в селениях Шикарой, Дарго, Ригаха, Старые Атаги, Махкеты), которые пользовались определенной популярностью в регионе. Народная память сохранила имя известного мастера по огнестрельному оружию из с. Гуни – *ГIирма.*

Местные ремесленники успешно копировали наиболее совершенные восточные образцы огнестрельного оружия. У чеченцев были хорошо налажены изготовление пороха путем добычи в натуральном виде селитры и серы, добыча свинца для пуль (около селений Хакмадой, Бавлой, Гул, Пуй и др.) и производство различных принадлежностей к огнестрельному оружию. Во многих селениях (Чамга, Шикарой, Ушлой, Никарой, Верхний Туга, Верхний Кеж, Мартан-Чу, Хули) имелись именитые оружейники, специализировавшиеся на изготовлении и продаже разносортного пороха.

Обычно за свою продукцию, реализуемую и в соседних районах Северного Кавказа и Грузии, мастера-оружейники брали плату скотом, сельскохозяйственными продуктами, металлами, тканями и одеждой, невольниками, различными видами вооружения. В XVIII в. за чеченскую кольчугу, в зависимости от ее качества, давали от 10 до 50 быков, за шлем или щит – от 3 до 10 быков, за шашку или кинжал – от 5 до 60 быков.

В целом высокое развитие оружейного производства объясняется постоянной реальной внешней угрозой, что привело к складыванию таких крупных центров, как Старые Атаги, Ведено, Дарго, Шатой, Джугурты.

Арка дверного проема Хакмадойского святилища
Шаройский район
***Ильясов*, 2004. С. 67**

Строительное ремесло

Каменное строительное ремесло чеченцев, уходящее своими корнями в эпоху бронзы, представлено в этой местности обильными, разнообразными и разновременными памятниками. Ценный вклад в изучение каменного зодчества чеченцев внес Л. Ильясов (2004).

Огромные циклопические жилища, прочные двухэтажные жилые дома-крепости, стройные 4–5-ярусные полубоевые и 5–6-этажные боевые башни, мощные замковые комплексы, труднодоступные скальные убежища, приземистые сакли, длинные каменные заградительные стены, оригинальные подземные, полуподземные и наземные склепы, мавзолеи, живописные святилища и храмы, а также различные хозяйственные и иные сооружения отличаются надежностью, простотой и изяществом конструктивных деталей. Только боевых башен, достигающих порой 30-метровой высоты, в Чечне и Ингушетии зафиксировано около 400. Каменные строения несли функциональную нагрузку, строго отвечающую их практической востребованности в условиях своеобразного рельефа и исторической обстановки. Особого восхищения заслуживает Великая сигнальная система, включающая множество сигнальных башен и объединяющая в одно целое всю территорию Чечни. Не случайно этот край называли «страной башен», а талантливые чеченские зодчие славились на Центральном Кавказе своим мастерством. У соседних народов считалось престижным приглашать на работу именно чеченских строителей – «искусников камня»: многие долговременные каменные строения, например, в Северной Осетии и горной Грузии, результат их удивитель-

ного творчества. В Чечне были опытные мастера строительного искусства. В частности, Мути из поселка Хачара, который возвел многие жилые и боевые башни в ущельях рек Аргун и Андак (Грузия) (*Чахкиев*, 1987. С. 100). Слава о строителях башен из высокогорного общества Майста распространялась далеко за пределами края (*Хасиев*, 1984. С. 24). Ими воздвигнуто много башен и замковых комплексов в горной Грузии, чеченских селениях Курда, Шунды, Чамча, Гайши и др. Часть майстинских ремесленников специализировалась на возведении боевых башен с пирамидальной крышей, а другая, большая, строила плоскокровельные башни. В Майста проживали зодчие Эта, Гаспар, Чочкар, Азшер и Багат из поселка Туга. Археолог Д.Ю. Чахкиев отмечает, что согласно преданиям последние жилые башенные комплексы были сооружены зодчим по имени Чочкар в начале XX в. (*Чахкиев*, 1987. С. 101).

Участие в возведении постройки принимали и члены семьи заказчика, их ближайшие родственники и друзья. Но обычно работали отец и его старший сын, который проходил обучение и перенимал опыт ремесла. Согласно обычаю, при строительстве башни наиболее массивные угловые камни, оцениваемые каждый «в одного быка», должны были приносить племянники хозяина, а арочные камни дверных и оконных проемов дарили зятья. Очень ценилась известь.

В чеченском обществе строителю отводили особо значимую роль. Так, убийство его считалось тягчайшим преступлением против всего общества, а хозяин-заказчик нес полную ответственность за жизнь и здоровье зодчего.

Не имевшие собственной башни или склепа считались неполноценными членами общества, с которыми обращались как с низшими слоями, опасались родниться с ними и вести какие-либо дела. О таких людях с насмешкой и презрением говорили: «У них нет ни башни, ни склепа!» (*Виноградов, Байбик*, 1972. С. 38).

Известно, что для обработки камня применяли прочные металлические тесла и резцы. Мастера хорошо знали технику рычага. Крупные каменные блоки поднимались посредством различных приспособлений.

Согласно преданиям, строитель на протяжении семи лет нес полную ответственность за качество проделанной работы. Если выявлялись дефекты, то мастер подвергался публичному позору. Он полностью возвращал заказчику плату, полученную за строительство башни, а в дальнейшем с ним опасались заключать какие-либо договора.

Только наиболее искусные зодчие имели почетное право оставлять оттиск своей руки на стенах завершенных сооружений. Признанные мастера вскоре становились богатыми и знатными, с ними старались породниться, даже если они происходили из «худородных» фамилий или же были чужеземцами. За возведение в течение года боевой башни мастер-строитель получал 50–80 коров или до 800 овец и еще подарок – лошадь или быка. За строительство жилой башни платили 10–25 коров. Иногда за работу расплачивались землей, высококачественным оружием, рабами-пленниками, металлом, одеждой и т.п.

В позднесредневековый период среди чеченских зодчих наметилась специализация по виду строений (боевые, жилые и т.д.), а из ремесленников выделились камнерезчики и камнетесы. Были и искусные универсалы, которым доверяли возведение культовой святыни – храма или святилища. Причем

за ее строительство зодчему плата не полагалась, но эта работа приносила ему еще большую известность и надежду на покровительство святыни. В возведении культовой постройки принимало активное участие все взрослое мужское население (*Чахкиев*, 1987. С. 107).

Каменное ремесло включало ряд обязательных правил, к примеру, мастер не имел права сам добывать камень и был обязан нанимать людей со стороны; в противном случае общество лишало его возможности в течение двух сезонов работать самостоятельно. Добыча камня осуществлялась группой из 5–9 человек в карьерах на склонах гор или на плоскости. Карьеры, расположенные около селений, принадлежали сельским общинам, которые и решали вопросы об объемах добычи камня, его продаже, найме работников. Обычно мастера сами оговаривали условия заготовок, а первая заготовка не оплачивалась и была пробной.

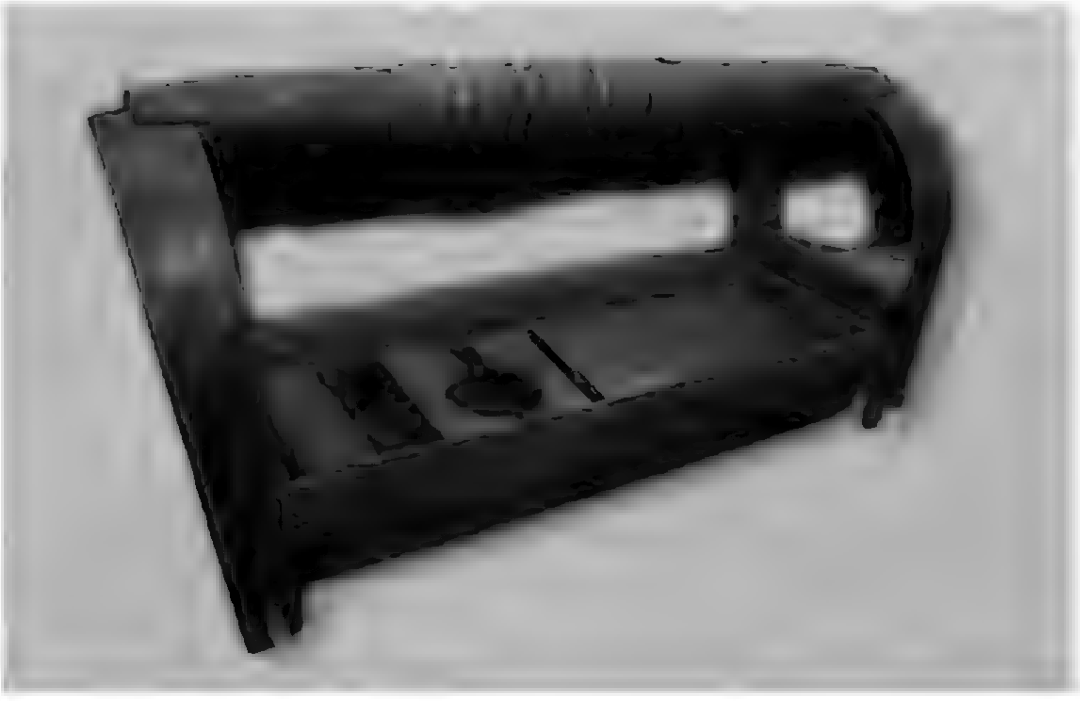
В горных районах Чечни сохранились каменные подземные и полуподземные строения для скота; некоторые из них и в настоящее время используются по назначению. Особое внимание привлекают овчарни относящиеся к арочному типу (*нартол жоьла*). Эти строения отличаются плавно отходящими от столбов сводами – *коррош*, напоминающими винтообразные бараньи рога, которые в итоге соединяются, образуя *нарто*, т.е. арочный свод. Арочные полуподземные каменные овчарни, как и наземные, имеют местное происхождение и удачно вписываются в здешний ландшафт, а функциональное назначение вполне соответствует их востребованности в крае с его высоким уровнем развития животноводства. Ученые сходятся во мнении, что все строительные сооружения – жилые и боевые башни, а также склепы и святилища являются образцами местного строительства (*Ахмадов*, 2002. С. 139).

Камнерезчики изготовляли также надмогильные стелы – *чурты*, на которых искусно высекались различные орнаменты и узоры, изображения предметов мужской и женской одежды, украшений, оружия, орудий труда и т.п. Многие *чурты* являются замечательными образцами декоративно-прикладного искусства.

Деревообработка

Искусство обработки дерева у чеченцев имеет давние традиции, которые складывались на территории с богатой сырьевой базой. Дерево издревле играло важную роль в изготовлении различных хозяйственных орудий и бытовой утвари, построек и средств передвижения, орудий шерстеобработки и ткацкого производства и т.д. Деревообрабатывающим ремеслом занимались только мужчины. Уже в период средневековья данное ремесло у чеченцев было специализированным и наиболее интенсивно и плодотворно развивалось в лесной полосе Чечни, а также в Майстинском и Малхистинском горных обществах (*Даутова*, 1983).

Чеченские мастера по дереву (*дечиган пхьераш*) хорошо знали технологические свойства древесных пород и подразделяли их на «строевые», «мебельные», «оружейные», «музыкальные», «посудные». Имелся обширный набор инструментов для разных видов работ по дереву, включая и крючковидные резцы для обработки внутренних поверхностей деревянной посуды. Например, для вырезки деревянных ложек, тарелок, чашек существовал специальный скребок *гам* (*Хасбулатов*, 1991. С. 62). Важным



Деревянная колыбель (*аға*). Начало XX в.
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Топор для рубки деревьев *диг*. Начало XX в.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

достижением в деревообработке было появление и быстрое распространение по территории края в средневековый период разных видов токарных станков (*чарх*). Это внесло большие изменения в местный быт и убранство чеченского дома: появилась красивая мебель и посуда, нередко украшенные резным орнаментом.

В доме чеченца почти вся домашняя утварь и обстановка были деревянными – кровати, столы, корыта, люльки, блюда и др. Широкое распространение имел большой деревянный поднос с высокими краями (*тиекх*), который служил для замеса теста. Из дерева делали и детские игрушки, а также музыкальные инструменты (*дечиг пондар, зурма, вота, жиргIа*). Деревянные изделия чеченских умельцев высоко ценились у соседних народов и успешно продавались или обменивались на иную продукцию. По письменным источникам, в конце XIX в. жители Аргунского и Веденского округов вывозили для продажи разнообразные изделия из дерева: молотильные доски, арбы, колеса, мельничные желоба, бочки, ободья, оглобли, оси, спицы, столы, блюда, чашки, ложки, резные сундуки, люльки, стулья и др.

Гончарное ремесло

Изготовлению керамических изделий в Чечне способствовали богатые залежи глины разного цвета и качества, к примеру, близ селений Ялхой-мохк, Майртуп, Сержень-Юрт, Харачой, Шали, Галанчож. Чеченское название керамики (*кхийра*) имеет нахскую этимологию, связанную с древним названием общинного очага (*кхие*). По преданию, вокруг такого очага обжигалась сырая земля, приобретая охристо-красную окраску, и окаменевшая глина с золотистым оттенком производила особое впечатление на обитателей общины. Кусками ее снимали с очага и использовали в разных целях, даже магических. Называли такой камень – *кхийра*, т.е. взятый из очага, огня. Такое понятие, как *тIулган кхийра*, т.е. каменная керамика, чисто технологическое, указывающее на высокое содержание в черепке истолченного камня – дресвы.

В местах производства гончарных изделий были участки земли, облюбованные гончарами, откуда на транспорте или в мешках приносили глину. Когда производство приобрело рыночный характер, посуда была как лепной, так и изготовленной на гончарном круге, разных форм и объемов: кувшины, горшки, чашки, кружки, крупные хумы для хранения зерна и жидкости, трубы для водопроводов, пряслица, фигурки животных и т.д.

Гончары, работавшие на заказ, издавна владели достаточно совершенной технологией обжига (черного, серого, коричневого и красного цветов), который производился в специальных керамических обжигательных горнах или печах. Посуду украшали орнаментом, который представлен в виде углублений, кривых и волнистых линий, насечек и лепного орнамента. Некоторые сосуды имели зооморфные ручки и были покрыты поливой. Поливные сосуды пользовались широким спросом вплоть до начала XX в.

В XVI–XVIII вв. гончарное ремесло особенно активно развивается в плоскостных районах, а в горах керамические изделия постепенно вытесняются деревянными. Во второй половине XIX в. с довольно широким и массовым поступлением на местные рынки привозной фабричной посуды (в том числе стеклянной и фаянсовой) гончарное ремесло постепенно приходит в упадок.

За один сезон работы (6–8 месяцев) в среднем гончарным производством зарабатывали на одного работающего 150–165 руб. По данным О.В. Маркграфа, мастер Хизроев из с. Шали-Юрт, который стабильно занимался гончарным промыслом, имел постоянный доход от него 120 руб. (*Маркграф*, 1882. С. 415).

Следует отметить, что в 80–90-х годах XIX в. было реконструировано производство керамической посуды с традиционным чеченским орнаментом. Гончарное производство в основном развивалось в плоскостных селениях: Шали, Старый-Юрт (Толстой-Юрт), Ножай-Юрт, Ташкичу и др. Глиняная посуда чеченских мастеров из-за ее хорошего качества и изящества покупалась на базарах и ярмарках как горскими крестьянами, так и русским (казачьим) населением.

Обработка шерсти

Развитое овцеводство служило богатой сырьевой базой для шерстяного промысла, который, судя по терминологической базе, обслуживающей промысел, орудиям труда и накопленному эмпирическому опыту, является очень древним. Шерстяной промысел активно развивался и к середине XIX в. достиг расцвета. Промысел включает в себя несколько видов работ (обработка шерсти, плетение, валяльное производство, ткачество и т.д), и каждый из них имеет свой подвид. К примеру, ткацкое ремесло подразделяется на тканье тесьмы, паласов, сукна, безворсовых ковровых изделий; валяльное включает изготовление войлоков различного назначения (постельных, ковровых), бурок, шляп и др.

Стрижку овец проводили осенью и весной. Лучшей считалась шерсть осенней стрижки – *тха*. В шерстеобработке насчитывается от 7 до 12 процессов, в зависимости от того, для какого изделия подготавливают шерсть. Все процессы обозначены терминами с нахской этимологией: *къаж дар* (щипание), *алхар* (чесание), *Іад тохар* (взбивание лучком) и т.д. На чесалке примитивной формы (*ехк*) со стальными шильями, хорошо известной на Кавказе, мастерицы могли проводить операцию *хуор дар* – смешивание шерсти разных цветов и сортов для получения нового качества или цвета.

Ткачество

Многочисленные находки пряслиц, начиная с древних времен, из различных материалов и многообразных форм на территории Чечни свидетельствуют о высоком развитии здесь прядения и ткачества.

Суконный промысел в дореволюционное время по качеству продукции занимал четвертое место после дагестанского, осетинского и кабардинского и стоял выше, чем у кочевников и русских переселенцев. На местном рынке очень ценилось «чеченское сукно», которое изготовлялось в Грозненском, Веденском, Хасав-Юртовском округах вплоть до начала XX в. По подсчетам О.В. Маркграфа на продажу здесь производилось 2000 кусков сукна в год на сумму 8000 рублей (*Маркграф*, 1882. С. 78). Из «казачьго сукна», которое было грубее первого, шили рабочую одежду (*Хасбулатов*, 1991. С. 39). Горское население этих мест само производило сукно для собственного потребления (*Маркграф*, 1882. С. 60, 67, 103). Из тонкого сукна женщины шили знаменитые кавказские черкески. Название домашнего сукна – *маша*

Чеченка за горизонтальным ткацким станком. 1907 г.
РЭМ 1235-3

(паутина), а более древнее – *яI-mIapгIa* (пряжа-шерсть), зафиксировано в селениях обществ Итум-Кала и Галанчож.

Сукно ткали естественных тонов – общепринятое правило в этом промысле, но большим спросом пользовалось серое сукно, так как преобладало в горском костюме из-за предпочтения к этому цвету.

Один товарный кусок сукна, поставляемый на общий рынок, представлял собой 16 аршин при ширине 10 вершков. Но на внутренних рынках местного значения прослеживается другая ситуация: стандартные размеры кусков, обычно устанавливаемые с расчетом на мужскую черкеску и женское платье, были разные при одинаковой ширине. В обществах Чаберлоя и Ведено – 16 аршин, Шароевском – 16–17, в селениях Итум-Кала, Хилдехарой, ТIерла, БIавла – 18 аршин. Различия стандартных размеров были продиктованы разницей в росте и ширине плеч жителей этих обществ.

Во второй половине XIX в. среди чеченских мастериц наблюдается специализация на ткачих и швей, последние закупали готовое сукно и реализовывали на близлежащих рынках сшитые из него готовые изделия – черкески, башлыки, ноговицы.

Расцвет домашнего суконного производства приходится на середину XIX в., а со второй половины начинается его спад, хотя оно сохранялось в быту вплоть до 1920-х годов. Интересно отметить, что домашнее сукно было вытеснено прежде всего из женского костюма, затем – из одежды мужчин, а потом – и из постельных принадлежностей. Наконец, из него стали шить только рабочую одежду, накидки для пастухов и мешки.

Ножницы (обычные и для стрижки овец). Начало XX в.
НМЧР
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Дольше всего домашнее сукно употреблялось для шитья башлыков. Ни одна фабричная ткань не подходила так удачно для повседневного башлыка, как сукно *маша*. Когда его надевали поверх шапки в непогоду, влага стекала по ворсинкам на бурку. Поэтому горцы надолго сохранили симпатии к башлыку из кустарной ткани, отдавая должное его практичности.

Чеченцы ткали также паласные ткани (для постельных принадлежностей), ремни разного назначения – *кIудала бухку* (для кувшина-водоноса) и *мехьа бухка* (для перевоза грузов), ковровые полотна, иначе именуемые безворсовыми коврами (для украшения стен). Из паласной ткани делали переметные сумы, а ремни сшивали в мешочки.

Сукно и паласные ткани ткали в каждой крестьянской семье. Чеченцы, как и другие народы Кавказа, ткали на станах архаической формы. Универсальный ткацкий стан был горизонтальным и состоял из 16 основных и вспомогательных предметов, соединяемых между собой во время установки пряжи. Все детали стана и вспомогательные орудия обозначены терминами с ярко выраженной нахской этимологией. Например, *толлу* – для переплетения нитей основы. Деталь *диест* служила для образования зева, что и отразилось в ее названии. Орудие *карс* (кривой рог) служило для разрядки нитей, гребень-*ехк* – для уплотнения нитей и т.д.

Вертикальный ткацкий стан представляет собой массивную раму прямоугольной формы. Его боковые брусья назывались *дохьарш*, а те, что составляли нижнее и верхнее основания – *гIораш*. Вертикальный ткацкий стан мог эксплуатироваться и как горизонтальный; он имел и уменьшенные варианты. Но станы этого вида непрактичны для тканья сукна, скажем, 16–18 аршин, длинных ремней и т.д. Их редко заряжали для тканья широкого коврового полотна. Универсальный ткацкий стан был практичен и долгое время очень

популярен, поскольку на нем можно было производить все виды тканых изделий. Вертикальные станы в раме стали популярными после падения суконного промысла и дольше сохранялись в быту.

Если говорить о технике ткачества, то здесь заложен универсальный принцип: идет пересечение раздвоенных нитей основы и прокладывается уток. Что касается способов реализации этого принципа на ткацком стане, то их конструкции несколько отличаются, хотя, по мнению С.Ш. Гаджиевой, все кавказские ткацкие станы имеют сходства и напоминают друг друга.

Войлочные изделия

В Чечне не было ни одного села, где женщины не занимались бы изготовлением войлока. Войлоки подразделялись на ходовые естественных тонов и крашеные (в их числе – однотонные; с бахромой; декоративные). Характерные для них размеры колебались от 0,7×1,5 до 2×3 м. Когда это производство приобрело широкий товарный характер, популярными стали войлоки размером 1,5×2 м.

Качество войлока определялось качеством сырья и тщательностью его обработки, гладкой поверхностью, художественным достоинством и отделочными работами.

Изготовление полстяно-ковровых изделий является трудоемким производством, а один из его процессов – уваливание – даже изнурительным. Тем не менее этим занимались исключительно женщины. Термины, обозначавшие этапы изготовления войлоков – *диллар* (укладка), *датор* (уваливание), *дерзор* (заключение), *дастар* (развязка).

Войлоки естественных тонов служили для покрытия полов и в качестве постельных принадлежностей. При желании их красили как в яркие, так и приглушенные тона. Ко второй половине XIX в. в Чечне оформились центры производства крашеных войлоков, особенно в предгорных районах. В селах функционировали специальные красильные мастерские.

Подобных войлоков в Терской обл. производилось на 800 тыс. руб. в год, для чего перерабатывалось 47 тыс. пудов шерсти, тогда как в Дагестане войлоков производилось на сумму 275 тыс. руб.; на Кубани – 52 тыс. руб. Войлоки, предназначенные для окрашивания, изготавливали из белой шерсти, причем нигде в Чечне не зафиксировано окрашивание шерсти, окрашивалось только готовое изделие.

Важное значение имело в жизни горцев изготовление мелких войлочных изделий, широко востребованных в быту: шляпы, чувяки, сапожки, ноговицы, потники под седло лошади, подкладки под кувшин-водонос, футляры для ружей и холодного оружия и т. д. По подсчетам О.В. Маркграфа, их ежегодно производилось на сумму 51 тыс. руб. Изготавливали их как из отходов войлочного и бурочного производств, так и специально. К последним относились прежде всего шляпы – *лаба* или *мангал куй* (для косарей), производство которых получило широкое распространение в Притеречных районах и оформилось в ремесло.

Известно множество разновидностей подкладок под кувшин-водонос: простые, однотонные, разноцветные, украшенные тесьмой или шнуром, а также с аппликацией и контуром тесьмы, которые входили

наряду с коврами в приданое невесты. Их производство активизировалось с начала производства декоративных войлочных ковров. Изготовление мелких войлочных изделий было продиктовано повседневными бытовыми нуждами семьи, поэтому оно дольше сохранило черты домашнего производства.

Бурочное производство

Жизнь кавказских горцев в своеобразных географических и исторических условиях выработала такой специфический тип одежды, как бурка. Она была настолько популярна на Кавказе, что иные народы не представляли себе кавказца без этой характерной одежды. Универсальность бурки, ее вид, необычный способ изготовления – все это привлекало внимание писателей, поэтов, художников, а также исследователей кустарных промыслов. Чечня была одним из главных центров Северного Кавказа по производству и продаже высококачественных бурок, отличавшихся тонкостью, легкостью и надежностью. Чаберлоевские бурки находили широкий спрос даже в Грузии и Дагестане, где имелось собственное их производство. Славой пользовались добротные изделия из Старого Юрта, Белгатоя и других селений. Изготовление бурок было трудоемкой работой, которой занимались только женщины. Производство бурки включало ряд сложных операций, она выделывалась от 8 дней до одного месяца, в зависимости от вида бурки – пастушеская, ходовая, праздничная, подарочная, оцениваемая на рынке от 3 до 50 рублей. В работе участвовало от четырех до десяти работниц, при этом, если изделие не было предназначено для продажи, прибегали к традиционным формам взаимопомощи. Семьи, занимающиеся этим промыслом, за год делали от 15 до 25 бурок. Доход такой семьи равнялся в среднем 67 руб. в год (*Маркграф*, 1882. С. 31, 32).

Бурка (*верта*). 1920-е годы
Советский район, с. Асланбек-Шерипово (Мусолтаул)
РЭМ 9988-66

Бурки изготовляли из черной шерсти, реже – из белой. Окрашенные бурки ценились ниже. Бурка, по сведениям наших информантов, считалась хорошей, если она могла стоять без опоры и поддержки.

Наиболее благоприятные условия для развития этого ремесла имелись

в плоскостной Чечне, так как здесь располагались горячие щелочные источники, что значительно облегчало мытье и окраску шерсти. Немаловажен был также тот факт, что здесь же находились рынки сбыта готовой продукции. Шерсть для выделывания бурок поступала в основном из горных районов Чечни и Ингушетии. В конце XIX в. только в Большой Чечне этим ремеслом занималось около 500 семей и ежегодно производилось более 7 тыс. качественных бурок общей стоимостью 73 300 руб. (*Максимов*, 1893. С. 90). Средняя распространенность бурочного промысла в Чечне составляла 3 двора на 100, а в Старом-Юрте (ныне Толстой-Юрт) эта цифра доходила до 25 (*Маркграф*, 1882. С. 31–32). В конце XIX в. отмечалось, что «производство бурок не есть уже исключительное достояние Старого Юрта и андийцев, а стало общим делом всего населения…» (РГВИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 3. Л. 368).

Ковроделие

Мастерицы умело изготовляли в прошлом многие виды тонких войлочных ковров (*истангаш*), изобилие которых на стенах и полах – отличительная черта внутреннего убранства жилищ чеченцев и других народов Северного Кавказа. Эти ковры могли быть разноцветными и однотонными, с бахромой или с многоцветным орнаментом. Богатая палитра цветов свидетельствовала о высоком развитии красильного искусства.

Мотивами узоров служили символические изображения солнца, звезд, полумесяца, а также растительный и зооморфный орнаменты, гармонично составляющие целостный художественный образ. В этих орнаментальных узорах ковров воплощалась мечта чеченцев о мире и счастье. Войлочные ковры *къорза истанг* и сегодня удивляют нас своим художественным вкусом. Их изготовлением занимались исключительно женщины.

Особенно хорошо было поставлено производство декоративных войлоков (*къорза истанг*), выполненных методом аппликации. Шов при этом тщательно обрабатывался шнуром и тесьмой. Форма ковров – прямоугольная, размеры разные. По краю ковра часто идет один, а иногда и два широких бордюра в виде сплошной полосы по вертикали и горизонтали.

С начала XX в., в связи с ростом торговых отношений, увеличивается число тех, которые работали исключительно на рынок. Так, известная мастерица из Центороя Айшат Эльмурзаева за месяц изготавливала пять пятицветных декоративных ковриков-намазлыков.

Изготовление ковра требовало художественного вкуса. Заготавливали несколько войлоков и красили в разные тона, от двух до пяти. Главным художественным достоинством ковра была умело подобранная вязь элементов орнамента. Многое зависело и от творческого воображения мастерицы. С наиболее удачных вариантов снимали выкройки (*бустам*) и хранили в семье, передавая из поколения в поколение. В них обычно присутствовали любимые мотивы орнамента. Например, мастерица из ДжагIулды Хурзадай Кубиева предпочтение отдавала мотиву «крылья», которым изобиловали ее ковры. Лекало можно было купить на рынке и обменять на другой товар.

Декоративный войлочный ковер пяти тонов размером 1,5×2 м на рынке оценивался в стоимость одной средней коровы и свободно на нее обмени-

вался. За исполнение заказа из покрашенных войлочных полотен заказчика мастерице давали одну овцу.

Инструментарий мастерицы включал в себя лишь шарнирные ножницы, но чаще – ножницы для стрижки овец. Центрами производства художественных ковров в Чечне были селения Шали, Центорой, Дуба-Юрт, Чишки, Элистанжи, Ачхой, Ведено, Старый-Юрт, Шатой. В указанных центрах также наметились специализации по уваливанию, крашению, раскрою и изготовлению тесьмы. Одноцветные *истанги* производили в обществах Шарой, Чаберлой, Итум-Кали. Однако декоративные ковры на базарах в селениях Шарой, Макажой (Чаберлой), Итум-Кали были востребованным товаром, поставляемым из предгорных и равнинных селений Чечни.

Плетение

Одной из самых древнейших техник является плетение. В Чечне изготовливали кнут из кожи, а также плетенки, циновки, корзины, сапетки и др.

Широко практиковалось в быту производство плетеных нитей, шнуров и веревок из сырья растительного (*шуончарг*) и животного (*пханчарг*) происхождения; среди них шнуры типа *чинчургIа*, универсальные по назначению, в том числе и комбинированные (*хатт дар*) из разных видов нитей и волокон. Тесьмой *инзаш* украшали женскую одежду, бурки, башлыки, черкески, газырницы, конские потники; из тонкой ее разновидности делали своеобразные пуговички и застежки для одежды – (*вета-хета*). Тесьмой (*тIийриг*) перекрывали шов при художественной доработке изделий методом аппликации, особенно в декоративных войлочных коврах. Тесьма подчеркивала и завершала линию, придавала изделию определенность, нарядность и строгость, что было характерно для декоративно-прикладного искусства чеченцев. Для украшения особо нарядных изделий изготавливали шелковую тесьму, как плоскую, так и круглую, которая отличалась от других видов своей декоративностью, так как в технике плетения дополнительно использовали две параллельно натянутые нити.

Золотошвейное искусство

Это было редким увлечением молодых женщин, преимущественно из зажиточных семей. Известно, что жена героя Кавказской войны Ахмада Автуринского – Ача – славилась как златошвея. О давних традициях этого искусства свидетельствуют материалы, извлеченные из средневековых погребальных памятников, которые дают выразительные образцы золотого шитья у чеченцев в указанный период (*Абдулвахабова*, 2009. С. 228).

Кожевенный промысел

Древнейшим занятием чеченцев была выделка овчины и обработка кожи при помощи специальной кожемялки. Из овчины шили тулупы, шубы, папахи и иные мужские головные уборы, ноговицы и пр. В целом все виды работ, связанные с изготовлением одежды из овчины, считались обязанностью женщин. Однако, если мужчина, перешагнув рубеж молодого возраста, брался за пошив головных уборов, это приветствовалось,поскольку у кавказцев, в том числе и чеченцев, особое отношение к этому элементу одежды. Обработка овчины и кожи, являвшаяся более тяжелым занятием, выполнялись исклю-

чительно мужчинами. Из кожи изготовляли разнообразные виды обуви, ремней, поясов, частей вооружения (колчаны, налучья, пращи и т.д.), конскую сбрую, походные вещевые мешки и др. Имелись и искусные мастера по выделке разноцветного (черного, красного, зеленого и синего) сафьяна. На это шли в основном козьи шкурки, но изредка – и телячьи. Сафьян использовали для изготовления наиболее дорогих изделий (праздничной обуви, чехлов для пистолетов, кисетов и т.д.).

Шкуры использовали для изготовления теплой верхней одежды, принадлежностей седел, ножен для холодного оружия, обуви и т.д. Чеченцы до сегодняшнего дня прекрасно обрабатывают шкуры вплоть до дубления. Особое развитие получило шорное производство, выделка ремней различного назначения была делом каждого чеченца, хотя и имелись специалисты. Несмотря на незамысловатость техники обработки кожи изделия отличались высоким качеством и использовались даже в центральных районах России. Кожевенный промысел Чечни в основном удовлетворял местные потребности.

Портняжное ремесло

Чеченцы издревле, как подчеркивают имеющиеся письменные источники, являлись одновременно «портными, ткачами, швеями, тесемщицами». Они же искусно украшали одежду галунами, богатой вышивкой. В последнем случае нередко использовали золотые и серебряные нити, которыми изящно обрабатывали костюмы, шапочки, пояса, тесемки, шнуры и предметы домашнего обихода. Мотивами для рисунка чаще всего служили оленьи рога, круги с орнаментом, символическое изображение солнца, звезд и т.д.

О значительной степени развития портняжного ремесла у местного населения убедительно свидетельствует весьма обильная коллекция различных (часто уникальных) образцов одежды и предметов портняжного инструментария (ножницы, ножи, иглы, наконечники для раскройки, булавки, игольницы и т.п.).

Шелкоткачество

Чеченцам были хорошо известны как производство шелка, так и его обработка. Хотя во второй половине XIX в. имелись достаточно благоприятные климатические и почвенные условия для шелководства, в Чечне оно несколько сократилось. Е. Максимов объяснял такое положение дел тем, что «болезнь шелковичных червей, а равно и отсутствие хорошей грены и рассадников, погубили здесь это дело», тем не менее, пишет автор, и теперь в каждом ауле «найдется несколько женщин… искусных в изготовлении различных шелковых изделий» (*Максимов*, 1893. С. 91). Так, в равниной Чечне в конце XIX в. производилось более 800 пудов шелка-сырца (*Гаджиева*, 1961. С. 79). Из него традиционно изготовлялись праздничная и наиболее дорогая одежда, тесьма, галуны, шнурки, пояса и др. На рынки Грозного, Хасав-Юрта и других торговых центров края чаще поступал шелк-сырец, который удовлетворял главным образом местные потребности.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Охота и рыболовство были традиционными занятиями чеченцев. Охотничье искусство издревле высоко ценилось. В Чечне в изобилии водились дикие животные и птицы – олени, туры, серны, косули, медведи, кабаны, рыси, утки, тетерева и др. В представлении народа каждый горец должен был быть умелым и опытным охотником: во время охоты он проявлял такие качества, ценившиеся в мужчине, как выносливость, наблюдательность, воля, отвага, знание местности и умение ориентироваться на ней, искусство владения оружием. В прошлом жилище обычно украшалось шкурами животных, рогами туров, серн, оленей и прочими трофеями. Продукты охоты и рыболовства в ранние периоды имели большое хозяйственное значение. Мясо дичи употребляли в пищу, сало и жир использовали в качестве лечебных средств в народной медицине; шкуры служили одеждой, постелью, материалом для изготовления жилищ типа «утепленный шалаш», различных предметов домашнего обихода; рога и кости шли на изготовление орудий труда и оружия (наконечники стрел, луки, ножи, копьеметалки), предметов быта, туалета и украшений (гребни, иглы, пуговицы, булавки, обкладки ножей и др.). Также из костей животных и рыб изготавливали различные амулеты и талисманы, а также предметы обмена и торговли. Перья хищных птиц (орла, коршуна, грифа и др.) использовали как оперение для стрел.

Множество свидетельств о занятиях охотой сохранилось в фольклоре. Таковы предания о Соска-Селса, об охотнике Ахмеде, который «охотой кормил 300 человек» (*Далгат*, 1972; Сказки, сказания и предания.., 1986). Популярность охоты у чеченцев подтверждается также многочисленными археологическими находками (в частности частая фиксация здесь обильных костных останков, находки бронзовых и глиняных фигурок диких животных, изображения последних на пряжках, подвесках, рукоятках ножей, ножнах мечей, лезвиях топоров, керамических изделиях), петроглифами с изображениями охоты на стенах средневековых башен, склепов, поздних мечетей (в селениях Макажой, Муцарой, Шикарой, Шарой, Эхикал и др.), а также прочими источниками (*Крупнов*, 1960; *Мужухоев*, 1989).

При раскопках поселений было выявлено, что наибольшее количество костей принадлежало овцам, затем крупному рогатому скоту, свиньям, лошадям. Существенный процент мелкого рогатого скота (до 40% в Сержень-Юрте и свыше 50% в других памятниках) подтверждает овцеводческий характер хозяйства. Охота не играла уже столь важную роль в жизни чеченцев, как в более ранние периоды, хотя раскопки Сержень-Юртовского, Алхастинского и других поселений указывают, что охота здесь еще процветала (Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР, 1967. С. 18).

В годы, когда были неурожаи или сухое (без дождей) лето, во времена особо суровых зим, когда животные из-за обильного снега были лишены привычного для них корма, население приходило на помощь животным. На краю лесов и лесополос ставили кормушки с сеном, соломой; вывешивали кормушки и для птиц – чуть ли не от каждой семьи селения. Словесно озвучивали эти моменты: «Когда вы голодаете – нам стыдно перед Дели быть сытыми»; «Не может быть беды соседней»; «Тхан доьзална, тхан ялтийнаре-

нашна тера сагIа хийла хIара рицкъа – За наши семьи, поля, наших детей да будет это все!».

На дичь, особенно крупную, охотились не только для добычи мяса, кожи и меха. На территории Чечни было хорошо развито косторезное дело: раскопки дали богатую серию разнообразных поделок из рогов и костей диких и домашних животных (оленей, быков, коз, кабанов и др.); что все потребности горцев того времени в рукоятках, шильях, деталях конской упряжи и т.п. удовлетворялись собственными мастерами (Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР, 1967. С. 18).

Охота была мужским занятием и имела, особенно в ранние периоды, коллективный характер. Для охоты по традиции использовались в основном разновидности лука и арбалета для метания стрел и камней, капканы, петли, искусственные и естественные загоны, а с XVI в. и огнестрельное оружие. В охоте часто принимали активное участие и специально обученные собаки. Охотились как в одиночку, так и группами (в последнем случае добычу делили между всеми участниками охоты).

Весь животный и растительный мир в прошлом воспринимался как единый организм – живой, чувствительный, соседство с которым ко многому обязывает человека. Истребление или неправильное отношение к этому миру, верили предки чеченцев, повлечет мор и болезни среди людей – как наказание Великого Дели за обиженный «безголосый мир». Поэтому существовали определенные запреты, которые отслеживались опытными охотниками и рыбаками «со стажем»: нельзя было охотиться на животных во время их случки и ловить рыбу, когда она шла на нерест или метала икру, и т.д.

Подготовка к охоте у чеченцев в прошлом сочетала целый ряд практических действий (приведение в должный порядок специальной одежды и оружия, подготовка пищи, необходимого снаряжения, физические упражнения и тренировки, выбор местности, разработка плана деятельности) и магических приемов (совершение магических обрядов над оружием и снаряжением, соблюдение различных запретов, имитирование охоты и пр.) (*Чурсин*, 1929. С. 17–20).

Многие поверья чеченцев не отличаются от тех, которые были характерны для других народов Кавказа. Так, повсеместно считалось, что оружие – мужской атрибут и обращаться с ним имели право только мужчины. Этот запрет, можно сказать, бытует у чеченцев почти до настоящего времени.

Происхождение различных обрядов и правил охоты у чеченцев объясняется прежде всего тем, что успех охоты во многом зависел от обстоятельств, не находящихся во власти человека. Поэтому и возникали представления о неких таинственных силах, богах или духах, якобы распоряжающихся дичью, о необходимости постоянно угождать им. По сведениям информантов, к охоте заранее готовились, не разглашая этого. Особенно избегали встреч с женщинами, не подходили к жене, роженице. Многие информанты объясняли подобные запреты тем, что у зверей особый нюх, они могут учуять охотника, а он (охотник), не соблюдая принятых правил, может ослабнуть. Избегали также встреч с человеком, который мог сглазить (*беркат доцу стаг, бIаьрг хуьлу стаг*).

Охота, таким образом, требовала от охотника соблюдения известных правил поведения и выполнения установленных обрядов, чтобы задобрить,

снискать милость и расположение бога зверей и покровителя охоты или, в крайнем случае, не прогневать его. Так, по бытовавшему представлению, удача на охоте полностью зависела от милости и расположения Елта – одноглазого бога охоты (*Далгат*, 1972; Сказки, сказания и предания.., 1986). Он считался хозяином лесов, зверей и покровителем охотников. Удачная охота, согласно верованиям чеченцев, всецело зависела от желания Елта, без его воли ни один охотник не мог убить ни зверя, ни птицы. Идя на охоту, к нему обращались с особой молитвой и просьбой о помощи, милости и покровительстве. После удачной охоты рога и кости убитых животных охотники приносили в местные святилища и на культовые места в дар всесильному богу-покровителю Елта. Имя Елта охотникам можно было произносить только до захода солнца. Даже днем его предпочитали называть другими именами (*Крупнов*, 1971. С. 181–182). По сведениям информантов, в конце XIX в. с просьбой об удачной охоте обращались уже к Дели, обращение к Елте и представления о нем были почти полностью утрачены.

У чеченцев, как и других народов Кавказа (напр., ингушей) (*Крупнов*, 1971. С. 181–182), в прошлом бытовал специальный «охотничий язык» (*чаь-раххии мотт*), изобилующий иносказаниями: звери, птицы и различные предметы, связанные так или иначе с охотой, назывались не своими обычными именами, а другими словами. Каждый охотник должен был знать этот «иносказательный язык», на котором говорили во время охоты или когда речь шла о зверях и птицах. Охотники говорили на этом языке, поскольку, по их мнению, он способствовал удачной охоте. Таким образом охотники старались скрыть свои намерения от зверей, птиц и их покровителя. Так, охотники, в силу существования табу, вместо слова медведь (*ча*) говорили: «много спящий» (*дукханабйийриг*), вместо «дикий кабан» (*нал*) – «клыкастый» (*кIомсарерг*), вместо «ружье» (*топ*) – «правильно нацеливающее» (*нийса хьажорг*), вместо «кинжал» (*шалта*) – «двуострый» (*шидиттдерг*) и змея (*шерaниг*).

Очевидно, несмотря на то, что на «охотничьем языке» в прошлом действительно говорили только охотники, это не означает, что другие люди их не понимали. Словарь «охотничьего» языка почти не отличался от словаря чеченского языка, хотя в речи охотников было немало иносказаний, которые действительно могли быть непонятны другим.

У чеченцев были фамилии, которые славились как охотничьи: их представители, как считалось, знали определенные молитвы, произносившиеся мужчинами перед охотой. По воззрениям чеченцев, звери понимали человеческий язык; поэтому к ним обращались с просьбой не трогать, не убивать, обещая в этом случае также не причинять им зла. У чеченцев есть фольклорные мотивы о встрече с медведицей; по обычаю запрещалось трогать детенышей волка, медвежат, трогать гнезда.

Существует целый ряд пожеланий-причитаний, которые произносят, держа на руках младенца: «Да не будь ты разорителем лесов»; «Да не будь ты разорителем гнезд…»; «Да не будь ты загрязняющим воду». Рациональное стремление чеченцев сохранить для себя и потомков животный мир облекалось зачастую в форму различных запретов. В частности охота на оленей (это были одни из наиболее почитаемых горцами животные) была ограничена, существовало поверье, что семью того, кто убьет много оленей, будут

преследовать несчастья. По воззрениям чеченцев, убивать больше одного оленя даже при удачной охоте не полагалось. В языческих храмах имелись медные или бронзовые статуэтки почитаемых оленей. Олень был почитаем и у других народов Кавказа (*Сулейманов*, 1978. С. 10–11 и др.; *Семенов*, 1973. С. 119–120).

В Чечне были даже специальные рощи-заповедники (близ пос. Галанчож, Цекалой, Нерой, Цари и др.), где охота на зверей и птиц полностью запрещалась (*Сулейманов*, 1978. Ч. 2. С. 138–139). Как отмечают информанты, в некоторых местах сезон охоты открывал жрец (*цIу*). Жрецы заботились о свободном доступе диких животных к лечебным, чаще соленым источникам. Знаток старины А.С. Сулейманов сообщает о месте, которое называется *ЦIойссаьбей* («место, где жрец убил оленя»). Здесь, по воззрениям чеченцев, владыка диких животных, покровитель домашнего очага, охотников и охоты божество Цу (*цIу*) из лука *цIой ад* («лук жреца») в год один раз убивал (т.е. приносил в жертву) оленя за всех диких животных, чтобы этой жертвой оградить всех животных от болезней, голода, холода и мора. На этом месте находилось святилище, куда один раз в год приходили чеченцы-галаевцы на поклонение. Здесь было много оленьих и турьих рогов, «жертвенные рога охотников» (*Борчашвили*, 1978. С. 47).

Интересны также некоторые поверья и приметы, связанные с дикими животными. Например, в народном представлении волк олицетворял храбрость и отвагу. Известна поговорка: «Он храбр, как волк». Встреча с волком, по поверьям, предвещала счастливый путь. Волчьему астрагалу (*альчику*) приписывалась магическая сила (в основном вредоносная). Медвежьи когти использовались для изготовления амулетов: считалось, что они приносят счастье и удачу. Сам же медведь у чеченцев был олицетворением всего странного и уродливого: некрасивых, безобразных людей сравнивали с медведем. Кабан считался храбрым, сильным, но глупым животным.

Считалось, что удачной охоты не будет, если кто-либо из охотников по дороге на охоту назовет зверя его настоящим именем, например, зайца называли *лергяхарг* («длинноухий»), лису – *мекарниг* («чувствительная»). Бытовал обычай, согласно которому добычу полагалось делить не только между участниками охоты, но и со всеми людьми, которые встречались при возвращении с охоты.

Удельный вес охоты в хозяйстве чеченцев в XVII–XIX вв. был незначительным. Охотничьим промыслом продолжали заниматься в основном охотники-любители, добывая незначительное число заячьих и лисьих шкур, а в труднодоступных горных местах – шкуры и мясо крупной дичи (оленей, медведей, лосей). Чеченцы среди предметов экспорта в г. Кизляр в XVII–XIX вв. привозили шкуры лис и зайцев, что является показателем того, что для некоторой части населения Чечни охота оставалась подспорьем в хозяйственном быту.

До проникновения на Северный Кавказ мусульманства чеченцы, как и другие народы региона, употребляли в пищу все виды рыб (*Робакидзе*, 1948. С. 48). Впоследствии, как известно, перестали употреблять в пищу щуку (*жIали чIара*), поскольку ислам запрещает поедать мясо хищных животных. Этот обычай соблюдается до сегодняшнего дня людьми старшего возраста. По сведениям некоторых информантов, и в наше время среди чеченцев стар-

шего возраста можно услышать споры о том, какую рыбу ели пророки, и вследствие подобных споров некоторые вообще не едят рыбу. Исследователи считают, что предубеждение в отношении рыбы возникло под влиянием их северных соседей, калмыков и ногайцев, которые в прошлом не употребляли в пищу рыбу, считая ее священной (*Ламберти*, 1913. С. 19; *Малинин*, 1889).

Так, Ш.Д. Инал-Ипа писал, что «в новое время среди абхазского и причерноморского черкесского населения почему-то возникло некоторое предубеждение против рыбной пищи, которую, например, абхазы, как правило, не подавали на стол гостям» (*Инал-Ипа*, 1965. С. 202). Такие же сведения имеются и о других народах Кавказа (*Борчашвили*, 1978. С. 47).

В прошлом у чеченцев бытовало много блюд из рыбы. Из свежей рыбы готовили разные блюда типа жаркого. Сушеную рыбу ели в вареном виде с галушками, с чуреком *сискал*. Из сома (*яй чIара*) также готовили разные блюда. В реках Чечни и в Каспийском море встречались осетры, севрюги, лососи, щуки, караси, карпы, судаки и др. (*Броневский*, 1823. Ч. II. С. 27–28; *Данилевский*, 1851. С. 106–107). Чеченцы добывали зимой также форель, которую ловили удочками, крючками, а также специальными сетями (*бой*), изготовленными из тонкой и прочной нити. Рыболовством чаще занимались жители плоскости, особенно чеченцы, проживавшие в районах селений Дада-Юрт, Баба-Юрт, а также восточные чеченцы, проживавшие к востоку от слияния рек Сунжа и Аргун. По сведениям А.С. Сулейманова, одно из чеченских племен называлось «племя рыбаков» или «рыболовы» (ауховцы, проживавшие в Хасавюртовском, Новолакском и Баба-Юртовском районах Дагестана) (*Сулейманов*, 1978. Ч. II. С. 115). В число продуктов, которые вывозили чеченцы для продажи в Кизляр, входили также икра и рыба-сазан (*Гриценко*, 1961. С. 58). Охотой и рыболовством чеченцы занимались повсеместно и эти промыслы являлись дополнительным источником их существования.

ГЛАВА 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Основные типы поселений чеченцев, известные в XIX–XX вв., прошли длительный путь развития, который привел к закономерным изменениям первоначальных форм, усовершенствования строительных приемов, конструкций, плановых композиций и т.д. (*Козенкова*, *Крупнов*, 1963. С. 42–54). Источники и литература по данной проблеме, весьма скудны. В качестве основных необходимо указать на археологические источники. Но даже здесь наши возможности ограничены в силу недостаточной археологической изученности территории Чечни.

Поселения

Исторические формы поселений, которые были известны в Чечне к концу XVIII в., складывались под влиянием определенных социальных, экономических, природных условий. На более ранних этапах развития значительную роль играла военно-политическая ситуация. Нестабильная обстановка зачастую вынуждала поселяться в непригодных с точки зрения хозяйства и жизнедеятельности местах – на крутых склонах, вершинах холмов, в труднодоступных ущельях и т.д.

Чеченские поселения в своем историческом развитии прошли путь от древних небольших фамильных поселений до крупных населенных пунктов – территориальных общин. К XIX в. в Чечне было три типа поселений: селение, отселок, хутор, которые отражали этапы социально-экономического развития чеченцев.

Одним из традиционных типов поселений чеченцев было селение, для обозначения которого известны несколько терминов: *пхьа* (Пхьа-меттош, Эль-Пхьа), *кхаьлла* (Гучун-кхаьлла, Итум-кхаьлла), *керт* (Улус-керт), *эвла* (Дуби-эвла), *юрт* (Ножай-Юрт) и др. В горах же села-башни назывались *гIала*. Это название было позднее перенесено на плоскость, где большие поселения городского типа стали называться *гIала* (Соьлжа-гIала – «город на Сунже», чеченское название г. Грозного). Термины юрт, эвла заимствованы из восточных языков. Селений с этими компонентами в названиях в горах очень мало, что говорит о более слабом влиянии тюркоязычных народов на горцев-чеченцев. Термины же *пхьа, кхаьлла* – нахские и относятся к древнейшему пласту чеченской лексики. Естественно-географические условия Чечни оказали большое влияние на принцип расселения чеченцев, характер

Общий вид с. Никарой
Итум-Калинский район
Фото К.С. Вахаева, 2009 г.

расположения, выбор места. Одним из главных факторов, влиявших на место выбора для поселения, был экономический. Наличие на данной территории достаточного количества пахотной земли и пастбищ для скота было обязательным условием для основания поселения. В горной части Чечни существовал острый недостаток пригодной для пашни земли, что наложило определенный отпечаток на характер заселения.

Многовековой опыт строительства, прекрасное владение архитектурными приемами и традициями, умение учесть при планировке хозяйственные условия и интересы обороны, при которых достигалась максимальная эффективность в экономии площади земли, занятой под строительство, делали поселения удобными и приспособленными для длительного бытования. В непосредственной близости от селения, на ровных речных террасах и пологих склонах гор размещались пахотные участки, часто – искусственно созданные террасы, за ними – выгоны и зимние и летние пастбища. Не менее важным фактором при выборе места для поселения и в горах, и на равнине была проблема водоснабжения.

Все же наиболее определяющим при выборе места для поселения являлся социально-экономический фактор. Наличие в горной зоне Чечни в рассматриваемое время небольших поселений моногенного типа – скорее всего результат распада и сегментации больших патриархальных семей. Такие разделившиеся семьи, которые сохраняли территориальное и хозяйственное единство, М.О. Косвен назвал патронимией (*Косвен*, 1961. С. 6). З.И. Хасбулатова выделяет три типа патронимических поселений: хутора

Общий вид с. Итум-Кала
Итум-Калинский район
Фото К.С. Вахаева, 2010 г.

и аулы в наиболее архаичных формах (к XIX в. их практически не было); патронимические кварталы, относящиеся к более позднему времени; группы родственных семей в кварталах (этот тип был наиболее распространенным с конца XIX в.) (*Хасбулатова*, 1984. С. 116). Как отмечал В.П. Кобычев, некоторые исследователи придерживались мнения, что традиционные поселения чеченцев в горной и равнинной зоне представляли собой небольшие поселения кровных родственников, преимущественно однофамильцев (*Кобычев*, 1982. С. 29). Такие поселения действительно получали свое название от местности, на которой они располагались, или же от фамилии действительного или предполагаемого основателя-первопоселенца. Но как показывают исследования, они далеко не всегда были равнозначны моногенному однофамильному поселению. Такое селение могло иметь многофамильное и даже разноэтничное население. Небольшие хутора, как правило, возникали в качестве временных поселений земледельцев и скотоводов (*Семенов*, 1895. С. 129). Со временем они превращались в крупные полигенные поселения. В.П. Кобычев справедливо отмечает, что «в первой половине XIX в. некоторые поселения в результате военных действий и многократных переселений и выселений на плоскость не только не увеличились в размерах, но, наоборот, зачастую "растеряли" значительную часть своих жителей, создав у позднейших исследователей иллюзию "извечно" небольших поселений – хуторов» (*Кобычев*, 1982. С. 29). Действительно, нередко поселения горцев имели сравнительно крупные размеры и были разнофамильными и разноэтничными. Полигенность поселений в горах подтверждают и современники.

«Мы видели в Ичкеринских горах большие хорошие деревни, по устройству своему нисколько не уступающие деревням на плоскости», – пишет И.И. Норденстамм, участник одного из походов в горы Чечни в 1832 г. (*Норденстамм*, 1940. С. 303) А.П. Берже также приводит цифровые данные по некоторым горным чеченским обществам (Ако: 10 аулов – 270 дворов; дальние кистины – 21 аул – 402 двора), из которых следует, что в среднем в селении было 19–27 дворов (*Берже*, 1859. С. 80–83).

Полигенные селения в Чечне, как и у других народов Северного Кавказа, могли возникнуть как типично владельческие поселения, несмотря на то, что в XIX в. здесь не имелось четко оформленных сословий и классов. Полигенные соседские поселения были наиболее распространенными у горных чеченцев в XIX в. Существовали и мелкие моногенные поселения – хутора, возникшие на вновь освоенных заимках в лесистых горах и предгорьях. «Из больших деревень делают выселки, и в лесах везде видны недавно очищенные для хлебопашества места», – пишет об Ичкерии И.И. Норденстамм (1940. С. 103). В предгорной и равнинной части Чечни издревле преобладали крупные многофамильные поселения. «Чеченцы, обитающие в долине, живут большими аулами», – отмечал в середине XIX в. А.П. Берже (1859. С. 87).

О чеченских селениях на равнине и в предгорьях размером до 100 и более дворов свидетельствуют источники XVIII – начала XIX в.; в предгорно-плоскостной Чечне имелись довольно крупные селения, например, Большие Атаги, Истису, Герменчук, достигавшие 500–700 дворов (АКАК. 1870. Т. IV, ч. 2. С. 508; Т. VIII. С. 685). Многие селения в равнинной Чечне имели не только полигенный, но и полиэтнический состав, что было результатом постоянных переселений безземельных горцев из высокогорных районов Чечни.

По форме поселения в Чечне можно разделить на два основных вида: горные и равнинные. Горные селения в силу исторических обстоятельств и особенностей рельефа отличались скученной застройкой, располагались на склонах гор, вершинах хребтов и т.д. Они отличались небольшими размерами, что во многом определялось особенностями ландшафта. Отсутствие широких долин с ровными земельными участками тормозило создание в горах более крупных сел.

Форма поселений в первой половине XIX в. в равнинной зоне существенно меняется под влиянием внешнеполитической ситуации, переселений на равнину и других факторов. Чеченцы, проживавшие в крупных равнинных селах, в период активных военных действий в крае и карательных экспедиций царских войск вынуждены были бежать в горы и селиться хуторами «по горам и лесным трущобам».

После окончания военных действий на Кавказе и присоединения края к России в середине XIX в. меняется облик горных и равнинных поселений. Число равнинных поселений чеченцев резко увеличивается. На первый план при выборе места для основания поселения выходит фактор хозяйственной целесообразности. С нормализацией политической обстановки горцы получили возможность переселяться на равнину, к чему их вынуждало малоземелье в горах. В связи с эти меняется характер расположения селений, а также форма их планировки. В.П. Кобычев отмечал, что «сползание» поселений с горных круч зафиксировано в многочисленных дублях названий селений, распространенных повсеместно в горной полосе края (Верхний и Нижний

Кий, Верхний и Нижний Кокадой и др.) (*Кобычев*, 1982. С. 39). Новые селения отличались значительно менее плотной застройкой и имели, как и ранее, неупорядоченную планировку, развернутую в вертикальном направлении. В равнинной части, в долинах рек Терек, Сунжа, Аргун и др. селения имели свободную разбросанную планировку. После установления российской администрации в Чечне (вторая половина XIX в.) переселение значительной части горцев в Турцию, а также проведение земельных и переселенческих реформ оказали существенное влияние на расселение коренного населения и дальнейшие изменения формы и типа поселений в Чечне.

Постепенное вовлечение края в капиталистические отношения привело к появлению в селениях торговых лавок, мельниц, кустарных предприятий по производству кирпича, черепицы, выделке кожи и т.д. Все это коренным образом меняло их внешний облик. Родственный принцип расселения к XIX в. потерял свое былое значение.

За XX в. произошли коренные изменения в характере и функциях чеченских поселений. В результате земельной реформы местное население получило обширные земли на равнине, куда переселилась значительная часть горцев. В основном они подселялись к уже существующим населениям. Особенно этим процессам благоприятствовал период после окончания гражданской войны. Горцы сами захватывали земли, которые до октября 1917 г. они арендовали у казаков и собственных помещиков, выплачивая ежегодно огромные суммы.

Переселение горцев на равнину было важнейшим социально-политическим мероприятием советской власти. Оно коренным образом изменило географию размещения населения, а вместе с этим тип и форму его поселений и жилищ.

Новые селения с самого основания складывались как многодворные полигенные поселения, где поселялись представители различных фамилий и родственных групп. Инструкция и положения о переселении и устройстве поселений неукоснительно требовали соблюдения архитектурных, санитарных и других норм и правил, но на практике далеко не всегда удавалось их придерживаться. Важной проблемой оставалось водоснабжение, ввиду того, что многие плоскостные районы были бедны грунтовыми водами. Поэтому новые селения жались к берегам рек и другим естественным источникам воды и были настолько близко расположены одно от другого, что нередко сливались в один огромный аул, растянувшийся на несколько километров. По этой причине, а также вследствие постоянных подселений многие селения на равнине, как новые, так и старые, в советское время значительно выросли, достигнув размеров в 600–800 и более дворов.

В отличие от некоторых соседних территорий (Ингушетия, Осетия и др.), где в силу указанных обстоятельств размеры горных селений были доведены до минимума, в Чечне сохранились горные селения, насчитывавшие по нескольку десятков и даже сотен дворов, в основном это административные центры горных районов: Ведено, Ножай-Юрт и др.

Увеличиваются приусадебные участки. Центр общественной жизни сосредотачивается вокруг административных и культурно-просветительских учреждений: школа, клуб, библиотека, правление колхоза, сельский совет. Постепенно начинается благоустройство сельских дорог. В некоторых селе-

ниях появляются промышленные предприятия, связанные с первичной переработкой и хранением сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. Многие села были электрифицированы. Но, несмотря на перечисленные мероприятия советской власти, многие сельские населенные пункты практически до настоящего времени оставались без соответствующей социальной инфраструктуры.

Депортация чеченцев 23 февраля 1944 г. нанесла непоправимый урон традиционной системе жизнеобеспечения. Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия ссылки и дискриминацию во всех сферах жизни, чеченцы не просто физически выжили, но и сохранили этническую самоидентификацию и способность к дальнейшему развитию. Возвращавшиеся чеченцы старались поселиться там, где они жили до выселения; были закрыты для проживания несколько горных районов (Галанчожский, Чеберлоевский и др.), и переселенцев с гор в основном расселяли в затеречных и сунженских станицах. Кроме того, власти не забыли, что в высокогорных районах Чечни на протяжении десятилетий так и не удалось обобществить основные средства производства и создать крепкие колхозы. Хуторское хозяйство считалось экономической базой для возрождения «частнособственнических пережитков», и потому сразу при возвращении чеченцев из республик Средней Азии были приняты меры, чтобы расселять их не в горных, а плоскостных районах, тем самым практически были ликвидированы рентабельные до выселения хуторские поселения в горной Чечне.

С 1958 г. регулярно сносились стихийно возрождавшиеся в зоне альпийских лугов небольшие хутора, а в 1964 г. была предпринята масштабная акция по переселению жителей небольших горных селений. Если до выселения в высокогорных Шатойском, Шаройском, Итум-Калинском и Галанчожском районах проживало до 120 тыс. человек, то к середине 1970-х годов население этой зоны не достигало и 20 тысяч (*Сигаури*, 2001. Т. 2. С. 292). При этом отдаленные горные селения долго оставались лишенными удобств, ставших привычными в большинстве селений на плоскости. Практически все равнинные селения были электрифицированы, а к середине 1970-х годов большая часть и газифицирована. В то же время многие горные селения были без радио- и телефонной связи, там не было учреждений бытового обслуживания.

Тем не менее отдельные семьи упорно стремились вернуться на свои прежние земли. К тому же власти постепенно меняли свою позицию по отношению к горным хуторам: их уже не сносили. Фактически хуторские хозяйства представляли собой возрождение традиционного в Чечне частного землевладения. Хутора возникали на месте бывших селений, как бы символизируя их возрождение. Уже в конце 1980-х годов республиканские власти начали узаконивать существование горных хуторов, придавая им статус селений. Так, на карте горной Чечни вновь возникли селения Зумсой, Нижалой, Хакмадой, Химой, Шикарой, Терлой, Баулой, Хилдехарой, Мулкхой и др. Несмотря на то, что на рубеже 1980–1990-х годов отмечался рост числа хуторов в горной части Чечни, все же не приходится говорить о массовости этого процесса. Возродившиеся горные села оставались небольшими. К примеру, если в Зумсое было до выселения 1100 дворов, то к началу 1990-х годов здесь насчитывалось всего 55 дворов.

Чеченские селения на равнине и в горах (Веденский, Ножай-Юртовский районы и др.) укрупняются. В то же время в течение многих лет существовали административные препятствия для переселения чеченцев в Грозный и в селения Грозненского и Сунженского районов. По сути, единственный крупный город в Чечне – Грозный – с момента его возникновения и до конца 1950-х годов представлял собой русский, точнее русскоязычный анклав. Подавляющее большинство городского населения составляли русские, армяне, евреи, украинцы. Местное чеченское население в основном было сосредоточено в сельских местностях.

Неузнаваемо изменился облик поселений после трагических событий, связанных с военно-политическим конфликтом на территории Чечни (1994–2001 гг.). Многие горные и плоскостные селения были разрушены до основания. Восстановление разрушенной войной инфраструктуры Чечни продолжается до сих пор.

В настоящее время почти все селения Чечни (особенно на равнине) имеют четкую улично-квартальную планировку, подчеркнуто выделенный общественный центр, в котором сосредоточены здания администрации, мечети, многоэтажных школ, культурно-бытовых и торговых организаций. Дома располагаются вдоль улицы фасадом на юг. Как правило, главная улица ведет к центру селения, где обычно группируются все здания культурно-бытового назначения. Во всех селениях на равнине имеется водопровод, централизованное газоснабжение. Центральная площадь во многих селениях выложена специальной плиткой, улицы ночью освещаются. Все селения связаны между собой, а также с городскими центрами республики покрытыми асфальтом шоссейными дорогами. Следует отметить, что на современном этапе украшением любого населенного пункта Чечни, как городов, так и селений, являются мечети. Главная мечеть имени А.-Х. Кадырова (второе ее название – «Сердце Чечни») открыта в Грозном в 2008 г. Она является аналогом мечети в Турции. Одновременно здесь могут молиться 10 тысяч верующих. В мечети установлены 36 люстр, своими формами напоминающие три святыни ислама – 27 из них имитируют мечеть Куббату-ас Сахра в Иерусалиме, 8 сделаны по образцу мечети Ровзату-Небеви в Медине и самая большая, восьмиметровая люстра повторяет своей формой святыню Кааба в Мекке. Расписывали мечеть лучшие турецкие мастера, используя искусство каллиграфии, Аяты из Корана искусно вплетены в общий орнамент убранства мечети. Снаружи и внутри мечеть отделана природным травертином – мрамором. Вокруг мечети разбит обширный парк с фонтанами, обрамляющий величественный и уникальный исламский архитектурный комплекс. Исламский центр, на территории которого находится эта мечеть, включает в себя также Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи Кишиева, Духовное управление мусульман республики, исламскую библиотеку и общежитие для студентов исламского университета.

Неузнаваемо меняется облик горных чеченских селений. Даже к самым отдаленным из них ведут шоссейные дороги, связывающие их регулярным автобусным сообщением с другими населенными пунктами. Новое строительство в горных районах ведется в соответствии с требованиями санитарной гигиены и архитектурными правилами. Во всех горных селениях идет

благоустройство сельских дорог, устанавливается освещение, подводятся газопроводы, строятся объекты социальной инфраструктуры.

Строительство благоустроенных селений, поселков с использованием всех достижений современного коммунального и культурно-бытового обслуживания населения стало характерной особенностью всех регионов Чечни.

Жилище

Жилище чеченцев в своем историческом развитии претерпело значительные изменения: его развитие шло от примитивной однокамерной постройки до современных многоэтажных благоустроенных домов, что было тесно связано с социально-экономическими и культурными трансформациями в обществе (*Хасбулатова*, 1984. С. 116). Судя по археологическим источникам, традиции строительства постоянного жилища на территории Чечни прослеживаются с эпохи неолита. Это были простейшие однокамерные постройки с открытым очагом. Изменения социально-экономических условий приводят к дальнейшей эволюции жилища. На примере Сержень-Юртовского поселения конца IX – начала V в. до н.э. показано, что люди жили в селениях, где дома были строго спланированы, учтены места размещения бытовых и производственных объектов (История Чечни, 2006. Т. 1. С. 47). На последующих этапах развития в плоскостных районах края жители обитали в жилищах турлучного типа квадратной или прямоугольной формы, основу которых составляли стены, обмазанные глиной, с плоской земляной крышей и открытым очагом.

В строительстве жилища использовались различные материалы: дерево, кустарники, дерн, камень, саманный кирпич, глина, песок, солома, камыш, плетень и др., а также наблюдалось их комбинирование. Лес заготавливали зимой, поскольку именно такое дерево считалось крепким и не поддающимся гниению. Камень был двух видов: речной и горный, использовалась также и речная галька. Саманные кирпичи заготавливали в теплое время года, обычно весной, чтобы кирпич успел хорошо подсохнуть.

Начало возведения дома определяла традиция. К примеру, различали «счастливые» и «несчастливые» дни. Для закладки фундамента наиболее благоприятными считались понедельник, четверг и воскресенье. Первый камень при строительстве дома закладывал самый «удачливый» и «счастливый» мужчина (*беркате стаг* – букв. благодатный мужчина). При строительстве дома широко использовали традицию взаимопомощи (*белхи*).

Типы домов различались размерами и формой усадьбы, а также планировкой самого поселения. К XIX в. наиболее распространенным типом жилища были многокамерные обмазанные глиной жилища. Современники отмечали, что у чеченцев «дома турлучные». «Каждый дом состоит из двух отделений: в одном живет хозяин и там же принимает гостей, в другом – жена его и дети; эти отделения не имеют между собой сообщения и дверь каждого ведет под общий навес» (*Иванов*, 1851. № 19, 20. С. 5). В этот период большие неразделенные семьи жили в «длинных домах», которые состояли из нескольких изолированных жилых помещений, расположенных на одной оси (*Хасбулатова*, 1984. С. 117).

Во всю длину дома строилась открытая терраса, куда выходили двери и окна отдельных помещений, где обитали члены разных семейных ячеек. Такой дом у чеченцев назывался *докха цIа* (большой дом), где отдельные помещения отводились семейным парам. «Большим домом» у чеченцев на-

зывался дом главы семьи – деда, отца, а если таковых не было – старшего брата. К основному дому для женатых сыновей пристраивались комнаты (*уоти*) или же строились отдельные небольшие дома на общем дворе.

«Длинные дома» в зависимости от имущественного состояния владельцев состояли из нескольких комнат: главы семьи, кунацкой – комнаты гостя, комнат женатых сыновей и т.д. Число однокамерных пристроек зависело от числа женатых сыновей. У зажиточных семей помещение для одной семьи состояло из двух комнат – жилой и кунацкой, т.е. гостиной (*Хасбулатова*, 1984. С. 117). Классический тип «длинного дома» из трех комнат с отдельными выходами на веранду можно было увидеть в 1990-е годы в некоторых горных и плоскостных районах (дом А. Исламова в с. Харачой, разрушенный в ходе военных действий в Чечне в 1994–2006 гг.; дома Тепсуевых и Визирхановых в селении Толстой-Юрт) (*Хасбулатова*, 1984. С. 117). Жилой дом обносился каменным или глиняным забором. Рядом располагались различные хозяйственные пристройки: навес – *ragIy*, хлев – *божал*, *беда*, курятник – *котаман бун* и др.).

В лесистых предгорьях Чечни встречались и срубные дома, стены которых выкладывали из расколотых надвое бревен. Срубные жилища строили также на крайнем востоке Чечни, в Ичкерии, тогда как в других горных районах этой части края дерево использовалось преимущественно в виде добавлений в каменные конструкции (*Кобычев*, 1982. С. 160).

Каменные формы зодчества охватывали большую часть горной полосы Чечни. Они были представлены двумя основными типами: жилищем замкнутой формы, развернутом в вертикальном направлении (жилая башня), и в виде открытой со стороны фасада одно- или двухэтажной постройки с плоской земляной крышей (так называемая горская сакля).

Жилые дома-башни имели наибольшее распространение в западной Чечне. К середине XIX в. жилые башни употребляются в качестве жилья крайне редко. После присоединения Чечни к России население стало постепенно переходить к строительству жилища открытого плана. Новые дома стремились возводить по возможности поблизости от руин заброшенных башен и даже пристраивали к ним впритык. Иногда старую башню перестраивали в соответствии с новыми потребностями.

Чеченцы имели и сезонные жилища, возникновение которых, как правило, было связано с какой-либо стороной их хозяйственной деятельности. В летнее время основную часть крупного рогатого скота и овец пасли вдали от селения на горных пастбищах. Там же строили и дом – хлев (*жела*), который встречался в селениях высокогорного Чеберлоевского общества, а также в высокогорных селениях Ведено. В некоторых из указанных обществ они до сих пор функционируют и используются пастухами. Специфической особенностью «желы» было его перекрытие, сложенное из каменных плит в технике ложного свода с последовательным перерезанием углов в каждом ярусе кладки. В.П. Кобычев отмечал, что подобный строительный прием на Северном Кавказе больше нигде не зафиксирован, но зато широко представлен в древних типах жилища Закавказья, известных у армян, грузин и азербайджанцев (*Кобычев*, 1982. С. 162).

К сезонным жилищам можно отнести и постройки шалашного типа, которые устраивали летом в садах и огородах.

Жилая башня, перестроенная в дом
Горная Чечня
***Ильясов*, 2004. С. 102**

В горной части Чечни бытовало также жилище открытого типа горизонтальной планировки. Дом строился в комплексе с хозяйственными постройками, которые в зависимости от рельефа и некоторых причин социально-экономического порядка устраивали сбоку от жилища или уступом ниже по склону горы. В последнем случае жилище приобретало как бы двухэтажный вид.

Подобное жилище описывает К.Ф. Ган: «Дом состоятельного чеченца построен обыкновенно из известняка в два этажа под плоской крышей. В нижнем этаже помещаются хлев и кухня. К верхнему, отступающему на сажень назад, снаружи ведет каменная лестница. Этот этаж делится на четыре помещения, из которых первое, у входа, самое большое, имеет шагов 12 в ширину и 20 в длину. Тут стоит несколько деревянных кроватей и высокие кадки, выдолбленные из цельного дерева, диаметром в 2–3 фута, где хранится пшеница и кукуруза; тут же стоят громадные мешки, набитые шерстью. Налево от этого помещения – гостиная, или кунацкая, с двумя кроватями, несколькими сундуками и полками на одной стене; на другой висит разного рода оружие; пол тут, как и в других комнатах, земляной, но здесь покрыт коврами. К кунацкой примыкает маленькое помещение с хозяйственными принадлежностями. За всеми комнатами расположена громадная кладовая, таких же размеров, как входная комната» (*Ган*, 1902. С. 7).

Вовлечение территории Чечни в пореформенный период в капиталистическое русло России оказало большое влияние на все стороны жизни и быта горцев. Новые дома резко контрастировали со старыми жилищами, что свидетельствовало о глубоком социальном расслоении горского общества. Представители зажиточной части населения строили дома под влиянием городской

архитектуры, с высоким фундаментом, черепичной крышей, кирпичными стенами. Обязательной частью любого дома становится большая комната – *докха цIа*. Ее название связано с традиционным однокамерным жилищем. Данное название сохранялось за комнатой, где жил хозяин дома, которая оставалась общесемейной комнатой и одновременно являлась комнатой родителей. Здесь готовили пищу, принимали гостей и друзей, собиралась вся семья. Сохранение данного названия для одной из главных комнат дома говорит о том, что в новых домах сохранялись старые традиции строительства жилья. По своим размерам эта комната была самой большой, занимала правую половину дома, обязательно с очагом (*кхерч*), который эволюционировал в пристенный камин с каменным дымоходом. Железные печи в домах чеченцев появляются в XIX в.

Очаг являлся неотъемлемой частью и самым почитаемым местом жилища, символом благополучия и сплоченности семьи. Видимо, этому обстоятельству способствовал и существовавший в древности культ огня. С очагом у чеченцев связаны многие предания, легенды и пословицы. Очаг с крюками для подвешивания котлов обычно располагался в центре дома. Интересно отметить, что до сих пор у чеченцев говорят «вешать котел» (*яй олла*), хотя давно уже пользуются плитами, на которые котел ставится. Огонь постоянно поддерживался женщиной-хозяйкой. Известны случаи, когда огню в очаге не давали погаснуть в течение нескольких поколений (*Исламов*, 1972. С. 75). Домашний очаг был местом священным и неприкосновенным. Вокруг очага протекала основная жизнь семьи. В «очажной» комнате готовили пищу, ели и спали. «Очаг и цепь считаются священными у чеченцев, – писал Н.Н. Харузин, – неуважительное отношение к ним навлекает кровную месть. Очаг вместе с тем составляет и убежище для преследуемых кровниками; убийце стоит вбежать в любую саклю, схватиться за священную цепь, он считается родственником хозяина, и не может быть выдан врагу» (*Харузин*, 1888. С. 52). До сих пор одно из названий дома у чеченцев – *цIа* (огонь). Женщина, которая являлась хранительницей домашнего очага, также почиталась в чеченском обществе.

Жилище делилось не на женскую и мужскую половины, а в соответствии с хозяйственными функциями, которые там выполнялись. Распространенное мнение о том, что мужчины принимали пищу отдельно на своей половине, а женщины отдельно, после мужчин, довольствуясь остатками пищи, неверно. Это происходило только в том случае, если в доме были посторонние, а в обыденной жизни трапеза была общей для всех членов семьи. Конечно, при этом строго соблюдались нормы традиционного этикета, принятые в чеченском обществе.

Убранство жилища в прошлом было небогатым, особое внимание уделяли чистоте и опрятности. Современники отмечали эту особенность в доме чеченца: «на полках расставлены в изобилии медная посуда, чашки. Везде утрамбованные полы чисто выметены, стены выбелены» (*Харузин,* 1888. С. 52). Действительно, в прошлом внутренняя обстановка жилищ была очень проста. На стенах внутри были устроены ниши различных размеров. В больших нишах хранились постельные принадлежности, маленькие, которые деревянными дощечками делились на полки, предназначались для посуды. Часть посуды подвешивали. Наличие медной посуды считалось признаком достатка. Над дверьми изнутри также делали ниши. В с. Харачой, в традиционном «длинном доме» А. Исламова, были такие ниши, где хозяин дома еще

в 1970-е годы хранил Коран, который свободно читал в 105-летнем возрасте. Ниша закрывалась специальной занавеской.

Стены, в зависимости от экономических возможностей семьи, завешивались коврами или материей. Ковры занимали главное место во внутреннем убранстве. Земляные полы застилали кошмами, циновками. В комнатах у стен стояли сундуки, деревянные нары (*дечиг маьнга*), треножный столик, низенькие скамейки. По стенам развешивали красивое оружие. В богатых семьях встречались фарфоровые керосиновые лампы со стеклом, которые стали проникать в быт со второй половины XIX в. Но основным осветительным прибором для многих были керамические светильники с добываемой на месте неочищенной нефтью и фитилем из куска ткани. Интерьер домов составляли низкие табуретки, деревянные столики на низких ножках, детские люльки, различные сундуки, деревянные нары и т.д. Городская мебель стала появляться в наиболее зажиточных семьях в пореформенный период и широко распространилась только в начале XX в.

Особое внимание чеченцы уделяли кунацкой. Она всегда содержалась в чистоте, чтобы в любую минуту можно было принять гостя. В кунацкой можно было встретить две-три скамейки, лучшие из всех, какие только были в доме, широкий сундук, покрытый ковром; пол этой комнаты устилали белыми войлоками. «Гостеприимство – одна из отличительных черт населения Кавказа, – писал Н.И. Кузнецов, – и это похвальное свойство кавказских жителей присуще здесь и богатым и бедным. Кавказец рад гостю, готов все для него сделать и ни копейки не возьмет за гостеприимство. Можно отдарить за гостеприимство подарками, но предложить деньги за это нельзя. Это означает обидеть хозяина. Это кавказское радушие и гостеприимство наблюдается во всех слоях населения» (*Кузнецов*, 1913. С. 10). Сказанное с полным основанием можно отнести и к чеченцам.

Существенный элемент усадьбы составляли ограды. Их делали из камня, сырцового кирпича или плетенки. Заборы, плетенные из орешника, были горизонтальными и вертикальными.

Социально-экономические и политические изменения в крае в конце XIX – начале XX в. отразились и на строительстве жилищ. Немецкий этнограф Б. Плечке, посетивший в середине 1920-х годов ряд высокогорных районов Чечни, писал о с. Шарой, что оно состоит наполовину из жилых башен, а наполовину – из плоскокрышных каменных домов однорядного традиционного плана. Однако в селениях, расположенных ближе к равнине, связанных с городскими и административными центрами, уже начали сказываться последствия социальных перемен. Широкое распространение получили дома «русского типа», отличающиеся от традиционного удлиненного «чеченского» типа как по форме, так и по планировке. Это были дома с тремя-пятью и более помещениями квадратной формы, с четырехскатной крышей, крытым крыльцом или застекленной верандой. Как правило, они принадлежали богатым чеченцам. Дома бедняков резко от них отличались. Разумеется, наличие того или иного типа жилища зависело от экономического положения семьи.

В первой половине XX в. (до депортации) в Чечне бытовали в основном три типа жилищ: традиционный вытянутый в длину однорядный дом; жилище квадратного плана с двурядным расположением помещений и промежуточное между этими формами полуторорядное жилище с сенями – прихожей и находящейся позади сеней кухней (*Кобычев*, 1982. С. 167).

С конца 1950-х – начала 1960-х годов начинается новый этап сооружения новых домов. В Чечне стали применяться новшества, которые касались конструктивных приемов, деталей отделки, планировки. Новые дома отличались от старых большими размерами. Появились новые строительные материалы: шифер, кирпич, железо и др. Почти исчезает турлучный способ возведения стен домов. Появляются новые конструктивные способы. Строятся дома с кирпичной облицовкой. Происходят изменения во внутренней отделке, планировке дома. Широко используется фабричная мебель, покупные постельные принадлежности, посуда и многое другое. Новая планировка домов предусматривала увеличение площади жилых помещений. Господствующей тенденцией в строительстве стал переход к возведению многокомнатных домов. В 1970-е годы появляются дома с автономным водяным отоплением, индивидуальным водоснабжением и другими удобствами.

Значительные перемены в строительной технике привели к появлению новых форм крыш: двускатных, крытых черепицей, шифером или жестью. Полы стали делать деревянными, галерею обычно стеклили. Дома строили на высоких бетонных фундаментах, размеры окон увеличивали. Переход к жилищу с многокомнатной планировкой происходил также по линии перепланировки старых домов путем увеличения жилой площади пристройкой дополнительного помещения.

За три десятилетия после депортации, в 1980–1990-е годы, в корне изменились внутреннее убранство и обстановка дома. Появились такие элементы, которые не имели этнической принадлежности. На смену мебели, которая была приобретена в 1960–1970-е годы пришли новые импортные мебельные гарнитуры. Как и раньше, ковры в интерьере продолжали играть значительную роль. Ими украшали не только стены, но и пол. Такая же обстановка была и в сельских домах.

Для нового быта характерным стало также увеличение числа приусадебных пристроек, их благоустройство: появились гаражи, летние кухни, располагавшиеся в специальных пристройках, бани и т.д.

В селах начали строить двух- и трехэтажные многоквартирные дома для специалистов. Квартиры в таких домах были городского типа, с центральным отоплением, водоснабжением и другими бытовыми удобствами. Внутреннее убранство дома развивалось, сохраняя и совершенствуя отдельные национальные традиции и воспринимая наиболее приемлемые для села элементы городского домостроения и убранства.

После окончания военных действий на территории Чечни (1994–2001 гг.) в строительстве жилищ произошли огромные трансформации. Очень заметно влияние западной архитектуры. Наряду с традиционными типами домов квадратной или прямоугольной формы из кирпича в несколько этажей появились дома европейского типа.

В Чечне, как и в России в целом, перестройка в социокультурном смысле началась с изменений в отношении к жилью и к вещам, и в этом смысле перемены носят глубокий, и, безусловно, позитивный характер. Чеченцы, как и многие народы, преодолели серьезный барьер в представлении о жилище, и после многовекового бытования на смену традиционному жилищу пришел дом с более крупными параметрами, многоуровневый, со всеми удобствами.

БАШНИ, СКЛЕПЫ И СВЯТИЛИЩА

Каменное зодчество чеченцев (особенно башенная архитектура) – уникальное явление мировой культуры (*Семенов*, 1963; *Щеблыкин*, 1928; *Робакидзе*, 1968; *Крупнов*, 1971). Сохраняя и развивая свою культуру, чеченцы смогли привнести в нее, взаимодействуя с другими народами, достижения соседних культур и создали в эпоху позднего средневековья неповторимую башенную архитектуру. Это боевые, жилые башни и замковые комплексы.

Сохранившиеся в горной зоне Чечни башенные архитектурные памятники относятся в основном в XVI–XVIII вв., хотя строительство оборонительных сооружений восходит на Кавказе к глубокой древности (*Ильясов*, 2004. С. 22–28). В башнях укрывались во время междоусобных столкновений и внешних нашествий целые фамилии.

Строительство башен было дорогим и вместе с тем престижным. В связи с этим существовала особая норма обычного права – требование, чтобы строительство боевой башни было завершено в течение года, в противном случае башня так и оставалась недостроенной. Для строительства требовалось огромное количество камня.

Жилые башни – это массивные прямоугольные сооружения в два-три и даже четыре этажа. Строились они из камней в разной степени обработанных, сложенных на прочном известковом растворе; для увеличения вязкости к извести добавляли яичный белок. Кровлю делали из толстых бревен

Жилая башня в с. Кокадой

Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 1999 г.

Опорный столб в с. Хаскали
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2007 г.

с земляным настилом, а в некоторых горных районах Чечни – из крупных каменных плит (в жилых башнях). В центре башни стоял опорный каменный столб с уступами для укладки межэтажных перекрытий, который имел, как и у многих народов Кавказа, культовый характер. Все входные и световые проемы имели снаружи вид арок.

На первом этаже башни содержался скот, который привязывался к яслям, расположенным в определенной последовательности вдоль стен. Для лошадей отводили особый угол, здесь же за плетеной изгородью обычно хранили и зерно. У зажиточных хозяев, имевших четырехэтажные башни, второй этаж отводился для содержания мелкого рогатого скота – овец, коз, куда их загоняли по специально устроенному деревянному настилу (*Робакидзе*, 1968. С. 66). В обычных башнях второй этаж был жилым. Здесь размещалась большая семья. На этом же этаже находился очаг, расположенный поблизости от центрального столба, а в позднейшее время – камин, пристроенный вблизи

Жилая башня в с. Никарой

Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2009 г.

арочного окна. Это окно закрывалось деревянными ставнями, а входная дверь на первом этаже – двустворчатой деревянной дверью, вырубленной целиком из ствола дерева и вращавшейся на деревянных пятах. Запирались такие двери изнутри особого рода засовом.

Третий этаж также был жилым. Здесь хранилось имущество семьи: ковры, посуда, одежда, обитые жестью деревянные сундуки. В более ранние времена в башне не было шкафов и все вещи развешивались на металлических крючьях, нередко в специальных нишах в стене. Кроме того, у стен устанавливались деревянные полки для посуды. Обычно над постелью хозяина висело оружие. В военное время это объяснялось необходимостью, затем стало просто традицией (Культура Чечни..., 2005. С. 65).

Если крыша в башне была двускатной, то на фасадной стене верхнего этажа устраивали нечто вроде лоджии, поскольку здесь производились различные домашние работы – ручная молотьба и сушка снопов, а летом большая часть семьи проводила здесь целый день. В более ранний период верхний этаж использовался в качестве оборонительной площадки. Встречались жилые башни, у которых к стенам верхнего этажа над входной дверью и арочными окнами промежуточных этажей были построены особые балкончики без пола – *машикули*. На второй и третий (а где был, и на четвертый) этажи попадали через особые лазы, которые устраивали в одном из углов межэтажного перекрытия. К лазам вели приставные деревянные лестницы, а в более бедных домах – просто наклонные сдвоенные бревна с

зарубками. В холодный период года окна закрывали деревянными ставнями или каменными плитами, а в летнее время затягивали прозрачной пленкой, изготовленной из внутренностей животных.

Жилая башня была собственностью одной семьи; в процессе сегментации семьи в башне с родителями мог остаться только младший сын (*Ильясов*, 2006. С. 59).

Место для башни выбирали очень тщательно. Сначала с помощью скота проверяли, насколько это место является «чистым». Для этого пригоняли к месту строительства домашнее животное, к примеру, быка, и если он вечером укладывался спать на этом месте, то оно считалось «чистым». В жертву приносили животное. Кровью жертвенного животного окропляли основание будущей башни, произносили молитву, и уважаемый в селении человек, обладавший «счастливой» рукой, прикасался к первому камню и благословлял начало работ (*Ильясов*, 2004. С. 61). Жилые башни возводились без фундамента, на скальных массивах. Там, где почва была глинистой, ее поливали молоком или водой до тех пор, пока жидкость не переставала просачиваться в землю.

Стены башни ориентировались по странам света, с внешней стороны на них часто наносились петроглифы, магические знаки, которые должны были оберегать башню от злых духов и опасностей. Кроме того, на стенах выбивали фамильные знаки, которые свидетельствовали о древности и знатности фамилии.

Жилые башни возводили обычно на возвышенностях, рядом с источником воды. Иногда к башне подводили потайной водопровод, что было очень важно в период военной опасности. Основной функцией дома-крепости было служить в качестве жилище, оборонительная была второстепенной. Но, учитывая нестабильную обстановку в крае, чеченцы при строительстве жилых башен, пытались использовать максимально их оборонительные возможности. Иногда устраивали потайной подземный выход из башни, и в случае опасности защитники могли перебраться в относительно безопасное место. Жилые башни были распространены в горной части Чечни (Аргунское ущелье, Майста, Мелхиста, Нашха и др.).

Переходным типом в эволюции от дома-крепости к боевой башне исследователи считают так называемые полубоевые башни. Они были синкретическим типом, сочетавшим в себе черты жилой и боевой башни. В тяжелых экономических условиях гор этот вид жилища-крепости был вполне рациональным, так как не было необходимости строить одновременно и жилую, и боевую башню. Тем не менее в Чечне в эпоху позднего средневековья наивысшего расцвета достигает строительство оборонительных сооружений – боевых башен.

Некоторые исследователи генезис боевых башен в Чечне представляют по следующей схеме: боевая башня сигнальная – боевая башня как элемент цитадели – боевая башня как одиночная сторожевая – боевая башня как часть башенного комплекса. Боевая башня *бIоув* (букв. «дозор», более широкое значение – войско) представляет собой квадратное в плане сооружение (в основном 5×5 м) из обработанного камня на известковом или песчано-известковом растворе, суженное кверху, до 5–6 этажей, высотой 20–25 м.

Боевая башня в с. Дере
Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник
Итум-Калинский район, ущелье Тазбичи
Фото Л. Ильясова, 2002 г.

Строительство боевой башни сопровождалось теми же ритуальными действиями, что и жилой. Самые большие и тщательно обработанные камни укладывались в основание и в углы башни. Кладку вели в два ряда таким образом, что стены постепенно сужались кверху, в результате чего постройка приобретала большую прочность. Нижний этаж боевой башни был глухим и предназначался для хранения запасов воды, пищи и содержания пленников. Сюда можно было попасть через замаскированный люк на втором этаже. Второй этаж занимали члены семьи, на третьем и четвертом этажах располагались защитники, а пятый этаж предназначался для наблюдателей и воинов. В мирное время на третьем этаже устраивалась кунацкая. Здесь висело оружие хозяина, его парадная одежда, хранились постельные принадлежности, столик на низких ножках и другие необходимые предметы быта. В мирное время на верхних этажах размещали запасы продовольствия и разного рода инвентарь. Иногда их использовали как дополнительное жилье для гостей и молодоженов. Сообщение между этажами осуществлялось при помощи бревна с зарубками через лаз, который устраивали в углу. Свет в помещения проникал через небольшие отверстия – бойницы (для ведения преимущественно ружейного боя).

Сигнальная башня строилась в таком месте, где имелась визуальная связь со смежными башнями сигнальной системы, для передачи сигналов о военной опасности. Они всегда являлись частью системы, объединяющей большие территории. Однако сигнальные башни в большинстве случаев были также боевыми, хотя иногда их функции выполняли и башни, встроенные в скалы и пещеры (Ушкалинская, Нихалойская).

Особые сторожевые башни строились у мостов, возле дорог, в тесных проходах в ущельях для их охраны. Башни являлись сложным архитектурным сооружением и возводились под руководством профессиональных мастеров-строителей, которые были известны далеко за пределами Чечни. Народная память сохранила имена некоторых из них: Бики из Харачоя, Дисхи из Нашхи, Хала из Шикороя, Багат из Майсты и многие другие.

Боевая башня
Итум-Калинский район, верховья ущелья Малхиста
Фото Л. Ильясова, 1999 г.

Основной функцией боевой башни была оборонительная, поэтому особое внимание уделялось ее фортификационным свойствам, и в то же время немаловажное значение придавали и чисто эстетическим принципам. Стройность и ощущение устремленности ввысь придает башням их пирамидальный, сужающийся кверху силуэт. Для этого, как считают специалисты-архитекторы, требовалось большое мастерство каменщиков, поскольку возвести каменную стену, выдерживая точный угол наклона, довольно сложно. Для возведения стен использовали внутренние леса, которые устанавливали на угловые камни, имевшие специальные выступы. Наклон делали для того, чтобы камни, сбрасываемые сверху, рикошетом ударялись о стену и падали, поражая осаждающих в неожиданных местах. Входная дверь вела на второй этаж, куда можно было попасть только по приставной лестнице. В минуту опасности лестница поднималась наверх и башня превращалась в неприступную крепость. Из машикулей на головы осаждающих башню врагов лилась кипящая вода или смола, летели стрелы. Посильную помощь оказывали дети и женщины. Интересная и строго продуманная оборонительная система помогала защитникам башни долгое время успешно противостоять крупным силам противника.

Кровля боевых башен могла быть плоской (иногда с зубцами) или пирамидально-ступенчатой. Башни с плоской кровлей чаще всего строили в недоступных местах, на вершинах обрывистых утесов, на речных мысах (бекхалинская и хаскалинская башни в Итум-Калинском районе). Боевые башни

Боевая башня в с. Хаскали
Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2011 г.

Полубоевая башня в с. Никарой
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2009 г.

с плоской кровлей и с зубцами по углам могли быть и сигнальными, и сторожевыми, и частью комплекса. Таких башен в Чечне сравнительно немного (например, боевая башня на берегу Меши-хи в Малхисте) (*Ильясов*, 2006. С. 11–118). Башни с пирамидально-ступенчатой кровлей являются наиболее поздними из всех видов боевых башен в горах Чечни. Они в основном были частью замкового комплекса. Такие башни встречаются и на соседних территориях: в Ингушетии, единично – в Грузии (как утверждают исследователи, они построены вайнахскими мастерами) (*Ильясов*, 2006. С. 118). Со временем башенные строения, состоящие из боевых и жилых башен, трансформировались в замки. Они были обнесены каменной стеной, таким образом получался закрытый двор. Появление замков в горной Чечне связано с усилением классовой борьбы и углублением социальной дифференциации местного общества.

Сохранившиеся на сегодня на территории Чечни замковые комплексы связываются с именами местных феодалов. Так, замок у с. Кезеной принадлежал владельцу Чеберлоевских обществ Алдам-Гіеза. По сути, он представлял собой средневековую крепость, расположенную на высоком утесе. Кроме Кезенойского, известны и другие замковые комплексы на территории Чечни: цитадель Кирда-Бавнаш, Басхойский замок, крепость Васеркел, Коротохский замок в верховьях Аргуна, замок в ущелье р. Меши, Моцаройский замковый комплекс в ущелье Терлой и многие другие (*Ильясов*, 2004. С. 372–382).

Замок с оборонительной стеной назывался у чеченцев *гІап*, цитадель же обозначалась термином *гІала*. Средневековая чеченская крепость – это мощное фортификационное сооружение, занимавшее значительную площадь, включавшее в себя и башенные комплексы, и замки, и цитадели.

По мнению некоторых исследователей, возведение замков и башенных комплексов приходится на XV–XVI вв., когда территорию Чечни покинули сначала монголо-татары, а затем и отряды Тимура. Это было время социально-экономического возрождения Чечни после опустошительных нашествий кочевников. В этот период в Чечне происходят интенсивные этнические процессы, формируются новые территориальные общности, завершается складывание единой материальной культуры, в частности одного из ее видов – башенной и склеповой архитектуры. Экономический подъем приводит к резкому социальному расслоению чеченского общества. В горной Чечне продолжается генезис феодальных отношений и материальное подтверждение этому – мощные замковые комплексы и цитадели в горах (*Ильясов*, 2004. С. 162–180). В ходе Кавказской войны в первой половине XIX в. многие архитектурные сооружения, в том числе башни и замки, были разрушены. Уцелевшие были покинуты, поскольку необходимость в их использовании по назначению отпала. Следует отметить, что большой урон этим памятникам нанесли военные действия (бомбардировки и умышленный расстрел) на территории Чечни последнего десятилетия XX в.

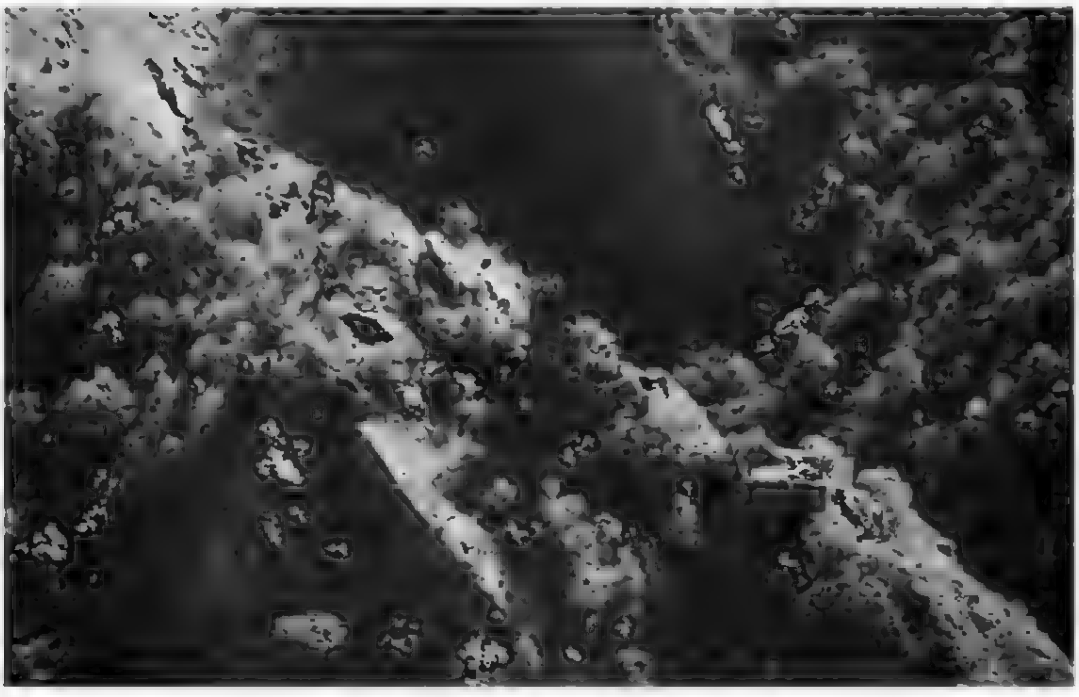
Важным элементом структуры поселения является некрополь. В пределах почти того же ареала, где встречаются башни и башенные поселки, располагаются каменные склепы – некрополи. Они разбросаны по горам поодиночке, а иногда составляют целые «города мертвых». Наиболее известны на территории Чечни «города мертвых» в Цой-Педе и Майсте.

Замок в с. Коротах

Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 1999 г.

Замок в с. Пого

Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 1999 г.



Крепость Васерман
Игум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2010 г.

Крепость Казанск
Водинский район
Фото Л. Ильясова, 2010 г.

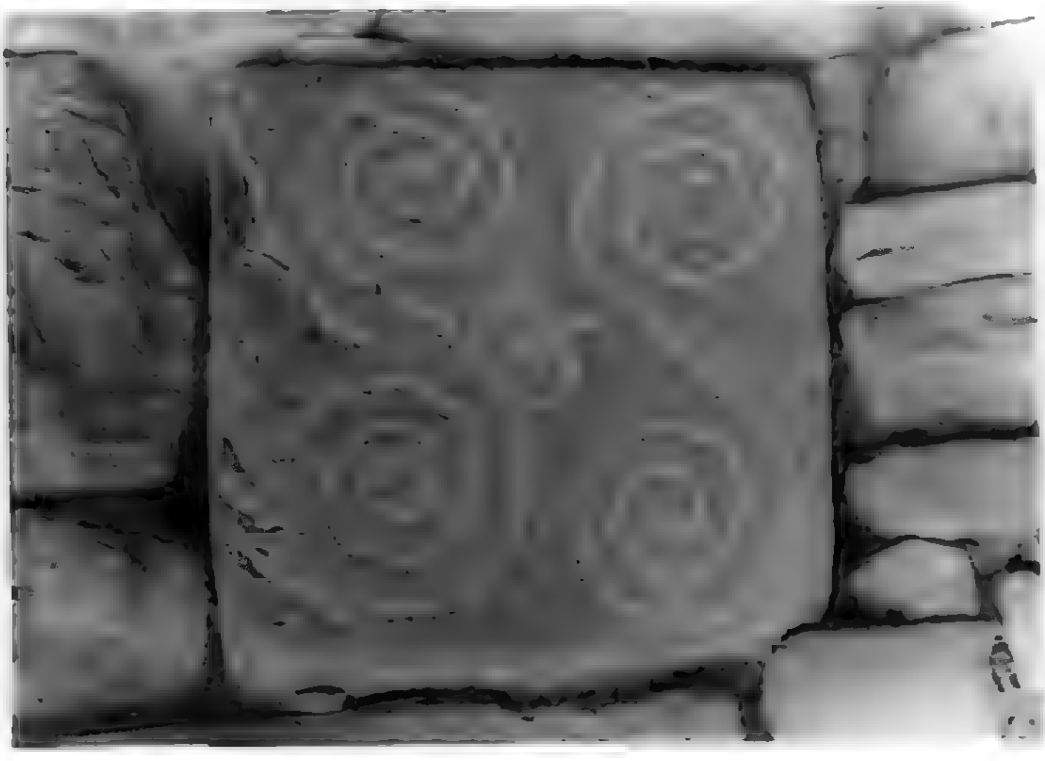
Машикули боевой башни в с. Шарой
***Ильясов*, 2004. С. 157**

Средневековый замковый комплекс в с. Итум-Кала
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2008 г.

Крепость Бекхайла
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2008 г.

Некрополь Цой-педе
Итум-Калинский район, верховья ущелья Мелхиста
Фото Л. Ильясова, 2010 г.

Надземный склеп
Горная Чечня
Фото Л. Ильясова, 2010 г.



Орнамент на камне
Горная Чечня
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Склепы (*маьлхан кешнаш* – солнечные могильники) служили фамильными усыпальницами, в которых горные чеченцы хоронили умерших сородичей вплоть до середины XIX в. Некоторые из них достигают значительных размеров (к примеру, наземный башнеобразный склеп аула Коротах). Здесь же на протяжении XVI–XVIII вв. строили языческие святилища и мавзолеи.

Склепы встречаются нескольких типов: подземные, полуподземные и наземные. Подземные склепы – полностью уходящие под землю прямоугольные погребальные камеры, стены которых выложены из камней, а кровля сделана из каменных плит. Внутри камеры, вдоль стен устраивались в несколько рядов каменные полки. На них укладывали тела умерших. В одной из поперечных стен проделывался прямоугольный вход, который после завершения ритуала засыпался землей, на поверхности земли они были практически незаметны.

Полуподземные склепы отличаются от подземных тем, что часть стен с кровлей и вход вынесены на поверхность склона. Внутри них также устроены каменные полки. Часто в таких склепах сводчатые потолки, образованные за счет наклона кладки боковых стен.

Наземные склепы – это тип погребальных сооружений, которые воздвигали полностью на поверхности земли. Среди этих построек выделяются склепы с прямоугольным основанием и двускатной ступенчатой крышей, склепы с особым преддверием на фасаде в виде лоджии, служившей поминальной камерой; прямоугольные склепы с гладкой двускатной слегка выпуклой кровлей; многоярусные «башенные» склепы со ступенчато-пирамидальным шиферным перекрытием или с выступающими шпилями на углах плоской кровли и др. Большинство наземных и полуподземных склепов имеют одну погребальную камеру, но изредка встречаются двухкамерные склепы с одним или двумя лазами. В башенных склепах в каждый ярус ведет свой лаз. При строительстве склепов использовался прочный известковый раствор, снаружи и внутри они покрывались штукатуркой желтоватого цвета. Перекрытие таких построек всегда выполнено в технике ложного свода.

Склеповые захоронения, несомненно, тесно связаны с культом мертвых, который в прошлом имел широкое распространение у чеченцев. Само название склепа – *малхкаш* (солнечная могила) позволяет связать эту погребальную культуру с культом Солнца. Возможно, таким образом нахи давали возможность своим умершим предкам не покидать этот солнечный мир, ведь согласно их древним религиозным воззрениям, Солнце является светилом этого мира, а в подземном мире светит Луна. К тому же склепы были фамильными. Люди и в загробном мире оказывались под одной крышей, вблизи от живых родственников. Согласно языческой мифологии нахов, люди и в мире мертвых живут родственными группами. Возможно, поэтому некрополи всегда располагались рядом с селением. Прошлое как бы сосуществовало с настоящим, живые с мертвыми, образуя единый мир (*Ильясов*, 2004. С. 221).

Строить и использовать по назначению данные погребальные памятники перестали с утверждением на территории Чечни мусульманской религии.

МЕТРОЛОГИЯ

Традиционная метрология чеченцев близка к тем приемам измерения, которые были приняты у других народов Северного Кавказа. В тот период, когда она была действенной системой организации занятий в сфере труда и быта, ее изучение не проводилось. Однако и во второй половине XX в., и даже позднее многие ее особенности были доступны полевому этнографическому исследованию. Ее базу составляли меры практического происхождения, весьма эффективные в бытовой сфере культуры.

Большую группу мер образовывали при помощи кисти руки, применение развернутой кисти создавало меры с использованием пальцев и ладони. Закрытая кисть с прижатыми пальцами превращалась в кулак (*буй*), с его шириной, равной ширине ладони (10 см), и длиной от запястного сустава до выступающих фаланг пальцев (12 см) (*Шавлаева*, 2012. С. 173).

В числе минимальных линейных мер присутствовала *пIелг*, или *цхьа пIелг* (палец, равный 2 см), – ширина пальца руки, как правило, указательного. Основной областью ее функционального употребления была сфера женского рукоделия, раскрой ткани, размещение нитей основы на станке для плетения узорных циновок. Сложением пальцев вместе получали ширину двух пальцев *ши пIелг* – 4 см, трех пальцев и далее.

Повторенная ширина пальца давала и другие меры. Популярной мерой были два пальца, сложенные вместе – поперечный размер двух пальцев – среднего и безымянного (около 4 см), так по всему Северному Кавказу на пальцах показывали величину русского вершка (4,4 см).

Использовались меры, близкие к ширине ладони. Первой из них была ширина четырех пальцев между их суставами по линии соединения средней и дистальной фаланги указательного пальца и мизинца, что составляло 7–7,5 см. Другой мерой была полная ширина всех пальцев – по их суставам с прижатым большим (от основания его дистальной фаланги – 10–11 см) пальцем. Меры в несколько пальцев позволяли измерить глубину борозды при вспашке, толщину жира на туше барана. В этих мерах было принято измерять движение попадавшего в дымоход солнечного луча по полу или стене дома, что позволяло сконструировать своеобразный календарь в жилище чеченцев.

Следующей мерой была *кара* (*киере*) – длина кисти, измеряемая от конца дистальной фаланги среднего пальца до межзапястного сустава кисти руки. Длина кисти равняется большой пяди. Прослеживаются два варианта дюйма: длина проксимального сустава пальца руки *карана бухь* (3 см) и длина его среднего сустава *карана юьхь* (3,5 см) (Там же).

Из малых линейных единиц наиболее часто применялись две разновидности пяди, малая и большая. *Гэ – малая пядь,* расстояние между концами ногтевых фаланг раздвинутых большого и указательного пальца – 15 см; половина – *ахге* (т.е. 8 см) исполнялась как расстояние от кончика большого пальца до нижнего сустава указательного пальца. Кроме того, малая пядь и в наше время на руке показывается как полная длина указательного пальца до места сочленения пястной кости большого пальца с большой многоугольной костью, т.е. до самого основания большого пальца. Малая пядь у чеченцев традиционно считалась женской мерой, связанной с рукоделием.

Предположительно малая пядь была той мерой, которая имела применение в строительстве средневековых памятников, близкий модуль (0,14±0,002 м) определяется при статистическом анализе размеров входных проемов башен и склепов Чечни.

Показательно, что в этнографических источниках по всему Северному Кавказу практически нет характеристик малой пяди как меры, использовавшейся в мужских занятиях, в том числе и в строительном деле. Информанты-чеченцы все же сообщали о применении малой пяди при измерении глубины борозды, высоты поднявшихся посевов, т.е. о применении малой пяди и как мужской меры. Примечательно, что существовал подвариант малой пяди, или расстояние от основания указательного пальца до конца большого, оттянутого в сторону – *карана юкъ*, равный 7,5–8 см, не отмеченный в других районах Северного Кавказа (Там же). То же можно сказать и о мере *карана дух* – расстоянии от основания проксимальной фаланги большого пальца до межзапястного сустава – 5,5–6 см.

Ше – большая пядь, расстояние от кончика большого пальца до кончика мизинца, существовала в двух вариантах: женская – *жима ше*, равная 19–20 см, и мужская – *йоккха ше*, равная 22–23 см. Две пяди составляли малый локоть. Наши современники показывают большую пядь на руке как расстояние от конца ногтевой фаланги среднего пальца до лучепястного сустава.

Для определения размеров пяди любопытны примеры, связывающие ее с современными линейными мерами метрической системы. Так, четыре с половиной большие пяди сопоставляются с 1 м (100 см), а две большие и одна малая пяди близки к полуметру (50 см). В таком случае величина малой пяди составляет 12–15 см, а большой 20–23 см.

В прошлом отмечался особый способ пользования пядями, когда в центре чеченского селения ставился высокий шест-*гномон*, по длине тени которого можно было узнать время. Длина тени измерялась в больших или малых пядях, как было принято у жителей селения.

Достоянием метрологии чеченцев, но не оригинальным ее изобретением, была «пядь с кувырком», т.е. любая разновидность пяди, к которой добавлялся еще какой-то элемент, увеличивавший величину меры. Такая мера называлась «пядь с бугорком» – *букир ге* (до 20–22 см) или *букир ше* (до 29–31 см).

Существовали две разновидности меры, называемые *дуол* – локоть. Одна из них, малый локоть *жима дуол* (женский локоть), равный расстоянию от локтевого сустава до запястного сустава или до угла между указательным и большим пальцами, был удобен для измерения ткани или нитей, наматываемых на локтевую часть руки, что делало его особо применимым в женском рукоделии. В сводке О.В. Маркграфа указывается на применение малого локтя как специальной меры для измерения ткани (*Маркграф*, 1882. С. 96). В Чечено-русском словаре Л.Х. Мациева отмечено, что локоть равен трем пядям, но не сказано, каким именно он был (*Мациев*, 1961. С. 154).

Вторая разновидность большой локоть (*доккха дуол*) понималась как расстояние до концов пальцев расправленной кисти; это была преимущественно строительная мера. Имеются сведения, что нормальной величиной длины и ширины жилой комнаты в чеченском жилище считался размер в 8 локтей. Большой локоть часто приравнивали к русскому аршину (*аьрши*).

Измерения малыми локтями и аршинами были особенно применимы в женских промыслах – ткацком и войлочном производстве, процессах кройки и шитья. К примеру, в ткацком производстве делали зарядку нитей длиной в 30–40 локтей, рассчитанную на выход стандартного отреза сукна. За один рабочий день поздней осенью хорошая ткачиха могла соткать 7–8 локтей сукна.

Движение руки, как и различные положения пальцев руки и кисти, позволяют получить достаточно большой набор линейных расстояний. Большинство из этих позиций ситуационны и не всегда обозначались особыми терминами, т.е. не сложились в меры. Исключение составляет расстояние *mIyod*, представляемое от плечевого сустава до кончиков пальцев при вытянутой в сторону руке, называемое также *аьрши*, т.е. аршин – 72 см.

Примечательно, что термин *аьрши* имеет два значения. В одном случае он обозначает русскую единицу измерения и равную ей деревянную линейку, использовавшуюся в торговых лавках в царское время и несколько позже. Длина русского аршина была точной – 71,6 см. В другом случае это действительно бытовая мера, возникшая на границе двух категорий народных мер – движения руки и размаха рук. Именно в таком смысле «аршин – *рука*». Эта мера существовала на Востоке, откуда вошла и в русскую метрологию, сделавшую ее точной единицей измерения. Следовательно, чеченская *аьрши-рука* может иметь двоякую природу: не только может сохранять начальный «восточный» смысл, но и быть способом приспособления русской меры к привычным приемам антропологических мерных действий, также, как это было с русским вершком. Как в целом в метрологии Восточной Европы и какой-то части Ближнего Востока мера *аршин-рука* в позднее Средневековье вытеснила малый локоть, так и в метрологии народов Северного Кавказа в российское время (в основном в начале XX в.) торговый аршин сменил старые традиционные меры: адли, локоть, руку и т.п. Аршин стал преимущественно женской мерой, точнее, мерой измерения ткани, как фабричной, так и домотканой. В результате и в Чечне отрез ткани на черкеску стал измеряться не в локтях, а в аршинах.

Поскольку аршин стал принятой традиционной мерой, которая имела в быту более значительную вариативность, чем торговый (лавочный) образец, то сохранилась вариативность длины изготовляемого в домашних условиях отреза ткани, а в ряде случаев она даже и увеличилась. Известно, что отрез ткани, достаточный для пошива черкески, был на Северном Кавказе расчетной единицей, и в силу этого его размер представлялся нормативным, но также известно, что в разных обществах Чечни длина такого куска ткани не была одинаковой, варьируя в пределах 16–18 аршин. При этом нормативность размеров отреза проявлялась и в том, что было известно, какая доля отреза пойдет на изготовление любого предмета мужской и женской одежды (*Шавлаева*, 2009. С. 89).

Распространение в начале XX в. русского аршина и условное помещение аршина в категорию женских мер не могут служить причинами исключать меры, порожденные движениями руки, из числа мужских. Главным признаком руки является то, что ее движение демонстрирует глубину личного пространства индивида, что имело значение для контактов мужчин во внешнем пространстве.

Как и у других народов Северного Кавказа, у чеченцев мужской мерой был *пхъагIам* – размах рук, т.е. расстояние между кончиками средних пальцев обеих рук, вытянутых в стороны, или маховая сажень. Размах рук приравнивался в традиционной метрологии к росту человека. Применение собственно размаха рук было ограничено. Так, обычно в разных районах Северного Кавказа использование этой меры связывается с измерениями стога сена или вязанки дров. Более применима была мера *ахпхъагIам* – половина *пхъагIам,* измеряемая до грудины. Однако в Чечне более распространенными мерами были локоть и, позднее, аршин. Локоть *дуол* и половина размаха рук *ахпхъагIам* могли быть взаимозаменяемыми мерами, а если и существовали самостоятельно, то не всегда их удается различить без конкретного указания. Так, строительный модуль, который был выявлен при статистическом анализе размеров средневековых чеченских башен, составил величину 0,886±0,10 м, что можно трактовать как использование и двойного локтя и как половины размаха рук. В грузинской метрологии имеется для данной единицы измерения аналог в виде меры *адли*, которая имеет, в том числе, трактовку как двойной локоть.

Подобные расчеты, примененные к размерам склепов средневековой Чечни, дали единицу измерения в 0,57±0,14 м, что указывает на применение большого локтя. Однако то, что эта величина фактически совпадает с размером ширины входного проема склепа (0,55±0,01 м), можно рассматривать как использование данного параметра в виде модуля конструкции, в равной степени и структурного и размерного.

У чеченцев зафиксировано существование ряда мер, представлявших варианты размаха рук, слабо известные в других районах Северного Кавказа. Так, отмечены *кошгIера* (с плеч) – расстояние от правого плеча до кончиков пальцев левой руки при вытянутой левой руке, равное одному метру или одному аршину с добавленным малым локтем; два варианта меры от носа или от прижатого к плечу подбородка до пальцев вытянутой в сторону руки, когда голова поворачивалась либо в сторону руки, либо в обратную сторону; мера *чIенгера* (от подбородка, с наклоном головы к правому плечу) – расстояние, равное одному аршину и одной большой пяди; меры, обеспеченные вариантами положения руки, когда рука сгибалась в локте, а пальцы прижимались к грудине, к противоположному плечу и т.д.

Были также известны разновидности сажени – большая, т.е. расстояние по прямой от земли до пальцев поднятой вверх руки, и косая, так называемая *ми пхьагIат* (букв. «размах с наклоном») – расстояние по диагонали от ноги до кончиков пальцев руки, вытянутой вверх. Маховая сажень приравнивалась к 5 локтям.

Шаг *гIулч* был мерой, применявшейся при измерении земли, небольших расстояний, но также входил в категорию линейных мер в том случае, когда планировались размеры войлочных изделий, особенно узорных войлоков *къорза истанг.* Для этого шерсть раскладывали на циновке, лежавшей на земле, и вымеряли шагами ее размеры, предполагая, что они значительно уменьшатся при уваливании войлока.

Использование шага в измерении небольших расстояний существовало, как и у многих других народов, в двух разновидностях приемов, когда человек делал обычный шаг или когда он его немного растягивал. Считалось,

что и в том и в другом случае шаг приравнивался к двум локтям. Такой шаг мог составить длину от 80 до 100 см или чуть более, что говорит о том, что и малый шаг был чуть-чуть растянут. Известен был также и двойной шаг – *ши гIулч*.

Использование длины ступни (*фут*) в измерении расстояний, по свидетельствам информантов, было практически неизвестно, но оно имеет место в современных детских играх и спортивных состязаниях.

Измерение расстояний на земле шагами относится к действиям, совершавшимся спонтанно, шаг достиг значения мерного приема. Для измерения земли применялись специальные землемерные инструменты, включая появившийся вследствие русского влияния землеизмерительный циркуль, отмечавший отрезки в большую сажень – 213 см, и традиционные мерные шесты и веревки. Русское слово *сажень* проникло во все языки народов Северного Кавказа в значении инструмента землемера и указанной меры длины. Шест тоже имел длину, соответствующую величине большой сажени, но, вымеряясь по параметрам конкретной человеческой фигуры, не сводился к точному размеру, и длина его варьировала в зависимости от селения или местности. Чеченский мерный шест *гIуркх* измерялся от земли до кончиков пальцев вытянутой вверх руки и равнялся большой сажени. Мерный шест был известен очень широко и имел сходные названия у различных народов: адыг. – *къорег*, кабард. – *къурегъ*, карач.-балк. – *къурукъ*. Предполагается, что это название восходит к монгольскому *уурга* – обозначению длинного шеста с петлей для ловли скота (*Мусукаев*, 1984. С. 89). Длина шеста признавалась эталоном для селения, обычно в обществе была семья, в доме которой находились два локальных эталона измерений: землеизмерительный шест и сосуд-мерка. Представляет интерес, что чеченцы использовали шест *гIуркх* в тех случаях, когда размеры старого дома, согласно обычаю, переносились в неизменном виде на новое строение.

Веревки были длиннее шестов. Использовались они, как и везде, двумя способами: в качестве шнура неизвестной длины, позволявшего сравнить размеры, например, двух участков, но не установить их, и как мерный инструмент, содержащий какое-то количество единиц измерения. Кроме веревок определенной длины, использовались и те, которые не имели постоянного размера, но были разделены на сажени (маховые и позднее большие) (*Мамбетов*, 1971. С. 13). В каждом чеченском селении члены общины договаривались, сколько в веревке должно быть *нIагIам* (размахов рук, или маховых саженей). Были известны веревки *зае* длиной в три маховые сажени, но часто использовались просто ремни от упряжи, возможно, длина последних тоже как-то определялась.

У чеченцев существовала развитая система метрологии землепользования. В ее основе лежали приемы оценки качества земельного участка, получаемые благодаря подсчетам затрат на ее обработку и получение урожая, а также результатов труда.

Альтернативным приемом было сравнение площади участка, обычно небольшого, с площадью какого-то предмета. Образность данных мер была велика, что сильно расширяло их перечень: «земля размером, «достаточным, чтобы поставить ногу», «величиной с ладонь», достаточная для танцев, скачек» и т.д. На общем фоне выделяются такие меры, как «участок, покры-

ваемый телом быка, ложащегося на него», и особо – «земля, покрываемая буркой». Обе меры, очевидно, имеют более фольклорный характер, чем практический, и являются образными характеристиками малоземелья горского земледелия. Однако вторая мера обозначается собственным названием *хас*, что подчеркивает ее значимость. Наличие термина вызывает интерес, тем более что в сюжетах, относящихся к представлениям о метрологической деятельности у адыгов, фигурирует захваченный кем-то участок земли длиной с величину полета стрелы. В арабском мире словом *хас* (варианты *хасс*, *хасса, хассе*; мн. ч. *хавасс*, т.е. особый, специальный, собственный) в Средневековье назывались собственные земли монарха, его домен, в Османской империи – особо крупные феодальные владения. В тюркских языках слово *хас* имеет значение присущий, свойственный, а в составе тюркских и монгольских имен – красивый, достойный.

Возвращаясь к практическим приемам народной метрологии чеченцев, следует отметить, что ведущими мерами земельного надела были *загон* – участок, вспаханный за время между остановками упряжки волов, и «однодневная пахота», т.е. количество земли, вспаханной за световой день. *Загон* был мерой неопределенного вида, некоторую оценку его величины можно представить, исходя из того, что пахоту прерывали в течение дня до четырех раз, один раз обязательно около полудня. Имеющиеся в источниках оценки позволяют считать, что в равнинной Чечне загон составлял 300–400 кв. саженей (1/8–1/6 дес.), а в остальной ее части – 80–120 кв. саженей (Труды комиссии, 1908. С. 213, 223). *Загон* мог делиться на части, например, «загон в треть поля», «загон за половину дня работы».

У чеченцев для обозначения однодневной запашки существовали два названия: *гота* – термин, обозначавший также плуг с упряжкой (*Мациев*, 1961. С. 106) и *урд*. *Урд* являлся более отвлеченной мерой, поэтому информанты часто говорили, что *урд* могли допахивать и на следующий день. Существует и такая оценка: *урд* – площадь, вспахиваемая за один рабочий день одной упряжкой и равная одной сотке (*Хасиев*, 2004. С. 12). В сходных условиях горной местности, типичных для Ингушетии, размер однодневной пахоты составлял от 0,125 до 0,5 дес. Отмечается, что в Ингушетии величина однодневной пахоты установилась в виде отвлеченной единицы измерения площади.

Очевидно, каждая операция земледельца порождала свои собственные меры. Так, аналогом загона могла быть такая мера, как *мур*, – земельный участок, который одна женщина пропалывала, работая без остановки. Определить его физические размеры очень сложно, так как останавливаться не было принято, но, самое главное, нельзя было прополку оставлять на завтра. Есть оценки, позволяющие считать, что мур доходил до 0,3–0,4 сотки.

Измеряли земельный участок также по числу тех емкостей, из которых высевалось зерно. Таковыми могли быть и мерки, выдолбленные из дерева, обычно вместимостью в одну *гирду* (ок. 12 кг зерна), и другие предметы: мешки из телячьих и козьих шкур, хурджины (переметные сумы), сеяли также из головного убора – башлыка и даже из сложенного бешмета или рубахи. Очевидно, что в подобных случаях объемы посеянного зерна считали по числу мерок. В равнинной Чечне зерно старались бросать так, чтобы на участок, равный следу от копыта быка, попадало 9 зерен.

Основными зерновыми культурами были пшеница и ячмень, приемы их уборки послужили основой для метрологии уборки урожая. Появившаяся в XVII в. кукуруза хотя и получила впоследствии широкое распространение, преимущественно в равнинной Чечне, не требовала никаких единиц измерения, кроме емкостей (корзины, сапетки), в которые собирались початки, и не вызвала появления специфических приемов измерений.

Пшеницу и ячмень убирали, срезая колосья серпами. Объем срезанных серпом за раз колосьев у чеченцев назывался *ко* или *кус*, при этом различались меры *кара* – пучок колосьев, срезанный у корня 2–3 взмахами серпа, и простые пучки *ко/кус* (*Алироев,* 1975. С. 76). Пучки собирали в снопы, у вайнахов сноп состоял обычно из 3 пучков, как у осетин, карачаевцев и балкарцев; очевидно, это было признаком горского хозяйства. При складывании хлебных скирд на поле действовал некий ритм, позволяющий видеть в образовавшихся объемах определенные градации. У чеченцев и ингушей сначала из снопов складывали два варианта копны *оьэс/эс (Алироев,* 1975. С. 77), маленькую из 7–10 снопов, и копну побольше, состоявшую из 35 снопов. По аналогии с территориально близким хозяйством осетин маленькая копна была скорее присуща горным регионам, а большая – равнинным. Правомочно сравнение с практикой хранения хлеба в горной Ингушетии, где копна состояла из 20–40 снопов. Снопы также собирали в большую копну *гIама*; 2–3 *гIама* составляли еще большую копну *литIа*, весившей 8–10 пудов; *литIа* минимально состояла из 60 снопов (*Христианович*, 1924. С. 35; Труды комиссии, 1908. С. 173). Количество копен, составлявших урожай с одного участка, было и той мерой, которой этот участок характеризовался.

Следующими градациями объема были вместительность арбы, на которой перевозили колосья осенью на ток, и число настилов, т.е. количества снопов, которые одновременно укладывали на току для обмолота.

Сходным образом, с поправкой на технологию процесса, образовывались меры сенокошения. Минимальной мерой была трава, скошенная одним взмахом, она образовывала в горах небольшую копну *кьанч*, или *оьла* (*Мациев*, 1961. С. 237). Сено, собранное с одной полосы прокоса одним человеком, называлось *киес*. Другой базовой мерой был так называемый навильник, называемый чеченцам *шуор*, а ингушами *маркх (Алироев*, 1975. С. 307). Вес навильника составлял около 20 кг. На чеченской равнине собирали из 3–5 навильников крестец *гIама*, вес которого доходил до 5 пудов (ок. 80 кг) (ЦГА ЧР. Ф. 32. Оп. 1. Д. 21. Л. 89). Следующий по величине объем составлял стог *такхор*, величина которого не определялась. Была зафиксирована и такая последовательность объемов сенокошения: трава, скошенная за день (она называлась тем же словом, что и трава, срезанная за раз – *киес*) – копна *гIама* – большая копна *литта* (сложена из копен *гIама*) – стог *хуола* – большой стог *рагI.*

Для оценки величины покоса чеченцы также пользовались такой мерой, как результат работы одного мужчины-косаря в день, но, в зависимости от характера земли, однодневный покос мог быть приравнен и к «двум косарям». У ингушей объем сена, скошенного за день, назывался *цен,* однако неизвестно, на работу какого числа косарей он был рассчитан. Величина этой меры колебалась от 6 до 25 копен, а вес копны находился в пределах 160–260 кг.

Овцеводство, как ведущая отрасль скотоводства, обеспечивала многие потребности местных жителей. Значимой статьей дохода было получение шерсти, что привело к созданию метрологии обработки шерсти.

Шерсть, снятая с одной овцы, или руно, являлась основной единицей измерения, что сохранялось и при российской власти. Известно, что традиционно на Северном Кавказе шерсть продавалась рунами, а не на вес. К одному русскому пуду приравнивались 22 руна овечьей шерсти (*Маркграф*, 1882. С. 24, 33). Руно у чеченцев и ингушей называлось *тхонка* (*Алироев*, 1975. С. 151). В среднем после очистки грязной стриженой шерсти получали 8–10 фунтов продукции (3,3–4 кг), годящейся для дальнейшей работы.

Для прядения шерсть сортировали, очищали руками, разделяли волокна на гребне-чесалке, разбивали лучком, и затем пряли. Очищенная и взбитая шерсть воспринималась как некий единый объем без особого измерения, его могли сравнивать с охапкой сена. Специфические меры обработки шерсти, каждая из которых порождена своеобразным технологическим приемом, были связаны с процессом прядения. Первой мерой был «пучок шерсти, одновременно расчесываемый на гребне-чесалке» – *улх* (*Мациев*, 1961. С. 249). Пряли на ручном веретене, что делалось и сидя, и на ходу. Для облегчения работы непряденую шерсть наматывали полосками на кисть руки, и оттуда ее брали на веретено. Такой моток шерсти *кхорхк* считался мерой объема (*Пухаева*, 1972. С. 151; *Алироев*, 1975. С. 149). Из мотка шерсти в результате прядения получалось одно веретено – *урчакх*, а из одного руна можно было приготовить восемь веретен. Полное веретено представляет конусовидную массу из нитей, основание конуса равняется диаметру пряслица, а высота длине веретена от пряслица до нарезки, к которой привязывается конец нити. Готовая пряжа измерялась мотками, накрученными на кисть руки (*билзиг*). *Билзиг* равнялся двум веретенам или четверти руна. Другим способом измерения, и в большей степени хранения, являлась перемотка на большие веретена по две-три нити, чем подготавливался процесс сучения. Такое большое веретено могло быть приравнено к одному руну.

Следующей операцией было ткачество, когда получался кусок ткани определенного размера – *кийсак, маша.* По сведениям О. Маркграфа, подготовка пряжи для отреза ткани, годного на верхнюю мужскую одежду типа черкески, т.е. длиной не менее 16 аршин и шириной около 8 вершков, требовала не менее 7 дней.

Рассматривая метрологию обработки шерсти, нетрудно прийти к выводу, что собственными приемами измерения материалов и готовой продукции должны были обладать и другие промыслы. В то же время общим для разного вида занятий было обращение к линейным мерам антропометрического происхождения и использование общей системы объемо-весовых мер.

Категория веса была слабо развита в народной метрологии Северного Кавказа XIX – начала XX в. Применялись либо веса, известные в других системах измерений (восточной, русской), либо два приема оценки веса, типичные для методов традиционной метрологии: сопоставление с какими-то предметами, вес которых представлялся понятным или сопоставимым с весом нужной вещи, или выражение веса через объем известной емкости. Так, чеченские златокузнецы могли использовать вес серебряного гвоздика для

взвешивания какой-то детали ювелирного изделия, или совсем маленькие весовые эталоны вроде надкрылья жука, крылышка бабочки и т.п.

Собственно меры веса были заимствованными. Русские веса существовали как таковые, но редко употреблялись в народном быту. В основном были известны две единицы – фунт (в русской узаконенной государством системе на 1890 г. равный 0,40951241 кг, или 1\40 пуда) и пуд (соответственно 16,3804815 кг). Остальные единицы веса употреблялись редко.

Восточные меры веса, напротив, издавна вошли в местную объемо-весовую практику измерений, их представляли мерки соответствующего объема. Главные весовые единицы легко прочитываются в названии таких мерок. Ими являлись *гирванка/герке*, мера веса, близкая к фунту; *сах,* единица измерения веса, широко известная на Востоке под этим названием и равная 8 гирванкам/фунтам, и *гирда*, приближенно равная 12 кг. Название последней является местным вариантом термина *ратль*, принятого в странах Востока, распространенного, в частности, в Дагестане и являющегося, очевидно, вариантом произношения соответствующего древнегреческого слова *литрон/litron*. Если *гирванка/герке* могла быть представлена камнем-гирей, то *сах* и *гирда* имели преимущественно объемное выражение, используясь для измерения, в первую очередь, сыпучих продуктов (зерна, муки и др.), во вторую очередь, жидкостей. *Сахъ* у чеченцев не в объемном, а в весовом измерении состоял из 8 *герке*, а *герке* приравнивалась к русскому фунту, или к *гирванке*, мере, близкой к 400 г, которая была известна и в центральной части Северного Кавказа (*джырончIэ* – адыг. и кабард., *джиронка* – осет., *гюренке* – карач.-балк.).

В систему вайнахских весо-объемных мер входили и несистемные меры антропометрического и неантропометрического характера, представленные мерками, в том числе и теми, у которых функция измерения была вторичной, как у посуды.

Есть возможность представить ряд дискретных мер объема, включая объемо-весовые. Начинается их перечень с пригоршни, одинарной или двойной, но, можно допустить, что, как и у других народов Северного Кавказа, одной из начальных малых мер был объем газыря, емкости для заряда, находившегося в нагрудном кармашке черкески. Сомнения в существовании такой меры связываются только с тем, что черкеска для чеченцев в прошлом была хоть и желанной нарядной одеждой, но не имела всеобщего распространения.

В качестве начальной мерки малой емкости более известен был наперсток *тIара.* Следующей по величине была пригоршня (горсть) *кана,* она составляла около 340 г, три пригоршни нашими современниками приравниваются к 1 кг. При посеве порцию зерна отмеряли горстями. В горной Чечне приглашали умелого сеятеля, который мог правильно разбрасывать зерно на расстояние в 2–3 м. Пригоршней отмеряли муку у ингушей, за помол муки мельнику платили с вьюка ишака 3,5 пригоршни муки – *коана* (*Далгат*, 1929. С. 360). У вайнахов 5 пригоршней могли составлять один *сахъ*, а 25 – одну *гирду*, но обычно *сахъ* был равен 1/4 *гирды*, и тогда считалось, что *гирда* содержит 23 пригоршни (*Алироев*, 1975. С. 269).

Зерно для посева измеряли в таких емкостях, как *мазала* (24 кг), *гирда* (12 кг), *сахь* (8 пригоршней), *чептар* – (от рус. четверть, т.е. четверть фунта)

(*Алироев*, 1978. С. 172). Существовали малые мерки для сыпучих продуктов: *чами* – ковш (0,5–2 кг), кружка *кад* (1–3 кг), *чада* – деревянная ложка, вмещавшая 1/3 пригоршни.

Ковши *чами,* когда они приравнивались к одному саху, вмещали (для определения емкости были обмерены в 1985 г. предметы из коллекции Грозненского музея) от 2300 до 2800 куб. см. Вариации в величинах мер усиливались еще и потому, что зерно в совки насыпали как вровень с краями, так и с верхом.

Основным мерным сосудом была *герд*, или *гирда* – мерка, соответствовавшая 12, а позднее 16 кг, долбленый деревянный сосуд со специально оформленной ручкой. Кроме того, существовала мерка в 24 кг, не имевшая названия (*Далгат,* 1929. С. 353). Упоминаются также *бустург* – неопределенная мера зерна и *телсиш* – хурджин, по объему заменявший деревянную мерку емкостью 12 кг (*Саидов,*1968. С. 276).

Мерка для муки (*хара*)
Веденский район, с. Харачой
РЭМ 9988-7

Полная объемо-весовая система составляла последовательность: *гали* = 2 × 2 = 4 *мазал* = 2 × 4 = 8 *гирды* = 4 × 8 =32 *сах* = 32 × 24 = 768 пригоршней.

О том, что *гирда* еще долгое время после усвоения русской и даже метрической весовых систем сохранялась как объемная характеристика, можно судить по трем меркам из собрания Национального музея Чеченской Республики. На первой из них (ОС 11994), высота которой составляет 24 см, верхний диаметр – 27 см, нижний диаметр – 30 см, находились арабская дата 1310 Г.Х. и русская 1962 г. надпись чернилами: «16 литров зерна до уровня». На второй (ОС 11395) с соответствующими размерами 35, 25,5 и 30,5 см – надпись: «35–1/2 банок (полуторалитровых. – *В.Д.*)». Третья мерка (ОС 3169), вмещающая 12 л зерна, соответственно имеет размеры 20, 20 и 14,5 см и относится к более раннему времени.

Мерками в быту чеченцев служили в случае небходимости: *Іайг* – ложка, *зок* – маленькая кружка, *кад* – чашка, бокал (ими также отмеряли муку, оплачивая труд общественного пастуха), *хедыр*, *бошхан* – тарелка, *буога* – глубокая миска, *шун* – блюдо на 5 человек, *чара* – очень большое блюдо, *чийлик* – ведро, *шелиг* – очень большое ведро, *тІаькха* – кадка.

По данным метрологии вайнахов и народов аварской общности можно сделать вывод о том, что единицей, являющейся модулем образования

бытовых и мерных емкостей, была объемная величина в пределах 340–412 куб. см. Эту емкость можно уверенно сопоставить с *гирванкой*.

Еще одной категорией фактов традиционной метрологии являются единицы измерения расстояний. Первая категория данных мер основана на ощущениях дальности, на которой находится от субъекта источник звука или видимый объект. Глазомер был принят, но возможности развития его приемов были, с одной стороны, ограничены условиями пересеченной местности. Вследствие этого в ходе полевой работы фиксируется, что глазомер, основном, был ограничен либо констатацией основного принципа зрительного измерения – *бIаьрго ма лоццу* («насколько глаз может взять»), либо приемами спонтанного сравнения – например, «так же, как до того дерева». С другой стороны, сохранились упоминания о приемах народной углоизмерительной глазомерной практики, когда расстояния до объекта на местности определялись величинами предметов, находящихся непосредственно перед глазом, например, собственного пальца, ногтя, ружейного патрона, в наше время – коробка спичек и т.п. Как результат такого подхода появлялись меры «на длину иголки», «на величину шерстинки». Для глазомерной практики были важны сравнения с постоянной высотой объектов или предметов – с фигурой человека, всадником, деревом и знакомыми деталями местности. Известны были также приемы измерения дальности с помощью прицела на огнестрельном оружии.

Легко вспоминаемые меры расстояния до источника звука, являющиеся типичными для метрологии народов Северного Кавказа, образуют довольно обширный перечень, порожденный разновидностью источника звука: расстояние, на котором слышны журчание воды, речь человека, крик мужчины или женщины, звуки, типичные для населенного пункта, вой волчьей стаи, стук копыт. Заслуживают упоминания дистанции *жIали хазе* – расстояние, на котором слышен лай собак, и *тарсие* – расстояние, на котором слышно ржание лошадей (около 400–600 шагов). Различались расстояния, на котором можно было вообще услышать громкий голос, почти крик, и то, на котором можно было услышать призыв, крик о помощи – *орца хазе* (*Шавлаева,* 2012. С. 175). Последняя мера была рудиментом имевшейся в прошлом системы безопасности, когда громким криком дозорного или очевидца жители селения оповещались об опасности. Расстояние до таких мест, откуда подавался голосовой сигнал, в зависимости от местных условий достигало до 800–1000 м. Считалось, что расстояние от одной оборонительной башни до другой должно быть таким, «чтобы было слышно, как кричит мужчина».

Пользовались звуком при определении расстояний, когда считали время между собственным криком и вернувшимся звуком эха. Данный прием требовал некоторого умения, чтобы получить (или выделить) один единственный отраженный звук, что нечасто удавалось в горной местности.

В условиях пересеченного рельефа, типичного для предгорьев и гор, расстояния дальности восприятия звука были эффективным приемом создания бытовой информационной системы. Обычно знатоками приемов традиционной метрологии вспоминается множество таких мер, несколько труднее дается их характеристика в линейных единицах измерения, которыми чаще являются шаги. Собеседники подчеркивали, что существование таких мер было связано с хорошим знанием местности, в числе таких знатоков называ-

ли охотников, пастухов. Можно также добавить, что метрология расстояний, возникших по дальности распространения звука, обязана своим существованием лесистой природе основной территории Чечни и особенностям мужского поведения, порожденным длительным пребыванием под открытым небом: охоте, горному земледелию, пастушескому быту, действиям в набегах, когда успех зависел от способности услышать звуки деятельности противника и не дать услышать себя.

Следующая категория мер расстояния также типична для народной метрологии, когда расстояния измеряются движением каких-то тел или длительностью пути. В первом случае возникали меры небольших дистанций: расстояние, на которое можно было забросить камень, ком земли, палку; близкими по генезису были такие меры, как дистанция выстрела из ружья, пистолета, лука. Известно, что дальность полета стрелы принималась во внимание при организации фортификационной системы позднего Средневековья, объединявшей боевые башни. Перестрелы были также известным на Северном Кавказе приемом установления права землепользования. Во втором случае дистанции были больше, и они соотносились, с одной стороны, с такой базовой единицей счета времени, как световой день, а с другой, со скоростью применявшегося транспортного средства. Среди данных мер расстояния были: день пути пешего (*гIаш некъ*), конного (*говрахь некъ*), запряженной быками повозки или какие-то части дистанций, например, расстояния между остановками для отдыха. Отдых считался эффективным, если путнику удавалось вымыть ноги. Свойства транспортного средства порождали и такие меры – «пока конь не остановится» и т.п. В чеченских легендах упоминается такая мера, как «полет орла» (Сказки, 1983. С. 23–250).

Приемы измерения расстояний позволяют составить некоторое представление о хронотопе вайнахской культуры. Так, «чеченская верста» – *чакхарма* (название, очевидно, происходит от тюркского термина, обозначающего дистанцию слышимости крика человека) – имеет достаточно точное временное определение как расстояние, соответствующее 1/10 двухчасового периода, принятого у чеченцев за основную единицу измерения времени суток. Любопытно, что сохранились сведения о том, что «чеченская верста» могла иметь и весьма точное измерение благодаря своеобразному «спидометру»: на ободе колеса арбы закреплялся небольшой камень, из-за чего колесо ритмично подскакивало, а число подскоков за время пути можно было сосчитать.

Размер этой единицы измерения расстояния варьировал в зависимости от местности, и в горах *чакхарма* была в два раза короче, чем на равнине. Была известна *бола чакхарма* – «чакхарма вестового», всадника, несущегося во весь опор.

Говоря о приемах измерения расстояния, имевших место в бытовой культуре чеченцев, следует, очевидно, отметить два обстоятельства. Первое заключается в том, что передвижение является одним из наиболее древних и постоянно применяющихся способов оценки расстояний и освоения пространства. В определенном смысле можно говорить о движениях как основе метрологии, и не только в области оценки расстояния, а в любых действиях по измерению. Второе обстоятельство состоит в том, что в менталитете чеченцев прослеживается особое понимание движения как созидательного

начала. Так, по мнению Я.В. Чеснова, в чеченском языке через понятие хождения передается умение хорошо себя вести (*Чеснов*, 1994. С. 43). Также можно отметить, что название одного из подразделений тайпа, объединяющего реально взаимодействующих его членов – *некъа*, может быт переведено, как «люди одного пути».

Сохранившиеся данные свидетельствуют об обильной фактологии системы мер и измерений у чеченцев, хотя некоторые из них забыты, а какая-то часть еще не выявлена в ходе исследований.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Почти полное отсутствие мебели (в современном ее понимании) было отличительной чертой интерьера традиционного жилища вайнахов: пристенные полки (*терхи*), невысокие нары (*аннин маьнга*, *паднар*), застланные камышовыми циновками, войлоками (*черташ*, *истангаш*), были его основными компонентами. Центральное место занимал очаг, выполнявший многообразные функции. Он делил внутреннее пространство на две (мужскую и женскую) половины, определял функциональные зоны интерьера. Священным и неприкосновенным был не только домашний очаг, но и его атрибуты, а также лица, прикоснувшиеся к нему. Огонь в очаге женщины старались поддерживать непрерывно. Над очагом на толстой железной цепи висел котел. Очаг и надочажная цепь были священным сосредоточием всего дома: за похищение надочажной цепи мстили почти так же, как за убийство.

Чеченцы издавна относились к домашней утвари и особенно к посуде бережно и даже с почтением. Тщательно вычищенная и натертая до блеска, посуда развешивалась или устанавливалась на самом видном месте, являясь своего рода визитной карточкой хозяев дома. Ее чистота и блеск демонстрировали трудолюбие и чистоплотность хозяйки дома (*цIийна нана*), а качество и количество – материальное благосостояние семьи (*Бергер*, 1928. С. 18). Таким было отношение не только к медной (*цIеста пхьегIаш*) и появившейся относительно недавно стеклянной посуде (*аьнгали*), но и к посуде, традиционно изготовляемой вайнахами из дерева и глины (*дечиг а, кхийра а пхьегIаш*).

Разнообразные изделия из глины (горшки, кувшины, кружки, своеобразные предшественники современных чайников – кувшины с носиками-сливами, миски, огромных размеров *хумы* для хранения зерна и жидкости) после обжига в специальных печах приобретали красный и красно-охристый цвет, а нанесенный на их поверхность орнамент превращал эти утилитарные предметы домашнего обихода в предметы искусства. Стилизованные в виде голов животных (горных баранов, туров, волков, медведей и др.), ручки сосудов служили также оберегами, охраняя от всего дурного и злого содержащуюся в них пищу и человека, прикасающегося к ней (*Петренко*, 1987. С. 35–41).

О высоком качестве керамической посуды чеченцев говорит факт ее прекрасной сохранности на протяжении многих веков в погребальных памятниках Чечни. Практически в каждой древней и средневековой могиле можно найти глиняные сосуды с жертвенной пищей, поставленной у изголовья погребенных. Позднее, когда согласно требованиям мусульманской

религии запрещалось снабжать умерших каким-либо погребальным инвентарем, изображения этих сосудов стали появляться на надмогильных стелах – *чуртах* (*Инуркаева*, 1977. С. 87–91).

Местные гончары освоили технику нанесения на керамику цветной глазури и поливы. Авторы XIX в. отмечали: «Для поливы чеченцы берут свинец и пережигают его до тех пор, пока он не превратится в окись или свинцовый глет. Разведенный с водой и яичным белком глет служит для поливы мелкой посуды; для крупной же он приготавливается с нефтью. Полученной смесью вымазывают посуду в течение двух дней на беспрерывно поддерживаемом огне» (*Маркграф*, 1882. С. 61).

Сосуд для воды
Дерево
НМЧР 8707
Фото К.С. Вахаева, 2010 г.

Исследователи XIX в. констатировали также, что чеченцы уже лучше русских обжигают глиняную посуду и лучше покрывают ее поливой, поэтому неудивительно, что такая посуда пользовалась большим спросом не только у местного населения, но и у их соседей, особенно популярными на внешних рынках были керамические изделия, изготовленные гончарных дел мастерами из селений Шали, Сержень-Юрт, Ялхой-Мохк, Курчалой, Майртуп, Старый-Юрт. Чистая прибыль одного из гончаров тогда составляла 120 рублей в год, немалые по тем временам, деньги. Во второй половине XIX в. в окрестностях с. Ведено функционировал завод по изготовлению керамической посуды, а всего в Грозненском округе было в это время семь гончарных заводов (Там же. С. 61).

В некоторых горских обществах (Малхиста, Майста) использовали преимущественно деревянную посуду. Особенно массовым стало изготовление деревянной посуды с появлением у чеченских мастеров токарного станка, что, судя по археологическим материалам, относится еще к эпохе раннего средневековья (*Даутова,* 1983. С. 78–88). Постепенно практически вся деревянная посуда, использующаяся в домашнем быту чеченцев (миски, чашки, бокалы, стакановидные сосуды, ковши, подносы и даже отдельные детали мебели), стала вытачиваться из дерева на токарном станке. Для этих целей в основном использовались липа, чинара, бук, дуб. Изготовление деревянной посуды превратилось в хорошо налаженное производство, развивались широкий обмен и торговля (Очерки этнографии, 1990. С. 33).

Деревянная утварь, которой пользовались вайнахи для приготовления, хранения и принятия пищи, имела общекавказский характер, хотя и с некоторыми особенностями. В своей основе она по технике изготовления была

Черпак для муки
Дерево
РЭМ 7563-7

Блюдо-столик *шун* и черпак (*чоьлпа*)
Дерево
Получено с сельскохозяйственной выставки 1923 г.
РЭМ 8761-6957, 8761-6967

долбленная, а более поздняя столярная (токарная). Особенно разнообразными и оригинальными по форме были такие сосуды для питья, как кружки, бокалы и ковши. Часть кружек имела зооморфные ручки, выполненные в виде голов баранов или горных козлов с закрученными рогами. Эти изображения сильно стилизованы, но в отличие от подобных форм на керамических сосу-

дах выглядят более реалистично. Например, на кружках майстинцев очень тщательно вырезаны рога и четко прочерчен рот горного козла. Зооморфные ручки на деревянных сосудах, как и на керамических, выполняли охранительные функции (*Даутова,* 1983. С. 81–83).

Кружки, чашки и другую посуду с явно культовым предназначением обычно вырезали вручную из чинара. Рубка дерева также была связана с определенными обрядами, после чего ствол шлифовался и, по-видимому, пропитывался специальным раствором, что делало его поверхность гладкой и блестящей (*Хасиев,* 1987. С. 95). Сам сосуд приобретал темный, почти черный цвет.

Не менее привлекательно выглядели сосуды для питья – деревянные бокалы и кубки, выточенные большей частью на токарном станке. Тулово их – овальной, округлой или цилиндрической формы – возвышается на тонкой, иногда довольно высокой изящной ножке, установленной на конусообразной подставке (*Даутова,* 1983. С. 84–85). Совсем иначе смотрелись деревянные ковши с носиками-сливами и оригинальными ручками, довольно активно используемые в быту чеченцев. Часть из них, выполненная в виде фигуры плывущей птицы, напоминает русские ковши (Там же. С. 83).

Широко использовались большие черпаки и маленькие половники, а также разнообразные ложки, вырезанные вручную из дерева. Большая часть деревянной посуды украшалась линейным или геометрическим орнаментом; иногда на стенках сосудов (чаще всего это были кружки или бокалы) стояли знаки родовой принадлежности – тамги, а на некоторых даже были процарапаны имена их владельцев. В эпоху средневековья эти надписи обычно выполнялись древнегрузинскими буквами на вайнахском языке. Встречаются на сосудах, в том числе и на керамических, такие древние вайнахские имена, как «Мада», «Гизего» (Там же. С. 85).

В случае поломки деревянной посуды она тщательно ремонтировалась: по обе стороны трещины или обломившейся части просверливали небольшие отверстия и продевали через них тоненькую бечевку, стягивая края трещины. Иногда образовавшаяся трещина скреплялась металлическими (бронзовыми или медными) заклепками (Там же. С. 80).

Бытовали и другие предметы обихода из дерева. Это деревянные лари для хранения зерна, сундуки для одежды и другого домашнего скарба, небольшие шкатулки (часто с выдвижной крышкой) для мелких вещей – украшений, ножниц, ниток и т.д., шкафы, кровати. Почти все они украшались геометрическим орнаментом, состоящим из крестов, звезд, кругов, треугольников, или растительным узором, подобным ковровому.

Для еды обычно использовались низкие круглые столики, к которым подставлялись скамеечки на трех ножках. Но более всего у вайнахов, как и на всем Северном Кавказе, ценились изделия, изготовленные из меди, медная посуда (*цIеста пхьегIаш*): кувшин для воды (*кIудал*), который считался дорогим подарком на все торжества; кастрюля (*цIеста яй*), тазик (*тас*), большой таз для стирки (*чара*) и др. Количеством медной посуды определялось достаток семьи. Богатые чеченские семьи имели также посуду из фарфора и стекла произведенную на российских и западноевропейских заводах (*Маркграф,* 1882. С. 61–63).

Совок для выгребания золы
Фото Б.Б.-А. Абдулвахабовой, 2011 г.

Бытование медной посуды, как справедливо замечает О.В. Маркграф, не случайная черта кавказского быта: «при необходимости готовить пищу на открытом очаге, при отсутствии дорог за исключением вьючных и пешеходных, при неустановившейся оседлости некоторых племен – это единственно удобная посуда: она не боится ни огня, ни ушибов о камни, ни тряски в дороге и т.д., а если случайно погнется, то легко выправляется вновь». Если к этим качествам добавить еще и ее внешнюю выразительность, то становится понятным то особое предпочтение, которое отдавали чеченцы медной посуде. Натертая до блеска, она сияла как золото, оживляя суровый быт горцев (Там же. С. 62). В чеченском доме в основном пользовались следующими медными изделиями: *кIудал* – большой кувшин, в котором женщины носили воду, ставший своего рода художественным символом горянки; также воду носили в кувшинах поменьше (*баттам*); маленький более изящный кувшин для омовения (*гIумгIа*), а также разнообразные котлы и тазы.

Зажиточные хозяева старались иметь, кроме перечисленных предметов, еще и другую утварь из меди: чайники, кружки, ковши, сковородки и т.д. «КIудал» имела практически каждая (даже самая бедная) семья. Это высокий сосуд емкостью в 10–20 л с длинным узким горлом, большой ручкой и расширеным к низу основанием. Форма кувшинов позволяет даже при подъеме по крутой горной тропе не расплескивать воду; благодаря узкому горлу вода вытекает ровной струйкой и не разливается. Ношение воды в таких, даже довольно объемных кувшинах, не портило походку и фигуру женщин, так как его носили, расположив вдоль спины и слегка придерживая одной рукой. Придерживался кувшин специальным ремнем – *бухка*, который изготавливался из шерсти разных цветов. Из мелких горных родников воду набирали в кувшин при помощи медного ковша с длинной ручкой – *чами*. По обычаю, молодые женщины и девушки должны были сперва набирать воду женщинам более старшего возраста.

Некоторые кувшины украшали изящной резьбой и серебряной насечкой. Популярностью пользовались богато орнаментированные дагестанские

кувшины. Но были известны и прекрасные местные мастера медных дел. Так, в 1893 г. Грозненском округе было 22 медника, производящих продукцию почти на тысячу рублей в год.

Кувшины для омовения – *гIумгIа* – отличались меньшим размером и формой. В такой кувшин-умывальник помещалось более 2,5 л воды. Он имел длинный узкий носик-слив, который припаивался к самой выпуклой части кувшина и красивым изгибом поднимался до уровня горла. В пореформенный период с усилением проникновения в обиход горцев бытовой русской культуры стали употреблять умывальники из чугуна, которые производились на чугунолитейных заводах и были значительно дешевле. Иногда в чеченском доме встречались и керамические умывальники местных гончарных заводов.

Горшок (*каб*). Начало XX в.
Медь
Веденский район, с. Ведено
РЭМ 9988-40

Медные тазы – *цIеста тас* были столь же необходимы в доме горца, как и кувшины. Их чистоте (*тас-гIумагI*) уделялось большое внимание: застолье у чеченцев, как и у всех народов Кавказа, всегда начиналось с ритуала гостеприимства, и конечно, таз и кувшин для омовения должны были блестеть, свидетельствуя о чистоплотности хозяйки и ее дочерей. Почти всегда тазы имели округлую форму, иногда их поверхность была украшена изящной резьбой и серебряной насечкой. Такие тазы стоили очень дорого и встречались в богатых домах.

Медные котлы, сковороды и другая кухонная утварь были редки и стоили достаточно дорого. В основном чеченские женщины пользовались чугунными котлами и сковородами. Главным «орудием труда» чеченских хозяек был железный нож, лезвие которого иногда делали из стали. Ножи у чеченцев отличались

Глиняный кувшин (*кхаба*). Начало XX в.
НМЧР 3687
Фото К.С. Вахаева, 2010 г.

Посуда для приготовления соусов
НМЧР 272
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Ручная мельница
НМЧР 272
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

от тех, которыми пользовались соседние народы, более узким и длинным остроконечным лезвием, длинная и тонкая рукоять делалась преимущественно из черного рога, реже из кости и совсем редко – из дерева, и украшалась отделкой из медных пластин. Хранились они в кожаных или деревянных ножнах. Мужчины носили их с собой постоянно, подвешивая к поясу. Считалось признаком хорошего тона и долгом вежливости по отношению к рядом сидящему гостю-сотрапезнику или старшему по застолью, если, привстав, человек отрезал кусок мяса и преподносил его соседу. Отрезать мясо полагалось своим острым ножом, который должен был висеть на поясе в чехле у каждого чеченца. Отрезать мясо следовало небольшими кусочками, и не от себя, а к себе.

Кавказские ножи, в том числе и хозяйственные, славились хорошей закалкой и прочностью. Известно, что в недалеком прошлом лезвия кавказских ножей сваривались из огромного числа мелких кусочков ржавых гвоздей и затем основательно прокаливались особым, только здесь известным способом (*Маркграф*, 1882. С. 61).

Среди домашней утвари чеченцев следует отметить также большие железные пружинные ножницы для стрижки овец и небольшие портняжные ножницы на шарнирах, железные бритвы, ланцеты, шилья, шампуры для приготовления жареного мяса, топоры, горные косы и серпы для сенокошения на альпийских высотах, надочажные цепи и крючья, а также стальные иглы

Вилка (*мlара*)
Железо, ковка
Чеберлоевский округ, с. Ихорой. Собиратель Е.М. Шиллинг, 1926 г.
РЭМ 8761-6960

Безмен (*куьйга-терза*)
НМЧР 265
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

и бронзовые наперстки фабричного производства, навесные железные замки – все то, что было необходимо для ведения домашнего хозяйства.

По данным авторов XIX в., жилища отличались чистотой, опрятностью и строгим порядком расположения вещей и предметов. В жилище каждый предмет интерьера имел свое место; об этом говорит сохранившаяся до

Маслобойка (*куьйра*). 1930-е годы
Дерево
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт»,
г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

настоящего времени среди старшего поколения поговорка: «*ХIора хIума шен-шен метта йилла, хIотто а еза*» – «Все нужно класть и ставить на свои места».

Так, ковер всегда вешали над кроватью – на почетное место (*баьрча тохара*). Посуду подвешивали и ставили на полки-ниши (*терхи*), которые закрывались занавеской. В комнате гостя кроме кровати (*маьнга*) ставили также деревянный сундук (*тIорказ*), обитый железом. Этот порядок расстановки вещей не диктовался какими-то определенными обычаями, религиозными или другими предписаниями, но был выработан в течение веков и обусловлен целесообразностью. В прошлом семьи жили в однокамерных (однокомнатных) или двухкамерных жилищах и определенный порядок был необходим. Возможно, именно с этим связана сохраняющаяся до настоящего времени традиция: в воспитании девушек большое значение придается умению поддержать порядок. Так, могли устроить своеобразный экзамен. Перед входом в комнату, куда должна была войти девушка, ставили несколько предметов (кумган, ведро, таз, обувь и т.д.), и если девушка проходила мимо, не заметив и не расставив эти предметы по своим местам или же расставив их не так, как они должны были быть расставлены, то делали вывод, что она недостаточно хорошо воспитана. Если она сразу же расставляла предметы по своим местам, это вызывало одобрение и похвалу.

Для хранения предметов домашнего обихода использовались полки-ниши, которые завешивались шторками, или развешивали их на стене.

Жилое помещение делилось на две половины: мужскую – почетную (там стояла кровать, над которой висел ковер или войлок (*къорза истанг*), оружие хозяина, пояс, шапка и т.д.; сюда приходили гости) и женскую, где проходила основная жизнь семьи (здесь готовили пищу, женщины и дети здесь ели, спали и т.д.).

В начале XIX в. жилища освещались огнем очага и камина, лучиной; позже стали использовать маслянистые растения. По этнографическим данным, для освещения пользовались ветками некоторых пород деревьев, свечи из животного жира. Со второй половины XIX в. стали применять керами-

ческие, жестяные, медные, стеклянные светильники (*къуьда*), заправленные нефтью или мазутом; затем керосиновые лампы – сперва семи-, затем десяти- и тринадцатилинейные.

В убранстве жилищ использовались войлочные ковры (*истангаш, къорза истанг, метта истанг*), которые вешали на стены, стелили на кровать, дарили, покрывали ими пол; камышовые циновки (*чарташ*), которые клали на полы и на кровати.

Постельные принадлежности состояли из матрацев (*гоьнаш*), одеял (*юргІнаш*), подушек (*гІайбеш*). Их количество значительно превышало число членов семьи, поскольку каждая уважающая себя чеченская женщина считала необходимым иметь несколько запасных комплектов постели для подраставших детей и для гостей. Постели складывали около стены и закрывали одеялом или простыней. В приданое дочери обязательно входило несколько комплектов постельных принадлежностей. Их количество и качество зависели от экономических возможностей каждой конкретной семьи; бывали шелковые одеяла (*дарийн юргІанаш*), пуховые матрацы (*месийн гоьнаш*), и наряду с этим – ситцевые или сатиновые одеяла, матрацы из шерсти или из ваты (*бамбийн гоьнаш*).

Покупная посуда обычно служила для украшения, а пищу по-прежнему готовили в котлах; ели из деревянных чашек – даже в зажиточных и состоятельных семьях. Только в богатых семьях стали кипятить воду в медных чайниках и самоварах.

С начала XX в. домашняя утварь сильно изменилась. Среди сельского населения сохранялась деревянная и глиняная посуда; медные кастрюли, кумганы, тазы использовали в основном люди старшего поколения. Современная утварь представлена уже алюминиевой и эмалированной, стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посудой. Однако сохраняются такие традиционные элементы интерьера, как ковры, большое число постельных принадлежностей, сделанных из шерсти и пуха.

Если в прошлом отличительной чертой интерьера было почти полное отсутствие мебели, то теперь в сельских домах стоит красивая современная мебель, музыкальные инструменты, телевизоры, холодильники, стиральные машины и т.д. Приблизительно 70–80% сельских жителей имеют легковые автомобили и мотоциклы. Современный интерьер в домах чеченцев теперь уже мало отличается от интеьера других российских и европейских народов.

ПИЩА

Блюда из мясо-молочных и растительных (злаковые) продуктов издавна составляли основу питания чеченцев. Благодаря развитым садоводству, огородничеству, виноградарству, пчеловодству продукты этих отраслей занимали и занимают важное место в пищевом рационе. В него входят также продукты охоты и собирательства: мясо диких животных и птиц, дикорастущие травы, плоды, ягоды и пр. В отличие от других сторон материальной культуры, пища более консервативна, в ней значительно дольше сохраняются традиции прошлого.

Машинка для лущения кукурузы
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Лопаты для поджаривания кукурузы
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Лопатка для приготовления халвы (*пийсак*)
Дерево
НМЧР 111
Фото К.С. Вахаева, 2010 г.

Как отмечали многие дореволюционные исследователи, и это подтверждают и современные полевые материалы, чеченцы были умеренны в приеме пищи. «Чеченцы, подобно другим горцам, весьма умеренны в пище и питье. Чуреки или кукурузный хлеб, намазанный бараньим жиром – вот их всегдашняя пища; вода – обыкновенное питье» (*Ольшевский*, 1893. С. 3). Обычно ели 2–3 раза в день, но основная часть пищи принималась вечером за ужином, когда после рабочего дня, если не присутствовали посторонние, вся семья собиралась за трапезой. Сдержанность в пище, в еде считалась одним из достоинств, особенно для мужчины. О человеке с одобрением говорили: «Кхачанца оьзда ву – умеренный в пище». У чеченцев до настоящего времени бытует много пословиц и поговорок, осуждающих обжорство. Считалось неэтичным, если во время трапезы громко смеялись, разговаривали и т.д.

Ели пищу свежеприготовленную. Младших приучали не сорить, говоря: «Кто сорит хлебом – не узнает сытой старости»; «Бепиг охьаІана деш верг кьена волуш миска хир ву», «Рицкьа Іалаш ца даро къоьлла йоьху» – «Кто не бережлив с пищей – призывает бедность».

Повседневный порядок приема пищи нарушался в дни праздников и во время месяца мусульманского поста ураза (*марха*), когда ели рано утром перед восходом солнца и после наступления сумерек, а также в праздник курбан-байрам (*гІурбан денош*), когда происходили взаимные посещания близких и дальних родственников и односельчан.

Пищу готовили и ели 2–3 раза в день в большой комнате, где был очаг. Пищу принимали, сидя на низких стульях за круглым столиком, или же на пол стелили скатерть. Когда в доме не было гостей, все члены семьи садились за трапезу вместе. Отец и другие старшие домочадцы занимали почетное место, рядом с ними – по старшинству – рассаживались другие члены семьи. Как правило, женщина-хозяйка всегда находилась около очага, чтобы удобно

было обслуживать членов семьи. Исключение составляли молодые невестки, которые в первое время не садились за стол со старшими и другими родственниками мужа. Если в доме бывали гости, их обслуживал сам хозяин и его сыновья.

Каждодневная пища включала сискал-берам – чурек с сыром и сметаной, *кегир галнаш* – галушки из кукурузной муки, *хьолтIамаш а кIалддяттий* – галушки с творогом и маслом, *мохь-тоьхна сискал* – чурек, испеченный с внутренним бараньим жиром, *кхерзина хIоаш* – яичницу, *шурин гарзанаш* – молочную лапшу, *жижиг-галнаш* – мясо с галушками и чесноком, *чIепалгаш* – лепешки с маслом. Были и особые праздничные и гостевые блюда в чеченской семье – *хингалш, далнаш*.

Хлеб у чеченцев, как и у всех земледельческих народов, считался священным. По существующим воззрениям, нельзя было бросать хлеб; на его крошки и зерна нельзя было наступать. Такое отношение к хлебу сохраняется и сейчас. Очень часто можно увидеть людей старшего поколения, которые с сожалением говорят о беспечном отношении к хлебу, которое они нередко наблюдают. Считалось, что хлеб нельзя резать ножом, поэтому его ломали руками. Известно, что хлебом клялись и им же проклинали. «Кхаллар – массо хIумана корта бу; оьздангалла – дегI ду, хаза мот – аьттона тIам бу» – «Хлеб всему голова; благородное поведение – тело, красивая речь и манеры – крылья удачи». Подобные представления существовали и у других народов Кавказа.

Чеченцам известно много видов хлебных изделий: из кукурузной муки – *сискал*; с добавлением курдюка – *думи-сискал,* с добавлением внутреннего бараньего жира – *мохь тоьхна сискал*; быстро приготовляемые лепешки на кефире – *хьокхам*; лепешки из круто замешанного теста – *хьийна хьокхам*; *липпарш долу кхаллар* – слоеный хлеб особого приготовления; в тесто, которое тщательно вымешивали более получаса, добавляется топленое масло, соль и щепотка соды; он был показателем достатка семьи и всегда стоял на столе. Хлеб держали накрытым или завернутым в ткань; горные плоскостные чеченцы называли его по-разному: *бепик* – плоскостные, *кхаллар* – горные.

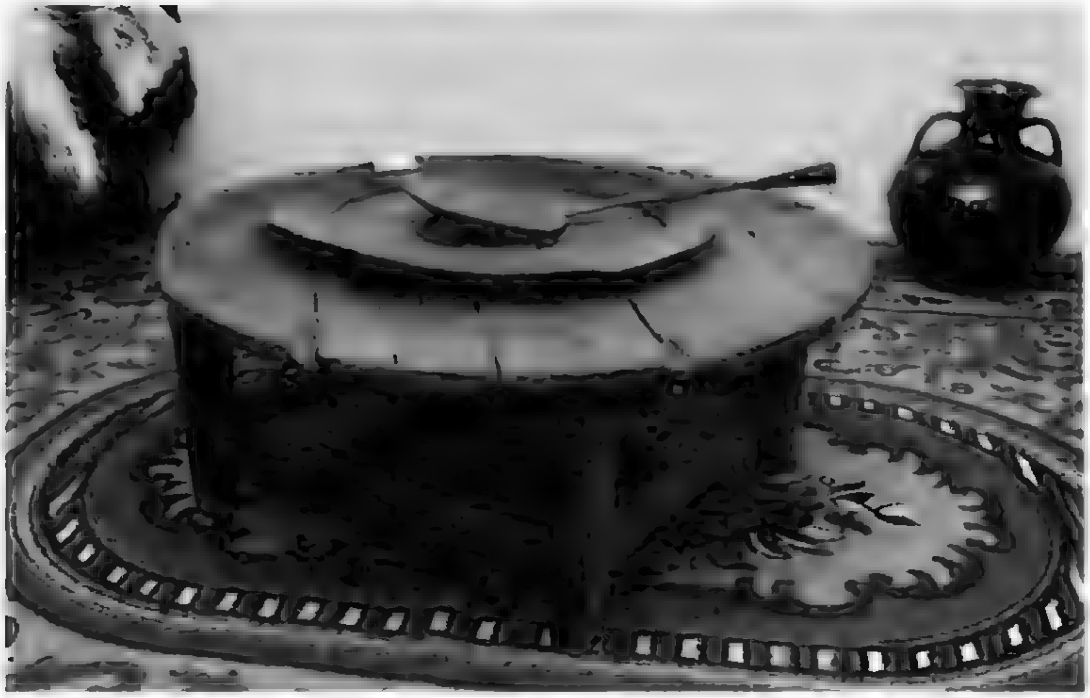
Как пресное, так и дрожжевое тесто готовили, используя природный хмель, на опаре делали заквашенное тесто. С дрожжами, изготовленными из хмеля (*хояхар*) чеченцы знакомы издавна. Тесто для лепешек и пирожков часто делают на простокваше, сдобное же тесто готовится с примесью яиц и сахара.

В годы Кавказской войны чеченцы заимствовали у русских название сухаря (*сухар*); хлеб в виде бублика именовался *чIург*. Готовили также *севсина дина бепиг* – хлеб на дрожжах; *хьийна бепиг* – «мятый» хлеб из пшеничной муки; в тесто добавляют желток, кислое молоко, в последнее время – и соду. Около получаса тесто мяли, делали большую круглую лепешку толщиной в два-три пальца, верхнюю ее часть смазывали желтком и украшали орнаментом из нескольких зигзагообразных параллельных линий, наносимых нижней частью берцовой кости барана.

Ведущей культурой была кукуруза. И сейчас под навесом сельского дома часто подвешены початки, сплетенные в косу. На случай неурожая часть кукурузного зерна оставляли на следующий посевной год, а муку берегли от вредителей, время от времени просеивая. При сборе урожая даже пустые

Кувшин-водонос (*кIудал*)
Частный музей А. Сатуева «Дойди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Низкий столик (*лоха стол*). Конец XIX в.
Дерево
Частный музей А. Сатуева «Дойди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.



початки не оставляли на поле – они шли на растопку, а кукурузные стебли – на корм скоту.

Основным продуктом, который изготовлялся из кукурузы, был кукурузный хлеб *сискал*, круглая плоская лепешка толщиной в 2–3 пальца. Его пекут на сковороде, стенки и дно которой смазывают бараньим жиром, прикрыв сверху сковородой. До появления чугунных сковородок *чурек* пекли на углях открытого очага или раскаленных каменных плитах. Чтобы хлеб, лепешка или *сискал* хорошо пропеклись, использовали специально обожженный керамический диск.

Из кукурузы и кукурузной муки делают также галушки *ахьара галнаш, тоьпаш* – большие галушки в форме огурца, которые обычно пекли в горячей золе; *хьолтIамаш* – плоские галушки размером с детскую ладонь, *кхункх* – вареные зерна кукурузы с фасолью, *чуьппалгаш* – кукурузные хлопья; *межаргаш* – небольшие лепешки.

Каждодневной пищей были также разные каши (*худар*). Их варили из кукурузной, пшеничной, ячменной просеянной муки и сечки; *джаржхудар* – каша из сечки кукурузы, пшеницы, ячменя, проса; *шуьрхудар* – каша из пшеничной муки на молоке; *дуганхудар* – рисовая каша; *Іоьвнахудар* – пшенная каша; *демахудар* – каша из пшеничной муки на воде; *ахьар худар* – каша из кукурузной муки; *муьста худар* – кислая каша на сыворотке. Кашу ели с молоком, с маслом, с размельченным солоноватым творогом, а иногда с арбузным медом или просто с рассолом из-под сыра.

В пищевой рацион входят разнообразные супы: рисовый, пшеничный, молочный, курдючный, фасолевый, гороховый, а также мясной и куриный бульоны.

Из пшеничной муки готовят лепешки *локъамаш*. Если их делали с начинкой, то в зависимости от ее вида они назывались: *чIепалг* – с начинкой из творога или картофеля; *далла* – с начинкой из ливера; *хингал* – с начинкой из тыквы, в форме полукруга. Начинкой служат обыкновенное картофельное пюре, свежий сыр, иногда – солоноватый творог (*берам чу тесна кIалд*), смешанные с сырыми яйцами; иногда добавляли мелко нарезанный зеленый лук. Тыквенная начинка для хингалш готовится из вареной тыквы, поджаренной на масле с луком и небольшим количеством соли, чабреца и сахара. Полученную массу кладут на раскатанное тесто, которое затем складывают вдвое и поджаривают, затем смазывают маслом, а иногда для придания мягкости сначала смачивают в горячей воде (часто это делают в целях экономии масла). Едят *хингалш* и *чIепалгаш*, разрезав на четыре, шесть или восемь равных долей, макая в свежее растопленное масло и запивая обыкновенным или калмыцким (*гIалмакха*) чаем на молоке, с топленым маслом и перцем.

Блинчики (*гIаймакхаш*) из теста, полученного путем смешивания яиц, молока и белой пшеничной муки, жарили на топленом масле, сейчас – чаще на подсолнечном или оливковом. Яйца употребляются в разных видах: это *деттина хоаш* – яичница, *кхехкийна хоаш* – вареные яйца и т.д. Наилучшей считается тончайшая лапша *гарза*, приготовленная из теста на яйцах, а затем сваренная в курином бульоне. Ее можно варить и в других видах бульонов, а также в молоке. Часто с лапшой варят и *бедаш* – небольшие кусочки теста в два-три пальца шириной, наподобие хинкала, которые едят с топленым маслом.

Национальное блюдо *жижиг-галнаш*
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Для мясных блюд использовали обычно свежее мясо. Забивали и разделывали скот, как правило, мужчины. Были «специалисты», которые, используя свои приемы, умели определять вес забитого животного. Для этого взвешивали передние конечности барана, а полученный результат умножали на 10. Для крупного рогатого скота взвешивали сердце, умножая его вес на 100 (ПМА 2010 г.). Из мяса предпочитали баранину, курятину и особенно индюшатину. Конину чеченцы употребляют неохотно, но она считается лечебной, и по сведениям информантов, чеченцы хотя бы раз в год конину ели (ПМА 1984 г.). Готовят также мясные блюда *гIурма* – жаркое с картофелем или без него, *кхерзина жижиг* – жареное мясо в собственном соку, *деттина жижиг* – жареное мясо.

Широко известно чеченское национальное блюдо *жижиг-галнаш* – мясо-галушки, вареные куски мяса (баранина или говядина) с пшеничными или кукурузными галушками. Мясо и галушки макают в острый чесночный соус и запивают мясным бульоном. Наиболее почетное мясное блюдо, преподносимое важным гостям в начале застолья, это *кортий-накхий* – (голова-грудинка), приготовленное из только что освежеванного барана. На поднос клали хорошо опаленную и проваренную голову барана, на середину подноса укладывали вареную грудинку, бараний курдюк. Почетный гость подкинжальным ножиком отрезал для всех гостей по небольшому кусочку и начинал трапезу.

Оригинальным блюдом издавна считалось *чоко-жижиг* (желудок-мясо), которое готовилось так: освежевав барана (редко – козла, телку или же дикое животное), мясо с костями рубили на небольшие куски, затем вывора-

чивали желудок, заполняли его кусками мяса, различными травами (*хьожа йогIу буц* – чебрец, *цIе бурч* – красный перец и др.), в желудок просовывали трубочку (*чIижаргIа*), края отверстия желудка и края кожи (шерстью вверх) плотно привязывали вокруг трубочки. Затем выкапывали яму до 1 м глубиной, прожигали в ней дрова и на угли опускали зашитое в шкуру мясо. Яму засыпали землей. Мясо в течение одного-двух часов варилось в собственном соку, выделяя через трубку пар, а когда пар переставал выходить, яму разгребали и мясо вытаскивали. Это блюдо готовили обычно пастухи на отгонных пастбищах. «Гостевым» являлось блюдо из бараньих глаз *бIаьргаш*. Его подавали с ореховым соусом, гарниром из картофеля или риса, а иногда и с мамалыгой.

Чеченцы готовят и всевозможные колбасы: *самг* – из толстой кишки, которая заполнялась мясным фаршем или ливером *атарш:* ее сразу варят и едят; *марш* – из толстой кишки, начиненной фаршем из измельченного внутреннего сала, кукурузной муки и лука, *йоьхь* – из мясного фарша, в который добавлены чеснок, укроп, измельченное внутреннее сало. Такую колбасу просушивали на солнце или коптили у камина и перед употреблением в пищу варили. *БаIар* – колбаса из измельченного ливера, зашитого в куски желудка, ее сразу же варят.

При приготовлении мучной и мясной пищи обычно использовали сало мелкого и крупного рогатого скота, а также курдючный жир. В чеченском языке и его диалектах различают несколько названий сала: *мохь* – внутренний жир, сало; *джIож* – внутреннее сало, преимущественно баранье. Говяжье и баранье мясо, заготавливаемое на зиму, называлось *лахьа*. Оно иногда коптилось, как и колбасы, над каминами, тщательно просушивалось.

Дакъийна жижиг – особая культура сушения мяса. Мясо сушили впрок обычно в самые жаркие 40 дней лета – *аьхкена чиллахь*. Определить, больное ли было животное или нет, поручалось тому, кто его резал. Он тщательно проверял легкие (у барана их выбрасывали, если они бывали повреждены) и печень; кровь, оставшаяся в сердце, была показателем здорового мяса. Самым действенным способом проверки был следующий: вывесить мясо сушить и ждать, пока начнут слетаться первые насекомые. Мясо, на которое не садились мухи, пчелы, осы, выбрасывалось собакам (ПМА, 2010).

Мясо домашних птиц (курица, индейка) готовили с галушками со специальным соусом из лука, поджаренного в топленом масле, с добавлением чабреца.

Пищу разнообразила рыба: *саза* – сазан, *суьлий чIара* – «дагестанская» рыба; *бакъ-чIара, паччахьчIара* – форель, «царская рыба»; *ирчIуо* – осетр, «большая рыбина»; *чабакх чIара* – лещ; *яй* – сом, *жIали чIара* – щука и др. Приготовлением рыбных блюд славились надтеречные чеченцы. И в настоящее время они готовят уху, жареную или отварную рыбу, рыбные котлеты.

Лепешки с сыром и творогом (*чIепалгаш*), которые пекутся на железном листе или на большой сковороде, известны всем народам, занимающимся скотоводством. Обычно *чIепалгаш* пекут со свежим творогом. Есть разновидность *чIепалгаш*, когда соленый творог чуть закис и тянется; это считается деликатесом. В горячем виде их отряхивают от муки и тут же смазывают горячим топленым маслом. Лепешки пекут и с зеленью (черемшой, луком,

чесноком, крапивой); с появлением весной крапивы она была первым блюдом на столе, поскольку считалась очень полезной – очищала кровь.

В сравнении с творогом *кIалд*, который готовили простой выжимкой в мешковине или марле скисшего молока, приготовление чеченских сыров (*нехча*) сложнее; необходимо заполненную молоком часть желудка молочного теленка (*шоьшала* – сычуг, сычужина) подержать в закисшем молоке для придачи сыру вкуса и пористости.

Большим разнообразием отличалась молочная кухня: *маша* – молочные продукты; *шура* – молоко; *шар* – пахта, остаток после сбивания масла; *тIо* – сметана; *юрт* – варенец или айран, кефир; *йеттаншура* – простокваша; *уза* – молозиво; *кIалдмарзаш* – сваренное малозиво; *шовр* – рассол из-под брынзы; *чуьрхьа* – рассол сыра. Оба рассола представляют собой соленую сыворотку – *муорза*. В первом рассоле хранится брынза, во втором – спрессованный творог в форме небольших утолщенных дисков.

Распространенными молочными блюдами были *кIалдаьтта* – творог с топленым маслом, подогретый на огне, а также *биерам* – молочный рассол; *тIобиерам* – творог со сметаной; *цIалхьабиерам* – сыворотка из-под брынзы или сыра; *муьстабиерам* – смесь сыворотки с соленым творогом; *хохах бина биерам* – жаренный в масле лук (часто с добавлением молока).

При приготовлении мясной, молочной, растительной и рыбной пищи использовали и используют масло – *даьтта*; *налха* – сливочное масло, из которого получали *гIурадаьтта*, *хьели-дятта* – топленое масло, в оставшиеся после получения топленого масла сгустки – *йоькаш* примешивали муку и получали блюдо *даьттах*. Из растительных масел в Чечне использовали (главным образом в лечебных целях) привозное оливковое масло – *дзайт даьтта*.

Широко применяли в пище разные приправы и пряности: *бурч* – перец, *къонза* – уксус, *очам* – укроп, *хьожа йогIу буц* – чабрец и др.

Для приготовления пищи использовали довольно много трав. И сегодня изысканными считаются блюда, приготовленные из побегов молодой крапивы: *нитташ*, *кхехкийна нитташ* – вареная крапива, *нитташ чубоьхкина хингалш* – хинкали с крапивой. Приготовленная к употреблению черемша (*хьонка*) называется *джахар*; *гIурш* – съедобная трава; *балг* – топинамбур; *цкъарг* – дикорастущий лук; *чIим* – купырь лесной, или бутень; *бIаьст* – род горного лопуха, стебли которого съедобны; *IаьIа* – лопух; *мерзорам* – многоножка; *саьрмасекх* – чеснок. В качестве заварки для чая использовали некоторые виды растений: *чайн буц* – чайная трава; *ишал чай* – иван-чай узколистый; *Iаждар буц* – чайная трава. Употребляли чеченцы и всевозможные ягоды (*цIазамаш*) – клубнику, землянику, *мангал-комар* – ежевику, дикий виноград.

Употребляли и сладости: *моз* – мед, *мутта* – фруктовый сок; *кишмаш* – изюм; *шекар* – сахар; *гIабакх моз* – мед из тыквы; *пастан моз* – мед из дыни; *эрза моз* – тростиковый мед; *хорбаз моз* – арбузный мед и др.

Древнейшим напитком считалась брага *ниха*. Одна из технологий изготовления браги в горах, заключается в том, что из ячменной или кукурузной муки делают жидкое тесто и держат его несколько дней при комнатной температуре до заквашивания. Из этого теста затем пекли хлеб, который в сумке из мешковины или марли опускали в воду и выжимали; в выжатую

массу добавляли ячменную муку. Эту смесь оставляли на две недели для брожения, затем еще раз процеживали, после чего брага была готова к употреблению.

Еще более почитается в горах домашнее пиво (*йий*), не уступающее по качеству современному промышленному. Оно обычно изготовлялось из прокисшего теста из ржаной, ячменной или пшеничной муки с добавлением небольшого количества меда или фруктового сока. Квас (*мохса*) приготавливали из корок ячменного, ржаного и пшеничного хлеба, а в последнее время из кукурузной муки, диких груш и яблок, и употребляли вместе с водой. Из крепких алкогольных напитков известна была *чIаьIа* – чача – спиртной напиток из плодов, хлеба, винограда, кукурузы, а также из диких груш, яблок, черного паслена (*гIиндалгIи*), ржи, ячменя, пшеницы. Издавна чеченцам известны и водка (*къаркъа*), а также кофе – (*къохьо*).

Плоскостные прикаспийские чеченцы готовят блюдо из семян льна (*вета*)на топленом масле с медом, иногда с добавлением грецких орехов. Это черная вязкая масса, которую подают вместе с лепешками из кукурузной муки; едят ее в теплом и холодном виде как сладкое блюдо.

Особым продуктом, который потребляла каждая семья, был сыр (*нехча*), с его разновидностями – овечий (*джан-нехча*), мягкий (*кIеда нехча*), гостевой (*хьешин нехча*). В зависимости от того, насколько долго предполагалось хранить сыр, рассол из сыворотки делали определенной солености.

Длительные контакты чеченцев с соседними народами способствовали взаимодействию, взаимовлиянию и взаимообогащению их культуры, что нашло отражение и в пище. Современные чеченцы, сохранив в практике национальные блюда *жижиг-галнаш, чIепалгаш, хингалаш* и др., переняли у соседних народов, в первую очередь у русского, блюда из мяса – голубцы, котлеты, борщ и др.; у народов Средней Азии и Казахстана – манты, плов узбекский, баурсаки, бишбармакх и др., что сделало их пищу более разнообразной и современной.

Существовала очередность приема и последовательность блюд у чеченцев. Так, обычно после вареного мяса с галушками (*жижиг-галнаш*) подавали мясной бульон *чорпа*. Так же подавали и куриное мясо. Многие авторы XIX в. отмечали умеренность в приеме пищи у чеченцев, у которых существенным пороком считали прожорливость, жадность к пище. Считалось неприличным, неудобным говорить, что ты голоден; до сих пор бытует изречение о людях, которые заботятся только о еде – «гай коча оьллина лела» (букв. «ходит, повесив на шею желудок»), «сутара стаг» (жадный человек), «жIаьла санна вежа» («ест как собака»). Считалось хорошим тоном, если и в гостях и у себя дома человек не проявлял чрезмерного интереса к пище. Будучи в гостях, горец всегда, следуя вековому обычаю, часть еды оставлял на тарелке. Хорошим тоном считалось, чтобы пищу не выбирали, а ели то, что подавалось на стол. Особенно это относилось к девушкам на выданье, когда определялись их положительные и отрицательные качества.

При приготовлении пищи, как правило, всегда готовили больше на случай прихода гостей: родственника, соседа, односельчанина и т.д. Даже будучи не голодным, пришедший должен был притронуться к пище, чтобы не обидеть своим отказом хозяев дома.

Полевые материалы показывают, что пища чеченцев в XIX – начале XX в. преимущественно состояла из молочных продуктов – сыр, творог, масло; последнее зимой в большинстве случаев заменялось внутренним бараньим жиром. Как правило, каждая хозяйка, считающаяся с общественным мнением, должна была всегда иметь запас пищи для угощения случайного гостя. Обычно в запасе держали творог и масло для *чIепалгаш*, которые можно было приготовить достаточно быстро. Фрукты и зелень, особенно в горных районах, отсутствовали, что восполнялось за счет сбора дикорастущих фруктов и трав, употребляемых как в сыром, так и вареном виде. Травы использовали и в составе блюд: делали вареники (*курзанаш*), вид пельменей (*хингал*) и другие блюда. Мясо (говядина, баранина, птица) считалось праздничной пищей. Зажиточные состоятельные чеченцы на зиму резали скотину (*лахьа дер*), сушили и готовили колбасы, ливер (*атарш*), из которых потом готовили лепешки *далланаш*. Исследователи писали о народах Кавказа, что недостаток каждодневного питания они восполняли во время празднеств и пиршеств, когда вдоволь наедались мясом. В зависимости от времени года мясо ели в сушеном или свежем виде. Кур в большинстве случаев держали для яиц и на случай прихода гостя (ПМА. 1983 г.).

В целом все важные общественные акты (примирение кровников, усыновление и др.), традиционно завершались принятием пищи из одной посуды, что имело целью закрепление дружественных отношений. Информанты отмечают, что в недалеком прошлом у чеченцев говорили о том, что родственные отношения ослабляются и даже разрываются, если люди не принимают участие в совместной трапезе в течение 40 дней (*шовзткъа де-буьйса дIадаьлча цхьаьна кхача бааза, гергарло хийра долу*).

В чеченской семье господствовали патриархальные устои, обычай не позволял приступить младшим по возрасту членам семьи к еде раньше старших. Первыми ели мужчины, затем женщины и дети. Распределение пищи между присутствующими происходило в соответствии с принципом старшинства. Старшим по возрасту (отцу, деду и т.д.) полагались более почетные куски мяса, курятины и т.д. Большое значение придавалось умению правильно вести себя во время еды: застолье должно было происходить в доброжелательной обстановке, есть полагалось медленно, тщательно пережевывая пищу. Быстрая еда и чрезмерная разговорчивость во время трапезы считались признаками невоспитанности.

Современная чеченская семья, сохранив в практике национальные блюда *жижиг-галнаш*, *чIепалгаш*, сушеное мясо, колбасы, многое переняла у соседних народов. В последнее время реже стали готовить такие блюда, как *бIараш*, поскольку на приготовление их тратится очень много времени, отсутствуют блюда из дичи и т.д. В целом многие традиционные национальные блюда сегодня остаются общеупотребительными. В сельских районах продолжает бытовать традиционный дневной рацион питания, в основе которого лежат свежие овощи и фрукты, употребляемые в пищу в основном в сыром виде или после незначительной переработки, что сохраняет их питательные качества.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Традиционная одежда чеченцев – важный элемент материальной культуры, в ней отразились культурные традиции, художественные вкусы, мировоззрение и контакты с другими народами.

Для производства одежды использовалась богатейшая местная сырьевая база. Из овечьей шерсти (*тха*, *тIаргIа*, *шал*) производились шерстяные ткани (*зип*), одежда, головные уборы, обувь и многое другое. С XVI в. чеченцам была известна и выработка шелка (*чилла*). В Чечне и на Кумыкской плоскости шелководством занималось до половины населения, получая три-пять фунтов коконов на семью. В плоскостной Чечне ежегодно производили около 830 пудов шелка, а на Кумыкской плоскости – до 875 пудов. Сбывали шелк на местных рынках Хасавюрта и Грозного (*Маркграф*, 1882. С. 86) .

Наиболее распространенным видом ткани (*кIади*) было домотканое сукно (*маша*, *исхар*), холст (*гата*) получали изо льна и конопли. Для шитья одежды также использовали разные набойки, полушелк, парчу (*йездари*), бархат (*махмар*), тафта (*тапта*), бязь (*боз*), ситец (*басма*), атлас и иные ткани, многие из которых были привозными и приобретались у армянских, грузинских, русских, а позднее и собственных купцов. Четко выделяется социальный аспект цветовой символики. Дорогие импортные ткани, которые были доступны только чеченской знати, являлись показателем имущественного расслоения, но не символом социального статуса, поскольку были очень разнообразны. Необходим был устойчивый знак, которым и стал цвет. Белый и красный цвета были показателями привилегированного социального положения (*Абдулвахабова, Мадаева,* 1989. С. 103–112). Приоритет этим цветам отдавался и во многих других культурах (*Доде*, 2001. С. 99). Цветовая гамма, один из главных показателей в традиционной чеченской одежде, являлась свидетельством устойчивых и древних традиций (*Абдулвахабова,* 2003. С. 332).

Наряду с тканями для изготовления одежды использовались кожи, овчина, войлок. Кожа шла на изготовление обуви, поясов, мужских кисетов, газырниц и т.д. Все виды работ, связанные с обработкой овчины и кожи, являлись, в основном, обязанностью мужчин. Но иногда этим занимались и женщины. Для обработки кожи и овчины использовали специальные инструменты (*Маркович,* 1891. С. 279; *Алироев,* 1990. С. 264–273; *Хасиев*, 1987. С. 95–109).

Традиционными были разнообразные по материалу и форме украшения, среди которых большое место занимали басонные изделия: тесьма (*кхоькъам*), шнур (*чимчаргIа*), галун (*сир*) и др. Одежда, особенно женская и детская, украшалась также вышивкой шерстяными, шелковыми, золотыми и серебряными нитями. Шитье золотом и серебром требовало высокого мастерства от вышивальщиц. Орнаментальные композиции шитья включали растительные орнаменты, зооморфные изображения, геометрические узоры. В целом традиционная одежда чеченцев имела много общих черт с костюмом других народов Кавказа, что объясняется тесными и плодотворными длительными взаимосвязями народов данного региона, сходством среды обитания и бытовых условий.

Мужская одежда

Основными элементами мужского костюма чеченцев были рубахи (нательные и верхние), бешметы разных типов, шубы, тулупы, черкеска, бурка, плащи, головные уборы, украшения и оружие.

Из нательной одежды (*чухула йуха бедарш* – букв. «снизу надеваемая одежда») мужчин известны нижние штаны и рубаха (*чухула йуху хеча, коч*).

Рубаха (*коч*) была туникообразного покроя, без швов на плече, с прямой проймой, с длинными прямыми рукавами (иногда на манжетах). Горизонтальный ворот имел вертикальный разрез спереди, который застегивался на пуговицы (из бронзы, серебра, меди, кости, крученых ниток и т.п.) или завязывался при помощи тесемок. Нательные рубахи шили из холста, крашенины, полотна и т.д. Они были двух типов: 1) туникообразного покроя с перекидным плечом, с прямыми рукавами (*пьош*), с ромбовидными или треугольными ластовицами под мышкой и боковыми клиньями; 2) туникообразная рубаха с выкройной проймой и длинными вшивными рукавами, зауженными к кисти рук, с центральным или боковым (на левой стороне) пазушным разрезом. Нижние рубахи шились без воротника, наподобие древнерусских «голошеек».

Нательные рубахи, в отличие от соседних народов, чеченцы носили навыпуск. В средневековый период длина рубахи соответствовала длине верхней одежды и никогда не выглядывала из-под полы, хотя у некоторых северокавказских народов такая вольность допускалась (*Студенецкая*, 1989. С. 18–19) .

Штаны (*хеча*), как и рубаха, являлись обязательным элементом мужской нательной одежды. Их можно отнести к общекавказскому варианту. Штаны шили из домотканого сукна, крашенины, плотной бумажной ткани, шелка, шкур животных, войлока, привозных тканей. Бытовали у чеченцев штаны, изготовленные из специально обработанной эластичной кожи (иногда обвитые ремешками), защищавшие от ударов наступательного оружия противника. Штаны были с широким шагом, с клиньями или без клиньев, к низу они суживались. Такие штаны носили на вздержке и заправляли в кожаные сафьяновые или суконные ноговицы (*пезагаш*). Данные штаны выделяются в отдельный тип, как кожаные штаны, бытовавшие у знатной военной прослойкой чеченцев. Пожилые мужчины носили штаны с широким шагом, их верхняя часть заканчивалась широким рубцом (*барч*), в который продевался учкур (*хуьнжар*); молодежь – штаны, более зауженные в шагу. В горной Чечне поверх длинных нательных штанов в холодную погоду надевали укороченные (типа шортов) войлочные штаны.

По бокам на каждую штанину пришивались застежки (воздушные петли) из кожаных ремешков, для закрепления на них высоких войлочных или суконных ноговиц. Образцы таких штанов фиксируются археологически. Штаны из овчины, мехом внутрь, были характерны для пастухов. Широко распространенные в эпоху средневековья, они бытовали вплоть до начала XX в., как и у многих народов Кавказа, в частности дагестанских (*Булатова и др.*, 2001. С. 69–70). Для чеченцев был характерен тип стеганых ватных штанов. Они сохранились в костюме мужчин преклонного возраста вплоть до современности.

Как и везде на Кавказе, в начале XX в., в Чечне распространяются брюки галифе (*галпие*), бытовавшие здесь до 1950-х годов. Их перестали носить уже после возвращения чеченцев из Средней Азии и Казахстана, с распространением готовых костюмов современного покроя. В настоящий период галифе очень редко, но встречаются в костюме мужчин старшего возраста.

Верхняя одежда

Археологический и этнографический материал дают очень интересные образцы мужской верхней (плечевой) одежды чеченцев; некоторые из них к настоящему времени совершенно забыты. К таковым можно отнести мужскую нераспашную верхнюю одежду туникообразного покроя, платья-рубахи, которые бытовали, по крайней мере, с раннего средневековья до XIX в. Они делятся на два типа, с внутренней вариативностью (*Абдулвахабова,* 2006. С. 219–236; 329–338). Рубахи были туникообразного покроя, с длинными прямыми рукавами, шов шел от подмышки до кисти руки. Ворот круглый, с пазушным разрезом сбоку. Края ворота отделаны шелком. У некоторых рубах встречается простеганный воротник-стойка, застегивающийся у горловины с помощью тканых шнурков или пуговкой из крученых ниток на воздушную петлю. Края осевого разреза, а также манжетов рукавов украшались не только шелком, но и вертикальной строчкой в несколько рядов шелковыми цветными нитями. Расположение вышивки не было случайным, так как, по древним поверьям, вышивка – это магический оберег от зла, болезней, и ее размещали там, где открывался доступ к телу. Глубокий вертикальный грудной разрез рубахи украшался нашитыми с обеих сторон парными горизонтальными застежками (от 5 до 70 штук) из крученых ниток. С одной стороны располагались пуговки, с другой – воздушные петли. Эти нашивки играли роль условных застежек. Застегнутые пуговки оказывались внутри вдоль разреза, образуя изящный рельефный контур. Иногда вместо пуговиц нашивали тонкую тесьму, сложенную вдвое, перегибы обращали к разрезу рубах. Между этими петельками пришивали тесемочки, которые завязывались вдоль разреза ворота.

Подобные застежки-украшения свидетельствуют о том, что этот тип одежды восходит к раннему средневековью. Наряду с металлическими нагрудными украшениями они бытовали у чеченцев до конца XIX в. Основной отличительный признак мужских рубах второго типа – необычная форма ворота. Это были длиннополые туникообразного покроя рубахи. Они имели воротник – стойку, отделанный щелком, с пазушным разрезом сбоку.

Около ворота рубаха присборивалась мелками сборками, закрепленными обшивкой горловины. На воротнике, простеганном горизонтальной строчкой, пришивались застежки, также по краям пазушного разреза. Длинные рукава были вшиты в пройму с большой ромбовидной ластовицей под мышкой. В центре ромбической ластовицы пришивалась ластовица поменьше, из другой ткани. Таким образом, рукав в области плеча расширялся, а к запястью сужался. Обшлаг рукавов был окаймлен коричневым шелком. Строчки на плечах подчеркивались полосками из синей хлопчатобумажной ткани. На фоне белого добротного холста (из которого шилась рубаха) такая отделка смотрелась красиво. Если рубахи шили из крашенины (синей или коричневой), то для прочности в верхней части спинки, с изнанки нашивалась тре-

угольной формы подкладка. Несомненно, описанный тип мужской верней одежды – наиболее древняя форма рубахи. Судя по покрою и декоративному оформлению, такие рубахи имели свои ареалы и среду обитания: они были характерны для населения горной (Юго-Восточной) Чечни. По-видимому, их носили служители культа, почитаемые люди в возрасте, старейшины, т.е. люди, имеющие особый статус в семье, обществе. Данную одежду шили в основном из плотного белого холста. Белый цвет почитался средневековыми чеченцами как цвет благородства, языческие жрецы выходили на праздники в белом одеянии. Но встречаются рубахи и из окрашенных в другие цвета тканей. Некоторые рубахи шились на подкладке.

Судя по источникам, мужчины носили костюм, состоящий из двух слоев; нижний был из рубахи, сшитой из синей крашенины на подкладке. Покрой ее идентичен описанным выше рубахам. Второй слой одежды состоял из накидки типа халата с отложным воротником, который был украшен вышивкой и тесьмой. Покрой был прямой, спереди – сплошной разрез. Вместо рукавов – короткие треугольные крылышки. Чуть ниже воротника пришивались застежки (от 1 до 7). По бокам, до подола, делались разрезы. Накидка была короче рубахи. Данный костюм подпоясывали ременным поясом с железной пряжкой, на который подвешивали нож и мужской кисет.

Традиционным для чеченцев, как и для многих народов Кавказа, был бешмет (*гІовтал*) – верхняя распашная мужская одежда. Его шили из разных тканей домашнего производства и привозных: шерсти, щелка, полушелка, сатина, ситца, крашенины и т.д. Ткань выбирали в зависимости от материального благосостояния семьи. Он был как повседневной, будничной, так и праздничной, выходной одеждой мужчин, женщин и даже детей. Иногда надевали бешмет под черкеску, но в основном носили отдельно, поверх нательной рубахи, без черкески. Распространен был бешмет двух типов: первый тип – цельнокроеный, с круглым воротом, т.е. туникообразного покроя, и второй тип – с отрезной талией, со скошенным к груди воротом (типа черкески). Первый тип бешмета, во многом повторяющий покрой туникообразной рубахи и отличающийся от нее сплошным разрезом от ворота до подола, несомненно, наиболее древняя форма распашной одежды местного населения. Второй тип бешмета, по-видимому, возник в процессе эволюции и совершенствования покроя, а также под влиянием костюма соседних народов. Его шили плотно прилегающим к талии, с цельнокроеной спинкой и отрезными боками, состоящими из трапециевидных и треугольных клиньев, расширяющихся книзу. Нижняя часть бешмета состояла из 6–9 клиньев. Спереди к бортам (по каждую сторону) также пришивались клинья. Подобный покрой создавал определенный силуэт одежды, сильно затянутый в талии и свободный книзу. Такая одежда была очень практичной в местных условиях и удобной при ходьбе.

Бешмет имел невысокий стоячий воротник; рукава делали длинными, слегка суженными книзу, иногда с манжетами; застегивался он на воздушные петли пуговицами из крученых ниток (иногда они были металлическими). Для зимы шили бешметы из плотных шерстяных тканей, утепленные, на шерсти или вате и простеганные. Назывались они у чеченцев *кетар-гІовтал* (ватник). Бешмет перепоясывался широким матерчатым кушаком

или кожаным ремнем (*доьхка*), на который подвешивали кожаные или матерчатые кисеты разных форм, нож и т.д.

Карманы в бешметах появляются лишь в XIX в. В основном это были внутренние прорезные карманы в боковых швах. Первый тип бешмета был наиболее характерен для пожилых мужчин. Молодежь в основном носила бешметы типа черкески. Возрастная особенность подчеркивалась и длиной бешмета: укороченные были свойственны молодым. Бешметы были распространены повсеместно как повседневная и праздничная одежда, бытовавшая одновременно с верхними мужскими платьями-рубахами. Неверно, на наш взгляд, трактует роль этого одеяния в комплексе чеченской одежды грузинская исследовательница Л.Ю. Маргошвили. «Часто мужчина-вайнах, – пишет она, – надевал архалук (т.е. бешмет. – *Б.А.*) и брюки на голое тело, без нижней рубахи. Эти два элемента были повседневной одеждой горца… С течением времени появилась верхняя рубаха, занявшая место архалука. Архалук превратился в домашнюю и верхнюю одежду молодых и пожилых мужчин» (*Маргошвили*, 1986. С. 27). Однако многочисленные археологические материалы из наземных склепов Чечни показывают ошибочность подобных утверждений (*Абдулвахабова,* 2003. С. 329–338): платья и бешметы у чеченцев бытовали как самостоятельные типы верхней одежды.

Бешметы шили из различных по цвету и фактуре тканей: при изготовлении повседневных использовали домотканые материи; для праздничновыходных, в зависимости от экономических возможностей семьи, – дорогие привозные ткани. Наиболее популярными цветами для бешметов взрослых был белый (для парадно-выходных бешметов), красный, синий, коричневый – для повседневных.

Нет сомнений, что для чеченцев этот тип одежды характерен с глубокой древности. Бытуют различные мнения по поводу его происхождения. Некоторые исследователи связывают его со скифской одеждой (*Калоев*, 1960. С. 150), другие – с одеждой ираноязычных предков осетин (*Яценко*, 1985. С. 25–36).

Н. Данилевский отмечал, что «у всех горцев общая идея о красоте состоит в том, чтобы иметь широкие плечи, полную грудь и тонкий стан, и мужчины, несмотря на то, что носят несколько кафтанов один на другом, туго перетягиваются, чтобы в пояснице не оставалось ни малейшего знака толщины» (*Данилевский*, 1846. С. 156). Эволюция одежды у чеченцев была также связана с определенными, присущими и другим народам, эстетическими взглядами. Не случайно до сих пор бытует выражение «*оьзда гIодаюкъ йолу стаг*» (букв.: «мужчина с благородной талией») .

Е.Н. Студенецкая справедливо отмечала, что тип одежды определялся в древности не столько этнической спецификой, сколько образом жизни. Народы, быт которых был связан с верховой ездой, охотой, скотоводством, могли выработать в одежде общие черты, стремясь сделать ее более удобной (*Студенецкая*, 1989. С. 77). В ношении бешмета чеченцы были менее консервативны, чем их соседи, его носили нараспашку. Правда, это могли себе позволить представители старшего поколения. Иногда бешмет одевался и под черкеску.

Судя по данным археологических источников, на рубеже XVI–XVII вв. среди чеченцев широко распространяется еще один тип верхней распашной

одежды – черкеска (*чоа*), ставшая для всех кавказских народов праздничной общенациональной одеждой.

С XVII в. черкеска становится важным элементом национальной одежды. Она считалась парадной, выходной одеждой, и была не у всех мужчин. Шили ее из домотканого сукна белого или черного цвета, из красного или коричневого шелка, на подкладке. До середины XIX в. черкески были короткими, выше колен, с узкими рукавами. Позднее их стали шить более длинными, с широкими рукавами. Длина черкески зависела также от возраста: молодые носили короткую черкеску, пожилые – длинную. Черкеска шилась в талию, а нижняя часть ее сильно расширялась за счет клиньев. Ворот был открытым, без стоячего воротника, с треугольным вырезом на груди и металлическими (серебро, бронза, медь и т.д.) застежками до пояса. На груди по обеим сторонам нашивались кармашки с отделениями для газырей (*бустамаш* – газырницы). Каждый кармашек имел от 5 до 11 отделений и пришивался наискосок. Часто газырницы изготовляли из кожи и украшали хлопчатобумажными или шелковыми шнурами. Появились они из чисто практических соображений – для хранения заранее отмеренных зарядов пороха, а впоследствии и пуль. Позднее газыри утратили первоначальное назначение и превратились в элемент украшения. Газыри изготовляли из дерева или кости, с костяными или орнаментированными серебряными (нередко покрытыми чернью или золотом) верхушками-колпачками, которые часто были скреплены между собой серебряной цепочкой. Таким образом, газырницы стали характерной деталью черкески, подчеркивающей своеобразие данного элемента одежды.

Края черкески нередко обшивали тесемкой или галуном из серебряных или золотых ниток. Как по качеству ткани, так и по отделке резко отличались черкески простых крестьян и представителей богатой верхушки. По талии черкеска перетягивалась ременным поясом с металлическими (часто серебряными) пряжками и бляшками. Если же бешмет надевали без черкески, то он перетягивался этим же поясом. Такой пояс являлся строго обязательной частью чеченской мужской одежды. На него подвешивали кинжал (в более ранний период – саблю или шашку и другое оружие) и различные предметы, связанные прежде всего с уходом за оружием: кремень, кресало, сальницу и т.п. Часто последние находились в специальных кожаных мешочках-кисетах, которые и подвешивались к поясу. Черкеску обычно не надевали без кинжала, а в походе и без других видов оружия. Только мальчики до 7 лет и глубокие старцы, по обычаю, могли ходить без пояса (*доьхка*) или ремня. Опоясываться чеченский юноша начинал (если он вел себя достойно и не имел физических, а также умственных недостатков) уже в 15 лет, а «распоясывался» (т.е. ему считалось приличным ходить без пояса) в 65 лет, после чего он уже не мог быть подвергнут кровной мести. Позором, в большинстве случаев смываемым только кровью, считалось, если с мужчины срывали пояс.

Теплой (зимней) мужской одеждой была овчинная шуба (*кхакхан кетар*) двух видов – набрасываемая на плечи и одеваемая в рукава. На шубу первого типа шло 9–10 овечьих шкур шерстью вовнутрь. В горных условиях они считались лучшим одеянием, причем пастухи на горных пастбищах носили их и летом. Сверху шубы нередко покрывали плотной шерстяной

бумажной материей. Часть горцев-крестьян носила шубы без матерчатого верха. В дождливую погоду и в снег такие шубы выворачивали (во избежание порчи) наизнанку, шерстью наружу. Шили шубы как прямого покроя, так и со сборками в талии, с воротником (типа шальки). На протяжении многих веков шубы изготавливались также из шкур различных диких животных.

Бытовало несколько типов пастушьей одежды: овчинная шуба с капюшоном и накидка из сложенного вдвое прямоугольного полотнища, сшитого из двух полос домотканого сукна (накидка называлась *жалуьна маша* – пастушье сукно). Ее набрасывали на плечи и закрепляли на шее при помощи завязок. Заимствованный у дагестанцев тулуп (*киерча*) с длинными зауженными («ложными») рукавами также носили пастухи. Горцы-пастухи надевали простую войлочную накидку, защищавшую их от дождя (*кхоллар* – накидка, плащ) (*Вагапов,* 2003. С. 31).

Весной и осенью носили безрукавки из овечьих и других шкур мехом вовнутрь. Их делали нагольными и крытыми тканью. Название «*силг*», которое использовали в прошлом для этой одежды, в настоящее время практически не употребляется, а именуется она *пхьуйшаш доцург* (букв. «безрукавка») (*Алироев,* 1970. С. 33). Помимо овечьих и козлиных шкур использовались для шитья безрукавок и домотканые ткани, такие безрукавки утепляли ватой и вертикально простегивали.

В качестве верхней плечевой одежды носили бурки (чеч. *верта*). Чечня была основным районом Северного Кавказа по изготовлению и продаже бурок.

В течение года семья могла изготовить до 25 бурок. В среднем в Чечне бурочным производством было охвачено до 100 дворов, при этом только в Старом-Юрте – 25 дворов. В начале века в Чечне изготовляли до 2000 бурок (*Исаева,* 1974; *Самойлов,* 1855; *Хасбулатов*, 1963). Чеченские бурки были тонкими и легкими. Например, чеберлоевские бурки продавались через андийцев и очень ценились в Грузии и Кумыкии.

Бурка считалась предметом особой гордости каждого чеченца. Она была надежной и незаменимой в дождь и снег, в холод, в ветреную погоду и в летний зной как для пешего, так и для всадника. Горец как на работе, так и в пути старался не расставаться с буркой. В пути или походе она заменяла ему постель: половину бурки подстилали под себя, а другой половиной укрывались, что давало возможность ночевать под открытым небом. В боевой обстановке в прошлом искусно использовали защитные функции бурки.

Можно выделить бурки двух типов: первый – с узкими плечами без ворса, длиной ниже колен. Такую бурку в основном предпочитали пастухи и табунщики, так как являлась хорошей защитой в непогоду. Второй тип имел трапециевидную форму, бурка была длинная, с широкими плечами. Спереди у ворота пришивали застежки из различных материалов: петли из сыромятной кожи, шнурки-завязки и т.д. Ворот и края бурки обшивали галуном. Иногда верхняя часть имела подкладку из хлопчатобумажной ткани. На изготовление бурки шла высококачественная белая или черная шерсть. Белую бурку одевали в особых случаях и ценили дороже черной.

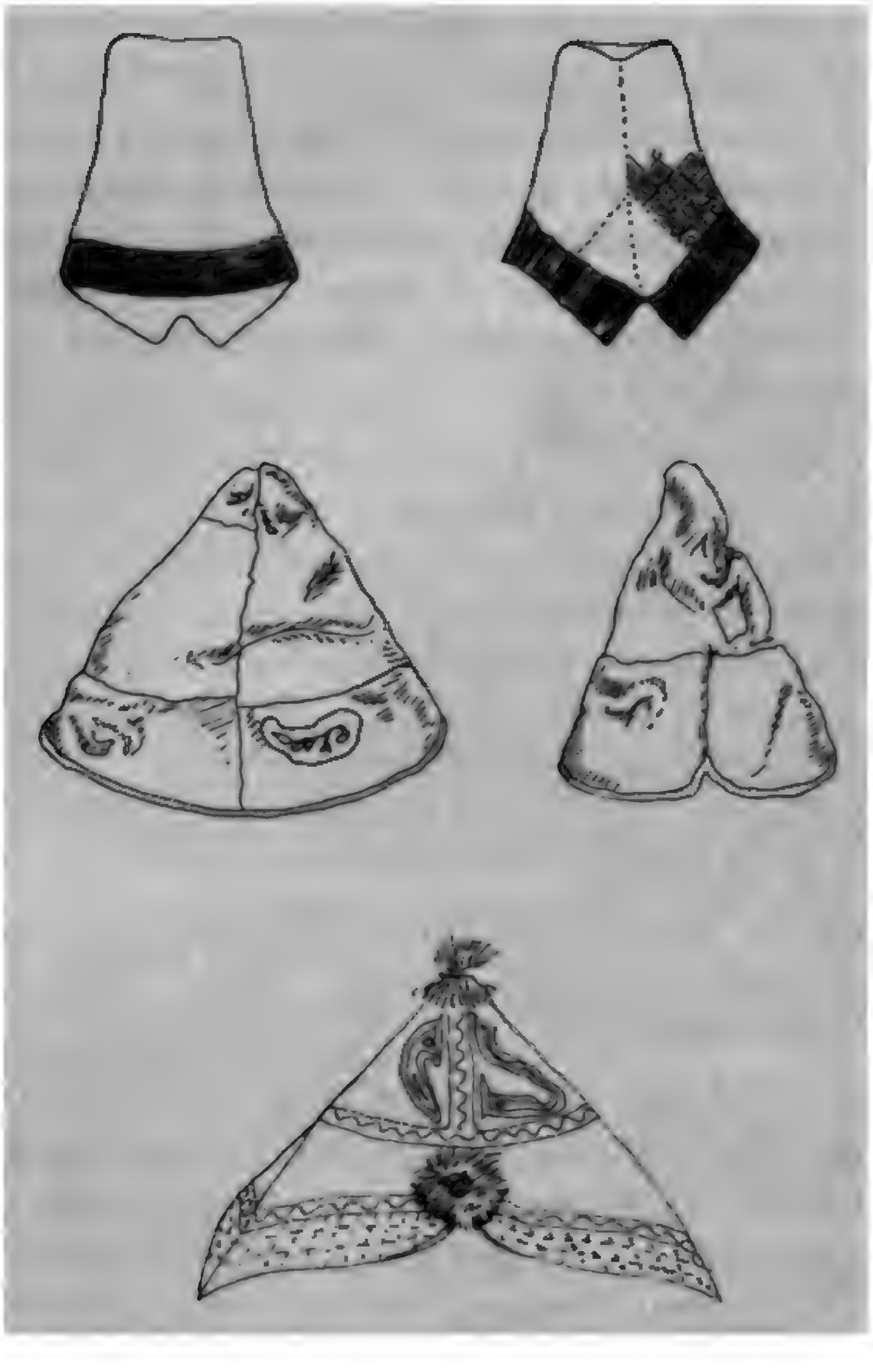
Особо почитаемым элементом одежды был головной убор. С ним были связаны представления о чести, достоинстве, красоте, этикете и т.д. Чеченцы необыкновенно бережно относились к головным уборам. Существовал культ головного убора. С глубокой древности мужская шапка – это олицетворение мужского достоинство. Покушение на него, сбивание головного убора вызывали непрощаемую обиду. Снять с кого-либо шапку означало нанести смертельную обиду; если горец снимал шапку и ударял ею о землю – значит, он был готов идти на все (*Хасбулатова,* 1989. С. 120). С мужскими головными уборами связано много поверий. К примеру, сесть на шапку или же положить ее на другую – накличешь беду на мужскую половину дома. Ее нельзя было бросать, где попало. В доме шапки вешали на особое почетное место, где шапка всегда висела рядом с оружием хозяина дома. Шапку не принято было снимать, входя в дом. Ее снимали только в исключительных случаях. Известно, как чрезвычайно высоко ценилась чеченцами человеческая жизнь. В случаях непреднамеренного убийства из многих селений собирались люди, чтобы просить прощения для виновного. И только тогда чеченцы обнажали головы: снимали шапки и становились на колени.

По материалу и покрою выделяются различные типы головных уборов чеченцев. Для шитья шапок использовались ткани, овчина, кожа, войлок. Основным головным убором мужчин-чеченцев была и остается шапка из овчины, первоначально островерхая, шерстью внутрь, позднее – наподобие усеченного конуса, шерстью наружу, или просто наподобие современной кубанки. Очень высоко ценилась шапка из мерлушки – *элтар,* которую с большим трудом и за большую цену доставляли из Бухары. В особом почете была мерлушка с мелкими золотистыми завитками (*кIиндж*). Ей уступала шапка из обыкновенного каракуля (*холхаз*), которая стоила несколько дешевле. Они шились на стеганной шелковой и матерчатой (суконной, бархатной) подкладке.

В более ранний период были широко распространены мужские шапки, комбинированные из ткани и кожи, сшитые из 6–8 клиньев, сходящихся на макушке. Такой же формы шились шапки из ткани, без комбинации с другим материалом: они были однослойными, иногда на подкладке из холста. Их носили повседневно и редко украшали узорами и иными элементами декора. В отдельных случаях околыш таких шапок отделывался узкой кожаной лентой. Шапки из кожи, овчины обтягивались крашениной красного или синего цвета. Околыш обязательно укреплялся различными приемами; стежками, матерчатой или кожаной полоской. Среди данного типа головных уборов выделяется особый тип боевых стеганых шапок.

Аналогичные головные уборы были характерны и для некоторых народов Кавказа (*Волкова,* 1971. С. 101. Рис. 8; *Волкова,* 1974. С. 35, 47). Чеченцы носили и шапки в форме шлема, изготовленные из двухслойного войлока естественной окраски, обтянутые сверху плотной тканью, между слоями войлока для тепла закладывали шерсть.

Еще один тип шапки шили из ткани, на подкладке. Верх макушки состоял из нескольких треугольных клиньев, а основание из сплошной полоски по кругу. К околышу пришивалась тонкая полоска из другой ткани, или же он простегивался.



Летние мужские головные уборы чеченцев XVI–XIX вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

В горной Чечне были распространены куполообразные шапки из комбинированных тканей (шелк, хлопчатобумажная ткань), украшенные геометрическим орнаментом. Этот вид шапок имел варианты: различными были высота шапок, состав тканей и т.д.

Среди мужских головных уборов особо выделяются летние шапки наподобие тюбетеек, «фески» (чеч. *пес*), бытовавшие у чеченцев, по крайней мере, с эпохи раннего средневековья; они хорошо фиксируются археологически.

Ошибочно полагать, что подобные головные уборы появились только в XIX в. (*Алироев,* 1990. С. 250). Возможно, истоки «фесок» восходят к кочевнической эпохе, монгольской и тюркской традициям. Близкие формы угадываются в головных уборах тюркских народов Средней Азии по миниатюрам XV–XIX вв. (*Горянин,* 1976. С. 63–65).

Тюбетейки (фески) изготавливались из хлопчатобумажных тканей, нередко покрывались привозными шелками. Кроили их из четырех кусков материи треугольной формы. Верх вышивался линейным или геометрическим узором. На макушке и по бокам прикрепляли кисточки из шелковых и хлопчатобумажных ниток. Тюбетейки украшались вышивкой золотом и серебром, серебряными бляшками, белым мелким бисером, бирюзовыми бусами.

Среди головных уборов чеченцев встречаются и привозные. О бытовании других типов головных уборов свидетельствуют их названия в чеченском языке: *мангалан куй* (шапка для сенокоса) – войлочная шляпа с большими полями; *исхар-куй* – суконная шапка (шляпа). Первая предназначалась для косцов и шилась из грубого войлока, вторая изготавливалась из белой мягкой шерсти, была более нарядной: ее носила в основном молодежь. Такие шляпы бытовали практически у всех народов Северного Кавказа (*Булатова и др.*, 2001. С. 87). *Папа куй* – фуражка (букв. «плоская шапка»), *лаб йолу куй* – шапка-ушанка и некоторые другие головные уборы более позднего происхождения (XX в.) и были заимствованы чеченцами. Паломники носили чалмы (*чалба*).

Популярен был у чеченцев, башлык (*башлакх*), который в непогоду накидывали поверх папахи. Изготавливали башлыки из домотканого или по-

купного сукна. Покрой их был простым: шили из сложенного вдвое куска сукна, оставляя шов позади. Передние концы в виде длинных лопастей спускались вниз. Нарядные башлыки обычно украшались галуном, золотым шитьем. К башлыку пришивался темляк или тесьма с кистью на кончике (*хорха*). Их надевали на праздники, свадьбу и считали достойным подарком невесты жениху.

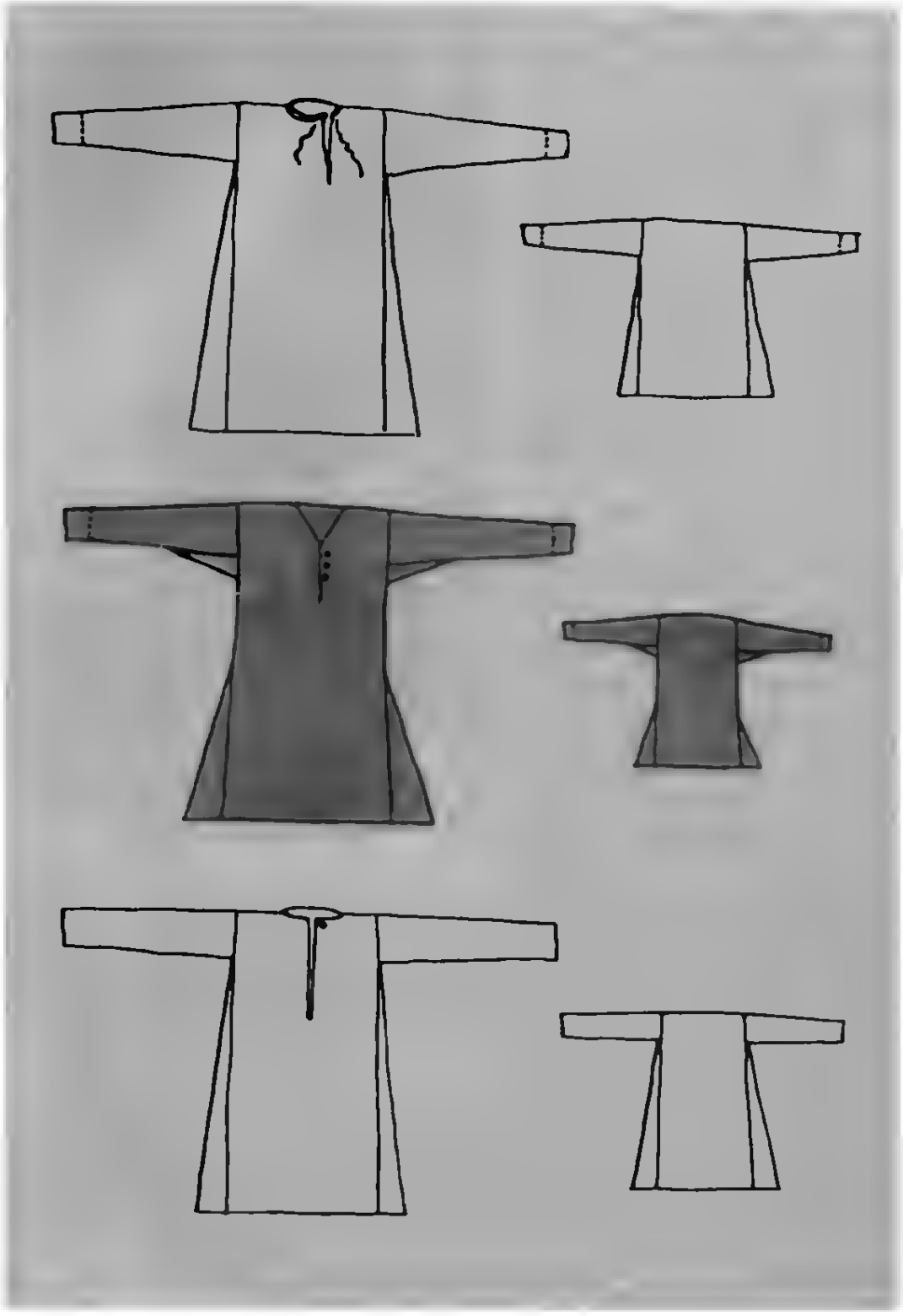
Мужские сафьяновые кисеты. XVI–XIX вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Башлык первоначально предназначался для удержания головного убора на голове. Это практическое свойство башлыка было особенно важно для всадника-степняка при ветрах и буранах, поэтому есть основания предполагать существование подобной детали в костюме кочевника (*Кузнецова*, 1982. С. 105). О верности данного предположения свидетельствует то, что материал, исконный для овцевода – сукно (тюрк. – *башлык*). Почти без изменения это название перешло в чеченский язык (*башлакх*). Наряду со многими элементами кавказского костюма башлык был заимствован казаками. Скроенный в форме треугольного мешка, башлык надевался на голову поверх головного убора, а в непогоду башлыки закрывали почти все лицо, оставляя открытой только лобную часть лица. Впоследствии ставший неотъемлемой частью традиционного мужского костюма, накинутый на плечи и закрепленный на шее, башлык красиво дополнял строгий облик горца.

Женская одежда

Женский костюм сохранял в себе гораздо больше черт самобытности, чем мужской. Это в какой-то мере может быть объяснено консервативностью форм домашнего быта и особым замкнутым образом жизни женщины, которая более прочно привязана к вековым традициям семьи и очага. По причине особых жизненных условий женщина-горянка была и хранительницей древних обычаев. Все это непосредственно отражалось на особенностях формирования женской одежды.

Женская нательная одежда (*чухула юху бедарш*) включала нижнюю рубаху (*коч*) и длинные штаны (*хеча*). Этими элементами в сочетании с головным убором и комнатной обувью женский костюм обычно ограничивался



Женская нательная одежда. XVI–XVIII вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

в домашних условиях. Нательная рубаха туникообразного покроя составляла основу костюма. Судя по археологическим источникам, бытовали несколько типов нательных рубах: 1) туникообразная, с прямыми рукавами, длинная до пят; 2) туникообразная, расширяющая книзу за счет боковых клиньев, с длинными рукавами на манжетах; 3) с короткими рукавами, с треугольным вырезом ворота. Исследования материалов склеповых погребений Чечни свидетельствуют о наличии нательной рубахи в женском костюме по крайней мере с эпохи Средневековья (*Крупнов*, 1971. С. 93). Их шили из тканей домашнего производства светлых тонов или покупного холста. Некоторые женские нательные рубахи кроились из одного куска ткани, сложенного вдвое и сшитого по бокам (наиболее древний способ кроя).

Для женских нательных рубах характерен был не только ворот с центральным разрезом на груди, но и ворот, который застегивался с боку на бронзовые или серебреные пуговки грушевидной формы или же завязывался шнуровками. Форма ворота имела не только практическое, но и магическое значение. К примеру, «открытость» (т.е. вертикальный разрез от горловины до талии) должна вызвать «открытость судьбы, перспективу счастья и рождения детей». Эта старинная форма ворота, сохранявшаяся в течение многих веков, дошла до наших дней, и в настоящее время бытует с незначительными изменениями в одежде пожилых чеченок.

Обязательным элементом женской одежды были штаны, широкие вверху и суживающиеся книзу. В комплексе традиционной женской одежды чеченцев встречались несколько типов данного поясного одеяния. Различались женские штаны также у женщин разного возраста. Е.Н. Студенецкая отмечала, что «есть указания, относящиеся к началу XIX в., что молодые женщины носили красные штаны, замужние пожилые – голубые, а девочки – белые» (*Студенецкая,* 1989. С. 42–43). Есть свидетельства современников, что девушки из богатых семей носили «полосатые лилово-черные шаровары», которые «связывались серебряными шнурками с маленькими кистями» (*Екельн*, 1841. Т. 19. С. 94). Видимо, здесь очевидец описал повседневную одежду богатых девушек. У чеченцев для парадных, праздничнo-выходных штанов преобладали ткани красного цвета.

Побывавший в XVIII в. на территории края европейский путешественник Я. Рейнеггс также отмечал: «Кажется будто они имеют особливый закон, чтобы замужние жены и девицы носили красные мужские исподницы, которые внизу у ног искусно вышиты и оторочены черной лентой. У вдов старых и молодых девушек исподницы бывают синяя или белая» (*Гаджиев,* 1986. С. 30). К началу XIX в. с увеличением фабричных товаров, под влиянием городской моды традиционные штаны постепенно стали вытесняться из обихода. В одежде пожилых женщин наблюдается мода на несколько расширенные штаны. В настоящее время данная поясная одежда практически исчезла из обихода.

Верхняя одежда чеченок отличалась богатством и разнообразием форм, как правило, в качестве верхней одежды женщины носили туникообразные рубахи-платья, длина которых варьировалась (до щиколоток или ниже колена). Рукава верхних платьев были длинные, зауженные к кисти, иногда их делали на манжетах, с вышивкой. Повседневные платья шили из крашенины, хлопчатобумажных или шерстяных тканей. В экономически состоятельных

Верхняя одежда незамужних чеченок XVI–XIX вв. Реконструкция
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

семьях использовались дорогие привозные ткани: шелк, атлас, парча, бархат и т.д. Функциональное назначение платья непосредственно влияло на выбор материала, расцветку ткани и покрой. Ткани ярких цветов предназначались для праздничных платьев, а более приглушенные тона – для повседневных платьев-рубах.

Выделяются несколько типов верхних платьев. Первый тип, наиболее архаичный – платье туникообразного покроя, с богатой цветовой гаммой, своеобразной формой ворота и особым способом украшения; основа его состояла из трех полотнищ – одно целиком шло на спинку, два (сшитые вместе) – на перед. Такие платья шили из крашенины, шерсти, шелка и т.д. Рукава делали зауженными книзу и длинными, вшитыми в пройму, без ластовицы под мышкой. Большое значение придавалось отделке рукавов и ворота. В некоторых платьях под рукавами делали разрез, края которого подворачивались и пришивались крупной стежкой. Обшлаг рукавов вышивали узорной строчкой. Ворот был круглый, с глубоким осевым разрезом на груди. Ворот и разрез украшались вышивкой разноцветными шелковыми нитками, которые ярко выделялись на фоне платья. На груди ворот застегивался горизонтальными застежками из тканого шнура. Второй тип верхнего платья характеризуется усовершенствованным покроем туникообразных рубах. Стан платья состоял из трех кусков материи: один, широкий, – для переда, два сшитых вместе – для спинки. Ворот был круглый, чуть скошенный к груди. Разрез на груди немного заоваленный, украшенный в два ряда шнурком. Горизонтальные застежки (до 17 штук) располагались по длине разреза очень близко друг к

Верхняя плечевая одежда замужних чеченок XVIII–XIX вв.

Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

другу. Рукава были вставные, зауженные книзу, но без всяких украшений. Платье расширялось книзу за счет треугольных парных клиньев, идущих от пояса вниз с двух сторон, по бокам. На спине к вороту пришивалась кокетка в виде треугольника, а по центру от нее вниз шла строчка. Некоторые платья доходили до пят, сочетаясь с длиной нижней рубахи: другие имели длину ниже колен, и рубаха была видна из-под платья, или же ее длина соответствовала длине верхнего платья.

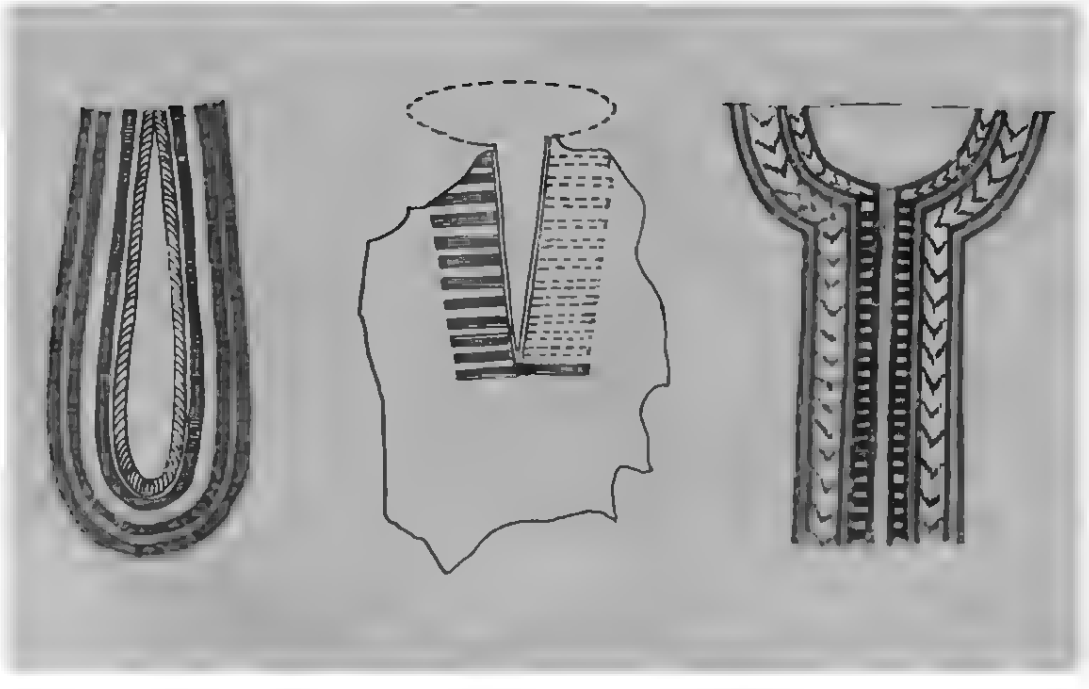
В начале XX в. в костюме молодых чеченок появляется платье-рубаха *гейш-коч*. Ее перед был гладким, от ворота до подола застрачивали глубокую складку, маскирующую разрез на груди; на спине от талии до низа, а иногда и от ворота вшивали сильно расширяющийся книзу клин. Старухи осуждали этот фасон и называли его «грешным». *Гейш-коч* (от яп. гейша) напоминало «кимоно», ставшие модным после русско-японской войны.

Платье-рубаху носили без пояса, при работе или ходьбе ее подтыкали с одного или обеих сторон за пояс надетых под рубаху штанов. На стройной фигуре она драпировалась красивыми складками (*Студенецкая,* 1985. С. 61).

При выполнении домашней работы надевали фартук *хьалхауллург* (букв. «впереди вешающийся»). В начале XX в. в костюме под влиянием городской моды распространяется нижняя и верхняя юбки. Их шили из разных тканей. На определенном этапе развития верхней женской одежды, на стыке конструктивных особенностей туникообразной и выкройкой одежды, появился особый тип женского костюма, который называется *гIабали*. Этот вид

Женский праздничный костюм *гIабали*
(вид спереди)
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Женский праздничный костюм *гIабали*
(вид сзади)
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

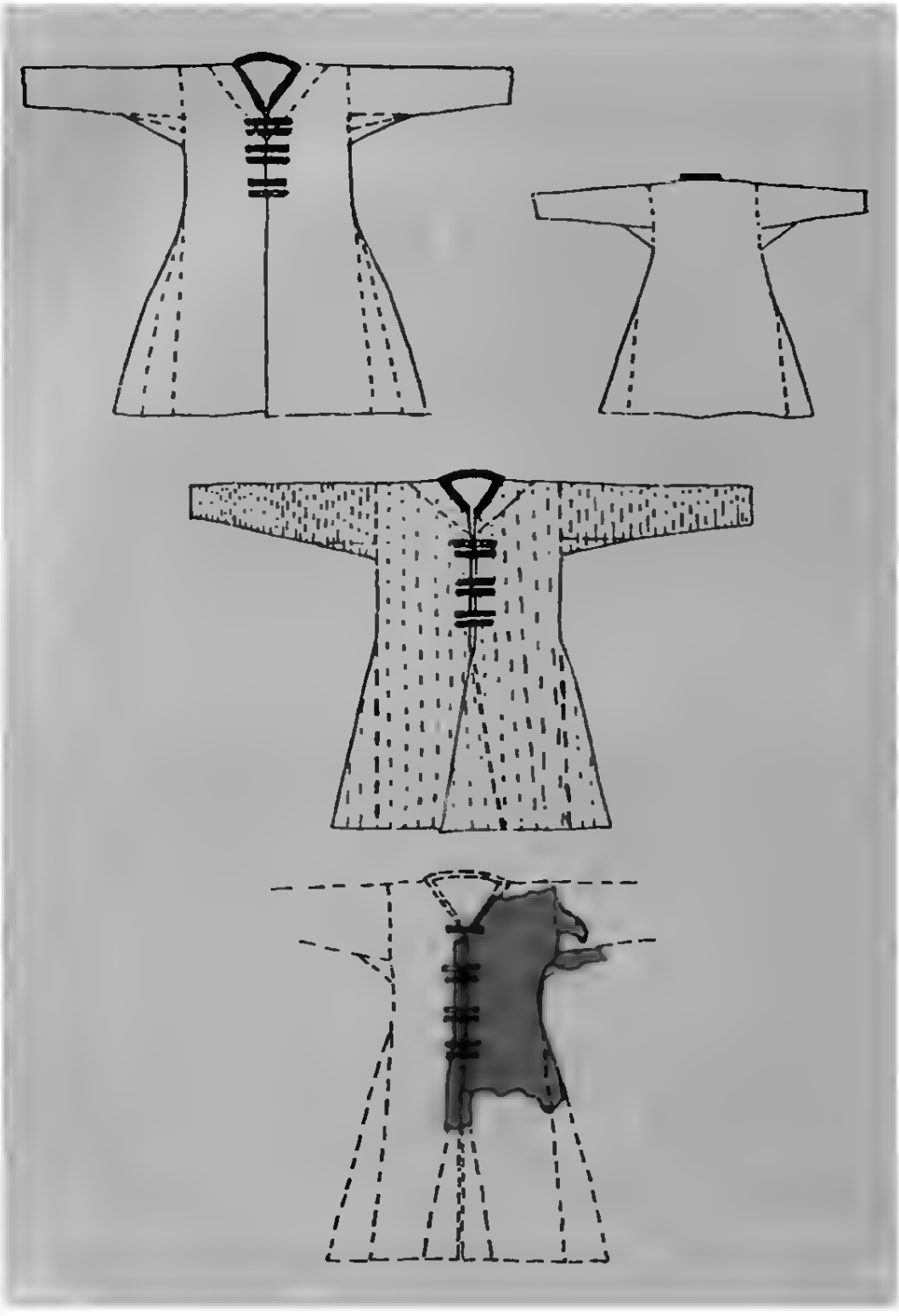


Вышивка на женских платьях. XVI–XIX вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

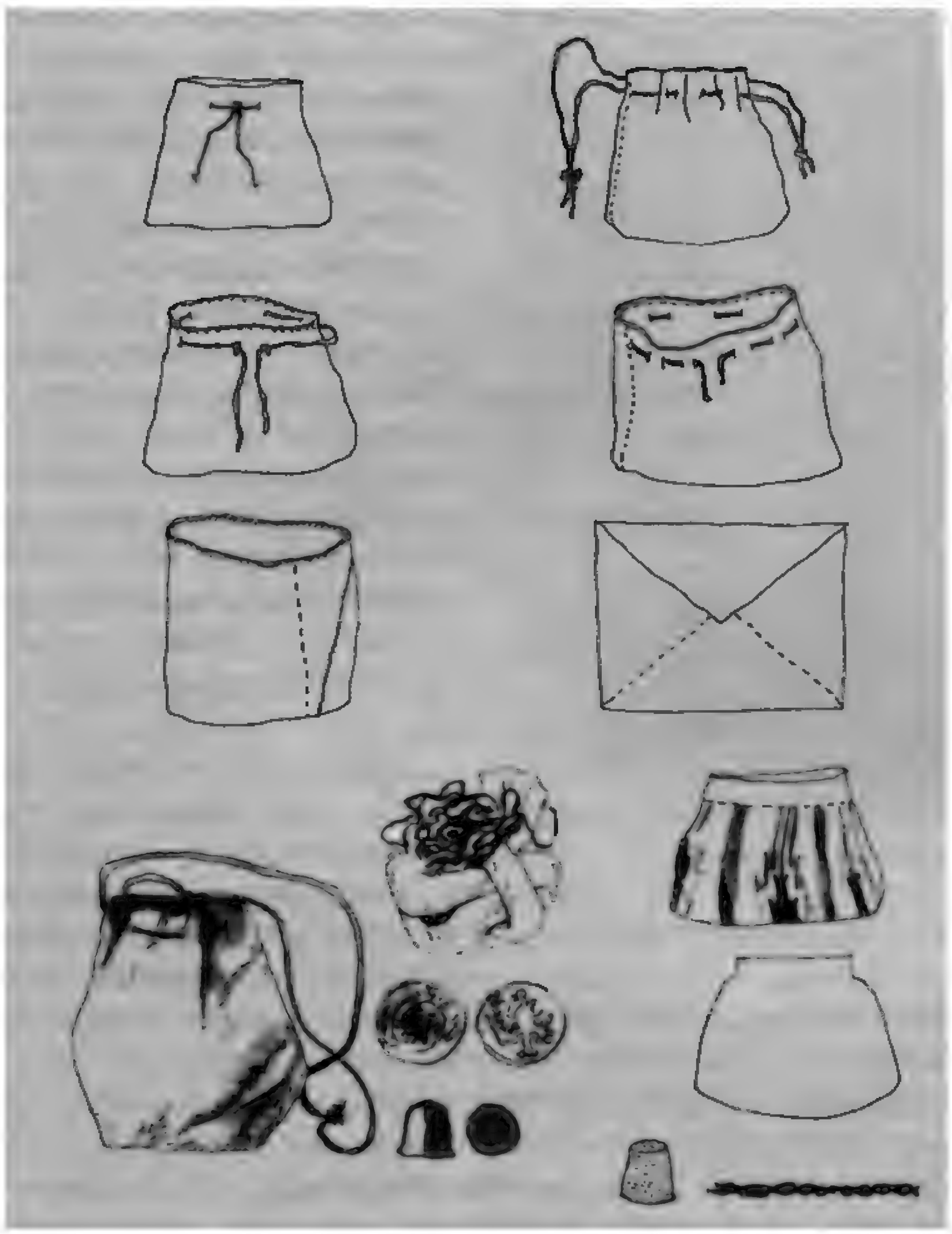
одежды был праздничным, свадебным, а для состоятельных – и повседневным. Некоторые авторы отождествляют название праздничного костюма *гIабали* и бешмета *гIовтал*, что не совсем верно (*Студенецкая,* 1985. С. 61). Бешметы и *гIабали* бытовали одновременно, как отдельные типы одежды, хотя последние фиксируются в наземных склепах с XVIII в. Несомненно, истоки появления данного одеяния надо искать в более ранних эпохах: нагрудные украшения (характерный признак *гIабали*) фиксируются на территории Чечни по крайней мере с эпохи раннего средневековья (*Уварова,* 1900. С. 258, 262, 269). По-видимому, первоначально *гIабали* представляло собой тип нераспашного платья, с расширяющимся за счет боковых клиньев подолом, с круглым воротом и центральным пазушным разрезом. Нагрудные украшения (*бустамаш*) – металлические застежки и круглые бляхи – нашивались непосредственно на нагрудную часть платья, о чем свидетельствуют археологические источники (*Абдулвахабова,* 1992). Такое платье называлось *полшу*, его носили женщины в возрасте. Сегодня это практически забытое название, как и само платье, переставшее бытовать к XIX в.

В процессе эволюции данного типа одеяния постепенно изменилась форма ворота. Он стал сильно скошенным к груди, а металлические украшения-застежки нашивались на открытую часть нижней рубахи. Затем изменился и покрой: платье стало распашным, в талию. Оно повторяло покрой бешмета, но шилось из шелка, бархата, парчи и никогда не утеплялось. В холодное время его невозможно было носить без дополнительной теплой одежды. Рукава были длинные, зауженные к кисти, а нижняя их часть представляла собой длинную округлую или прямую свисающую лопасть. Характерная особенность этого платья – расположенные рядами многочисленные бронзовые или чаще серебряные (иногда с позолотой) нагрудные застежки *чаьрпазаш*. Обычно их нашивали непосредственно на борта платья от ворота до талии в 16–20 рядов; застегивались только нижние 6 рядов, остальные же играли роль украшений. С XVIII в. под *гIабали* стали надевать специальный нагрудник (*туьйдаргаш*), сшитый из бархата, шелка, иногда со стоячим круглым воротником. Нижнюю часть *гIабали* украшали специально изготовленным нашивным орнаментом.Только немногие мастерицы умели их изготавливать. Очень часто в качестве основы таких нашивных орнаментов брали малиновый бархат. Самым распространенным орнаментом являлось «древо жизни», выполненное золотым шитьем.

Пояс не был строго необходимой принадлежностью женской одежды. Лишь наиболее состоятельные носили *гIабали* с богатым поясом. Пояса изготавливали из кожи, галуна, из бронзовых и серебряных пластин, украшенных гравировкой, чернью, зернью, филигранью, позолотой, полудрагоценными и драгоценными камнями (сердолик, бирюза и пр.). В более ранний период чеченские женщины опоясывали талию кушаком из шелка или холста; к нему подвешивались небольшие сумочки (из шелка, атласа, бархата и т.д.) с цветными нитками, игольницами, наперстками, гребнями и прочими мелкими предметами для рукоделия. В комплексе нагрудное украшение и пояс стоили очень дорого. Информанты сообщают, что цена одного комплекта была равна стоимости коровы (т.е. целое состояние). Силуэт женской одежды чеченцев был свободным, мягким и резко отличался от туго затянутых в груди костюмов некоторых северокавказских народов (карачаевцев, балкарцев, адыгов).



Женские платья-рубахи. XIX в.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой



Женские сумочки-кисеты. XIX в.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Одним из самых распространенных типов верхней одежды женщин был бешмет (*гIовтал*). Бешметы были разных типов: на тонкой подкладке, которые носили в летний период, утепленные на вате или шерсти, зимние, стеганые. Различались бешметы также по покрою. Наиболее распространены были бешметы туникообразного покроя, со скошенным к груди воротом и длинными зауженными рукавами; их в основном носили замужние и пожилые женщины. Застежки отсутствовали, перепоясывались матерчатым кушаком из неокрашенного холста. Другой тип бешмета – утепленный на вате или шерсти, простеганный вертикальным швом «вперед иголка». Воротник – невысокая стойка, чуть скошенный к груди. Застегивался на парные горизонтальные застежки. В особый тип выделяются празднично-выходные бешметы, которые шили из привозных шелковых и полушелковых тканей, с подкладкой, утепленные на вате. Такие бешметы шились по покрою черкесок, подчеркивая верхнюю часть женской фигуры. Но рукава имели любопытную форму: короткие, до локтя, полуовальные и со сквозным разрезом

Головной убор замужних чеченок XIX в.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

от подмышек, т.е. «распашные», или же рукава были прямые и короткие, до локтя. Ворот был скошен на груди, треугольной формой. Застегивался с помощью застежек в виде воздушных петель и пуговок из крученых ниток. Молодые женщины и девушки носили праздничные бешметы из бархата (обычно малинового или зеленого). Стан состоял из трех полотнищ. Рукава были длинными и сильно зауженными книзу. По бокам делались разрезы. Края ворота, разрезы по бокам и борта подчеркивались контрастной полоской из другой ткани. К примеру, бешмет из зеленого ворсистого бархата украшался кантом из красного бархата.

В качестве теплой одежды носили тулупы (*бекх*), шубы (*кетар*), а также *киерча* – дагестанский тулуп с длинными суживающимися книзу рукавами. Их шили из овчины и меха, свободного покроя или отрезными по талии. Они могли быть и крытыми и нагольными. Более состоятельные женщины покрывали их различными тканями, в зависимости от вкуса и экономических возможностей хозяйки. Овчинные шубы и тулупы в основном носили замужние женщины старшего возраста. Молодые предпочитали утепленные бешметы разного покроя. Дагестанские овчинные шубы с ложными рукавами были характерны для женщин преклонного возраста в горной части Чечни.

Определенное место в верхней распашной одежде молодых женщин занимал приталенный, с глубоким грудным вырезом кафтанчик, который шили из тканей разного качества и расцветки. Застежки его были из шнуровок, а позднее – серебряные. Спину и перед украшали монетами. Такие кафтанчики носили поверх платья-рубахи молодые женщины. Аналогичные кафтанчики были широко распространены у народов Дагестана (цахуры, ногайцы, горные лезгины и т.д.) (*Булатова и др.*, 2001. С. 24–25). В Чечне они фиксируются в соседнем с Дагестаном Ножай-Юртовском р-не (*Студенецкая*, 1989. С. 63). Возможно, данный элемент в женской одежде – результат тесных этнокультурных взаимодействий чеченцев с соседними народами.

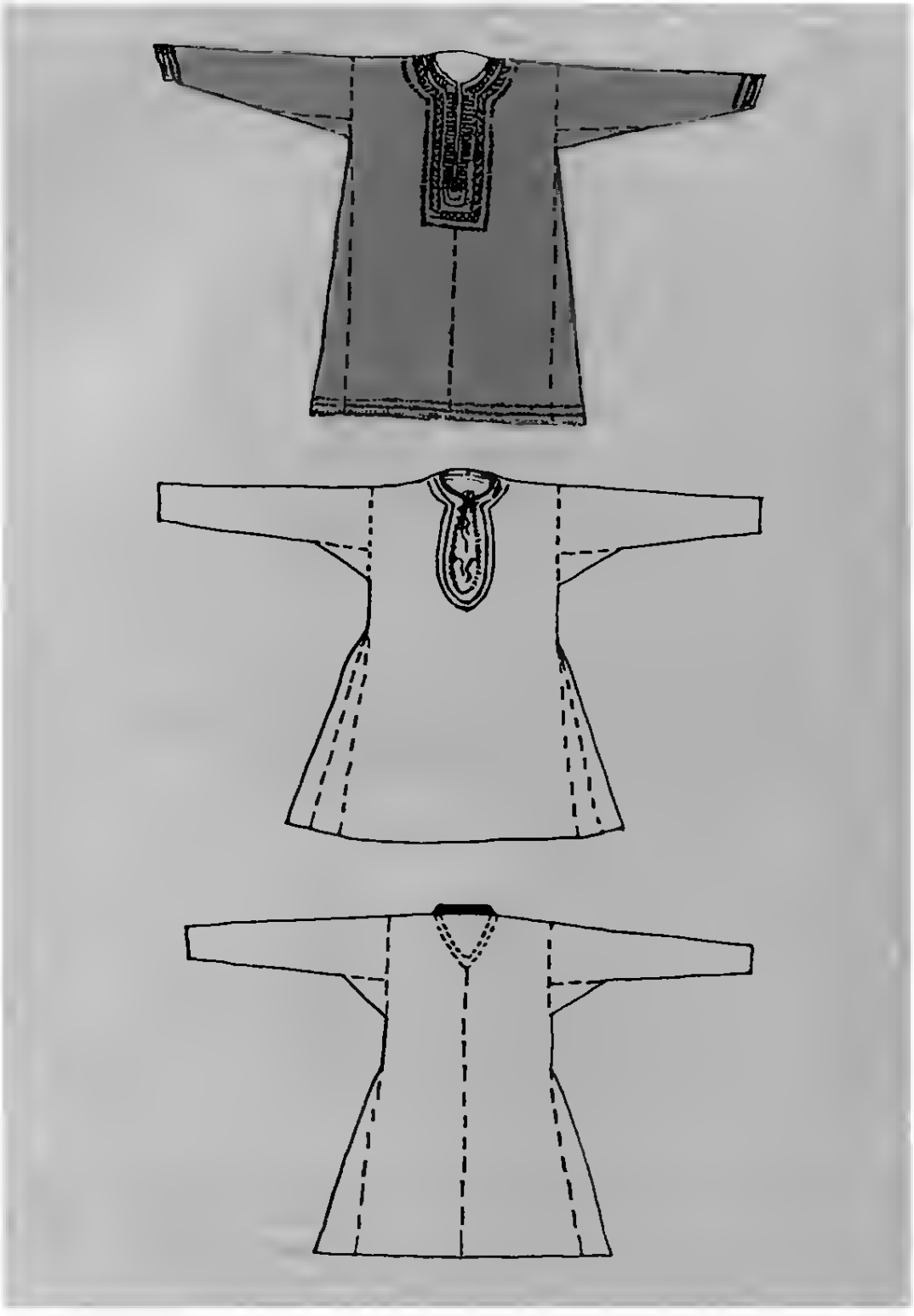
Выразительной и своеобразной частью традиционного женского костюма являются головные уборы. Они отличались значительным разнообразием – это были больших и малых размеров платки (*йовлакх*), шали (*куортали* – букв. «головной платок») из шерсти, шелка; *буой* – шаль, пуховый платок (из козьего пуха). Головные уборы изготавливали из местных и из привозных тканей. Размером и цветом платка или шали подчеркивалась в прошлом возрастная специфика: небольшие платки, которые шили из ткани местного производство, были повседневными головными уборами молодых девушек.

В состоятельных семьях были привозные платки из шелка и других тканей. К названию платка в таких случаях добавлялось название ткани, из которой он был сшит: *гулмаьнда* – цветной шелковый платок; *тапта* – платок из тафты. Эти платки имели квадратную форму, иногда с бахромой (*чечакх*) на концах.

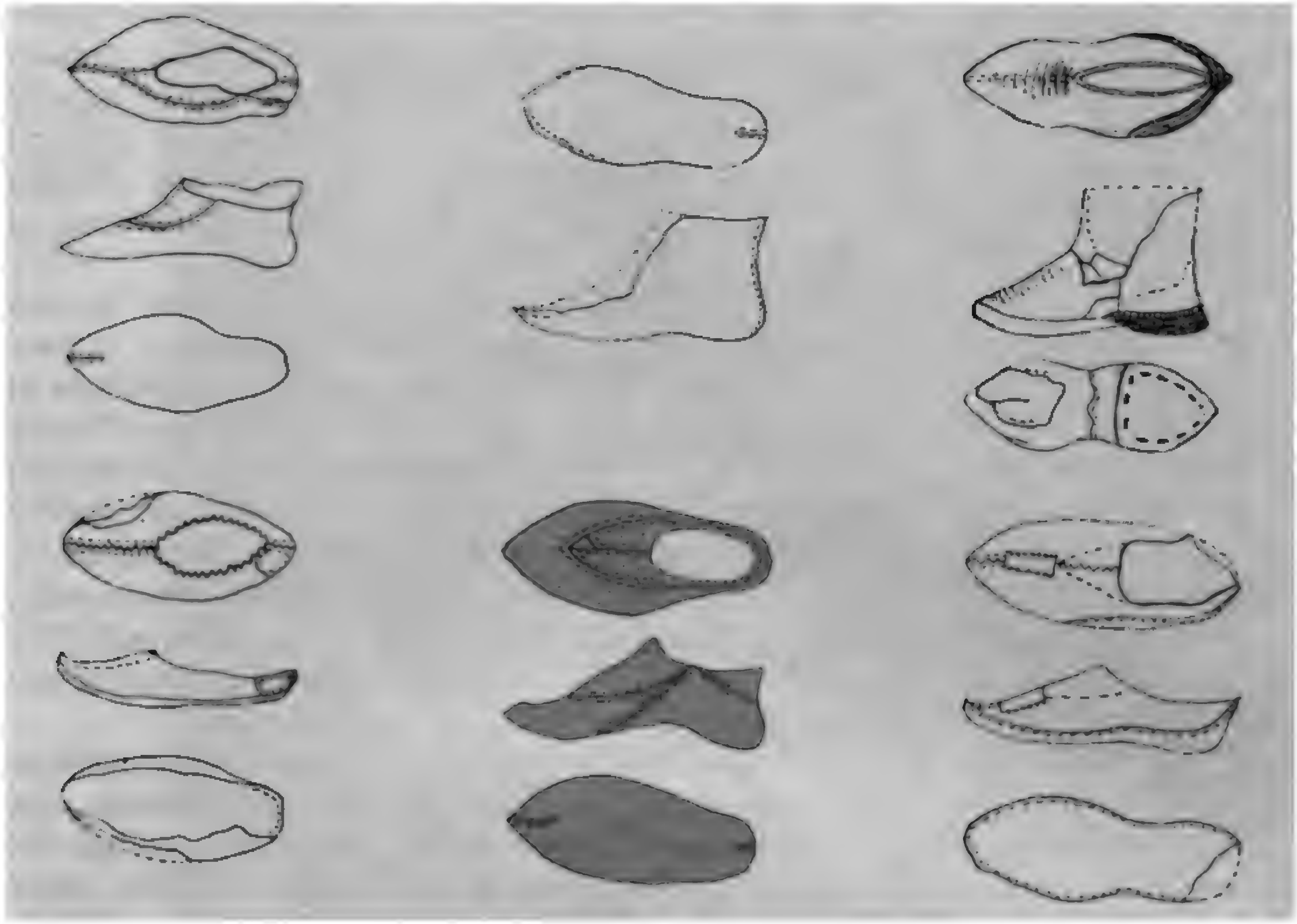
Женщины всех возрастов имели теплые большие шали, их накидывали на голову так, что концы свободно свешивались спереди или за спиной. Их носили в комплексе с утепленными бешметами осенью и зимой. В плоскостных районах Чечни девушки носили небольшие платки с богатой орнаментацией, завязывая их по-русски под подбородком. Женщины же концы не завязывали, а затыкали у щек. Головной убор чеченских девушек нередко состоял из большой шали, иногда с бахромой на концах. Большие платки-шали из домотканого сукна, накинутые на плечи, защищали от холода и ветра.

Замужние горянки надевали платок, концы которого пропускали под волосы, заплетенные в косы, и завязывали на темени. Пожилые чеченки носили *чухту* – длинный узкий черный матерчатый мешок, в который закладывались косы; она почти полностью скрывала волосы по всей длине и спускалась на лоб. Верхняя часть «мешка» была не зашита и укреплялась на голове при помощи завязок. Нижний конец, падающий на спину, украшался бахромой и монетами. Шили *чухту* из атласа, сатина, тонкой шерсти черного цвета. Археологические источники свидетельствуют, что истоки этого головного убора восходят к глубокой древности. У многих народов в прошлом бытовал обычай покрывать волосы. По всей вероятности, этот обычай, характерный для чеченцев еще до принятия мусульманства, был впоследствии освящен исламом, запрещавшим женщинам показывать волосы. Аналогичный головной убор широко распространен среди дагестанских народов *(Булатова и др.,* 2001. С. 38–52) .

Среди головных уборов молодых девушек, обнаруженных в средневековых наземных склепах, археологически фиксируются шапочки, украшенные богатой вышивкой, бисером, круглыми серебряными бляшками. К XIX в. они уже не встречаются среди головных уборов девушек. В XIX – начале XX в. чеченки (молодые женщины и девушки) стали носить длинные шарфы из шифона и крепдешина (*шипон*), чаще – черного или белого цвета. Основным головным убором невесты также был белый шифоновый шарф. Шифоновые шарфы в основном привозили из России. Длина их достигала 250 см, а ширина – 90 см. Их носили девушки и молодые женщины. Шарф набрасывали на голову, оставляя концы свободно висящими спереди. Иногда шарф носили, закинув концы на плечи. Очень ценились белые шарфы, украшенные белым шитьем гладью и цветочным узором. Мода на шифоновые шарфы исчезла в послевоенный период. Из Осетии поступали ручной работы шелковые шали с длинной бахромой. Их называли *хIири бой* (букв. «осетинская сетка») (*Студенецкая,* 1985. С. 65). Анализ имеющихся материалов позволяет выделить несколько комплексов головных уборов: 1) большие и малые платки, надеваемые непосредственно на голову; 2) большие шали и малые платки; 3) *чухта* в сочетании с платками; 4) маленький и средний платок с теплой шалью; 5) шарфы; 6) шапки в сочетании с легкими



Женская верхняя одежда. XVI–XVIII вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой



Кожаная обувь чеченцев. XVI–XIX вв.

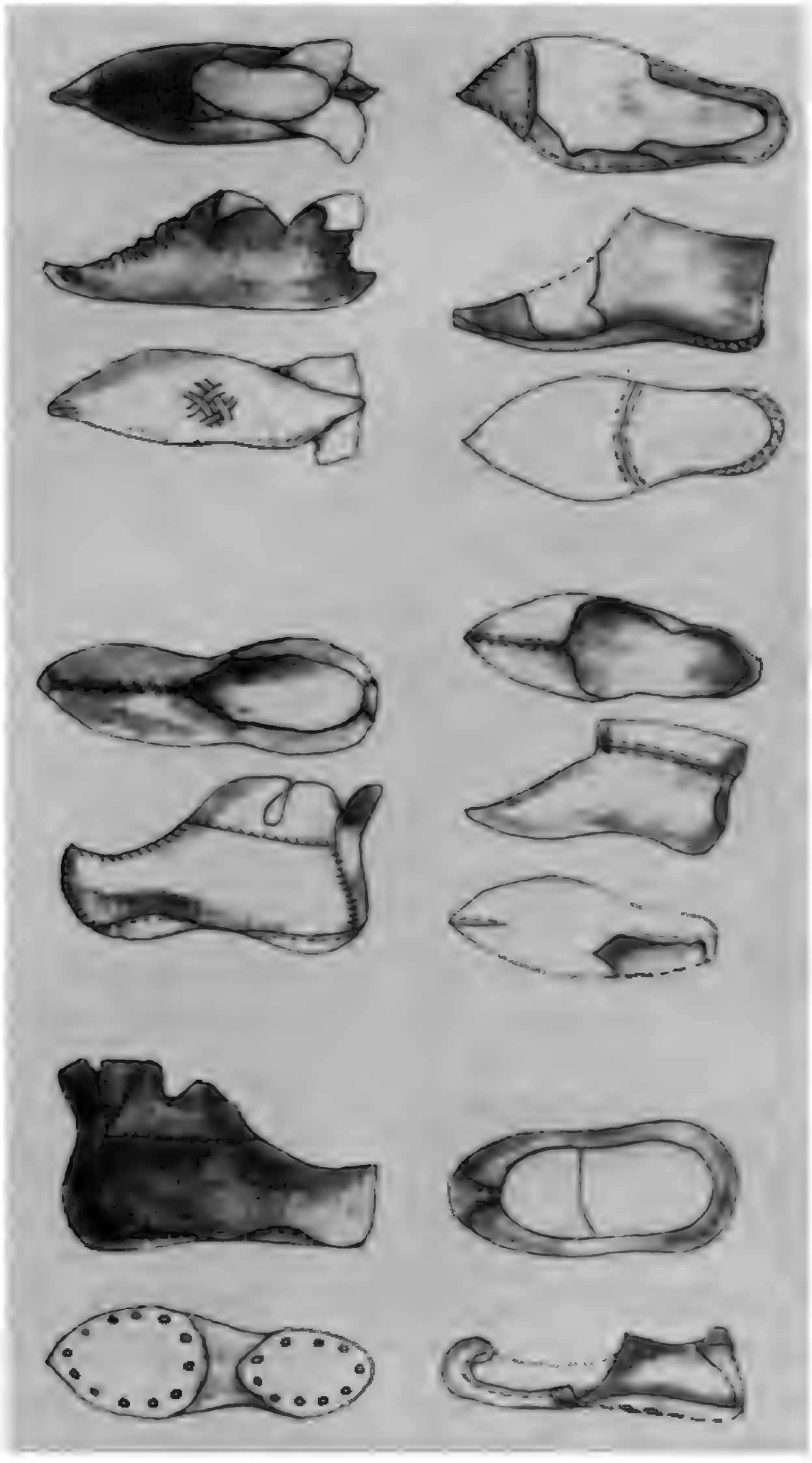
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

шалями; 7) косынки и платки треугольной формы. Распространенный в настоящий период головной убор – *хиджаб*, несомненно, влияние арабской культуры.

Если в эпоху средневековья четко пролеживались различия между головными уборами девушек и замужних женщин, то уже в XIX в. начинается тенденция стирания этих различий и даже их унификация. Наиболее распространенной формой головного убора женщин всех возрастных групп стали платки, а девушки предпочитали шарфы из различных материалов. Сейчас шарфы в качестве головных уборов очень распространены, и не только белые, но и цветные и разных размеров.

Украшения

Украшения в женской одежде занимали особое место. Их носили как с повседневной, так и празднично-выходной одеждой. Они были из самых разнообразных материалов: бронза, серебро, золото, кость и др. Изготовляли их собственные мастера-ювелиры, но широко использовались привозные украшения. Одни из них предназначались для головных уборов, были также накосные, височные, ушные, шейные, нагрудные, поясные, для рук, различные обереги, амулеты и пр. Различные бусы (сердоликовые бусы разных форм, глазчатые бусы, бусы из стекла, гагата и т.д.) были очень распространены. Их носили на шее как ожерелье, украшали платья, кафтанчики, шапочки,



Кожаная обувь чеченцев. XVI–XIX вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

платки. Самые распространенные ушные украшения – серьги (*чIуг*) – вдевали в ухо от двух до шести сразу. Большие плоские серьги (*хьалкханаш*) иногда дополнительно подвешивали на нитке за ухо.

Богатые женщины носили нагрудные украшения тонкой ажурной работы (медальоны на золотых цепочках и т.д.). Обязательным элементом украшения праздничного костюма *гIабали* были нагрудник с серебряными горизонтальными нашивками и серебряные пояса самых различных форм с драгоценными камнями.

Украшения мужского костюма были намного скромнее. Тем не менее и мужская одежда без них не обходилась. Это были газыри на черкесках с серебряными или слоновой кости навершиями, что зависело от состоятельности хозяина. Края и борта черкески, башлыка, некоторые матерчатые шапки украшались шнуром, позументом. Особым украшением мужского костюма являлся узкий пояс с накладными серебряными пластинками и подвесками, на который подвешивали кинжал в серебряных или позолоченных ножнах. Мужчины носили перстни из серебра и золота. В конце XIX – начале XX в. появляются мужские часы на цепочке, которые носили в маленьком кармашке, пришитом к рубахе.

Обувь

Традиционная женская и мужская обувь чеченцев (*мача*, *мачаш*), как один из составных элементов костюма, отражала природно-географические условия, уровень социально-экономического развития народа, эстетические вкусы и т.д. Обувь отличалась большим разнообразием по форме, материалу и была хорошо приспособлена к местным условиям. Ее шили из кожи (сыромятины, сафьяна, юфти и т.д.), войлока, ткани, вязали из шерстяных ниток. Изготавливали и комбинированную обувь из разных материалов. Мужская и

Чеченцы в праздничной одежде. 1935 г.
Личный архив З.И. Хасбулатовой

женская обувь имело много общего, многие ее типы были характерны и для женщин, и для мужчин.

По покрою можно выделить несколько основных типов обуви, бытовавших в прошлом у чеченок. В качестве домашней и выходной обуви они носили *кIархаш* (тапочки) из сыромятной кожи; в зажиточных семьях их шили из сафьяна. Для девушек и молодых женщин была характерна обувь без задников, с заостренным и загнутым носком, на каблуке (*пошмакхаш*). Аналогичная обувь была характерна для народов Дагестана и Закавказья (*Абдулвахабова,* 2003а. С. 34–40). Необходимо отметить также тип женской обуви наподобие ботинок. Такая обувь шилась из нескольких кусков кожи. Швы проходили по носку, пятке и подъему ноги. Сши-

Чеченец в праздничной одежде. 1939 г.
Личный архив З.И. Хасбулатовой

тые очень аккуратно, они изящно смотрелись на ноге. Некоторая часть женщин (в основном из богатых семей) носила сапоги из сафьяна, с многослойным (наборным) каблуком. Передняя часть сапог украшалась тиснением складок. Зимней была обувь из войлока *бIоьржамаш*. В XIX в. женщины из зажиточных семей носили галоши на толстой подошве, с широким носком, твердым задником из двух слоев кожи и низким каблуком. В начале XX в. наряду с резиновыми галошами азиатского фасона стали распространяться различные ботинки, туфли, полусапожки фабричного производства.

Наиболее распространенной мужской повседневной обувью были *нелӏармачаш* (обувь из шкуры крупного рогатого скота), а также обувь из сыромя-

Чеченцы в праздничной одежде. 1935 г.
Личный архив З.И. Хасбулатовой

тины с волосяным покровом на подошве (*симхьа*), чтобы при подъеме в гору не скользила нога.

Из сыромятины шили *хулчи* – особого рода мужские сандалии, с подошвой из плетеного ремня. Такая обувь была очень удобной и нога в горах не скользила. С этой же целью часто к обуви привязывали железные подковы. Внутри обувь застилали соломой, мягкой травой или специально приготовленными войлочными подстилками (*утаркхаш*) (*Алироев,* 1990. С. 253), летом носили с носками или чулками (*пазаташ*) из холстины, или же на босу ногу, в холодное время – вязаными носками, сверху надевая на них войлочные или сафьянные ноговицы (*пиезагаш*).

Чеченки в праздничной одежде. 1935 г.
Личный архив З.И. Хасбулатовой

В состоятельных семьях носили сапоги (*иэтка*) с высокими голенищами. Их шили из пяти кусков сафьяна. Передняя часть сапог украшалась тиснением (кожа как бы собиралась в «гармошку»). В горных районах пастухи, косари, охотники носили обувь из сыромятины, шерстью вовнутрь. Помимо описанных выше типов обуви у чеченцев была распространена обувь из войлока и сукна типа сапог (*бІоржамаш*, *уокхиеш*). Первые шили из кусков бурки, поэтому местные казаки называли их *бурками* (в более поздний период их стали шить комбинированными: из кожи и войлока). *Уокхиеш* – высокие сапоги из валяной шерсти, иногда с кожаной подошвой, обычно они предназначались для пастухов. Появившиеся в начале XIX в. среди

Чеченки в праздничной одежде. 1937 г.
Личный архив З.И. Хасбулатовой

зажиточных слоев мужского населения мягкие сафьяновые сапоги (*маьхьсеш*) – результат эволюции тех сапог, которые бытовали у чеченцев в эпоху средневековья.

Унификация типов одежды в XX в.

Эволюция мужской и женской одежды чеченцев в советский период шла по тому же пути, что и у других народов Северного Кавказа. Это было естественным результатом возникшей ранее общности в одежде, а также следствием одинаковых условий жизни после октябрьских событий 1917 г. в России. Изменения в традиционной одежде были связаны с массовым про-

изводством необходимых материалов, готовых типов одежды, а также влиянием современной моды.

В начале XX в. сложился новый комплекс мужской одежды, состоящий из кавказской рубахи с высоким воротом и застежкой посередине. Ее носили как верхнюю одежду, одевали и под черкеску. Традиционные штаны были вытеснены фабричными. Широко распространились «галифе», заправляемые в мягкие сапоги. Вошли в моду папахи из каракуля, высокие и сильно расширяющиеся кверху.

В послевоенные годы преобладает одежда городского типа, у молодых – модная, нарядная: яркие рубашки, брюки навыпуск, различные куртки, свитера, плащи, нарядные пиджачные костюмы, пальто и т.п. Лишь старики придерживались элементов национальной одежды. При этом кавказская рубаха встречается значительно реже, чем ее поздний вариант, напоминающий гимнастерку (*Студенецкая,* 1985. С. 72). Преобладает обувь городского типа.

В женской одежде также шли изменения в сторону сближения с городскими формами. В 1930-е годы появились платья, отрезные по талии и бедрам, со сборками или складками. В качестве теплой одежды появляется готовое пальто, однотипное с мужским. Устойчивым остается традиционный головной убор, состоящий из одного или нескольких платков. Используется покупная разнотипная обувь.

Коренные преобразования в социально-экономической, культурной жизни чеченцев в 1970–1980-е годы вызвали существенные изменения как в материальной культуре в целом, так и в одежде. Господствующими в одежде чеченцев стали формы, считающиеся международными. Тем не менее отдельные элементы, восходящие к традиционному костюму, в той или иной мере сохраняются в повседневном быту, сочетаясь с современной одеждой. Это женские головные платки и шали, полушубки из овчины, кавказская рубаха, черкеска, *гIабали*, *маьхьсеш*. Прежде всего это наблюдается в одежде представителей старшего и отчасти среднего поколения. Унифицированные формы традиционных черкесок, кавказских мужских рубах, *гIабали* используются только в торжественных случаях – на праздничных демонстрациях, на торжествах, в костюмах танцевальных коллективов.

В целом современный костюм модернизирован и имеет урбанизированный облик. В настоящий период в мужской и женской одежде выявляются больше этнических черт, часть людей разного возраста продолжает использовать традиционный костюм в быту, в повседневной жизни. В госучреждениях, вузах и других учебных заведениях в женской одежде обязательно присутствует элемент национальной одежды – платок. В современной одежде чеченцев наметились две противоположные тенденции: с одной стороны, влияние европейской, с другой – восточной культур.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

По территории Чечни пролегали важные торгово-транспортные и военные магистрали, соединявшие Северный Кавказ с Закавказьем и Передней Азией, ведущие с плоскости Предкавказья в Грузию, Дагестан, Осетию. Это были участки Дарьяльского прохода и Великого Шелкового пути, «дорога вайнахов» (*вайнах некъ*) по Ассинскому ущелью, Аргунский, Шохский, Ольгетский и другие пути. Многие участки последних были ухожены и бла-

гоустроены (в частности укреплены подпорными стенками или каменной кладкой, порой даже вымощены, обустроены мостками, отстойниками-водохранилищами, привальными саклями и «гостевыми башнями», даже небольшими «святилищами путников» и т.д.). У чеченцев на протяжении многих веков существовала отлаженная система охранных мероприятий на пролегавших здесь военно-транспортных и торговых магистралях: возведение загородительных рубежей, прочных и высоких каменных стен, караульная и сторожевая служба, взимание дорожной подати, сопровождение торговых караванов, послов и пр. Примечателен тот факт, что на торгово-транспортных артериях располагались наиболее мощные чеченские башенные фортификационные комплексы замкового типа, принадлежавшие в основном местной феодализирующейся знати. Именно они, например, в позднем средневековье держали под контролем эти жизненно важные тропы-дороги и имели от этого постоянный доход. Они нередко были союзниками России и Грузии, от которых периодически получали необходимую поддержку и различные дары.

В предгорной и горной Чечне существовал обычай оставлять еду и воду для путников, подвешивать вдоль дорог обереги – камни с отверстиями, обмазанные известью; складывались моленья-припевы, сопровождавшие путников, в зимнее время делались отметки о местонахождении пещер, где путник с лошадью мог укрыться во время вьюги. Там хранились овчина – укрыться от холода и запас продуктов – хлеб, сыр или соленый творог, сушеные фрукты, курдюк (*дум*).

Наскальные отметки были следующими: знак • означал, где хранится хлеб для путника; звездочка из восьми пересекающихся линий – где хранилось сено, солома для путника с лошадью; окружность с небольшой черточкой возле нее – место, где хранилась еда и можно разжечь огонь. Указатели-стрелки наносились на скалы кровью ритуального животного, которого приносили в жертву накануне или в первые дни *чилла* (самые холодные 40 дней зимы) и мясо которого раздавали общинникам. Старец вместе с юношами-учениками поднимался в горы, в трудно проходимые места и наносил указанные отметины.

Вместе с тем вследствие беспрерывных войн и неблагоприятных политических событий чеченцы не были заинтересованы в прокладывании благоустроенных дорог. Поэтому к середине XIX в. на территории Чечни (и особенно в предгорной и горной частях) практически отсутствовала система колесных дорог: только тропы связывали селения между собой и с внешним миром. Горные реки приходилось переходить вброд, по временным мостикам из сваленных бревен или узким бревенчатым настилам, так как обустроенных прочных мостов почти не было. В горные селения (Макажой, Шарой, Вашиндарой, Дай и др.) долгое время не было даже вьючных дорог. Все дореволюционные авторы отмечали, что пути сообщения с горными обществами (Майсты и др.) чрезвычайно опасны, а местами и вовсе непроходимы.

По мере продвижения царской армии на Северный Кавказ (в том числе в Чечню) происходило строительство дорог к укреплениям. В новых условиях, когда Северный Кавказ был включен в состав России, а его экономика стала частью ее хозяйственного организма, строительство благоустроенных дорог приобретало важное значение. Это было важным фактором хозяйственного развития как Чечни, так и Северного Кавказа в целом. Тропы могли в какой-то степени удовлетворять чеченцев в первой половине XIX в., когда их хозяйство носило преимущественно натуральный характер. Но в пореформенный

Придорожный домик (*некIахой цIа*)
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Современный гужевой транспорт
Горная Чечня
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

период, когда Чечня и другие области края стали втягиваться в общее русло экономического развития России и в товарно-денежные отношения, такое положение стало невыгодным. Одним из первых мероприятий царской администрации в 1860-е годы было создание сети колесных дорог в Чечне.

В Чечне дорога длиной в 5 верст была проведена в 1869 г. от аула Устар-Гордой до укрепления Эрсеной (Хронологическое показание..., 1870. С. 115).

В начале XIX в. царское правительство силами воинских частей и местного населения улучшило дороги, привело почтовый тракт через Дагестан на юг. Тракт этот имел в длину 271 версту и проходил через Чир-Юрт. Строились стратегические дороги в горы, а вдоль дорог возводились укрепления. В 1817 г. в верхнем течении р. Сунжи были построены Назрановские укрепления; в 1818 г. в низовьях р. Сунжи – крепость Грозная (История народов Северного Кавказа, 1988. С. 84).

В 1871 г. в Аргунском округе построили дорогу от укреплений Шатой до аула Беной (Терская область, 1876. С. 59). Была проведена дорога от укрепления Эрсеной до границы с Дагестанской областью в Веденском округе; она являлась единственной казенной дорогой, соединявшей Чечню с Дагестаном (Округа Терской области, 1878. С. 121).

Дороги облегчили поездки в русские станицы и в соседние селения, а русских – в Чечню. Безусловно, это усиливало экономические и культурные связи, развивало товарно-денежные отношения на селе. Чеченцы стали постоянными участниками осенних и весенних российских ярмарок (на Кисловодском базаре, Моздокской, Кизлярской и других ярмарках). К.Ф. Ган (1900) описал в своих путевых заметках, что он постоянно встречал на Военно-Грузинской дороге чеченцев, которые везли на арбах на продажу свои многочисленные изделия (бурки, войлоки, сукна).

Серьезнейшими испытаниями для горных дорог были камнепады. Разбирать камни, затем мостить ими дороги, укреплять основные подходы к башням, укладывать эти камни, спускать их в долину, чтобы затем обложить ими хранилища для талой, дождевой или прочей воды – этими трудоемкими процессами занималось, как правило, все мужское население общины.

В горах, отличавшихся бездорожьем, наиболее древним и практичным транспортом считался вьючный. На ослах и лошадях перевозилось и доставлялось в горы все необходимое. Для перевозки грузов использовали специальные седла: вьючное седло для осла (*кож*), вьючное седло (*хIодж*), а также переметные сумы (*таьлсаш*), которые изготовлялись из шерсти и украшались вышивкой.

Путешествия верхом на лошади долгое время оставались одним из основных способов передвижения. Езда на лошади с раннего возраста делала из чеченцев ловких и выносливых наездников, способных длительное время находиться в седле. Высокое наездническое искусство чеченцев описывалось многими авторами XVIII–XIX вв. Наряду с искусной джигитовкой, умением на полном скаку метко стрелять из лука и ружья и мастерски фехтовать авторы особо подчеркивали чрезвычайную выносливость чеченских всадников, выработанную их повседневным пребыванием в седле.

Лучшая сбруя, седельная подушка из лучшей кожи, шелковые подпруги, позолоченные и серебряные бляхи, стальные удила – вот что отличало

чеченского наездника. Для джигита убранство коня имело огромное значение. Основной доход от хозяйства, все свои деньги он нередко расходовал на приобретение принадлежностей конской сбруи, которая порой стоила намного дороже самого коня.

Исследователи края и путешественники отмечали, что снаряжение коня у джигита – самое лучшее, даже в ущерб своему внешнему виду – черкеска, ремень с серебряными подвесками, кинжал и т.д. Чеченец мог отказать себе в личных нуждах, но коня украшал, приобретая для него все самого высшего качества.

Вот основные принадлежности конской сбруи: *нуьйир* – седло; *нуьйргIайба* – седельная подушка, деревянный остов седла; *талба* – потник, чепрак; *луьйта* – стремя; *гIонжагI* – торока, ремешок у задней луки седла; *бухка* – подпруга; *дуьрста* – уздечка, узда; *гаьллаш* – удила; *тIон* – нагрудник, часть верховой конской сбруи; *тиймик* – принадлежность сбруи; *мулгIа* – подхвостник; *джулар* – недоуздок и др.

Чеченцы славились умением плести кнуты всевозможной толщины и формы – круглые, четырехугольные из четырех, восьми и двенадцати кожаных полос. Кнут (хлыст, плеть, бич, плетка) называется так же, как и вилы – *шед*, кнутовище – *кхаж*, стержень бича – *оьзиг* и др.

Древнейшим видом транспорта, используемого для упряжки, были горные сани (*салаз*) или просто волокуши, на которых перевозили урожай, сено, разные стройматериалы и все необходимое для хозяйственных нужд.

Зимой в горах и на равнине сани были наиболее распространенными средствами передвижения. Основу их составляли два полоза из отшлифованных снизу и изогнутых с одного конца бревен *Iарш* (длиной 160–170 см и диаметром 20–25 см). На обоих концах этих бревен имелись отверстия для колышков, с помощью которых закреплялись два бревна (длиной 150 см, диаметром 10–20 см), соединяющие полозья друг с другом, также с просверленными в центре и у краев отверстиями. В эти отверстия вставлялись длинные (до 2 м) палки, на которые клали груз. В отличие от арбы, сани умели изготовлять многие местные жители.

Для того, чтобы предостеречь путников о возможных в зимнее время сходах снежных лавин, использовали искусство лучников: стрелы обворачивали голубыми и синими флажками, видными издалека, и посылали как на саму снежную вершину, так и на ближайшие к дороге особо лавиноопасные места.

Слово *чIуьрг* (колесо) в чеченском языке заимствовано. Но наличие в горских диалектах, например, в речи майстинцев и кистин слова *бIаьрг* – колесо (букв. глаз) говорит о древности термина. Авторы первой половины XIX в. отмечали искусство чеченцев делать колеса, гнуть ободья для ароб, тележек, в чем особого мастерства достигли жители селений Ведено, Макажой, Урус-Мартан, Атаги и др. Сюда поступали заказы, сами мастера выставляли свою продукцию на продажу. Как свидетельствуют полевые материалы, ободья обычно гнули из карагача или ильма, жерди которых распаривали в течение 2–3 часов, а затем гнули в форме полукруга. Второй способ изготовления ободьев сводился к поиску в лесах естественных сгибов бука; из четырех таких частей делали круг.

Полозья для саней
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Горская *арба* состояла из кузова, поставленного на два колеса. Запрягалась она без дуги, шлея заменялась подхвостником из шерстяной веревки, вместо гужей употреблялись небольшие ремни. По сведениям современных информантов, их родители еще помнили двухколесную арбу *дзум* с деревянной осью без втулки, смазываемой курдючным салом. Такое название арба получила из-за того, что при езде издавала сильный скрип. О бытовании этого вида транспорта в свое время писал И. Иванов (*Иванов,* 1851. № 19–21). Как транспортное средство *арба* имела свои недостатки и преимущества. Недостатком было то, что каждый толчок ощущался и аробщиком, и быками, а преимущества состояли в легкости выполнения поворотов, чему способствовал большой диаметр колес, а также в ее дешевизне и прочности. Для увеличения вместительности по бокам устраивали особые приспособления из рогаток, прикрепленных к торцам кузова. Грузоподъемность арбы достигала 500–600 кг. Исследователь быта чеченцев В.В. Маркович писал, что для изготовления двухколесной вайнахской арбы необходимо было «заготовить

карагачевые ободья, ясеневые спицы, карагачевые ступки, буковые или грабовые оси и остов арбы, осиновые оглобли, липовый ящик» (*Маркович*, 1897. С. 221). Представление же о преимуществах русского транспорта отразилось в поговорке: «*Оьрсийн гIудалкхо пхьагал лаьцна*» – «Русская телега зайца поймала». Имелись и другие виды наземного транспорта: *шарбан* – шарабан, *хIурго* – фургон, *гIудалкх* – бричка, *ворда* – подвода. Как уже было отмечено, чеченцы еще во второй половине XIX в. делали арбы для продажи, пользовавшиеся большим спросом на Тереке. Правда, деревянные оси покупатели заменяли железными. «Известно, – пишет Ш.Б. Ахмадов, – что гребенские и терские казаки издавна закупали в Чечне арбы и колеса к ним» (*Ахмадов*, 2002. С. 162).

Чеченцы активно занимались извозом, в основном в летнее время до уборки урожая и после окончания полевых работ – осенью или зимой (ЦГА РСО–А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1076. Л. 15). Этот промысел был выгоден потому, что один человек мог одновременно управлять четырьмя и даже пятью подводами. П.В. Востриков писал, что многие из наурцев «занимаются извозом, доставляя из городов товары, а в города возят хлеб, лес или гонят скот на убой» (*Востриков*, 1904. С. 221). М.Н. Колосов также отмечал, что «перевозка нефти и нефтепродуктов к местам осуществлялась гужевым способом. Нефтепродукты перевозились в деревянных буковых бочках… Единовременная отправка партии готового продукта иногда достигала 200–300 подвод одновременно. Перевозкой занимались чеченцы из близлежащих селений» (*Колосов*, 1962. С. 53).

В начале XX в. у богатых чеченцев появляются русские пароконные фургоны (*фургон*); тачки или фаэтоны имелись в селении только в нескольких зажиточных семьях. В XX в. в Чечне появились и первые автомобили. Тогда же в лексике чеченцев появляются названия современных видов транспорта, в основном заимствованные из русского языка. Некоторые названия образовывались из двух компонентов, один из которых был исконно чеченским: *цIерпошт* – поезд, «огненная почта»; старое же название трамвая на конской тяге (конка) – стало обозначать автомобиль.

ОРУЖИЕ

Копья, кремневые и металлические наконечники, стрелы, щиты, луки, кинжалы и другие предметы вооружения, найденные в захоронениях, свидетельствуют не только о потребности горца в оружии, но и любови к нему, об умении изготовлять его в совершенных формах. Все исследователи XIX в., затрагивающие вопросы вооружения чеченцев, отмечали высокое искусство мастеров-оружейников, упорное стремление приобретать лучшие и самые новые образцы оружия (*Прозрителев*, 1915; *Крупнов* 1960, 1963, 1967; *Броневский*, 1823; *Багратиони* 1904; *Зиссерман*, 1879; *Иванов*, 1851; *Шопен*, 1866; *Вертепов*, 1897; *Асхабов*, 2001 и др.). «Оружие составляло необходимую потребность чеченцев с давнего до нашего времени. Прежде они не были уверены и за один день своей жизни, почему не делали без него ни шагу, как на работах, так и дома, даже засыпая, осматривали, исправно ли оно. И теперь, даже когда спокойствие их ограждено законом, любовь к

оружию, как и прежде, владеет ими, почему они тратят много денег на его приобретение и украшение», – писал первый чеченский этнограф У. Лаудаев (*Лаудаев*, 1872. С. 48; *Крупнов*, 1960. С. 7) .

«Ружье восьмигранное, крымское или чаще мажарское (*бархIса болу мажар топ* и *гIирми топ*)... Пистолет турецкий – *осмалоинтапча.* Сабля чаще называется *мисир болат тур* (египетская стальная сабля), *терсмаймал болат тур* (стальная сабля «ревущая обезьяна»), – вот вооружение бяччей и их отрядов» (*Вагапов*, 1968. С. 96). Чеченцы не только покупали образцовое оружие, но часто соперничали в его изготовлении с лучшими ремесленниками Северного Кавказа. Оружейное ремесло у горцев продолжало существовать очень долго. В 1897 г. один из кавказских краеведов писал, что «еще в самое недавнее время во многих аулах Терской области выделывались клинки атагинских мастеров, попавших даже в казачьи песни» (*Вертепов*, 1897. С. 64).

Известные восточные сабли из дамасской стали среди чеченцев были редкостью. Рассказывают, что, согнутая кольцом, она помещалась в небольшое сито, без зазубрины перерубала двухмиллиметровый гвоздь. Народ назвал их *терсмаймал тур* (букв. «ревущая обезьяна»), так как на ее клинке было клеймо, изображавшее бегущую обезьяну с раскрытой пастью. При изготовлении подобных сабель чеченские мастера это клеймо заменили рисунком, изображающим бегущего волка, поэтому среди терского казачества за ними закрепилось название «волчки». Их изготавливали из привозной стали или переделывали из других клинков и мечей. Так, одна из найденных в Чечено-Ингушетии шашек-«волчков» – переделанный меч крестоносца XIII–XIV вв.

Часто клинки сабель и кинжалов (*шаьлта*) украшали замысловатыми арабскими надписями следующего содержания: «Нет джигита, только Али, нет меча, только Зульфукара» (так назывался меч зятя пророка Мухаммеда Али), или «Вручаю судьбу Аллаху, ибо Аллах ведет своих рабов. Помощь от Аллаха и победа близка» и др. Атагинские мастера пользовались известностью на всем Северном Кавказе: терские казаки, например, заказывали у них кинжалы целыми партиями. Технология изготовления кинжалов из привозного металла, а впоследствии – из больших стальных напильников, привозимых из России, была проста, но требовала упорства и времени.

А.Г. Вертепов отметил трудолюбие и большое терпение чеченских мастеров: «На изготовление хорошего кинжала мастер вместе с подмастерьем затрачивал от 10 до 15 дней, а на изготовление сабли уходило времени до месяца, а иногда и больше» (*Вертепов*, 1897. С. 14). Мастерством изготовления кинжалов славились селения Дарго и Джугурта. Кинжалы из этих сел упоминаются в фольклоре чеченцев: «ДжуьгIра шаьлта» и «Хьенап шаьлта», где шаьлта – кинжал, а Хьенап, вероятно, имя мастера.

Тайна технологии производства кинжалов, особенно закалки стали, держалась в строгом секрете и передавалась от отца к сыну. В Ножай-Юрте рассказывали: «Некий мастер, изготавливающий кинжалы, не знал соперников во всей Чечне. Даже кубачинцы, испытав сталь его кинжала, восхищались ею. Однажды в ссоре его сыну ударом такого кинжала отрубили руку. С тех пор, говорят, этот мастер поклялся не делать их». Известно, что при закалке холодного оружия грузинские мастера использовали следующий

Кинжал. XIX в.
НМЧР
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

метод. Рядом с мастером при ковке оружия обычно стоял подмастерье со снаряженной лошадью, затем он быстро брал в руки раскаленную заготовку и, подняв ее вверх, скакал определенное время на лошади. Мастер же из Чечни имел шнур из ремней, привязывал к нему раскаленную пластину, бросал ее в пропасть, затем быстро поднимал. По-видимому, качество стали зависело от быстроты соприкосновения раскаленного оружия с воздухом. Закалку (*дахчор*) клинка производили при помощи воды, соли, волчьего или медвежьего жиров. Считалось, что закаленное с помощью такого жира оружие обретает качества волка или медведя. Не случайно в фольклоре говорится: «Яростнее медведя оружие» (*Чал дера герзаш*), «Как волк оружие» (*Борз санна герз*). «Закалку клинка производили не сразу, а постепенно», – пишет С.-М.А. Хасиев. «Наибольшей закалке подвергалось лезвие до ребра, бровки, желоба и т.д. Образовывались, таким образом, ребра натяжения, которые делали клинок гибким, а значит, более качественным. Окончательную отделку производили на точильном камне с мелким зерном *"аълха"* а зеркало шлифовали при помощи особого круга, изготовленного специально из песчаной трухи на древесном клее *хьомач*» (*Хасиев*, 1983. С. 21).

Кинжалы до Кавказской войны делали с несильно выступающим острием (*шаьлтанан суй*). Колоть кинжалом считалось у чеченцев большим позором, неумением воевать и владеть оружием, самым легким способом победить врага, поэтому мастера старались делать кинжал с менее заостренным выступающим концом. Кольнувшего кого-либо кинжалом чеченцы называли *шаьлта Іоыппа кьутІа* – «ублюдок, кольнувший кинжалом». Согласно чеченским адатам, за удар кинжалом пострадавшему платили 5 коров, а за удар его острием – 10 коров, как за ружейную рану. С появлением огнестрельного оружия горцы стали активно пользоваться им в бою.

В Чечне были известны *мажар топ* – кремневое ружье, *нохчийн топ, нохчийн тапч* – чеченское ружье и пистолет, *йоккха топ* – пушка; *курпал* – мортира. Существует описание вооружения чеченца периода Кавказской

Карабин (*чапха юла топ*). Конец XIX в.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

войны в историческом романе Х.Д. Ошаева «Пламенные годы». «Украшение на черкеске, газыри – по-чеченски именуют *бустам*, что означает "мерка", – пишет он, – в деревянные полые трубочки-газыри – насыпали отмеренные заряды пороха. Затыкался газырь двумя тряпочными пыжами и свинцовой пулей. На поясе висела отвертка для хвостового и замкового винтов ружья, к поясу прикреплялся запас кремней, шильце для прочистки ушка в казенной части дула, железная коробочка с плотно закрывающейся крышкой, в которой держали в пороховой мякоти трут, предварительно вываренный в зольном щелоке и хорошо высушенный. На поясе висели одно-два стальных кресала, легко снимавшихся с ремешка». Кроме того, через плечо была перекинута натруска – *лергмаI* (букв. ухо-рог), к поясу прикреплена пороховница (*гIура*). Часто при нем находились шомпол (*чIу*) и *бажа* – рогуля, подставка под ружье (*гажарг*). В случае необходимости можно быстро достать зубами пыж, всыпать в ружье порох, забить пулю, прибив ее пыжом, и стрелять (*Ошаев*, 1978. С. 32) .

Все оружие собственного изготовления имело только чеченские названия: *Iag* – лук, рогатка для метания камней. Различались следующие луки: *тIулгIад* – лук для метания камней; *чIу/пхаIао* – лук для метания стрел; *стехIад* – арбалет, лук (букв. «охотничий лук»), а также их части: *IаддаргIа* – дуга лука, деревянная развилина рогатки, *пха* – стрела, *виед* – плоский наконечник стрелы, *дзIенар* – тетива. Однако часто названия огнестрельного или холодного оружия заимствованы, а термины, описывающие части этого оружия и принадлежностей – чеченские. Например: термин *топ* (ружье) тюркского происхождения, а названия частей ружья – чеченские: *Iалашо* – прицел, мушка; *балл* – скрепительное кольцо винтовки; *чучал* – кольцо, скрепляющее ложе винтовки; *зIуок* – кремневый боек; *Iумокхаз* – кремень; *хен* – ложе, приклад; *лаг* – курок; *хоъ* – пуля, снаряд; *цамза/цхъамза* – штык, копье; *герма* – пыж; *муолха* – порох; *даш* – свинец, *чIурам* – тряпка для чистки оружия после смазки; *сетал* – отвертки. Названия составных частей

Шашка. XIX в.
НМЧР
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

холодного оружия также чеченского происхождения: *дитт* – лезвие шашки, кинжала, ножа; *мукъ* – эфес кинжала, сабли, шашки, рукоятка; *хумпIар* – кобура; *буотт* – ножны, футляр; *дIамбуотт* – чехол для ружья из шкуры барсука.

Древнейшим колюще-режущим оружием является нож – *урс*. Привлекает внимание и итумкалинское название плоских каменных плиток (размером с детскую ладонь и меньше, с одним утолщенным концом, наподобие клина) *тIоцур/тIорцу*, которые применяли для установления равновесия и горизонтального положения бесформенных необработанных камней при строительстве каменных зданий и изгородей. Эти же каменные плитки использовались при строительстве боевых башен в горах – *бIовнаш*. По рассказам стариков, пращой (*джIормак*) чеченцы метали с боевых башен во врага заостренные камни – *тIорциш*, которые обычно летели острием вперед. Впоследствии, с появлением более усовершенствованных пращей (*ширдуалаг*), стали применяться *авгуолаш* и *кхераш*. *Авгуолаш* – круглые камни для пращи, которые археологи находят в захоронениях на территории Чечни.

Оружие ближнего боя – палица (*чхьонкар*), которую первоначально делали из камня или дерева, затем – из металла (*Крупнов*, 1963. С. 44). Оборонительным оружием были щит – *турс* и кольчуга – *гIагIа*. Этимология слова *гIагIа* говорит о том, что кольчугу сначала плели из прутьев. В нахских языках встречается целый ряд слов с корневым *гIа*. Современное значение этого слова – лист. Однако такие производные слова, как *гIад* – стебель, *гIодам* – стебель кукурузы, *гIогI* – ляжка (человека, животного), *гIуи* – длинный деревянный засов, *гIала* – косовище, дают основание предполагать, что первоначальное значение этого слова – прут, ветка. Таким образом, *гIагIа* обозначало кольчугу, изготовленную из прутьев крепкого дерева. В описании щита, найденного Л.П. Семеновым в склепе ингушского воина в с. Эгикал, примечательна одна деталь: «В ногах – деревянный круглый щит, обтянутый кожей и покрытый красочным узором, снаружи к щиту прикреплены 4 не-

большие железные петли и остатки тонких узких ремешков, прикрепленных к ним или к самому щиту: диаметр щитка 0,53 метра; по краям щит обтянут тонкой кожаной полоской» (*Семенов*, 1960. С. 48). Слово *турс* в чеченском языке имеет несколько значений: 1) щит, 2) кайма по краям обуви для украшения (*турс лаьца мачаш* – род старинной женской обуви с каймой), 3) род высокого дерева с крепкой древесиной (таволга или городовина). Городовина вплоть до последнего времени широко употреблялась чеченцами для изготовления кнутовищ, чубуков, детских луков и рогаток. В связи с этим первоначальное название щита – *гІага* – впоследствии закрепилось за металлической кольчугой, а название *турс* сохранилось за щитом. Интерес представляют и другие названия щита, например: у кистин его называют *пха,* а в хильдихароевском говоре – *неІ/нихъ* – букв. «шкура крупного рогатого скота» и «дверь в помещении, обитая кожей». *Пха* в чеченском языке и диалектах – название граба, самого распространенного после бука и, по народным поверьям, считающегося священным дерева, которое категорически запрещалось использовать на стройматериалы. Из него делали оружие и орудия труда (ср. *пхердукъ* – копье, *пха* – стрела, *пхатоъда* – лемех). Побеги граба очень легки. После сушки из них делали стрелы.

С появлением бронзы, меди, железа в чеченском языке появляются такие названия вооружения, как *йез//буолатан барзкъа//куй* – медные или стальные латы или мисюрки, шлемы; *пхъарсбуолатан буотт* – стальной налокотник и др. В современных нахских языках можно встретить также несколько названий копий: *гоьмукь, гема* – дротик; кист. *пхердукъ* – копье, букв. «жердь из граба». В ближнем бою употребляли также секиру – *джамбалг* и небольшой топор – *джолшагІа.* Луки и стрелы бытовали вплоть до начала XVIII в. Так, в бою у кумыкского села Эндери в 1732 г. чеченцы наряду с огнестрельным оружием применяли и луки.

В древности чеченцы использовали так называемый сложный лук, который был известен у скифских и сарматских племен. Его делали из упругого гибкого дерева, часто усиливали сухожилиями или кожей с внешней стороны и роговыми пластинами – с внутренней. Оперения древка стрел обычно были трехперые – для придачи им вращения и устойчивости, а наконечники – плоские (*виеб*) и острые (*пхербохь*). А. Веселовский приводит высказывания итальянца, побывавшего на Кавказе, о вооружении горца Северного Кавказа: «Они сами делают свои стрелы. И в целом мире не найти стрел, которые летали бы так далеко и имели бы столь закаленное острие» (*Веселовский*, 1870. С. 20).

В годы Кавказской войны царская армия впервые столкнулась с довольно странным защитным оружием горцев – с так называемой рогулей (*кхалкхан*), которая служила защитой от удара сабли, шашки (ср. говор гребенских казаков: *калкан* – щит; жирный затылок кабана; тюрк. *кьалкъан* – щит). Такую рогулю обычно делали из железа или стали длиной не более полуметра, она имела утолщенную ручку с деревянной рукояткой. Горцы прятали ее под шубу или черкеску, в бою же молниеносно подставляли под удар сабли или шашки. Сабля, попавшая в рогулю, ломалась или получала сильную зазубрину. Такая рогуля служила и подставкой для кремневого ружья. Чеченцы использовали и *богІаддаргІа* – копьеметалку (*бог* – безоаровый козел; *Іаддаргі* – дуга лука). Безоаровые козлы – обитатели скалистых склонов Кав-

казских гор – имеют сравнительно тонкие, саблеобразно изогнутые рога. Их укрепляли на деревянной подставке, между ними натягивали прочную тетиву из ремней или турьих жил. Во время боя один или два человека оттягивали тетиву, и копья (или дротики) летели на довольно большое расстояние, обладая хорошей убойной силой.

На протяжении многих веков предкам чеченцев приходилось постоянно энергично защищаться от посягательств многочисленных врагов: военные акции скифских, сарматских, аланских и иных кочевников, разорительное монголо-татарское нашествие, бесчинство войск Тимура, постоянные внешние княжеские наезды (кабардинских, дагестанских и грузинских феодалов), агрессия Османской Порты, Крымского ханства и шахского Ирана, внутренние междоусобицы – все это делало крайне напряженной жизнь горцев. В такой постоянно неспокойной обстановке чеченский крестьянин, если он хотел выжить и сохранить свободу, должен был быть одновременно пахарем и пастухом, каменотесом и воином. Его в любой час мог призвать к бою огонь тревоги, зажженный на вершине горы или башни. И тогда решался извечный вопрос: погибнуть или победить. Сохранившиеся фрагментарные источники того времени подчеркивают, что местные жители даже «спят, положив под голову кольчужную рубаху, с оружием наготове». На этом же сравнительно часто делают акцент яркие и содержательные чеченские героико-исторические песни «илли»:

Во веки не смоют потоки годов
Имен, чья кровь, как порох, суха,
Чей конь оседлан и кто готов
Стать воином из пастуха!
Да здравствует всякий, кто, прежде чем лечь
Спать, выслушает сердце свое.
Проверит, достаточно ли остер меч
И заряжено ли ружье!
Пусть будет славен, кто, славой не пьян,
Станет защитником мирных пашен! (Илли, 1979. С. 230).

Военное дело у чеченцев находилось на достаточно высоком для своего времени уровне развития, опиралось на богатейший опыт и продолжало традиции прошлых столетий, а также постоянно творчески впитывало нововведения и изобретения в этой области. Оно реально соответствовало степени социально-экономического развития чеченского общества, среде обитания, насущным потребностям и духу эпохи.

Опытные воины искусно использовали все основное бытовавшее с глубокой древности защитное и наступательное оружие, виды которого постоянно совершенствовались. Причем богатые знания горцев в области вооружения и искусства его непосредственного применения в бою питались как собственными многовековыми традициями, так и внимательным учетом передового опыта соседей. Ведь оружие всегда было более «международным», чем другие предметы материальной культуры. Новые его виды, более совершенные и эффективные, появлявшиеся у того или иного народа, значительно быстрее заимствовались и распространялись среди соседних народов, чем украшения или орудия труда: отставание в военном деле и в оснащении воинов передовым оружием и снаряжением могло привести к потере независимости.

Защитное оружие

На протяжении многих столетий в качестве оборонительного вооружения, надежно предохранявшего от ударов наступательного оружия, служили защитный доспех, боевые наголовья, щиты, налокотники и боевые перчатки.

Тело воинов защищал вначале кожаный, а затем более эффективный металлический доспех: кольчуги и кольчатые панцири, имевшие вид рубашки, с прямыми рукавами, квадратным разрезным воротом (нередко с воротником) и разрезами на подоле (*гІагІанаш//гІагІнаш, буолатан//барзакъаш, болатан//бардзакъаш* и др.). Бытовал и кольчатый доспех, имевший распашной покрой (с продольным разрезом), круглый ворот и отложной (а иногда и стоячий) воротник.

Имея в принципе одинаковый покрой и одинарное кольчатое плетение, кольчуги и панцири существенно различались конструктивными деталями, в первую очередь – системой изготовления металлических колец (у кольчуг – сварочно-клепаные, у кольчатых панцирей – только клепаные), способом их крепления (у первых двусторонняя, «на гвоздь», и односторонняя, «на шип» – у вторых), поперечным сечением проволоки (круглое у кольчуг, уплетенное у панцирей), формой колец (у первых – круглая, у вторых – овальная) и их размерами (кольца панцирей немного мельче). Разница наблюдалась также в числе колец (в кольчуге их не менее 20 тыс., в панцире – до 60 тыс. и более) и в общем весе (панцири обычно были легче кольчуг). Кольчуга была более дорогим доспехом, нежели кольчатый панцирь. В доспехе кольца имели своеобразное распределение: наиболее массивные располагались обычно на груди, плечах и спине, менее массивные – на подоле, рукавах и воротнике. Это преследовало определенные цели: сделать его более легким и удобным, наиболее прочным в особо уязвимых местах, не прикрытых другими видами защитного вооружения.

Кольчатые панцири, появившиеся на основе эволюции и усовершенствования кольчуг, в противовес быстрому развитию образцов наступательного оружия, не позднее XV в. получили большое распространение и популярность у чеченских воинов. Не вытеснив полностью кольчугу, они сосуществовали с ними до начала XIX в. Порой воин использовал одновременно надетые друг на друга оба вида кольчатого доспеха, имевшие в целом не столь большой вес, одинаково удобные как конным, так и пешим. Под доспехом у воина, для удобства его ношения и создания владельцу дополнительных защитных качеств, была еще специально плотно простеганная (на вате или шерсти) одежда. Кольчуги и кольчатые панцири надежно предохраняли своих владельцев даже в период распространения на Кавказе ручного огнестрельного (фитильного и кремневого) оружия: свинцовые шаровидные пули очень редко в состоянии были пробить кольчатое плетение, да и то лишь с близкого расстояния. Свидетельство начала XIX в. западноевропейского ученого и путешественника Г.-Ю. Клапрота наглядно характеризует прочность местных доспехов. Он сообщает: «Их кольчуги большей частью очень ценны; среди них есть очень хорошо сделанные. Чтобы их испробовать, их кладут на теленка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается. Под кольчугой они носят на войне еще одежду на вате, от которой пули отскакивают еще лучше». Для

удобства ношения и скрытности воины нередко раньше покрывали, вернее, обшивали изнутри и снаружи эти доспехи разноцветной (часто очень дорогой) тканью. Для закрепления доспеха на теле воина он обтягивался поясом и ремнями. Металлические доспехи в прошлом сравнительно высоко ценились (за кольчугу, в зависимости от ее качества, давали от 10 до 200 быков), и владели ими в основном знатные и состоятельные воины (Цит. по: *Чахкиев*, 1988а. С. 67–84).

В качестве боевых наголовий горцы использовали в прошлом металлические кованые шлемы, кольчатые мисюрки и специальные стеганые шапки. Вплоть до XVII в. бытовали шлемы конической и сфероконической форм, склепанные нередко из нескольких частей, располагающие кольчатой сеткой-бармицей (для защиты шеи, плеч, ушей и частично лица). Иногда эти шлемы имели округлое (часто с кольцом) или шпилевидное навершие, выступы-козырьки, а порой и специальные вырезы для глаз. Распространенность данных шлемов объясняется их простотой, прочностью и надежностью в боевой обстановке: плавно вытянутая форма и выступающее навершие препятствовали нанесению отвесного, прямого удара рубяще-режущим (мечи, палаши, сабли и пр.) и ударным оружием (булавы, шестоперы и т.п.), которое обычно соскальзывало с поверхности подобного металлического убора. Из-за значительной дороговизны обладала подобными шлемами только состоятельная прослойка чеченских воинов. В основном это были знатные воины-наездники, очень дорожившие этими шлемами.

Мисюрка состояла из металлической тульи и длинной кольчатой сетки-бармицы: благодаря подобной конструкции она успешно защищала голову, лицо, шею и плечи воина. Судя по названию, мисюрка пришла на Северный Кавказ с Востока (от араб. *Миср* – Египет) и благодаря своей сравнительно простой форме, достаточной надежности, относительной дешевизне, а также удобству и практичности (в особенности в горной и лесистой местности) получила широкое распространение в XVII – начале XIX в., постепенно вытесняя из обращения кованые металлические шлемы. В боевой обстановке мисюрки иногда надевали и под шлемы, когда последние начали утрачивать свои бармицы.

Изнутри шлемы и мисюрки подбивались мягкой и плотной, простеганной (на шерсти или вате) матерчатой подкладкой, что помогало лучше рассеивать силу ударов, приходившихся на боевой убор. Для этой же цели чеченцы и ингуши часто дополнительно использовали специальные матерчатые подшлемники. Чтобы боевой убор прочно располагался на голове, к краям его крепились бечевки, завязывающиеся под подбородком. Нередко нижние края сетки-бармицы в передней части дополнительно соединялись посредством специальной цепочки или крючка.

Наряду с перечисленными металлическими наголовьями у чеченцев с древности бытовали также различные боевые стеганые головные уборы (чаще шапки) из цветной ткани или кожи. Обычно они были округлой формы, двухслойные, плотно простеганные на шерсти, войлоке или вате. Часто нижние края данных боевых уборов обшивались разноцветными нитями или матерчатыми (а порой и кожаными) полосками-ободками. В период средневековья стеганые шапки в значительной степени копировали основные конструктивные особенности распространенных в Северокавказском регионе

металлических кованых шлемов. Хотя в целом стеганые боевые уборы и не являлись столь надежной защитой головы, как металлические наголовья, все же в определенной степени они ослабляли силу ударов меча, сабли, палицы и прочих видов наступательного оружия. Важно было и то, что они с успехом могли использоваться и рядовыми чеченскими воинами, так как были проще и дешевле металлических шлемов. К тому же эти уборы можно было носить ежедневно, защищая, таким образом, голову от внезапных непредвиденных ударов (Сабли Рая, 1992. С. 17–18 и др.).

Одним из древнейших видов защитного вооружения были разнообразные щиты (*турсаш, тIочаш, кхалкханаш* и др.). Известные их образцы на территории края отличались сравнительно небольшими размерами, круглой формой и были удобны для всякого рода защитных манипуляций как для пеших, так и для конных воинов. Наиболее массовыми и древними были плоские щиты (сплетенные из прутьев и деревянные, обтянутые кожей), а также слабовыпуклые образцы из дерева, покрытые кожей, с металлическими кругами-обручами, умбоном (предназначался для парирования прямых ударов, защиты кисти держащей руки и усиления центра щита). Кроме того, чеченские воины использовали и щиты иных типов: плоские кожаные, на металлическом каркасе, с металлическими фигурными бляхами и выпуклые металлические, цельнокованые. Образцы последних типов применялись преимущественно против оружия ближнего боя (мечи, палаши, сабли, шашки и т.д.), когда в тесных рукопашных схватках, требовавших быстроты движений, они непосредственно подставлялись под удары. Отражение рубяще-режущих ударов в прошлом производилось главным образом щитами, и данные экземпляры были в целом неплохо приспособлены для этой цели. Вероятно, они могли противостоять даже несовершенным образцам фитильного и кремневого ручного огнестрельного оружия.

В походе щит обычно носили на длинном кожаном ремне через плечо. В таком же положении он оставался и во время вынужденного спешного отступления. Обнаруженные на территории Чечено-Ингушетии щиты отличаются тщательной отделкой (в ряде случаев – и красочной орнаментацией художественно-магического характера), что, несомненно, свидетельствует о той немаловажной роли, которую им отводили, а также высоком мастерстве их изготовителей. Наиболее популярные цвета местных щитов – коричневый, черный и красный.

Щиты в прошлом высоко ценились: еще в XVI в. в зависимости от конкретного типа и качества за них давали от «молодой овцы» до «двух молодых, но жирных бычков». Для защиты рук в боевой обстановке (преимущественно знатным чеченским воинам) служили железные или стальные налокотники и специальные кольчатые перчатки, знакомство с которыми связано с монголо-татарским нашествием на Северный Кавказ в XIII в. Налокотники состояли из двух или трех выгнутых пластин (одна из них была сравнительно большой), скрепленных между собой колечками или штырями, и застегивались с помощью пряжки с ремешками. Снизу налокотники подбивались мягкой стеганой подкладкой из цветной ткани для более удобного ношения, крепления и рассеивания силы приходившихся на них ударов. В боевой ситуации чеченские воины нередко с помощью налокотников успешно парировали удары мечей, сабель, кинжалов и других видов клинкового оружия. По бы-

тующим преданиям, порой воин специально затачивал выступающий конец большой пластины налокотника, чтобы в тесных рукопашных схватках им можно было наносить и колющие удары противнику (особенно когда последний находился за его спиной) .

У чеченцев были распространены боевые кольчатые перчатки двух типов. К первому относится боевая перчатка, изготовленная из одинарного или двойного слоя кольчатой сетки, подбитая тканью и облегавшая руку. Для удобства держания оружия она оставляла свободными фаланги пальцев, а ладонь не была покрыта металлической сеткой. Иногда с помощью краевых мелких колец перчатка крепилась непосредственно к налокотнику, но чаще она дополнительно закреплялась на руке посредством ремешка. Левая же рука воина могла обходиться и без боевой перчатки, так как ее обычно прикрывал щит, но нередко и она была защищена кольчатой перчаткой. Ко второму типу относится боевая перчатка, полностью сплетенная из мелких колец и покрывавшая всю кисть руки, включая ладонь и фаланги пальцев. Она обычно предохраняла только левую руку, а ее наличие на правой не вполне способствовало бы удобству обхвата и держания оружия. Поэтому подобные перчатки не были столь широко распространены у горцев, как экземпляры первого типа.

Во второй половине XVIII в. налокотники оценивались «в одного быка», а кольчатые боевые перчатки «в одного барана» (*Чахкиев и др.*, 1986. С. 74–78). Следует также отметить, что нередко воины в боевой обстановке надевали специальные штаны, изготовленные из предварительно обработанной эластичной кожи, которые неплохо защищали от наступательного оружия. В целом защитное вооружение продолжало успешно выполнять свои основные функции вплоть до начала XIX в.

Наступательное оружие

Наступательное вооружение чеченцев состоит из метательного, колющего, рубяще-режущего, ударного и огнестрельного оружия. К образцам метательного оружия относятся луки (*Іедаш, Іадарч* и др.) и стрелы (*пхенаш, пхъарчий, тІаьскаш*). Были известны луки простые, сложные и сложносоставные. Простые луки, изготовленные полностью из дерева, уже в средневековый период становятся детским (или учебным) видом оружия. Сложные луки имели основу из единого куска древесины, дополненной другими материалами (рогом, костью, сухожилиями, кожей, берестой и т.д.). Эти луки употреблялись до XIV в. Основа сложносоставных луков представляла собой несколько прочно склеенных деревянных частей и также дополнялась отмеченными выше материалами. С подобными луками, повсеместно бытовавшими с XIII до начала XIX в., чеченские воины впервые познакомились в период монголо-татарского нашествия на Северный Кавказ (т.е. они были сюда занесены ордами Батыя). Сложные и сложносоставные луки отличались небольшими размерами (их было удобно использовать в горной и лесистой местности как пешим, так и конным воинам), тщательной отделкой, а порой красочной орнаментацией на берестяной или кожаной поверхности, значительной мощностью.

Стрелы состояли из наконечника, древка и оперения. Длина стрел колебалась от 60 до 90 см. В зависимости от функционального назначения (борьба

против защищенного доспехом противника, конницы и т.д.) наконечники стрел, изготовляемые из различных материалов (кость, бронза, железо и пр.), отличались формой (ромбовидные, листовидные, пирамидальные и т.п.), разнообразием сечения пера (плоские, граненые, лопастные и т.д.) и способами насадки на древко (втульчатые, черешковые). Древки обычно изготовлялись из плотной прямослойной древесины (граб, клен и др.), или из легких и прочных побегов деревьев с мягкой сердцевиной. Материалом для оперения служили перья диких и хищных птиц (орла, коршуна, грифа и пр.).

Для хранения луков и стрел использовали разнообразные берестяные и кожаные налучья и колчаны на деревянной основе, нередко богато орнаментированные и украшенные костяными накладками. В колчане обычно находилось 25–30 стрел, окончания которых (вблизи оперения) часто разукрашивались в зависимости от типов наконечников. Стрелы в колчанах в основном располагались наконечниками вниз.

Луки обычно были очень тугими, и воины применяли специальные предохранительные кольца из кости, камня и железа, а также кожаные напалечники-наперстки, с помощью которых, наряду с традиционными приемами, активно велась стрельба и «монгольским», и «средиземноморским» способами. Нередко для более действенного поражения противника специально непрочно прикрепляли наконечник к древку, чтобы при попадании его трудно было вытащить. В позднем средневековье у чеченцев появляются и самострелы (*сиекхIедаш, Iадсаькхаш, цхамадаш*), использовавшиеся в основном при обороне башенных построек и заградительных рубежей. Они отличались как мощностью, так и точностью стрельбы (Новые археологические материалы.., 1983. С. 44).

Как свидетельствуют многочисленные источники, в сложном искусстве стрельбы из луков и арбалетов, обучение которому начиналось с детских лет, чеченцы достигли в прошлом высокого мастерства. У воинов (особенно малоимущих) с глубокой древности были популярны (в связи с эффективностью и простотой конструкции) три основных типа ручного камнеметательного пращевого оружия: собственно простая праща (*жIормак*), состоящая из кармашка с двумя длинными веревками, и ее усовершенствованные образцы *шардолаг* (когда одна из веревок заменялась палкой) и *тIулга-Iад* (лук для камня). В снаряжение пращника входили каменные ядрышки (*авгуолат, тIо*), которые помещались в специальных кожаных сумках (часто богато орнаментированных) и хранились в большом количестве в нишах и на крышах башен и заградительных стен (*Ошаев*, 1978. С. 48).

При умелом использовании эти пращи были довольно грозным для своего времени оружием: на расстоянии до 300 м прямое попадание камня могло оглушить и временно вывести из строя даже хорошо защищенного противника. Первые два типа пращей наиболее успешно применялись (в основном пехотинцами) в открытом бою, а «луки для камня» (являвшиеся сочетанием лука и пращи) были очень эффективны при обороне башенных построек и иных заградительных рубежей (*Чахкиев*, 1987а). Разнообразные копья (*гоьмукъаш*), пики и дротики (*гаманаш*) с разнотипными наконечниками чеченские воины умело использовали как для поражения легковооруженного неприятеля и его конницы, так и в противоборстве с врагом, хорошо защищенным оборонительным вооружением. В последнем случае наиболее

важную роль играли узкие железные шиловидные пики, служившие преимущественно специализированным кавалерийским оружием.

Для увеличения дальности метания копий и дротиков, силы и меткости их ударов в прошлом успешно использовали два типа копьеметалок. К первому типу относится простейшее приспособление в виде плоского деревянного бруска с упором для древка копья или дротика и рукояткой, обычно имевшей специальные углубления для пальцев. Подобные копьеметалки были известны с древности, а на охоте их порой использовали до середины XX в.

Важным видом наступательного оружия в рукопашных схватках было рубяще-режущее вооружение – прямые двулезвийные мечи (*гIалакхаш, довташ*), однолезвийные палаши (*гIамаш*), изогнутые сабли и гибкие шашки (*тарраш, турраш*). Мечи, палаши и сабли, отличавшиеся качеством и изяществом отделки, продолжают активно бытовать в комплексе вооружения до конца XVIII в. Но с XVIII в. появляются высококачественные образцы (нередко импортного производства – из Египта, Сирии, Турции, Ирана, Германии и т.д.) стальных шашек («волчок», «гурда», «калдам», «гусар», «трансильванский узел», «дамасская», «чеченская», «ингушская» и др.), которые и господствуют позднее. Например, У. Лаудаев в середине XIX в. сообщает «Лучшими шашками считаются те, которые имеют на клинке изображение зверя; неизвестно почему, чеченцы опознали в этом изображении обезьяну, по-чеченски маймун и назвали шашку терсъ-маймун. Русские это изображение признали за волка и звали такую шашку волчокь. Шашки, называемые калдам, имеют изображение креста и считаются старыми и хорошими. Замечательно, что персидские хоросанки и турецкие дамасски не славятся у горцев» (*Лаудаев*, 1872. С. 48). Чеченцы сравнительно быстро овладели весьма сложным процессом изготовления разнотипных шашек. Они усвоили и секреты производства знаменитой дамасской стали.

Одним из элементов воинского снаряжения в прошлом являлись однолезвийные боевые ножи (*доккха урсаш*) и двулезвийные кинжалы (*шаьлтанаш, шаьлташ*), отличавшиеся большим разнообразием как по форме, так и по размерам, и предназначенные для нанесения колющих, а порой и рубяще-режущих ударов. Их носили постоянно и в повседневной жизни, они были важным, а часто и обязательным элементом традиционного костюма. Образцы широко известных «кавказских» кинжалов с прямыми клинками появляются у чеченцев в самом начале XVIII в., как новая форма развития отдельных видов местных боевых ножей, и получают наибольшее распространение в XIX – начале XX в., достигая подчас весьма значительных размеров (особенно специальные «боевые» экземпляры). Представители знати приобретали и дорогие восточные (турецкие, иранские, индийские др.) стальные кинжалы с изогнутыми клинками и причудливыми (порой с изображениями мифических животных) перекрестьями. Многие из этих кинжалов имели богатый декор и были изготовлены из «дамасской», «египетской» стали, черного булата.

В целях наиболее эффективного поражения в рукопашных схватках даже тяжеловооруженного неприятеля посредством нанесения мощных рубящих ударов малоимущие воины-пехотинцы использовали также металлические секиры (*джамбалташ*) и топоры (*джоммагIаш, дагарш*). В бою горцы нередко использовали секиры и топоры и как метательное оружие.

Огнестрельное оружие. XIX–XX вв.
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

В качестве ударного оружия с глубокой древности были известны различные типы массивных деревянных палиц (нередко с металлической оковкой, шипами и т.п.), каменные и металлические булавы (*чхъонкарш, чIоьнкарш*), а позднее и железные шестоперы. Бытование многих их разновидностей (округлой и четырехгранной формы, 15-шипных и т.д.) было прежде всего связано с необходимостью борьбы с противником, имевшим защитный доспех, шлем, шит и пр. Они применялись и в качестве метательного оружия. Здесь любопытно также сообщение западноевропейского путешественника и исследователя второй половины XVIII в. Я. Рейнеггса об оружии местных воинов: «Не вооруженные никогда они не выходят, даже за ворота дома своего, но, по крайней мере, имеют в руках толстую палку длиною в два аршина, у которой к верхнему концу приделан железный шар с высунувшимися железными спицами. Сие смертоносное оружие называют они *топпус*» (*топ* – «ружье») (Цит. по: Вопросы политического и экономического развития, 1986. С. 30).

Распространение ручного (ружья, пистолеты) огнестрельного оружия (фитильного, а затем кремневого) в Чечне происходит не позднее конца XV – начала XVI в. Его появление оказало влияние на местные башенные постройки (примерно с середины XVI в. в их стенах стали устраивать специальные узкие бойницы, приспособленные для стрельбы из такого оружия). Ружья и пистолеты обычно поступали с берегов Черного моря, из Крыма, Турции, Кабарды, Дагестана и Грузии, поэтому их называли «крымскими»,

Ружье Байсангура Беноевского. 1841 г.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Ружье Байсангура Беноевского. 1841 г. Фрагмент
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

«турецкими», «дагестанскими», «грузинскими». Так, У. Лаудаев отмечает, что из ружей у чеченцев «преимуществуют мажар-топ – вероятно, венгерские, хотя венгры славились более саблями, чем ружьями, ценятся также ружья, называемые грыме (крымские) и бахчи-сараи, из пистолетов славятся: вендиг, или венецианские, перенк, или французские, генжи, получившие название от пистолетов из Генуи» (*Лаудаев,* 1872).

Использовались также ружья (*тоъпаш*) и пистолеты (*тапчанаш*) различных систем собственного производства (напр., *вайнех туоп* – чеченское ружье, *нохчийнтапч* – чеченский пистолет и т.д.). Письменные источники с начала XVII в. отмечали наличие у чеченцев «огненного боя», «пищалей», «фузей», «ружей». Однако в связи с их несовершенством, значительной дороговизной, а также поскольку они уступали по ряду важных качеств (скорострельность, налаженное производство и т.д.) лучшим образцам лучного (наряду с другими видами метательного) и защитного вооружения, ручное огнестрельное оружие до начала XIX в. не смогло вытеснить из обращения усовершенствованные экземпляры последних. Даже во времена Кавказской войны казачьи пули порой не могли поразить защищенных кольчугами чеченских воинов. Известен случай, когда, только использовав «заряд с иглами», одному из опытных казаков с трудом удалось пробить кольчатый доспех противника. Лишь после распространения более совершенных образцов ручного огнестрельного оружия ситуация коренным образом изменилась.

Заранее отмеренные дозы пороха (*муолханаш, молхаш*) и свинцовые пули (*шуокъалиеш*) хранили в деревянных или костяных трубочках-газырях (*бустамаш*), которые вкладывали в нашитые на груди черкески кармашки. Для этой же цели использовали специальные патронташи (*гIепаш, гIапаш*), пороховницы (*гIурашаш*), натруски (*лергмаIаш*), мешочки-кисеты и прочие изделия. Употреблялись также специальные дротики с сучковатыми древками для «меткого стреляния из ружья вместо сошки» (*Чахкиев*, 1989. С. 71–86).

Во время Кавказской войны чеченцы в ограниченном количестве использовали и пушки (*йокха тоъпаш*). Некоторые наступательные образцы оружия применялись также для хозяйственных нужд (охота и пр.), ритуальных и магических мероприятий: их жертвовали в храмы и святилища, ими клялись, с их помощью совершали обряды побратимства, использовали при гадании и т.д.).

К оружию относились очень бережно и заботливо, передавали его по наследству, сохраняли и приумножали навыки, секреты и традиции производства и непосредственного использования. Качественное оружие очень высоко ценилось, играло важную роль торгового эквивалента.

Обширный корпус источников позволяет сделать вывод о существовании сходных черт как в вооружении, так и в военном искусстве у чеченцев и их соседей (прежде всего ингушей, кабардинцев, осетин, горцев Грузии и Дагестана) в прошлом: развитие военного дела у них происходило в процессе взаимного влияния и обогащения, с учетом происходивших в этой области изменений.

ГЛАВА 5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

ТАЙП КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Институт чеченского *тайпа* привлекал к себе внимание многих исследователей, которые высказывали подчас противоречивые точки зрения о его социальной сущности, месте и роли в социальной организации чеченцев.

Исторический материализм и моргановское понимание институтов родства наложили отпечаток на описание и трактовку социального содержания чеченского *тайпа* в русской, советской и постсоветской этнографической науке. Эта традиция продолжается в некоторой степени и в современной российской этнографической литературе и широко тиражируется в средствах массовой информации. Чеченский *тайп* до сих пор определяется как классический род, хотя в научной литературе давно подвергнута сомнению моргановская теория общинно-родового строя. В результате складывается ошибочное представление, что основной социально-экономической единицей чеченского общества и в новейшее время является тайп. Такая трактовка искажает реальную картину состояния чеченского общества в прошлом и порождает субъективные оценки процессов, происходящих в современный период. В русской этнографической литературе XVIII в. для определения рода у чеченцев использовался термин *фамилия*. Отдельные авторы в этом значении употребляли понятие *колено*. По С.М. Броневскому, колена чеченцев представляют собой «малые общества или союзы, охватывающие по несколько деревень, одна из которых глава союза и дает наименование всему обществу» (*Косвен*, 1951. С. 8).

В русской этнографической науке XIX в. для определения *тайпа* использовали термины *фамилия, колено, род, родство, племя, тохум, клан, братства*. Наиболее распространенной была точка зрения, что *тайп* это – род и, следовательно, в основе общественного строя чеченцев лежала родоплеменная организация. К.Ф. Ган термином *тайпа* обозначал население одного селения, объединенное родственными узами (*Ган*, 1900. С. 62–67). Я. Берлин (*Тотоев*, 2008. С. 170), вслед за ним и Х. Кавказов дефинировали тайп, как *клан* (*Кавказов*, 1930. С. 63). Первым автором из чеченцев, описавшим общественное устройство и социальную организацию своего народа, был У. Лаудаев. Он понимал под *тайпом* и фамилию, и род, и племя: «Жизнь чеченского народа была тесно связана с его фамильными отношениями, а потому на связь их фамилий нужно обратить особое внимание» (*Лаудаев*,

1872. С. 15). Но следует отметить, что У. Лаудаев все же чаще всего применяет, для обозначения родственной группы чеченцев термин фамилия, а не род и племя. У. Лаудаев писал: «Эта родственная связь членов фамилии называется по-чеченски *тайпан* или *тайпа*, что означает: одна фамилия, род, или одно племя. Поэтому чеченцы, говоря о хороших или дурных качествах одного лица, спрашивают: из какого тайпана? Или говоря о других народах, говорят: гирий тайпа, донской тайпа, т.е. осетинской фамилии, донской фамилии и др. В отношении фамильного родства все его члены называются братьями – "*вежерей*" или "*воша*", а целая связь – братством "*вошалла*"» (Там же. 1872. С. 15). По определению У. Лаудаева тайп это «братство», а члены *тайпа* – «братья» – *вежерей* (*вежарий*) или *воша* – «брат». В чеченской традиции были понятия: «тайпан ваша» – брат по тайпу, «тайпан йиша» – сестра по тайпу. Но это не есть термины кровного родства, они служили для обозначения духовного родства людей, объединенных едиными экономическими интересами и мифологическими представлениями о происхождении от одного родоначальника. Еще до У. Лаудаева К. Кох в 1843 г. первым определил чеченские *тайпы* как братства (Цит. по: *Тотоев*, 2008. С. 169; *Кох,* 1843. С. 493). В. Лядов в 1859 г. отмечал, что общественные отношения у чеченцев сходны с общественными отношениями у черкесов (*Лядов*, 1859. С. 443–452), а М.М. Ковалевский – что у чеченцев их тайпы «не то братства, не то роды» (*Ковалевский*, 1911. С. 274). Б.К. Далгат писал: «Следует отметить, что и М.М. Ковалевский, говоря о чеченских тайпах, под ними разумеет экзогамические группы, связанные единством происхождения, – братства, представляющие каждое – соединение нескольких родов. Такие кровные союзы или одинаково встречаются и у адыгских народностей (тлеух, состоящий из нескольких родов или ачихов), у чеченцев, шапсугов, пшавов, тушин и хевсуров». Связь между членами тайпы менее интенсивна, нежели между членами ее подразделений, линий братства (*Далгат,* 2008. С. 94). Б.К. Далгат, изучавший общественный быт чеченцев в 1890-е годы, также считал тайп братством. Он писал: «Тайпа может быть и небольшая; тогда она не более как большая семья или род; но она может перейти и за род, включать в себя несколько родов, называемых в таких случаях гаарами или неками, и составляющих в совокупности "вошалла" или "братство". Слово тайпа чаще употребляется в таком смысле» (Там же. С. 92).

Точка зрения, что *тайп* – это род, стала официальной в 1920-е годы. В советской исторической науке утверждается теория о существовании у чеченцев даже в XIX в. родовых отношений. Проблемы тайпа с точки зрения советского официоза были рассмотрены в статье А.Г. Авторханова «К вопросу изучения тайп и классовой борьбы в чеченской деревне», где он определяет чеченский *тайп* как группу людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений, члены которой связаны между собой родством кровных отношений по отеческой линии, социально между собой не равны, вследствие экономической дифференциации внутри каждой *тайпы* со второй половины XIX в. А.Г. Авторхановым вводятся в научный оборот термины: *тайповство, тайпизм, тайповщина, тайповец, тукхумизм, тукхум* (*Авторханов*, 1931. С. 25). Содержание их не конкретизируется, что позволяет осуществление произвольной интерпретации.

Большой вклад в изучение института чеченского тайпа внес М.А. Мамакаев. В 1936 г. им была опубликована работа «Правовой институт тайпизма и процесс его разложения», переизданная в 1962 г. под названием «Чеченский тайп (род) и процесс его разложения». В 1973 г. этот же автор выпустил работу «Чеченский тайп (род) в период его разложения». Первая работа М.А. Мамакаева написана в то время, когда официальная идеология дала установку на несовместимость фамильно-родственных и партийно-государственных интересов. Но при этом, декларируя официальные установки о патриархально-родовой организации чеченцев, на богатом этнографическом материале М.А. Мамакаеву удалось показать, что род еще в XVII в. был для чеченцев пройденным этапом, и что в позднем средневековье существовали раннефеодальные отношения. По определению Мамакаева, *тайп* по-арабски – *тайфа* – группа, круг, сообщество людей. Надо полагать, что это слово попало в чеченский язык с проникновением мусульманской религии. До появления этого арабизма в чеченском языке бытовало слово *ваьр*, точно соответствующее слову "род" (*ваьр* по-чеченски "рожденный")» (*Мамакаев*, 1973. С. 5). В этой же работе он дает расширенное определение тайпа: «Чеченский тайп – это тоже группа людей, семейств выросших на основе примитивных производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Свобода, равенство и братство, хотя никем и не были сформулированы, здесь также составляли главное начало тайпа – этой основы организации чеченского общества. Но чеченский тайп рассматриваемого периода (после XVI в.) отнюдь не был уже архаическим родом, каким он был у ирокезов» (Там же. С. 21). По мнению М. Мамакаева термины «тайпа» и «тукхум» не чеченского происхождения; первый попал к чеченцам вместе с исламом, заменив собой исконно чеченский термин «ваьр» (Там же. 1973. С. 36). М.О. Косвен в своих поздних работах уже не считал *тайп* родом, он приходит к выводу, что «существовавшие на Кавказе крупные родственные группы, "роды" ни в коем случае не должны отождествляться с первобытным родом», что «не имея основания видеть в крупных кавказских родственных группах, "фамилиях" архаические или "классические" роды, мы не можем искать в них те признаки свойства, которые связываются с этой первобытной общественной формой» (*Косвен*, 1961. С. 23, 24).

Точка зрения, что *тайп* по своей социальной сущности не классический род, а братство близка к истине. В пользу этого говорит и сложная структура чеченского тайпа: тайп делится на *гара*, *гара* состоит из *некъи* (чеч. линия), те в свою очередь делятся на более мелкие родственные группы *цхьана цIийна нах* (люди одной крови, люди одного дома), которые включают отдельные семьи (*доьзал*).

Чеченский тайп уже в силу своей сложной структуры также не может быть объединением кровных родственников. В терминологии родства чеченцев есть термины для обозначения восьми степеней родства, а для обозначения кровного родства служат лишь первые четыре термина. Пятая степень родства обозначается термином *юккъекъарг* – «разделяющий середину», т.е. этот термин служит для разделения кровных родственников от членов родственной группы. Чеченский тайп – это не классический род,

а братство – ассоциация родственных и неродственных (социальных) групп, объединенных едиными социальными, экономическими интересами и мифологическим родством.

Признаки чеченского тайпа

В научной литературе дискуссионным является вопрос о признаках тайпа. Первым исследователем, обозначившим в научной литературе восемь основных признаков чеченского тайпа, был А.Г. Авторханов (*Авторханов,* 1931. С. 24–29).

Основных общественно обязательных принципов, устанавливаемых правовым институтом *тайпизма*, двадцать три. Первый из принципов *тайпа* по Мамакаеву, это единство и незыблемость тайповых отношений для каждого сородича (*Мамакаев*, 1973. С. 29). Институт *тайпа* предусматривает для каждого его члена защиту интересов личности в гармонии с интересами *тайпа* и всего общества. В основу чеченских адатов были положены принципы неприкосновенности личности (личного достоинства) и неприкосновенности жилища. Вероятно, в период формирования института *тайпа* существовал приоритет его интересов. Однако существовал и приоритет интересов всего народа. То, что шло в разрез с общенародными интересами, не поощрялось и пресекалось *Мехк Кхелом* – Советом страны. На совещаниях *Мехк Кхела* осуществлялся высший суд народа, здесь же приводили в исполнение и смертные приговоры (*Саидов*, 1968. С. 199–206). Если отдельные тайпы или сельские общины не подчинялись решению *Мехк Кхел*, то их могли полностью истребить. О строгости и силе власти, некогда принадлежавшей *Мехк Кхелу*, свидетельствует чеченское изречение: «Махко динарг дисна, махкана динарг дисна дац» – «За действия страны не мстили, действия против страны не прощали» (*Саидов*, 1972. С. 16).

В Чечне существовал приоритет прав личности в гармонии с интересами общества. Так как право защиты своих членов и возмездия, в первую очередь, возлагалось не на *тайп*, а на кровнородственную группу (*цхьана цIийна нах*) и на семью (*доьзал*) невозможно принять и третий признак *тайпа* – «объявление всем тайпом кровной мести другому тайпу за убийство и общественную дискредитацию члена своего тайпа». Признак – «Безусловное запрещение брака между членами одного тайпа» можно принять с оговорками, поскольку не только *тайп* но и родственная группа *гара* не были экзогамными, экзогамия была характерна для родственной группы *некъи* – восьми поколений родственников по отцовской линии.

Согласно М.А. Мамакаеву, тайп возглавлял *предводитель – тхьамда.* Но ни в письменной, ни в устной чеченской традиции нет лексемы, обозначающей предводителя *тайпа*, а есть *тайпана хьалхара нах* («первые люди тайпа»), есть социальная категория *цIийна хьалхара стаг* («первый человек фамилии»). Чеченцы избегали узурпации власти одним человеком и традиционно все решения принимались коллективно. Главными и определяющими признаками чеченского *тайпа* являлись; институт родственной солидарности, право члена *тайпа* на земельный надел, право на защиту *тайпа* и ответственность за свои действия перед *тайпом*. В горах в однотайповых поселениях признаками *тайпа* были наличие тайповой горы и тайпового кладбища, а на плоскости эти признаки размываются. С XVI в. с мигра-

цией основной массы чеченцев на равнину основным признаком *тайпа* становится родственная солидарность его членов, но уже в пределах родственной группы *некъи* и кровнородственной группы *цхьана цIийна нах*. *Чеченский тайп – это институт родственной солидарности*, одна из форм социальной организации чеченского этноса.

Структура тайпа

В исторической литературе есть разные теоретические представления о структуре чеченского тайпа. Нами определена следующая структура чеченского тайпа: *тайп* (братство) – *гара* (ветвь тайпа) – родственная группа *некъи* (потомство эпонима – семь поколений, генеалогия) – кровнородственная группа *цхьана цIийна нах* (фамилия, люди одной крови, люди одного дома) – *доьзал* (семья). Относительно термина *вар/ваьр* (род), можно сказать, что это архаизм в чеченском языке и не применяется для обозначения родственной группы, кроме как в научной литературе. Нами исключены из структуры тайпа категории *тукхам, къам* (народ), *мохк* (земля). Сам тайп и его структурные подразделения на разных этапах истории чеченского этноса, выполняли разные социальные функции.

XVI в. с началом переселения чеченцев на равнину, институт *тайпа* теряет свою социальную и экономическую базу, так как его представители оказались расселенными в разных аулах. Такие *тайпы*, как Беной, Гуной поселились в нескольких десятках населенных пунктов, а представители *тайпа* Цонтарой проживают компактно в 69 из 424 сел Чечни. В результате нарушается территориальное единство *тайпа* и разрываются родственные и экономические связи.

Структура *тайпа* изменяется, на первый план выходит отцовская семья (3 поколения родственников) и кровнородственная группа *цхьана цIийна нах* (люди одного дома, люди одной крови – 4–5 поколений); последняя группа, в свою очередь, делилась на отцовские большие семьи – *цIа*, те, в свою очередь, на индивидуальные семьи – *доьзал*. Представительские функции переходят не к отдельной личности (*тхьамда*), а к группе представителей семей – *цIийна хьалхара нах* (первые люди дома), и не всегда в эту группу входили люди старшие по возрасту, на первый план выдвигались личные, деловые качества человека.

Генезис тайпа

В научной литературе предметом научных дискуссий, остается вопрос о времени формирования в Чечне тайповой системы Я.З. Ахмадов полагает, что уже в XV в. произошло формирование основных нахских обществ и *тайпов*, существующих и сегодня (*Ахмадов*, 2001. С. 238).

Эта точка зрения убедительна и обоснована. Например, этнолингвистический анализ генеалогического древа известной в Чечне фамилии Мамакаевых из *тайпа* Чертой дает возможность вскрыть генеалогические корни происхождения *тайпов* Битарой, Чертой, Ялхой, говорить о хронологических рамках их образования и по-новому посмотреть на сам процесс их образования в Чечне. На самом верху мы видим имя прародителя Уди (1500 г.р., его сын Гили моложе отца на 25 лет). По преданиям, Гили является эпонимом, т.е. он основатель *тайпа* Гиланой, у него были сыновья Битаро (1577 г. рожд.) –

основатель *тайпа* Битарой, Черто (1575 г.р.) – эпоним *тайпа* Чертой, Ялхо (1569 г.р.) – пращур *тайпа* Ялхой (ПМА).

В пользу мнения, что процессы образования тайпов происходили в XV–XVI вв. говорит и генеалогия фамилии Арсановых из *тайпа* Энганой. Основатель этого *тайпа* Энгани умер примерно в 1490 г.; с тех пор сменилось 20 поколений. Согласно этой генеалогии, Энгана является основателем пос. Энганой в Нохчмохке (Ичкерии) (*Сигаури*, 2005. С. 315). С XV в., как это подчеркивал М.А. Мамакаев, начинается процесс «второго издания тайпового строя» (*Мамакаев*, 1973. С. 7). В социальной организации чеченцев с этого периода определяющим становится признак кровного родства, а не территориальный или профессионально-кастовый, как это, вероятно, было до нашествия Тимура. С этого времени образование *тайпов* идет за счет сегментации отцовской семьи, увеличения разрастания и родственных групп. В пользу этого говорят фамильные генеалогии представителей *тайпов* Беной – 19 поколений, Сесанхой – 19 поколений, Цонтарой – 21 поколение, Дишний – 24 поколения, есть генеалогии из 14–15 поколений, хронологически уходящие в XV–XVI вв.

С перемещением основной массы чеченцев в горы в социальной организации общества происходят коренные изменения – на первый план в объединении людей по социальным группам выходит кровное начало. *Тайпы*, как правило, возникали в горах; хотя и на плоскости отмечены такие случаи.

Увеличение численности патронимии вызывало не только ее дробление на родственные группы, остающиеся в своем *тайпе*. Кровнородственный характер *тайпа* разрушался и под воздействием общественно-экономических процессов. Земельный голод, межтайповые столкновения и развивающиеся внутритайповые противоречия вели к расселению родственных групп и составлявших их семей. Так, половина Аккинского *тайпа* переселилась в Аух, и аккинцы-переселенцы стали именоваться ауховцами (*Лаудаев*, 1872. С. 11).

Вследствие территориального разрыва с тайпом отдельных гаров, неки, семей их последующие поколения утрачивали прежние родственные связи, обязанности и права. У. Лаудаев писал по поэтому поводу: «Когда члены одной фамилий умножались так, что трудно было проживать на прародительской земле, то они отыскивали себе другие места, а потому стали разъединяться и становились незнакомы один к другому» (Там же). Тайповую идеологию и функции стали принимать на себя территориальные общины и военные союзы. Возникнув на основе практических потребностей, эти организации стали считать своих членов происходящими от общего предка. *Тайпы* возникали и на основе производственной специализации. Например, у вайнахов род Бархимовых из поколения в поколение состоял из «искусников камня» – строителей башен. Бывали случаи, когда не территориальная община возникла из тайповой, а наоборот, последняя – из территориальной (*Борчашвили*, 1988. С. 124–125).

Этническая группа орстхой первоначально сложилась как военно-профессиональный союз представителей разных *тайпов*. Как показывают этнографические материалы, орстхой жили как на юго-востоке (ЧIебарлой), так и на западе Чечни, задачей этого военного сословия была охрана и защита восточных и западных рубежей; впоследствии оно оформилось в этнические группы чIебарлой на юго-востоке и орстхой на западе Чечни.

Жившие в одном селении представители разных *тайпов* привносили свои тайповые традиции. Сходство этих традиций, обычаев у разных ответвлений под влиянием проживания на одной территории и совместных выступлений против внешней угрозы обеспечивало их искусственное объединение. Так образовывались псевдородственные социальные единицы, именовавшиеся то по личному имени того или иного предводителя, то по названию ведущей в объединении гары, то по названию местности (Цуонтарой, Хьачарой).

В научной литературе существует мнение, что каждый тайп имел свое определенное имя, полученное им от своего предполагаемого родоначальника и принадлежавшее исключительно ему одному (*Мамакаев*, 1973. С. 35). Следует отметить, что нет ни одного чеченского тайпа, получившего название от имени своего предводителя. Еще У. Лаудаев отмечал, что чеченские тайпы получали свое название от названия гор, рек, местности; этой точки зрения придерживается и лингвист К.З. Чокаев (*Чокаев*, 1991а. С. 190). И. Саидов тоже считал, что этнонимы чеченских *тайпов* образовывались на основе профессиональной деятельности (*Саидов*, 1972. С. 21) и утверждал, что белгатой – это работные люди (земледельцы). Аналогичной точки зрения придерживался и С.А. Хасиев, отмечавший, что *касп* – ремесло, профессия (*Хасиев,* 1986. С. 70–76). Названия ряда *тайпов* происходят от былой национальной принадлежности членов *тайпа*, например, гIуьмкий – кумыки, чIергази – черкесы, абзой – абазины. Таким образом в основе названий чеченских *тайпов* не лежат эпонимы, а именем эпонима обозначались родственные группа *гара* и следующее за гаром звено *некъи,* например, Сулди гар, Вени некъи. Анализ семантики названий чеченских *тайпов* показывает, что они за редким исключением произошли не от эпонимов, в основе их названий – сословно-кастовые, профессиональные, национальные и ландшафтно-географические признаки.

Например, название *тайпа* пхьаьмтой состоит из двух основ: «Пхьа» – теоним, языческого божества, «мта» – место, страна. На наш взгляд, Пхьаьмта – место, где был храм, святилище языческого божества *Пхьа,* а пхьаьмтой – это жрецы, служители храма Пхьа. «ЦIой», «цIонтарой» – жрецы, служители языческого божества *ЦIой*; «лай» – холопы; «готой, теркготой, белгIатой» –земледельцы; «ветанхой» – льноводы; «орстхой», «балой», «саьрбалой» – воины; «гIуьмки» – кумыки; «чхьархой» – камнедобытчики; «босой» – жители склона, «Iамхой» – жители приозерья.

Со временем под давлением экономических и военно-политических факторов в социальной организации чеченцев определяющим становится территориальный признак. Идет процесс образования территориальных обществ, анклавов, объединенных хозяйственными, военными, политическими интересами, по ландшафтно-географическому признаку, например, Нохчмохк – Чеченская земля, Нашаха, Шуьта, Майста.

У чеченцев существовал институт усыновления посторонних лиц, т.е. принятие их в состав своего *тайпа. Тайп* торжественно принимал в свой состав постороннего человека, при этом вступающий обязан был зарезать для этого торжества быка. А поэтому потомки таких лиц до сих пор называют «сту бийна хилла вежарий» (букв. ставшие братьями зарезав быка). При этом «усыновленные» *тайпом* не принимали названия приютившего их *тайпа*, и никто не принуждал их к этому. Фамилия принятых в *тайп*

образовывалась по признакам их этнической принадлежности. Отчество этих лиц, как правило, не произносили. Так, например, Суьйлин Аба (Дагестанец Аба), Іаьндин Исраил (Андиец Исраил), ГІумкин Муса (Кумык Муса) и т.д. Фамилия же у аборигенов-чеченцев, как правило, образовывалась от имени ближайшего предка. Например, *ГІабин некъийн Оьздамиран воІ Виса*. Но есть случаи, когда они образовывались и от наименования рода, например: Терлоевы, Мержоевы, Гуноевы, Дишниевы и др. (*Мамакаев*, 1973. С. 35).

Вступавший в *тайп* получал право пользоваться общественной землей, загоном, лесом, покосами, а его частная собственность (пахотная земля и пр.) оставалась у него. Принятый в *тайп* получал защиту и покровительство, что было очень важно в условиях постоянных распрей и межусобиц из-за малоземелья в горах. Инициатива и право усыновления членов других *тайпов* принадлежала родственной группе *цхьана цІийна нах*, а не *тайпу*, покровительство и ответственность за действия принятого в тайп возлагались на эту же группу.

Редко, но бывали случаи отказа от приема других лиц в состав *тайпа*. Это происходило в случае малоземелья тайпа, особенно в горах. Но чаще это распространялось на лиц, которые совершили преступление и были изгнаны из своего *тайпа*. У чеченцев были обычаи и традиции общественного осуждения и наказания за преступления морально-нравственного характера. Преступника, а часто и его семью, изгоняли из *тайпа*, и он становился изгоем.

Фамильные братья не связаны узами кровного родства, но, соединившись некогда для защиты своих общих интересов, они продлили этот союз до настоящего времени. Слабые по количеству члены примыкали к сильным и увеличивали собою численность последних, пользовались их покровительством (*Далгат,* 2008. С. 93). В научной литературе существуют различные списки, перечни чеченских тайпов. Едва ли возможно точно установить число всех *тайпов* в XVIII – первой половине XIX в. У. Лаудаев определяет их число до «переселения» чеченцев в Ичкерию цифрой 59, а к 1870-м годам их уже более 100 (*Лаудаев*, 1872. С. 11).

Ф.В. Тотоев писал, что в «записках» Н.И. Головинского число *тайпов* для половины XIX в. ограничивается цифрой 56. Приводимая им цифра менее достоверна. А. Берже еще в 1859 г. указал число *тайпов*, ведущих начало от одного Нахчуо – 66 (*Тотоев*, 2008. С. 255).

В 1930 г. этнографической экспедицией зарегистрировано в Чечне 98 тайпов, но это была лишь часть (*Кавказов*, 1930. С. 63). Б.А. Калоев, ссылаясь на архивный источник, говорит о 120 *тайпах*, но не датирует эту цифру (*Калоев*, 1958. С. 31). Все эти цифры приблизительны. Но по ним можно примерно определить численность членов *тайпа*. Очевидно, *тайп* насчитывал в среднем несколько более 2 тыс. человек. Бесспорно, что *тайп* подобных размеров не мог основываться на совместном коллективном труде и потреблении. Действительно, род как экономическая единица давно исчез из истории Чечни (*Тотоев*, 2008. С. 255).

Об этом свидетельствуют и данные Н.Г. Волковой о населении Чечни. В обзоре 1840 г. численность чеченцев определяется в 175,5 тыс. человек, что является, по ее мнению, цифрой наиболее приближенной к реаль-

ной. В 1861 г. численность населения Чеченского (75,9 тыс.), Аргунского (41,2 тыс.) и Ичкеринского (75,9 тыс.) округов составляла в целом 193,4 тыс. человек (*Борчашвили*, 1988. С. 390).

Данные о количестве тайпов в Чечне разные, в XIX в. согласно преданиям, существовало 59 тайпов; в середине того же века их число превысило 100, А.Г. Авторханов насчитывает 125 тайпов из них около 12 – пришлые. У М.А. Мамакаева тайпов 135, из них 20 пришлые, а в конце XX в. их насчитывалось более 150. В списке тайпов М. Вачагаева – 220 тайпов. Современный перечень чеченских *тайпов* состоит из 282 названий.

Образование *тайпов*, вероятно, завершилось уже в середине XIX в., когда процесс миграции или внедрения инонационального элемента в чеченское общество с ликвидацией имамата Шамиля прекратился. Разное число *тайпов* у разных авторов говорит о степени изученности данного вопроса на том или ином этапе истории Чечни. До завершения Кавказской войны высокогорные районы Чечни вообще не были доступны для русских исследователей и невозможно было получить объективную информацию о количестве *тайпов*.

Основные коренные чеченские тайпы следующие: Айткхалой, Ачалой, Барчахой, Белхой, БелгIатой, Беной, Бецахой, Билтой, Бигахой, БугIарой, Варандой, Вашандарой, Ваьппий, Галой, ГIандалой, ГIарчой, ГIаттой, Гендаргной, Гилой, ГIой, ГIордалой, Даттахой, ДIай, Дишний, Доьрахой, Жевой, Зандакъхой, ЗIогой, Зумсой (БугIарой), Зурзакъой, Зюрхой, Ишхой, ИхIигхой, Италчхой, Камалхой, Кей, Келой, Кулой, Куршлой, Кубушхой (Алерой), Кхартхой, КIеганхой, Лашкхарой, Макажой, Маршалой, Мержой, Мерлой, Мазархой, МIайстой, Мужахой, Мулкьой, Нашхой, Нижалой, НикьIарой, Нихлой, Ноккхой, Пешхой, Пхаьмтой, Пхарчхой, Ригахой, Садой, Сахьандой, Сарбалой, Саьттой, Сесанхой, Сиркхой, Оьшний, Тумсой, Тертахой, Тулкхой, Туркой, Харачой, Херсаной, Хилдехьархой, Хой, Хуландой, Хуркхой, Хьаккой, (ЦIоганхой) Хакмадой, Хьачарой, Химой, Хихой, Хьуркой, Цацанхой, ЦIечой, Чартой, ЧIинхой, Чунгарой, Шарой, Ширдой, Шуьинди, ЭгIашбатой, Элстанжой, Энакхалой, Энганой, Эрсаной, Эрхой, Ялхарой, Ялхой, Iамахой, и др. (*Мамакаев*, 1973. С. 23).

В этнографической литературе по социальной структуре чеченского общества встречаются «чистые», «коренные», «нечистые», «пришлые» чеченские тайпы. М. Мамакаев пишет: «Тайпов в Чечне, в исследуемый нами период, с относительной точностью насчитывается более ста тридцати пяти. Из них более двадцати не коренные, а образовавшиеся от представителей других народов, но уже давно прочно вошедшие в состав чеченского общества. Ассимилировавшиеся в разное время и при различных условиях: одни из них шли в страну вайнахов сами, в поисках удобных земель, а других приводили сюда сложившиеся исторические обстоятельства, и они вынуждены были перенять чужой для них язык, чужие обычаи и верования. Разумеется, эти люди не имели здесь ни тайповых гор, ни общинных земель, ни каменных склепов (солнечных могил) для похорон умерших своих сородичей. Но, по примеру аборигенов этого края, они сплотились в кровные родства, оказывали помощь членам своей общины, объявляли кровную месть за убийство своего сородича, придерживались и других общественно-обязательных принципов тайпизма» (*Мамакаев*, 1973. С. 23).

Даже не будучи фактически родственниками, подобные коллективы воспринимали тайповую идеологию и считались отныне тайповыми братьями и сестрами. В некоторых случаях само название тайпа прямо указывает на происхождение его представителей. Например, это следующие *тайпы*: Туркой – «турки», ГIумкий – «кумыки», ГIезлой – «татары», Суьлий – «аварцы», ЦIадахьрой – «даргинцы» и т.д. (*Сигаури,* 2005. С. 327).

Согласно народным преданиям, считается, что «некоренные» *тайпы* не имели собственной башни. Об этом же говорит А.И. Робакидзе, добавляя, что «пришлый» *тайп* не имел ни боевой, ни жилой башни. Однако как убедительно показали исследования грузинских этнографов, право строительства завершенной боевой башни имели только господствующие *тайпы* и патронимии, а зависимые *тайпы*, безотносительно к их происхождению, таким правом не обладали.

На языковом и культурном уровне, «пришлые» *тайпы* сегодня практически не отличаются от остальных. Хотя, конечно же, в период, когда их ассимиляция еще не завершилась, среди «пришлых» *тайпов*, иногда наблюдались обычаи, идущие в разрез с нормами, принятыми в чеченской среде. Так, в то время, когда внутри чеченских патронимий царит строгая экзогамия, в тайпе даргинского происхождения цIадахьарой наблюдались случаи нарушения этого правила, что вызывало осуждение со стороны общественного мнения всех *тайпов* (*Мамакаев*, 1973. С. 15).

Чеченцы уходили и к русским, это подтверждают казаки Червленной и других станиц. До сих пор они не позабыли своих праотеческих фамилий, и сами подтверждают, что происходят от чеченцев из фамилий: Биллетоевская, Варандоевская, Ахшпатоевская, Гуноевская и т.д. И теперь они ведут куначество с чеченцами (*Лаудаев*, 1872. С. 58). Чеченские *тайпы* прижились и в казацких обществах. П. Бутков писал в 1869 г., что поселения гребенских казаков умножились чеченцами, «отчего доселе многие чеченские фамилии между гребенскими казаками существуют» (*Тотоев*, 2008. С. 260). Кровник из гуноевской тайпы, бежавший в середине XVIII в. из Алды в ст. Червленную, положил здесь начало ветви гуноевцев, слившейся с гребенцами. В 1870 г. его потомки составляли половину казаков ст. Червленной (*Попов*, 1878. С. 13).

Чеченские тайпы

В чеченскую нацию входят все этнические группы, общности как чеченского, так и не чеченского происхождения, считающие себя чеченцами.

На базе исследований по чеченскому тайпу, на основе генеалогических преданий, фольклорных материалов составлен перечень чеченских тайпов. Перечень состоит из 282 названий тайпов, среди них есть тайпы, которые исчезли, и инородного происхождения: Айткхаллой, Аккий/Аьккхий, Аккой/Iаккой, Акхшой, Аларой/Iаларой, Аларой («куша бухой», «ута бухой», «сега бухой»), Алхой/Iалхой, Амхой/Iамхой (юго-западный район Чечни), Iамкхаьллой, Амхой/Iамхой (БIаьстий), Амкой/Iамкъой(галай), Андалой/Iандалой, Андой/Iаьндой, Арстхой/Орстхой, Арселой, Арганой/АргIаной, Ачелой, Ашхой/Iашхой, БIовлой, Базалой, Балой, Барчхой, Баьстой/БIаьстой, Басой/Босой, Бацарой, Бацой, Бацби, Башан-кхаьллой, Бей(бацой) Бегахой/Бегачархой, Белгатой, Белхарой, Беной, Бенгархой, Бенастхой, Бецахой,

Бешхой, Бешни/Боьшни, Билтой, Битарой, Борзхой, Боной, Борчахой/Барчхой, Бовархой, БугIарой, Букарой/Букъарой, Буни, Бунхой, (Чебарлой), Бути, Ваьппий, Варандой, Вашандарой, Велхой(галай), Ветанхой, Галай, Галгазки/ГIалгIазкхи, Гандалой, Гарчой/ГIарчой, ГIаьттой, Гатой/Готой, Гемарой, Гендаргенной, ГIезир-кхаьллой, Гизхой, Гилой, Гилахой, Гилшхой, Гордалой, Горгачхой, ГIой, Гулой, Гулатхой, Гумкий/ГIумкий, Гуной, Гуорой, Гухой, Гучингхой (Ингашхой), Дай, Дархой, Даьттахой, Дашкахой, Доьрахой, Дехестой, Дишний, Джарганхой, Дунархой, Данухой, Жайнахой, ЖIархой, Джархой (Мяьлхи). Желашкахой, Жевой, Жой, Жерахой, Закъхой, Зандакъой, Зилой, Зурхой/Зюрхой, Зурзакъой, Зумсой, Зусой, Зогой, Икарой, Италчой, Ихирхой, Ишхой, Калхадой, Катарой, Качехой, Кебартой, Кевасхой, Кейштархой (Мулкъой), Кей, Къоьзаной, Келой, Кхенахой, Керистахой, Кесалой, Кири, Къовстой, Комалхой, Кортахой, Коттой, Кулой/Кулинхой, Курчалой, Кушкаш, Кинхой, Кхакхадой, Кхартой, Лай, Лаьшкарой, Люнгихой, Мазархой, Мазухой, Майстой, Макожой, Маршалой/Мяьршой, Мацархой, Медархой, Мелардой, Мержой, Меркхой, Мескарой, Мехалой, Меший, МогIустой, МозгIарой, Моцкъарой, Мужахой, Мужгахой, Мулкъой, Мускулхой, Мяьлхи, Нашхой, Нижалой, Никарой, Никъатой, Нихалой, Ноккхой, Нохч-келой, Нуйхой, Овхой, Овршой, Оьргхой, Орсой, Осхарой, Оьшни, Перангой, Пешхой, Пкиерой, Пхьаьмтой, Пхьарчхой, Пхьахарчой, Ригахой, Ряддухой, Саканхой, Салбоьрой, Салой, Санной, Санахой, Сандахой, Саьттой, Сахьандой, Сесанхой, Серчихой, Сигхой, Сиккхой, Сингалхой, Сирхой, Ташхой, ТIаркхой, Тез-кхаьллой (Цонтарой), ТIерлой, Тератхой, Теркготой, Тийстархой, ТIулгхой, Тундхой, ТунтIалхой, Туркхой, Тусой/Тумсой,Тусхарой, Тюркой, Уйттахой, Урдухой,Устар-гардой, Узматкхаьллой, Фергахой, Хавхарой, Хайхарой, Хайбахой, Хазкхаьллой, Хьакхарой, Хьакмадой, Хаьккой, Халкелой, Халгой/Хьалхой, Хьалдой, Хангахой, Харачой, ХьаркIалой, Хьаркарой, Хьачарой, Хьашалдой, Хижигхой (ГIой), Хийлахой, Химой, Хиндой, Хиндухой, Хихой, Хилдехьархой, Хебартой, Хуландой, Хьукой/Хьуркхой, Хьурхой, Хой, ЦIадахьрой, Цамадой, Цацанхой/Цацахой, ЦIеси, ЦIекхеллой, Цечой, Цечой (аккинцы), ЦIийлахой, ЦIикарой, ЦIой, ЦIорой, Цонтарой, Чаголдой, ЧIаьнтий, Чантой, Чархой, Чайрой, Чартой, Чермой, Чармахой, Чеченхой, Чевхьарой, Черамаххахой, Чехкархой, Чинхой, Чиччалхой, Чхьархой, Чобаькхинхой, ЧIуохой, Чунгарой, Шанарой, Шарой, Шебарлой, Ширди, Шикарой, Шотой, Шой, Шуаной, Шуьндий, ЭгIаштой, Эгашбатой, Эзихой/Эзхой, Элтпхьархой, Элистанжхой, Энакхалой, Энганой, Эрахой, Эри/Эрий, Эрсаной, Эстихой, Юганхой, Ялхой, Ялхарой.

Уже в XV в. произошло формирование основных нахских обществ и тайпов, основанных на началах кровного родства. Социальная структура чеченского общества с сословно-кастовой структурой уходит в глубокую древность. Институт братства и посестримства членов одного *тайпа*, скорее всего, форма проявления родственной солидарности членами одного *тайпа*. Этот фактор помогал членам родственных групп выживать в постоянных межтайповых межусобицах из-за земель и пастбищ в горах. При выселении чеченцев на равнину, где поселения уже были из представителей разных *тайпов*, тайповое братство также помогало выживать, и в экстремальных случаях члены одного *тайпа* проявляли родственную солидарность.

«Фамилия или родовой союз – это орден, в котором каждый член, без клятв и договоров, беззаветно служит интересам целого, не задумываясь жертвовать для них в случае надобности всеми личными интересами. Чеченец, не имеющий фамилии, считает себя ничтожеством, но и имеющий фамилию чеченец считает себя жалким и беспомощным вне фамилии; внутри ее он в крепости, имеющей сотни часовых, тысячу ружей, многочисленный и дружный гарнизон; сознание силы и крепости делают его самоуверенным, гордым, своевольным и дерзким. Это было прежде и существует сегодня и теперь, несмотря на то, что каждая фамилия разбита между сотнями аулов и десятком обществ», – писал один из авторов в конце XIX в. (*Семенов*, 1895. С. 81–84).

Интерес к чеченскому *тайпу*, как к институту социальной организации чеченцев в прошлом, усиливается в годы так называемого «чеченского кризиса» в середине 1990-х годов. Делаются попытки привязать *тайп* и его структурные компоненты к современным реалиям, реанимировать тайповый институт. Эта тенденция особо проявляется в работах Х.-А. Нухаева (*Нухаев*, 2001; 2002. С. 140). В период «чеченского кризиса» 1994–2000 гг. была предпринята попытка реанимировать социальные институты чеченского традиционного общества, которая не увенчалась успехом. Тайповые институты изжили себя, хотя есть исследователи и политики в России и зарубежом, которые не знают проблему тайпа изнутри и придают тайпу гиперболизированное значение.

СОСЛОВНО-КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вопрос об уровне общественного развития горцев Кавказа, в частности чеченцев в Средневековье и в XVIII–XIX вв., невероятно запутан. В кавказоведческой литературе XIX в. господствовало представление о якобы доклассовом, родовом уровне развития чеченцев (*Леонтович,* 1882; *Берже,* 1859. С. 90; *Лаудаев,* 1872. С. 24; *Попов,* 1878. С. 266). В 1920–1930-е годы данный тезис повторяется и в работах советских авторов (*Гатуев,* 1928. С. 7–10; *Анисимов,* 1930. С. 205–208; *Бальшин,* 1927; *Ошаев,* 1930а; *Янчевский,* 1927). Столь долгое бытование неверного мнения объяснялось недостаточной изученностью общественного быта чеченцев.

Некоторые исследователи, изучая историю чеченцев, сталкивались с материалами, свидетельствовавшими о давнем бытовании здесь социальных, классовых отношений. Материалы Н.С. Иваненкова показывают, что чеченцам были известны права на собственность, соответствовавшие стадии развитого феодализма (*Иваненков,* 1910. С. 30–182). Б.В. Скитский допускал бытование феодальных отношений у чеченцев (*Скитский,* 1959. С. 157–196).

Исследование данной проблемы затрудняет крайне недостаточное количество письменных источников XVIII–XIX вв., поэтому очень важное значение имеют лингвистические и фольклорные данные, а также памятники материальной культуры.

О том, что у чеченцев были князья – как «свои», так и «пришлые», свидетельствуют этнографические и фольклорные полевые материалы, которые дополняют письменные источники.

Изменения в общественном быте любого народа отражаются в его языке. Нередко в нем присутствуют заимствованные социальные термины, свидетельствующие об изменениях в общественном быту народа под влиянием соседних этносов.

Зафиксированы социальные термины и выражения как собственно чеченские, так и иноязычного происхождения, которые широко бытовали в XIX – начале XX в. в чеченской среде: *эла* – князь; *олалла* – княжение; *сту* – княжна; *цIенчу цIиийх болу нах* – люди чистой крови; *чанкха* или *шума* (*Бутков*, 1869) – потомки от брака «чистокровного» князя с девушкой простого сословия (кумык.); *элдар* – статный, благородный (ср. с осет. *алдар* – князь); *оъзданг* (*рзданг*) – свободное, а также дворянское сословие (ср. с кумык., кабард. свободный человек); *оьзада нах* – свободные, или достойные люди; *оъздангалла* – достоинство; *пекъар* – бедняк, факир; *къиестаг* – бедняк; *миска* – крайне бедный, жалкий, убогий; *декъаза* – несчастный человек, человек без доли; *ялхо* – слуга; *чохълаъттанарг* – служивший в чьем-либо доме; *келаъттанарг* – служивший при воротах или охранявший ворота; *вацо* – эксплуатировать; *ваъццарг* – эксплуатировавшийся людьми. *Кайра* – человек, совершивший против кого-нибудь преступление и по решению старейшин передаваемый временно для эксплуатации потерпевшей стороне (обычай, соблюдавшийся частично в верховьях р. Аргун еще в начале XVIII в.). В роли *кайры* вместо самого проштрафившегося мог отбывать наказание младший член его семьи. *Лай* – раб (*Лаудаев*, 1872. С. 52–53; *Дубровин*, 1871. С. 452–453), *гIарбаш* – рабыня; *йийсар* – пленник, невыкупленный невольник; *чIешо* – общинник, пользующийся совместно с группой людей одним общим плугом и упряжкой; *бегонда* – земельная повинность, аренда земли; *вотталла* – отдача скота в рост; *биегор* – гужевая повинность, аренда лошади; *кира* – плата за перевозку товара; плата за разрешение провозить товар через горные проходы, мосты; *хазанча* – казначей; *тхъамда* – возглавляющий, руководитель; *баъчча* – председатель совета старейшин, председатель *Мехк-кхела* (Совета страны), предводитель, вождь (возможно от кумык. *башчи* – главарь); *хьаъким* – администратор, начальник; *чхьонкар* – булава, жезл. В отчете Северо-Кавказской археологической экспедиции 1963 г. сообщается, что отрядом В.И. Марковина обнаружены в Горной Чечне многочисленные булавы. Булавы в большом количестве были обнаружены в Чечено-Ингушетии и другими отрядами, в частности отрядом Е.И. Крупнова и В.И. Козенковой. Находили их здесь и местные жители. Красочная форма, размер и вес некоторых из них убедительно говорят, что они служили символом власти. *Ларме* – подвал, место для заключения военнопленных; *гIоьмаш* – ручные кандалы; *буржул* – ножные кандалы; *биг* – начальник, старший; *Iедал* – закон, власть, обычай; *гIезанча* – дежурный, следящий за порядком; *жамIа* – народное собрание, совет страны; *мажаз, менжелис* – собрание, совет; *Мехк-кхел* – Совет страны; *кхел* – совет, собрание, суд, решение суда, судьба; *бIабха* – воин; *бIо* (*бо*) – войско; *эскархо* – воин; *эскар* – армия; *ха* – стража; *хехо* – сторож; *хой* – стражник; *гIа* (*га*) – воин; *гIой, гIарой* – стражники, воины; *гIарол* – часовой; *гIера* – военный отряд, дружина; *ковр* – группа,

отряд; *пхъарчой* – стрелки, лучники; *дошлой* – всадники; *гIашлой* – пехота; сур – объединение, община, скопление (древнее значение – войско) и т.п.; *гIагI* – кольчуга; *гIап* – крепость, замок; *гермчиг* или *герменчуг* – крепость круглой формы; *мулкъ* – частнособственная, общенародная, управляемая старейшинами земля; *харж* – расход; *хазна* – казна, клад; *ясакх* – дань, подать в пользу князя; *ял* – налог, проценты, платимые за что-то; *бер* – подать, плата за пользование пахотной землей, пастбищами, а также плата за разрешение проехать через горный проход и др. Это неполный перечень слов и выражений, встречающихся как в нахских языках, так и в нахско-картвельских и нахско-дагестанских параллелях, а также слова, заимствованные из тюркских, арабского и иранского языков. Такие слова, как *хъаким* и *Iедал*, широко распространенные у многих кавказских народов, могли прийти к чеченцам как непосредственно из арабского языка, так и через язык соседнего народа. Распространению среди чеченцев арабских социальных терминов способствовали принятие ими ислама, теократизация *Мехк-кхела* (Совета стран) и особенно деятельность имамов Мансура, Гази-Магомеда и Шамиля. При имаме Шамиле арабский язык считался даже государственным языком Чечни и Дагестана (*Чокаев,* 1964а).

Трудно точно определить время проникновения этой терминологии, но несомненно, что ее распространение у чеченцев связано с развитием общественно-экономических отношений. Так, термин *харж* (расход, затраты) не имеет прямого отношения к общественному быту чеченцев. В том же значении «расход» он встречается у многих народов Кавказа, и первоначально обозначал дань, которую мусульмане брали с лиц, не принявших ислам (от араб. *хардж* – вид подати, налога). Постепенно он приобрел иное значение – налог с покоренного населения, а для местных жителей – «расход» (*Джанашвили*, 1897. С. 3).

Термин – *лай*, обычно переводится как раб. Характеристика этой социальной категории для решения вопроса об общественном строе чеченцев имеет важное значение. Слово *лай* – раб, зависимый или неблагородного происхождения человек, чеченцам известно давно. Народные предания часто делят чеченцев на *оъзда нах* – благородных и *лай* – неблагородных. Имелись и другие социальные прослойки, например, *тIебаьхкинарш* – «пришельцы» (*Леонтович,* 1882; *Головинский*, 1878). *Лаи* – рабы сохранялись в Чечне местами вплоть до XIX в. Д.Д. Мальсагов был склонен считать этот термин заимствованием из осетинского языка (*лаг* – осет. человек). Интересно, что еще Страбон, описывая иберов и их соседей, упоминает зависимый слой *лаои* (цит. по: *Меликишвили*, 1959. С. 314).

По А.Б. Рановичу, термин *лаой* следует переводить как «мужики», «люд», «люди». У чеченцев *лай, лаой, ляяй* – зависимые люди, рабы, между чеченскими *лаями* и указанными страбоновскими *лаоями* имеется общее сходство как в названии, так и в социальном положении (*Ранович*, 1950. С. 155–156; *Болтунова*, 1956. С. 42). Древние чеченские *лаи*, согласно преданиям, находились в зависимости от владеющих ими общин или от отдельных владельцев скота (*Россикова*, 1895. С. 184–185). *Лаи* были обязаны пасти скот общины или отдельных хозяев, выполнять сельскохозяйственные работы. Чеченцы отличали *йисара* (невыкупленного пленника) от *лая*.

Социальная прослойка *цIой* (*цIу* «жрец», мн. ч. *цIой*), имевшая связь с религиозными институтами, находилась в привилегированном положении и они входили в Совет страны. Название мелхинского «Города мертвых» ЦIой-Пхьеда переводится как «Место пребывания жрецов». Нахские жрецы также разбирали тяжбы, в том числе и между соседями. Некоторые возвышенные места, где со среднековья и до середины XIX в. проводился *Мехк-кхел*, например, Мизир-Корта, Кхеташ-Корта при сел. ЦIонтара, ТкъобIе-эрда и др. почитались прежде как древние языческие священные места. На Мизир-Корте стоял храм, ограда которого имела четыре входа для представителей от четырех отдельных племен или территориальных общин. Храм этот, как и гора, носит, по преданию, имя обожествленного главного жреца – *Мизира* (*Ипполитов,* 1868. С. 48–49).

О бытовании у чеченцев социальной прослойки воинов писали многие исследователи. Н. Семенов отмечал: «Невольно останавливаешься на мысли, что когда-нибудь в этом народе существовало особое сословие воинов, подобное польской шляхте» (*Семенов,* 1895. С. 187). С. Броневский сообщает о чеченцах-карабулаках: «По преданиям… карабулаки в древние времена составляли сильное воинское колено, которое было уважаемо от соседей как за храбрые дела, так и за соблюдаемую в общежитии справедливость. Они были богаты скотом и от произведений земли достаточно получали пропитание, оставалось им наслаждаться изобилием и покоем. Но возгордясь сими преимуществами, карабулаки пустились на обиды и насильства, возжигали повсюду вражду и, наконец, обратили против себя всех соседей, которые, ополчась на них соединенными силами, истребили сей буйственный народ до основания» (*Броневский*, 1823. С. 168–169; *Эльмурзаев*, 1963. С. 130–132). Конечно, как дальше признает и сам С. Броневский, карабулаки не были полностью истреблены (*карабулаки* – тюркское название арштхойцев; вайнахи именуют их иногда *эрштхой*, *орстхой*, а в исторических песнях – *мержой* и т.д.). Предание о карабулаках, записанное С. Броневским в первой четверти XIX в., во многом соответствует современным полевым материалам (ПМА, 1960 г.). По этим данным, усилившись на плоскости, карабулаки начали притеснять своих сородичей – вайнахов из горных общин. Карабулаки требовали большую плату за использование плоскостных земель, зимних пастбищ, а местами даже леса. Из защитников вайнахов они превратились в их угнетателей. Тогда чеченцы всех обществ, сплотившись вместе, уничтожили наиболее враждебные их группировки, мешавшие им пользоваться пахотными землями и зимними пастбищами на равнине. Предание рассказывает, как предки чеченцев отводили воду от осаждаемых карабулакских укреплений, информанты показывают места сражений и отлично сохранившие круглые валы, как утверждают информанты, служившие карабулакам в качестве укреплений и др. (Чеченский фольклор, 1964. С. 14–15; ПМА, 1960 г.).

Для исследования карабулаков как социальной группы, включавшей выходцев из ряда чеченских *тайпов* (Аккхий, ЦIечой, Мержой, Галой и др.), интересен следующий этнографический факт. Исследователи отмечали, что «у народов на феодальной стадии общественного развития волосы осмысливаются уже не как источник жизненной силы, а как символ власти и мужества, их носят короли, вожди, воины как прическу, отличающую их от рабов. Бритье головы становится социальным выражение рабского, подневольного

состояния. Так, в Риме рабам брили голову или часть головы» (*Гаген-Торн*, 1933. С. 85–86). Потомки карабулаков, проживающие ныне в Иордании, до сих пор носят длинные волосы, нередко заплетаемые в косы. Можно полагать, что по крайней мере часть древних карабулаков сбривали волосы, оставляя косицу на макушке.

Этнографическим фактом, который демонстрирует социальное превосходство усилившихся карабулаков, является «танец галгаев» (*гIалгIайн халхар*). Этот танец карабулаки исполняли с вытянутыми руками, двигаясь взад-вперед либо в стороны. Смысл данного танца таков: если *галгаи* (ингуши) без разрешения *эрштхойцев* (карабулаков) ездили за дровами в лес, прилегающий к плоскости, последние забирали у галгаев-кекяллинцев упряжь, топоры и т.д. Сзади, к растянутым рукам пойманного, *эрштхойцы* привязывали длинный шест, охватывающий через ширину спины всю длину растянутых рук, и в таком виде отпускали его. Выбираться из леса с растянутыми руками было очень трудно, приходилось двигаться боком. Отсюда и «издевательский» танец, имитирующий связанного *галгая*, пытающегося выйти из леса. Наш информант, говоря о притеснениях карабулаками галгаев, пытался умалить вину галгаев за преследования оставшихся на родине малочисленных карабулаков. Но в основе разногласий между ними лежало социальное неравенство – у карабулаков было больше земли, а ослабленный *Мехк-кхел* не мог провести земельную реформу. Этот унизительный для *галгаев* танец они часто исполняли на свадьбах самих галгаев, куда приходили непрошеными.

В пользу мнения, что у чеченцев в прошлом были военные организации, превратившиеся позже в классовую верхушку, говорит совокупность ряда данных. В связи с этим обращают на себя внимание развитость в Чечне боевых сооружений, а также названия древних чеченских селений и тайпов, например, Хой (селений с таким названием было несколько) (*Иванов,* 1904. С. 54). Одно селение под этим названием находится на границе с Дагестаном, возле оз. Кезеной-Ам (*Ган*, 1902. С. 216). В отношении названия этого селения Г.Ф. Ган пишет: «слово это может иметь также значение пост, пикет» – стражники; *гезахой* – стражники, воины; *пхой* – стрелки-лучники; *бIаIвлой* – обитатели боевых башен, *вIовнушка* – место нахождения боевых башен; гидронимы Пой, Хой – стражники. О том же, видимо, говорит древний обычай, по которому отдельные чеченские владельцы или *тайпы* брали плату за проезд и провоз товаров через охраняемые ими горные проходы (*Иванов,* 1904. С. 37; *Ахриев,* 1875. С. 34; *Семенов*, 1963. С. 25–95).

В нахских языках прослеживается широкое бытование, по крайней мере, пяти различных терминов для обозначения понятия «воин» или стражник» – *гIой, хой, бIо (бо), гIезихой (гезихой), эскар*. Возможно, в том же значении некогда употреблялось и слово *сур* (*Семенов,* 1963. С. 68; *Караулов*, 1901. С. 41, 57). Такое количество местных или заимствованных слов для определения понятия «воин», «стражник» также говорит в пользу наличия у чеченцев в прошлом военной организации.

К социальной группе воинов-земледельцев, возможно, относились и предки некоторых *оъзда нах* – достойных людей, которые по традиции, как пережиток прошлого, до недавнего времени отличали себя от бывших лаев, или незнатных. По преданию, *лаям* необязательно было носить оружие,

тогда как *оьзда* нах обязаны были иметь его с собой почти всегда. «Если лай вырастит скакуна, представитель “оьзда нах” имел право взять его в обмен за быка». По-видимому, когда-то *лай* вообще не имел права носить оружие и иметь лошадей (ПМА, 1962 г.). Таким образом, следы, позволяющие предполагать наличие у чеченцев в прошлом социальных слоев и иерархической структуры в обществе, прослеживаются в быту, по данным материальной культуры и языка.

В XVIII–XIX вв. более отчетливо выделялась немногочисленная социальная группа *лаев*. К концу XVIII в. эту группу в горной Чечне можно проследить только в отдельных районах, чаще в Чеберлое. Но и там к тому времени традиционное деление общества на социальные слои в имущественном отношении редко совпадает с классовым; все они в основном были крестьянами, среди *лаев* встречались богатые, а среди *оьзда нах* – бедные. Более того, иногда *лаи* (напр., жители Чеберлоевского «лайского» сел. Цикарой) жили богаче соседних *оьзда нах*. Местные жители это объясняют тем, что ранее высшие или привилегированные сословия часто проживали в стратегически важных укрепленных пунктах, малопригодных к земледелию, напротив, *лаи* же были поселены на удобные земли, где они могли работать и выполнять свои повинности, а при ликвидации сословных различий *лаи*, *озданчи* и *эли* получили ту землю, на которой каждый из них проживал. С XVII в. до начала XIX в. почти по всей Чечне князья были низложены (*Броневский*, 1823. С. 164–165, 175, 181; *Данилевский*, 1846. С. 192; *Бутков*, 1869. С. 174).

Знать у нахов, как и везде, добровольно не отказалась от своих прав (см. у Л.П. Семенова, как Дударовы оставляли свои замки и башни – *Семенов*, 1963. С. 24–25, 70–78). Об этом же говорит и следующее: например, в начале XIX в. садойцы пытались восстановить свои права на землю при сел. Махкеты, занятую чермойцами, бывшими в прошлом, согласно имеющимся данным, зависимыми общинниками, и при этом сами потерпели жестокое поражение. Спор этот продолжался и в середине XIX в. Имам Шамиль решил данный вопрос не в пользу владельцев и выдал документ, утверждающий право чермойцев на эту богатую землю.

После крушения Имамата российское правительство поддерживало на плоскости свергнутых чеченцами феодалов (владельцев), когда-то приглашенных для ограниченного правления. Изгнанные феодалы (владельцы) получили в полную собственность крупные участки, отрезанные от земель чеченских крестьян. При таких условиях садойцы возобновили свои претензии на землю, занятую чермойцами. Вопрос этот был разрешен только перед самой Октябрьской революцией старейшинами-алимами во главе с Сугаип-муллой Гайсумовым из Шали. Чермойцы вынуждены были уплатить штраф за убитых садойцев и внести символический выкуп за землю (ПМА, 1959–1964 гг.).

Пережитки былого неравноправного положения *лаев* в середине XIX в. были еще очень сильны. Бывших *лаев* презирали, с ними неохотно роднились, местами даже угнетали, например, существовал *лай-пхье* (или *лаьпхъа*) – двойной штраф за убийство *лаем* «свободного человека» или *лайурдо* (*Ковалевский*, 1890. С. 178), *лай там* или *шалха-там* – калым *лая* или двойной калым, который платил *лай* за невесту из *оьзда нах*.

Владение своей землей у некоторых сельских общин, состоявших из представителей бывших зависимых социальных групп, было непрочным. В этих условиях меры, принятые имамом Шамилем против владельцев земли, безусловно, имели положительное значение. Но они все же не стерли все различия между свободными людьми – *оъзда нах* и *лаями*. Например, бывшие *лаи* из сел. Цикарой стремились породниться с *оьзда нах* из сел. Макажой. Но макажойцы, несмотря на то, что они были беднее цикаройцев, неохотно роднились с последними из-за их низкого происхождения. Цикаройцы соглашались отдавать замуж за свободного человека (*оьзда стаг*), даже если он был стар и болен, молодую красивую девушку, притом не требуя калыма.

Местами наиболее рьяные ревнители старины из сельских старейшин *оьзда нах* раз в год или чаще собирались и ходили по дворам *лаев*, напоминая им, что они *лаи*. Это делалось так. Старший из собравшихся *оьзда нах* вызывал по имени главу лайской семьи и громко спрашивал его, знает ли он, а если знает, не забыл ли, что он *лай*. Бывший *лай* или его потомок должен был громко ответить, что он это знает и не забыл. Кроме того, такие люди из *оьзда нах*, чтобы доказать бывшим *лаям*, что они не имеют права спорить и судиться с ними как равные, позволяли своим детям бросать камни на крыши и в окна бывших *лаев* и причинять им другие неприятности. Так поступали там, где жили отдельные семьи из бывших *лаев* (ПМА, 1961 г.). Пережитки социального неравенства среди общинников у части населения сохранялись вплоть до 1917 г. Некоторые обедневшие люди из *оьзда нах* с завистью смотрели на зажиточных *лаев* и не упускали случая задеть их самолюбие напоминанием об их происхождении. Так, однажды девушка из зажиточной лайской семьи, посмотрев на старую обувь бедной девушки из семьи *оьзда нах*, без всякой задней мысли спросила у нее: «Что за башмаки у тебя на ногах?» Та, напоминая ей лайское происхождение, ответила: «Какими бы ни были мои башмаки, они не скрипят: лай-ли, лай-ли (рабыня, рабыня)» (ПМА, 1961 г.). Была известна поговорка: «Если лай совершит даже десять хороших поступков, то одиннадцатый его поступок будет бесчестным». В этой поговорке отражалось недоверие и пренебрежение знатных к незнатным. Чеченские *лаи* XVIII и середины XIX в., кроме немногочисленных *лаев* из притеречных районов, где действовали кабардинские, кумыкские и русские феодальные порядки, почти все являлись полноправными или неполноправными общинниками. В социальном отношении они были в лучших условиях, чем крепостные крестьяне царской России в XVIII–XIX вв.

Нахское слово *йийсар* – пленник, невольник – происходит от тюркск. *ясыр*. *Йийсары* произошли от пленных. Некоторые *йийсары* бывали также из вайнахских обществ, враждовавших между собой. *Йийсаров* в Чечне было немного. Они не имели семьи, их можно было продать, подарить, только убийство его вызывало общественное осуждение. Невыкупленных *йийсаров* через некоторое время отпускали или превращали в *лаев*. Происшедших от *йийсаров лаев* было очень мало. Во время имаматства Шамиля часть *йийсаров* из пленных солдат царской России признавались государственными пленными имамата. Они выполняли различные работы – рубили лес, ремонтировали дороги и т.д. под руководством пленных русских офицеров. Часть солдат царской армии, попавших в плен, особенно бывшие крепостные, бедные крестьяне и представители нерусских национальностей, нередко перехо-

дили на сторону горцев Кавказа. Перешедшим на сторону горцев пленным и беглецам царские власти жестоко мстили (ПМА, 1961 г.). После Кавказской войны *йийсаров* в Чечне почти не осталось.

Общинными чертами пронизан весь быт чеченцев. За покушение на достоинство человека, даже словесное, нередко расплачивались жизнью. Непонимание некоторыми этих несколько ослабевших особенностей быта приводило к неприятностям даже во второй половине XX в. Так, в Грозном один слесарь (нечеченец) хвалил и критиковал своего ученика-чеченца, единственного сына вдовы, прибегая к ругательствам в адрес его матери (т.е. к мату). Ученик умолял слесаря выбирать другие выражения, особенно при посторонних, но тот стал браниться еще сильнее. В результате слесарь поплатился жизнью, а ученик угодил в тюрьму (ПМА, 1962 г.).

Фольклорные произведения в известной степени отражают существовавшие у чеченцев социальные отношения, особенности быта, верований и т.д. «Среди персонажей сказок довольно часто встречается князь (*эла*), которого народ наделяет почти всегда самыми непривлекательными чертами: жестокостью, коварством, надменностью, злостью. Добрый герой сказки борется с князем и побеждает его» (*Мальсагов, Ошаев*, 1963. С. 20). В чеченских героических песнях «илли» воспевается борьба народа против князей, особенно из числа соседних народов, от господства которых над отдельными районами чеченцы окончательно освободились только к началу XIX в. В фольклоре мы видим восхваление таких качеств, как непримиримость к угнетению, верность в дружбе и сплоченность простых людей, чувство достоинства человека.

«Пусть мать не родит сына без достоинства, если родится, да не проживет он даже столько времени, пока лепешка испечется»; «Когда признают одного за князя, признавшие становятся его рабами»; «Имевший тысячу друзей спасся, имевший тысячу голов скота погиб»; «Кто не уважал людей, того съели люди»; «Пусть у волка из норы не вылезет волчонок, пусть у князя из колыбели не выйдет сын»; «Дружные кошки победили недружных волков»; «Железные двери с плачем пошли просить пощады у деревянных» (Чеченские и ингушские пословицы и поговорки, 1961. С. 605–613; Чеченские народные пословицы и поговорки, 1964. С. 179–190).

Следует учесть, что наряду с мотивами антифеодального и общедемократического характера в фольклоре чеченцев встречаются и реакционные мотивы (восхваление феодалов, пренебрежительное отношение к зависимым или незнатным людям и т.д.) (Илли о князе Кагермане). В фольклоре восхваляются также князья Каир, Хаси, Ума, Анзор и др.

В этом отношении интересна следующая притча. Умирая, отец завещал своему сыну: не вести дружбы с невольником, не жениться на дочери невольника, не брать в долг денег у недавно разбогатевшего купца. Умер отец, а сын думает: нужно испытать, прав ли отец, оставляя мне такое завещание, и завел дружбу с холопом, женился на дочери холопа и занял денег у недавно разбогатевшего купца.

Раз отправился он на охоту, убил оленя, притащил домой и зарыл под полом сакли. Жены не было дома. Когда она вернулась, он сказал ей, что случайно на охоте убил невольника и зарыл его под полом. «Пожалуйста, не рассказывай никому! Иначе мне плохо будет». Жена поклялась, что никому

не скажет. В это время у одного дагестанского князя пропал холоп. Князь разыскивал его везде и пришел в то селение, где жил чеченец. Последний нарочно поссорился с женой и даже побил ее. Рассерженная жена, недолго думая, побежала к братьям и рассказала, что муж убил княжеского холопа и зарыл его дома под полом. Узнав об этом, князь немедленно арестовал чеченца и объявил, что платье и оружие убийцы он отдаст тому, кто согласится убить виновного. Первым явился невольник, тот самый, с которым завел дружбу чеченец, и предложил свои услуги покончить с приятелем. Купец же поторопился подать просьбу не лишать жизни виновного до тех пор, пока он не взыщет с него своих денег. Тут только убедился чеченец на горьком опыте в справедливости отцовского завещания, признался во всем князю и в доказательство своей невиновности велел откопать убитого оленя. Князь немедленно освободил чеченца и в знак вечной дружбы побратался с ним (*Россикова*, 1896. С. 172–173). Очевидно, что в этом рассказе отражены взгляды представителей социальных верхов.

С. Броневский писал: «Чеченцы не имеют своих князей, коих они в разное время истребили и не призывают таковых из соседних владений, из Дагестана и Лезгинистана, наипаче от колен Аварского хана: но сии князья малою пользуются доверенностью и уважением, управляются они выборными старшинами, духовными законами и древними обычаями» (*Броневский*, 1823. С. 181). По сохранившемуся преданию малхистинцы свергли своего князя-деспота и решили больше не избирать князя, не приглашать его со стороны, и каждого, кто назовет себя князем или захочет возвыситься над остальными, лишать головы (*Ошаев,* 1930. С. 58–65). В другом предании говорится, что большинство хилдехароевцев, живущих в самой глухой местности горной Чечни, были куплены давно каким-то богачом, и хилдехароевцы стали свободными только после того, как род их господ окончательно вымер (*Иваненков,* 1910. С. 151).

В Чечне бытует много преданий о «выборах» или «приглашениях» князьях, и нет сомнений, что в их основе лежат подлинные события. По преданию чеченцев-аккинцев, через некоторое время после того, как они расправились с очередным князем, было решено вновь установить княжеское правление. Как и прежде, главной причиной этого стала необходимость организации защиты территории от вторжений извне и ликвидации внутренних неурядиц. Но найти князя было очень трудно. Выбрать авторитетных представителей из старых тайпов чеченцы опасались, ибо такой князь, используя княжескую власть и опираясь на многочисленных родственников, мог со временем постепенно перестать считаться со старейшинами и превратиться в деспота, а попытки освободиться от такого князя превратились бы в междоусобицу. Перспектива избрать «безродного» *лая* была также неприемлема. Приглашать князя из далеких стран тоже не хотели. Среди соседних же князей было еще живо предание, когда чеченцы убили восемь князей на горе, расположенной возле древнего чеченского с. Ширча-Юрт, называемого и сейчас «Эли байина лам» (Гора, на которой убиты князья). Наконец, после долгих обсуждений чеченским старейшинам удалось добиться согласия одного из представителей кумыкской княжеской фамилии. Они обещали уважать его «и платить ему в год по одной мерке (*бустург*) пшеницы от каждого *урда* (около 0,5 га) посевной площади, но одновременно предъявили ему условия,

чтобы он не покушался на земли, расположенные западнее р. Аксая, а если ему понадобится раздаривать землю своей родне, а также за заслуги, чтобы он ограничился малоосвоенными землями, расположенными восточное р. Аксай.

Разумеется, не все сведения, сообщаемые в чеченских исторических песнях и сказаниях, можно проверить, имеются в них также поздние дополнения и искажения. Но это не исключает возможности анализировать чеченский героический песенный эпос для изучения социальной структуры и экономического развития общества, породившего данные песни.

У чеченцев, обитавших на плоскостных, благоприятных для хозяйственной деятельности землях, издавна существовала имущественная дифференциация и тесная консолидация выходцев из разных ущелий. Это подтверждается наличием в топонимике наименований больших загонов и стойбищ, принадлежавших отдельным владельцам, упоминанием в преданиях и сказаниях бедных людей наряду с очень состоятельными.

Народные поэмы повествуют о том, что некоторых богатых людей почитают, повинуются им и величают князьями: например, эла (князь) Маца, эла Хаси, эла Мовза. Но о том, что князья не имели над чеченцами неограниченной власти, по-видимому, говорит смелый ответ сельской красавицы князю Мовзе. Князь Мовза, восхваляя свое богатство и происхождение, старается возвыситься над ее женихом, сыном бедной вдовы, грозит продать его и предлагает выйти за него замуж. Она же говорит князю:

Да не будь несчастлив ты, князь, о Мовза,
Когда тебя князем именуют, мне же казалось,
За благородную обходительность твою, за глубокий ум
Тебя князем величают наши чеченские молодцы.
Тебя же, оказывается, так называют за твое большое богатство.
Чем глупое богатство, лучше бедность, но разумная,
Почитав обладателей богатства и славу князя
Князьями и богачами, я не обманусь, за князя богача я не обманусь,
За князя богача я не выйду замуж

(Илли о князе Мовзе)

Чеченские села, в которых проживали князья Маца и Мовза, согласно илли, были большими и имели форму круга. Круговая форма поселения соответствовала потребностям обороны в условиях плоскости.

По преданию, князь Хаси, сын Ховра, основатель горного сел. Белгатой, потомок выходцев из сел. Нашха, владел землями между реками Хулхулау и Аргуном. Эла Хаси и его отец Ховр жили в горах и владели там землями, в том числе ущельем в верховьях р. Хулхулау, используемым им как естественный загон для лошадей. Это ущелье и ныне называется Ховр боьра (ущелье Ховры) или Говри боьра (ущелье для лошадей) (ПМА, 1960 г.).

По записанному у итум-калинцев преданию, у некоего Курда были племянники: Итум, Гала и Шала. Из-за малоземелья Итум спустился с гор в ущелье р. Аргун и поселился на том месте, где и сейчас стоит селение его имени – Итум-Кала. Землей, на которой обосновался Итум, владел князь Дышни-эла. В местечке, где жил князь, еще на памяти стариков стояли остатки его башни или замка (чеч. *гIала*). По существовавшему обычаю Итум был зависим от

князя, на земле которого он поселился. Поэтому каждую зиму он содержал за свой счет большое число княжеских овец.

Чеберлой (на востоке горной Чечни) был густонаселенным местом. Занимаясь в основном животноводством, чеберлоевцы использовали под сельскохозяйственные культуры даже очень неудобные для обработки земли. В древности многие чеберлоевцы жили в каменных укреплениях, сооруженных с большим мастерством на стратегических участках, а некоторые (напр. жители сел. Буной) жили в круглых постройках типа *бун*, отсюда название селения. Селения Кезеной, Харкалой, Макажой, Хой, Орса, Хиндой, состоявшие из замков, высоких боевых башен и каменных двух-четырехэтажных домов, по преданиям, в разные времена являлись местами пребывания князей.

Одним из древних феодалов в сел. Макажой был Алдам-ГIеза (ПМА, 1962 г.), по преданию, выходец из сел. Нашха. Жители аула Хой считаются потомками Алдам-ГIеза. Он прогнал соседнего Кезенойского князя и стал править один Кезенойским и Макажойским княжествами. Крепость (*гIап*) на горе у сел. Кезеной построил он. Некоторые чеберлоевцы (напр., жители с. Ихарой), платили ему налог (*бер*, *ял*), а другие являлись его постоянной опорой. Зафиксированное нами предание говорит как о предусмотрительности чеберлоевцев, так и о том, что править здесь феодалам было далеко не безопасно.

Чеберлоевцы долго не могли договориться о правилах и системе правления. Наконец, решили избрать царя (*паччахъ*) из низшего сословия (*лай*). Выбор остановили на безродном лае из с. Харкалой, от которого в случае необходимости можно было легко избавиться. Этот старик был известен как честный, знающий и умный человек. *Махка-дай* (отцы страны) сообщили ему о своем намерении избрать его князем. *Лай*, знавший, как чеченцы расправлялись с князьями, забеспокоился и решил схитрить. Он сказал: «Меня называют рабом, недостойным человеком. Я такой и есть. Не могу я руководить». Когда старейшины все же стали настаивать на своем, лай попросил время для обдумывания. Этот много видевший лай якобы запер в сарае осла и овцу и стал их усиленно откармливать, а через некоторое время выпустил их. Овца немножко поиграла, попаслась и легла на травку отдыхать, а разжиревший осел разорался, разбрыкался, разбежался и свалился в пропасть. После этого лай сказал: «Я лай, низкий человек, точно как этот осел. Когда мое дело упрочится, я испорчусь. Я не могу быть во главе». Старейшинам ответ хитрого лая показался убедительным, и они оставили его в покое (ПМА, 1959, 1961, 1963 гг.).

Данное предание не противоречит сведениям дореволюционных исследователей. С. Броневский, например, пишет: «Чеченцы имели прежде князей, но впоследствии истребили их и прибегли к своим соседям, особенно к владельцам Аварии, прося дать им кого-либо из родственников владычествующего дома; а как замечено неоднократно, что чеченцы, народ свирепый и буйный, не только не уважают чужеземных князей, но даже приносят их в жертву жестокого своего характера и самоупрямства, то чеченцы принуждены избирать из среды себя старшин, хотя невольно на то соглашающихся» (*Броневский*, 1823. С. 174).

В следующем предании говорится о том, как князь эла Халч, сын Сарки из укрепленного сел. Тундаха, состоявшего из каменных сооружений,

объединил чеберлоевцев и отказался платить дань могучему закавказскому князю (в вариантах аварскому, грузинскому джайскому), которому в то время якобы платили дань все князья Восточного Кавказа. Князь Халч Саркаев, который имел постоянную дружину из 63 человек, объявил: «Ни я, ни родственные мне князья отныне не платят никому дани. Мы можем дружить с любыми князьями только как равные». «Аварский» («грузинский») князь объявил, что он разорит весь Чеберлой, если князь Халч перестанет платить дань. Тот, переодевшись нищим, поехал в Закавказье, где княжил грозный князь. Он пришел к выводу, что князь правит как деспот и разноплеменное войско его разбежится при первом серьезном столкновении. Возвратившись, он собрал почтенных старейшин (*мехкадай, тоълла нах*) – мужественных, лучших людей, разделил страну на военные районы и дал задание каждому быть готовым отразить нападение. Князь Халч Саркаев построил возле сел. Тундаха мощеную дорогу из камня длиной две «чаккхармы» (*чаккхарма* – мера длины, около 1 км), велел подковать стальными подковами 300 необъезженных жеребцов и, кроме того, выбрать из табунов по 300 коней белой, вороной и гнедой масти.

Когда войска чужого князя подошли к горе Арсой-лам, откуда была видна стоянка Халча Саркаева, 300 одинаково одетых и хорошо вооруженных людей на белых конях проехали на виду у противника и укрылись в незаметном для глаз ущелье. Пересев на вороных коней, всадники снова проехали на виду противника и спустились в ущелье. Этот же круг они совершили в третий раз, уже на рыжих конях. Когда они завершали свой последний круг, уже вечерело. Всадники пересели на жеребцов, подкованных стальными подковами, и по кремневой дороге поскакали в сторону противника. От ударов стальных подков полетели искры. От топота и ржания жеребцов, от крика всадников поднялся страшный гул. Казалось, что двигается огромное войско. Одновременно на противника двинулись воины из Чеберлоевских районов. Напуганный противник не двинулся навстречу чеберлоевцам и вскоре после начала сражения стал отступать. Халч Саркаев теснил противника до Болака (современный Ботлих). В этом бою чеберлоевцы захватили много пленных (*Россикова*, 1886. С. 170).

По данным родословной Дарго Ильясова из сел. Тундаха, который ведет свой род от Сурак-Хана и считает себя потомком 10-го поколения Сурак-Хана (его предки: Сурак-Хан, Сарка, Халчи, Ашиль, Мирза, Магомет, Тед, Хунул и Ильяс), Халч Саркаев жил приблизительно в середине XVIII в.

Последним князем в Чеберлое был Шаа из сел. Хинда (ХIиндой), который погиб во время распространения здесь ислама.

В бассейне р. Шаро-Аргун, в селениях Ачала и Жима Калако тоже были князья, княжившие в окрестных селах. Остатки *гIала* (замка), в котором жил ачалойский князь, сохранились. Калакойский князь имел постоянную дружину из 70 верховых *узденей* (*озьдангов*) на одномастных конях. Скрип открываемых и закрываемых огромных железных ворот княжеской крепости в Жима Калако, как говорят, слышен был в окружающих селениях, в том числе и в сел. Ригаха. Князья вели развратную и праздную жизнь, плели интриги и оскорбляли друг друга, придумывали дурные шутки, нарушали свои обещания и священные нормы гостеприимства, совершали вероломства, а

потом воевали между собой. Все это разоряло их подданных (*Иваненков,* 1910. С. 11).

Однажды к калакойскому князю приехал в гости аварский (чеч. *джайский*) князь Умха с дружиной. Калакойский князь решил угостить их шкурой быка, вскормленного семь лет на воле, чтобы затем посмеяться над ними. Чтобы гости не угадали, чем их угощают, шкуру сначала долго варили в воде, потом в молоке и в меде. Уезжая, джайский князь по дороге спросил у своих: «Чем нас князь накормил?» Но никто из них не смог ответить на его вопрос. Тогда он велел одному *оьздангу* возвратиться и узнать, чем их угощали. Калакойский князь, закатываясь от смеха, рассказал ему об этом. Джайский князь Умха, возвратившись, заплатил калакойскому князю 700 золотых туманов с условием, что об этом никому не расскажут.

Со своей стороны джайский князь постарался отомстить за обиду. Но калакойскому князю удалось вновь обмануть джайского князя, вторично заехавшего к нему. На глазах того он ножом разрезал яблоко, в выемке которого на одной стороне был яд. Половинку яблока он съел сам, а отравленную отдал джайскому князю. Тот, видя, что яблоко разрезано при нем и калакойский князь ест свою половину, съел половину яблока и отравился. Умха понял, что отравлен, но, не подавая вида, распрощался с князем, сказав, что он должен возвращаться и зашел в отведенный для них дом. Здесь он объявил своим дружинникам, что отравлен и умирает. «Похороните меня здесь, под полом, так, чтобы хозяева об этом не узнали, а сами быстро уезжайте. Если люди князя спросят у первых: “Где Умха?” – скажите, что я отстал. Если спросят то же самое у последних, замыкающих ряд, скажите, что я ушел вперед. Иначе вас будут уговаривать остаться служить калакойскому князю и при вашем отказе перебьют всех». Они уехали, отвечая на вопросы так, как им завещал умирающий князь.

Люди калакойского князя отказывались нести расходы на такую распутную жизнь и воевать за него. Последние годы свои он провел за железными воротами крепости (*гIан*), изредка выходя для охоты и грабежа.

Однажды чеченцы с помощью джайцев, выманив из крепости пьяного князя с его дружиной, расправились с ними, разрушили укрепления князя, а землю его разделили между теми из его людей, кто не захотел защищать крепость. Потомками последних считаются нынешние чобяккинцы и келойцы. После этой расправы никто не претендовал на княжеские права, стали жить по адату. Это произошло приблизительно в XVIII в. Место, где стоял замок князя, и сейчас известно под названием «место, где стояли Малые Калаки» (ПМА 1960 г.).

Приведенные этнографические и фольклорные материалы, данные языка, а также письменные источники позволяют считать, что кроме известных из письменных источников князей кабардинского и кумыкского происхождения в ряде районов – в Чеберлое, Майсты, Шаро-Аргуне, Армхи и у аккинцев – также имелись феодалы (владельцы), и все они, кроме аккинских и некоторых арзинских, были, по-видимому, местного происхождения. Полевые материалы свидетельствуют о борьбе народа против князей, возглавляемой в большинстве случаев старейшинами территориальных общин.

Можно резюмировать, что в указанный период в чеченском обществе сформировались социально-имущие верхи (князья, феодалы (владельцы),

старшины, богатые уздени, чанки, торговцы (купечество), духовенство и т.д.) и социально-зависимые слои (*лаи* (рабы), *ясыри*, холопы, *азаты*, работные люди, бедные *уздени* и т.д.). В то же время в обществе сохранялась зажиточная часть узденей, все еще находившаяся в вассальной зависимости от князей и феодалов (владельцев). Значительная часть чеченских крестьян-общинников оставалась свободной. Знать в зависимости от своего происхождения, размеров владений и положения занимала разное место в *иерархической структуре общества*.

Во всех феодальных владениях и союзах сельских обществ Чечни существовала отработочная рента и натуральная – в виде тайповой помощи, дарения и различных приношений. При всем этом господствующей формой феодальной ренты XVIII в. оставалась натуральная, которая базировалась на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от владельцев и князей.

В России во второй половине XIX в. шел процесс расширения внутреннего рынка и включения в этот процесс национальных окраин, каковой являлась и Чечня. Преобразования в Чечне были вызваны к жизни реформами в самой России, и они были призваны способствовать ломке старых, отживших патриархально-родовых и феодальных пережитков, замене их товарно-денежными отношениями.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Чеченская правовая культура характеризуется наличием уникальных нематериальных памятников – формировавшихся на протяжении веков адатов и древнего правового института *Мехк-кхел*. Ядром правовой культуры чеченцев является обычное (адатное) право – историко-правовой феномен кавказских народов. Интерес к обычному праву народов был весьма велик со стороны русских исследователей-кавказоведов XIX в. На Кавказе работали многие исследовательские экспедиции, главная цель которых заключалась в изучении истории, культуры и обычаев, которые являлись истоками права. Основное содержание адата – это неписаная норма, в теоретико-правовом плане трактуемая как общеобязательное правило поведения.

Правовая культура чеченцев связана с политической, нравственной и духовной культурой, является одним из важнейших элементов общественной правовой системы. Опиравшаяся на нее система управления была выстроена с учетом мировоззренческой комплементарности чеченцев, сформировавших свой национальный порядок. Существенным отличием нормативно-правовой культуры чеченцев от аналогичной культуры других народов Северного Кавказа было то, что применение вида наказания и его размер не зависели от социального статуса совершившего преступление.

Адат как социокультурный феномен содержит в себе ряд стабильных, профилирующих признаков, характеризующих его как право. Обычное право определяет отношения между индивидом и обществом, к которому он принадлежит, является юридическим измерением существующих в обществе проблем.

Право как социальный институт прошло в своем развитии три этапа, проделав путь от первоначальной фрагментарности до современной зрелости. Так и формирование адата на Северном Кавказе прошло длительный путь, осложненный особенностями развития народов, спецификой влияния мусульманской религии и права. С укреплением царской России на Кавказе адат претерпел ряд изменений под влиянием светской правовой системы. Эти изменения коснулись непосредственно денежных взысканий, производимых по адатам в пользу потерпевшей стороны, – они были уменьшены, а в некоторых случаях и совсем отменены. Были запрещены калым и кровная месть. Естественно, не все мирились с такими нововведениями. Правовая культура чеченцев способствовала выработке единых принципов по основным вопросам обычного права. К таковым можно отнести: кровную месть (*чIир*), почитание стариков (*ларам*), уплату калыма за невесту (*там-мах*), гостеприимство (*хьаша тIеэцар*).

Среди основных источников формирования норм обычного чеченского права – адатов – можно назвать *маслаIам*, что в переводе означает «народное соглашение, примирение» и которое осуществлялось третейским или мировым судом посредников. Кроме *маслаIатов*, источниками адатов были этические нормы. В основе возникновения и развития обычного права чеченцев лежат обычаи и традиции, после длительного закрепления в сознании масс перешедшие в стадию норм обычного права – адатов. Посредством адатов общество защищало себя от эскалации насильственного поведения.

Адаты и горский суд являются феноменом системы права. Адаты распространялись на все чеченское общество вне зависимости от имущественного или иного положения. Перед адатным судом все были равны, и никто не имел привилегий.

Процесс суда по чеченскому адату сводился к поиску истины. В судейский корпус входили наиболее авторитетные представители чеченского общества, не получавшие за свой труд никакого денежного вознаграждения. Преимущественно судьями были люди преклонного возраста, чей жизненный опыт и авторитет не могли быть поставлены под сомнение. Судьи, выслушав стороны, выносили приговор или решение (*сацам*).

Правовой плюрализм, ставший фундаментом новой модели судебно-правовой системы на Северном Кавказе после его присоединения к России, заключался в сочетании норм адата, шариата и права Российской империи. По адату разбирались дела о воровстве, поджогах, пораненииях и др.; по шариату – об убийстве, разделе имений, разводах и т.д.

С 1 апреля 1858 г., согласно «Положения» об управлении Кавказской армией, изменилось управление кавказскими горцами, в том числе судопроизводство. Шариатским судам были оставлены споры и тяжбы, вытекавшие из духовных отношений (оскорбление религиозных чувств; дела, связанные с деятельностью мусульманского духовенства и др.) и семейные дела (разводы, имущественные споры между родителями и детьми и др.).

В «Положении об управлении Терской областью» от 1862 г. содержались особые правила для Горских судов; более серьезные уголовные дела: измена, возмущения против правительственных органов (политические преступления), разбой, хищение государственного имущества, убийство, нанесение увечья были изъяты из ведения Народных судов. В соответствии с новым

административным делением и новыми правилами управления была создана система судопроизводства, согласно которой судопроизводство в Терской области осуществлялось: по военно-уголовным делам в комиссиях уголовного суда; по общим законам империи – во Владикавказском областном (окружном) суде или в Тифлисской судебной палате; по адату и шариату и по особым правилам – в Главном народном суде Терской области и окружных народных (словесных) и сельских судах. Для сельского русского и казачьего населения в области наряду с Владикавказским окружным судом существовали судебно-мирские участки.

Согласно «Положению» 1862 г. был создан Главный Народный суд во Владикавказе, рассматривавший апелляционные дела окружных Народных судов. Этот суд состоял из 28 членов (депутатов) от всех военно-народных округов Терской области, которые назначались начальником области, шесть кадиев и председателя, в качестве которого выступал один из помощников начальника области. В округах, кроме окружных, создавались участковые суды сроком на 1 год, члены которых избирались на участковом собрании выборщиков с последующим утверждением начальником округа. Отметим, что созданные царизмом как в 1850-е годы, так и в 1860-е годы «народные» суды даже по форме не были народными. Члены их (судьи) на практике назначались военными властями согласно «Положению», а роль председателя исполняли начальники округов или их помощники. Главный Народный суд Терской области заседал под председательством помощника Начальника области и состоял из «почетных лиц», назначаемых начальником области из представителей местного населения и кадия. Решения суда утверждались начальником области (*Кокурхаев*, 1989. С. 46). Эти судебные органы исполняли не только правовые, но и административные функции; действуя под контролем царских офицеров, эти суды фактически становились важнейшими исполнительными органами власти.

Сам процесс суда по адату предполагал четыре стадии судебного разбирательства: 1) заслушивание жалобы истца; 2) оправдание ответчика; 3) заслушивание свидетелей; 4) вынесение приговора.

По чеченскому обычному праву доказательственной базой считались: добровольное признание обвиняемого; вещественные доказательства; показания свидетелей, данные под присягой.

Адат как юридическая норма затрагивал вопросы, непосредственно связанные с бытом. К ним относились уголовный порядок, семейные и наследственные проблемы. Природа внутренней обязательности норм обычного права строится на общем убеждении субъектов в необходимости и справедливости их содержания, что, в свою очередь, служит предпосылкой существования и соблюдения этих норм, способствуя при этом их конкретизации.

Адат и суд по нормам адата – правовая форма защиты внутренних ценностей и идеалов внутри чеченского общества, а также и стратегический стержень самосохранения народа, влияющий на его эволюционное развитие, формирование правовых институтов. Нормы адата считаются нерушимыми и свято почитаются, нарушивший вековой закон подвергается не только гонениям внутри конкретного тайпа, но и в целом всего общества.

Признаком нормы обычного права является также осознанное убеждение субъектов в ее необходимости и обязательности. По адатному праву

чеченцев широко практиковалась система заключения договоров между сторонами, главным основанием для этого являлось обоюдное соглашение сторон. По данному соглашению соблюдения специальных формальностей не предусматривалось. Большое значение придавалось устной договоренности, которая не могла быть поставлена под сомнение или изменена. По чеченскому адату договор (*барт*) – это устная договоренность, заключенная при свидетелях, в результате которой происходил процесс передачи вещи и словесный обмен. Договор считался заключенным с момента рукопожатия (*бертавахар*).

Чеченские *тайпы* очень строго относились к вопросам, связанным с землевладением. В отдельных случаях договоры купли-продажи заключались с согласия главы *тайпа* (*тайпан верас*), при этом особым условием считалось полное согласие всех заинтересованных членов *тайпа*. Согласно чеченским адатам правоспособность и дееспособность субъектов договоров напрямую зависели от имущественной и деловой способности тех или иных лиц. Например, вдова не имела права продать или подарить что-либо из имущества покойного супруга, если у него имелся старший брат или совершеннолетний сын.

К разновидностям реальных договоров по нормам адата можно отнести договора мены (*хийцаман барт*) и подрядка (*йолах болх тIелацаран барт*). Древнейшим являлся договор безвозмездного пользования имуществом (*маьхза хIуманех пайдаэцар*). Обычное право предусматривало ответственность сторон при заключении договора (*барт*) купли-продажи. Согласно чеченскому устному договору продавец отвечал за проданную им вещь. При продаже вещи продавец нес ответственность за сокрытие той или иной информации о проданной вещи, о которой покупатель не мог знать на момент заключения договора купли-продажи. В случае обнаружения серьезных обстоятельств, скрытых продавцом от покупателя, первый был обязан полностью вернуть полученные деньги. В чеченском обычном праве существуют такие виды договора, как договоры поручительства (*тIедилларан барт*), в основе которого лежит личная и имущественная ответственность поручителя и залогодателя. В отличие от других народов Северного Кавказа, чеченцы придавали особое значение договору поручительства как знаку своего уважения и чести в деле решения того или иного вопроса. В качестве поручителей за надлежащее и полное выполнение условий договора могли выступать как родственники, связанные между собой кровным родством, так и не родственники.

Брачно-семейные отношения регулировались разработанными в течение веков нормами обычного права, в которых были закреплены условия заключения брака, его расторжения, а также права и обязанности сторон.

Обычное право чеченцев, которое охватывало все стороны их жизнедеятельности, в основном опиралось на принцип наказания за содеянное злодеяние.

В обычном праве, помимо кровных преступлений, были регламентированы и преступления против собственности. Адат не делал никакого принципиального различия между кражей, разбоем и грабежом. Всякое похищение чужой собственности классифицировалось как воровство и именовалось *къола*. По чеченскому адату наиболее гнусным преступлением считалось

похищение какого-либо имущества из дома односельчанина. Поскольку в Чечне считалось неприличным закрывать на засов двери сакли, то покушение на целостность имущества того или иного дома расценивалось как тяжелое оскорбление и неуважение к вековым устоям чеченского народа. Уличенный в воровстве в первый раз подвергался наказанию в виде десятикратной уплаты стоимости украденного, а также он был обязан зарезать двух коров, мясо которых полностью распределялось между сельчанами. В случае повторения кражи, согласно чеченскому адату, повинный в содеянном подвергался двадцатикратному штрафу и изгонялся из родного села. В обычном праве чеченцев была развита система доказательств по уличению виновного. Доказательствами в обычном чеченском праве считались любые фактические данные, указывающие на причастность подозреваемого к содеянному злодеянию. Однако чеченцы в качестве доказательств, имеющих существенное значение, рассматривали три вида таковых: присяга (*дуй баар*), свидетельские показания (*тоьшалла*), вещественные доказательства.

В языческий период в качестве клятвы чеченцы использовали упоминание языческих богов, с принятием мусульманства стали присягать на Коране. Очистительная клятва имела большое значение в адатных нормах, и считалось, что всякий, преднамеренно произнесший лживую клятву будет подвергнут суровому наказанию в судный день.

Процесс принятия присяги у чеченцев распространялся на все уголовные и гражданские дела. Во время разбирательства дел по воровству и многим другим преступлениям в чеченском народном суде весьма часто случалось, что к обвинению ответчика не представлялось никаких других доказательств, кроме одного только подозрения. При таких обстоятельствах, согласно чеченским адатам, в определенный день, установленный судьями, ответчику назначалась очистительная присяга, в которой должны были принять участие и его родственники: они обязаны были под присягой подтвердить, что ответчик неповинен в том или ином злодеянии. Считалось, что доказательственное значение имеют физические свойства вещественных доказательств (напр., размер следа), их местонахождение (напр. похищенная вещь обнаружена у обвиняемого), либо факт их создания (изготовления) или видоизменения, поскольку вещи, носящие признаки содеянного, являлись носителями доказательственной информации.

В обычном праве чеченцев человек, который занимался предоставлением доказательственной базы, должен был отличаться высокими нравственными качествами и незапятнанной репутацией. При этом он должен был быть абсолютно не заинтересованным в исходе дела лицом, не связанным кровным родством с участниками разбирательства. Адаты чеченцев устанавливали пределы судебного разбирательства, т.е. указывали, что может быть предметом судебного исследования и судебного решения по переданному в суд делу, и определяли, какие вопросы в судебном разбирательстве разрешить было нельзя. Адат не допускал рассмотрение дела в отношении лиц, которым не было предъявлено обвинение. Установленные ограничения пределов судебного разбирательства по адатному праву способствовали строгому соблюдению главного принципа адата – установлению и конкретному наказанию виновного лица.

По адату все участники судебного разбирательства должны были явиться в установленный судом день, неявка ответчика в суд становилась прямым основанием для определения и признания его виновности. Категорически не допускалось задавать наводящие вопросы, содержащие намек или наталкивающие на определенный ответ. После проведения всех судебных действий и исследования доказательств судьи уединялись для вынесения решения. Решение суда по рассматриваемому делу должно было быть единогласным. В случае непринятия единого судейского решения собирался новый состав судей, который решал дело повторно. В обычном праве, равно как и в современном законодательстве, существует два вида приговоров: оправдательный и обвинительный. Оправдательный приговор, по адатному судопроизводству чеченцев, выносится в случае, если: а) отсутствует состав преступления; б) не установлено событие преступления; в) отсутствуют доказательства состава преступления.

При наличии одного из приведенных оснований происходило полное оправдание обвиняемого. Что же касается обвинительного приговора, то он, естественно, выносился в ходе судебного заседания, если вина обвиняемого была полностью доказана. Не допускалось вынесения обвинительного приговора, основанного на предположениях и домыслах.

Нормы обычного права регулировали все виды правовых отношений. Параллельно с адатными судами после принятия ислама в Чечне начали функционировать шариатские суды (*шаркI-кхел*). Если в адатном праве судьями могли быть избраны старики, знающие адаты и народные обычаи, то в шариатских роль судей выполняли ученые муллы и алимы, умеющие трактовать Коран. Нормы шариата и адата нередко приходили в противоречие друг с другом. Горцы имели возможность выбора суда, но решение по избранию шариатского или адатного суда должно было быть принято сторонами обоюдно. В компетенцию шариатских судов входило рассмотрение всех гражданских дел. Шариатское судопроизводство, в отличие от адатного, основывалось на арабской письменности. Решение, принятое шариатским судом, было скреплено подписью кадия и заверено печатью с аятом из Корана, исполнение вынесенного решения было обязательным для всех сторон.

Чеченский народ, опираясь на адаты как источник обычного права, имел достаточно развитую правовую систему и основанную на этой системе судебную власть в лице *Мехк-кхела*. Данная система права была сформирована путем эволюции и системы права чеченского народа, в результате которой происходила передача каждому последующему поколению адатов, по которым жил народ. Во главе различных вайнахских вольных обществ стоял верховный орган *Мехк-кхел* (букв. «Совет страны», или «Суд Страны»). *Мехк-кхел* собирался регулярно, как правило, для обсуждения общенародных вопросов и разбора частных споров (чаще всего два раза в год) в условленном месте. В экстренных случаях созывалось внеочередное собрание. В промежутках между собраниями полномочия его выполняли старейшины (*къаной*) во главе с председателем – руководителем *тамада* (*баьчча*). Как правило, *Мехк-кхел* представляли самые авторитетные местные старейшины (*къаной*), духовные лидеры и представители богатой части вайнахского общества (*Ахмадов*, 2002. С. 279). Пусть и устно, но чеченцы разработали строго регламентированную систему и таких процедур, как предъявление

претензий противнику, объявление войны, заключение мира, решение арбитражных вопросов, правила ведения военных действий. У них также существовали и строго выработанные правила приема в члены рода, право убежища, выдача преступников и т.д. (*Мамакаев*, 2009. С. 46).

Для введенных в результате реформ 1860–1870 гг. судебных учреждений были характерны принципы буржуазного права. Перестройка старого суда в соответствии с Судебными Уставами 1864 г. не была операцией одновременной и равномасштабной на всей территории России. Факторы российской пореформенной действительности, особенно социально-экономического, политико-правового, культурно-бытового развития горских народов Северного Кавказа XIX в. и колониальные цели, преследуемые властями, обусловили своеобразие административно-политического устройства, в том числе суда и правовой системы, вводимых царскими властями во второй половине XIX в. в национальных окраинах России, в том числе в Терской области.

Ввод гражданского управления в горских округах Терской области, безусловно, оказал определенное воздействие и на судебные учреждения. Однако судебная реформа в горских округах на деле была урезанной, суды состояли из: трех депутатов – горца, кадия и председателя – начальника или заместители начальника округа. Полное подчинение суда администрации сводило на нет ту «демократию» и «независимость» суда, которыми так гордились творцы судебных уставов 1864 г. в России. Что касается демократических и свободных выборов с тайным голосованием представителей (судей) от горцев, то это была лишь видимость. Во время выборов путем подкупов, уговоров и запугивания администрация на выборные должности, в том числе в качестве судей в горские словесные суды, проводила угодных себе лиц. По описаниям сенатора Н.М. Рейнке, во время предвыборной агитации «желающие попасть в депутаты не жалеют ни обещаний, ни угощений, ни денег; на подкуп выборщиков затрачиваются по несколько сот рублей... Баллотировка походит на продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горских судов». Если и при такой предвыборной кампании проходил неугодный администрации кандидат, «выборы признавались недействительными и назначались новые, по распоряжению начальника области» (*Рейнке*, 1912. С. 61, 68).

Приговоры Горских словесных судов считались окончательными, если они выносились по относительно незначительным преступлениям: денежные взыскания до 30 руб., арест до 1 месяца, возмещение убытка до 100 руб. и по гражданским делам, цена иска которых не превышал 100 руб. В других случаях апелляция и жалоба на решение горских словесных судов подавались на имя начальника области в месячный срок со дня объявления приговора. Как отмечает Н.А. Корганов, в Горских судах «в строгом смысле слова второй судебной инстанции не существовало, а все представлялось единоличному усмотрению начальника области и даже чиновника его канцелярии, который заведовал отделом жалоб на горский суд... Они рассматриваются одним из делопроизводителей канцелярии, не имея юридического образования ... И самый способ разрешения ...разнообразный: отменяя, например, приговор или решение, а иногда возвращает дело в тот же Горский суд для пересмотра» (*Корганов*, 1914. С. 53). У горского населения не было строгого различия между уголовными и гражданскими делами, в связи с чем

и приемы делопроизводства уголовных и гражданских дел в горских судах мало чем отличались. Нередко гражданские дела заводились по рапортам и протоколам полицейских чиновников. На практике почти все дела о кражах суды прекращали примирением потерпевших и виновных. Оправдательный или обвинительный приговор суда почти всегда зависел исключительно от принесения заподозренным или его сородичами (соприсяжными) очистительной присяги или от присяги потерпевшего. Для признания уголовного дела подследственным данному Горскому словесному суду необходимо было, чтобы обе замешанные в деле стороны были из числа горцев; преступление совершено в пределах того же округа, где действует данный горский суд. Если одна из тяжущихся сторон не относилась к горцам, Горский суд мог рассматривать дело лишь при согласии на то с обеих сторон.

Чеченские адаты, сохраняя внутреннюю структуру нормы, постепенно адаптировались к новым историческим условиям. Именно эти качества позволили адату, невзирая на то, что он основывался на устной передаче, закрепиться в сознании каждого чеченца как источник права. В чеченском обычном праве существовал так называемый фактор сдерживания, именуемый «позором и стыдом» – *эхь*, который предостерегал от совершения различного рода преступных деяний, чтобы не навлечь позор на свою общину. Степень совершаемых преступлений внутри общины была минимальной, так как лицо, совершающее злодеяния, осознавало, какие для него и его *тайпа* могут наступить негативные последствия. Наличие такого уникального по своему содержанию судебного органа в чеченском обществе, как *Мехк-кхел*, являвшегося как законодательным, так и судебным органом, свидетельствует о высокоразвитой правовой культуре.

ГЛАВА 6

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА XVIII–XIX ВЕКОВ

В XVI–XVII вв. русские источники называют горные общества чеченцев «землицами» (Окоцкая, Шибутская, Мерезинская, Калканская и т.д.). Соответственно именовались проживаемые на этих территориях локальные этнографические группы: «окоцкие люди», «шибутские люди», «мерезинские люди», «калканские люди» и т.д. В источниках XVIII–XIX вв. данные «землицы» назывались «обществами» или «вольными» обществами. Под термином «общество» в кавказоведческой литературе XIX в. подразумевалась сельская община или группа сел (*Харадзе*, 1968. С. 182). Политическое устройство сельских обществ чеченцев в рассматриваемое время было во многом схоже с дагестанскими «вольными» обществами (*Исаева, Исаев,* 1982. С. 45). «Неточным термином «вольные» общества» (введенным русскими исследователями XIX в.), – отмечает В.Г. Гаджиев, – в исторической литературе именовались относительно независимые от посторонней власти раннефеодального типа сельские общины, объединенные в один союз вокруг более крупного селения» (*Гаджиев*, 1981. С. 25).

Для обозначения того или иного общинного института нередко служило несколько терминов: род, фамилия, община, братство, тайп, тукхум. Так, патронимия обозначалась терминами *гар*, *тайп* или *тукхум*. Часто под «тукхумом» имелось в виду село или несколько сел. Это было связано с тем, что социальная сущность данного термина менялась вследствие изменений, происходивших в социальных отношениях (*Исаева, Исаев,* 1982. С. 45). М.О. Косвен писал по этому поводу, «что в этой терминологии является обозначением отдельной формы и что синонимом, что автор разумеет под тем или иным названием, чем эти формы различаются и каково их соотношение – судить сложно» (*Косвен*, 1961. С. 22). При всем этом М.О. Косвен предпринял серьезную попытку дифференцировать общинную терминологию. Так, для обозначения патронимии у народов Северного Кавказа, – считает он, – служат иноязычные термины «тохум» и «тайпа», несколько токхумов вместе образуют село, называемое «обществом» или «джамаатом» – соседской общиной (*Косвен,* 1963. С. 187–188, 1963а. С. 125). Большой вклад в исследование семейной и сельской общины чеченцев – «джамаата» внес А.И. Робакидзе (*Робакидзе*, 1982). Соседская община как хозяйственно-административная организация и форма землепользования у чеченцев просуществовала до начала XX в., хотя уже и потеряла свое первоначальное

значение. Для нее была характерна индивидуальная собственность отдельных семей (пахотные, покосные, частично-пастбищные земли) и собственность общинная (пастбищные, лесные угодья, пустующие и неудобные для пользования земли) (*Исаева, Исаев*, 1982. С. 43).

Будучи на протяжении продолжительного времени социальным коллективом непосредственных производителей, сельская община отличалась многообразием функций, охватывающих по существу все основные стороны жизни крестьянства. Община ведала земельными и хозяйственными делами, выполняла податные, административно-управленческие и судебные функции, осуществляла воспитательные, культурно-бытовые и религиозные мероприятия, выступала выразительницей мнения крестьян (*Невская*, 1985. С. 41–47). На протяжении веков она была важнейшим элементом системы производственных, организатором хозяйственной деятельности, вершителем суда, хранительницей нравственности.

Письменная источниковая база изучения истории сельской общины у чеченцев появляется с середины XIX в., когда начинается запись адатов и законодательных актов народов Северного Кавказа.

В XVIII – первой половине XIX в. чеченская сельская община была одним из низших звеньев в политической организации общества и состояла в основном из малых семей. Члены общины были связаны не кровным родством, а общностью территории, совместным владением земельными угодьями. Для общин характерно господство частной собственности на двор, скот, пахотные и покосные земли. Общинная собственность сохранялась на леса, выгоны и пастбища. Кровнородственный принцип расселения был нарушен. Большинство сельских общин делилось на кварталы, жители которых не обязательно должны были быть родственниками; территориальные связи вышли на первый план.

Народ сам создавал сельское управление, основанное на территориальных началах. Несмотря на то что сельская община Чечни имела собственность на выгоны и пастбища, все же индивидуальная собственность в ней преобладала. Коллективная собственность уступала место частной, между общинниками возникало неравенство, порожденное социальным и имущественным делением, земельные угодья переходили в частную собственность.

Социальные группы, в основе которых лежали родственные связи, постепенно теряли свою главенствующую роль в общественном быту. О былом тайповом единстве свидетельствовали совместные поселения представителей тех или иных родов, родовые (тайповые) кварталы внутри сельской общины, тайповые кладбища, соблюдение экзогамии внутри тайпов, взаимопомощь среди родственников и т.д.

Семейная община у чеченцев функционировала в полной мере, сохраняя коллективную собственность на скот и земли, коллективный труд и совместное уравнительное потребление. Кроме больших семей в XVIII – первой половине XIX в. в чеченскую сельскую общину входило большое количество малых, которые вели свое индивидуальное хозяйство.

Родовые (тайповые) связи внутри сельской общины чеченцев оставались прочными, членов сельской общины сплачивали общие интересы: защита собственных земель, охрана населения и скота, проведение

и поддержание в хорошем состоянии ирригационной системы и т.д. Безусловно, тот уровень хозяйственного развития в Чечне в XVIII – первой половине XIX в., который обеспечивался сельской общиной, создавал необходимые условия для поступательного развития чеченского общества.

В горной части Чечни шел процесс объединения нескольких небольших семейно-патронимических образований в селения, составлявшие сельскую общину. «Социальный смысл этого явления состоит в дальнейшем разрыве с остатками прежнего деления по кровному родству, – указывает В.Б. Виноградов, – унаследованного от доклассового общества, и одновременно стихийной попытке вернуться к системе независимых крестьянских общин» (*Виноградов*, 1981. С. 46).

На равнинной же территории селения чеченцев с момента своего основания были уже не родовыми (тайповыми) поселками, а соседскими, в которых объединялись различные тайпы; внутри селения представители тайпов селились отдельными кварталами. Экономической основой сельской общины являлись: общинное землевладение, основанное на земельных угодьях (пастбища, зимние стойбища и летние кутаны, сенокосы, лес). Пашни в Чечне были небольшими и зачастую являлись скорее приусадебными участками, нежели пахотными угодьями.

По мере развития социальных отношений происходило обособление чеченских селений, которые развивались несколько изолированно друг от друга со своим замкнутым натуральным хозяйством, своими аульными землями и внутренним общинным управлением.

Сведения о формах землевладения и землепользования чеченских крестьян о них появляются в XIX в. В это время в чеченской общине фиксируется индивидуальная собственность отдельных семей (пахотные, покосные, частично пастбищные земли) и собственность общинная (на пустующие и неудобные для пользования земли). Так, согласно сведениям Н.Н. Харузина, существовали следующие формы землевладения у горцев Чечни: земли частновладельческие с правом наследования (пахотные земли и часть покосных) и земли общие (пастбища, леса, часть покосных земель). О частной форме наследственного землевладения у чеченцев в прошлом писали многие авторы (*Харузин*, 1888. С. 82–83; *Иваненков*, 1870. С. 35; *Россикова*, 1895. С. 14). В большинстве своем дореволюционные источники указывают на существование в чеченском обществе в прошлом двух форм собственности на землю: индивидуальной и общинной. Встречаются и утверждения о том, что в XIX в. господствующей в землевладении чеченцев была передельная система (*Вертепов,* 1892; *Максимов*, 1893).

Первым из исследователей XX в. на наличие в прошлом условий для раннего развития наследственного землевладения у чеченцев указал Б.В. Скитский (*Скитский*, 1959. С. 67). Данную точку зрения поддержал Б.А. Калоев, который считал, что в частном владении находились пахотные и покосные земли, а общинные владения составляли пастбищные и лесные угодья (*Калоев*, 1960. С. 348).

На основе этнографического материла И.М. Саидов убедительно показал наличие у чеченцев частной собственности на пахотные земли,

сенокосы, часть пастбищ и лесов как в горах, так и на плоскости. Общими или запасными оставались в основном высокогорные пастбища, неудобные для использования места (скалистые берега, русла и т.д.), а также ограниченные участки леса (*Саидов*, 1968а. С. 169). Н.П. Гриценко по этому поводу писал, что «на протяжении веков у горцев существовал обычай, по которому пастбищные угодья являлись общинной собственностью, а пахотные, приусадебные и покосные земли были на правах частной собственности» (*Гриценко*, 1963. С. 31).

В материалах Терской сословно-поземельной комиссии, созданной царской администрацией в 1860-е годы, содержатся ценнейшие сведения по различным аспектам земельных отношений у горцев, которые однозначно свидетельствуют о частновладельческом характере землевладения, о попытках введения системы переделов (*Исаев*, 1974. С. 104). Из другого источника явствует, что основанием землевладения в крае были: право наследования, покупка, принятие в дар и другие способы приобретения права собственности, «известные всем европейским законодательствам» (*Скитский*, 1959. С. 183–185). Об отсутствии передельной системы землевладения в более ранний период говорят архивные документы: «в чеченских аулах до проектирования наделов, строго говоря, не было общественного пользования землей в том смысле, как это существует в населениях государственных крестьян во внутренних губерниях России. Здесь пользовались сообща выгонными местами и лесом» (*Исаева, Исаев*, 1982. С. 50). Основной формой общинной собственности у чеченцев в XVIII–XIX вв. служила индивидуальная собственность отдельных семей на пахотные, покосные, иногда пастбищные земли. Второй формой была общинная собственность. Общинные земли служили дополнением к индивидуальной собственности.

Общественная жизнь сельской общины регулировалась народными собраниями (*халкъан гулам*) и сходами, которые постепенно попадали под влияние имущей господствующей прослойки. Народное собрание, сход, суд включали представителей от конкретного «тайпа» села, квартала (*купа*), двора и большой семьи (патронимии). Народное собрание имело полномочия решать общественные, судебные, хозяйственные и другие дела рядовых общинников села (*Магометов*, 1978. С. 70).

Все вопросы, возникавшие в большой семье, решались на совете (*кхеташо*) членов патронимии. Сход всей сельской общины представлял определенное звено его структуры. Сельский общинный суд (*кхел*) регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок пастьбы скота, сроки пахоты и время начала сенокоса, занимался примирением кровников, решал вопросы ремонта и строительства дорог, мостов через реки, сооружение ирригационных систем и другие хозяйственные проблемы (*Хасбулатова*, 1981. С. 93).

Были известны также сходы советов регионального масштаба, когда выступали советы нескольких сельских обществ со своими объединенными функциями. Так, в XVIII в. собирался совет равнинных чеченских сельских обществ в с. Герменчук, сюда съезжались и кадии из близлежащих сел. Верховным органом управления политической и экономической жизнью

чеченцев в это время являлся Совет страны – «Мехк-кхел» (*Саидов,* 1968а. С. 205).

Общий контроль за деятельностью органов власти на территории всей сельской общины осуществлял старшина села, который избирался всеми членами сельского общества. В распоряжении сельского старшины находилось несколько исполнителей из этой же среды, которые были наделены народом различными правами, вплоть до применения силы. Специально избранный на сходе села глашатай постоянно оповещал общинников села о принятых решениях (*Магометов*, 1978. С. 53). Как известно, преступления и проступки морально-нравственного характера осуждались в чеченском обществе и через институт общественного мнения. Наиболее применяемыми были формы общественного осуждения: *цIе яйар, цIе кхабар, юьртара ваккхар* – изгнание из села; *махках ваккхар* – изгнание с чеченской земли. У чеченцев существовали такие формы остракизма, как: *цIе яйар* (потерять имя), или *цIе кхабар* – запрет на произношение имени человека, совершившего недостойный поступок.

Была и другая форма общественного воздействия – *карлагIа йогIар*, когда на месте совершения позорного проступка или преступления в землю вбивали столб или возводили кучу мусора, в которую каждый прохожий должен был бросать камень или кусок земли, произнося проклятие в адрес преступника. У чеченцев существовало также общественное порицание *хIуй кхайкхор* – провозглашение проклятия преступнику и позора его дому по всему селению или по всем ближайшим селениям. Такое осуждение преступника совершалось по решению «Совета старейшин» или Собрания жителей селений. Оно выражалось громким выкрикиванием всеми сельчанами проклятия: «Будь ты проклят, преступник!», «Будь проклят тот день, когда ты родился!», «Позор и проклятие дому, воспитавшему такого преступника!», «Позор и проклятия твоим родителям и потомству!» и т.д. (*Саидов*, 1964. С. 128). В народе сохранились воспоминания, когда целые села сжигались, а жителей жестоко наказывали за то, что они (преступники) осмелились не покориться общей воле народа (*Исаева, Исаев*, 1982. С. 52).

В рассматриваемое время на равнинной части Чечни органы общественного управления носили ярко выраженный классовый характер. Общественные должности здесь теряли свой выборный характер, все назначались и снимались лично самим владетелем, а Совет старейшин сохранил при нем только совещательные функции. Однако не все сельские общества управлялись общинными Советами. Отдельные общества сел равнинной Чечни управлялись князьями по наследству (*Ахмадов*, 1980. С. 57).

К концу XIX в. традиционные формы земельных и социальных отношений в сельском обществе чеченцев подверглись определенной трансформации. Углубляются и расширяются торгово-экономические и культурные связи чеченцев с Россией и северокавказскими народами. Происходит четкая, более ярко выраженная социальная дифференциация сельской общины чеченцев. В обществе сосуществуют различные социальные категории людей: социально-имущая категория – князья, мурзы, владельцы, богатые, знатные уздени, почетные и влиятельные старшины, мусульманское духовенство; социально-зависимые категории людей – холопы, *лаи, ясыри*, работные люди и т.д.

ЭТИКЕТНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ НОРМЫ

Одним из основных компонентов духовной культуры любого народа являются этнические традиции, в число которых входит и этикет, т.е. исторически сложившаяся система традиционных норм и стереотипов поведения того или иного народа.

В нормах этикета отражаются особенности бытовой культуры народа, его обыденное сознание, конфессиональные и этнопсихологические установки, возникшие порой еще в далекой древности и в своей основе сохраняющиеся до сих пор.

Передававшиеся из поколения в поколение традиционные нормы поведения имели отношение практически ко всем сторонам социальной жизни общества: рождение ребенка, вступление в брак, трудовая деятельность, повседневное общение в семейном быту и труде, общественное поведение, формы досуга.

Совокупность этикетных норм поведения любого народа строится на представлениях о некоем положительном образе «идеального» члена своего общества и на том, как он должен вести себя в определенное время, в определенной обстановке и в определенной роли. У каждого народа исторически складывается свой эталон поведения, а нормы национального этикета предписывают члену общества следовать заданному эталону в каждой конкретной ситуации.

Этикет определяется как «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры, одежда)» (Словарь по этике, 1983. С. 431). Этноэтикет – понятие не только социальное, но и историческое, т.е. меняющееся в разные исторические эпохи, связанное в первую очередь с тем или иным типом общества. Изучение этнических традиций дает возможность понять некоторые стороны общественного сознания, социальной и этической психологии, а также позволяет рассмотреть под новым углом зрения уже достаточно известные науке явления, включив их в систему нравственно-этических представлений и норм повседневного поведения.

Соблюдение требований этноэтикета зависит от того, насколько жестко поведение каждого члена общества регламентировано традицией. В системе обычного и семейного права чеченцев этикет занимал и занимает важное место, причем особый интерес представляют нормы поведения, связанные с взаимоотношениями членов семьи и общества в различных жизненных ситуациях.

Изучение чеченского этноэтикета затрагивает различные проблемы: этику труда, где рассматриваются нормы поведения и особенности межличностных отношений в период сельскохозяйственных работ; формы и виды общественной взаимопомощи (*белхи*); этику проведения досуга и разного рода праздников (*синкъерам* – вечеринка, *хийист* – свидание у родника; *чу къайкхар* – приглашение в дом), куда входят и нормы поведения молодежи; вопросы гостеприимства и этика застолья – нормы взаимоотношений представителей разных поколений (авторитет стариков в семье и в обществе,

дифференциация форм приветствий и прочие формы поведения; этика внутрисемейных отношений).

Говоря о внутрисемейных нормах поведения, следует сказать об отношениях между супругами и отметить, что «мужское» и «женское» пространство в чеченском обществе занимают разные локусы: женское ограничено определенными рамками в комнате, на улице и т.п.; «мужское» – не имеет границ. Если мужское пространство на территории селения было локализовано в его центре, то женское было рассеяно между отдельными домами и усадьбами. И хотя женщины все же имели собственные центры (общественные печи – *юрта куьрк* для поджаривания кукурузы, *хийист* – источник, место ежедневного общения женщин), однако общественный вес этих центров менее значимы по сравнению с мужскими. С другой стороны, у чеченцев женщина, жена выполняла важную функцию хозяйки дома, о чем говорят сами названия: *цIен нана* – хозяйка дома, *цIера нана* – хозяйка огня. Традиционно у чеченцев, как и впрочем и у других народов Кавказа, дом делился на мужскую и женскую половины по линии, условно проходящей через очаг. Очаг являлся символом стабильности семьи (*Карпов*, 2003. С. 54).

Самым существенным качеством мужчины, мужа (*къонах*) было его отношение к своей семье, жене, его нравственность, чистоплотность, верность слову. По воззрениям чеченцев, за достоинство и честь семьи отвечал мужчина – глава семьи. И от мужчины, мужа требовались порядочность, трудолюбие, умение обеспечить семью материально. Важным было иметь как высокую культуру чувств, так и культуру поведения. Чеченцы-мужчины в прошлом никогда при людях не говорили о своей жене (не ругали и не хвалили), и лучшим показателем чувств были поступки. Даже в том случае, если жена не оправдывала доверия, муж не должен был поднимать на нее руку. Это считалось унижением себя и семьи, пресекалось старшими.

Существенной частью традиционного этикета были обычаи «избегания». Жена не должна была показываться вместе с супругом в обществе старших, не могла называть мужа по имени, не называла по имени также родственников мужа, близких и дальних *(Зиссерман,* 1879. С. 273). Обычаи «избегания» строго соблюдались у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа (*Никишенков*, 1999. С. 115). К ним можно отнести и традицию, согласно которой мужскую и женскую одежду не только стирали, но и вывешивали сушить отдельно. Постыдным считалось также вывешивать на виду нижнее белье и постельные принадлежности, и сейчас женская одежда вывешивается в скрытом от глаз месте… В настоящее время эти «обычаи» значительно упростились, поскольку повседневная жизнь требует постоянного общения друг с другом.

Обычай «избегания» не связан генетически с патриархальной униженностью женщин (снох) и других младших членов семьи, хотя, как известно, и ассоциируется с их приниженностью. Эти обычаи выполняли социальную функцию своеобразной защиты, в них могли найти свое выражение такие качества, как стыд, скромность, уважение, нежелание психологически травмировать другого. Чеченцы и сейчас говорят: «Хаза гIиллакх – ах дуьне ду (Вежливость, нравственность – полжизни)»; «Эхь бехк – диканан дакъа ду (Скромность, стыдливость – составная часть благочестия)». Обычаи «избе-

гания» как устоявшиеся стандарты общения сохраняются в некоторой степени и сегодня.

Отношения свойства – *захал* также обуславливали определенные нормы взаимоотношений между отдельными семьями и фамилиями, соседями, включая всех жителей данного селения – близких соседей (*уллер лулахой*), односельчан, оказывающих помощь (*накъосталла*).

Особые нормы этикета были характерны для связанных определенными производственными задачами (взаимопомощь *белхи*; долевые объединения по совместному владению какой-то собственностью – упряжкой быков и др. *цхьана тоьхна бахам, тайпана бахам*) и специфическими внутриобщинными отношениями, складывавшимися в среде молодежи, посещавшей вечеринки (*синкъерам*), родники (*хийист*), свадьбы (*ловзар*).

Этнические и социальные основы чеченских норм поведения соприкасаются непосредственным образом в этикете труда – в нормах поведения при выполнении тех или иных хозяйственных работ, возникавших при этом традиционных формах личных контактов и отношений. В конце XIX – начале XX в. принципы распределения трудовых обязанностей в чеченских семьях были в целом традиционными, хотя те или иные технические новшества и социальные изменения оказывали влияние на нормы поведения старших (*цIийнда* – хозяин дома, *хIусам нана* – хозяйка дома) и прочих членов семьи при распределении трудовых обязанностей.

Сложившиеся нормы определяли поведение чеченских крестьян в начале пахоты, сева, жатвы, сенокоса и других сельскохозяйственных работ. Трудовая традиция закрепляла устойчивый ритм сельскохозяйственного производства, находивший идеологическое обоснование в крестьянском мировоззрении и регулировавшийся семьей. Внутрисемейные и общинные этические отношения и нормы поведения чеченцев, которые были устойчиво связаны с взаимоотношением и поведением в сфере хозяйственной деятельности, во многом были подчинены этому ритму, задачам его соблюдения, сохранения и подключения к нему новых поколений.

Своего рода эталоном «горского этикета» для чеченцев были различные фольклорные произведения, всегда содержавшие в себе определенные поведенческие рекомендации. Известно, что регламентированное поведение в любом традиционном обществе, где «все и вся на виду», всегда более или менее этикетно, «идеальный субъект» чеченской этикетной культуры даже наедине с самим собой всегда соотносит свои действия с мнением «всего общества» – с тем, «что скажут люди». В целом же этикетные правила основаны на традиционных моральных ценностях, они предусматривают высокую степень этикетности поведения во всех сферах личной жизни, причем в своем доме эта степень лишь ненамного ниже, чем в гостях или в обществе. Когда же правила этикета нарушаются достаточно серьезно, начинает действовать механизм посредничества, в какой-то степени снимающий напряженность и нормализующий ситуацию.

Приветствия являются одной из наиболее элементарных и распространенных форм этикета. Особенность чеченских приветствий заключается в том, что в них находит отражение традиционная культура равенства. Младший по возрасту словесно обозначал свое уважение к старшему в зависимости от того, в какой ситуации они соприкасались: день это, утро или вечер и т.д.

В любом случае молодой человек или молодая женщина должны были справиться о здоровье, вежливо поприветствовать: «Ваша, муха ву хьо?». «ДегI муха ду хьан?»; «Могуш вуй хьо?» («Ваша, как вы?» «Как ваше тело?» «Как чувствуете себя?» «Здоровы ли вы?») и уступить дорогу. В ответ старший благодарил приветствовавшего: «Дукха вахийла хьо!», «Дукха яхийла хьо!» («Долгой жизни тебе!»).

Чеченская традиционная культура общения основывается на принципиальном равенстве всех людей. Поэтому тот, кто ехал верхом, первым приветствовал пешего; тот, кто шел с горы вниз – того, кто поднимался. Знаки внимания оказывались слабому, бедному, чтобы те не чувствовали своего ущербного положения. Народная мудрость гласит, что если ты на коне, конь может пасть через несколько шагов, а тот, кто был пешим – завтра может оказаться верхом на скакуне. Недаром в чеченском фольклоре красной нитью проходит мысль, что среди людей всегда найдется тот, кто сильнее сильного, кто умнее умного, богаче богатого, поэтому проявление кичливости считалось недопустимым. При появлении пожилой женщины все, в том числе и мужчины, даже старики, поднимались и стоя приветствовали ее. Когда мужчина и женщина шли вместе, женщина находилась с более почетной правой стороны. При встрече на улице мужчина уступал женщине правую сторону дороги.

Наиболее общим приветственным обращением у чеченцев друг к другу является «Марша вогIийла» («Приходи свободным!»).

В слово *ваша* чеченцы вкладывают особый смысл. *Ваша* – это прежде всего брат; *ненан ваша* – брат матери, *ден ваша* – брат отца – т.е. родственник по отцу или матери. *Ваша* – это также посторонний дядя, мужчина, уважительное отношение подчеркивается этим словом. Это также и обращение к постороннему человеку.

Обращение к человеку с соответствующим приветствием является элементарной обязанностью каждого, независимо от степени знакомства, пола, возраста, места и времени встречи: «Дуье дика дойла! Суьйре дика йойла» («Добрый день! Добрый вечер!»).

Некоторые формы приветствия сопровождаются определенными жестами, которые допустимы не во всех ситуациях. Например, рукопожатие – не просто приветственный жест. В него вкладывается определенный смысл, так как с древнейших времен рукопожатие означает примирение между двумя врагами, между враждующими сторонами, враждующими тайпами. Обряд примирения кровников также завершался рукопожатием. Этот до сих пор бытующий у чеченцев ритуал называется *куьйге дахар* (досл.: «сошлись руками»). После совершения этого ритуала враждующие стороны или кровники уже не имеют права поднимать друг на друга руку. В древности жест рукопожатия служил не только для примирения. Рукопожатием в виде приветствия не обмениваются два человека, между которыми потенциально не может быть никакой вражды или мести, например, близкие родственники, особенно родственники жены. Поэтому, если кто-либо задумал жениться, он заранее избегает родственников своей избранницы, чтобы не попасть в неловкое положение, если ему подадут руку. Табуировано рукопожатие между мужчиной и женщиной, а также старшим и младшим по возрасту. Хотя в этой сфере существуют исключения, когда старший сам подает руку

младшему. По народным представлениям, инициатива младшего рассматривается как недопустимая фамильярность и невоспитанность. Для каждой из указанных групп людей существует особая форма приветствия, тщательно регламентированная народным обычаем. Приветствие в виде объятий у древних нахов означало: «Я принимаю тебя к сердцу»; «Ты стал еще ближе к нам». Девушки до замужества не обнимали мужчин-гостей, родственников, а только приветствовали их словесно. У всех древних народов это трогательный обычай доброжелательности и особого тепла. Крепкие объятия с возгласами «Марша ва хьо!» («Как я тебе рад») бытуют у гостеприимного чеченского народа. Рационально и эстетично смотрится классический ритуал приветствия, в котором гармонично сочетаются национальная традиция и исламские ценности. Речь идет об общепринятом во всем мусульманском мире приветствии в форме миропожелания «Ассалам алейкум», после которого мужчины пожимают друг другу руки.

Если кто-то подошел со словами приветствия, сидящий обязан встать, полностью выпрямившись. Если подошедший моложе, вежливость требует встать перед ним или хотя бы привстать. Об этом говорит чеченская пословица: «Даже ворон встает, когда к нему подлетает другой ворон».

Считается большим оскорблением не принять протянутую для рукопожатия руку. Это приводит к серьезным последствиям вплоть до выяснения отношений между двумя тайпами. Связано это с тем, что у чеченцев не принято здороваться за руку с теми, кто совершил какой-либо антиобщественный проступок. В старинных чеченских песнях «Илли» нарт-богатырь через семь гор преследует того, кто не ответил на его рукопожатие, чтобы выяснить причину такого неуважения к себе и бросить вызов его поведению.

Согласно традициям кровной мести считается позором не принять протянутую со словами приветствия руку кровника в случае непредвиденной встречи. Обычай обязывает чеченца пожать руку кровника и тем самым исключить любую форму агрессии.

Издревле чеченское общество, пользуясь современным языком, осуществляло строгий мониторинг за сохранением и упрочением мира, общественной стабильности. После ссоры мужчин, которые повздорили или подрались, но не находятся в состоянии кровной мести, примиряют посредством рукопожатия. Этот обычай направлен на то, чтобы предотвратить рецидив конфликта, который может возникнуть на почве прежних обид и иметь гораздо более тяжкие последствия. Нередко самые кровавые схватки прекращались, если женщина, особенно пожилая, появлялась со снятым головным убором среди сражающихся.

Самыми распространенными традиционными формами приветствий для всех возрастных категорий служат: *Іуьйре дика йойла*! (Доброе утро!); *Де дика дойла!* (Добрый день!); *Суьйре дика йойла!* (Добрый вечер!); *Буьйса декъал йойла!* (Доброй ночи!).

Ответом на все эти приветствия служат словосочетания: *Диканца дукха вехийла* (*ехийла*)*!* (Живи долго с добром!) или *Далла воьзийла* (*йоьзийла*)*!* (Пусть тебя любит Аллах!).

Широко распространена у чеченцев форма приветствия в виде объятий. Существуют строго определенные правила совершения этого приветственного жеста. Младший из обнимающихся должен делать это таким образом,

чтобы левая рука старшего оставалась сверху, а сам должен слегка согнуться и податься вперед левым плечом. Считается неприличным полностью сливаться в объятии, должны соприкасаться лишь руки и плечо. Приветственное объятие между мужчиной и женщиной, если между ними нет родства, совершенно исключено.

Для каждого значимого случая домашней, общественной или хозяйственной жизни существует своя форма приветствия и благопожелания. Например, занятому какой-либо работой человеку желают: «Пусть будет счастливым твой труд!» Обычно в соответствии с выполняемой работой должна меняться и форма приветствия. Скажем, человеку, занятому покосом, говорят: «Пусть будет солнечно для тебя!»; занятому посевом или прополкой: «Пусть вырастет все у тебя в изобилии!»; рубящему дрова: «Пусть горят на радость тебе!»; принимающему пищу: «Ешь на радость!»; тому, кто приобрел обновку: «Носи на радость!» Отведав пищи в гостях, обычно говорят: «Пусть не иссякнет благодать в этом доме!» или «Пусть тебе зачтется милостыней то, что я отведал в твоем доме!» На свадьбе чеченцы выражают такое пожелание: «Пусть Бог даст благополучия! Пусть бог даст согласия!» Родственникам невесты (чаще всего матери) желают: «Пусть Бог наградит ее! Последствия пусть будут благополучными!» При рождении сына говорят: «Пусть Бог сделает его полезным членом семьи! Да продлит Бог его жизнь!», а при рождении девочки, помимо сказанного, добавляют еще: «Да сделает ее Бог сестрой семи братьев!»

В рамках общины в первую очередь происходило становление и формирование общественного мнения о человеке, оно же регулировало отбор, сохранение и закрепление тех или иных этических воззрений и соблюдение этических норм, причем первую роль в этом играло мнение семьи и родственников, за ее пределами – ближайших соседей, затем селения. В повседневном быту чеченцев, в постоянном общении во время коллективных работ, праздников (свадеб, вечеринок, завершение *уразы*) естественно проступали и демонстрировались черты характера, соблюдение общепринятых норм поведения, а также осуждались или подвергались критической корректировке отклонения от них. Так сельская община, как основная ячейка, утверждала становление общественного человека, которое должно было соответствовать устоявшимся этическим традициям чеченцев.

Своеобразные народные собрания на сельской площади *майданах* или в мечети *маьждигехь*, а также сельские сходы (*гулам*), где происходил устный обмен информацией, новостями, играли большую роль в воспитании молодежи. В таких местах поведение чеченцев обычно не имело четкой определенной регламентации и главным образом должно было зависеть от той или иной социально-психологической ситуации и характера рассматриваемых вопросов, будучи относительно произвольным для отдельного человека и многообразным по стилю в целом. На подобных сельских сходах, кроме хозяйственных вопросов и проблем общественной жизни, большое внимание уделялось анализу поведения молодежи. Сборы взрослого населения общины, где главную роль играло мнение уважаемых сельских авторитетов (в первую очередь стариков, умудренных жизненным опытом), были своеобразной школой «поведения», школой «обучения». Обсуждались здесь и конфликты (между разными *тайпами, гарами*). Внутрисемейные, частные

конфликты, как правило, редко выносились на общественное обсуждение, это считалось неприличным («чуьра дов ара ца даккхар – не выносить сор из избы»). На сельском сходе могли поднять и поднимались вопросы семейного раздела и выдела, мелких проступков, т.е. все вопросы, которые в разной степени касались интересов общины.

На сельских сходах, по сведениям современных информантов, любой из присутствующих держался относительно свободно, каждый мог говорить и говорил о чем он думал, но и здесь сохранялась определенная возрастная иерархия: «баккхий нах охьа ховшара, кегийнаш лаьттара, бакхий нахана юкъа ца лелхара, цера сий дора», т.е. люди старшего возраста сидели, молодые люди должны были стоять и не перебивали их, считались с ними. Большинство вопросов на таких сходах или местах сбора (*пхьоьха*) решались спокойно и мирно, иногда же – с шумом и криком; в целом, по современным полевым материалам, поведение собравшихся сохраняло «рамки приличия» и обычно до крупных скандалов не доходило, словесные оскорбления считались позорящими человека.

Напряженность, конфликтные ситуации, нападения (словесные) друг на друга и т.п. разрешались авторитетными людьми и все теми же умудренными жизненным опытом стариками. На сходе или в советах, на местах сборов предпринимались меры, чтобы предостеречь то или иное селение (улицу, квартал) от запятнания своей репутации какими-нибудь мелкими кражами на дорогах, буйствами, непристойным поведением с девушками, в последнее время – пьянством. В прошлом, как правило, в таких случаях обвиняли не дети, а их родителей, которые не сумели их достойно воспитать. Тогда старики прибегали к публичным призывам на сходе или у мечети, придавали поступку широкую общественную огласку, позорящую ту или иную семью.

Мнение о человеке проявлялось открыто и определенно как на сходе, так и в других местах. Жизнь чеченца, проходившая на виду у всех, давала основание для формирования точки зрения о том или ином человеке, его «общественном лице». В прошлом чеченцами это четко осознавалось, впрочем, до некоторой степени это сохраняет свое значение и в настоящее время. Однако любые сборы у родника, на вечеринке, во время взаимопомощи могло служить своеобразной ареной для апелляций к общественному мнению.

Чеченцы достаточно умело использовали для выражения своих претензий к общественному мнению художественные формы, которыми в массе своей они владели достаточно свободно, умея импровизировать в рамках любого жанра (в пословицах, поговорках, притчах). Например, «Умный больше слушает и меньше говорит» («Хекъал долчу ла дукха дугIа, къамел къезиг до», «Стаг ле, цуьнан гIуллакхаш, гIиллакхаш дуьсса» («Человек умирает, а его дела и нравственность остается»). Там, где невозможен был прямой выпад «на людях», претензии выражались в традиционной фольклорной форме. Ценным источником в этом смысле являются материалы по похоронной обрядности чеченцев – особенно причитания (*товжар*), которые выражали отношение к умершему и в некоторой степени определяли мнение соседей, родственников и других жителей селения (естественно, высказываемое на похоронах родственниками и односельчанами в иносказательной форме). Как отмечают люди старшего возраста, бывали случаи, когда о покойном не услышишь ни одного доброго слова и плача, а то, что говорилось, звучало

как-то неискренне. Однако в большинстве случаев все селение плакало об умершем, стараясь упоминать только его хорошие человеческие качества.

В деле создания репутации человека значительную роль играли его мастерство, трудовые навыки, умение наглядно и убедительно продемонстрировать их. На *белхи*, на сенокосе и других видах коллективных работ проявлялись индивидуальные возможности человека: сообразительность, сила, ловкость, трудолюбие, активная позиция. Чеченцы считались с мнением сельчан о девушке как о хорошей хозяйке в будущем. Это мнение особо принималось во внимание при выборе невесты. Оно складывалось в процессе наблюдения за ней в ходе работы, а также по косвенным данным, по результатам труда: на виду у всех была ее одежда, которую в прошлом (в большинстве случаев) она изготовляла сама. «Лела хууш ю, гIулкхана кади ю, бедар оьзда, гIиллакх долуш ю» («Умеет вести себя, хваткая в делах»), – говорили о понравившейся девушке. Или же наоборот: «Лела хууш яц иза, дIа-са идар бен гIуллакх дир долуш, деш яц» («Не умеет вести себя, только суетится, бегает туда-сюда, показухой занимается»). Смотрели на все: как одета девушка, как она держится на людях, активная она или пассивная, хваткая ли она, ленивая или трудолюбивая. Одно дело принарядить девушку и вывести в люди, но она должна была не только трудиться на «белхи», но и шустро прибрать за собой, проявить смекалку, проявить чувство коллективизма, общительность. Какова ее речь, как она держится в труде и в свободное от работы время, дружелюбна она или агрессивна – вот далеко не весь перечень тех поступков, на основании которых складывалось мнение о девушке. «Неха безам боцург – оьшуш яц» («Кого люди не любят – не нужна и нам»), – гласит чеченская пословица.

Чеченцы большое значение придавали отношению к труду и приучали детей к различным видам деятельности с раннего возраста, а над теми, кто не владел соответствующим мастерством и навыками, смеялись. О постоянном воздействии общественного мнения на формирование личности свидетельствуют насмешливые прозвища, прочно вошедшие в речевой оборот чеченцев: «хIинца вича сана ву (ю) иза» («будто сейчас родился (родилась) он (она)») или «лам тIера хIинц охьа веача (еача) санна ву (ю)» («словно только что спустился (спустилась) с гор он (она)»), «ТIе мотт хьакхаза ву» («Телка еще не облизала теленка»).

По мнению современных информантов, женщина или девушка, встающая с постели к обеду, никогда не будет хорошей хозяйкой. Об этом же говорят чеченские пословицы и поговорки: «Iуьйранна гIаьттинчун жи шала бехкина» («У того, кто встал рано, овца двойню принесла»), или «Iуьйранна вижина Iийначун ирс тIехдаьлла дIадахна») («Кто утром долго спал, тот свое счастье проспал»). Одним из достоинств молодой женщины-невестки считали ее привычку вставать раньше всех. У чеченцев бытовала притча такого характера: молодая женщина пожаловалась своей матери, что в семье мужа к ней относятся недружелюбно. Когда она встает и умывается, то полотенце всегда бывает мокрое. Мудрая мать дала дочери совет: а ты всем назло вставай раньше всех, умойся, полотенце будет сухим, займись своими делами. Дочь последовала совету матери и, вновь посетив ее, сказала, что сейчас у нее все хорошо: и вытирается она сухим полотенцем, и домочадцы довольны ею, приветливы.

В древности бытовал обычай изоляции женщин от мужчин. В один из дней недели (по полевым материалам, это была пятница) женщины всех возрастов приводили себя в порядок, обшивались, делали массаж, красили хной головы друг другу, причесывались, примеряли наряды, советовались, делились со старшими сокровенным, деликатными моментами: начало беременности, что можно, чего нельзя. К советам умудренных опытом тетушек прислушивались. В этот день женщины вместе угощались, веселились.

С мужским временем, как правило, ассоциировалась часть суток от восхода до заката. Бытовало представление о наиболее предпочтительном (удачном или необходимом) времени для активизации как мужской, так и женской деятельности и его постоянном чередовании. Думается, что в основе всех этих представлений реальный опыт наблюдения за космическими явлениями и их мифологическая интерпретация в народном сознании, связывающая светила – солнца и луну, а также планеты и созвездия, которые оказывают влияние на жизнь людей. Вместе с репутацией отдельного лица в чеченском обществе продолжала достаточно устойчиво сохраняться та или иная репутация семей, очень часто переходившая из поколения в поколение. Так, при выборе невесты наряду с другими положительными качествами во внимание принималось и то, что она происходит из хорошей семьи (*оьзда нахах ю*). Следует отметить, что в прошлом чеченцы придавали большое значение генетике: «ХIу бех да ца деза, цIена, оьзда неха ялуо еза зуда» («Брать невесту из хорошего рода, дабы не испортить породу»), – говорили чеченцы. Известно и такое выражение: «КIантана хIу лаха деза, йоIана цу лаха деза» «(Для юношей искать род, а для девочки – дом, благодать, благосостояние»).

Чеченская этика рекомендовала (в некоторой степени это сохраняется и до настоящего времени) возрастной принцип в формировании состава многих сельских собраний. Так, информант из селения Бачи-Юрт рассказал, что в их местности, как и по всей Чечне, после пятничной обеденной молитвы (*делкъа ламаз диначул тIаьхьа*) в мечети проводились поучения, советы (*хьехамаш бора*). После этого собравшиеся делились по группам: старшие, молодежь, подростки. Подобные деление мужской части населения аула для проведения свободного времени было традиционным. Семейным праздникам в основном был присущ смешанный половозрастной состав участников, что характерно и для других форм общения, связанных с коллективными работами.

Девушки и парни в свободное от работы время встречались на вечеринках. Часто такие встречи устраивались в честь приезда гостей или по поводу завершения уборки урожая, новоселья. Девушки из состоятельных семей одевались в самые лучшие наряды, причем меняли их два-три раза за вечер. Праздничные костюмы надевали и юноши. Принято было, что девушки никогда ни на какие вечеринки без приглашения не ходили, кроме того как к близким родственникам, девушек обязательно сопровождали снохи, родственницы или замужние сестры. На подобных молодежных вечерах у чеченцев считалось неприличным присутствие девушки одновременно с матерью. У чеченцев бытовал определенный круг традиционных норм и представлений о том, кто из девушек может принимать участие во встречах молодежи. Например, в присутствии близких родственников по мужской ли-

нии девушка не могла принимать ухаживания молодых людей, ибо «бехкий нах бу сан кхузахь» («здесь находятся те, при которых нельзя ухаживать»). Молодежь сама знала эти неписаные правила.

Девочки с 12–13 лет начинали ходить на вечеринки *синкъерам*, но полноправными участниками их становились только с 16–17 лет. Для чеченской девушки вопрос о посещении вечеринки всегда решался однозначно. Например, в семьях, где было двое или больше сестер, при решении вопроса о выходе на *синкъерам* вступали в силу представления о преимуществах старшей дочери в выборе жениха и выходе замуж, что оборачивалось некоторыми ограничениями для младших. Поэтому старшая сестра «на выход» постоянно одевалась в лучшие наряды, а младшая носила ее «обноски». По сведениям современных информантов, это не всегда определялось материальными причинами. До выхода замуж старшей сестры в большинстве случаев семья сознательно держала младшую дочь (или младших дочерей) в «черном теле». Если приходили смотреть старшую, нельзя было показываться младшей, это считалось неприличным (вдруг понравится младшая, как иногда и случалось). Впрочем, встречались семьи, в которых родители, имея нескольких девушек на выданье, одобряют выход замуж любой из них, – без установления очередности по возрасту. Обычно же, после того, как первая дочь выходила замуж, начинали одевать и наряжать следующую. В этот комплекс представлений органично входили и нормы поведения, связанные с положением сестер на вечеринке. Обычно туда приглашали старшую сестру, но вместе с ней могли посещать вечеринку и младшие или только одна следующая по возрасту сестра. Если старшая приходила туда нарядной, то младшая – в будничной одежде, чтобы не привлекать к себе особого внимания, поскольку это считалось неприличным. Она не садилась в ряд с взрослыми девушками, а стояла сбоку, с подростками, или за их спиной, не принимала ухаживания от молодых людей, не танцевала. На подобных встречах молодежи она только училась правилам этикета, т.е. была зрителем (*Хасиев*, 1982. С. 42).

Чеченские девушки в быту вели себя скромно, а на вечеринке – веселее, но так, чтобы это не выходило за пределы приличий и представлений о правилах «хорошего тона», поскольку о ней могли сказать: «Она слишком много смеется, это не совсем хорошо».

На вечеринках *синкъерам*, а также и на других увеселительных мероприятиях у девушек, как и у юношей, были свои ведущие *тхьамданаш*, как правило, это были старшие по возрасту, опытные, умеющие вести себя, остроумные, которые могли в любой ситуации владеть обстановкой. Ведущие несли ответственность за присутствующих на вечеринке. Молодежный *синкъерам*, можно сказать, жил своей сложной внутренней жизнью, в которой, безусловно, проявляли себя взаимоотношения, выходившие далеко за пределы простого проведения досуга.

В осенне-зимний период основным местом общения молодежи были какой-либо двор или дом селения. Собравшиеся делились на две группы: с исполнением какой-либо работы, например, лущение кукурузы, обработка шерсти, или без нее (*синкъерам, ирахь Iар*). Определенной дифференциации собраний молодежи (с работой или без нее) не было, как и регламента; собирались по мере необходимости.

В зависимости от местной традиции возрастной состав подобных сборов молодежи варьировался. Не было специальных подростковых встреч, не было определенного возрастного рубежа, который признавался достаточным для вступления в брак и давал возможность подросткам посещать такие места, не будучи женихами и невестами. По сведениям информантов из Шатойского и Ножай-Юртовского районов, во встречах принимала участие молодежь обоего пола 10–11 лет, в сел. Толстой-Юрт – от 10 до 13 лет.

Достаточно широко были распространены ограничения, связанные с нравственной репутацией. Чеченцы очень высоко ценили честь и достоинство девушек. На встречах молодежи выбирались будущие невестки, когда женщины «смотрели девушек», их умение общаться, работать, прилично вести себя «гIиллакх, оьздангалла коьрта хума ду» («Нравственность – это главное»).

Замужние женщины принимали самое активное участие во всех важных мероприятиях: следили за порядком, определяли отношения между молодыми людьми, – узнавали мнение девушки («тIе хабар хьора»), на такие мероприятия родители охотно отпускали своих дочерей, зная, что ничего плохого с ними не случится. *Синкъерам*, *ирахь Iар*, *белхи* и другие сборы молодых людей продолжались до позднего вечера и сопровождались песнями, танцами и шутками и, как правило, становились зачином новых отношений.

Девушки приходили раньше юношей и садились на скамейки – (менги), где-нибудь в дальней почетной части комнаты (*баьрчие*). Если это были белхи, то начинали работу (теребить шерсть, лущить кукурузу). Затем подходили парни группами и поодиночке. Девушки здоровались первыми. Парни садились напротив девушек, в противоположной стороне, но не рядом, поскольку могли нечаянно дотронуться до девушки или толкнуть ее, что считалось неприличным и не допустимым. Нескромные остроты и шутки осуждались, и обычно их не было. На высоком уровне стояли нравственные начала, поскольку религия и опыт жизни выработали самые строгие отношения между полами. Безусловно, эти правила поддерживались не одними только стариками, но строго соблюдались и молодым поколением, сдерживались личной совестью каждого. «Девушку даже под семью замками не сбережешь, если она сама этого не захочет», – говорили чеченцы.

Соблюдалась определенная этика во взаимоотношениях молодежи разных селений. Так, по традиционным воззрениям чеченцев, в честь гостя или гостьи хозяева дома, куда пришел гость, устраивали вечеринку *синкъерам*. На подобном мероприятии девушка селения, которое принимала гостей, несмотря на то что ее парень тоже присутствовал на этой встрече молодежи, должна была оказывать внимание гостю. Однако в их взаимоотношениях была определенная граница, согласно неписанному правилу: «Хьаша хьешанна ца кхочу» («Гостья не достается гостю»). Этот же тезис подтверждает и С. Хасиев: «было общепринятым правилом, если даже девушка приглашала к месту своего выезда парня (*тIаьхьа кхайкхина*), ухаживания которого были на более высокой ступени» (*Хасиев*, 1982. С. 44).

В традиционном чеченском обществе встречи молодежи находились под постоянным контролем старших – можно сказать, практически на виду у всех

жителей селения. Часто это выражалась в непосредственном наблюдении со стороны близких родственников и родственниц. Известно, что чеченские девушки на молодежные посиделки приходили не одни, а в сопровождении кого-либо из родных. Большое влияние на поведение оказывало общественное мнение, которое осознавалось каждым молодым человеком. При постоянстве определенных этнических традиций и норм морали, связанных с религиозно-нравственными представлениями чеченцев, существовал более поверхностный слой этики, охватывающий внешние формы поведения на молодежных встречах в зависимости от состава участников. Дифференцировано было поведение девушек одного и того же возраста в зависимости от очередности сестер «на выданье»: что-то разрешалось из дозволенного на вечеринках «синкъерам» и «белхи» в своем и чужом доме; различались между собой взаимоотношения сельской молодежи и молодежи из других селений – гостей. Этика в отношении «чужой» молодежи, т.е. из других селений, зависела от различных обстоятельств. Система норм морали регулировала индивидуальные взаимоотношения чеченской молодежи, которые развивались в значительной степени в рамках традиционного коллективного общения. В их основе лежал практический крестьянский взгляд на семью как на важнейшее условие жизни каждого человека.

ТРАДИЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

В жизни чеченского народа институт взаимопомощи *белхи* (*болх* – работа) был одной из характерных черт хозяйственного и семейного быта. Она играла важную роль, облегчая и ускоряя труд людей при строительстве, сельскохозяйственных работах и других занятиях. Эти традиции сохраняются и до настоящего времени. Что бы не случилось в чеченской семье – радостное или печальное событие, сразу находятся добровольные помощники – разделать мясо, установить навесы, накрыть столы, убрать за гостями, количество коих достигает порой нескольких сотен. Истоки этого поведения уходят в глубокое прошлое: издавна *белхи* воспринимались как бескорыстная, добровольная и радостная общая работа. В народе говорили: «Ма гIийла ву хьо, белхе вига веза хьо самукъадалийта» («Что-то ты печальный, надо тебя на белхи взять»).

В прошлом *белхи* могли устраиваться в любой день недели, в условиях же современности – лишь в выходные дни. Этот обычай включал несколько взаимосвязанных элементов хозяйственно-трудового, бытового, праздничного и другого характера, каждый из которых мог иметь свои определенные варианты. Иногда *белхи* начинались с решения сельского схода помочь вдове или другой нуждающейся семье, например, вспахать поле или убрать урожай и т.п. Но такое случалось, как правило, только при строительстве после пожара (*цIе аьлча*) или в случае внезапной смерти кормильца. Чеченские крестьяне практически всегда испытывали нужду в помощи родственников, соседей и т.д. Но помощь оказывали не только потому, что в ней остро нуждалась та или иная семья (она могла в каких-то конкретных случаях и обойтись без нее), а в силу давней укоренившейся традиции, ставшей обычаем.

Институт взаимопомощи играл значительную роль в различных сельскохозяйственных работах. В условиях примитивной сельскохозяйственной техники более сложными и трудоемкими были земледельческие работы: пахота, посев, уборка кукурузы, сенокошение и др. И именно в этой сфере производства обычай трудовой взаимопомощи получил у чеченцев свое специфическое развитие.

На *белхи* шли всем миром, это было событие радостное, коллективное действо с участием родственников и односельчан – здесь всегда звучали шутки, в перерывах между работой молодые и люди постарше танцевали, обменивались новостями. Сооружение фундамента дома, возведение крыши, пахота – этим занимались взрослые, размешивание глины для обмазки дома, для самана, для покрытия чердака, перебирание шерсти, веяние семян подсолнечника и зерна доверяли молодым. Соревнуясь, они делали эту работу, узнавая друг друга в труде. Это была еще одна возможность общения в процессе труда, взаимообмена, закладки будущих, возможно, родственных отношений.

Девушкам не позволяли поднимать большие тяжести (весом более двух ведер воды); под платьем талию обязательно перетягивали – чтобы не надорваться; платья подпоясывали, чтобы подчеркнуть красоту фигуры и скрыть внутренний пояс. Парни тоже подпоясывались, им также не дозволялось поднимать тяжести (*кийра меттахь ца балийта* – чтобы не сдвинулось чрево – желудок). За этим следили старшие.

Со слов информантов была записана шуточная песня, которую поют осенью во время *белхи*:

«Вай луьйсуш долухаза ялта, ва хийла беркат долуш.
Лоха мехкарий, шерри санна, когашкахь хийзаш бу;
Лекханаш-сай санна – лакхахь хийзашбу,
Зезагаш санна, куча юх ловзуш; кегийрхой гонахь хьийзаш бу, чургаш санна,

Алсамдала хаза гІуллакх»

«То зерно, что мы веем – да будет благим и множится.
Маленькие девочки, как букашки, под ногами крутятся;
Высокие, как лани, наверху трудятся,
Что цветы, их юбки пестрые играют;
молодые, как кольца, вокруг них крутятся,
Множься – множься, благое дело»

Пришедших на *белхи* приветствовал хозяин дома словами: «*Дела да шу могуш-маьрша. Далла шен дьеха хийла шу дахкъара*» «Да будет счастливым ваш приход. Пусть во имя Создателя будет ваше участие и приход»). После завершения *белхи* и традиционного угощения хозяйка дома благодарила всех словами: «*Баркалла массарна*» («Благодарение всем»).

У чеченцев известны несколько видов объединений для совместной работы, которые различались числом участников. Общественный характер взаимопомощи состоял в том, что на те или иные работы выходили все трудоспособные мужчины селения, создававшие затем отдельные рабочие артели (рубка кустарника для расширения пастбищ, чистка и рытье каналов, дорог, мостов и т.д.). Для работающих не устраивалась определенная очередность, но сначала обрабатывались наделы – *дакъа* или *урд* – особо нуждающихся. Существовал и другой вид трудовых объединений, который включал мень-

шее число участников – это было объединение мужчин квартала (*куп*). Они, выходя на работу, также создавали подобия бригад и обрабатывали участки сообща, не устанавливая как таковой очереди, но учитывая при этом степень первоочередности обработки того или иного поля, общественное и семейное положение, возраст и т.д.

В конце XIX – начале XX в. в некоторых сельских обществах Чечни полученные для квартала участки земли с согласия их владельцев не делились на мелкие паи – *дакъош*, а обрабатывались совместно (обычно родственниками), а урожай делился. Поскольку чеченец должен был даже без специальной просьбы помогать своим родственникам, то, когда в группу входили только родственники, конечно, могли обходиться без раздела участка. Подобную форму объединения, для которой была обязательной взаимопомощь родственников на всех этапах производства, а также общность средств производства в процессе труда, видимо, следует считать наиболее архаичной. Об этом, в частности говорит и тот факт, что в таких родственных коллективах, независимо от того, кто и в каком объеме вносил рабочую и тягловую силу, инвентарь, урожай, как правило, делился между всеми поровну. Встречались объединения, где полученный урожай распределялся в зависимости от количества едоков в семьях.

Бытовали специальные объединения крестьян для совместного проведения пахоты (*охана дан вовшах кхетар*), организация которых диктовалась насущной необходимостью: одни вносили в них тягловую силу, другие – сельскохозяйственный инвентарь, третьи – свой труд. Однако случалось и так, что некоторые не могли дать ничего, даже рабочих рук (напр., вдовы с малолетними детьми или одинокие старики). Как свидетельствуют полевые материалы, в подобных случаях объединившиеся семьи безвозмездно вспахивали и обрабатывали и эти участки. Кроме того, у чеченцев в селениях имелись кузнецы, которым выделялся пай из общественного фонда, который также обрабатывался силами всего крестьянского селения.

Мастера шли на *белхи* со своими инструментами (кирка, лопата, топор или пила). Весной на *белхи* собирались по случаю пахоты, летом – строительства дома. Именно на самые жаркие 40 летних дней приходилось наибольшее число *белхи*, поскольку стремились как можно продуктивнее использовать погожие летние дни – замесить глину, обмазать стены, сделать саман, чтобы все это успело высохнуть. Осень собирала шумное *белхи* – на сбор зерна и укладку в амбары и хранилище, стрижку овец, укладку, перетряхивание и чистку шерсти; веяние зерна и семян подсолнуха.

Летом на *белхи* парни, намекая на возможную свадьбу, шутливо говорили девушкам: «Осенью снова свидемся на белхи, а зиму, даст бог, проведем вместе?» (Гуьйрана юхьа гур ду вай белхехь, Іа цхьаьна доккхийла вай?).

Долгими зимними вечерами девушки собирались на *истанги белхи* – в домах, где валяли шерсть, красили ее для ковров (*истанги*), перебирали, освобождая от сора. *Белхи* сопровождались песнями, шутками; старшие женщины учили девушек мастерству, деликатно подмечали погрешности, готовили угощение.

Обычно организатором трудовых объединений по оказанию взаимопомощи у чеченцев выступал представитель квартала (*куьпан хьалхара стаг, куьпан да*) – один из уважаемых мужчин патронимии. Впоследствии обязан-

ность главы коллектива выполнял кто-либо из старших и авторитетных жителей квартала, которым обычно являлся представитель самой многочисленной фамилии. При многодворных и многолюдных кварталах создавались два-три больших объединения, обслуживавших все селение.

Для чеченских крестьян было характерно несколько форм трудовых объединений: когда жители селения вносили в объединение равное количество тягловой и рабочей силы и вспахивали все участки дольщиков; когда участки вспахивались в соответствии с внесенным в объединение количеством быков, рабочей силы, инвентаря и т.д.; когда члены объединения вносили неодинаковое количество рабочей и тягловой силы, но независимо от этого при этом вспахивали землю всем семьям, входившим в артель.

В последнем случае, согласно старым общинно-земледельческим традициям и обычаям, не полагалось оставлять хотя бы один пай и уходить с поля. Участки, не обработанные по случаю внезапного несчастья, или же паи вдов, сирот и стариков вспахивались мужчинами после окончания основной работы. В оказании такой поддержки немаловажное значение имело и распространенное представление о том, что каждый из членов общины может оказаться в числе нуждающихся в аналогичной помощи со стороны соседей.

На *белхи* продолжительность работы определялась обычаем (от восхода до захода солнца), но приглашение на весь день не исключало и более раннего завершения работы. Если взаимопомощь продолжалась с утра до вечера, то обед доставлялся к месту работы, причем хозяин старался угостить собравшихся самой лучшей пищей. По нормам этикета хозяин дома должен был быть любезен и приветлив со всеми, кто пришел помочь ему: он не мог никого принуждать, указывать, сколько кто-либо должен сделать, и т.п. Не допускались также никакие замечания хозяина, если чья-то работа ему не нравилась. Во время некоторых видов *белхи* (обмазка дома, лущение кукурузы, обработка шерсти и т.д.) звучали песни, раздавались шутки, устраивались во время отдыха танцы.

Сложился целый комплекс этических представлений и норм в отношении вопроса об участии в *белхи*. Принятие приглашения на участие в *белхи* не было обязательным, хотя и считалось, что даже в случае крайней невозможности прийти и поработать некоторое время необходимо было зайти к хозяину и объяснить ему уважительную причину своей неявки. В чеченском обществе была сильна нравственная обязательность присутствия на *белхи*, которая и до настоящего времени в большинстве случаев осознается. Представление о моральной ответственности участия в *белхи* было особенно выражено в том случае, когда помощь организовывалась общиной для семьи, потерявшей кормильца или в случае стихийных бедствий, при падеже скота и т.п. Люди старшего поколения и сейчас помнят о таких общественных мероприятиях. В конце XIX – начале XX в. в значительной мере именно по этой причине среди сельского населения никогда не встречалось людей, просящих милостыню, не было и детских домов, интернатов и т.д., поскольку семьи, попавшие в беду, были уверены, что каждый из сельчан по мере возможности окажет им помощь.

Чеченцы считали и считают до настоящего времени своей нравственной обязанностью обработать поле и убрать урожай одинокого или больного

соседа, привезти лес на строительство и т.д., причем тот, кто не являлся на *белхи*, не наказывался, но осуждался общественным мнением. В этом случае этические нормы чеченцев исходили из нравственных принципов помощи пострадавшему или бедствующему; в других случаях оценка поведения опиралась на принцип общинной, соседской взаимопомощи. Бытовал тип *белхи* как взаимной, так и односторонней выгоды, но и здесь существенную роль в реализации сложившихся этических норм играло общественное мнение.

Обычай взаимопомощи у чеченцев – явление сложное не только по своей структуре, но и по многогранности сохранившихся в нем разновременных социально-этических аспектов. На *белхи* организовывались состязания по тем или иным видам труда; общественным мнением определялись наиболее опытные и знающие – образец для всех остальных. Как место проведения коллективных работ *белхи* играл значительную роль в формировании личной репутации в сельских трудовых коллективах, в частности это было особенно важно для молодежи (будущих женихов и невест).

Обычай взаимопомощи функционирует и в наше время. С улучшением материального благосостояния населения сфера его применения стала сужаться. Тем не менее среди лучших традиций, унаследованных от предков, продолжает жить и обычай взаимопомощи, когда хозяин, нуждающийся в рабочей силе или испытывающий временные материальные затруднения, безоговорочно получает помощь от своих односельчан, соседей и родственников.

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Народные игры и развлечения, забавы, спортивные состязания были основными формами проведения досуга у чеченцев. Как правило, они были полифункциональны и играли важную роль в военном, спортивном, эстетическом и нравственном воспитании. Детские игры воспитывали жизнелюбие, любознательность, образное мышление и чувство юмора. Если в пословицах и поговорках содержалась педагогическая мудрость народа, то в играх заключались практические методы и средства воспитания. В них в своеобразной, хотя и в упрощенной форме находила отражение окружающая действительность, включая семейные и производственные, социальные противоречия. В процессе игры дети знакомились с элементарными сведениями о природе, животных, различных хозяйственных занятиях. Чеченцы говорили: «Чем ребенок занимался в детстве, тем же он будет заниматься, став взрослым» (Беро ша жима долуш лелийнарг до воккха хилча).

Начальную трудовую и жизненную подготовку детей представляли народные игры и развлечения с производственными, спортивными и религиозно-обрядовыми сюжетами. Маленькие дети в своих играх подражали взрослым, имитировали их трудовую деятельность, различные сельскохозяйственные работы: жатву, молотьбу, сенокос. Мальчики играли в охоту, в войну, устраивали разные состязания; с самого раннего возраста занимались стрельбой из лука, который сами же и делали.

Игры привлекали детей своей предметностью. Так, в игре «пальцы» маленькие дети, поочередно загибая пальцы руки, говорили о каждом, пере-

числяя разные виды трудовых действий: «Этот почистил, этот сварил, этот съел» (Хьо кхо тилийна, кхеххийна, хIокхо кхаьллина). Комментарии, какой палец что сделал и что говорит, были самыми различными и в большинстве случаев импровизированными.

Бытовала, например, такая игра: дети садились на землю близко друг к другу и один из них громко говорил: «Бей!» (Тоха!), после чего каждый сидящий ударял ладонью соседа, приговаривая «Тоха!», а сосед передавал удар следующему. При этом каждый следующий удар можно было наносить только тому, кого еще не ударили. Кто при этом сбивался – считался проигравшим и должен был выполнить какое-нибудь задание: перекувыркнуться, принести что-то съестное из дома и т.п.

Многие игры-забавы маленьких детей не имели законченного игрового содержания. В основе их лежало подражание поведению домашних и диких животных, птиц, насекомых и т.д. Эти игры были построены на образной эмоциональной основе, с которой сливался элемент физического движения. Дети через эти игры развивали речевые навыки, сноровку, ловкость, подвижность и быстроту реакции. В прошлом игры-забавы были творчеством самих детей, они передавались в детской среде из поколения в поколение в устной традиции.

Чеченцы знали множество подвижных игр. Наиболее распространенными были: игра в лунки (*туьштуьппалг*), заключающаяся в искусстве загнать мяч в лунку; прятки (*лечIергех ловзар*), игра в мяч (*бурканаш ловзар*), – соревнование в беге (*водурах ловзар*); игра в чижик (*куьллех ловзар*), игра в орехи (*бIаарех ловзар*) – по жребию один начинает бить по орехам своих товарищей, разбитый орех становится трофеем победившего; игра в яйца (*хIоех ловзар*), аналогичная предыдущей; катание шара (*авгуолкерчар*), *кабакхар* – игра, во время которой всадники на скаку должны были вытащить закопанного в землю по рога барана или козла и др.

Одна из древнейших у чеченцев – игра в альчики (*гIулг*). Наличие альчиков в древних захоронениях, а также богатая терминология, связанная с ними, свидетельствуют о давнем знакомстве с этой игрой. В альчики играли не только дети, но и юноши, а в недалеком прошлом – и взрослые. Особые названия означали различные положения альчика: *чийк* – альчик хребетиком вниз, *аьлча* – одна из четырех сторон альчика, *IуьIа* – альчик, поставленный «на попа»; *лIонга* – альчик в вертикальном положении; *тахан* – альчик на правом боку; *тап* – альчик выпуклым хребетиком вверх; *хIур* – альчик вогнутым хребетиком вверх. Для специальной игры служил альчик, обтесанный с двух сторон на камне (*шаьртиг*), а для игры вподкидку (*оь*) – брали три альчика. Играли в альчики, сидя в кругу по трое, четверо или восемь человек, попадая в расставленные альчики с целью выбить их за черту.

Распространена была игра в бабки (*тхоьз)*, их выбивали из круга свинчаткой, т.е. костью, залитой свинцом. Свинчатки были двух видов: средняя называлась *кIурами*, большая – *биток*, чаще она встречалась в казачьих разновидностях игры. Игры нередко служили средством сближения с соседними народами. Чеченские дети ходили в русские станицы играть в бабки, а русские дети – в соседние горские аулы, где они также играли в бабки. В бабки играли и взрослые.

Прятки (*хаббани*) были довольно распространенной игрой (один закрывал глаза – остальные прятались). Как и другие игры, она вырабатывала такие необходимые в жизни качества, как внимательность, наблюдательность (умение искать и находить), сообразительность и подвижность.

Своеобразна была игра с волчком (*даьндарг*). Играли обычно на длительность вращения волчка, а также, разделясь на две команды, загоняли бичами крутящийся волчок в ворота противника или в особые кружки. Во многих селах мастера изготовляли красивые волчки из рогов, которые заливали сверху свинцом, украшали различными рисунками, превращавшимися при вращении волчка в красивейшие орнаменты. Играли в волчка чаще зимой на льду, где вращали его, подгоняя кнутом. Гордостью мальчиков был красиво изготовленный, разукрашенный волчок со жгутом из шелковой нити.

Чеченцам были известны игры в ручной мяч (*куьйган буьрка*), ножной мяч – (*коган буьрка*), представлявшие собой бычий пузырь, надутый воздухом и обтянутый козьей шкурой. Были известны и обыкновенные тряпочные, шерстяные и деревянные мячи (*буьрка*), мячи для игры в лапту (*авгуол керчор*) и др.

С раннего детства и до совершеннолетия (14 лет) чеченские девочки увлекались куклами. Кукол делали из ниток, тряпок, глины, шерсти, вырезали из кожи, бумаги, коры дерева, а позже из картона. Этимология слова кукла (*тайниг)* говорит о том, что первоначально их делали из ниток (*тай* – нитка, *ниг* – уменьшительный суффикс). Девочки играли «в кухню», готовили куклам еду, устраивали им свадьбы и праздники. Были известны куклы на турничках, в подражание акробатам; их вырезали из дерева в виде танцующих мужчины или женщины, ноги и руки которых прикрепляли к туловищу на проволочных шарнирах. Такую фигуру вешали на стенку и, дергая за нитки, заставляя «плясать». Иногда подобных кукол закрепляли на подставке, которую приводил в движение ногой гармонист или музыкант, игравший на струнном инструменте, заставляя плясать их в такт музыке.

Другим видом кукольных зрелищ были танцы бумажных кукол на круглом медном подносе (*шуне*). «Куклы искусно вырезаются из бумаги с положением рук, танцующих лезгинку. Танец их насыщен темпераментом, задором и грацией. Девушки поют веселую мелодию лезгинки, и все зрители в такт хлопают в ладоши», – пишет Ю.А. Айдаев (*Айдаев*, 1968. С. 55).

В слякоть и непогоду можно было часто видеть детей, соревнующихся в ходьбе на ходулях (*косказ*). Иногда ходулями пользовались и взрослые (особенно надтеречные и плоскостные чеченцы), когда бездорожье превращало сельские улицы в непроходимые болота.

Любили чеченские дети и качели. Их вешали на высокие деревья или на специально сооруженные перекладины. Качели были нескольких видов: для малышей их делали из корыта, чтобы ребенок не выпал (*гаьнгали*), для более взрослых – из ремней, конопляных, волосяных или сплетенных из веток орешника веревок (*буьнжолог*).

Остановимся на некоторых подвижных играх чеченских мальчиков.

В свайку (*хьостамах ловзар*) играли весной после таяния снега или после дождя, пока почва оставалась сырой. Задача заключалась в том, чтобы сбить на землю колышек соперника. Каждый мальчик запасался пятью-шестью заостренными колышками, которые бросали с размаху в землю острыми

концами. Сбитый колышек забирали. В данном случае интересны приемы, которыми пользовались игроки. В этой игре вместо колышков могли использовать ножи, тогда она называлась *Іьурсех ловзар.* Эта игра постепенно приучала мальчиков мастерски владеть холодным оружием (*Норденстамм*, 1940. С. 52). Владению оружием (кинжал, сабля) мальчики обучались обязательно под надзором взрослых. Первые навыки дети приобретали, используя игрушечные копии оружия. При подготовке к соревнованиям, где использовалось оружие, отслеживали, нет ли личной неприязни или обиды между соревнующимися юношами, дабы избежать крови.

Зимой мальчики строили туннели из снега, лепили снежные фигуры, причем изображали на них одежду с газырями, кинжалом, лицо, голову, на которую «надевали шапку». Возводили и большие снежные башни, соревновались, кто выше и лучше выстроит ее. Построив башню, в середину ее опускали сверху вниз большой шест, затем к верхней его части прикрепляли поперек палку меньшей величины, но такую, чтобы она отходила на некоторые расстояние от стен башни. К обоим концам поперечно прикрепленной палки привязывали веревки, таким образом, чтобы вторые концы ниспадали вниз, затем на коротком расстоянии от земли завязывали их, образуя петлю на концах каждой веревки. В итоге получалось приспособление наподобие нынешних гигантских шаров. Мальчик продевал одну ногу в петлю и, держась за веревку, отталкивался от земли, набирая, таким образом, скорость, подобрав обе ноги, катался.

Зимой дети катались на детских коньках (*кога салазаш* – букв. ножные сани), которые делали для них взрослые. Их изготавливали из дерева мягкой породы или из толстых прутьев, которые, подержав над огнем, сгибали в дугу, закрепляя это положение веревкой. В полозьях, изготовленных из ясеня, делали углубления, в которых на расстоянии размера ступни крепили концы. На дуги сверху вниз опускали овальные кольца, чтобы ступни не соскальзывали с полозьев, а руками держались за дуги. Съезжали стоя, слегка подавшись корпусом вперед и согнув колени.

У горцев-чеченцев бытовал такой вид упражнений-игр, как «жеребенка взвалить на плечи» (*бьекьха ги тохар)* и «ягненка взвалить на плечи» (*Іавла Іахар).* Играющие должны были добежать до финиша, взвалив жеребенка или ягненка на спину. При этом победителя награждали этим же животным.

Чеченские юноши на конях играли в мяч, обтянутый кожей и набитый землей или песком. В руках соревнующихся были особые крюкообразные шесты длиной около 1,5 м. Площадка для игры делилась на две части. На каждой из сторон рыли 7–9 лунок, в которые надо было попасть. Большое число забитых мячей приносило первенство. Во время игры соревнующиеся пытались отстранить лошадь соперника со своей территории, управляя конем, проникнуть к лунке соперника. Под бурные напутствия болельщиков, соревнующиеся выполняли различные действия: управляли лошадью, при этом важна была быстрота реакции, старались не упустить тяжелый (до 2 кг) мяч и направить его к лунке. Объявляли о призах: 20 копеек (*эппаз*) – лучший; 10 копеек (*ши шей*) – низший. Выражение *ши шей* и сегодня используется в языке чеченцев для обозначения чего-то незначительного, ничтожного: «10 копеек цена этому разговору» (*Ши шей мах бац кху къамела*); «Это

дело и 10 копеек не стоит» (*Оцу гьулкъха ши шей мах бац*). Поэтому соревнующиеся пытались избежать этого «приза». Любое соревнование сопровождалось шумным застольем на территории семьи-организатора (скачки, бег на короткие и дальние расстояния, прыжки). Организовать соревнование мог старший рода или человек, опекавший юношей, своего рода старший воспитатель (*лела хуарг)*.

В прошлом ни один праздник не обходился без игр или спортивных состязаний (скачки, борьба и т.д.). В традиционном представлении любой подросток или юноша должен был знать народные игры и быть готовым принять участие в каких-либо видах соревнований.

В чеченских народных играх отсутствовала строгая грань между играми детей и юношей, детей и взрослых. Например, в альчики могли играть и дети и взрослые. Говоря о половозрастных особенностях чеченских народных развлечений, следует отметить, что у чеченцев было мало чисто женских развлечений. Это, видимо, следует объяснить тем, что многие виды развлечений были исторически связаны с производственной и культовой практикой, т.е. находились в сфере чисто мужской деятельности.

Большой популярностью пользовалось искусство акробатов – *пелхьуо*. Без их участия не проходил ни один праздник, ни одно знаменательное событие в селе. Чтобы посмотреть их выступления, люди часто приезжали по труднопроходимым дорогам издалека. Вот как описывает выступление акробата-горца А.А. Зиссерман: «Парень лет 25, в своем обыкновенном костюме и в кошках (туфли с высокими железными каблуками), в которых трудно и по комнате пройти без особенной привычки, взбирается на канат, натянутый на высоте 2–3 сажен; у него на голове кувшин с водой, на нем – тарелка, на ней – стакан, на стакане – бутылка, на горлышко которой поставлено куриное яйцо; к ногам привязаны два обнаженных кинжала, не картонные, а настоящее, отточенные, острием вверх; глаза завязаны платком и в таком виде под звуки зурны и бубна он слегка подпрыгивает и делает телодвижения в такт без всякого шеста…» (*Зиссерман*, 1879. С. 314). Канатоходцев обычно сопровождали клоуны (*жухаргаш*) и фокусники (*бозбунчолаш*), которые веселили и смешили присутствующих на свадьбах и праздниках.

Игры мальчиков, особенно подвижные, занимали значительное место в системе воспитания детей и способствовали координации движений, ловкости, быстроте реакции, укреплению мышц и костной системы, вырабатывали наблюдательность, настойчивость, решительность, одним словом качества, необходимые для тех условий жизни, в которых они жили. Из средств физического воспитания наиболее были распространены среди чеченцев следующие: метание камня, метание копья, прыжки с шестом, прыжки через бурку и особенно верховая езда.

Популярны были игры-состязания, в которых требовались ловкость, гибкость, находчивость. Например, один из играющих садится на корточки, сдвинув ноги и обхватив обеими руками колени. Между сгибами колен и руками просовывали палку, связывали ее и колени веревкой. Кто проходил в этом положении наибольшее расстояние, тот становился победителем (*Норденстамм*, 1940. С. 52).

Массовый характер носили конные состязания. К ним тщательно готовили наездников, с 2–3-х летнего возраста, приучали мальчиков держаться

в седле. Тренируя лошадь на выносливость и силу, горцы учили ее преодолевать разные препятствия. Наблюдавший подготовку чеченцами лошадей С. Броневский в начале XIX в. писал, что смелые наездники приучают своих лошадей бросаться с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высот. Такой отчаянный навык, подвергавший всякий раз жизнь седока-джигита вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасал от опасности оказаться в руках неприятеля в случае погони. Лошадь становилась для юного горца объектом пристального внимания и ухода. Большую часть свободного времени юноша проводил в заботе о лошади – купал ее, чистил, кормил. Преодолевая трудности на тренировках, он вместе со своим другом закалял свою волю и характер.

Одним из видов игр для мальчиков было таскание камней в гору (*mIулгаш лам mIe дахар*), чтобы тренировать мышцы, упругость ног, быстроту реакции. Старшие следили, чтобы при этом поясница была перетянута поясом, а камни по объему и весу соответствовали возрасту и возможностям мальчиков. Слабых здоровьем отстраняли от таких игр. Обязательным был момент соревнования – отмечали, кто быстрее достигнет условного места на возвышенности, откуда камни скатывали вниз. Победителем становился тот, кто одновременно с камнем достигал финиша.

Среди чеченцев широко была распространена борьба на лошадях, в ходе которой всадники пытались стащить друг друга с лошади или свалить лошадь противника. Этот вид спорта требовал от всадника умения в совершенстве управлять лошадью. В подобном поединке определялись не только сила и ловкость всадника, но также и сила лошади. История возникновения этих состязаний относится к далекому прошлому. В первой половине XIX в. недалеко от крепости Грозной прошли первые наиболее значимые соревнования такого рода. В них принимали участие вместе с офицерами и солдатами гарнизона также чеченцы из ближайших селений и казаки – всего около 400 человек. По сообщениям наших информантов, в джигитовке лучшими были признаны чеченец А. Битаев и гребенской казак У. Радионов (ПМА, 1985 г.).

Проводились соревнования среди чеченцев и по бросанию камней. Часто снарядом служила круглая плита с обитыми краями в форме диска (*окъан*) или просто камни, вес которых иногда достигал более 10 кг.

В Чечне была известна игра в шахматы (*дечиггIулгаш*, букв. деревянные альчики), которая у чеченцев отличается некоторым своеобразием. А.И. Краснов писал: «В отличие от обыкновенных шахмат, ходить можно было только по прямой и углам вправо и влево, по диагонали ходов не существовало. Играющий должен был обладать богатой фантазией, большой бдительностью, выдержкой и терпением. Широкие просторы для комбинаций способствовали развитию сообразительности» (*Краснов*, 1963. С. 72).

Шашки (*джIакки*) также издавна бытовали у чеченцев, делали их из дерева или обожженной глины.

Народные игры и развлечения чеченцев не потеряли своего значения и в наше время. Они используются не только как развлечения, но и как средства физического и умственного развития ребенка.

ГОСТЕПРИИМСТВО И КУНАЧЕСТВО

У чеченцев гостеприимство считалось священной обязанностью, а гость становился не только лицом близким, но и неприкосновенным. Дом или очаг каждого чеченца по древнему обычаю должен был быть открытым для пришедшего или ищущего приюта. Чеченец не имел права мстить даже своему врагу, вошедшему в его дом без обнаженного оружия в руках.

Гость по-чеченски – *хьаша*. Синонимический ряд этого слова отражает особенности данного явления: *хьошалгIа вар* – прийти в гости; *хьешийн цIа* – гостевая комната; *хьошалла дар* – оказать гостеприимство; *хьешан шун* – угощение для гостя – яства, мясо, фрукты и овощи; чурек из кукурузной муки – *сискал*; лепешки из пшеничной муки – *чепалгаш* с творогом, напиток из кефира с зеленью, масса зелени; *хьешанна лерана синкъерам* – вечеринка в честь гостя с приглашением девушек селения и рода. Если гость был пожилым, с ним за трапезу сажали старейшего в роду.

Примечательно, что мирного пришельца любой национальности, расы, вероисповедания, незнакомого ранее, принимали с почетом, как дорогого гостя. Гостю давали не только кров и пищу, но и помогали в его делах в данном населенном пункте, а в случае необходимости защищали с оружием в руках. «Не принять гостя, не угостить его самым радушным образом, а тем более нанести ему вред считается и всегда считалось делом самым унизительным, позорным. Поэтому обряд принятия гостей сложился из векового практического опыта и обрел строго определенные формы (*Лилов*, 1892. С. 24).

При семейной замкнутости и простоте быта обычай гостеприимства был инструментом защиты путника, странника, одновременно обеспечивая его кровом и пищей. Он сыграл существенную роль в развитии внутриэтнических и межэтнических контактов, способствовал культурным заимствованиям, т.е. взаимообогащению культур. Как было отмечено выше, гостеприимство высоко ценилось. Чеченцы говорили: «Куда не приходит гость, туда не приходит и благодать» («Хьаша ца вогIучу беркат ца догIу»). «Гостеприимство считалось одной из добродетелей и исполняется в строгости всеми», – писал И. Иванов (*Иванов*, 1851). Многочисленные пословицы и поговорки на эту тему говорят об этом же: «Ты очень обрадовал, словно гость приехал» («ЧIогIа хаза хетар ди ахь, хаша веача санна»); «Словно сирота дом, если не входит гость» («Хаша ца вогIу цIа бобер санна ду»); «Хочу курицу и чай гостя, т.е. сладкий чай, или с любовью налитый» («Котам дегI деза, хьешан чай деза»).

По обычаю чеченцев, за обиду, нанесенную человеку в его собственном доме, обидчик несет большее наказание, чем за подобную обиду, нанесенную в другом месте. За вторжение в чужой дом с недоброй целью, например, для воровства или для совершения насилия, с виновного взыскивался штраф от 10 до 12 коров за нарушение покоя и за покушение на честь хозяина дома. Входящему в чужой дом полагалось просить на это разрешение хозяина, которое обычно следовало сразу же. Считалось большим позором для дома, если пришелец, знакомый или незнакомый, уходил от порога дома, не встретив радушного приема. Только люди, имеющие с кем-нибудь кровные счеты, бывали осторожными с приглашением в дом незна-

комого гостя, ибо боялись, что он может оказаться их кровным врагом, а вошедшему в дом с мирными целями не пологалось мстить. Гостеприимство распространялось даже на животный мир. Информанты рассказывают, что их предки, уважая святость домашнего очага, не убивали даже змею, заползшую в комнату, но осторожно выбрасывали ее. Если под домом жила змея, то после каждой дойки ей оставляли молоко, приговаривая: «В дар садака за мой скот, за двор…» («Сан дяхнашна тьира, сан кертана тьира сагьа хийла»).

Для гостей отводилось специальное помещение – кунацкая. В горах под кунацкую (чеч. *хьеший цIа* или *совцIа*) обыкновенно отводили комнаты на втором или третьем этаже. В предгорьях, где дома были в основном одноэтажными, для большего удобства гостя «кунацкую» строили отдельно от дома (*хьешан ото* – «ото для гостей»). В конце XIX в. под кунацкую обычно выделяли одну из комнат дома. Название *ото* сохранилось до наших дней для помещения, построенного во дворе и используемого летом для кухни-столовой, а зимой в качестве кладовой. Хозяин, встречая гостя, выходил ему навстречу, здоровался, пожимал руку, принимал коня и привязывал его к столбу. Пригласив гостя в кунацкую, хозяин в дверях принимал передаваемое ему по обычаю оружие. После этого горский этикет возлагал уже на хозяина ответственность за безопасность гостя и обязанность оказания самого изысканного гостеприимства.

Гость, конь, дела гостя – все становилось предметом особой заботы принявшего его хозяина. Если гость был человеком вольным, не преследовался и не искал убежища, в его честь устраивали праздник – *синкъерам*. Тамада синкъерама всячески проявлял интерес к гостю, говорил о нем достойно, в его честь устраивали джигитовки, первый танец – лезгинку – танцевал гость, если он не мог танцевать, то в его честь перед ним танцевала пара.

Ставить угощение перед гостем поручалось одному из сыновей хозяина дома или его младшему брату. Один из юношей обязательно стоял в дверях. Лошадь гостя сразу же по прибытии привязывали, кормили и чистили.

Отношения куначества распространялись и на товарищей по делу (*гIуллакх тIехь накъостий*), и на товарищей по дороге (*некъан накъостий*). К последним относились и случайные попутчики. Они обязаны были быть верными друг другу, оказывать взаимные услуги и защищать друг друга в случае нужды. Имеются примеры, когда горцы мстили за убийство даже своего случайного попутчика.

По традиции, специально в честь гостя полагалось зарезать овцу, мясо которой сразу варили. Это делается и тогда, когда в доме имеется достаточно мяса и других продуктов. Хозяйка дома, поприветствовав гостя, сразу принималась готовить угощение. Близкие люди хозяина заходили поздороваться с гостем и узнать новости. С момента, как гость переступал порог, и до его отъезда его окружали вниманием и добрыми словами. Чеченцы издавна верят, что осадки, ребенок и гость – милость Всевышнего к ним. «Ма дика ду хьо веана, марша ва хьо» («Как хорошо, что ты пришел, приходи в мой дом свободным»), – говорят чеченцы.

В покоях гостя, когда он отдыхал, никто не появлялся. Весть о госте передавалась от одной семьи к другой, и после того, как гость отдохнул и

поел, к нему приходили родные хозяина дома и соседи, чтобы поприветствовав его выказать уважение. Никто не имел права беспокоить гостя своим посещением и докучать ему вопросами или разговорами. У чеченцев есть поговорка: «Хьаша цхьаъ велахь, и ша хаийтар бакъахь дац, цхьаннал сов велахь-цаьрца хаар а бакъахь дац» («Если гость один – неудобно его оставлять за едой одного, если гостей больше одного – ухаживай за ними стоя»), т.е. хозяин должен был сам обслуживать гостей. Хозяин, его младший брат или же его сыновья приносили таз (*тас*), рукомойник (*гIумгIа*) полотенце и мыло для омовения рук.

О традиции омовения рук чеченцы говорят: «Кто вымоет руки перед едой, будет любить бога, кто вымоет их после еды – будет любим богом». Первым мыл руки гость. Он садился на почетное место (*баьрчие*) на досчатой тахте, покрытой обычно войлочным ковром (*истанг*), скрестив ноги или за низким столом (*тол* или *истол*), на низком трехножном стуле (*гIант*) или на подушке для сиденья (*миндар*). Перед гостем в большом деревянном, глиняном или керамическом блюде (*текх*) ставили груду мяса сваренного в его честь барана, называемое *ха-ност* – 12 частей сваренного барана: две лопатки (*пханар*), четыре бедренные кости (*буност*), четыре берцовые кости (*цIуност*), голова (*корта*) и грудинка (*накха*). Если баран был курдючным, приносили еще курдюк (*дума*). Все это подносили гостю в знак того,что в его честь по традиции действительно был зарезан баран. Гость, переложив для себя в посуду (*хедар*) желанный кусок, благодарил хозяина. Потом ему, как почетному лицу, перекладывали в отдельный поднос (*шун*) самые почетные части барана: голову, грудинку и курдюк. Иногда эти части приносили на отдельном блюде. Гость отрезал кончик уха и передавал его младшему из присутствующих членов семьи хозяина. Это означало: «слушай всегда старших». Если гость не желал откушать мясо от головы, он обязательно отрезал для себя от нее небольшой кусок (обычно правый глаз) или мясо ниже правого глаза или правого уха, а затем передавал голову хозяину. Точно так же гость, отрезав кусок от нижней части курдюка, выше его тонкого кончика, или просто дотронувшись до него ножом, просил забрать остальной курдюк. Иногда гость оставлял для себя только мясо от передней правой ноги или же оставляют до конца трапезы (*Семенов*, 1895. С. 20, 47). Никто из присутствующих не должен был заканчивать трапезу раньше гостя, чтобы ему не стало неудобно есть досыта. Сидящим за трапезой с гостем не полагалось задерживаться за едой дольше него. Правила приличия требовали непременно оставаться на своем месте, пока не поедят все (ПМА, 1979 г.). По окончании трапезы гость благодарил бога и хозяина за хлеб-соль и снова первым мыл руки. После угощения гостя хозяин продолжал всячески ухаживать за ним, делать для него все, что было нужно.

В Итум-Калинском и Галанчожском районах долго сохранялся и такой обычай. Если гость не трогал ножом ни головы, ни грудинки – это означало: «положите мне голову и грудинку в сумы на дорогу». Шкура зарезанного барана считалась собственностью гостя, и он мог ее затребовать при отъезде. В богатых семьях гостю устраивали более пышный прием. Если гостем был, например, иностранец, не знакомый с местными обычаями, то он, разумеется, не должен был выполнять перечисленных обычаев и мог вести себя в гостях более свободно.

Довольно оригинальны и пожелания хозяевам после приема пищи: «Дала иман а, беркат а ма эшадойла кху чохь!» («Дай бог, чтобы в этом доме не иссяк хлеб»). Были пожелания дому, невестке, новорожденному ребенку и т.д. Очень интересно одно из пожеланий невестке, которое отражало ее положение в доме: «Дала багана Іахар а, куьйгашна каде йолуш лелийла хьо кху цІентІехь» («Дай бог, чтобы у тебя в этом доме рот был молчаливым, а руки бойкими»).

Согласно традициям и этикету, гость не мог предложить деньги или какую-нибудь другую плату за оказанный прием или услугу. Но часто гость делал подарок детям.

До недавнего времени в высокогорных селениях, где вечерами и по утрам даже летом, бывает прохладно сохранились специальные тулупы, называемые *бекх* или *керч*, которые предназначались для приезжих (ПМА, 1979 г.). Такие шубы бытовали и у соседей чеченцев – аварцев. Их делали (в зависимости от состоятельности хозяев) из лучших шкур или даже из каракуля, рукава у таких шуб были очень длинными и настолько суженными книзу, что невозможно было высунуть руку. Это вполне соответствовало представлению, что гость почти ничего не должен делать сам, все за него обязан делать тот, к кому он пришел в гости. Если гость был очень почитаемым, старше по возрасту или приехал издалека, хозяин не садился при нем без его приглашения. Считалось: если кто-нибудь обижал гостя, то он тем самым обижал и хозяина. Причем такая обида воспринималась последним сильнее личного оскорбления.

Хозяин в присутствии гостя вел себя спокойнее, вежливее, уступчивее, особенно с членами семьи и соседями, чем обычно. В присутствии гостя проявление недовольства по отношению к ребенку, взрослому члену семьи или же постороннему считалось неприличным.

Человек, побывавший хотя бы один раз в доме чеченца, по обыкновению считается другом, доброжелателем этого дома. Чтобы стать кунаками или закрепить каким-нибудь образом возникшие приятельские отношения или подружиться на всю жизнь, чеченцы соблюдают некоторые обряды. Одним из наиболее символичных подкреплений дружбы считался обмен оружием, кисетами или другими предметами. Для установления куначеских отношений довольствовались клятвой или обещанием быть друзьями-кунаками. В литературе XIX в. отмечалось, что горец (в том числе и чеченец) в соседних селениях имеет обычно близко знакомого человека, у которого всегда останавливается. Обязанность останавливаться у своего кунака переходит из рода в род. Не остановиться там значило бы нанести этому дому оскорбление (*Лилов*, 1892. С. 25).

Чеченцы, верные пословице: «Сколько ты отдашь, столько ты и получишь», веками хранили обычаи куначества, передавали этические нормы куначества детям через устное народное творчество, сказки и легенды. Этика куначества, этого исконного кавказского обычая, всегда восхваляла дружбу, добро, высокую нравственность, верность, честность, гостеприимство и бескорыстие. Честь и достоинство побратимов, их верность не определялись принадлежностью к какой-либо нации. Вот какое было записано предание о куначеских отношениях чеченца и черкеса: «Однажды чеченец Мехка Астаби решил навестить старинного друга черкеса. Когда

он приехал, обнаружилось, что того уже нет в живых. Вместо умершего друга гостя со всем радушием встретил его сын, который узнал друга своего отца. Обрадовавшись, он обнял его, поднял, занес в дом и одел в одежду своего отца. В его честь пир был продолжен три дня. Сын черкесского друга не отпускал Мехка Астби и тот пробыл у него три года» (Правда. 1989. 8 авг.).

Отношение к друзьям и гостям считалось у горцев священным. По народным представлениям даже на том свете – в день Страшного суда, когда родная мать в ужасе забудет своих детей, друг не оставит друга без внимания и постарается помочь, чем только возможно.

В горах, на границе Чечни с Дагестаном, находится озеро Кезеной-Ам, которое, по преданию, образовалось на месте затопленного со всеми его жителями селения, и причиной тому стал отказ жителей селения принять гостя. Его пустила в дом лишь бедная вдова, которая одна спаслась от наводнения. Предание об этом глубоководном озере служит в народе предупреждением о святости традиции гостеприимства (*Ган*, 1902. С. 223).

Из поколения в поколение передаются в чеченском народе сказания или исторические песни (*илли*). В них прославляются как самые святые ценности гостеприимство, товарищеская верность, дружба с соседними народами, верность слову, стремление к правде, справедливости, чувство чести и благородства, помощь слабому, храбрость, решительность и стойкость (*Ошаев*, 1961. С. 150).

Л.Н. Толстой, живя среди чеченцев, писал: «Казаки роднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни, нравы горцев», «до сих пор казацкие роды чтят родство с чеченцами….». Уважали и ценили чеченцы и самого писателя. В годы пребывания в Чечне он часто посещал чеченские аулы, знал многих горцев, записывал у них сведения о быте и нравах, фольклор. Дружил с С. Мисербиевым, Б. Исаевым, Б. Шамурзаевым и другими горцами, называл их кунаками. О своем кунаке Садо Мисербиеве Л.Н. Толстой писал: «Много раз доказывал мне свою преданность, подвергая из-за меня свою жизнь опасности, но это для него ничего не значит, это для него обычай и удовольствие». Садо подарил своему кунаку Л.Н. Толстому шашку, а чеченцы дарили оружие только друзьям. В музее писателя в станице Старогладковской имеется фотография этой шашки (она находится в Москве в музее писателя) под которой начертаны строки чеченского поэта М. Мамакаева:

И наш Садо, тот дар вручая,
Дал клятву дружбы, мы ее
С открытым сердцем повторяем
И славим дружество свое.
Не покупается за золото
Такая дружба никогда,
Она под стать тому булату, –
И нерушима и тверда.

Л.Н. Толстой в своих записях многократно подчеркивал преданность и верность своего друга чеченца Садо, готового «подвергнуть себя разным опасностям» ради кунака. В свою очередь сам великий русский писатель

являлся примером верности дружеским отношениям. Мотивы дружбы между простыми представителями различных народов пронизывают и все кавказские произведения Л.Н. Толстого. Ценность сведений Л.Н. Толстого о гостеприимстве и куначестве чеченцев особенно велика, если вспомнить, что они записаны в середине XIX в. в разгар войны русского царизма на Кавказе.

Чеченцам был известен и обычай побратимства. Братались друзья, желающие стать еще более близкими, односельчане, желающие заключить дружеский союз – *доттагIалла, вошалла* (букв. дружба, братство). Существовало несколько видов этого обряда: смешивание крови – побратимы делали на руках надрезы и смешивали капли крови; питье молока из одной чаши, в которую как символ верности клали золотое кольцо и др. Символический смысл этой последней формы обряда – чтобы дружба никогда «не ржавела». После совершения одного из этих символических действий названные братья обменивались шашками, башлыками, бурками и другими вещами, что также символизировало братские отношения. О совершенном обряде побратимства сообщалось семьям и близким родственникам обеих сторон. В честь этого важного события у одного из названных братьев устраивали обед, куда приглашались друзья побратимов и члены их семей. С этого момента обе стороны принимали на себя традиционные обязанности истинных родственников. О названных братьях сложена народная песня «Анзора Зазу». В ней повествуется о том, как кунаку понравилась на синкъерам в его честь девушка, и он поведал об этом другу, у которого гостил. Не сказав, что это его невеста, тот уступил ее кунаку, более того – с почестями сопроводил свадебный кортеж. Узнав об этом, грузин-кунак возвращает невесту другу, привозит родителей и сестер и братается с другом.

Д. Шерипов писал о традиционном чеченском гостеприимстве: «чувство гостеприимства всосалось в кровь и плоть каждого чеченца. Все для гостя, кто бы он ни был. На последнее сбережение чеченец покупает фунтик сахару и осьмушку чаю и сам абсолютно ими не пользуется, а держит специально для гостя. Чеченец, когда ему нечем угостить гостя, чувствует себя крайне сконфуженным и чуть ли не опозоренным. Во время пребывания гостя хозяин отказывется от личных удобств и посвящает себя ухаживанию за гостем, подает, убирает и укладывает его на личную постель. Он же провожает гостя, и если таковой будет убит в пути, то вместе с родственниками убитого объявляет месть убийце (*Шерипов*, 1929. С. 28).

Если по обычаю любой приезжий или гость в какой-то мере принимался как верный друг, кунак, свой человек, то обычай требовал и от приезжего верности хозяину, в гости к которому он хотя бы раз приходил и «хлеб-соль» которого отведал. Например, приезжий путник, раз вошедший в чей-либо дом переночевать и пользовавшийся согласно обычаю правами гостя этого дома, при повторном проезде должен был ночевать опять у него же, а не в другом доме. Если он случайно изменял такому обычаю, то с него, согласно старинному обычаю, полагалась в качестве штрафа одна коза. Штраф этот, обычно из приличия, платит не гость, а новый хозяин, к которому путник пришел в гости. Ветераны Великой Отечественной войны вспоминают,

как командиры Красной армии, имея на руках приказ Главнокомандующего И.В. Сталина о депортации чеченцев и ингушей из действующей армии, сумели оставить в своих частях тысячи из них, изменив им документы о национальности, имена и фамилии. Ставший Героем Советского Союза чеченец Ханпаша Нурадилов, уничтоживший под Сталинградом 920 фашистов, стал, к примеру, кумыком. О Ханпаше в то время были сложены замечательные стихи, выпущены специальные листовки, о нем писали армейские фронтовые газеты. На его примере воинов учили патриотизму, чести, дружбе и фронтовому товариществу.

Традиции куначества и побратимства, верности дружбе сохраняются и в наши дни. Традиционное чеченское гостеприимство – это выражение души народа, его человеколюбия, доставляющее как хозяевам, так и гостям приятное ощущение духовного общения.

ГЛАВА 7

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ФОРМЫ СЕМЬИ

Основной формой семьи у чеченцев была малая семья, включавшая супругов с детьми и родителей мужа, наряду с малыми сохранялись и большие. Существовали разные переходные формы от одного типа семейной организации к другому. Малые семьи, подобно большим, не были однородными. В одних случаях они состояли из родителей и их детей, в других включали родителей или одного из них, и других родственников мужа: неженатого брата, незамужнюю сестру и других близких родственников. У чеченцев бытовали «несложные», и «сложные» малые семьи. Малая семья обозначалась словом *дьозал*, а большая – имела несколько наименований, которые подчеркивали ее хозяйственное и кровное единство: *цIа* – дом; *докх цIа* – большой дом; *цхьана цIийна дьозал* – люди одной крови; *цхьана цIенна дьозал* – люди одного дома; *цхьана цIеран дьозал* – люди одного огня; *цхьана дье дьозал* – дети одного отца; *къастаза вежарий* – неразделившиеся братья; *цхьана бехаш болу вежарий* – братья, живущие вместе и т.д. Более архаичными следует считать термины «люди одного огня», «люди одной крови», «дети одного отца». Большие семьи, которые в XVI–XVIII вв. продолжали бытовать наряду с малыми, отличались патриархальным характером и поддерживали тесные связи с группой родственных семей – патронимией. Полевые и архивные материалы дают возможность достаточно отчетливо проследить существование патронимии у чеченцев.

Совместное проживание было обусловлено особенностями земельных отношений (общинное землепользование и землевладение), несовершенством хозяйственных орудий и сохранением пережитков тайповых связей. Этому способствовала также налоговая система, введенная царскими властями в 1860-е годы, которая тормозила их распад, поскольку появление каждого «нового дыма» влекло за собой увлечение размера подати. Одно из доказательств бытования больших неразделенных семей у чеченцев – посемейные списки 1886 г., составленные в связи с переписью населения Северного Кавказа и межеванием земли среди горских сельских обществ. Данные посемейных списков показывают, что в горных селениях Чечни в конце XIX – начале XX в. процент больших семей составлял около 16%, а в плоскостных – 12% (ЦГА ЧР. Ф. 190. Оп. 1. Д. 29, 37, 39, 42, 44; Ф. 190. Оп. 2. Д. 1, 37; Ф. 149. Оп. 2. Д. 34, 36, 40). О бытовании у чеченцев

Чеченки, идущие за водой
Терская область, 1907 г.
РЭМ 1235-1

Чеченцы
Терская область, 1907 г.
РЭМ 1235-6

неразделенных семей писали Г.Н. Вертепов, Н.Н. Харузин и др.) (*Вертепов,* 1903. С. 105; *Харузин*, 1888. С. 123).

М.О. Косвен считал, что чеченская большая семья относилась к семье «отцовского типа» и состояла в основном из 2–4 и реже 4–5 супружеских пар. В конце XIX – начале XX в. она находилась на грани распада и перехода к малой семье (*Косвен*, 1963. С. 107–108).

Главой большой семьи был отец *цIенда* – (*цIа* – «дом», *да* – «отец, хозяин дома»), после его смерти – старший из его сыновей. Старший брат, став главой семьи, решал вопросы хозяйственной и общественной жизни, согласовывая с остальными братьями. Женской частью семьи руководила старшая женщина *цIийна нана* (от *цIа* – «дом», *нана* – «мать, хозяйка дома»), организатор жизни и труда женщин. При решении важных семейных вопросов *цIийна нана* приглашалась на семейный совет. *ЦIенда* никогда не вмешивался в женские дела, по обычаю это считалось недопустимым. Обязанности мужчин и женщин в семейном быту были строго распределены. Мужчины занимались земледелием и скотоводством, женщины – домашним хозяйством и сезонной работой в поле. Трудовые обязанности в семейном коллективе распределялись соответственно склонностям и способностями каждого, и выполнялись ими систематически из года в год. Имущественно-правовые взаимоотношения членов неразделенной семьи наиболее ярко проявлялись при ее сегментации и разделе общесемейного имущества. Это происходило после смерти главы семьи, если сыновья не хотели жить совместно; не выделялась отдельная доля для неженатого сына, но была специальная доля для старшего.

Фундаментом большой неразделенной семьи была коллективная собственность, которая передавалась по наследству и которой пользовались все члены семьи на равных условиях, независимо от доли участия в ее создании. Основное средство производства – земля (пашни, пастбища, сенокосы) была важнейшей частью имущества семейной общины, поэтому при выделении малой семьи в связи с малоземельем и остротой земельного вопроса в Чечне община старалась не наделять ее землей (во всяком случае, до нового передела). Подтверждением этому служит «дело об отказе наделить землею самовольно выделившихся 155 семейств села Новый-юрт» (РГИА СПб. Ф. 11. Оп. 6. Д. 150. Л. 7).

Важной частью собственности большой неразделенной семьи был также скот, который часто выступал у чеченцев мерилом стоимости и платежной единицей при торговых сделках, уплате калыма, а также выкупа за увечье, кровь, бесчестье и т.д.

В собственность семьи, помимо земли и скота, входили жилые и хозяйственные постройки. Понятия *цIа* – «дом» и *доккха цIа* – «большой дом» отражали значение дома как материальной единицы и семейной группы, объединенной не только общим жилым помещением, но и общим происхождением. Все члены большой семьи жили в *доккха цIа*. К нему для женатых сыновей пристраивались меньшие по размеру комнаты (*уотш*), или же строились отдельные небольшие дома в общем дворе. Они были второстепенными по хозяйственным и общественным функциям, выполняли роль жилых и подсобных помещений (*Кобычев,* 1968. С. 100).

Женщины с кувшинами. XX в.
РЭМ 6252-14

В имущественном отношении среди больших и малых семей наблюдалась глубокая дифференциация. Наряду с богатыми семьями, которые сосредотачивали в своих руках значительные земельные наделы и много скота, имелись бедные семьи, остро нуждавшиеся в земле и скоте. У членов как большой, так и малой семьи имелась и личная собственность. Собственность замужней женщины состояла главным образом из приданого; впоследствии она могла увеличиться за счет личного труда и подарков родственников. Если все заработанные мужчинами средства поступали в общую казну, то деньги и другое имущество женщин оставались в их личной собственности. В состав приданого обычно входили постельные принадлежности, крупный и мелкий рогатый скот, одежда, швейная машинка и т.д. К личной собственности женщины относилась и часть брачного выкупа «урду», назначавшегося на случай развода. Как правило, это была корова или же ее стоимость (обычно в виде серебряных монет). Положение женщины в семье зачастую зависело от размеров ее приданого (РГИА СПб. Ф. 149. Оп, 10. Д. 112. Л. 55). Без согласия женщины ни муж, ни свекор не имели права распоряжаться ее имуществом: «Приданое и все, что дается отовсюду невесте, составляет ее неотъемлемую собственность. Имущество жены считается неприкосновенным, без ее согласия муж не имеет права им распоряжаться» (*Малинин*, 1893. № 3. С. 58). М.М. Ковалевский также указывал на право женщины у горцев Кавказа (в том числе и чеченок) на личную собственность (*Ковалевский*, 1890. С. 143). Личным имуществом владели и другие члены семьи. У мужчин оно состояло из оружия, одежды, предметов индивидуального пользования.

Общесемейным имуществом считались: земля, основная масса скота, жилые постройки, домашний и хозяйственный инвентарь. Общая собственность основывалась на кровном родстве и коллективном труде всех ее членов и распространялась как на имущество, переходившее по наследству от дедов и отцов, так и на имущество, которое приобреталось общим трудом всех членов семьи.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ

Внутренняя жизнь чеченской как большой, так и малой семьи отличалась строгой организацией. Каждому члену в ней отводились свое место и обязанности, своя роль в трудовой деятельности семьи. Один из исследователей XIX – начала XX в. писал об организации коллективного труда: «В семейных отношениях чеченцев, подобно другим народам горного Кавказа, особое место уделялось полу и возрасту членов семьи – двум основным факторам, играющим значительную роль в управлении и организации труда в семье… Оба – муж и жена – точно распределены в домашнем быту. Она шьет одежду, носит воду, варит кашу, нянчит детей, прядет, ткет… Она еще должна нравиться мужу… Он молится 5 раз в день о благополучии дома, пашет, косит траву, возит дрова из леса… дерется, защищая честь семьи, судится» (*Иваненков*, 1910. С. 130). Автор середины XIX в. так описывал разделение труда в чеченской семье: «Содержание в исправности оружия и уход за лошадью составляет главные предметы заботливости мужчин. Кроме того, на нем лежит обязанность вспахать поле, привезти дрова, скосить сено и выполнять другие работы, требующие силы. Остальные работы, полевые и домашние, выполняет женщина: с раннего утра она начинает трудиться и кончает только вечером» (*Самойлов*, 1855. С. 67). Женские обязанности были обширны и в начале XX в.: «Она делает запасы молока и молочных продуктов, она собирает шерсть и перерабатывает ее в горское сукно, в бурки и другие принадлежности мужского и женского костюмов…» (*Бергер*, 1928. С. 30–31).

Мужчины в основном занимались скотоводством, женщины – домашним хозяйством и подсобными работами в поле. Пахота поручалась мужчинам; на жатву, требовавшую участия большого числа людей одновременно, выходили все – мужчины, подростки и даже женщины. В целом же в больших семьях в труде принимали участие все ее члены, включая и детей. Различные виды работ часто закреплялись за отдельными членами семьи в зависимости от их пола, возраста, способностей и умений. В семьях, где основной отраслью хозяйства было земледелие, главные производственные функции распределялись между мужчинами. Ответственность за качество пахоты и сева нес старший пахарь, который выделялся из числа остальных мужчин своим опытом. Женщины были заняты заботой о пище, одежде, воспитании детей, поддержании чистоты. Мужчины в «женских работах» участия не принимали: это считалось зазорным.

Разделение труда в больших и малых семьях было связано с экономическим уровнем и направлением хозяйства семьи. При натуральном характере хозяйства требовались специализация и разделение труда ее членов при

Чеченская семья. 1950-е годы
Личный архив З.И. Хасбулатовой

обязательном участии в трудовом процессе всех трудоспособных членов семьи. Видимо, у чеченцев половозрастное разделение труда было традицией, которая являлась следствием низкого уровня развития ремесла, носившего во многом еще домашний характер. Имело значение и длительное бытование большой семьи, что тоже, впрочем, объяснялось в основном причинами экономического характера, а не особой приверженностью традициям старины.

Малые семьи, как и неразделенные братские семьи, в целом были многофункциональной социальной группой. Женщина в малой семье, с одной стороны, освобождалась от многих обязанностей, выполнявшихся ею в неразделенной семье, от подчинения старшей женщине и т.п., с другой стороны, она должна была делать всю домашнюю работу сама. В малой семье женщина была более самостоятельной: по своему усмотрению распоряжалась запасами продуктов, изготовлением изделий из шерсти (одежды, паласов) и т.д. У чеченцев считалось неприлично, если мужчина делал замечания по поводу «женских дел», если только жена не была чересчур расточительной.

В семейном быту мужчина был хозяином, женщина должна была всем своим видом и поведением подчеркивать это. В присутствии посторонних жена при муже не садилась и не ела. Но в кругу домашних мужчины ели

вместе со своими женами и детьми. В большинстве случаев это зависело от порядков, которые были приняты в семье. Не только жена, но и муж должен был вести себя таким образом, чтобы жена уважала его и его родственников. По нормам чеченского этикета, мужчина должен был быть щедрым и великодушным.

Женщины в семье выполняли самые многочисленные трудоемкие работы: занимались приусадебным хозяйством, уходом за домашним скотом, заготовкой и хранением молочных и мясных продуктов, воспитанием детей, уборкой в доме и т.д.; обшивали членов семьи, заниматься обработкой шерсти.

Женщина по традиции всегда занимала второе место после мужчины. Но в семье она никогда не занимала второстепенного места. Семья была для нее тем местом, где она играла существенную роль, могла проявить инициативу и самостоятельность. Без ее участия не проходило ни одно значительное событие в жизни семьи. Чем активнее была роль женщины в хозяйстве, тем значительнее было ее место в семье, а статус женщины зависел во многом не только от возраста, семейного положения, наличия детей, но также и от ее личных качеств.

Взаимоотношения молодых людей и девушек определялись уважением к женской чести и свойственной для горской женщины скромностью. Один из дореволюционных авторов отмечал, что «несмотря на полное подчинение женщин, нельзя, однако сказать, что она по народным воззрениям лишена всякой вежливости со стороны мужчин или находится в явной зависимости от мужа: если женщина должна дать дорогу мужчине, то и мужчина обязан проехать так, чтобы оружие его не было обращено в сторону женщины» (*Семенов,* 1895. С. 297). Бить свою жену считалось величайшим позором, общество клеймило такого мужчину; за убийство жены виновный подвергался мести ее родственников и должен был выплатить по крайне мере ту же пеню, как за убийство двух мужчин.

Мщение, наказание, убийство не могли происходить при женщине. Более того, бросив с головы платок в середину сражавшихся, она могла остановить любое кровопролитие. Преследуемый кровник оставался невредимым, если он прикасался к груди старшей женщины дома, обретя в этом прикосновении родство и защиту и став нареченным сыном. Согласно адатам, мужчина-всадник не должен был обгонять женщину, он должен был спешиться и провести коня под уздцы; проезжая мимо пожилой женщины, мужчина должен был привстать на стременах в знак почтения. В архивных материалах отмечается: «Женщинам создают должное уважение: в присутствии их никому не нанесут обиды, и даже гонимый мстительным мечом найдет свое спасение, прибегнув женщине, тогда жизнь его остается безопасной» (РГАДА. Ф. Ермоловых. Д. 381).

В чеченской семье от детей, независимо от их возраста, требовалось беспрекословное подчинение родителям и почитание их. Законы горской морали (адаты) диктовали каждый шаг чеченца: как говорить с женой при людях, в семье; как говорить с детьми при старших и младших, при посторонних и родственниках, как вести себя в семье и на людях, что делать при встрече на улице или в дороге со взрослыми, с молодыми, с женщинами – молодой, старой, когда дороги идут в одном направлении или в разных, как ухаживать

за гостем. Вся жизнь чеченской семьи, весь ее уклад, были пронизаны этими обычаями.

В семье существовал ряд запретов, обычаев «избегания» между мужем и женой, между снохой и родственниками мужа, между зятем и родственниками жены, между родителями и детьми и т.д. Так, жених в течение всего периода свадебных торжеств находился у своего друга или родственника. До бракосочетания (религиозное оформление брака *мах бар*) жених не навещал невесту (обычно это происходило на четвертый день), не показывался гостям, после бракосочетания тайно посещал невесту. В середине XX в. невестка нередко не призносила имен родственников мужа, заменяя их имена другими именами или уважительными и красивыми обращениями: «*Хазник* (красивый), *дика-кьант* (хороший парень), *жима-ваша* (маленький дядя), *вокьху-ваша* (старший дядя), *хьомениг* (дорогой), *чехька верг* (быстрый парень), *лекьха-кант* (высокий парень)».

Невестка в течение определенного времени не могла разговаривать с родителями мужа, его друзьями, есть вместе с ними. Соблюдение запрета было тем строже, чем ближе по степени родства и старше по возрасту были эти люди. Случалось, что невестка до старости не разговаривала со свекром. Запрет говорить с женщинами продолжался недолго, ибо хозяйственные дела требовали общения. К невестке постепенно обращались родственники мужа с просьбой заговорить с ними. При этом они преподносили подарки. Данный обычай известен под названием *мотт бастар* – «развязывание языка». Свекор снимал запрет не сразу, при этом он должен был, в зависимости от состояния семьи, подарить корову или иной ценный подарок невестке.

Зять с родственниками жены должен был вести себя сдержанно, вежливо, стараться во всем уступать и угождать им. Считалось неприличным, если он часто находился в обществе жены. Супруги не называли друг друга по имени. Муж при старших не входил в помещение, где были его жена и дети, не ласкал и не брал на руки ребенка.

Полевые материалы показывают, что в современных чеченских семьях обычай избегания в основном изжил себя, хотя в личных отношениях, меняясь по содержанию, сохранил внешнюю этикетную форму. Так, во многих семьях придерживаются обычая уважительного отношения невестки к свекрови и другим близким родственникам мужа (она не называет их по имени, оказывает знаки внимания и почтения).

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Основными формами заключения брака у чеченцев были: браки по сватовству, браки умыканием и браки убегом. Строго соблюдался принцип экзогамии. При заключении брака важную роль играло сословно-имущественное положение брачующихся. От невесты, наряду с трудолюбием и моральной чистотой, требовалась и «чистота крови». У чеченцев было принято только патрилокальное поселение супругов; переход мужчины в дом родителей невесты считался недопустимым. Только в богатых и знатных семьях могло быть две и более жен.

Заключение брака включало несколько этапов: выбор невесты, сватовство (убег, увод), свадьба, послесвадебные обряды. Каждый этап представлял собой целый комплекс обычаев и обрядов, связанных с культовыми представлениями, якобы способствующими благополучному завершению всего дела. Поскольку основной целью брака было продолжение рода, свадьба сопровождалась магическими обрядами, которые должны были повлиять на появление здорового потомства. Например, входя в дом жениха, невеста должна была переступить через кинжал или пройти под скрещенными шашками, во время сна ложиться на определенный бок. Для обеспечения потомства мужского пола на колени невесты, как только она входила в дом мужа, сажали ребенка мужского пола.

У чеченцев брачный возраст наступал для мужчин в 17–20 лет и для женщин в 15–16 лет, но женились юноши обычно в возрасте 23–25 лет. Б. Далгат отмечал, что «девочки по адату должны выходить замуж не ранее 18 лет, это делается для того, чтобы научились вести хозяйство» (*Далгат,* 1929. С. 323).

В прошлом среди чеченцев имели место случаи, когда юноши из-за отсутствия средств не могли жениться до 30 лет и более, ранние браки были редкими, хотя бывали случаи, когда девушки выходили замуж и в 14–15 лет. Свадьбы в основном устраивались осенью и зимой. Считалось нежелательным вступать в брак в апреле – *бекари бут* («месяц кукушки»): это мотивировали тем, что кукушка не имеет своего гнезда (ПМА, 1984 г.).

Женитьба сына для чеченцев была ответственным событием семейной жизни. Обычно невесту подыскивали для сына сами родители, они стремились породниться с уважаемыми и достойными людьми. Об этом свидетельствуют авторы XIX в.: «Чеченцы стараются выбрать себе невесту из сильного и почетного рода» (*Ипполитов*, 1868. С. 7); «при выборе невесты главное внимание обращается на то, чтобы невеста происходила из хорошей фамилии» (*Акимов*, 1888. С. 143).

Большое значение в трудовых семьях придавали и личным качествам девушки, умению вести себя в обществе, дома: она должна была быть расторопной, уметь вести домашнее хозяйство. Также обращали внимание на ее здоровье и красоту, а зажиточные слои чеченского общества – на ее сословный и имущественный статус. От девушки требовались моральная чистота, целомудрие, трудолюбие, хозяйственные навыки. Чеченцы придавали важное значение и физическим качествам девушки, ибо она должна была дать жизнь новому поколению.

Нельзя считать, что браки заключались исключительно только по воле родителей. В отличие от других народов Северного Кавказа, мать у чеченцев принимала активное участие в решении судьбы, особенно дочерей. В рамках определенных обычаем норм и правил девушки могли общаться с юношами и выбирать себе спутника жизни. Эти встречи происходили на *белхи*, свадьбах, вечеринках *синкъерам*, посиделках *чукхайкхина*, у источников – *хи йистехь*. В большинстве случаев старшее поколение чеченцев хорошо усвоило положение, что семья должна возникнуть полюбовно: *безам ца хилча барт, ирс ца хьюла* (без любви не бывает счастья в семье), «любовь (*безам*) необходима в семье так же, как вода в жизни», – говорили они.

Встречаясь, молодежь присматривалась друг к другу, выбирая себе спутника жизни. Это же отмечал в 1870-е годы Н.Ф. Грабовский: «мужчины и женщины имеют возможность знакомиться между собой и поэтому в большинстве случаев вопрос о браке решается по предварительному обоюдному согласию» (*Грабовский,* 1876. С. 144). Конечно, было немало случаев, когда родители сами выбирали для своих детей спутников жизни. Об этом говорят полевые материалы и дореволюционные авторы (ПМА, 1985 г.; *Акимов*, 1888. С. 144).

Сватовство было сложной церемонией. Сватов выбирали, учитывая их влияние в обществе, социальное и имущественное положение, а также знание ими норм сватовства и традиций. Сваты приходили в дом родителей девушки неоднократно, поскольку согласие на брак почти никогда не давалось при первом посещении. Только после получения положительного ответа они притрагивались к пище в доме невесты.

Наиболее распространенным у чеченцев был брак с обоюдного согласия молодых. Брак заключался при условии выплаты, выкупа который вносили родители юноши; он называется *мах-там*, что в переводе означает «угодить, удовлетворить».

Размер *мах-тама* зависел от социального и экономического положения вступающих в брак, а также от конкретных случаев. Выкуп считался общепринятой, правомерной нормой и выплачивался скотом, оружием, деньгами. В далеком прошлом калым выплачивался не отдельной семье или отцу, а в целом родственной группе, к которой относилась девушка. «Калым у чеченцев вносился прежде не деньгами, а уплачивался коровами… впоследствии был заменен деньгами… обычно выплачивали по состоянию. Калым у богатых уходил весь на покупку приданого, а у бедных – половина идет на покупку приданого, а другая половина остается у родителей невесты» (*Акимов*, 1888. С. 143). Калым у чеченцев делился на следующие части: *мах-там* – выплачивался родителям невесты; *урдо* – сумма, оговариваемая на случай развода (обычно корова), которая не всегда уплачивалась.

Мах-там обычно составлял 25 рублей. Следует отметить, что родители невесты нередко возвращали его родителям жениха, объясняя это тем, что главное, чтобы молодые устроились.

Традиционно считается, что сумма брачного выкупа вносилась семьей жениха и поступала в распоряжение семьи невесты. Но более подробное изучение этого института показывает, что в подготовке калыма принимала участие не только семья жениха, а вся семейно-родственная группа, к которой он принадлежал. Родители невесты не оставляли весь выкуп у себя, а делились со своими близкими родственниками и даже соседями (ПМА, 1989 г.).

До настоящего времени полагается при выходе замуж племянницы, сестры и других близких родственниц дарить тете (по отцу и по матери), старшей сестре шерстяной платок – *кортали*, отрез на платье – *коч*, пуховый платок – *бой* и другие ценные вещи, в зависимости от состояния семьи девушки. В прошлом подобные подарки заказывались при переговорах о выкупе *мах-там*, о необходимости принести тот или иной подарок (*совгIат*) сообщала одна из взрослых женщин. Возможно, поэтому существовал обычай: те, кто получал долю выкупа, помогали родителям невесты в подготовке свадьбы.

Брак с выплатой выкупа – традиционная форма брака для многих народов Кавказа. Полевые материалы показали, что выкуп в наши дни относительно широко распространенное явление среди чеченцев, одно из основных условий вступления в брак, живой, реально функционирующий социальный институт. Практически все браки заключаются с уплатой выкупа. Этот обычай прочно укрепился в системе социально-экономических, культурных, нравственно-психологических отношений.

Заключение брака сватовством имело две разновидности: когда вместе со сватами отправляли девушку (после уплаты калыма и совершения обряда *мах-там*); когда достигали согласия родителей девушки и обе стороны готовились к свадьбе. Вторая форма сватовства практикуется чеченцами и сегодня.

Брак уводом имел свои разновидности. Первая, когда родители не приходили к согласию, а молодые любили друг друга. В таких случаях юноша вместе со своими друзьями приходил в условленное место, а девушка выходила к ним с подругой или невесткой, за что последняя получала «выкуп», как бы отдавая девушку ближайшему другу жениха, который, взяв ту за руку, уводил или увозил ее (брак убегом). Вторая форма брака уводом – насильственным путем (брак умыканием), т.е. без согласия девушки. Она встречалась относительно редко. К насильственному уводу (кроме случаев откровенной кражи девушки) прибегали, когда юноша или его родители получали обидный для них отказ. К насильственному умыканию прибегали и в том случае, когда девушка, встречалась с парнем и оказывая ему знаки внимания, но затем отказывалась выйти за него замуж, и парень считал, что девушка этим обманывала его. В таких случаях юноша со своими друзьями выбирал удобный случай и, несмотря на сопротивление девушки, увозил ее к кому-либо из своих друзей или близких родственников.

Родственники и наиболее уважаемые люди вели переговоры, которые, как правило, завершались успешно, если юноша был из «хорошей семьи». В большинстве случаев девушка вынуждена была стать женой похитившего, так как ее несогласие влекло за собой вражду и месть.

Бытовал также обычай, по которому можно было получить девушку с согласия ее брата: «Если во время какого-либо веселья брат выпивал за здоровье своей сестры с кем-либо из присутствующих и тут же принимал от него какой-нибудь подарок, то сестра его засватана и он обязан принудить отца выдать ее именно за известного приятеля» (*Акимов*, 1888. С. 144). Подобные случаи бывали очень редки, и такое поведение брата не одобрялось. О нем говорили: «цо шен йиша йоьхкина маларан кедах» («Он свою сестру продал за рюмку»).

Наиболее распространенной формой брака в XIX – начале XX в. был брак по сватовству. После завершения церемонии сватовства волосы девушки делили «пополам». Один из ее братьев-ровесников, или двоюродный брат движениями пальцев делал пробор в волосах от лба до затылка, приговаривая: «Пусть такая ровная будет твоя жизнь, твоя судьба в доме супруга», и щедро одаривал сестру. Девушка с этого момента считалась просватанной (*йехха*). Срок от обручения до свадьбы зависел от материального состояния семей, а также от конкретных условий. В течение всего периода от обручения до свадьбы семейно-родственный коллектив жениха должен был оказывать

Свадебное застолье
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

особое внимание семье невесты и ее родственникам. Просватанная девушка попадала под опеку двоюродных и родных братьев, взрослых женщин. Следили, чтобы она своим поведением не спровоцировала ситуацию, когда ее могли украсть «другие»; она танцевала на вечеринках, свадьбах только со «своими» родственниками (ПМА, 1985, 1988 гг.).

На свадьбу, как правило, собиралось много народу: близкие и дальние родственники, соседи, односельчане. У чеченцев и в настоящее время на свадьбу все родственники приходят без приглашения. Жених и невеста в свадьбе участия не принимали. Жених за несколько дней до свадьбы уходил в дом своего лучшего друга (*нуц воьссина цIа* – «дом, где остановился зять»), с хозяевами этого дома устанавливались родственные отношения. Жених оставался в доме друга 3–7 дней.

Хорошими и счастливыми днями для проведения свадьбы чеченцы считали четверг и понедельник (*Акимов*, 1888. С. 145). С самого утра свадебного торжества во дворе жениха играла музыка, приходили гости с подарками. Прежде чем собравшиеся отправлялись за невестой, их угощали, определяли участников свадебной процессии.

Свадьба всегда была насыщена музыкой, танцами, красочными ритуалами. Кульминационным актом свадебного торжества был переезд невесты в дом жениха, которому предшествовало скрепление брачного союза религиозным обрядом, производимым муллой. Этот обряд происходил в доме невесты и в доме жениха. Тайное оформление брака, видимо, было связано с тем, что, по народным представлениям, недоброжелатели могли навредить складывающейся семье.

Танцы на свадьбе
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

За невестой обычно ехали в первой половине дня. Свадебная процессия состояла из родственников жениха, 30–40 человек молодежи (иногда участвовал и жених), группы верховых с флагами (*байракхаш*). Отправляли с молодежью и женщину, бойкую на язык (родственницу жениха). Для невесты готовили специальную арбу, убранную коврами. В ней и ехала эта родственница жениха, которая должна была сопровождать невесту. Поезжане назывались *дзамой* (ПМА, 2009). Свадебная процессия включала в свой состав и старших родственников жениха.

В это время в доме невесты обычно собирались родственники и родственницы, ожидающие свадебную процессию. Готовилось угощение для гостей. Молодежь веселилась, плясала под звуки народных инструментов *мерз-пондур*. Подруги в песнях подшучивали над подругой, бросающей их, а также исполняли песни-плачи: «Ты ходила с нами на поля и мечтала иметь свое поле, сестра. Ты доила коровушку, а мечтала иметь своих телят. Брала на руки племянников, а мечтала прижать к груди своего птенчика! Ставила на стол угощения перед братьями, мечтала гостя издалека среди них увидеть! Мы тебя растили, холили! А оказалось, для чужой земли растили, для чужого дома тепло собирали, ароматами насыщали, одевали-обували, чтобы улетела орлица, как окрепнут крылья, на другую гору, в другую башню гнездо вить, под чужими стенами тепло стелить: Что поделаешь (Ва-ва-да-дай, хьу да деза?».

Тот, кому доверялось разжигать огонь на свадьбе – должен был быть из круга семьи, здоровый, с хорошими манерами, словоохотливый. О таком говорили: «Догьа дьеача цIе серла юьйлу цьуна» («Даже в дождь его огонь все

Вывод невесты из родительского дома
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

разгорается». Если огонь разгорался сразу, это было добрым знаком. Угли ритуального огня скрывали от глаз и убирали до следующего события, чтобы не обрывалась «цепь огня» в доме.

Родственницы и подруги одевали невесту. Богатство одежды и украшений зависело от состоятельности семьи. К подолу *гIабали* прикалывали от сглаза неиспользованную иголку.

Прежде чем невесту нарядят в традиционное платье – *гьабали*, ее купали и окуривали душистыми травами, особенно промежность, грудь, живот. Углями делались отметки на теле девушки (на руке, на спине – где не видно). Видимо, прежде это имело магическое значение, но сегодня у молодых это вызывает усмешки. Часто тетушки втайне от девушки клали в ее вещи маленький початок кукурузы, семена фасоли, семечки из сердцевины яблока, угли из семейного очага, веточку айвы, косточки персика и абрикоса.

Важной частью свадебного церемониала был обряд, о котором Б. Далгат писал: «при выходе замуж девушки в доме ее родителей собирались подруги и гости, разводили огонь в очаге, шафер жениха (позже подруга невесты) за руку обводил ее с прикрытым лицом три раза вокруг очага. Затем шафер брал одной рукой цепь в знак разрыва невесты с семьей и ее культом. После этого кто-либо из приверженцев жениха выводил невесту из комнаты» (*Далгат*, 1893. С. 87). Невесту трижды обводили вокруг очага также и в доме мужа, как бы приобщая к новому очагу, чтобы семейная «святыня» очистила ее (невесту) от злых духов, «нечистой силы» и чтобы очаг (*кхерч*) благосклонно принял нового члена семьи. По обычаю для поддержания огня в очаге гости и родственники привозили на свадьбу дрова. Со словами: «У нас нет коровы

Вывод невесты из родительского дома
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

и верблюда, чтобы подарить вам сегодня. Нет парчи и сахарных голов, но мы поддержим жар огня и тепло нашей радости», – поезжане клали дрова поближе к очагу, на котором готовилось свадебное угощение.

Друг жениха или родственник подходил к наряженной невесте (*кечйина*), брал ее за правую руку, что означало «с сегодняшнего дня стань мне снохой, сестрой». В момент, когда невеста переступала порог родительского дома, должен был раздаться выстрел – якобы для отпугивания враждебных духов (*Акимов*, 1888. С. 147). Подруги или другие женщины останавливали невесту у двери, требуя выкупа (*наьI лаьцна* – «держать дверь»). После платы за открытие двери, невесту сажали в приготовленную арбу или тачанку. Увозили и ее приданое. Рядом с невестой сидела женщина, приехавшая за ней.

Когда свадебный поезд *дзамой* выезжал со двора, мальчики-подростки в каждом узком месте на его пути устраивали преграды из камней или протягивали поперек дороги веревку, и каждый раз приходилось откупаться деньгами (*некъ лаьцна* – «дорогу держать»). При увозе невесты в дом жениха за нее происходила шуточная борьба. Отъезжающих недалеко от дома невесты встречали «криком, бранью, камнями и выстрелами» (*Акимов*, 1888. С. 146). Дорогой веселились, пели песни, шутили, иногда останавливались, чтобы потанцевать, стреляли в воздух из ружей и пистолетов. Эти обычаи бытуют и сегодня.

Ввод невесты в дом жениха – важный и значительный момент брачного ритуала. Свадебный поезд встречали у ворот. Один из сопровождавших, прибывший на лошади первым, стремился въехать в саклю, требуя выкуп *коч* – платье (отрез) за белую занавеску (*кирхьа*), за которой должна была

Вывод невесты из родительского дома
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

стоять невеста. Чтобы остановить всадника, на шею лошади набрасывали ткань. Всех прибывших осыпали сладостями, орехами, зерном, рисом, просом. Невестке при выходе из повозки под ноги бросали коврик (*куз*) и веник (*нуй*), которые она должна была поднять и отложить в сторону. Были и другие обряды, которые предусматривали цель обеспечить невесте в новой семье хорошую, сладкую, многодетную жизнь. Как только невесту вводили в дом, ее окуривали, осыпали просом, сладостями; в рот клали конфету, мед, кусочек курдюка. Она должна была ступить на порог обеими ногами и, прочитав молитву, войти в дом; брошенные под ноги веник или другой предмет ей полагалось отставить в правый угол, не поднимать глаза на старших, не разговаривать при них.

Невесту помещали за занавеской *кирхьа* в приготовленной для нее комнате (*уоти*). Вместе с ней постоянно находилась девушка, гости заходили «смотреть» невесту, поздравить – *декъал яй*, соврешить обряд развязывания языка – *мотт бастийта*. Во время свадьбы и несколько дней после нее жених не показывался в своем доме, находился у своего друга.

Свадьбы длились в прошлом два-три дня и дольше, они были красочными и зрелищными, насыщены музыкой, играми, танцами, песнями. Большое место отводилось шуткам, юмору. Что касается самого торжества – *ловзар,* то свадьбу справляли в любое время года во дворе. На самом почетном месте стоял стол, полный яств, здесь были целые жареные куры, индейки, мясо, напитки (*чагIар*), иногда – целый жареный баран. За этим столом, как правило, сидели наиболее уважаемые люди села во главе с *иналом* (*тамадой*) – руководителем застолья, сюда же сажали и почетных гостей.

Обряд «развязывания языка» невесте
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

По одну сторону от такого стола сидели несколько рядов девушек (девушки на свадьбах, равно как и на вечеринках и других увеселениях, сидели в почетной части двора, комнаты). По другую сторону сидели мужчины, молодежь, а женщины, подростки и другие посетители свадьбы стояли. Количество участников свадьбы не было ограничено.

Девушки и мужчины рассаживались по возрасту. Рядом с тамадой сажали наиболее почетных гостей – *лоруш болу хьеший*, уже не глядя на возраст. Обычно, здесь же сажали гармониста и барабанщика (*пондарчий-вотанчий*). В такт музыке мужчины, в основном молодежь, во время танца хлопали в ладоши. Девушки пели под гармошку лирические песни (*ладугьа эIьшараш*).

Особое внимание уделяли гостиям, их чаще других приглашали танцевать, гость мог пригласить танцевать любую девушку.

Обычно свадьбу вели несколько организаторов – *ловзар лелош волу стаг* («человек, ведущий свадьбу»). На эту роль выбирали, как правило, знатоков фольклора, обычаев и традиций, людей веселых, с организаторскими способностями. Они устанавливали очередность при танцах, передавали те или иные пожелания молодых людей друг другу. Здесь присутствовали канатоходцы (*пелхьош*), а также ряженые (*жухаргаш*), которые высмеивали недостатки и пороки, имитируя те или иные сцены жизни, оживляя своими действиями свадьбу. В конце XIX – начале XX в. действия ряженых уже утратили свое первоначальное магико-символическое значение и выполняли в основном зрелищно-развлекательную функцию.

На свадьбе танец предоставлялся тамаде, с ним танцевала девушка, сестра жениха или наиболее уважаемая гостья. Также на свадьбах происхо-

Невеста
Фото К.С. Вахаева, 2011 г

дило так называемое «выкрикивание девушки» (*йоІ кхайкха яр*). Во время танца девушки вдруг останавливалась музыка и громко говорили: «Кто знает эту девушку?» (*«Хьана евза хьара йоІ»*). При этом называли имя девушки и ее отца. Тут же кто-либо из родственников или друзей ее жениха должен был сказать «Я знаю» (*сунна ейза*), подойти к столу, где сидели почетные люди (*иналы*), и дать немного денег, после чего музыка снова начинала играть. Ряженые передразнивали эту сцену, «хватали» замужнюю женщину и тоже «выкрикивали» ее. За нее также выплачивался «выкуп», в противном случае они могли разыграть неприятные сцены. Сегодня этот обычай существует в трансформированном виде. Так, в честь понравившейся девушки во время танца бросают ей под ноги деньги, которые собирают дети, или же деньги вкладывают в руку танцующей девушки.

Девушки без сопровождения близкой замужней родственницы или невестки не появлялись на свадьбах. Выделялась особая комната, где девушки отдыхали от танцев, переодевались, где их кормили. Девушки из состоятельных семей за день свадьбы несколько раз меняли одежду. Платье *гІабали,* с богато украшенными нагрудниками и поясами были обязательным атрибутом свадьбы. Конечно, не все девушки могли иметь *«гІабали»* и одевались также в платья, качество которых зависело от состоятельности семьи.

Тамада у девушек, так же как и у юношей, должен был быть достаточно остроумным и не очень молодым. Например, тамада девушек должна была отвечать за их поступки на свадьбе. Поскольку с нее «спрашивали» (*бехк баккхара*), она не должна была выпускать из поля зрения ни одну из них. Не испросив у нее разрешения через мужского тамаду, ни один из присутствующих на свадьбе не мог обратиться к девушкам.

Особые нормы этикета соблюдали во время свадебных танцев. Когда танцевал кто-либо из старшего поколения, особенно из сидящих за столом *иналов*, «вся свадьба» (*дериг ловзар гІаттара*), т.е. все присутствующие вставали. Когда танцевала старшая сестра, младшая в знак почтения тоже вставала. Если на свадьбе присутствовал старший брат или отец, девушка танцевала только с ними или с другими родственниками, а не с посторонними мужчинами. Очень часто на свадьбах сестру просили танцевать с братом

(*йиши-ваший даккха*). Когда танцевала девушка-тамада, а также гость или гостья все остальные девушки вставали.

На свадьбе постоянно звучала музыка, исполнялись народные песни о героях, импровизации сопровождались игрой на струнном инструменте *дечиг-пондар*. Происходили состязания певцов, остряков, сказителей. Хозяева свадьбы назначали призы победителям. Богатые свадьбы сопровождались состязаниями силачей, скачками, джигитовкой.

В день свадьбы, к вечеру, когда гости расходились и в доме оставались только близкие родственницы, осматривали одежду невесты, принесенную из родительского дома в день свадьбы или заранее. Женщину, принесшую одежду невесты, одаривали. Это действо называется *чамданаш ястар*. Тот кто «открывал чемоданы» получал особый подарок. Подарки родственникам и приданое приносили после того, как невеста через определенное время возвращалась из родительского дома. Вечером в день свадьбы или на следующий день взрослые женщины и мужчины, а вместе с ними и свекровь, проводили обряд *мотт бастар* («развязывание языка»). Новобрачная должна была поднести воду самому старшему из присутствующих и на вопрос: «Можно ли пить», заданный несколько раз, в конце концов отвечала: «Мала» («Пейте»). После этого она могла разговаривать с новой родней.

После завершения свадьбы совершался обряд включения новобрачной в хозяйственную жизнь. Для этого пеклись пироги *чIепалгаш*. В один из них втыкалась иголка из подола свадебного наряда новобрачной. Молодежь с песнями, танцами вместе с невестой, которая несла кувшин (*кIудал*), отправлялась к роднику; обряд назывался *нускал хитIе даккхар* (отводить невестку к воде). Здесь пирог с иглой бросали в воду и стреляли в него. Затем зачерпывали воду в кувшин, который несла невеста, и опять с песнями и танцами возвращались (ПМА, 2000 г.). Стрельба в прошлом преследовала цель отогнать от невесты враждебные духи, но потом эта функция забылась и стреляли просто, говорили, что так положено, хотя сам обряд сохранился до настоящего времени повсеместно. После завершения цикла свадебных церемоний в целях благополучия и счастья молодых, устраивали *мовлид*, на который приглашались муллы и мюриды. Иногда приглашались близкие родственники невесты, а иногда специально совершали *мовлид* с приглашением родителей и близких родственников старшего возраста. Приходилось ли вам слышать, как в поздравлении новобрачным звучат такие слова: «Пусть ваша любовь, ваше родство не кончается, множится ваш род, звено этой новой цепи ничто не разрушит!» (цепь – по-чеченски *зIа-а* – звено; девушка, которая вошла в семью супруга, считалась очередным звеном в цепи семьи, где у каждого было свое место). Поздравляя молодых, один из старших делал акцент на этом: «Ахь, хьо йогIуш кху керта, еана зIа-а онда хийла, вай гергарло чагьдеш; вай вовшехь къастар доцуш» («То звено, что ты с собой принесла в наш двор, да будет крепким, укрепляющим наше родство, и оно не разрушит родства нашего»).

Зять посещал родителей жены через 2–3 месяца после свадьбы. Первый визит зятя отмечали торжественно, готовили обильное угощение, устраивали танцы. Сама процедура обставлялась всевозможными шутками, испытаниями и называлась *нуц хьийзавар* (мучить зятя). Зять, как правило, должен был стоять у двери (хотя почти всегда ему все же позволяли сесть), находиться

только в обществе молодых людей. Затем одна из близких родственниц или невестка брала зятя за руку и вводила в комнату, к девушкам, которые также здоровались с ним за руку (*невцан куьг лаьцна*), шутили с ним, спрашивали о здоровье своей родственницы. Затем его отводили снова в комнату молодых людей: в этот день его не сажали с мужчинами. С зятем принимали пищу сестра или близкая родственница (*стун йиша*), а после окончания трапезы он должен был положить на стол определенную сумму денег (*шуьна ахча дилар*). Зять должен был одарить детей деньгами. Вместе с ним дом родителей его жены посещали друзья и родственник старший зятя, который отличался знанием народных традиций и обычаев, остроумием. Вместе с ними из дома зятя приходила и одна женщина, которую одаривали. В дом родителей жены зять привозил барана, отрезы материи (*коч*) и другие подарки и продукты. Если ни одной из сторон не соблюдался траур, то обязательно устраивали вечеринку (*синкъерам*), на которой зять никогда не танцевал. Лишь после этого зятя, которого сопровождал его старший родственник, представляли родителям его супруги, или же он должен был показаться на следующее утро. Обряд *нуц гучувакхар* («показ зятя») в несколько измененной форме сохранился до настоящего времени.

Возвращение невестки в родительский дом (*ден цIа яр*) также было важным этапом свадебной церемонии; оно происходило после посещения зятя и также сопровождалось соответствующим дарообменом.

Молодая в доме отца оставалась от двух недель до месяца, затем возвращалась в дом мужа с приданым в сопровождении женщины, которую одаривали. За время пребывания в доме отца невестка готовила или же дополняла свое приданое, родственники также наделяли ее подарками, которые вместе со скотом и другими дарами родителей входили в состав приданого. Богатое приданое укрепляло экономическое положение женщины в семье мужа.

Чеченцы считали неприличным отправлять дочь в дом жениха без приданого, с пустыми руками. Приданое состояло из платьев, подарков родителям супруга, посуды, постели для новобрачной, постели для свекра и из различных вещей, необходимых для домашнего обихода. Недвижимое имущество отдавалось в приданое дочери только в исключительном случае. Приданое в семьях готовили чуть ли не с самого рождения девочки. Матрацы, набитые овечьей шерстью, пуховые перины и подушки; красивое, ценное откладывали для будущего дочери. Сын приводил невестку в дом, а вот дочерей растили для людей (*нахана*) чужим. И чтобы ей не пришлось краснеть, старались собрать побольше. Девушек учили рукоделью: они сами готовили вышитые салфетки, скатерти, накидки на подушки, угольники, боковые занавески для кроватей; вышитые подушки-подлокотники для свекрови – задобрить мать мужа, чтобы «была мягкой и доброй» (*кьеда-мерза хилийта*). Зачастую приданое бывало приготовлено самой девушкой, о чем обязательно говорилось при первом знакомстве со всем содержимым приданого в доме жениха после свадьбы.

Супруги жили с родителями мужа до тех пор, пока не женился следующий брат, а в некоторых случаях еще дольше. Невестка, особенно на первом году замужества, не должна была вмешиваться в дела семьи, демонстрируя полное послушание. Молодые соблюдали целый ряд обычаев избегания: они

не должны были показываться вместе в течение определенного времени перед родителями и старшими родственниками, не могли называть друг друга по имени, невестка не произносила имена близких и дальних родственников мужа, друзей мужа и даже соседей.

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ РЕБЕНКА

Забота о будущем потомстве начиналась с момента вступления в брак. Значительная часть обрядов свадебного цикла была посвящена пожеланиям многодетности молодой семье. Так, новобрачной подавали на руки младенца после ввода ее в дом, а затем горсть проса рассыпали за порогом. Женщина, застилающая постель новобрачным, избиралась по многим признакам: она должна была быть матерью 5–6 здоровых детей, физически сильной. Первоначальный смысл этих обрядов и обычаев давно забыт и исполняют их по традиции, только потому что «так надо». Если после нескольких лет семейной жизни беременность не наступала, женщина начинала предпринимать определенные шаги. Часто женщины обращались к святым местам – *зиярташ*. По поводу посещения чеченскими женщинами одного из «святых» мест Б. Далгат писал: «Тушоли особенно почитается женщинами… Тушоли является преимущественно божеством деторождения…» (*Далгат,* 1893. С. 100–101). Л.П. Семенов считал, что Тушоли считалась у чеченцев божеством плодородия с глубокой древности (*Семенов*, 1935. С. 49–137). Такие «святые» места существовали в прошлом и у других народов Северного Кавказа, например, у осетин.

В чеченской культуре материнство всегда было главным предназначением женщины. Но полностью реализовавшей себя считала лишь та женщина, которая родила сына. Женщина, у которой были сыновья и вообще много детей и внуков, пользовалась большим уважением.

Когда взрослые женщины узнавали о беременности невестки (*язъеяла* – забеременела), свекровь или другая старшая женщина приносила в комнату беременной одну меру пшеницы *сахьа*, заливала его с чтением молитвы водой, которая предварительно была пронесена над беременной. Зерна пшеницы, залитые водой ставили на подоконник или в другое теплое место. По мере того, как прорастали зерна, по их виду: вялые они или живые, здоровая ли зелень – судили о том благополучная ли атмосфера вокруг будущей матери. Если же что-то было не так, во дворе зажигали огонь, дабы отогнать от дома, от роженицы темные, злые силы, а остывшие угли заносили в дом и клали по четырем углам комнаты в укромные места, чтобы их не было видно. Проросшие зерна пшеницы добавляли в пищу беременной. Беременная женщина питалась со всеми членами семьи, тем не менее, ей не рекомендовали есть буйволиное мясо, пить буйволиное молоко, якобы это затягивало беременность и роды могли быть тяжелыми. Свекровь и другие женщины старались удовлетворить любое желание беременной, чтобы плод развивался нормально.

Ребенок в колыбели (*ага*)
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

По представлениям чеченцев, как большой грех расценивалось неудовлетворение желаний беременной. «Хьуна ши дакъа догIа» («Тебе положено две доли»), – говорили о ней.

В древности бытовали *унах цIена чоьнаш*, специальные чистые помещения для роженицы («ялта цIена ду, унах цIена хIусамчохь лаьттича санна» – «зерно чистое, словно оно стояло в чистом от болезней месте»). Это помещение, общее для всей патронимии, как правило, представляло собой изолированную постройку с большой комнатой, обшитой деревянными досками, с побеленными стенами, посредине сооружали на кольях кровать-настил из чистых досок, которые слегка обжигали во время разжигания ритуального костра. Все доски в помещении были хорошо просушены, а вся комната усыпана свежими углями, по которым босяком ходили обслуживавшие роженицу повитуха и ее помощница. Дорожки, ведущие к этому жилищу, да и вокруг, усыпали пеплом и углями. Вокруг этого дома часто жгли костры, дым окуривал само здание и окрестности. Костер в помещении не гасили, он постоянно согревал комнату и настил на кольях. Дым выходил в отверстие на потолке; количество кольев было нечетным – от 19 до 21. Вызывало опасение, если костер по каким-то причинам гас или рождаемость «падала». Предпринимались действия: молодых женщин заставляли купаться в родниковой воде, приносили жертву (птиц, животное), давали питье из лекарственных трав (спорыша, базилика), чистотелом кормили птиц, идущих в пищу членам патронимии. Это помещение обслуживало не только родственную группу, но и окрестных рожениц. Роженица

Колыбель (*ага*). XX в.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

«со стороны», как, впрочем, и все проходила ряд процедур – купание, стрижка волос, окуривание, протирание известковой водой (все это проводили вне помещения). Имелись специальные платья для роженицы и повитухи. Их полоскали в известковой воде, сушили на солнце или у очага вместе с куском мыла и травами, в которых купали новорожденного, узел со всем этим «драгоценным скарбом» подвешивался в правом углу жилища для рожениц. В результате благополучного исхода родов ребенку давалось имя хозяина земли, где родился малыш, или, если это девочка, имя повитухи, если двойня – одной из девочек давали имя одной из дочерей хозяина земли. Достаточно часто когда женщины рожали и в доме мужа (ПМА, 1980).

Беременную женщину старательно оберегали от испуга, ей не разрешалось после захода солнца ходить за водой, выбрасывать мусор или выливать на улицу воду; смотреть на покойника, бывать на похоронах, оплакивать умерших родственников. По представлениям чеченцев, беременные женщины не должны были смотреть на зайцев, ослов, чтобы ребенок не родился с «заячьей» губой или другими дефектами. Молодых женщин старались опекать: следили, чтобы она потребляла в пищу творог, яйца, орехи, изюм. Беременную не называли по имени, а иносказательно: «ласточка» (*чIегIардиг*), которая вьет гнездо для своих птенцов; «кегийра кIорнеш, къорза котам ю вайн бун чохь» («маленьких цыплят собралась высидеть рябая курочка у нас в птичнике»). Будущие роженицы освобождались от тяжелых работ, от белхи, от работ в поле, над ними подшучивали, когда отказыва-

ли им в участии в «общей работе»: «Буса малхе йоккхур яц хьо, дийнахь беттаха лар йир ю – хьанна ха а, хьуна чахь ху ду?!» («Ночью на солнце не выведем, днем от луны убережем – кто знает, что ты в себе носишь?!»). «Работать тебе нужно над другим», – говорили беременной, когда угощали ее земляникой или ежевикой, лесными орехами. Говорили, смеясь: «Это мы не тебя угощаем, а нашего дорогого высокого гостя, которого ты у сердца носишь» (ПМА, 2011 г.).

Повитухи глубоко почитались; их имена передавались из поколение в поколение. Многие информанты помнят, кого из их предков по материнской или отцовской линии принимала «куьг цIена Буккал» («Буккал, чья рука чистая»), «Нашхо-Нажи йоI Саждат бера схьа йоьцуш яра» («дочь Нажи из Нашхоевцев по имени Саждат принимала дитя») (ПМА, 2011 г.). Роль повитухи исполняла женщина благочестивая, неглазливая, поскольку считалось, что если ребенка сглазят в момент рождения или в первые минуты жизни, то его не вылечить никакими средствами. Повитуху одаривали, когда принятые ею дети вступали в брак.

Если роды затягивались, то повивальная бабка искусно массировала живот роженицы, заставляла ее ходить по комнате. В магических целях стреляли из ружья (как правило, это делал муж).

После появления на свет ребенка повивальная бабка обрезала и перевязывала веревочкой пуповину (*цIонгу*), причем оставшуюся ее часть высушивали и хранили в люльке для лечебных целей. Пуповину прятали или закапывали в сухое и дальнее место – чтобы никто не трогал (*меттахь ца хье деча*).

Чеченцам были известны способы исправления родовых дефектов: ребенку до трехлетнего возраста по утрам, когда он просыпался, и по вечерам, когда его укладывали в колыбель, мать или бабушка специально «прямили», нос, пальцы рук и ног, массируя их иногда так сильно, что ребенок плакал от боли.

После рождения ребенка купали в теплой подсоленной воде, а через три дня в теплой воде с мылом, насухо вытирали и смазывали топленым маслом. Так продолжалось в течение 40 дней, кроме одного дня в неделю, когда его просто мыли теплой водой с мылом (*Надеждин*, 1895. С. 248; *Покровский,* 1884. С. 91–92). Частое купание должно было способствовать росту ребенка.

Если рождался мальчик, то весть об этом встречали с особой радостью. Если же это был первенец, или же в семье было несколько девочек, об этом извещали выстрелами, организовывали празднование – скачки *говраш хаххка* с призами. Мальчики-подростки сообщали радостную весть родственникам, их одаривали: «Кьаъ бьахьаш дьеана дит» («Дерево несущее добрую весть»). Веточки айвового или сливового деревьев могли служить основой для маленького деревца, его украшали цветными лентами (синими – небо, зелеными – трава, красными – огонь, желтыми – цвет солнца) с радостными возгласами: «Вайна кьант вина! Вайга веза хьаша веана, «Вайна хаза хьетар хилла – церг ялла» («У нас родился сын! К нам высокий гость приехал», «У нас большая радость – зуб первый появился»). Детей одаривали сладостями, сушеными фруктами. Это красочное дерево держали обычно на видном месте, как отголосок радости и в ожидании следующей радости.

Рождение мальчика отмечали и отмечают сегодня совершением *мовлида*, сегодня рождение девочек и мальчиков – одинаково радостное событие, хотя и отдается предпочтение рождению мальчика.

Кормящую женщину, ее молоко, новорожденного старались уберечь от сглаза. Вот женщина вступила во взрослую жизнь: на время кормления молодая мать уходила на свою половину, никто не должен был видеть ее груди, сцеженное молоко; грудь крестообразно туго перевязывали. Резали кур – нечетное число – 3, 5, 7; ноги и головы птиц вместе с кровью закапывали, предварительно смазав порог кормящей матери, лобик ребенка и запястья матери и ребенку. Бульон и крылья шли на питание кормящей, остальное – гостям и домочадцам.

Среди послеродовых обрядов наиболее широко известны обряды наречения имени – *цIе тиллар*, укладывание в колыбель – *агана бер диллар*, стрижка волос, ногтей, первый шаг, появление зубов, обрезание и др. С колыбелью (*ага*) у чеченцев связан ряд поверий. Не разрешалось качать пустую люльку, переносить ребенка через ее перекладину, а саму колыбель дарили ребенку родственники матери – *ненахой*. Почти никогда в прошлом ребенку не давали имя сами родители. Бытовало мнение, что от выбора того или иного имени зависит многое в жизни, поскольку «власти имени» придавалось большое значение. Родители не давали имя своему ребенку – это считалось неэтичным, некрасивым. Обычно это право предоставлялось старшим родственникам по отцовской линии, старшие родственники по материнской линии (как правило, дедушка и бабушка) могли дать имя внуку, но только с разрешения отцовской родни. Имя новорожденному мог дать друг отца или деда, уважаемый гость.

Наряду с широко распространенными мусульманскими именами: Ибрагим, Хасан, Хусейн и др., у чеченцев имеются и традиционные имена: ТIаус (павлин), Лечи (сокол), Кока (голубь), Борз (волк) и др. С целью «сбережения» новорожденного давали и такие имена: Ваха (живи) мальчику, Яха (живи) девочке и т.п. По сведениям Н.Н. Харузина, имя новорожденному давали и так: отец избирает трех знакомых, которые бросают альчики (*гIулгаш*), «чей альчик встанет, тот и должен давать имя ребенку… если родится девочка, то собираются девушки, отнюдь не замужние женщины и по положению альчика избирают ту, которая должна дать имя новорожденной» (*Харузин,* 1888. С. 71). Об этом говорят и полевые материалы.

Первую стрижку волос обычно устраивали через 1–2 недели после рождения, а если ребенок был слабым, не прибавлял в весе, то и раньше. Для этой процедуры выбирали дни, которые считали хорошими – понедельник (*оршот*) или четверг (*еара*). Поручали стрижку молодому и здоровому парню, ближайшему родственнику по отцу или по матери, которого одаривали кисетом, рубашкой, хотя в народе говорили, что в этом случае одаривать следует золотом по весу остриженных волос. Обычай сохранился до настоящего времени. Одна из жительниц Серноводска вспоминала: «Поглаживая седые кудри, бабушка говорила, что за первую стрижку ее волос дядю одарили золотом по их весу. И это составило 5 наперстков золотого песка» (ПМА, 1980).

Первая стрижка ногтей новорожденного поручалась первенцу в семье (якобы ребенок в этом случае вырастет умным). Ногти не выбрасывали,

а клали в гармошку, в Коран, среди денег, чтобы всегда был при деньгах, ноготки девочек клали в швейную машинку или бросали в круг танца на свадьбе, чтобы хорошо танцевала, бросали в проточную воду, закапывали под орех, айву, персик, вишню.

Большим событием в жизни ребенка и его окружающих было появление первого зуба. Первые попытки ребенка начинать ходить также не оставались без внимания: с этим совпадал обряд выяснения будущих наклонностей ребенка.

Обрезание *сунт вар*, обязательный для всех мусульман обряд, обычно совершали до 4 лет, но у чеченцев он нередко совершался в 5–7 лет и позже. Человеку, который совершал этот обряд, как правило, делали подарок в зависимости от состояния родителей. В наши дни обряд обрезания проводят хирурги. Примечательно, что и сегодня совершившего эту процедуру врача одаривают рубашкой, носками и т.п.

Хьакъикъат – обязательный обряд, совершаемый в первый год жизни ребенка. Считалось, что лишь после его проведения ребенок обретает право на полноценную жизнь. Числам 3, 5, 7, 9, 11 – чеченцы придавали особенное значение, и важные в жизни человека соизмеряли по этим числам-знакам: через 7–9 дней до 9–11 месяцев рождения совершали *хьакъикъат*. По представлениям чеченцев, этот обряд оберегал ребенка от родового проклятия, кровной мести, от несчастных случаев, от стихий, и после его проведения ребенок рос здоровым, красивым, благочестивым: «Чтоб вырос порядочным и богобоязненным, чтобы был защищен от огня, воды и от других бед, чтоб в пропасть не упал, чтоб люди не говорили о тебе плохо, чтобы был здоровым, счастливым, благополучна была твоя жизнь» («Іьехь-иман долуш кьхиийла хьо, цьера балехь ларлуш, хин балехь, дагахь боцчу балехь ларвеш, зьенахь-зулмахь Іалашвеш, Іьинах чьу цьа ведаш, нехьа бага цьа ведаш, могуш-мярша леларволуш, ирс, Іъатто болуш вехарволуш»). Мясо на *хьакьхикьат* выделялось отцом ребенка, две головы барана для мальчика, одна голова – для девочки. Животному должно было быть более года. Мулла, который резал животное, называя имя ребенка, спрашивал разрешение у родителей ребенка на это жертвоприношение. Это называлось «просить разрешение» (*пурба даккхар*). Мулла трижды произносил молитву, резал животное, а разделыванием туши занимался один из родственников. Тушу не рубили, а делили по суставам, весомая часть отдавалась мулле. Одна туша шла на раздачу *сагьа* за мальчика малоимущим и соседям. Родные с воодушевлением отмечали это событие, украсив жилье и себя, завершая ритуал *мовлидом*, проводилось это, как правило, в четверг или понедельник.

Чеченцы использовали колыбель общекавказского типа. Традиционная люлька (*ага*) переносилась с места на место, ее легко можно было уместить в тесной комнате, брать на поле, вынести во двор, т.е. она всегда была рядом с матерью. Жесткая фиксация ребенка в колыбели была гарантией от травм. Люлька была в свое время необходимостью; она давала возможность матери отлучаться по своим делам, оставлять ребенка в люльке, будучи уверенной, что ребенок не упадет, не выберется из комнаты. Традиционная люлька используется до настоящего времени.

Была известна и подвесная колыбель (*гаьнгали*), четырехугольная, с накидкой. Ее подвешивали на женской половине жилья, если мать шла работать

гьянгли крепили на ветке дерева или на скрещенных кольях, дабы уберечь от змей. Накидка была двухслойной – верхняя из плотной ткани, нижняя из сетчатой (от мошкары, комаров).

Рождение сына всегда встречалось с большой радостью. При этом приговаривали: «Ворх вешин ваша хуьяд» («Быть ему братом семи братьев»). Даже при рождении девочки высказывали пожелания, выражавшие мысль об «идеальной» семье: «Ворх вешин йиша хуьлийла» («Быть сестрой семи братьев»). Рождение мальчика вселяло уверенность в продолжении рода. Сын был наследником имущества, с ним связывали продолжение хозяйственной традиции семьи, он был хранителем семейной чести, опорой и защитником семьи. Согласно обычному праву, только мальчик мог мстить за кровь отца или брата, за обиду, нанесенную сестре, матери, жене. Предпочтительное отношение к рождению мальчика связывают и с религиозными мотивами похоронного и поминального обрядов, культа предков. По шариату умерших родителей мог хоронить только сын, он же раздавал на похоронах *сагIа дакхар*. Как в прошлом, так и сейчас именно на сына возлагается ответственность за совершение поминальных обрядов.

Рождение сына повышало статус женщины, укрепляло ее положение в семье. До настоящего времени сыновья сохраняют глубокую привязанность к матери всю жизнь. Рождение девочки было не столь радостным событием. А рождение одних девочек расценивалось как «горе», ведь девочку считали гостьей в семье. Тем не менее, чеченцы считали, что «без девочек дом не так весел» («зуда бер чохь доцу цIа самукъане дац»), «зуда бер беркат ду» («девочка – благодать»).

Воспитание детей у чеченцев носило семейно-общественный характер. Большое значение придавалось воспитанию в семье. Об этом свидетельствует бытующее до настоящего времени выражение: «Чохь ца хилла гIиллакхоьздангалла нахаца хир дац, я цунах да хума дац» («Если не воспитан в доме, то воспитанность не проявится и среди людей, и даже если проявится – не стоит ничего»).

В раннем детстве к ребенку относились ласково, терпеливо, сдержанно. На него не кричали, не сердились, старшие не показывали своего раздражения, уныния. Неумение сдерживать себя, сердиться на детей считалось и считается пороком. О таком человеке говорили: «Собар дац цуьнгахь» («У него нет терпения»). Но эмоциональный тон менялся по мере взросления ребенка: от мягких запретов в раннем детстве к требовательной строгости в отрочестве, к дружеской опеке в юности. Эмоции уступали место предупреждениям, поучениям, наказаниям, хотя для чеченцев характерен достаточно гуманный метод воспитания. Для отца было характерно проявлять строгости и авторитет, для матери – мягкость и терпение. Чеченцы никогда не били детей, считая их благодатью божьей. Бесплодный человек считался ущербным. Значительная роль в воспитании детей принадлежала бабушкам и дедушкам, тетям: «Нена нана йцург, деда, нена да воцург нена Iиша, дье Iиша ецург ма ирс доцуш ву декъаза ву» («Как несчастен тот, кто не имеет ни бабушек, ни дедушек, ни тети»).

Воспитанием детей младшего возраста занимались женщины. Дети оставались в ведении матери до 6–7 лет, мальчики переходили к старшим по возрасту мужчинам, помогали им по хозяйству, обучались ремеслам. А девочек

начинали приучать к ведению домашнего хозяйства. С раннего возраста они становились активным помощницами матерей, учились рукоделию, ковроткачеству, обработке шерсти. Самое значительное место в народной педагогике чеченцев занимало трудовое воспитание. В процессе совместного труда со взрослыми дети приобретали трудовые навыки и умения. Взрослые показывали детям приемы трудовых операций, а во время дальних поездок (в лес, другое селение и т.д.) знакомили их с окружающим миром: деревьями, травами, животными.

Люди старшего возраста стремились передать своим детям накопленные предыдущими поколениями знания об окружающей среде. Детям рассказывали и о тех приметах, по которым можно судить о погоде: если лес начинает гудеть, то это предвещает изменение погоды; если в поле животные резвятся – то это к дождю; если журавли улетели рано, будет ранняя зима; зима будет холодная, если мыши рыли глубокие норы (ПМА, 1989). Земледельцы обучали своих детей прежде всего навыкам земледельческого производства, а животноводы – скотоводческой деятельности и способам предохранения скота от различных болезней.

Воспитание мальчиков и девочек в возрасте 11–16 лет проходило раздельно. На этом этапе большинство детей овладевало почти всеми трудовыми операциями, связанными с домашним хозяйством. К 15 годам чеченская девушка считалась самостоятельной работницей и совершеннолетней, и имела право вступать в брак. Юноша в 15 лет выполнял почти все мужские работы, носил пояс, принимал участие в конных состязаниях, мог присутствовать на собраниях как совершеннолетний и полноправный член общины и, в случае, если это касалось лично его или семьи, имел право выступать и высказывать свое мнение. На мужских собраниях и сходах присутствие мальчиков было обязательным с одобрения старейшин. Обычно на таких мероприятиях они помогали обслуживать взрослых – принимали бурки, привязывали лошадей, подносили еду, убирали дом для приема гостей.

Детям прививали и определенные моральные качества: любовь к труду, уважение к людям труда, представление о значении труда землевладельца, животновода. Трудовое воспитание подрастающего поколения включало как составной элемент и физическое воспитание. Подготовка не только трудоспособных людей и будущих защитников родины, но и выработка у молодого поколения морально-волевых качеств – решительности, настойчивости, смелости, самообладания – были задачей физического воспитания.

Чеченцы с глубокой древности занимались спортом. На территории общества Пешхо (Пешхой) находился один из старейших стадионов на Кавказе, где происходили игры и соревнования военного характера, а также спортивные состязания (*Сулейманов*, 1976. С. 83).

Мальчиков 6–8 лет уже включали в соревнования по бегу (по кругу, вверх-вниз с горы, на дальние и близкие дистанции; мальчики и девочки состязались в лазании по канату, в играх на конях – подбрасывании и ловле предметов, преодолении препятствий на плоскости, и в горах.

У чеченцев издревле существует представление об идеале доброй силы и красоты. И физическое воспитание помогало достижению этих целей.

Закладывание основ правильного общефизического развития, закаливания детского организма, привитие детям двигательных навыков являлись основными задачами первого этапа физического воспитания детей. На втором этапе дифференцировалось физическое воспитание детей в зависимости от пола. В воспитании девочек чисто спортивно-оздоровительные игры были на втором плане, уступая первенство ведению домашнего хозяйства под присмотром матери. Но в свободное от работы время девочки пели и танцевали, устраивали между собой, также и совместно с мальчиками, спортивные игры (бег, прыжки). Получив в детстве некоторые навыки, девушки демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах или общественных праздниках. Они также ездили верхом. Женщины выполняли почти все работы в хозяйстве наравне с мужчинами. Физическим воспитанием мальчиков на втором этапе занимались мужчины – отцы, деды, дядья, старшие братья, которые наблюдали за исполнением физических упражнений игр и силовых навыков.

Забота о физическом здоровье начиналась с младенчества. Так, после окончания купания, младенца опускали вниз головой, держа за ноги и похлопывая по ступням несколько минут. После 6 месяцев считалось необходимым хотя бы раз в день подбрасывать малыша на руках в стоячем положении. Приходилось и носить ребенка за спиной, что также считалось полезным.

Еще в первой половине XIX в. продолжали бытовать специальные школы для обучения мальчиков, отличные от исламских школ (*хуьжарий*). Детей отдавали туда в 10 лет. Школа могла быть в данном населенном пункте или в соседнем. Дети, находясь в подобных школах, общались со своими родителями, но жили постоянно у учителя (*устаз*) – человека 60–65 лет, т.е. возраста «распоясывания», познавшего жизнь, отличающегося мудростью и жизненным опытом. Будучи здоровым и физически развитым, он в течение 5 лет, изо дня в день готовил мальчиков к жизни, обучал их счету, определению времени, астрологии, этикету, боевым искусствам, ведению хозяйства. Подобное традиционное воспитание было довольно суровым.

За время обучения мальчики должны были зимой побывать в горах и песках, имея при себе веревку, ножичек и огниво; считалось большим позором, если у юноши там погибала лошадь. Одним из сложных испытаний было следующее: мальчика бросали в глубокую яму (3–4 м), и надо было по полету птиц определять обстановку вокруг ямы и т.д. По следу животных учились узнавать, какой зверь прошел, был он голоден или сыт, потревожен или спокоен, сколько времени прошло после этого и т.д. Вставали учащиеся задолго до восхода солнца и не имели права ложиться до наступления ночи.

При поступлении в такую школу отец говорил сыну: «ДаьIахкаш сан ю, дилха хьан ду» («Кости мои, тело твое»). Был известный учитель по традиционному воспитанию детей по имени Паскоч, выходец то ли из Майсты, то ли из Кийа. Его ученики выделялись собранностью, выносливостью, ловкостью и красотой. Например, хорошей подготовкой считалась быстрая реакция при неожиданном взмахе кинжала сзади, умение быстро наклониться и пропустить удар мимо. Были и другие сложные упражнения. Признаком

мастерства, например, считалось – если ребята доставали из гнезда голубя (*кхочалла кхокхий*), не испугав его (ПМА 1985 г.).

Одной из главных задач в семье было воспитание в детях любви к родной земле, готовности защищать ее, честности, правдивости, скромности, вежливости, уважения к родителям, к старшим, гостю. «Дикачу гIиллакхо лайх эла вина, вочу амало элахь лай вина» («Вежливость из раба сделала князя, а плохой нрав из князя сделал раба»), – гласит чеченская пословица.

С раннего возраста дети попадали в орбиту нравственных отношений семьи. У чеченцев было принято, чтобы родители в присутствии детей вели себя сдержанно, условием правильного воспитания считалось согласие родителей между собой и другими членами семьи. Важным считалось поощрение, которое должно было побуждать детей вести себя лучше. «Ребенок, которого растили с любовью, будет ласковым», – говорили старшие.

Основными методами воспитания были: убеждение, наставление, поучение; при этом главное внимание уделялось выработке таких привычек, как терпение, упорство, настойчивость, уважение к родителям, старшим, усвоение этикета. Эти приемы вырабатывались и развивались путем регулярного повторения и передачи из поколения в поколение под воздействием общественного мнения. Большую роль в воспитании подрастающего поколения играл этикет: правила поведения дома, в гостях, на улице, в общественных местах. Обычай предусматривал все: речь, лексику, жестикуляцию, позу говорящего. Традиционный этикет регламентировал поведение всех членов общества в зависимости от возраста, семейного и общественного положения.

Особое отношение к матери воспитывалось с детства. Ее нельзя было обидеть даже плохими мыслями, нельзя было грубить ей, повышать на нее голос. Чеченская пословица гласит: «Ненал мерза хумма дац» («Слаще матери нет ничего»). Дети во всех своих делах советовались с матерью, получали ее благословение: «Дала аьтто бойла, Дала лардойла» («Создатель да хранит вас»). Только в исключительных случаях мать прибегала к проклятию, которое по представлениям чеченцев имело большую силу. Человек, проклятый матерью, ожидал самых тяжких бед и несчастий; на него, проклятого родителями, все смотрели как на отверженного.

В этом особенно четко проявлялась религиозно-нравственная основа взаимоотношений между поколениями в семье. Правильным считалось, если сын следовал заветам отца; непослушные дети рассматривались как неблагодарные и были наказанием для родителей. Нравственные установки изменялись, приспосабливаясь каждый раз к новым условиям. Исследователь Н.И. Карлгоф подметил у чеченцев то уважение, которое младшие питают к старшим: «Уважение к старшим, перед которыми молодые люди не садятся и с которыми без их вопроса не начинают разговаривать, обычаи гостеприимства, условные формы вежливости, смягчая их нравы, много способствовали сохранению у них общественного спокойствия» (*Карлгоф*, 1860).

Положительное влияние на воспитание детей оказывал обычай гостеприимства. Мальчики должны были встречать гостя у ворот, обращаться к нему с соответствующим приветствием, помогали слезть с коня, вели в дом, принимали верхнюю одежду, выполняли просьбы и поручения гостя,

что было своеобразной тренировкой вежливости и проверкой почтительного отношения к старшим. Считалось в высшей степени неприличным вмешиваться детям в разговор старших, громко смеяться в их присутствии. Дети приучались исполнять наставления, просьбы родителей и старших.

Институт *аталычества* был известен чеченцам, но не столь распространен, как у адыго-абхазских народов и осетин. В конце XIX – начале XX в. он еще встречался. Б. Далгат писал: «Плоскостные чеченцы и ингуши заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам и кумыкам как более культурным народам на воспитание» (*Далгат,* 1929. С. 52). Детей отдавали на воспитание в состоятельные семьи, причисленные царскими властями к высшим сословиям. Полевые материалы подтверждают данные письменных источников о существовании у чеченцев атлычества и говорят о том, что ребенка отдавали на воспитание в разном возрасте, в зависимости от конкретных условий. Так, если умирали родители, то близкий друг отца или родственники забирали ребенка и часто отдавали на воспитание в другие семьи. В течение того периода времени, когда ребенок находился у аталыка, родители, если они были, и другие родственники не проявляли к ребенку знаков внимания. Считалось, что частое общение с родителями препятствует формированию мужественной, волевой и самостоятельной личности. Сыновья аталыка и воспитанник считались молочными братьями, их связывало родство даже более сильное, чем кровное (*Арсанукаева*, 2002. С. 187).

Вместе с ребенком к *аталыку* отправляли необходимые вещи (колыбель, одежду и др.). Воспитатель кормил, поил, одевал, обучал верховой езде, всем военно-физическим приемам. Основное место отводили физической подготовке своего воспитанника и умственному развитию. Аталык стремился привить воспитаннику высокие нравственные и морально-этические качества. Отношения *аталыка* и воспитанника соблюдались на протяжении всей жизни и продолжались их детьми. Воспитанник на протяжении своей жизни оказывал внимание своему аталыку и его семье. Если ребенка брали маленьким, аталыку приходилось приглашать кормилицей свою родственницу или близкую женщину. Тогда к родству по воспитанию добавлялось и молочное родство. Отметим, что чеченцы прибегали к аталычеству очень редко и в большинстве случаев отдавали ребенка в кабардинские и ногайские семьи. По свидетельству наших информантов, кабардинцы охотно принимали детей чеченцев (ПМА, 1984).

Исторические данные свидетельствуют, что аталычество было известно чеченцам в отдаленные времена. Так, А.С. Пушкин следующим образом упоминается об этом обычае:

«…Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный…
Так молвил важно и спокойно:
«Прошло тому 13 лет,
Как ты в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца…»

(«Тазит»)

На уроке
Фото К.С. Балаева, 2011 г.

Новогодние праздники.
Дети с Дедом Морозом. 1975 г.
Личный архив З.И. Хлобыстовой

Положительные традиции народного воспитания (особенно связанные с трудовым воспитанием, традиционным этикетом) обогащают арсенал воспитательных средств современной научной педагогики и в этом их практическое значение. Сегодня изучение традиционных норм воспитания детей и их пропаганда – важнейшая задача и обязанность этнологов и этнопедагогов.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Погребальная обрядность чеченцев включала три этапа (предпогребальные обряды, похороны, послепохоронные обряды) и была во многом аналогична обрядам других народов Кавказа, исповедовавших ислам, хотя сохранила и многие доисламские обычаи. Имелись свои представления о легкой смерти. Если человек не мучился, не находился долго в постели, не был в тягость близким – это считалось хорошей смертью.

Предпогребальные обряды были связаны с подготовкой умершего к погребению, многие из них отличались древностью происхождения. Умерший человек уже не принадлежит этому миру, его душе необходимо было простить все прегрешения, тело омыть, достойно проводить, накормить всех, кто пришел с ним проститься и выразить соболезнование, прочесть его завещание миру, простить его без слез перед выносом тела и никогда не говорить об умершем плохо. Как только человек умирал, ему перевязывали кисти рук и ноги; один из присутствующих держал подбородок, чтобы не деформировалось лицо от предсмертных судорог.

Смерть воспринималась как естественный исход человеческой жизни. Верили, что это переход в другую жизнь, что душа (*са*) после смерти человека до определенного времени находится в тесной связи с живыми и требует к себе соответствующего внимания. Жизнь воспринимается чеченцами, как проживание в гостях: «ХьошалгIахь ду вай» («Мы в гостях»), «эхарта дIадаха дезаш ду» («Мы должны уйти в иной мир»). Чеченцы верили, что души усопших зорко следят за земным миром, оберегают близких, шлют им вещие сны, приносят озарения. В народе говорили: «Как будто никогда не умрешь – так надо трудиться для жизненных благ, и как будто завтра умрешь – совершать богоугодные дела» («Цйра лийр воцуш санна даьхни лаха деза, хIинц лийр волуш санна, Делахь кхоьруш хила веза…»).

В большинстве случаев человек готовился к смерти: откладывал средства на похороны, покупал необходимое для савана, из личных сбережений намечал определенную сумму на милостыню. Услышав о том, что тот или иной человек ушел в мир иной, все бросали дела и стремились в тот же день показаться на похоронах. И в настоящее время, услышав даже о постороннем усопшем, чеченцы выражают соболезнование: «Дала геч дойла цунна, шен валарна реза хийла иза». Они верили, что душа усопшего придет на суд Всевышнего, и ее участь будет зависеть от степени праведности его мирской жизни. Две полярности – наказание ее – это ад; милость Всевышнего – это рай. Душа должна пройти через мост испытаний (*Сурт тьай*), праведные дела должны перевесить на весах (*Терза*).

Сразу после смерти, пока покойника готовили к похоронам, организовывалось жертвоприношение «милостыня умершему» (*велла чун сагIа*): ре-

Выход похоронной процессии со двора
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

зали скотину и раздавали мясо и зерно (обряд раздачи (*капфарат*) в 7–10 семей по 3,5 кг (*сахьа*) соседям, близким, односельчанам, пекли и раздавали пироги с сыром (*чIепалгаш*) или блинчики (*детинна чIепалг*). Обмывание и обряжение покойника (или покойницы) производили специальные люди, женщину обмывали –женщины, а мужчину – мужчины, 2–3 человека. После обмывания покойника облачали в саван (*марчу*). Материал для савана предпочитали простой (белая вязь, батист), дорогие ткани не рекомендовались. У женщин для *чухты* могли использовать и зеленую материю. Традиционно мужчину заворачивали в три слоя, а женщину – в пять. На женщину надевали туникообразную рубашку (она считалась отдельным слоем), штаны, платок, поверх головного убора завязывали ленту из зеленой ткани (допускался и зеленый цвет, затем – верхний слой савана (*марчу*). Похороны совершались в день смерти, если успевали совершить все обряды до захода солнца, или же на второй день до обеда. Покойника относили или же отвозили на арбе; сегодня везут на машине (если кладбище далеко) только мужчины, женщинам разрешалось только провожать похоронную процессию, при этом сестра провожала брата дальше всех. Церемониал, связанный с похоронами, продолжался семь дней. Мясом и другой обрядовой пищей, как правило, угощали лишь приехавших издалека. Обычно посетители приходили группами. Соболезнование принимали все сородичи и в первую очередь наиболее близкие старшие родственники-мужчины. Церемония оплакивания (*тезет*) проходила во дворе. Женщины находились в помещении, каждая из них занимала положенное ей, согласно степени родства, место. При появлении новых лиц женщины начинали вновь выражать свое горе плачем и причитаниями

(причитали только близкие родственницы покойного). Плакальщицы указывали на достоинства усопшего. Говорили о его делах, ласковыми словами обозначали общеизвестные о нем сведения. Если это был мужчина, то говорили, как он был добр к ним, как оберегал их, как будет не хватать его мудрого доброго тепла. Если же это была бабушка, мать, тетя, то оплакивая ее, говорили, сколь добра она была, как под своим крылом согревала, скольких накормила и обласкала: «Как мы будем в этом мире суеты без твоей доброй любви?» Чеченцы не допускали в похоронных плачах истерик и рыданий. Смерть воспринималась как неизбежный этап жизни. Эту волю Всевышнего не подвергали сомнению, а плач и тихие слезы принимали за нежное воспоминание об утрате или слабость сердца.

На седьмой день после похорон устраивалось угощение «выход на могилу, раздача милостыни» (*кеше бовлар, сагIадакхар*). В дом умершего в этот день приносили для общего угощения что могли: барана, мешок муки, халву, что-либо из сладостей. Обязательным было угощение всех пришедших в дом, женщинам давали с собой халву и чурек, чтобы отвезли это семьям. В пятницу, до восхода солнца, близкие родственницы впервые посещали могилу усопшего. Старшая женщина читала там отходную молитву «Ясин» (чеч. *иеса*). Этим завершался похоронный обряд. Все расходы, связанные с организацией похорон и поминок, несла семья умершего, при необходимости помощь оказывали члены патронимии.

Мусульмане-чеченцы преклонного возраста составляли при помощи сельских мулл завещание (*весет-кехат*), где было сказано о разделе имущества, о затратах на свои похороны; обязательно указывался ответственный за проведение похорон. Перед смертью (*Іожалла* – смертный час) вызывали муллу или другого сельчанина, умеющего читать молитву *иеса* (Ясин). Во дворе умершего проводили оплакивание покойного (*тезет*). В эти дни приходили родственники, знакомые, односельчане умершего выразить соболезнование (*кадам*).

Обряд похорон продолжается три дня, но покойника обязательно хоронят в день смерти. Покойника называют *дакъа*. Этимология этого слова видимо связана с древним обычаем захоронения в солнечных могильниках *маьлха каш*, когда трупы раскладывались на ярусах, где они высыхали (*дакъо* – сушить). Старательно купают на погребальных носилках (*барам*) с мылом, надев на руку перчатку. Затем, обкладывая отдельные части тела ватой, заворачивают покойника в саван (*марчу*) – и перевязывают его у макушки, в талии и у ступеней тряпочкой или бечевкой.

Погребальная одежда отличалась способом пошива, приготовления, материалом, цветом и др. По народной традиции каждая чеченская женщина с приближением старости собирала «одежду на смерть». Готовили ее, умеющие шить погребальные вещи: рубашки, панталоны, чувяки и др. Если умирала девушка, то ее хоронили в свадебном платье *гIабали*, на голову надевали *чухту* и зеленый платок или же белый платок и зеленую повязку-ленту. Головной убор покойника-мужчины был похож на чалму. У чеченцев мужчину, убитого в бою, не обмывали и хоронили в той же одежде, в которой он погиб. При выносе мужчину накрывают буркой (*верти*), а женщину – зеленым одеялом или же большим платком (*къинжа йолу кортали*). После этого мужчины сразу уносят покойника на погребальных носилках на кладбище, прикрыв его буркой или ковром, женщины же, проводив покойника до

Молитва на кладбище
Фото К.С. Васильева, 2011 г.

Обряд погребения
Фото К.С. Васильева, 2011 г.

околицы, с плачем возвращаются и продолжают оплакивать умершего. Обычно среди женщин находится та, которая умеет искусно плакать с причитаниями. Раньше плакальщиц специально приглашали, за это платили деньги или давали подарки. Все пришедшие женщины должны были обязательно плакать, так как не плакать в этот момент считалось неприличным. Мужчины напротив, на похоронах не плакали.

Когда похоронная процессия приходит на кладбище (*кешнеш*), там все уже бывает готово: вырыта могила, подготовлены надмогильник, доски и т.д. На кладбище мулла читает отходную молитву, старики, положив покойника у могилы, молятся, затем его опускают в землю и кладут в нишу (*лахьта*), шириной 25 см. После этого, развязав бечевку у головы, открывают лицо покойника. Ниша закладывается специальными досками или оттесанными в форме досок чурбаками, а иногда саманом или кирпичом. Закладка эта называется *упха*. Для закладки в прошлом подбирались деревья, которые долго не гнили, например, граб, о чем и говорит этимология слова *упха* (*у* – «доска», *пха* – граб, чинара). Затем могилу засыпали землей и устанавливали надмогильный памятник (*чурт*); на могилах погибших в бою ставят шест с флажком.

Мулла снова читает отходную молитву «ясин», на могильный холмик льют из кумгана воду, которая, по народным поверьям, должна попасть на уста покойника.

Родственники-мужчины умершего в знак траура не бреют бороды, а женщины ходят в больших белых платках и сторонятся веселья. В доме умершего по обычаю в течение трех дней не полагалось разжигать огонь и готовить пищу, соседи приносили готовую пищу для старших женщин, а более молодых приглашали к себе для принятия пищи и отдыха.

У чеченцев, как и у всех народов Кавказа, похороны были многолюдными и продолжались в течение недели, *тезет* продолжался в течение трех дней. Получив известие о смерти, все родственники и знакомые спешили в дом умершего. Любой, кто проходил мимо, обязан был зайти во двор и совершить молитву *кадам бар*.

Большим грехом считалось самоубийство (особенно если человек вешался). Самоубийцу не разрешали хоронить на сельском кладбище, считалось грехом выражать соболезнование по этому случаю и участвовать в похоронах самоубийц.

Некоторые обычаи и обряды этого цикла сохранились со времен язычества. Так, доисламским является запрет разжигать огонь в доме покойника. Традиция устанавливать над могилами стелы-чурты восходит к началу нашей эры и в ходе исламизации не исчезает, хотя ортодоксальный ислам и запрещает отмечать погребения какими-либо памятниками. *Чурты* более раннего периода были покрыты «языческим» декором: изображениями человеческих фигур, оружия, солярных знаков, предметов быта и др. С утверждением ислама на *чуртах* стали высекать арабские надписи, суры из Корана. Однако отголоски «язычества» сохранялись до недавнего времени: на *чуртах* изображались различные предметы (одежда, пояса, кинжалы, ножницы, посуда и т.д.), которые по обычаям «язычества» полагалось класть в могилу; иногда встречались даже изображения людей и животных. Сейчас вместе с арабскими надписями (*сурами*) на *чуртах* надписи на русском или родном языке, говорящие о том, кто и когда здесь похоронен.

СОВРЕМЕННАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ СЕМЬЯ

Основной формой семьи чеченцев уже давно стала малая семья, которая имеет несколько подтипов: малая семья с одной супружеской парой с детьми соответствует нуклеарной, простой, несложной малой семье; ее вариант – одна супружеская пара без детей; сложная малая семья – супружеская пара с детьми и одним из родителей (в основном это родители мужа или другие родственники, тоже в большинстве случаев родственники мужа); неполная семья – вдова или разведенная женщина с детьми, вдовец или разведенный отец с детьми.

В Чечне тесно переплетаются этническая и конфессиональная стороны жизни. В связи с этим важно указать на роль религии в жизни семьи и общества. В советское время отношение к религии было сложным. Под лозунгами атеизма происходило размывание традиций народа. В настоящее время с раннего детства прививаются представления о нравственности и духовности, ведется религиозное воспитание.

Вековые традиции сохраняются и в современной семье. Это и проведение обрядов с соблюдением всех ритуалов, с использованием национальной одежды, оберегов, благословлений старших женщин по материнской и отцовской линии, передача предметов быта от бабушки внуку или внучке; предметов обихода из дома в дом, что сопровождается произнесением традиционной формулы: «Беркате цIарчуьра – беркат дахьаш хийла» («Из благого дома пусть с благом придет»). Это и поиски родовых корней – имен прадедов, прабабушек. Из-за запрета снохам произносить имена старших имена многих предков забыты. Все же внукам стараются давать имена предков, тем самым чтя их память, но при этом часто называют детей и вторым именем.

В современной семье, как и в прошлом, особое внимание уделяется уважительному отношению к старшим, а наряду с этим – вниманию к младшим, к женщине. Соблюдаются нормы этикета. Любой из чеченцев инстинктивно встает при виде взрослого человека, никогда не садится за трапезу при гостях, молодая женщина демонстрирует свое уважение к свекру и свекрови, при них громко не смеется, не ведет праздных разговоров. По традиции чеченки покрывают голову косынкой или шалью, а сегодня даже девочки младшего возраста надевают косынки.

В постсоветский период наблюдалось некоторое забвение национальных традиций и обычаев. Но сегодня интерес к истокам национальной культуры возрождается. Например, молодоженам дарят ковры-истанги, обязательно выводят молодую невестку к воде, соблюдая древний обычай *хи тIе дигар нускал*, проводят «развязывание языка» невестки *мотт бастийтар*. В Чеченской республике ведется широкомасштабная работа по возрождению национальной культуры, обычаев и традиций нахов. В семейных традициях существенную роль сегодня играет религия. Основным хранителем религиозно-бытовых традиций является семья, ее старшее поколение, которое передает эти традиции детям. Программа возрождения республики, ее прогрессивных традиций затрагивает и область семейных традиций. В учебных заведениях в учебную программу включены как обязательные курсы по изучению морали, нравственно-трудовому воспитанию, культуре. Средства массовой информации постоянно обращаются к вопросам сохранения и возрождения духовных традиций, норм поведения в семье и обществе.

ГЛАВА 8

КАЛЕНДАРЬ И КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

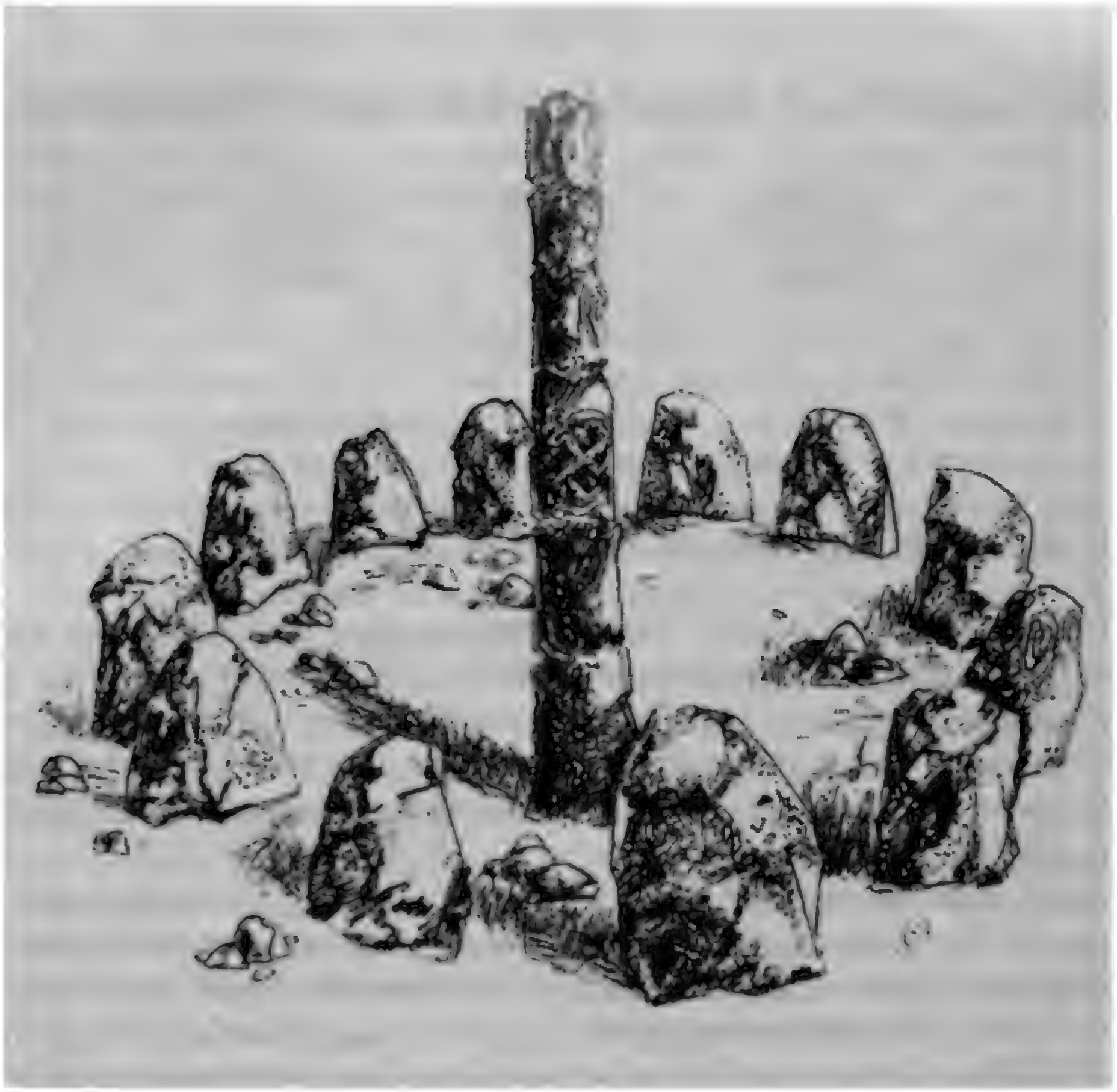
СЧИСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ И КАЛЕНДАРНЫЙ ГОД

Традиционный календарь может рассматриваться как один из источников, в котором зафиксированы разнообразные сведения по истории развития хозяйственной деятельности народа в далеком прошлом. В календаре чеченцев фиксируются эмпирический опыт, методы и приемы, накопленные в течение веков. Первые сведения о календаре чеченцев появились еще в 1876 г. в газете «Кавказ» (*М.К.*, 1876).

Год (*шо*) состоит из 365 дней с четвертью. Это представление свидетельствует о том, что в основу здесь положено годовое перемещение Солнца между звездами. Для того чтобы выйти из астрономического казуса, чеченцы считали, что каждый последний месяц четырех годичных циклов имел не 30, а 31 день. Кроме того, второй месяц по счету от зимнего солнцестояния состоял из 31 дня, а второй месяц от летнего солнцестояния набирал сутки только через четыре года. Счет велся в обратную сторону по пальцам от мизинца и полный год выпадал на большой палец и состоял из 366 дней. По народным представлениям, полный год, состоящий из 366 дней, являлся наиболее удачным. Год делили на 12 месяцев и на два периода: летний и зимний.

По сведениям информантов, в период зимнего солнцестояния солнце «гостит дома» три дня и три ночи, а во время летнего солнцестояния, по одним представлениям – две недели, по другим – три. Б. Далгат зафиксировал, что «солнце гостит дома» зимой три дня и три ночи, а летом – три недели (*Далгат,* 1893. С. 84.) По сведениям С.-М.А. Хасиева, солнце гостит дома зимой – две ночи, а летом – 4 дня (*Хасиев*, 1974. С. 198). Период летнего солнцестояния, как считалось, обычно бывал дождливым *малх ц1ахь йочуна.* Год делился на четыре периода: весна – *б1аьсте*, лето – *аьхке*, осень – *гуьйре*, зима – *Іа*.

В настоящее время значение и смысл терминов, обозначающих времена года, забыты. С.А. Хасиев предполагал, что термин *б1аьсте* означает *бавсса* (пустой), а противостоящее ему время года *гуьйре* явно связан с накоплением и сбором (*Хасиев*, 1974. С. 198). По народным приметам, часто погода лета и зимы были взаимосвязаны: если лето было дождливым – значит, зима должна быть теплой, и, наоборот, жаркое лето предвещало суровую и холодную зиму; если же зимой было мало снега, то летом ожидали засуху.



Солнечные часы в с. Химой
Реконструкция
Шаройский район
***Ильясов*, 2004. С. 41**

Каждое из времен года (*мур*) делилось на три месяца (*бутт*). Наименование месяца и луны в чеченском и ингушском языках совпадает, но, в отличие от других народов Кавказа осетин, кабардинцев, грузин, месяцы не были лунными.

Некоторые авторы отмечали, что у чеченцев год на месяцы не делится (*Шегрен*, 1843). На это, в частности, обратил внимание Б. Далгат, который, приводя названия месяцев у чеченцев, предварительно оговорил, что они будут «гадательными» (*Далгат*, 1897. С. 84). По его мнению, месяцы именовались по названиям празднеств, приуроченных к этому времени. Год начинался с месяца *Наджигонцхой бутт*; второй месяц *Мархи-бутт* (месяц поста), на который приходился семидневный «отцовский пост», называемый также «христианским» и соответствующий великому посту; *Бекрик-бутт* (кукушкин месяц) – соответствовал марту; апрель – *Тушоли-бутт*; пятый месяц – *Сели-бутт*, примерно соответствовал маю; июнь – *Мангл-бутт* (месяц покосов); Июль был назван по празднеству *Мятцели*; восьмой месяц – также по празднеству *Мяцхали-бутт*, он приходился на август или часть июля и августа; девятый месяц *Тау-бутт* (месяц *отавы*, или травы, выросшей

после покоса) – сентябрь; десятый месяц *Ардари-бутт*; одиннадцатый месяц *Орхи-Бутт* (это осенний месяц); наконец, двенадцатый месяц *Огой бутт* – декабрь, к этому времени откармливали баранов и начинали их резать; тогда же бывало празднество Огой (*Далгат*, 1897. С. 85). Приводя такой порядок месяцев, Б. Далгат не учитывал, что чеченцы как и другие народы Кавказа, считали каждый месяц с 22 числа, т.е. с солнцестояний.

Сейчас трудно установить, какие месяцы составляли чеченский календарь, ибо в памяти народа они сохранились слабо и почти не увязаны с теми явлениями, которые дали им наименования. Но все же постараемся реконструировать календарь, сопоставив имеющиеся письменные источники с полевыми материалами.

Первый месяц года, соответствующий январю (с 22 декабря по 22 января), назывался *Наджигонцхой бутт* (Ножой, Гонцхой).

Февраль (22 января – 22 февраля), *Мархи-бутт,* называли также *Агой* (*ОгIой бутт*). В настоящее время наименование *Мархи-бутт* закреплено за месяцем *Рамадан* по мусульманскому календарю. Кроме того, в народных представлениях существуют еще месяцы, которые называются *Аьккхи-мархи бутт* (месяц поста аккинцев) и *ГIалгIай-мархи бутт* (месяц поста ингушей), которые относят к февралю и марту, по всей вероятности, *Аьккхи-мархи бутт* и есть *Мархи-бутт*.

Марту (22 февраля – 22 марта) соответствует *Бекрик-бутт* (*Бекирга*). Это месяц кукушки, так как она прилетает в это время. *Тушоли-бутт* соответствует апрелю (22 марта – 22 апреля) месяц назван в честь божества *Тушоли*, покровительствующего плодородию (*Шиллинг*, 1935. С. 99–111). В это время прилетает птица удод (*Тушоли-котам*, букв. «курица Тушоли», которую нельзя было убивать). Ежегодно в честь *Тушоли* устраивали праздник, в нем участвовали в основном женщины, поскольку *Тушоли* считалась богиней плодородия, деторождения и всякого приплода.

Май (22 апреля – 22 мая) – *Сели-бутт* – также назван по имени бога – *Сели* (бог неба, молнии и грома); он был главным и наиболее почитаемым богом у чеченцев. Месяц *Сели* А. Тутаев относит к середине лета, он пишет, что праздник, посвященный богу *Сели*, отмечали после первого весеннего дождя и радуги; этот месяц именуется также *байна Сели-бутт*, т.е. утерянный месяц *Сели*.

Июнь (22 мая – 22 июня) – *Мангал-бутт* («месяц косы»); иначе его еще называют *Марс-бутт* («месяц серпа»), *Цанарой-бутт* («Месяц косарей»).

Июль (22 июня – 22 июля) – *Мятцели-бутт*, назван по имени покровителя земледелия и общего благополучия – *Мятцели*; в настоящее время этот месяц называют *Воккха Мятцели-бутт* («месяц Большого Мятцели»; есть еще «месяц Малого Мятцели»).

Август (22 июля – 22 августа) – Мяцхали-бутт, назван по имени божества (*Далгат,* 1897. С. 85).

Тау-бутт соответствует сентябрю (22 августа – 22 сентября), в народе этот месяц уже забыт.

Ардари-бутт – октябрь (22 сентября – 22 октября), иначе – *Мохи-бутт* (вероятно, «месяц ветров»), а также *Аги-бутт* («месяц люльки»); некоторые информанты называют его еще *Къиги-бутт* («месяц ворон»).

Ноябрь (22 октября – 22 ноября) – *Орхи-бутт (Ори-бутт)*; в этот месяц пускают баранов к овцам; устраивают в период случки особый праздник, поскольку в жизни горных чеченцев скотоводство имело немаловажное значение.

Последний месяц года – *ОгIой-бутт* (22 ноября – 22 декабря).

А. Тутаев относит название *Огой* к февралю, часть исследователей считает, что это неверно. В частности это подтверждается бытующей в народе присказкой: «Лиса предупредила лисенка, чтобы он в месяц *ОгIой* не ступал на лед, так как он еще очень тонок и можно провалиться». Сам же А. Тутаев указывает, что этот месяц, согласно народному преданию, назван по имени легендарной птицы Агой, которая лет 300–400 тому назад якобы прилетела в Ингушетию в четверг, а улетела через семь дней, тоже в четверг. Летели эти птицы осенью, в начале ноября, вслед за отлетом журавлей. Интересно, что старики предсказывали, что если птицы Агой прилетят в четверг днем, то год будет сухой, урожай плохой, а если прилетят ночью, то богатый. Старики также говорили, что семь лет подряд птицы Агой прилетали и улетали ночью. Исследователи предполагают, что с этим связано поверье о том, что раз в семь лет происходит изменение в жизни в лучшую или худшую сторону.

Чеченцы помнят еще другие названия месяцев, которые, по всей вероятности, связаны с природными условиями и хозяйственными занятиями людей. К ним можно отнести апрель, который горные чеченцы называют *Іу аркъал-бутт* (букв. «месяц, когда пастух лежит на спине»). Это, видимо, объяснялось тем, что на полях вырастала к этому времени сочная трава и пастуху не о чем беспокоиться. Сентябрь называют *Сай кхойкху Іоху бутт* («месяц, когда кричит олень»), в народе с ним связывают выпадение первого инея, а также говорят, что если в воздухе появляется *сай чопеш* (досл. «пена изо рта оленя») – осень будет хорошей.

В с. Макажой Веденского района издревле возделывали лен (*вета*), и здесь известен месяц *«Ветана бутт»*, правда, уже не помнят, какой это месяц по современному календарю. В с. Халкелой Шатоевского района есть местность *Ветана корта* («вершина горы льна»); здесь, по всей вероятности, отмечался праздник сбора урожая льна.

Имеется еще несколько «локальных» месяцев, названия которых не поддаются объяснению: *АйгIинтIе бутт», ЙоргIулой бутт* (возможно, это месяц, когда устраивали скачки в честь умершего), *КIеги бутт* (*кIега* – досл. «раскаленный уголь»), *Оьрзера бутт*.

Приведенные материалы позволяют разбить названия месяцев на две группы. К первой относятся названия, основанные на сроках сельскохозяйственных работ и наблюдениях над состоянием природы: *Бекрик-бутт, Мангал-бутт, ЦIенарой-бутт, Іу аркъал бутт, Ардари-бутт, Тау-бутт, КIа хьокху-бутт*. Чеченцы, подобно другим народам Северного Кавказа, восприняли от юлианского календаря лишь форму, а непонятные латинские названия заменили понятными и близкими. Новые названия отождествлялись с теми или иными именами и различными явлениями в природе. Ко второй группе относятся названия, связанные с древними языческими верованиями чеченцев: *Мархи-бутт, Тушоли-бутт, Сели-бутт, Мятцели-бутт*.

Середина марта (канун древнего нового года) – середина апреля – *Зазан-бут* («месяц распустившихся почек»), Комри бут («месяц тутовника»),

Жимчу бецан бутт – «месяц короткой зелени, первой травы». В это время сушили собранные с деревьев почки (липовые, березовые от бесплодия), а также мяту, зверобой, тысячелистник, чабрец.

Названия месяцев даны по характерным для данного времени года сельскохозяйственным занятиям и по названиям праздников, посвященных языческим божествам. Такие названия, как «месяц покосов»; «месяц молотьбы», «месяц льна», «месяц покоса пшеницы» и др. свидетельствуют о том, что чеченцы вели счет времени по основным видам сельскохозяйственных работ. Полевые материалы свидетельствуют, что лишь единичные информанты помнят еще старинные названия месяцев: они вытеснены названиями месяцев общераспространенного календарного исчисления, которым пользуется ныне большинство народов мира.

Месяцы у чеченцев не лунные и содержат по 30 и 31 дню. Об этом свидетельствуют и полевые материалы. Информанты делят месяц на две части по пятнадцать дней, которые в свою очередь делятся на две недели (*кIира*) по 7 и 8 дней (*де*). Также называют неделю осетины – *къIыри* (*Абаев*, 1958. С. 652). Название недели происходит от груз. *квира* – неделя, воскресенье. Вероятно, данное заимствование относится к периоду проникновения в Чечню из Грузии христианства (*Шамилев*, 1963. С. 85).

Названия дней недели и связанные с ним представления подробно описаны Б. Далгатом: «за первый день (недели. – *З.М.*) считается оршот. Этот день посвящен ветрам (день ветров) и свободен от полевых работ; в противном случае все разнесет ветром. Вторник “шинери” (шинара. – *З.М.*) день телки, в который нельзя ее запрягать. Среда называется “кха-ара” (т.е. день бога Сели), замечательна тем, что в этот день нельзя давать соседям ничего из дома, а в особенности огня, так как посвящена богу грома Сели. Четверг называется “еъара” (сокращенно “ера”, правильнее – “еара”. – *З.М.*). В этот день раньше бывали празднества в честь Огоя.

Праздновали преимущественно одни девушки. Они ходили по домам и собирали от хозяек всякую провизию… Получив что-нибудь, девушки делили собранное и уносили домой. Пятница – “пIераска” (груз. *параскеви. – З.М.*) ничем не знаменовалась; с принятием мусульманства этот день стал священным “Джумэ”. Суббота – “шот” считается “днем волков”; кто почитает и празднует этот день, у того волк не будет таскать овец. Воскресенье – “кьирандье”, день, сворачивающий неделю, т.е. недельный день (слово взято у грузин, считается божьим днем» (*Далгат,* 1893. С. 84).

В настоящее время дни *оршот, еара* и *кIиранде* считаются наиболее удачными. По словам информантов, в *оршот* родился пророк Магомед, в *еара* его положили в люльку, а в *кIиранде* бог сотворил мир, поэтому работа, начатая в этот день, не остается незавершенной: «то, что начато в воскресенье, в понедельник будет закончено» («кIирандийна долийна хIума оршот дийнахь чекхдер ду»). Этот день считается в народе наиболее удачным для выхода плуга, косы, посева, вообще для начала всех важных сельскохозяйственных работ. В некоторых местах день *еара* считается неудачным для сенокошения, из-за опасения, что все разнесет ветром.

Как наиболее несчастливый называют день *кхаара*. Считается, что все самые неприятные события происходят именно в этот день. Люди говорят: «Кхаарий дийнахь бала буссу» (букв. «в этот день кхаара приходит беда»).

До сих пор сохранилось нежелание давать что-либо из дома в этот день. В недавнем прошлом в этот день после сумерек не давали соседям огня. Шинара в некоторых местностях тоже считается несчастливым днем (напр., в с. Дарго Веденского района). О субботе шот рассказывают, что, якобы бог создал баранов для волков, а человек попросил их у волка, обещая держать их для него и для себя. Но человек обманул волка и не дал ему часть баранов, на что волк пожаловался богу, от которого получил ответ: «Что ты достанешь своими зубами, то и будет твое». С тех пор волк стал таскать баранов у человека. Когда же человек в свою очередь пожаловался богу, тот ответил: «Если будешь почитать субботу, то волк не будет таскать овец». Поэтому этот день и называется днем волков. Говорят: «Борз ша йогур ю шен дакъа дIа дахьа» («Волк сам придет за своей долей»). У Б. Далгата зафиксировано то же предание (*Далгат*, 1893. С. 129).

Пятница считается праздничным днем, когда работать не полагается. Но если что-нибудь требуется сделать срочно, следует сделать жертвоприношение *мела сагIа* и тогда выполнять работу.

Счет дней велся на семь дней вперед и назад. И.Ю. Алироев считает, что до проникновения в горную Чечню христианской седьмицы в ней существовала своя седьмица, названия которой связаны с языческим культом (*Алироев*, 1976. С. 139). В горной Чечне до сих пор существует этот счет: *тахана* («сегодня»), *кхана* («завтра»), *лама* («послезавтра»), *ула* («на третий день вперед»), *цIака* («на четвертый день вперед»), *цIаста* («на пятый день вперед»), *цIула* («на шестой день вперед»), *цIумока* («на седьмой день вперед»). У кистин счет дней сохранился лишь на четыре дня вперед: *тахан кхана, лама, ула, цIака*. Этот счет связан с языческим культом святилища *цIу*, восходящим к уважению чеченцами огня *цIе* (Там же. С. 142). Почитание чеченцами огня отражается и в поговорках: «ЦIарца бегаш ма бе, хих ма теша» («И с огнем не шути и воде не верь»), «ЦIа дагадахь а цIе тоьла, кха дагадахь а, малх тоьла» («Хоть и дом сожжет – огонь лучше, хоть и пашню спалит – солнце лучше»). Счет дней назад полностью не сохранился: *селхана* («вчера»), *сомара* («позавчера»), *стомарчу хьалхарчу дийнахь* («на третий день назад»).

В счете дней фигурируют названия дней недели, месяцев, годов, столетий, тысячелетий; *кIира* – неделя, *бутт* – месяц (название месяца у древних нахов – *маха*), *шо* – год, *бIе шо* – сто лет; *эзар шо* – тысяча лет. Счет дней велся как в прямой последовательности, так и в обратной: *тахана* – сегодня, *кхана* – завтра, *лама* – послезавтра, *ула* – на 4-й день, *цIака* – 5-й день, *цIакин цука* – 6-й день; или такой ряд: *тахана* – сегодня, *селхана* – вчера, *стомара* (у равнинных чеченцев – *томара, ши де хьалха*) – два дня назад, *кхо де хьалха* – три дня назад, *кIира хьалха, бут хьалха, шо хьалха* – 1–3 дня назад, неделю назад, месяц назад.

Новый год, согласно народному календарю наступает 22 декабря в первый день месяца *Наджиганцхой*. Хотя вопрос о праздновании Нового года остается не вполне ясным, отметим, что в жизни чеченцев этот праздник имел и имеет большое значение. Как и у других народов, он приурочивался либо к зимнему солнцестоянию, либо к началу сельскохозяйственного года. Но полевые материалы дают основание считать, что была еще одна дата наступления Нового года, которая связывалась с днем летнего солнцестояния.

Этим термином пользуются иногда и сейчас. Календарь чеченцев основывается на круговороте или пути солнца, который начинается из дома *«малх цIа кхаьчна хан»* («солнце достигло дома»). В этот период, по народным представлениям, солнце якобы переходит из мира мертвых («бухара дуьне») в мир живых («маьлха дуьне»). Люди не могли не отмечать благополучное прибытие солнца из мира мертвых. «Малх денбелла – солнце ожило!» – говорили об этом времени. Трудно сказать, какое из представлений о Новом годе более древнее. Но представления о Новом годе, связанные с днем зимнего солнцестояния и началом сельскохозяйственных работ, а также с днем летнего солнцестояния, глубоко почитались чеченцами в XIX в., и хотя ислам оказал на них значительное влияние, они не приняли мусульманского исчисления времени.

Каждое из четырех времен года делилось на более мелкие периоды. Из этих внутренних периодов (*мур*) в памяти народа сохранилось немногое. Чеченцам было известно деление года на 6 периодов *Іа* (зима), *Іаьна чилла* (40 самых холодных дней зимы), *бІаьсте* (весна), *аьхке* (лето), *аьхкене чилла* – самые жаркие 40 дней лета, *гуьйре* (осень).

Іьана чилла (зимние 40 дней) – самые холодные, суровые, снежные, в горах боялись снежных обвалов, хранители дорог жгли на перевалах костры, к этому времени запасали дрова, пищу, мед, травы. Это сезон окота у животных, когда им требуются прикорм и особый уход. Отчет этого периода идет с середины декабря (17–22 декабря) – его завершение приходится на конец февраля – начало марта.

Аьхкенан чилла (40 самых жарких дней лета) – к этому времени (с 22 июня до конца июля) приурочивали *белхи*, обустройство жилья, делали кирпичи из самана, рыли котлованы для хранения воды, канавы; сушили мясо, собирали и сушили ягоды и травы; в это время не женились, не разводились, не отправлялись в путь. Об этих 40 днях говорили: «Колесо домашних дел крутится, вокруг сестры и брата пришло время показаться» – («Цийна чIург хьевзина кертара – йиша вешина гонахь хьевзина хан»).

Чеченцы считали, что когда в земном мире лето, в мире мертвых – зима. Отсюда шло противопоставление лета и зимы. И для лета, и для зимы были характерны 40-дневные периоды *чилла*, которые наступали по истечении 25 дней зимы или лета. *Аьхкенан чилла* (летнюю *чиллу*) в народе почти не помнят, но это с нею связано название насекомого цикады (*чилла*). Зимняя *чилла* включает, таким образом, конец месяца *Наджигонцхой* и месяц *Аьккхи-мархийн*. По поводу следующего после *чиллы* периода в народе говорят, что месяц *Аьккхи-мархийн бутт* сказал предыдущему месяцу *Наджигонцхой*: «Если бы я был такой сильный, как ты, то заставил бы треснуть рог трехлетнего быка».

Как было отмечено, год у чеченцев имеет 365 дней с четвертью. Это свидетельствует о том, что народный календарь отличается достаточной точностью. Традиционный чеченский календарь даже в том виде, в каком он дошел до нас, позволяет предполагать существование древних глубоких контактов чеченцев с цивилизациями Передней Азии.

Переломные моменты года определялись разными способами, например, по звездам. Считалось, что в первую ночь лета восходит *Чухкьера* (Малая медведица), а в первую ночь зимы она заходит (*Хасиев*, 1974. С. 17). В горных условиях использовали заметные ориентиры, например, вершину горы,

откуда восходит и заходит солнце в тот или иной период года. Если отсутствовали естественные ориентиры, то устанавливались каменные стены, по которым можно было определить переломные моменты года по движению солнца. Информанты сообщают, что даты четырех поворотных моментов солнцеворота устанавливались по тени вертикально установленного шеста, устанавливалось так же и время суток. В народе говорят, что шест – это часы древних.

В чеченском языке сутки обозначают словосочетанием *де-буьйса* – (день и ночь). По словам информантов, сутки начинаются с наступлением сумерек (*маьркIажа хан*). Видимо, в древности сутки начинались утром, когда люди просыпались, что явно подтверждается самим словосочетанием *де-буьйса*.

Сутки включали четыре периода: *Iуьйре* (утро), *делкъе* (полдень), *суьйре* (вечер) и *буьйсана юкъ* (полночь), которые делились на двенадцать *хан*, аналогично делению года. Более детальное деление суток было следующим: *Iуьйкъе* (предрассветное время), *сатоса хан* (время, когда забрезжил рассвет), *сахуьла седа кхета хан* (время восхода предрассветной звезды, т.е. Венеры), *сахуьла хан* (начало рассвета), *малх схьакхета хан* (время утренней зари), *Iуьйре* (время до восхода солнца), *малх айало хан* (время, когда солнце поднимается над горизонтом), *гIушка хан* (время утренней трапезы пахарей), *малхгIонжахе болу хан* (где-то до 10 часов утра), *гIушлакхе* (от 10 часов утра до 12 часов дня), *делкъан хан* (полдень), *делкъал тIаьхье* (время после полудня), *малх тIехьа лестина хан* (приблизительно от 3 до 5 часов дня), *малх буза хан* (закат), *суьйре* (сумерки), *маьркIажа хан* (начало ночи), *пхьуьйра хан* (время, когда темнота углубляется), *буьйса* (ночь, полная темнота), буьйсанан *юкъ* (полночь) или *боргIал дека хан* (время, когда кричат петухи), *жIаьлех хIозхуьлухан* (время предрассветное). Считается, что в это время собака сворачивается в кольцо. Этот период обозначают и другим выражением – *говран мочхалш совцу хан* (время, когда челюсти лошади перестают двигаться). Оба выражения означают, что все живое в это время спит глубоким сном. В более позднее время из этих периодов упоминались лишь те, которые были приурочены ко времени совершения намазов.

Отсчет времени ведется от настоящего времени (*карара хан*), обращаясь при необходимости к прошлому (*яхана хан*) или будущему (*тIейогIу хан*). Для обозначения понятия времени бытует два термина – *хан* и *зама*. Длительные отрезки времени измеряли определенными циклами. С.А. Хасиев выделяет два варианта группировки: по 11 и по 33 года в каждом (*Хасиев,* 1974. С. 4), которые он определяет как скотоводческий и земледельческий; 33-летний цикл отсчета времени начинается со дня весеннего равноденствия. Можно предположить, что 33-летний цикл имеет непосредственное отношение к лунному календарю, по которому через 33 года движущие месяцы совершают полный оборот. 33 года этого цикла – лишь одна часть большого круга, составляющего 93 года и известного под названием *Оьмар*, т.е. век (жизнь человека). Остальные три части «оьмар» включают по 20 лет каждая. Первый называется *адаман оьмар* (человеческий век), второй именуется *стеран оьмар* (воловий век), третий – *виран оьмар* (век осла) и четвертый *жIаьли оьмар* (век собаки).

В народе об этом существует легенда следующего содержания. В то время, когда бог сотворил мир, он определил человеку, волу, ослу и собаке по

33 года жизни. Человек, прожив свое время, не захотел умирать и обратился к богу с просьбой продлить ему жизнь. Волу же, напротив, надоело жить и тот взмолился богу о сокращении жизни. Всевышний удовлетворил просьбу обоих и добавил человеку 13 лет жизни, взяв их у вола, со словами: «Да перейдут на тебя и заботы его».

Прошел и этот срок. Ослу тоже надоела жизнь, человек же вновь стал просить бога о продлении жизни. Бог удовлетворил и эту просьбу человека. Когда же человек взмолился четвертый раз, его просьба совпала с просьбой собаки о сокращении ее жизни. На это бог в сердцах сказал: «Да снизойдет на тебя положение последней».

Поэтому в народе говорят, что человек радуется жизни, пока он живет в пределах своего *оьмара.* Затем начинается *оьмар* вола, т.е. приходится трудиться как волу, заботясь о детях и семье. Дети подрастают, надежды на них не оправдываются. В третьем периоде человек уже трудится по необходимости. Труд не приносит ему радости. Когда же наступает четвертый *оьмар,* человек уже стар и немощен, у детей начинаются заботы о своих семьях, и он оказывается заброшенным, как собака, которой когда подают – она ест, когда забудут – она голодает.

Таким образом, в этнографически обозримый период чеченцам, как и многим другим народам, были известны различные системы счисления времени, сложившиеся в результате длительных этнокультурных и этногенетических связей с соседними народами: народный календарь, элементы фенологического календаря, лунно-солнечный календарь, мусульманский лунный календарь, юлианское летосчисление. Представления о времени связывались прежде всего с главными моментами сельскохозяйственных работ, о чем говорят деление года на сезоны, названия месяцев и недель. Способы отсчета времени чеченцами свидетельствуют о ярком религиозном синкретизме – они сочетают в себе отголоски различных древних верований, христианства, ислама и вместе с тем основаны на эмпирических знаниях. Эти эмпирические знания и составляют народный календарь; в нем сосредоточиваются сведения о временах года, о состоянии природы – времени потепления и похолодания, дождей и снегопадов. С его помощью люди ориентировались в сроках сельскохозяйственных работ, устанавливали даты исполнения тех или иных обычаев и обрядов, которые равномерно распределялись по всему годичному циклу. Все праздники, обычаи и обряды возникали в историческом прошлом на реальной основе, в результате трудовой деятельности, впоследствии же были окутаны религиозно-магическими суевериями. В силу этого календарные праздники занимают среди верований любого народа центральное место. Трудовые в своей основе праздники были приурочены к важнейшим хозяйственным работам (началу пахоты и сева, уборке урожая, выгону скота, охоте) и играли видную роль в жизни народа. Религиозная оболочка придавала праздникам чеченцев причудливые формы и изменяла до неузнаваемости их реальное содержание, определяемое условиями хозяйственной жизни. Но религиозная оболочка не может заслонить той исторической действительности, которая их породила.

Годичный цикл праздников, обычаев и обрядов имел одну общую цель – способствовать своевременной подготовке пахоты, успешному посеву, произрастанию злаков, уборке и сохранности урожая, плодовитости

скота. Но обряды каждого времени года отличались своими функциями и спецификой.

Главным назначением зимних календарных праздников была успешная подготовка к началу хозяйственного года. Поэтому и магические обряды этого периода носили как бы подготовительный, предупредительный характер и были направлены на обеспечение благополучия семьи и хозяйства на весь год. Большое значение придавали гаданиям и приметам, стремясь определить с их помощью перспективы наступающего года. Праздники и обряды зимнего цикла имели также своей целью дать людям возможность отдохнуть и повеселиться в это свободное от сельскохозяйственных трудов время.

Весенние обычаи и обряды были связаны с непосредственным проведением полевых работ. Сопровождавшие их магические приемы должны были способствовать лучшему произрастанию урожая и сохранению скота.

Летние и осенние обряды были направлены на то, чтобы сохранить посевы, обеспечить их вызревание и успешную уборку урожая. Это было самое ответственное время года. В пословицах и поговорках, относящихся к летне-осеннему периоду, отражено то большое значение, которое придавалось необходимости трудиться не покладая рук. В приметах много внимания уделялось предсказанию погоды, от которой зависел результат сельскохозяйственного года. Смысл магических обрядов этого цикла состоял в стремлении обезопасить урожай от губительного действия засухи, града, ветра. Так завершался годичный цикл праздников чеченского календаря.

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

Год в народном календаре начинался месяцем (*Наджигонцхой*, который соответствовал январю. *Наджой* – праздник Нового года, а *Гонцхой* – праздник, отмечаемый приблизительно в дни рождества.

В чеченских праздниках зимнего цикла исключительно большое место занимало празднование Нового года (*Керла шо*). Новогодний праздник считался одним из главных в году и широко отмечался во всех горных и плоскостных общинах. Приготовления к празднику в каждой семье начинались задолго до его наступления. Резали скотину, готовили разнообразную еду: всевозможные хлебы, пироги, лепешки, блины, различные напитки из хлебных злаков: араку, пиво, брагу, квас. В связи с обилием мяса, другой еды и напитков кистины называли праздник *Mala лекха Нижой* (досл.: «Рога высокие Нижой», т.е. «Высокорогий, обильный Нижой»). Считалось, что в новогоднюю ночь активизируется нечистая сила, поэтому против нее совершали всевозможные действия защитно-магического характера. В качестве оберегов использовали железные предметы, которые раскладывали в хлевах и жилых помещениях.

Как и многие народы, чеченцы к Новому году приурочивали обновление огня в очаге. Зажженный в это время огонь особо почитался: именно на новом огне должно было быть сварено и испечено все необходимое для праздника. Зажжение нового огня в период «рождения нового солнца» было известно по всей горной Чечне.

Иногда современные чеченцы превратно толкуют обычай предков укладывать в очаг длинные бревна. Одни думают, что их предки были столь ленивы, что не хотели утруждать себя, разрубая бревно. На самом деле укладывание бревна в очаг было веселым новогодним ритуалом. Когда бревно сгорало настолько, что за ним можно было закрыть дверь, устраивали вечеринку с обильной едой, питьем, танцами, театральными представлениями *жухиргов* (клоунов, артистов). Поскольку бревно рано или поздно укорачивалось, то праздник приходил в каждый дом. Новогодние бревна заготовлялись заранее, чаще всего для этого использовали дуб (*наж*). В отличие от других народов, чеченцы не использовали для этой цели фруктовые деревья, сожжение которых считалось большим грехом. Бревна бывали очень большими, а сушили их на корню.

Особенно большое значение придавалось обилию пищи на новогоднем столе, от которого, по твердому убеждению людей, зависел характер следующего года, поэтому новогодняя еда бывала особенно разнообразной. Богатый стол в Новый год должен был обеспечить достаток, этот обычай сохраняется до настоящего времени. Во время всех праздников чеченцы делали пожертвования бедным, больным, сиротам. Этот обычай связан с убеждением, что быть богатым, резко выделяться среди сородичей – аморально. Сегодня такие представления встречаются все реже; обычно это характерно для людей старшего поколения.

Важное значение в новогоднем празднестве имели ритуальные и обрядовые хлеба, которые пекли по традиции из пшеничной муки. Самым главным и почитаемым считался большой ритуальный хлеб, имевший форму диска с лучеобразными линиями, идущими от центра; его пекли повсеместно, размер этого хлеба зависел от числа членов семьи. Среди новогодних хлебов имелись всевозможные пироги различной формы и с различной начинкой (с мясом, сыром, фруктами, яйцами). Эти пироги имели специальное предназначение – для старшего в семье, для жреца, для гостей; первый имел четырехугольную форму, остальные пеклись круглыми.

Многочисленные новогодние пироги, по народным представлениям, должны были обеспечить благополучие семьи в наступающем году, зависевшее от многих божеств, которым они и предназначались и которые должны были способствовать благополучию хозяйства, удачной пахоте, росту хлебов, сохранению и умножению домашнего скота. Эту же цель преследовал и обычай сытно кормить в новогоднюю ночь все живое, вплоть до мышей.

Семейная трапеза, устраиваемая накануне Нового года, затягивалась допоздна, все старались быть веселыми, много ели и пили, ибо считали, что от их состояния в новогоднюю ночь зависит хорошее будущее в течение всего следующего года. За трапезой старший в семье произносил молитву «Деле дехара», в которой просил о благополучии семьи, об урожае, о приплоде, о здоровье.

Интересный элемент новогоднего праздника – гадание; о будущем членов семьи, о предстоящей погоде, об урожае (*Далгат*, 1893. С. 112; *Селезнев*, 1847. С. 75). Известны были различные способы подобных гаданий. Один из них заключался в следующем. Накануне Нового года специальный человек, обладающий даром гадания, отправлялся в ближайшее святилище. Там гадатель ложился на живот и, приложив ухо к земле, находился в таком

положении всю ночь. Утром он выходил из святилища и объявлял собравшимся жителям о том, что случится в наступающем году. Одним из мест, где обычно предсказатели проводили новогоднюю ночь, была часовня Соска-Солса, которая находилась в Магате, недалеко от сел. Салги. Гадатель, проведший ночь в этой часовне, мог предсказать, будет ли наступающий год урожайным.

Распространенным было гадание на лопатке жертвенного животного. Подробное описание гадания *пханаре хьажар* было дано русским офицером А.П. Ипполитовым, служившим в горной Чечне. По его словам, тот, кто хотел гадать на бараньей лопатке, должен был иметь своего барана. Купленный считался пригодным лишь по истечении года, когда хозяин трижды давал ему соли. Предпочитали, чтобы предназначенный для гадания баран был белым. При гадании смотрели на свет сквозь лопатку и по пятнам на кости предсказывали, будет год урожайным или нет, какой будет погода – дождливой или засушливой, будут ли голод, повальные болезни, свадьбы, рождение детей, похороны (*Ипполитов*, 1868. С. 19).

Новогодние гадания касались не только урожая, но и семейных событий, в первую очередь заключения браков. Молодые люди ждали этого праздника с нетерпением, ночь под Новый год считалась особенно благоприятной для таких гаданий. Чаще всего девушки клали под подушку *котама шалго* (раздвоенную кость курицы). Делали также три очень соленых маленьких хлебца (*ольг*), два из которых клали под подушку, а один съедали. Верили, что тот, кто подаст во сне девушке воду, и будет ее суженым. Изготовляли *ольг* следующим образом: в свой наперсток набирали 9 раз соли и 9 раз муки (чаще кукурузной), затем замешивали тесто большим, безымянным пальцами и мизинцем левой руки. С большим трепетом наблюдали девушки за тем, как испекутся *ольги*: если хорошо подрумянятся – замужество будет удачным, если подгорят – девушка будет несчастлива, а если сгорят совсем – это предвещало близкую смерть. В новогоднюю ночь девушка ложилась спать ни с кем не разговаривая, в комнате, где она еще никогда не спала: у родственников или у соседей. Не полагалось во сне переворачиваться с боку на бок.

Другое новогоднее гадание устраивали с помощью зеркала: его клали в камин, а через трубу смотрели в него две-три минуты. Затем спускались, брали из каждого угла дома понемногу земли, завязывали ее в узелок и клали под подушку. При таком гадании видели суженого или в зеркале, или во сне. Было и такое гадание – девушка вечером молча шла по воду, дома выливала ее в котел, который ставила в камин (*товха*). Зеркало же помещала в трубе и, сняв платок, старательно смотрела в воду, где и должна была увидеть своего суженого. Такие гадания устраиваются и сейчас в любое время года: весной, глубокой осенью, но обязательно в новолуние.

Гадание по лопатке в прошлом было широко распространенным явлением, о чем свидетельствует и бытование в народе песни (Илли) «Толкование сна посредством лопатки», записанной М.Б. Мунаевым. По полевым материалам, названное гадание сохраняется в среде сельского населения. Правда, гадают теперь не обязательно под Новый год и чаще – по лопатке жертвенного животного (баран белого цвета), зарезанного во время мусульманского праздника Курбан-байрам. Жертвенное животное белого цвета пользуется у

мусульман особым почитанием, так как среди чеченцев старшего возраста бытует поверье, что баран белого цвета заменил собой человеческую жертву во время праздника.

Празднование Нового года сопровождалось различными игрищами и увеселениями, хождением ряженых и скачками. Важное обрядовое и игровое значение придавалось ряжению (Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, 1967. С. 272). Накануне Нового года чеченцы, например, устраивали хождение ряженых *джухургаш*. Ряженые, молодые люди или подростки, надевали на себя шубы наизнанку, подпоясывались грубой веревкой, подвешивали сумку из войлока *бIегIиг лаьждиг*, чтобы было куда складывать полученные подарки (яйца, муку, блины, сладости и др.). Некоторые из ряженых надевали на голову войлочные маски, обязательным атрибутом которой были рога (козьи или бараньи), – настоящие или деревянные. Маска дополнялась бородой. Те, на которых не было масок, надевали вывернутую наизнанку шапку, а лицо обмазывали сажей. Колядники ходили с большим шумом, чтобы прогнать злых духов. Во время подворного обхода они желали односельчанам умножения семьи, скота и птицы. Широко было распространено высмеивание тех, кто отказывал им в подарке (*Студенецкая Е.Н.* Маски народов Северного Кавказа // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 387).

Важным компонентом празднования Нового года были скачки, которые устраивали на третий день. Скачки проводились в основном за счет общества, с обязательным участием каждой семьи, но иногда их мог устроить кто-нибудь из сельчан за свой счет, в память умершего в этом году родственника. На скачки, о которых извещали заранее, приглашались наездники и из соседних осетинских, грузинских, дагестанских обществ. Количество участников колебалось от 6 до 50 человек. Для первых трех наездников выставлялись призы: верховая лошадь, седло, уздечка и плетка или что-нибудь из одежды – костюм из домотканого сукна, хлопчатобумажный костюм, каракулевая шуба, черкеска, ичиги. Наиболее почитаемыми были скачки в честь погибшего на поле боя. Скачки могли устраивать в честь женщин, тогда призами были корова, телушка, теленок.

ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

Весенний цикл занимал в народном календаре чеченцев особое место. Именно в этот период, важнейший в жизни сельского жителя, совершались главные работы – пахота, сев, первый выгон скота, от которых зависело благополучие общины в течение года. Поэтому люди, тщательно наблюдая за явлениями природы, старались приспособиться к ним, чтобы сделать свой труд более успешным. Крестьянин, чувствуя свою зависимость от природы, стремился всеми доступными ему мерами обезопасить себя и свой труд от непредвиденных стихийных бедствий, полагаясь не только на практические меры, но и прибегая к магическим действиям.

Первым весенним праздником, знаменующим начало сельскохозяйственных работ и в то же время – начало нового сельскохозяйственного года был день весеннего равноденствия, который, по словам информантов глубоко почитался. Чеченцы определяли момент наступления этого дня по ряду при-

знаков: длина тени в полдень, место восхода солнца в определенном месте (вершина горы, столб, приметное дерево). К этому дню заблаговременно делались соответствующие приготовления: белили внутренние и наружные стены дома, убирали комнаты, двор, чистили металлическую посуду, готовили различную еду. Считалось обязательным справить какую-нибудь обновку в одежде, особенно детям. С наступлением праздника навстречу весенним лучам восходящего солнца выносили во двор натертую до блеска медную посуду. Все люди поднимались до восхода солнца и выходили на улицу. Сытно кормили всю живность, на чердак, в темные углы дома бросали крошки. В праздник устраивали спортивные мужские игры (*Хасиев,* 1974. С. 112–113).

По истечении трех дней наступал день выхода плуга (*гота йоьду де*). Происходило это после 25 марта (*Тушоли бутт*, или *Іу аркъал бутт*). Приготовления к этому важнейшему весеннему празднику начинались еще с зимы. В частности к этому дню оставляли лучшие куски заготовленного на зиму мяса. Накануне выхода плуга каждая семья устраивала угощение, приглашая близких родственников и соседей.

Обряд выхода плуга проходил во всех селениях в основном по одному и тому же сценарию. Во дворе выборного пахаря, куда собирались все жители села, запрягались в плуг волы. Женщины отправлялись рано утром за водой, чтобы встретить участников ритуала, идущих в поле, с полными кувшинами воды. Перед отправлением в поле жена выборного пахаря заводила какого-нибудь случайного прохожего в дом и угощала его. Случайного прохожего необходимо было накормить до отвала, так как с этим связывалась и судьба будущего урожая. Сытыми должны были быть в этот день также и пахарь, и волы, иначе считалось, что «урожай будет голодный» («ялта меца хир ду»), т.е. скудный. Горцы очень остерегались человека с «плохой ногой» («беркат доцу стаг»), а также с рыжими волосами (если таковые встречались на пути, то пахари возвращались обратно). Чеченцы уделяли значительное внимание выбору пахаря. Выбирали человека изобильного, несущего благополучие (*беркате стаг*). Часто в селе таким *беркате стаг* ежегодно становился один и тот же человек, которому и поручали провести первую борозду. Интересно отметить, что в некоторых селениях (с. Дарго Веденского района) уделяли внимание и внешнему виду пахаря. Он должен был быть средней полноты («вуткъа, а стомма а воцуш») и обязательно волосатым. По поверью, эти признаки также обеспечивали удачную судьбу урожая.

Не всякий человек соглашался провести первую борозду, опасаясь, что в случае плохого урожая он будет считаться виновником этого. Большое место уделялось подготовке волов. Их шею и рога смазывали маслом, остригали шерсть вокруг рогов, вбивали в рога медные затычки от сглаза, на рога и хвост навешивали красные ленточки. В Шатоевском обществе на правый рог вола навешивали калач, испеченный из муки различных злаков.

После соответствующих приготовлений участники процессии отправлялись в поле. Обряд пахоты начинался после молитвы распорядителя, который просил, «чтобы год был урожайным, весна спокойной, лето ясным, а осень полной». Следом за проведением первой борозды производили посев. Сеятель, также выборный «беркате стаг», одетый в вывернутую наизнанку шубу, бросал семена в борозду. После этого в доме выборного пахаря устраивалась

общая трапеза, которая заканчивалась совершением мовлида, чтением молитв (*доІа*), выбором руководителя вывоза плуга на будущий год.

У чеченцев различных обществ бытовали и другие обряды, сопровождавшие ритуал выхода плуга. У горных чеченцев (совр. Шатоевский и Веденский районы) накануне выхода плуга в определенных традиционных местах, которые обычно находились на окраине села, совершались жертвоприношения. В некоторых селениях перед выходом плуга раздавали кашу из зерен пшеницы – основного хлебного злака. В Шатоевском обществе перед выходом плуга кто-нибудь из присутствующих хватал с головы хозяйки (жены распорядителя) платок и навешивал на плуг или завязывал на рог вола. Вернуть ей платок мог лишь распорядитель, после того как хозяйка даст выкуп, т.е. угостит присутствующих. По свидетельству информантов, здесь первую борозду проводили еще по снегу.

Чеченцы обращались и к *Тушоли* – богине плодородия и весны: «Пусть будет плуг счастливым, год урожайным, лето ясным, а осень полной, чтобы не родившийся родился, а родившийся остался жить». Распорядитель вывоза плуга просил у бога урожая для себя и всего общества, здоровья себе и домашним животным, а затем выпивал брагу и поливал ею волов и плуг, начиная с лемеха и кончая ярмом. Чарку браги наливал в ведро с водой и поил волов, запряженных в плуг. Считалось, что запрягать волов и пахать можно было только в том случае, если ветер дует с востока.

Первую пахоту и сев сопровождали обрядовые песни. В настоящее время этих песен сохранилось немного. Приведем одну из них:

ДІатоссача хана гердах юсте, а,
Чуэцача хана вордах юстийла.
Герда тІехьа ворда хийла,
Боала тІехь боал мел боалл,
Ворда тІехьа ворда хийла,
Барт тайна дезал хилба!

Имеется литературный перевод песни сева:

Ранней весной зерно
Мерили мы гирдами.
Пусть возвратится оно
Осенью к нам возами.
Сколько борозд на поле,
Столько же возов пшеницы
Пусть в наших полях уродится!

(Песни вайнахов, 1972. С. 97)

После проведения трех борозд и сева люди возвращались домой, где их встречали домочадцы, обрызгивая водой и желая хорошей погоды и обильного урожая. Затем, как только показывались всходы, принималось решение приступить к действительной пахоте и севу. Чаще всего это происходило по истечении двух недель. Интересно, что в некоторых районах Притеречья ждали, пока наступит день пасхи: считали, что если приступить к севу раньше, урожай будет плохим («жІаьлеша хьекхийча санна хуьлу кІа» – досл.: «как будто собаки потрепали, бывает пшеница»).

Перед основной пахотой и севом производилась «малая жертва» (*жима сагІа*): в три дома раздавали различные продукты и блюда. Днем начала па-

хоты мог быть не любой день недели. По народным воззрениям существовали дни, в которые нельзя было работать. По свидетельству информантов, наиболее «легкими» днями являются понедельник, четверг и воскресенье: в понедельник родился пророк Магомет, в четверг его положили в люльку, а в воскресенье бог сотворил мир, поэтому работа, начатая в этот день, будет успешно завершена.

Обряды пахоты и сева, имевшие в прошлом широкое распространение, постепенно теряли свое значение, особенно в районах предгорья и равнины, и сохранились лишь в горных районах. В основе многих из них лежит имитативная магия. Выбор людей на роль пахаря, сеятеля, добрых, честных, несущих изобилие, с легкой руки должен был способствовать хорошему урожаю. Вывернутый наизнанку овчинный тулуп являлся общепризнанным магическим средством, которое якобы обладало силой обеспечивать изобилие, богатство, благополучие. Древний земледелец желал, чтобы весенние всходы были так же густы, как покров овчинного тулупа. Чтобы уродился богатый урожай, пахарь пил брагу (хлебный продукт) и поливал ей же плуг и волов.

Следующим календарным праздником являлся день, посвященный богине *Тушоли*. Почитание *Тушоли*, которая считалась богиней плодородия, весны и деторождения, было широко распространено. По свидетельству Б. Далгата, это одно из главных божеств, которому поклонялись в прошлом все чеченцы без исключения и имя которого фигурировало в клятвах и молитвах, даже если и молились они у другого святилища (*Далгат,* 1893. С. 101). Празднование происходило в последнее воскресенье месяца *Тушоли* (*Тушоли-кIиринде*). Приурочивался этот праздник к прилету птицы удод (*Тушоли котам, цIай котам* – курица Тушоли, священная курица), когда стада впервые выгоняли на летние пастбища. Удод считался вестником весны. К этому дню делали различные приготовления: готовили обильную еду, пироги (один боджильг и три круглых лепешки), варили самогон.

Накануне *Тушоли-кIиринде* к храму, где их ожидал жрец, отправлялись девушки и молодухи. Здесь свершались обряды, достаточно полно отраженные в этнографической литературе (*Шиллинг*, 1934–1935. С. 99). Обряд включал и заклание жертвенных животных. Празднества проходили с употреблением пива, араки, различных кушаний, сопровождались песнями и танцами, в которых принимали участие и мужчины. К вечеру жрец выбирал целомудренную девушку и парня и отправлял их на ночевку в пещеру. По их снам жрец делал предсказания о будущем годе, урожае, здоровье (*Шиллинг,* 1931. С. 35). В этот день юноша выбирал себе девушку, и люди всячески старались содействовать этому браку, веря, что выбор, сделанный в этот день, не может быть несчастливым. *Тушоли* – это богиня весны, плодородия и деторождения. Эти атрибуты отражались в словах жреца, обращенных к ней: «Тушол, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся к тебе; дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы не родившие родили детей, а родившихся оставь в живых. Пошли нам обильный урожай, пошли дождь масляный, солнце лекарственное» (*Далгат,* 1893. С. 101). Праздник продолжался трое суток. Почитание *Тушоли* сохранялось до недавнего времени. По свидетельству информантов, праздник отмечался еще на их памяти, когда к развалинам святилища *Тушоли*

ходили дети и молодые девушки. Этот праздник как бы трансформировался в «детский праздник».

Особым почитанием пользовался *Села* (*Стела*) – бог грома и молнии, небесных явлений; его именем был назван месяц май (*Стела бутт*) и выделен день – среда (*керсела*, т.е. день бога *Села*), когда нельзя было ничего давать из дома, а в особенности – огня (Там же). До настоящего времени бытует обычай определять предстоящую погоду на месяц по первой среде этого месяца.

Май – это разгар весны, когда темп полевых работ ослабевает, и теперь уже будущий урожай зависит не столько от труда земледельца, сколько от сил природы. И к ним обращается земледелец. Существует ряд поверий, связанных с природой, в частности с первым громом. Если первый гром гремел с юга, значит, год будет урожайным, а с запада – плохим, с большим градом, наносящим ущерб. Градобитие якобы предвещало первый гром, который гремел весной уже после того, как вырастет трава. В каждом селе были люди, которые слушали, с какой стороны гремит первый гром, и обращались к Селе: «Села, обереги людей от бед, вреда, обереги наши посевы, дай нам богатого урожая». Затем люди собирались у фамильных святилищ «Сиелинг» и делали жертвоприношения. Существует народно-поэтическая форма обращения к богу, связанная с первым громом. Женщины и дети говорили, стуча шумовками по кукурузохранилищу:

«Везиндела! Чоьлпе тIаьхь галниш хилийталахь,
Тхан дай чоьхь хьаьжкIаш хилийталахь,
Тхан до баьсса ма бисийталахь,
Тхан букъ ма лазийталахь
Тхоьга асарш дика дайталахь.
Тхо могуш маьрша диталахь.
Тхан хьаьжкIаш хьикъийталахь»

Дословно:

«Великий бог! На шумовке галушки пусть будут,
В нашем кукурузохранилище кукуруза пусть будет,
Наше кукурузохранилище пустым не оставь,
Наши спины пусть не болят,
Чтобы мы прополку хорошо сделали,
Нас оставь здоровыми,
Нашу кукурузу тучной сделай!»

В одну из сред месяца *Села*, при первом появлении весенней радуги *Села Iад*, устраивался праздник. В прошлом святилища были у всех чеченских обществ, о чем свидетельствует топонимия Чечни (*Сулейманов*, 1976. С. 155, 176, 167). Бог небесных сил имел, по воззрениям чеченцев, непосредственное отношение к их благополучию.

В основе каждого праздника и обряда весеннего цикла лежат реальные условия быта человека и прежде всего его хозяйственная деятельность. Узловые точки сроков сельскохозяйственных работ отмечались традиционными обрядами вплоть до начала XX в. и даже позднее. В их основе прослеживаются первобытные верования с некоторыми христианскими и мусульманскими элементами.

ЛЕТНЕ-ОСЕННИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Условная грань между весенним и летне-осенним циклами лежала там, где заканчивался сезон весенних полевых работ. Важность летнего периода ярко отражена в разнообразных и многочисленных чеченских пословицах и поговорках. В них подчеркивалась необходимость особенно тщательно и интенсивно трудиться летом, за которым последует долгая и суровая пора года – зима. Именно результаты летнего труда кормили человека зимой: «Аьхкенан цхьа де, Іаьнан кІиранал ду» (Один день лета равен зимней неделе); «Аьхка де дайинарг, Іай шийтта дийнахь меца лелла» (Тот, кто потерял один день летом, двенадцать дней голодал зимой); «Аьхкено литта хІоттийна, Іаьно дІакхаьллина» (Лето поставило скирду, а зима проглотила); «Аьхка хье ца кхихкича, Іай яй ца кхехка» (У кого не «кипел» летом мозг, у того не будет кипеть зимой котел); «Аьхка мало, Іай хало» (Летом лень, зимой мука, т.е. летом поленишься, зимой помучаешься); «Аьхкенан заманчохь мукъа лелачуьнга, Іаьно ша гихь лела дойту» (Того, кто не работал летом, зима «заставляет» носить себя на спине); «Аьхкенан заманчохь мокъа леллачуннн, 1аьно т1е ког боккху» (На того, кто не работал летом, зима «ставит ногу», т.е. заставляет трудиться); «Аьхка догІанах иддарг, Іай лайх идда» (Тот, кто убегал летом от дождя, зимой бегал от снега); «Аьхка Іиллинарг, Іай идда» (Тот, кто лежал летом, бегал зимой); «Аьхка тІаргІа ца Іалашбинчуьна, Іай когаш бахьийна» (Тот, кто берег летом шерсть, заморозил зимой ноги); «Хабарш дийцарх, до буьзна бац» (Разговорами амбар не наполнишь); «Лаьттах ка дитинчо хьаьжкІийн до буьзна» (Тот, кто хватался за землю (трудился), наполнил кукурузохранилище) и др.

В свою очередь осень в пословицах и поговорках изображается как лучшая, благодатная пора: «Хазчу бІаьстенал, юьзна гуьйре тоьлла» (Полная (урожайная) осень лучше прекрасной весны); «Юьзна еана гуьйре, кхиъна йоІ санна ю» (Изобильная осень подобна молодой девушке); «Дика еана гуьйре, буьзна накхар санна ю» (Хорошая осень подобна полному улью) и др.

Согласно многовековым наблюдениям народа наступление осени обозначалось рядом особых признаков. «Осень наступает, – говорили чеченцы, – когда зацветут земляные груши»; «Когда улетают журавли – наступает осень» и др. По отлету птиц определяли время различных сельскохозяйственных работ: улетают журавли – пора косить; улетают кукушки – пора начинать жатву. В хозяйственном быту широко использовались и различные приметы о погоде: второе цветение деревьев – к хорошей осени, но суровой зиме; если во время летней *чиллы* скворцы и журавли садятся низко – к непогоде и к мору скота; если третий день *чиллы* дождливый – осень будет слякотной, и др. В осенних приметах, в отличие от зимних и весенних отсутствовали мотивы предсказания урожая, а главное внимание обращалось на состояние погоды, которая обуславливала благоприятные или неблагоприятные усло вия завершения всего цикла сельскохозяйственных работ (*Мадаева,* 1980).

Началом летнего периода по чеченскому календарю считалось летнее солнцестояние (22 июня), которое называлось *малх цІа кхаьчна хан* (букв. «время, когда солнце достигло дома»). Его наступление определялось с помощью естественных или искусственных ориентиров (*Мадаева,* 1981),

когда солнце в полдень достигало высочайшей точки на небе. На этой высоте солнце оставалось несколько дней, а затем начинался его поворот на зимний путь. Период летнего солнцестояния, по словам информантов, бывает обычно дождливым, наступает *малх цIахь йочуна* (букв. «солнце дома – непогода»). С данным представлением можно связать и народное поверье о том, что солнце и земля (по другим представлениям – небо и земля) являются супругами. Когда солнце «уходит домой», словно удаляется от земли, небо горько оплакивает их расставание дождями. Все на земле, в том числе и люди, становится скучным и серым.

Было время, когда чеченцы широко и торжественно отмечали летнее солнцестояние – повсеместно делались жертвоприношения, разжигались костры, устраивалась общественная трапеза, различные состязания и т.д. Но к концу XIX в., под влиянием ислама это празднование уже ограничивалось лишь принесением жертвы солнцу (*маьлха сагIа*), сопровождавшейся обязательной раздачей мяса и общественной трапезой, совершением *мовлида*, чтение *доIа*. В прошлом широко было распространено представление о том, что в ночь летнего солнцестояния раскрываются небеса, застывают реки, расплавляются камни и все живое засыпает. Эта ночь называлась *лайлатул къадри* (ночь возможностей бога). Считалось, что бог исполнит три желания того, кто сможет уловить этот момент, который продолжался лишь мгновение. В этот миг человеку нужно было успеть попросить самое важное и необходимое, отсюда и определенный штамп просьбы: «кIа-жа кIентий» (пшеницу-овес, сыновей). Несмотря на то, что указанное название имеет арабское происхождение и информанты относят эту ночь к мусульманскому месяцу поста, представление о ней имеет более древнее происхождение. Данное положение подтверждается и тем, что поверье о раскрытии небес бытовало как у народов, исповедовавших ислам, так и у немусульманских народов Кавказа: грузин, армян, курдов, осетин, народов Дагестана. Обычай, согласно которому в одну из последних десяти ночей месяца поста *мархибут* исполнялись три желания, которые следовало выговорить очень быстро, сохраняется у чеченцев до настоящего времени.

О значительном распространении в прошлом празднования летнего солнцестояния свидетельствуют обряды, исполняемые в честь *Маги-Ерды* и *Галь-Ерды*. Празднование *Маги-Ерды* проходило так же, как и зимой, летом в нем принимали участие и женщины. Проводы солнца в «зимний дом» сопровождались жертвоприношением откормленных баранов. Обязательным было приготовление обрядовых лепешек (*божильг*) – трех круглых и одной треугольной. Произнося молитву, просили избавления от засухи и болезней. Праздновали три дня (*Шегрен,* 1843. С. 41; *Селезнев,* 1847. С. 36). Моление устраивалось мужчинами во главе со жрецом, который, обратившись лицом к солнцу, просил прежде всего размножения скота, а также избавления от бедности и болезней, градобития и удара молнии, ветра и лишения свободы. Гнев *Галь-Ерды* выражался в падеже скота или уносе ветром стогов сена. Как видим, здесь особенно ярко видна связь данного божества со скотоводческим бытом чеченцев. В связи с этим интересно заметить, что само имя божества имеет отношение к скоту. Слово *галл* в древнеперсидском, осетинском, а также даргинском языках переводится как вол. О глубоком почитании чеченцами божества Галь-Ерды свидетельствует топонимика Чечни. В горных районах Чечни можно встретить немало местностей с подобным

наименованием *Галл тIе* (на вершине Гал), *Галайн чIож* (ущелье Гал), *Галл Iам* (озеро Гал) и т.д. По поводу образования озера Галайн Iам в Галанчожском (ныне Сунженском) районе бытует легенда. В горах пасся огромный бык, которого увидели горцы и решили использовать его силу для пахоты. Они запрягли животное в плуг, но быку это не понравилось, он стал потеть и на глазах у людей растаял: из его пота образовалось озеро, которое и назвали Галайн Iам. Озеро это считалось священным (*Сулейманов,* 1976. С. 35; 1978. С. 132 и др.).

В начале лета большое внимание уделяли сохранению всего посеянного, особенно от губительного воздействия саранчи и грызунов, в частности мышей. Чтобы отогнать саранчу, сельчане выходили с лопатами, медными котлами, которые волочили по земле и стучали по ним палками, устраивая возможно больший шум. Саранчу также обливали водой. Против мышей по всему полю рыли небольшие ямки, куда наливали воду. Но наряду с рациональными действиями применялись и магические средства. Повсюду на полях можно было видеть воткнутые в ограды и в центр поля конские или бараньи черепа, призванные сберечь посевы от дурного глаза. С этой целью ставили чучело куклы и подвешивали камни с естественными отверстиями.

Чеченцы также обязательно приносили «полевую жертву» (*кхаш сагIа*), или «жертву с урожая» (*ялтий сагIа*). Такие жертвы делались дважды. Первая жертва – когда всходы посеянных злаков достигали такого размера, что могли колыхаться от ветра. Эта жертва состояла из растительной пищи: кукурузной или пшеничной каши, тонких пирогов с творогом или тыквой, и устраивалась на краю села, где кто-нибудь из старших произносил молитву об ограждении полей от ветра, града, просил хорошего урожая. До принесения этой жертвы запрещалось кричать или звать кого-либо через посевы, что объяснялось страхом спугнуть доброго духа поля, ограждающего его от злых сил. Когда зерно почти созревало, делали вторую жертву, но теперь уже «кровавую». Предназначенных для жертвы животных трижды обводили вокруг поля.

Как известно, судьба урожая зависит от многих неподвластных человеку, природных явлений – засухи, проливных дождей, града, которые нередко сводят на нет все усилия крестьянина, губят посевы, оставляют без корма домашний скот. Предки чеченцев видели в неблагоприятных явлениях природы гнев Бога и старались заручиться его помощью для того, чтобы повлиять на враждебные и таинственные сверхъестественные силы. Поэтому забота об урожае, помимо использования выработанных веками эмпирических знаний, вызывала к жизни многочисленные обряды и суеверия, связанные с названными природными явлениям.

Наиболее ярко выраженными аграрными чертами обладал *Мятсиели* – бог плодородия, всякого обилия и благополучия. Его имя состоит из двух частей – *Мят* (гора Мятты, Столовая гора) и *Сиели* (Бог грома и молнии). По народным представлениям, он жил на горе Мятты, отсюда и его название. Святилище, посвященное ему, находилось на той же горе и имело два входа: с востока и с запада. *Мятсиели* имел значение общенародного патрона; глубокое его почитание отразилось в специальном выделении в его честь месяца – *Мятсиели-бутт*.

Мятсиели, и по имени и по содержанию культа, сближается с описанным нами культом *Сиели*, но больше связан с идеей плодородиея. Общим

у них является связь с производительными силами природы. *Мятсиели* по народным представлениям, дарует жизнь, потомство, урожай, посылает благодатные солнечные лучи, избавляет от мора и голода. Он же и справедливый судья: не раз являлся к народу в образе почтенного старца и разрешал спорные вопросы. Б. Далгат писал, что «почитание Мятцели находится в связи с культом предков. Он является в народе мифическим предком-героем; это остаток богатой народной мифологии, удержавшейся до наших дней, несмотря на разрушающее действие бывшего во времена христианства среди ингушей и господствующего ныне мусульманства... Мы в культе Мятцели имели высоконравственное явление... за всякий поступок, направленный к ущербу ближнего, за всякую сделку с совестью, Мятцели строго наказывает... смертью скота, детей, неурожаем и т.п.» (Цит. по: *Мадаева,* 1983а). В благодарность за то, что давал им всесильный *Мятсиели*, люди ежегодно приносили ему жертвы на Столовой горе. Празднование начиналось в субботу вечером. Жители во главе со жрецом отравлялись на Столовую гору. Девушки при выходе из села пели героические песни Гелой (*Далгат,* 1893а; *Грабовский,* 1876. 1871; *Шиллинг,* 1931; *Базоркин,* 1875). У часовни, на склоне горы, под названием Бейн-Сиели, процессия останавливалась на привал. Здесь хранился флаг (бейракх) – шест с белым флагом и колокольчиком на древке. Этот шест был символом божества (в частности считалось, что если его пронести по селам во время засухи, то обязательно пойдет дождь) (*Мадаева,* 1981. С. 98–99). Жрец выносил его из часовни и шел во главе процессии. На ночевку устраивались уже почти на вершине горы; здесь разводили костры, танцевали, веселились. Утром жрец делал предсказания об урожае по своим снам. Затем начиналось моление. Жрец читал молитву, стоя лицом к востоку, с обнаженной головой. Молодые парни, расставленные по трое по всем четырем сторонам света, выкрикивали возглас «Оччи», начиная с тех, которые стояли на востоке, а женщины пели: «Колючим град не делай нам, жгучего мороза не посылай нам, о тяжелый (могучий) Деалы», присоединяя к этому припев Гелой, а жертвователи держали наготове животных, повернув их на восток (*Далгат,* 1893а). Молитва жреца была обращена не собственно к *Мятсиели*, а к Дели – верховному богу. В конце упоминались все другие патроны, во главе с золотым *Мятсиели, Бейн-Сиели, Тушоли*. По окончании молитвы хозяева резали жертвенный скот, количество которого доходило иногда до 80 голов. Жрец освящал приношения в святилище, а свечи ставил в ниши.

На Столовой горе имелось еще два святилища – Мяттар-Деали (Диели горы Мяты) и Сусон-Деали (Сусон – созвучно с *Тушол*, связь с культом *Тушоли* подтверждается и тем, что к этому святилищу ходили только женщины). По окончании молитвы у главного святилища мужчины во главе со жрецом отправлялись к Мяттар-Деали, у *Мятсиели* оставались женщины, девушки и дети. Мужчины, помолившись, возвращались к святилищу *Мятсиели* и бросали оставшимся здесь галушки (*мойчаж*). Все с жадностью ловили их; считалось, что если поймает бездетная, у нее родится сын. Мучные кренделли жрец бросал и из главного святилища. Затем все женщины без мужчин отправлялись к Сусон-Деали, захватив с собой лепешки, свечи, жертвенного барана. Здесь они совершали молитву, а бездетные испрашивали себе детей у бога, пели Гелой. Празднество заканчивалось общей трапезой и весельем.

А. Базоркин свидетельствует, что во время веселья женщины пели «Мятселовские песни», смысл которых ему не удалось разгадать (*Далгат,* 1893. С. 306–308). Видимо, уже тогда они утратили свое первоначальное назначение. К вечеру все расходились по домам, жрец возвращался последним, уже ночью. В понедельник еще раз устраивалась общая трапеза, и празднество Мятсиели завершалось.

Бог плодородия *Мятсиели* имел непосредственное отношение к культу солнца: вспомним, что жрец читал молитву, стоя лицом на восток, жертвенных животных во время заклания также обращали на восток, стоящие со стороны востока молодые люди начинали первыми выкрикивать «Оччи», а святилище имело два входа – со стороны востока и запада. В языческом культе *Мятсиели* видно и христианское влияние, например, жрец читал молитву с обнаженной головой, а праздник устраивали в воскресенье. Однако как *Мятсиели*, так и *Мяттар-Деали,* и *Сусон-Деали* являлись языческими божествами, с ярко выраженными аграрными чертами. Не совсем правомерно, на наш взгляд, некоторые исследователи XIX в. связывали их святилища с христианскими святыми – Георгием и Божьей Матерью.

Вслед за летней заботой об охране урожая шла уборочная страда – сенокос и жатва. Необходимость тщательно и своевременно провести эти работы была очевидна, от этого зависело дальнейшее благополучие людей. Периоды сенокоса и жатвы часто совпадали, поэтому и праздник начала сенокоса и уборки колосовых был фактически один, хотя каждый имел свое особое название: *мангал боьду де* (день выхода косы) и *марс тосу де* (день выхода серпа). Празднование происходило в месяц *Этинга* (в народной этимологии – месяц коровы, от *етт* – коровы) или *Мангал-бутт* (месяц покоса).

Перед началом сенокоса и жатвы приносили жертвы, закалывая обычно овец. Приносить в жертву козла опасались, так как считалось, что это вызовет ветер, который помешает работе. Чеченцы обязательно приносили жертву *мангал сагIа* (жертва покоса) в каком-либо традиционном месте (на краю села, на вершине горы и т.д.). После жертвоприношения устраивали семейные моления: старший в доме просил ясной погоды и успешного завершения сенокоса. Обязательными были трапезы, на них приглашались ближайшие соседи и родственники, совершали мовлид. Перед жатвой молились о том, чтобы новый хлеб употреблялся только «для радости и добра».

Время начала сенокоса и жатвы устанавливали старейшины села. Таким днем у чеченцев мог быть понедельник или четверг, в чем сказалось влияние ислама. Начало сенокоса и жатвы, как и другие важные сельскохозяйственные работы, поручалось специальному лицу – *беркате стаг, каде стаг* (человеку благодатному, скорому на руку, т.е. шустрому), который делал первые три полосы. Затем приступали к работе все сельчане. Считалось, что любое нарушение этого порядка могло принести вред, помешать успешному проведению данных сельскохозяйственных работ. Пучки первой скошенной травы и первые колоски вешались в почетном углу дома и хранились до следующего сенокоса и жатвы.

Последним в году земледельческим праздником был праздник урожая *марс пхьор* (жатвенный ужин), широко отмечавшийся в прошлом каждой семьей отдельно по окончании жатвы. Он не имел определенного дня, а праздновался произвольно, в зависимости от времени завершения сельско-

хозяйственных работ. Во время ужина умершим родственникам делалась словесная «передача», т.е. «пересылалось» угощенье и при этом произносилась молитва: «Дай бог, чтобы у них (покойников) урожай был хороший. От того, что мы передаем, пусть будет им польза». Ужин сопровождался следующей церемонией: поставив возле очага ужин, самая старшая в семействе женщина брала в руки щипцы и, дотрагиваясь ими до каждого блюда, говорила: «Да будешь пищей такому-то (называлось имя покойника)». Обойдя, таким образом, все яства, она выливала около очага брагу из чашки, находящейся у нее в руках, а затем уже все члены семейства принимались за трапезу. Г.Ф. Чурсин пишет, что к «Жатвенному ужину» подавали лучшие блюда, а также различного рода напитки (брага, пиво, арака), при этом верили, что все это будет достоянием умерших родственников (*Чурсин,* 1913. С. 54). В этом обряде особое место занимала старшая женщина, которая по традиции горцев считалась хранительницей очага. Данное обстоятельство, вероятно, указывает на древность праздника. В основе «жатвенного ужина» лежал культ мертвых, от которых, по верованиям народа, во многом зависело благополучие живых, и поэтому умершим родственникам следовало всячески угождать, чтобы заручиться их покровительством.

В XIX в. отношение к данному семейному празднику несколько изменилось, чеченцы, которые в это время глубоко почитали ислам, перестали его отмечать. По окончании уборки урожая они стали справлять специальный общесельский праздник, который сопровождался жертвоприношением, совершением *мовлида*, чтением *доІа*, общественными трапезами, состязаниями, танцами и играми.

Кроме этого общинного праздника было также обязательным устройство каждой семьей трапезы (чаще всего она носила форму мусульманского *мовлида*) с приглашением на нее наиболее близких родственников и соседей. Перед трапезой старший в доме возносил молитву с благодарением земле – за хороший урожай, сельскохозяйственным орудиям – за хорошую службу. По народным представлениям, земля была живой, поэтому ей говорили: «Марша Іайла хьо, Дели реза хуьйла» (букв. «Оставайся счастливой, свободной, пусть тебе будет благодарен Дела»); одушевленными считались и сельскохозяйственные орудия: им тоже говорили: «Марша Іайла шу, паргІат хила» (букв. «Счастливо оставаться, будьте свободны»).

Подобно другим народам, чеченцы обычно воздерживались от употребления нового хлеба до праздника урожая. Из зерен первых срезанных колосьев готовили бублик (*чІкъург*), который подвешивали в доме на самом почетном месте (*баьрчехь*). Пищу, приготовленную из зерна нового урожая, должны были сначала попробовать либо хозяйка, либо первенец или наиболее удачливый член семьи: считалось, что это обеспечит благополучие всей семье. У чеченцев бытовал также обычай готовить большой пирог с говяжьим или бараньим салом, который они делили по числу членов семьи и от их имени раздавали соседям.

К окончанию полевых работ обычно приурочивалось время свадеб, вечеринок, а также проведение различных видов работ, требующих помощи родственников, соседей, друзей (постройка дома, заготовка дров на зиму, чесание шерсти, изготовление войлока и др.).

Летне-осенний цикл включал в себя и обряды, связанные со скотоводством, занимавшим в быту чеченцев не менее значительное место. Возвращение стад с летних пастбищ сопровождалось жертвоприношением, каждая семья старалась зарезать барана и раздать мясо бедным и сиротам.

Осеннюю стрижку, как и весеннюю, не начинали без принесения в жертву барана. К стрижке готовили обрядовые печенья (*текъамаш*), собирали соседей и устраивали трапезу, сопровождаемую плясками и пением. Первую срезанную шерсть (*тхонка*) раздавали сиротам, а часть сохраняли до следующей стрижки.

В прошлом в Чечне широко отмечался праздник, связанный со случкой овец. О важности этого мероприятия говорит то, что в чеченском календаре был специальный месяц *ЭрхI бутт* (месяц случки, примерно 22 октября – 22 ноября). Устраивали праздник примерно в середине указанного месяца и назывался он *ка лаллар* (букв. «загонять барана»). К этому дню хозяйки готовили заранее всевозможную еду и ритуальные печенья.

Запуск баранов-производителей в стадо поручался *беркате стаг*; когда он заходил в загон, ему в руки давали обрядовые печенья. Молодые люди норовили отнять у него эти хлеба, а беркате стаг сопротивлялся и старался уберечь их и бросить перед овцами. Широко был распространен обычай сажать на одного из баранов девочку, одев ее в красивую одежду и украсив ленточками, деньгами. Считалось, что тогда ягнята будут такими же красивыми и родится много овец. А если хотели, чтобы родилось много баранов – сажали мальчика. На барана также навешивали разноцветные ленточки от сглаза и амулеты. По поведению баранов в стаде определяли погоду: если баран вел себя пугливо, значит, зима ожидалась холодная.

Летние и осенние календарные праздники и обряды, также как зимние и весенние, являясь их логическим продолжением, сопровождали узловые моменты сельскохозяйственных работ, связанные с земледелием и скотоводством, а также отражали естественное желание людей получить психологическую разрядку перед началом или завершением тех или иных работ.

ТРУДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ В XX ВЕКЕ

Праздники и связанные с ними обряды наиболее древний и постоянно воспроизводимый элемент человеческой культуры. Они существуют во всех обществах с глубокой древности и до современности, и являются необходимым условием социального существования.

С первых лет советской власти была начата работа по созданию новой обрядности. В Чечне, как и повсюду, сочетались черты общесоветской и традиционной обрядности, которая условно делилась на три группы – общественно-политическая, производственно-трудовая и семейно-бытовая. Особое место в системе новых праздников и обрядов занимала группа праздников, связанных с трудовой деятельностью. Сюда входят праздники традиционного календарного цикла, получившие новое осмысление и дальнейшее развитие (праздник первой борозды, первого снопа, праздник урожая и другие), а также и вновь созданные.

Решающую роль в изменении структуры праздников сыграли коллективизация сельского хозяйства: праздники стали трансформироваться в новые общеколхозные производственно-бытовые праздники и дополнились некоторыми новыми чертами. Однако в это время они еще носили несколько эпизодический характер.

Сказанное в полной мере относится к празднику первой борозды. С техническим оснащением сельского хозяйства и знакомством с агротехническими приемами ведения земледелия отпала прежде всего необходимость определения времени начала пахоты и сева с помощью фенологических наблюдений, а также необходимость тщательной подготовки волов. Теперь проведение ритуальной борозды и сева и основной пахоты и сева стали совпадать во времени и чаще всего заканчивались до первомайского праздника, ставшего популярным уже в первые годы советской власти. В день Первого мая устраивались конные скачки и состязания, которыми раньше чеченцы отмечали начало весны.

В своих индивидуальных хозяйствах крестьяне продолжали традиционно поручать проведение первой борозды человеку благодатному – *беркате стаг*. Выбор такого человека, однако, имел не только магический смысл, а был продиктован практическими соображениями, ибо таким человеком становился лишь опытный земледелец, знакомый с практическими навыками, трудолюбивый и честный. Интересно отметить, что нередко колхозники предлагали выбрать в председатели колхоза именно человека, пользующегося такой репутацией, ему же поручалось начинать пахоту и сев на колхозном поле. Информанты свидетельствовали о случаях переизбрания председателя колхоза, если при его правлении бывали засуха и недород, относя это на его счет. А председатель колхоза, чтобы избежать такого обвинения, приглашал для начала пахоты и сева известного в селе по опыту прошлых лет человека, и это одобрялось колхозниками. Хороший урожай также нередко приписывался председателю.

С укреплением колхозного строя праздник первой борозды стал возрождаться; в колхозах заранее определяли этот день. Лучший тракторист пропахивал два-три круга, а затем в селе устраивались концерты, скачки, состязания, общесельские гуляния. В различных районах республики праздник отличался местными особенностями. В период Великой Отечественной войны и послевоенные годы во время выселения интерес к праздникам практически не проявлялся и лишь в 1960-е годы, с восстановлением республики, праздник первой борозды наряду с другими аграрными праздниками вновь стал отмечаться во многих сельских районах. Этот период и можно считать начальным в формировании системы новых советских обрядов.

В 1970-е годы стихийно возникший процесс формирования новой обрядности был введен в организованное русло, и в результате работы, проводимой Комиссией по внедрению в быт новых праздников и обрядов при Совете Министров ЧИАССР и районными комиссиями по советским традициям, праздникам и обрядам при широком участии общественности новые советские праздники, в том числе и трудовые, получили широкое распространение в сельских районах республики.

Говоря о празднике первой борозды, следует сказать, что основные элементы старого обряда выхода плуга пополнились новым содержанием.

В празднике гармонично сочетались производственный и развлекательный моменты. Появились некоторые новые черты: проведение митинга перед праздником, награждение лучших колхозников и др. Лучший механизатор заменил собой *беркате стаг*, что вполне продолжало традицию, ведь *беркате стаг* – это практически тот же лучший, опытный полевод. Совершенно был утрачен такой элемент традиционного праздника, как общественная трапеза. Праздник отличался яркостью, красочностью, в нем было достаточно деловитости и веселья. Коллективы художественной самодеятельности, профессиональные артисты демонстрировали свои лучшие номера труженикам сельского хозяйства, которым предстояла большая работа по проведению весенне-полевых работ. В древности люди верили в магическую силу успешного начала; теперь же колхозники сознавали, что дальнейший успех будет зависеть от своевременной подготовки и самоотверженной работы.

Завершение весенне-полевой страды во многих районах республики отмечалось праздником Весны и Труда. Здесь чествовались передовики производства, им вручались грамоты, денежные премии, памятные подарки. Устраивались всевозможные спортивные состязания: по вольной борьбе, гиревому спорту, шахматам, концерты художественной самодеятельности.

В традиционном календаре чеченцев важное место занимал праздник начала уборки колосовых и сенокоса. На его основе и возник новый сельскохозяйственный праздник первого снопа. Широко известный в прошлом, он стал забываться уже в конце XIX в. Интерес к празднику возобновился в первые годы советской власти. Колхозники старались как-то отметить начало этого важного сельскохозяйственного процесса. Перед началом жатвы и сенокоса устраивали митинг. Председателю колхоза поручали начать сенокос и жатву. В предвоенные годы этот праздник, как и другие, практически перестали отмечать, лишь в 1960-е годы сельские жители вновь обратились к нему. В 1970–1980-е годы этот праздник широко распространился, во всех районах республики он проходил весело и красочно.

В праздничный день все жители села собирались на краю поля. Колонна комбайнов и другой техники, украшенной транспарантами и лозунгами, двигалась к полю. Двое ведущих открывали праздник. Передовики производства рапортовали о своих успехах, их приветствовали пионеры и участники художественной самодеятельности. Затем победителю в социалистическом соревновании поручался срез первого снопа. В поле ставили две рейки, между которыми была натянута лента в ширину прохода комбайна. Ленту срезал старейший и уважаемый сельчанами колхозник, он напутствовал комбайнеров на успешную жатву. Комбайн, скосив 30–40 м, останавливался. Трое лучших полеводов колхоза связывали первый сноп, а девушки обвивали его лентами. Затем все участники праздника возвращались в село. Сноп ставили в клубе или в правлении колхоза как символ нового урожая. Вечером здесь продолжалось торжество и проходил праздничный концерт.

Но особенно популярен был праздник урожая. Как мы уже отмечали выше, он имел повсеместное распространение в прошлом, но уже в начале XX в. стал забываться. Мало кто из информантов, даже из старшего поколения, помнил подробности этого праздника. В 1960-е годы во многих районах Чечни стали возобновлять праздник в общерайонном масштабе. Он, конечно, возник не на пустом месте, в его основе лежит старинный праздник,

наполнившийся новым содержанием и утративший магические элементы, религиозный смысл. Праздновался он, как и прежде, в один из воскресных дней после завершения уборки урожая, когда в торжественно-праздничной обстановке подводились итоги года.

На площади села у Дома культуры проходила встреча сельчан с Урожаем, роль которого выполнял кто-нибудь из молодых колхозников или рабочих, одетый в карнавальный костюм. Он сидел на празднично украшенной машине с зерном. Рядом с ним находились другие участники художественной самодеятельности, также в карнавальных костюмах: Золотая осень, Колос, Виноград и др. На митинге, открывающем праздник, награждались передовики производства, а лучшему комбайнеру вручался хлеб из муки нового урожая. Здесь проходил своеобразный смотр-отчет производственных достижений бригад, ферм, мастерских за прошедший год. К празднику приурочивалась специальная сельскохозяйственная выставка с лучшими образцами культур, выращиваемых в совхозе или колхозе. Здесь же устанавливался и последний сноп. Организовывалась продажа промышленных и продовольственных товаров, прежде всего изделий из муки нового урожая. По традиции устраивались всевозможные спортивные соревнования молодежи. Завершали праздник концертом художественной самодеятельности или профессиональных коллективов, лучшие номера которых посвящались передовикам производства, молодым хлеборобам и др. Как некий отголосок прежнего традиционного праздника урожая, вечером в каждой семье устраивалась общесемейная трапеза.

Интересна другая форма этого праздника – праздник дружбы. Он устраивался по завершении уборки урожая совместно с соревнующимися районами Чечни и соседних районов братских республик: Ножай-Юртовский район с Ново-Лакским Дагестанской АССР, Гудермесский с Хасавюртовским Дагестанской АССР и др. На этих праздниках, устраиваемых в традиционном месте, демонстрировались достижения районов по выполнению принятых социалистических обязательств, планов развития народного хозяйства. Здесь принимали участие не только соревнующиеся районы, но и все сельчане, гости из соседних районов. Праздник сопровождался концертами, массовыми танцами, спортивными состязаниями, конными скачками, творческими встречами с писателями.

В прошлом многие традиционные праздники чеченцев сопровождались скачками и состязаниями. Этот элемент стал органичной частью и новых трудовых праздников. Чаще всего скачки устраивались по завершении очередного сельскохозяйственного года. Здесь, как и в древности, соревновались лучшие наездники Чечни, Ингушетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Грузии. А молодые рукодельницы, заимствовавшие у своих бабушек тайны народных промыслов, шили и вышивали победителям кисеты, носовые платки, украшения для лошадей, которые преподносили приглянувшимся им наездникам.

Особое оживление вызывали спортивные состязания и прежде всего схватки борцов. Кавказские горцы исстари любили народную борьбу, воспитывающую силу и ловкость, демонстрирующую темперамент и выдержку. Старшие ревнители народной борьбы с вниманием следили, чтобы никто не нарушал правил борьбы. Победителям схваток также вручались призы.

Описанные трудовые праздники стали в советское время традиционными, массовыми, эмоциональными и содержательными. В них сочетались элементы народных праздников чеченцев и представителей других национальностей, проживающих на территории Чечни.

Красочно проходили праздники животноводов. Впервые этот праздник был проведен в Шатойском районе в 1962 г., а затем стал традиционным во многих районах. В день праздника лучшие скотники, чабаны, гуртоводы, доярки награждались Почетными грамотами, премиями, ценными подарками. В их честь выступали самодеятельные или профессиональные артисты, организовывались спортивные состязания, игры, развлечения. Работали передвижные выставки Краеведческого музея и Музея изобразительных искусств, сельскохозяйственной литературы, организовывались продажа промышленных и продовольственных товаров. Большая массовость, высокая эмоциональность придавали праздникам яркий колорит. Часто на такое торжество приглашались друзья из соседних республик.

Популярными стали в Шалинском районе молодежные вечера *синкъерам*, посвященные передовикам района, которые устраивали в Доме культуры. По традиции выбирался тамада – человек уважаемый, острый на язык, с чувством юмора, умеющий вовремя направить разговор в нужное русло и вставить уместную шутку. Здесь же проводили конкурсы певцов, танцоров, сказителей, музыкантов. Передовикам посвящались концертные номера.

На такие церемонии, как посвящение юношей и девушек в хлеборобы, механизаторы, приглашали представителей старших поколений, устраивали выставки, рассказывающие о достижениях колхоза, совхоза. Посвящаемым вручали памятные подарки, в их честь проводили концерт. Этой же цели служили и праздники встреч трех поколений, вечера, посвященные семейным династиям, где чествовали лучших представителей различных поколений.

В наше время, с изменением политической основы Чечни, демократизации общества, происходит процесс возрождения старых, традиционных, в том числе и религиозных мусульманских праздников и обрядов, с одной стороны, и становления новых праздников и обрядов, с другой. Традиционные календарные праздники модернизируются, видоизменяются. Сохранив свою форму, они приобретают новое содержание, что характерно на современном этапе и для других народов Кавказа.

ГЛАВА 9

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

РАННИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Религиозные верования чеченцев имеют длительную историю. Они прошли путь от древнейших представлений до формирования более или менее целостных образов персонифицированных богов, до развитых политеистических и монотеистических систем. Богатый археологический и этнографический материал устанавливает существование в Чечне в недалеком прошлом различных духов – добрых и злых, божеств – предков (тотемов), представляемых иногда в виде птиц и животных, а также покровителей охоты, урожая и т.д.

Языческая культура чеченцев знает пантеон богов, сформировавшийся в течение веков. *Диэла* – главный бог этого пантеона, бог солнца и неба, отец иных богов. *Тушоли* – выражение женского начала возрождающейся природы, растительности. Она считается богиней плодородия и занимает ведущее место в пантеоне. Ей были построены множество культовых построек. Известны деревянные, а позже и серебряные статуэтки в виде женской поясной фигуры, а также металлические полумаски, служившие личиной идолу богини (*Шиллинг,* 1931; *Абдулаева, Акаев*, 2006. С. 43).

В свое время в районе высокогорного озера Галан-Чож была найдена каменная статуя Тушоли XV–XVIII вв. высотой 4,5 м и весом две тонны, высеченная из огромного валуна. Нижняя ее часть носит следы многочисленных сколов; по бытовавшим в прошлом у вайнахов поверьям, кусочки, отколотые от этой стадии, якобы обладали целебными свойствами. Их бездетные женщины часто носили на шее» (*Акаев*, 1994.). В честь Тушоли ежегодно в апреле справлялся пышный праздник (он считался месяцем Тушоли), когда прилетала «священная» птица удод («Тушоли котам» – курица Тушоли). Тогда впервые выгоняли стада на летние пастбища (*Абдулаева, Акаев*, 2006. С. 52). Обращаясь к богине, женщины просили: «В день твой пришли мы, / Как и прежние годы, / К тебе, и ты счастья нам дай, / Избавь от горя, беды, недорода…».

Села – бог грома и молнии, блюститель нравственности занимал центральное место в чеченском пантеоне. В нем также были представлены: Стигала – божество неба, Кинч – богиня луны, Галь-Ерды – покровитель скота и общего благополучия, Сата – дочь бога Села, покровительница невест, помогавшая некогда Пхьармату (Прометею) похитить огонь у своего отца.

Многие из названных божеств почитались и в начале XX в. Так, Е.М. Шилинг записал уникальную молитву, обращенную к языческому божеству: «О, Ерды, зайдя вперед, окажи помощь. Идя рядом, окажи помощь. Вложи нам в руку необходимое для удара, военный меч сделай для нас победным, великий Диэлы. Исправь наше место. Сотворивший нашего тэрыма, окажи нам, Диэлы, помощь. Из слов сделай победным наше слово. Грубой пищи не дай нам, о, золотой Ерды. Без времени иней не посылай нам, посеянное возрасти, откармливаемое умножь, день начала работы сделай успешным. Великий Диэлы, у тебя наше дело, великий Диэлы, о, золотой Ерды. Доведи до конца нашу рабочую страду. Извлекаемое нами из листьев и травы сделай жирным. Быстрому вихрю не дай дуть…» (*Алироев*, 1994).

Бог Елта – хозяин диких зверей и покровитель охотников. Существует следующее предание: «В старину жил некий Нахчо. Во время охоты он увидел пасущихся оленей, среди которых был красивый белый олень. Пораженный этим Нахчо поспешил прицелиться, но в тот самый момент, как он хотел спустить стрелу, он ослеп на оба глаза и не смог произвести выстрел. Это был сам Елта, наблюдавший за своим стадом. По преданиям, Елта был одноглазым, его имя нельзя было произносить после захода солнца, да и днем Елта предпочитали называть каким-нибудь другим обыденным именем» (*Алироев, Орлов*, 1978).

Согласно преданию, записанному Б. Далгатом, Елта был сыном бога Селы. Втайне от отца Елта стал покровительствовать одному нуждающемуся мальчику. Благодаря Елте хлеб на пашне мальчика уродился таким, что он смог помочь своим соседям, пострадавшим от неурожая. Взбешенный Села призвал к себе мальчика. Елта так сильно ткнул пальцем в глаз своего сына, что тот потерял один глаз.

Эштр – владыка подземного мира мертвых. Он мудр, обладает даром провидения, от удара его посоха дрожит весь мир. Сидя на высоком троне из человеческих костей (вариант – в башне), он вершит суд над душами усопших: в соответствии с поступками, совершенными ими при жизни, праведных отправляет в рай, грешных – в ад.

В пантеоне были также Молдзы-Ерды – бог войны, Гурметцу – бог рая, Хинана – Мать воды, Дерцнана – Мать вьюги, Мехнана – Мать ветров, ЦIенана – Мать огня, Аьзни – красавица, или дочь Солнца, Лайнаьзни – снежная красавица, или снегурочка, ГIумьазни – красавица песков. Боги «заботились» об урожае, приплоде стад, деторождении, удачной охоте, военных успехах, т.е. обо всем, от чего зависела жизнь горцев.

Языческие обряды сопровождались молениями и жертвоприношениями, а также песнями, танцами, гаданиями, состязаниями и т.д. Они происходили у стен святилищ – «жилищ» божеств. Руководящую роль в языческих праздничествах играли жрецы.

Археологический и этнографический материал позволяет сделать вывод, что в Средневековье у чеченцев существовали развитые представления о «стране мертвых». Отсюда и проявляемая забота об усопших, когда их хоронили в фамильных каменных усыпальницах с полным набором разнообразных вещей, окружавших людей при жизни. Сами похороны всегда сопровождались поминками, которые устраивались и на территории могильников, и в предназначенных для этого поминальных камерах.

С ранними религиозными верованиями связано почитание у чеченцев гор, скал, камней, рощ и озер. Объектами особого почитания считались так называемые священные камни, вокруг которых слагались легенды. Так, скала, носившая название Ерда, однажды жестоко надругалась над богиней плодородия *Тушоли*; в нарторстхоевском эпосе есть сюжет о рождении Соска-Солсы из камня.

В Чечне и Ингушетии известны такие «священные» вершины, как Тебулос-Мта, Мат-Лам, ЦIей-Лам, «священные озера» – ЦIен-Ам, Галанчож-Ам, Кезеной-Ам и др.

Значительное место в анимистических верованиях занимает представление о человеческой душе, которая существовала в виде призрачной, невидимой глазу материи, похожей на дымку или тень, она могла представляться в виде мухи. Душа составляла причину жизни и мысли в том существе, которое она одушевляла, владела волей и сознанием своего телесного обладателя. Местопребыванием души человека чеченцы считали грудь, бытовало также представление, что душа заключена в крови.

Души людей и животных-тотемов считались бессмертными. «Душа» на чеченском языке называется словом *са*, что означает также «свет», «воздух», жизненную энергию. Потеря ее приводит к смерти (*Ахмадов*, 2002).

Чеченцы в прошлом считали, что когда человек спит, душа его выходит и странствует неподалеку. Если она отлетит слишком далеко, то может заблудиться, и тогда человека подстерегает смертельная опасность или болезнь. Отсюда и поверье, что переносить с места на место спящего ребенка или взрослого человека, предварительно не разбудив их, нельзя. Объясняется этот запрет тем, что если отлетевшая душа вернется к телу и не обнаружит его на прежнем месте, то улетит, а человек, которому принадлежала эта душа, умрет или сойдет с ума.

По представлениям чеченцев, окружающую их природу и предметы населяли многочисленные добрые и злые духи. Существовали также духи-покровители – *тэрым*. Каждый человек имеет тэрым, покровительствующий ему. В окружающей среде добрые духи – *тэрым* обитают в чистых местах: священных рощах, лечебных источниках. Тэрым могли вселяться в определенных животных (тура, оленя, волка, барана) и птиц (орла, сову, голубя, удода, ласточку). Силой доброго духа обладало дерево *турс* (таволга), посох из которого носили жрецы. Такой же силой обладали черные бобы, на которых гадали.

В мире духов существовала определенная иерархия. Низшие духи, вселявшиеся в камни, деревья или другие неодушевленные предметы, не могли вселяться в животных или человека. Высшие духи могли вселяться в любые объекты. Существовали также духи-демоны, считавшиеся врагами человеческого рода, всегда изыскивающими средства вредить людям. Они никогда не покровительствовали человеку, а если временами оказывали ему помощь и даже трудились для него, то только будучи принужденными к этому силой. Эти недоброжелательные к людям фантастические существа не задабриваются ни постоянным кормлением, ни совершением ритуала.

Столпообразное святилище *сиелинг* у некрополя Цой-Педе
Итум-Калинский район
***Ильясов*, 2004. С. 215**

Склепообразное святилище у с. Тертие
Итум-Калинский район
***Ильясов*, 2004. С. 223**

Наиболее распространенными демонами у чеченцев были алмасы и убуры. У. Лаудаев дает интересное описание этих фантастических существ: «Алмас есть существо женского пола, являющееся людям в человеческом образе, на кладбищах, по вечерам в глухих местах аула, леса, по дорогам и проч. Существа эти полу-плоть и полу-дух. Они предвещают смерть человека заунывным пением, произнося часто имя жертвы и испуская при этом стоны. Верование в алмасов и теперь еще сильно у чеченцев. Убур есть не что иное, как вампир, обыкновенно сосущий кровь младенцев в колыбели. С алмасами, шайтанами и джинами чеченцы обращаются без церемоний. Если случается, что заблудившийся чеченец в лесу или в глухом месте набредет на их общество, то стреляет в них, и робкие духи исчезают. Различные случайности в жизни, как то: умалишение, физическое расслабление, истерические припадки, падучую болезнь и т.д. тоже приписывают проискам гениев и шайтанов…» (Цит. по: *Ахмадов, Исаев, Хасиев*, 1991).

Некоторым предметам чеченцы приписывали сверхъестественные свойства, способность оберегать человека от вредоносных влияний окружающей среды. Это были некоторые породы деревьев (граб, тис, орех, груша, яблоня); плоды (кизил); части скелета животного (череп, лопаточная кость, когти и т.д.); камни и минералы (сердолик, халцедон, гагат, соль, сера, кремень), раковины. Особо почиталось железо. С целью предохранения ребенка от зловредного воздействия духов под подушку ему клали острые железные предметы. Железо у чеченцев считалось даром подземного бога Эштр и спасало от удара молнии, а его производство было связано с огнем, обладающим очистительной силой.

Закладка основания башни сопровождалась обрядом освящения огромных каменных плит, которые клали в основание башни. Башни символизировали продолжение земной тверди, скалы, на которые опирается вселенная.

К древнейшим предметам, служившими амулетами, можно отнести ожерелья из зубов оленя, клыки медведя и кабана, морские раковины. Впоследствии талисманом у чеченцев стала служить *жайна* (мусульманский талисман), оберегающий от злой силы. *Хайкал* (мусульманский амулет) обладал еще большими охранительными свойствами, чем жайна. Также от сглаза на ручку ребенка привязывали красные сердоликовые и янтарные бусины.

Особое место занимало почитание животных. Отдельные животные воспринимались как материальное воплощение духовных и сверхъестественных сил. Видимо, с этим связан чеченский обычай давать мальчикам имена Борз (Волк), Леча (Сокол), Ча (Медведь), Лома (Лев), Куьйра (Коршун) и др. (*Багаев*, 1994. С. 15). Наиболее почитаемыми животными у чеченцев были олень, тур, бык, кабан, баран, лошадь, волк.

Многие храмы и святилища в Чечне и Ингушетии некогда украшали ветвистые рога оленя, которые также свидетельствовали о почитании этого животного. Чеченцы издревле почитали коня. В сказаниях это животное умеет говорить. В эпической песне «Князь Монца и вдовий сын» побежденный герой обращается за помощью к коню. Культ коня существовал на Кавказе с эпохи поздней бронзы (XIII в. до н.э.), то есть еще до скифов и сарматов. Обнаруженное захоронение погребения лошади с человеком в предскифов-

ское время, датируемое IX–VIII вв. до н.э. (Зандакский могильник), говорит о значимости культа коня.

Названия некогда почитаемых животных сохраняются в топонимике, в названиях селений в верховьях Чанты-Аргуна: Борзой (*борз* – волк), Хьакхой (*хьакха* – свинья). Многие названия животных, птиц, пресмыкающихся употребляются как зоосемические метафоры: *борз* (волк) – «смелый, решительный, мужественный»; *ча* (медведь), *нал* (вепрь) – «сильный»; *ка* (кочкарь) – «мужественный, гордый»; *цхьогал* (лиса) – «хитрая»; *пхьагал* (заяц) – «трусливый»; *лом* (лев) – «смелый»; *леча* (сокол) – «смелый»; *куотам* (курица) – «трусливая»; *чIегIардиг* (ласточка) – «красноречивая»; *къиг* (ворона) – «опасливая»; *лаьхьа* (змея) – «противная»; *моьлкъа* (ящерица) – «нахальная» и т.д.

Важное место в системе древних религиозных верований чеченцев играла магия, сопряженная с хозяйственной деятельностью человека. Земледельческая магия включала в себя такие приемы, как перетаскивание плуга через реку, мытье в реке мотыг, одымление вспаханного поля перед посевом; в засуху прибегали к обряду вызывания дождя (*кьоршкьали*), ряженый в окружении детей и подростков ходил по селу, его обливали водой, хозяйки давали детям съестное: пироги, сладости.

Комплекс магических действий применялся также при животноводческой деятельности, охоте, ремесленном производстве. Местные знахари использовали для лечебных процедур высушенную лапу медведя, хвост черной кошки или волка и др. Чеченцы верили, что можно наслать на человека «порчу», для чего использовалась обувь, кусок одежды намеченной жертвы, волчий астрагал (род растений), обрезки ногтей и волос. Для предохранения от сглаза пользовались множеством амулетов. До наших дней дошел обычай тщательно прятать остриженные ногти и волосы, выпавшие молочные зубы ребенка, чтобы избежать порчи и сглаза.

Любовная магия включала различные действия, имеющие целью приворожить любимого человека: гадания, угощение ослиным мясом, вшивание в одежду заклинания и т.д. В языческой культуре были распространены гадания на камнях, бараньей лопатке, в XIX в. на «Звездной книге» (*Седа джайна*).

А.П. Ипполитов писал, что «гаданье по кости барана носит у горцев название *пхенерь*, а часто *пхенерь-хажер*. Тот, кто хочет гадать, должен иметь своего собственного барана, то есть из своего стада; купленный же полагается годным для этого процесса в таком только случае, если он пробыл у своего нового владельца год времени, или же этот последний давал ему три раза соли. Баран должен быть годовалый; шерсть допускается произвольная, хотя некоторые прорицатели и предпочитают баранов совершенно белых. *Хажерь* (гадатель) режет барана, варит и потом, по одной из лопаток передней ноги животного, предсказывает будущее. Основанием для предсказания служат ему темные и светлые пятна, находящиеся на кости и заметные, если сквозь нее смотреть на свет, точно так же как и пятна кровавые и узоры жилок, часто видимые на лопатке. Кровавые пятна – предзнаменование дурное, и в прежнее время не раз какой-нибудь план, смело задуманный горскими наездниками, оставался без выполнения, вследствие открытия хажером вещих знаков» (*Ипполитов*, 1868).

И.П. Ипполитов описал также обряд *палтасарь* – гадание на камнях. Суть его заключается в том, что «ворожея, обыкновенно старая женщина, берет девять небольших камней и, пошептавши на двух из них имена любовников, бросает вдруг все девять камней, и, наконец, по численности камней, которые лягут между двумя камнями любовников, ворожея делает уже заключение о благополучном или неблагополучном соединении их, о времени этого соединения и тех препятствиях, которые могут при этом встретиться».

ХРИСТИАНСТВО В ЧЕЧНЕ

Целенаправленное изучение проблемы христианизации чеченцев пока не осуществлялось и представляет собой интересную научную задачу. Свидетельствами распространения христианства у чеченцев являются археологические материалы, сохранившиеся культовые сооружения, описания путешественников, архивные документы. Остатки христианских верований дольше всего сохранялись в горных районах Чечни, где они сочетались с языческими представлениями, а местные святыни и божества часто выступали под христианскими именами.

Я.З. Ахмадов утверждает, что «по крайней мере с IV–V вв. в среду нахов начинают проникать ранние формы христианства, а с VII в. и ислама» (*Ахмадов*, 2001. С. 208). По данным С. Броневского *кисты*, так чеченцев и ингушей называют в грузинской исторической традиции, были христианами и находились в подданстве грузинских царей. Ссылаясь на И.А. Гильденштедта и П.С. Палласа, он упоминает наличие в горах западной части Чечни старинной каменной церкви, напоминающей «образец церкви Спасителева гроба во Иерусалиме»; на ней имеется готическая надпись, в ней хранятся книги, написанные латинскими буквами. С ослаблением христианства чеченцы возвращались к языческим верованиям, затем вновь становились христианами, пока среди них не стал утверждаться ислам (*Броневский*, 1823. С. 161, 162). Е.М. Шиллинг подтверждает факт ослабления с XV в. культурного влияния христианства со стороны Грузии на чеченцев и ингушей и проникновение в их среду ислама (*Шиллинг*, 1934–1935).

В архивном документе 1849 г. «О возвращении кистинцам истукана под названием Майстский Джвари» жители горной чеченской общины Майсты (находится у границ Хевсурети), обращались к тифлисскому начальству с просьбой вернуть им «истукана», отнятого у них по распоряжению тушинского благочинного Иова Цискарова, а также принадлежащее этому божеству имущество. Обосновывая свое требование, просители подчеркивали, что почитают его «за святого Георгия, угодника Божия», и не могут обходиться без него, ибо он «помогает им в их нуждах». Как видно из текста документа, жители Майсты считали этого идола именно христианской святыней, поскольку ему поклонялись еще их предки, бывшие христианами. Сами они уже именовали себя приверженцами «магометанской веры». Они обещали принять православие, если им вернут святого Георгия, а также «привлечь к этому и тех горцев, кои теперь участвуют в почитании истукана». Тифлисский военный губернатор разрешил выполнить просьбу майстинцев, приняв во внимание, что «божище это составляет предмет давнишнего почитания

и обожания кистинцев и выдается ими за образ святого Георгия». Изображение святого Георгия описывается следующим образом: «истукан деревянный, лицо обитое серебром, вместо глаз вставлены два красных камня, обвернут лоскутками из разных материй белого и красного цвета». Среди найденного при нем «украсительного достояния» перечислены 9 медных и 3 серебряных колокольчика, медный кружок, медная чашка с обломанными краями, 2 серебряные цепочки (из них одна – с шестью бубенчиками), проволочное кольцо, 29 монет. Идол упоминается в тексте под несколькими именами: Георгий Майстский, Майстский Джвари, Святой Георгий Майстский Джвари. Описание этого божества, почитавшегося в Майстинской общине, свидетельствует о длительных грузино-чеченских этнокультурных контактах и в такой области, как религиозные верования. Об этом говорят и сами названия божества: Георгий, наиболее почитаемый у грузинских горцев святой, Джвари (груз. «крест», «божество», «святилище») (*Соловьева*, 1992. С. 123–124).

По словам А.П. Берже: «Жители Большой и Малой Чечни, как свидетельствуют предания и встречающиеся в этой стране развалины древних храмов, некогда исповедовали христианскую веру». Описывая религиозную ситуацию среди *кистин*, он фиксирует наличие на вершине Матхох у *кистин* (ближних) трех памятников, называемых церквами: «В одном из них празднуют Св. Георгия, в другом Божией Матери, а в третьем Св. Марине». Он полагает, что о распространенности христианства говорит наличие в чеченском языке многих «выражений и собственных имен, по которым можно подтвердить эту догадку и возвести ее до степени факта, не подлежащего сомнению» (*Берже*, 2008).

А.П. Ипполитов приводит сведения, касающиеся сохранения явных элементов христианства у чеченцев: у представителей чеченского тайпа Чаберлой имеется поверье, что «они происхождения русского»; чеченские тайпы Зумсой, Келой, Варандой – грузинского происхождения; христианская вера как в галгаевском, так и в кистинском обществах пустила глубокие корни, хотя со временем и исчезла, но обряды этой религии до сих пор чтутся; аккинское общество было христианским, но уже ко второй половине XIX в. следы христианства в нем было невозможно обнаружить, что было связано с воздействием на них идеологии Шамиля (*Ипполитов*, 1868. С. 4).

У. Лаудаев также считает, что чеченцы до принятия ислама были христианами: во-первых, названия дней у чеченцев имеют те же значения, как и русские; во-вторых, ссылаясь на арабский источник, он утверждает, что чеченцы находились в христианстве 104 года до принятия ими мусульманской веры. По его мнению чеченцы стали принимать ислам в начале XVIII в., а христианами они были весь XVII в. Данная точка зрения приводится как зафиксированный факт, хотя она далеко не бесспорна. Уход чеченцев к русским в начале принятия ислама он объясняет следующим образом: «Они уходили к русским, потому что считали их братьями по религии» (*Лаудаев,* 1872. С. 57–58). Укрепляясь на Северном Кавказе, Россия всячески способствовала распространению среди кавказских народов христианства, достаточно активно проводила политику христианизации усмиряемых горцев.

Отход части нахов от христианства и принятие ими ислама более детально описал грузинский историк М. Джанашвили, по мнению которого, «первоначально кистины, гливы (ингуши), дзурдзуки (чеченцы) были христианами... до нашествия Тимур-Ленга (Тамерлана), который, покорив их то лестью, то угрозами, совратил в магометанство и назначил им мулл из арабов, которых обязал учить лезгинских детей письму на арабском языке; он издал также строгое повеление, чтобы отнюдь лезгины не учились ни чтению, ни письму на грузинском языке» (*Джанашвили*, 1897).

Крестообразная каменная стела
у с. Нихарой
Итум-Калинский район
Ильясов, 2004. С. 227

Процесс принятия ислама чеченцами не был однозначным. Так, в конце XVI в. в восточной Чечне ислам утверждал проповедник шейх Бэрсан (Берс). Отдельные представители чеченского тайпа Гуной, не отказываясь от языческих и христианских верований и обычаев, были вынуждены покинуть свои земли и перебраться за Терек (на территорию нынешней ст. Червленной Шелковского района). И.М. Попов пишет, что представители тайпа Гуной считают себя родственниками гребенских казаков, и наоборот – «казаки эти не лишены родственных чувств к гуноевцам» (*Попов*, 1870. С. 12). Н.Г. Волкова приводит факты вливания в состав гребенских казаков различных групп чеченского населения из Ичкерии, Чеберлоя (*Волкова*, 1974. С. 196–197). До сих пор среди гребенских казаков живут обрусевшие потомки чеченцев, придерживающиеся православных обрядов. Считая себя казаками, они помнят свое этническое происхождение. К ним относятся гребенские казаки с фамилиями Егоркины, Гришины, Бусунгуровы, Закаевы, Костиковы, Полушкины, Пронькины и др.

И.П. Попов отмечал, что представители тайпа Эрсеной не отвергали наличие у них христианства, а в окрестностях с. Эрсеной был обнаружен надмогильный памятник с крестом (*Попов*, 1870. С. 11). Н. Семенов писал о нахождении железного креста вблизи с. Чечен-аул (*Семенов*, 1890). Подобных памятников в Чечне в XIX–XX вв. существовало немало. В 1960-е годы о сохранении на территории Чечено-Ингушской АССР христианских памятников писал чеченский этнограф А.И. Шамилев. В ущелье Аргуна, в частности в Шатойском районе, и сегодня в ходе проведения археологических раскопок находят каменные кресты.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ИСЛАМА

Ортодоксальный ислам, воспринятый чеченцами, не мог сразу заменить их традиционную духовную культуру, являющуюся синкретической: в ней сочетались компоненты язычества, зороастризма, иудаизма, христианства. Языческие элементы еще долго продолжали доминировать в мировоззрении, хотя ислам стал занимать базовое место. История появления и распространения ислама в Чечне еще не достаточно отражена в исследованиях отечественных исламоведов. Так, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос об условиях и времени распространения здесь ислама.

В историографии XIX–XX вв. долго бытовало мнение о том, что чеченцы до XVIII–XIX вв. не знали ислама. Однако А.И. Шамилев еще в 1963 г. высказал предположение, что «ислам к чеченцам проник гораздо раньше, чем обычно предполагает литературная традиция и установившееся в науке мнение У. Лаудаева, А.П. Берже, Б. Далгата, Г.Ф. Чурсина и многих других авторов-исследователей», и что версия о «позднем появлении мусульманских верований у чеченцев не подтверждается историческими фактами» (*Шамилев*, 1963а. С. 97).

В конце XIV в., к моменту появления на территории Северного Кавказа завоевателя Тимура, в восточной Чечне, с нашей точки зрения, уже несколько веков существовали локальные мусульманские общины, имевшие экономические, культурные и духовные контакты с единоверцами из Дагестана.

В русских документах XVI в. часто упоминается чеченское племя *ококи* (*аккинцы*), собственные имена отдельных представителей которого были мусульманскими. Так, предводитель аккинцев носил имя Шихмурза (*Белокуров*, 1889. С. 64). Оно состоит из двух частей: Ших (шейх) и Мурза (Мирза). «Шейх» на арабском языке означает «старейшина» или же «предводитель» суфийского братства, Мирза – тюркского происхождения и означает священнослужителя. Сказанное позволяет признать, что в указанный период чеченцы находились под влиянием не только арабской, но и тюркской культуры.

Историческая память чеченцев наряду с таким распространителем ислама, как Абу Муслим, сохранила и имя Термаола. Сведения об этом ревностном распространителе ислама впервые приведены У. Лаудаевым. Деятельность Термаола по исламизации чеченцев приходилась на конец XVI в. По мнению У. Лаудаева, он «был человек красноречивый и жестокий». Ревностно пропагандируя ислам, он красочно и подробно описывал прелести рая, уготованного Богом правоверным. Его речи «воспламеняли чеченцев и те, которые хоть мало были еще в сомнении, тотчас же делались мусульманами». Окружив себя преданными последователями, Термаол «начал смело производить обращение и убивать противящихся, наказывал их, называл врагами божьими (дели мастахой)» (*Лаудаев*, 1872. С. 54–55). Добившись подобными мерами принятия чеченцами ислама, этот проповедник так и не добился почитания в народе. Не выдержав насмешек детей, изображавших в своих ежедневных играх трупы, Термаол якобы «вырыл себе могилу и живой погреб себя», при этом он произнес: «Прощайте, мусульмане, теперь я уже больше не нужен вам, но прийду тогда, когда вы почувствуете во мне нужду».

У. Лаудаев пишет, что чеченцы приняли ислам от соседних дагестанских племен, поэтому они исповедуют учение «шафийского толка» (имеется в

виду шафиитский мазхаб). Окончательное же принятие ислама чеченцами, по его мнению, произошло под воздействием другой исторической личности по имени Берса-шейх, деятельность которого приходится на период после «добровольной» смерти Термаола. Берсак (Берсан) – курчалинской фамилии (т.е. тайпа Куьрчал), «имел влияние в народе, его называли имамом и шейхом (святым)» (*Лаудаев,* 1872. С. 29). В отличие от Термаола он не был столь жестоким в деле распространения ислама, его методы скорее носили мирный увещевательный характер. Судя по преданию, Берса-шейх обладал даром предвидения будущего, что усиливало его авторитет. Благодаря этому его качеству многие чеченцы, проживавшие на территории нынешнего Ведено, стали истинными мусульманами.

По мнению С.Ц. Умарова, «мусульманство в качестве господствующей религии утверждается в Чечено-Ингушетии в XV – первой половине XVI в.» (*Умаров*, 1985. С. 7). Признавая факт более раннего, чем это принято в отечественном исламоведении, распространения ислама среди чеченцев, он исходит из того, что чеченцы подвергались иноземным нашествиям как арабов, монголо-татар, так и полчищ Тимура, и оказывались насильственно втянутыми в политические и культурно-цивилизационные процессы мусульманского Востока.

В XVI–XVII вв. Россия, пытаясь распространить свое политическое и культурное влияние на Северный Кавказ, закладывает на Тереке крепости, в которых наряду с другими народами поселялись и чеченцы, заинтересованные в выгодных торговых связях с русскими и другими поселенцами. Демонстрируя свою лояльность к русской власти, они приносили присягу о подданстве на Коране. В русских документах фиксируются случаи, когда присягу на Коране давали горные чеченцы, в частности шатоевцы, поселившиеся в Терском городке. Сообщается, что «шибутские (шатоевцы) люди Лаварсанко Язиев да Затышко Лаварсанов и 20 дворов. шертовали, что им тебе государю служити и прямити и ясаку даровати по кулю меду на год, и твоих государевых людей не побивати и не гробати. И те шибуцкие люди Лаварсанко да Затышко ту свою шерть нарушили: твоего государева ясаку не платят и твоих государевых людей побивают и к казачьим городкам приступают» (*Магомадова*, 1990).

В середине XVII в., судя по русским и грузинским источникам, в горной Чечне религиозная ситуация была неоднородной, здесь встречаются горцы-христиане и горцы-мусульмане. В частности, по свидетельству тушинских послов, прибывших в Астрахань, вера у жителей «шибутской землицы одна с тушинами», т.е. христианская, «а иные шибутцы живут по-бусурмански» (*Кушева*, *Усманов*, 1978. С. 106). В 1658 г. трое шатоевцев из тайпов варандой, чанти и тумсой прибыли в Москву; Шибутские посланцы «учинили веру в Соборной церкви в Кремле», т.е. была принесена христианская присяга. В 1666 г. крепость Терки посещает турецкий путешественник – дервиш Эвлия Челеби. Наблюдая за мусульманским населением крепости, он заметил, что «все они мусульмане-единобожцы, исповедующие учение своих духовных наставников» (*Челеби*, 1979. С. 111). Наличие наставников у мусульман – чеченцев и дагестанцев, проживавших в этой крепости, позволяет признать, что они – последователи суфизма. Таким образом, можно предположить, что

бытовавшая в XVII в. среди чеченцев и дагестанцев форма ислама представляет собой суфизм – религиозно-мистическое течение в исламе.

Версия о более позднем принятии ислама вайнахами опровергается и фактами материальной культуры. А.П. Берже отмечал, что «ислам водворился между чеченцами не далее начала прошлого столетия» (т.е. XVIII в.) (*Берже*, 1991. С. 67). По этому поводу А.И. Шамилев пишет, что «путешественники XVIII в. могли видеть на территории нынешних Урус-Мартановского и Ачхой-Мартановского районов отделанные по-магометански надмогильные памятники. Тут же находились и шесты с флагами, наподобие газаватских знаков шахидов» (*Шамилев*, 1963а. С. 105). Приведенные элементы материальной культуры мусульманского вероисповедания позволяют признать, что ислам прочно утвердился в значительной части Чечни уже до XVIII в. Во многих чеченских селах появляется местное духовенство, занявшее важное место в социальной стратификации. Так, в конце XVIII в. в селении Шали жили знатные и влиятельные муллы и хаджи – Умар-Хаджи, Ногай-Мирза-Хаджи, Бисултан-Хаджи, совершившие хадж в Мекку (*Ахмадов*, 2002. С. 97).

Описывая проникновение ислама в горную часть Чечни и Ингушетии, М.Б. Мужухоев делает вывод, что XVII в. «далеко не является временем основательного внедрения здесь нового религиозного учения». Основываясь на данных археологических раскопок, он фиксирует разновременность принятия ислама чеченцами и ингушами, обусловленную разного рода социокультурными предпосылками; «полевые источники позволяют заключить, что мусульманская религия в XIX в. в горных районах Чечни уже пустила глубокие корни, тогда как в Ингушетии она только распространялась» (*Мужухоев*, 1979).

Разновременность проникновения ислама в различные ареалы, где локализовывались нахи, по мнению М.Б. Мужухоева, объясняется устойчивостью среди них языческих верований. Он признает, что в отличие от горцев, ингуши, проживающие на плоскогорных территориях, стали принимать ислам с XVIII в., а период его широкого распространения приходится на конец XVIII в. Последнее обстоятельство, с нашей точки зрения, связано с деятельностью чеченского суфия шейха Мансура (1765–1794) (*Мужухоев*, 1979).

Религиозная программа шейха Мансура состояла из трех частей. Первая часть предполагала осуществление шариатских запретов: не курить, не пить, во всем строго придерживаться шариата; вторая – борьбу против консервативных адатов, особенно против кровной мести. Шейх Мансур призывал враждующих горцев простить друг другу взаимные обиды, и сам лично простил горца, убившего его родного брата. Как сообщает У. Лаудаев, чеченцы признали Мансура своим учителем (*устусом*), ходатаем перед Богом. Они увлеклись религиозным настроением, прощали друг другу долги, прекращали тяжбы, кровную месть. Судя по источникам, Мансур сумел совершить среди чеченцев духовно-нравственный переворот: люди открывали друг другу свои сердца, изгоняя из них злобу, зависть, корысть. В тот период народ до такой степени обратился на истинный путь, что найденные вещи и деньги привязывали на шесты и выставляли на дорогах, пока настоящий владелец не снимал их (*Лаудаев*, 1872. С. 55). Подобная ситуация продолжалась в Чечне два года. Третья часть программы была нацелена на прекращение

межплеменных, межэтнических распрей и установление шариата, что должно было объединить горцев. Эта идея приводила к единению народов Северного Кавказа для совместного отпора колонизаторам.

Недостаточно изучен мирный способ распространения ислама среди чеченцев и ингушей посредством идейного воздействия мусульман на вайнахов, придерживавшихся языческих верований. Для вовлечения в ислам использовались родственные узы, дружеские отношения. Нельзя исключать и тот факт, что для горцев-язычников принятие ислама было экономически выгодно, так как они вступали в торговые отношения со своими родственниками, соплеменниками, исповедовавшими ислам, проживавшими на плоскости. Процесс исламизации народов Северо-Восточного Кавказа протекал сложно, через преодоление политеизма, укоренившихся в быту адатов, различных сторон архаического образа жизни, связанного с язычеством. Первоначальное неприятие дагестанцами и чеченцами ислама, мусульманской культуры во многом объясняется значительным расхождением их образа жизни, социального устройства, нравственно-этических норм, мировосприятия народов Северо-Восточного Кавказа и форм социокультурного бытия, духовных воззрений исламизированных арабов.

Причины принятия ислама чеченцами, по мнению У. Лаудаева, таковы: «Чеченцы не имели князей и были равны между собою, а если случалось, что инородцы высших сословий селились между ними, то и они утрачивали свой высокий род и сравнивались с чеченцами». Поскольку в Чечне не было единовластия, то «господствовало одно право – право сильного». Это порождало немало беспорядков и привело к тому, что «народ искал спасение, откуда-бы оно ни появилось». Все это подтолкнуло чеченцев к принятию магометанской веры, в надежде, что «шариат восстановит спокойствие в крае, коим наслаждались их мусульманские соседи, и чеченцы принимают ислам» (*Лаудаев*, 1872. С. 23, 27).

У. Лаудаев считал, что в связи с принятием ислама «все изменилось у чеченцев»: Коран вселял в них непримиримую вражду к иноверцам; оставшиеся в язычестве, как и некоторые осетины, делались их религиозными врагами. С принятием ислама духовенство стало возбуждать фанатизм народа, набеги и воровство называли войной за веру, павших в этих схватках считали пострадавшими за веру, т.е. *газиями*. С принятием ислама споры следовало разрешать по шариату. Однако привыкшие к адату чеченцы не желали ему подчиняться. Решения по шариату не выполнялись, сильные чеченские фамилии отказывались от него и возвращались к адату. Все это увеличивало общественные беспорядки, усугубляло конфликтные ситуации, чтобы «исправить неудобства, постигшие шариат, нашли необходимым согласовать его с адатом, а потому некоторые дела стали решаться по адату, другие по шариату» (Там же. С. 30). С утверждением царской власти в Чечне был учрежден Махкама (народный суд), производивший более правильное судопроизводство и осуществлявшийся под надзором русских начальников.

Тарикат накшбандийа появился среди чеченцев в XVI в. Следы накшбандийа в северной и западной части Дагестана обнаруживаются еще в XV в. Наличие суфизма среди местных народов, проживавших в русской крепости Тарки на р. Сунжа, в 1666 г. фиксирует турецкий путешественник Эвлия Челеби. Он обнаруживает наличие тариката накшбандийа и в дагестанском

Мечеть в с. Итум-Кали
Чеченская область, 1907 г.
РЭМ 1235-4

Мечеть в с. Мекенской
Веденский район
Фото Л. Ильясова, 2010 г.

Мечеть в с. Хацун
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2010 г.

Мечеть в с. Этилли
Итум-Калинский район
Фото Л. Ильясова, 2010 г.

селении Койсу. В ряде отечественных исследований по исламу существует версия о том, что шейх Мансур был последователем суфизма. Его начальная религиозная деятельность связана с аскетическим и мистическим образом жизни. В его проповедях звучали призывы к справедливости, преодолению кровной мести, духовному и нравственному самосовершенствованию верующих, объединению горцев на основе шариата. Этой точки зрения придерживается и Ш. Казиев, отмечавший, что Мансур «проповедовал кораническое благочестие, шариатское равенство между людьми, выступал за прекращение междуусобиц и единение горцев, поначалу вел уединенный образ жизни суфия» (*Казиев*, 2003. С. 10).

М. Блиев связывает деятельность Мансура с набеговой системой, полагая, что он приступил к набегам, когда посчитал, что мюридизм уже достаточно внедрен в чеченском обществе (*Блиев*, 1994. С. 135). Между тем его деятельность не имеет отношения к набегам. Шейх Мансур не мог быть последователем мюридизма, поскольку в Дагестане это учение появилось только в первой трети XIX в. Социально-экономические отношения в конце XVIII в. среди чеченцев формировались отнюдь не за счет набеговой системы и грабежей, и уж тем более не за счет мюридизма. Они развивались на основе аграрной и торговой деятельности чеченцев, производивших в больших количествах зерно и реализовывавших его на соседних территориях.

Мюридизм как политическая ветвь тариката накшбандийа приобретает ярко выраженный антифеодальный и антиколониальный характер в Дагестане в 1820–1830-е годы, несколько позже он распространяется среди чеченцев, что связано с деятельностью шейха Ташу-Хаджи. В Дагестане тарикат накшбандийа был представлен двумя ветвями: мистицизмом и мюридизмом. Как мистическое учение накшбандийа ориентирует верующего на духовное совершенствование, на Богопознание, против насилия и войны. Но в ходе реализации карательной политики Ермолова в Дагестане и Чечне некоторые сторонники накшбандийа, а точнее накшбандийа-халидийа, получившего распространение в Азербайджане и позже в Дагестане, призвали горцев к газавату против русских войск. Воинствующий мюридизм связан с религиозно-политической ориентацией накшбандийа и является прежде всего реакцией на карательные экспедиции Ермолова против кавказских горцев.

В рамках накшбандийа в Дагестане присутствовала и другая тенденция, осуждающая газават, призывающая верующих к аскетизму, духовному совершенствованию. На этой позиции находился дагестанский шейх Джамал-Эддин Казикумухский. Исследователь суфизма А.Д. Кныш пишет: «Джамал-Эддин осудил газават Шамиля и призвал своих последователей заняться внутренним совершенствованием, а не вооруженной борьбой на поле брани» (*Кныш*, 2004. С. 340). Именно он запретил своим мюридам Газимухаммаду и Шамилю объявлять газават русским войскам, предвидя тяжелые последствия для горцев. А. Руновский, близко знакомый с Шамилем, по этому поводу пишет, что Джамал-Эддин в письме Гази-Мухаммеду «доказывал необоснованность его затеи, и требовал, чтобы он оставил все военные приготовления и занялся бы настоящим своим делом, сущность которого заключается в молитве, а не в войне». Далее он сообщает: «Раздосадованный Гази-Мухаммед очень лаконически отвечал Джамал-Эддину, что настоящее дело мусульманина “газават”, и вслед за тем он продолжал свои приготовления к войне. Но

теперь вступился в это дело Шамиль» (*Руновский*, 1996. С. 66)

Газават не был прекращен, наоборот, он стал расширяться и даже был перенесен в Чечню. Дореволюционный исследователь Н.А. Волконский отмечает: «Весною 1824 г. неожиданно явился в Чечню из Дагестана какой-то мулла Магомет и поселился в Маюртупе» (*Волконский*, 1886. С. 47). По-видимому, это был Мухаммад Ярагский, который скрывался от преследований со стороны Аслан-Хана Казикумухского.

В 1825–1826 гг. вспыхивает вооруженное восстание чеченцев. Его фактическим организатором стал Бейбулат Таймиев. Первоначально религиозные и политические воззрения Б. Таймиева были сопряжены с осознанием необходимости активной борьбы против колониальной политики царизма, жестокими методами осуществляемой генералом Ермоловым. Следующий этап его деятельности был связан с желанием установления личных контактов с царскими генералами, с переходом на службу России, ухудшением отношений с военными чиновниками, поиском посредников в лице дагестанских феодалов, находившихся на царской службе, для заключения мирного договора с Россией. Убийство Таймиева и возникновение мюридистского движения прервали мирное развитие ситуации в Чечне и Дагестане.

Четки (*суьлхьанаш*)
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Среди чеченцев, участвовавших в Кавказской войне на стороне Шамиля, стали преобладать антивоенные, антигазаватские настроения. Газават призывал чеченцев бороться с царизмом до победного конца, обещая уставшему от войны народу перспективы только в загробной жизни. В конце Кавказской войны появился проповедник, призывавший народ к терпению, прекращению войны, братству, взаимной помощи. Им был чеченский суфий Кунта-Хаджи Кишиев. Его антивоенные речи и призывы ориентировали народ на мирную жизнь и признание царской власти. Н.И. Покровский учение Кунта-Хаджи называет «мирным мюридизмом» (*Покровский*, 2000. С. 435). Эту характеристику подтверждает примечательная проповедь Кунта-Хаджи: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твердо укрепилась в нашем крае… Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви, идите, ибо они только строения, а мы в душе мусульмане. Если вас заставляют носить кресты, носите их, так как это только железки, оставаясь в душе магометанами. Но! Если ваших женщин будут использовать

Совершение намаза
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Совершение намаза
Конец XX в.
Личный архив М.Я. Устиновой

и насиловать, заставлять забыть язык, культуру и обычаи, подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обиды и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска чурека» (*Акаев*, 1994. С. 48).

Антивоенные высказывания Кунта-Хаджи противоречили планам Шамиля, требовавшего от горцев борьбы с царизмом до победного конца. Немало чеченцев и дагестанцев, прислушиваясь к Кунта-Хаджи, отходили от Шамиля. Преследуемый Шамилем, он вынужден был покинуть Чечню и отправился в Мекку.

Отличительные особенности нового тариката кадирийа в отличие от накшбандийа состоят в ряде аспектов: в ритуальной практике, а также в идеологии миролюбия, которую проповедовала Кунта-Хаджи в конце Кавказской войны. Если *зикр* (упоминание имени Аллаха) последователи накшбандийа исполняют тихо, вполголоса (а в некоторых суфийских братствах применяется даже медитация), то последователи кадирийа – громко, бегая по кругу или подпрыгивая на месте, при этом они могут использовать музыкальные инструменты: барабан, скрипку, зурну и т.д. Идеологическое их различие состоит в том, что учение накшбандийа (особенно его религиозная ветвь – мюридизм) являлось идеологией освободительной борьбы, тогда как учение кадирийа призывало чеченцев к прекращению сопротивления, терпению и переходу к мирной жизни.

Вернувшись в Чечню после пленения Шамиля, в 1862 г., Кунта-Хаджи усиливает свою проповедническую деятельность, стремится объединить народ, призывает к братству, взаимной помощи, милосердию. Особое внимание он уделял оказанию помощи сиротам, вдовам, бедным и немощным людям. Призывы к милосердию были важнейшей частью его нравственно-духовного отношения к людям. В преданиях чеченцев утверждается: Кунта-Хаджи говорил, что он готов отдать свою жизнь для того, чтобы не пролилась слезинка младенца, пусть даже принадлежащего к иноверцам.

Идеи смирения, братства, непротивления злу, преодоления порочных наклонностей, духовно-нравственного совершенствования человека составили суть этого учения. Именно эти вопросы в конце Кавказской войны, чуть не доведшей чеченский народ до физического исчезновения, более всего занимали Кунта-Хаджи, составляя основу его религиозно-философского мироп понимания.

В конце Кавказской войны в общественном сознании горцев столкнулись две тенденции. Одна из них – газават, призывавший их продолжить войну с царизмом, другая – учение Кунта-Хаджи, призывавшее к прекращению войны, признанию утвердившейся власти России.

В конце XIX в. происходит сегментация тарикатов накшбандийа и кадирийа. Возникают отдельные вирдовые братства этих тарикатов, которые стали играть заметную роль в религиозной жизни, и несколько меньшую роль – в политической жизни народа. Некоторых вирды принимали активное участие в политических процессах, возглавляя различные народные движения. Таковыми были движения зикристов в начале 1860-х годов, движение Алибека-Хаджи в 1877–1878 гг., антисоветское восстание Саид-Бека Шамиля

и Нажмуддина Гоцинского в Дагестане и Чечне в начале 1920-х годов, восстание беноевцев в начале 1930-х годов. Чаще всего они были направлены против власти, экономически и духовно угнетающей народ, навязывающей антинародную политическую систему.

На заре советской власти накшбандийский шейх Узун-Хаджи предпринял попытку реанимировать имамат Шамиля и объявил о создании Северо-Кавказского эмирата. Исследователи считают, что создание этого теократического образования осуществлялось по совету турецких эмиссаров, которые передали Узун-Хаджи фирман от турецкого султана, объявившего его «главой духовной и светской власти Северного Кавказа» (*Абдуллаев*, 2000. С. 121). Это эфемерное религиозно-политическое образование с победой советской власти в гражданской войне распалось. Идея же создания исламского государства, основанного на шариате, среди части верующих еще долго продолжала существовать. Отметим также, что вирд Узун-Хаджи до сих пор существует среди чеченцев, он широко распространен среди жителей Введенского и Шатойского районов.

В Чечне с 1923 г. развертывается борьбы против религиозных авторитетов. Был арестован религиозно-политический деятель Али Митаев, сын шейха Бамат-Гирей-Хаджи, сторонника шариатского правления, пользовавшийся среди чеченцев значительным влиянием. По рекомендации партийного руководителя Юга России А. Микояна и председателя ревкома Чеченской автономной области Т. Эльдерханова он был включен в его состав. Али Митаев проявлял недовольство политикой власти, разорявшей нищее чеченское крестьянство непосильным продналогом. Обвиненный в подготовке антисоветского восстания, он был арестован и расстрелян в 1925 г. В 1930-е годы были расстреляны более 300 представителей традиционного чеченского духовенства, также обвиненные в контрреволюции, антисоветизме, сектантстве. Репрессивными органами было уничтожено до 5% населения Чечни, значительную часть которого составляло духовенство.

В 1944 г. чеченцы подверглись депортации и были сосланы в Казахстан и Среднюю Азию. Находясь в изгнании, они сохраняли свои культурные традиции, религиозные верования, в сложнейших условиях боролись за свое физическое и духовное выживание. В Семипалатинской области Казахстана среди депортированных чеченцев возникает новое вирдовое братство, руководимое Вис-Хаджи Загиевым, являющееся ответвлением вирдового братства Чиммирзы. Благодаря религиозным братствам сохранялись обычаи, традиции, духовные ценности чеченцев. Часто мнение религиозного авторитета для многих из них значило больше, чем указания чиновников, видевших в них врагов государства.

Вернувшись на родину, они обносили кладбища изгородями, реконструировали зияраты шейхов и устазов. Принадлежность к вирдовым братствам, а в целом и к исламу, для чеченцев заметно маркирует их этническую идентичность. Отношение власти к вирдовым братствам было сложным, более того, она усматривала в их деятельности скрытую религиозно-политическую оппозицию доминирующей идеологии.

Партийные органы ЧИАССР к числу своих главных идеологических задач относили борьбу против пережитков прошлого, религиозных сектантов

и их мировоззрения. Часто методы этой борьбы носили грубый характер, что вызывало ответную реакцию верующих – неприятие бездушного атеистического мировоззрения. В ЧИАССР фиксировалась высокая религиозность, приверженность традиционным ценностям, хотя чеченцы, наряду с остальными народами северокавказских автономий, прошли советскую модернизацию.

В период перестройки и гласности в ЧИАССР шел процесс бурной реисламизации: повсеместно возникали религиозные учебные заведения и центры, активизировалась религиозно-политическая деятельность духовенства, появлялась религиозная литература. На площадях звучали речи, в которых утверждалось, что Коран является Конституцией. Это было время, когда возникали многочисленные религиозные партии и движения. Так, в 1990 г. в Астрахани создается Исламская партия возрождения, а ее подразделения возникли в Дагестане, Чечне и других регионах страны. Члены этой партии были названы ваххабитами. С падением коммунистической идеологии образовывается идеологический вакуум, который заполнялся исламом, а также радикалистскими проявлениями в нем. После совершенного в ЧИАССР в 1991 г. государственного переворота в органах власти стали укрепляться представители религиозного радикализма. Особенно их позиция усилилась в конце 1990-х годов. Под их влиянием создавались шариатские суды, шел процесс полной исламизации социальной и культурной жизни народа.

До сих пор сохраняют свое влияние накшбандийские и кадирийские вирды шейхов Ташу-Хаджи, Дени Арсанова, Солса-Хаджи, Докку-шейха, Кунта-Хаджи, Баммат-Гирей Хаджи и его сына Али Митаева и др. Влияние этих вирдов на различные стороны духовно-культурной, политической жизни чеченцев все еще остается достаточно ощутимым. Уважаемые в народе потомки некоторых чеченских устазов и шейхов принимают участие в разрешении конфликтов между верующими, примирении кровников, поддерживают того или иного политического деятеля.

В некоторых вирдовых братствах существует традиция осуществления бракосочетания только между его членами. Многие вирдовые братства проявили себя в политических событиях 1990-х годов. Одни из них поддерживали Дудаева, другие находились в прямой оппозиции, что вызвало преследования со стороны его режима. Но все вирдовые братства находились в конфронтации с ваххабитами, а некоторые из них, например, братства Ташу-Хаджи и Кунта-Хаджи, 14 июля 1998 г. в г. Гудермес столкнулись с ними в вооруженной борьбе.

Несмотря на вирдовую сегментацию, ислам в Чечне все-таки является единым. Мусульмане Чечни – сунниты, придерживающиеся шафиитского мазхаба, рассматривающего Коран и сунну как единый источник. Сунна считается дополняющей Коран. В силу своей упрощенности этот мазхаб получил широкое распространение в большинстве мусульманских стран, проник он в Дагестан, Чечню и Ингушетию. В основном шафиитский мазхаб распространен среди мусульман Северо-Восточного Кавказа. Сказанное позволяет в значительной мере объяснить неприятие ваххабизма, основанного на отрицании духовных ценностей, признаваемых преобладающим большинством верующих, связанных с суфийской культурой.

Для многих чеченцев приверженность к вирдовым братствам – историческая традиция, сакральная сторона их духовной жизни. Духовно-культурные традиции чеченцев остаются преимущественно гомогенными, хотя разнообразие тайпов и вирдов часто порождает амбивалентные ситуации, как бы лишая их внутрирелигиозного и этнонационального единства. Но это – кажущаяся ситуация. Архаические социальные и религиозные институты (тайпы и вирды) говорят о социокультурном многообразии чеченского общества, которое цементируется, когда задеваются его религиозные интересы и возникают внешние угрозы существованию чеченского этноса. Традиции вбирают немало ценного, общечеловеческого, не лишены они и консервативного, косного. В современном чеченском обществе религиозные традиции сыграли очень важную роль, сопряженную с противодействием радикалистским и экстремистским проявлениям. И этот факт до сих пор не осмыслен в должной мере в духовно-культурной жизни чеченского социума.

В народном исламе этническая компонента преобладает над религиозной составляющей. В сознании верующего часто возникает дилемма, кем он должен быть: мусульманином или представителем этноса? Нет ясного понимания в обществе по поводу разрешения дилеммы религиозной или этнической идентичности. Эта проблема наиболее остро была вербализована в ходе противостояния сторонников «северокавказского ваххабизма» и представителей традиционного ислама. Представители ваххабизма считали, что религиозная принадлежность, особенно к джамаатским группам, ставившим цель создания халифата, превыше родственных и этнических связей. В противовес этому представители традиционного ислама отдают предпочтение этнической составляющей, видя в идеологии и практике радикалистов угрозу для исторически сложившихся традиций, в том и числе и религиозных.

При определении этнической идентичности религиозный фактор играет значительную, но не определяющую роль. Этничность в чеченской идентичности остается определяющей, доминантной. Это характерно и для многих народов Северного Кавказа. Но этот фактор игнорировался силами, навязывавшими чеченскому обществу религиозно-идеологические ценности, формировавшиеся вне цивилизационно-культурного пространства Кавказа.

Специфика ислама в Чечне, равно как и на Северном Кавказе, определяется степенью взаимовлияния его базисных принципов и местных этнических культур, в значительной мере определившим его образ, характер, идеологию и практику. В ходе такого взаимодействия чеченцы оказались в рамках симбиозной культуры, опирающейся на обе традиции – этническую и исламскую. Эта общая характеристика ислама в Чечне конкретизируется спецификой, связанной с утверждением его в форме суфизма, представленного тарикатами накшбандийа и кадирийа.

Возрождение ислама в Чечне было сопряжено с процессами гласности и перестройки, происходившими в СССР. В конце 1980-х годов в связи с ослаблением идеологического диктата компартии в мусульманских регионах СССР начался процесс реисламизации. В Чечено-Ингушетии активизировались религиозные группы, оппозиционно настроенные к власти и официаль-

ному духовенству. На различных митингах, часто проходивших в Грозном, неформалы подвергали критике религиозную политику власти, создавались негосударственные исламские школы (*хьуьжарш*), где изучался Коран, хадисы пророка Мухаммада. Для подготовки мусульманского духовенства в с. Курчалой был открыт мусульманский институт, который возглавил А.А. Кадыров.

В 1989–1990 гг. религиозные активисты на митингах высказывали мысль о том, что «Коран должен быть Конституцией для мусульман», требовали от власти увеличить квоту для совершения хаджа в Мекку, создания отдельного духовного управления Чечено-Ингушской АССР.

Ваххабизм на Северном Кавказе неимманентен местной мусульманской культуре и во многом ей противоречит. Как известно, отклонения от духовно-культурной нормы порождают конфликты в обществе, часто разрастающиеся до жесткого противодействия, порождая многочисленные угрозы. Поэтому поиск адекватных мер терапии религиозных девиаций – задача государственной и общественной значимости. При этом следует исходить из того, что в культуре, в том числе и мусульманской, содержится гуманистический и миротворческий потенциал, который можно мобилизовать для соответствующего диалога. Этот потенциал ислама значителен, но в межнациональной и межконфессиональной практике недостаточно вербализован, изучен и не пропагандируется.

В 1999 г. на юге России в связи с деятельностью вооруженных ваххабитских группировок, организовавших «Исламскую армию Кавказа», возникла реальная угроза распада страны. В такой ситуации потребовалось решительное государственное противодействие экстремистам, представлявшим угрозу для традиционного ислама, общества и государства.

Дагестанские и чеченские ваххабиты, объявив себя носителями «чистого ислама», в 1990-х годах стали обвинять представителей тарикатов, вирдовых братств, придерживающихся суфийских ритуалов, в частности культа святых, в заблуждении, язычестве. В Чечне представители «чистого ислама», или последователи единобожия постепенно приобретали силу, им удалось занять ключевые должности в период существования режима А. Масхадова. В «кадарской зоне» Дагестана ими была создана «исламская республика», основанная на шариате, устанавливались тесные контакты между ваххабитами Дагестана и Чечни, заключались письменные соглашения о совместной деятельности.

Последователи ваххабизма все активнее заявляли о необходимости очищения народного ислама, возвращения к исламу времен пророка Мухаммада и праведных халифов. На этой почве ими вынашивался проект «полной исламизации» чеченцев, предполагающий вытеснение на периферию духовно-культурной жизни традиционного ислама и замены его ваххабизмом. Для реализации его в Чечне и Дагестане экстремисты предпринимали соответствующие шаги, В октябре 1996 г. в Чечне был введен шариат, вводились шариатские суды, укомплектованные исключительно ваххабитами. Лидер местных ваххабитов Б. Кебедов, вытесненный из Дагестана, со своими многочисленными сторонниками переселился в г. Гудермес. При поддержке Яндарбиева он усиливает в Чечне пропаганду ваххабизма и готовит кадры для шариатских судов.

В Чечне был организован Конгресс народов Ичкерии и Дагестана во главе с Ш. Басаевым, Хаттабом, Удуговым, Адалло, Б. Кебедовым и др. с целью создания «Кавказского халифата». Устанавливались шариатские порядки, велась борьба против распития спиртных напитков, осуществлялось наказание виновников, женщин принуждали одеваться строго по шариату, осуществлялись казни людей. В селах строились ваххабитские мечети, создавались центры, где молодежь обучалась основам «чистого ислама», распространялась ваххабитская литература. В Чечне и Дагестане были созданы центры по боевой и религиозной подготовке религиозных радикалов, их обучали совершению терактов. В конституцию, принятую парламентом Ичкерии, была введена норма, утверждающая, что Ичкерия является исламским государством.

Ваххабитско-военная оппозиция, возглавленная Ш. Басаевым, в начале 1999 г. принудила А. Масхадова ввести в Ичкерии полное шариатское правление. Парламент Ичкерии отменил этот указ, и Верховный шариатский суд Ичкерии принял решение приостановить его деятельность.

Еще весной 1999 г. так называемый амир джамаата Дагестана Багаутдин Мухаммад (он же Багаутдин Кебедов) обратился с территории Чечни к молодежи Кавказа с призывом «объединиться под общим знаменем ислама, готовить муджахедов, оружие, боеприпасы и продолжить джихад до победного конца» (*Добаев*, 2000. С. 194).

Дагестанские власти вели переговоры с Б. Кебедовым о его возвращении со своими сторонниками из Чечни в Цумадинский район, откуда тот был родом. Кебедов действительно вошел в этот район, но вместе с 1,5 тыс. вооруженных ваххабитов. Он и его боевики были окружены милицией и военными, предъявившими им ультиматум о разоружении. Произошло военное столкновение, и ваххабиты обратились за помощью к Хаттабу и Басаеву. Хаттаб заявил, что в Дагестане подготовлена почва для свержения власти. Так называемая исламская Шура Дагестана приняла «Декларацию о восстановлении исламского государства Дагестан». З. Яндарбиеву принадлежит авантюрное высказывание, что «Дагестан и Ичкерия, как и почти весь Кавказ, – это исконная и неотъемлемая часть территории исламского Халифата, значит, Джихад на ее территории сегодня, когда эта территория оккупирована кафиром, является долгом каждого мусульманина» (*Яндарби*, 2000. С. 92). В конечном счете вторжение в Дагестан под лозунгами религиозного джихада стало крупным поражением международных террористических сил, пытавшихся поставить под свой контроль сначала Чечню, а потом и весь Кавказ.

Ваххабиты, пытавшиеся распространить свое влияние на Дагестан и Чечню, выступали против последователей суфизма. Отрицая чрезмерное почитание пророка Мухаммада, его сподвижников и святых, совершение паломничества к местам их захоронений, возведение на могилах умерших надгробий, что включается в догматику и культовую практику последователей суфизма, ваххабиты обвиняли их в многобожии. Ваххабизм, будучи контроверзой суфизма, ратовал за утверждение чистого ислама, существовавшего в период пророка Мухаммада и праведных халифов. В этом смысле он представлял собой фундаменталистское течение, имеющее право на существование. Но как политическая практика, реально преследующая цель свер-

жения власти, применяющая насилие по отношению к своим оппонентам, связанная с похищением людей, оно представляет угрозу для государства и общества.

Реальной силой, противостоявшей ваххабизму, был муфтият Ичкерии, руководимый А.А. Кадыровым. Подвергая критике идеологию и практику этого учения, он не раз высказывался по поводу угрозы для всего чеченского народа, исходящей от религиозных радикалистов и экстремистов. Эти силы видели в нем своего противника, которого стремились физически ликвидировать; против него были организованы несколько покушений, завершившихся гибелью его охранников и ближайших родственников.

Став руководителем Чеченской Республики, А.А. Кадыров значительное внимание уделял религиозно-политическим процессам, протекающим в Чечне и на Северном Кавказе, политическому противодействию религиозным экстремистам. В противодействии с ваххабитами, начиная с 2000 г., по данным правоохранительных органов Чеченской Республики, погибли 9 тыс. молодых людей и были убиты более 60 глав местных администраций, представителей традиционного духовенства.

Организуя борьбу против экстремистов и террористов, А.А. Кадыров заявлял, что они, прикрываясь религиозными лозунгами о «чистом исламе», «всемирном джихаде», вводят в заблуждение молодых людей, толкают их на преступления. Как сторонник традиционной культуры, он считал, что религиозный зикр и танцевальное искусство чеченцев – мощное оружие, содержащее в себя заряд, направленный против религиозных экстремистов. В высказываниях А.А. Кадырова фиксируется факт неприятия синкретической традиционной культурой чеченцев религиозного радикализма и экстремизма, корни которых находятся далеко за пределами Чечни. Он решительно противодействовал религиозным радикалам и экстремистам, прикрывающимся исламскими лозунгами, разъяснял чеченцам, простым верующим исходящие от ваххабитов угрозы, призывал обманутую радикалистами молодежь к мирной жизни.

Следует признать, что А.А. Кадыров смог добиться значительных результатов в идеологическом и политическом противостоянии ваххабизму. Поверив ему, многие молодые чеченцы, придерживавшиеся радикалистских и экстремистских установок, перешли к мирной жизни.

Важно отметить, что социальное неравенство, бедность, нищета, глобализация и модернизация, подвергающие испытанию устоявшиеся общественные и культурные системы – основные причины, детерминирующие радикалистские и экстремистские тенденции. Тем не менее любые формы радикализма и экстремизма требуют соответствующего противодействия со стороны государства и общества, осуществления политической и культурной терапии. Без эффективных, а порою и жестких мер эти религиозно-культурные установки могут разрушительно воздействовать на традиционно сложившиеся политические и религиозные отношения.

Сегодня в Чечне идет процесс реконструкции зияратов, мест захоронения известных авлийа, шейхов и устазов, благоустраиваются кладбища, подъезды к ним. Все это стало возможным благодаря активной материальной и моральной поддержке со стороны руководства Чеченской Республики. Важнейшая особенность религиозной жизни современной Чечни – мас-

Хедин зиярт
Веденский район, с. Хьажи-Юрт
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

совое паломничество людей, особенно молодежи, на могилу Хеди, матери шейха Кунта-Хаджи. Сюда в течение мая днем и ночью пешком идут дети школьного возраста, молодые люди. Взрослые и пожилые добираются на транспорте. По экспертным данным, в 2006 г. паломничество совершили более 300 тыс. человек, в их числе были и последователи кадирийа, прибывшие из Иордании. Почитание Хеди и превращение ее могилы в центр паломничества кунта-хаджинцев – важнейший религиозный феномен. Согласно преданию, Кунта-Хаджи сказал своей матери, что ведущая к ее могиле тропа никогда не зарастет. И это подтверждается ежегодным массовым посещением верующих, особенно молодежи, из отдаленных чеченских сел.

Ислам в Чечне имеет свои существенные особенности, сложившиеся в течение многих веков и связанные с историей его проникновения и распространения, военно-политическими процессами в период царской колониальной политики. Эти особенности связаны также с этнокультурными ценностями народа. Свой отпечаток на ислам в Чечне отложили коллизии, столкновения традиционной культуры чеченцев с радикалистскими и экстремистскими течениями, носителями которых были ваххабиты. Преобладающая часть мусульман Чечни, будучи последователями традиционного ислама, отвергла идеологию и практику ваххабизма, которые навязывались насильственными мерами.

Мусульмане Чечни продемонстрировали приверженность к общероссийским социокультурным, политико-правовым ценностям, что было подтвер-

Паломники

Веденский район, с. Хьажи-Юрт
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

ждено 23 марта 2003 г., когда они приняли участие в референдуме и проголосовали за Конституцию Чеченской Республики, ее нахождение в составе федеративного Российского государства.

Сегодня в Чеченской Республике значительное внимание уделяется духовно-нравственному развитию и воспитанию молодежи, формированию толерантных отношений, развенчанию идеологии и практики ваххабизма, противодействию религиозным и экстремистским проявлениям. Эти задачи решаются при активной поддержке Главы Чеченской Республики Р.А.-Х. Кадырова, который много сделал для возрождения традиционного ислама, создания соответствующей инфраструктуры для широкого отправления верующими религиозных обрядов.

ГЛАВА 10

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА, НАУКА И ИСКУССТВО

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Декоративно-прикладное искусство чеченского народа молодо и привлекает особое внимание историков, этнографов, искусствоведов своеобразием видения прекрасного, формой, орнаментальным декором, композиционным решением.

Народные художественные промыслы берут начало в чеченском бытовом, домашнем хозяйстве. Становление отдельных отраслей кустарной промышленности и формирование профессиональных мастеров декоративно-прикладного искусства относится к концу XIX – началу XX в. Дерево в чеченском народном искусстве с давних времен – самый распространенный материал. Его природные качества – прочность и податливость в обработке, красивая естественная структура и способность принимать любую окраску, водонепроницаемость и теплоизоляционные свойства – привлекали к нему мастеров, щедро вознаграждая их трудолюбие и изобретательность.

Обработка различной породы древесины была домашним промыслом горца. Вырезая из дерева чашки, миски, ложки, тарелки, подносы, маслобойки, ступы, средства передвижения, орудия труда, предметы для сыпучих веществ и другие изделия, он коротал зимнее время (*Акиева*, 1984. С. 15). На деревянных изделиях из археологических раскопок имеется геометрический, растительный, зооморфный орнамент, в Средневековье появляется рельефная резьба, которая выполнялась топором, долотом или стамеской. Распространа была геометрическая трехгранно-выемчатая резьба.

Археологические материалы свидетельствуют о многообразии видов изделий из дерева: лук, стрелы, щит, музыкальный инструмент, сосуды, миски ручной работы (*Семенов*, 1960. С. 48, 52). Изделия народных мастеров из фондов Чечено-Ингушского Государственного Объединенного музея (ЧИГОМ) нашли отражение в каталогах (*Татаев, Шабаньянц*, 1974, *Акиева*, 1984). В изделиях из дерева, меди, бронзы, серебра, золота, кости, рога, шерсти, глины доминирует утилитарная функция при разнообразии художественных форм. При отсутствии метрологических систем обмера сделать это мог только тот мастер, у кого был сформирован эстетический и художественный вкус. Из дерева изготовляли сосуды, настольные чаши, миски, тарелки, кружки различных форм. Все, что предназначалось для пищи, гладко

отшлифовывалось, пропаривалось чистым сливочным маслом, на столе они выглядели очень привлекательно.

К изделиям чеченских мастеров из кости, дерева, камня, глины, украшенным рисунками, проявили интерес первые профессиональные художники археологических экспедиций И.П. Щеблыкин, Х.Б. Ахриев и Г.-М.А. Доурбеков, рисунки которых имеют большую историческую и этнографическую ценность для искусствоведческого анализа особенностей формы и орнамента предметов декоративно-прикладного искусства.

Развитие кустарных промыслов способствовало «специализации» мастеров по одному виду ремесла. Массовое производство товаров народного потребления привело к тому, что изделия народных мастеров стали приобретать роль сувенирной продукции. Она пользовалась большим спросом у путешественников, военнослужащих, туристов.

В современной Чечне резьба по дереву привлекает внимание широких слоев творческой интеллигенции; сформировалась плеяда профессионально-образованных специалистов – мастеров декоративно-прикладного искусства.

История профессиональных мастеров декоративно-прикладного искусства Чеченской Республики начинается с Ильяса Магомедовича Дутаева и Умар-Паши Магомедовича Нинциева. И.М. Дутаев – резчик по дереву и кости, а У.-П.М. Нинциев – резчик по рогу и кости. В их творчестве получают своеобразное развитие традиции народной резьбы по дереву и рогу (*Измайлов*, 1973. С. 5).

Виртуозность резьбы по дереву наиболее ярко выражена в изделиях народного мастера И. Дутаева, он окончил Абрамцевское художественное училище, где под руководством широко известных педагогов происходило совершенствование его мастерства, техники резьбы по дереву и индивидуальное видение прекрасного. На юбилейной выставке «Советский Юг–1969» И. Дутаев привлек всеобщее внимание своей работой «Шахматы», где каждая фигурка – человечек с особыми национальными чертами – «отработана и является вполне законченной по замыслу и технике исполнения» (*Татаев, Шабаньянц*, 1974. С. 9). По своей выразительности наиболее яркими оказались пешки, отражающие типы горцев – хлеборобов, ратников в национальных костюмах. В каждую фигуру автор стремился вложить народный юмор, навеянный сказаниями, песнями, пословицами, поговорками. Каждая шахматная фигура выражает определенную эстетическую категорию, каждый тип горца полон собственного достоинства. Автором создана идентичная группа шахматных фигур, выполненных из мореного дерева, где каждая фигура безупречно тонко передает психологические особенности горцев – чеченцев разного возраста.

В скульптурной композиции из кости «Беседа в пути» И. Дутаев сумел передать диалог трех горцев; зрители воспринимают персонажей в живой, естественно-эмоциональной форме. Три путника ведут беседу; эмоциональность четко подчеркнута мастером, жесты и мимика передают чувственное состояние говорящего и внимательно слушающих. Изделия мастера были приобретены Государственным музеем изобразительных искусств им. П.З. Захарова (ныне Национальный музей; ЧР).

В композициях «Чаепитие» и «К роднику» ему удалось искусно передать чувственное состояние изображаемых – жесты, мимика, позы каждой фигуры неповторимы. В произведениях «Чабан с отарой» и «Шествие на ярмарку» мастер виртуозно передает стремительное движение животных. Композиции «Шашлычник» и «Встреча старых друзей» созданы с использованием многочисленных штриховок по верхнему слою дерева; умело передается эмоциональное состояние друзей, которые встретились через много лет. Эти работы были на выставках в 1972 г. и закуплены музеем им. П.З. Захарова.

В творчестве И. Дутаева доминирующая роль отводилась бытовой тематике. В постоянно действующую экспозицию Государственного музея изобразительных искусств им. П.З. Захарова были введены 19 работ И. Дутаева: «У сапожника», «Бюрократ», «Танец внука», «Врачевание», «Сватовство», «Многоженец», «Сердцем к сердцу», «Танец стариков», «Медведи», «Бараны», «Упрямый осел», «Песня», «Намаз», «Из роддома», «Беседа в пути», «Илланчи», «Хор», «Танец», «У родника», «Ожидание». К сожалению, все эти работы утрачены во время вооруженного конфликта.

Работы У.-П. Нинциева выполнены в большинстве из кости и рога. В 1960–1970-е годы он был единственным мастером, который работал в этой сложной технике. У.-П. Нинциев родился 18 февраля 1934 г. в Грозном, в период депортации его семья оказалась в Казахстане, в ст. Токушинская Полуденского района, Петропавловской обл. После окончания 7 классов он поступил на агрозоотехнические курсы, работает бригадиром. В 1954 г. его избирают делегатом в Москву, на ВДНХ, где он был награжден Почетной Грамотой, ценным подарком – часами «Победа» и серебряной медалью. В 1957 г. его семья возвращается на Родину. Постоянная потребность заниматься мелкой пластикой дала свои позитивные результаты. Министерство бытового обслуживания заинтересовалось резьбой по рогу и кости и ему предложили работать мастером по изготовлению сувенирной продукции. В 2008 г. вышли два сборника стихов У.-П. Нинциева, он член Союза писателей ЧР, ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры». Биографические данные мастера свидетельствуют о том какие трудности пришлось ему преодолеть, но природное дарование и огромное желание заниматься резьбой по кости и рогу победили. Своим творчеством он открыл особенности восприятия красоты в мировоззрении чеченского народа, созданные им изделия декоративно-прикладного искусства – уникальные образцы резьбы по кости и рогу.

В композиции «У родника» У.-П. Нинциев демонстрирует один из древних обычаев чеченского народа – встречу молодых людей у родника. Молодая пара ведет диалог, у девушки на плече кувшин. Поза, жест, одежда, головные уборы – все гармонично. Соблюдены все горские этические нормы, мастер лаконично использует цветовую особенность материала – рог черного и белого цвета, что позволяет передать строгость и лирическое состояние каждого. В работе «Мелодия гор» передается поэтическое состояние героев – горцев и горянок, отметим плавные переходы цветовой гаммы – от насыщенно черного и белого к нежным светлым оттенкам.

Творчество этих двух мастеров являет собой высокий профессионализм и органическое слияние народной фантазии и юмора, поэзии и исполнитель-

ского мастерства резчика при великолепном умении пластической обработки дерева, кости и рога.

Творческий поиск Нурлана Саид-Алиевича Усманова – современная страница в истории декоративно-прикладного искусства Чечни. Жизнь мастера складывалась сложно. Он родился 11 августа 1954 г. в Республике Казахстане в 1978 г. он поступил в Абрамцевское художественно-промышленное училище. В 1983–1986 гг. как профессиональный резчик работал заведующим художественно-оформительскими мастерскими Надтеречного районного отдела культуры, в 1991 г. был назначен начальником творческого производственного отдела Союза художников ЧИР, в этом же году стал искусствоведом по народному искусству Чечено-Ингушских ХПМ, а 1988 г. получил звание «Народный Мастер России».

Работы Н. Усманова, выполненные из дерева, были введены в экспозицию выставок: в 2004 г. в Санкт-Петербурге; в 2005 г. в г. Москве, в 2007 г. на 5-й выставке «Ярмарка Народных художественных промыслов России» Ладья-2007 (Москва); на Международной выставке «Ярмарка Россия–Беларусь» (Москва), ВВЦ; в 2009 г. на выставке в Государственной Думе РФ (Москва).

Два декоративных блюда «Чеченский орнамент» и «Ингушский орнамент», которые были приобретены Государственным музеем изобразительных искусств (г. Карабулак) Республики Ингушетия, привлекают внимание зрителей и специалистов высоким уровнем обработки и своеобразной техникой резьбы по дереву. Растительный орнамент расположен по всему диаметру блюда в композиционном плане сочетание бордюра, украшенного рельефным орнаментом, с гладкой поверхностью создает гармоническое единство.

Н.С.-А. Усманов уделяет большое внимание изображению образов животного мира, делая в своих изделиях акцент на силе и грациозности животных, гармонии пластики прыжка и покоя, умиротворенности. Он профессионально владеет различными техниками обработки дерева, гармонично соединяет в композиции орнаментальные формы как растительного, так и геометрического характера. Мастеру удается показать в своей работе не только высокий профессиональный уровень, но и индивидуальное видение художественного образа, а также выражение особенностей растительного орнамента, что ярко выражено в работах «Поединок» и «Лезгинка».

Накопленный опыт Усманов передает молодому поколению, один из сыновей мастера – Заурбек работает в анималистическом жанре и резьбе по дереву; много времени он отдает одаренным детям-инвалидам, щедро передавая им свои знания и развивая их природные способности.

В современном декоративно-прикладном искусстве Чечни интересно представлен новый вид творческого поиска – кап (редкое, очень твердое по своей структуре дерево, с необычными по своей структуре волокнами); кап и капо (корень) – это новообразования на стволе и корнях дерева. В каповых наростах волокна причудливо переплетены и спутаны, что придает древесине повышенную плотность и прочность, своеобразие рисунка волокон. Только мастер с утонченно развитым вкусом может увидеть в наплыве нечто и наиболее интересно выявить рисунок текстуры. Именно этими качествами обратил на себя внимание режиссер и скульптор Илес Вахидович Татаев. Он родился в с. Старые Атаги в 1938 г. Красота окружающей природы нашла

Выставка произведений народного орнамента в галерее Айшат Адуевой
Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

отражение не только в его фильмах, но в более зрелые годы отразилась в этом новом направлении декоративно-прикладного искусства.

И.В. Татаев – первый профессиональный кинорежиссер Чечено-Ингушетии, основатель национальной кинематографии, скульптор, доктор искусств, Заслуженный деятель искусств России и ЧИАССР, член Союза кинематографистов СССР, член Союза художников России, почетный академик АН ЧР. Он автор около 40 музыкальных, документальных, игровых фильмов, а также единственный на Кавказе скульптор, работающий с капом. Он профессионал в способах и специфике распиловки древесины, в особенностях запаривания ее в специальных автоклавах, где чурки вываривaются под давлением. Происходит «выщелачивание», из древесины выходят соки, и она окрашивается находящимся в ней натуральным красителем. Высушенное дерево приобретает красивый густой коричневый цвет, на фоне которого отчетливо выявляется природный рисунок из точек, концентрических кругов и разводов. И.В. Татаев выявляет и придает новую форму одним изделиям, дополняет готовое изделие шеллачным лаком, а другие шлифует и полирует до зеркального блеска. В изделиях из капо – корня Татаев свой основной художественный эффект видит в гармонии изобретательности с эстетическими качествами самого материала.

Выставка произведений скульптуры по капо И.В. Татаева в Третьяковской галерее в 2005 г. вызвала необычайный интерес. После этого выставки проходили в лучших залах Москвы, России и странах СНГ. Его скульптуры находятся в частных коллекциях в США, странах Европы и Ближнего Вос-

тока. В 2005 г. был открыт филиал галереи скульптора в Москве. За большие заслуги в области изобразительного искусства в 2008 г. указом Президента России И.В. Татаеву было присвоено почетное звание «Народный художник Российской Федерации».

Чеченские народные традиции в изготовлении предметов домашнего обихода дошли до XXI в. в отдельных видах декоративно-прикладного искусства.

УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

В устной народной словесности чеченцев запечатлены обобщенный художественный опыт сотен поколений и мудрость житейской философии. Сокровища национальной культуры – мифы и сказания, легенды и предания, сказки и исторические песни – в образно-поэтической форме отражают мировоззрение и эстетическое отношение народа к реальной действительности на всех этапах исторического развития.

Поэзия адатов

В своде законов, известном под общим названием *адаты,* запечатлены не только правовые и нормативные акты, регулировавшие бытовую и общественную жизнь чеченского общества, но и богатая духовная жизнь народа, которая отражена в устном народном творчестве. К наиболее древним формам устно-поэтического творчества относятся обрядовые песни. К сожалению, этих песен, богато представленных в фольклоре чеченцев в прошлом, записано очень мало, и они совершенно не исследованы. Исключение представляет лишь песня *«Къошкури»*, связанная с обрядом вызывания дождя. Опубликованы четыре варианта этой песни (Чеченский фольклор, 1990. С. 5–6). Песни эти, как и сам обряд вызывания дождя, отражавший древние языческие верования чеченцев, до 1960–1970-х годов сосуществовали с мусульманским обрядом *сакъадаккхар* (жертвоприношение) с аналогичной функцией. Существовали и другие обряды и песни, посвященные многочисленным языческим богам, огню и солнцу, просыпавшейся от зимней стужи природе и первой весенней борозде. Большей частью они имели связь с трудовыми процессами, ритмизируя и облегчая труд.

Песни, сопровождавшие цикл традиционных свадебных обрядов, следует отнести к древнейшим памятникам устно-поэтического творчества. После принятия чеченцами ислама свадебные обряды стали постепенно трансформироваться. Сначала песенное сопровождение отделилось от обряда, а затем со временем и то и другое стало забываться. Такая же участь постигла обряд выездки коня. Состязания по выездке в народе пользовались особой популярностью, коней для этой цели готовили специально. В перерыве между танцами во время *ловзара* (свадьба, игрище) круг разрывался и в него въезжал юноша на коне, с целью показать свое искусство джигитовки. Это было серьезным испытанием как для всадника, так и для коня. Выводили в круг заранее разгоряченного коня. С этого момента девушки, сидящие на ловзаре, запевали шуточную песню «Говр хьовзо йиш» (букв. «Песня выездки коня»). Она выполняла двоякую функцию: а) подзадорить всадника; б) уберечь коня от

действия злых сил (от сглаза или порчи). По содержанию близкая проклятиям, она вызывала улыбку, смех и воспринималась присутствующими как шутка:

ХIей воьду, сир(а) дин бере, Хьан дин бетта хьеран бернах, Хьо хьуо ветта куокан коьллех…	Эй, едущий на сером коне, Чтоб коня твоего о мельничное колесо ударяли, Чтоб тебя самого ударяли о терновый куст…

Текст песни часто варьировался, нередко в его ткань экспромтом вводились реалии, касающиеся одежды, осанки, характера, семейного положения всадника, выезжающего коня (*Джамбеков*, 1987. С. 34–35).

С течением времени обряд выездки коня канул в прошлое, и текст песни в настоящее время практически забыт. Но ее мелодия обрела иное значение: когда приходит время завершать традиционное увеселительное мероприятие – *синкъерам* (вечеринка с танцами), тамада дает команду гармонисту играть мелодию *«Говр хьовзо йиш»*, и присутствующие понимают, что торжество подошло к концу.

Причитания

Жанр причитаний, или *похоронных плачей,* оказался более устойчивым и донес до нас значительно больше фольклорно-исторического материала, нежели другие жанры обрядовой поэзии. Исследователи отмечают, что причитания имеют общекавказские корни. Еще в XIX в. известный исследователь кавказских языков П.К. Услар отмечал: «Похоронные плачи на целом Кавказе представляют общий характер. Смерть всегда упрекается в том, что она прервала великолепную и благополучную жизнь, хотя бы в действительности эта жизнь была преисполнена горя» (*Услар*, 1888). По сложившейся традиции похоронный обряд у чеченцев по сей день сопровождается женским плачем. Еще в недалеком прошлом после смерти в доме покойника происходило оплакивание с громким плачем, криками сожаления. Обычно самые близкие родственницы сопровождали его неистовыми воплями, выражающими горе, тяжесть переживаний: «Ва-а, хьан нанас йинарг яла хьан…» («Ва-а, да умри у тебя та, что рождена твоей матерью…»).

Причитали и тогда, когда приходило сообщение о смерти родственника на чужбине, на войне или в отъезде. Произведения этого жанра делятся на несколько групп: плачи дочери по матери, дочери по отцу, супруги по супругу, сестры по брату, сестры по сестре, матери по сыну, матери по дочери. В такой последовательности расположены плачи, впервые опубликованные в печати (Чеченский фольклор, 1990. С. 27–35). В недалеком прошлом у чеченцев существовал институт плакальщиц, которых приглашали за определенное вознаграждение.

Все чеченские причитания композиционно построены в форме обращения к умершему, который наделяется множеством положительных черт. В них нет зачинов, не имеющих отношения к покойнику, сложившихся стереотипов. Тексты причитаний часто варьировались, поскольку каждая плакальщица могла вносить в плачи эпитеты, сравнения, уподобления, взятые из окружающего ее мира. В последние 40–50 лет замечено угасание жанра причитаний.

Легенды

Представляя собой короткие, сравнительно несложные по построению повествования, легенды используют фантастические, в том числе и религиозные, мотивы. Наряду с людьми в них действуют сверхъестественные силы. Это эпические произведения фольклорной прозы с ярко выраженным поучительным характером и философско-романтическим содержанием. Наряду с повествованиями, основанными на различного рода языческих фантастических домыслах народа, в легендах много места уделяется всевозможным чудесам.

Содержание некоторых чеченских легенд составляют библейские сюжеты: «Сулайма-пайхамар а, зингат а» («Пророк Соломон и муравей»), «Зуьнан хьехар» («Поучения ежа»), «Зуьнан ойланаш» («Размышления ежа»), «Дуьненан бала» («Земное горе») и др. Много сюжетов о возникновении живой и неживой природы – «Динберг» («Подорожник»), «Безаман зезаг» («Цветок любви»), «Оттйокх» («Кукушка»), о появлении мира и человека, солнца и луны, рек и озер и т.п. (Чеченский фольклор, 1990. С. 83–96).

Есть у чеченцев и кораническое легенды, своеобразные рассказы о пророках – Мухьаммаде, Исе и Мусе (Иисусе и Моисее), Луте и Якубе, Джабраил-малике и др. С именем пророка Мухьаммада связаны легенды о том, по какой причине мусульмане почитают голубя и паука. Имеется немало легенд о первом Пророке Адаме и его супруге Еве (Хьава) – праматери человеческой.

Особо следует упомянуть легенды о каменных изваяниях, встречающихся в различных уголках Чечни. Людская молва связывает с ними удивительные истории. Один из таких памятников находится в урочище Горгача близ Шатоя. В древней легенде говорится, что это изваяние, издалека напоминающее девушку, появилось там в стародавние времена. Когда-то здесь бил ледяной свежести ключ. Однажды молодая и красивая, как солнечный диск, девушка набирала воду, и к роднику подъехал на коне усталый путник. Он попросил девушку подержать за узду своего коня, пока он совершит омовение перед намазом. Девушка не смогла удержать коня, и тот чудесным образом исчез. Расстроенная тем, что не смогла выполнить поручение гостя, девушка попросила Всевышнего превратить ее в холодный камень. Бог внял ее мольбам. Так и стоит это каменное изваяние у подножия горы, издали напоминая силуэт девушки.

Нарт-орстхойские сказания

Нартовский эпос чеченцев занимает определенную нишу в общекавказской нартиаде. В нем в яркой образно-поэтической форме отображена самобытная жизнь, мировосприятие и мироощущения древних чеченцев. Еще в XIX в. один из первых исследователей чеченской народной словесности П.К. Услар отмечал, что этот эпос «приобретает всемирное значение подобно финской Калевале и индийским поэмам». Чеченские версии нартовских сказаний по многим параметрам очень близки общекавказским мотивам, они имеют с ними не только общие специфические черты, но также обнаруживают определенное родство основных сюжетов, имен героев. Так, в характере и деяниях главного героя чеченских нарт-орстхойских сказаний Сеска-Солсы

исследователи находят много общего с абхазским Сосрыква, с кабардинским Сосруко и осетинским Сосланом. Все это говорит в пользу того, что процесс формирования эпоса в целом и особенно его различных «национальных» версий продолжался весьма длительное время. В нартовском эпосе «отразились события многих веков в том конкретном оформлении и осмыслении, которые в силу объективных причин стали характерными для различных этнических групп Кавказа» (Очерки истории ЧИАССР..., 1967. С. 261).

В то же время чеченский нартовский эпос имеет свои особые черты, отличающие его от подобного эпоса других соседних народов. Нарты в чеченском эпосе в целом предстают враждебной силой: они злоупотребляют своей физической силой, делают дерзкие набеги, уводят людей в плен; однако несмотря на их богатырскую силу, коварство и жестокость, им в эпосе достойно противостоят местные герои-богатыри. Нарт-орстхойцев чеченцы однозначно считают пришлым народом. В эпосе утверждается, что с их приходом на чеченской земле исчезло изобилие (*беркат*): стали хиреть стада, перестали плодоносить сады и поля. Нарт-орстхойцы и не подозревали, что они являются причиной столь великой беды. Познав об этой новости от вдовой старухи, потрясенные нарт-орстхойцы во главе с Сеска-Солсой решают уйти из жизни, выпив расплавленную медь. Сказаний об уходе из жизни нарт-орстхойцев множество, все они в той или иной мере свидетельствуют о том, что нарт-орстхойцы и их предводитель Сеска-Солса беспокоились о личной славе и благополучии.

Колыбелью нарт-орстхойского эпоса является горная часть Чечни, хотя «следы» его отмечены и на плоскости (с. Калаус Надтеречного района, с. Герменчук Шалинского района, с. Илсхан-юрт Гудермесского района и др.). Некоторые топонимические названия, упоминающиеся в нарт-орстхойских сказаниях, до сих пор встречаются в народном обиходе. В Шатое безошибочно могут указать на пещеру трех мифических гурий, которые от назойливых ухаживаний Сеска-Солсы укрылись на горе Башлам. Сеска-Солса, бравируя перед этими гуриями, прыгал на своем мифическом коне с горы Хьаккой-Лам на гору Варандой-Лам. На последней есть скала с отчетливыми вмятинами от колен и морды коня Сеска-Солсы. А на вершине горы Тумсой-Лам находится огромный камень, который рассек Сеска-Солса своей саблей (Чеченский фольклор, 1990. С. 91).

Зарождение нарт-орстхойских сказаний исследователи относят к эпохе кобанской культуры в Центральном Предкавказье, которая датируется I тыс. до н.э. Нарт-орстхойский эпос отличается устойчивостью поэтических средств и оригинальностью сюжетов, которые перекликаются с другими эпическими жанрами: мифами и волшебными сказками, легендами и героико-эпическими песнями илли.

Пословицы, поговорки и притчи

Чеченские афористические жанры в поле зрения исследователей находятся еще с середины XIX в., когда были осуществлены записи первых образцов паремий. Знаменательно, что начало этой работы связано с именами русских писателей и ученых: Л.Н. Толстого, А.П. Берже, П.К. Услара, И.А. Бартоломея, А. Ипполитова и др., бывавших в Чечне и занимавшихся изучением духовной культуры горских народов. Так, в первом чеченском букваре 1862 г.,

составленном на основе алфавита П.К. Услара уроженцем с. Дишни-Ведено К. Досовым, опубликовано 18 пословиц и поговорок на языке оригинала. В 1866 г. И. Бартоломей издает новый букварь, в который включает около 50 паремий на чеченском языке, сопровождая их собственными переводами на русский язык. Все эти пословицы и поговорки позже П.К. Услар включил в виде приложения в свою монографию «Чеченский язык» (*Услар*, 1888). Эти и ряд других публикаций чеченских паремий в тот период не имели научно-исследовательских целей, скорее они служили иллюстративным материалом к трудам лингвистов и этнографов. По-настоящему организованный характер работа по сбору и публикации паремиологического наследия чеченцев приняла во второй половине 1920-х годов. Среди первых собирателей пословиц и поговорок в советское время следует назвать чеченских писателей М. Сальмурзаева, А. Нажаева, Х. Ошаева, языковеда А. Мациева, выпустившего в тот период отдельный сборник пословиц и поговорок. Изданием пословиц и поговорок автор «Чеченско-русского словаря» (1961) занимался всю свою жизнь (*Мациев,* 1959. С. 59–89); (Пословицы и поговорки народов Востока, 1961. С. 605–613; Чеченские народные пословицы, 1964).

В чеченском языке не существует разграничения между терминами «*пословица*» и «*поговорка*». Оба эти понятия по-чеченски передаются одним словом *кица* (*пример*, *образец*, *притча*, *пословица*, *поговорка*). *Кица* – слово, видимо, очень древнее. Попытка выявить сходство его со словами, имеющими то же значение, в других языках дало следующий результат: *кица* – заимствование из араб. *q'ijas* 'сравнение' через посредство какого-то, скорее всего иранского, языка (ср. пушту – *кисэй* 'загадка, шарада, история'; *киса* – 'рассказ, история'; дари – *кхисса*; тадж. – *кхисса* 'рассказ, сказка, легенда'; авар. – *кици* 'пословица'; лезг. – *кьиса* 'предание'). Нельзя сбрасывать со счетов и другую версию. Этимологический анализ данного слова дает основание считать его образовавшимся от слияния двух чеченских слов: *ка // куьг* («рука») и *иэца* («взять», «брать»). Видимо, форму *кица* дало *к*(*а*)+*иэца*^{н}, что должно было означать *к*(*а*)+*иэца*^{н} в смысле *кара+лаца*^{н}, *кара+вало*^{н}, *кара+верзо*^{н}, что соответствует понятиям «взять в руки», «захватить», «пленить», «привлечь» кого-либо словом, ярким примером, образным выражением (Материалы из личного архива А. Сумбулатова). Разумеется, что в слове *кица* давно не выделяются существительные *ка* и глагол *иэца,* поэтому на современном этапе развития языка существительное *кица* употребляется всегда в сочетании с глаголом, хотя в самом слове *кица* уже имеется глагольная основа: *кица дало*^{н} («пословицу привести»), *кица дали* («пословицу привели»), *кица карада*^{н} («пословицу найти») и т.п.

Основным и неисчерпаемым источником чеченских паремий были социальная и духовная жизнь народа, его быт, нравы, богатый жизненный социально-исторический опыт. Поскольку пословицы и поговорки создавались на протяжении многовековой истории народа, в них нашли отражение все грани жизни человека. Они рождались как вывод из непосредственных наблюдений над окружающей человека жизнью: «Дечкана ваьцнарг – овкъарна ваьцна» («Кто посвятил себя (только) заготовке дров, – тот трудился только лишь для золы»); «Бацала лаьллина вир баьIашка дахна» («Осел, которого пустили в траву, забрался в репейник»). Пословицы и поговорки оказывают огромное влияние на развитие языка и духовной культуры людей. В них утверждаются

нормы морали, они являются «правилами народной мудрости», плодами раздумий и наблюдений многих поколений, имеют большое воспитательное значение. Народ подхватывает их, передает новому поколению как советы, как добрые пожелания.

Загадки

Загадкам разных народов присущи общие закономерности структуры, порой даже дословные совпадения. Традиционные общие черты не исключают, однако оригинальности: у каждого народа в загадках прослеживаются свои особенности, относящиеся к их художественной природе, тематике и историческому развитию. Сказанное относится и к чеченским загадкам. Чеченские загадки имели большое значение в историческом прошлом в силу своего метафорического характера, аллегорического смысла. По сей день в быту чеченцев встречаются поверья, которые свидетельствуют о наличии в прошлом условной иносказательной речи или так называемого табу слов *пхьагал* («заяц»), *лаьхьа* («змея»), *цIе цайоккхург* («рак» – злокачественная опухоль) и т.п.

Чеченская загадка начинается с зачина, имеющего формульный характер: «ХIетал-метал хаийла хьуна…» – («ХIетал-метал узнай…»). *ХIетал-метал* – трудно переводимая игра слов, которыми в чеченском языке обозначается термин загадка. Слово *хIетал-метал* представлено не во всех нахских диалектах и говорах и лексически выражено по-разному, хотя инг. *пхьабуарг*, акк. *хаарг*, чеберл. *хIатил-матил//пхьано,* итум. *хIетал-метал* означает одно и то же – загадка. Таким образом, чеченское *хIатил-матил* («загадка»), по всей видимости, является суффиксальным производным (суф. -л) от *хIати-мати.*

В народной среде бытуют и другие слова и словосочетания, заменяющие термин *хIетал-метал*: «*хаьа – ца хаьа*» («знаешь – не знаешь»), выполняющие в данном случае только функцию вводного словосочетания в загадку, *пхьа, пхьа баккха* («загадка», «загадку загадать»), *пхьанарш, пхьанарш яха* («загадка», «загадывать – отгадывать загадки»).

Говоря о бытовании жанра чеченской загадки, следует отметить, что она пользовалась в прошлом большим вниманием. В свободное от работы время девушки устраивали *белхи*, работа эта, как правило, сопровождалась музыкой, танцами, оживленной беседой, загадыванием и отгадыванием загадок. Такие вечера не обходились без присутствия мужчин. Женщины и мужчины делились на две группы, одна из которых предлагала другой отгадывать загадки, затем группы менялись. В том случае, если противники не отгадывали загадку, то, признавая себя побежденными, они произносили своеобразную формулу: «ГIала йогIийла шуна!» («Да присудят (пусть) вам башню»), после чего загадавшие загадку приводили отгадку. Естественно, все это происходило в присутствии детей, которые с большим интересом следили за состязанием в сообразительности и остроумии. Занимаясь загадыванием и отгадыванием загадок на этих посиделках, женщины передавали детям свои наблюдения над окружающим миром, облекая их в форму афористических выражений: «ХIетал-метал хаийла хьуна: поп, поп, лекха поп, попана тIера шийтта га, гаьн тIера зезагаш, зезагаш тIехь бен, бенчуьра ши хIоа?» («Попробуй отгадать: чинара, чинара, высокая чинара, у чинары 12 ветвей,

на ветвях цветы, на цветах гнездо, в гнезде 2 яйца?»). Отгадка: год, 12 месяцев, недели, небо, солнце и месяц.

Есть многочисленные фольклорно-этнографические материалы, свидетельствующие о том, что нередко состязания в сообразительности и остроумии устраивались и во время *синкъерама* (своеобразной вечеринки, устраиваемой с целью отдыха и знакомства молодых юношей и девушек), когда девушке (с целью испытать ее) мужской стороной могли быть заданы вопросы в форме загадки. Что касается позднейшей функции чеченской загадки, то она стала служить развитию сообразительности детей, воспитанию у них эстетического вкуса, повышению культуры речи. Многое в этом плане делает республиканский детский журнал «СтелаIад» («Радуга»). Однако интерес к загадке, являвшейся в прошлом одним из наиболее устойчивых жанров устного народного творчества, среди населения угасает. Изменить состояние жанра в лучшую сторону может, на наш взгляд, активный поиск новых форм их культивирования в быту.

Сказки

Занимательность повествования и установка на вымысел характеризуют практически все чеченские народные сказки. Весь сказочный материал раскладывается на три общепринятые в современной фольклористике жанровые разновидности: волшебные сказки (инзаре-башхачу хIумнех туьйранаш), сказки о животных (дийнатех туьйранаш), социально-бытовые сказки (Iар-дахарх туьйранаш).

Первые записи и публикации чеченских народных сказок появились во второй половине XIX в. в русском переводе. На чеченском языке несколько оригинальных волшебных сюжетов впервые опубликовал Т. Эльдарханов в начале XX в. Сказка в наши дни остается одним из самых популярных жанров чеченского фольклора.

Предания

В чеченской фольклористике не существует однозначного обозначения термина «*предания*». Не совсем точно обозначает его жанровую суть существующий термин *шира дийцар* (старинный рассказ), потому что «*старинный рассказ*» может быть мифом, легендой, быличкой, притчей и пр. Основная жанровая особенность предания – установка на достоверность, и в этом ее принципиальное отличие от сказки. Предание рассказывается по конкретному случаю, по ходу разговора, как некое объяснение того или иного гидронима, топонима или омонима, возникновения названия тайпа, рода, фамилии и пр.

В основе каждого предания лежит «реальный факт, который, за давностью лет, вызывает определенные слухи и домыслы». Предания о нашествии Хромого Тамерлана (*АстагIа Тимар*), о пропаже его сына и о том, что Тамерлан выкопал ров, рассчитывая, что сын его по нему вернется к нему, и сам факт его возвращения содержат отзвуки давних событий.

Предание активно взаимодействует с легендой и мифом. Яркий тому пример предания о возникновении горных озер *Казеной-Ам* и *Галанчож-Ам*. И в том и в другом сюжете присутствует мифическая струя: оз. Казеной-Ам появляется на месте поселения Казеной (*Къоьзана*) как наказание ее жителям,

забывшим божьи заповеди, пренебрегшим священным обычаем гостеприимства; согласно преданию, фантастическая составляющая имеет отношение и к возникновению оз. Галанчож-Ам.

Героико-эпические и героико-исторические песни илли

Героические песни илли как особый жанр получили свое оформление в чеченском фольклоре еще в Средневековье. Развитие жанра продолжалось и в XIX – начале XX в. до появления и утверждения здесь нефольклорных направлений творчества – литературы, театра, кино и т.д. (*Ахмадов*, 1983. С. 32). Перейдя из разряда развивающегося жанра в разряд культурных памятников прошлого, илли обратили на себя внимание и как своеобразный исторический источник. Жанр илли «сформировался как явление совершенное в художественном отношении, социально насыщенное, со сложным сюжетным развитием, определенной композицией, с яркими образами, богатой поэтикой изобразительно-выразительных средств» (*Мунаев*, 1981. С. 16).

Первым собирателем чеченских героических песен илли следует признать Ахмада Нажаева из с. Старые Атаги. В 1926 г. он выпустил два фольклорных сборника (один из них в соавторстве с С. Ибриевым), в которые были включены более десятка илли на языке оригинала. Следующий фольклорный сборник стал результатом кропотливой работы собирателей фольклора С. Эльмурзаева и З. Джамалханова (Чеченские илли и лирические песни, 1959). Второй по значимости сборник илли, в который включены более 30 героико-эпических песен (в большинстве своем ранее не издававшихся), вышел в свет 2005 г. (Чеченские илли, 2005); еще один сборник илли вышел в свет 2007 г. В него составителем И. Мунаевым включены более 30 героико-эпических песен илли и более 20 лиро-эпических песен *узамов* (Чеченские илли, 2007). Отдельные песни и посвященные им статьи публиковались такими исследователями, как Х.В. Туркаев (1999), И.А. Дахкильгов (1978), Я.С. Вагапов (1968), И.Б. Мунаев (1985), и др. (Поэтика чеченских героических песен…, 1983).

В чеченских илли отражены проблемы и события различных периодов истории Чечни. Следует отметить, что историческая составляющая не является в них доминирующей. Скорее речь идет не о конкретных событиях истории, а ситуациях нравственного выбора, когда герой вынужден проявить себя по отношению к конкретным вызовам. Этим вызовом может стать человек более высокого статуса, враг, соперник или что-то еще. В илли отразились мечты, идеалы, традиции народа периода заселения чеченцами равнинных земель в XVI–XIX вв., мотивы борьбы с иноземными князьями за право на землю, а также драматические моменты противостояния регулярным войскам и порядкам, устанавливаемым царизмом с их помощью.

Противостояние проходило и на духовном уровне. «Особенностью чеченских героических песен является и то, что в них никогда нельзя найти даже сло́ва, принижающего достоинство другого народа, с которым чеченским племенам приходилось вести борьбу. Больше того, в совершении героических дел совместно с чеченскими героями, как правило, участвуют или “тарковский молодой *к'ант*”, или “русский пестрый офицер”, или “грузинский молодец”, или “русский молодец”, или “русский храбрый казак”. В то же время в чеченских героико-исторических песнях илли не жалеют оскор-

бительных выражений в отношении кабардинских, кумыкских, тарковских князей и русских генералов» (*Ошаев*, 1960. С. 83).

Традиционно илли исполнялись народными певцами-сказителями под аккомпанемент струнных инструментов *дечиг-пондар*, *Іадхьокху-пондар* или *кехат-пондар* (гармоники). Исполнителями были *илланчи*, простые пахари и пастухи. Не знавшие грамоты, они славились не только своей музыкальной одаренностью, подлинно художественным воображением, незаурядными вокальными способностями, но и как прекрасные знатоки традиций, быта своего народа. Характерно, что игра на музыкальных инструментах, исполнение илли не становилось для них профессией, сказители создавали и исполняли свои песни без всякого расчета на вознаграждение. Кроме того, исполнение героических песен илли у чеченцев никогда не было привилегией какой-либо группы людей. Народные певцы слагали и пели свои песни в свободное от работы время, большей частью вечерами, собираясь то у одного, то у другого дома, и в минуты торжественных праздников, когда все собирались на народном торжестве (*ловзар*) или вечеринке (*синкъерам*). Петь, играть и учиться игре на национальных инструментах мог каждый, кто изъявлял желание, у кого были к этому способности.

В текстах илли ощущается исторический фон событий, но на него наслаивается плотный «мифопоэтический пласт, являющий себя не только посредством яркой образности, но и через глубокую символику. Символ и метафора настолько сильно взаимодействуют в илли, что порождают мощную волну эмоционального воздействия на читателя» (*Мальсагов, Ошаев*, 1964). Одним из первых эмоциональную силу илли испытал и с достоверностью описал Н. Семенов, которому довелось слушать илли в живом исполнении и наблюдать за реакцией слушателей (*Семенов*, 1895).

Весьма важен вопрос о генезисе илли. Как отмечают исследователи, сам дух илли, культурно-этическая концепция, содержащаяся в них, безусловно, относится к эпохе зарождения раннефеодальных отношений, «героическому варварству», когда, порывая с центробежными надличностными силами рода, на арену истории в образах фольклорных произведений выходила личность, индивидуум, человек (*Короглы*, 1976). Герой илли – храбрый, мужественный, щедрый, благородный с друзьями и врагами – находил возможность для выявления своих качеств только в борьбе, в самоутверждении (*Мунаев*, 1985. С. 28–38).

При определении хронологии илли можно исходить из их сюжетики как части фольклорных мотивов, относящихся к общему фонду устного народного творчества. Но при этом надо иметь в виду, что фольклор генетически восходит к эпохе формирования человеческой речи (*Мухадинов*, 1975. С. 150–156). Если же за отправную точку взять вопрос об исторической конкретности главных героев, этнических названий или предметных реалий, то в илли, как и в волшебной сказке, постоянными, устойчивыми элементами произведения служат только функции действующих лиц независимо от того, как и кем они выполняются (*Пропп*, 1998). Анализ реалий окружающей среды в публикуемых илли позволяет получить определенное представление о географии действий, этнохозяйственных связях и сословно-социальной градации чеченского народа в прошлом.

Большой интерес представляют образы илли. К одним из них относится Іаьржа НогІи (*Черный Ногай*), распространенный в чеченском фольклоре персонаж, который связывают с золотоордынским военачальником Ногаем, скончавшимся в конце XIII в. Возможно, его имя было знакомо чеченцам, так как в 1262–1269 гг. он действовал и на Кавказе. Последовавшие во второй половине XVI–XVII в. набеги ногайских феодалов на Северный Кавказ, принимавшие зачастую характер нашествий, могли заставить забыть реального Ногая, или слить имя собственное с этносом (*Дахкильгов*, 1978).

В результате комплексного изучения стало очевидным, что эстетическая система илли, начиная со Средневековья, стала ведущей в фольклорной системе чеченского устного народного творчества (*Мунаев*, 1983. С. 10–20). Проблема жанровой классификации чеченских героико-эпических песен, которые в народе объединяются под одним названием «илли», ставилась не раз и нашла свое решение в работе И.Б. Мунаева (1983), где обосновывается необходимость специального поиска и изучения жанровых разновидностей сложного и многогранного исторического эпического наследия чеченцев, являющегося более «поздним в стадиальном отношении, нежели нарт-орстхойский эпос». В илли наличествует социальная мотивация действий героев, которые отправляются в набег для получения добычи и последующей ее раздачи сиротам и обездоленным. Однако этот мотив не проходит красной нитью в илли и не получает какого-либо социального звучания.

В эпосе переплетаются различные представления народа, исторические данные и этнографические детали (*хІонс* – «добыча», *маьждиган момсур* – «минарет мечети» и т.д.). В центре эпических сюжетов стоит образ *кІанта* – главы или члена дружины. *КІант* большей частью принадлежит к непривилегированной части дружины, он чаще беден, одинок, гоним, поэтому «для определения социальной принадлежности героя той или иной песни целесообразнее исходить из характера его взаимоотношений с окружающей средой, из тех проблем, которые ставит перед ним социальная действительность» (*Вагапов*, 1968. С. 98).

Эпический герой должен обладать не только стойкостью и силой духа, но и выносливостью при лишениях, ранениях и пытках. Это соответствовало реальной исторической действительности. Мужество в бою – непременное условие поведения героя. В любых ситуациях он должен сохранять неустрашимость даже перед муками и гибелью, проявлять непреклонность, терпение и выносливость.

Вопрос к побежденному о его последних желаниях – одно из «клише» в эпосе. Многие отказываются от высказывания такого желания или просят сберечь коня, отпустив его на родину или взяв себе, позаботиться о сестре, тоже иногда взяв ее к себе и т.д. В одном варианте побежденный в единоборстве, не моля о пощаде, обращается к своему противнику с просьбой не глумиться над его трупом («Илли о Малсаке Несархоевском и Саадулле Бетакаеве»).

Обычно герой эпоса – в расцвете сил. Встречается в эпосе и образ героя-старца («Илли о престарелом Даде»), основные черты которого – мудрость и остаток необычайной силы. Герой нередко проявляет богатырство с детских лет. Образ богатыря-малолетки, широко распространенный в эпосе различных народов, встречается и в чеченском героическом эпосе. Таков в истоке

образа почти каждый из его главных героев. Рождается герой нередко от престарелых, до этого бездетных родителей, он «вымоленный» сын. Рождение ребенка знаменуется необычайно тяжелыми родами, появлением на свет с «особыми признаками», своеобразной реакцией окружающей природы, животных, почитаемых в народе – волка, барса, оленя. Мотив необычного рождения встречается в «Илли о Гани, сыне гехинской вдовой старухи», «Илли о чеченском Баймирзе» и некоторых других эпических песнях.

Чеченские девичьи лирические песни

В основе художественного изображения мира в чеченской народной бытовой лирике лежит обобщенный жизненный материал, начиная с любовных переживаний девушки и предполагаемой невесты о ее будущей жизни в семье мужа и кончая изображением как реальной жизни молодой жены в новой семье, так и горестных переживаний ее после развода.

Народные бытовые песни замечательны тем, что в них, вместе с богатством человеческих «мыслей и чувств», очень ярко изображены те события и жизненные обстоятельства, которые вызывали эти мысли, чувства и настроения. Отображаемые в этих песнях явления и факты жизни, связанные с ними различные переживания обусловлены временем их возникновения, особенностями бытовой и общественной жизни людей в этот период, характером их мировоззрения.

Народные лирические песни (*мехкарийн эшарш* – «девичьи песни») – это преимущественно песни горянок. Неоценимо значение лирических песен в отображении различных фактов и явлений бытовой и общественной жизни народа. В выражении определенного отношения к этим фактам и явлениям, в показе мыслей, чувств и переживаний народных и видится одно из назначений подобных песен.

В условиях жесткой идеологизации общества (1920–1980-е годы) были выработаны определенные стереотипы, рисующие «безысходное чувство горя, обреченности девушки в прошлом» (когда в системе патриархально-родовых отношений, адатов на ее долю выпадало «самое тяжкое бремя») и предполагающие, что «самой бесправной личностью в этой системе была женщина». Эти установки не выдерживают критики.

В обычаях и традициях старины было много такого, что и поныне вызывает уважение. Известно, что у горцев Кавказа, в том числе и у чеченцев, считалось позором поднимать руку на женщину. Девушка в отцовской семье была самой оберегаемой и вольной личностью. Женщина (в сознании народа) – идеальная и созидающая сила, чуткая к любым проявлениям горя и радости. Потому все душевные переживания в чеченском фольклоре показываются через образы женщин, а не мужчин. Женщине, особенно в преклонном возрасте, в чеченском обществе выказывали и выказывают всяческое уважение: когда она входит в дом, то все мужчины обязательно приветствуют ее вставанием; при следовании куда-либо обязательно уступают ей место старшего (по правую сторону). Уважающий себя горец не только брани или сквернословия, но даже двусмысленности не допустит при женщине, иначе он рискует потерять уважение окружающих. Оскорбление женщины (матери, сестры, жены) – даже словом – никогда и никому не прощалось. В доме чеченца замужняя женщина была полновластной хозяйкой. Свободная от тяжелых и опасных работ, она всецело посвящала себя семье, воспитанию

детей, прялка и швейная игла для нее были то же самое, что для мужа – топор и плуг. Приведем слова грузинского писателя XIX в. А. Казбеги, хорошо знавшего обычаи и нравы чеченцев: «Чеченская женщина, – писал он, – свободнее всех женщин и потому честнее всех. Никогда не допустит она никакой непристойности, хотя имеет право свободно общаться с мужчинами» (*Казбеги*, 1975. С. 128).

Все это свидетельствует о том, что женщина в чеченском обществе не была принижена настолько, чтобы нуждаться в защите. Вполне возможно, что ее не всегда могли устраивать условности адата. Но, проверенные тысячелетним опытом, они (адаты) были всегда мотивированы и оберегали честь и достоинство женщин. Примеров тому множество. Согласно этикету, знакомиться где попало с девушкой – с целью ухаживания – в чеченском обществе считалось предосудительным. Это должно было происходить не у родника, где по вечерам собиралась молодежь, не во время *белхи*, а только на *синкъераме* («вечеринке»), перед сельчанами, открыто. От знакомства до женитьбы юноша и девушка проходили до семи стадий «проверки» своих чувств, намерений, каждая из которых связывалась обещанием девушки (разрешением ухаживать), именуемым – *дош далар* («дать слово» или «клятвенно обещать»): первая стадия – дать слово от имени гостя (*хьешан цIарах дош далар*); вторая – дать слово от имени сельчанина (*юьртахочун цIарах дош далар*); третья стадия – дать обещание, позволяющее ухаживать за собой с целью развлечения (*дуьненан синкъераман дош далар*); четвертая – дать слово, свидетельствующее о переходе отношений на более серьезную основу (*дуьненан тIаьхьалонан дош*); пятое – дать слово с назначением времени выхода замуж (*хан йиллар*); шестая – дать что-либо из вещей (золотое кольцо, платок и т.п.) в подтверждение серьезности намерений (*кара хIума ялар*); седьмая – назначение конкретного срока выхода замуж (*арайолу буьйса йиллар*). Добиваясь «слова» от девушки, жених каждый раз, спросив на *синкъераме* разрешения у тамады, принародно заверял свою избранницу в серьезности своих чувств (*Хасиев*, 1991. С. 36–37).

Девушка была вольна давать разрешение ухаживать за собой скольким угодно юношам, вплоть до обещания выйти замуж, дав при этом на руки, в знак подтверждения, какую-либо вещь, что давало ей больше возможностей для выбора. Осуждать девушку, тем более – упрекать или ревновать, никто не имел права. В то же время при нарушении юношей данного им «слова» она могла его высмеять, унизить, упрекнуть: «Хьо хьайн дашах воьхначу дийнахь, Дуьне духур ду ца бехира ахь?» («Не ты ли говорил, что мир рухнет, когда ты нарушишь свое слово?»); «Дош ларда(н) хьо стаг ву моьттуш, Iехаелла со, тилъелла со, Хьо ца хилла зудчун новкъа» («Ошиблась я, умом тронулась, посчитав тебя мужчиной, способным сдержать свое слово, тебя (оказывается) и с женщиной сравнить нельзя»); «Цу хьайн дашах воьхначу дийнахь, Куй лелор бац ца бехира ахь?» («Не ты ли говорил, что в тот день, когда ты нарушишь свое слово, шапку перестанешь носить?»); «Хьайн дешан да воцу кIант, Сан касенка езий хьуна?» («Не являющийся хозяином своему слову *кIант* (парень), хочешь мою косынку?»); «Хьайн дешан да хьо ву моьттуш, Хьох тешарна дохко юьйлу» («Сожалею, что, посчитав тебя хозяином своего слова, поверила тебе»); «Хьайн дешан да хьо велара, Еъча,

кхаба хьо стаг велара» («Был бы хозяином своего слова, если вышла замуж, был бы мужчиной содержать меня») (ПМА, 1980–1989 гг.).

На подобное же «нарушение» со стороны девушки юноша также имел право реагировать должным образом, однако без лишних эмоций, сдержанно и не допуская даже намека на оскорбление личности девушки. Решив «порвать» отношения со своей избранницей, юноша (обычно у родника или во время *синкъерама*) благодарил прилюдно девушку, сказав «баркалла» (спасибо) за то, что разрешила ухаживать за ней. К «объяснению» девушка могла отнестись по-разному: с горечью «Ахь дагна йина чов дIаерза ца туьгу, Ахь аьлла баркалла дицдала ца туьгу» («Рана, нанесенная тобой моему сердцу, не заживает, *Спасибо*, сказанное тобой, не забывается»); «Ахь баркалла олий хиънехь, Хьо и ала вогIий хиънехь, Хи ца оьцуш, хи ца молуш, Кога акха ер ярий со» («Если бы я знала, что ты хочешь мне *спасибо* сказать, знала бы я, что ты сказать (спасибо) идешь, воды не набрав (из родника), воды не напившись, пешим ходом исчезла бы куда глаза глядят»); с шуткой «Стигал дилла деза-техьа, Лаьтта дилла деза-техьа, Хазчу кIанта аьлла баркалла, мича дахьа деза-техьа? Стигал дилча, соцур ма дац, Шен куралла меттахдуьйлуш. Хазчу кIанта аьлла баркалла, Iаьржа хIорда чу кхосса деза» («На небе следует ли положить, на землю следует ли положить, куда следует деть “спасибо”, сказанное красивым парнем? на небо положишь – не удержится, (потому что) от гордыни шевелиться будет, *“спасибо”*, сказанное красивым парнем, следует бросить в “черное море”); с издевкой «Аьлча хIун ду ахь баркалла? Йича хIун ду ахь куралла? Новкъа воьдуш некъ битича, Олуш долу и баркалла» («Ну и что, что ты сказал “спасибо”, ну и что, что ты проявил гордыню? Это “спасибо” говорят (даже), когда уступишь дорогу во время ходьбы»); с обидой «Аьлча хIун ду ахь баркалла, йича хIун ду ахь куралла? Кхоъ далале хьо вицвина, Пхиъ далале кхин карор ву» («Ну и что, что ты сказал “спасибо”, ну и что, что ты проявил гордыню? До трех часов (дня) тебя забыв, До пяти часов другого найду») (ПМА, 1980–1989 гг.).

Чеченская девушка имела не только большие возможности для выбора себе суженого, но и, когда этого требовали обстоятельства (к примеру, если родители препятствовали браку), выйти замуж без их согласия, убежать со своим избранником к его родителям «Сарахь хитIа ма яхийта, Корах ара ма хьажийта, Эхь хуьлийла йинчу нанна, ЙоI йижинчохь ца карийча» («Вечером (к роднику) по воду ходить не разрешайте, в окно посмотреть не разрешайте, пусть стыдно станет меня родившей матери, дочь спящей (когда) не найдет»). В другой песне на вопрос матери, куда исчезло ее золотое кольцо, девушка отвечает, что отдала его в знак преданности любимому («виэзачу кIантана»). А на угрозу матери, что если она, отругав его, заберет кольцо, девушка отвечает угрозой: «Ахь и, дов а дай, схьаэцалахь, Ас аьтту куьг кара лур ду» («Ты, отругав, отбери (кольцо), А я правую руку дам в залог») (ПМА, 1980–1989 гг.).

Любовный и семейно-бытовой циклы народных лирических песен изобилуют емкими характеристиками, в которых обнаруживаются яркие черты характера лирического героя. Специфика жанра дает лирическому герою возможность выразить свое отношение к всякого рода общественным явлениям, которое, как правило, совпадает с художественными вкусами народа.

Народное сознание резко отрицательно относится к двоеженству. В то же время оно лояльно к участию женатых, обремененных семьями мужчин в увеселительных мероприятиях (*синкъерамаш, ловзарш*), тогда как замужним женщинам категорически отказано в этом. Более того, на этих мероприятиях мужчина может предложить «руку и сердце» понравившейся ему девушке или вдовушке. Это может перейти в будущем в ухаживание – уже на более серьезном уровне. Другое дело, как к этому отнесется «предмет его ухаживаний»: «Цхьа миска стаг зуда ю хьан, Цхьа чоь юьззина доьзал бу хьан, Сан рицкъа дац, хIай кIант, хьоьца, Хьайн ши этка ма тишъе» («Одна несчастная жена у тебя (есть), детей полный дом у тебя, не судьба нам, эй мужчина (быть вместе), сапоги свои (зря) не изнашивай»). Так, в тонкой ироничной форме, девушка выставляет незадачливого «жениха» на всеобщее посмешище. В другой песне, перечислив все бытовые проблемы своего жениха, девушка иронически вопрошает: «Еъча а, со йига воллурий хьо, Сан жималлех къа ца хеташ?!» «Если б я и вышла, женился бы ты, молодости моей не пощадив?!».

Высмеивание нелепости притязаний женатого мужчины в сатирических песнях может быть доведено до предела, комический эффект здесь достигается за счет уязвления самолюбия «жениха»: «Мила ву шух зуда йолу кIант? Зуда йолчу кIанте повестка еъна: Сискал тIейилла деза шен боху, Хьоь ага тахко цIа вола боху» («Кто из вас жену имеющий мужчина? Жену имеющему мужчине повестка пришла: чурек ей испечь нужно, говорит, тебе люльку качать домой приходи, говорит»). (У чеченцев, как известно, считается предосудительным мужчине ухаживать за грудным ребенком, в том числе и качать люльку.) От кого пришла «повестка», кто вызывает женатого мужчину домой – ясно без комментариев. В другой раз на любовные притязания женатого мужчины девушка отвечает приглашением к себе домой на чай, что равносильно отказу. (По обычаю, у чеченцев любой, отведавший в доме пищу, считается близким человеком. Поэтому имеющий «намерения» старается не попадать в дом своей будущей невесты, а если попал, то под любым предлогом отказывается от пищи.)

Обычай гостеприимства – один из самых чтимых у чеченцев. Существует целый свод обязанностей, который должен блюсти хозяин, принимающий гостя. К примеру, в честь гостя организуется *синкъерам*, где тот может предложить «руку и сердце» любой девушке или вдовушке. Девушке, понравившейся гостю, последний мог быть не по душе (из-за возраста, внешних данных, отсутствия красноречия и пр.), но она не могла перечить воле гостя. Свой «протест» девушка могла высказать только в песне. По форме – безадресная, сатирическая песня крайне едко высмеивает не встречающее должного сочувствия «увлечение» гостя. Его называют то «Цхьа ше хиллал гIовтал кач» («Бешмет с воротом в одну пядь высотой (имеющий)») (У бешмета, как известно, нет ворота), то «Муьшал деха чимчаргIа» («Шнурком, который длиннее веревки»), то «Хьайл лекха куйн боьхьиг» («Выше себя макушку шапки имеющий») и пр. (ПМА, 1980–1989 гг.).

Из рассмотренных примеров явствует, что сатирические песни этой тематики, в большинстве своем, начинаются с зачина-обращения. За ним следует просьба: «Кхин ма воьллахь тхоьга… Хьайн топ яхьаш, тогур байа…» («Не приходи к ним больше… со своим ружьем, тушить лампу...»). Стрельба из ружей во время «синкъерама» или «ловзара», когда они проводятся под

открытым небом, и в настоящее время – обычное дело, реже это случается в помещении. Об этом и говорится в песне). «Цхьа ше лекха палтун кач, Кхин ма боьллахь тхоьга, Со гур яц хьуна, Баба гур ю хьуна» («Пальто с воротом в одну пядь высотой, не приходи к нам больше, меня не увидишь, бабку увидишь»), – говорится в другой песне (имеется в виду его ровесница). Использование в этих песнях нарушения предела вероятного (гротеск – гипербола) – «шнурок длиннее веревки», «бешмет с высоким воротом» и др. способствует повышению степени комичности.

Очень едко высмеивает сатирическая песня мужчину, вмешивающегося в сугубо «женские» дела: «Цхьаъий, шиъий бохуш, Налханаш дагардеш, Іуьрг даьлла налха Майна бу бохуш, Хьайн нана хьийзина Хьенехан Зуруп, Хьан чуьйраш кхехьа Орги тІе йитта» («Один-два говоря, масло (сливочное) считая, где масло с дырочкой, говоря, интересующийся, с матерью плохо обращающийся, такого-то сын Зуруп, чтоб твои внутренности носили стирать к Аргуну») (ПМА, 1980–1989 гг.).

В числе образов чеченских сатирических песен есть и женщины – моложавые вдовушки, не раз бывавшие замужем, но по разным причинам не уживавшиеся с мужьями и их родственниками. В песнях высмеивается их усердное стремление выглядеть моложе своих лет. Но никакой грим, модная одежда, согласно песням, не в силах скрыть нелепости их поведения. Осуждаются в сатирических песнях также ленивые невестки-неумехи, которые к тому же не уживаются со свекровью, достается и сварливой свекрови, досаждающей своей невестке.

Ориентированная на неравнодушного массового слушателя, чеченская сатирическая песня не критикует отдельно взятого человека, хотя высмеивает недостатки, присущие конкретным лицам. Личность в ней не выделяется, это одна из характерных особенностей этого жанра. Образы сатирической песни типичны, недостатки, которые бичует песня, носят обобщенный характер. Поэтому воспринявший «намек» как «камешек в свой адрес» или, хуже того, как оскорбление или унижение, всегда вызывает у слушателей здоровый смех: «Къуьнан куйнах цІе яьлла» («На воре шапка загорелась»). Все это свидетельствует не только о характере народа, но и о его отношении к тем негативным явлениям, о которых говорится в этих песнях.

Тематический диапазон юмористических лирических песен как бы продолжает темы и мотивы рассмотренных выше сатирических песен. Однако темы эти в юмористической песне разрабатываются несколько мягче, благодаря чему они иногда приобретают дидактический характер, в то время как сатирическая песня выражает явную непримиримость к отрицательным явлениям и качествам. Основной разговор в них ведется от лица девушки или женщины, искрометный юмор, саркастический смех которых нацелены то против невнимательного, нерешительного или вероломного избранника сердца, то против обременительных предписаний адата и пр. При всей строгости во взаимоотношениях между юношей и девушкой последняя может отпустить любую шутку в адрес скомпрометировавшего себя юноши. К примеру, исполнительница песни может шутя предложить ему поменяться головными уборами (предлагать юноше или мужчине поменять папаху на косынку считается серьезным оскорблением). В данном контексте имеется в виду случай, когда юноша нарушает данное им слово. Женатого мужчину,

оскорбляющего ухаживанием за молодыми девушками мать своих детей, предлагается принародно отпинать, заставить подметать на базаре и пр. В юмористических песнях могут быть подняты на смех незадачливые представители всех слоев общества без исключения (включая и духовенство), в них могут быть затронуты все насущные проблемы общества.

Чеченская невестка, по обычаю, не может называть по имени близких родственников мужа. Это табу, в известной мере, осложняет ее взаимоотношения с ними. Вот шуточная песня вдовушки, высмеивающей этот обычай: «Кала аьлча, Калин цIе йолу, Лака аьлча, Лакин цIе йолу. КIордийна суна Шун таркхойн цIераш, Кала-лака-лака-лай, Лака-кала-кала-лай!» («Кала скажу, Имя Калы назову, Лака скажу, Имя Лаки назову. Надоели мне Ваши тарковские имена, Кала-лака-лака-лай, Лака-кала-кала-лай!»). Здесь налицо нарушение традиции, но в устах исполнительниц это не порождает отрицательных эмоций у слушателей: шуточное передразнивание «заземляет» остроту песни, невольно вызывая улыбку. «Святыня», полушутя, низводится до обычных земных вещей, над которыми уже можно и подтрунить. И, что интересно, такую «вольность» обычно не допускает никто, кроме девушки, в ее устах даже кощунственные слова воспринимаются здоровой шуткой.

В чеченской народной лирике особое место занимают танцевальные песни. Неразрывно связанные с танцевальным искусством народа, они немыслимы вне самих танцев так же, как трудовые песни вне трудовой деятельности человека. Танцевальная песня поется, а ее содержание выражают не только слова, но и мелодия, и ее ритмический строй. Она призвана, заменяя при необходимости музыкальные инструменты (гармонику, трещотки и пр.), создавать танцевальную ритмику, служить музыкальным оформлением танца. Чеченский народный танец выполняет различные функции. С одной стороны, это своеобразная форма гармонического физического развития; с другой стороны, танец дает выход энергии, доставляя здоровый эмоциональный заряд и эстетическое удовольствие. В этом не последнюю роль играют народные танцевальные песни. Бытовая и эстетическая функции предстают в них как неразрывное целое. Но в такой момент эстетическая функция здесь вторична, подчинена практической функции. Хотя словесный элемент играет в танце второстепенную роль, песни эти не лишены художественной привлекательности, более того, имеют интересную поэтику.

По характеру танцевальные песни веселы и оптимистичны. Они имеют сплошь шуточный характер: «Вай, вай, сан кIорни, ЦIела керча хьан корта, Хьой, сой цхьаъ даций, Дайл беста хьан корта» («Вай, вай, мой любимый, (чтоб) твоя голова каталась в крови, ты и я – не одно и то же, (чтоб) твоя голова опухла, как амбар») (ПМА, 1979–1989 гг.). Созданию хорошего настроения подчинена в них не только зажигательная мелодия, но и весь арсенал художественно-изобразительных средств, широко используемых в текстах.

Чеченскую социально-бытовую лирику исследователи относят к сугубо «женскому» жанру, поэтика которого подчинена одной цели – отражению внутреннего мира женщины-горянки. Мир этот специфичен и целиком и полностью гармонирует с духовным складом чеченского народа.

Жанровое многообразие чеченского устно-поэтического наследия, его идейно-тематическое и эстетическое богатство служат идеалам добра и справедливости, гуманизма и человечности.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Формирование литературных традиций

Национально-культурное пробуждение горских народов во второй половине XIX в., формирование их новых художественно-эстетических взглядов происходили, прежде всего, под влиянием идей русского просветительства. Просветительская мысль Чечни во многом повторяла пути и поиски северокавказского просветительства, но ей присущи и отличительные черты, предопределенные историческими судьбами народа. С одной стороны, духовная культура чеченцев обогащалась в результате многовековых историко-культурных контактов с Россией, с другой – с Грузией, в истории последней вайнахи издревле занимали заметное место (*Мровели*, 1979). Процесс национального культурного возрождения начался на Северном Кавказе в XIX в. в тесной связи с русским революционно-демократическим движением. Волна русской демократической культуры коснулась прежде всего чеченцев, получивших образование в России. Идеи русских просветителей к ним проникали и через грузинскую литературу. Для примера остановимся на творчестве И.Д. Цискарова – одного из ярких представителей цова-тушинской интеллигенции 1840-х годов. Он, как и другие представители национальной интеллигенции, осваивая традиции русской литературы, выражал свои мысли на русском языке.

Революционные демократы уделяли особое внимание периодической печати – в ней они видели один из мощных источников распространения передовых идей. Издававшаяся с 1840-х годов в Тифлисе газета «Кавказ», как и другие периодические издания на русском языке, сыграла определенную роль в распространении просветительских идей в этом крае. Произведения И. Цискарова печатались в основном на ее страницах. Литературная деятельность И. Цискарова продолжалась около десяти лет: в 1846–1855 гг. в газете «Кавказ» и альманахе «Зурна» были опубликованы его историко-этнографические очерки и рассказы, насыщенные красочными и ценными историко-этнографическими сведениями о цова-тушинах.

Характер и особенности содержания и стиля очерков и рассказов И. Цискарова были во многом связаны с художественными поисками, которые велись в грузинской литературе того времени. В первом произведении И. Цискарова – «Лозы любви» – преломились характерные черты романтизма. В основе рассказа лежит чеченское предание о трагической любви юноши и девушки – Омара-Али и Газело. Это широко распространенный в мировой литературе сюжет («Лейла и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Ромео и Джульетта» и др.).

Под влиянием творчества грузинских писателей, ставивших себе целью ответить на острые социальные вопросы современности (*Гомезардашвили*, 1970. С. 113), И. Цискаров порывает с традициями романтизма. Его очерк «Дикло и Шанако» документален и остро публицистичен. В нем вскрыта колонизаторская политика царизма, натравливающего друг на друга кавказских горцев. Показ трагических противоречий, нарастающих в горском обществе, свидетельствовал о переходе писателя на позиции просветительства. В этом плане интересен его очерк «Картина Тушетии» (*Цискаров*, 1846), где

приводятся краткие историко-этнографические сведения о тушинах Цовского общества, говорится о родстве тушин и вайнахов, о сходстве их языков и фольклора. Стиль очерка сочетает романтическую приподнятость в описании природы и точность этнографических характеристик. Органически входит в структуру очерка «поверие тушинцев» об Амирани, одна из первых публикаций этого известного эпико-героического сюжета (*Арджеванидзе,* 1967). В основательной работе «Записки о Тушетии» (границы, разделение, язык, число жителей, кочевка, вера тушин) раскрылись обширные познания И. Цискарова в истории, этнографии, фольклоре и религии тушин.

Просветительская мысль Чечни возникла в иденой атмосфере 50-х – начала 60-х годов XIX в., революционной ситуации, сложившейся в России, и того большого внимания и пристального интереса, какие проявляли русские общественные деятели и ученые к изучению языка, истории, быта и нравов чеченцев. Их труды стали для национальных просветителей той первой школой, которая научила их, как надо ставить и решать вопросы просвещения горских народов.

Чеченский просветитель Умалат Лаудаев учился в 1840-е годы в Петербургском кадетском корпусе. Пребывание в Петербурге способствовало его приобщению к передовой русской культуре. После окончания кадетского корпуса его направляют в действующую армию на Кавказ. У. Лаудаев – автор крупной историко-этнографической работы «Чеченское племя», в которой четко проявились его взгляды на историю, этнографию и духовное наследие чеченского народа (*Лаудаев*, 1872).

У. Лаудаев ставил задачу познакомить читателей с историей и этнографией чеченцев. По его словам, он «из чеченцев первым написал на русском языке о своей Родине, еще так мало известной». В этой работе видна озабоченность автора судьбой родного народа, его стремление дать читателям представление о лучших сторонах национального характера. Творчество У. Лаудаева знаменует собой поворотный этап в художественном развитии чеченцев – переход от фольклорного мышления к письменной литературе, от арабоязычной литературы с ее идеями служения богу к литературе просветительской, поднимающей вопросы социального обновления жизни. Появление У. Лаудаева на арене общественной мысли Северного Кавказа в 1870-х годах свидетельствовало о начале новой стадии философско-эстетического развития чеченцев. Историко-этнографические очерки, в которых подробно анализировались народные нравы и обычаи, накапливали элементы художественного описания предметов и стали благодатной почвой, на которой начала зарождаться русскоязычная литература чеченцев. Этот новый жанр, несомненно, был заимствован из русской литературы. Горская русскоязычная литература опиралась на традиции русской литературы и на первых порах имела явно подражательный характер.

Благодаря гуманистическим идеям передовой России У. Лаудаев первым из чеченцев осознал не только историческую, но и духовную общность с русским народом, понял, что активное приобщение к великой русской культуре – первейшее условие движения чеченцев к свету и прогрессу. Если устное народное творчество – это первый этап художественного развития чеченцев, то У. Лаудаев вышел за рамки фольклорного принципа изображения действительности, ознаменовав своим творчеством начало нового этапа

развития художественного мышления чеченцев. Просветительский реализм творчески использовал традиции фольклора для разъяснения общественности новых социальных задач, встающих перед горцами на рубеже 1860–1870-х годов. Это был путь, характерный для всех русскоязычных литератур народов Северного Кавказа, предопределенный близостью их социально-экономических, культурно-исторических условий, взаимными культурными контактами.

В 1880-е годы чеченское просветительство развивается не столь интенсивно, как в предыдущее десятилетие. Острую социальную направленность обретают малые дидактические формы фольклора – сатирический рассказ, анекдот, притча и т.п., нарастает движение тюлликов, чьи театрализованные антиклерикальные представления сыграли свою роль в атеистической пропаганде. Все эти художественные формы народного творчества заложили основы национальной драматургии и театра (*Айдаев*, 1975).

С конца XIX в. общественная и литературная мысль чеченцев начала развиваться быстрыми темпами. Обновлялось ее идейно-эстетическое содержание. Она опиралась на традиции просветителей 1850–1870-х годов, но все глубже и разносторонне освещала общественно-политическую и духовную жизнь горцев Северного Кавказа. Горские литераторы по-новому взглянули на окружающую их действительность. Их начало волновать настоящее и будущее своих народов, проблема роста национального самосознания. Одной из главных тем их публицистических статей становится обличение царизма. Это стало возможным благодаря завоеванной первой русской революцией относительной и кратковременной свободы печатного слова.

В период реакции 1907 г. горской просветительской мысли был нанесен ощутимый удар: многие газеты и журналы демократического и либерального направления были закрыты. Первая русская революция и наступившая вслед за ней реакция ускорили процесс классовой дифференциации в горской среде.

Эти процессы социально-экономической и общественно-политической жизни находили яркое проявление и в Чечне, которая и «экономически и через военно-административную систему оказалась довольно тесно связанной с остальными губерниями России» (*Колосов*, 1968. С. 5). На смену историко-этнографическому, художественно-публицистическому очеркам, характерным для первого этапа горского просветительства, пришли жанры революционной публицистики.

Становление и развитие революционной публицистики народов Северного Кавказа происходило при непосредственном участии С.М. Кирова. Он приехал во Владикавказ в мае 1909 г. и вскоре стал сотрудником газеты либерального направления «Терек». С приходом в ее редакцию С.М. Кирова она стала либерально-демократической (*Хоруев*, 1966).

Если во второй половине XIX в. возникновение просветительского движения среди горцев Северного Кавказа происходило неравномерно в силу разных социально-экономических и политических условий жизни, то в 1890-е годы, в период первой русской революции и нового революционного подъема в России, уровень просветительской мысли народов Северного Кавказа выравнивается.

Чеченцы тоже не стояли в стороне от событий. В начале XX в. усилилось классовое размежевание сельского населения Чечни. Сама жизнь ускорила формирование чеченской национальной буржуазии и пролетариата (*Колосов*, 1968. С. 49).

В этих условиях из числа чеченцев выдвинулась плеяда публицистов, стоявшая на прогрессивных позициях. С начала XX в. и до Октября 1917 г. в периодической печати России опубликовано множество статей А. Мутушева, И. Мутушева, Д. Шерипова. Пришедший им на смену А. Шерипов существенно обогатил форму и содержание публицистики.

Один из видных представителей этой плеяды – чеченец Таштемир Эльдарханов. Он родился в 1870 г., учился в грозненской школе, во Владикавказском ремесленном училище. В 1889 г. поступил в Тифлисский учительский институт, затем работал преподавателем. Уже в Тифлисе Т. Эльдарханов стал изучать историю, этнографию и фольклор своего народа. В 1899–1901 гг. он опубликовал фольклорные тексты, а в 1911 г. издал чеченский букварь (*Эльдарханов*, 1900, 1901).

Пролетарский этап освободительного движения в России, революция 1905 г. сыграли большую роль в формировании политической ориентации Т. Эльдарханова. В 1906–1907 гг., когда он избирался членом I и II Государственной Думы от чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин и кумыков, Т. Эльдарханов использовал думскую трибуну для разоблачения преступной политики царизма в отношении горцев Северного Кавказа. Он гневно бичевал бюрократизм царских сатрапов и чиновников. Речи Т. Эльдарханова в Государственной Думе свидетельствуют о его умении анализировать социально-политическую обстановку, сложившуюся на Северном Кавказе в период первой русской революции. Т. Эльдарханов говорил о необходимости укрепления дружбы между трудящимися России, смело вскрывал антинародную политику царизма, разъединяющую трудящихся. В центре внимания Т. Эльдарханова были не только вопросы межнациональных отношений в России, но и тяжелое экономическое положение народа. Темы выступлений Т. Эльдарханова в Государственной Думе были в русле передовых идейных поисков русской общественной и художественной мысли тех лет.

После роспуска II Государственной Думы Эльдарханов возвращается в Грозный, но власти запрещают ему преподавать в школах Терской области. Он уезжает в Баку, где и работает в области народного просвещения до февральской революции 1917 г.

В годы революции и гражданской войны Т. Эльдарханов участвовал в борьбе с белогвардейцами – бичераховцами и деникинцами и с верхушкой национальной буржуазии (*Туркаев*, 2007). В эти годы он был избран Председателем Гойтинского революционного народного совета. После окончания гражданской войны на Северном Кавказе Эльдарханов – Председатель ревкома Чечни, а с августа 1920 г. до 1925 г. – Председатель Чеченского областного исполнительного комитета. В 1925 г. он был переведен в Ростов-на-Дону, где работал председателем Национального Совета при крайисполкоме, в 1929 г. переехал в Грозный, занимал ответственный пост в «Грознефти». Умер 14 ноября 1934 г.

В начале нового революционного подъема в России в периодической печати Северного Кавказа и центра России стали появляться насыщенные

взволнованной мыслью, гражданской обеспокоенностью социально-экономическим положением, политическим бесправием своего народа статьи братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых. Они родились в семье офицера царской армии, который в 1868 г. определился на военную службу, окончив Владикавказское окружное училище (ЦИАГ. Ф. 545. Д. 3260. Л. 1–1 об.). Первые статьи А. Мутушева, чья публицистическая деятельность началась в конце XIX – начале XX в., отличались широтой взгляда на жизнь, интернациональным пафосом. В этом смысле показательна одна из первых его публикаций в газете «Новая Русь», издававшейся в Петербурге. Ставя читателя газеты в известность об открытии в ней о «мусульманского» отдела, А. Мутушев писал, что эта «первая попытка солидной газеты послужить культурно-экономическим интересам мусульман России» является в то же время «верным средством испытания нашей гражданской зрелости». Автор статьи сознает, что «каждая мусульманская народность бедна грамотой в процентном отношении», хотя и «насчитывает представителей как со средним, так и с высшим образованием». К ним и обращался А. Мутушев: «Пусть мы плохие литераторы, пусть наши статьи не блещут красотой художественного слова. Но мы должны твердо помнить Некрасова: “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан” и, помня эти великие слова, сказанные в горячие дни шестидесятых годов», мы не должны быть «инертны, эгоистичны», думать только о своих «личных, будничных интересах». «Интеллигентные мусульмане! – писал А. Мутушев. – К вам обращаюсь я с призывом. Помните, что народности, из которых вы вышли, имеют право рассчитывать на ваше культурно-экономическое служение их священным интересам» (НР. 1910. 19 февр.). Сам А. Мутушев старался на деле служить «священным интересам народности», ставил актуальные проблемы общественно-политического положения горцев, резко критиковал принципы царской администрации по наведению «порядка в Терской области», но замечал и негативные явления в укладе горцев. «За исключением немногочисленных лиц, все остальное горское население настроено мирно и ждет, когда же администрация примет радикальные меры к пресечению творящегося бесчинства», – писал он. В статье «Карательные экспедиции в Ингушетии и Чечне» А. Мутушев на многих примерах показал, что «в Чечне и Ингушетии создалось невыносимое положение: туземное население задыхается в удушливой атмосфере беспримерного попрания общечеловеческих прав и всей экзекуционной системы правления краем» (НР. 1910. 26 февр.).

В одной из статей, написанных в защиту северокавказских горцев («Волки и овцы»), А. Мутушев разоблачал «шайку разбойников-овцеводов», которая чинила разбой в Терской обл. «Спрашивается, – говорит автор в конце статьи, – куда мы идем, зачем мы идем? Кто и чем ответит теперь перед задавленными экзекуциями горцами? И можно ли, наконец, окупить безвинно льющиеся слезы… стон целого народа, есть ли эквивалент всему этому?... Бедная Чечня!» (НР. 1910. 19 марта). Пафос публицистических статей А. Мутушева был обусловлен его активной гражданской позицией в вопросах общественного и политического устройства не только чеченцев, но и всех северокавказских горцев. Например в статье «Мусульмане в Государственной Думе» он с болью говорил о пассивности мусульман – членов

Государственной Думы, призванных заботиться о судьбах своих народов (НР. 1910. 26 февр.).

После 1917 г. А. Мутушев встал на сторону революции, активно участвовал в ее защите от внутренних и внешних врагов (Съезды народов Терека, 1977. С. 81–82, 128, 198). В конце 1917 г. А. Мутушев баллотировался в Учредительное собрание (распущено в январе 1918 г.) (*Кашкаев*, 1972. С. 198). На пятом съезде народов Терека 29 ноября 1918 г. А. Шерипов, характеризуя А. Мутушева, говорил: «Я знаю… еще, что он с контрреволюцией Чермоева… ничего общего не имел и выступал в печати против таких соглашений» (Съезды народов Терека, 1978. С. 163–164).

О полном принятии Октябрьской революции А. Мутушевым свидетельствует тот факт, что он вошел в состав Дагестанского Военно-революционного комитета, созданного 2 мая 1918 г., который в условиях жестокой классовой борьбы проводил первые социалистические преобразования в Дагестане. Вскоре при областном Военно-революционном комитете была создана «комиссия по разграничению функций гражданских и военных властей в составе членов Дагестанской социалистической группы А. Мутушева, С. Гибиева, Алхас-Коди» (*Кашкаев*, 1972. С. 296). В 1920–1930-е годы Мутушев работал на Северном Кавказе и в Москве.

Статьи старшего брата А. Мутушева – Исмаила впервые появляются в конце XIX в. на страницах «Терских ведомостей». Как и просветители предыдущего поколения, он начал литературную деятельность с публикаций фольклора (например, чеченская сказка «Лиса и журавль» – ТВ. 1899. № 134.). Начавшиеся в России революционные события заставили И. Мутушева взяться за жанр публицистики. Он был горяч, убедителен, решителен в постановке самых актуальных жизненно важных для горцев вопросов. Гражданская позиция И. Мутушева четко определилась, и с этого пути он не сошел до конца своей короткой жизни. В одной из первых статей такого характера, написанных в годы учебы во Владикавказе, И. Мутушев говорил о том, что в силу неграмотности горцев до них не дошло «объявление министерства финансов о прекращении действия (хождения) кредитных билетов 5-ти, 10-ти, и 25-рублевого достоинства». «Если принять во внимание, что копейка – капля туземной крови, придется признать, что туземцев постигло тяжелое несчастье», – писал он. И. Мутушев видел безысходность народного горя вследствие того, что в руках их «остались негодные деньги, составляющие кровные сбережения» на черный день, «скопленные трудами многих лет» (Сев. Кавказ. 1910. № 10).

Главными темами его публицистики были просвещение народа, приобщение его к передовой русской культуре. И. Мутушев был инициатором и автором «Проекта устава общества распространения образования и технических сведений среди чеченцев Терской области». Публикация этого проекта была одновременно и обращением И. Мутушева к чеченской интеллигенции – убедительным, взволнованным, страстным. Его смог написать только человек, беспокоящийся за судьбы своего народа.

«Несмотря на полувековое пребывание наше в школе европейской цивилизации и культуры, – писал И. Мутушев чеченским интеллигентам, – мы продолжаем прозябать в грубом невежестве благодаря лишь собственной инертности… И вся беда лишь в том, что наши передовые люди, окунув-

шись в море собственных интересов, никогда не выглядывают из него и не видят света божьего. Вот этот-то эгоизм и тормозит дело нашего просвещения. Пора же, наконец, и нам проснуться от столь долгой и губительной спячки и двинуться на путь прогресса и цивилизации». И. Мутушев надеялся, что соседние народы «нам помогут и словом и делом в этой святой миссии», «в скором будущем у нас будут свои адвокаты, доктора, инженеры, агрономы, офицеры, учителя и т.п. люди разных специальностей, в которых мы так сильно нуждаемся. А то при теперешнем порядке вещей жизнь наша становится не только невозможной, но прямо-таки невыносимой» (ТВ. 1908. № 10).

И. Мутушев жил среди народа и в меру своих сил и возможностей служил ему. Наблюдая его повседневную жизнь, он видел «мрак и невежество», и считал, что «вопрос о просвещении Чечни назрел и даже перезрел». Предлагая образовать «Общество распространения образования и технических сведений среди чеченцев Терской области», И. Мутушев был «вполне уверен в сочувствии чеченской интеллигенции и купечества благим начинаниям и в том, что мы сплотимся в одну крепкую душу, оставив в стороне личные друг к другу неприязни и счеты» (ТВ. 1908. № 10). Как показала история, И. Мутушев идеализировал чеченских интеллигентов и купечество, когда надеялся, что они «сплотятся в одну крепкую душу», чтобы понести в народ знания. Чеченской интеллигенции, в массе своей состоявшей из помещичье-офицерской верхушки, купечества, были чужды интересы и заботы трудящихся, и предлагавшийся И. Мутушевым «Проект устава… из четырех глав и двадцати шести параграфов» остался неосуществленным.

Широка была тематика публицистики И. Мутушева, хорошо знавшего жизнь народа. В 1911 г. И. Мутушев выступил, например, в защиту жителей Грозненского и Веденского округов, страдающих от притеснений лесных объездчиков, которые сами торговали лесом, а протоколы о нарушении «Лесного Устава» составляли на невинных, но «заранее, по злобе, намеченных лиц» (Кавказское слово. 1911. 19 февр.). В других статьях И. Мутушев продолжал защать интересы и личное достоинство трудовых чеченцев. Далекий от идеализации горского абречества, он различал в нем «главных борцов» за народное счастье и тех, кто под видом народных мстителей встал на путь грабежа и разбоев. Такая оценка близка к оценке горского абречества современным историком (*Коренев*, 1967. С. 20). В статье «Из Чечни» он призывал трудящиеся массы сообща бороться с «абреками», которые «уже в конец истощили Чечню и физически, и нравственно, и материально», так как «вся тяжесть ответственности за преступную деятельность “абреков” ложится тяжелым и часто непосильным бременем на уже окостеневшие плечи не успевшего еще порядком отдохнуть от забот и работ пахаря» (Кавказское слово. 1911. 24 февр.). В статье «Не услышанный зов» И. Мутушев с болью писал о том, что «неприкосновенность личности чеченца почти не гарантирована… что произвол каждого грязнить, унижать и попирать личность чеченца вопреки закону мы наблюдаем и всюду и всегда», и что подобные беззакония творятся очень часто (Кавказское слово. 1911. 15 апр.).

Вместе с тем И. Мутушев видел и другую сторону жизни трудовых чеченцев, которая была предопределена религией, держала горцев в путах разных реакционных предрассудков, мешала пробуждению их гражданского

самосознания. Чтобы показать читателю несостоятельность религиозных догм, так сильно властвующих над умами горцев, И. Мутушев выступает как историк и этнограф, анализируя историю мусульманской религии («О мнимом фанатизме Ислама», «“Указ о христианах”, данный пророком Мухаммедом») (Кавказское слово. 1911.16, 17, 20 апр.).

И. Мутушев был корреспондентом многих газет, выходивших на Северном Кавказе. В некоторых из них он печатался под псевдонимом «И. Аргунский» (например, статьи «Женщины», «Из грозненских типов», «Бережливые», «Чечня и ее горести») (Север Кавказа. 1913. № 55, 248, 249, 288). В пользу того, что автором этих публикаций является И. Мутушев, говорят следующие факты: тематика и пафос статей И. Мутушева и «И. Аргунского» идентичны, совпадают начальные буквы имени И. Мутушева и автора псевдонима. Во-вторых, река Аргун протекает рядом с бывшей слободой Воздвиженской, в которой жил И. Мутушев. Появлявшиеся в 1909 и 1911 гг. в газете «Терский край» под псевдонимом «Чеченец» публикации тоже весьма близки по стилю перу И. Мутушева.

И. Мутушев во многом способствовал пробуждению самосознания своих земляков. Об этом свидетельствует, в частности, увеличение числа жалоб в адрес начальства Терской обл. после первой русской революции. И. Мутушев сочувствовал своим безграмотным и подавленным соплеменникам и горячо поддерживал их в борьбе против власти. Неслучайно, что И. Мутушев, как и его брат Ахметхан, был занесен местной охранкой в категорию «неблагонадежных», принадлежащих к числу «злонамеренных агитаторов из чеченцев».

И. Мутушев был одним из стойких проводников большевистских идей среди чеченских крестьян единственным собкором газеты «Товарищ» из числа чеченцев. Его выступления на ее страницах, на митингах с разоблачением тех, кто стремился поссорить солдат с чеченцами, нельзя переоценить. Они способствовали созданию взаимного доверия между трудящими разных народов Терской области, их политическому просвещению. «Чечня высоко носит знамя свободы, мирной, тихой и ровной жизни», – писал он (Товарищ. 1917. 8 июня).

И. Мутушев вновь возвращается к воплощению своей идеи о просвещении трудящихся чеченцев, о котором писал еще в 1908 г., организует «Общество распространения просвещения среди чеченцев». Создание этого общества было радостно встречено не только чеченцами, но и остальными трудящимися Грозного и прежде всего русскими рабочими. Историк А. Вацуев пишет, что осенью 1917 г. «Старопромысловские рабочие выделили из своего заработка довольно значительную сумму денег и заказали за счет этих средств шрифт для чеченской письменности» (*Вацуев*, 1978. С. 9–10). Это был яркий пример тесного содружества между чеченскими и русскими трудящимися.

Октябрьскую революцию И. Мутушев встретил восторженно: она осуществила вековые мечты трудящихся масс о свободе и равенстве. Он с головой окунулся в работу по претворению в жизнь предначертаний революции, встал на сторону ее самых активных и преданных защитников от внутренней и внешней контрреволюции, находился в рядах последовательных сторонников А. Шерипова. Таков был окончательный выбор жизненного пути

И. Мутушевым. Еще до революции он стал известным общественным деятелем Чечни, народным учителем. После Октябрьской революции, борясь за ее идеалы, в годы гражданской войны он погиб в борьбе с контрреволюцией (*Вацуев*, 1978. С. 15).

Чеченские публицисты дореволюционного периода рассматривали вопросы прав и свобод трудящихся горцев не с национально ограниченных позиций, а в масштабе всего региона. Такая широта взгляда на проблему, а главное – принципы ее художественно-публицистического решения свидетельствуют о том, что они стояли на позициях русских социал-демократов, учились у русских писателей умению пробуждать народное самосознание художественным словом.

Начало XX в. характеризуется обострением интереса общественных деятелей и просветителей Чечни к истории народа. Первым опытом осмысления ее отдельных проблем являются публикации И. Мутушева в сборнике «Весь Кавказ» (1903). Последующие публикации других представителей общественной мысли носили конкретный характер. В 1913 г. Бек Саракаев, редактировавший газету «Терская жизнь», издал книгу «По трущобам Чечни», в которой на архивных документах впервые в историографии Северного Кавказа была показана жестокая политика царизма. Статья Б. Саракаева «Мюридизм» впервые поставила проблемы мюридизма и роли Шейха Мансура в истории национально-освободительной борьбы чеченцев против самодержавия в XIX в. Несколько позже А. Шерипов в предисловии к своей книге «Из чеченских народных песен», характеризуя жанровые особенности чеченских историко-героических песен, обусловленность их появления конкретными историческими фактами, углубился в историю чеченского народа.

Прояснение в названных публикациях некоторых сторон исторического пути чеченцев способствовало появлению в зарождающейся художественной литературе до и после октября произведений на историческую тему. Так, в 1912 г. Назарбек Шерипов написал и поставил пьесы «На вечеринке», «Медведь», в которых были сделаны экскурсы в прошлое народа. Деятельность братьев Шериповых имела огромное значение для развития общественной и художественной мысли Чечни 1910–1937 гг. Назарбек Шерипов стал основоположником жанра национальной драматургии и органично соединил традиции художественных культур русского и чеченского народов.

Асламбек Шерипов – воспитанник полтавского кадетского корпуса, герой гражданской войны на Северном Кавказе. В его творчестве намечается два периода. Первый – время литературной учебы, накопление опыта, работа по записи и переводу на русский язык народных песен, вошедших позднее в отдельный сборник. Именно в работе над переводами ярко проявлялась творческая одаренность А. Шерипова. Он перевел всего три песни: «Абрек Геха», «Юсуп – сын Мусы» и «Асир-абрек». Судя по языку и стилю переводов и путем сопоставления их с оригиналами и вообще с идейно-художественным направлением песенного эпоса, можно прийти к выводу, что сюжеты песен, нравственные представления их героев претерпели значительные изменения под творческим воздействием переводчика. Когда читаешь переводы песен А. Шерипова, вспоминаются горьковские «Песня о Соколе» и «Песня о буревестнике». В них тот же романтически приподнятый стиль, сравнения и

эпитеты, придающие событиям возвышенный пафос, олицетворение сил природы («Тоска безумная», «Кровавые тучи», «Красивая смерть», «Сокол, бьющийся в тройном круге клюющих падаль воронов», «Геха купался в густом темном море огня и свинца» и т.п.), в них слышится гимн мужеству и нарождающейся новой жизни. Среди переводов А. Шерипова особым сюжетом и композицией отличается песня «Асир-абрек». А. Шерипов не претендует на то, что в основе песни – реальные события. Основной ее мотив – отверженность героя от общества, идейный разлад между героем и «толпой», возникший из-за того, что абрек Асир не находит среди нее «гордых, непреклонных и смелых духом героев», которые, как и он, жили бы одной только страстью – бороться и умирать «за свободу гор и людей Кавказа». «Забитые и жалкие рабы», не способные на подвиг, «ликуют после смерти каждого героя: они рады, что избавились от живого укора прошлой, героической жизни». Так образ Асир-абрека утверждает идею борьбы за свободу и счастливую жизнь. И здесь А. Шерипов остался верен исторической правде: Асир-абрек умер одиночкой. Таков был удел всех абреков, которые, несмотря на кажущееся единство с народом, все-таки не были тесно связаны с ним.

Начало публицистической деятельности А. Шерипова относится ко второму периоду его творчества и было обусловлено Октябрьской революцией. Коренным образом меняются его взгляды на художественную культуру, призванную содействовать просвещению горцев. Его выступления перед чеченской беднотой, письма к друзьям и идейным противникам, научные статьи и заметки – все было подчинено одной цели – помочь народу осознать свое национальное достоинство. Статьи А. Шерипова 1918–1919 гг. отличаются широтой мысли, аргументированностью, умением верно ориентироваться в сложнейших переплетениях национальных, классовых, политических интересов в Терской области, выбрать из этого запутанного клубка единственно правильный путь, отвечающий интересам народа («Герои Чечни и Дагестана», «Работа Святых», «Обращение к грозненской демократии» и др.

В одном из писем А. Шерипов писал: «Мы пойдем на смерть за народ не по обязанности, а с наслаждением и радостью». Его фольклорные герои тоже встречали смерть «с наслаждением и радостью». Применительно к жизни А. Шерипова эти слова приобрели реальное, жизненное содержание, здесь они отражают внутренний мир, нравственный идеал человека, погибшего в 1919 г., защищая интересы чеченского народа (*Туркаев*, 1978. С. 148–164).

На формирование мировоззрения А. Шерипова несомненно оказал влияние его старший брат – Денилбек Шерипов, который в начале XX в. принимал активное участие в культурно-просветительской работе, проводимой чеченской интеллигенцией. В 1911–1912 гг. Д. Шерипов издавал в Грозном газету «Терек», которая уделяла большое внимание жизни края, изобличала национальную политику царизма, показывала, что среди чеченцев и ингушей зреет протест, что, несмотря на отсталость крестьян и противодействие шейхов и купцов, у народа пробуждаются самосознание, стремление осмыслить свою роль в истории и тяга к просвещению.

Заурбек Шерипов собирал и публиковал фольклорные произведения, впервые написал очерк о Шейхе Мансуре. Особое значение для освоения населением русского языка и переводческой деятельности начинающих

писателей имело составление и издание З. Шериповым русско-чеченского словаря. Читатели отметили своевременность и актуальность этого издания.

После установления советской власти на Северном Кавказе Д. Шерипов с 1922 по 1925 гг. был председателем облсуда, а З. Шерипов заведовал отделами, являлся заместителем Председателя Облцика. Каждый из них в своей сфере сделал немало: Д. Шерипов внедрял в сознание горцев азы закона и нового общежития, что требовало мужества и самоотверженности, ибо жившие веками вольной и свободной жизнью горцы всячески противодействовали установлению над ними строгих правил закона, а открытие советских школ проходило в острой схватке с приверженцами примечетских религиозных школ.

Традиции арабоязычной литературы

Истоки чеченской литературы берут свое начало в традициях двух литератур – русской и арабской. Попытка осветить этот процесс именно в таком плане уже предпринималась (*Туркаев*, 1978). Однако тенденция нигилистического отношения к истории, духовной культуре чеченцев, сложившаяся в республике после ее восстановления в 1957 г., серьезно затормозила обращение ученых к арабоязычным истокам чеченской литературы. Широкий интерес ученых к арабоязычной литературе Северного Кавказа в целом не случаен. Изучение формирования арабоязычной традиции проливает свет на процессы становления и развития художественной литературы народов, позволяет проследить, как в дальнейшем развивались эти литературные традиции, какие новые черты они обретали. О богатстве XVIII–XIX вв. произведениями, созданными на арабском языке отдельными северокавказскими народами, писали известные русские ученые-востоковеды (*Крачковский*, 1960; *Бартольд*, 1966; *Генко*, 1930). Попытка определить место арабоязычной литературы Чечни в истории художественной мысли чеченского народа вызвана стремлением показать роль арабоязычной письменной традиции в художественной культуре чеченцев, проследить, в какой мере отражена в ней судьба народа, как взаимодействовала арабоязычная литература с проникавшими в XIX в. в горскую среду идеями русского просветительства.

В Дагестане, с которым Чечню исторически связывали общность исторических судеб, постоянные культурно-исторические связи, находился центр развитой местной культуры, создававшейся на арабском языке, что благотворно сказывалось на формировании у соседних с Дагестаном народов очагов письменной культуры. XVIII в. характеризуется «победным шествием мусульманства в чеченских обществах» (*Крупнов*, 1971. С. 179). Уже в концу 30-х годов XVIII в. в Чечне насчитывалось 310 мечетей (*Смирнов*, 1963. С. 87), при которых открывались школы, а во второй половине XIX в. в Чечне была разветвленная сеть примечетских духовных школ, где обучали чтению и толкованию Корана, догматам мусульманской веры.

В условиях Чечни процесс сложения арабоязычных литературных традиций сдерживался жестокой завоевательной политикой царизма. Если период расцвета арабской литературы в Дагестане приходится на конец XVII – середину XIX в., то в Чечне она начинает только зарождаться в середине XIX в., т.е. к тому времени, когда активный период развития дагестанской арабоязычной литературы заканчивается. Контролируемая строгими правилами

Шамиля, запрещавшего любое слово, которое не служило делу укрепления идеологии ислама, рост светской литературы Чечни с самого начала сдерживался, поэтому она пошла по пути восхваления мусульманских святых и пророков.

В период движения горцев под предводительством Шамиля в Чечне широко был распространен жанр *назмы* – религиозной песни, в которой красочно описывается период становления мусульманской религии и ее борьбы с христианством. Центральный персонаж *назмов* – пророк Магомед, который мудростью и всесилием заставлял своих идейных противников и оппонентов сдать свои позиции. Часто эти назмы имели форму элегии, в которой выражается жалоба на бренность земного существования («Настанет судный день», «Сын народа», «Восхваления Магомеду» и др.). Жанр *назмы* не давал их художественному мышлению возможности выйти за пределы устоявшихся религиозных канонов, сковывал жизненную активность исполнителей и слушателей, удерживая от поисков радикальных путей, которые привели бы их к лучшей жизни, мешая социальному пробуждению трудящихся. Отдельные лица, взявшие на себя роль духовных проповедников горских масс, держали их в страхе и покорности, внушая им фатальную неизбежность близкой катастрофы Вселенной. Поэтому-то, говорили они, нет на земле ничего такого, чем можно было бы обольститься, жизнь следует проводить вдали от земной суеты и в служении Аллаху.

После окончания Кавказской войны в народе, не получившем ответа на свои политические и духовные искания, когда к нему пришло разочарование и неверие в свои возможности изменить существующее положение, усилилось тяготение к богослужению. Шейх Кунта-Хаджи (Кишиев) оставил глубокий след в сознании верующих и стал объектом многочисленных посвящений – религиозной назмы в форме касыды. После его ссылки появляются религиозные песни, воспевающие святость и всемогущество шейха-устаза. Особой популярностью пользовалась песня об «уходе» Кунта-Хаджи, которая отражает религиозные искания сочинителей назмы, стремление найти ответы на волнующие вопросы.

Песня, рассказывающая о том, как Кунта-Хаджи покинул родину, видимо, сложена давно, но записана в наши дни. Ее отличает указания конкретных географических названий, связанных с его жизнью, развернутый диалог между ним и его матерью, братом Мовсаром, упоминается также «черная хмара» – пыльно-песочная буря, которая посетила Чечню в апреле 1913 г. Стихи-назмы, восхваляющие Кунта-Хаджи, сложены в традиционном восточном красочном стиле, они свидетельствуют о том, что схоластические традиции арабской литературы к 1860-м годам прочно вошли в сознание немногочисленной просвещенной прослойки духовенства Чечни.

В 1860-е годы ярко выраженный религиозный характер арабоязычной литературы в Чечне начинает ослабевать, некоторые ее творцы постепенно ориентируют читателей на русскую культуру, на более прочный союз с Россией. Эта переориентация художественной мысли отдельных представителей религиозных социальных верхов шла разными путями, в зависимости от конкретных исторических и политических условий. Поиски лучших путей, которые привели бы народ к самостоятельной, спокойной и независимой

жизни, начались еще в 1840-е годы, т.е. в период деятельности Шамиля в Чечне.

В таких условиях, когда идеология ислама запрещала народу танцы, песни (кроме религиозных), любое веселье, которое хоть на миг отвлекло бы мысли человека от дум о «священном газавате» и необходимости борьбы с «неверными», когда Шамиль своими военными поборами и мобилизацией мужской части населения в армию довел Чечню до нищеты, а верхам духовенства дал неограниченную возможность закабалять простой народ, в таких условиях о развитии письменной литературы, несущей с собой идеи, не связанные с религией, не могло быть и речи. Поэтому и происходила переориентация отдельных ученых людей на Россию; духовное образование не мешало им видеть перспективу союза Чечни с русским народом. Об одном из таких известных мусульманских ученых, уроженцев Чечни, пишет Н.А. Смирнов: «Разошедшийся с Шамилем и сблизившийся с царскими властями Сулейман Эфенди обвинял Шамиля в том, что в целях укрепления своей власти он терроризирует население, казнит людей по клеветническим доносам, подвергает гонениям родственников лиц, совершивших преступление, но бежавших из имамата; конфискует в казну имущество наибов после их смерти, оставляя нищими семьи и сирот; нападает на аулы, население которых покорилось русским» (*Смирнов*, 1963. С. 84).

Отдельные представители духовенства и разбогатевшая на службе у царизма прослойка, превратившаяся в крупных землевладельцев, видя бесперспективность политической программы Шамиля, все более склонялись к союзу с царизмом, прекрасно понимая, что их будущее и будущее их потомков надежно только в том случае, если они получат поддержку царской администрации. Поэтому они, с одной стороны, стремились дать своим детям образование на русском языке, а с другой, привить трудящимся массам презрение к русскому языку, который, как они говорили, был для них языком угнетателей и «неверных». Так легче было держать народ в невежестве, эксплуатировать его. Но, несмотря на барьеры, возводимые духовенством и феодальной верхушкой, народ все больше осознавал пользу грамотности на русском языке. В литературе отмечалось: «В чеченском народе есть большое желание принять все обычаи русской гражданской жизни и в особенности научиться говорить по-русски» (*Гриценко*, 1963. С. 82).

Другие документы также свидетельствуют о том, что некоторые местные ученые стремились перевести ряд книг с арабского языка на русский и тем самым рассказать большему числу людей об истории народа и его духовных исканиях. Такова «Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи» – наиболее популярное и крупное историческое и литературное произведение. Подтверждение этому мы находим во вступительной статье востоковеда А. Барабанова: «Первым наиболее удачным русским переводом следует признать перевод некоего Сапи из аула Энгеной (чеченский аул. – *Х.Т.*), долгое время занимающегося историей Дагестана; этот перевод, хотя и неточный и неоконченный, все же является наиболее приближенным и верным» (*Барабанов*, 1941. С. 15). Показательно, что ученый арабист Сапи в одинаковой мере владел и арабским, и русским языками, а его перевод «Хроники...» свидетельствует о несомненном литературном даровании переводчика.

После окончания Кавказской войны произведения на арабском языке создавались в основном известными историческими лицами, попавшими в плен и высланными в губернии России. Один из них – бывший наиб Шамиля Атаби Атаев. После пленения имама Атаев возглавлял крестьянское восстание в горах Чечни, в 1861 г. был пленен и отправлен на поселение в г. Касимов, в Центральную Россию. Судя по отзывам высокопоставленных особ царской службы, А. Атаев был одним из образованных людей своего круга. Чтобы понять характер его новых взглядов на свою деятельность, приведем письмо генерал-адъютанта Игнатьева в военное министерство:

«Милостивый государь, Александр Иванович!

Госп. Нофаль, преподаватель арабского языка в учебном отделении Восточных языков при Азиатском департаменте, представил министру иностранных дел любопытные сведения о находившемся некоторое время в Санкт-Петербурге военнопленном чеченце Атабаеве, ныне отправленном на жительство в г. Касимов.

По отзыву госп. Нофаля, чеченец Атабай отличается своим природным умом и умственным образованием. Он, между прочим, имеет хорошие познания в арабском языке.

Г. Нофаль, между прочим, старался разъяснить настоящие отношения, в которых должны были находиться непокорные горцы к Российскому императору, и доказать ему всю несостоятельность начал, служащих основанием надежд, возлагаемых ими на турецкого султана, которого они до сих пор считают главою и защитником исламизма.

Атабай был, по-видимому, поражен доводами, основанными на изречениях Корана, и заметил, что никто из горцев не слыхал подобных речей. Это обстоятельство подало господину Нофалю мысль о возможности издания небольшой газеты или листка на арабском языке, довольно употребительном между горцами, для распространения между влиятельными из них более верных понятий о России и других сведений.

Если бы мысль эта была бы одобрена, то осуществление оной не стоило бы больших издержек и было бы особенно успешно при содействии самого Атабая. В таком случае присутствие его в Санкт-Петербурге было бы, может быть, полезнее, чем в Касимове, где сверх того сближение с мусульманским обществом при сильном религиозном направлении Атабая едва ли соответствует видам правительства. В разговоре с Г. Нофалем он просил его довести до сведения высшего начальства, что желание его заключается в следующем: «1. В перемещении его в Санкт-Петербург. 2. В увеличении содержания, им получаемого. 3. В определении его сына на императорскую службу…» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6685. Л. 232–233 об.)

Нет сомнения в том, что этот документ составлен тенденциозно. В нем нетрудно увидеть стремление представить Атабаева как верноподданного царю человека, и все же в письме в какой-то мере запечатлелись новые взгляды Атаби Атаева на жизнь. После двухлетнего пребывания в ссылке Атаби, окруженный вниманием и заботой приставленных к нему официальных лиц, как он сам говорит об этом в своем послании царю Александру II, начинает задумываться над своим прошлым. Теперь, когда восстание позади, а сам он долгое время оторван от родных мест, Атаби, обращаясь к образованным людям России, не мог не прийти к мысли, что были, оказывается, и другие

пути, которые могли обеспечить его народу спокойную жизнь. Знаменательно и то, что Атаби, видевший в лице России в период восстания заклятого врага, желал определить сына «на императорскую службу».

Дух эпохи, выражавшийся прежде всего в демократических устремлениях передовой русской общественной мысли, несомненно, оказал влияние и на А. Атаева, находившегося в России, и заставил его по-иному взглянуть на свое место и роль в освободительном движении.

Литературная одаренность А. Атаева отразилась в его послании царю Александру II и царице. Стиль и фразеология этого послания отвечают принятой в то время стилистике прошений. Атаев, надеясь на милость царя, писал в духе верноподданнических чувств: «Быть может, сопротивление, оказанное мною Тебе, и мой мятеж произошли от причин, которые показались только основательными безжизненному слабому рассудку моему и моей близорукости» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6685. Л. 231). Сравнивая себя с газелью, «которая, наскочив на ловушку охотника, задержана ею», с рыбою, «которая, запутавшись в сетях рыбака, изловлена ею», Атаби находит, что Россия поступила с ним так же великодушно, как и охотник, выпустивший газель «на пространство лугов», или рыбак, «возвративший свободу рыбе».

Долгие раздумья о своей судьбе, общение с русской культурой, образом жизни, наблюдения над государственным строем России многому научили Атаева, определенным образом преломились в его взглядах, сформировали у него новое отношение к вопросам политики и бытия. «Правда и то, – пишет он, – что ссылка моя, хотя она и не без некоторой тягости, служит только средством сближения; она даже способствует цивилизации». Отметим, что текст послания написан на арабском языке, но переведен неизвестным переводчиком на русский. Что же касается литературного мастерства, то письмо его отличается восточным красноречием, изысканностью слога. А. Атаев обнаруживает также хорошие знания истории.

Размеры и форма его стихов говорят, что Атаев хорошо знал правила восточного стихосложения, его обязательные каноны. Вот пример из его послания:

Воздушный коршун имеет назначение охотиться за птицами,
Возле него сокол, другая хищная птица: это как бы царь и его визирь.
Если слабая птица свивает гнездо свое по соседству с этими двумя царями,
Жизнь ее и утром, и вечером находится вне всякой опасности.

Рифма этих стихов в оригинале парная, а строка длинная, и в силу этого на первый взгляд стихи похожи на прозу. Но именно такими длинными стихами писались стихотворные посвящения.

А. Атаев – один из первых представителей арабоязычной литературы Чечни, который отказался от восхваления мусульманских святых и создал образы реальных людей, живущих, борющихся, страдающих на земле. В стихотворении-панегирике, посвященном царю, он описывает прежде всего себя – человека, имеющего чувства и страсти, раскрывает свое понимание добродетели, любви и разума.

Религиозная арабоязычная поэзия 1860–1870-х годов продолжала развиваться в жанре касыды – элегии, имевшем давние традиции. С течением времени, особенно в начале XX в., некоторые арабоязычные чеченские поэты

начинают рассматривать личность в непосредственной связи с действительностью, в отличие от других, которые развивали в своем творчестве религиозную концепцию человека как временного гостя на земле. В их стихах четко выражено отношение поэтов к этике и морали, к действительности. В наследии арабоязычных поэтов начала XX в. используются художественные средства устной народной поэзии чеченцев. Таким образом, арабоязычная чеченская литература, возникшая как религиозная, постепенно обретала светский характер, вторгалась в жизнь, но все-таки преобладающее место занимали бейты религиозного, элегического и любовного содержания, глухие к социальным веяниям времени.

Но не только религиозно-моралистические произведения выходили из-под пера ученых-арабистов. Были сочинения, толкующие философию, юриспруденцию, которые распространялись среди народа в устной форме и, безусловно, расширяли его мировоззрение.

В развитии дореволюционной арабоязычной литературы мы усматриваем две тенденции: религиозную и антицаристскую, близкую к народной. В период Кавказской войны эти тенденции взаимопереплетаются, объединенные идеей национально-освободительного движения. Главная цель произведений, создаваемых в то время, – борьба с царской колонизацией, которая шла в основном под религиозным знаменем.

После окончания Кавказской войны, с проникновением сюда ростков капитализма и по мере того, как духовенство и трудящиеся массы все более отдалялись друг от друга, эти две тенденции в развитии литературы также разъединяются. Религиозная остается в своем русле и продолжает взывать к богу и терпимости («все от Аллаха»), а народная ищет новые пути самовыражения, обретает иные формы, насыщается живыми идеями. Произведения приближаются к народным песням о ссылке, каторге и тюрьме, в центре которых стоит не бунтарь-одиночка, а борец с политической программой, отбывающий наказание. Поэтому в творчестве некоторых арабистов все более утрачиваются мотивы суфизма и аскетического пессимизма; газели насыщаются глубоким лиризмом, передающим настроение человека, соприкоснувшегося с живой действительностью.

Демократические тенденции развивающейся параллельно с арабоязычной литературой народной поэзии влияют на тематику и содержание произведений некоторых арабистов. В их творчестве, приобретающем черты просветительского движения, все сильнее звучит критика существующего строя и даже религиозных догм, мешающих человеку познать правду жизни.

После Октября традиции арабоязычной литературы некоторое время еще продолжают развиваться. Отдельные высокообразованные представители духовенства пишут стихи, в которых осмыслена реальная и противоречивая жизнь 1920–1930-х годов.

К таким поэтам относятся С. Гайсумов, Ш. Сугаипов, А. Тучаев и др. Они сочиняли бейты религиозного, элегического и любовного содержания, чаще всего в отрыве от социальных веяний момента. И все же первые чеченские поэты советского времени были крепко привязаны к традициям бейтов. При этом их не интересовало содержание стихов: они брали на вооружение манеру выражения мысли у поэтов-арабистов.

Так, одно стихотворение Сугаипа Гайсумова (Шалинского) (*Гайсумов*, 1909. С. 11) написано в стиле восточной философской, морализаторской поэзии. В свое время в спор о закяте (мусульманский подоходный налог) был втянут весь мусульманский Восток. В этом стихотворении С. Гайсумов характеризует «осуждающих правильное слово»:

Возможно, посмотрят на это ласковым взглядом,
Принятие истины мною – для них как подарок,
А для завистников мое слово как смерть.
Увидят доброе – затаят, скроют,
А плохое возвысят с барабанным боем.
Ложь произнесут, как изопьют чашу,
А правду, как солнце ясное, отрицают…

(Пер. С. Алифулина).

Автор стихотворения разоблачает человеческие пороки и ставит религиозно-этическую проблему: он выступает против тех, кто отступает от должной моральной чистоты, предопределенной нормами ислама. Автор, осуждая корыстолюбие, нравственное уродство своих оппонентов, критикует окружающую действительность, «породившую столько невежд». Стихотворение характеризует поэта как умудренного опытом жизни и знающего людей человека. С. Гайсумов использует в стихотворении бытующие в народе выражения («вониг вотанца айадой дуьйцу» – «о плохом возвещают с барабанным боем»; «сан дога цIена хилчхьана» – «лишь бы душа моя избавилась от нечистых, дурных мыслей»). Однако использование элементов фольклора имеет у него определенную художественно-идеологическую направленность. Он опирается на них как на традиционные средства, которые могут воздействовать на человека и усовершенствовать его личность, освободить душу человека от земных пут и подготовить ее «для жизни в потустороннем мире». Рисуя моральное состояние людей своего круга, автор затронул и социальную сторону жизни, но дальше отдельных намеков не пошел.

Стихи С. Гайсумова просты, написаны парной рифмой. Примечательно, что стихотворные строки не превышают 11–12 слогов. Видимо, автор наряду с восточным стихотворным размером и формой (в основном газели) использовал и метрику народных песен. К сожалению, других произведений поэта не найдено.

Представление о дореволюционной чеченской поэзии дают, в частности, произведения Ш. Сугаипова и М. Гойтинского. В написанном в начале 1920-х годов стихотворении «Назма» Ш. Сугаипов с сожалением говорит о все ослабевающей вере людей и осуждает тех, кто в погоне за земными благами забыли бога. Религию, остающуюся без «духовных отцов», автор сравнивает с больным, умершим по причине отсутствия врача. Это полное печали стихотворение написано в форме *турки* – традиционной формы религиозной поэзии, излюбленной формы поэтов той поры. Для такой поэзии характерна обязательная рифма в трех первых стихах и наличие повторяющейся строки в каждой последующей строфе. Неудивительно, что и форма, и метр стихов первых чеченских советских поэтов – А. Дудаева и А. Нажаева – стали прямым продолжением формы турки. «Назма» Ш. Сугаипова написана без претензий на изысканность поэтических образов и языка. Здесь всего

несколько аллегорических фраз, сравнений. Стремление автора к простоте поэтического словаря объясняется тем, что «Назма» была адресована народной массе.

О жанровом многообразии религиозно-философской поэзии свидетельствуют также стихи Ибн Мухамеда Гойтинского, посвященные Шамседдину-Хаджи Шалинскому. Они написаны в форме хвалебных од – *касыд*. В них прославляется ясность ума, мудрость Шамседдина-Хаджи и выражается глубокая скорбь по поводу его кончины. Автор стихов называет его «достойным ученым устаза», посетившим оба *хаърама* (мечети Мекки и Медины), подробно описывает рай, куда якобы переселился Шамседдин-Хаджи. Смысл стихов выявляется в назидательной концовке: «Не проводи жизнь в веселье, играх, а верно служи Аллаху».

Аналогичного содержания и стихи Ибн Хаджи Шамседдин Махмуд Нурдина, излагающие свод правил о религиозных обязанностях человека.

Ученые-арабисты, создавая такого рода стихи, использовали наиболее известные им традиции арабской религиозной литературы. Эти произведения развивали религиозно-этическую концепцию человека и бытия.

Существовала определенная преемственность между творчеством поэтов-арабистов и первых чеченских советских поэтов. Традиционность формы, эпитетов, сравнений, метафор, метрики дореволюционной поэзии сильно воздействовала на первые стихи поэтов 1920-х годов – воспитанников арабской школы. Выразительные средства поэзии прошлого в творчестве поэтов нового времени насыщаются реалистическими образами; они несут новую идейную нагрузку, новый социальный смысл, в результате которого их поэзия приобретает художественную остроту.

Начинавшиеся жестокие репрессии против духовенства во второй половине 1930-х годов прервали традиции арабоязычной литературы, сыгравшие в свое время значительную роль в сохранении морально-нравственных представлений народа.

Художественная литература XX–XXI веков

Чеченская литература на родном языке зародилась в 1923 г. У малочисленной, но хорошо образованной чеченской интеллигенции во второй половине 1920-х годов усилился интерес к истории народа. Основоположниками исследовательской мысли Чечни стали просветители Х. Ошаев и А. Авторханов, впервые обратившиеся к проблеме мюридизма в Чечне и на Северном Кавказе, к своеобразию революционного движения в Чечне. Анализ некоторых коллизий истории чеченского народа стал своеобразным импульсом для обращения начинающих поэтов и писателей к теме прошлого. На рубеже 1920–1930-х годов основной темой молодой литературы стало воссоздание образа людей, живших в прошлом, боровшихся и страдавших во имя счастья народа. К этому времени в лирике был накоплен определенный идейно-эстетический опыт в осмыслении гражданской позиции лирического героя. В недрах лирики, опираясь на ее достижения, созревала лиро-эпическая поэма. В созданных в то время поэмах М. Мамакаева «Кровавые горы» (1928), «Разговор с матерью» (1934), С. Бадуева «Партизаны» (1934), А. Нажаева «Чабан» (1936) налицо новаторские достижения поэтов, сумевших переплавить традиции народных песен и русской поэзии, создать яркие произведе-

ния, пронизанные идеями братства русского и чеченского народов. В поэмах широко использованы традиции историко-героических песен. Обращение поэтов к устно-поэтической культуре народа было необходимым этапом в становлении национальных литератур; в жанре поэмы они развивали демократические традиции героико-исторических песен. Поэты создавали понятные и доступные народной массе произведения. Использование поэтических образов народных песен приближало поэтов к познанию национального характера народа.

Одно из примечательных явлений чеченской литературы 1920–1930-х годов – обращение поэтов и писателей к большим художественным формам, в которых обобщался исторический путь народа. Запечатленные в поэмах М. Мамакаева, С. Бадуева, А. Нажаева, А. Мамакаева («В горах Чечни», 1941) исторические пути народа, выраженная в их произведениях концепция личности и истории утверждали эстетические принципы формирующейся национальной литературы.

Своеобразие творчества чеченских писателей 1920–1930-х годов в том, что в силу особенностей общественно-политической и историко-культурной ситуации в Чечне они решали многие художественные задачи просвещения.

Анализ возможностей человека в моменты резких сдвигов в его жизни – качество, которое определило эстетическую структуру ряда произведений основоположника чеченской советской литературы С. Бадуева, воссоздающих прошлое народа. Момент кризиса, перелома в судьбах героев выявляет меру их человечности, мужества, готовности сопротивляться реакционным нормам бытия, воспринимать новые идеи своего времени. К осмыслению образа Петимат – героини одноименного романа – писатель подошел, опираясь именно на эти критерии. В романе «Петимат» писатель показал, что в дореволюционном прошлом была и другая правда, которая в корне отличалась от «правды» муллы из повести «Огненная гора». Правда эта поддерживала энергию социальных низов, вдохновляла на борьбу с угнетателями, интернационализировала их сознание. Правда эта заключалась в постоянном влиянии на умы трудящихся горцев демократических идей передовой России.

После романа «Петимат» тематика творчества С. Бадуева резко меняется, он приступает к новым обобщениям, анализирует духовный мир человека, очутившегося на острие гребня социалистического строительства. Произведения, написанные им с 1930 по 1937 г. (когда он был репрессирован) в поэзии, прозе и драматургии по своему эстетическому потенциалу и художественной силе менее значимы, чем произведения, в которых он осмысливал дореволюционную жизнь своего народа.

Почти одновременно с С. Бадуевым приступил к написанию романа и С.-Б. Арсанов, в романе которого «Два поколения» на первый план выступили другие факторы, свидетельствующие о эволюции эпического жанра. Писателя заинтересовал новый тип человека, в котором воплотились судьбы трудящегося народа, пришедшего вместе с русским пролетариатом к первой русской революции. Главная сюжетная линия романа сопряжена с судьбой самого писателя. Однако лично пережитое, события, сопутствовавшие ему и его семье и определившие их место в истории, – все это писателем осмысле-

но на примере типичной судьбы чеченского крестьянина, участвовавшего в русской революции и впитавшего идеи демократии и социализма, вынашивавшиеся русским пролетариатом.

В рождении такого творческого замысла и в его осуществлении важнейшая роль принадлежит известным русским писателям А. Серафимовичу и А. Фадееву, с которыми С.-Б. Арсанов дружил. Опубликованные в начале 1930-х годов в журнале «Революция и горец» первые главы романа были просмотрены А. Фадеевым, выправлены им и благословлены в печать. В 1931 г. С.-Б. Арсанов отдал свое произведение на суд А. Фадеева, отзыв которого свидетельствовал о том, что ему была близка история, воссозданная в романе. «С моей точки зрения, – писал А. Фадеев в своем письме в издательство «Федерация», – это первый советский роман о горцах, в котором нет ложной, традиционной экзотики, и горцы поданы с подлинным знанием их быта и психики. Роман охватывает большую историческую полосу и широкие социальные слои (казачество, рабочие, чиновничество, революционеры) – все это органически связано с судьбой основного героя романа Бено, крестьянского парня, растущего в пролетарского революционера… Роман читается с очень большим интересом, несомненно, он выдержит не одно издание и будет с особенным интересом читаться нашей молодежью» (*Фадеев*, 1967. С. 87).

Первым проблему взаимосвязи личности и коллектива художественно зрело и полноправно отразил в чеченской литературе С.-Б. Арсанов. Он показал эволюцию мировоззрения героя, заставив его прозреть в самой гуще классовой борьбы, в тесной связи с революционным движением русского пролетариата.

Синтез автобиографического материала и художественного вымысла в произведениях романных форм – типичное явление в национальных литературах 1920–1930-х годов, в которых строгий документализм озарен отсветом романтики, обусловленной революционной эпохой. С.-Б. Арсанов первым из чеченских писателей тех лет расширил пространственно-временные рамки действий своих героев, вывел их за пределы узких национальных рамок, показал их причастность ко многим событиям, происходившим в России, нарисовал их связи со многими социальными сословиями. Такая широта взгляда на исторические судьбы родного народа, глубина анализа его уклада в чеченской литературе появились впервые.

Великая Отечественная война заставляет молодых поэтов (старшее поколение было репрессировано в 1937–1938 гг.) остро почувствовать свою ответственность за мобилизацию духовных сил народа на разгром врага. Черты характера лирического героя-патриота и интернационалиста – ярко раскрылись в поэзии Арби Мамакаева («Товарищу», «Песнь ровесников Октября», «Комсомолке», «Все для фронта», «Письма часовому»).

Много стихов о дружбе и любви появляется у З. Муталибова («Завет», «Другу-поэту», «Не забудь», «Медсестра»), Х. Эдилова («Перед портретом» и др.), З. Бакраева и др. В их творчестве чувство любви сливалось с верой в победу, с призывами к всенародному подъему, к священной войне.

Общим итогом художественных исканий чеченской литературе 1920–1940-х годов является то, что она прочно встала на путь осмысления исторического прошлого, новой действительности, обогатилась гуманистическими

идеалами. В литературе гармонически сливались национальные традиции и интернациональный художественный опыт.

В начале 1944 г. чеченский народ был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. Развитие литературы и искусства народа было приостановлено. И все же пути ее развития во второй половине 1950-х (после восстановления автономии Чечено-Ингушетии) до конца 1980-х годов отмечен значительным идейным, тематическим и художественным ростом, жанровым обогащением, укреплением связей с другими братскими литературами страны. Новая нравственная атмосфера в обществе, глубинные изменения, происшедшие во внутреннем мире и гражданской позиции человека, отразились прежде всего в поэзии. Ее дальнейшее развитие связано с именами поэтов старшего поколения: М. Мамакаева, Н. Музаева, Б. Саидова, А. Мамакаева, А. Сулейманова, М. Сулаева, Х. Эдилова, Р. Ахматовой и др.

Некоторые из них (М. Мамакаев, Н. Музаев, А. Мамакаев) сразу же после восстановления республики в 1957 г. продолжили осмысление темы личности в обществе, начатое ими в предвоенные годы. Тридцать лет бесправия обострили звучание этой темы в их поэзии. Тяжкие раздумья о себе, о судьбах народов и родины придали их поэзии поразительную открытость к состраданию, небывалые ранее глубину и задушевность, вызванные народной трагедией. На смену характерному для их раннего творчества решению тем и конфликтов, обусловленных сугубо внутринациональными проблемами, пришла широта общечеловеческой проблематики. Все чаще звучала в их поэзии тема предназначения человека, смысла и цели его жизни. Лирико-философское осмысление бытия стало характерной чертой творчества не только поэтов старшего поколения, но и поэтов так называемых второго и третьего поколений, пришедших в литературу в 1960–1980-е годы.

Все это является одним из весомых свидетельств того, что чеченские поэты сумели перешагнуть через личные обиды, не замкнулись в себе, годы сталинского террора не погасили их интернационалистические чувства. В их поэзию, как и в поэзию поэтов второго поколения – Р. Ахматовой, Ш. Арсанукаева, М. Кибиева, Х. Сатуева и других, широко вошли мотивы любви к отчизне, сыновнего долга перед ней. Начались кропотливые поиски художественных средств для передачи тончайших движений души лирического героя, идейно и нравственно созревшего для того, чтобы вместить в своем сердце радости и боли всей страны. У такого лирического героя в жизни могут быть только три высоты: первая – его родные места, где жили отцы – «Роднее их нет на свете мест»; вторая высота – Кавказ; третья высота – Россия – «Родина, славная и великая», «Сияющие вершины трех высот – моя любовь, моя судьба» («Три высоты» Ш. Арсанукаева; «А Лермонтову было двадцать семь», «На могиле Бестужева» Р. Ахматовой).

Во второй половине 1950-х, в 1960–1970-е годы в литературе вновь усилилось стремление писателей осмыслить и объяснить важнейшие события истории чеченского народа. Интенсивно развивались традиции романного мышления, сложившиеся на рубеже 1920–1930-х годов. Появились романы Х. Ошаева «Племенные годы», М. Мамакаева «Мюрид революции» и «Зелимхан», А. Айдамирова «Именем свободы» и «Долгие ночи», Ш. Окуева

«Красные цветы на снегу» и «Пролог», на которых лежит «печать переходных эпох». Романы восприняли и развили принципы нравственных качеств героев, воссозданных в первых литературных опытах, воедино связали значительные события с судьбами героев. Впервые героем эпического произведения стал народ.

Указанные романы – своеобразный сплав документальности, публицистики, художественного вымысла и некоторой очерковости. Исторические и фольклорно-этнографические познания писателей стали основой создания фона, на котором развертывалось повествование об исторических событиях и человеческих судьбах, ввода читателя в национально-специфический мир изображаемого времени. В образах Арсби, Дмитрия Ивашина, Аслан-бека Шерипова, Зелимхана, Алхаста и других героев писатели воплотили типичные социальные, психологические и моральные черты, присущие лучшим представителям народа, преодолевшего бури и невзгоды прошедших веков.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов наметился постепенный отход писателей от темы исторического прошлого, что можно объяснить их возросшим вниманием к общественным процессам современной национальной жизни, в которой накопилось слишком много неотложных актуальных проблем, требующих художественного осмысления. В литературе вновь на первый план выдвигаются жанры повести и романа: «Подъем» А. Айдамирова, повести М. Бексултанова, «На рассвете, когда звезды гаснут» М. Ахмадова, «Запах прелой листвы» И. Эльсанова, «Мелодии Родины» С.-Х. Нунуева – произведения, написанные в разной стилевой манере, но их объединяет проблема формирования социально-нравственных позиций героев, находящихся в гуще народа – проблема человека и его корней, наследования им морально-нравственных традиций, этики народа.

Известные драматические события в Чечне 90-х годов XX – начала XXI в. по сути на время приостановили развитие литературы и культуры, научной мысли чеченского народа. Если ученые привыкли мерить историю литературы десятилетиями и, как писал известный литературовед Ф.Ф. Кузнецов, «практически каждое из них в истории страны как XIX, так и XX в. имело свою ярчайшую “физиономию” и рождало свою плеяду имен» (*Кузнецов*, 2004. С. 87), то указанный выше отрезок истории не только не приумножил духовный потенциал народа, но подверг серьеной переоценке накопленные в литературе в предыдущие десятилетия духовно-нравственные ценности.

Однако по мере затухания в Чечне громовых раскатов к литературе «возвращалась» жизнь, она начала исподволь осмысливать суровую действительность, пытаясь понять причины взаимообусловленности драматических событий в новой и новейшей истории народа.

Наибольшим проникновением в эту проблему характеризуются романы К. Ибрагимова («Прошедшие войны». 1999), У. Юсупова («Летопись народа». 2005), С.-Х. Нунуева («Дух и золото». 2006), С.-Х. Тагаева («Лунный горизонт». 2006) и др.

«Возвращение» в литературу романного мышления – свидетельство того, что она постепенно обретает моральные силы, придающие ей уверенность

для осмысления судеб личности, очутившейся в водовороте событий в России на сломе эпох.

Постконфликтный период характеризуется также жанрово-стилевым обогащением литературного процесса: как никогда раньше в поэзии наблюдается обилие женских имен. Лейтмотивом их творчества является любовь к отчей земле, потери любимых и близких людей.

Проблемы судеб народа, пережившего две военные кампании, будут волновать не одно поколение писателей.

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Чеченская музыкальная культура богата и разнообразна. Народные певцы и музыканты играли большую роль в общественной и семейной обрядности, религиозных верованиях и ритуалах. Без музыки, песен, танцев не обходилась ни одна свадьба, семейный или сельский праздник, ни одно радостное или печальное событие. Так, в погребальном обряде участвовали женщины, обладавшие красивым голосом, способные своим плачем (обычно это был экспромт в форме речитатива) вызвать у собравшихся слезы. Известных своим искусством плакальщиц приглашали в соседние села, чтобы похороны были впечатляющими и надолго запоминались. Плакальщица выражала трагизм ситуации голосом, жестом, мимикой. Призыв к намазу исполняли муэдзины (*медзин*) – одаренные народные исполнители. Особыми песнопениями духовного содержания сопровождался религиозный обряд *зикр*.

В числе чеченских народных музыкальных инструментов имеются: *струнные* (щипковые – двухструнный *дечиг-пондар* и смычковые – *Іадхьокх-пондар*), *ударные* – барабан, бубен, а также *духовые* – флейта *шодиг* (*Цолоева*, 1990. С. 12).

Дечиг-пондар – струнный музыкальный инструмент с удлиненным деревянным корпусом. Порожками ладов на грифе старинных инструментов служили веревочные или жильные поперечные перевязи. Звуки на *дечиг-пондаре* извлекаются пальцами правой руки приемами удара по струнам сверху вниз или снизу вверх, тремоло, бряцанием и щипком. Его звук имеет тембр шелестящего характера.

Трех- или четырехструнный смычковый музыкальный инструмент *адхок-пондар* имеет корпус в форме полушария с грифом и опорной ножкой. Играют на нем лукообразным смычком, звуком он напоминает скрипку. Во время игры корпус инструмента находится в вертикальном положении; поддерживаемый за гриф левой рукой, он упирается ножкой в левое колено играющего. Музыкальные инструменты изготовляли сами народные исполнители или специализировавшиеся на этом мастера.

В XX в. под влиянием русской музыкальной культуры появились гармоника (*кехат-пондар*), баян, аккордеон. Из клавишно-духовых инструментов в Чечне наиболее распространена была кавказская гармоника. Барабан с корпусом цилиндрической формы (*вота*), на котором играют деревянными палочками или пальцами, – неотъемлемая часть оркестра народных инструментов. Широко востребован ударный инструмент – бубен (*жиргІа*).

Ансамбль дечиг-пондуристов – участник олимпиады колхоза. 1939 г.
РЭМ 6202-60

По сообщениям информантов из Хилдехаройской общины, барабан появился в горах довольно поздно. Для корпуса барабана использовали мягкое дерево, чаще ольху, реже вяз или орех (ПМА, 1980 г.). Среди исполнителей на дечиг-пондаре широко известны С. Самбиев, И. Цицкиев, В. Дагаев, А. Эльмурзаев; среди гармонистов – Е. Ганукаева, У. Димаев, М. Айдамирова, С. Цугаев.

Отметим основные жанры народной музыки чеченцев: это инструментальная музыка *(ладугIа йиш)*, исполнявшаяся без текста, танцевальные мелодии *хелхара йиш,* которые отличались большим разнообразием и сложным ритмическим рисунком и имели ряд местных вариантов: урус-мартановская, гудермесская, старо-юртовская, атагинская, шатоевская и др. (*Речменский*, 1963. С. 29). Самый значительный вокальный жанр – героико-эпические песни *илли*, которые исполнялись певцами-сказителями (*иллиалархо*, *илланча*) под аккомпанемент *дечиг-пондара, адхоку-пондара*, гармоники. Большой популярностью пользовались лирические девичьи песни *эшараш*, в которых речь шла о любви, лирических переживаниях, бытовых ситуациях. Характерной особенностью этого жанра была художественная выразительность текстов.

Народные песни нередко содержали оценку тех или иных событий и поступков и во многом определяли традиционный менталитет. Чеченское народное песенное наследие отличается функциональным многообразием и жанровой многоплановостью (песни-заговоры, песни-сетования, песни-плачи, илли и т.д.). Из далекого прошлого пришли мелодии, которые до сих

пор любят в народе. Широко известны в Чечне были народные музыканты – семья Бисирхоевых, Юсуп Гадаев, Сесикат Дудаева, Ибрагим Батаев, Баудин Сулейманов, Ахмет Тимуркаев, которого еще при жизни называли «Гомером XX века».

В числе наиболее известных народных исполнителей следует отметить В.Ш. Дагаева и М. Айдамирову. Валид Дагаев свою профессиональную деятельность начал в 1957 г. в качестве солиста-вокалиста в Государственном ансамбле песни и танца ЧИАССР. Прекрасный голос и природный артистизм позволили ему завоевать большую популярность. Он поет о мире, любви к Родине, трагических и светлых моментах в истории чеченского народа. В его репертуаре много лирических произведений, любимых в народе (песни «Зама», «Луна скучает», «Ночь в ауле», «Родник», «Нохчо ву со», «Девушка, выросшая в Ленинграде» и др.), песни на грузинском, казахском, кумыкском, русском языках. Исполненные им произведения – золотой фонд вокального искусства республики. В 1972 г. В. Дагаев стал Лауреатом Всероссийского конкурса, проходившего в Ростове-на-Дону; в 1973 г. ему присвоили почетное звание «Заслуженный артист РСФСР», а в 1988 г. – звание «Народный артист РСФСР».

Голос легендарной Марьям Айдамировой (1924–1992), народной певицы Чечено-Ингушетии, награжденной Орденом трудового Красного Знамени, в годы депортации для всех, кто ее слышал, был голосом Родины. В ее репертуаре были чеченские песни «Разлука», «Кругом горы», юмористические куплеты, а также казахские песни.

Самый ранний образец записи и публикации чеченской народной песни относится к началу XIX в. С середины XIX в. чеченская музыкальная культура начинает привлекать внимание профессионалов. Особый интерес русская интеллигенция проявляла к устному народному творчеству горцев, поэтому преобладали записи песенных текстов, тогда как мелодии оставались неизученными. Первые попытки переложения чеченских песен на ноты были сделаны в 1874 г. русским офицером И. Клингером, два с половиной года находившимся в плену у чеченцев. Он записал 6 народных песен, которые исполнялись в определенных обстоятельствах (проход вооруженных отрядов через аул, участие в сражениях, возвращение после боя, полевые работы) и представляют собой ценные образцы музыкального фольклора чеченцев. И. Клингер был одаренным литератором, живописцем, музыковедом. Воспитанный на европейской традиции, он стремился приспособить европейскую гармонию к песенно-инструментальному языку чеченцев. В основе гармонии лежит общепринятое европейское мажорно-минорное письмо, т.е. гармонии терцового построения, а не национальные кварто-квинтовые и секундо-квинтовые созвучия. Недостаточные знания особенностей национальной музыки не позволили Клингеру дать истинные образцы чеченского песенно-инструментального фольклора в его фортепианном изложении. С другой стороны, выбор столь нетрадиционной для народной музыки гармонии можно объяснить желанием автора в определенной мере модифицировать материал чеченского музыкального фольклора для лучшего восприятия ее русским обществом (*Татаева*, 1987. С. 148).

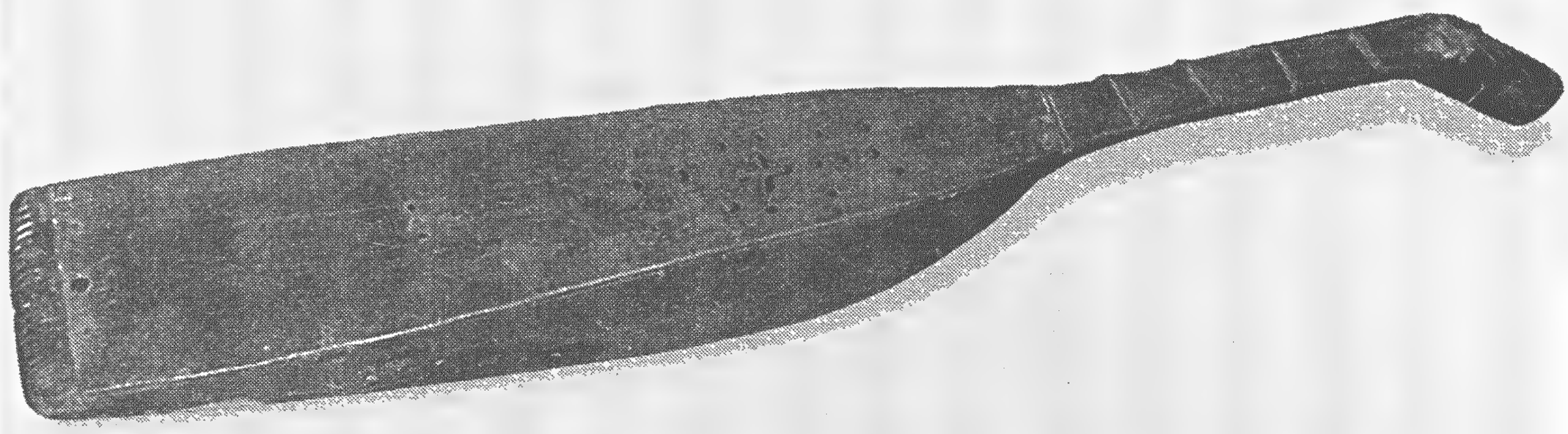
Чеченский музыкант. XX в.
РЭМ 6252-17

В 1918 г. был издан составленный А. Шериповым сборник «Из чеченских песен» с переводами текстов на русский язык. В 1920-е годы появляются публикации А.А. Давиденко, Т. Бейбулатова, Е.А. Колесникова. Первые обработки чеченских народных песен принадлежат грузинскому исследователю Д.И. Аракишвили (1873–1953).

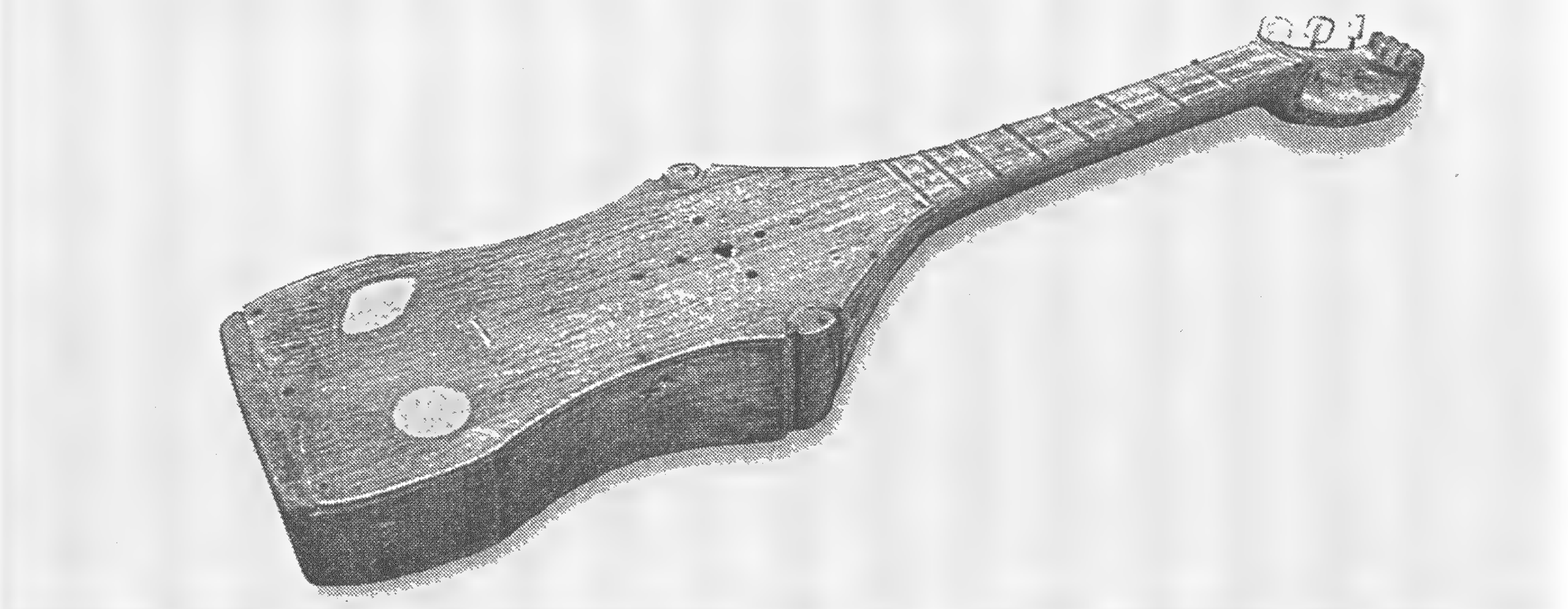
У истоков профессиональной музыкальной культуры Чечни стояли такие музыканты, как Абдул-Муслим Магомаев – первый чеченец, получивший профессиональное музыкальное образование, дед известного советского певца Муслима Магомаева. Он родился в 1885 г. в сел. Старые Атаги, в музыкальной семье. В 1899 г., после окончания грозненской городской школы, он поступил в Закавказскую учительскую семинарию, где помимо общеобразовательных предметов изучал классическую музыку, учился играть на кларнете и скрипке. В это же время там учился и Узеир Гаджибеков. Во время учебы А.-М. Магомаев написал свои первые музыкальные произведения. В 1904 г. он вернулся в Чечню, но через некоторое время был вынужден уехать в Азербайджан, так как в Грозном учителю-чеченцу запретили преподавать православным ученикам.

Вся последующая его деятельность связана с азербайджанской музыкальной культурой. Абдул-Муслим находит здесь применение и своему таланту, и бьющей через край энергии (*Ильясов*, 2009. С. 115–116). Магомаев становится широко известным композитором, его популярность перешагнула границы Азербайджана, его имя вошло в мировую музыкальную культуру. Он автор оперы «Шах Исмаил», «Наргиз», 15 симфонических произведений и музыкальной комедии «Хоруз-бей», незаконченного балета «Дели Мухтар». На основе чеченских народных мелодий он создал ряд музыкальных композиции (*Димаев*, 2006. С. 406).

После 1917 г. наступает период становления профессиональной музыкальной культуры. История музыкальной культуры Чечни немыслима без творческой деятельности композитора Георгия Христофоровича Мепурнова (1900–1938), грузина по национальности. Он получил образование в Московской консерватории и связал свою творческую судьбу с Чечено-Ингушетией, где плодотворно работал в 1930-е годы. Разносторонне образованный



Струнный музыкальный инструмент *дечиг-пондар*. Начало XX в.
НМЧР 4101
Фото К.С. Вахаева, 2012 г.



Струнный музыкальный инструмент *дечиг-пондар*. XX в.
Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

музыкант, одаренный композитор, он был также хорошим организатором, музыкантом-общественником и педагогом. По инициативе Г.Х. Мепурнова в 1936 г. в республике под его руководством был создан оркестр народных инструментов. В репертуаре оркестра были народные мелодии, сочинения советских композиторов и переложенные Мепурновым произведения русских и западных классиков. Собирая и обрабатывая чеченские и ингушские народные мелодии, Г.Х. Мепурнов создал много художественных обработок и написал ряд оригинальных произведений на народную тематику. В ходе военных действий значительная часть архивного материала погибла; сохранились лишь рукописи «Поэмы о Шерипове» и «Фантазии на чечено-ингушские темы» для фортепиано. Талантливым композитором и дириже-

Гармонь *кехат-пондар*. XX в.

НМЧР 4459

Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

ром было обработано и переложено для оркестра, а также для фортепиано и других классических инструментов большое число чеченских народных мелодий («Горские северокавказские эскизы», «Дадижа» (колыбельная), «Бердыкельский танец», «Урус-Мартановский танец»), написана музыка к пьесе С. Бадуева «Алхан-Кала». В 1938 г. Г.Х. Мепурнов был расстрелян как «враг народа».

Творческая деятельность А.А. Давиденко в период его пребывания в Чечне активизировала интерес к истории чеченской музыки. Находясь в составе фольклорной экспедиции, он записал более 100 мелодий, песен, танцев. Богатый полевой материал позволил А.А. Давиденко сделать вывод, что народная музыка чеченцев самобытна и представляет громадный художественно-этнографический интерес. Важное значение имел сборник, в который вошли 30 чеченских народных мелодий и песен (исторических, обрядовых, любовных и танцевальных), обработанных им для фортепиано. В предисловии к сборнику он пишет: «Стремясь выявить музыкальное творчество чеченского народа в его подлинной чистоте, я старался при их обработке как можно меньше европеизировать чеченские мелодии» (*Давиденко*, 1936. С. 16, 20). Ценность сборника и в том, что гармонизацию и приемы голосоведения в большинстве песен переданы почти с фотографической точностью. Некоторые песни, исполняемые на рояле, сопровождаются шумовыми и ударными инструментами. Позднее на основе этих записей Давиденко создал одно из самых значительных музыкальных произведе-

ний – «Чеченскую сюиту». В 1927 г. выходит статья А.А. Давиденко, посвященная чеченской народной музыке. Автор дает искусствоведческий анализ народных музыкальных инструментов, репертуара, музыкального искусства и ее выдающихся мастеров.

Большой вклад в развитие национальной музыкальной культуры внес Николай Сергеевич Речменский (1897–1963). Композитор, педагог и музыкальный деятель посвятил изучению музыки Чечено-Ингушетии большой период своей жизни. С 1938 г. он начал заниматься сбором и изучением музыкального фольклора в горных селениях республики. Ему удалось записать большое количество народных песен и танцев. В этом же году Н.С. Речменский принял участие в работе специальной комиссии по реконструкции народных инструментов для создания на их основе оркестровых инструментов. Результатом его 25-летней собирательской и исследовательской работы стали опубликованные им в сборнике «Чечено-Ингушские народные мелодии для фортепиано в две руки» ценные образцы народного творчества – 20 чеченских и ингушских народных, современных и старинных мелодий с сохранением в них национальных гармоний. В сборник «Чеченские и ингушские народные мелодии и песни» вошло 66 старинных и современных песен и танцев чеченцев и ингушей, записанных Н.С. Речменским, а также музыкантами Е.А. Колесниковым, А.М. и М.М. Халебскими, С. Цугаевым.

С музыкальным фольклором Чечено-Ингушетии в значительной степени связана и творческая деятельность Н.С. Речменского. Он систематизировал собранный музыкальный материал для исполнения на фортепиано для голоса и различных инструментальных ансамблей. В основе многих сочинений Речменского – различные темы народных песен. Это написанные в 1939 г. для симфонического оркестра «Чеченская сюита» в 4-х частях, симфоническая сюита «Памяти Асламбека Шерипова» (1958), «Старинный чеченский марш» (1960). Речменский написал ряд сольных и хоровых произведений, в которых акцентрирует внимание на чеченской поэзии: «Родина» на текст А. Хамидова, «Песня нефтяников» и «Моя страна» на тексты Н. Музаева, «Вальс-песня о Грозном» на текст Р. Ахматовой (*Халебский*, 1964. С. 5).

В истории дальнейшего развития профессионального музыкального искусства особо следует отметить 1950–1980-е годы, когда на музыкальном Олимпе засверкали имена выдающихся корифеев чеченской профессиональной музыки: Александр Халебский, Умар Димаев, Умар Бексултанов, Супьян Цугаев, Алаш Эдисултанов, Аднан Шахбулатов, Рамзан Паскаев, Саид, Али и Амарбек Димаевы, Имран Усманов, Рамзан Даудов, Султан Адаев.

Ценный вклад в музыкальную культуру республики внес заслуженный артист ЧИ АССР А. Халебский. Он автор сюиты на чечено-ингушские темы для симфонического оркестра и хоровых сочинений, много лет руководил Государственным ансамблем песни и танца Чечено-Ингушетии.

Одним из первых чеченских композиторов, чье творчество было тесно связано с чеченской народной музыкой, был Умар Димаев. Он родился 1 октября 1908 г. в с. Урус-Мартан, в дружной многодетной крестьянской семье. Природные наклонности и страстное желание петь, играть на гармонике дали свои положительные результаты. В 1964 г. известный советский композитор В.И. Мурадели, покоренный искусством У. Димаева, назвал его «профессором кавказской музыки». Индивидуальность его музыкального творче-

Выступление Хазу Махмутовой
в сопровождении Супьяна Цугаева.
Грозный, 1976 г.
Личный архив Х.К. Махмутовой

ства проявилась в таких произведениях, как «Танец, посвященный Махмуду Эсамбаеву», «Урус-Мартановская лезгинка», «Два друга», «Высокие горы», «Хадишат», «В горах» и др., которые принесли ему широкое признание.

Династия Димаевых много сделала для развития музыкального искусства Чечни. Его сыновья Саид, Али и Амарбек приобщились к миру музыки в раннем детстве, а старшая сестра Аружа великолепно играла на гармонике. Саид, старший сын У. Димаева – профессиональный композитор и музыковед, выпускник Музыкального педагогического института им. Гнесиных, член Союза композиторов РФ. Он работал в разных музыкальных жанрах: песни и романсы, симфонические и камерные произведения, оркестровые сюиты, музыка к кинофильмам и театральным постановкам. С. Димаев – автор оратории «Время действовать», «Детский альбом». В 2001 г. в Москве

вышел сборник «100 мелодий из рук Умара Димаева» – итог его многолетних исследований.

Средний сын У. Димаева Али (род. 27 сентября 1953 г. в Киргизии) окончил музыкальную школу и поступил на фортепианное отделение Грозненского музыкального училища, в класс заслуженного деятеля культуры РСФСР М.З. Снитко, а затем учился в Ростовском музыкально-педагогическом институте. Творческая индивидуальность композитора, певца, пианиста проявляется уже в конце 1970-х годов. Особенно популярна стала его лирическая песня «Нене» («Матери») на стихи Р. Ахматовой. В 1988 г. А. Димаев создал ансамбль эстрадной песни «Зама», успешно выступавший в течение 17 лет. А. Димаев – народный артист Чеченской Республики, Республики Ингушетия.

Амарбек Димаев, третий сын У. Димаева – первый профессиональный пианист Чеченской Республики. Он закончил Ростовскую консерваторию им. Рахманинова, исполняет мировую классику, сочиняет музыку, владеет игрой на национальной гармонике. А. Димаев немало внимания уделяет записям старинных мелодий у стариков – знатоков чеченского песенного творчества.

Умар Ахмедович Бексултанов – первый чеченский профессиональный композитор, получивший высшее музыкальное образование в Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. Основная область творчества У. Бексултанова – жанры симфонической лирики. Им написаны произведения для симфонического оркестра: «Героическая симфония, посвященная событиям гражданской войны на Северном Кавказе в 1919 году», симфонические поэмы «Гамар», «Сказание гор», оратория «Дорогой Октября» на основе чеченских народных легенд, увертюра «В поход», посвященная Панфиловскому детскому дому, в котором воспитывался композитор, а также сюиты для фортепиано с оркестром «Родной мой край», «Вайнахские эскизы», «Лирические картины». Всем этим произведениям свойственны высокий профессионализм, яркая образность, неразрывная связь с чеченским музыкальным миром. Композиторская деятельность У. Бексултанова тесно связана с чеченским драматическим театром. Им написана яркая, навеянная драматизмом музыка к спектаклям «Петимат», «Совдат и Дауд», «Вторая волна», «Асламбек Шерипов». Композитор является составителем и автором сборника «Чеченская и ингушская музыка» в обработке для баяна (аккордеона). Особое внимание У. Бексултанов уделял музыке для детей, им написаны музыка для детского балета «Три поросенка», «Пионерская сюита» для фортепиано, три пьесы для скрипки и фортепиано и др. Эрудированный, высокопрофессиональный специалист успешно соединяет преподавательскую деятельность с музыкальным творчеством, а также активно участвует в проведении смотров, конкурсов, фестивалей, проводимых в республике. В 1967 г. ему присвоено почетное звание заслуженный деятель искусства ЧИАССР, с 1967 г. он член Союза композиторов России, с 1996 г. работает в Чеченском государственном педагогическом институте. У. Бексултанов – автор музыки гимна Чеченской Республики.

Яркое явление в чеченском музыкальном искусстве – творчество композитора Супьяна Цугаева, Заслуженного деятеля искусств Чечено-Ингушетии. Он был в ряду тех, кто восстанавливал культуру чеченского народа после депортации. С. Цугаев – музыкант, композитор, аранжировщик. Широкую

популярность принесла ему лирическая песня «Са безам» («Моя любовь») на слова известного поэта Шимы Окуева. Последние годы, до трагической гибели С. Цугаев работал руководителем вокальной группы «Эхо гор» при Государственном ансамбле танца «Вайнах».

Песня «Са безам» настолько полюбилась слушателям, что и сейчас она в репертуаре молодых исполнителей Чеченской Республики:

Сатийса гIелделла,
Кирахь дог деттало,
Кхин ала дош доцуш
Ма дукха визи хьо!

Сердце устало ждать и
надеяться, не найти
таких слов, чтобы сказать,
как я люблю тебя!

Композитор Аднан Маккаевич Шахбулатов стоит у истоков нового периода истории чеченской музыкальной культуры. Гармоническое единство классической и эстрадной музыкой отражены в его музыкальных произведениях и новых аранжировках. Интерес к классической музыке проявился у А. Шахбулатова в детском возрасте, которое прошло в Казахстане, в годы депортации. В школе Аднан посещал музыкальный кружок, учился играть на духовых инструментах и сочинять музыку. В 19 лет он написал песню, посвященную Международному фестивалю молодежи и студентов в Москве, которая была исполнена в Алма-Атинской консерватории. В музыкальном училище А. Шахбулатов пишет романсы на стихи русских и советских поэтов. В начале 1960-х годов, являясь студентом композиторского отделения Музыкального педагогического института им. Гнесиных, он пишет симфонические произведения, фортепианную музыку, романсы, песни. Но основным направлением творчества А. Шахбулатова стал песенный жанр, который принес ему большую популярность. Его песни исполняли широко известные певцы: И. Кобзон, Л. Сенчина, М. Минцаев и др. Философское содержание музыкальных произведений А. Шахбулатова основано на народной музыкальной культуре, истории, фольклоре. Им создан вокально-симфонический музыкальный цикл «Из чечено-ингушской народной поэзии». А. Шахбулатов – Заслуженный композитор Чеченской Республики.

В истории чеченского профессионального музыкального искусства важное значение имеет творчество талантливого гармониста, композитора, педагога Рамзана Султановича Паскаева, произведения которого входят в репертуар многих звезд чеченской эстрады. Его по праву называют наследником великого композитора У. Димаева за приверженность к народному творчеству и виртуозное исполнительское мастерство. Р. Паскаев родился в Казахстане и первый раз услышал чеченские народные песни в исполнении У. Димаева – их транслировали по радио специально для чеченской диаспоры. Эти песни произвели на будущего гармониста огромное впечатление, и он стал осваивать игру на гармонике, а музыкальную трактовку У. Димаева взял за основу своего творчества. По возвращении в Чечню отец привел его в Грозненскую филармонию, чтобы показать кумиру чеченского народа У. Димаеву. Маэстро остался доволен исполнением юношей народных мелодий и благословил юного музыканта на занятие искусством. В 15 лет Р. Паскаев стал солистом-инструменталистом в ансамбле «Вайнах», а также солистом оркестра Гостелерадио республики. Музыкальное образование он получил в Грозном, а затем в Краснодарском институте культуры. Удивительно богатые

природные данные и профессиональное образование, неустанный труд в совершенствовании техники исполнительского мастерства каждого музыкального произведения дали свои позитивные результаты, которые высоко оценило общество. Любовь к музыке Р. Паскаев привил своему сыну Руслану, который владеет национальной гармоникой и аккордеоном так же виртуозно, как и отец. Р. Паскаев занимается также исследовательской и собирательской работой, восстанавливая богатейший фонд записей народной музыки, который был уничтожен во время вооруженного конфликта. Произведения Паскаева включают в свой репертуар оркестры Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Они стали школой вокального искусства для многих артистов чеченской эстрады. Р. Паскаев с большим успехом выступал с концертами в Москве, Италии, Чехословакии, Иордании, Турции, Арабских Эмиратах и даже в далекой Австралии.

Значительную роль в развитии чеченской музыкальной культуры сыграло творчество Рамзана Докаевича Даудова. Он увлекся музыкой еще в детстве, несмотря на строгий запрет отца. В 1980 г. Р.Д. Даудов заканчивает вокальное отделение Республиканского музыкального училища, работает преподавателем музыкальной школы и солистом Государственной филармонии. В 1986 г. он создает мужской вокальный ансамбль «Нохчо», который является лауреатом многих региональных и всероссийских фестивалей и конкурсов. Произведения, написанные в это время в стиле народной песни, до сих пор пополняют репертуарную программу многих ведущих творческих коллективов республики. Р.Д. Даудовым написано свыше 300 песен, в том числе для детей. Событием в музыкальной культуре стал выход книги «Утро Кавказа», над которой работали Р.Д. Даудов, Р. Терлоева, А. Уциева. В нее вошло около 200 народных песен с нотными записями, результат многолетней собирательской работы. Инициатор этого проекта Р.Д. Даудов планирует многотомное издание народных песен и музыкальных компонентов традиционных религиозных обрядов (назмы, зикры, мовлиды). Р.Д. Даудов – автор гимна фестиваля «Мир Кавказу».

Султан Амаевич Адаев – руководитель оркестра народных инструментов Государственной филармонии ЧР, известный деятель в области музыкальной культуры и искусства. Он единственный чеченский музыкант, который играет на флейте. Своим учителем С. Адаев считает Алаша Эдисултанова, талантливого музыканта, первого трубача из чеченцев, выпускника Московской консерватории, солиста Большого тетра. С. Адаев учился в Грозненском музыкальном училище у педагога О.М. Никитиной, которая сумела раскрыть природные способности своего ученика и способствовала их дальнейшему развитию. В 1981 г. он поступил в Ленинградскую консерваторию. Энтузиаст и истинный патриот, С. Адаев много сил отдает организации творческого коллектива оркестра народных инструментов, работе над репертуаром. В полифонии игры музыкальных инструментов (пондар, гитара, гармоника) достойное место занимает и флейта.

В настоящее время перед творческой интеллигенцией Чечни стоит немало трудных задач, связанных с необходимостью возрождения и дальнейшего развития различных видов музыкального искусства. За короткий период в республике восстановлены и успешно функционируют Государственная филармония, оркестр народных инструментов, вокальные

и танцевальные ансамбли. Но еще многое предстоит сделать в связи с огромными потерями в ходе войны, значительными утратами архивных, музейных, полевых материалов, собиравшихся несколькими поколениями фольклористов и музыковедов.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Народная медицина чеченцев, как и других народов мира – это обобщение опыта, практических знаний, собранных в течение многих столетий. Она была представлена двумя направлениями: эмпирическим и магическим, которые в реальной жизни часто переплетались.

В народной медицина преобладало хирургическое направление, лечение травм, переломов и вывихов. В этом чеченские лекари достигли значительного мастерства, о чем свидетельствует и тот факт, что чеченцы с переломами конечностей до недавнего времени не обращались к врачам, а пользовались знаниями народных лекарей. Горские лекари, по свидетельствам медицинских авторитетов, не уступали хирургам-профессионалам по эффективности своего лечения. Конечно, такого высокого мастерства достигали только единичные лекари – *лоры* и свое умение и мастерство они держали в секрете от посторонних, передавая мастерство только близким родственникам. Великий хирург Н.И. Пирогов, который бывал на Кавказе, также отмечал, что тайны медицинского ремесла горские лекари передают по наследству (*Пирогов*, 1961. С. 429). Он относился к лекарям с большим уважением и обращал пристальное внимание на народную медицину горцев, сформировавшуюся, по его мнению, прежде всего на основе народных медицинских знаний и отчасти под влиянием арабской медицины. Специалистов-лекарей из среды горцев, в том числе чеченцев, часто приглашали в войсковые части, при этом их опыт изучался русскими фельдшерами.

Н.И. Пирогов именно на Кавказе пришел к выводу, что вместо ампутации лучше применять сберегательную хирургию, что основывалось на опыте горской медицины. Большое значение он придавал опыту чеченских медиков в лечении сложных переломов с помощью свежеснятой шкуры барана, которую оборачивали вокруг сломанной конечности и оставляли в таком положении на несколько недель, что способствовало быстрому заживлению раны. Н.И. Пирогов, изучив этот опыт, расширил и углубил его, предложив использовать неподвижную крахмальную перевязку, которую затем заменил гипсовой.

Н.И. Пирогов обратил внимание и на лечение горцами огнестрельных ран (*Пирогов*, 1952). Многие наши информанты подробно описывают это лечение, причем оно аналогично тому, которое имеется у Пирогова. Несомненные успехи в лечении огнестрельных ран создали горским лекарям славу и среди русского населения, особенно среди солдат, которые нередко предпочитали прибегать к их помощи.

Анализируя рациональные средства лечения народных лекарей (кровопускание, оспопрививание, лечение малярии, метод психического воздействия и т.д.), можно сделать вывод, что народная медицина не имеет ничего общего со знахарством. Народный лекарь осматривает больного, исследует

рану или болезнь, никогда не прибегает к заочному лечению и др. В основе народной медицины лежат рациональные методы: применение психического воздействия, массаж, использование сернистых вод и своеобразное «игло-укалывание», лечение растениями с фитонцидными свойствами и т.д.

Практически в каждом чеченском селении был один или несколько человек, обладавших специальными знаниями, полученными чаще всего по наследству и сохранявшимися в тайне. Случалось и так, что специалист-врачеватель, не имея прямого наследника и не желая передать свои знания посторонним людям (даже родственникам), уносил их в могилу. Есть исторические документы, свидетельствующие о том, что в Чечне были целые селения, славившиеся искусством врачевания. Например, в рапорте генерала Розена 1832 г. на имя военного министра Чернышева говорится: «Генерал-майор князь Бекович Черкасский истребил богатую деревню Нурки, имеющую 150 дворов, в коей многие жители известны искусством в лечении, наследственно в некоторых семействах переходящих» (цит. по: *Индербиев*, 1972). С. Нурки находилось близ с. Шалажи.

Наибольшей известностью в Чечне пользовались лекари из общества Майсты, расположенного на границе с Грузией, у горы Тюлой-лам. О многих из них помнят и в настоящее время. Не каждый чеченец мог пригласить *лора* для своего больного. Это делалось в исключительных случаях, ибо приходилось платить за лечение, например – цену коровы или буйвола, а за приход к больному – цену барана. Несмотря на дороговизну лоров, к ним относились с большим уважением и имена многих из них сохранились в народной памяти. Нам удалось зафиксировать имена наиболее известных в прошлом лоров: лекари из родственной группы *Хьаже некъи* (одного из них звали ИбрахIим) и братья Сардал Хьажа и Сосламбек Бекмурзаевы из с. Валерик; Къурба Босур и Манна из с. Желашка; Денисолта из с. Бачи-Юрт; Шовхал ТIахри из Курчалоя (в настоящее время врачеванием занимается его дочь ПетIимат). Широко были известны лоры из С. Шали: Хасмагомед, Иди, и др., а также Чапи-шейх из с. Лакха-Ноьвре, Абубакар из с. Дуба-Юрт, ИбрехIим из Улус-Керта и др. Популярны были и лоры-женщины: Шаьнжа из Дочу-Барзоя, ПетIимат из Мескир-Юрта (в настоящее время там практикует Хьамсат), Бикажо из с. Автуры и др.

В народе сохранилось немало полулегендарных рассказов из жизни известных в прошлом лекарей. Так, ИбрехIима из Улус-Керта однажды пригласили сделать трепанацию черепа в соседнее селение. По пути ему встретился лев с поврежденной лапой. Лор остановился, удалил из лапы зверя занозу и сделал перевязку. На обратном пути лев опять вышел ему навстречу, и лекарь снова сделал ему перевязку. Через некоторое время, говорят, лев в благодарность пригнал во двор лекаря лань и оленя. ИбрехIим отпустил животных в лес, повесив им на шею амулеты.

Большим авторитетом пользовались Моцу-Хьажи и его сын Исраил из с. Чир-Юрт Шалинского района. Они лечили нервно-психические заболевания (*хьер валар*, *жиниш эгIор*). Исраил занимался также оспопрививанием (*морзгулаш дагIар*). В их семье это умение передавалось по наследству. Достаточно сказать, что сын Исраила – Шамсуддин – пользовался в народе такой же известностью и, несмотря на усиленные гонения со стороны советской власти, практиковал вплоть до своей смерти (1986 г.). Опыт предков

перенял и его сын Руслан. Интересные сведения об этой семье приводит в своей книге об истории здравоохранения в Чечено-Ингушетии М.Т. Индербиев. Во дворе усадьбы Исраила Мацахаджиева был построен дом, в котором он содержал до 20 больных, не применяя никаких кандалов, и только особо буйных туго связывал. Больных он заставлял работать во дворе, в саду, в поле. Об Исраиле в народе пошла молва, будто стоило ему взять руку любого буйного больного и посмотреть в глаза, как больной успокаивался. Если больной был безнадежен, Исраил сразу говорил: «Этого больного я не смогу вылечить». Однажды несколько ингушей привезли к Исраилу красивую девушку и сказали, что за ее излечение они дадут все, что у них есть. Исраил спросил: «А отдадите вы ее за меня замуж, если я ее вылечу?» Ингуши согласились. Исраил вылечил девушку и женился на ней. При лечении Исраил применял и отвары лекарственных трав.

В 1926 г. Исраил прекратил свою работу по лечению душевнобольных: на него стали подавать жалобы, что он использует больных как батраков. Примерно в 1929 г. врач Ростовской психиатрической клиники проф. Серейский специально приезжал к И. Моцахаджиеву, чтобы узнать, в чем заключается секрет его успехов. Ездил с ним в Чири-Юрт и директор Чечено-Ингушского краеведческого музея З. Шерипов. Исраила пригласили в Грозный к больным, содержащимся в психоизоляторе. Серейский показывал их Исраилу, и последний безошибочно определял, кого можно вылечить. Отчет о своей поездке к И. Моцахаджиеву профессор Серейский опубликовал в журнале «Революция и горец» (*Индербиев*, 1972. С. 43–44.)

М.Т. Индербиев со слов очевидца Х.Д. Ошаева пишет и о лоре Муслиме Эпендиеве, который лечил людей от различных заболеваний не только в родном Шали, но и в других селениях, и даже в затеречных станицах и г. Кизляре. Он прекрасно знал арабский язык, пользовался арабскими книгами, лечил в основном травами и испытанными методами народной медицины. Ежегодно ранней весной Муслим отправлялся в горы и до июля собирал там травы. По возвращении из «экспедиций» он начинал обработку кореньев, трав, цветов, а затем приступал к лечению больных, причем пациент во время лечения жил у него в доме. За свое лечение он ничего не требовал, а брал только то, что дают. С самого начала Муслим заявлял, что такого-то больного он вылечит, а такого-то не сможет.

Во дворе он выстроил домик из двух комнат. Жители села называли его «больницей Муслима», и в те месяцы, когда он бывал дома, не было дня, чтобы эта «больница» пустовала. В саду за домом он устроил баню-парильню с двумя железными бочками: в одной грелась вода, а в другой – камни. Обдавая горячие камни водой, он получал пар, который использовал при лечении.

«На всю жизнь запомнилась мне одна больная из Дагестана, – рассказывал М.Т. Индербиеву писатель Х.Д. Ошаев, – Все лицо ее было сплошной маской из гноя. Гноились руки, ноги и все тело. Муслим приготовил ей из трав какую-то мазь с отвратительным запахом. Затем он самолично вымыл женщину в бане и, несмотря на рев больной, ободрал со всех язв корки высохшего гноя, наложил изготовленную мазь. Три раза в неделю водил ее в баню. Через три недели на местах язв появилась кроваво-красная кожа. Женщина поправилась». Муслим хорошо знал владельца аптеки в Грозном, который по его просьбе отпускал ему любые, в том числе и сильнодействующие

лекарства. Умер Муслим Эпендиев в большой бедности, но на его похороны собралось великое множество людей, знавших его, благодарных ему за бескорыстное служение» (*Индербиев*, 1972. С. 43–44).

Отец Муслима – Эпенди, – также был лором. По сообщению информантов делал трепанацию черепа Темирлаг1а Гагаевичу Ганаеву, раненому в Майртупском сражении в 1877 г. во время восстания Алибекахаджи Зандакского (это рассказал его потомок). В бою того подняли на штыки, у него была сломана правая нога в голени, проломлен череп, огнестрельное ранение в области груди. С поля боя его привезли на санях, запряженных в три пары волов, для предотвращения тряски. В с. Автуры, где жил раненый, был приглашен Эпенди, который после операции наложил на рану козий мозг. Он смог вылечить переломы и рану, и ТемирлагIа прожил 91 год.

Дочь Эпенди, сестра Муслима, также занималась врачеванием. Это была образованная и красивая женщина. В 1940-е годы ее можно было видеть по четвергам (базарный день) в Автурах: она сидела, собрав вокруг себя множество мешочков с травами, которые она раздавала людям. Также она делала амулеты (писала тексты молитв). Она владела арабским языком и писала стихи не только на чеченском, но и на арабском. В то время ей было около 90 лет.

Итак, наибольшей популярностью пользовались лоры, лечившие распространенные в тех условиях болезни – раны, ушибы, переломы, вывихи, головную боль, кожные заболевания, нервно-психические болезни и т.д. В их практике превалировали хирургические методы лечения, основанные на рациональных знаниях.

У чеченцев были достаточно хорошо развиты представления о человеческом теле и его физиологических функциях. Главное место в человеческом теле занимали те органы, которые находились в серединном положении: позвоночник (*букъа чIара*), сердце (*дог*), печень (*доьIха*) и желудок (*хIера*). Сердце играло исключительную роль, по народным представлениям, человек здоровый, крепкий и особо бесстрашный обладал двумя сердцами (*ши дог долу стаг*), одно сердце должно было терпеть горе, другое – отдаваться счастью. Важное место в сохранении телесной целостности занимали пот и кровь. Кровь являлась главным, ведущим ее носителем. От чистоты крови зависело здоровье человека. Причиной многих болезней считалось загрязнение крови (*цIи бехдалар*), для ее очищения делалось кровопускание и отсасывание крови.

По народным представлениям, болезни возникали в силу ряда причин: одни в результате физического воздействия (пулевые и кожные раны, растяжения, переломы, вывихи и ушибы), другие – под воздействием природных факторов (простудные заболевания), третьи – из-за действий нечистой силы. Например, во избежание болезни воду после мытья запрещалось выливать после захода солнца, когда якобы активизировалась нечистая сила. Для этой цели выбиралось «чистое» место, при этом воду запрещалось выплескивать (ее осторожно выливали) из-за опасения поразить джинна, который в отместку мог послать болезнь на данного человека. Болезни простудного характера легко поддавались лечению рациональными способами. Магические средства преобладали в лечении болезней психоневрологического характера, причиной которых считалась нечистая сила.

Народные лекари были специалистами не во всех областях медицины: одни практиковались в применении растительных средств, другие были костоправами, третьи выступали в роли повитух или лечили от сглаза. Особо выделялись избранники духов – шаманы-женщины (*жинашца тайна нах*), которые якобы могли наслать порчу или излечить от нее и т.д. Подобного рода лекари, конечно, опирались и на рациональные народные знания, нередко облекая их в религиозно-магическую форму.

Наиболее популярными были специалисты по трепанации черепа. В Чечне были известны такие лоры, как Ибрагим из Валерика, Абдурахман из Чобаькхинча, Серзоева Сайба, Межидов Рамзан из Гойты, Макка из Желашка, представители *Хьажи некъи* из Валерика, Чапи шейх из Верхнего Наура, Ибрагим из Улус-Керта и др. Эти же лоры были костоправами, умели лечить различные раны. На лечении последних специализировались Ма1схьажа из Курчалоя, Денисолта Солтамурадов из Бачи-Юрта.

Широко использовали в лечебных целях средства растительного происхождения: дикорастущие травы, кустарники и деревья. Но не всегда средства, применяемые в одной местности, пользовались популярностью в других. Часто препараты из одного и того же вида растения использовались как тонизирующие, общеукрепляющие, противовоспалительные, вяжущие средства и и т.д.

Травы имели самый широкий спектр применения. Кроме того, и в ежедневном рационе чеченцев были отвары душицы обыкновенной (*Іаждар буц*), мяты (*хьожа йогІу буц*), чайной травы (*чайн буц*). Используются они чеченцами и сегодня. Такое активное применение трав имело и профилактическое свойство. В народном представлении душица и мята считались лекарствами от девяти болезней. Их отвары пили при головной боли, кашле, аллергии, поносе и т.д. Отвары этих трав, смешанных с застаревшей соломой применяли для ингаляции. Мяту использовали как профилактическое средство при эпидемических заболеваниях; пили отвары, натирались травой, устилали ею постели. С этой целью использовали и отвары подорожника и алтея.

С ранней весны, с целью профилактики, чеченцы употребляли в пищу всевозможные травы в свежем и отварном виде, перетертые с солью, в качестве фарша для пирожков, вареников, ими заправляли супы (щавель (*муьстарг*), черемша (*хьонка*), тмин (*цицаш*), крапива (*нитташ*), лопух (*ІаьІьаш*), лебеда (*татеш*), лекарственная трава (*дарбана буц*), земляная груша (*балгаш*) и др.).

Отвар шиповника применяли при аллергических заболеваниях и крапивнице, при простуде пили отвар полыни. Широко использовали травы в лечении ран: в виде порошка, настоев, в свежем виде. Так, настой корней одной из разновидностей лопуха (*машьо кхург*) использовали для заживления застаревших ран, для очищения ран – сок полыни (*юша*). Гноящиеся от застрявших пуль раны вычищали с помощью грибов или прокисшей сыворотки. Стебли и листья душицы очищали рану, а дикая мята служила кровоостанавливающим средством. Свежий порез или рану лечили володушкой (*чов буц* – букв. рана-трава), свежими листьями или посыпали порошком засушенной травы, смазывали маслом репейника.

Нарывы, фурункулы лечили листом подорожника, укусы змеи – листьями лопуха; отваром подорожника лечили судороги. Многоножка (*мерза орамаш*) считалась хорошим средством против астмы, с этой целью употреблялся и имбирь.

Желудочные заболевания лечили соком подорожника, отваром крапивы, настоем черной редьки на меду, свежими травами и ягодами (крапива, купырь лесной, плоды боярышника). Чтобы вычистить желудок при отравлении, ели рвотную фасоль (*Іетто кхоьш*), пили отвар полыни и мяты (ПМА 1984–1989 гг.).

Большим бичом для населения Чечни в условиях антисанитарии были глисты (аскариды, бычий цепень и др.); распространенным средством борьбы против них были сырые тыквенные семечки, употребляемые натощак с сырым молоком. Широко применялась для этой цели трава *шура буц*. Перетертые корни травы заливали сырым молоком и настаивали; это средство вызывало рвоту. Настой корней этой травы считался и желчегонным средством.

Чеченцы использовали также средства животного и минерального происхождения. Например, при болях в суставах делали горячие ванны из сыворотки или накладывали соляные растворы. Бронхит, туберкулез лечили горячим молоком с козьим жиром, употребляли для этой цели отварное собачье или лисье мясо.

Сотрясение мозга лечили с помощью «сдавливания» (*гелхьовзор*): плотной тканью стягивали голову, закручивая ее с помощью деревянной ручки. При этом на голову ставили полный кувшин воды. В течение суток голова оставалась сдавленной, ткань попеременно натягивали и ослабляли. Данный способ лечения применялся в исключительных случаях и к нему прибегали, если больной верил в его действенность.

Чеченские лекари достаточно умело применяли хирургические методы лечения при вправлении вывихов, растяжениях, переломах, ушибах, в том числе прибегали к кровопусканиям и даже трепанации черепа. Они накладывали своеобразный гипс (*белхьам а кири тухара*), который делался из яичного желтка, белка и муки. Место ушиба смазывали говяжьим жиром и посыпали солью, а затем прикладывали черную овечью шерсть, смоченную в горячей воде. При перевязке ушибы смазывались медом, в случае переломов кости выравнивали и накладывали шины (*зьопарш*).

Особенно сложным хирургическим вмешательством была трепанация черепа, которую чеченские лекари делали в случае ранения черепа или гноения раны с помощью специального инструмента *гам*. Его делали из чистой булатной стали, с деревянной ручкой. Операцию начинали со стерилизации металлической части скребка в горячем масле или кипятке. Острым ножом разрезали место ранения крест-накрест и с помощью скребка очищали кость. Место операции смазывали маслом, отверстие закрывалось кожицей стеблей конопли (*къомал гІандаргаш*), смоченными соляным раствором. Затем эта турунда менялась. Когда рана начинала заживать, на рану накладывали свежий курдюк.

Головные боли имели разные названия. Их лечили вытяжением (*корта оьзар*), массажем (*куьг хьакхар*), а также кровопусканием (*пхьа цамза тохар)* и постановкой пиявок (*цІубдарш даккхар*). *Пхьа* или *цамза* – это железный

инструмент для кровопускания, насаженный на деревянную ручку. Этим инструментом делали круглую наколку между лопаток и ставили стакан, с помощью которого «вытягивали» около стакана крови.

Интересен способ лечения, именовавшийся *хинжа баккхар* – извлечение гниды. Если на теле появлялось раздражение, которое сопровождалось жжением и зудом то в одном, то в другом месте, за этим наблюдали от новолуния до полнолуния; затем болезнь шла на убыль. С новолунием жжение появлялось вновь. Лечением этого недуга обычно занимались женщины. Брали новую иглу, стерилизовали ее в огне и после соответствующего осмотра в области лопаток находили красную точку, куда втыкали иглу; затем это место забивали порохом. Данный способ лечения относится к одному из вариантов иглоукалывания (ПМА, 1991 г.).

В народной медицине большую роль играли физиотерапевтические методы лечения – ванны, массажи, кровопускания. Массаж в основном применялся при заболеваниях брюшной полости, ванны из горячего песка и др. горячие ванны с травами (например, с душицей) – при женских болезнях. Использовали прогревание паром вареного картофеля, завертывание в нагретую шкуру животных, своеобразные горячие компрессы, нагретый кирпич и т.д.; если болезнь считалась «горячей», использовались и холодные компрессы.

Для лечения некоторых болезней использовали жир (козий, бараний внутренний, курдюк, топленое масло и т.д.). Так, если рана была застаревшая, то ее очищали сывороткой, смазывали мазью, основными компонентами которой были разные сорта меда (*накхар моз* – пчелиный, *эрзи моз* – тростниковый), а также сок белого лука и черной редьки. Для свежей раны брали медовую мазь из «роевого меда»: рану смазывали жгучими сортами меда и туго завязывали. Более сложными по составу были мази для излечения запущенных ран, их называли «мази, оживляющие раны» (*чов денеш молха*). Основными компонентами такой мази были: топленое масло, мелкая поваренная соль, сок черной редьки, сок чеснока, чабрец. В прошлом в такую мазь добавляли виноградное вино (*чагIар*).

Туберкулез, бронхит (*йовхари цамгар*) чеченцы лечили кипяченым молоком с козьим жиром. Если болезнь прогрессировала, употребляли собачье мясо, собачий жир. От простудных заболеваний лечили белым луком (*къай хох*), чесноком, черемшой, отварами шиповника, смородины, применяли горячие ванны (ПМА 1991 г.).

При лечении ревматизма, радикулита (*энаш*) применяли ванны, компрессы, отвары специальных трав (*эни буц*). Кожно-нервные заболевания лечили отварами полыни, подорожника, мазями из ртути и сулемы, горячей серы, дегтя и т.д.

Фурункулы разного вида, называемые *Iаьржа бIаьрг* (черный глаз), *лоз бIаьрг* (ноющий глаз), *пондур локхург* (играющий на пондуре). Когда появлялся «играющий на пондуре» фурункул, боль, по народным представлениям, могла успокоить только музыка. Поэтому вечером приглашали в дом музыканта, который играл на струнных инструментах специальную успокаивающую протяжную мелодию, пока больной не засыпал. Используемая при этом песня содержала слова с просьбой к фурункулу поскорей созреть и вытечь: «Лаша, лаша, лаша яла, мела ладар хила цхьанделхьа».

Психические заболевания (*корта хьовзар*) лечили холодом (купание зимой в реке), испугом, стрессом, избиением. При внезапном помутнении рассудка больного кормили мясом желтой курицы, кости и перья которой зарывали в «чистом» месте. Стрессом и испугом старались вылечить и лихорадку. Так, весьма распространен был обычай *хорша кхайкхор* (букв. «оговорить лихорадку»). В описанных методах хирургического и психоневрологического характера также преобладают рациональные средства, в той или иной мере дополняемые магическими действиями.

Большого умения чеченцы достигли в родовспоможении и лечении женских болезней. Родовспоможение включало в себя серию рациональных и иррациональных действий. Пожилые женщины, выступавшие в роли повитух, оказывали эффективную помощь роженицам: заставляли их делать физические упражнения – подпрыгивать, кататья по полу, делали массаж живота, регулировали дыхание во время схваток и т.д. Вместе с тем применялись и магические действия: развязывали узлы, расплетали косы, открывали замки.

Если причиной бесплодия считалось *чо метах ялар* – «смещение живота», т.е. загиб матки, лечение заключалось в основном в массаже. Было распространено также и применение всевозможных амулетов, заговоров, и т.д.

При лечении детских болезней также наблюдалось сочетание рациональных методов, основанных на эмпирических знаниях, с магико-религиозными действиями. Все непонятное относилось на счет злых духов, сверхъестественной силы, различного рода сглаза. Сглаз, по представлениям чеченцев, обладал силой, способной лишить ребенка не только здоровья, но и жизни. Было известно несколько видов сглаза: со стороны живого человека, особенно родителей и родственников, покойника, животного. Защитой от сглаза были различные обереги, в роли которых выступали бусинки, найденные после дождя, камни с отверстиями, ракушки улиток, размножившихся под кормушкой для собак, веточки боярышника, айвы, воск, соль, уголь, красные ниточки, кусочки медвежьей шкуры, когти медведя и т.д.

При простудных заболеваниях тело ребенка натирали внутренним бараньим или козьим жиром (*мохь*), маслом, купали ребенка в растворе разных трав; давали пить отвары душицы и крапивы и т.п. В народной медицине различали болезни «горячие» (*дагар*, *йойвху*) и «холодные» (*шело*). Основными симптомами «горячей» болезни *йовхон цамгар* были учащенный пульс, повышенная температура, белый налет на языке и т.д. В этом случае на больное место накладывали черную овечью шерсть, смоченную в сыром яйце. Ребенка купали в горячей воде, в отваре «солнечной травы», вырванной вместе с корнями полыни, мяты, душицы с добавлением золы, куриного помета и чеснока. Смоченную в этой воде рубашку надевали на ребенка, а воду выливали на развилке дорог. В таком отваре купали ребенка и в случае поноса.

Чеченцам издавна были известны инфекционные и неинфекционные детские болезни. При одних болезнях с помощью различных запретов избегали контактов, при других, напротив, контакты поощрялись. Таких болезней было известно несколько: краснуха – *тIедарчий*, корь – *кхарIтанаш*, оспа – *морзгулаш* и др. Средства их лечения носили в основном иррациональный характер. Например, произносить слово «оспа» остерегались, ее называли

красивой, доброй, ласково отзывались о ней, просили покинуть дом, ссылаясь на свою бедность, которая не к лицу такой хорошей болезни.

Причиной детских болезней часто считались злые духи, которые становились наиболее опасными после захода солнца. В это время детей не выпускали на улицу, не выносили грудных детей без оберегов. Если все-таки ребенок заболевал (температура, рвота и др.), то взрослые рассыпали кукурузу в тех местах, где ходил ребенок, окуривали его, поили травяными отварами.

Несомненно, применение при лечении одной и той же болезни в разных населенных пунктах различных лекарственных трав – показатель многообразия выработанных эмпирическим путем народных познаний, как по линии болезней, так и в области фармакологических действий тех или иных растений, причем использовались как дикорастущие травы, так и культурные растения (пшеница, ячмень, просо и т.д.).

Большое значение при лечении детей придавали правилам гигиены, уходу за больным, режиму, диете и пищевым запретам, созданию благоприятной атмосферы вокруг больного: покой, отсутствие шума, внимание и т.д. Следует отметить, что почти всем чеченкам были известны рациональные лечебные средства. Магические приемы врачевания в основном были привилегией «знахарей» (*лор*, *хума хууш болу нах*). В большинстве случаев их лечение приносило улучшение больным детям.

При лечении болезней чеченцы применяли как рациональные, так и иррациональные приемы, но нередко их довольно сложно разграничить. Сверхъестественные свойства порой приписывались некоторым естественным лекарственным средствам, а их прием сопровождался разными условиями и запретами (до или после захода солнца; сопровождение чтением заговоров и причитаний). Магические способы лечения в большинстве случаев сопровождались приемом «нашептанного отвара» из лекарственных трав, механотерапией или прогреванием. Да и сами они могли оказать психотерапевтический эффект на больного, который верил в силу магии.

У старшего поколения лоров сочетались профессиональная этика и вековые наблюдения за природой с хорошим знанием традиций. Свои знания, навыки и заговоры целители наследовали в устной форме и передавали из поколения в поколение. Отношение окружающих к лекарям было двойственное: с одной стороны, их уважали как опытных специалистов; с другой, опасались их и были осторожны в общении с ними. В целом к ним относились как к знающим людям и в то же время как к колдунам, способным причинить вред.

НАУКА

Исследовательские традиции в регионе сложились благодаря плодотворной деятельности ученых, представителей административного, гражданского и военного аппарата, отдельных энтузиастов, в том числе и национальной интеллигенции. Особо следует отметить важный вклад русских ученых в дело научного изучения Чечни – первопроходцев, стоявших у истоков зарождения и становления науки. Основные направления исследований были связаны с освоением региона и носили прикладной характер.

В становление вайнаховедения внесли свою лепту участники Кавказской войны, занимавшие военные и военно-административные должности, а также представители официальной власти. Следует отметить труды П.Г. Буткова «Материалы для новейшей истории Кавказа с 1772 по 1803 г.» (1869) – первый опыт последовательного освещения важнейших событий на Кавказе XVIII – начала XIX в. в русской исторической литературе и С.М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823) – первое в русской литературе обширное сочинение о Кавказе, где одна из глав посвящена вайнахам, и др.

После прекращения военных действий на Кавказе на смену военным авторам приходит целая плеяда кавказоведов. Работа А.П. Берже «Чечня и чеченцы» (1859 г.) – первая попытка научного изучения вайнахов. Составителем сборника чеченских адатов стал В.И. Голенищев-Кутузов. М.М. Ковалевский исследовал общественный строй горских народов, в том числе социально-правовые отношения у чеченцев. Акад. А.А. Шифнер стал составителем первого чеченского алфавита на основе латинской графики, И.А. Бартоломей предпринял первую попытку создания письменности для чеченцев на основе русской графики. Начало научного изучения чеченского языка связано с именем выдающегося кавказоведа П.К. Услара, автора фундаментальных исследований горских языков, а также чеченского алфавита и грамматики.

Просветительское движение в Чечне, заложенное еще русскими учеными, способствовало рождению чеченского просветительства, возникшего в 1860–1870-е годы (*Яндаров*, 1964). Первое поколение просветителей представлено такими именами, как К. Досов, И.Д. Цискаров, У. Лаудаев и др. Прапорщик К. Досов был первым просветителем из чеченцев, офицер царской армии У. Лаудаев – первым чеченским этнографом и историком. Наиболее крупной фигурой демократической интеллигенции Чечни начала XX в. является Т.Э. Эльдарханов – этнограф, педагог, общественный и государственный деятель, просветитель. Братья А. и И. Мутушевы, З. и А. Шериповы, И.-Б. Саракаев, М. Магомаев, М. Хаджиев, Ш. Эльдерханов, Д. Арсанов, А. Шаптукаев и другие относятся ко второму поколению просветителей.

Во второй половине XIX в. в регионе возникли первые научно-исследовательские и опытные очаги. Одними из первых были созданы метеостанции: в 1870 г. – Грозненская, в 1872 г. – Веденская. В дооктябрьский период в регионе функционировали 7 метеостанций. В начале XX в. были созданы гидрометрические учреждения. Водомерные посты были открыты на реках Сунжа, Асса, Аргун. Были заложены опытно-показательные садоводческие и животноводчекие хозяйства.

С началом промышленной разработки грозненского нефтяного месторождения (1893) и зарождением нефтеперерабатывающей промышленности (1895) при нефтеперерабатывающих заводах были созданы небольшие лаборатории. Среди них – лаборатория завода Владикавказской железной дороги, основанная в 1896 г. выдающимся русским ученым-химиком К.В. Харичковым. Первая химическая лаборатория на Северном Кавказе, вскоре она превратилась в один из основных научно-исследовательских центров нефтяной отрасли в дооктябрьский период (*Одинцов*, 1981. С. 13). По инициативе К.В. Харичкова в 1899 г. было создано Терское отделение Русского техниче-

ского общества, состоявшее в основном из инженерно-технических работников – жителей Грозного. Отделение было политехническим обществом, но вопросы нефтяной науки и техники в его деятельности преобладали.

В XX в. решение задач восстановления разрушенного хозяйства и дальнейшего развития экономики и культуры, стоявших перед Чечней в 1920-е годы, потребовало развития научных изысканий. Многогранная, поистине подвижническая и плодотворная деятельность научных экспедиций внесла неоценимый вклад в дело изучения Чечни. Никогда за всю историю Чечни она не исследовалась столь широко и глубоко, как в 1920–1930-е годы. Это исследования в области этнографии, археологии, языкознания, истории, культуры, геологии, гидрогеологии, гидрологии, мелиорации, почвенного и растительного покрова, плодоводства, животноводства, бальнеологии, медицины, экономики и др. Экспедиции во главе с Н.Ф. Яковлевым, А.А. Давиденко, А.Н. Дьячковым-Тарасовым, А.Б. Закс, Е.Н. Студенецкой, Е.И. Крупновым, А.П. Кругловым, А.И. Воскресенским, В.В. Седельщиковым, П.М. Ерохиным, А.М. Панковым, А.А. Малигоновым, С.И. Виноградовым, В.Р. Бергом, И.С. Цитовичем, Н.А. Григорович-Березовским, Э.А. Штебером, Л.Ф. Раухваргером, С.П. Тодоровым, В.П. Христиановичем, Н.А. Бушем, Е.М. Шиллингом, И.А. Шульгой и другими навсегда войдут в историю науки Чечни. Кроме того, экспедиции оказывали помощь в подготовке местных научных кадров. Так, проф. Н.Ф. Яковлев стоял у истоков подготовки первых языковедов-чеченцев, которые были участниками его экспедиций, а затем его аспирантами.

Экспедиционное научное изучение не могло в полной мере учитывать запросы хозяйственного и культурного развития Чечни, необходимо было создавать собственные научные учреждения.

После национализации в апреле 1920 г. нефтяной промышленности была создана небольшая лаборатория по изучению нефти и ее производных, организатором и руководителем которой стал И.О. Лучинский. В 1923 г. она распалась на две лаборатории – промысловую и заводскую. В 1925 г. эти и другие разрозненные лаборатории были объединены в Центральную лабораторию при тресте «Грознефть» во главе с крупным ученым, организатором нефтегазовой науки в Грозном проф. А.Н. Сахановым. 1 октября 1928 г. на ее базе был создан ГрозНИИ – первый советский нефтяной научно-исследовательский институт. ГрозНИИ в течение десятилетий определял по многим вопросам пути научно-технического прогресса нефтяной промышленности страны. Ему принадлежит огромная заслуга в деле разработки и внедрения в промышленность новых процессов добычи и переработки нефти и газа, имевших общесоюзное значение.

Одновременно с ГрозНИИ была создана проектная контора (впоследствии институт Грознефтепроект), которая разрабатывала проекты новых и реконструкции старых заводов и технологических установок в нефтяной промышленности. Геологические исследования в регионе проводились геологической секцией промыслового отдела ГрозНИИ (впоследствии «Грознефти»).

Первые геофизические исследования, вначале гравиметрические, а затем (впервые в СССР) электрометрические, были проведены на территории Грозного в 1928–1929 гг. Были начаты и сейсморазведочные работы, в 1931 г.

открылась сейсмическая станция. В результате широких поисково-разведочных и геофизических работ в довоенный период были введены в промышленную разработку новые нефтяные и газовые месторождения.

В 1928 г. были созданы научный кружок и химико-гигиеническая лаборатория, а в апреле 1930 г. открыт филиал ВНИИ безопасности труда в нефтяной промышленности. Развивалась деятельность метеорологических и гидрометрических учреждений (станций, пунктов, бюро и т.д.). В химико-фармацевтической лаборатории, открытой в 1925 г., изучались возможности использования лекарственных растений.

Задачи развития сельского хозяйства Чечни потребовали интенсивного использования достижений аграрной науки. До середины 1920-х годов эту работу вели агрономические пункты. В 1926 г. около с. Старые Атаги ВНИИ прикладной ботаники и новых культур основал сортоиспытательный участок, которым руководил проф. В.В. Таланов. 5 февраля 1939 г. на его базе был создан филиал Горской селекционной станции. В совхозе № 15 был создан опорный пункт Северо-Кавказского НИИ зернового хозяйства. Были начаты опыты с хлопчатником, которые велись на опорных пунктах при хлопководческих совхозах. В целях восстановления и развития шелководства в 1925 г. были созданы питомники и шелководческая станция. Для сортоиспытания овощных культур были заложены опорные пункты «Грозненский», «Ассинский», «Аргунский». Северо-Кавказский НИИ гидротехники организовал сеть опытно-мелиоративных участков: в ст. Ассинской Сунженского района, с. Энгель-Юрт Гудермесского округа. Опытно-показательная работа велась и по плодоводству, были созданы «хаты-лаборатории».

Развернулись опытные работы и в области животноводства, начатые еще в начале 1920-х годов областным Земельным управлением и продолженные кафедрой животноводства Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы и ветеринарно-бактериологической лабораторией. Создаются племенные рассадники и конюшни, опытно-показательные пасеки. Значительный вклад в становление и развитие ветеринарной науки в Чечне внес П.Г. Федорищев.

Исследовательская работа в области медицины была развернута в медико-биологическом отделе Чеченского НИИ краеведения и медико-санитарных учреждениях (противомалярийная станция, филиал Центрального института переливания крови, санитарная и химико-бактериологическая лаборатория, пастеровский пункт, бальнеологические учреждения, поликлиники и больницы).

С открытием Грозненского нефтяного института (1920 г.) зарождается вузовская наука. Здесь велись исследования в области нефти и газа, математики, механики, энергетики, теплотехники, гуманитарных дисциплин и др. В 1931 г. в институте была открыта аспирантура, в 1940 г. здесь был создан научно-исследовательский сектор, координировавший научно-исследовательские работы в институте (*Исаева,* 2001).

В педагогическом институте (основан в 1938 г.) научно-исследовательская работа преимущественно была посвящена оказанию научно-методической помощи школе. Создавались учебники и учебно-методические пособия, программы, словари, изучались вопросы развития школьного образования, история региона. Много сил и творческой энергии для становления науки

и высшего образования отдали преподаватели института Н.М. Владимиров, З.А. Гавришевская, Ф.Г. Петраш, С.К. Щенец и др. (*Исаева,* 2006).

В 1920-е годы в Чечне возникают и добровольные научные общества. В 1923 г. было создано научно-техническое общество при Грозненском нефтяном институте, его председателем стал ректор института Л.В. Курской. Комплексное изучение Чечни стало целью возникшей здесь в 1925 г. краеведческой комиссии, преобразованной в апреле 1928 г. в научное общество под председательством Х.Д. Ошаева. В марте 1928 г. преподаватель школы В.В. Власов основал в Грозном научный кружок, а в ноябре того же года на базе этого и медицинского кружков было создано научное общество. В подавляющем большинстве научные общества Чечни состояли из педагогических, медицинских и инженерно-технических работников, любителей-энтузиастов. В связи с малочисленностью чеченской интеллигенции в довоенный период удельный вес ее в научных обществах был небольшим. Впоследствии из членов обществ выросла целая плеяда ученых (*Исаева,* 2001а). В марте 1930 г. Научное общество было реорганизовано в Научно-исследовательский институт, директором которого назначили Х.Д. Ошаева. В 1932 г. институт был преобразован в НИИ национальной культуры, а в 1934 г. в результате слияния Чеченского и Ингушского институтов – в Чечено-Ингушский НИИ истории, языка, литературы и искусства с филиалом в г. Владикавказе. Институт состоял из отделов: 1) естественно-исторического; 2) общественно-экономического; 3) медико-биологического; 4) культурно-исторического. В дальнейшем структура института совершенствуется. В 1932 г. при институте была открыта аспирантура. В 1938 г. выходит в свет первый номер «Записок» института. ЧИНИИ проделал значительную работу по разработке актуальных проблем вайнаховедения. Это вопросы языкознания, истории, этнографии, культуры, краеведения, изучения естественных богатств республики и др.

В открытом в 1938 г. Институте усовершенствования учителей также проводилось изучение и распространение наиболее результативного педагогического опыта, оказывалась научно-методическая помощь учителям и учреждениям образования. Довоенный период стал временем становления и поступательного развития науки, которая явилась важным фактором в преодолении экономической и культурной отсталости региона.

С началом Великой Отечественной войны наука республики была ориентирована на решение задач военного времени. Многие ученые и специалисты были мобилизованы в действующую армию. Основными поставщиками горюче-смазочных материалов фронту и тылу были Баку и Грозный. Поэтому не случайно возросла роль научно-технической интеллигенции, и в первую очередь ученых и специалистов ГрозНИИ и проектного института «Грознефтепроект». Ученые и специалисты работали также над созданием новых сортов высококачественных смазочных масел, изысканиями полезных ископаемых для нужд нефтяной промышленности, разработкой методики бурения скважин, установлением технологического режима получения фенола, креозола и других ценных веществ на базе местного сырья, оказывали научно-техническую помощь нефтяникам страны. Впервые в СССР научными сотрудниками ГрозНИИ во главе с Б.К. Американом была создана установка каталитического крекинга для выработки высокооктановых авиационных и

автомобильных бензинов. После окончания Грозненского нефтяного института Б.К. Америк в течение 40 лет работал в ГрозНИИ, разрабатывая процессы термического крекинга и коксования нефтяных остатков, с 1940 г. – каталитического крекинга (Нефть и газ, 1993).

В «Грознефтепроекте» разрабатывались отдельные виды вооружений, в том числе минометы, гранаты, установки для получения тротила и пр. Больших успехов добились геологи «Грознефти»; в 1941 г. они сдали в промышленную разработку два богатых нефтяных района. В октябре в 1944 г. была создана сельскохозяйственная опытная станция.

В период депортации (1944–1957 гг.) начинали свою профессиональную деятельность многие известные чеченские деятели образования, науки и культуры. В спецпоселениях они получили образование, состоялись как специалисты, пришло признание их заслуг. В Казахстане произошло становление ученого и общественного деятеля, первого чеченского доктора философских наук, проф. А.Д. Яндарова. После окончания в 1954 г. средней школы г. Алма-Ата он учился на юридическом факультете Казахского государственного университета и поступил в аспирантуру. В 1984 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Развитие философской и общественно-политической мысли Чечено-Ингушетии в XIX – начале XX в.». А.Д. Яндаров заведовал в Алма-Ате кафедрами философии педагогического института иностранных языков и государственного медицинского института. По возвращении в Грозный он был избран заведующим кафедрой философии университета, занимал должности секретаря обкома КПСС и министра образования республики (*Ермекбаев,* 2009. С. 177–178).

В послевоенный период грозненская нефтяная промышленность подверглась глубокой реконструкции. Была создана новая отрасль производства – промышленность химического синтеза, изменился основной профиль нефтяной промышленности – на смену топливно-масляному пришел топливно-химический профиль. В 1957 г. выпускалось более 40 видов нефтепродуктов. К концу 1980-х годов грозненские заводы представляли собой предприятия с законченным циклом производства – от первичной переработки нефти до выпуска высокооктановых нефтяных топлив и масел, а также синтетических продуктов. В этих достижениях огромная заслуга принадлежит представителям отраслевой науки, которая занимала лидирующее положение в структуре науки республики. Это касается прежде всего нефтяной науки, которую возглавлял ГрозНИИ – крупнейшее нефтяное научно-исследовательское учреждение в стране. С 1960-х годов институт получает статус головного института страны по отдельным направлениям переработки нефти: производству парафинов, масел, цеолитам и катализаторам на их основе, каталитическому крекингу, алкилированию, висбрекингу, а также стандартизации нефтепродуктов. Именно грозненские ученые в те годы являлись «законодателями» технологии переработки высокопарафинистых и малосернистых нефтей. В начале 1980-х годов современная технология каталитического крекинга, разработанная в ГрозНИИ, была успешно освоена не только в стране, но и за рубежом. Выпускник Грозненского нефтяного института, доктор химических наук, проф. С.Н. Хаджиев прошел путь от научного сотрудника до директора ГрозНИИ. Крупный ученый, автор более 250 научных работ и свыше 120 изобретений в нефтепереработке и нефтехимии, академик

РАН, С.Н. Хаджиев ныне является директором Института нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева РАН, председателем Совета директоров ЗАО «ГрозНИИ» (*Дадашев, Дадашева*, 2008. С. 15).

Научно-техническое сопровождение нефтяной промышленности региона обеспечивал также институт по проектированию предприятий нефтяной промышленности – «Гипрогрознефть» («Грознефтепроект»), который превратился в одну из крупных проектных организаций нефтяной промышленности СССР. В 1982 г. продукция института экспонировалась на международной Лейпцигской ярмарке и была награждена золотой медалью. Грозненский филиал НИПИ «Нефтехимавтомат» являлся головным учреждением в стране по вопросам автоматизации производств катализаторов и адсорбентов для нефтеперерабатывающей, нефтехимической и химической промышленности. Грозненское специальное проектно-конструкторское бюро «Нефтегазпромавтоматика» во многом определял техническую политику в нефтедобывающей промышленности по проблемам автоматизации бурения, добычи, транспортировки и хранения нефти и газа.

В 1971 г. в Грозном был открыт филиал ВНИИнефтепромгеофизики (в 1977 г. СККТБ промысловой геофизики, в 1987 г. – НИИГИ). Научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт геофизических исследований внес значительный вклад в развитие отечественной промысловой геофизики. Аппаратура института экспортировалась в 17 стран мира, поставлялась почти во все нефтедобывающие районы СССР.

В послевоенные годы геологические изыскания были переориентированы на изучение нефтегазоносности мезозойских отложений. Открытие и ввод в разработку в 1956–1981 гг. крупных залежей нефти в мезозойских отложениях обеспечили значительный прирост промышленных запасов. Грозненская школа геологов-нефтяников обладала авторитетом как в СССР, так и за рубежом.

Аграрные научные исследования были сосредоточены в основном на сельскохозяйственной опытной станции. В 1989 г. станция была преобразована во Всероссийский научно-исследовательский и проектно-технологический институт люцерны и рапса, а в 1996 г. – в Чеченский НИИ сельского хозяйства. Здесь проводилось сортоизучение, улучшение и выведение новых сортов сельскохозяйственных культур, разрабатывались эффективные технологии их возделывания и повышения рентабельности семеноводства (*Ибрагимов*, 2006. С. 3–4).

В 1957 г. на базе протозоологического пункта и городской ветеринарной поликлиники была создана научно-исследовательская ветеринарная станция. Грозненской опытно-мелиоративной станцией проводились исследования по орошению, обводнению и водоснабжению в бассейне р. Терека.

Научно-исследовательская работа являлась приоритетным направлением в деятельности вузов республики. В Чечено-Ингушском государственном университете (в 1972 г. реорганизован на базе ЧИГПИ) велись научные исследования в области языкознания, литературоведения, истории, естественных и точных наук. В Грозненском нефтяном институте тематика фундаментальных и прикладных научных исследований определялась запросами нефтегазовой промышленности республики. В 1980 г. был создан третий вуз республики – педагогический институт, где разрабатывались вопросы раз-

вития общеобразовательной и профессиональной школы. К началу 1990-х годов в республике работало три вуза – университет, нефтяной институт и педагогический институт.

В научно-исследовательском институте истории, языка и литературы шла разработка проблем языкознания, фольклора, литературоведения, этнографии, археологии, истории и др. В 1970 г. начал работать Чечено-ингушский филиал научно-исследовательского института национальных школ.

К началу 1990-х годов в Чечне насчитывалось 13 научно-исследовательских институтов, 12 филиалов научно-исследовательских институтов, 13 проектно-конструкторских бюро и 10 научно-исследовательских лабораторий и станций. В развитие науки республики свою лепту вносили музеи, научные библиотеки, заповедники и другие научно-просветительские и научно-вспомогательные учреждения. Грозный был одним из ведущих научных центров Северного Кавказа. В республике сложился научно-технический потенциал, который обеспечивал развитие всех сфер жизнедеятельности республики. С созданием в 1992 г. Академии наук было положено начало академическому сектору науки в республике. В республике проводились важнейшие научные исследования, как фундаментальные, так и прикладные, результативность которых выходила за рамки только республиканской науки. Сложились научные школы по целому ряду научных направлений. Высоких результатов, ставших визитной карточкой чеченской науки, удалось добиться в области геологии и нефтехимии. Одним из корифеев естественнонаучных исследований был основатель и первый президент Академии наук Чеченской Республики, доктор химических наук, проф. Х.И. Ибрагимов. Из ученых гуманитарного направления важнейший вклад в становление чеченской науки внес доктор филологических наук, чл.-корр. РАН Ю.Д. Дешериев, бывший заместитель директора по науке Института языкознания РАН, возглавлявший отделы кавказских языков и социальной лингвистики.

В Казахстане вступил на профессиональный путь А.М. Цебиев – один из авторов научного открытия лавинно-пролетных диодов. После окончания средней школы в Джамбульской области Казахстана в 1954 г. он поступил на физико-математический факультет Казахского государственного университета; учебу завершал в Ростове-на-Дону (*Якубов,* 2009. С. 11).

Однако на поступательный процесс развития науки губительное воздействие оказали известные трагические события на территории республики 1990-х годов, в результате чего наука претерпела деструктивные изменения. Была уничтожена материальная база научных учреждений, из республики уехали ведущие ученые.

Сегодня наука республики возрождается. Осуществляется не только восстановление былого научно-технического потенциала республики, но и развитие его на новом качественном уровне. Принят Закон Чеченской Республики «О науке, научной и научно-технической деятельности» (2007 г.). В 2003 г. с целью консолидации и реализации научного и творческого потенциала была создана региональная общественная организация «Интеллектуальный центр Чеченской Республики». В составе Центра более 150 членов, он объединил людей разных профессий (учителя, врачи, ученые, деятели культуры, литературы). Центр реализовал ряд региональных программ, он ежегодно присуждает премию «Серебряная сова» по разным номинациям, в том

Сотрудники Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики. 2012 г.
Личный архив Р.М. Исаевой

Директор Института гуманитарных исследований С.С. Магомадов (слева) и заместитель директора Х.М. Мамаев. 2012 г.
Личный архив Р.М. Исаевой

Чеченский педагогический институт
г. Грозный
Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

числе и в области науки. Ее лауреатами стали ведущие ученые республики доктора наук, профессора Х.И. Ибрагимов, Ш.А. Гапуров, М.У. Умаров и др.

На современном этапе сфера науки республики представлена сетью научно-исследовательских, научно-вспомогательных, проектно-конструкторских и опытных учреждений, в которых развернуты научные исследования по важнейшим направлениям науки и технологий. Лидером среди них является Академия наук ЧР. Именно на нее были возложены задачи возрождения науки, восстановления научного потенциала и координации научных изысканий в республике. Сегодня Академия наук, ютившаяся в нескольких кабинетах (до 2004 г.), превратилась в солидный научный центр. После кончины в 2006 г. Х.И. Ибрагимова новым президентом Академии наук ЧР был избран заслуженный деятель науки Чеченской Республики, доктор исторических наук, проф. Шахрудин Айдиевич Гапуров.

Сегодня Академия наук ЧР – динамично развивающаяся научная структура, в которую входят Институт гуманитарных исследований, Центр проблем материаловедения, отделы биологии, медицины, наук о земле.

Академия наук республики со дня своего основания занимается разработкой приоритетных направлений науки и техники, созданием научных школ и подготовкой научных кадров. Здесь проводятся фундаментальные и прикладные исследования по следующим направлениям: археология и этнография; история науки и техники ЧР; физико-химические и поверхностные свойства жидких и твердых фаз металлов; разработка новых составов и способов их применения для меркуризации объектов; физико-химические свойства поли-

мерных растворов; география и геоэкология ЧР; геология и минеральные ресурсы ЧР; геофизические поля и сейсмичность ЧР; эколого-экономическая оценка антропогенного воздействия на природную среду ЧР; физические свойства материалов промышленных отходов и разработка технологии их утилизации; флора и фауна бурунных степей Восточного Предкавказья; разработка научных основ адаптивного виноградарства. Издается «Вестник Академии наук ЧР». Налажены плодотворные связи с научными учреждениями страны: с Российской академией наук, Академиями наук Башкортостана, Татарстана и др. (*Гапуров*, 2008. С. 6). Кроме того, научная деятельность осуществляется также в КНИИ РАН, ГрозНИИ, Институте проблем образования, НИИ сельского хозяйства и др. Свой вклад в возрождение и развитие науки республики вносят научно-просветительские и научно-вспомогательные учреждения (музеи, научные библиотеки, заповедники и др.).

Комплексный НИИ РАН создан в октябре 2000 г. решением Президиума РАН. В структуру института входят отделы гуманитарных исследований, физико-математических исследований, геофизики, геологии и геоэкологии, материаловедения, медико-биологических исследований. Разработки института нашли широкое применение и отмечены высокими наградами. На международном салоне-выставке «Архимед-2009» разработки КНИИ удостоены 2 золотых и 3 серебряных медалей. С 2005 г. в институте функционирует аспирантура.

В ГрозНИИ одно из основных направлений научно-технической деятельности – совершенствование процесса каталитического крекинга. Научные исследования института направлены на создание наукоемких технологий, обеспечивающих лидирующее положение в нефтепереработке, что стало возможным благодаря наличию тесных творческих связей с научными учреждениями России. Основные экспериментальные исследования проводятся совместно с Институтом нефтехимического анализа РАН (*Дадашев, Дадашева*, 2008. С. 15).

Институт развития образования ЧР разрабатывает вопросы научного и научно-методического обеспечения системы образования (общедидактические и частно-методические принципы обучения русскому и чеченскому языку и литературе, вопросы изучения чеченской традиционной культуры и этики, истории и географии Чечни и др.) (*Арсанукаев*, 2008. С. 10).

Деятельность Чеченского НИИ сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук направлена на научное обеспечение агропромышленного комплекса ЧР (*Ибрагимов*, 2006). Основные направления деятельности института: растениеводство, земледелие и кормопроизводство, селекция и семеноводство, овощеводство, картофелеводство, садоводство, плодоводство, виноградарство, почвоведение, животноводство, экономика и организация сельского хозяйства, защита растений, механизация, ветеринарная медицина. Институт включен в план фундаментальных и приоритетных исследований Россельхозакадемии по научному обеспечению развития АПК РФ на 2011–2015 гг.

В вузах республики проводятся научные конференции, выпускаются учебные пособия, монографии, вузовские и межвузовские сборники научных работ, налажена научно-исследовательская работа студентов и др. Ученые университета работают над широким спектром научных тем по математике,

физике, химии, биологии, экологии, экономике, сельскому хозяйству, истории, филологии. Здесь разрабатываются фундаментальные и прикладные исследования.

Подготовка научных кадров осуществляется по широкому спектру научных специальностей как на месте (в НИИ и вузах через аспирантуру, институт соискательства), так и за пределами республики.

ТЕАТР

Истоки театрального искусства чеченцев сформировались еще в древности. В фольклоре чеченцев были развиты драматические начала, присутствовали элементы народного театра (Чеченцы, 1996. С. 306). Театрализованность была свойственна всей жизни чеченцев. Без участия акробатов не проходил ни один праздник на селе, ни одно знаменательное событие. Канатоходцев сопровождали *джихурги* – клоуны и *бозбуунчи* – фокусники (*Алироев*, 1990. С. 332–333). Представления джихургов выставляли на потеху народа все то, что было достойно осмеяния (*Абдурзакова*, 2009). Музыкой, песнями, танцами, юмором сопровождался и ежедневный нелегкий труд, особенно *белхи*. Поэтому не случайно чеченский театр всегда был связан глубокими корнями с народной культурой.

Первые концертные залы и театральные площадки в Грозном возникают в начале XX в. Культурные потребности горожан удовлетворяли заезжие артисты и духовые оркестры местного гарнизона. 15 августа 1904 г. в Грозном, в здании общественного собрания (со сценой и зрительным залом на 300 мест) состоялась премьера спектакля «Вольные люди (Праздник мира)» Г. Гауптмана, поставленный Е.Б. Вахтанговым; это была его первая крупная режиссерская работа. Именно здесь начинается Вахтангов-искатель, экспериментатор (*Зубков*, *Кан-Калик*, 1968. С. 1). С каждым приездом Е.Б. Вахтангова в Грозный оживлялась театральная самодеятельность. Создавались любительские театральные кружки, в состав которых входили представители различных слоев населения. Большим успехом пользовался театральный кружок рабочих нефтепромыслов, организованный в 1909 г. одним из руководителей грозненского пролетариата С.С. Бутенко. Кроме того, в городе было создано несколько театральных кружков: реального училища, клуба приказчиков, женской гимназии. С Е.Б. Вахтанговым в Грозный приезжали 5–6 профессиональных артистов, вокруг которых группировались местные любители – члены театральных кружков, из которых он отбирал исполнителей для своих спектаклей. Евгений Багратионович проявлял глубокую озабоченность отсутствием в Грозном профессионального театра. «В Грозном должен быть театр», – пишет он в местной газете «Терек». Е.Б. Вахтангов обращается в городскую думу с предложением о создании в городе театра на профессиональной основе и обещает свою помощь. Популярность Е.Б. Вахтангова настолько возрастает, что во время очередных гастролей в 1910 г. городская дума решает вопрос о приглашении режиссера на постоянную работу (Там же. С. 19).

Творческая деятельность в Грозном Е.Б. Вахтангова и местных любительских театральных кружков способствовала проявлению у чеченской

интеллигенции интереса к театральному искусству. Один из ее представителей – Назарбек Джамалдинович Шерипов – офицер, автор ряда пьес на русском и чеченском языках. В 1912 г. он поставил на сцене грозненского парка отдыха спектакль «На вечеринке» на чеченском языке. В спектакле были заняты, кроме автора, три любителя, танцевальная группа и ведущий, комментировавший спектакль на русском языке. Хотя профессионального театра в Грозном и в Чечне вплоть до революции так и не было создано, однако все же база для зарождения чеченского профессионального театра постепенно складывалась, и в ее основе лежали элементы театрального зрелища, устное народное творчество, фольклор, многовековой опыт передовой русской театральной культуры (*Берсанукаева*, 2008а. С. 4).

В первое послеоктябрьское десятилетие социальная активность способствовала возникновению и расцвету самодеятельного драматического искусства, формированию в Чечне театральных коллективов. Создаются любительские драматические кружки, которые дают толчок возникновению и развитию драматической литературы. Правда, большинство из них были недолговечны, так как существовали исключительно на энтузиазме участников и не имели достаточной материальной базы. Вместе с тем некоторые из них создавали фундамент будущему профессиональному чеченскому театру (*Албакова*, 1990. С. 12). В связи с отсутствием пьес на чеченском языке драматические кружки на первых порах играли в основном написанные и исполнявшиеся на русском языке пьесы о горцах. Однако эти пьесы обладали сравнительно небольшим диапазоном воздействия, так как только немногие чеченцы знали русский язык. Данилбек (Денилбек) Джамалдинович Шерипов (брат Н.Д. Шерипова) – общественный деятель, публицист, редактор литературно-общественной газеты «Терек», известный в Чечне юрист, переводчик, фольклорист, драматург, автор ряда пьес, в 1923 г. организовал первый драматический кружок, для которого сам писал пьесы. Большой успех имел спектакль по его пьесе «Алибек-хаджи Зандакский», поставленный кружковцами.

К середине 1920-х годов театральная самодеятельность заметно окрепла. Делаются первые попытки играть спектакли на чеченском языке. Марьям Султановна Исаева (1898–1977) – писательница, переводчица, автор учебников по чеченской литературе, организатор работы среди женщин и просвещения детей, поставившая еще в 1921 г. детский спектакль «Урожай» (*Новикова*, 1966. С. 65), ставит полуимпровизационные спектакли. В ст. Ермоловской она показала спектакль «Женщина у руля», роли в котором были исполнены самими сельчанами. После возникновения письменности на родном языке, с 1926 г. репертуар всех драматических кружков состоял из пьес чеченских драматургов. В 1928 г. Магомет Этиевич Яндаров организовал постоянный драматический кружок (Чеченцы, 1996. С. 306). Выпускник Пятигорского педагогического института и Ростовского-на-Дону военного училища, он был кадровым офицером и участвовал в Первой мировой войне. Одной из граней его многосторонней деятельности было увлечение театром. Им были написаны пьесы «Макажоевский имам», «Заахало», «В сельсовете», рассказы «Новая жизнь», «Ударники» (*Юсупов*, 2009. С. 13, 14, 30). Кружок состоял из слушателей областных курсов работников советского и партийного аппарата, учителей, партийных работников. В кружок входили и русские любители –

Студенты ГИТИСА из Чечни. 1938–1941 гг.
Личный архив Р. Хакишева

Н. Мосиенко и др. (*Ахмадов, Хасмагомадов*, 2005. С. 758). В помещении, где проходили занятия курсов, была сооружена примитивная сцена. Здесь М.Э. Яндаров репетировал с самодеятельными артистами свои пьесы, а также пьесы драматургов С. Бадуева, И. Эльдарханова, Д. Шерипова.

Развитие чеченской драматургии и деятельность первых энтузиастов и самодеятельных театральных кружков создали благоприятную почву для зарождения национального профессионального театра, 1 мая 1931 г. на базе кружка М.Э. Яндарова открывается театральная студия имени А.Д. Шерипова, которая совмещала учебные занятия с поездками по области. Директором студии был назначен Магомет Яндаров, художественным руководителем – Владимир Шатов. Первых студийцев было 45 человек, в том числе 9 женщин. Сюда входили в основном участники художественной самодеятельности, слушатели рабфака и совпартшколы. Большинство из них были неграмотными и малограмотными, почти не знали русского языка. С учетом этого их занятия проходили по специальной программе. Студия с самого начала своей творческой деятельности была связана с задачами обновляющейся жизни в Чечне (Чеченцы, 1996. С. 306). Вскоре художественным руководителем студии стал режиссер Александр Александрович Туганов, бывший актер театра Корша в Москве, имевший большой опыт работы в национальных театрах. Вместе с А.А. Тугановым в театре работали режиссер М. Алили и художник М. Сагинян (40 лет…, 1971. С. 2). А.А. Туганов в сопровождении помощника режиссера Б. Саидова совершал поездки по самым отдаленным

горным аулам. Они посещали свадьбы, похороны, вечеринки, знакомились с национальными обрядами и играми. Наиболее способных молодых участников игр и обрядов они приглашали в студию для дальнейшей учебы. Студия показывала свои спектакли в окрестных аулах, где приходилось играть в совершенно неприспособленных помещениях, а часто и под открытым небом, и сразу же завоевала широкую популярность.

15 июля 1933 г. студия показала дипломный спектакль по пьесе С. Бадуева «Красная крепость», состоялся первый ее выпуск из 23 человек – первых профессиональных чеченских актеров: Т. Алхазов, И. Ибрагимов, А. Исаева, Ш. Кагерманов, А. Ташухаджиева, В. Ткачева, Б. Эльмурзаев и др. С этого дня студия стала именоваться Чеченским государственным драматическим театром (с 1934 г. – Чечено-Ингушский государственный драматический театр).

В становлении национального театра и подготовке кадров с первых шагов большую роль играли представители искусств различных регионов страны. Это они ставили на сцене театра первые крупные спектакли, воспитывали национальные актерские кадры, передавали свой опыт будущим режиссерам, приобщали зрителя к мировой культуре (Там же. С. 2). Первых своих артистов театр готовил в студиях в Орджоникидзе и Грозного. Шефство над молодым театром взял Грузинский драматический театр им. Ш. Руставели. В Грозный в качестве главного режиссера театра приехал Арчил Евстафьевич Чхартишвили (впоследствии главный режиссер Тбилисского театра имени Ш. Руставели, народный артист СССР), много сделавший для становления чеченского национального театра. Театр им. Ш. Руставели открыл специальную театральную студию, которую к 1936 г. окончили 19 посланцев из Чечено-Ингушетии.

В январе 1934 г. при Московском государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского было открыто чечено-ингушское театральное отделение с трехлетним сроком обучения. В 1938 г. оно было преобразовано в студию с пятилетним сроком обучения, куда были зачислены 40 молодых чеченцев и ингушей. Руководителем студии был режиссер и педагог М.Г. Минаев. Начавшаяся война прервала учебу студии, почти вся мужская группа курса добровольцами ушла на фронт. Домой из них вернулось только несколько человек (Там же. С. 3).

От спектакля к спектаклю росло мастерство актеров и режиссеров, раскрывались их творческие возможности. С приходом в 1937 г. в театр художественным руководителем выпускника ГИТИСа Гаруна Махмудовича Батукаева начинается новая страница в жизни театра. Это был первый чеченец, получивший высшее режиссерское образование. Приход режиссера, знающего язык, быт, культурный уровень и запросы зрителя, имел большое значение. Вскоре это сказалось на качестве спектаклей (Чеченцы, 1996. С. 309).

Выдающуюся роль в зарождении и становлении чеченского театра сыграл Саид-Селах Сулейманович Бадуев (1904–1937) – ведущий драматург театра, поэт, писатель. Вся его творческая деятельность была связана с театром. Только в 1930–1937 гг. он написал для театра более 15 пьес различных жанров: «Закон отцов», «Горы меняются», «Петимат», «Красная крепость», «Золотое озеро», «Семья чабана», «Женитьба Цаэбы» и другие, которые шли на сцене с огромным успехом. Его драма «Петимат» стала классикой чечен-

ской драматургии. Вместе с театром росли и драматурги А. Хамидов, Х. Ошаев, Н. Музаев, М. Мамакаев, А. Мамакаев и др.

В конце 1930-х годов перед театром возникли серьезные трудности. В связи с репрессиями прервалась работа в театре драматургов С.-С. Бадуева, Х. Ошаева. Театру нужно было уходить от подражания и искать свой путь. В 1939 г. в театр пришел новый художественный руководитель, выпускник ГИТИСа В.Э. Вайнштейн. Он возобновил систематическую студийную работу. Были поставлены спектакли по пьесе Б. Саидова «Зайнап». Творческой удачей стала постановка драмы Х. Ошаева «Борьба продолжается». Успешные постановки театра свидетельствовали о больших возможностях театра и его актеров, о стремлении их к реалистическому, психологически насыщенному искусству.

Г. Батукаев, художественный руководитель Чеченского государственного драматического театра им. Х. Нурадилова
Личный архив Р. Хакишева

Театр уделял много внимания переводным произведениям, что способствовало приобщению горцев к достижениям мировой драматургии. В его репертуаре были спектакли по произведениям различных авторов: «Анзор» С. Шаншиашвили, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «На заре» И. Базоркина, «Храбрый Кикила» Г. Нахуцришвили, «Горцы» Р. Фатуева, пьесы Н.В. Гоголя и др. Из зарубежной классики – пьесы Лопе де Вега, Ф. Шиллера, К. Гольдони, Ж.-Б. Мольера и др. В театре работали режиссеры Е. Свободин, А. Сумароков, композиторы А. Александров, М. Речменский, Г. Мепурнов, У. Димаев, художники М. Гамрекели, Э. Бернгард, балетмейстер Л. Леонов и др.

Процесс становления и развития театрального дела в Чечне был прерван Великой Отечественной войной. Национальный театр немедленно перестроился на военный лад и находился на казарменном положении. Из его творческого коллектива были организованы три бригады, которые выступали на митингах, собраниях, в клубах, на избирательных участках, в агитпунктах, войсковых частях и госпиталях, отдаленных горных аулах; свой театральный реквизит порой приходилось перетаскивать на собственных плечах. В составе бригад были и ведущие артисты театра А. Хамидов, Я. Зубайраев, Т. Алиева, А. Исаева и др. (Культурное строительство, 1985. С. 27, 30, 31–32). В это суровое время в театре работают также артисты В. Татаев, М. Бадуев, А. Ташухаджиева, Х. Хакишева, Х. Чимаев, З. Исакова, Х. Мусаев и другие. Репертуар бригад состоял из одноактных пьес, народных песен

и песен Отечественной войны, танцев, музыки и художественного чтения. Репертуар театра военного времени изобилует пьесами патриотического содержания: «Сурхо – сын Ады» М. Гадаева и Г. Батукаева, «Олеко Дундич» М.А. Каца и А.Г. Ржешевского, «Капитан Ибрагимов», «Рождение ненависти», «Тамара» И. Базоркина, «Накануне» А.Н. Афиногенова, «Борьба продолжается» Я. Исламова (Х. Ошаев), «Шторм» В.Н. Билль-Белоцерковского, «Храбрый Кикила» Г. Нахуцришвили и т. д. (40 лет…, 1971. С. 2–3). Только с 15 июля по 10 августа 1941 г. бригады артистов дали 53 концерта, на которых побывало более 13 тысяч человек (Чеченцы, 1996. С. 309). За первое полугодие 1942 г. театром было дано 123 спектакля, где присутствовали 20,4 тыс. зрителей (Культурное строительство, 1985. С. 36). За военный период коллектив театра дал для бойцов действующей армии на передовых позициях, в госпиталях около 900 спектаклей и концертов, при этом часто делая многокилометровые пешие переходы (40 лет…, 1971. С. 2). Театр выступал также с концертами, сборы от которых были переданы на постройку эскадрильи «Советский артист», в пользу военных госпиталей. Многие актеры театра ушли на фронт и не вернулись: А. Гериханов, С.-А. Дакаев, Т. Исаев, А. Туликов и др. В 1943 г. театру было присвоено имя Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова. В 1944 г. в связи с депортацией чеченского народа деятельность национального театра была прекращена.

После восстановления в 1957 г. автономии и возвращения чеченского народа на родину в июле 1958 г. возобновляет деятельность Чеченский драматический театр. Трудным было возрождение театра. Начинать пришлось с нетворческих дел: переоборудовать бывший Дом культуры под театр. Но прежде всего не хватало актеров (*Ташаева*, 2006. С. 333). В 1957 г. в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии была набрана актерская студия, воспитанники которой влились в труппу театра. В 1963 г. собственная студия, которой руководили главный режиссер М.Г. Минаев, режиссеры и педагоги театра Л. Горькая и другие, выпустила актеров со средним специальным образованием (40 лет…, 1971. С. 3). Среди выпускников студии были З. Багалова, Д. Омаев, А. Дениев и др. А пока в театре рядом с вернувшимися на родину профессиональными актерами, стоявшими у его истоков, начала работать способная молодежь из самодеятельности. В премьере первого спектакля возрожденного театра «Асланбек Шерипов» успешно дебютировали: бывший шахтер С. Гулиев, комсорг совхоза С. Ильясов, бывший участник ансамбля А. Дениев. В конце 1950-х – первой половине 1960-х годов в театре работали режиссеры М. Минаев, Л. Горькая, А. Белолипецкий, П. Харлип, Г. Батукаев, внесшие огромный вклад в его восстановление и творческое развитие.

В 1950–1980-е годы в условиях творческой несвободы государство определяло репертуар театра: борьба с пережитками прошлого, тема раскрепощения женщины-горянки, трудовой подвиг советского народа, критика адатно-шариатских устоев, антирелигиозная тема, тема кровной мести и др. (*Ташаева*, 2006. С. 333). Основой репертуарной политики театра был интернациональный принцип. Театр не замыкался в узконациональных рамках, осваивал и активно пропагандировал отечественную, зарубежную классическую и современную драматургию (40 лет…, 1971. С. 3). На сцене театра увидели свет рампы пьесы русских, азербайджанских, белорусских,

балкарских, грузинских, дагестанских, ингушских, киргизских, молдавских, осетинских, узбекских, туркменских, татарских и других авторов. Театр ставил произведения В. Шекспира, К. Гольдони, Ф. Шиллера, Г. Лорки, Лопе де Вега, Ж.-Б. Мольера, П. Мериме, А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, М.Ю. Лермонтова, М. Горького и др.

Наибольшим успехом у зрителей всегда пользовались комедии, так как вайнахи всегда любили посмеяться над собой. «Женитьба Цаэбы», «Мирза-Усач» Н. Музаева, «Храбрый Кикила» Г. Нахуцришвили, знаменитые гоголевские «Женитьба» и «Ревизор» и другие постановки всегда тепло встречались зрителями (*Ташаева*, 2006. С. 333). Подлинным триумфом стала постановка пьесы чеченского писателя А. Хамидова «Падение Бож-Али», ставшая классикой чеченской драматургии. Спектакль «Бож-Али» впервые был поставлен в 1965 г. режиссером Б. Харлипом. Спустя 13 лет постановка возродилась в режиссерской трактовке М. Солцаева. В 2008 г. этот спектакль поставил Р. Хакишев (*Сулумова*, 2008). «Бож-Али» – первая пьеса, шагнувшая на всесоюзную сцену, переведенная на многие языки и поставленная в республиках бывшего СССР (*Айдаев*, 1987. С. 116). Она также переведена на турецкий, арабский и другие языки и идет в театрах Турции, Иордании, Сирии. Значительным событием стало участие театра во Всесоюзном смотре театральных коллективов в 1962 г. в Москве, где он был удостоен диплома 1-й степени за спектакль «Горянка» по поэме Р. Гамзатова.

С середины 1960-х годов творческий состав театра пополнился молодыми режиссерами – воспитанниками ленинградской академической школы – учеником Г.А. Товстоногова Мималтом Мусаевичем Солцаевым (ныне народный артист Российской Федерации, лауреат Государственных премий РФ, профессор) и учеником М.В. Сулимова Русланом Шалаудиновичем Хакишевым (ныне народный артист Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ), нынешним художественным руководителем Чеченского драматического театра им. Х. Нурадилова. Расцвет театрального искусства Чечни неразрывно связан с именами этих талантливых режиссеров. С их приходом начался «золотой век» в истории театра. Театр из социально-бытового превращается в театр героической романтики и высокой поэзии. М.М. Солцаев, став в середине 1960-х годов главным режиссером театра, заново переосмысливает репертуар, в котором героико-романтическая тема становится главной. Она предполагала масштабность философских обобщений в решении проблемы «человек – общество» и органическое слияние лирики и романтики. Театр выбирает преимущественно трагедийно-драматическую форму, неизменно добиваясь в спектаклях глубокого и чистого звучания темы. Период этой новой эстетики театра следует отсчитывать с постановки «Кровавой свадьбы» Г. Лорки в 1968 г. Этот спектакль доказал способность коллектива театра глубоко раскрывать сложное социально-философское содержание трагедии, ее высокопоэтическую форму. Театр осуществляет четвертый вариант постановки пьесы классика чеченской литературы С.-С. Бадуева «Петимат». Свой вариант спектакля «Бессмертные» создает М.М. Солцаев. Он ставит спектакль по своей пьесе «Бешто», а также зарубежную классику: «Сид» П. Корнеля и «Ричард III» В. Шекспира, которые становятся ведущими постановками в репертуаре. М.М. Солцаева всегда волновала проблема «личность и общество». Он обращается к образу Ленина

и за спектакль «Лениниана» он и актер М. Давлетмирзаев получили Государственную премию РСФСР (*Ташаева*, 2006. С. 337, 347; Город Грозный, 1984. С. 156). Спектакль Р.Ш. Хакишева «Пир во время чумы» по произведениям А.С. Пушкина раскрывает его маленькие трагедии как целостное произведение. В основе спектакля Р.Ш. Хакишева «Песни вайнахов», удостоенного Государственной премии РСФСР, лежит чеченский фольклор.

В 1960–1970-е годы театр не имел возможности создать спектакли, отражающие историю вехи чеченского народа. Под жестким запретом цензуры находились темы Кавказской войны, массового выселения чеченцев в Турцию, сталинского геноцида. Пьесы известных чеченских писателей Н. Музаева, Б. Саидова, У. Ахмадова, несмотря на наличие в них удачных сцен, ярких образов, «стриженные суровой цензурой», не позволяли вести эмоциональный диалог о волнующих общество проблемах (*Берсанукаева*, 2008а). Во второй половине 1980-х годов цензура смягчается, и театр осваивает историческую тему, ставит спектакли на ранее запрещенную тематику истории чеченского народа. Это спектакли «Земля отцов», «Когда рушится мир» Р.Ш. Хакишева, «Свобода или смерть», «Из тьмы веков» М.М. Солцаева и др. В конце 1980-х годов на сцене театра идут пьесы молодых чеченских авторов: «Черная коса» Л. Яхъяева, «Один лишь бог» С.-Х. Нунуева, а также пьесы М. Ахмадова, С. Гацаева и др.

Популярность и славу театра формировало не одно поколение артистов, режиссеров, драматургов. Театр всегда славился своим сильным актерским составом. Шесть выпусков вузов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Воронежа, а также студии при самом театре, внесшие неоценимый вклад в становление и развитие театрального искусства Чечни, в течение полувека пополняли творческий состав театра (*Берсанукаева*, 2006). Краткой, но яркой страницей вошло в историю театра имя режиссера Х. Гузуева. Званий народных и заслуженных артистов Российской Федерации и Чеченской Республики удостоены М. Давлетмирзаев, Д. Омаев, Н. Хаджиева, З. Багалова, Р. Гичаева, М. Дудаев, Х. Азаев, А. Джамаев, С. Докаев, З. Радуева, Б.-А. Вахидов и др. (*Берсанукаева*, 2008). Богатый национальный колорит в спектакли вносили чеченские композиторы и хореографы А. Шахбулатов, С. и А. Димаевы, С.-Х. Януркаев, Д. Музакаев и др. С 1989 г. актерские кадры начал готовить Чеченский государственный университет, при котором открыта эта специализация и создана кафедра «Актерское искусство».

Огромный вклад в развитие театра, в подготовку кадров внесли режиссеры и педагоги страны: В. Андреев, А. Васадзе, Л. Горькая, С. Гушанский, А. Дундуков, С. Лепковская, М. Минаев, И. Мейерхольд, В. Меркурьев, И. Пыжова, И. Савельев, В. Сулимов, В. Стржельчик, Г. Товстоногов, А. Хорава, В. Якут и др. (*Берсанукаева*, 2006). Их ученики, привнося с собой опыт определенной театральной школы, создавали творческое своеобразие чеченского театра. Оставаясь верными принципам русской театральной школы, органично впитывая накопленный опыт самобытных чеченских актеров, они обогащали творческую палитру театра. В театре работали представители творческой интеллигенции разных народов: композитор А. Спиваковский, режиссеры Н. Дециг, А. Ридаль, П. Харлип, Э. Шмидт и др. (*Берсанукаева*, 2008).

Постановки театра отмечались дипломами и премиями престижных театральных фестивалей СССР и РСФСР. Спектакли «Песня вайнахов», «Земля отцов», «Пир во время чумы», «Пока арба не перевернулась», «Женитьба Бальзаминова», «Тигр и гиена», «Бессмертные», «Драматическая песня», «Женитьба» награждены дипломами Министерств культуры СССР и РСФСР, Союза театральных деятелей России, Венгрии, Болгарии, государственными премиями РСФСР им. К.С. Станиславского (*Берсанукаева*, 2006).

Развивались творческие связи театра с учреждениями культуры соседних республик. Стали традиционными обменные гастроли с Херсонской областью Украины, с Северной Осетией, совместные постановки спектаклей. Заслуживший признание театральной общественности и зрителей спектакль театра им. Х. Нурадилова «Борьба» был поставлен режиссером из Северной Осетии, народной артисткой РСФСР З. Бритаевой. Укреплению связей способствовали творческие мероприятия, проводимые театрами северокавказских республик. В 1973 г. в празднике искусств, прошедшем во всех районах Чечено-Ингушетии, вместе с мастерами республики участвовали представители театров Дагестана и Северной Осетии. 30-летию Победы в Великой Отечественной войне были посвящены театральные вечера дружбы, организованные в Грозном силами отделений ВТО – Чечено-Ингушским и Северо-Осетинским (История Чечни, 2006). На просмотры спектаклей театра приезжали в Грозный ведущие театральные критики, известные режиссеры, художники страны.

Во время гастролей, театральных фестивалей театр знакомит со своим творчеством многонациональную зрительскую аудиторию. Театр неоднократно выезжал на гастроли в Москву, Ленинград, Дагестан, Северную Осетию, Калмыкию, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию. Ахметский район Грузии, откуда привозил теплые отзывы о талантливой самобытной режиссуре и высоком искусстве актеров (*Берсанукаева*, 2008). Своего рода творческим экзаменом стали первые крупные гастроли театра в Москве летом 1971 г.

Трагические события начала 1990-х годов оказались для театрального искусства республики разрушительными. Военные действия на территории республики уничтожили театральные здания и материальную базу. Директор С. Дакаев и главный режиссер Р. Хакишев, возглавивший театр в 1990 г., делали все, чтобы любой ценой сохранить коллектив. Часть труппы перемещается в Ингушетию, в Карачаево-Черкесии была продолжена творческая работа театра в форме вечеров чеченской комедии, проходивших в здании государственной филармонии Черкесска. В 2001 г. труппа театра переезжает на базу Краснодарского творческого объединения «Премьера». Позже театр был размещен в курортно-оздоровительном центре г. Анапы. Здесь же Р. Хакишевым была подготовлена программа, посвященная 70-летию театра. Празднование юбилея театра прошло 18 мая 2001 г. во Дворце искусств г. Краснодара (*Берсанукаева*, 2006). С мая 2001 г. коллектив театра располагается в гостинице г. Нальчика, с июня 2002 г. – переезжает в пункт временного проживания в г. Гудермесе, в конце 2003 г. в полуразрушенном здании в Грозном театр начал свою работу. Коллектив восстановил старый репертуар и возобновил гастрольную деятельность.

Коллектив Чеченского государственного драматического театра им. Х. Нурадилова. 2011 г.
Личный архив Р. Хакишева

Сцена из спектакля «Созидат и Дауд». 2010 г.
Личный архив Р. Хакишева

Здание Чеченского государственного драматического театра им. Х. Нурадилова. 2012 г.
Личный архив Р. Хакишева

Вооруженный конфликт прервал, но не остановил творческую деятельность театра, который выступал перед беженцами, находившимися в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в районах Чеченской Республики. В 2003 г. в Карачаево-Черкесии Р. Хакишев и Ш. Магомаев (президент Благотворительного фонда для сирот войны) организовали чеченский молодежный театр «Прометей» (*Берсанукаева*, 2010). Его спектакли посмотрели более 3 тысяч детей из Чечни, проходивших реабилитацию в пансионатах Карачаево-Черкесии. Р. Хакишев также осуществлял постановки спектаклей в русских театрах городов Махачкала, Брянск, Черкесск, Шахты, в национальных театрах – Ингушском, Марийском, Хакасском, Карачаевском, Лакском.

В 2004 г. театр налаживает творческие связи с В.А. Гергиевым, который проводит акции под девизом «Мир на Кавказе». При творческой поддержке академического Мариинского театра Санкт-Петербурга и В.А. Гергиева, предоставившего свой комбинат по изготовлению декораций и шитью сценических костюмов, Р. Хакишев поставил спектакль «Скапен, спаси любовь» по пьесе Ж.-Б. Мольера. Этот спектакль был с успехом показан в Москве в Дни культуры Чеченской Республики, стал участником фестиваля «Сцена без границ», где удостоился почетных дипломов (Там же). По совместному проекту с Международным комитетом Красного Креста Р. Хакишев поставил спектакль «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери, удостоенный почетного диплома Фонда Экзюпери. Театр принимает активное участие в реализации

программы Детского фонда ООН «Спасем поколение». В школах республики артисты театра ставили спектакли на тему «Жизнь без мин», проводили занятия с детьми, приобщая их к искусству.

В период боевых действий в Чечне Р.Ш. Хакишев устанавливал контакты с театральными деятелями. При поддержке российских и зарубежных коллег (в том числе театрального деятеля Питера Крюга из Германии) гастроли театра прошли во Франции, Англии, Германии, Турции (*Берсанукаева*, 2008).

Ни военное лихолетье, ни лишения, ни потери близких и родных, ни разрушения родных театральных стен – ничто не сломило коллектив, его волю к жизни, любовь и преданность своему театру. Поэтому и сегодня театр любим и востребован зрителем. Театр продолжает работать над освоением новейшей истории, постижением проблем современности, на гастролях знакомит с чеченской театральной культурой многонациональную зрительскую аудиторию. Театр участвует в ежегодных фестивалях национальных театров Северного Кавказа и России («Сцена без границ» в Северной Осетии – Алании, «Улыбка друзей» в Кабардино-Балкарии, «Комплимент» в г. Новочеркасске). Режиссеры и актеры театра награждались в номинациях «Мужество и воля», «Лучшая режиссерская работа», «Лучшая актерская работа», «Приз зрительских симпатий», «Лучший сценический костюм», «Лучшая женская роль второго плана». Театр тесно сотрудничает с известными писателями М. Ахмадовым, Л. Яхъяевым, С.-Х. Нунуевым и постоянно обновляет свой репертуар. Его основу составляет классическая драматургия. Памяти первого Президента Чеченской Республики Героя России А.-Х. Кадырова посвящена драма «Нигат» («Обет») Л. Яхъяева в постановке Р. Хакишева. В репертуаре театра есть спектакли «Расплата» А. Мусаева, «Сватовство у ручья» М. Ахмадова, «Золотой цыпленок» В. Орлова и др.

Перед театром стоит и ряд нерешенных проблем, порожденных постконфликтной ситуацией, прежде всего нехватка профессиональных кадров. Поэтому Министерство культуры Чечни направляет молодежь на учебу в российские вузы. Планируется также организовать работу творческих лабораторий в Грозном с привлечением специалистов из других республик по всем направлениям театрального искусства.

История Чеченского драматического театра неразрывно связана с судьбой его народа. Вместе с народом он переживал самые трагические страницы истории, говорил со сцены о самом сокровенном. Театр приобщал зрителя к национальной, русской и зарубежной драматургии, воспитывал его на нравственных примерах своих сценических героев (*Ташаева, Алиева,* 2002). Утверждение человеческого достоинства, духовной свободы и высокой нравственности, яростная борьба за человека – все это определяет особое лицо чеченского театра, который активно участвует в духовном возрождении народа.

Сегодня в Чеченской Республике работают четыре государственных театра: Чеченский драматический театр им. Х. Нурадилова, Русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова, Театр юного зрителя, Молодежный театр «Серло». Государственные театры постоянно пополняют свой репертуар. При этом национальный театр обращается к чеченской классической драматургии, театр им. Лермонтова – к русской классике, ТЮЗ делает первые шаги

к использованию ростовых кукол и игре актеров «вживую», а Молодежный театр, помимо постановки комедийных спектаклей и мюзиклов, стремится к реализации различных тематических проектов.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

До первой половины 1920-х годов у чеченцев не было развито профессиональное изобразительное искусство, поскольку ислам запрещал изображение в живописи человека и животных. В 1920-е годы художественное творчество чеченцев было в целом представлено декоративно-прикладным искусством.

С 1920–1930-х годов, опираясь на богатейший творческий опыт русской художественной школы, грозненские художники начинают творить, откликаясь на события быстро меняющегося времени. В изобразительном искусстве тех лет были представлены преимущественно живопись, графика, скульптура и художественная вышивка. В Грозном работали профессиональные и самодеятельные художники У. Ахмаров, Х.-Б. Ахриев, И.П. Борщев, Г. Даурбеков, Д.Ф. Зермин, В.В. Павлов, А.В. Сальман, А. Сулейманов, В.П. Щербина и др. Преобладала историко-революционная, фольклорно-этнографическая сюжетно-тематическая направленность отражения созидательной жизни народа.

Характерной особенностью развития изобразительного искусства в 1920-е годы стали произведения, проникнутые агитационным пафосом, революционной ломкой старых и зарождением новых, массовых форм. В первой половине 1920-х годов в Грозном активно работал В.В. Павлов, творчество которого было посвящено созданию цикла портретов вождей революции, отражению героики мирного строительства.

Пафос первых пятилеток, индустриализации, коллективизации, героизация событий и образов и романтическая возвышенность пронизывали изобразительное искусство Чечено-Ингушетии 1930-х годов. Наиболее распространенными были сюжеты: из жизни рабочих-нефтяников (Левченко «Буровая»); картины, воспевающие радость новой жизни, бытовые зарисовки, пейзажи (В.П. Щербина «Портрет комсомолки», Д.Ф. Зермин «Счастливое детство»). Создавались портреты вождей, картины, где были запечатлены эпизоды гражданской войны и ее участники (В.П. Щербина «Уфимский бой»; Д.Ф. Зермин «Серго Орджоникидзе с партизанским отрядом в горах Чечено-Ингушетии», «Бой под Долаковым», «Серго Орджоникидзе в бою под Долаковым»); иллюстрации к народным сказкам и др. В становление профессионального изобразительного искусства республики свою лепту внесли чеченские и ингушские художники. В жанре скульптуры работал У. Ахмаров. Его работа «Лезгинка» выставлялась на различных художественных выставках. Художник А. Сулейманов создал ряд ярких художественных полотен: «Портрет старой чеченки», «Девушка у костра», «Демон», «Серго Орджоникидзе в Чечено-Ингушетии» и др.

Со второй половины 1930-х годов в Грозном работал художник Г. Даурбеков. Его кисти принадлежит большое количество талантливых работ. Среди них картины, посвященные эпизодам гражданской войны, портреты, иллюстрации к книге Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и др., пейзажи, зари-

совки предметов материальной и духовной культуры горцев, написанные им как участником этнографических экспедиций в горах Чечни.

Популярным жанром художественного творчества в 1930-е годы была художественная вышивка, которую развивали вышивальщицы Е.И. Голдаева, Е.В. Мошкина, Л.Н. Ферних, М. Яндарова и др. Были созданы кружки художественной вышивки, которые не только повышали мастерство вышивальщиц, но и организовывали регулярные выставки.

Огромную роль в становлении и развитии изобразительного искусства сыграли выставки, которые не только популяризовали изобразительное искусство, но и выявляли новые таланты. Художники Чечено-Ингушетии принимали активное участие в их работе. С 1938 г. в Грозном ежегодно проводились отчетные республиканские художественные выставки, приуроченные к октябрьским торжествам. Если в ноябре 1938 г. было выставлено 400 произведений искусства, то в выставке 1939 г. уже участвовали 96 профессиональных и самодеятельных художников, представивших свыше 600 работ. В конце 1930-х годов стали проводиться персональные выставки художников республики. В апреле 1939 г. в Грозненском театре юного зрителя открылась первая персональная выставка работ грозненского художника А.В. Сальмана, где были представлены около 100 его работ.

В 1936 г. был создан республиканский Союз архитекторов. В июне 1939 г. состоялось организационное собрание художников республики, на котором был создан Чечено-Ингушский союз художников. В члены Союза было избрано 16 и кандидатами – 19 художников. На собрании было решено открыть в Грозном картинную галерею и художественную школу. В 1940 г. СНК ЧИАССР отпустил 50 тыс. руб. на организацию художественной студии, и к февралю 1940 г. в нее уже было принято 109 человек. Союз художников ЧИАССР и Управление по делам искусств республики начали набор в студию выходного дня с целью повышения квалификации художников. В 1939 г. в ДК им. Ленина и в клубе строителей были созданы кружки изобразительного искусства.

В годы депортации деятельность Чечено-Ингушского отделения Союза художников РСФСР была приостановлена и возобновилась в конце 1950-х годов.

В те годы в российском Союзе художников утвердился принцип организации экспозиций по региональному признаку. На Северном Кавказе была организована зона «Советский Юг». В период подготовки к зональным выставкам в Чечне был значительный подъем народного творчества, декоративно-прикладного искусства. Зональные выставки стали замечательной школой, где углублялось мастерство художников, выявлялись новые имена. На первых зональных выставках отмечались работы художников, стоявших у истоков Чечено-Ингушской организации Союза художников РСФСР. Это живописец Ф.Н. Сачко, В.К. Мордовин с картиной «Сельские коммунисты», чеченец Ш. Шамурзаев с картинами «Нефтяник» и «Горянка», Г. Янаков с натюрмортами, Х. Дадаев с картиной «Истанг», Д. Идрисов с картиной «Рассказ внука», А. Асуханов и П. Миронов с пейзажами горной Чечни, С.-Э. Эльмирзаев с графикой, В. Ливн с пейзажами и портретами, скульпторы А. Сафронов (автор памятника герою гражданской войны А. Шерипову, рельефов на здании национального чеченского драматического театра,

скульптурных портретов), И. Бекичев (автор трехфигурной композиции на площади Дружбы народов, многочисленных портретов тружеников Чечни) и др. Широко известны работы мастера резьбы по дереву И. Дутаева.

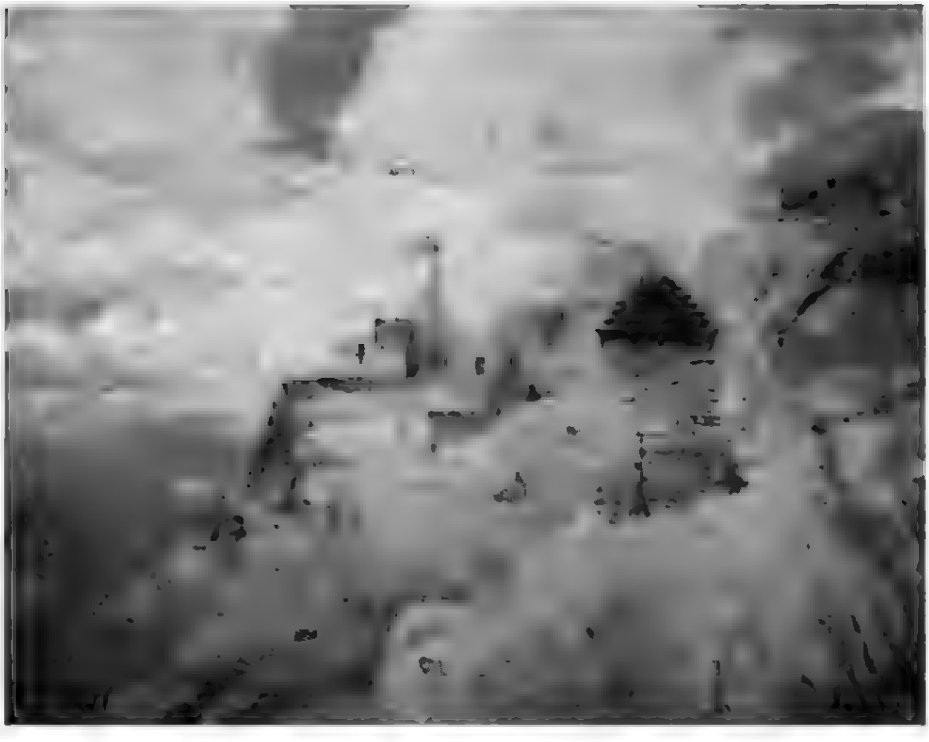
Г.П. Катков, О.П. Клюкин, Е.Н. Гайдукова, Б.А. Катаргин, А.Г. Григорьян, Г.Д. Авсаджанов успешно развивали жанры портрета, тематической картины и пейзажа, в своих произведениях стремились показать жизнь народа, его созидательный труд. Развитие пейзажного жанра во многом связано с творчеством О.П. Клюкина, который удачно совмещал работу над тематической картиной и пейзажем («Начало весны», «Облака» и др.), Г.П. Каткова (обращался также к портрету и тематической картин – «Дождливый день» «Грозный строится»), Г.Д. Авсаджанова («Мохевские скалы», «В верховьях Терека»). К пейзажу обращались и живописцы старшего поколения А.Ф. Слободин и С.М. Сухоруков. К историко-революционной тематике обращались Е.Н. Гайдукова, А.А. Артемьев и др. Полнее всего способности живописца В.К. Мордовина раскрыты в жанрах портрета и тематической картины («В Чечне строятся», «Лагерь в горах», «Буровики Али-Юрта», «Труженик гор» и др.). На его портретах люди различных профессий: народный артист ЧИАССР Умар Димаев, летчица Ляля Насуханова. Художник Ф.Н. Сачко успешно работал в жанре портрета и тематической картины («Горянка», «Будни в Чечено-Ингушетии»). Много работал над портретом живописец О.М. Мишин («Автопортрет» и др.).

Монументально-декоративное начало полнее всего нашло выражение в искусстве А.Н. Сафронова, создавшего конный памятник герою гражданской войны А.Д. Шерипову. Одной из особенностей искусства скульптора В.П. Астапова являлось умение создавать обобщенные и емкие образы (портреты старейшего писателя Чечни С. Арсанова, участника революции Х.П. Чернокозова, С. Орджоникидзе и др.). В жанре портрета наиболее ярко проявилось дарование скульптора И.Д. Бекичева («Работница», портреты артиста В.В. Копылова, писателей А.Х. Хамидова и Х.Д. Ошаева и др.). Он обращался и к такому сложному жанру, как монументальная скульптура (памятник Герою Советского Союза Х.П. Нурадилову). Среди скульпторов, активно работавших над портретом, следует назвать В.Д. Малюкова и И.Г. Твердохлебова (*Шабаньянц*, 2006. С. 364–376). Живописцами были сделаны заметные успехи в области тематической картины, значительны были достижения скульпторов республики в создании впечатляющих, типических образов современника.

В 1960–1980-е годы чеченские художники прочно заняли свое место на зональных выставках Юга России. Были достижения в живописи, скульптуре, декоративно-прикладном, народном искусстве. В 1960–1970-е годы Чечено-ингушскую организацию Союза художников РСФСР возглавлял талантливый график Хамур Ахмедов – неоднократный участник как зональных, так и республиканских выставок.

В 1980–1990-е годы в изобразительное искусство республики пришли молодые силы. Это братья Л. и С. Абаевы, Р. Хасаханов, Х. Седиев и др. Особенно важным было то, что художники среднего поколения и молодые авторы обратились к истокам национальной культуры (*Щербаков*, 2006. С. 378).

Художник А. Асуханов и его произведения
Личный архив С. Исрапловой



В. Умарсултанов. Малхиста. 2002 г.
Холст, масло
Фото С. Исрапловой

Художник Ш. Шамурзаев
Личный архив С. Исраиловой

Коллекция Чечено-Ингушского музея изобразительных искусств формировалась за счет фондов Третьяковской галереи, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Русского музея, Эрмитажа. В ней были полотна западных мастеров XVII–XIX вв., работы русских художников (В.А. Тропинин, С.А. Коровин, А.И. Куинджи), а также произведения П. Захарова, работы кавказских художников, монументальное живописное произведение художника-баталиста Ф. Рубо «Пленение Шамиля». В фондах Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея хранилась одна из картин, изображающая окрестности крепости Грозной, принадлежащая кисти И.К. Айвазовского. Он побывал здесь в 1869 г. В музее изобразительных искусств накануне боевых действий на территории республики 1990-х годов была довольно большая коллекция работ местных художников: А. Асуханова, А. Ахмадова, Х. Ахмедова, Ш. Шамурзаева, С.-Э. Эльмирзаева, Н. Ломтюгина, В. Мордовина и др. (*Васенина*, 2002. С. 237).

За время военных действий на территории Чеченской Республики была уничтожена практически вся инфраструктура Чеченской региональной организации Союза художников России – художественные мастерские, здания, выставочные помещения. Несмотря на это, художники Чечни стремятся возродить былые традиции.

Работы десяти живописцев из Чечни участвовали во Всероссийской художественной выставке «Имени твоему» в декабре 2000 – январе 2001 г. Особенно заметным было выступление А. Асуханова с картиной «Сбор винограда», Р. Мальцагова – «Пробуждение», В. Заураева – «Минарет»,

В. Умарсултанова – «Калаус» (*Щербаков,* 2006. С. 377–378). Художники проводят свои персональные выставки как в России, так и во многих республиках СНГ и за рубежом (С. Юшаев проводил выставки в Англии, А. Асуханов – в Турции, Польше). Графические работы Х. Ахмедова удостаивались высших наград на многих престижных выставках (*Гешаев*, 2006. С. 423).

Значительным событием в деятельности Союза художников Чечни стала выставка живописи, графики, изделий декоративно-прикладного искусства чеченских художников в залах Российской академии художеств – в мае-июне 2002 г. Более ста работ представили на ней чеченские мастера. В настоящее время Союз художников Чеченской Республики, который возглавляет живописец Вахит Османович Умарсултанов, объединяет 46 человек.

ТАНЦЕВАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В чеченском танце, как в зеркале, отражается характер народа (*Юсупов*, 2012). Без танцев не обходилось ни одно важное событие: свадьба, вечеринка, рождение ребенка, приезд гостя, праздник первой борозды и т.д. В период имамата Шамиля были введены строгие ограничения на танцы. По нормам шариата они разрешались только на свадьбах, причем мужчины и женщины должны были танцевать в разных помещениях. Однако чеченцы постоянно нарушали эти ограничения. Н. Дубровин писал: «Шамиль сколько ни старался вывести пляску, как строго ни преследовал за нее, но туземцы все-таки не оставляли этого рода увеселения. Собираясь по ночам в подвалах и конюшнях, они тайком предавались веселью – устраивали танцы и плясали лезгинку» (Цит. по: *Музакаев*, 2010. С. 45).

Бережно сохранены народом старинные танцевальные мелодии: «Танец стариков», «Танец юношей», «Танец девушек». Некоторые из них носят имена талантливых танцоров-виртуозов («Танец Салмана», «Танец Садыкова» и др.). Популярна у чеченцев мелодия «Молитва Шамиля». По преданию, однажды Шамиль с верными мюридами был окружен царскими войсками. Надежды на спасение не было, даже самые смелые пали духом. Тогда Шамиль расстелил молитвенный ковер. Приближенный мюрид отвел зурнача в сторону, поговорил с ним и приказал войску спешиться и всем встать на молитву. После заключительного молитвенного «салама» заиграла зурна, и имам Шамиль бросился в танец, за ним – другие мюриды, и постепенно азарт танца и музыка так подняли дух бойцов, что страх исчез. В разгар танца был дан приказ двинуться на царские войска. Мюриды бились как львы и вырвались из железного кольца. Под впечатлением этого события гармонист из с. Шатой сочинил мелодию «Молитва Шамиля».

Наиболее распространена у чеченцев лезгинка. Почти каждое селение имеет свою лезгинку: атагинская, урус-мартановская, шалинская, гудермесская, чеченская и др. Танцы чеченцев – дерзкие и величественные, горячие и зажигательные. В народных танцах, особенно в старинных, часто меняется ритмический рисунок. В танце «говорит» каждое движение:

у женщин они плавные и грациозные, у мужчин – стремительные, темпераментные (*Лакаева*, 2009). Чеченская лезгинка похожа на горные бурные реки, бьющиеся о скалы и стремительно несущие свои шумные воды на равнину.

Каждый чеченский танец, как правило, имеет свой сюжет. Это может быть одна из древних легенд или народный обычай, когда женщина прекращает поединок между мужчинами, бросив между ними платок. Среди чеченцев нет не танцующих. В танцах участвуют все – от мала до велика, такова народная традиция. Дети, едва начав ходить, уже учатся танцевать лезгинку. Поэтому здесь с трудом представляют, что искусство танца может быть профессией. Ветераны хореографии вспоминают, как удивлялись знакомые и родственники, когда на их вопрос: «Чем занимаешься, где работаешь?» получали ответ: «Танцую». «А что, за удовольствие можно еще и деньги получать?» – недоверчиво спрашивали они. На профессиональную сцену танец был перенесен только в XX столетии.

В 1933 г. на базе консервного завода в г. Грозном был организован коллектив художественной самодеятельности «Мелодия», а в 1935 г. он принял участие во Всесоюзной олимпиаде работников профсоюзов в Одессе. Публика ликовала после выступления чеченского танцора Гилани Юсупова и скандировала: «Браво! Чудо-танцор!». Он был награжден дипломом лауреата и памятным сувениром с надписью «Гилани Юсупову, лучшему танцору». Через несколько лет артисты из Чечено-Ингушетии уже блистали на столичных сценических площадках. В 1938 г. на сцене зала Сада Эрмитаж в конкурсе исполнителей кавказского танца чеченский танцор Магомед Гичибаев был награжден Почетной грамотой за подписью И.В. Сталина (*Музакаев*, 2010. С. 12).

Разрозненные кружки художественной самодеятельности, танцоры-одиночки не могли удовлетворить возрастающие потребности народа в культурном развитии. В августе 1939 г. был создан Чечено-Ингушский государственный ансамбль песни и пляски, собравший 60 талантливых музыкантов, танцоров и певцов. Ядром ансамбля стали учащиеся музыкального техникума и лучшие представители самодеятельного искусства – танцоры Махмуд Эсамбаев, Гилани Юсупов, Магомед Гичибаев, Ваха Дакашев, Андарбек Садыков др. (Там же. С. 14).

В репертуаре ансамбля, кроме чеченских и ингушских, были азербайджанский, армянский, кабардинский, осетинский танцы, пляска крымских татар и др. Ансамбль успешно гастролировал во многих городах нашей страны. Первая гастрольная поездка (Москва, Воронеж, Курск) состоялась в 1940 г. Начавшаяся война приостановила стремительное восхождение ансамбля к вершинам танцевального искусства. Большая часть коллектива ансамбля с началом войны ушла на фронт добровольцами, 25 человек погибли на фронтах сражений (Там же. С. 16). Творческие коллективы республики организовали три бригады по художественному обслуживанию митингов, собраний в клубах, на избирательных участках, в войсковых частях и госпиталях. В концертных программах неизменно были представлены и танцы.

В биографии ансамбля есть и трагические страницы. Вечером 22 февраля 1944 г. на сцену переполненного зрительного зала вышли ведущие

танцоры и исполнили танец «А ну-ка, мужчины!», посвященный воинам Советской Армии. Это был последний концерт перед депортацией вайнахов, которая на 13 лет приостановила деятельность ансамбля. В Киргизской филармонии был создан Кавказский ансамбль песни и пляски, куда входили чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы. Его художественным руководителем стал чеченец А.Х. Хамидов. Первый концерт ансамбля состоялся во Фрунзе 7 ноября 1946 г. Ансамбль пользовался большой популярностью, но в 1948 г. его деятельность была прекращена (Там же. С. 19–22).

После восстановления Чечено-Ингушетии был проведен набор артистов в возрождающийся ансамбль песни и танца. В Алма-Ате на конкурсе на заявленные 70 мест записаться в ансамбль пришло почти тысяча человек. Руководство Казахстана выделило около 500 тыс. рублей для приобретения костюмов и других нужд ансамбля. В ансамбль было принято 60 человек: гармонисты, хор и 20 танцоров. В танцевальную группу вошли: Ваха Дакашев, Асет Исаева, Гилани Юсупов, Гилани Бакаев, Ахмад Казбеков, Саид-Ахмад Виситаев, сестры Зулай и Камета Сардаловы, Тамара Исакова, Яха Межидова, Султанат Шидаева и др. Среди танцоров в мужской танцевальной группе ведущим был Гилани Юсупов, в женской – Зулай Сардалова. В ансамбле танцевали также русские и представители других национальностей. Художественным руководителем ансамбля был назначен заслуженный артист ЧИАССР А. Халебский, балетмейстером – танцовщик Гилани Юсупов (Там же. С. 23–27). Репетиции были начаты в июне 1957 г. в Грозном, в ДК им. В.И. Ленина, и 27 октября уже состоялся первый концерт.

Начались напряженные, полные творческого энтузиазма будни, интенсивная гастрольная деятельность. Ансамблю сопутствовал огромный успех не только в родной стране, но и за рубежом. Оказываась помощь в профессиональном росте кадров. В Тбилиси была организована чечено-ингушская студия, где преподавали известные мастера танца Грузии – Д. Багратиони, Г. Одекадзе, Б. Дархнишвили; на учебу были отправлены многие артисты ансамбля (Шаид и Шарани Барахановы, Абдулла Мухаммедов, Галина Бухарова, Марета Ибрагимова, Магомед Дидигов и др.) (Там же. С. 33).

Неоценимый вклад в дело возрождения и творческого развития ансамбля внесли балетмейстеры Э.Н. Грикурова, Г.К. Дзыба, О.Ш. Мунджишвили и др., которые воспитали целую плеяду танцовщиков и балетмейстеров (*Джургаев*, 2009). До 1988 г. программа ансамбля основывалась на хореографии абазина Георгия Капланович Дзыбы (*Музакаев*, 2010. С. 34). Хореографическая композиция «Под небом вайнахов» в его постановке и сейчас остается одной из лучших работ ансамбля.

Яркая страница жизни ансамбля связана с деятельностью Топы Хамитовича Элимбаева. Талантливый чеченский балетмейстер, он более 20 лет руководил ансамблем. Его творческий путь начинался в школьной художественной самодеятельности, затем он поступил в Грозненское культпросветучилище и стал солистом популярного в республике ансамбля песни и танца профтехобразования. Именно в те годы (1960–1964) он сделал первые самостоятельные постановки танцев. После окончания режиссерско-балетмейстерского факультета ГИТИСа Т.Х. Элимбаев – один из лучших

выпускников – был направлен на стажировку в ГДР, которую он проходил в Берлинском хореографическом училище, в государственном ансамбле танца ГДР, театрах Берлина. Здесь им был поставлен ряд хореографических миниатюр, в том числе и на кавказские темы. В 1969 г. он возвращается в Грозный и возглавляет Государственный ансамбль песни и танца ЧИАССР (Там же. С. 223–224), где засверкал яркими гранями его балетмейстерский талант. Обновленный ансамбль получил название Чечено-Ингушский государственный ансамбль танца «Вайнах». Т.Х. Элимбаев много ездил по республике, искал для ансамбля талантливых танцоров. Приходилось много работать с родителями, которые считали профессии певцов и танцоров несерьезными и непрестижными. Деятельность ансамбля широко освещалась в средствах массовой информации. В ансамбле вместе с подготовительной группой было уже около ста человек.

Ансамбль испытывал и немалые трудности: не было помещения для репетиций, выступления артистов зачастую проходили в старых клубных помещениях, где сцена не была приспособлена для показа хореографических постановок. Только в 1986 г. ансамблю выделили здание театра им. Шаляпина в парке им. Кирова (*Элимбаев*, 2009).

Неоценим личный вклад Т.Х. Элимбаева в создание репертуара ансамбля. Он отредактировал программу Г.К. Дзыбы, создал несколько программ, оригинальные хореографические постановки («Под небом вайнахов», «Ритмы Чечено-Ингушетии», «Танец чабанов», «Горская легенда», «Танец наездников», «Беноевский перепляс»), юмористические танцы («Женатые холостяки», «Вечеринка»). Была создана хореографическая композиция «Память сердца», основанная на синтезе музыки, народной песни и танца. Репертуар ансамбля обогатился русскими, украинскими, татарскими и ногайскими танцами, а также танцами народов Кавказа. У ансамбля был свой небольшой оркестр, возглавляемый композитором З.М. Черкизбиевым.

Ансамбль «Вайнах» неоднократно принимал участие в фестивалях «Русская зима», «Майские звезды» (в Москве), «Белые ночи» (в Санкт-Петербурге), «Северное сияние» (в Томске). Расширялась география гастролей, ансамбль объездил страны Европы, Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, США (*Элимбаев*, 2009).

Т.Х. Элимбаев воспитал много ярких талантливых артистов. Многие из них до сих пор не расстаются с танцами. Р. Ахмадов создал детский хореографический ансамбль «Даймохк»; Д. Мальцагов – детскую хореографическую студию им. М. Эсамбаева; М. Тахаев – молодежный ансамбль народного танца «Ловзар»; А. Дукалаев руководит ансамблем песни и танца «Нохчо»; Я. Алиев – хореографическим ансамблем «Башлам». Т.Х. Элимбаев – заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист Российской Федерации, народный артист ЧИАССР, лауреат Государственной премии им. Ленинского комсомола, международных фестивалей и конкурсов – и сейчас в постоянном в творческом поиске, является создателем и руководителем Детской академии искусств «Вайнах» им. З. Бажаева в Москве (*Музакаев,* 2010. С. 223–225).

Трагические события 1990-х годов в Чеченской Республике прервали развитие ансамбля «Вайнах». Многие артисты вынуждены были покинуть республику. Погибли ветераны ансамбля: С.-Э. Януркаев, А. Мамадаев,

А.-В. Дамкаев, З. Темишева и др. За годы вынужденного простоя артисты вышли из сценической формы, была полностью утеряна материально-техническая база ансамбля. Тем не менее и в экстремальных условиях «Вайнах» не прекратил свою творческую деятельность.

В феврале 2001 г. художественным руководителем ансамбля «Вайнах» был назначен талантливый танцовщик и балетмейстер Дикалу Абузедович Музакаев, ранее возглавлявший государственный ансамбль танца «Ингушетия». Почти вся его творческая жизнь связана с «Вайнахом». Выпускник Московского государственного института культуры, он много лет работал в ансамбле балетмейстером. Ныне Д.А. Музакаев – министр культуры Чеченской Республики, профессор, танцовщик и балетмейстер, народный артист Российской Федерации, народный артист Чеченской Республики, кавалер орденов и медалей, лауреат премии Правительства Российской Федерации. Д.А. Музакаеву удалось в короткие сроки возобновить творческую деятельность ансамбля, восстановить концертную программу. Он собирал артистов «Вайнаха» по всей стране, примерно половина из них вернулась в коллектив (Там же. С. 58). Вначале ансамбль работал в Нальчике и Анапе; 19 мая 2001 г. в Краснодаре состоялся первый его концерт после двухгодичного перерыва. Летом 2002 г. ансамбль вернулся домой – вначале в г. Гудермес, где работники ансамбля и их семьи были обустроены в пункте временного размещения и был выделен школьный спортзал для репетиций. После возвращения в Грозный ансамблю предоставили концертный зал на 500 мест.

Большое внимание уделяется подготовке и повышению профессионального мастерства танцоров ансамбля. В настоящее время подавляющее большинство артистов – молодые исполнители. При всех ансамблях песни и танца, в том числе и в «Вайнахе», созданы свои школы-студии, где преподают опытные артисты. Коллектив ансамбля работает над совершенствованием репертуара, шлифует творческое мастерство. Репертуар обогащается лучшими образцами народной хореографии. Важное событие в творческой жизни ансамбля произошло 21 июня 2006 г., когда новая концертная программа в постановке Д.А. Музакаева была высоко оценена публикой. Большой вклад в возрождение ансамбля и создание новой концертной программы внесли педагоги и балетмейстеры Т. Хасимиков, Г. Темирхожаев, А. Асхабова, М. Музакаева, И. Магомедова, А. Бадатмурзаев.

Коллектив пропагандирует музыкально-танцевальное искусство чеченцев и других народов Кавказа. 29 марта 2002 г. в Москве в ГЦКЗ «Россия» состоялся юбилейный концерт, посвященный 60-летию ансамбля. Это было первое выступление коллектива в столице после его возрождения (в последний раз он выступал здесь 16 лет назад); в программе было 20 хореографических композиций. Только в 2008 г. «Вайнах» четырежды выступал на сцене Кремлевского дворца в Москве.

Высокий профессионализм и оригинальный репертуар обеспечили заслуженный успех ансамблю. Обширна география его зарубежных гастролей: более 20 стран Европы, Азии, Африки и Америки. «Вайнах» – лауреат первой премии Международного фестиваля «Бурса-98» (Турция), лауреат и обладатель Золотого кубка фестиваля «Сицилия-99» (Италия), участник многих конкурсов и фестивалей. Только в 2002 г. ансамбль принял участие

М. Эсамбаев в гостях у Р.И. Хасбулатова. 1990-е годы
Личиый архив З.И. Хасбулатовой

в 8 международных фестивалях фольклора во Франции и на трех из них завоевал Гран-при. Ансамбль «Вайнах» вписал яркую страницу в историю культуры Чечни, он остается колыбелью талантов танцевального искусства в республике.

В ансамбле «Вайнах» начинал свою карьеру Махмуд Алисултанович Эсамбаев (1924–2000) – легендарный танцовщик, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, президент Международного союза деятелей эстрадного искусства, академик Международной академии танца, вице-президент Международного союза театральных деятелей и Международной ассоциации балета, член Центрального Совета ВОПД, депутат Верховного Совета ЧИАССР, России, СССР.

М.А. Эсамбаев родился 15 июля 1924 г. в с. Старые Атаги. Природа щедро одарила его выразительной пластикой тела, высоким ростом, совершенным музыкальным слухом и феноменальной памятью. Махмуд танцевал с тех пор, как помнил себя. У чеченцев не очень приветствовалась профессия танцора, и родители его выбор не одобряли, считая недостойным настоящего мужчины. Но он поборол страх перед родительским гневом и стал танцором (*Загороднюк*, 2001). В 15 лет Махмуд уже танцевал в Чечено-Ингушском государственном ансамбле песни и танца, в 19 – в театре оперетты г. Пятигорска. В 1939–1941 гг. он учился в Грозненском культурно-просветительном училище, а в годы войны танцевал в составе фронтовой концертной бригады. В годы депортации Махмуд стал солистом Киргизского государственного академического театра оперы и балета (*Нашхоев*, 2002). За 13 лет работы в Киргизском театре он создал десятки образов в спектаклях «Лебединое

озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Спящая красавица», «Тарас Бульба», в том числе в киргизских национальных балетах «Чолпон», «Анар», «Весна в Ала-Тоо».

В 1950-е годы, после возвращения на родину М.А. Эсамбаев стал солистом Чечено-Ингушской государственной филармонии. Здесь он окончательно решил оставить академическую сцену и обратиться к народному танцевальному творчеству. Началась его интенсивная гастрольная деятельность. После зарубежных гастролей он создал свой монотеатр танцевальных миниатюр (*Пастухова*, 2011). Всемирно известные балерина Г. Уланова, балетмейстеры И. Моисеев, Ю. Григорович, Л. Якобсон определили искусство М.А. Эсамбаева как танцы-новеллы, танцы-миниатюры, танцы-балеты. За долгую плодотворную творческую жизнь М.А. Эсамбаев в балетных спектаклях, на эстраде и в кинофильмах исполнил около 100 балетных партий, хореографических миниатюр, среди которых много уникальных. Он сам являлся автором, постановщиком и исполнителем многих хореографических композиций, в том числе новых эстрадных сюжетных чеченских танцев.

Свои танцы он собирал как на родине, так и за рубежом, на гастролях. Очень скоро они появлялись в его репертуаре, в программе «Танцы народов мира». Ему удалось выразить на языке хореографии глубинную суть культуры разных народов (*Мусаев*, 2011. С. 56). Это танцы: русский «Эмигрант», монгольский «Орел и охотник», бразильские «Гандобле», «Бамба», «Самба», «Макумба», еврейский «Портняжка», перуанский «Павлин», узбекский «Чабаненок», «Таджикский воинственный танец с ножами», башкирский, цыганский, негритянский, танцы социального протеста «Автомат», танцевальная драма «Любовь к родине», которую артист сам поставил и исполнял, и др.

Визитной карточной, шедевром и шагом в сказочный мир танца на новом витке жизни и творчества М.А. Эсамбаева стал индийский храмовый ритуальный танец стиля Бахарат Натьям «Золотой бог», поставленный в 1957 г. балетмейстером Э.Н. Грикуровой. Другой индийский танец – «Легенда о любви» – изящная лирика. По характеру и внутреннему ощущению ему были близки музыка и хореография испанских танцев («Мелодии Испании», «Ля Коррида», «Булерияс», «Тореадор» и др.) (*Нашхоев,* 2002. С. 283). Однако концерт он всегда начинал с чеченского танца «Легенда».

Искусство М.А. Эсамбаева – удивительный сплав традиций классического танца с новациями современных балетмейстеров. В его танцевальных миниатюрах переплетались миф и реальность, и это особенно сильно воздействовало на зрителей. Он создавал на сцене свой особый энергетический мир и заражал энергией зрителя (Там же. С. 282).

О М.А. Эсамбаеве и с его участием снято несколько художественных и документальных кинофильмов («Земля Санникова, «Лебединое озеро», «В мире танца», «Я буду танцевать» и др.). В 1961 г. он написал сценарий к фильму-балету «В мире танца», а вскоре он сыграл главную роль в киноленте «Я буду танцевать». В экранизации балета «Лебединое озеро» в постановке режиссеров А. Дудко и К. Сергеева он исполнил одну из главных партий.

В настоящее время танцевальное искусство Чечни успешно развивают творческие коллективы «Нохчо», «Даймохк» и «Башлам».

В 1991 г. Д.А. Музакаев вместе со своими единомышленниками создал театр фольклорного танца «Нохчо». 22 марта 1992 г. в Грозном состоялась премьера театрализованного представления театра «Кладезь вайнахских традиций», которое имело большой зрительский успех и способствовало присвоению коллективу статуса государственного. Позже ансамбль то упраздняли, то возрождали. С 2001 г. творческая деятельность ансамбля стабильна. Была проведена реорганизация коллектива, обновлен его состав и репертуар. 29 апреля 2010 г. была показана премьера новой концертной программы в постановке Д.А. Музакаева «Корни отечества». С февраля 2011 г. этот коллектив получил название Государственный фольклорный ансамбль песни и танца «Нохчо» под руководством Д.А. Музакаева. При ансамбле создана вокальная девичья группа «Нохчо», которую возглавляет хормейстер Т. Элибаева.

Государственный детский ансамбль песни и танца «Даймохк» им. М.А. Эсамбаева был создан в 1999 г. народным артистом Российской Федерации Р.А. Ахмадовым, талантливым танцором, отдавшим четверть века ансамблю танца «Вайнах». У истоков ансамбля «Даймохк» стояла также и народная артистка Чеченской Республики А.Д. Ахмадова – балетмейстер, директор ансамбля.

«Даймохк» является активным популяризатором чеченской национальной культуры и искусства. В репертуаре ансамбля есть танцы народов мира: азербайджанский, греческий, грузинский, еврейский, русский, а также танцы народов Северного Кавказа. «Даймохк» – обладатель многих престижных наград, лауреат международных и всемирных фестивалей. География гастрольной деятельности ансамбля обширна: это Австрия, Англия, Бельгия, Германия, Голландия, Дания, Испания, Италия, Норвегия, ОАЭ, Польша, Турция, Франция, Швеция, Финляндия. Во многих странах, в том числе во Франции, Германии, Голландии, Англии, молодежь проявляла огромный интерес к чеченскому танцу. Солисты «Даймохка» давали мастер-классы в учебных заведениях, и дети изучали элементы чеченской хореографии. В Англии театр «Чиккен-Шед» заключил договор с руководителем «Даймохка» Р.А. Ахмадовым о сотрудничестве. Большая часть выпускников ансамбля регулярно пополняет ряды танцевальных коллективов, таких как «Вайнах», «Нохчо», филармония им. А. Шахбулатова. При ансамбле открыта студия подготовки детей для основного состава «Даймохка», хор и оркестр национальных инструментов.

Республиканский детский ансамбль песни и танца «Башлам» им. Х. Алиева был организован в 1969 г. в с. Шатой Шатойского района ЧИАССР Х. Алиевым. За плечами этого коллектива успешные гастрольные поездки по России и за рубежом. Ансамбль является лауреатом различных конкурсов, фестивалей, обладателем многих престижных наград.

Таким образом, в Чеченской Республике получило широкое развитие танцевальное искусство. Ярким свидетельством этого является успешная творческая деятельность государственных хореографических ансамблей «Вайнах», «Нохчо», «Башлам» и «Даймохк», два из которых – детские, а также творчество десятков самодеятельных танцевальных коллективов.

Государственный фольклорный ансамбль песни и танца «Нохчо»
Личный архив Р.М. Исаевой

Государственный ансамбль танца «Вайнах»
Фото В. Хасаева, 2011 г.

Республиканский детский ансамбль песни и танца «Башлам» им. Х. Алиева
Личный архив Р.М. Исаевой

Государственный детский ансамбль песни и танца «Даймохк» им. М.А. Эсамбаева
Личный архив Р.М. Исаевой

СПОРТ

С середины 1920-х годов в быт чеченского народа стала внедряться физическая культура. В школах, на курсах подготовки учителей занятия по физкультуре вводились как обязательный предмет. В 1926 г. при Чеченском областном совете физической культуры был создан первый опытно-показательный спортивный кружок, который должен был пропагандировать физическую культуру и спорт, проводить смотры спортивно-массовой работы в области. Агитаторы кружка выезжали в населенные пункты Чечни, чтобы привлекать население к занятиям физкультурой и спортом. Аналогичные кружки создавались в школах, при избах-читальнях и ячейках общественных организаций. В 1926 г. состоялся первый физкультурный праздник «трехдневник физкультуры» в с. Шали. В 1928 г. был создан первый женский физкультурный кружок, куда входили 20 женщин (Грозненский рабочий. 1928. 28 окт.). В августе 1936 г. в Грозном состоялась национальная женская спартакиада (Грозненский рабочий. 1936. 29 авг.). В 1941 г. была создана детская спортивная школа. Спортсмены и физкультурники Чечено-Ингушетии участвовали в краевых спортивных состязаниях, в товарищеских соревнованиях в различных регионах Северного Кавказа. В 1936 г. был создан Чечено-Ингушский республиканский комитет по делам физической культуре и спорта. В 1939 г. 13 спортивных обществ и 29 спортивных коллективов республики объединяли 2 тысяч человек, занимающихся спортом (*Филькин*, 1963. С. 142). Спортивные общества были сосредоточены почти исключительно в Грозном, как и главные спортивные сооружения, поэтому массового вовлечения чеченцев в спортивную жизнь не происходило. Предолжали существовать народные виды состязаний: скачки, борьба, прыжки, стрельба в цель и другие, носившие военно-прикладной характер (*Ахмадов*, 2005. С. 759). Развитие физкультуры и спорта в Чечне было прервано депортацией чеченского народа, но деятельность спортивных обществ в Грозном продолжалась. В 1952 г. на XV летних олимпийских играх в Хельсинки в составе сборной команды СССР по легкой атлетике выступали грозненцы – Михаил Казанцев и Флора Мухамедова.

В годы депортации в Казахстане и Киргизии чеченская молодежь традиционно ориентировалась на игровые и силовые виды спорта. По игровым видам спортивную честь Казахстана защищали известные футболисты Ваит Талгаев и Вахид Масудов. В свое время оба были главными тренерами республики. Чемпионами мира по борьбе были Бисолта Дециев, Ильмади Джабраилов и Рамзан Муртазалиев. В 1940–1950-е годы было известно имя ведущего игрока сборной Казахстана по баскетболу Увайса Ахтаева, или великана Васи-чеченца, как его называли (рост его составлял 2 м 32 см). В 1948 г. У. Ахтаев впервые принял участие в чемпионате СССР по баскетболу в Москве. Он стал выездным за пределы Казахстана, что было исключением для чеченцев, активно играл до 1957 г. Спортивную честь Казахстана в различных видах спорта защищали чеченцы баскетболист А. Кагерманов, штангисты В. Эсембаев, Р. Габароев и др. (*Ермекбаев*, 2009. С. 213–216).

В 1960–1980-е годы Чечено-Ингушетия стала крупным спортивным и физкультурным центром Юга России. Спортивную честь Чечни защищали

победители и призеры Олимпийских игр, чемпионатов мира, Европы, СССР.

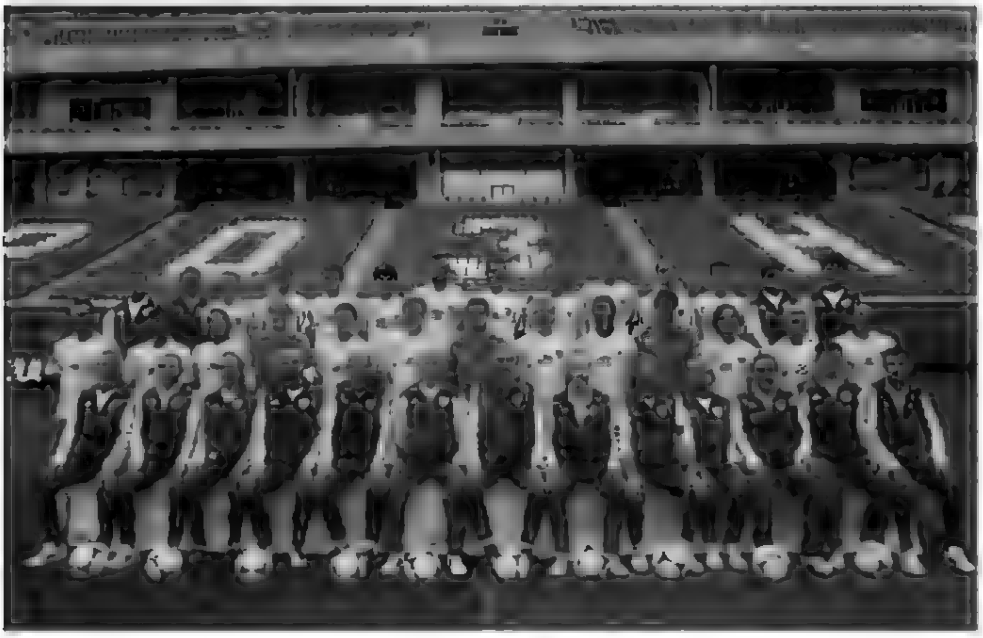
Олимпийские вершины покоряли Людмила Турищева (абсолютная чемпионка по спортивной гимнастике на двух олимпиадах), Исраил Арсамаков (тяжелая атлетика), Хасейн Бисултанов (дзюдо). Призерами Олимпийских игр по различным видам спорта становились Адлан и Башир Вараевы, Ислам Дугучиев, Ибрагим Самадов, чемпионами мира и Европы – Асламбек Бисултанов, Салман Хасимиков, Хасан Орцуев. Победителями первенств мира и Европы были Хас-Магомед и Нур-Магомед Дикиевы, Умар и Хусейн Мараевы, Адам Сайдулаев и др. (Возрождение спорта, 2010. С. 12). Больших спортивных высот добивались легкоатлеты, волейболисты, велосипедисты, шахматисты и др. Только на олимпиаде в Сеуле в 1988 г. Чеченская Республика была представлена пятью спортсменами по разным видам спорта.

Одним из самых популярных видов массового спорта в республике был футбол. Первые футбольные турниры республиканского значения стартовали в Чечне еще в начале 1930-х годов и уже к середине 1950-х футбол активно развивался. В 1958 г. начал свою историю грозненский футбольный клуб «Терек». 1974 г. стал одним из триумфальных в истории клуба – грозненские футболисты стали чемпионами РСФСР и обладателями кубка РСФСР. В республике стали открываться спортивные школы, у «Терека» появилась своя тренировочная база. «Терек» вырастил многих известных футболистов (А. Михеев, А. Синько, В. Колядко, У. Садаев, Р. Идигов, М. Адиев, А. Зубайраев, М. Магомадов и др.) (Возрождение спорта, 2010. С. 96).

Высокие спортивные результаты спортсменов республики достигались благодаря созданию условий для массовых занятий физкультурой и спортом, строительству и реконструкции спортивных сооружений. В их числе – один из крупнейших на Северном Кавказе крытый плавательный бассейн «Садко», учебно-тренировочная олимпийская база по гребному спорту «Кезеной-ам», где проходили подготовку к олимпийским играм сборные команды СССР, республиканский стадион им. У. Ахтаева, спорткомплекс им. Л. Турищевой, дворцы спорта завода «Красный Молот» и нефтяного института и др. (*Автуринский*, 2007).

В 1990-е годы в ходе военных действий была разрушена вся инфраструктура спорта республики. С 2000 г. в Чечне началось возрождение и развитие физической культуры и спорта: было воссоздано физкультурное движение, созданы 4 общественные организации (ФСО профсоюзов, ФСО «Динамо», ВДО «Спортивная Россия», ФСО «Юность России») и 16 спортивных федераций (футбола, дзюдо, самбо, тхэквондо, волейбола, бокса, тяжелой атлетики, шахмат, рукопашного боя, шашек, пауэрлифтинга, баскетбола, спорта слепых, спортивной борьбы, ассоциация восточных единоборств).

В республике культивируется 32 вида спорта: вольная борьба и греко-римская борьба, футбол, баскетбол, волейбол, бокс, кикбоксинг, рукопашный бой, шашки, шахматы, легкая атлетика, тяжелая атлетика, самбо, тхэквондо, дзюдо, восточные единоборства, каратэ, пауэрлифтинг, теннис, настольный теннис, гиревой спорт и др. Создано 1237 коллективов физкультуры, в том числе на предприятиях и учреждениях – 189, в учебных заведениях



Футбольный клуб «Терек»
Фото К. Вахаева, 2011 г.

Младшая команда футболистов Академии футбола Чеченской Республики
Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

Фестиваль искусства верховой езды
Фото К.С. Вахаева, 2012 г.

Стадион «Ахмат-Арена» – один из крупнейших в Российской Федерации
г. Грозный
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

всех типов – 487, по месту жительства – 160. Различными формами физкультурно-оздоровительной работы охвачено 200 тысяч человек (16,8% населения республики). В 460 общеобразовательных школах и 63 детско-юношеских школах под руководством 1000 тренеров-преподавателей занимаются спортом свыше 60 тыс. детей и подростков (Возрождение спорта, 2010. С. 13–14).

Особое внимание уделяется спорту высших достижений. Принят Закон Чеченской Республики «О социальной поддержке спортсменов высших достижений и их тренеров». За последние годы в разных уголках республики построены десятки спортивных объектов. Восстановлены свыше 36 спортивных комплексов. Особое внимание уделяется проведению спортивных мероприятий, чемпионатов, турниров, первенств, подготовке к учебно-тренировочным сборам. Появляются новые формы физкультурно-оздоровительных мероприятий, увеличивается финансирование физкультуры и спорта, разрабатываются программы физического оздоровления населения республики.

Всего в республике действуют 1513 спортивных сооружений, 407 спортивных залов. Укрепляется материальная база спорта. Реконструирован спортивный комплекс имени С.Г. Билимханова, где проводятся массовые мероприятия, в том числе выступление грозненской футбольной команды «Терек». Это и республиканский спортивный комплекс – школа высшего спортивного мастерства имени А.А. Кадырова, республиканский шахматный клуб, стадион ручных игр, республиканский футбольный комплекс и др. 11 мая 2011 г. сосотоялось торжественное открытие в г. Грозном нового 30-тысячного стадиона имени А.А. Кадырова – «Ахмат-Арена».

В республике работают 3 заслуженных мастера спорта, 223 мастера спорта России и 915 кандидатов в мастера спорта России (Возрождение спорта, 2010. С. 14–15).

Выдающихся спортивных результатов добиваются спортсмены, продолжая лучшие традиции своих предшественников. Бувайсар Сайтиев является одним из титулованных борцов вольного стиля: он олимпийский чемпион Атланты-1996, Афин-2004 и Пекина-2008, шестикратный чемпион мира и шестикратный чемпион Европы.

Чемпионом Олимпийских игр в Пекине-2008 и чемпионом мира 2009 г. по греко-римской борьбе стал Исламбек Альбиев, чемпионом мира по боксу – Артур Бетербиев, обладателем кубка мира по дзюдо – Саламу Межидов, серебряным призером чемпионата мира по вольной борьбе – Расул Джукаев, серебряным призером чемпионата мира по тяжелой атлетике – Асламбек Эдиев, чемпионом Европы по тяжелой атлетике – Апти Аухадов. Одними из последних спортивных достижений республики стали победа Магомеда Мицаева на чемпионате мира по каратэ, Ислама Халиева на чемпионате мира по кикбоксингу. Чемпионами мира стали Ибрагим Лорсанов (по кудо и кикбоксингу), Адам Халиев (по кудо), Муса Ясаев, Умар Чичаев (по тхэквондо), Умар Пасхаев (по кикбоксингу), Заурбек Байсангуров (по боксу) и др.

Футбольная команда республики «Терек» в 2004 г. стала обладателем Кубка России и завоевала путевку в высшую лигу. В том же году «Терек» дебютировал в кубке УЕФА. С 2008 г. «Терек» проводит домашние матчи в

Открытие стадиона «Ахмат-Арена»
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Грозном. С возвращением «Терека» в Грозный тысячи ребятишек устремились в футбольные школы. В разных уголках республики открыты футбольные школы, построены площадки с искусственным покрытием.

В республике проводится работа по обеспечению равных возможностей занятий физической культурой и спортом инвалидов и лиц с ограниченными физическими возможностями. Число занимающихся спортом среди этой категории населения составляет 2000 человек. Массовое привлечение инвалидов к спорту привело к достижению ими высших спортивных результатов. Так, футбольная команда ампутантов «Ламан аз» завоевала Кубок Президента России, двое спортсменов участвовали в чемпионате мира в составе сборной России. Чемпионом России по армспорту среди инвалидов по слуху является Бауди Дудухов, чемпионом России среди инвалидов по зрению – Аслан Солтаханов, серебряным призером России по легкой атлетике «Спорт слепых» – Хава Махамаева. В соревнованиях участвуют инвалиды сборных команд Чеченской Республики по шахматам, русским шашкам и пауэрлифтингу.

Спортсмены Чечни выезжают на соревнования за пределы республики и в свою очередь спортсмены других регионов приезжают на соревнования в республику, особенно по таким видам спорта, как футбол, греко-римская борьба, дзюдо, бокс, шахматы, вольная борьба, тяжелая атлетика, восточные единоборства. В Грозном состоялись крупные международные турниры по боксу и борьбе киокушинкай, по вольной борьбе, всероссийские турниры по дзюдо, греко-римской борьбе и др.

Много сил, энергии и терпения вложили в становление ведущих спортсменов республики заслуженные тренеры СССР и России, работавшие в Чечне. Благодаря их таланту и усилиям в республике родилась блестящая плеяда спортивных звезд. Дэги Имранович Багаев – выдающийся тренер по вольной борьбе, воспитавший восемь заслуженных мастеров спорта, десятки мастеров спорта международного класса, сотни мастеров спорта. Среди его воспитанников Алихан Джамалдинов, Саид-Хусейн Муртазалиев, Абек Бисултанов, Бекхан Тунгаев, Салман Хасимиков, Хасан Орцуев, Руслан Бадалов, Асланбек Бисултанов, Адлан Вараев, Алико Музыкашвили, Заурмакан Умаев, Тарам Магомадов, Нуради Китаев, Мовсар Исаев и др. Многие из них стали призерами и чемпионами мира и Олимпийских игр. Его тренерский и организаторский талант востребован и сегодня в спортивных кругах страны: он является куратором Федерации вольной борьбы России по Южному федеральному округу (*Караев*, 2010).

ГЛАВА 11

ЧЕЧЕНЦЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Исход северокавказских горцев на Ближний Восток в XIX в., известный как мухаджирство (от араб. *мухаджарет* – переселение, эмиграция, изгнанники, т.е. переселение по религиозным мотивам), затронул почти все народы этого региона. По поводу причин и последствий мухаджирства у исследователей нет единого мнения. Существуют и различные терминологические варианты обозначения перемещения горцев за рубеж (*Бадаев,* 2008. С. 7).

История переселения чеченцев в Османскую империю – недостаточно исследованная в исторической науке тема. Первые специальные труды, рассматривающие переселение горцев в Турцию, появляются в 1940-е годы (*Кипкеева,* 2001. С. 3–11). Интерес к данной теме возрастает в 1960–1970-е годы (*Кумыков*, 1994; *Лайпанов*, 1966). О мухаджирстве писали и турецкие историки (*Бадаев,* 2008; *Ибрагимова,* 2000).

Земельная проблема в Чечне после окончания Кавказской войны стала важнейшим вопросом экономической и политической жизни в контексте взаимоотношений между горцами и царским самодержавием. Российская империя осознавала, что от того, насколько она успешно решит комплекс аграрных проблем, зависит прочность ее власти в крае (История Чечни, 2006. С. 719). В ходе колонизации края значительная часть плодородных земель чеченской плоскости и предгорий была занята военными укреплениями, поселениями и казачьими станицами. Коренным жителям запрещалось возвращаться на свои исконные земли. Захват земель в пользу казны производился и в горных районах Чечни. В ходе решения земельного вопроса главной опорой царизма должно было стать казачье население края. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов предлагал решить эту проблему следующим образом: «Наших казаков наделить горской землей, сделав тем самым из них жандармов края, а самих хозяев этих земель отправить в долгое путешествие, из которого они уже никогда не вернутся» (ЦИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 95. Л. 96). Отбирая земли у местного населения, царское правительство нередко побуждало его этим к отъезду в Османскую империю. Данное обстоятельство вынуждены были признать даже представители

высшего кавказского командования. Генерал Г.Д. Орбелиани 3 июля 1861 г. писал: «По требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по нескольку раз с места на место, но при этом новом переселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования… Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время, чтобы выселяться в Турцию. Легковерие, фанатизм и ненависть к победителям играли роль второстепенную в этих явлениях» (История народов Северного Кавказа, 1988. С. 208–210). Таким образом, главной причиной переселения чеченцев в Османскую империю была колонизаторская политика России на Кавказе, приведшая к аграрному кризису и взрывоопасной обстановке в крае (История Чечни, 2006. С. 719).

Активную роль в агитации за переселение в Турцию играла и провокационная политика правительств Турции и Англии в отношении кавказских горцев, а также духовенство и горские предводители, князья, поддерживающие призывы к переселению в Турцию.

Организация переселения горцев Северного Кавказа в Турцию в 1860-е годы была поручена опытному администратору М.Т. Лорис-Меликову, хотя сама идея была выдвинута генерал-майором Муссой-Алхасом Кундуховым, утвержденным в 1861 г. начальником Чеченского округа. С учетом выгоды переселения значительной части чеченского населения с Кавказа М. Кундухову было дано разрешение выехать в Турцию. Летом 1864 г. он провел переговоры с представителями турецкого правительства, которые дали согласие на переселение 5000 семей чеченцев, и начал вести активную пропагандистскую работу среди чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев.

Чеченцы в большинстве случаев переселялись в Турцию под давлением влиятельных сородичей, социальных верхов, которые сыграли поистине преступную роль в этом деле (История Чечни, 2006. С. 719). И турецкие, и царские агенты вели агитацию среди чеченцев за массовое переселение в единоверную Турцию. Оба государства были заинтересованы в обеспечении своих стратегических интересов на Кавказе. Именно обещания получить в Турции землю в достаточном количестве, надежды на свободную жизнь на новых землях подвигли горцев на переселение.

Выбор потенциальных переселенцев, который осуществлялся царской администрацией, был обусловлен прежде всего географическим положением населенных пунктов. Поэтому в первом ряду переселенцев шли жители Малой Чечни – карабулаки, где земельная проблема была особенно остра, а среди желающих переселиться из Ичкерии, Аргунского округа и Ингушетии был произведен своеобразный отбор: паспорта выдавались только тем жителям, которых считали политически неблагонадежными. Переселение чеченцев, которое должно было завершиться в течение двух месяцев, превратилось для них в многомесячное «хождение по мукам» в условиях равнодушия и жестокости властей.

Русско-турецкие переговоры по переселению горцев начались с поездки М. Кундухова в апреле 1864 г. в Константинополь. Ему удалось добиться согласия турецкого правительства на переселение в Азиатскую Турцию пяти тысяч горских семейств, переведенных от Саганлукского хребта (в Карсском пашалыке) через Топрах-кале, Манезгерд и Пашнос до оз. Ван. Названные места были наиболее приемлемыми для переселенцев. Однако здесь задевались стратегические интересы Российской империи, которая не хотела соглашаться с таким вариантом в силу военно-административных соображений: это были приграничные земли, и российская администрация опасалась, что размещение чеченских переселенцев на них может привести к нежелательным для России осложнениям.

Курдское население этих областей в силу своей враждебности к туркам было неплохим подспорьем для России во всех военных столкновениях с Османской империей. Кавказская администрация опасалась изменения сложившегося баланса сил не в свою сторону. Русский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев отмечал: «Курды для турок почти то же самое, что Чечня для нас… В этих отношениях заключается одна из причин успеха во всех войнах, театром которых были упомянутые выше местности. Будь в этих областях населено хотя бы пять тысяч семейств кавказских выходцев, и дела приняли бы совсем иной характер. В особенности враждебное нам чеченское племя представляло бы туркам пособие для борьбы с Россией» (История Чечни, 2006. С. 720). Исходя из этого М.Т. Лорис-Меликов в докладной записке Главнокомандующему Кавказской армией от 15 ноября 1864 г. предложил три варианта разрешения этого вопроса: 1. Согласиться на выселение туземцев в места, обещанные генералу Кундухову турецким правительством; 2. Отклонив предложение турецкого правительства о водворении кавказских переселенцев в сопредельных областях Азиатской Турции, войти с Фезат-пашой в сношение: не согласится ли он водворить данных переселенцев за Эрзерумским пашалыком, в Арзингане, Диарбекире и далее, где народы эти уже не могут быть для нас опасны? 3. Если этого соглашения нельзя будет достигнуть в настоящее время, то отложить и сам вопрос о переселении горцев до более благоприятного случая (Там же. С. 722).

Как видно, царские власти будущему месту поселения чеченцев уделяли весьма серьезное внимание. Более приемлемым для России был второй вариант – поселить выходцев с Кавказа за Эрзерумским пашалыком, в районе Диарбекира, т.е. в некотором отдалении от русско-турецкой границы. Османская империя в этот период была раздираема внутренними социальными и политическими противоречиями, поэтому России легко было добиваться своих политических целей на переговорах. Под давлением российской стороны Турция согласилась разместить пять тысяч семей чеченских переселенцев вдали от российских границ (ЦИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–11). Российская администрация, в основном успешно для себя завершив подготовительную работу, приступила к осуществлению процесса переселения горцев. Еще в 1860 г. после окончания Кавказской войны Россия, планируя и предвидя массовое переселение горцев Северо-Восточного Кавказа – чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин, дагестанцев – в Турцию, специально разработала «Правила о порядке следования в Турцию туземцев Левого крыла при отправлении их сухопутно через Закавказский край» (*Бадаев,* 2008.

С. 150). В данном документе все было до мелочей расписано: выбор маршрута, определение мест отдыха и ночлега, объем багажа и т.д.

Чеченских переселенцев князь А.И. Барятинский в 1865 г. предлагал отправлять малыми партиями, направляя их в три пункта турецких пограничных областей: Баязет, Карс и Ардаган, при этом заблаговременно сообщая турецким властям о времени прибытия и о числе переселенцев. Он же просил российского посла в Оттоманской Порте князя А.Б. Лобанова-Ростовского войти в переговоры с турецким правительством, чтобы согласовать порядок передачи чеченских переселенцев местным властям.

При составлении этого плана были учтены ошибки, допущенные при переселении в 1864 г. черкесов, из-за которых тысячи людей погибли, что вызвало возмущение европейской общественности. А.П. Берже назвал эти события одной из самых грустных страниц в русской исторической летописи (*Берже,* 1882. С. 362). Переселять горцев сухопутным путем было гораздо сложнее, чем морским, и требовало масштабной материально-технической подготовки: определения стоянок, пунктов питания, учета необходимого транспорта, топлива. Выбор правильного маршрута значительно облегчал участь переселенцев, поэтому его несколько раз меняли. Основных маршрутов было три.

Первый вариант следования чеченцев из пределов Терской области до турецкой границы (от 27 марта 1865 г.) пролегал через Тифлисскую и Эриванскую губернии (*Бадаев,* 2008. С. 154). Исходным пунктом был Владикавказ, конечным – Александрополь. Маршрут был разбит на 28 маршей и 24 перехода, определены число пунктов, дней на переходы между ними, а также дней отдыха. Для удобства и оперативности руководства партиями переселенцев был намечен второй вариант маршрута (от 4 апреля 1865 г.), состоявший из 23 переходов в течение 27 дней. Он предполагал продвижение переселенцев по территории Терской области и Тифлисской губернии до турецкой границы. При этом путь удлинялся на 25 верст. Но данный маршрут был изменен 5 мая 1865 г., когда уже две партии в сопровождении штабс-ротмистра Эльмурзы Кусова и сотника Машукова выступили из Владикавказа. На имя тифлисского гражданского губернатора за подписью Управляющего канцелярией подполковника Черкесова поступило распоряжение с 16 копиями измененного маршрута, в него были внесен ряд изменений: он включал 22 перехода в течение 26 дней (История Чечни, 2006. С. 724–725). Третий маршрут стал окончательным.

Были составлены новые «Правила для следования чеченцев из пределов Терской области до сухопутной границы Турции», подробно регламентировавшие, что и как делать властям при прохождении партий через подведомственную территорию. Переселенцы из различных пунктов Чеченского округа должны были собираться у Владикавказа, откуда им следовало двигаться по Военно-Грузинской дороге через Мцхет, Гори, Боржом, Ацхур, Ахалкалаки на Хозяпинскую заставу. Основным содержанием этих правил было установление соответствующего полицейского надзора за переселенцами и поддержание надлежащего порядка в пути следования и на ночлежных пунктах. Кроме этих «Правил», на места были направлены инструкции, дополнявшие правила, о том, как действовать и какие приготовления осуществлять губернаторам и уездным начальникам. Все это показывает, насколько серьезно от-

носились официальные власти к операции по переселению горцев, стараясь избежать при этом ошибок.

В целом четкая организация переселения позволила администрации без особых хлопот и препятствий успешно доставить все 28 партий до турецкой границы. Все это стоило царским властям больших денег, но главная их цель – избавиться от «неблагонадежного» населения – оправдывала любые средства и расходы (*Ахмадов, Хасмагомадов*, 2005. С. 354). В итоге с мая по сентябрь 1865 г. в составе 28 партий в Турцию переселилось до 23 000 чеченцев, а расходы российской казны на эти цели достигали более 130 тыс. рублей. Значительную часть переселенцев составили жители Малой Чечни и Ичкеринского округа. Начиная с 1840-х годов земли так называемых карабулаков (орстхоевцев) в Малой Чечне последовательно отбирались властями для обеспечения землей казаков Сунженской линии, и к 1865 г. большая часть чеченцев-карабулаков считалась либо безземельными, либо малоземельными. Кроме того, в выселение отправилось несколько сот семей назрановских ингушей и сотни семей осетин, в том числе из «высшего» сословия. Горская знать уходила в Турцию, не желая терять старые сословные привилегии.

Переселение было тяжелым испытанием и трагическим событием в истории чеченцев. Переживавшее во второй половине XIX в. глубокий кризис турецкое государство не имело средств для нормального обустройства сотен тысяч переселенцев с Кавказа. Турецкие власти не смогли должным образом организовать даже транспортировку мухаджиров к новым местам обитания, не говоря уже о выдаче пособий на обзаведение хозяйством. К тому же вопрос о том, где именно будут расселяться бывшие российские подданные, часто становился предметом ожесточенных споров между российской и турецкой сторонами. Требование российской стороны состояло в том, что горцы не должны были быть поселены компактно в приграничных с русскими владениями областях, поскольку она опасалась появления вблизи южных границ воинственного и враждебно настроенного населения. Поэтому выдвигалось условие, чтобы переселенцы-чеченцы направлялись во внутренние области Турции. А турецкая сторона пыталась избежать их дальней транспортировки, чтобы уменьшить дополнительные расходы. Средства, выделяемые для этих целей из российской и турецкой казны, нередко разворовывались недобросовестными турецкими и российскими чиновниками. В результате горцы оказывались в местах с нездоровым климатом, по своим природным условиям совершенно не подходивших для поселения. Проблема обострилась к началу октября 1865 г., когда в условиях приближающейся зимы турецким властям была дана директива – отправлять чеченцев от Муша, Эрзерума и Вана в сторону Диарбекира (Там же. С. 354–356).

В чужой стране, при полном отсутствии внимания со стороны турецкой администрации переселенцы попадали в исключительно тяжелое материальное положение: у многих износилась одежда, ночевать часто приходилось под открытым небом. Переселенцы болели тифом, холерой, лихорадкой, следствием чего была высокая смертность. Положение, в котором оказались переселенцы, убедило их на практике, что их жестоко обманули, и заставляло пытаться выбраться обратно на родину из обещанного «рая».

В Тифлис стали поступать тревожные телеграммы. Первая из них за подписью генерал-майора М.И. Астафьева на имя генерал-адъютанта

А.П. Карцева была датирована 17 октября 1865 г. и гласила: «Вышедшие в Турцию чеченцы, явясь на границу к Арапчаю до 200 душ, просят дозволить им возвратиться в Ахчевскую станицу к своим: они все принимают православие. Положение у них ужасное» (*Бадаев,* 2008. С. 179). На другой день во Владикавказ была послана депеша с сообщением о том, что на прошлой неделе явились на границу 120 чеченцев с просьбой дозволить им вернуться на родину. Им отказали. М.И. Астафьев вновь телеграфировал, что они не уходят с Арапчая, готовы все принять православие, лишь бы им разрешили вернуться. Сообщал он и о том, что они умирают с голода. Естественно, он ожидал приказа вышестоящего начальства (ЦИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 95. Л. 1). 21 октября 1865 г. из крепости Грозной был получен ответ, что после связи с начальником области князь Михаил считает полезным пропустить через границу 120 семейств чеченцев и поселить их в Надтеречном наибстве. Карабулаков велено было не принимать. Затем он просил через Н.П. Игнатьева энергично настаивать перед турецким правительством, что подобное возвращение к границе никак не допустимо. В Сунженском округе, где жили ранее карабулаки, была создана целая цепь казачьих станиц, и царская администрация не собиралась уводить казаков и возвращать карабулаков, что и предрешило их судьбу. Сразу же после того, как территорию Терской области покинула последняя партия переселенцев, на освободившихся землях начались землемерные работы по размежеванию для казачьих станиц.

Напряжение на русско-турецкой границе нарастало, все новые партии переселенцев скапливались на границе и просили разрешения вернуться на прежние места своего жительства. Необходимо было сделать выбор: либо пропустить переселенцев через границу с условием размещения их на других землях, либо оказать давление на турецкое правительство, чтобы оно силой заставило переселенцев идти на отведенные им земли в Диарбекирский пашалык. У кавказской администрации имелся вариант решения этого вопроса цивилизованным путем: были названы места, где можно было расселить возвращенцев – Ставропольская губерния или Малая Кабарда. Но под предлогом трудностей кавказская администрация отказалась от этого плана. Российские власти не хотели поступиться достигнутым успехом на пути к стратегической цели – освобождению Кавказа от некоторых его коренных жителей (*Бадаев,* 2008. С. 200). Используя военную силу, турецкие власти оттеснили чеченцев от границы, при этом среди мухаджиров были убитые и раненые. Лишь 800 чеченских семей достигли к зиме 1865–1866 гг. Диарбекира, куда с наступлением весны турецкие власти стали сгонять силой и других переселенцев.

Согласно статистическим данным о размещении переселенцев, на территории Турции зимой 1865–1866 гг. сложилась следующая ситуация: в Диарбекирской области около Хини и Улурта размещено 800 семейств вайнахов (чеченцы); в долине Чабакчурской – 300 (назрановцы); в д. Боглан на пути из Муша в Чабакчур – 140 (чеченцы и назрановцы); в г. Муше – 100 (больные и нищие); в Мушской области в 12 деревнях и в Битлисском санджаке в 43 деревнях (по дороге между Мушем и Битлисом) – 1500; в Мушской области в д. Гехикеч на западном берегу Ванского озера – 100 (карабулаки); на полпути между Мушем и Гассан-Кале в д. Чице – 386; в долине Пассела – 981; в Карсском пашалыке – 118; в Гельском санджаке (бывшие на границе) – 63;

в Ольгинском санджаке – 160; в Арзерумском пашалыке (Термуте, Байбурте, Эрзингане, Эрзеруме) – 400.

Всего было около 5000 семейств чеченцев, из них не более 800 добрались из-за зимы до места поселения. До 350 семейств осталось между Саганлугом и российской границей, а все остальные – до 4000 семейств – эшелонированы от бассейна Пассела до гор Чабакчура и Битлиса. В Ване же горцев не поселили (ЦИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 97. Л. 222).

Переселенцы не были сломлены этими обстоятельствами и не теряли надежду вернуться в родные края. Для подавления их стихийных выступлений турецкие власти использовали военные отряды, артиллерию и принимали меры к тому, чтобы расселять горцев небольшими группами по разным селениям, где за ними устанавливался полицейский надзор. Несмотря на все препоны, горцы нелегально переходили русско-турецкую границу, пытаясь вернуться на родину. Многих вновь задерживали и в принудительном порядке выселяли в Турцию. За 1862–1872 гг. в Терскую область вернулось 5964 мухаджира, в основном чеченцы, из которых 2315 человек в принудительном порядке были высланы в Турцию (*Ибрагимова,* 2000. С. 57). Между тем начальник Терской области лично решал вопрос о дальнейшей судьбе вернувшихся из Турции горцев, а потому предписал окружным начальникам всех реэмигрантов под усиленными караулами препровождать во Владикавказ «даже и в том случае, если бы лица эти имели при себе визированные паспорта наших консулов» (*Ахмадов, Хасмагомадов*, 2005. С. 352).

На родину переселенцы возвращались небольшими группами, преодолевая чинимые царской администрацией препятствия. Поэтому из огромной массы желающих этого в 1860–1870-е годы возвратилось на родину лишь 5857 чеченцев, а другая небольшая часть вернулась только после войны 1877–1878 гг.

В рассматриваемое время на Кавказе сложилась «богомольческая», паломническая форма переселений. Кавказские горцы, в том числе и чеченцы, под видом отправления в хадж в Мекку большими и малыми группами, а иногда и в одиночку, уходили навсегда в чужие края, в основном в Османскую империю. Особенно участились такие случаи после завершения Кавказской войны. «Богомольческие» переселения, в отличие от переселения 1865 г., не имели организованного характера, так как официально горцы отправлялись в хадж якобы по своей воле. Это стало своего рода бегством чеченцев и других горцев Северного Кавказа от тяжелых социально-экономических условий жизни. Первое переселение вайнахов такого рода произошло в 1847 г. и было прямым отголоском военных действий на Кавказе: именно тогда основанием ст. Сунженской было завершено создание Верхнесунженской военной линии (*Айдамиров*, 1991. С. 57). Она была заложена на месте расположения карабулакских селений, жители которых в поисках места жительства, спасаясь от военных действий, ушли в Турцию.

Россия в целом была не против таких переселений, поскольку, как писал русский историк Р.А. Фадеев, «земля горцев была нужна государству, а в них самих не было никакой надобности» (*Фадеев*, 1865. С. 149). Царская администрация на Кавказе провоцировала горцев на переселение в Турцию, придавая этому юридическую основу в виде оформления виз для отправления на богомолье в Мекку и другие святые места. «Правила» отправления горцев

на «богомолье» менялись в соответствии с изменениями в чеченском обществе, вызванными разными социально-экономическими причинами. Такие причины и вызванные ими «вспышки» имели место в 1872, 1893 и 1912 гг., когда число желающих отправиться в Турцию резко возросло, приобретая массовый характер. Тогда кавказское правительство попыталось ограничить их число. Вскоре отъезды в Мекку приняли такие масштабы, что в Турцию стали отпускать не более 10–40 семей вместе; после пребывания в Турции в течение года им разрешалось вернуться обратно. С 1872 г. горцы, желавшие уехать в Турцию, обязаны были перед отправлением в Мекку представлять поручительство своего общества, согласно которому оно брало на себя обязанности оплатить расходы казне, если по каким-то причинам отъезжающий не вернется.

Общее число переселенцев в 1872 г. заметно уменьшилось. Если до 1870 г. перед выездом в Турцию движимое и недвижимое имущество оставалось горцам, то теперь недвижимое имущество переходило в распоряжение аульного общества. Кроме того, переселявшийся обязан был дать расписку о том, что он не вернется назад. В 1880–1890 гг. наблюдался новый всплеск переселений горцев с Северного Кавказа в Турцию. В 1893 г. было столько желающих уехать, что участились случаи переселения без разрешения властей. Были случаи и возвращения чеченцев на родину.

Переселение горцев в Турцию не прекращалось даже в начале XX в., хотя, испытав все тяготы жизни в Турции, вернуться домой они могли лишь с большими трудностями. В 1900, 1905, 1907, 1912 гг. чеченцы и ингуши во главе с религиозными или родовыми старейшинами обращались к царским властям с просьбой о разрешении переселиться. Причин было несколько. Во-первых, развитие капиталистических отношений в России, Столыпинская аграрная реформа; разрушение крестьянской общины и разорение крестьян. Этот процесс коснулся и Северного Кавказа, в том числе и Чечни, где крестьяне вытеснялись со своих земель набирающими силу капиталистами-фермерами из местной среды. Среди горцев-крестьян усиливался процесс отходничества. Многие видели выход из тяжелой социально-экономической ситуации в эмиграции в Турцию. К тому же почти все равнинные плодородные земли Чечни были «дарованы» казачеству и местным старшинам. Поэтому даже капитализирующиеся местные фермеры вынуждены были арендовать эти земли у хозяев. Особенно остро «земельный голод» чувствовался в горных и предгорных районах Чечни. Беднейшая часть населения не имела возможности арендовать эти земли и обеспечивать свои семьи. Население росло, а проблема малоземелья в указанных районах все более усугублялась. Именно выходцы из этих районов составляли большинство желающих переселиться в Турцию в начале XX в. Царская администрация отреагировала на это ужесточением правил въезда и выезда.

Следующий поток переселенцев в Турцию совпал с началом Первой мировой войны. Одной из главных причин этих миграций, наряду с экономическими, было то, что религиозные авторитеты в этот период преследовались, ссылались в Сибирь, что часто распространялось и на их родственников и последователей. В таких условиях взоры религиозных деятелей вновь обращались в сторону единоверной Турции, где жизнь соплеменников, переселившихся ранее, уже более или менее наладилась. Таким путем происходило

и воссоединение разделенных семей. Многие переселенцы желали также совершить хадж в святые места. «Богомольческие» переселения имели свои социальные и экономические причины: малоземелье и безземелье, вызванные колониальной политикой царского самодержавия на Кавказе. Кроме экономических причин, немаловажную роль играл религиозный фактор: ислам не имел статуса государственной религии, и в начале XX в. в России царская администрация преследовала чеченских религиозных авторитетов и их последователей, которые видели выход из ситуации в переселении в единоверную Турции. Именно в связи с вышеуказанными причинами число горцев, желающих переселиться, резко возросло к концу XIX – началу XX в.

«Богомольческие» переселения не имеют официальной статистики. Тем не менее имеется достаточная информация для ее характеристики. Можно выделить три крупные партии переселенцев: 1) переселившиеся в 1895 г. вместе с 16 тыс. кабардинцев, среди которых чеченцев было 1500–2000 человек; 2) переселенцы 1900 г. – последователи шейха Ташу-Хаджи во главе с его мюридом Товсултан-Хаджи, основавшие ряд поселений в Иордании, и предки известного на Ближнем Востоке шейха Абдул-Баки Джамо; 3) эмигранты 1912 г. – 2 тыс. ингушей и чеченцев-аккинцев, которым ценой огромных лишений и трудностей удалось перебраться за границу из-за обострения русско-турецких отношений.

В современный период вайнахская (чеченская) диаспора расселена на территории Иордании, Сирии и Турции, которые в прошлом были частями Османской империи. Условно переселенцев можно разделить на три группы: 1) потомки «кундуховских» переселений чеченцев 1865 г.; 2) потомки переселенцев 1893–1895 гг., основавшие современную чеченскую колонию в Иордании; 3) потомки переселенцев 1912 г., обосновавшиеся в основном в Сирии.

ЧЕЧЕНЦЫ В КАЗАХСТАНЕ

Чеченцы живут в Казахстане с 1944 г. В настоящее время чеченское население имеется практически во всех областях республики, и его численность колеблется в зависимости от событий, происходящих в Чечне. В конце 1950-х годов в связи с восстановлением Чечено-Ингушской АССР большинство вернулось на родину, но часть осталась жить в Казахстане или мигрирует на Кавказ и обратно, некоторые из родившихся в Казахстане никогда не были на своей исторической родине.

Старшее поколение чеченцев Казахстана испытало горькую судьбу спецпереселенцев. В их памяти живы воспоминания о депортации, о регистрации в спецкомендатурах, трудностях адаптации к новым условиям, трудовой и общественной деятельности в Казахстане. По рассказам старших хорошо знает об этом и младшее поколение. Первое поколение переселенцев сумело выжить в нелегких для них новых условиях, пройти сложный путь бытовой адаптации, овладеть русским, а на юге республики и казахским языком, а также усвоить местные традиции и наладить контакт с коренным населением. Несмотря на то что чеченцы успешно приспособились к непривычным

Чеченцы в период депортации

Казахстан, 1950-е годы
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

для себя условиям, обзавелись семьями, детьми, хозяйством, у них никогда не ослабевало желание вернуться на родину.

После возвращения основной массы чеченцев на Кавказ у оставшихся в Казахстане постепенно начала формироваться система двойной идентификации. Живя в Казахстане и в то же время ощущая себя чеченцами, они понимали, что здесь их вторая родина. Дети, подростки и молодежь, безусловно, адаптировались быстрее, чем взрослые, и были в большей степени открыты внешним воздействиям. Юноши во многом быстрее изменяли традиционную поведенческую манеру в силу более активного вовлечения в производственные коллективы, службу в армии и общественные мероприятия. Они в какой-то мере подражали местной молодежи, были случаи женитьбы на девушках иной национальности, иногда даже вопреки воле родителей. Юноши ходили в кино

Чеченцы в период депортации
Казахстан, 1950-е годы
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

и на танцы, стремились учиться в техникумах и институтах. Девушки обычно были ограничены домашним кругом, их интересы представляли в обществе отец, муж и брат – близкие родственники-мужчины. Были факты непосещения девушками школ и культурно-массовых зрелищных мероприятий. Они не порывали связи с родительской средой, и, конечно, выбор жениха также был прерогативой родителей. Редким исключением было, чтобы девушка вышла замуж за представителя иной национальности. Вместе с тем по мере изменения социального положения и мировоззрения чеченские девушки, получившие среднее и высшее образование в Казахстане, стали отличаться определенной независимостью. В основном девушки выходили замуж по собственному выбору.

Вне исторической родины человеку бывает сложно сохранить в полной мере национальные традиции и обычаи, религиозные предписания. Но к

чеченцам Казахстана это отнести нельзя, так как они в основной массе придерживались своих национальных традиций и обычаев, исповедуя каноны ислама. Помогало этому и то, что чеченцы селились компактными группами. Так, по полевым материалам, население некоторых поселков близ Караганды было по преимуществу чеченским: они жили в построенных ими самими саманных домах и работали на шахтах и стройках, вместе с ними работали русские, татары и др. Соседи отмечали сплоченность чеченцев («Надо было видеть, какие прекрасные отношения были между этими людьми. Это были не просто соседи, это была одна общая семья. Вместе ходили на работу. Рабочее время в будни было у каждого свое, но после работы, выполнив свои обязанности по хозяйству, они собирались вечерком и вспоминали Родину»), сохранение ими традиций своего народа («в чеченских семьях широко распространялась устная народная поэзия, песни религиозного содержания, песни на любовные и патриотические темы. Живя в Казахстане, они оставались чеченцами и берегли память о своей прекрасной Родине, сохраняли национальную нравственность») (ПМ З.С. Исакиевой). Исследователи подчеркивают огромную роль женщин в том, что чеченский народ в этих сложнейших условиях смог выжить и спасти своих детей, сохранить свои честь и достоинство, собственное имя и самобытность (*Исакиева*, 2010. С. 23).

Чеченцы своим самоотверженным трудом в годы депортации доказывали безосновательность предъявленных им обвинений. Это объяснялось несколькими обстоятельствами: часть чеченцев продолжала проявлять свою преданность советскому государству, считая акт депортации несправедливостью, другая трудилась самоотверженно из-за естественного инстинкта самосохранения, понимая, что это единственный способ доказать свою лояльность властям (*Исакиева,* 2010а. С. 66).

В Казахстане чеченцы сохраняли многие национальные традиции. Очень востребованным оказался обычай помощи немощным семьям, больным и сиротам. Повсюду, где они жили, традиционными были *белхи* – помощь в строительстве дома всем миром; возродился забытый суд *кхел*, где старейшины разрешали конфликты в своей среде, поэтому чеченцы очень редко обращались для решения своих проблем в правоохранительные органы.

Чеченцы и казахи, живя по соседству около 70 лет, на протяжении нескольких поколений, немало заимствовали друг у друга. Многие чеченцы хорошо знают казахский язык, фольклорные произведения, обычаи и традиции. Под влиянием чеченцев во многих селениях казахи стали заготавливать на зиму сено для скотины, перенимали у них богатый опыт садоводства и огородничества (ПМ Ж. Ермекбаева, 2008 г.).

По мере налаживания жизни на чужбине укреплялась земляческая и тайповая связь, большую роль играла мусульманская религия. Все это укрепляло национальную идентичность и сохраняло историческую память. Религиозные лидеры оказывали большое влияние на чеченцев, а совет старейшин оставался непререкаемым авторитетом при решении разных жизненных проблем. Чеченцев всегда отличало чувство групповой солидарности, ощущение связи с историческими судьбами своего народа. Хотя национально смешанные браки у чеченцев Казахстана встречаются, они остаются довольно редким явлением. В целом для них характерно сохранение знания родного языка, стремление не утратить свои национальные и религиозные тради-

ции и обычаи. Так, в годы депортации, когда чеченцы были на положении спецпоселенцев, отмечалось сокращение свадебной обрядности, особенно в 1940–1950-е годы, когда невозможно было свободно передвигаться. После снятия ограничений свадебная обрядность с элементами забытых ритуалов начала возрождаться. У чеченцев Казахстана сохраняется обычай поминания умерших *сагIа даккхар*, престиж и статус семьи, число разводов невелико. Непререкаемым остается обычай уважения и почитания старших, среди молодежи воспитывается память об историческом прошлом народа, все чеченцы знают генеалогию своего тайпа. Соблюдаются традиционные нормы этикета: например, женщина должна находиться с левой стороны от мужчины, чтобы тот в случае непредвиденных обстоятельств мог ее защитить. Девушка при встрече только отвечает на приветствия, если это не близкий родственник. Если же она первая приветствует молодого человека, то это свидетельствует о ее симпатии к нему. При встрече людей разных возрастов обязательно первым здоровается младший, и если разница в возрасте большая, то не за руку. Этническая культура присутствует в жизни чеченцев Казахстана в виде обычаев и традиций, сказок, преданий, танцев, песен. Память о земле предков живет не только у родителей, но и у детей; она укрепляется постоянной связью с исторической родиной. Все это способствует сохранению осознания принадлежности к чеченскому этносу. Вместе с тем чеченцы, родившиеся в Казахстане, четко осознают свою гражданскую принадлежностью к казахстанскому обществу и его культурной среде.

Чеченская молодежь, безусловно, стремится к культурной и социальной интеграции в казахстанское общество. В семье придерживаются норм жизни своего народа, а вне семьи – правил поведения, принятых в Казахстане. В культуре чеченцев сосуществуют родной язык и этническая культура, а также обычаи и традиции, воспринятые у казахов и русскоязычного населения. Например, М. Алсабеков (один из руководителей Духовного управления мусульман РК г. Алматы, ректор Исламского института), С. Байсултанов (оперный певец, народный артист РК), А. Идигов (руководитель пресс-службы акима Алматинской области), С. Акаев (руководитель национально-культурного центра «Вайнах» Атырауской области), З. Чумакова (поэтесса, заслуженный деятель культуры РК, г. Жезказган), М. Бокаев (детский прозаик, директор Бурлинского районного архива Западно-Казахстанской области) и многие другие свободно говорят и пишут по-казахски.

Чеченцы бережно относятся к природе. Фольклор, обычаи и традиции чеченцев свидетельствуют о любви и бережном отношении к природе. Живущие в сельской местности стараются украсить свой дом посадками деревьев, арыками, местами отдыха, что особенно хорошо видно в местах компактного проживания чеченцев.

Особую роль в жизни чеченцев играет конь. Многие элементы обращения с конем они привнесли и в Казахстан. Казахи многое переняли у них в уходе за лошадьми. Следует заметить, что чеченцы, в отличие от казахов, не употребляют в большом количестве в пищу конину. Однако в последнее время во время различных праздничных дат и юбилеев за общим столом они вместе с другими гостями употребляют национальное блюдо казахов – бешбармак, приготовленный из конины.

На праздниках чеченцы исполняют песни на казахском языке, а лезгинку танцуют не только участники чеченского ансамбля «Зезаг», но и юные танцоры-казахи.

Чеченцы Казахстана не чувствуют себя обделенными вниманием со стороны государства. Правительство и местная власть оказывают им разностороннюю поддержку: издание газет, книг, вечера памяти, посвященные скорбной дате депортации, празднование национальных обычаев и традиций, различных праздничных календарных дат, сохранение культурного наследия, предпринимательство и кадровая политика.

31 марта 1995 г. Министерством юстиции Республики Казахстан зарегистрирована ассоциация «Вайнах», в ее состав входят национально-культурные объединения чеченцев и ингушей всех областных центров Казахстана. Первыми руководителями или сопредседателями центра «Вайнах» в Алматы были избраны д. филос. наук, проф. А.Д. Яндаров и д. геол.-минерал. наук, акад. НАН РК С.М. Оздоев. Чтобы сохранять традиции и обычаи, чеченский язык, во всех областях образованы чеченские общества. Во многих городах организованы воскресные школы, «Вайнах» ежегодно участвует в выставках национальной кухни, во многих областях действует общественное объединение «Народное согласие». В целом чеченцы интегрировались в социально-культурное пространство Казахстана. Так, в ходе предвыборной кампании 2005 г. чеченец А.-К. Хажалиев был доверенным лицом Н.А. Назарбаева.

Среди чеченцев Казахстана широко признана поэт и прозаик Зинаида Чумакова (Зулпа Джабраилова). Она родилась в Казахстане и поэтично воспела его в своих стихах:

Мне край этот с детства – единственный рай.
Я песни люблю про Марьям с Дударай.
И звуки домбры мое сердце пленят,
Они меня с жизнью казахов роднят.

(*Чумакова*, 2004. С. 89)

Творческая деятельность чеченца С. Байсултанова неразрывно связана со сценой Государственного академического театра оперы и балета им. Абая в г. Алматы. Он исполняет русскую, казахскую, зарубежную классику, первым из артистов удостоился звания народного артиста независимого Казахстана. Творческая судьба детского прозаика М. Бокаева складывалась под влиянием произведений русской и казахской литературы. Его рассказы публикуются на русском и казахском языках.

В Казахстане занимается литературоведением М.А. Завриев. В Алматы он приехал в 1999 г. по приглашению своего близкого казахского друга, собрата по перу А. Жумабаева, с которым учился в Литературном институте в Москве.

В Казахстане широко известна семья Дудаевых. В 1944 г. волею судьбы врач Магомед Дудаев оказался в Алматы. Молодой специалист, продолжая дело отца и деда – тоже врачей, начал врачебную практику в областной больнице, 33 года посвятил он любимому делу, стал заслуженным врачом, отличником здравоохранения. В Центральном государственном музее в Алматы есть уголок, посвященный ему и его семье. Мечту М. Дудаева иметь свою

Чеченцы в Казахстане. 1958 г.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

фамильную стоматологическую клинику осуществили его потомки. В 1996 г. одна американская компания объявила конкурс проектов, направленных на реформирование здравоохранения в странах Центральной Азии и Казахстана. Проект Дудаевых «Линия улыбки» выиграл грант, и Дудаевы открыли стоматологическую клинику в Алматы. Дудаевы прошли стажировку в американской стоматологической компании. Их клиника оказывает бесплатные услуги социально незащищенному населению и членам малообеспеченных семей Алматинской области. В 1998 г. «Медицинская газета» провозгласила Дудаевых «Династией мира», а в 2002 г. они были внесены в Книгу рекордов Гиннесса как самая большая медицинская династия в мире – у Дудаевых в семье 18 дантистов. В 2004 г. клиника «Дудаев и К°» получила во Франкфурте международный приз «Арка Европы», присуждаемый за высокое качество и новые технологии. Дудаевы не раз поощрялись руководством страны. Од-

ного из младших Дудаевых зовут Нурсултаном: он, 57-й член их семьи, родился в год, когда президенту Казахстана исполнилось 57 лет. Президент, узнав об этом, прислал своему тезке поздравление (*Ермекбаев*, 2009. С. 165–167).

Чеченцы в новых рыночных условиях проявили свою находчивость и предприимчивость. Из бизнесменов можно назвать Н. Абдуева из Алматы. Он имеет два высших образования, кандидат технических наук, чл.-кор. Национальной инженерной академии РК, генеральный директор научно-производственной корпорации «Ремас», которая занимается разведкой минеральных ресурсов, разработкой и внедрением в производство новой ресурсосберегающей, экологически чистой технологии обработки месторождений полезных ископаемых. Н. Абдуев несколько раз выдвигался в парламент РК, спонсирует выпуск печатных изданий. В годы военных конфликтов в Чечне он принимал активное участие в международных миротворческих миссиях.

Трудно перечислить всю производственную деятельность С.Б. Махмадова, генерального директора крупнейшего в Казахстане частного производственного предприятия. Он первым в СНГ открыл цех по производству пшеничной клейковины. В апреле 2007 г. во время визита главы государства Н.А. Назарбаева в Жамбылскую область он показал уникальный комплекс по производству биоэтанола – высокооктановой биоприсадки к бензинам. Как писала газета «Казахстанская правда», мощность завода составляет 130 т продукта ежесуточно (Казахстанская правда. 2007. 28 апр.). Конечно, биоэтанол производят и в других странах, но никто еще не смог сделать это в безотходной форме, как Махмадовы в г. Таразе. Завод в настоящее время производит многие виды товаров народного потребления, значительная часть которых идет на экспорт. С. Махмадов ежегодно тратит немало средств на благотворительность, ООН присвоила ему высокое звание «Меценат № 1».

Чеченская диаспора Казахстана старается сохранить национальную общинную сплоченность и укрепить национальное самосознание. В настоящее время чеченцы выделяются среди других диаспор устойчивым национально-групповым самосознанием. Важным фактором в их жизни выступает религия, которая помогает сплачиваться, а также сохранить и укрепить этнокультурное своеобразие. Чеченцы являются устойчивой этноконфессиональной группой в полиэтническом обществе Казахстана. В целом они хорошо интегрировались в социально-культурное пространство Казахстана. По данным последней советской переписи населения 1989 г. чеченцев насчитывалось в Казахстане 495 тыс. чел., а по итогам национальной переписи Казахстана 2009 г. чеченцами себя назвали 31,4 тыс. чел., среди них 94% отнесли себя к мусульманской религии, 3% – к христианству, 2% – неверующие.

ЧЕЧЕНСКАЯ ДИАСПОРА В ЕВРОПЕ

Политические процессы в Чеченской Республике конца XX – начала XXI в. стали причиной массового исхода ее жителей как в сопредельные субъекты Российской Федерации, так и в страны ближнего и дальнего зарубежья. Определить число чеченцев, проживающих в Европе, и проследить тенденции и перспективы развития чеченской диаспоры довольно сложно. На сайтах иммиграционных ведомств европейских стран имеются данные

по миграциям, но проблема в том, что указывается там не национальность, а гражданство, и все прибывающие в европейские страны из России проходят в отчетах как ее граждане.

По данным Управления Верховного комиссара ООН (УВКБ) в 2007 г. в странах Азии нашли убежище около 45% от общего числа лиц в ведении УВКБ ООН (15 млн человек), далее следуют страны Африки – 9,7 млн (30%), Европы – 3,4 млн (10%), Латинской Америки – 3,5 млн (10%), Северной Америки – 1,1 млн (3,5%) и Океании – 85 тысяч человек (0,2%). Южная Африка приняла наибольшее количество лиц, ищущих убежище, – 53 400, за ней следуют США (50 800), Кения (37 300), Франция (30 800), Великобритания (27 800), Швеция (24 300) и Канада (22 900) (Защита беженцев и роль УВКБ ООН, 2007). На фоне этих цифр проблема чеченской диаспоры, чеченских беженцев может показаться не совсем актуальной, однако для Чечни это серьезная проблема, так как по различным данным только в странах Европы в настоящее время проживают от 50 до 200 тысяч чеченцев, и любая цифра в обозначенных рамках составляет значительный процент от численности народа, понесшего колоссальные потери в XX и начале XXI в.

По мнению некоторых исследователей, рост числа чеченских беженцев в Европе наблюдается с 2003 г., когда около 33 тыс. российских граждан (свыше 90% из них предположительно чеченцы) обратились, по данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, с ходатайством о предоставлении убежища в Европе. Эта цифра оставалась примерно такой же в 2004 г., а в 2005 г. она уменьшилась до 27 тыс. Сложно сказать, насколько эти цифры отражают действительное положение дел с чеченской миграцией в Европу. Они могут быть выше, поскольку некоторые страны не учитывают несовершеннолетних, которые прибывают со своими родителями, а в некоторых случаях чеченцы присоединились к родственникам за границей как ищущие убежища, либо через официальные процедуры воссоединения семей или без приобретения правового статуса. Они могут быть ниже, потому что многие обращаются с ходатайством о предоставлении убежища более чем в одной стране и каждый раз учитываются отдельно. Есть свидетельства того, что беженцы из разных регионов России и других стран представлялись по прибытии в Европу чеченцами, поскольку это повышало их шансы на получение убежища (по крайней мере в первой половине 2000-х годов) (*Максимов*, 2005; Refugees and Diaspora, 2012).

В 1990-е годы чеченцы прибывали в Европу в небольших количествах и в целом получали убежище без осложнений. Эта либеральная политика изменена, и в таких странах, как Норвегия, Швеция, Голландия, Германия и Франция, сегодня, как правило, предоставляют лишь временный статус или отказывают в предоставлении убежища за исключением особых случаев. Причины этого – переход во всех странах Европы к более строгой иммиграционной политике, улучшение ситуации в Чечне, а также озабоченность по поводу больших компактных общин мигрантов и возможных политических и финансовых обязательств перед ними. Некоторые страны (например, Австрия и Бельгия) предоставляют постоянное убежище для большинства чеченских беженцев. В самой миграционной среде реакция варьируется от энтузиазма по поводу возможностей и свободы, предлагаемых жизнью

в Европе, до серьезных опасений по поводу утраты самобытности и национальных обычаев.

Руководство Чеченской Республики принимает меры к установлению контактов со своими земляками, живущими в Европе: на сайтах можно найти новости о событиях в республике, посмотреть информационные блоки телекомпаний ЧГТРК «Вайнах» и ГТРК «Грозный», Министерство ЧР по внешним связям, национальной политике, печати и информации обеспечивает спутниковое вещание республиканских телекомпаний. Однако только информационного обеспечения явно недостаточно, необходимы более прочные связи с диаспорой, оказание помощи людям, которые в силу разных причин оказались вдали от родины, тем более что достаточно большое число молодых людей учатся в высших учебных заведениях, приобретают знания и важный опыт жизни в европейском сообществе, которые, несомненно, могут быть использованы на благо Чеченской Республики. Конечно, часть чеченских беженцев находится в Европе по политическим причинам, занимает позицию сторонников независимого государства, позиционирует себя как оппонентов существующей системы власти как в Чечне, так и России. Тем не менее история и политический опыт многих стран, в том числе России, показывают, что и непримиримые казалось бы стороны могут прийти к согласию.

Расширение Шенгенской зоны – пространства без контроля на внутренних границах – произошло 21 декабря 2007 г., когда к Шенгену присоединились 9 стран (Эстония, Латвия, Литва, Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Мальта) и их посольства начали выдавать шенгенские визы, действие которых распространяется на все 24 государства Евросоюза. До этого в Шенген входили Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Исландия, Италия, Греция, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания и Швеция. Контроль сухопутных и морских внутренних границ между ними и странами Восточной и Центральной Европы, вступившими в ЕС в мае 2004 г., отменен с 21 декабря 2007 г., а на воздушных – с 30 марта 2008 г. С этого времени резко возросли нелегальная миграция и переправка людей в Германию из Восточной Европы, причем многие новые мигранты оказались родом из Чечни, отмечает газета «Financial Times» (Refugees and Diaspora, 2012). «Примерно 420 человек были задержаны в германской пограничной зоне с Польшей и Чехией за три недели, прошедших после отмены 21 декабря паспортного контроля», – сообщил представитель германского МВД. Один сотрудник германской полиции охарактеризовал эти данные как всего лишь «верхушку айсберга». По его мнению, «за этот период, вероятно, успешно пересекло границу раз в десять больше людей». Согласно регламенту «Дублин II», который вступил в силу в феврале 2003 г., в поисках убежища люди уже не вправе сами выбирать страну, а могут подать свои заявления на предоставление убежища только однажды – в первой стране ЕС, в которую они вступают. Для большинства чеченцев это Польша.

Министры внутренних дел Эстонии, Латвии, Литвы и Австрии еще в сентябре 2004 г. на встрече в Вене выступили с предложением о создании единого центра по приему чеченских беженцев, который мог бы находиться на территории Украины. По словам главы МВД Австрии Э. Штрассера, желательно, чтобы центр находился не очень далеко от родины беженцев, и

они «в случае нормализации обстановки в местах своего проживания могли быстро вернуться домой». Возможно, это было связано с тем, что Россия в этот период занимала первое место по числу желающих получить убежище за границей, несмотря на то, что число россиян, в основном чеченцев, попросивших убежище в развитых странах мира, сократилось по данным УВКБ ООН, во втором квартале 2004 г. на 4% по сравнению с первым.

Большая часть российских заявок поступила во втором квартале 2004 г. в Австрию (1795), Польшу (1602), Францию (730), Словакию (699) и Германию (546).

Четыре года подряд чеченцы составляли 80% беженцев или лиц, добивающихся политического убежища в Польше. По данным МВД страны, в 2001 г. их было 1300, в 2002 – 3000, в 2003 – 5300, наконец, за первую половину 2004 г. – 4300 человек. С начала второго этапа военного конфликта наблюдался «относительно ограниченный, но устойчивый поток, увеличивающийся при каждом крупном кризисе», – отметил Я. Венгжин, генеральный директор Бюро по репатриации и делам иностранцев.

Общее количество людей, приезжающих в Польшу в поиске убежища, постепенно снижалось – к 25 ноября 2005 г. оно составляло 5900 человек (в 2003 г. – 6900, в 2004 г. – 8100 человек). Доля же беженцев с российским гражданством (значительное большинство которых составляют чеченцы) увеличилась с 81% в 2003 г. до 95% в 2005 г.

В 2003 г. в Чешской Республике попросили убежище 4852 человека из Российской Федерации, причем большинство из них составили беженцы из Чечни. В том же году получили убежище всего 62 человека с российским гражданством, в 2004 г. – 45 человек из 1498 новых просителей из Российской Федерации. В то же время соседняя Австрия дала убежище почти 70% чеченских беженцев (*Косович*, 2006). Австрийская газета «Kleine Zeitung» сообщила, что известный своими ультраправыми взглядами губернатор земли Каринтия Й. Хайдер, погибший в автокатастрофе в октябре 2008 г., потребовал от правительства Австрии немедленно и полностью прекратить предоставление убежища беженцам из Чечни. Чеченцы, считал Хайдер, «обладают повышенным потенциалом насилия». «Пример других стран Евросоюза, таких как Словения, показывает, что прекращение предоставления убежища для чеченских беженцев возможно», – заявил губернатор. Он обвинил соответствующие власти Австрии в «легкомысленном отношении к предоставлению убежища чеченцам». По его сведениям, в Австрии ежегодно получали убежище более двух тысяч выходцев из Чечни (*Щепаникова*, 2006).

В настоящее время чеченская община в Германии насчитывает около 10 000 человек, как во Франции и Бельгии, а всего в Европе проживает 50–60 тысяч чеченцев, как считает французский исследователь Л. Винатье, написавший диссертацию по проблеме чеченской диаспоры.

Больше всего чеченских беженцев проживает в Австрии (по официальным данным – более 16 тыс. человек), в Норвегии, Швеции, Дании – не меньше, практически они есть во всех странах Европы. Меньше всего чеченских беженцев (12 человек) проживает на острове Мальорка в Средиземном море. Эти данные приводит Р. Ампукаев, который с начала 1990-х годов живет в Европе (Чечня в рассеянии, 2008) и активно занимается проблемами диаспоры. В государствах Европы, за исключением стран СНГ, по приблизитель-

ным данным проживает более 100 тыс. чеченцев. У многих из них здесь уже родились дети. Из Чечни постоянно прибывают и новые беженцы. Процесс исхода чеченцев со своей исторической родины продолжается. Практически каждый день польско-белорусскую границу пересекает 40–50 человек.

По данным американской неправительственной организации «Chechnya Advocacy», занимающейся юридической помощью политическим эмигрантам из Чечни в Европе, около 10% чеченцев получили убежище в Польше, 12% – в Венгрии, менее 10% – в Чешской Республике. В Литве 99% обратившихся был предоставлен «вспомогательный статус», который позволяет жить в Литве, но его необходимо ежегодно обновлять.

В странах Западной Европы убежище было предоставлено большему количеству чеченцев, но не все из них получили статус беженца. Так, Австрия предоставляет убежище 96%, попросившим его, Бельгия – 60%, но многим лишь после повторного обращения, Франция – почти всем. Убежище в Нидерландах получили лишь немногие, а около 20% смогли остаться здесь с «гуманитарным статусом». В Германии получили убежище около 28%, в Дании – 35–50%, в Норвегии – 7–8%, а 70% могут оставаться со статусом «гуманитарной защиты». Швеция обычно не предоставляет убежища чеченцам, но позволяет некоторым из них остаться в стране с иным статусом. Швейцария предоставляет убежище лишь 10% чеченцев и требует убедительных доказательств преследования. Испания предоставляет либо убежище, либо иной статус 50% чеченцев, но туда выезжают немногие.

В некоторых странах, таких как Бельгия, Франция, Норвегия, Швеция и др., условия жизни беженцев практически одинаковы. Их можно назвать приемлемыми или даже хорошими. Это касается социальной защиты, медицинского обслуживания, образования и т.д. В гораздо худших условиях по сравнению с тем, как они могли бы жить в Чечне, живут чеченцы в Польше, Словакии и Чехии. Похожая ситуация и в Испании, поскольку там отсутствуют программы социальной помощи иммигрантам. Практически каждый третий беженец нашел себя на новом месте. Они работают, учатся, живут полноценной жизнью, закладывают основу будущего для себя и своей семьи. Однако большинство живет в ожидании. Годами не решаются вопросы предоставления им статуса беженца, т.е. они долго не могут получить документы, позволяющие включиться в процесс организации жизненного пространства. Такое происходит главным образом в Польше, Чехии, Словакии, Испании, странах Прибалтики. Чеченцы в этих странах имеют мало шансов получить статус беженца, не говоря о гражданстве.

Не секрет, что большинство российских средств массовой информации до последнего времени представляли чеченцев как преступников, бандитов и террористов. Это же отношение было распространено и на тех, кто смог выехать в Европу. Так, «Комсомольская правда» опубликовала клеветническую статью «Чеченцы уже громят Европу», в газете «Труд» было заявлено, что «на Лазурном берегу (Франция) чеченская диаспора Ниццы, составляющая около 300 семей, пока только приступила к “крышеванию” сделок на рынке недвижимости с богатыми российскими покупателями». В Страсбурге чеченцы обращаются в Европейский суд по правам человека… «Компенсации, присуждаемые судом, вполне позволяют окупить расходы на адвокатов» (Чеченских беженцев ЕС высылает в Россию, 2007). Конфликты, возникающие

в эмигрантской среде, часть журналистов всегда готова представить как криминальные войны, которые начинают чеченцы. Однако реальность совсем иная. «У меня нет ни одного факта участия чеченцев в беспорядках во французских городах», – заявил в Грозном посол Франции в России Жан Кадэ. Он также отметил, что «достаточно обширная чеченская община, проживающая во Франции, испытывает только чувство благодарности к приютившей их стране». Заместитель руководителя Норвежской иммиграционной службы в октябре 2008 г. подчеркнул, что в Норвегии проживает постоянно около 3–4 тыс. чеченцев, и у норвежских властей нет никаких проблем с ними в криминальном плане, их отличает высокий уровень интеграции, стремление изучить норвежский язык, желание работать, а не жить на социальное посо-

бие. Встречи с чеченцами в Норвегии, Швеции, Бельгии, Франции подтвердили, что это именно так – абсолютное большинство работает, молодежь учится и при этом соблюдает национальные обычаи и религиозные традиции. Конечно, в эмигрантской среде хватает проблем, самая большая – это получение вида на жительство, после этого многое зависит от самого человека, его способностей, трудолюбия, упорства.

По нашим оценкам численность чеченцев в странах Европы следующая: Австрия – 18 тыс. человек, Германия – 12 тыс., Бельгия – 9 тыс., Франция – 10 тыс., Норвегия – 6–7 тыс., Швеция – 2 тыс., Швейцария – 2 тыс., Голландия – 1,5 тыс., Польша – 12 тыс., Дания – 2 тыс., Чехия, Словакия – 2,5–3 тыс., Испания – 400, Англия – 200, Ирландия – 100, Финляндия – 200 человек.

Так, наш информант, живущий во Франции, считает, что в этой стране проживает гораздо больше чеченцев, чем принято считать: только в Париже и пригородах, по его данным, живут около 4 тыс. семей, в Страсбурге и Ниц-

це – 2 тыс. семей, в Тулузе, Марселе, Лионе – по 100 семей, в городах Ренин, Тур, Нанс – по 50 семей и т.д. В средней чеченской семье не менее 5 человек, так что цифра получается довольно внушительная.

На пути в Европу беженцев из Чечни подстерегает немало трудностей. Так, в сентябре 2007 г. на горном участке польско-украинской границы польские пограничники обнаружили тела трех чеченских девочек 13, 10 и 6 лет, которые умерли от переохлаждения. Место гибели детей указала их мать, 36-летняя уроженка Чечни, задержанная польскими пограничниками. По информации пограничников, чеченка с детьми заблудилась, пытаясь нелегально перейти границу. Семья, скорее всего, отстала от группы нелегалов или их обманул проводник, заранее получивший деньги за переход (Чеченцы выбирают Европу, 2007). По данным представителей чеченской общины, в Европе около 20% чеченцев, находящихся здесь, отбывают различные сроки

заключения, что связано с нарушением ими порядка въезда в страну (Чечня в рассеянии, 2008).

Чеченская диаспора в Европе находится в процессе структурирования, в каждой стране созданы несколько организаций, представляющих их интересы: Общество швейцарско-чеченской дружбы «Даймохк», Общество защиты ЧР-Ичкерии, Чеченское общество «Барт» (Польша), Бельгийское общество «Шатой», Ассоциация защиты суверенитета ЧРИ, Ассоциация чеченцев в Бельгии, Ассоциация чеченцев во Франции, Чеченская община в Литве, общественная организация «Синтем» (Германия) и др. Одна из наиболее многочисленных в Европе бельгийская диаспора выдержала испытание

на прочность. Ассоциация чеченцев в Бельгии признана и пользуется авторитетом у бельгийских властей, чеченцы стали частью полиэтнической страны. Тысячи работающих и учащихся, школьники, превосходно говорящие на трех языках Бельгии и получающие образование в школах, сотни студентов университетов – это сегодняшний день чеченской диаспоры в Бельгии. Большая заслуга в этом талантливой журналистки Тины Исмаиловой (Тина Брюссель), скончавшейся от тяжелой болезни в 2008 г.

Помощь чеченцам оказывают небольшая группа партнеров среди депутатов Европейского парламента, PAX CHRISTI Фландрии, ECRE, Международная Амнистия, Норвежский Совет по делам беженцев.

ГЛОССАРИЙ[1]

Альчик – надкопытная кость крупного рогатого скота, использовалась для игр
Араран нах – люди, живущие на равнине; равнинные чеченцы
Ардар-бутт – десятый месяц в народном календаре, месяц молотьбы
Аьзни – красавица, или дочь Солнца
Аьлча – одна из четырех сторон *альчика*
Аьстиг – разновидность маленькой лопаточки для очистки лемеха

БIаьргаш («глаза») – гостевое блюдо из бараньих глаз с ореховым соусом
БIаIал – пласты земли, отваливаемые при пахоте плугом
БIоув («войско», «дозор») – боевая башня
Баьлчанаш – две стойки, прикрепляемые к полозу пахотного орудия
Бегонда – земельная повинность; аренда земли
Бекха – архаичное ручное орудие, используемое в земледелии для вывоза удобрения на пашню
Белхи – обычай взаимопомощи
Бер – подать, плата за пользование пахотной землей, пастбищами; плата за разрешение проехать через горный проход и др.
Биегор – гужевая повинность, аренда лошади
Биэкарг-бутт («месяц кукушки») – третий месяц народного календаря
Буност – бедренная кость животного

Вайнах («наши люди», «свои люди») – люди, говорящие на нахских языках: чеченцы (*нохчий*), ингуши (*гIалгIай*), бацбийцы (*бацой*)
Вакуфная собственность – движимое и недвижимое имущество, находящееся во владении мечети
Верас – глава *тайпа*
Верта – бурка, верхняя мужская одежда; тип плаща из войлока
Вирд – религиозное мусульманское братство со слаженной организацией и дисциплиной
Воттала – отдача скота на откорм на договорных условиях

Гаьнгали – подвесная колыбель-качели
Гибирш (*гурма*) – колесная часть плуга
Гота – плуг
Гоьргаш такхор – метод уплотнения поверхности поля после посева яровых
Гурда – шашка; холодное оружие
ГIабали – чеченское национальное праздничное женское платье
ГIарлу – лопаточка для очистки лемеха
ГIовтал – верхняя распашная мужская одежда
ГIулг – альчик

---

[1] За основу написания терминов принята современная норма чеченского литературного языка.

Даца-деций – порода овец (тушинская); чеч. синоним слова овца
Даьттаха – блюдо для воинов; калорийное блюдо из кукурузной муки с *йоьвкаш*
Дела (*Дяла*) – верховный Бог, творец всего сущего
Дечиг-пондар – трехструнный музыкальный инструмент
ДжIакки – шашки из дерева или обожженной глины
Джен-нехча – овечий сыр
Дзум – двухколесная арба
Дзурдзуки (груз.)– предки *вайнахов*
Диест – деталь, служившая для образования зева при ткачестве
Дурцки (армян.) – предки *вайнахов*
Дусто – особый режим подкормки домашнего скота
Дышни – благоприятное место для выпаса телят

Елта – Бог; хозяин диких зверей и покровитель охотников
Ехк – гребень; орудие для уплотнения нитей основы при ткачестве

ЖаIуьна маша – верхняя одежда пастухов; накидка из домотканого сукна
Жухаргаш – клоуны, ряженые

Закят – процент, взимаемый ежегодно с урожая, приплода скота и торговых доходов
Зареш – женские украшения известного мастера Али, сына Зары, из Чеберлоя, названные так по имени матери ювелира
Зикр (араб. «поминание») – исполнение религиозных формул, восхваляющих Аллаха, с ритуальными синхронно повторяющимися движениями по кругу

Йоькаш – осадок, полученный после топления сливочного масла

Ка баккхар – игра, во время которой всадники на скаку должны были вытащить закопанного в землю по рога барана или козла
Кайра – человек, совершивший против кого-нибудь преступление и по решению старейшин передаваемый временно для эксплуатации потерпевшей стороне
КарлагIа йогIар – форма общественного воздействия, когда на месте совершения позорного проступка или преступления в землю вбивали столб или возводили кучу мусора, в которую каждый прохожий должен был бросать камень или кусок земли, произнося при этом проклятие в адрес преступника
Карс («кривой рог») – орудие для разрядки нитей основы
Кирхьа – свадебная занавеска для невесты в доме жениха или у его родственников
Колаташ – верхние концы полоза, служащие ручками пахотного орудия
Косказ – детская игра, ходьба на ходулях
Куьйге дахар – ритуал примирения враждующих
Кхие – домашний или общинный очаг, в котором постоянно поддерживали огонь
Кхункха – блюдо из разных сортов зерен
Къано – старейшина
Къаршкъали – обряд вызывания дождя
Къорза истанг – цветной войлочный ковер
Къуьда – светильник, заправляемый животным жиром, нефтью, мазутом или соляркой
КIалдмаразш – блюдо из сваренного молозива
КIудал – большой медный кувшин-водонос
КIомсар («клык, зубец, острый выступ») – разновидность граблей

Лайн-аьзни – снежная красавица; Снегурочка (фольк.)
Лай-пхье – выкуп в двойном размере, выплачиваемый *лаем* (представитель неполноправной социальной группы) за убийство «свободного человека»

Лай там – калым, выплачиваемый в двойном размере *лаем* за невесту из свободного сословия
Ламанан нах (*ламарой*) – чеченцы, живущие в горах; горцы
Ламара ял – налог, выплачиваемый за пользование горными пастбищами
Ларамие – темница, подвал, место заключения военнопленных
Лахьа – сушеное мясо, заготавливаемое на долгое хранение
Липпарш долу кхаллар – слоеный хлеб из сдобного теста
Ловзар – игра, забава; свадьба

Мангалан куй («шапка для сенокоса») – войлочная шляпа с большими полями
Мангал-бутт («месяц серпа») – шестой месяц народного календаря
Мархи-бутт («месяц поста») – второй месяц народного календаря
Марша вогIийла – приветствие гостю: «Приходи свободным!»
Маша – молочная продукция
Ма́ша («паутина») – домотканое сукно
Маьлхан кешнаш («солнечные могильники») – каменные склепы, фамильные усыпальницы
Межарг – лепешка из кукурузной муки, испеченная на древесных углях
Мехк-кхел – «Совет страны», «Суд Страны»
Мохь лора – мера сена
Мятсели-бутт – седьмой месяц народного календаря (от имени божества *Мятсели*, покровителя земледелия)
Мяцхали-бутт – восьмой месяц народного календаря (от имени божества *Мяцхали*, покровителя покосов и жатвы)

Наджигонцхой-бутт – первый месяц народного календаря
Нартол жоьла – полуподземная каменная овчарня с арочными сводами *нарто*
Нах – народ, люди
Нахчаматьяне (армян.) – предки *вайнахов*
Нох (*нух*) – пахотное орудие

ОгIой-бутт – двенадцатый месяц народного календаря
Ори-бутт («месяц случки овец») – одиннадцатый месяц народного календаря

Пелхьо – канатоходец, акробат
Пес – мужской головной убор; шапки-*фески*
Пханчарг – нити, плетенные из сухожилий животных
Пхъатеда – нож; *чересло* резака в пахотном орудии

СазгIа – рама, где крепится резак в пахотном орудии
Самг – домашняя колбаса
Сата – дочь бога *Села*, покровительница невест
Села – божество грома и молнии, главное в чеченском пантеоне; блюститель нравственности
Сели-бутт – пятый месяц народного календаря (от имени божества *Села*)
Симхьа – обувь из сыромятной кожи с грубой подошвой для передвижения в горах
Синкъерам – вечеринка
СоргIа – часть пахотного орудия

ТIулган кхийра – «каменная керамика», керамические изделия
Тайп – институт родственной солидарности, одна из форм социальной организации
Тау-бутт («месяц отавы») – девятый месяц народного календаря

Терс-маймал – шашка с изображением волчка; «ревущая обезьяна» (по звуку, издаваемому при взмахе)
Толлу – место переплетения нитей основы и утка при ткачестве
ТоргIала – скот тигровой масти
Тушоли-бутт – четвертый месяц народного календаря (от имени божества весны и плодородия *Тушоли*)
Тха – овечья шерсть осенней стрижки
Тхьоз – игра в *бабки*

Убур – вампир
Уоти – пристройка к основному дому для женатых сыновей
Утаркхаш – вид войлочных подстилок для обуви из сыромятной кожи

Халкъан гулам – Народное собрание
Хатт дар – комбинирование разного сырья, например, растительного и животного происхождения
Хингал – тонкая лепешка в форме полумесяца с начинкой из тыквы
Хулчи – мужская обувь из сыромятной кожи с плетеной подошвой для горных походов
Хуор дар – процесс смешивания сырья разных цветов и качества, для получения третьего цвета или качества
Хъонхал – железный лемех пахотного орудия
Хьалкханаш – большие плоские женские серьги
Хьеший цIа (*совцIа*) – кунацкая; помещение для гостя
ХьожайогIу буц – трава чабреца, употребляемая в традиционной кухне
ХIуй кхайкхор – форма общественного порицания, когда по решению Совета старейшин или Собрания жителей селений провозглашалось проклятие преступнику и его дому

Цхьана цIийна нах («люди одной крови») – группа близких родственников
ЦIе яйар («потерять имя») – запрет на произнесение имени человека, совершившего недостойный поступок; форма остракизма
ЦIу – жрец
ЦIуност – берцовая кость животного

Чадакхаш – часть ярма
Чаьрпазаш – нагрудные застежки-украшения нарядного женского платья
Чоко-жижиг – мясное блюдо пастухов на отгонных пастбищах
Чурт – надмогильный памятник из камня
Чухта – головной убор замужней женщины, скрывающий волосы
ЧIешо – общинник, пользующийся общим плугом и упряжкой
ЧIир – обычай кровной мести

Шун – большая деревянная тарелка или круглый медный поднос
Шуончарг – грубые плетеные нити из натурального материала природного происхождения

Элтар куй – мужской головной убор; шапка из бухарских мерлушек *элтар*

Юкъйоькъург – пятая степень родства

ЯI-тIаргIа («пряжа-шерсть») – название домашнего сукна

Іадхьокху-пондар – струнный смычковый музыкальный инструмент

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ МИД РФ). Ф. Кабардинские дела; Ф. Сношения России с Персией.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235, 5677, Р-9401.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9, 23, 89, 121, 379; Ф. Ермоловых.

Российский государственный архив социально-политический истории (РГАСПИ). Ф. 2, 17, 64, 80.

Российский государственный военно-исторические архив (РГВИА). Ф. ВУА, 20, 52, 482, 1300.

Российский государственный исторический архив (СПб.) (РГИА СПб.). Ф. 11.

Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГАРД). Ф. 379; Кизлярский комендант.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (ЦГА РСО–А). Ф. 2.

Центральный государственный архив Чеченской Республики (ЦГАЧР). Ф. 32.

Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 7, 545.

Из докладной записки Л. Берия И.В. Сталину от 1 марта 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64.

***Милютин Д.А.* Материалы по истории Кавказа. Заметки о племенах кавказских. Чеченцы // НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 8. Ед. хр. 7.**

***Студенецкая Е.Н.* Маски народов Северного Кавказа // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 387.**

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. 1.

Абазатов М.А. Из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962.

Абдулаева Э.С., Акаев В.Х. Синкретический характер духовной культуры чеченцев // Исторические связи народов Дагестана и Чечни: Мат. науч.-практ. конф.: Тез. докл. Махачкала, 2006.

Абдулаева Х.Р. Этноисторические и эстетические предпосылки зарождения письменного художественного слова у чеченцев // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.

Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда чеченцев и ингушей XVI – начала XIX века: Автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 1992.

Абдулвахабова Б.Б.-А. Мужские рубахи чеченцев XVI–XVIII вв. (по материалам наземных склепов Чечни) // Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 2003.

Абдулвахабова Б.Б.-А. Традиционная женская одежда чеченцев XVI – начала XX в. // Вестник «Лам». Грозный, 2003а. № 1.

Абдулвахабова Б.Б.-А. Традиционная мужская одежда вайнахов в XVI – начале XX в. // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.

Абдулвахабова Б.Б.-А. Золотошвейное искусство чеченцев // ЛС: Мат. XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг. СПб., 2009.

Абдулвахабова Б.Б.-А., Мадаева З.А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII–XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

Абдуллаев М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала, 2000.

Абдурзакова Ф. Такой разноликий храм Мельпомены // Молодежная смена. 2009. Сент.

Абдушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.

Абдушелишвили М.Г. Антропология древних и современных народов Кавказа // Народы Кавказа: Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994.

Абдушелишвили М.Г. Антропология древних и современных народов Кавказа // Горизонты антропологии: Тр. Междунар. науч. конф. памяти ак. В.П. Алексеева. М., 2003.

Абрамов Ш.С. Богатства недр Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966.

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Абумуслимов С. Геноцид продолжается. Киев, 1995.

Авалиани С.И. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914. Т. 3.

Авторханов А.Г. К вопросам изучения тейп, тукумов и классовой борьбы в чеченской деревне // РГ. 1931. № 4.

Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов н/Д, 1931а.

Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991.
Авторханов А. Народоубийство в СССР. Грозный, 1993.
Агларов М.А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XIX в.) // УЗИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1964. Т. 13.
Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.
Аграрная история Северо-Кавказского региона в трудах историков: Библиографический указатель (1956–1978). Ростов н/Д, 1978.
Адат: Кавказский культурный круг: традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003.
Айдаев А.Ю., Александров Д.Н. Некоторые вопросы истории и этнографии Кавказского края // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000.
Айдаев Ю.А. Зеркало жизни. Грозный, 1987.
Айдаев Ю.А. Музыкальная культура. М., 1996.
Айдаев Ю.А. Народные истоки чечено-ингушской драмы // ИЧИНИИИЯЛ. 1968. Т. 5, вып. 3.
Айдаев Ю.А. Чечено-Ингушская советская драматургия. Грозный, 1975.
Айдамиров А. Хронологическая история Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Махачкала, 2001. Кн. 1.
Академическая и вузовская наука народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. М., 2004.
Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.
Акаев В.Х. Нравственно-религиозное учение чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева // Изв. вузов Северо-Кавказского региона: Общественные науки. Ростов н/Д, 1995. № 3.
Акаев В.Х. Суфийские братства и ваххабиты: Чечня // Азия и Африка сегодня. 1998. № 6.
Акаев В. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3.
Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.
Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Изв. вузов Северо-Кавказского региона: Общественные науки. Ростов н/Д, 2004а. № 1.
Акаев В.Х. Суфизм на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты. Ростов н/Д, 2009.
Акаев В.Х. Исламское возрождение в Чеченской Республике. Грозный, 2011.
Акаев В.Х., Керимов М.М. Этнические и региональные составляющие мусульманской культуры народов Северного Кавказа // Известия вузов Северо-Кавказского региона: Общественные науки. Ростов н/Д, 2008. № 2.
Акаев В.Х., Магомадов М.Г., Хусаинов С.А. Об общественно-политических взглядах чеченского просветителя Исмаила Мутушева // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 2.
Акаев В.Х., Магомедов С.С. Суфийские братства в Чечне, их взаимоотношения и участие в современной общественно-политической жизни // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1996. № 3.
Акиев Х.А. К вопросу о расселении вайнахов в Дарьяльском ущелье // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1985. № 3.

Акиева Х.М. Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.). Грозный, 1984.
Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изданный при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3.
Албакова Ф.Ю. Вайнахский театр: от истоков к профессионализму: Автореф. дис. … канд. искусствовед. Тбилиси, 1990.
Албакова Ф. Современные проблемы развития традиционной вайнахской культуры // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4.
Алексеев В.П. Несколько соображений о происхождении вайнахских народов по антропологическим данным // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.
Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2.
Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
Алиев К.А., Курбанов М.Р., Юсупова Г.И. Чеченцы-аккинцы Дагестана: К проблеме реабилитации. Махачкала, 1994.
Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968.
Алироев И.Ю. Этимологические заметки по верованиям чеченцев и ингушей // АЭС. Грозный, 1969. Т. 3.
Алироев И.Ю. Название старинных чечено-ингушских орудий труда // Утро гор. Грозный, 1970. № 2.
Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1976.
Алироев И.Ю. Названия оружия в нахских языках // АЭС. Грозный, 1976а. Т. 4.
Алироев И.Ю. Астрономическая терминология в вайнахских языках // АЭС. Грозный, 1976б. Т. 4.
Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.
Алироев И.Ю. Кувшин мудрости (Чеченские пословицы и поговорки). Грозный, 1990а.
Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.
Алироев И.Ю. Чеченский язык. М., 1999.
Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.
Алироев И.Ю., Оздоев И.А. Вайнахское языкознание за 50 лет Чечено-Ингушской автономии // ИЧИНИИЯЛ. 1977. Т. 10, вып. 2.
Алироев И.Ю., Орлов М.М. Зоонимия народов Северного Кавказа // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978.
Алироев И.Ю., Павлов М.П. Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого. Ростов на/Д, 1985.
Алироев И.Ю., Сайдулаев М. Чеченцы! Кто они? М., 1999.
Анисимов С. Кавказ. М., 1930.
Анчабадзе Г.З. Вайнахи: чеченцы и ингуши. Тбилиси, 2001.
Арджеванидзе Э.Н. Из грузинских фольклорных материалов газеты «Кавказ // Тр. ТГПИ. Тбилиси, 1967. Т. 1.
«Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому / рус. пер. К.П. Патканова. СПб., 1887.
Арсалиев Ш.М.-Х. Национальная культура вайнахов и подготовка учителя начальной школы. М., 1996.
Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогическое наследие чеченцев. М., 1998.

Арсанукаев А.М. Научно-методическое обеспечение системы образования республики: состояние и перспективы // ИНТ. 2008. № 3.
Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Баку, 2002.
Арсанукаева М.С. Родство в мусульманском праве и обычном праве чеченцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Религия, политика и права человека: Мат. конф. М., 2002.
Арсаханов И.Г. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.
Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989.
Арутюнов С.А. Россия, Кавказ и Чечня сегодня // РН. 2001. Вып. 26.
Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012.
Арутюнов С.А., Кобычев В.П. В краю гор, садов и виноградников. М., 1989.
Аслаханов А.А. Чеченская Республика в контексте современной национальной политики России // Культура Чечни: история и современные проблемы. 2-е изд. М., 2006.
Асталов В.А. Войны, общественные катаклизмы в Чечне и историко-культурное наследие // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – начале XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Грозный, 2004.
Аставацатурова М.А., Тэпс Д. Чеченская диаспора в России // Социологические исследования. 1999. № 2.
Асхабов И.А.-Р. Чеченское оружие. М., 2001.
Асхабов И.А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Атлас ЧИАССР. М., 1978.
Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальной стратификации чеченского общества в XVIII в. // Вестн. АН ЧР. Грозный, 2002. № 1.
Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Ахмадов Ш.Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв. // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1986.
Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX в. (Очерки истории социально-экономического развития общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX в.). Элиста, 2002.
Ахмадов Ш.Б. История становления и развития исторической науки в Чечне в XX в. // ИНТ. 2008. № 3.
Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Изв. Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музей. Грозный, 1975. Вып. 11.
Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975а. Вып. 2.
Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980.
Ахмадов Я.З. Исторические реалии в героических песнях илли // Поэтика чеченских героических песен илли. Грозный, 1983.

Ахмадов Я.З. К вопросу о государственном устройстве имамата Шамиля // Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Сб. ст. Грозный, 1999.
Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001.
Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.
Ахмадов Я.З., Оразаев Г.М.-Р. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв. (публикация источника) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII–XVIII вв.). Грозный, 1983.
Ахмадов Ш.Б., Исаев С.А., Хасиев С.А. История Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX вв. М., 2005.
Ахмадова Х.Х., Махмудова Л.Ш. Вклад грозненских ученых в становление переработки грозненской нефти в период 1900–1926 гг. // ИНТ. 2008. № 3.
Ахмадова Х.Х., Махмудова Л.Ш., Турлуев Р.А. Вклад грозненских ученых в развитие нефтеперерабатывающей промышленности // ИНТ. 2008. № 3.
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
Ахриев Н.Г. Исконные имена чеченцев и ингушей // ИЧИНИИИЯЛ. 1975. Т. 10, вып. 2.
Ахриев Ч. Ингушевские праздники // ССКГ. 1871. Вып. 5.
Ахриев Ч. Ингуши // ССКГ. 1875. Вып. 8.
Бабурин А.Ю. Офицеры-чеченцы на службе в русской армии во второй половине XIX века // Военно-исторический журнал. М., 2003. № 9.
Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость // АЭС. Грозный, 1968. Т. 2.
Багаев М.Х. Тайна имен. Грозный, 1994.
Багаев М.Х. Происхождение вайнахского народа // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.
Багаев М.Х. Чечня в период раннего средневековья // История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Грозный, 2006. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX в.
Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье: VI в. до н.э. – XII в. н.э. М., 2008.
Багаев М.Х. Вехи становления археологической науки в Чечне // ИНТ. 2008а. № 3.
Багратиони Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904.
Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1999. № 4.
Бадаев С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность. Нальчик, 2008.
Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. 1875. Вып. 8.
Базоркин И. Из тьмы веков. Грозный, 1972.
Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х.Э., Шахтамиров И.Я. Чеченская Республика: природа, экономика и экология: Учебное пособие. Грозный, 2006.
Бакаев Х.З., Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Хашегульгов Б.М. О ранних этапах происхождения вайнахов. Грозный, 1987.
Бальшин А.В. Социально-экономическое состояние нагорной Чечни // О тех, кого называли абреками: Сб. ст. Грозный, 1927.
Бальшин А.Ю. Разведка в Нагорной Чечне 1923 года // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12.
Банкурова Р. Могучее средство возрождения // Свет Родины. 2000. 28 июня.

Барабанов А.М. Введение // Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. М.; Л., 1941.
Бараниченко Н.Н. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
Бараниченко Н.Н. Религиозные верования и обряды как показатель социальной дифференциации средневекового вайнахского общества // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Роль жречества у средневековых вайнахов: К постановке проблемы // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979.
Бартоломей И. Чеченский букварь. Тифлис, 1866.
Бартольд В.В. Этнографический состав мусульманского мира. Значение арабского языка и арабской литературы // Бартольд В.В. Соч. М., 1966. Т. 6.
Батаев Х.М., Яхъяева З.И. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. М., 2005. № 3.
Батаев Х.М., Яхъяева З.И. О народной медицине в Чеченской Республике // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. М., 2007. № 2.
Батаев Х.М., Яхъяева З.И. История народной медицины чеченцев и ингушей. Грозный, 2007.
Батукаев А.А., Ибрагимов К.Х. Из истории аграрной науки Чеченской Республики // ИНТ. 2008. № 3.
Батхиев А.М. Состояние зоологических исследований в Чеченской Республике и перспективы их развития // ИНТ. 2008. № 3.
Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
Бекиров Х. Вайнахи // Жизнь национальностей. 2000. № 1.
*Белозеров В.*С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1: 1573–1613 гг.
Беляев С. Десять месяцев в плену у чеченцев: Кавказская война, 40-е гг. XIX в. Грозный, 1991.
Беннигсен А. Народное движение на Кавказе. Махачкала, 1994.
Бергер А. Чеченка. М., 1928.
Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
Берже А.П. Выселение горцев Кавказа в Турцию // РС. 1882. Т. 33.
Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный, 1991.
Берже А.П. Чечня и чеченцы. Грозный, 2008.
Березняк А. КНИИ РАН: планы обоснованы // Академия. 2010. № 12.
Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
Берсанукаева Х.У. Чеченскому драматическому – 75! // Столица плюс. Грозный, 2006. № 37.
Берсанукаева Х.У. Поэзии и мысли торжество // Столица плюс. Грозный, 2008. 29 нояб.
Берсанукаева Х.У. Чеченский театр – духовный кладезь народных традиций // Южный театральный вестник. Ростов н/Д, 2008а. Июнь.
Берсанукаева Х.У. Дело всей жизни // Столица плюс. Грозный, 2010. 15 янв.
Бибулатов Н.С. Типы склонения имен существительных в говорах плоскостного диалекта чеченского языка: Автореф. дис. …канд. филол. наук. Тбилиси, 1967.
Бибулатов Н.С. Чеченские имена. Грозный, 1991.
Бирюков А.В. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX в. // ВИ. 1998. № 2.
Битадзе Л.О. Генезис кавкасионского типа (по данным антропологии): Автореф. дис. … докт. ист. наук. Тбилиси, 2006.
Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

Блиев М.М. К вопросу о хозяйственном строе Чечни XVIII – первой половины XIX в. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988.
Блиев М.М. Кавказская война. М., 1994.
Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
Бобровников В.О. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5.
Боков Х.Х., Вагабов Н.В. Пережитки ислама в семейно-бытовых отношениях и пути их преодоления. Грозный, 1979.
Боков Х.-Б.Х. Слово о вайнахах: взгляд изнутри. М., 2000.
Болтунова А.И. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ. 1956. № 2.
Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблемы социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007.
Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII–XIX веках. Тбилиси, 1988.
Борьба за советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.): Сб. документов и материалов. Грозный, 1958.
Браун И.А., Климов Г.А. Об историческом взаимоотношении урартского и кавказских языков // План и тезисы докладов научной сессии. Тбилиси, 1954.
Брегадзе Н. Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев // СЭ. 1967. № 2.
Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.
Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // ВИ. 1990. № 7.
Булатова А. Лакцы: Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.
Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана, Этнографический атлас. Пущино, 2001.
Буркин Н.Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1933.
Бутаев И. Борьба и освобождение горских народов // Революционный Восток. 1928. № 4–5.
Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1–2.
Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // История, география и этнография Дагестана. Махачкала, 1940.
Бызов И. Мухаджирство или переселение вайнахов на Ближний Восток // Чеченское общество сегодня. М., 2007. № 4 (12).
Вагнер М. Чеченцы // О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.
Вавилов Н. Горное земледелие Северного Кавказа // Вавилов Н. Избр. тр. М.; Л., 1957. Т. 2.
Вавилов Н. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Доклады советских делегатов на 11 Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, июнь 1931 г.). М.; Л., 1932.
Вавилов Н. Центры происхождения культурных растений // Вавилов Н. Избр. тр. Л., 1965. Т. 5.
Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Грозный, 1999. Вып. 1 (на чеч. яз.).
Вагапов А. Происхождение названий одежды в нахских языках // Вайнах. Грозный, 2003. № 7.

Вагапов А. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011.
Вагапов Я.С. Образ одинокого героя в чечено-ингушских героико-эпических песнях илли // ИЧИНИИИЯЛ. 1968. Т. 5, вып. 3.
Вагапов Я.С. Изображение феодальной верхушки Чечни в эпических песнях // АЭС. Грозный, 1968а. Т. 2.
Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы: Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1991.
Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный, 1984.
Ваксман А.А. Растет наш Грозный. Грозный, 1987.
Вартапетов А.С. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев // СЭ. 1932. № 4.
Васенина Н.В. Творческое наследие чеченских и ингушских художников (к постановке проблемы) // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2002.
Вахидова М. Чеченский сын Раевского: (О жизни и судьбе А.Н. Чеченского) // Наука и религия. 2002. № 9.
Вацанаев С.Г. Опыт философского самосознания чеченской нации. М., 2000.
Вацуев А.З. Влияние большевиков и пролетариата Грозного на революционное движение в Чечне // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (советский период). Грозный, 1978.
Вачагаев М. Современное чеченское общество: мифы и реальность // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 2.
Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1957. № 12.
Вейденбаум Е. Чеченская девица-кавалерист // Тифлисский листок: Ил. прилож. к газете. Тифлис, 1899. № 4.
Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990.
Веревкин Л.П. Тенденция сближения культуры и быта рабочих различных национальностей (на материалах Чечено-Ингушской АССР) // СЭ. 1980. № 2.
Вернем Грозному музей: Каталог выставки. М., 2002.
Вертепов Г.А. Очерки промыслов в Терской области // ТС. 1897. Вып. 4.
Вертепов Г.А. Ингуши // ТС. 1892. Вып. 2, кн. 2.
Вертепов Г.А. Общинные кузнецы в Чечне // ТВ. 1898. № 137.
Веселовский А. Несколько географических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870.
Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970.
Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.): Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный, 1972.
Виноградов В.Б. За радугой семь ветров // Грозненский рабочий. 1974. 3 окт.
Виноградов В.Б. Время, горы, люди: Книга очерков и краеведческих репортажей. Грозный, 1980.
Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ. 1981. № 1.
Виноградов В.Б. К толкованию социального статуса «начальных людей» и «владельцев» XVII века в Аргунском ущелье // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
Виноградов В.Б., Байбик В. О памяти, о подвигах, о славе. Грозный, 1972.
Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Критерий истины // Грозненский рабочий. 1985. 26 мая.
Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР: Материалы к археологической карте. Грозный, 1966.
Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. У колыбели народов // Грозненский рабочий. 1986. 13 окт.

Виноградов В.Б., Чахкиев Д.Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // СЭ. 1984. № 1.
Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // ИЧИНИИИЯЛ. 1966. Т. 7, вып. 1.
Виноградов В.Б., Шавхелишвили А.И., Саидов И.М. Наш край при первобытнообщинном строе // Моя Чечено-Ингушетия. Грозный, 1970.
Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
Властов Г. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. 1856. № 160.
Волкова Н.Г. О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века // ИЧИНИИИЯЛ. 1966. Т. 7, вып. 1.
Волкова Н.Г. Расселение чеченцев и ингушей до XX в. // АЭС. Грозный, 1966. Вып. 1.
Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // СЭ. 1967. № 1.
Волкова Н.Г. Динамика численности вейнахских народов до начала XX в. // АЭС. Грозный, 1968. Вып. 2.
Волкова Н.Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – начале XX в. М., 1971.
Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII – начала XX века. М., 1974.
Волкова Н.Г. Вайнахи в Закавказье // АЭС. Грозный, 1976. Вып. 4.
Волкова Н.Г. Бацбийцы Грузии (этнографические заметки) // СЭ. 1977. № 2.
Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. М., 1989. Вып. 9.
Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: Традиции и инновации. М., 1982.
Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1886. Т. 10.
Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986.
Востриков П.В. Станица Наурская Терской области // СМОМПК. 1904. Вып. 33.
Вроцкий Н.В. Чечня как хлебный оазис // ССТО. 1878. Вып. 1.
ГІалгІай фольклор. Грозный, 1972. Т. 2.
Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Т. 2. М., 1992 (Репринт).
Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора // СЭ. 1933. № 5–6.
Гагкаев К.В. К проблеме субстрата // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
Гаджиев А.С. П.К. Услар – выдающийся кавказовед. Махачкала, 1966.
Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана (проблемы истории изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1981.
Гаджиев В.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1986.
Гаджиев Г.М. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа (эпоха неолита и ранней бронзы): Автореф. дис. … докт. ист. наук. Ереван, 1987.

Гаджиев М.Г. Древнейшее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
Гаджиев М.Г. О демографических и этногенетических процессах в Дагестане в первобытную эпоху // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1991.
Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха бронзы: эпоха энеолита и ранней бронзы. М., 1991а.
Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г. Об относительной хронологии этноязыковых процессов восточно-кавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.
Гаджиев М.С. Из истории создания кавказско-албанской письменности: некоторые спорные моменты // Вестн. ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2005. № 2.
Гаджиев М.С. Албанское письмо: история и современность // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Махачкала, 2007.
Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: критика современной этноцентрической историографии Северного Кавказа. М., 2006.
Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.
Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981.
Гаджиева С.Ш., Трофимова А.П., Шихсаидов А.Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М., 1964.
Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–IX вв. Л., 1979.
Гайсумов С. (Шалинский). Дар надеющегося на бога: для познания законов «закята» от спорного зерна (кукурузы). Темир-Хан-Шура, 1909.
Гакаев Ж.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М., 1997.
Гакаев Д.Д. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы. М., 1999.
Гакаев Ж.Ж. Чеченский кризис, его природа и эволюция // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.
Гакаев Ж.Ж. Чеченский кризис, его природа и эволюция // Культура Чечни: История и современные проблемы. 2-е изд. М., 2006.
Гакаев Ж.Ж. Революционная и государственная деятельность Т. Эльдарханова // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008.
Гаммер М. Шамиль. М., 1998.
Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961.
Ган К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан // ИКОИРГО. 1902. Т. 15, кн. 4.
Ган К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей // КВ. 1900. № 6.
Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Изв. Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Грозный, 1975. Вып. 11.
Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период проконсульства А.П. Ермолова (1816–1827). Нальчик, 2003.
Гапуров Ш.А. Эволюция взглядов А.П. Ермолова о методах политики России в Чечне // Научная мысль Кавказа. Р н/ Д, 2004. № 1.
Гапуров Ш.А. Академия наук Чеченской республики // ИНТ. 2008. № 3.
Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик, 2008.
Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (конец XIX – начало XX в.). Нальчик, 2005.

Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей конца XIX – начала XX века. Саратов, 2010.
Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей конца XIX – начала XX века. Саратов, 2009.
Гарсаев Л.М. Женские украшения чеченцев и ингушей XIX – начала XX века // Вестн. Саратовского гос. социально-экономического университета. 2009. № 5.
Гатуев Л. Империя Узун-Хаджи // Революционный Восток. 1928. № 3.
Гвоздикова Т.И. Последнее десятилетие архивов Чеченской Республики // Отечественные архивы. М., 2003. № 2.
Гелаева А.М. Традиционные культуры Северного Кавказа в советский период модернизации. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. «Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития» (г. Грозный, 25–26 июня 2009 г.). Грозный, 2009. Т. 1.
Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ. 1930. Т. 5.
Генко А.Н. О названиях плуга в северокавказских языках // Докл. АН СССР. 1930а. № 7.
Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Грозный, 1999. Кн. 1.
Гешаев М.Б. Чеченское музыкальное и изобразительное искусство, его влияние на искусство народов России и Закавказья // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л., 1940.
Гойгова З.А. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный, 1963.
Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. 1878. Вып. 1.
Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 году // ЗТОЛКС. 1914. № 11.
Гольдштейн А.Ф. Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XV–XVIII вв. // Архитектурное наследство. 1976. № 25.
Гомезардашвили Д.М. Становление критического реализма в грузинской литературе. Тбилиси, 1970.
Город Грозный. Грозный, 1984.
Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно-этнографических экспедиций 1924–1926 гг.): Каталог выставки. Ставрополь, 1997.
Горчаков Н. Поход в Дарго (1845 г.) // КС. 1877. Т. 2.
Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1986.
Горянин М.В. Среднеазиатский мужской костюм по миниатюрам XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., 1976.
Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. 1876. Вып. 9.
Грановский Б.Б. К истории русско-чеченских фольклорных связей. Грозный, 1981.
Грен А. Чеченские тексты // СМОМПК. 1897. Вып. 22.
Гриценко Н.П. Экономические связи России с Северным Кавказом в 40-х гг. XIX в. // ИЧИНИИИЯЛ. 1960. Т. 2, вып. 1.
Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961.
Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900). Грозный, 1963.
Гриценко Н.П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах // АЭС. Грозный, 1968. Т. 2.

Гриценко Н.П. Истоки дружбы: Из истории экономико-культурных связей и дружбы чеченского и ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа. Грозный, 1975.
Гриценко Н.П. Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX века) // ИЧИНИИИЯЛ. 1976. Т. 10, вып. 1.
Гриценко Н.П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI – середине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.
Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Начало вовлечения Чечено-Ингушетии во всероссийский рынок // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
Грозненская опытно-мелиоративная станция. Грозный, 1971.
Грозненский ордена Трудового Красного знамени нефтяной институт. Грозный, 1967.
Грозненское научно-техническое общество: пятилетняя деятельность (1923–1928). Грозный, 1929.
Грозненское научное общество. Грозный, 1929.
Грузинский устный народный календарь // ЗВ. 1847. № 7.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2002.
Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыки-брагунцы // Возрождение. Махачкала, 1999. № 5.
Давиденко А. Чеченская народная музыка // Музыка и революция. 1926. № 3.
Давиденко А.А. Музыкальная культура Чечни // О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.
Давиденко А.А. Сборник чеченских мелодий и песен, записанных и обработанных для фортепиано в две руки. М., 1936.
Дадашев Р.Х., Дадашева З.И. Фундаментальные и прикладные исследования по физике, математике и химии в Чеченской Республике // НТ. 2008. № 3.
Далгат Б. Жертвоприношения на Столовой горе // ТВ. 1893а. № 75.
Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // ИИНИИК. Владикавказ, 1929. Вып. 2.
Далгат Б. Родовой быт у чеченцев и ингушей в прошлом // Изв. Ингушского НИИ. Орджоникидзе, 1935. Т. 4, вып. 2.
Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // ТС. 1893. Вып. 3, кн. 2.
Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.
Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследование и материалы. 1892–1894. М., 2008.
Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.
Даутова Р.А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII–XVIII веков горной Чечено-Ингушетии //Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахов в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
Дахкильгов И.А. Народная этимология некоторых топонимов горной Чечено-Ингушетии (по легендам и преданиям) // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. Сб. док. / сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.
Дебец Г.Ф. Антропологические типы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
Дегоев В. Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.
Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
Джабагиев В.-Г. Свободный Кавказ. Назрань; М., 2007.
Джавахадзе Н.В. Грузино-вейнахские параллели в типологии систем родства // КЭС. Тбилиси, 1986. Вып. 6.
Джавахадзе Н.В. Этнорегиональные аспекты системы терминов родства кистов Панкиси // КЭС. Тбилиси, 1988. Вып. 7.
Джавахадзе Н.В., Чиковани Г.Д. Чеченская тейпа // Адат: Кавказский культурный круг: традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003.
Джалабадзе Н. Традиционные нормы взаимоотношений между грузинскими и чеченскими горцами (конфликты – пути их урегулирования) // Адат: Кавказский культурный круг: традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003.
Джамбеков О.А. К вопросу о трансформации одной народной песни, связанной с выездкой // Актуальные проблемы изучения фольклора и литератур народов Северного Кавказа и Дагестана: Тез. докл. регион. науч. конф. Махачкала, 1987.
Джамбулатова З.К. Из истории научно-исследовательской работы в ЧИАССР в 1920–1941 гг. // Тр. ЧИНИИИЯЛ. 1964. Т. 9.
Джамбулатова З.К. Культурное строительство Чечено-Ингушетии (1920–1940). Грозный, 1974.
Джамирзаев С.М. Ножай-Юртовская речь в ее отношении к чеченскому литературному языку (историко-сравнительный аспект). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1981.
Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев-нохчий (к древней истории нахских племен III–I тыс. до н.э.). Грозный, 2009.
Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. 1897. Вып. 22.
Джанашвили М.Г. Поэма Алгузиани // СМОМПК. 1897а. Вып. 22.
Джугурьянц С.Н. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии на основе решений XX съезда КПСС. Грозный, 1965.
Джургаев О. Государственный танцевальный «Вайнах»: 69 лет // ВР. 2009. 20 окт.
Дигаев Р.Д., Эдисултанов С.А. Статистика социально-экономического развития Чеченской Республики за 2005–2006 гг. Грозный, 2010.
Дикаева Я. А.-Х. Хамидов – гордость народа // Хьехархо (Учитель). Грозный, 2010. 27 июля.
Димаев С. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе инонациональных композиторов // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Димаева Ф.В. Формирование духовно-нравственных ценностей у чеченцев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2003. № 1.
Дирр А.М. Божества охоты и охотничий язык у кавказцев // СМОМПК. 1915. Вып. 44.
Дмитриев В.А. Вайнахские народы: чеченцы и ингуши // Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы. СПб., 2002.
Дмитриев В.А., Студенецкая Е.Н. Современное чеченское жилище // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Л., 1984.
Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000.
Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
Доного Х. Контрреволюция. Махачкала, 2004.
Дорогочинский А.А. Выдающийся ученый химик-нефтяник К.В. Харичков. Грозный, 1966.

Досов К. Нохчийн джуз ду хIара. Тифлис, 1862.
Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1, кн. 1.
Дубровский К. Национальные краеведные организации в деле социалистического строительства // Сов. краеведение. 1931. № 1.
Дударев С.Л. Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии (конец II – первая половина I тысячелетия до н.э.): Материалы к изучению отечественной культуры. Грозный, 1991.
Думанов Х.М., Першиц А.И. Полиюридизм у народов Северного Кавказа // Восток. 2006. № 6.
Дьяконов И.М. Алародии (хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
Екельн Л. Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // Отечественные записки. 1841. Т. 19.
Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958.
Еремян С.Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов // ВДИ. 1939. № 1.
Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: История и судьбы. Алматы, 2009.
За власть Советов в Кабарде и Балкарии: Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской Автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик, 1957.
Загороднюк В. Маленькие тайны гордого Махмуда. М., 2001.
Задворнов И. Тейпы и тукхумы: О структуре чеченского общества // Родина. 2000. № 1/2.
Закс А.Б. Северокавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг. // Сборник статей по истории СССР XIX в. М., 1941. Вып. 4.
Закс А.Б. Ташев-Хаджи – сподвижник Шамиля. Грозный, 1992.
Закс А. В гостях у имама: Рассказ из повседневной жизни предводителя горцев Шамиля в его резиденции Дарго-Ведено // Родина. 1994. № 3–4.
Заседания Верховного Совета РСФСР четвертого созыва (третья сессия) 12–15 марта 1957 г.: Стенографический отчет. М., 1957.
Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия) 5–12 февраля 1957 г.: Стенографический ответ. М., 1957.
Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М., 1974.
Заурбеков Ш.Ш., Шаипов А.А. Из истории становления промысловой геофизики в Чеченской Республике // ИНТ. 2008. № 3.
Защита беженцев и роль УВКБ ООН. 2007 // УВКБ ООН. Агентство ООН по делам беженцев Российской Федерации. 2001–2012 (http://www.unhcr.ru/files/unhcr-2007-inside.pdf).
Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Исламская цивилизация. Махачкала, 2005. № 1.
Зелькина А. Учение Кунта-Хаджи в записи его мюрида // ЭО. 2006. № 2.
Земзин М.П. Из истории организации вузовской науки на Северном Кавказе // Изв. СКНЦВШ: Серия Общественные науки. 1976. № 4.
Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867 гг.). СПб., 1879.
Зубков Л.Н., Кан-Калик В.А. Вахтангов в Грозном. Грозный, 1968.
Ибрагимов К.Х. Роль и место аграрной науки в развитии агропромышленного комплекса Чеченской Республики. Грозный, 2006.

Ибрагимов М.М. Об особенностях кризиса в Чеченской республике в 1990-е гг. // Чеченская республика и чеченцы: История и современность. М., 2006.
Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Чеченцы в Великой Отечественной войне. 1941–1945 годы // Чеченцы в истории, политике, науки и культуре России: исследования и документы. М., 2008.
Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60–70-е гг. XIX в.). М., 2000.
Ибрагимова З.Х. Кунта-Хаджи // ВИ. 2005. № 12.
Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М., 2006.
Иваненков Н.К. Горные чеченцы // ТС. 1910. Вып. 7.
Иванов И. Чеченцы // Москвитянин. М., 1851. № 19–20.
Иванов М.А. Верховья р. Гехи // ИКОИРГО. 1902. Вып. 15.
Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном // ЗКОИРГО. 1904. Т. 17, № 1–4.
Иванов С.И. О сближении горцев с русскими на Кавказе // ВС. 1859. Т. 7.
Идилов И.И. К вопросу о развитии экономической науки в Чеченской Республике (некоторые аспекты) // ИНТ. 2008. № 3.
Измайлов А.М. Выставка произведений художников Чечено-Ингушетии, посвященная 50-летию образования СССР и 50-летию автономии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973.
Илли: Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
Ильясов Л. Тени вечности: Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004.
Ильясов Л. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Ильясов Л. Аргунское ущелье // Чеченское общество сегодня. М., 2007. № 8(16).
Ильясов Л. Исторические области Чечни // Чеченское общество сегодня. М., 2007а. № 8 (16).
Ильясов Л.М. Культура чеченского народа. М., 2009.
Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
Интернационализм и атеизм в литературе и фольклоре чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
Инуркаева М.И. Семантика декора чуртов как выражение идеологических представлений // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
Иоаннисиани А. Чечня // Народный учитель. 1928. № 9.
Иоганнес Ф. История письма / пер. с нем.; вступ. ст. и ком. И.М. Дьяконова. М., 1979.
Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. 1868. Вып. I.
Ипполитов А.П. Учение Зикр и его последователи в Чечне и Аргунском округе // ССКГ. 1869. Вып. 2.
Исаев С.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне в 50–60-х гг. XIX в. // ИЧИНИИИЯЛ. 1974. Т. 9, вып. 1, ч. 3.
Исаев С.А. Крестьянство и социально-экономическое развитие Чечни в XVIII – середине XIX века // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
Исаева Р.М. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899–1913) // Вайнах. 2004. № 4.
Исаева Р.М. Из истории организации научно-исследовательской работы в Грозненском нефтяном институте (1920–1940) // Тр. Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2001. Вып. 1.
Исаева Р.М. Научные общества в Чечне и Ингушетии в 1920-х гг.: организация и функции // Тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию ЧГПИ. Грозный, 2001а.

Исаева Р.М. Вузовская наука Чечни в 1920–1930-х годах: этапы становления // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006.
Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // ИЧИНИИИЯЛ. 1974. Т. 9, вып. 1, ч. 3.
Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т. 11.
Исаева Т.А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII веке // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980.
Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
Исаева Т.А. Социальный характер чечено-ингушской общины // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
Исаева Т.А., Исаев С.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982.
Исакиева З.С. Трудовой вклад чеченских женщин в добывающую промышленность Центрального Казахстана в 40–50-е годы XX в. // Нана. Грозный, 2010. № 7–8.
Исакиева З.С. Чеченцы в составе спецконтингента на строительстве и угледобыче Карагандинского угольного бассейна в 40-е годы // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010а. № 4.
Исламов А.А. Вайнахские культы огня, плодородия как явления матрилинейного порядка // ИЧИНИИИЯЛ. 1972. Т. 9, вып. 1, ч. 1.
Исламов А.А. Обычаи «избегания» (avoidance) у чеченцев и ингушей // Социология, атеизм, религия. Грозный, 1972а.
Исламов А. Некоторые пережитки материнско-родового строя у чеченцев и ингушей: по новым этнографическим данным // АЭС. Грозный, 1976. Т. 4.
Исламов А. КНИИ РАН: 10 лет на службе науке // Столица плюс. 2011. 12 апр.
Исмаилова М. Из истории семейного быта чеченцев – состав семьи // Вестник Отделения общественных наук АН СССР. 1970. № 6.
История и культура чеченского народа. М., 2002.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.
История советского драматического театра. М., 1966. Т. 2.
История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Грозный, 2006. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX в.
История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Грозный, 2008. Т. 2.
Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Численность и размещение населения. М., 2005.
Итоги всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство.
Итоги исследования грозненских нефтей. М., 1927.
Итонишвили В.Д. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. Тбилиси, 1971.
Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1.
Кабардино-черкесский язык. Нальчик, 2006. Т. 2: Создание письменности: Фонетика и фонология. Морфология. Синтаксис.
Кабузан В.Н. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв: Этностатистическое исследование. СПб., 1996.
Кавказов Х. Культурная экспедиция в Чечню // Советский Северный Кавказ. 1930. № 10–11.

Кадиев Д.А. Грозный. Перспективы развития столицы. М., 2006.
Казаков А.И. Страницы истории города Грозного. Грозный, 1989.
Казбеги А. Отцеубийца. Тбилиси, 1975.
Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2003.
Калдани А.М. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни // КЭС. Тбилиси, 1986.
Калдани А.М. Отчет этнографических экспедиций по изучению грузино-вайнахских культурно-исторических взаимоотношений // Полевые этнографические разыскания. Тбилиси, 1988.
Калита Л. Сын своего народа // Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 18 нояб.
Калоев Б.А. Поездка в Чечено-Ингушскую АССР // СЭ. 1958. № 4.
Калоев Б.А. Чеченцы и ингуши // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // СЭ. 1961. № 1.
Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XIX в. // КЭС. М., 1984. Вып. 3.
Калоев Б.А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // КЭС. М., 1989. Т. 9.
Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. Владикавказ, 2002.
Кантария М.В. Полеводство в Кабарде: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1965.
Кантария М.В. Народные способы счисления времени в Чечено-Ингушетии // Мацне. Известия АН Груз. ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси, 1977. № 4 (на груз. яз.).
Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // КЭС. Тбилиси, 1986. Вып. 6.
Кантария М.В. Из истории хозяйственного освоения Панкисского ущелья кистами // КЭС. Тбилиси, 1988. Вып. 7.
Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989.
Кантария М.В. Вселенная в представлениях вайнахов и осетин // СЭ. 1990. № 2.
Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. Владикавказ,1914.
Карасаев А.Т., Мациев А.Г. Русско-чеченский словарь. М., 1978.
Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. 1901. Вып. 31.
Каримов М.М. Ислам в контексте традиционной культуры чеченцев. Ростов на/Д, 2007.
Карлгоф И.О. О политическом устройстве черкесских племен // РВ. 1860. Т. 28.
Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
Карпов Ю.Ю. Новейшая история Чечни в свете этноисторических процессов // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 2.
Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
Карпов Ю.Ю. Женское и мужское пространство в культуре народов Кавказа // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003.
Карпов Ю.Ю. Послесловие // Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследование и материалы. 1892–1894. М., 2008.
Кашибадзе В.Ф. Кавказ в этноисторическом пространстве Евразии: Одонтологическое исследование. Ростов н/Д, 2006.
Кашкаев Б.О. От февраля к Октябрю. М., 1972.

Керейтов Р.Х. Изменения в материальной культуре ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1984.
Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2001.
Киржинов С.С. Некоторые обычаи адыгов, связанные с рождением и воспитанием детей // Тр. КЧНИИ. Черкесск, 1974. Вып. 7.
Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948. № 2.
Клингер И.А. Два с половиной года в плену у чеченцев: 1847–1850 гг. // Русский Архив. 1856. № 6.
Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб., 2004.
Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.
Кобычев В.П. Храмов древние стены... // СЭ. 1979. № 4.
Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.
Кобычев В.П. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: Финно-угры на Кавказе // КЭС. М., 1989. Т. 9.
Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.
Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы: I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I.
Ковалевский М.М. Родовой быт. СПб., 1911.
Козенкова В.И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // КСИА. 1965. Т. 103.
Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир. Киев, 1975.
Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (Кобанская культура: модель тысячелетия развития): Научный доклад, представленный в качестве дис. докт. ист. наук. М., 1989.
Козенкова В.И., Крупнов Е.И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии // КСИА. 1963. Т. 94.
Козлов С. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). 2-е изд. СПб., 2002.
Кокиев Г. Горские институты Северного Кавказа // Фронт науки и техники. 1931. № 7–8.
Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893–1917 гг.). Грозный, 1962.
Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1909–1917 гг.). Грозный, 1968.
Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991.
Кокурхаев К.-С.А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989.
Корганов Н.А. О горских словесных судах на Северном Кавказе. Пг., 1914.
Коренев Д.З. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967.
Корзун В.Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа (дооктябрьский период). Грозный, 1966.
Короглы Х.Г. Огузский героический эпос. М., 1976.
Косвен М.О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // СЭ. 1951. № 1.
Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Косвен М.О. Патронимия и структура рода // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1963а.
Косович А. Польша для чеченцев недостаточно западная // Чеченское общество сегодня. М., 2006. № 1.
Кочиев Р.С. Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР. М., 1979.
Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963.
Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / сост. Х.Р. Абдулаева, З.Ж. Гакаев. М., 2002.
Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М.; Л.; 1960. Т. 6.
Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
Крупнов Е.И. О древних связях Юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // ВИМК. 1958. № 1.
Крупнов Е.И. К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа // Изв. Грозненского областного краеведческого музея. Грозный, 1959. Вып. 7–8.
Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.
Крупнов Е.И. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА. 1964. № 1.
Крупнов Е.И. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967.
Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк, 1959.
Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ, 2004.
Кузнецов Н.И. В дебрях Дагестана // ИРГО. 1913. Т. 10.
Кузнецов Ф.Ф. Духовное здоровье и литература // Тр. ОИФН РАН. М., 2004. Кн. 2.
Кузнецова А.Б. Основные аспекты реабилитации вайнахов (1957-1990 гг.) // ЭО. 2002. № 5.
Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.
Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967). М., 1968.
Культура Чечни: испытание временем. Махачкала, 2005.
Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941–1980): Сб. документов и материалов. Грозный, 1985. Т. 2.
Кунта-Хаджи. Поучения достойного шейха и совершенного устаза Кунта-Хаджи чеченского (Религиозный памятник XIX в.) // Вестник Московского ун-та. Серия 13. Востоковедение. 2001. № 13.
Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствия Кавказской войны. Нальчик, 1994.
Курбанов Х.Т. Религиозная лексика в чеченском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006.
Кусаев А.Д. Писатели Чечни. Грозный, 2005.
Кусаев А. Поиски и находки драматургии // ВР. 2010. 2 нояб.
Кутуев И.А. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Кавказа: Автореф. … дис. докт. биол. наук. Уфа, 2010.
Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963.

Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // СЭ. 1978. № 6.
Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // История и география России XVIII века. М., 1981. Ч. 2.
Л.Н. Толстой на Кавказе в записках современников. Грозный, 1961.
Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // ТИЭ. 1959. Т. 51.
Лавров Л.И. К 250-летию академического кавказоведения в России // КЭС. М., 1976. Вып. 6.
Лавров Л.И. Записки кавказоведа: (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982.
Ладыженский А.М. Методы этнологического изучения права // ЭО. 1995. № 4.
Лайпанов Х.С. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Тр. КЧНИИ. Ставрополь, 1966. Вып. 5.
Лакаева З. Праздник танца // ВР. 2009. № 81. 6 мая.
Ламберти А. Описание Колхиды // СМОМПК. 1913. Вып. 43.
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 4.
Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Вып. 4.
Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990.
Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882.
Лесин В. Шейх Мансур // Родина. 2000. № 1–2.
Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. 1892. Вып. 14.
Лосев И.К. О классовом и общедемократическом содержании думских речей Т. Эльдарханова // ИЧИНИИИЯЛ. 1963. Т. 3, вып. 1.
Лотиев Б.К., Сазонов И.Г. К геоморфологическому районированию Чечено-Ингушетии // Проблемы физической географии: Сб. научных трудов. Грозный, 1979.
Любимов С.В. Князья Бековичи-Черкасские. М., 1915.
Люлье Л.Я. О гостеприимстве у черкесов // Кавказ. 1859. № 7.
Лядов В. Кавказ в физическом и этнографическом отношениях // Рассвет. СПб., 1859. Т. 4, № 9–12.
Магомадов Э.М., Решиев С.С. Чеченская Республика в постсоветский период и ее влияние на развитие Юга России // Чеченская Республика и чеченцы: История и современность. М., 2006.
Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
Магомадова Т.С. Шерть дали // Религия в СССР: Информационно-справочный бюл. Грозный, 1990. Вып. 3.
Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.
Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
Магометов А.Х. Политическое устройство у горских народов в первой половине XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978.
Мадаева З.А. Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1980. № 6.
Мадаева З.А. О зимних календарных праздниках и обрядах вайнахов // ПИИЭ 1978 г. М., 1980а.
Мадаева З.А. Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей (конец XIX – начало XX в.) // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды в конец XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1981а.

Мадаева З.А. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
Мадаева З.А. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов // СЭ. 1983а. № 4.
Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
Мадаева З.А. Народные праздники вайнахов. Грозный, 1990.
Мадаева З.А. Вайнахская мифология // ЭО. 1992. № 3.
Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Мазаев Б. Путь великого танцовщика // Молодежная смена. 2004. 14 июля.
Макалатия С.И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.
Максимов В. Свои среди чужих. Больше половины чеченцев проживают за пределами республики // Новые Известия (Электронное издание). 27.01.2005. (http://www.newizv.ru/news/?id_news=18724&date=2005-01-27).
Максимов Е. Чеченцы // ТС. 1893. Вып. 3, кн. 2.
Малинин А. Очерки социального быта Абхазии // Кавказ. 1889. № 47.
Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.
Мальсагов А.П. На горной тропе. Грозный, 1966.
Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского (письменного) языка. Грозный, 1941.
Мальсагов Д.Д., Ошаев Х.Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа // Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1964.
Мальсагов З. Общечеченская письменность // Горский вестник. Владикавказ, 1924.
Мальсагова Т.Т. О классовой дифференциации и формах социальной зависимости среди чеченцев и ингушей // Изв. Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1964. Т. 4, вып. 1.
Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1962.
Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009.
Мамбетов Г.Х. Праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием // УЗКБНИИ. 1967. Т. 24.
Мамбетов Г.Х. Формы крестьянской взаимопомощи // История Кабардино-Балкарии. М., 1967а. Т. 1.
Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
Мамбетов Г.Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // ВКБНИИ. 1972. Вып. 6.
Маргошвили Л.Ю. Кисты Панкиси. Тбилиси, 1969.
Маргошвили Л.Ю. К вопросу о переселении вайнахов на территорию Грузии // Грузино-северокавказские отношения. Тбилиси, 1981.
Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов конца XIX – начала XX в. // КЭС. Тбилиси, 1986. Вып. 6.
Маргошвили Л.Ю. К вопросу о поселении кистов в Панкиси // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988.
Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990.
Маркграф О.В. Чеченские селения // ТВ. 1881. 21 нояб.
Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
Маркедонов С. Турбулентная Евразия. М., 2010.
Марковин В.И. О происхождении северокавказской культуры // СА. 1959. № 1.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 83.
Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969.
Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
Марковин В.И. Петроглифы Чечено-Ингушетии // Природа. 1978а. № 2.
Марковин В.И. Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чаберлой // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.
Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1.
Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.
Маркович В.В. В лесах Ичкерии // Лесной журнал. 1891. № 5.
Маркович В.В. В лесах Ичкерии // ЗКОИРГО. 1897. Кн. 19.
Масаев У.Ш. Роль общественных движений в национально-культурном возрождении Чечни // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Массэ А. Шариат. 2-е изд., доп. М., 1999.
Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940.
Матушев А. Карательные экспедиции в Ингушетии и Чечне // Новая Русь. 1910. 26 февр.
Махмутова Х.К. История чеченской профессиональной музыки. Махачкала, 2010.
Мациев А.Г. Чеченские народные пословицы. Грозный, 1964.
Мациев А.Г. Чеберлоевский диалект чеченского языка // ИЧИНИИИЯЛ. 1965. Т. 6, вып. 2.
Мациев Л.Х. Чеченско-русский словарь. М., 1961.
Межидов Д.Д. Мудрость обычая. Грозный, 1989.
Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы: Социально-философский аспект. Грозный, 1992.
Межиева Р. Художник из Дады-Юрта (190 лет академику живописи П. Захарову) // Вайнах. Грозный, 2006. № 9.
Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
Меликишвили Л.Ш. Структура чеченского свадебного обряда и ее место в комплексе свадебных обрядов Центрального Кавказа // КЭС. Тбилиси, 1986. Вып. 6.
Меликишвили Л.Ш. Свадебная обрядность кистов Панкисского ущелья //КЭС. Тбилиси, 1988. Вып. 7.
Меликишвили Л.Ш. Реисламизация в Грузии на фоне чеченской войны (панкисские кисты) // Адат: Кавказский культурный круг: традиции и современность. М., Тбилиси, 2003.
Мепурнов Г.Х. Песни Чечено-Ингушетии. М., 1936.
Мижериков В. Современное состояние образования Чеченской Республики // Чечня: От конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001.
Милютин Д. Гуниб. Пленение Шамиля (9–28 августа 1859) // Родина. 2000. № 1–2.
М.К. Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев // Кавказ. 1876. № 148.
Мкртумян Ю.И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья // Хозяйство и материальная культура Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971.

Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. древнегруз., пред. и ком. Г.В. Цулая. М., 1979.
Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
Мужухоев М.Б. Из истории язычества вайнахов: пантеон божеств в позднем средневековье // СЭ. 1985. № 2.
Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (к истории религиозных верований в X–XIX вв.). Грозный, 1989.
Музаев А.А. Образовательный и научный потенциал Чеченской Республики – важнейший фактор ее благополучия // ИНТ. 2008. № 3.
Музаев Т. Посеявшие ветер // Экспресс-хроника. 1993. 19–26 апр.
Музаев Т.М. Союз Горцев: Русская революция и народы Северного Кавказа. 1917 – март 1918 г. М., 2007.
Музакаев Д.А. «Вайнах» – жизнь моя. Грозный, 2010.
Музакаев Д.А. Самая высшая награда – это когда народ тебя любит // Молодежная смена. 2004. 4 дек.
Мунаев И.Б. Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли (проблема формирования жанра и его системные связи). Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1981.
Мунаев И.Б. Поэтическая стереотипия и вопросы жанровых разновидностей илли // Поэтика чеченских героических песен илли (Опыт комплексного исследования): Сб. науч. ст. ЧИИИСФ. Грозный, 1983.
Мунаев И.Б. О некоторых морально-эстетических нормах поведения героев илли вайнахов // Вопросы эстетики фольклора и литератур чеченцев и ингушей: Сб. науч. ст. ЧИИИСФ. Грозный, 1985.
Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975.
Мунчаев Р.М. Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Материалы и исследования по археологии России. М., 2001.
Муртазалиева А. Миссия культуры – сближать людей // ВР. 2007. 17 мая.
Муртазалиева А. И жизнь, и слава, и любовь // Грозненский рабочий. 2009. № 42. 5 нояб.
Муртазалиева А. Искусство «Вайнаха» востребовано во всем мире (Из интервью с Д. Музакаевым) // ЮФО. 2009а. № 45.
Мусаев А. Шейх Мансур. М., 2007.
Мусаев А.Н. Махмуд Эсамбаев. М., 2011 (Серия «Жизнь замечательных людей»).
Мусаев Р.М. Почитание дикого кабана и домашней свиньи у чеченцев и ингушей до принятия ислама // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
Мусукаев Б.Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984.
Мухадинов М.А. Тема национальной независимости и дружбы народов в чеченских героико-исторических песнях // Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975.
Мухаммед Тахир ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Ч. 2.
Надеждин П. Кавказский край: Природа и люди. Тула, 1895.
Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Ростов н/Д, 2009.

Народецкая Ш.Ш., Иванченков Т.Е. Агроклиматические ресурсы Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, Чечено-Ингушской АССР. Л., 1980.
Народные развлечения у чеченцев // РГ. 1929. № 6.
Народы Дагестана. М., 2002.
Народы Кавказа. М., 1962. Т. II.
Национальная политика в России: история и современность / отв. ред. В.А. Михайлов. М., 1997.
Национально-государственное строительство в СССР / под ред. Д.А. Чугаева. В 2 т. М., 1968–1970.
Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991.
Нашхоев Р.М. Чародей танца. Грозный, 1972.
Нашхоев Р.М. Творческое наследие Махмуда Эсамбаева и его роль в сближении культур народов России и мира // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.
Невская В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // ИСКНЦ ВШ. 1985. № 1.
Нефть и газ Чечни и Ингушетии. М., 1993.
Низам Шамиля (материалы по истории Дагестана) // ССКГ. М., 1992. Т. 1 (Репринт).
Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России в XIX – начале XX в. М., 1999.
Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.
Новикова А.Л. Женщины Чечено-Ингушетии в борьбе за свое раскрепощение и социализм. Грозный, 1966.
Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
Норденстамм И.И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940.
Нунуев С.-Х. Мюридизм в Чечне: исторический аспект // Государственная служба. М., 2007. № 3 (47).
Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М., 2001.
Нухаев Х.-А. Чеченцы скорее изменят мир, чем изменят традициям. М., 2002.
Общая характеристика миграционной ситуации в Чеченской Республике: Стат. сб. Грозный, 2008.
Овхадов М.Р. Чечено-русское двуязычие. Грозный, 1983.
Овхадов М.Р. Чечня и чеченцы: аспекты национально-языковой политики // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Овхадов М.Р. Чеченское языкознание: состояние, проблемы, перспективы // ИНТ. 2008. № 3.
Одинцов А.Б. Неиссякаемый источник прогресса. Грозный, 1988.
Округа Терской области // ССТО. 1878. Вып. 1.
О работе Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н.Толстого // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1941–1980): Сб. док. Грозный, 1985.
О ситуации с чеченскими беженцами в Европе // CHECHENPRESS, 25.04.2006 г. (http://www.chechenpress.info/events/2006/04/25/02.shtml).
О тех, кого называли абреками: Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. Грозный, 1927.
Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1856 г. // РС. 1893. Т. 79.

Ониани Д.И. Из истории древнейших верований грузин: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1969.
Опрышко О.Л. Старые календарные системы кабардинцев и балкарцев // УЗКБНИИ. Т. 24. 1967.
Орбелиани Г. Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга // АЭС. Нальчик, 1974. Вып. 1.
Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М., 2003.
Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март 1917 г. Грозный, 1967. Т. I.
Очерк этнографии горной Чечни. Тбилиси, 1986 (КЭС. Вып. 6).
Ошаев Х.Д. В сердце Чечни. Грозный, 1928.
Ошаев Х.Д. Малхиста // РГ. 1930. № 8.
Ошаев Х.Д. Слова пха и цIа в чеченском языке // Изв. Научного общества Чеченской автономной области. Грозный, 1930а. Т. 2.
Ошаев Х.Д. К истории возникновения чеченских героико-эпических песен // ИЧИНИИИЯЛ. 1960. Т. 2, вып. 1.
Ошаев Х.Д. Мотивы дружбы в чечено-ингушских песнях // ИСОНИИ. 1961. Т. 22.
Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // КЭС. Тбилиси, 1968. Вып. 2: Очерки этнографии горной Ингушетии.
Ошаев Х.Д. Пламенные годы. Грозный, 1978.
Ошаев Х.Д. Мовлид Висаитов – командир 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008.
Ошаев Х.Д. Список участников обороны Брестской крепости и прилегающего к ней района, призванных из Чечено-Ингушской АССР // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008.
Пастухова М. Рожденный в СССР // Лит. газета. 2011. 14 сент.
Первый съезд народов Востока. (Баку). 1–8 сентября 1920 г.: Стенографические отчеты. Пг., 1920.
Первая перепись в Чечне // Молодежная смена. 2007. № 19. 14 марта.
Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. М., 1998. № 1.
Песни вайнахов. Грозный, 1972.
Петренко В.П. Керамическое производство горцев Юго-Восточной Чечни в сарматскую эпоху // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
Пивоваров В.Т. Быт, культура, национальные традиции и верования населения Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1971.
Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // КК на 1915 г. 1914.
Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М.; Л., 1926.
Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов. М., 1884.
Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
Полиевктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу XIII–XVIII вв. Тифлис, 1935.
Пономарева И.З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Изв. Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Грозный, 1975. Вып. 9.
Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) // ССКГ. 1870. Вып. IV.
Попов И.В. Ичкеринцы // ССТО. 1878. Вып. 1.
Попова О.С., Каплан Н.И. Русские художественные промыслы. М., 1984.
Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.

Потто В.А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1.
Поэтика чеченских героических песен. Опыт комплексного исследования. Грозный, 1983.
Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.). Грозный, 1984.
Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие. Ставрополь, 1915.
Прокламация чеченскому народу Главнокомандующего Кавказской армией, Намест-ника Кавказского, генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского // Родина. 2000. № 1–2.
Пронштейн А.П. Материалы о народах Северного Кавказа XV–XVIII веков в совет-ских архивах // Изв. СКНЦВШ. 1978. № 2.
Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998.
Путешествие Абу Халида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
Пухаева А.С. Лексика сырья для пряжи // ИЮОНИИ. 1972. Вып. 17.
Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990.
Развитие гидромелиоративных исследований по Северному Кавказу. Ростов н/Д, 1975.
Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996.
Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004.
Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.
Рейнке Н.М. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.
Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, коммен-тарии // под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1994.
Речменский Н.С. Чечено-ингушский музыкальный фольклор. Грозный, 1963. Т. 1.
Робакидзе А.И. Жилище и поселения горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Вып. 2: Очерки этнографии горной Ингушетии.
Робакидзе А.И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // СЭ. 1948. № 3.
Робакидзе А.И. Особенности патронимических организаций у народов Кавказа // СЭ. 1982. № 5.
Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и пережитки древнейших верований тад-жикоязычного населения современного Бадахшана // СЭ. 1970. № 3.
Российский Кавказ: Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. М., 2007.
Россикова А.Е. Путешествие по центральной части горной Чечни. Тифлис, 1895.
Россия и Чечня: поиски выхода. СПб., 2003.
Руновский А. Мюридизм и газават. Махачкала, 1996.
Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. документов / выяв-ление, сост., введ., ком. Е.Н. Кушевой. М., 1997.
Рыжиков В.В. География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1965.
Рыжиков В.В., Зоев С.О., Гребенщиков П.А. Чечено-Ингушская АССР. 2-е изд. Грозный, 1980.
Сабли Рая: Горское оружие в Кавказской войне. Грозный, 1992.
Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
Саидов И.М. Чечено-ингушские карлаги // СЭ. 1964. № 2.
Саидов И.М. Материалы по куначеству и гостеприимству у чеченцев и ингу-шей (досоветский период) // Тр. Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1964. Т. 9.

Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // АЭС. Грозный, 1968. Т. 2.
Саидов И.М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // КЭС. Тбилиси, 1968а. Вып. 2: Очерки этнографии горной Ингушетии.
Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – начала XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тбилиси, 1972.
Саидов И.М. О нахских тайпах и тайповых отношениях // Справедливость. 1990. № 3(15–16).
Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – начало XX в.) // ИЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. 3, вып. 1.
Саламов А.А. Правда о «святых местах» в Чечено-Ингушетии // Тр. ЧИНИИИЯЛ. 1964. Т. 9.
Саламов А.А. «Кхел» – вреднейший пережиток // Блокнот агитатора. Грозный, 1966. № 3–14.
Самойлов К. Записки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23. № 9–10.
Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни: Жгучий и наболевший вопрос. Владикавказ, 1913; 2-е изд. Грозный, 1991.
Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008.
Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847.
Семенов Л.П. К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев // Академия наук СССР – академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935.
Семенов Л.П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // ИЧИНИИИЯЛ. 1960. Т. 3, вып. 1.
Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.
Семенов Н. Чеченцы в роли археологов // ТВ. 1890. № 11.
Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам ГИМа) // КЭС. М., 1976. Вып. 6.
Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 2001. Т. 2; М., 2005. Т. 5.
Сказки и легенды чеченцев и ингушей. М., 1983.
Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // ИЧИНИИИЯЛ. 1959. Т. 1, вып. 1.
Славин И. Борьба с обычаем кровной мести // Новый Восток. 1928. № 23/24.
Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе. М., 1958.
Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983.
Смольянинова С. Две жизни грозненского нефтяного института // Академия. 2010. № 30.
Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990.
Соловьева Л.Т. Архивные материалы XIX в. о религиозных верованиях вайнахов // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990–1991. СПб., 1992.
40 лет Чечено-Ингушскому государственному драматическому театру им. Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова. Грозный, 1971.

Союз объединенный горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала, 1994.
Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
Статистический отчет Чечоблисполкома. Грозный, 1927.
Страбон. География / пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.
Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992.
Студенецкая Е.Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей // АЭС. Нальчик, 1974.
Студенецкая Е.Н. Одежда чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа: XVIII–XX вв. М., 1989.
Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006.
Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Т. 1; Грозный, 1978. Т. 2.
Сулумова Д. Театр поднимает занавес // ВР. 2008. 20 сент.
Сухов И. Казахские чеченцы // Россия и мусульманский мир. М., 2001. № 2.
Съезды народов Терека 1918 г.: Сб. докл. и мат. Орджоникидзе, 1977. Т. 1; Орджоникидзе, 1978. Т. 2.
Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // АЭС. Грозный, 1968. Т. 2.
Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919–1920 годы / под ред. С. Алиевой. В 3 т. М., 1993.
Танкиева Л.Х. Вайнахская мифология: К вопросу о происхождении волшебных сказок вайнахов. Харьков, 1987.
Татаев В.А., Шабаньянц Н.Ш. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974.
Татаева С.В. К вопросу о записях и публикациях произведений чеченского музыкального фольклора в первой половине XIX века. М., 1987.
Ташаева Р., Алиева З. Театр // История и культура чеченского народа. М., 2002.
Ташаева Р.А. Драматические театры и их роль в формировании толерантности в обществе в 50–80-е годы XX века // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. СПб., 1856. № 15.
Терская область // КК на 1877 г. Тифлис, 1876.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечение из арабских источников. СПб., 1884.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.
Тишков В.А Геополитика чеченской войны // Свободная мысль. 1997. № 4.
Тишков В.А К вопросу о государственной политике на Северном Кавказе // Вестн. Пятигор. лингв. ун-та. 1998. № 4.
Тишков В.А. Война и мир на Северном Кавказе: (оценка ситуации и природы конфликтов) // Свободная мысль – XXI. 2001. № 1.
Тишков В.А. Война и культура // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.
Тишков В.А. Война и школа: (вместо введения) // Мир в Чечне через образование. М., 2003.
Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2003.
Тишков В.А. Война и культура // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.

Тишков В.А Чечня как сцена и как роль // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. СПб., 2007.
Ткачев Г.А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // ЗТОЛКС. 1914. Вып. 9.
Тогошвили Г.Д. Из истории грузино-вайнахских политических взаимоотношений во второй половине XVIII века // ИЧИНИИИЯЛ. 1964. Т. 5, вып. 1.
Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4.
Тотоев Ф. Развитие рабства и работорговли в Чечне // ИЧИНИИИЯЛ. 1969. Т. 8, вып. 1.
Тотоев Ф. Общественный строй Чечни: вторая половина XVIII – 40-е годы XIX в. Нальчик, 2008.
Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения населения нагорной полосы Терской области. Владикавказ, 1908.
Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей // Роль русской литературы и национального фольклора в становлении национальных литератур. Грозный, 1978.
Туркаев Х.В. Чеченская советская поэзия (1920–1940-х годов). Грозный, 1978а.
Туркаев Х.В. Чеченские песни о кабардинцах. Нальчик, 1999.
Туркаев Х.В. Жажда неутоленности. М., 2007.
Туркаев Х.В. Ахмат-Хаджи Кадыров: История и судьба чеченского народа в 90-е годы XX – начале XXI века // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008.
Туркаев Х.В. Культурно-просветительская деятельность Т. Эльдарханова // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008.
Уарзиати В.С. Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. 8.
Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.
Умаров М.У., Ахмедова К.С. Из истории ботанических исследований в Чеченской республике (1963–2007 гг.) и приоритеты их развития // ИНТ. 2008. № 3.
Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья //АЭС. Грозный, 1969. Т. 3.
Умаров С.Ц. Доисламские религиозные верования чеченцев и ингушей // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979.
Умаров С.Ц. Эволюция основных течений ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
Умаров С.Ц., Бадаев С.-Э.С. Заметки по средневековой этнической истории чеченцев // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1999. № 1.
Услар П.К. Кое-что о словесности горцев // ССКГ. 1868. Т. 1.
Услар П.К. Этнография Кавказа: Языкознание: Чеченский язык. Тифлис, 1888.
Устаев А.Л. География Чеченской Республики: Природа, социальная сфера, экономика. Грозный, 2008.
Ученые Чечни. Они были первыми. Очерки, посвященные первым выпускникам Отделения вайнахской филологии Чеченского государственного университета. Грозный, 2007.
Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. СПб., 1865.
[*Фальк И.П.*] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI.

Фарфоровский С. Чеченские этюды (из дневника этнографа) // СССК. 1912. Т. 7.
Федорович А. Тейпово-религиозные отношения в чеченском обществе // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2.
Халаева К.Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
Халебский А.М. Сборник чеченских и ингушских песен и танцев. Грозный, 1964.
Халидов А.И. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложения: Дис. … докт. филол. наук. Грозный, 1999.
Халидов А.И. Типологический синтаксис чеченского простого предложения. Нальчик, 2004.
Халидов А.И. Очерки по истории и типологии нахских языков. Грозный, 2006.
Халидов А.И. Введение в изучение кавказских языков. Грозный, 2008.
Халидов А.И. Нохчийн меттаIилманан терминийн лугIат. СоьлжагIала, 2012.
Хамидова З. Борьба за язык: (Проблема становления и развития чеченского языка) // Чечня и Россия: общества и государства / ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1999.
Хангошвили М. Вайнахские поселения в Сирии // Литературная Ингушетия. Назрань, 1997. № 1.
Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Тбилиси, 1968. Вып. 2: Очерки этнографии горной Ингушетии.
Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изданный при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3.
Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1888а. Кн. 10, Т. 5.
Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963.
Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. Грозный, 1991.
Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994.
Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2001.
Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – начало XX в.). М., 2006.
Хасбулатов Р. Размышления о войне и мире: Кремль и российско-чеченская война. М., 2002.
Хасбулатов Р.И. От несвободы – к тирании // Культура Чечни: История и современные проблемы. 2-е изд. М., 2006.
Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронимии у чеченцев во второй половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. 1981. № 1.
Хасбулатова З.И. Жилище и семья у сельского населения Чечено-Ингушетии в XIX–XX вв. // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
Хасбулатова З.И. Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
Хасбулатова З.И. Одежда в традициях и обычаях чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев XIX – начала XX в. // Вестник «ЛАМ». Грозный, 2002. № 5.

Хасбулатова З.И. Вайнахский этикет. Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX – начале XX века // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007.
Хасбулатова З.И., Мадаева З.А. Народная медицина чеченцев. Грозный, 2012.
Хасиев С.-М.А. О некоторых древних чеченских оберегах // АЭС. Грозный, 1969. Т. 3.
Хасиев С.-М. Амазонкаш муьлуш хилла? // Орга. Грозный, 1971. № 1 (на чеч. яз.).
Хасиев С.-М.А. Об основных типах вайнахских пахотных орудий // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972.
Хасиев С.-М.А. Земледелие у вайнахов: Дис. … канд. ист. наук. М., 1973.
Хасиев С.-М.А. Календарный год у вайнахов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974.
Хасиев С.-М.А. К традиционному отсчету времени у вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
Хасиев С.-М.А. Институт ухаживания чеченцев // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982.
Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом: Обработка металла и камня // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
Хасиев С.-М.А. Этнографические реалии в героических илли // Поэтика чеченских героических песен илли. Грозный, 1983а.
Хасиев С.-М.А. Традиции и новации в жилищном строительстве вайнахов // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
Хасиев С.-М.А. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – начало XX в.) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1986.
Хасиев С.-М.А. О столярном инструментарии вайнахов второй половины XIX – начала XX в. // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
Хасиев С.-М.А. Чеченцы // Пхьармат (Прометей). Грозный, 1991. № 1–2.
Хасиев С.-М.А. Время в этническом мышлении чеченцев // Проблемы происхождения нахских народов. Шатой, 1991а.
Хасиев С.-М.А. О ценностной шкале чеченцев // Вестник «ЛАМ». Грозный, 2000. № 4.
Хасиев С.-М.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. Нальчик, 2004. Ч. I.
Хасмагомадов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Хатаев А. Эшелон бесправия. М., 1997.
Хатаев А. Враг народа. М., 2000.
Хачаруева Т.Д. Буклет об опыте РНМЦ по проведению выставок самодеятельных художников и мастеров самодеятельного декоративно-прикладного искусства: «И жизнь, и труд, и красоту твореньем рук я воспеваю». Грозный, 1989.
Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана. М., 1961.
Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. Грозный, 1992.
Хизриев Х.А. О расшифровке и датировке Зеленчукского памятника письма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1997. № 1. С. 58–63.

Хизриев Х.А. Взаимоотношения Чечни с соседними народами и Русью в период раннего средневековья // Мат. Всероссийской научной конференции. Грозный, 2003.
Хизриев Х.А. Чеченцы в древности и средневековье // ИНТ. 2008. № 3.
Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
Хить Г.Л. Дерматоглифика и раса // РН. 2004. Вып. 30.
Хить Г.Л. Дерматоглифика и расогенез населения Кавказа // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М., 2004а.
Хить Г.Л., Асланишвили В.О. Новые материалы по дерматоглифике населения Западного Кавказа // ПИИЭ в 1982 г. М., 1986.
Хить Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика человеческих рас и популяций: таксономический аспект // На путях биологической истории человечества. М., 2002. Т. 1.
Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный, 1998.
Хоруев Ю. 109 голосов: Справочник периодических изданий на Тереке (1863–1917 гг.). Орджоникидзе, 1966.
Христианович В.П. Горная Ингушетия. Ростов н/Д, 1928.
Хронологическое показание достопримечательных событий в Кавказском и Закавказском крае и важнейших постановлений правительств, относящихся к этому краю // КК на 1871 г. Тифлис, 1870.
Художники Чечено-Ингушетии (альбом). Л., 1965.
Хуцишвили Л.К. Из грузино-вейнахских культурно-исторических взаимоотношений // КЭС. Тбилиси, 1986.
ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. Кн. 1: 1918–1933 гг.
Цискаров И.Д. Картина Тушетии // Кавказ. 1846. 14 дек.
Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2007.
Чахкиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«голгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
Чахкиев Д.Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
Чахкиев Д.Ю. Мастера-строители у вайнахов в XVII–XIX вв. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987а.
Чахкиев Д.Ю. Тушоли // Грозненский рабочий. 1988. № 7.
Чахкиев Д.Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988а.
Чахкиев Д.Ю. Огнестрельное оружие позднесредневековых вайнахов // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
Чахкиев Д.Ю. О производстве пороха горцами Чечни и Ингушетии в позднем средневековье (XVI – начало XIX в.) // Среднеазиатско-Кавказские (Лавровские) чтения 1993 г. СПб., 1994.
Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2.
Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958.
Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // ЭО. 1994. № 5.

Чеснов Я.В. Этнокультурный потенциал чеченской нации // Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996.
Чеснов Я.В. Чеченская культура детства // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. М., 1996а.
Чеснов Я.В. Потенциал согласия в психологии чеченцев // Открытая политика. М., 1996б. № 9/10.
Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
Чеснов Я.В. Суфизм и этнический менталитет чеченцев // РН. 2001. Вып. 26.
Чеснов Я.В. Генетические представления в менталитете чеченцев: На основании полевых этнографических материалов, собранных в Чечне и Грузии в 1980–1990-е годы // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006.
Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей (Библиографический указатель). Грозный, 1971. Т. 1, вып. 1, 2.
Чечено-Ингушская АССР за 60 лет Советской власти: Статистический сборник. Грозный, 1977.
Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX вв. М., 2005.
Чеченская Республика в цифрах: Кратк. стат. сб. Грозный, 2007.
Чеченская республика и чеченцы: История и современность. М., 2006.
Чеченские илли и лирические песни / сост. С. Эльмурзаев, З. Джамалханов. Грозный, 1959. Т. I (на чеч. яз.).
Чеченские илли / сост. С. Эльмурзаев. Грозный, 2005. Т. IV (на чеч. яз.).
Чеченские илли / сост. И. Мунаев. Грозный, 2007. Т. V (на чеч. яз.).
Чеченские народные пословицы / сост. А. Мациев. Грозный, 1964 (на чеч. яз.).
Чеченские народные пословицы // ИЧИНИИИЯЛ. 1959. Т. II, вып. 3. (на чеч. яз.).
Чеченские песни. М., 1995.
Чеченский государственный педагогический институт: 1980–2005. Назрань, 2005.
Чеченский фольклор / сост., пред., науч. ком. Ш.А. Джамбекова. Грозный, 1990.
Чеченских беженцев ЕС высылает в Россию // Труд. 2007. № 216.
Чеченско-русский словарь. М., 1978.
Чеченско-русский словарь / сост. А.Г. Мациев. Грозный, 2010.
Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы / отв. ред. Х.В. Туркаев. М., 2008.
Чеченцы выбирают Европу // Независимая газета (электронное издание). 13.12.2007 (http://www.ng.ru/events/2007-12-13/100_immigrant.html).
Чеченцы: история и современность / сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М., 1996.
Чечня в рассеянии // Prague Watchdog (электронное издание). 26.06.2008 (http://www.watchdog.cz/?show=000000-000002-000001-000202&lang=2).
Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
Чечня: от конфликта к стабильности. М., 2001.
Чикобава А.С. Введение в языкознание. М., 1952. Ч. I.
Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков // Тез. докл. 1-й региональной науч. сессии по проблеме родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965.
Чиковани Г.Д. Из истории общественного быта вейнахов // КЭС. Тбилиси, 1986. Вып. 6.
Численность и состав коренных национальностей Чечено-Ингушской Республики (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Грозный, 1991.
Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. М., 2011.
Читая Г.С. Ксанское горное пахотное орудие // ИИЯИМК. 1940. Вып. V–VI.

Чокаев К.З. Суффиксальное образование топонимических названий в нахских языках // Тр. ЧИНИИИЯЛ. 1964. Т. 9.
Чокаев К.З. О словообразовании в чечено-ингушском языке // ИЧИНИИИЯЛ. 1964а. Т. 5, вып. 2.
Чокаев К.З. Вайн мотт – вайн истории: Наш язык – наша история. Грозный, 1991.
Чокаев К.З. Нахские языки. Грозный, 1991а.
Чокуев Н.Н. О гостеприимстве у чеченцев и ингушей // Традиционные ритуалы и верования. М., 1995. Ч. 2.
Чугунова М. Ренессанс чеченской науки //Академия. 2009. № 22.
Чумакова З.Д. Алтыбакан: Иволга. Алматы, 2004.
Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
Чурсин Г.Ф. Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана // ИКИАИ. 1927. Вып. 5.
Чурсин Г.Ф. Культ охоты у кавказских народов. Л., 1929.
Шабаньянц Н.Ш. Творчество художников в первой половине 1960-х годов // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. Нальчик, 2009.
Шавлаева Т.М. Историческая метрология чеченцев (меры длины, расстояния и площади) // ЭО. 2012. № 2.
Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.
Шавхелишвили А.И. Из истории материальной культуры Тушети и Чечни // КЭС. Тбилиси, 1972. Вып. 4.
Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983.
Шаманов И.М. Народный календарь карачаевцев // Из истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1974.
Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979.
Шамилев А.И. К вопросам о христианстве у чеченцев и ингушей // ИЧИНИИИЯЛ. 1963. Т. 3, вып. 1.
Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // ИЧИНИИИЯЛ. 1963а. Т. 3, вып. 1.
Шамилев А.И. Религиозные культы чеченцев и пути их преодоления. Грозный, 1963б.
Шапсугов Д.Ю., Свечникова Л.Г., Исмаилов М.А. Обычное право и акты Российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XX века): Хрестоматия. Ростов н/Д, 2008.
Шарашидзе Л.П. Распределение групп крови среди чеченцев и ингушей // Материалы к антропологии Кавказа. Тбилиси, 1974. Вып. 3.
Шаумян С.К. Структурная лингвистика. М., 1965.
Шахбиева М.Х. Лексика художественной культуры в чеченском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1997.
Шахназарян И.Р. В институтах и лабораториях Грозного // Шаги восьмой пятилетки. Грозный, 1971.
Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Маяк. 1843. Т. VII.
Шерипов А.Д. Из чеченских песен. Владикавказ, 1918.
Шерипов А. Очерк о Чечне. Грозный, 1929.
60 лет ЧИАССР. Стат. сб. Грозный, 1982.
Шерипов А.Д. Статьи и речи. Грозный, 1990.
Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. 2.

Шиллинг Е.М. Культ Тушоли у ингушей // ИИНИИК. Орджоникидзе; Грозный, 1934–1935. Вып. 4.
Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.
Шихсаидов А.Р. Сельскохозяйственный календарь народов Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974.
Шопен И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб., 1866.
Шундалов И.Ю. Этнография чеченцев в научных исследованиях: 1918–2003 гг. (по фондам Российской национальной библиотеки) // Адат: Кавказский культурный круг: традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003.
Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИНИИК. Владикавказ, 1928. Вып. 2.
Щепаникова А. Дороги из Австрии в Чечню не будет // Чеченское общество сегодня. М., 2006. № 2.
Щербаков В.В. Творчество художников Чечни во второй половине XX века // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006.
Щербина А.Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. СПб., 1886. Кн. 1.
Элимбаев Т.Х. Моя жизнь – «Вайнах» // Грозненский рабочий. 2009. Дек.
Эльбуздукаева Т.У. Политический аспект формирования национальных отрядов рабочего класса Чечни и Ингушетии 20–30-х гг. XX в. как фактора укрепления социальной базы сталинского режима // Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития: Мат. всерос. науч.-практ. конф. Грозный, 2011.
Эльдарханов Т.Э. Чеченская азбука и первая книга для чтения. Тифлис, 1911.
Эльдарханов Т. Чеченские тексты // СМОМПК. 1900. Вып. 28.
Эльдарханов Т. Чеченские тексты // СМОМПК. 1901. Вып. 29.
Эльмурзаев С. Новые данные о чечено-ингушских нарт-эрстхоевских сказаниях // Тр. ЧИНИИИЯЛ. 1963. Т. 9.
Эльмурзаев С. Чеченский фольклор: Сказки, предания и пословицы. Грозный, 1964.
Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1.
Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
Эфендиева Д.А. Чеченские события и Дагестан: Последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002.
Юдин П. Первые поселения гребенцов // ТВ. 1913. № 7.
Юсупов А. В час беды, в час испытаний // ВР. 2007. 23 февр.
Юсупов А. На родине и песня звучит по-особому // ВР. 2007а. 4 сент.
Юсупов А.У. Тернистый путь комиссаров. Грозный, 2009.
Юсупов А. Чеченская песня-илли // ВР. 2012. 14 февр.
Юсупов М. Ислам в социально-политической жизни Чечни // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2.
Юсупов М.М. Итоги переписи в Чечне // Этнокультурный облик России: Перепись 2002 г. / отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М., 2007.
Юсупов М.М. Перепись как индикатор этнодемографического воспроизводства в Чеченской Республике // Этнологический мониторинг переписи населения. М., 2011.
Юсупова С.С.-А. Новые слова и значения в чеченском языке (постсоветский период). Грозный, 2007.
Языки мира: Кавказские языки. М., 2001.
Яковлев Н.Ф. Ингуши: Исследования и материалы. М., 1925.
Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши // Зап. Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Ростов н/Д, 1928. № 1.
Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Ростов н/Д, 1930.
Яковлев Н. Морфология чеченского языка. М., 1939.
Яковлев Н. Синтаксис чеченского языка. М., 1941.
Якубов А.В. Ахмед Цебиев: Олимп и Голгофа ученого. Нальчик, 2009.
Яндаров А.Д. Общественная мысль Чечено-Ингушетии в последней трети XIX – начале XX в. Алма-Ата, 1964.
Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения: Из истории развития общественных идей Чечено-Ингушетии в 20–70-е годы XIX в. Алма-Ата, 1975.
Яндарби З. Джихад и проблемы современного мира. Габала, 2000.
Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 1–2.
Яценко С.Е. О древних прототипах одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.
Bennigcen F., Wimbush S.E. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. L., 1985.
Dunlop J.B. Russia Confronts Chechnya: Roots of Separatist Conflict. Cembridge, 1998.
Evangelista M. The Chechen Wars. Will Russia go the way of the Soviet Union. Wash., 2002.
Gall C., de Waal T. Chechnya: Calamity in the Caucasus. NY., 1998.
Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. NY; L., 1972.
Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. Yale Univ. Press, 1998.
Plaetschke B. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929.
Refugees and Diaspora // Zachary Hutchinson. Chechnya Advocacy Network (электронное издание). 24.08.2012 (http://www.chechnyaadvocacy.org/refugees.html).
Tishkov V. Understanding Violence for Post-Conflict Reconstruction in Chechnya. Geneva, 2001.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ МИД РФ	**– Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации**
АКАК	**– Акты Кавказской археографической комиссии (Тифлис)**
АН ЧР	**– Академия наук Чеченской Республики**
АПК	**– Агропромышленный комплекс**
АЭС	**– Археолого-этнографический сборник**
ВВЦ	**– Всероссийский выставочный центр**
ВДИ	**– Вестник древней истории (М.)**
ВИ	**– Вопросы истории (М.)**
ВИМК	**– Вопросы истории материальной культуры (М.)**
ВДНХ	**– Выставка достижений народного хозяйства**
ВДО	**– Всероссийское добровольное общество**
ВКБНИИ	**– Вестник Кабардино-Балкарского НИИ (Нальчик)**
ВНИИ	**– Всероссийский НИИ**
ВР	**– Вести Республики (Грозный)**
ВС	**– Военный сборник (СПб.)**
ВТО	**– Всероссийское театральное общество**
ВУА	**– Военно-ученый архив**
ГАРФ	**– Государственный архив Российской Федерации**
ГИТИС	**– Государственный институт театрального искусства**
ГМИИ	**– Государственный музей изобразительных искусств**
ГТРК	**– Государственная телерадиокомпания**
ГЦКЗ	**– Государственный центральный концертный зал**
Даг. ФАН СССР	**– Дагестанский филиал АН СССР**
ДК	**– Дом культуры**
ДНЦ РАН	**– Дагестанский научный центр Российской академии наук**
ЕС	**– Европейский Союз**
ЗВ	**– Закавказский вестник (Тифлис)**
ЗКВ	**– Записки коллегии востоковедов (Л.)**
ЗКОИРГО	**– Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (Тифлис)**
ЗТОЛКС	**– Записки Терского общества любителей казачьей старины (Владикавказ)**
ИНТ	**– История науки и техники (М.)**
ИЧИНИИИЯЛ	**– Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (Грозный)**

ИИАЭ	**– Институт истории, археологии и этнографии**
ИИНИИК	**– Известия Ингушского НИИ краеведения**
ИКИАИ	**– Известия Кавказского института археологии и истории (Тифлис)**
ИКОИРГО	**– Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (Тифлис)**
ИИЯИМК	**– Известия Института языка, истории и материальной культуры (Тбилиси)**
ИРГО	**– Известия Русского географического общества (СПб.)**
ИСКНЦВШ	**– Известия Северокавказского научного центра высшей школы (Ростов н/Д)**
ИСОНИИ	**– Известия Северо-Осетинского НИИ (Орджоникидзе)**
ИЭА РАН	**– Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (М.)**
ИЮОНИИ	**– Известия Юго-Осетинского НИИ (Цхинвали)**
КБНИИ	**– Кабардино-Балкарский НИИ**
КВ	**– Кавказский вестник (Тифлис)**
КК	**– Кавказский календарь (Тифлис)**
КНИИ РАН	**– Комплексный научно-исследовательский институт Российской академии наук (Грозный)**
КС	**– Кавказский сборник (Тифлис)**
КСИА	**– Краткие сообщения Института археологии АН СССР (М.)**
КЧНИИ	**– Карачаево-Черкесский НИИ**
КЭС	**– Кавказский этнографический сборник (М., Тбилиси)**
ЛС	**– Лавровский сборник (СПб., Л.)**
МАК	**– Материалы по археологии Кавказа (М.)**
МИА	**– Материалы и исследования по археологии СССР (М.)**
НАН РК	**– Национальная Академия наук Республики Казахстан**
НИИ	**– Научно-исследовательский институт**
НИИГИ	**– Научно-исследовательский институт геофизических исследований**
НИОР РГБ	**– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (М.)**
НИПИ	**– Научно-исследовательский проектный институт**
НМЧР	**– Национальный музей Чеченской Республики, г. Грозный**
НР	**– Новая Русь (СПб.)**
ОГПУ	**– Объединенное Государственное Политическое Управление при СНК СССР**
ОИФН	**– Отделение историко-филологических наук**
ПИИЭ	**– Полевые исследования Института этнографии (М.)**
ПМА	**– Полевые материалы автора**
РАН	**– Российская академия наук**
РВ	**– Русский вестник (М.)**
РГ	**– Революция и горец (Ростов н/Д)**
РГИА СПб.	**– Российский государственный исторический архив (СПб.)**
РГАДА	**– Российский государственный архив древних актов**
РГАСПИ	**– Российский государственный архив социально-политической истории**
РГВИА	**– Российский государственный военно-исторический архив**

РК	– Республика Казахстан
РН	– Расы и народы (М.)
РС	– Русская старина (СПб.)
РЭМ	– Российский этнографический музей (СПб.)
ИСКНЦВШ	– Известия Северокавказского научного центра высшей школы (Ростов н/Д)
СККТБ	– Северокавказское конструкторское техническое бюро
СМИ	– Средства массовой информации
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)
СНК	– Совет народных комиссаров
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)
СССК	– Сборник сведений о Ставропольском крае (Ставрополь)
ССТО	– Сборник сведений о Терской области (Владикавказ)
СЭ	– Советская этнография (М.)
ТВ	– Терские ведомости (Владикавказ)
ТГПИ	– Тбилисский государственный педагогический институт им. А.С. Пушкина
ТИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР
ТС	– Терский сборник (Владикавказ)
ТЮЗ	– Театр юного зрителя
УЗИИЯЛ	– Ученые записки Института истории, языка и литературы
УЗКБНИИ	– Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ (Нальчик)
ФСО	– Физкультурно-спортивное общество
ХПМ	– Художественно-производственные мастерские
ЦГАРД	– Центральный государственный архив Республики Дагестан
ЦГА РСО–А	– Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания
ЦГАЧР	– Центральный государственный архив Чеченской Республики (Грозный)
ЦИАГ	– Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси)
ЧГТРК	– Чеченская государственная телерадиокомпания
ЧИАССР	– Чечено-Ингушская автономная ССР
ЧИГОМ	– Чечено-Ингушский государственный объединенный музей
ЧИИИСФ	– Чечено-Ингушский Институт истории, социологии и философии
ЧИНИИ	– Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ЧИГА	– Чечено-Ингушский государственный архив (Грозный)
ЧИГПИ	– Чечено-Ингушский государственный педагогический институт
ЧИР	– Чечено-Ингушская Республика
ЧГПИ	– Чеченский государственный педагогический институт (Грозный)
ЧГУ	– Чеченский государственный университет (Грозный)
ЧП	– Чрезвычайное положение
ЧРИ	– Чеченская Республика Ичкерия
ЭО	– Этнографическое обозрение (М.)
ЮФО	– Южный федеральный округ

авар.	– аварский
адыг.	– адыгейский, адыгский
акк.	– аккинский
араб.	– арабский
армян.	– армянский
бацб.	– бацбийский
вайн.	– вайнахский
галанчож.	– галанчожский
груз.	– грузинский
инг.	– ингушский
итум.	– итумкалинский
кабард.	– кабардинский
карач.-балк.	– карачаево-балкарский
кист.	– кистинский
кумык.	– кумыкский
лезг.	– лезгинский
лит.	– литературный
орстх.	– орстхойский
осет.	– осетинский
тюрк.	– тюркский
чеберл.	– чеберлоевский
чеч.	– чеченский

СПИСОК АВТОРОВ

АБДУЛАЕВА Элита Султановна – к.филос.н., доцент кафедры теории и истории социальной работы ЧГУ

АБДУЛВАХАБОВА Бирлант Борз-Алиевна – к.и.н., доцент кафедры истории народов Чечни ЧГУ, старший научный сотрудник КНИИ РАН

АКАЕВ Вахит Хумидович – д.филос.н., главный научный сотрудник КНИИ РАН

АКИЕВА Хава Магомедовна – к.филос.н., доцент кафедры истории мировой культуры и музееведения ЧГУ

АЛИРОЕВ Ибрагим Юнусович – д.филол.н., д.и.н., главный научный сотрудник КНИИ РАН

АХМАДОВ Шарпуддин Бачуевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник КНИИ РАН

АХМАДОВ Явус Зайндиевич – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник КНИИ РАН

АХМАДОВА Мадина Павловна – старший преподаватель кафедры истории мировой культуры и музееведения ЧГУ

БАГАЕВ Муса Харонович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник КНИИ РАН

БАТАЕВ Хизир Мухидинович – д.мед.н., профессор, заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней ЧГУ

БУГАЕВ Абдулла Махмудович – к.и.н, главный научный сотрудник КНИИ РАН

ДАУТОВА Резеда Абдулмуслимовна – ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Института гуманитарных исследований АН ЧР

ДЖАМБЕКОВ Овхад (Шарани) Алихаджиевич – к.филол.н., доцент кафедры филологии Российского исламского университета

ДЖАМБЕКОВА Тамара Белаловна – д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой литературы ЧГПИ

ДМИТРИЕВ Владимир Александрович – д.и.н., научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии РЭМ

ЕРМЕКБАЕВ Жарас Акишевич – д.и.н., профессор, руководитель Центра изучения истории Казахстана Центрального музея Республики Казахстан

ИСАЕВА Роза Мовлиевна – старший научный сотрудник Института развития образования ЧР

ИСАКИЕВА Зулай Сулимовна – старший научный сотрудник отдела повышения квалификации научно-педагогических работников ЧГУ

МАДАЕВА Зура Абдулрашидовна – к.и.н.

МАХМУДОВА Кемси Зелимхановна – к.и.н., доцент кафедры истории мировой культуры и музееведения ЧГУ

МАХМУТОВА Хазу Касумовна – доцент кафедры актерского мастерства ЧГУ

НАТАЕВ Сайпуди Альвиевич – к.и.н., доцент кафедры истории народов Чечни ЧГУ

ОСМАЕВ Аббаз Догиевич – д.и.н., заместитель директора КНИИ РАН

САИДОВ Ибрагим Магомедович – к.и.н.

САЙДУМОВ Джамбулат Хамидович – к.ю.н., доцент, старший научный сотрудник КНИИ РАН

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор ИЭА РАН

ТУРКАЕВ Хасан Вахидович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой литературы ЧГУ

УСТАЕВ Ахмед Лечаевич – к.геол., ведущий научный сотрудник КНИИ РАН

ХАЛИДОВ Айса Идрисович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка ЧГУ

ХАСБУЛАТОВ Асланбек Имранович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории народов Чечни ЧГУ

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна – к.и.н., профессор кафедры истории мировой культуры и музееведения ЧГУ

ХАСИЕВ Саид-Магомед Адамович – к.и.н, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований АН ЧР

ХИЗРИЕВ Хаджи Ахмедович – к.и.н., профессор кафедры истории народов Чечни ЧГУ

ХИТЬ Генриетта Леонидовна – д.и.н., главный научный сотрудник ИЭА РАН

ЧАХКИЕВ Джабраил Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры истории мировой культуры и музееведения ЧГУ

ШАВЛАЕВА Тамара Магомедовна – к.и.н., доцент кафедры культурологии ЧГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (*В.А. Тишков, Л.Т. Соловьева*) 5

Глава 1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА 9

Природно-климатические условия этнокультурного развития (*А.Л. Устаев*) 9
Этнодемографическая характеристика и география расселения (*А.Л. Устаев*) 15
Чеченский язык и диалекты (*А.И. Халидов*) 23
Теории происхождения языка 23
История письменности 27
Формирование литературного языка 34
Диалектное членение и различия между диалектами 37
Историко-антропологические сведения (*Г.Л. Хить*) 41

Глава 2

ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ 49

Ранние этапы этнической истории (*М.Х. Багаев*) 49
Средневековый период. X–XV века (*Х.А. Хизриев*) 53
Чечня в XVI–XVIII веках (*Я.З. Ахмадов*) 56
Политическая история Чечни в XVI–XVIII веках (*Я.З. Ахмадов*) 62
История Чечни в XIX – начале XX века (*Я.З. Ахмадов*) 66
Революция 1917 г. и Гражданская война (*А.М. Бугаев*) 77
История Чечни и культурная политика в конце 1920-х –1940-е годы (*В.А. Тишков*) 85
Депортация 1944–1957 гг. (*В.А. Тишков*) 91
Возвращение на родину. История Чечни в 1960–1980-е годы (*В.А. Тишков*) 97
Социально-культурная ситуация накануне конфликта (*В.А. Тишков*) 106
Вооруженный конфликт конца XX – начала XXI века (*В.А. Тишков*) 110
Постконфликтное возрождение национальной культуры (*К.З. Махмудова*) 118

Глава 3

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО 129

Земледелие (*С.-М.А. Хасиев*) 129
Животноводство (*С.-М.А. Хасиев*) 141
Формы землевладения и землепользования (*А.И. Хасбулатов*) 148
Кустарные промыслы и ремесла (*З.И. Хасбулатова, Т.М. Шавлаева*) 154
Охота и рыболовство (*З.И. Хасбулатова, Д.Ю. Чахкиев*) 172

Глава 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА 177

Поселения и жилища (*Б.Б.-А. Абдулвахабова*) 177
Башни, склепы и святилища (*Б.Б.-А. Абдулвахабова*) 190

Метрология (*В.А. Дмитриев*) 204
Домашняя утварь (*Р.А. Даутова*) 216
Пища (*И.Ю. Алироев, З.И. Хасбулатова*) 225
Одежда и украшения (*Б.Б.-А. Абдулвахабова*) 236
Пути сообщения и средства передвижения (*И.Ю. Алироев, З.И. Хасбулатова*) 264
Оружие (*Д.Ю. Чахкиев*) 270

Глава 5
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА 286
Тайп как форма социальной организации (*С.А. Натаев*) 286
Сословно-классовые отношения (*И.М. Саидов*) 297
Правовая культура (*Д.Х. Сайдумов, А.И. Хасбулатов*) 310

Глава 6
ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ 318
Сельская община XVIII–XIX веков (*Ш.Б. Ахмадов*) 318
Этикетно-поведенческие нормы (*М.П. Ахмадова, З.И. Хасбулатова*) 323
Традиции коллективной взаимопомощи (*З.И. Хасбулатова*) 334
Игры и развлечения (*И.Ю. Алироев, З.И. Хасбулатова*) 338
Гостеприимство и куначество (*И.Ю. Алироев, З.И. Хасбулатова*) 344

Глава 7
СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (*З.И. Хасбулатова*) 351
Формы семьи 351
Взаимоотношения в семье 355
Свадебная обрядность 358
Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка 371
Похоронно-поминальная обрядность 383
Современная чеченская семья 388

Глава 8
КАЛЕНДАРЬ И КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ (*З.А. Мадаева*) 389
Счисление времени и календарный год 389
Зимние праздники 398
Весенние праздники 401
Летне-осенние календарные обычаи и обряды 406
Трудовые праздники в XX веке 412

Глава 9
РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ 417
Ранние религиозные верования (*В.Х. Акаев, Э.С. Абдулаева*) 417
Христианство в Чечне (*В.Х. Акаев*) 423
Распространение и утверждение ислама (*В.Х. Акаев*) 426

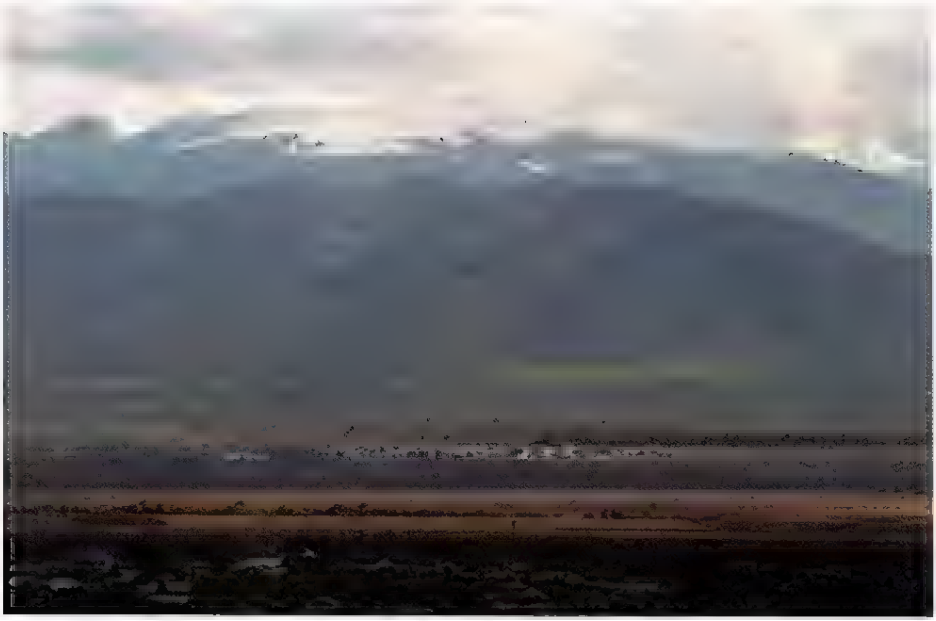
Глава 10
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА, НАУКА И ИСКУССТВО 444
Декоративно-прикладное искусство (*Х.М. Акиева*) 444
Устно-поэтическое творчество (*О.А. Джамбеков, Т.Б. Джамбекова*) 449
Художественная литература (*Х.В. Туркаев*) 465
Музыкальная культура (*Х.К. Махмутова*) 487

Народная медицина (*Х.М. Батаев, З.И. Хасбулатова*) 498
Наука (*Р.М. Исаева*) 506
Театр (*Р.М. Исаева*) 517
Изобразительное искусство (*Р.М. Исаева*) 529
Танцевальное искусство (*Р.М. Исаева*) 534
Спорт (*Р.М. Исаева*) 544

Глава 11
ЧЕЧЕНЦЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

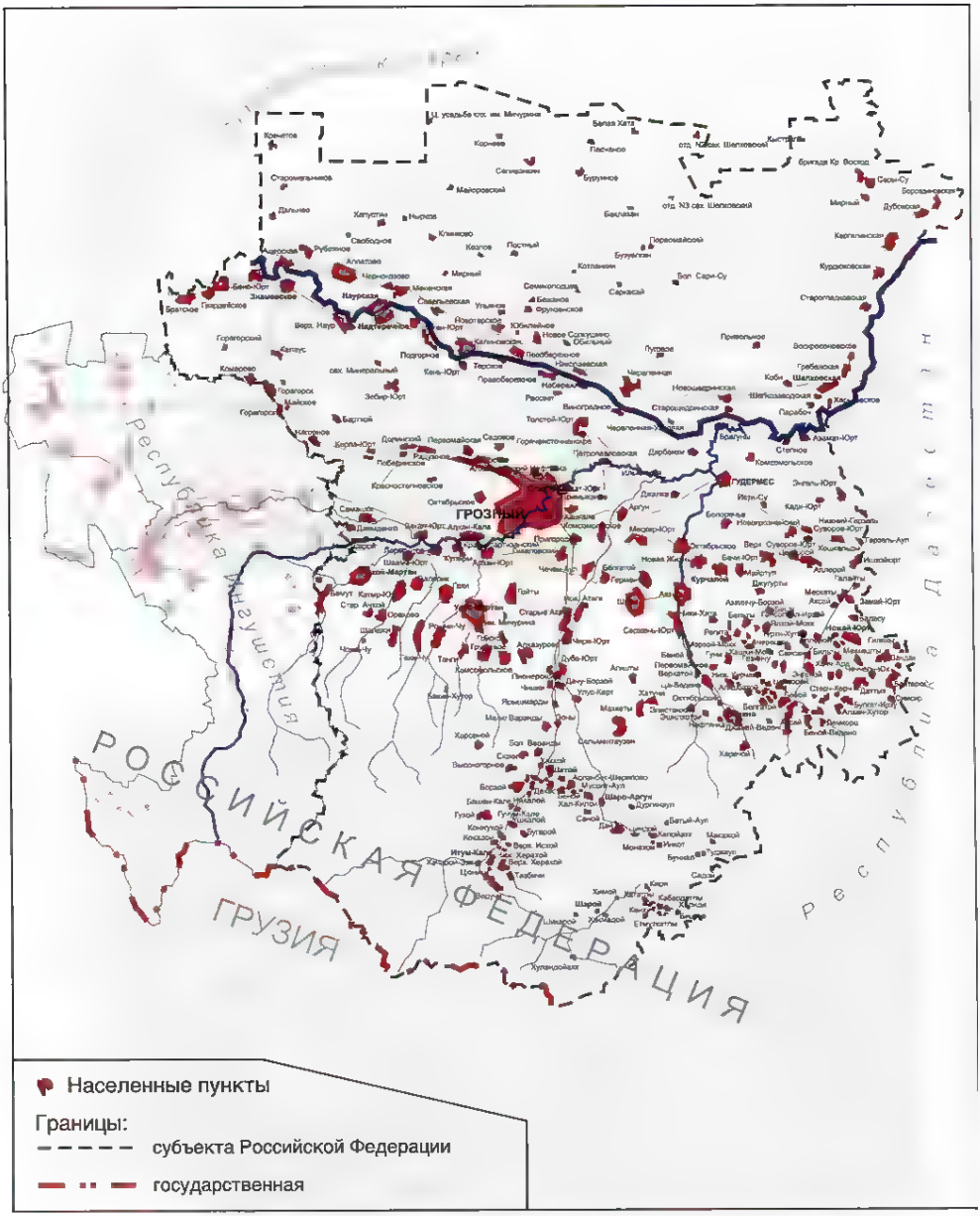
Переселение чеченцев на территорию Османской империи во второй половине XIX – начале XX в. (*Б.Б.-А. Абдулвахабова*) 551
Чеченцы в Казахстане (*Ж.А. Ермекбаев, З.С. Исакиева*) 559
Чеченская диаспора в Европе (*А.Д. Осмаев*) 566

ГЛОССАРИЙ (*Т.М. Шавлаева*) 573
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ 577
БИБЛИОГРАФИЯ (*Л.Т. Соловьева*) 578
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 614
СПИСОК АВТОРОВ 618



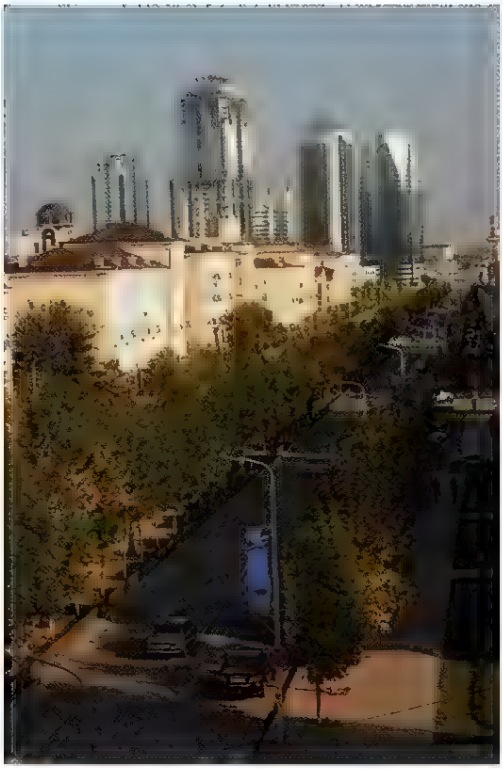
Горы и предгорья
Чеченская Республика
Фото К.С. Вахаева, 2007 г.

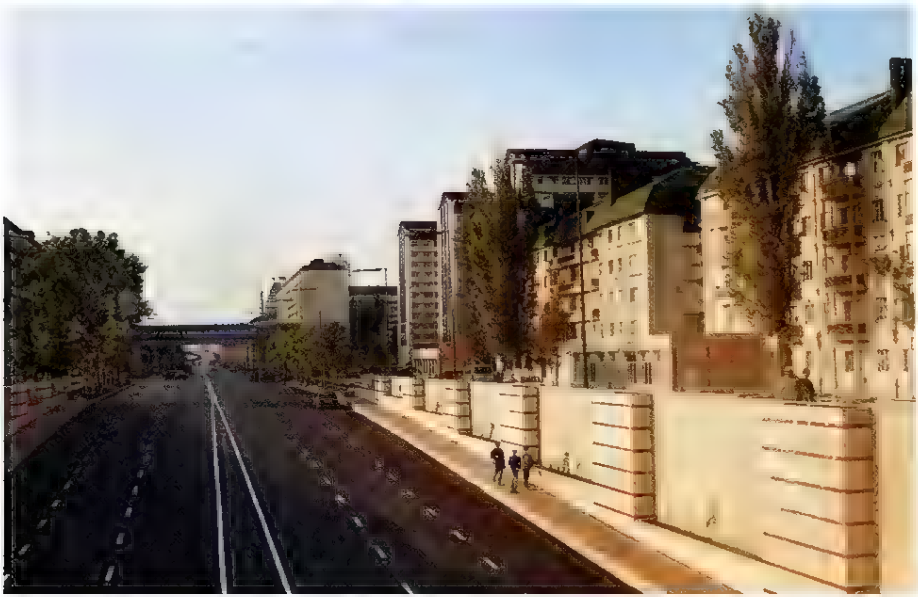
Башенный комплекс
Горная Чечня
Фото К.С. Вахаева, 2007 г.



Современные административные границы и муниципальные образования
Чеченская Республика
ИЭА РАН, 2012 г. Автор В.В. Степанов

Улицы столицы Чеченской Республики г. Грозного
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.





Сторожевые башни в горах
Горная Чечня
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Селение Харачой
Горная Чечня
Фото Б.Б.-А. Абдулвахабовой, 2007 г.

Склеп

Аргунский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник, ущелье Меши-хи, с. Коротах

Ильясов, 2004, с. 221

Озеро Кезеной-Ам

Веденский район

Фото К.С. Вахаева, 2010 г.

Чеченская семья
Ножай-Юртовский район, с. Ножай-Юрт
Фото К.С. Вахаева. 2011 г.

127-летняя жительница с. Гойты
Урус-Мартановский район
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Долгожительница Салихат Магомадова, 109 лет
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Мастер по изготовлению народных музыкальных инструментов *дечиг-пондар* Хасан Базанов
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Глиняная посуда. Начало XX в.
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Длинный чеченский дом (*деха цIа*)
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан

Рыболовное орудие самоловка
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт»,
г. Урус-Мартан

Подворье (*уьйтIе*) чеченского дома
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт», г. Урус-Мартан

Мужская верхняя одежда (*тIоьхала юха бедарш*)
Реконструкция по археологическим материалам
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Чеченцы в традиционной одежде
Фото К.С. Вахаева. 2011 г.

Реконструкция детской одежды из склепа Цой-педе. XVI–XVIII вв.
Итум-Калинский район, верховья ущелья Малхиста
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Р. Яхиханов. Земля моих предков. 2010 г.
Холст, масло
Фото С. Исраиловой, 2011 г.

Образцы детской одежды из наземных склепов Чечни. XVI–XVIII вв.
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Мужская верхняя одежда (*тIоьхала юха бедарш*)
Реконструкция по археологическим материалам
Личный архив Б.Б.-А. Абдулвахабовой

Праздничная бурка и папаха. XX в.
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.
НМЧР 3689, 3640

Настенный ковер. XIX в.
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.
Частный музей А. Сатуева «Донди-Юрт»,
г. Урус-Мартан

Чесалка для шерсти (*тІаргІа кьажбеш йолу яхк*). XIX в.
РЭМ 8761-6931

Веретено (*урчакх*) с деревянным пряслицем (*урчакхан корта*). XIX в.
Чеченский автономный округ, Чеберлоевский район, аул Ихорой
Собиратель Е.М. Шиллинг, 1926 г.
РЭМ 340-2/а, б

Шашка с ножнами. XIX в.
Подарок Александру III
от чеченского народа
РЭМ 5181-5/а, б

Орден Шамиля за отличия в боях
с российскими войсками
Вторая четверть XIX в.
Серебро, чернь
Арабская надпись: «Храбрость сего
мужа усовершенствовалась в войне
и сражениях, поражает противника,
точно как поражает лев»
Приобретено у Н.И. Комарова в 1906 г.
РЭМ 866-11

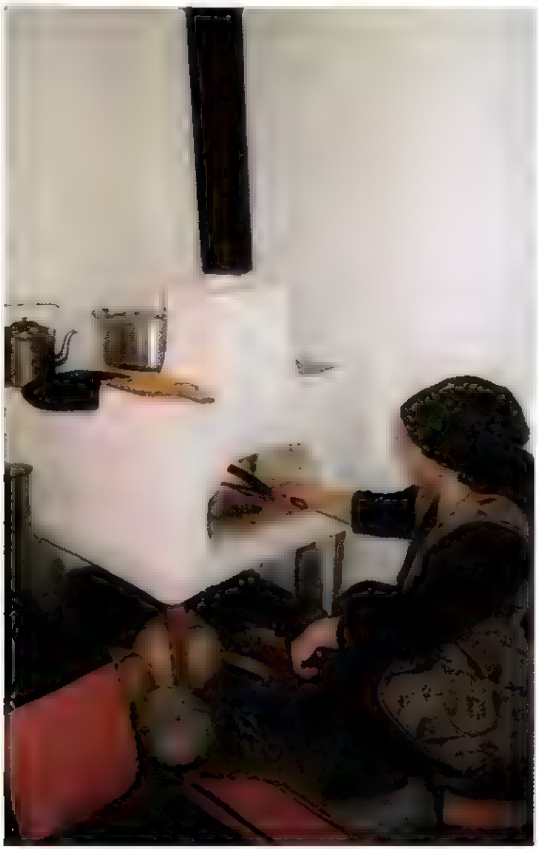
Кувшин для умывания и ритуального омовения (*гIумагI*). XX в.
Медь
РЭМ 7982-1

Кувшин-водонос (*кIудал*). XX в.
Медь
РЭМ 9988-34

Н. Усманов. Блюдо «Лезгинка»
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Н. Усманов. Блюдо «Поединок»
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Выпечка хлеба в печи (*куьрк*)
Фото Б.Б.-А. Абдулвахабовой, 2011 г.

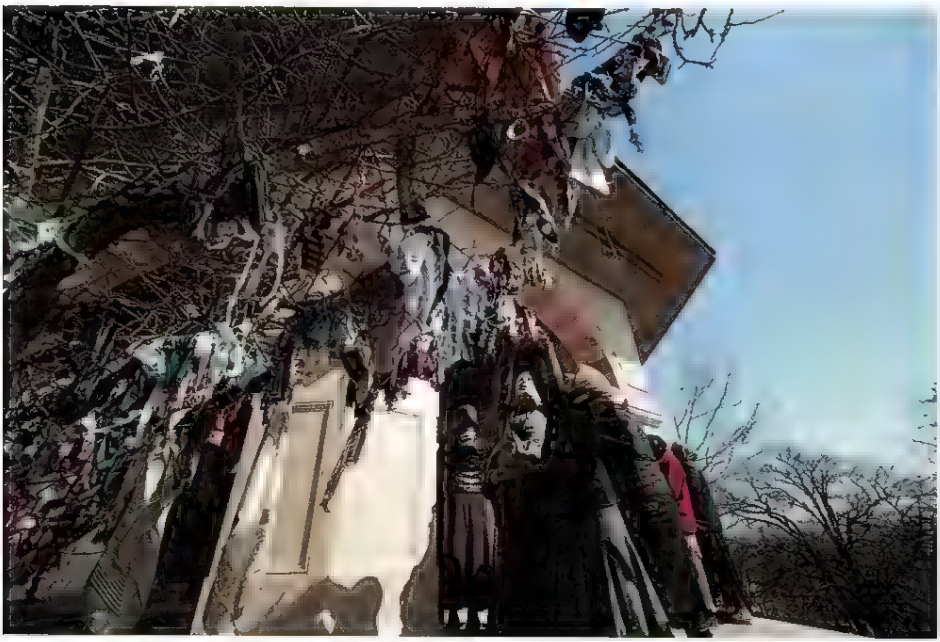


Печь (*нохчийн пеш*). XX в.
Фото Б.Б.-А. Абдулвахабовой, 2011 г.

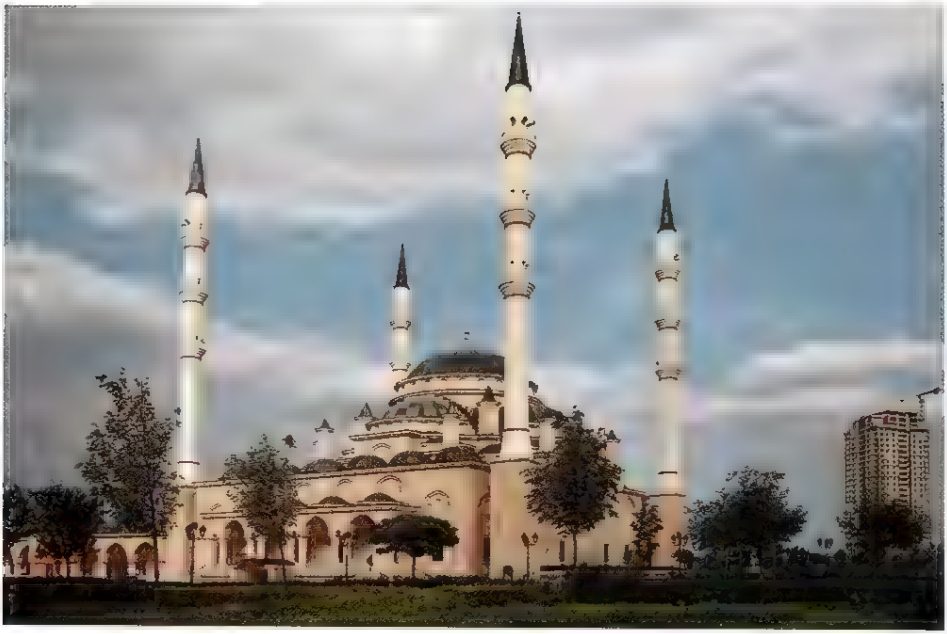
Традиционный кувшин-водонос (*кӏудал*). XX в.
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Таз (*чара*). XIX в.
Медь
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Хаджи зиярт
Курчалоевский район, с. Илсхан-юрт
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.



Хедин зиярт
Веденский район, с. Хьажи-юрт
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.



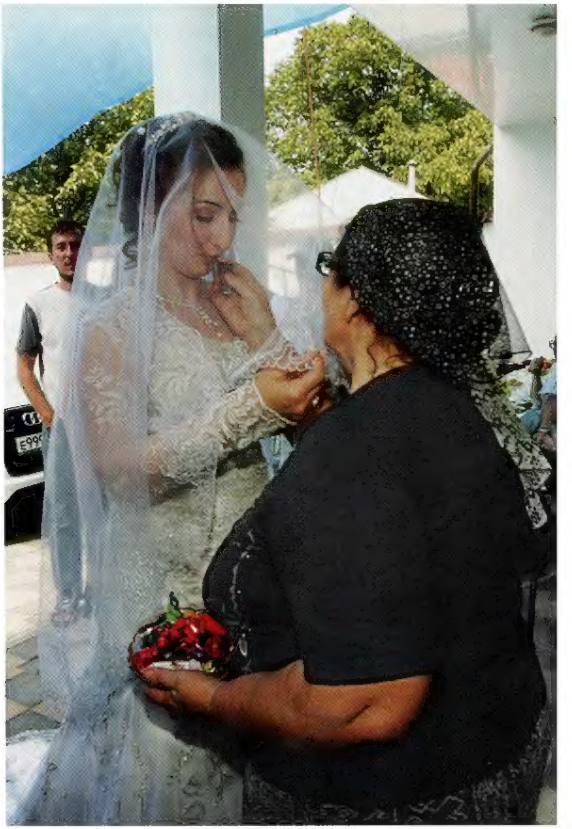
Мечеть «Сердце Чечни»
г. Грозный
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Намаз в мечети «Сердце Чечни»
г. Грозный
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Похоронный обряд
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Мечеть в с. Ца-Ведено
Веденский район
Фото Б.Б.-А. Абдулвахабовой, 2011 г.

Встреча невесты
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.



Старейшины рода (*бакхий нах*) на свадьбе
Фото К.С. Вахаева, 2011 г.

Обряд примирения «кровников» (*маслаIам*)
Информационно-аналитическое управление Главы Правительства Чеченской Республики

День чеченского языка
г. Грозный, 25 апреля 2011 г.
Информационно-аналитическое управление Главы Правительства Чеченской Республики

Научное издание

ЧЕЧЕНЦЫ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Редактор *И.В. Клюшкина*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 07.11.2012
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 52,7. Усл.кр.-отт. 60,1. Уч.-изд.л. 54,5
Тираж 905 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 1809

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ООО «Цифровая типография № 21»
123022, Москва, Рочдельская ул., 15, стр. 13